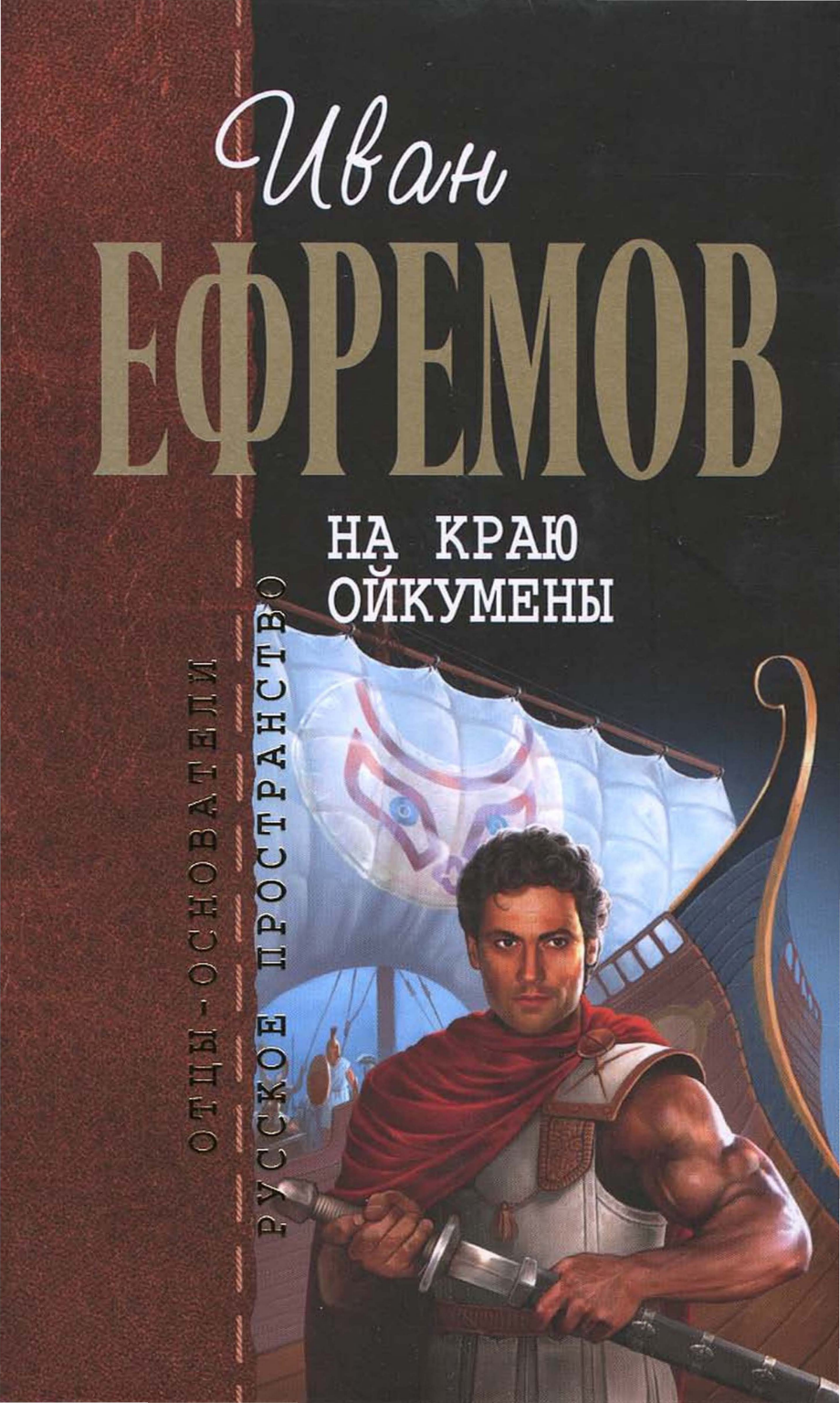
Иван

ЕФРЕМОВ

НА КРАЮ ОЙКУМЕНЫ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Иван

ЕФРЕМОВ

Обработал и создал книгу - vmakhankov

Иван

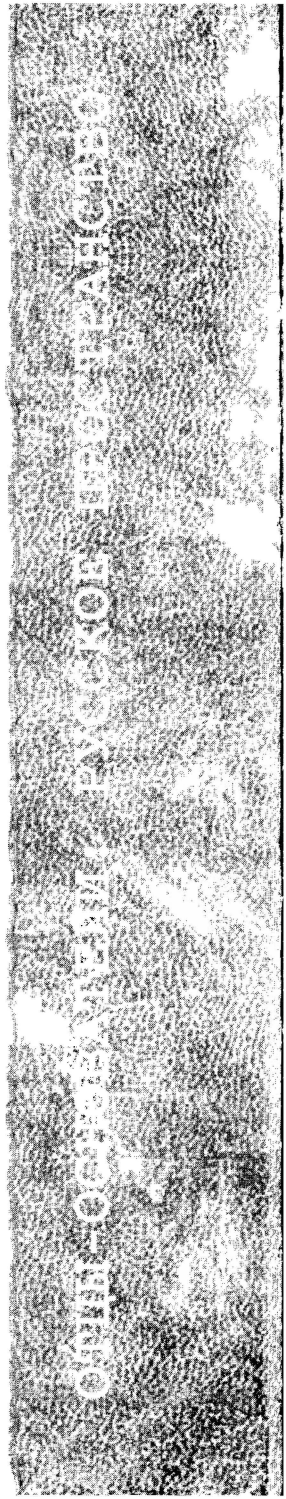
ЕФРЕМОВ

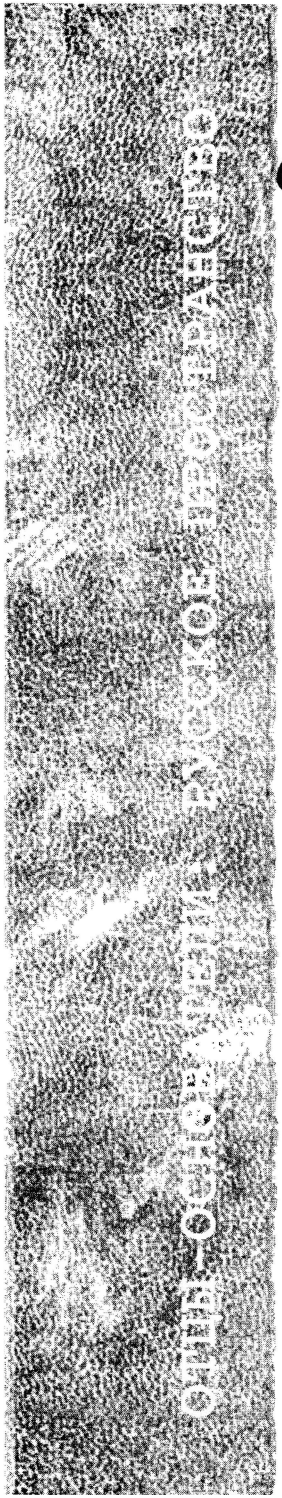
ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ

НА КРАЮ ОЙКУМЕНЫ

ЛЕЗВИЕ БРИТВЫ

ЗВЕЗДНЫЕ КОРАБЛИ

Иван

ЕФРЕМОВ

НА КРАЮ ОЙКУМЕНЫ

ПУТЕШЕСТВИЕ БАУРДЖЕДА
НА КРАЮ ОЙКУМЕНЫ
ТАИС АФИНСКАЯ
АФАНЕОР, ДОЧЬ АХАРХЕЛЛЕНА

Москва
Эксмо
2007

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Е 92

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 г.

Ефремов И.А.
Е 92 На краю Ойкумены: Фантастические произведения / И.А. Ефремов. — М.: Эксмо, 2007. — 800 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 978-5-699-21882-0

В 2007 году Ивану Антоновичу Ефремову исполнилось бы 100 лет.

Автор романа «Туманность Андромеды», совершившего революцию в советской фантастике, был очень разнообразен в своем творчестве. Его перу принадлежат как научно-фантастические, так и эзотерические и исторические произведения.

Данный том составили историко-приключенческие романы «Путешествие Баурджеда», «На краю Ойкумены» и «Таис Афинская», а также рассказ «Афанеор, дочь Ахархеллена». «Таис Афинская» впервые после долгого перерыва предлагается вниманию читателей в авторской версии, без цензурных купюр.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-21882-0

© Ефремов И.А., 2007
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ВЕЛИКАЯ ДУГА

Часть первая
ПУТЕШЕСТВИЕ БАУРДЖЕДА

Глава первая
ЗАВЕЩАНИЕ ДЖОСЕРА

Над низкими глинобитными оградами взвились клубы пыли, послышались пронзительные крики. Что-то случилось в лабиринте узких улиц, у самой пристани города Белых Стен [1] — столицы Черной Земли, страны Та-Кем[2].

Уахенеб — кормчий царского казначея — стремительно поднялся и стал всматриваться в сторону города, откуда доносился тревожный шум. Сидевшие рядом гости не двинулись, даже не оглянулись на происходившее за стенами маленького сада.

— Что происходит там? — нетерпеливо спросил кормчий, пытаясь заглянуть в потупившиеся лица друзей.

— Вестники Великого Дома [3] ловят преступника... — неохотно ответил седовласый тесть Уахенеба.

— Но шум около дома Антефа, моего друга и друга детей моих! — с беспокойством воскликнул кормчий.

— Ловят самого Антефа, — вмешался молодой сосед. — Мы знаем, что за ним приходили вестники нашей окраины.

— Как! Ловят Антефа, а вы сидите, словно идет погоня за антилопой? — негодующе вскрикнул Уахенеб. — Этот человек не может быть преступником! Кто не знает корабельного плотника Антефа!

Кормчий негодующе оглянулся на неподвижные фигуры своих гостей и выскочил на улицу, а за ним оба его юных сына, такие же высокие и плечистые, как отец. К ним присоеди-

---

[1] *Белая Стена (Мемфис)* — столица Египта в Древнем Царстве.

[2] *Та-Кем* — Черная Земля. В просторечии «кем» или «кемт» — «черная». Так называли древние египтяне свою страну.

[3] *Великий Дом* — иносказательное наименование царя (пер-о), откуда пошло древнееврейское «фараон».

нились и корабельные ученики Уахенеба, находившиеся в числе гостей.

— Уахенеб слишком много времени проводит в плаваниях и еще не знает, как свирепствуют сейчас посланцы фараона... — тихо сказал тесть кормчего.

— Если не научится быть покорным, то скоро его поволокут, закованного, в каменоломни! — угрюмо проворчал худой кузнец.

— Стыдно тебе, говорящему худое, — вмешалась жена кормчего. — Мой Уахенеб умен и испытан в опасностях. Его любит и сам казначей бога Баурджед...

— Любит как крокодил антилопу, — бурчал упрямый кузнец, — пока у его лучшего кормчего все хорошо. Но стоит только Уахенебу оступиться — кто защитит его? Кто посмеет выступить против повеления Великого Дома?..

Крики приблизились к воротам сада, и жена кормчего тревожно выглянула на улицу.

Слева, в конце узкого прохода между однообразными оградами из серого речного ила, показался одинокий беглец. Он опередил на два десятка локтей[1] своих преследователей, во главе которых неслись, словно гончие собаки, два полуобнаженных человека в пестрых поясах вестников фараона, вооруженные кинжалами и тяжелыми палками. За вестниками бежал всякий сброд: бездельники — сыновья пристанских чиновников, погонщики ослов и случайные прохожие, обрадовавшиеся перемене в однообразии неторопливой жизни. Все вопили и визжали, будто увидели «отвращающего лицо» — злого духа пустыни или подземное чудовище древних преданий.

Беглец не походил ни на злодея, ни на чудовище. Его измученное лицо в разводах грязи, глаза, расширенные и полные отчаяния, могли вызвать только жалость и негодование в каждом, кто знал этого человека.

Беглец приблизился к Уахенебу.

— Антеф! — негромко окликнул его кормчий и продолжал скороговоркой: — Беги улицей Гребцов налево, повернешь у сада богини к складу товаров, доставленных нами... Скажи сторожу — я велел, и он укроет тебя среди тюков. Там жди ночи... Беги и не оглядывайся.

Антеф поравнялся с Уахенебом. Преследователи почти настигли свою жертву. Кормчий закричал и ринулся прямо на Антефа.

---

[1] *Локоть* — основная древняя мера длины, равная приблизительно 0,5 метра.

Наблюдавшая из сада женщина вскрикнула от негодования. Но, когда ее сыновья и трое из учеников мужа кучей бросились вслед Уахенебу, столкнулись с преследователями и свалились в густую пыль, она поняла, что Уахенеб и молодежь действуют по уговору.

Антеф исчез за углом, а молодые люди продолжали удерживать преследователей с криками «Поймали, поймали!..»

Бежавшая позади вестников толпа остановилась в недоумении. Наиболее азартные приняли участие в свалке, и пыль совершенно закрыла все происходящее на улице. Вестникам фараона не скоро удалось разобраться в сумятице и освободиться от рук своих усердных помощников. Но когда выяснилось, что беглец избежал поимки, то старший вестник подскочил к Уахенебу с угрозами:

— Как смел ты, старый бегемот, вмешиваться в дело Великого Дома? Твое глупое усердие и неловкость твоих щенков привели к тому, что преступный Антеф убежал от законного возмездия. Но кара не минует злодея, тебе же придется держать ответ перед начальником. Пойдем. — И вестник положил грязную, исцарапанную руку на плечо Уахенеба.

Тот резким движением сбросил руку представителя власти.

— Я не виноват... я старался помочь тебе и сам не знаю, как вышло, что преступник ускользнул. Но мне нельзя идти с тобой — казначей бога приказал мне прийти сегодня вечером, я не могу ослушаться повеления... Где я живу, ты знаешь, — спокойно добавил Уахенеб.

Кормчий солгал, но расчет его оказался верным.

Вестник нахмурился и огляделся в раздумье. Плечо к плечу с кормчим стояли сильные юноши, на лицах которых читалась твердая решимость не уступать никому. Толпа, только что объединявшаяся яростным преследованием, разбилась на группы. Люди выжидали в молчании, не проявляя никакого сочувствия вестникам, терпевшим очевидное поражение.

Бормоча проклятия, вестники удалились вслед скрывшемуся Антефу. Кормчий с помощниками вернулся в сад. Молодежь дала волю смеху, горячо обсуждая случившееся и вспоминая, как грохнулся под ноги вестникам фараона старший сын Уахенеба. Встревоженные гости скоро разошлись; участники побоища отправились к реке смывать пыль.

Уахенеб сидел в раздумье до темноты, потом встал, захватил приготовленный женой мешок с пищей и вышел в непроглядную тьму.

Ни одного огонька не было видно в домиках пристанского поместья. Жечь масло или жир в светильниках было до-

рого, да и проводимый в труде день был слишком длинен, чтобы люди засиживались в своих домах после наступления темноты. Только неутомимая молодежь, таясь от старших, собиралась у маленького храма. Из темноты доносились тихие разговоры, легкие шаги босых ног...

Кормчий быстро добрался до склада, побеседовал с Антефом, возвратился домой и молча взобрался на плоскую крышу дома, где все его семейство спасалось от духоты и насекомых и лежало в ряд на жестких циновках из папируса.

— Удалось тебе? — прошептала жена, когда кормчий улегся с тяжелым вздохом усталого человека.

— Антеф в безопасности, — помолчав, ответил Уахенеб. — Он знает тайное место на краю западной пустыни, в городе мертвых. Там спрячется он... пока не отчалит снова мой корабль. Но это малое дело... — Кормчий угрюмо умолк.

— Что же еще плохо, во имя священной девятки?[1] — с беспокойством спросила жена.

— Плохо все... плоха наша жизнь, трепещущая перед людьми Великого Дома, перед посланными жрецов. Они гнут ее, как ветер пустыни гнет тонкий стебель тростника, как сгибает раба кнут надсмотрщика!

— Разве это ново для тебя? — удивилась жена.

— Нет нового в том, но почему плохое должно длиться вечно? Неужели никогда не наступит хорошее? Еще совсем недавно, когда ты носила нашего младшего сына[2], фараон — строитель великой пирамиды [3] — обрек нас, простых неджесов и роме[4], на голод и разорение. Если бы не добыл я пищи и золота в опасном плавании в страны Зеленого моря[5], может, не осталось бы в живых никого из наших братьев и сестер. Но великая пирамида построена, фараон отошел в вечность, а разве жить стало легче? По-прежнему требуют с нас непосильной работы, бьют и отдают в рабство за недоимки. Множество чиновников смотрит за нашими путями, записывают каждую меру собранных плодов, каждого журавля [6] и еще не родившегося детеныша антилопы...

---

[1] *Священная девятка* — девять главных богов Египта.

[2] Имена детей не называли во избежание «сглаза».

[3] Имя фараона запрещалось называть по тем же соображениям.

[4] *Неджес* — «маленький», название свободного жителя Египта; *роме* — египтянин.

[5] Так называлось у египтян Средиземное море.

[6] Журавли и антилопы приручались и разводились в Древнем Египте.

— Ты был в разных странах. Неужели и там так тяжела жизнь?

— Плохо везде, где есть бедность. Я не видел страны, в которой бы не было бедняков, мучимых страхом, болезнями и голодом. И я не видел страны лучше нашей Кемт. Только здесь земля так плодородна, только здесь не свирепствуют ветры, сокрушительные ливни. Страна защищена пустынями от набегов хищных соседей. Прекрасно наше вечно ясное небо, могучая река — источник жизни, богатые сады и поля. Мы любим нашу Кемт, и всем нам плохо жить тут!

— С детства я любила сказки о Стране Духов — волшебном Пунте[1]. Вот там хорошая жизнь, там люди, похожие на нас, роме, живут подобно духам полей Иалу[2].

— Никто не видел Пунта, безмерно далек от нас и недостижим смертному, — неохотно ответил Уахенеб. — Плохо, что нет защиты для нас в родной нам Черной Земле. Надо спасать друзей, а они спасут нас... так, — твердо решил кормчий. — Слушай, ты еще не знаешь всего о несчастии Антефа. Он тяжко поранил себя теслом и не мог работать пять времен года[3]. Дом его стоит на земле храма Хнума[4]... Антеф задолжал начальнику мастеров[5], не уплатил долга, и жрец захотел взять в храм его дочь.

— Как, ясноглазую То-Мери? — воскликнула жена.

— Тише. Да, ее. Она красива, и жрец может продать ее с выгодой в храм Нейт или... оставить рабыней у себя. Рабы храма под начальством младшего жреца ворвались в дом Антефа, избили его и жену и увели дочь. Антеф побежал сказать вестникам...

— Зачем? — удивилась жена.

— Теперь я тоже скажу: зачем? — ответил кормчий. — За один вечер я стал умнее на десять лет...

---

[1] *Пунт* — легендарная страна, богатая золотом и благовониями, по представлениям египтян, находившаяся у истоков Нила, в Стране Духов — *Та-Нутер*. Позднее, когда египтяне стали плавать далеко на юг, страны, открытые ими на восточном побережье Африки, южнее Сомали, получили название Пунта.

[2] *Поля Иалу* — в представлении египтян о загробном мире соответствуют нашему раю.

[3] *Пять времен года* — приблизительно полтора года. У египтян год делится на три времени.

[4] *Хнум* — один из главных богов, изображавшийся с бараньей головой.

[5] *Начальник мастеров* — титул главного жреца.

— Антеф так любил свою То-Мери!

— Потому и сделался гонимым, подобно робкой антилопе. Дом его без хозяина и отца, жена и дети оплакивают его как умершего. Пойди к ним на рассвете и скажи тайное утешение. А я... — Уахенеб умолк.

— Я слушаю тебя!

— Антеф сделал то, что должен был сделать отец и мужчина. Он проник в храм Хнума в поисках дочери, проследил, что она заперта в кладовой дома начальника мастеров, и, пытаясь освободить То-Мери, напал на жреца...

— И...

— И едва спасся из храма. Вернулся в дом свой в великом горе и напрасно размышлял, придумывая, как спасти дочь. Вестники объявили его врагом города... Остальное ты знаешь.

— Ты задумал опасное дело, господин мой, — сказала жена, поняв затаенные думы кормчего.

— Не опасайся, я сумею исполнить это, не привлекая внимания чиновников Великого Дома. Я почти гость здесь — так редко приходится бывать мне дома, за мной нет записей и глаз... Если хочешь помочь мне, пойди скорее в дом, где живут мои ученики Ахавер и Нехеб-ка, разбуди их. Скажи, что я заболел и зову.

— У нас в саду спит сегодня тот — большой и темнокожий, твой мастер паруса[1]...

— А, большой Нехси здесь? Это помощь от богов... Я разбужу его!..

Проснувшиеся сыновья Уахенеба стали умолять отца позволить им тоже идти на таинственное дело. Но кормчий оказался неумолимым.

Во тьме и тишине четыре человека выскользнули на улицу и молча направились к храму Хнума, стоявшему среди большого сада, на возвышенном участке берега. Уахенеб обладал хорошей зрительной памятью и навсегда запоминал те места, в которых ему приходилось бывать. Теперь он уверенно обошел главный вход, в глубине которого мерцал слабый огонь двух светильников, и приблизился к небольшим воротам, ведшим во внутренний двор около дома главного жреца.

— Теперь ты, Ахавер, и ты, Нехеб-ка, по сигналу Нехси начинайте драку у ворот, бросайте камнями, выкрикивайте проклятия... Когда раздастся вопль шакала, убегайте, но сначала в верхнюю улицу, чтобы спутать мысли врагов, по-

[1] *Мастер паруса* — моряк, управляющий единственным парусом египетского корабля.

том бегите к реке. Мы будем ждать в лодке за Кедровой Пристанью...

Все последующее произошло быстро: крики Ахавера, грубая брань Нехеб-ка, грохот камней о доски ворот, неистовый лай собак главного жреца, кинувшихся к ограде. Замелькали факелы в руках младших жрецов, которые спали в храме и теперь выскочили на шум.

Мрак во внутреннем дворе казался особенно непроглядным. Большой Нехси, увлекаемый за руку Уахенебом, быстро добрался до крепкой двери в низкой кубической постройке из плотной, затвердевшей на жарком солнце глины. Дверь быстро уступила огромной силе моряка. В душной тьме помещения царило молчание.

— То-Мери, где ты? Я Уахенеб, друг твоего отца, ты знаешь меня. Выходи скорей!

В глубине кладовой раздался слабый крик.

Уахенеб устремился внутрь, вытянув вперед руки. Его ладонь коснулась плеча девушки. Кормчий провел рукой по лицу и волосам То-Мери, чтобы успокоить девушку, и нащупал твердый ремень бегемотовой кожи, прикрепленный к металлическому ошейнику, замкнутому на тонкой девичьей шее.

— Я привязана, — прошептала То-Мери.

Кормчий дернул изо всех сил, но ремень был крепок. Медлить долее было нельзя: там, у ворот, жрецы могли опомниться и схватить Ахавера с его другом, а собаки — почуять присутствие чужих во дворе.

— Нехси, скорее! — позвал Уахенеб.

Гигант потянул, и прочная кожа в два пальца толщиной разорвалась.

Нехси бросил легкую То-Мери себе на плечо и побежал за Уахенебом. Они перелезли через изгородь там, где двор граничил с садом. Пронзительный вопль шакала пронесся в темноте, повторился раз, другой, третий...

Ахавер и Нехеб-ка катались по земле, браня друг друга и осыпая ударами. Услышав сигнал, они вскочили на ноги.

Жрецы, домовые рабы и сам главный жрец столпились вокруг них с факелами, наблюдая за дерущимися со злорадством и негодованием. За воротами неистовствовали свирепые собаки. Внезапно оба юноши повернулись и бросились вверх по улице. Они бежали рядом изо всех сил, и быстрые ноги унесли их далеко от растерявшихся жрецов. Ахавер и Нехеб-ка пробежали четыре квартала и, не услышав погони, свернули в поперечный переулок. Они долго неслись вдоль реки, пока

решились спуститься к берегу, и подошли к Кедровой Пристани с другой стороны.

Лодка отплыла беззвучно, весла искусных гребцов гнали ее с возрастающей скоростью. Там, где находился храм Хнума, мелькали огни факелов.

Ахавер и Нехеб-ка торжествующе засмеялись.

— Гребите, гребите! — весело сказал кормчий. — Путь далек, скоро рассветет... — И сильным толчком кормового весла Уахенеб прибавил ходу лодке.

Нехси заставил сидевшую на дне лодки девушку опереться спиной на его колени и старался разогнуть запор ее ошейника, путаясь в массе густых вьющихся волос. Ошейник был заперт на толстый бронзовый крючок.

Лодка удалилась на шесть тысяч локтей от города Белых Стен и плыла вдоль ненаселенного западного берега великой реки. Позади осталась гигантская пирамида и город мертвых для знати и богатых, примыкавший к северной стороне пирамиды. Мрак рассеивался, гладь реки заблестела тускло и неприветливо.

Мастеру паруса наконец удалось справиться с крючком. Ошейник раскрылся, и Нехси швырнул его далеко на середину реки.

Все сидевшие в лодке следили за его полетом. С легким всплеском орудие унижения и плена навсегда погрузилось на дно реки. И в тот же миг за восточной пустыней поднялся краешек солнца, яркие лучи алого света загорелись на реке в том месте, где потонул ошейник.

— Утопить бы так все, что гнетет нас! — задумчиво сказал Уахенеб, выразив этим неясные стремления своих спутников.

Лодка причалила у двух одиноко росших пальм.

В сотне локтей от берега, в пределах высокой бесплодной равнины, расположился город мертвых для простых роме. Здесь не было ничего похожего на массивные каменные или кирпичные гробницы знатных людей, только бесчисленные ряды маленьких холмиков отмечали места, где хранились останки отошедших в западные края.

— Неужели Антеф не боится оставаться здесь в ночные часы? — удивился большой Нехси.

— О, мне пришлось один раз быть здесь поздно вечером, — отозвался Нехеб-ка. — Выли шакалы, хохотали гиены, страшные птицы ночи летали над головой. Вдали ревел лев, глухим плеском отзывались в реке крокодилы, — мне показалось, что стонет земля, наполненная умершими. Я едва удерживал свое сердце от бегства...

— Антеф не здесь, он скрывается в древнем подземелье, близко от берега. Если каждому из нас придется выбирать между позорной смертью и страхом перед отошедшими, — я думаю, что он меньше убоится мертвых, — спокойно сказал Уахенеб. — От мертвых еще никто не погиб. Здесь давно живет старый сторож с семьей, и все от мала до велика здоровы и целы. У нас, бедняков, не знающих вещей[1], тут нет ничего — ни таинственных гробниц, ни подземелий. Про город мертвых для знатных рассказывают страшные предания... А может быть, для того, чтобы... никто не смел трогать вещи, хранящиеся в богатых гробницах? — Кормчий тихо рассмеялся, а его спутники посмотрели на него с удивлением.

— Мы будем здесь жить? — тихо спросила девушка, устремив на Уахенеба глаза, еще полные грусти.

— Вовсе нет, — рассмеялся кормчий. — Тебя завтра возьмет на корабль мой верный друг, кормчий Саанахт. Ты будешь жить в Дельте, у моих родных, пока не повернется лицо богов...

— А отец?

— Антефа нельзя отослать с тобой. Я возьму его на свой корабль тайно, в день отплытия. Нам не дадут много отдыхать — скоро пойдем мы опять за кедром для храмов на Великое Зеленое море...

В доме Уахенеба вновь собрались гости — кормчий решил отпраздновать спасение Антефа и его дочери, не объясняя никому причины торжества. Опустели два кувшина вина, громадный глиняный сосуд с пивом. У захмелевших людей развязались языки, все смелее становились выкрики и взволнованные речи о несправедливости жизни в Та-Кем, о том, что жрецы обманывают бедняков, что государство не жалеет своих подданных.

— Рабы у богатых и во дворцах живут лучше, чем мы! — воскликнул тот же хмурый кузнец, который угрожал Уахенебу каменоломнями в прошлый раз.

Кормчий поднял руку:

— Слушайте сказку о стране счастья!

Низенький старик с круглой лысой головой говорил о трудности жизни без просвета и защиты.

Гости стали кивать головами, соглашаясь.

Сказка описывала чудесную страну Пунт, страну духов счастья. Никто не согнут страхом и голодом, золото сверкает в речных песках, деревья отягощены чудесными плодами, бла-

[1] *Не знающий вещей* — египетский термин, означавший бедняков.

говонные смолы текут по стволам, прекрасные девушки дарят всех ласковыми улыбками. Все равно сыты, нет тяжких работ и свирепых зверей...

— Там, там! За восточной пустыней, за Лазурными Водами[1], в безмерной дали!

Старик вскочил, указывая на восток; поднялись и все гости, всматриваясь в пыльную мглу над восточными холмами, точно стараясь сквозь нее разглядеть призрачное видение чудесной страны...

— Никто, никто, кроме могучих людей-богов древности, не достигал пределов Пунта!

— Недоступна, прекрасна желанная страна, отрада смертных, живущих там наравне с духами, похожих на нас, детей Черной Земли!..

Внезапно раздались удары палки в калитку сада. Громкий стук оборвал сказку; люди насторожились, воцарилось молчание, полное опасений. Угрюмый человек, морщинистый и суровый, подошел к кормчему. Уахенеб поджидал его с затвердевшим, как у статуи, лицом.

— Мой и твой господин, казначей бога Баурджед, велит тебе прийти завтра, после дневного сна! — громко, не допускающим возражения тоном сказал посланный, и Уахенеб перевел дыхание. Зов казначея еще не был бедой.

Пестрые занавеси в оконных просветах колыхались под легким ветерком. По коричневой полированной поверхности деревянных колонн пробегали слабые блики света. В комнату, тяжело ступая, пошел великий властитель, молодой фараон Джедефра[2]. Следом за ним спешили два человека с золотыми нагрудными знаками. Они с привычной ловкостью распростерлись на полу перед фараоном. Нетерпеливое движение руки Джедефра заставило их встать. Один, высокий и худой, носивший звание хранителя царских сандалий, снял с ног фараона сандалии из позолоченной кожи. Другой, смотритель ларца с притираниями, осторожно освободил Джедефра от тяжелого парика, прикрытого полосатым головным платком и пшентом[3], и снял футляр, заменявший бороду. Фараон с облегчением провел ладонью по гладко выбритой голове.

[1] *Лазурные Воды* — Красное море.

[2] *Джедефра* — фараон IV династии Древнего Царства (2877-2869 гг. до н.э.).

[3] *Пшент* — двойная корона египетского царя.

Вельможи удалились. Джедефра сбросил длинную белую одежду из серебристого льна, выделанного так тонко, что ткань просвечивала. Он остался в короткой рубашке, перетянутой голубым поясом с тяжелыми синими лентами на золотых пряжках.

Фараон устало потянулся. Нелегко было соблюдать каменную неподвижность поз, требуемых ритуалом при публичных появлениях.

Сухое, жестокое лицо Джедефра было хмурым и сосредоточенным. Он медленно подошел к окну, выходившему на запад, и слегка отодвинул плотный занавес.

В прозрачном воздухе под густой синевой чистого неба предстал перед Джедефра предел его страны. Дворец фараона стоял на невысоком холме, близ которого плодородная темная земля Нильской долины резко граничила с красновато-желтой пустыней. Вдали отчетливо вырисовывались изгибы огромных песчаных бугров. Там пески, поднимающиеся горами по пятьсот локтей вышины, пылают под знойным небом, как гигантский костер, преграждающий живым путь в страну запада, царство ушедших, обиталище мертвых...

От песчаных холмов к долине сбегали голые каменные уступы. На них за белой каменной оградой колыхалась темная зелень высоких пальм.

Джедефра угрюмо усмехнулся. В глубокой тишине доносился лишь плеск воды в ступенчатых бассейнах. Рабы, выстроившись длинной цепочкой, с утра до ночи качали воду из реки, чтобы вокруг пирамиды мог существовать зеленый сад. А некоторым деревьям сада было уже больше двадцати лет...

Но фараон, конечно, не думал об этом. Миллионы роме, сотни тысяч рабов, как трудолюбивые муравьи, копошатся у него под ногами, обожествляя все четыре имени царя[1]. Джедефра думал о древнем обычае царей воздвигать на краю западной пустыни — границе страны мертвых — особые сооружения, получившие название «священная высота»[2]. Эти «высоты», резко возвышаясь над плоской страной, поднимали ввысь, утверждая в вечности личность фараона.

Со времени великого Джосера[3], создателя могущества страны Черной Земли, эти сооружения стали строить из кам-

[1] Фараон, кроме собственного имени, имел еще несколько так называемых тронных имен.

[2] *Священная высота* — по-древнеегипетски «перема»; отсюда — пирамида.

[3] *Джосер* — выдающийся фараон III династии (2980 г. до н.э.).

ня. Недалеко от его дворца, на том же западном плоскогорье, высится исполинская пирамида Хуфу [1] — беспощадного властелина, грозного фараона, неожиданным наследником которого явился он, Джедефра, сын одной из самых молодых и незаметных жен Хуфу. Сын, знавший отца только в образе живого бога, владыки сурового и недоступного, Джедефра рос вдали от дворца и воспитывался в маленьком храме, у старого жреца, даже не думая о том, чтобы занять видное место в государстве Черной Земли.

Его мать — умная и хитрая южанка, происходившая из области древнейшей столицы Та-Кем, тайно готовила сыну иное. Она сумела добиться доверия могущественного союза жрецов Ра, безраздельно владычествовавших в «Городе» — храме Солнца, у начала Дельты, к северу от столицы. Жрецы осмелились противостоять даже могучему Хуфу, фараону, впервые сумевшему согнуть непокорных служителей богов и взять у бесчисленных храмов часть богатств и рабов для постройки великой пирамиды.

Этот грозный пришелец из средней Кемт, выдвинутый старой знатью и жрецами бога Хнума, сменил владык потомков Хасехемуи [2] и еще более возвеличил божественную власть фараонов. Перед его железной волей и безграничной жестокостью вся Кемт в страхе распростерлась ниц. Всю мощь государства, укрепленного фараонами-предшественниками — Джосером и Снофру [3] — и их советниками — учеными Имхотепом, Кегемни, Птахотепом, воспетыми в народе, все богатства Та-Кем и его многочисленных рабов Хуфу употребил на достижение единственной цели — постройки огромной пирамиды, невиданной от сотворения мира.

Гигантская пирамида должна была навеки утвердить имя Хуфу, поразить все будущие поколения. Она стояла над каждым жителем страны, господствовала над мечтами, мыслями, поступками и снами миллионов людей. Все другое, даже великие и грозные боги, требовавшие непрестанных жертв, обрядов и празднеств, отошло на задний план. Количество громадных камней, уложенных в пирамиду, каждый новый десяток локтей ее вышины сделались важнейшими новостями страны.

---

[1] *Хуфу*, иначе *Хеопс* — фараон IV династии (2900 г. до н.э.), строитель самой большой пирамиды.

[2] *Хасехемуи* — последний фараон II династии, отец Джосера.

[3] *Снофру* — фараон-завоеватель, последний в III династии (2980-2900 гг. до н.э.).

Забыты были далекие походы в неизвестные страны, неведомые и манящие дали морей Великой Дуги. Забыт был и самый мир, окружающий страну Та-Кем, словно все средоточие Вселенной сошлось на узкой ленте Черной Земли и внутри ее, на острие пирамиды Хуфу...

Страна обеднела, ропот недовольства все чаще раздавался не только среди бедных земледельцев, но и среди могущественной знати и великих жрецов.

А фараон продолжал постройку. И вот белая пирамида в триста локтей высоты ослепительно сверкает под вечно голубым небом, в кольце садов и храмов. Каждый из ее камней, весом в шесть быков, так тщательно пригнан к другим, без следов соединения, что пирамида кажется единой массой. В глубине белой пирамиды заключен саркофаг из черного гранита, и в нем лежит отошедший в страну запада грозный фараон.

И теперь он, Джедефра, живой бог, принявший власть и силу всего государства, хочет возвеличить себя исправлением бед, нанесенных постройкой великой пирамиды. Он тоже строит свою «высоту» там, против дворца, на северном конце плоскогорья, не считая возможным нарушить священный обычай. Но всего в шестьдесят локтей будет это сооружение — жалкий холмик перед колоссальной гробницей Хуфу.

Джедефра отменил подати с храмов, вернул им тысячи рабов. Он посылал суда к Великому Зеленому морю, и на восток, и на юг, в страну Куш[1]. Посланные возвратились благополучно, с добычей золота, меди, кедрового дерева. Но в стране неспокойно. Начальники округов недовольны, урожаи уменьшились, голодные земледельцы опять осмеливаются грабить государственные склады.

А он, живой бог, молод и не знает, что нужно сделать еще, хотя и хочет быть подобным Джосеру и Снофру, возвеличившим Та-Кем и без конца прославляемым в легендах и преданиях. Если бы у него был советник, мудростью равный Имхотепу...

Недавно он беседовал с великим ясновидцем[2], который снова намекнул фараону на неправильный путь, избранный им в управлении государством. Верховный жрец настаивал на строительстве новой огромной пирамиды, уверяя Джедефра, что такова воля богов и заветы высшей мудрости. Народ Та-Кем многочислен, трудолюбив, рабы должны быть непрерывно заняты самым тяжким трудом, иначе толпы их разъярятся и возникнут бунты. Что может быть лучше постройки новой

[1] *Страна Куш* — часть Нубии, на юг от Египта, выше по Нилу.
[2] *Великий ясновидец* — титул верховного жреца Ра.

великой пирамиды! Народ будет все более убеждаться в ничтожестве своей земной жизни и обратит свои мысли к загробному существованию в счастливых полях Иалу. Знатные властители сепов [1] должны будут отдать для постройки пирамиды свои богатства, рабов и даже часть свободных людей — значит, у них не будет сил противиться фараону. А ему, живому богу, останется только требовать покорности себе и богам, возвышая храмы и жрецов, одаривая их золотом, рабами и скотом.

Великая пирамида прославит его на миллионы лет. А он построил ничтожную гробницу, роняя свое божественное достоинство. Это посеет пагубные сомнения в умах людей, которые могут перестать чтить жрецов и — страшно сказать! — богов. И без того не только знатные, но даже простой народ начинает требовать себе хорошей жизни, здесь, сейчас, а не в стране ушедших.

Джедефра не сумел хорошо возразить великому ясновидцу. Он только сказал, что хочет искать других путей, подобных путям Джосера, но не знает, как это сделать.

Жрец, затаив злобную усмешку, объявил царю, что времена Джосера миновали безвозвратно. Теперь фараон должен идти другими путями и Джедефра не может отступить от них, иначе страну постигнут бедствия. Угроза, скрытая под внешней почтительностью верховного жреца, встревожила молодого фараона. Он, сам получивший власть из рук жрецов Ра, знал их могущество и знал истинную цену своему божественному достоинству, незыблемому только в глазах простого народа.

Он был одинок, занял трон владык Черной Земли силой жрецов Ра и мог опираться только на них. Но они направляли его по пути, не казавшемуся достойным ему, с детства воспитанному на преданиях о деятельности великих фараонов — потомков Хасехемуи, выходцев с юга, откуда была родом и его мать. И тут он вспомнил, что его отец, грозный Хуфу, не раз призывал жрецов древнего бога знания, письма и искусства — Тота и требовал от них открыть ему тайну храмов Тота, по преданиям, хранивших бесчисленные сокровища и тайные книги знаний. Хуфу, старавшийся добыть как можно больше сокровищ для постройки своей пирамиды, грозил жрецам Тота всевозможными карами, но ничего не добился. Жрецы объявили ему, что тайные замки Тота — не более как легенда, оставшаяся от очень древних времен, когда их бог был одним из главенствующих.

Джедефра решил обратиться к служителям Тота в надежде на их знания. Жрецы бога, главенствовавшего во времена

[1] *Сепы* — области или провинции.

Джосера, должны были научить молодого фараона тайнам власти и созданию мощи и богатства.

И сейчас Джедефра ожидал главного жреца Тота, обещавшего явиться к фараону на закате солнца.

Джедефра отвернулся от окна, прошел по мягким коврам и опустился в легкое кресло из черного дерева.

Снизу, со двора, обнесенного высокой глинобитной стеной, донеслось негромкое бряцание оружия. Стукнул медный щит, и в тишине поплыл протяжный, звенящий звук.

Внезапно и бесшумно в комнате появился крепкий, коренастый человек с блестящим бритым черепом. Он был в простой набедренной повязке, но переброшенная через левое плечо леопардовая шкура означала сан главного жреца. Жрец не распростерся на полу, а только склонился перед Джедефра, согнув локти у пола, и брови фараона недовольно поднялись. Пришедший выпрямился как ни в чем не бывало и, осторожно ступая, приблизился к фараону. Джедефра пристально всматривался в его лицо — тяжелый лоб, резкий выступ крупного носа, недобрый прищур смелых глаз.

— Он звал меня, великий царь, анх уда снеб (жизнь, здоровье, сила [1]), — сказал жрец, избегая назвать имя фараона и обращаясь к нему только в третьем лице.

— Ты великий начальник мастеров Носатого?[2] — спросил фараон. — Ты вовсе еще не стар. — Тень недоверия скользнула в словах Джедефра.

— Всего два года, как я назначен вместо ушедшего Джехути, мощный Бык Черной Земли, — ответил жрец.

Джедефра нетерпеливо нахмурился:

— Можешь избегать хорошей речи. Мы будем говорить как два жреца.

Жрец склонился в знак послушания.

— Два года — это немного, — продолжал фараон. — Ведомы ли тебе тайны Тота?

— Ведомы, Великий Дом, — спокойно ответил жрец.

— Тогда слушай и потом скажешь мне все, что открыла тебе премудрость Носатого, — приказал фараон.

Огонек мелькнул в непроницаемых глазах жреца, точно искра, высеченная в черном кремне.

---

[1] *Жизнь, здоровье, сила* — обязательная приставка ко всякому упоминанию фараона.

[2] *Носатый* — фамильярное название бога Тота, изображавшегося с головой ибиса.

Джедефра говорил медленно, стараясь придать словам тяжесть и прочность бронзы.

Он хочет быть продолжателем великого Джосера. Страна обеднела, постройка великой пирамиды отняла прежние богатства. Повсюду недовольство, и только страх, оставшийся после царствования Хуфу, еще сдерживает гнев знатных людей и голод бедняков. Нужно дать богатства знати и хлеб земледельцам. Но в сокровищнице бога мало золота, каналы и плотины попорчены, так как оставались долго без ухода и починки. Презренные негры страны Нуб, согнутые прежде в покорности, теперь осмелели настолько, что разрушили Дом Снофру — стену в пятьдесят тысяч локтей длиной, воздвигнутую на южных границах Та-Кем. Теперь эта сильная крепость больше не угрожает неграм: они добывают золото не для Та-Кем, а для себя, у самой стены.

Чтобы найти дорогу истины, фараон хочет знать о других странах, окружающих Та-Кем, до самых пределов Великой Дуги. Какие сокровища можно добыть оттуда? Куда нужно послать верных и отважных людей? Если же, кроме жалких негров, на краю Великой Дуги обитают только духи... тогда нужно искать иные пути для поднятия могущества Та-Кем!

Джедефра замолчал и вопросительно посмотрел на жреца. Тот выждал несколько минут и заговорил:

— Одиннадцатая из сорока двух великих и тайных книг, называемых «Души Ра», содержит перечень всех местностей и учение о том, что они заключают в себе. Писец ее — сам Тот[1]. Но разве Великому Дому не известно завещание его предка Нетерхета-Джосера?

Жрец заметил удивление, мелькнувшее в лице Джедефра, и быстро спросил:

— Неужели верховный жрец Ра не сказал об этом?

Джедефра поднялся, лицо его стало грозным:

— Я хочу видеть завещание теперь же! Где скрыто оно? В его высоте?

— Да, на этой плоской горе, против Белой Стены, — ответил жрец и заглянул в окно. — Ра вступает[2], — продолжал он, — во время жатвы[3] ночь хороша для пути.

---

[1] Подлинный текст.

[2] *Ра* — имя бога солнца; в Древнем Царстве — верховное божество. Ра вступает (подразумевается — в западные края) — солнце садится.

[3] Время жатвы, время наводнения, время посева — три основных времени года у египтян.

Жрец опустил глаза и, отойдя в угол комнаты, безмолвно и бесстрастно уселся на ковре.

По зову фараона молчаливые комнаты ожили.

Просторное судно с высоко поднятой кормой поплыло вверх по широкой реке. Джедефра расположился на троне из черного дерева под навесом, раскрашенным в желтую и синюю клетку, цвета царского покрывала. Четыре светлокожих гиганта ливийца, стоя наготове с луками и секирами, охраняли священную особу царя.

Плавание должно было занять весь вечер и часть ночи: от дворца фараона до столицы страны — города Белых Стен — было не меньше шестидесяти тысяч локтей.

Медленно проплывали мимо унылые берега — ровные крутые уступы плоскогорья западной пустыни, болотные заросли восточного берега. Мертвые склоны долины казались издали лишь невысокой, красной в лучах опускающегося солнца полоской. Между ней и рекой колыхалось обширное зеленое пространство густой болотной растительности. Кое-где поблескивали озерки воды. Группы высоких пальм трепетали темными перистыми кронами, чеканно выделяясь в золотистом небе.

Под ветром высокая трава сгибалась, словно серебряные волны широко катились по сплошным зарослям осок.

Стройные «дары реки» — папирусы — стояли в самой воде, поднимая звездчатые метелки из узких листьев почти на два человеческих роста, а около них были разбросаны крупные яркие чаши голубых и белых лотосов.

Временами пальмы образовывали небольшие рощи: за кольчатыми стволами виднелись низенькие, скученные домики, построенные из зеленовато-серого нильского ила. На плоских крышах некоторых домов расположились отдыхать семьи земледельцев. Кое-кто уже спал, завернувшись в мягкие циновки из папируса, другие еще доканчивали скудный ужин из стеблей того же папируса, политых касторовым маслом. При виде барки фараона люди проворно поворачивались к реке и утыкались лбами в глину крыши или в мягкую пыль вытоптанной вокруг домов земли.

Солнце зашло, закат быстро мерк, ослабевший ветер стал прохладным. Фараон встал, нарушив молчание:

— Я сделался усталым, сердце мое следует дремоте![1]

Джедефра удалился в каюту на корме в сопровождении хранителя сандалий. Кормчий потряс жезлом, и весла послушных гребцов стали опускаться в воду.

[1] Подлинный текст.

Жрец направился на плоский нос судна, низко нависший над водой, где стоял помощник кормчего с шестом, беспрерывно измерявший глубину. До восхода луны необходимо было плыть с осторожностью. Река изобиловала мелями, часто менявшими свое место и неведомыми даже самому опытному кормчему.

В сумеречном воздухе быстро замелькали неясные мечущиеся тени — множество летучих мышей вылетело из своих дневных убежищ. Слева, из-за темной стены скалистого берега, медленно поднималась ущербная луна. Ее красные высокие рога первыми бросили дробящийся свет на гладь широкой реки[1], черные полосы теней вонзились в освещенный край пустыни.

Луна поднималась все выше, свет ее принимал все более яркий блеск серебра, и наполнявшая долину темнота быстро отступала к северу.

Жрец стоял на носу судна, глубоко задумавшись.

Он думал о том, что завещание Джосера не исполнилось. Могучий фараон, создавший единое и крепкое государство, вместе с могуществом заложил и другие семена, которые могут дать гибельные всходы. Старое главенство бога наук, письма и искусства Тота уступило место богу солнца Ра, символу безграничной власти, отождествленной с личностью фараона.

Было понятно, почему жрецы Ра, давно оттеснявшие от фараона служителей Тота, скрыли завещание.

Совсем близко на песчаной отмели раздался громкий всплеск. Огромный эмсех — крокодил — показал в свете луны свою гребнистую спину, и расходящиеся перед его головой волны заблестели, развертываясь серебряным веером. Жрец оглянулся и с минуту провожал глазами священное животное. Потом вернулся к своим мыслям.

Новый фараон сам позвал жрецов Тота. Значит, ему не хочется *править по указке жрецов Ра. Он пытается сам найти* свой путь, ищет советника. Это разумно и хорошо; хорошо потому, что таким советником может стать он, верховный жрец Тота — Мен-Кау-Тот.

Тогда возродится былая слава и сила жрецов Тота, умножится их число и богатства... Настало время, ибо плохо стало в стране, обедневшей во время владычества Хуфу: новый фараон не знает, что делать, как стать настоящим владыкой. Недаром хранители божественной премудрости не должны от-

[1] В южных странах серп луны занимает горизонтальное положение.

крывать всего фараону, чтобы противопоставлять воле владыки мудрость вечного знания, обуздывать власть и силу...

Уже давно ушел помощник кормчего, судно шло быстрее, а жрец все еще размышлял в тишине.

Вдали послышался громкий лай собак. Изредка пронзительные вопли ослов прорезали ночной мрак — судно приближалось к Белой Стене, и по берегу реки тянулись дворцовые имения и сады храмов столицы.

Пробудившийся фараон появился на палубе и приказал войти в столицу тайно. Судно причалило к большой каменной площадке у храма сокола Гора[1], близ северной оконечности города.

Джедефра сел в кресло-носилки, и дюжие негры быстро понесли фараона через сонную окраину. Кривые и тесные пыльные улицы были ограждены ветхими глинобитными стенами сливавшихся друг с другом домов. Небольшая охрана фараона, пользуясь лунным светом, шла без факелов.

Дома по сторонам становились реже, улица расширялась. Внезапно перед глазами идущих открылся пологий подъем, усыпанный остроугольными камнями и испещренный черными пятнами теней. Справа слабо блестела река, а налево подъем переходил в плоскую возвышенность, за которой неясно обозначались размытые обрывы и бугры песков. Оттуда доносились хохот гиен и стонущие вопли шакалов. Перед обрывом, пересекая наискось возвышенность, резко выделялся огромный прямоугольник рубчатых белых стен. В центре прямоугольника поднималась на сотню локтей ступенчатая пирамида. Под луной ее белый цвет казался чистым и матовым, тени на уступах лежали рядами горизонтальных черных полос. С правой стороны пирамиды над стенами выступали крыши каких-то построек.

Под тяжелой поступью носильщиков хрустел песок, нанесенный ветром на плиты старой дороги, проложенной еще во время постройки. Пирамида приближалась, вырастая над окружающей местностью; уже можно было различить скошенные ребра ее уступов. У ближайшего, юго-восточного, угла стены несколько низких чахлых деревьев обозначали место входа. Под деревьями стояла низенькая мазанка сторожей.

Шествие приблизилось к стенам, сложенным из крупных кусков известняка. В четыре человеческих роста высотой, с

[1] *Гор* — верховное древнее божество, изображавшееся в виде сокола. Произошло от родового тотема древних царей.

выступами в виде вертикальных брусьев, стена производила впечатление несокрушимой прочности.

Из домика выскочили две темные фигуры и в страхе упали в пыль перед фараоном. Стройные белые полуколонны, похожие на связки крупных стеблей папируса, подпирали над входом плоскую плиту с насечкой в виде фестонов. Высокое дверное отверстие прижималось вплотную к левой колонне.

Зажгли факелы. При неровном вихрящемся свете Джедефра вошел в дверной проход следом за жрецом и телохранителями. Дальше начинался длинный коридор, обрамленный множеством столбов, в сечении имевших форму длинных овалов. На закруглениях колонн были продольные валики в виде стеблей папируса. Между широкими стенообразными сторонами колонн царил глубокий мрак. В просветы, сделанные в кровле, лился косой лунный свет.

Коридор вывел пришедших на гладкий большой двор, обсаженный раскидистыми и корявыми сикоморами[1]. На плитах двора лежал толстый слой нанесенного ветром песка. Огромная пирамида замыкала задний конец двора. Разбуженные шумом и светом факелов хищные птицы поднялись в воздух, издавая пронзительные клокочущие крики. Глаза сов заблестели в темных впадинах крыш и стен, летучие мыши носились взад и вперед над двором.

Жрец, взявший на себя роль проводника, повернул направо, потом назад и через короткий проход провел фараона на второй, меньший двор храма Львиного Хвоста (Хеб-Сед), построенного в честь одноименного праздника тридцатилетия царствования великого фараона.

Двор был заполнен гробницами приближенных и родственников Джосера. Как сундуки со слабо выпуклыми крышками, стояли они в ряд на своих пьедесталах.

Четыре тонкие, как пальмовые стволы, колонны лепились на фасаде каждой гробницы.

Таинственно и мрачно стояли эти тяжелые, наглухо закрытые ящики с единственной узкой дверью посередине, сохраняя внутри весь жизненный обиход давно умерших любимцев фараона Джосера.

Храм Львиного Хвоста окончился. Новый узкий проход вывел пришельцев к восточной грани пирамиды. Справа за стеной колыхались ветром сикоморы. Еще дальше, за деревьями, вновь поднимались массивные белые колонны двух гробниц: дочери фараона — принцессы Инт-Ка-С и матери

[1] *Сикомора* — фиговое дерево, смоковница.

Джосера Нимаат-Хапи. На стене, совсем близко от угла пирамиды, лепились столбики, увенчанные массивными изваяниями коршунов с опущенными крыльями. На груди каждой птицы зияло большое круглое отверстие. Ветер, врываясь в эти отверстия, производил мелодичные низкие звуки, полные глубокой печали. Казалось, что самые стены гробниц вечно плачут о похороненных в них женщинах.

Джедефра изумился искусной выдумке прославленного строителя, ученого врача и первого советника великого Джосера — премудрого Имхотепа.

У подошвы пирамиды с северной стороны располагался храм самого Джосера. На шум оттуда вышло несколько почти обнаженных жрецов, поспешно и безмолвно отступивших в тьму боковых проходов.

Жрец повел фараона через короткие запутанные переходы и перегородки между черными, расписанными золотом и синью колоннами в глубь храма.

Незаметно они очутились далеко внутри пирамиды. Впереди чернел коридор, ведший в камеру с саркофагом фараона. Жрец остановился перед плитой из красного гранита. На левой стене вырисовывался барельеф фараона с занесенной над головой палицей. Жрец быстро притронулся к палице.

Гранитная плита повернулась, встала ребром поперек прохода, под ней зачернела пустота. Вниз вели широкие ступени. Жрец быстро спустился, освещая путь фараону. Джедефра последовал за ним, осторожно поддерживаемый телохранителями, и очутился в просторной квадратной комнате, расположенной как раз под саркофагом Джосера и высеченной прямо в скале.

Джедефра приказал своим слугам удалиться обратно в коридор и, оставшись вдвоем с жрецом, огляделся.

Вся стена подземной комнаты была покрыта плитками зеленого фаянса, углубленными посередине и увеличивавшими отражение пламени факелов.

Выкрашенный в темно-синюю краску потолок, казалось, уходил высоко вверх, и написанные на нем золотом изображения как будто парили в ночном небе. Налево в стене была неглубокая ниша, впереди которой стояла известняковая статуя фараона Джосера.

Великий Нетерхет-Джосер сидел на своем простом троне, высоко подняв подбородок, прижав одну руку к груди, а другую свободно положив на колени. Голову обрамлял полосатый царский платок, высеченный грубыми деталями. Застывшее скуластое лицо фараона, с низким лбом, приплюснутым но-

сом и выпяченным крупным ртом, было исполнено силы. Костлявые челюсти, сведенные напряжением, говорили о непреклонной воле. Большие, глубоко посаженные глаза были сделаны из черного полупрозрачного камня, зрачок из серебра, белки покрыты эмалью, а веки и брови обозначены черной медью.

Красные огоньки светильников мелькали в этих необыкновенно живых глазах, придавая взгляду статуи зловещее упорство. Окрашенные в темно-коричневый цвет лицо и руки резко выделялись на белом камне.

Два фараона Черной Земли встретились взглядами — два олицетворения всемогущей земной власти.

Со смутной тревогой Джедефра отвернулся и посмотрел в ту сторону, куда вечно обречены были смотреть неподвижные глаза Джосера. Там, в рамке из светлых фаянсовых плиток с изображениями сокола, высилась обнаженная и отполированная часть каменной стены, испещренная глубоко врезанными иероглифами, покрытыми зеленой краской — цветом, воскрешающим мертвое.

По сторонам стояли две тончайшие вазы древней работы с именем богини Маат[1], вырезанные из цельных кусков горного хрусталя. Рядом с вазами оба простенка охраняли две большие бронзовые статуи сокола Гора с головами, отлитыми из золота, и глазами из красного камня. Птицы, увенчанные сложными золотыми коронами, сидели совершенно симметрично, обратив друг к другу хищные загнутые клювы. Сходство статуй с живой натурой было так велико, что невозможно было не верить в действительность существования таких громадных соколов. Полированные выпуклые глаза блестели пронзительно и надменно.

Джедефра глухо сказал жрецу:

— Надпись сделана священным письмом, тебе знакомым. Читай!

Жрец свободно разбирал особый, секретный шрифт, которым иногда делались надписи, составлявшие тайну для непосвященных. Он быстро и громко начал чтение. В душной темноте подземелья, под глухое потрескивание светильников звучали отрывистые, иногда щелкающие звуки языка Та-Кем, выражавшие последнюю волю умершего более ста лет назад Джосера.

— «...Я был в моем дворце в великом беспокойстве, — читал жрец, — ибо река не поднималась семь лет и страна нахо-

[1] *Маат* — «видящая», богиня истины.

дилась в величайшей нужде. Тогда я собрался с сердцем и спросил премудрого Имхотепа, где находится родина Хапи [1] и какой бог там правит. Имхотеп ответил: «Мне необходимо обратиться к богу. Я должен пойти в хранилище Тота и справиться в «Душах Ра». Он пошел и вскоре вернулся и рассказал мне о поднятии реки и о всех вещах, с этим связанных: он открыл мне чудеса, к которым не был еще указан путь никому из царей изначала...»[2]

Жрец сделал паузу. Фараон быстро спросил:

— Разве Нетерхет-Джосер не ходил по прекрасным путям, по которым ходят достойные? Почему мудрец открыл ему тайны только в большой беде?

Взгляд жреца стал тяжелым и пристальным, он погрузил его, словно копье, в глаза Джедефра.

— Великое знание, — медленно заговорил он, — опасно, если открыто для не умеющих держать сердце свое. И мудрец, если царь не пойдет по дороге бога, может много исправить...

Джедефра шумно вздохнул, загораясь гневом.

Жрец поспешно закончил:

— Великий Имхотеп открыл царю тайны в час бедствия. Раньше в этом не было нужды...

Джедефра сдержал себя и знаком велел жрецу читать дальше.

Голос жреца развертывал перед фараоном волшебные дали неведомых стран. Джедефра узнал, что жизнь его страны — могучая река Хапи — вовсе не вытекает из двух пещер на краю Великой Дуги. Далеко на юге она берет свое начало в беспредельных болотах, а из гор таинственного Та-Нутер течет вторая река прозрачно-голубой воды[3], которая вливается в Хапи выше последней шестой ступени. Дожди необычайной силы льют в стране Пунт все время наводнения, и голубая река дает тот подъем воды на двенадцать локтей, от которого зависит жизнь его страны. Если воды поднимаются на два локтя ниже — страна Та-Кем обрекается на голод.

Шесть огромных каменных ступеней-порогов ведут к месту слияния обеих рек; первый — у границ Кемт, на острове Неб.

И еще узнал фараон Джедефра, что мир велик и населен множеством народов. За песками восточных пустынь, между двумя могучими реками, живет оседлый и многочисленный народ, не уступающий в познаниях народу Та-

[1] *Хапи* — так называли египтяне Нил.

[2] Подлинная надпись в переводе академика Б.А. Тураева.

[3] Голубой Нил.

Кем[1]. Позади Та-Кем, на Великом Зеленом море, есть большая страна с многочисленным населением. Там есть города с величественными постройками[2]. Таинственные обитатели этих городов покрывают стены непонятными письменами, создают искусные изображения зверей и людей.

— «Нетерхет-Джосер говорит для своих потомков, повелевая им помнить об этом. В трудный час Черной Земли можно повернуть силы Кемт на покорение стран, и народы их отдадут свои богатства.

Тяжелы пути по земле — только Великая Дуга, покоряясь смелым сердцам, проносит людей на необъятные расстояния и соединяет их между собою. В покорении Великой Дуги — будущее счастье земли Кемт, в познании всей необъятности мира — ее мудрость, в хорошем и многочисленном флоте — сила. Строй суда, способные бороться с морем, как то открыто мне премудростью Имхотепа...

Укрепи свое сердце и следуй по этому истинному пути...»

В подземелье становилось душно. Мелькающие блики факелов, дробившиеся на тысячи светлых пятен в глазури изразцов, упорный жуткий взгляд статуи Джосера, пронзительные красные глаза золотых птиц, торжественно размеренный голос жреца, слова, падавшие как камни... Джедефра почувствовал, как воля его слабеет и он, владыка, становится мальчиком на берегу безбрежного моря, жадно раскрытыми глазами смотрящим в неведомую даль... Фараон знал о сэтэп-са, могучем гипнотическом воздействии, которое умели применять жрецы. Джедефра собрал волю и стукнул своим посохом в пол.

— Ты прочел мне все? — спросил он вздрогнувшего жреца.

— Да, все, Великий Дом, — поспешно ответил жрец. Горящие глаза его погасли, морщины усталости легли вокруг рта.

Бряцая оружием, телохранители зашевелились у лестницы. Джедефра в последний раз осмотрел тайное подземелье и направился к выходу.

Прозрачное, сияющее утро заглядывало в просветы крыши храма Джосера. В просторе развернувшейся справа долины, у подножия сверкающей белой пирамиды, зеленая подземная комната показалась сном.

Джедефра благосклонно кивнул жрецу, остановившемуся в почтительной позе у входа в храм.

— Я пошлю своего казначея на юг, в Пунт, и дальше, в Страну Духов, узнать край Великой Дуги... Доволен ли ты?

---

[1] Шумеро-вавилонская культура в Двуречье.

[2] Критская культура на острове Крит.

Жрец молча поклонился фараону.

— Тогда ответь мне еще! Знаешь ли ты, где находится храм Тота, в котором хранятся тайные книги, планы и вещи из дальних стран?

— Храм бога Тота, Великий Дом, в котором были планы и «Души Ра», — это тайна Имхотепа...

— Тебе неведомая? — резко спросил Джедефра, проницательно взглянув на жреца.

— Я только след на пыли от ног великого мудреца, — бесстрастно ответил жрец.

Фараон отвернулся, жестом подозвал рабов с носилками. Жрец проводил фараона через дворы храмов до выхода из наружной стены и остался, скрестив руки, в дверном проходе.

Неподвижный, подобно статуе, он следил, как слегка покачивались носилки Джедефра на дороге к городу Белой Стены.

Двое юношей в одних набедренных повязках широко шагали по обе стороны носилок. Они несли на длинных шестах полукруглые опахала.

Юноши держали их так, что голова фараона всегда находилась в тени.

Золотые основания опахал, ручки носилок, отделка сидений фараона, полированная медь оружия телохранителей сверкали на открытом склоне в ярком солнце.

Шествие скрылось за первыми домиками, и жрец пошел обратно в храм Джосера, согбенный, в раздумье.

Жрецы храма окружили его, и самый старший почтительно приблизился.

— Ты хочешь знать, почему я открыл тайную комнату фараону? — спросил жрец, не дожидаясь вопроса старика.

— Именно так, мудрый Мен-Кау-Тот!

— Для подчинения нам фараона, для возвеличения нас, служителей Тота! — громко сказал жрец, названный Мен-Кау-Тотом. — Все больше уходят от власти служители Тота, — продолжал Мен-Кау-Тот. — Его величество, жизнь, здоровье, сила, — молод. Совет отца мудрости Имхотепа — ибо кто, как не он, говорит через Джосера! — поможет ему идти праведно, так, как это считаем мы. А может быть, и не будет так. Жрецы Ра давно помышляют о господстве бога солнца в стране Кемт. Давно боремся мы с ними за власть и богатство, за почет нашим богам, какой был в древние времена Нармера[1]. То ведомо тебе...

[1] *Нармер*, или *Менес*, иначе *Аха* (3400 г. до н.э.) — первый фараон, объединивший под своей властью обе страны — Верхний и Нижний Египет. Считается основателем династий фараонов.

— Слушаю и запираю рот свой, — тихо ответил старый жрец. — Ты мудр, как и надлежит быть великому начальнику мастеров...

В это время утомленный фараон, покачиваясь на носилках, тоже размышлял о виденном. Огромная надпись с завещанием Джосера неотступно стояла перед его глазами.

«Я построю много судов, — размышлял Джедефра, — по сто локтей в длину. Для Черной Земли близкими станут Зеленое море и страны Иаа [1] за Лазурными Водами... Трус тот, кто прогнан со своей границы, — я согну трусов, разобью бродячие народы и заставлю работать для Черной Земли...»

Приветственные клики помешали фараону размышлять дальше. Над воротами большого дворца трепетали флаги на высоких шестах. Красная корона над входом обозначала, что это северные ворота.

Фараон удалился на омовение и отдых, приказав позвать к себе чати — главу над всеми царскими работами (то есть главного строителя и первого сановника) — и одного из двух «казначеев бога», заведовавших сокровищницей Верхней и Нижней Кемт.

Когда Джедефра вошел в тронный зал, оба вельможи уже ждали своего владыку. По знаку фараона первым приблизился казначей бога Баурджед. Это был совсем еще молодой человек. Его гладкая бронзовая кожа оттенялась простым белым передником. Пестрый воротник обнимал шею и плечи. Широкое лицо с горбатым носом и твердым ртом, обрамленное витыми прядями короткого парика, дышало энергией.

Баурджед упал к ногам фараона. Джедефра оказал ему особую милость, разрешив поцеловать свою ногу вместо праха у ног царя, как это следовало по обычаю. Затем, по воле Джедефра, Баурджед приподнялся и остался коленопреклоненным у подножия трона.

— Ты посетил чужие страны, ты перешел пространства, — начал фараон. — Мое величество довольно в своем сердце: ты привез с Зеленого моря двадцать кораблей с кедром для храмов и дворцов, ты был у озер Змея [2] и врат Юга. Теперь надлежит тебе следовать в Пунт и быть оком фараона в этой неведомой нам стране духов. Из Пунта надлежит тебе проникнуть еще дальше на юг, до пределов земли на берегах Великой Дуги. — Джедефра умолк, выжидательно глядя на Баурджеда.

---

[1] *Иаа* — страна за Красным морем, часть Синайского полуострова.

[2] *Озера Змея* — озера на Суэцком перешейке.

Тот вздрогнул, приподняв голову, мускулы его напряглись, и лицо приняло желтоватый оттенок. Но почти мгновенно молодой человек справился с собой и бесстрастно поник головой.

— Какой избрать путь для следования, — продолжал фараон, — предоставляем тебе: плыть Лазурными Водами или же идти через страны Ват и Иэртет[1], вверх через ступени Хапи. Спроси совета у мудрого Мен-Кау-Тота... Через два дня придешь ко мне, и я дам тебе ту силу, какая потребуется.

Джедефра замолчал и велел приблизиться чати — главному строителю.

Бауржед поспешно вышел из зала. Приказ фараона застал его врасплох, он никак не мог ожидать такого поручения. Неведомый путь в безмерную даль, в пугающую Страну Духов... Что может быть страшнее для сына Кемт, чем возможность погибнуть на чужбине, без погребения по магическим обрядам, обеспечивающим душе вечность!

Оглушенный и растерянный, Бауржед прислонился к деревянной колонне и долго стоял, пока не овладел собою.

Джедефра и чати долго беседовали в опустевшем зале. Фараон, удалив всех присутствующих, немедленно приказал главе работ сесть рядом с собою, без всякого этикета. Чати, тучный и низкорослый, выпячивая круглые глаза, снял парик, обнажив лысое плоское темя.

Наступил вечер. Фараон повел своего приближенного в покои и продолжал беседу за ужином.

Джедефра хотел что-нибудь сделать для расширения пришедшей в упадок оросительной системы. Завещание великого Джосера неотступно стояло перед ним, указывая путь к великой славе. Его отец Хуфу построил величайшую пирамиду, а память его проклинает множество людей, ненависть реет над его могилой — нет, это не слава! Молодой фараон понимал, что ему не придумать лучше сказанного в завещании, где опыт выдающегося правителя Черной Земли соединился с мудростью Имхотепа.

Джедефра чувствовал, что нужно торопиться. Причина неопределенной тревоги, оставшейся после разговора с великим ясновидцем, теперь стала яснее для фараона. Он начинал понимать борьбу разных сил за власть и богатство, происходившую в государстве, борьбу, в которой жрецы, объединяясь с частью знатных людей, играли главную роль. Если он хочет

[1] *Ват* и *Иэртет* — части современной Нубии на отрезке долины Нила между Асуаном и Хартуном.

повернуть к былым временам Джосера, то его поддержат богатые владельцы земель в сепах — провинциях — и жрецы Тота. Но тогда он пойдет наперекор намерениям жрецов Ра, поставивших его у власти. Могущество Ра ему хорошо известно, а с ними ведь вся знать столицы, армия чиновников и еще одна сила — жрецы Пта. Опасно вступить в эту борьбу. Нужно до времени скрывать свои намерения...

Чати, осторожный и хитрый вельможа, не противоречил фараону, но старался охладить молодого владыку, указывая на неисчислимые трудности возобновления строительных работ в провинциях, когда все рабочие государства оказались сосредоточенными в области столицы, а окраины обеднели, и сокровищница бога уже не может собрать нужных средств...

В то время как Джедефра совещался с чати, Баурджед в тоске одиноко сидел на берегу реки, не смея вернуться домой. Ему не могло прийти в голову попытаться изменить приказ фараона, это веление живого бога. Как истинный сын Черной Земли, молодой казначей только свою страну мыслил местом своей жизни и смерти. За что посылают ему боги такое тяжкое испытание?

За спиной Баурджеда послышался шорох.

Казначей обернулся и увидел старшего кормчего своего корабля. Он вспомнил, что еще вчера послал ему приказание прийти. Уахенеб почтительно склонился перед Баурджедом:

— Я помешал тебе в размышлении, господин... Вестник передал мне твое повеление...

— Нет, хорошо, что ты пришел, Уахенеб! Ты будешь нужен мне... Его величество, жизнь, здоровье, сила, повелел мне идти вверх, в Страну Духов, пока не достигну я края земли, и не возвращаться в Та-Кем, не проникнув на юг, до самой Великой Дуги...

Кормчий, при упоминании фараона склонившийся еще ниже, отшатнулся.

— Я беру тебя и других, ходивших со мной на Зеленое море, опытных в путешествиях, — продолжал Баурджед, пристально вглядываясь в лицо кормчего с неосознанным желанием найти в нем выражение растерянности и ужаса. Но кормчий оправился, и его суровое лицо не отразило желанного Баурджеду страха. — Что же ты молчишь, Уахенеб? — недовольно спросил молодой казначей. — Разве тебя не страшит гибель там, так далеко от Черной Земли?

— Страшно остаться без погребения далеко от гробниц предков, — тихо сказал суровый кормчий. — Я маленький, сын простого человека, и мое дело повиноваться... Но я знаю —

давно живет в народе мечта о богатом Пунте, стране, где никто не согнут страхом и голодом, где широка земля и множество деревьев со сладкими плодами... Нет больше страха, как погибнуть в дороге, но не будет и большей славы в веках, если проложить туда пути для сынов Черной Земли... — Уахенеб оборвал речь, сверкнувшие было глаза его потухли.

— Хорошо, — сказал удивленный Баурджед. — Ты храбр и закален в странствиях... Я призывал тебя для другого дела, еще не зная воли Великого Дома. Можешь идти в дом свой, я опять позову тебя, когда будет нужно.

Молодой казначей проводил взглядом уходившего кормчего. Разговор с суровым Уахенебом как будто облегчил его душу. Может быть, Баурджед почувствовал себя менее одиноким, вспомнив, что сотни верных людей будут служить ему в пути. Может быть, выполнение воли фараона стало казаться не столь безнадежным.

И еще смутная досада на самого себя придала твердости Баурджеду. Казначей сознавал, что он, знатный и могущественный вельможа, оказался в чем-то слабее своего кормчего — простого человека, встретившего страшный приказ с подобающим воину мужеством и спокойствием.

Несколько успокоившись, молодой казначей медленно направился к дому. Но бурное отчаяние его юной жены снова повергло Баурджеда в смятение. Он не смог скрыть от нее страшную правду...

После слез и исступленных воплей, после нежной мольбы молодая женщина бросилась в храмы, обратившись к помощи богов.

Вместе с Баурджедом она склонялась в полутемных святилищах перед звероголовыми изображениями тех, кто должен был спасти Баурджеда от судьбы, изменив ее, и дать другое направление мыслям фараона.

Страшные, выкрашенные в черный и темно-красный цвета статуи богов-зверей сидели перед молодой четой в пугающей неподвижности. И оба невольно вздыхали с облегчением, выходя на солнечный свет из храма, в котором оба чувствовали себя одинокими, придавленными и отвергнутыми, несмотря на льстивые уверения жрецов.

Тоска, снедавшая молодого казначея, только усилилась, когда поздно вечером они с женой вернулись в свой богатый и уютный дом. И Баурджед снова ощутил бы недовольство собой, если бы мог узнать, что делалось в это время в домике Уахенеба, стоявшем у самого берега, на нижней окраине города. Когда явившийся домой кормчий рассказал жене о плава-

нии, предстоящем ему, та испугалась, но быстро овладела собою. Еще крепкая сорокалетняя женщина, вырастившая троих детей, она привыкла к невзгодам жизни без Уахенеба, так часто отлучавшегося в свои плавания. Тут было иное: страшная угроза нависла над небогатым, но благополучным существованием всей семьи. И все же жена Уахенеба старалась не показать мужу своей жестокой тревоги, зная, что он ничем не сможет помочь ни ей, ни себе.

Уложив мужа отдохнуть, она принялась стряпать; достала пива, созвала друзей. И в этот вечер на маленьком дворе Уахенеба долго не смолкал шум возбужденных разговоров, воспоминаний о перенесенных опасностях, бодрящих напевов, что помогают жить морякам, земледельцам и водителям караванов через безотрадные, мертвые пустыни...

Отчаяние, слезы и мольбы перед богами не помогли: в назначенный срок Баурджед предстал перед фараоном. Долгая беседа со жрецом Тота Мен-Кау-Тотом ободрила молодого человека. После наставлений жреца Баурджед получил надежду на возвращение, хотя в доме его оплакивали, как идущего на верную гибель.

— Я повелел казначею севера освободить тебя от забот, — сказал Джедефра.

Баурджед ничего не ответил.

— Какой же путь ты избрал? — продолжал фараон.

— Я думал идти вверх, — ответил Баурджед, — но мудрый Мен-Кау-Тот отсоветовал мне. Я поплыву Лазурными Водами — так будет скорее...

Джедефра удовлетворенно наклонил голову.

— Я прикажу рабам умастить тебя. Пошли в гавань Суу [1] мой приказ впереди себя, чтобы лучшие суда прибыли туда от озер Змея и стояли в готовности. Возьми лучших воинов, рабов, опытных в плавании, оружия, продовольствия и сокровищ, сколько понадобится. И не медли с отправлением — путь невообразимо далек, ни один из сынов Черной Земли не дерзал еще совершить его... А я хочу, чтобы ты вернулся быстрее. Весть об открытии пути в землю богов ободрит голодных, богатства, которые ты привезешь, успокоят вожделения знатных. До пределов мира достигнет власть Черной Земли, и польются богатства в нее потоком, подобным Хапи. Богатства, взятые из чужой страны, скорее приведут Та-Кем к новой силе, чем долгая постройка каналов и плотин. Вот почему на тебя большая надежда. Будь смел, как подобает

[1] *Гавань Суу* — ныне Коссейр на Красном море.

сыну Та-Кем и твоему высокому назначению. И обнимешь ты детей своих, успокоишься в гробнице своей[1]. А я позабочусь, чтобы гробница была достойна тебя! — Неподвижное лицо фараона осветилось благосклонной улыбкой.

Баурджед, припав к ногам владыки, благодарил Джедефра и удостоился новых знаков милости.

Большая толпа собралась у истертых ступеней, сходивших к реке против главной торговой площади. Три больших грузовых судна медленно выплыли на середину реки. Борясь с течением, гребцы ударяли по воде, и легкие брызги искрились на солнце вокруг мерно качавшихся желтых весел.

Все стоявшие у пристани отдельными кучками: сановники и жрецы, воины, густо усеявшие площадь и берег толпы простого народа и только что закончившие погрузку рабы — все были по-разному взволнованы отправлением невиданной экспедиции. Многоголосый шум толпы то стихал, то снова усиливался, заставляя недовольно хмуриться группу вельмож и жрецов, стоявших у северного края причала.

Многие смотрели на отъезжающих с тревогой и сожалением, как бы не сомневаясь в неизбежной гибели храбрецов. Другие оживленно переговаривались, высказывая смелые надежды. Нашлись и такие, которые завидовали отправляющимся и хотели бы быть в их числе. Их было больше всего среди бедных ремесленников и садоводов столицы, в особенности молодых, еще не смирившихся с однообразием своего тяжелого ежедневного труда.

За судами, уходящими из пределов страны, молчаливо и грустно следили рабы, которым суждено было кончить здесь свои дни в унижении и плену.

Не раз слишком отважные возгласы, раздававшиеся в толпе, заставляли людей испуганно оглядываться назад. Там, вдали, на балконе дворца, подпертом высокими столбами, невидимый в глубокой тени навеса, присутствовал сам живой бог, фараон, даже имя которого не смел произнести житель Кемт...

На каждой мачте, составленной из двух высоких, сходящихся кверху стволов, поднялись огромные квадратные паруса. Мастер паруса, большой Нехси, сидевший высоко на корме, потянул за веревки — широкая рея повернулась, и парус надулся. Кормщики-негры навалились на рулевые весла, при-

[1] Обычная древнеегипетская формула благополучия.

вязанные по два с каждой стороны высокой кормы. Суда стали быстро удаляться от города Белых Стен.

Баурджед с кормы головного судна жадно вглядывался в берег. Городские постройки медленно принимали туманные, нерезкие очертания.

Уже около часа шли суда вверх по реке, а все еще позади, на левом берегу, можно было различить далекую зелень пальм и над нею едва заметную белую полоску. Но вот долина повернула прямо на юг, красноватые обрывистые скалы выдвинулись справа и закрыли отдаленный низкий берег...

День за днем плыли суда мимо сел и городов. Низменности сменялись скалами. Ничто не нарушало дневного покоя безлюдных болот, дремавших в жарком солнце. Северный ветер — друг Черной Земли — дул почти непрерывно, ослабевая лишь к рассвету, и днем снова возобновлял свою благодатную деятельность.

До зимней прохлады было еще далеко, и птицы не скоплялись на реке в таком несметном количестве, как во время наводнения.

Великолепные цапли поднимали вверх свои гибкие шеи и смотрели на проходившие суда зоркими, ясными глазами. Священные птицы Тота [1] иногда проносились над судами к радости всех, веривших, что их тяжелый, угловатый полет сулит удачу и доброе напутствие. Временами встречные суда сообщали новости из провинции Юга, и надрывные голоса разносились по реке, пока не замирали вдали. Десять из сорока двух сепов провинций обеих стран [2] — уже были пройдены Баурджедом на пути от столицы государства.

Выше по реке долина снова расширялась, отклоняясь на восток, — начиналась провинция Антилоп. С древних времен здесь среди домашнего скота преобладали антилопы разных пород.

Суда проходили близко от каменоломен, в которых трудилось множество рабов. У самой воды люди пилили камни, превращая грубо обтесанные глыбы в гладкие, правильные плиты и брусья.

Длинные медные пилы сверкали на солнце, с визгом и скрежетом врезаясь в камень при помощи беспрерывно под-

[1] *Священные птицы Тота* — ибисы.

[2] Первоначальное раздельное существование Верхнего и Нижнего Египта очень долго отражалось в государственных названиях.

сыпаемого мокрого песка. Черные и бронзовые тела голых рабов блестели от пота.

Одного раба били палками, растянув во всю длину на горячем прибрежном песке.

Спутники Баурджеда равнодушно смотрели на привычное зрелище: раб, военнопленный, назывался в стране Кемт «живой убитый» — между ним и настоящими людьми лежала тень смерти, не дававшая ему того права на жизнь, которым обладали роме, истинные сыны Черной Земли.

Суда экспедиции повернули к левому берегу, в тихую воду, пересеченную длинными выступами зарослей тростников и папируса. Вода реки уже стала прозрачной, папирусы качали свои опахала, туманно отражаясь на ее желтоватой поверхности. Внезапно из-за изгиба колеблющейся зеленой стены показались две лодки из связок стеблей папируса, с изогнутыми, как гусиные шеи, кормами и длинными носами. На той, что была ближе к судам, величественный бородатый мужчина с копьем в руке всматривался в чащу зарослей.

Во второй лодке стройный юноша держал наготове круто изогнутый лук, а старый нубиец стоял на коленях на корме, уперев длинный шест в дно реки.

Мужчина, повернув лицо, стал вглядываться в суда, и Баурджед узнал Сенноджема — самого начальника Антилопьего сепа.

Лодки быстро подошли к судам. В это время с противоположного берега послышались крики. Там, где работали рабы, пилившие камни, забегали надсмотрщики в длинных пестрых одеяниях, с посохами в руках. Наказываемый палками человек вырвался из крепких рук своих мучителей и мгновенно бросился в реку. Он был, по-видимому, незаурядным пловцом — так легко и быстро рассекал он спокойную желтую гладь реки, лежа на боку, щекой к воде. Крокодилы не появлялись — они или не заметили еще пловца, или их было мало в этой области. Пловец быстро достиг середины реки и приблизился уже к левому берегу. Он плыл близко от судов, и Баурджед мог хорошо разглядеть беглеца. Это был ливиец — светлокожий, с большими синими глазами юноша, красивый той очаровательной, задумчивой, почти девической красотой, которая свойственна ливийцам в юном возрасте.

Обе лодки, стоявшие рядом, оказались между беглецом и берегом. Юноша, видимо, сын Сенноджема, быстро натянул лук, и стрела, пущенная меткой и безжалостной рукой, глубоко вонзилась в бок ливийцу. Беглец слабо вскрикнул, обратив побелевшее лицо с огромными, широко раскрытыми глазами

к лодкам. Несколько судорожных движений — и красивый раб скрылся под водой.

Сын начальника провинции улыбнулся и гордо вскинул голову, но отец, недовольно нахмурившись, обратился к нему с упреком:

— Напрасно ты сделал это! Наша земля и наши постройки требуют много рабочих рук. Это не мудро, и не годится для мужчины такая горячность.

— Достойный отец, ведь опоздай я с выстрелом, и раб уже скрылся бы в тростниках, — попытался оправдаться сын.

Сенноджем спрятал в бороде суровую усмешку:

— Мальчик, ты не знаешь, что из нашей страны некуда убежать. Страшные песчаные горы хранят границу на западе — этот безумец не прожил бы и дня в пламенном зное. Наши воды стерегут крокодилы, заросли — гиены и львы. Не прошло бы двух дней, как беглец бы погиб или же, что вернее, приполз бы обратно в плен, согнутый страхом и голодом.

Юноша виновато потупился, но отец продолжал:

— Ты ошибся, но это урок. А сейчас не будь печален и идем встречать знатного сановника — казначея самого Гора, фараона...

И начальник сепа первым взобрался на судно Баурджеда, подхваченный десятками раболепных рук.

Баурджед остановился на один день для отдыха в доме Сенноджема, окруженном чудесными садами.

Путь по родной стране был уже недолог — всего пять дней плавания оставалось до столицы древних царей Та-Кем. Там долина реки описывала крутую дугу и шла прямо на восток на протяжении трехсот тысяч локтей. Животворный Хапи глубоко врезался в пустыню, отделявшую Лазурные Воды от Черной Земли. От середины этой извилины до моря было не более четырехсот тысяч локтей, и здесь пролегал единственный путь к Лазурным Водам и дальше — в древние медные рудники на северо-востоке, в стране Ретену.

Этой дорогой ходили очень редко, раз в десятки лет, только большими военными караванами. Трудности пути через пустыню были очень велики.

Только самая неотложная необходимость заставляла сынов Та-Кем идти в этот раскаленный ад. Даже великому Джосеру не удалась попытка вырыть колодцы на страшном пути, хотя на этих работах погибло много людей.

Последние приготовления заняли четыре дня. Грузовой караван из трехсот ослов, навьюченных большей частью мехами с водой, уже отправился вперед. Выступление глав-

ного отряда с самим Баурджедом было назначено на середину ночи.

Вечерний свет, прозрачный и мягкий, ложился на благословенную землю Кемт. Баурджед, отослав всех, вышел один на плоский берег. Ветер утих, селения противоположного берега казались совсем близкими — так спокойна была река.

Свободные земледельцы группами и в одиночку спешили к своим домикам, под сень сикомор и пальм. Рабы в сопровождении надсмотрщиков толпой шли в свой поселок, скрытый высокой оградой. На невысоком холме, в зелени виноградников, сновали люди, доносились смех и заунывное пение. Обнаженные рабы несли в плетенках, раскачивавшихся на длинных палках, высокие, только что запечатанные кувшины с вином.

Вдали заклубилась розовеющая пыль, расступилась, в ней замелькали гладкие желто-серые бока и спины, выдвинулись длиннейшие рога: пастухи гнали стадо больших антилоп — ориксов[1]. Два пастуха позади несли на коромыслах в корзинах маленьких новорожденных антилоп; их матери доверчиво шли рядом и косились черными влажными глазами на медленно переступавших людей.

Мальчики загоняли в ограды птичьих дворов стада журавлей, которых они пасли на берегу реки.

Со смехом и шутками охотники вели на веревках крупных хойте (гиен). Серые с острыми ушами пятнистые собаки в широких ошейниках бежали впереди.

Несколько лодок плыло через реку на правый берег. В них переправляли с пастбищ антилоп и коз. Животные спокойно лежали на дне лодок.

Мирное оживление вечера только растравляло тоску Баурджеда. Он знал, что видит свою родную страну в последний раз перед неведомо долгим, опасным путем туда, где не ступала еще нога жителя Кемт. В страны, населенные невиданными людьми и зверями... Неслыханно повеление фараона, но он обязан выполнить его. Умереть или жить, но идти вдаль, на юг. Нет другого пути, и нет сейчас у него другой жизни...

На обнаженную спину Баурджеда повеяло жаром. Он обернулся, и взор его, только что отдыхавший на зрелище возделанных садов и полей, перенесся на красные скалистые обрывы, изборожденные черными промоинами и трещинами. Две красные стены расходились к реке, образуя подобие широких ворот, а вдаль, на восток, шел как бы коридор из голых,

[1] Антилопы, журавли, гиены приручались в Древнем Египте.

бесплодных скал, исчезавший в мутном дрожании раскаленного воздуха. Ни одного звука не доносилось оттуда, ни одно деревце не оживляло крутых обрывов, окаймленных у подножия холмами крупного щебня и гладкими волнами песка. Через несколько часов Баурджед со своим караваном скроется в этой раскаленной долине, пересекающей горы восточной пустыни...

Звонкая отрывистая песня пронеслась над рекой, послышались всплеск и возня. Молодежь вышла купаться к реке, пользуясь последними лучами солнца.

Баурджед снова повернул к реке и увидел почтительно стоявших поодаль чиновников своей экспедиции. Они явились с докладами, но не смели нарушать раздумья начальника. Баурджед глубоко вдохнул прохладный живительный воздух и медленно направился к своим подчиненным...

Последний глоток воды из любимой могучей реки. Не из богатой, разукрашенной чаши — нет, подобно простому земледельцу, погрузив колени во влажный речной песок, низко склонившись над серебрящимися маленькими волнами.

Как призраки, как уже отошедшие в страну запада, молча двигались люди в ярком свете луны. Мрачные скалистые стены — разверзнутая пасть неведомого — приняли их, сошлись позади, сомкнулись, отделив от радостных садов Та-Кем. Родная земля отвернулась от путников, прошлое скрылось вдали, будущее было неведомым, осталось одно настоящее — тяжелый, далекий путь. На нем высокие скалы дышали гневным жаром, их изрытые знойными ветрами склоны надвигались, как грозные духи пустыни, песчаные бугры шелестели, дымясь мельчайшим багровым песком, веявшим смертью над опущенными головами идущих...

Два жреца неторопливо шли по внутреннему двору храма Ра. Солнце слепило, отражаясь от стен и прямоугольных столбов белоснежного известняка. Оба жреца, как по команде, быстро оглянулись и свернули направо, в высокий портик.

В тени, под толстыми плитами камня, тяжко давившими на верхушки колонн, сразу повеяло прохладой. Дальше, в глубь храма, полумрак все более сгущался, и жрецы, ослепленные переходом от сверкающего снаружи дня к темноте храма, пошли осторожней, протягивая вперед руки. Они остановились у черного отверстия невысокого входа.

— Это ты, Каамесес, и ты, Хориахути? — Мощный голос, раздавшийся из мрака, заставил вздрогнуть обоих жрецов.

— Да, это мы, великий ясновидец, сердце и язык бога на земле! — дружно откликнулись названные.

— Войдите, произнеся магические слова для очищения глаз и сердца!

Жрецы, бормоча заклинания, вступили в темный проход. Впереди горел маленький светильник, и его огонек показал вошедшим направление. Едва только жрецы поравнялись со светильником, он мгновенно угас, а впереди и слева вспыхнул другой.

Пришедшие достигли тяжелой кожаной завесы. Тут второй светильник тоже угас, и они остановились во мраке.

Жрец постарше громко произнес священную формулу отражения зла[1]. Прежний голос снова разрешил им войти. За занавесом находилась небольшая квадратная комната, в самой толще массивных стен храма. Мягкие шкуры на полу заглушали шаги.

У задней стены на роскошном кресле из черного дерева восседал великий ясновидец — верховный жрец бога Ра. Девять золотых светильников на высоких подставках давали достаточно света, чтобы разглядеть властное лицо сидевшего и острый блеск его жестких, спокойных глаз. Оба пришельца упали на колени перед креслом верховного жреца. Тот указал им на львиную шкуру перед собой.

— Не нужно почестей, мы одни. Садитесь и говорите просто, не тая дурных вестей. И не бойтесь ничего, я давно знаю вас.

Жрецы переглянулись, и старший из них заговорил:

— Позволь сначала мне довести до твоего сведения. Потом Хориахути расскажет тебе вести с Юга. Он только что прибыл из Шмуна — города восьми богов[2].

Верховный жрец Ра молча кивнул головой.

— Его величество, жизнь, здоровье, сила, — продолжал старший жрец, — как то ведомо тебе, получил из гавани Суу весть о том, что казначей бога на семи кораблях благополучно отплыл, и затем более трех месяцев не было никаких вестей о кораблях. Из этого Великий Дом заключил, что путешествие началось хорошо, а Баурджед уже прошел далеко на юг. Тогда их величество дал сто колец золота храму Тота в Белой Стене, а древний храм Тота в Шмуне одарил землей, рабами и скотом. Начальник мастеров Мен-Кау-Тот часто бывает у фараона, ободряя его в новых мероприятиях. Два дня назад чати поехал на юг, чтобы осмотреть место рытья большого канала у

[1] Отражение зла, отражение крокодила — ритуальные молитвы.
[2] *Шмун* — современный Эшмун.

пирамид Снофру. Вместе с ним послано войско для князя Юга, который обещал Великому Дому поход в страну Нуб[1]...

Жрец поклонился и замолчал.

— Ты не сказал еще мне, что говорят в столице, как велика сила их речей.

— Истинно сказано: «Враг для города — это говорящий...» — Жрец лицемерно потупился, заметив, как блеснули глаза великого ясновидца. — Много недовольных среди знатных людей. Все смелее говорят их языки в домах. Они недовольны тем, что начинается возвышение владык сепов, которым фараон раскрывает сокровищницу, посылает людей для войны и построек. Они боятся, что толпа маленьких людей разъярится, ибо народ начал мечтать теперь о стране Пунт, где все живут в довольстве, как издревле говорилось в сказках. Благочестие падает... Недавно военачальник Уахкарт осмелился сказать, что лучше завоевывать далекие страны, как то делал Снофру, чем строить пирамиды!

Верховный жрец Ра злобно схватился за свою бороду.

— Я был в Шмуне глазами начальника мастеров Пта[2], — робко заговорил младший жрец. — Начальник Антилопьего сепа Сенноджем написал начальнику Юга. Сенноджем хорош для его подданных, он собирает отряды воинов, он хвалится своим величием, происходящим от древних царей — потомков Гора. Жрецы Тота возвышают его, они заключили союз с жрецами Хнума, обогащенными Хуфу и ныне злобствующими на жрецов Ра и Пта... Но главный враг наш — Мен-Кау-Тот. Он говорил начальнику мастеров Хнума, что скоро богатство трех главных храмов Ра перейдет храмам Хнума, и... и... прости меня, великий ясновидец!.. Что он, Мен-Кау-Тот, низведет тебя до простого жреца в захудалом храме Дельты!..

Верховный жрец внезапно встал:

— Ты понял правильно. Вот враг мой и ваш, дети мои! Но напрасно тщится он отобрать нашу славу и наше богатство — скоро познает он все величие бога Ра на дерзкой шее своей! Хвалю ваши глаза и уши, вы оба будете награждены и возвеличены в совете.

Джедефра заболел.

Целыми днями молодой фараон угрюмо лежал в верхней комнате своего загородного дворца, глядя в окна на широкую

[1] *Нуб* — по-древнеегипетски «золото», современная Нубия.
[2] *Пта* — один из восьми главных богов Египта.

реку и свою маленькую пирамиду — будущую крепость в загробной вечности. Законченная постройкой, она едва возвышалась над пальмами окружающего сада... Уже более двух лет назад отправился Баурджед в неведомые дали Юга. С тех пор никаких вестей не было о судьбе посланных, да и не могло быть. Они или погибли, или еще странствуют там где-то, или возвращаются со славной добычей. Так медленно осуществляются великие дела... Постройка большого канала задержана по совету чати до возвращения войска из страны Нуб с золотом и другой добычей. Хорошо хоть то, что великий ясновидец перестал надоедать ему с постройкой большой пирамиды и храма Ра при ней. Сейчас, когда фараон болен и ослабел духом, ему трудно было бы противостоять настойчивости верховного жреца...

Фараон вздрогнул, когда, как бы в ответ на его мысли, в прорези двери показалась высокая фигура верховного жреца. Кряхтя, он распростерся перед фараоном.

— Его величество, жизнь, здоровье, сила, болен, кости его стали серебром, — ласково заговорил жрец. — Большая вина на мне — давно я не был в городе, и не услышали мои старые уши зова божественной необходимости. Теперь прибыл я отразить болезнь, возродить силу бога!

И поднявшийся по приказу фараона жрец поведал Джедефре о страшной магической силе древнего обряда, записанного в тайной книге, известной только верховным жрецам Ра. Только в самых крайних случаях разрешалось применять этот обряд, разглашение тайны его карается немедленной смертью. Сейчас болезнь живого бога, конечно, позволяет применить великую силу обряда для немедленного излечения царя. Только выполнить его нужно в полной тайне, ночью, в уединенном месте, в присутствии самого великого ясновидца и трех главных и доверенных жрецов. Найдет ли его величество силы, чтобы сегодня же ночью тайно удалиться из города? Обряд можно сделать поблизости, в пирамиде самого Джедефра. Постройка ее только что окончена, и там нет никого, кроме садовников, которые будут ночью мирно спать. Если живой бог ослабел, жрецы понесут его. Только ему нужно спуститься одному, не привлекая ничьего внимания, в сад, к боковой двери в ограде.

Джедефра слушал ласковую и искреннюю речь говорившего, и прежняя вера в могущество Ра, вера, с детства внедрявшаяся в него, возрождалась в ослабевшей душе фараона. Болезнь изнурила его, лекарства помогали мало, а ему нужно, очень нужно было скорее стать снова властным и твердым.

— Разве служителям Ра известно больше, чем жрецам Носатого, владеющим всеми тайнами храмов Тота? — спросил Джедефра.

— Великий Дом сегодня же ночью убедится в ничтожестве жрецов Тота! — воскликнул великий ясновидец, и глаза его засверкали.

Фараон согласился исполнить все, как говорил великий жрец, и высокий старик поспешно удалился. Спустившись в сад, он скрылся в тени деревьев и вышел через боковую калитку, оставив ее незапертой.

Джедефра, ободренный возможностью скорого излечения, с нетерпением дожидался ночи. К вечеру он отпустил всех приближенных и слуг, объявив, что будет один беседовать с богами и чтобы никто не смел приближаться к его покоям.

Верховный жрец выбрал удачно время. Угольно-черная тьма безлунной ночи объяла сонный дворец, погасила блеск реки. В домике стражи у главных ворот светился слабый огонек.

Фараон, неслышно ступая босыми ногами, пошатываясь и вытирая пот от слабости, спустился по лесенке прямо с балкона. Джедефра был взволнован тайной предстоящего обряда, но нисколько не боялся. Чего мог бояться живой бог Та-Кем в подвластной ему стране, где все живое покорно простирается в пыли, целуя следы владыки!

Едва фараон подошел к боковой дорожке, как четыре тени возникли перед ним, склоняясь до земли. Подхваченный крепкими почтительными руками, Джедефра с облегченным вздохом опустился на носилки. Его быстро понесли к реке. Под покровом темноты пересекли широкую площадку на речной стороне дворца и спустились к маленькой пристани. На темной реке фараон разглядел очертания небольшой лодки. Все было, видимо, приготовлено заранее.

Жрецы поставили носилки с фараоном в лодку. Пирамида находилась на левом берегу немного ниже дворца, и лодка спускалась по течению. Провожатые фараона только несколько раз ударили веслами.

На левом берегу повторилось то же. Носилки понесли не к главному входу, а налево, за угол южной ограды. В зловещей тишине чуть скрипнула небольшая дверь южного входа, закрылась снова, и шаги носильщиков стали совсем бесшумными на плитах дорожки. Звезды исчезли, темнота вокруг сделалась совершенно непроглядной, повеяло запахом влажного камня. Джедефра догадался, что его внесли внутрь пирамиды

или заупокойного храма, врытого в землю у ее восточной стороны. Носилки опустились на гладкие плиты пола. Жрецы помогли фараону встать и зажгли факел. Джедефра осмотрелся. Они находились в заупокойном храме, отстроенном для того момента, когда он, Джедефра, отойдет в вечность, когда ему, объединившемуся с богами, здесь будут совершаться служения, а его набальзамированный труп будет заключен глубоко под каменной толщей пирамиды.

Странное, необъяснимое, похожее на страх чувство сжало сердце фараона. Но строгие лица жрецов были спокойны. Они повели фараона в святилище маленького храма. Четыре статуи самого Джедефра занимали всю широкую сторону святилища. Фараон в четырех одинаковых ликах сидел с мрачной и величественной неподвижностью, устремляя взоры из загробного мира на ничтожных и дерзких пришельцев. И опять грудь молодого фараона стеснилась тревожной тоской.

Великий ясновидец, почтительно согнувшись, попросил Джедефра стать у жертвенника — большого куска отполированного гранита, — прямо против четырех статуй.

Джедефра коснулся коленями и руками холодного камня и вздрогнул. Внезапно факел потух, во мраке Джедефра услышал лишь тяжелое дыхание жрецов, видимо взволнованных предстоящим страшным обрядом.

Фараон открыл рот, чтобы спросить о чем-то, но в этот момент слабый свет появился сзади, блеснув на поверхности жертвенника.

Верховный жрец Ра, стоявший около фараона, вдруг взмахнул тяжелой палицей, обмотанной тканью, и обрушил страшный удар на затылок Джедефра. В мозгу фараона вспыхнул ослепительный свет и сразу померк. Без звука Джедефра рухнул на пол, перестав быть владыкой, живым богом Черной Земли. Жрец отпрянул от падающего тела, как бы сам ужаснувшись содеянного. Долгое время мрак и тишина царствовали в пустом, казалось, храме. Наконец, тихий и хриплый, прозвучал голос великого ясновидца:

— Зажгите факел, все кончено!

Жрец подошел к лежащему ничком фараону, приник ухом к сердцу и ощупал затылок. Твердость руки не изменила жрецу — удар был верен. Кость оказалась раздробленной, но снаружи, под волосами и париком, ничего не было заметно.

Жрецы подняли мертвеца и положили на кусок гранита.

— Делайте, как я сказал, — снова обратился к своим сообщникам великий ясновидец. — Нужно спешить!

Двое жрецов могучего телосложения взяли медные молоты, третий высоко поднял факел. Согнувшись и тревожно оглядываясь, мучимые страхом, жрецы дружно ударили по статуям Джедефра. Грохот раздался по храму, посыпались куски голов, плеч, рук, открывая белый излом известняка под темной раскраской.

— Не бойтесь, бейте смелее! — закричал окрепшим голосом великий ясновидец. — Снаружи никто не услышит. А если и услышит — кто может осмелиться войти сюда в ночь, когда властвуют мертвые...

Через несколько минут все стихло. Жрецы погасили факел, унесли из прохода носилки. Под ясными звездами было светлее, страх перестал угнетать убийц. Лодка понесла их на середину реки, жрецы дружно гребли вверх по течению, торопясь в столицу. Задолго до рассвета они причалили к пристани у города. Один повел лодку дальше, а три жреца, никем не замеченные, скрылись в храме Ра.

Великий ясновидец устало опустился в кресло.

— Брат покойного — Хафра — будет фараоном. Он уже оповещен, и все решено между нами... Мы ошиблись, выбрав сначала другого, но сами же исправили ошибку! Теперь дорога Ра исполнится славы в веках и даст множество благ вам, верным служителям бога. Пусть будет ваш отдых спокоен.

И великий ясновидец удовлетворенно закрыл глаза, чтобы вздремнуть перед смутой грядущего дня.

Пять лет миновало с того ужаснувшего всю Кемт дня, когда фараон Джедефра был найден мертвым в своем заупокойном храме, неведомыми путями перенесенный туда из дворца и пораженный рукою богов.

Пять лет лежал Джедефра в своей пирамиде, а его брат, мрачный, деспотичный Хафра, снова с неслыханной силой утвердил безмерную власть фараона, тождественную с властью самих богов, и прежде всего бога солнца Ра.

Снова все силы Черной Земли были собраны для постройки второй гигантской пирамиды, подобной пирамиде Хуфу. Но и этого уже было мало для единого средоточия всей мощи государства, которое представлял собою фараон.

Советники Хафра требовали новых, невиданных построек, чтобы поразить народ и создать непоколебимую основу царскому трону.

На том же плоскогорье, рядом со строящейся пирамидой, тысячи искуснейших рабочих обтесывали громадный выступ

скалы. Все яснее обозначалась гигантская статуя лежащего льва с человеческой головой, с лицом фараона Хафры, увенчанного царским пшентом и змеей. Передние лапы могучего зверя по двадцать пять локтей в длину мощно вытягивались вперед, к берегу реки, как будто пытаясь объять и придавить всю страну Кемт.

Величайшая статуя — древний символ мощи фараона, — называвшаяся Ху[1], смотрела на протекавшую под ней реку, словно сам Хафра молчаливо, величественно и грозно взирал на ничтожную жизнь своего народа. Около статуи Ху строили заупокойный храм Хафра — весь из прозрачного алебастра и красного гранита; из такого же гранита делалась облицовка пирамиды, поражая самих строителей великолепием. Семь статуй Хафра с величайшим трудом высекались из очень твердого черного камня — может быть, новый фараон помнил, как легко разбиваются статуи, изготовлявшиеся прежде из известняка.

Семь лет не было никаких известий об экспедиции Баурджеда. Отважные путешественники были забыты теми, кто их послал. Другие интересы владели государством гигантских построек.

Прошла молва о гибели Баурджеда.

Но в народе говорилось другое — свои надежды на лучшую жизнь народ вкладывал в песни и сказки об отважных путешественниках, ищущих страну духов.

Главный жрец Тота Мен-Кау-Тот, устраненный от двора фараона, уединился в своем храме, мрачно выслушивал жалобы служителей своего бога на обиды и ущемления, чинимые им жрецами Ра и Пта.

Но там, в безмерной дали, воля погибшего фараона продолжала действовать.

Обессиленный трудностями пути, изнуренный болезнями, Баурджед дождался своих спутников, посланных им еще дальше Пунта, за пределы мира. Лишь небольшая кучка людей вернулась в Та-Нутер из далей юга — все, что осталось от когда-то столь многочисленной экспедиции.

Рабы, воины, знатные чиновники — все равно гибли в волнах бурного моря, в знойных лихорадочных болотах, в зубах диких зверей, под копьями и стрелами злых и воинственных племен.

[1] *Ху* — по-древнеегипетски «сфинкс».

Только сила приказа умершего Джедефры удерживала здесь скитальцев, всеми помыслами стремившихся в родную Кемт, цепеневших от ужаса, что, подобно многим товарищам, их души навсегда останутся на чужбине. Семь судов, когда-то покинувших гавань Суу, давно уже перестали существовать, но были готовы новые, заботливо хранимые на берегу в большом тростниковом сарае, на высоких столбах.

Глава вторая
ПОДВОДНЫЕ САДЫ

Под высоким солнцем море, лениво колыхаясь, мутно клубилось тяжелыми испарениями. На отлогой прибрежной равнине толпились песчаные кочки, кое-где поднимали свои раскидистые зонты одинокие акации.

Дозорный воин, протирая слезящиеся от солнца глаза, еще раз посмотрел на голубую туманную полосу горизонта и быстро выскочил из-под тростникового навеса на вершине высокой кучи аккуратно сложенных камней. Бегом спустился с холма и вбежал в ворота толстых глинобитных стен крепости Суу — крайней гавани Та-Кем на Лазурных Водах.

Начальник крепости, за минуту до того изнывавший от зноя, тоски и безделья, сразу сбросил сонную одурь.

— Ты не ошибся? — переспрашивал он воина, спеша на дозорную вышку.

— Нет, я хорошо видел: корабль не похож на наш, но парус, как белая стена, очень широкий.

— Наш корабль, оттуда — это может быть только он, — тяжело дыша, проговорил начальник.

— Осмелюсь спросить — кто «он»? — негромко сказал один из сопутствующих начальнику чиновников, но тот недовольно нахмурился и промолчал.

Одинокий парус приближался, вырастая; уже видны были борта, выкрашенные в черную и красную краску, странный высокий нос и необычайный помост на корме. Слабые крики донеслись в глухом плеске волн, разбивавшихся о прибрежный риф.

Нос корабля устремился в проход между рифами; стукнув, упала тяжелая рея, весла взбили пену, и киль зашуршал о прибрежный песок. Негры по пояс в воде потащили канат, другие сбросили ветхие мостки. Послышались четкие удары — в песок забивали причальный столб.

Двое людей в измятых цветных воротниках вели под руки исхудалого человека в длинной одежде.

Золотой знак фараона Джедефры ослепительно блестел у него на груди. Ступив на берег, приезжий зашатался и опустился на колени, сжав руки и склонив голову. Спутники окружили его, некоторые последовали его примеру, другие стояли в молчании. Спешивший навстречу со своей свитой начальник крепости остановился, почувствовав, что для этих людей сейчас неуместны приветственные слова.

Наконец прибывший поднялся и хрипло заговорил, обращаясь к своим спутникам:

— Вот достигли мы родины; взята колотушка, вбит столб, носовой канат брошен. Скоро, о, скоро увидим тебя, благословенная река Хапи![1]

Он двинулся навстречу начальнику крепости, простирая руки. Редкие слезы катились по исхудалым, изборожденным морщинами щекам.

Жирный, опухший от безделья начальник крепости смутился. Великие переживания этих так долго разлученных с родиной сынов Та-Кем нашли отклик в его душе. Глаза его широко раскрылись; он, потрясенный, зарыдал в объятиях знатного царедворца.

В своем дворце, поблизости от строящейся исполинской пирамиды, фараон Хафра поджидал вестника далеких стран, чудесно возвратившегося Баурджеда.

Каменно-неподвижным сидел Хафра на массивном золотом троне в конце узкого зала, окаймленного двумя рядами деревянных колонн из пальмовых стволов. За спиной фараона застыли два прислужника с опахалами.

Баурджед остановился у входа, отделанного белыми фаянсовыми плитками, в ожидании начальника церемоний, распоряжавшегося приемом. Баурджед шел сюда со странным чувством, не покидавшим его с тех пор, как вернулся он на долгожданную родину. Он точно вырос в страданиях на далеком пути, точно побывал на высоте неба, откуда впервые развернулась перед ним вся необъятность мира, неизмеримая безбрежность Великой Дуги, невероятная протяженность суши.

И горячо любимая родная страна представлялась ему теперь полоской садов перед просторами гор, степей и лесов

[1] Перевод подлинного текста.

далекого юга. А гигантские пирамиды! Только он и его спутники, созерцавшие величие исполинских гор Пунта, видят ничтожество постройки, исполненной по приказу фараона. Там, в рядах островерхих горных цепей, пирамиды затерялись бы жалкими холмиками...

Баурджед украдкой взглянул на застывшего, положив руки на колени, Хафру, перед которым распростерлись самые знатные люди страны, не смея поднять голову и посмотреть поверх возвышения, на котором стоял трон фараона.

Великий владыка, живой бог — фараон. Тот, кто послал его, уже умерший, тот, кто семь лет назад казался ему полным властелином всех его дум и поступков... И этот, еще более величественный и властный, подчинивший всех своему желанию...

Перед мысленным взором Баурджеда пронеслись пройденные им земли, бесконечное море, множество виденных им людей разного цвета кожи, разной жизни, богов и обычаев, вспомнились рассказы о новых странах и селениях там, за достигнутыми пределами.

Величие фараона померкло, фараон не был более богом; впервые предстал он перед Баурджедом только неограниченным смертным властелином своей богатой и могучей, но все же небольшой страны. Впервые почувствовал Баурджед, как мало мог значить фараон во всем большом мире, как ничтожна воля владыки перед ходом жизни этого необъятного мира. Устои привычных понятий рушились, отзываясь страхом в душе путешественника.

Он вздрогнул, когда распорядитель приема неслышно подошел к нему и коснулся его плеча. Лицо царедворца было полно надменной суровости: фараон Хафра не посылал своих даров навстречу Баурджеду и ничем еще не проявил своей милости за великий подвиг, совершенный путешественником. Дары далеких стран, привезенные Баурджедом, уже лежали в царской сокровищнице, и это было, конечно, известно фараону...

Царедворец подвел Баурджеда к лесенке из белоснежного алебастра, ведшей на тронное возвышение. Здесь распростерся Баурджед, а фараон, слегка опустив глаза, скользнул взглядом по спине путешественника, покрытой пятнами и рубцами от залеченных ран и язв. Не поднимая головы, Баурджед рассказал в немногих словах о своем прибытии, о совершенном пути, о целях, с которыми послал его Джедефра.

— Ты выглядишь больным, — медленно проговорил фараон, — пойди отдохни среди родных. Через несколько дней я

призову тебя, и ты расскажешь мне все, что видел и узнал в стране духов.

Едва заметное движение Хафры — и на палец Баурджеда был надет тяжелый золотой перстень. Прием окончился — Баурджед попятился ползком до второй колонны, поднялся и скрылся за ней в сопровождении теперь уже ставшего приветливым распорядителя.

Баурджед вышел через боковую дверь в дворцовый сад, остановился и со вздохом поглядел на дар фараона. Этот маленький кусочек золота, хотя бы и с именем божественного владыки, — разве это нужно ему, перешедшему пространства? Какая награда вернет потерянное здоровье, годы вдали от родных и близких, даст ему детей, которые могли бы быть у него, возродит красоту его жены?.. И что вообще нужно ему, отдавшему так много?..

— Не огорчайся! Нет награды, не будет и наказания, — услышал он знакомый твердый голос.

Внезапно вышедший из-за цветущих кустов Мен-Кау-Тот смотрел на Баурджеда с суровым участием.

— Пойдем отсюда. Я пришел поговорить с тобою, — продолжал старый жрец с прежней властной манерой.

Они вышли из ворот дворца и повернули налево к реке. Мен-Кау-Тот молчал, и только когда они уединились под пестрой колоннадой маленького храма Нейт[1], старик заговорил снова.

— Я знаю, что гнетет тебя, — пристально глядя на Баурджеда, начал жрец. — Будь осторожен и бойся фараона.

Нерадостно усмехнулся путешественник, и, читая его мысли, Мен-Кау-Тот резко спросил:

— Ты думаешь, что слишком ничтожен для того, чтобы навлечь гнев Хафры? Тогда послушай меня, сын мой. Я скажу все, и истинны будут эти слова. За семь лет, с того времени как ты ушел, мало было в Та-Кем людей, которые бы так ждали тебя. Ты служил моим целям, и теперь ты и я — одно...

Удивленный Баурджед хотел спросить старика, но тот остановил его.

— Это неважно теперь — мне недолго осталось жить. А ты должен еще много сделать... Берегись фараона — он ослеплен собственным могуществом. А ты видел большой мир и слишком много знаешь. Фараону не нужно познание далеких стран — весь мир ему лишь средство для собственного возвеличения, для окончания постройки его высоты. Но он хочет

[1] *Нейт* — богиня неба, мудрости и любви в Нижнем Египте.

узнать о путях легкого овладения сокровищами стран, лежащих вокруг Черной Земли. Имей его желание в сердце, когда будешь рассказывать о своем путешествии.

— Не смогу, отец, — грустно ответил Баурджед, — и незачем. Ты прав: я не жду награды, и сердце мое томится печалью.

— Еще раз говорю — берегись, сын мой! Ты уже получил так много, видев то, о чем не мечтал ни один владыка Кемт. Твоя страна, твой народ — разве не наградили они тебя за верность и твердое сердце? Ты еще не слыхал, какие сказки ходят о тебе в народе, как прославил народ в своих песнях тебя и твоих спутников. Твое имя в народе почти наравне с именем отца мудрости Имхотепа. И еще потому берегись Хафры. Когда твоя слава дойдет до жрецов Ра... — Старик замолчал и нехотя поднялся со ступеней.

Внизу едва слышно струилась речная вода.

— Надлежит нам расстаться, — тихо сказал Мен-Кау-Тот. — Исполнится время — и я приду к тебе. — И жрец скрылся между колоннами.

На маленькой площадке близ храма собралась небольшая толпа. Люди разных возрастов и профессий окружили худого большеглазого юношу с лирой через плечо — уличного певца и сказочника.

Он начал рассказывать нараспев что-то, стоя и ударяя ногой о землю в такт речитативу и отрывистому гудению струн. Люди слушали с жадным вниманием, изредка хором подхватывая ударения на созвучных слогах.

— Маасен пет, маасен та, мака шебсен эр мааy[1], — напевал юноша.

Радостно взволнованный, Баурджед понял, что песня прославляла его и его товарищей.

— Они видели небо и видели землю, и храбры были их сердца, более чем у львов, — тихо повторил путешественник.

Песня-сказание, порожденная душой народа — свободной в своей любви и ненависти, неподкупной в оценке свершившегося, — прославляла его. Его, чувствовавшего себя беспомощным изгнанником, думавшего, что родина его забыла. Что могло быть выше и прекраснее такой награды!..

Баурджед обогнул храм с другой стороны площади и направился к дожидавшейся его у пристани фараона лодке, чтобы ехать домой, на северную окраину города Белой Стены.

[1] Подлинный текст.

* * *

Усевшись на ковре посреди низкой затемненной комнаты, Баурджед начал свой рассказ. Фараон Хафра, окруженный сыновьями и приближенными, восседал на кресле рядом с главной женой.

Баурджед был плохим рассказчиком. Но сейчас, во дворце Хафра, он опять почувствовал себя человеком из иного, огромного мира, что простирает свои пространства далеко за пределы Та-Кемт. И перед ним, этим миром, вся роскошь дворца и грозная близость фараона казались не более как торжественной игрой детей в старом и тесном отцовском доме...

Он говорил медленно, стараясь передать отрывочными картинами теснившиеся в памяти воспоминания.

Он начал с того, как семь лет назад его экспедиция пересекла восточную пустыню.

Время путешествия не было благоприятным: едва достигнув полосатой горы Сетха, экспедиция потеряла от жажды и жары двести рабов и полтораста ослов. Они шли дальше с великой поспешностью, сжигаемые зноем, познавшие вкус смерти на своих губах.

Наконец в переливчатых волнах горячего воздуха скрылись позади последние скалы, с плоской равнины заблестело впереди сияющее голубое море. Экспедиция пришла в гавань Суу. Вскоре семь лучших кораблей углубились в безвестную даль на юг.

Баурджед вначале думал плыть открытым морем — там, где манила моряков чудесная сияющая синь. Он надеялся на прохладу и более сильные попутные ветры.

Это оказалось невыполнимым. Удушливая влажная жара изнуряла людей, все предметы покрывались соленой липкой слизью, сильные порывы ветра сменялись долгим затишьем. Опытный в плаваниях кормчий Уахенеб посоветовал вернуться к берегу, от которого они так необдуманно удалились. За несколько тысяч локтей от берега лазурная вода как бы обрезалась белой полоской пены — волны непрерывно бились о выступы подводных рифов, бесконечной цепью тянувшихся вдоль берега. За этой пенной чертой вода принимала цвет изумруда и почти не колебалась. Корабли пошли по изумрудной воде между берегом и рифами. Этот путь оказался самым лучшим. Здесь дули почти непрерывно северные ветры, корабли плыли быстро, не изнуряя гребцов. Пустынный берег был гол и мертв — редко-редко деревья или высокие кустарники виднелись вдали на плоской прибрежной равнине да по

ночам доносились вопли шакалов. Ни следа пребывания человека не встретилось путешественникам на протяжении шестидесяти дней плавания.

Зато в море довелось увидеть незабываемые чудеса. Вначале корабли, затерявшиеся среди сверкавшей расплавленным серебром воды, быстро подгонялись сильными ветрами, и моряки, следя за мелями и островками, ничего не замечали. Позднее они освоились с плаванием, и однажды, когда ветер ослабел и суда медленно двигались по зеркальной глади кристально-прозрачной зеленой воды, впервые предстали перед сынами Кемт прекрасные подводные сады.

В теплой воде под кораблями дно моря было на глубине всего в четыре локтя, устланное серебристым белым песком. Сначала заметили желтые и красные кустики каких-то растений, оказавшиеся при пробе веслом твердыми как камень.

Затем под кораблями замелькали большие лиловые шары, коричневые связки прозрачных бокалов, темно-красные клубни, усеянные массой мельчайших отверстий. Пестрые раковины лежали на дне, между каменными кустами сновали маленькие черно-белые рыбки. Угрюмо клубились над дном черные, мягкие и пористые массы — это были губки, знакомые бывавшим у Зеленого моря. Люди часто бросались в воду, загоняя в сети стаи крупных серебряных рыб.

Однако после того, как путешественники познакомились с опасностями этих изумрудных вод, беспечность сменилась осторожностью.

Какие-то плоские мерзкие рыбы [1] погубили двух воинов, распоров им животы своими тонкими хвостами.

Гигантские черные морские ежи [2] с иглами в локоть длиной наносили долго не заживающие раны.

Попытки схватить диковинно-прозрачных, похожих на студень животных[3], переливавшихся смесью розового и небесно-голубого цвета, кончались воплями непонятным способом обожженных людей.

Но подлинное волшебство подводных садов открылось только после того, как корабли приблизились к белой полосе прибоя. Мелкая изумрудная вода протянулась широким каналом вдоль берегов. Этот канал отделялся от синего открытого моря подводными скалами. Когда частые мели задержали

[1] Скаты-хвостоколы.

[2] Род тропических морских ежей (дионема).

[3] Медузы различных видов.

дальнейшее продвижение, кормчий передового корабля Уахеneб повел суда вдоль подводных скал.

Невольный крик вырвался у наблюдателей — из сине-зеленой глубины внезапно начали всплывать кусты, грибы, деревья, причудливые кружева, смутные, подернутые нежно-зеленой дымкой. Несколько дальше четко вырисовывались, словно вырезанные, молочно-белые и бирюзовые каменные кусты. Их белые и сине-фиолетовые ветви переплетались сказочным узором, ярко освещенные солнечными лучами. Кусты сменялись тончайшей замысловатой вязью цвета сливок, перемежавшейся с тонкими ярко-алыми и пурпурными кустиками[1].

Забыв все, люди всматривались в прозрачную воду, а там по мере движения кораблей подводные сады развертывались в великолепном разнообразии красок и тонов, в неисчерпаемом богатстве оттенков, зависящих от глубины воды. То они едва чудились в полутьме прозрачными голубыми, красными и изумрудными тенями, то выступали совсем близко к поверхности, принимая удивительно яркую и чистую окраску.

Ближе к самому краю рифов ступеньками сбегали в глубину белые и фиолетовые зонтики и чаши, блюда, словно сделанные из слоновой кости; высокие прозрачные розоватые бокалы, извивы просвечивающих голубым огнем пластин и гребней.

Над обрывами в качающихся бликах солнца висели на выступах круглые купола как будто из чистейшего снежно-белого фарфора, усеянного бирюзовыми пятнами и звездами.

Бесконечное разнообразие форм и красок ослепляло растерявшихся наблюдателей. Давно шли корабли над подводными садами Лазурных Вод. Все участники экспедиции, во главе с самим Баурджедом, провели много часов, лежа на бортах кораблей и без устали следя за проплывающими мимо картинами.

Красота подводных садов была волшебной. Десятки раз люди, очарованные небесно-голубым кустом или алым кружевом, бросались в воду и обламывали твердые как камень ветви или фестоны, обжигающие таинственным огнем. Но, вытащенные из воды, они мгновенно превращались на воздухе в серые или грязные обломки, теряя всю свою красоту. Желтые и светло-зеленые живые цветы[2], шевелившие длин-

[1] Описываются коралловые рифы Красного моря. Упомянуты различные кораллы: мадрепоры, миллепоры, турбинарии разных видов.

[2] Актинии, или морские анемоны.

ными щупальцами между волшебными кустами, едва только их поднимали на судно, превращались в бесформенные комки отвратительной слизи.

Подводная красота не давалась в руки человеку, безвозвратно терялась, едва только люди хотели поймать ее, удержать для себя. Суеверный страх охватил сынов Кемт при виде необъяснимых превращений.

Тех наиболее неистовых, которые хотели, нырнув, насладиться очарованием волшебных садов под водой, стерегли страшные ядовитые рыбы[1]. Похожие на толстых змей, по семь локтей в длину, эти рыбы были коричневого и стального цвета, усеянные на спине мелкими черными пятнами. Они обладали пастью с необыкновенными, острыми и длинными зубами. Скрываясь в темных проходах меж дивных кустов, они поднимали вверх голову и страшными выпуклыми глазами следили за пловцами, раскрывая пасти.

Края рифов, обращенные к открытому морю, обрывались сразу в безвестную темную глубину. Там исчезали, растворяясь во тьме, последние силуэты кустов и выступов на крутом обрыве, и глубокая таинственная пучина была мертва и темна.

Иногда оттуда всплывали гигантские рыбы с острым рылом и щелевидным ртом[2], снабженным пилой острейших зубов. Они безжалостно хватали неосторожных купальщиков, мгновенно откусывая руки или ноги. Безмятежное сияющее море оглашалось отчаянными криками, окрашивалось кровью. Приобретя опыт, путешественники купались только в мелкой зеленой воде за рифами. Когда на поверхности моря показывались треугольные спинные плавники гнусных рыб, боязнь и отвращение наполняли мореплавателей.

В первом месяце плавания экспедиция не терпела недостатка ни в продовольствии, ни в пресной воде. Па берегу находились родники, рыбная ловля или охота на птиц доставляла вкусную пищу во время ночевок. Моряки вели суда вдоль берега, готовые при первых признаках бури спасать корабли на суше.

К концу первого месяца корабли обогнули тупой красный мыс[3], за которым берег огромной пологой дугой врезался в материк. Странная белая вода окружила корабли. Путешественники вначале испугались, но потом разглядели, что белиз-

[1] Угреобразные хищные рыбы — мурены.
[2] Акулы.
[3] Мыс Рас-Хамра (см. лоцию Красного моря).

на воды происходила от мельчайшего белого песка[1], взбаламученного прибоем, набегавшим на плоское дно. На берегу поднималась высокая гора с закругленной верхушкой, на которой сверкал огромный круглый глаз, слепивший отражением солнца. Будто око неведомого бога строго смотрело на незваных пришельцев, сея смущение в суеверных сердцах детей Черной Земли. Баурджеду удалось успокоить спутников, объяснив, что такие блестящие пятна встречались ему и раньше на склонах гор, где обнажены скалы из кварца или гипса.

Тем не менее строгий глаз горы навлек на экспедицию целый ряд испытаний.

Еще с утра моряки заметили отсутствие птиц. До сих пор пеликаны, бакланы и чайки в огромном количестве скоплялись на скалистых островках, выступавших на краю рифовых гряд, у полосы прибоя. Здесь они пожирали пойманную рыбу и доверчиво подпускали охотников. В этот день птицы исчезли, и хотя по-прежнему рифы шли нескончаемой грядой к югу, до края горизонта не было видно ни одной. Почувствовав недоброе, опытные проводники и кормчие решили на всякий случай пристать к берегу.

Около полудня неизменно ясное небо впереди закрылось извилистой грядой черно-красных туч, похожих на стадо огромных быков. Скоро во всю высоту неба встали закрученные столбы темных облаков, ветер стих, удушающая темнота скрыла корабли один от другого. Над морем нависла страшная мгла кровавого цвета, и вода тоже казалась озером темной крови.

Путешественники в ужасе пали ниц. Горячий ветер вдруг обрушился на суда с пронзительным свистом. Воздух наполнился мельчайшей песчаной пылью, причинявшей сильную боль глазам, носу и горлу. Жалобные стоны раздавались на кораблях, быстро заглушаемые массой горячего песка, несшегося в море из пустыни.

Кровавая ветряная мгла разъединила людей, каждый оказался предоставленным самому себе, одиноким перед лицом невиданного бедствия. Баурджед, прощаясь с жизнью, закутал лицо плащом и упал на том же месте, где стоял, а на него навалились окружавшие его люди. Крутящийся песок бушевал не более двух часов. Так же внезапно все прекратилось, яркое чистое небо встало над кораблями, серебристое сияние моря опять разлилось до самого горизонта. Несколько человек поддались страху и выпрыгнули на берег, другие, упав в воду, не смогли выбраться, задыхаясь в тучах песка.

[1] Коралловый песок.

Потрясенные испытанием люди думали только о воде, но, к их горю, вода, запасенная на кораблях, почти вся высохла, а на берегу нигде не удалось обнаружить родников. Баурджед приказал спешно плыть дальше, останавливаясь только для поисков воды. К счастью, попутный ветер окреп и погнал корабли, иначе сжигаемые жаждой гребцы не смогли бы долго двигать суда. До захода солнца не удалось найти воды в прибрежных ущельях.

Пришлось плыть ночью. До сих пор с наступлением ночи суда приставали к берегу, и путешественники раскидывали лагерь на берегу, не смея доверить свой ночлег изменчивому морю. Точно так же при первых признаках бури они быстро вытаскивали свои корабли на берег и, недоступные ярости моря, спокойно пережидали непогоду. Теперь, в первый раз, корабли при свете угасавшей в пустыне зари покинули береговой канал и вышли за гряды рифов, в синюю морскую даль. Глубочайшая чернота ночи уже не удивляла Баурджеда. Небо было настолько черным, что звезды казались серебряными и их яркие блики колыхались в темных волнах. Страдания людей усиливались — хриплое дыхание едва проходило через ссохшееся горло, растрескавшиеся губы были сведены судорогой, им казалось порой, что звезды вертелись в бреду перед воспаленными глазами.

Вдруг Баурджед увидел, что очертания корабля явственно обрисовались на воде, лица спутников выступили из темноты. Он невольно ухватился рукой за борт — казалось, корабль поднимается на воздух в волнах непонятного света. Хор испуганных воплей показал Баурджеду, что он не грезит. Преодолев головокружение, он огляделся. Все море вокруг было охвачено пламенем, волны крутили и взметывали голубые вспышки, а пенные всплески у носов кораблей рассыпали миллионы золотых огоньков. Каждое весло, опускаясь на воду, рождало вспышку света, и огненная полоса уходила вдаль за кормой корабля.

Пронизанная светом вода стала прозрачной и легкой, корабль качался в ней, будто брошенный в неведомый мир между водой и небом.

Освоившись с невиданным зрелищем и поняв, что им не угрожает опасность, люди стали замечать в воде животных невероятного вида. Подобные прозрачным лентам, гребням, зонтикам[1], точно сделанные из волшебного гибкого стекла, эти животные колыхались в горящих волнах, сами испуская

[1] Сальпы, гребневики, медузы.

еще более сильный голубой или золотистый свет. Некоторые из них были огромны — их прозрачные купола достигали двадцати локтей в поперечнике, видимые издалека как сияющие островки[1].

Отважный гребец — азиат, бросившийся в море для того, чтобы схватить одно из этих существ, — почти мгновенно погиб. Поспешившие к нему на выручку товарищи покрылись сплошными ожогами, нанесенными тонкими нитями, свешивавшимися с краев зонтика и достигавшими многих локтей длины.

Долго плыли корабли по светящемуся морю, и пораженные люди забыли о своих невзгодах. Но, когда волны внезапно погасли, жажда начала мучить людей с новой силой.

С рассветом ветер утих, при ярком солнце суда еще двигались к берегу на веслах.

Сияющая голубизна моря здесь пересекалась узкими полосами кровавого цвета, простиравшимися вперед и назад до горизонта[2]. Как красные змеи, извивались эти странные полосы, с поразительной четкостью выделявшиеся на прозрачной синей воде. По приказанию Уахенеба, когда корабль находился на одной из красных полос, зачерпнули воды. Вода в сосуде отливала багрянцем, потеряв прозрачность, и действительно походила на жидкую кровь, но без запаха. Откуда же взялись в море эти исполинские потоки крови, какие животные, духи или боги могли пролить такое ее количество? Или это была кровь самого моря?

Страх перед непонятным так же владел Баурджедом, как и всеми его подчиненными.

Но его поддерживала отвага спутников — опытных воинов и моряков: кормчего Уахенеба, его помощника Ахавера, парусного мастера Нехси, начальника воинов Имтоура. Они своим мужеством иногда заставляли Баурджеда — повелителя сотен людей — недоумевать и изумляться: откуда, из каких глубин души черпают они спокойную отвагу, веселый задор и неутомимость, когда, казалось, их усталые тела должны были бы беспомощно простираться по палубе? Мужество людей, постоянно, много дней находившихся с ним рядом, одолевало испуг перед сверхъестественным, перед проявлениями неизвестных сил, во власти которых он находился...

[1] Исполинские тропические медузы до 11 метров в поперечнике.

[2] Скопления микроскопических водорослей, от которых Красное море и получило свое название.

Напрягая последние силы, гребцы вывели корабли из кровавых полос. Вскоре послышался шум прибоя, и наконец суда оказались за пенной границей, у берега. Еще издали было видно широкое устье ущелья, через которое сбегали к морю заросли высоких деревьев — первые рощи, встреченные экспедицией. Никогда еще весла не мелькали с такой скоростью, причал кораблей не выполнялся так быстро. А дальше за песчаными холмами была вода, свежая и чистая, дивного вкуса, изливавшаяся обильным ручейком в прохладной тени пальм, в зарослях собачьих башмаков[1]...

На этом месте Баурджед прервал свой рассказ и, сощурив глаза, словно утомленный от блеска жаркого моря, посмотрел на фараона.

Тот сидел оцепенев; рот грозного властелина приоткрылся, глаза, прикрытые тяжелыми веками, были устремлены вдаль, туда, где в прорезе окна виднелось длинное плоскогорье со строящейся пирамидой.

Хафра медленно выпрямился, принимая снова облик божественного владыки, и приказал принести угощение.

Но едва только присутствовавшие заговорили, обмениваясь впечатлениями, переспрашивая Баурджеда, фараон прервал их нетерпеливым жестом.

В молчании подкрепились едой и вином, и Баурджед снова продолжал повествование.

В рощах деревьев у чистой воды экспедиция отдыхала несколько дней, схоронив четырнадцать спутников, погибших во время плавания без воды. Окрестность изобиловала дичью, и путешественники насладились свежим мясом антилоп и диких свиней. Искусные мастера переделали сосуды для воды, чтобы избежать повторения перенесенного бедствия.

Повернув за мыс, оканчивавшийся холмом удивительно круглой формы[2], корабли долго шли вдоль безжизненной плоской равнины, покрытой солью и ослепительно блестевшей на солнце. На яркой лазури моря были разбросаны дикие скалистые острова. Их число все увеличивалось, росли и размеры. Попадались острова с хорошей пресной водой, поросшие лесом или кустарником или увенчанные высокими холмами по пятисот локтей вышины.

На берегу протянулась длинной полосой песчаная равнина с буграми дымящихся под ветром песков, а за ней, из сухой мглы, начали всплывать отдельные горы такой высоты, о ко-

[1] Древнеегипетское название колючих кустарников.

[2] Район мыса Тхерауба (см. лоцию Красного моря).

торой путешественники не имели никакого представления. Первая огромная вершина широким куполом поднималась в заоблачные выси, за ней вдалеке другая, пониже, была покрыта лесом. Острые гряды черных камней пересекали равнину, подползая к самому морю, береговые обрывы были рассечены узкими, зловещими ущельями.

Плавание шло без особых приключений. За белыми скалами на берегу начались обширные болота, поросшие деревьями с необычайными, торчавшими в воздухе корнями[1]. Болота охраняли три стража — близко от моря высились три острых черных конуса высотой не меньше четырехсот локтей.

Едва только корабли миновали болота с их нездоровыми испарениями, в прояснившейся дали берега показались цепь за цепью величественные островерхие горы[2]. Они возникали вдалеке, как бы плавая в синеватой дымке. Сразу чувствовалось, что они должны быть невероятной высоты. Баурджед и его спутники были уверены, что эти горы те самые, которые отделяют Страну Духов от верховьев Хапи, и радость проникла в их сердца. Здесь впервые заметили людей на берегу — черных нагих дикарей, быстро скрывшихся в зарослях. Только здесь гордые, презиравшие других, непохожих на себя людей сыны Черной Земли поняли радость встречи с человеком.

Беспредельные пустые пространства сотнями дней тянулись перед ними, и ужас одиночества в огромном и пустом мире, чувство беспомощности перед необъятной природой овладевали путешественниками. Теперь оказалось, что они не одни; здесь живут, пусть черные и нагие, но настоящие, подобные всем другим люди. Все моряки с грустью смотрели вслед им, исчезнувшим, точно призраки.

Вскоре путешественники подверглись новому испытанию. Небо потемнело от тяжелых туч, и в неистовом сверкании молний и сокрушающем грохоте грома на сынов Та-Кем полился такой дождь, о котором не слыхали никогда на их родине, где дождь — событие, случающееся раз в несколько лет. Темные облака извивались над кораблями, уподобляясь образу вызывающего бурю злого змея Апопа[3], вспышки молний освещали разверзнутые пасти и хищные лапы.

Сплошные потоки ревущей воды низвергались с небес, заливая корабли; люди захлебывались, едва переводя дыхание;

[1] Мангровые заросли.

[2] Горы Абиссинии.

[3] *Anon* — олицетворение бури, мрака и ужаса в египетском пантеоне.

все мгновенно пропиталось водой. Испуганные яростным громом и ослепленные непрерывными вспышками молний, задыхавшиеся моряки отчаянно вычерпывали воду, наполнившую корабли.

Ливень прекратился быстро; все стихло, засияло горячее солнце, и только на дымившихся берегах долго журчали скатывавшиеся в море потоки.

Кончался второй месяц плавания. Путешественники научились не бояться зловещих скал, ярости прибоя, неземной красоты подводных садов. Даже в багровой темноте песчаной бури или потоках неистовых ливней корабли шли вперед, ныряя черно-красными носами, послушные воле великого фараона Джедефры, движимые упорством людей, закалившихся в борьбе с неведомым. Будто змеи, драконы и другие сказочные чудовища, без конца выползали в море скалистые мысы, уходили назад за корму горящие на солнце бухты.

Но новые трудности ожидали смелых путешественников, подстерегали их за выступами берега, скрывались за пылающим южным горизонтом.

До сих пор берег Лазурного моря был почти прямой, короткие мысы и неглубокие заливы нарушали однообразие этой стремящейся вдаль, подобно полету стрелы, линии. В начале третьего месяца плавания корабли вошли в глубокую бухту, врезанную в берег в южном направлении. Перед кораблями сошлись береговые скалы, прохода вперед не было, и пришлось огибать на веслах длиннейший скалистый мыс, против которого в море виднелись большие острова. За этим мысом корабли встретили сильный ветер. По ровной, подернутой мелкой рябью поверхности моря быстро перебегали отдельные редкие волны. Каждая из волн катилась, поднимаясь округлым горбом с оторочкой пены впереди. Они начали бросать затрещавшие суда, заливать их через борты. Моряки едва успели укрыться между островами. К вечеру ветер ослабел, и можно было бы плыть по успокоившемуся морю, но оказалось, что сила гребцов неспособна преодолеть сопротивление непрестанно дувшего ветра. День за днем дули встречные ветры, люди выбивались из сил. Суда проходили ничтожные расстояния.

Баурджед решил выйти в открытое море, но и там встречные ветры не давали хода кораблям, постепенно отгоняя суда к востоку.

Вскоре путешественники увидели берег и с удовольствием узнали, что ширина Лазурных Вод здесь так же невелика, как и на севере, где суда Кемт переплывали его, отправляясь в

военные походы на рудники восточных стран. Значит, подобно исполинскому каналу, Лазурные Воды протянулись прямой узкой полосой вдаль на миллионы и миллионы локтей расстояния. Восточный берег моря здесь был совершенно мертв и безводен.

Страдая от палящего зноя, моряки приложили все усилия к тому, чтобы пробиться обратно к своему берегу, и пристали туда почти на том же месте, откуда отошли, — у больших островов. По пути видели черных рыб невероятной величины[1], превосходивших в несколько раз длину кораблей. Эти рыбы выставляли над поверхностью моря свои гладкие черные спины, похожие на острова из черного гранита, громко сопели, выбрасывая фонтаны воды, и разбивали воду чудовищными хвостами. Путешественники удалились от этих рыб со всей возможной скоростью. Крепкие корабли Кемт впервые показались им утлыми, ненадежными скорлупками.

Встречные ветры не только не прекращались, но, наоборот, дули почти непрерывно. Баурджед сдался, на время побежденный. Выбрав удобное место, изобиловавшее водой и дичью, путешественники вытащили корабли далеко на берег. Здесь провели они остаток времени наводнения и три месяца посева в томительном ожидании перемены ветров, сражаясь со множеством хищных зверей и ядовитых пауков, казалось, собравшихся со всей пустыни вокруг. Люди страдали без привычной пищи — плодового и пшеничного хлеба, овощей. Все запасы кончились, и дальнейшее пропитание всецело зависело от удачи охотников или от тех съедобных растений, которые изредка попадались в небольших перелесках, заполнявших горные долины высокого берега.

В последний месяц посева вновь подули сильные и постоянные северные ветры, и корабли, починенные и осмотренные, продолжали путь.

Восточный берег Лазурных Вод вдруг начал приближаться к западному. К изумлению Баурджеда, море сузилось до полусотни тысяч локтей[2]. Оба берега были мрачны и бесплодны — черные горы торчали подобно множеству свиных сосцов. Грубая черная земля, не родившая ни травинки, покрывала все вокруг.

Едва корабли миновали это узкое место, берега стали быстро расходиться, беспорядочные волны толкали суда, опасно кренившиеся и иногда зачерпывавшие воду.

[1] То есть китов.

[2] Баб-эль-Мандебский пролив.

У двух кораблей оборвались реи, корабль Баурджеда дал течь. Полдня плыли при таких угрожающих обстоятельствах, затем огромная, просторная бухта раскинула свою гладкую, спокойную поверхность[1].

Моряки поразились внезапной перемене — исчезла влажная и душная жара, сопровождавшая их все долгое плавание по Лазурным Водам. Воздух стал легок и чист, как воздух благословенной Кемт. Люди обрадовались этому, как счастливому предзнаменованию.

Берега вдали зеленели, издали чувствовался странный аромат, доносившийся от земли.

Горы были покрыты кустарниками и низкими деревцами с плотной блестящей листвой. Все эти растения издавали очень приятный запах.

Корабли плыли еще несколько дней вдоль берега, на юг, и тут случилось непонятное. Берег встал против дневного солнца, пути на юг дальше не было. Баурджед и его спутники растерялись: вместо того чтобы достичь края суши на берегу Великой Дуги, они дошли до края моря. Смущение закралось в сердца — приказ фараона оказался невыполнимым.

Корабли повернули на восток и двенадцать дней плыли вдоль берега, подолгу простаивая на суше от бурных налетов ветра и волн по восьми локтей высоты. Страшные темно-красные тучи неслись яростными шквалами, сильнейшие дожди с ревом изливались на пустынный берег, усеянный горами сыпучих песков. А берег все более отворачивал от восточной стороны к северной.

Сомнений не было — Великая Дуга таинственно исчезала куда-то, и они достигли пределов мира. Но где же волшебный Пунт с его богатствами, с похожими на народ Черной Земли жителями, со множеством селений на берегах моря?

В необозримую даль вперед уходил безлюдный берег, и все так же в глубине суши над ним возвышался ровный и невысокий скалистый уступ, изрезанный сухими оврагами.

Баурджед остановил экспедицию. Никто не ожидал такого конца. Готовились к новым, неслыханным трудностям, невероятным чудесам, может быть, к гибели. А здесь, после дивных приключений в пути по Лазурным Водам, — сухая и жаркая ненаселенная земля, преградившая путь на юг.

Снова вытащили корабли на берег, построили хижины. Из лагеря у подножия желтых утесов разошлись в разные сто-

[1] Аденский залив, где гораздо прохладнее, чем в Красном море.

роны вооруженные отряды — для разведки страны и в поисках пищи.

Сам Баурджед во главе ста двадцати воинов и вооруженных рабов двинулся на юг. Он поднялся на голые плоские горы, пройдя пятьсот тысяч локтей от берега.

Далеко на западе высилось полчище гор той же неслыханной высоты, какие они видели за большими болотами в пути по Лазурным Водам. Они теснились грозной толпой, поросшие лесами, прикрытые облаками, лежавшими, точно на отдыхе, на их острых, иззубренных плечах. На юге перед Баурджедом расстилалась, насколько хватал глаз, желтая горячая пустыня без оврагов, рощ или оазисов. Ни одна река не пересекала светлую, казавшуюся рыхлой равнину, ни одно озеро не блестело радостным огоньком на однообразной плоскости.

А на востоке — там шли без конца такие же плосковерхие уступы, как и тот, с которого Баурджед пытался проникнуть взглядом в неведомое. Ни следа городов или селений, ни даже признака кратковременного пребывания человека.

В тяжелом раздумье Баурджед возвращался назад. Трудности похода его отряда, дни без питья под злобным, гнетущим солнцем, бессонные ночи, полные тревожных мыслей, — все оказалось напрасным, загадка осталась неразрешенной.

Но в лагере встретили его неожиданные вести.

Один из отрядов, посланных на запад, после пятидневного пути наткнулся на маленькое селение, расположенное в лесистой долине, уходившей к подножию западных грозных гор. Неведомые люди были умны и понятливы. Вооруженные *только легкими копьями и кремневыми ножами, они пасли* стада коз на склонах гор, в изобилии населенных дикими зверями. Язык их был неведом никому из рабов, взятых из-за Врат Юга[1]. Но с помощью жестов и рисунков на песке людям Баурджеда удалось объясниться с ними. Смелые и гордые, они нисколько не боялись странных пришельцев с оружием из невиданного металла, снабженных дальномечущими луками. Никто из них не согласился идти в лагерь, и угрозы начальника Имтоура едва не испортили дела.

Наконец они поняли, что пришельцам нужно узнать об окружающей стране. За меч из блестящей меди двое юношей отправились вверх по долине и возвратились через десять дней с тремя старцами, проведшими свою долгую жизнь в беспрестанных перекочевываниях по стране со стадами скота

[1] То есть за южной границей Египта.

и в охотничьих походах. После долгих и трудных объяснений выяснились неслыханные вещи.

К югу лежала бесконечная богатая страна, но путь к ней был прегражден высокими горами и безводными пустынями. Расстояние было так велико, что требовало многих месяцев пути, и без вьючных животных нечего было и думать пускаться в такое предприятие. Но море, оказывается, вовсе не кончалось здесь. Старики не могли объяснить этого в подробностях, но единодушно утверждали, что дальше к востоку находится край земли и только одно безбрежное море омывает этот предел мира.

Обрадованный вестями, Баурджед решил плыть дальше. Но прежде чем корабли могли тронуться в путь, пришлось потратить еще три месяца на заготовку запасов продовольствия.

Три месяца посланцы Та-Кем жили бок о бок с жителями бесплодных гор. Надменный царедворец Баурджед, у себя в Та-Кем смотревший на каждого темнокожего человека из пределов Юга как на заведомого раба, здесь восхищался своими случайными соседями, любовался их гибкими, сильными телами, сказочной смелостью охотников, выходивших с копьями против львов в одиночку.

Не раз Баурджед охотился вместе с вождями племени, забыв о всякой важности, заглядывался на юных стройных девушек, едва прикрывавших свою наготу скудной одеждой.

За малейшую обиду, нанесенную местным жителям, Баурджед установил немедленную казнь, но строгий указ не пришлось привести в исполнение: никто, даже заносчивые ливийцы, ни разу не поссорился с соседями — так сильна была у них тоска по человеку после страхов безлюдного моря.

Пять месяцев стояли здесь корабли; уже год прошел со времени отплытия из гавани Суу.

Глава третья
ВЕЛИКАЯ ДУГА

Снова поднялись истрепанные, много раз чиненные паруса, заскрипели весла в истершемся дереве. Не подозревая о грозной опасности, Баурджед повел свои семь судов на новые поиски края Великой Дуги и волшебного Пунта. Опять прохладный, могучий простор морского воздуха оживил привыкших к нему моряков. Длинной лентой развертывался однообразный песчаный берег; возвышавшиеся поодаль утесы окрашивались в солнечных лучах в разноцветные, то мрачные, то

радостные узоры. Встречное течение замедляло путь, но, несмотря ни на что, уходили на запад все новые и новые тысячи локтей берега, неуклонно увеличивая расстояние до священной Черной Земли, отдаляя срок возвращения.

При появлении багровых туч суда поспешно укрывались на берегу, вытаскиваемые десятками сильных рук. Так удавалось избегать внезапных ветров потрясающей силы, которые иначе давно бы покончили с экспедицией Баурджеда. Здесь пришлось плавать больше ночью, чем днем. После полудня ветры дули с моря и относили корабли на мели к берегу. Ночами яркая луна хорошо помогала морякам избегать небольших, но острых подводных скал, обозначавшихся в блестящем серебре моря матовыми кругами разбитых волн.

Луна была уже на сильном ущербе, когда ночью моряки заметили, что черная стена скалистого берега повернулась вправо, на юг. Взволнованный кормчий разбудил Баурджеда. Но берег не кончался, и суда шли вдоль него всю ночь. Встала заря. Носы кораблей были направлены на ее алый огонь, и вдруг берег справа исчез, удаляясь назад, за корму последнего судна[1].

Навстречу вставали волны невиданных размеров. Высотой они лишь немного превосходили уже виденные моряками восьмилоктевые волны Лазурных Вод. Но те возникали только при бурных ветрах, вздымаясь с яростной быстротой, и, словно разгневанные духи моря, метались в поисках жертвы.

Теперь же волны при слабом береговом ветре широко развертывали перед моряками свои темные склоны, величаво, медленно и грозно вздымая свои верхушки, увенчанные багряным светом зари. Они не метались, наталкиваясь друг на друга, — нет, волны шли спокойно рядами, цепь за цепью, будто наступающее полчище могучих великанов. И само необозримое море казалось чудовищной грудью, дышавшей мерно и плавно, порождая при каждом вздохе новую гряду водяных гор. Страх охватывал людей, словно сама их жизнь исчезала в величавой бесконечности океана.

Не было больше голубого сияния, лазурного цвета прозрачного теплого моря. Вода потускнела, темно-зеленая ее масса не давала возможности проникнуть взорам в глубину, синевато-серые отблески ложились на гладких скатах колышущейся пучины.

[1] Суда прошли восточную оконечность Сомалийского полуострова — мыс Гвардафуй.

Корабли взлетали на тяжкую грудь водяного вала, быстро низвергались в темные провалы и снова, задрав носы и поникнув кормой, устремлялись вверх до следующего падения. Казалось, чьи-то мощные, безжалостные руки играли судами, точно скорлупками, мерно подбрасывая и опуская беспомощные корабли. Паруса захлопали, провисая и снова надуваясь, загремели реи, затрещали весла под давлением водяных гор. Кормчие, покрывшиеся потом с головы до ног, испуганно призывали себе на помощь гребцов. Неверное управление угрожало страшным бедствием, при малейшей ошибке растерявшихся гребцов весла переламывались, как тростинки, или тяжко ударяли людей, калеча их.

Молчание нависло над кораблями, нарушаясь только ударами воды и треском дерева. Настороженное, прерывистое дыхание выдавало волнение людей. Все понимали, что перед ними какое-то новое, невиданное море, более грозное, чем то, по которому они так долго плыли. Непобедимая мощь чувствовалась в его просторе, подавляла вздымавшимися грядами водяных гор.

Баурджед приказал во что бы то ни стало повернуть обратно к берегу. С большим страхом кормчие принялись выполнять опасный маневр. Благодаря веслам удалось быстро развернуть корабли, не подставляя их открытые борта ударам громадных волн.

Берег уходил круто на юг, устремляясь еще правее, и Баурджед наконец понял. Они обогнули огромный, величиной с целую страну, выступ суши и достигли Великой Дуги, испытав впервые ее грозное дыхание.

Лазурные Воды оказались не более как ее заливом, узким отростком. Теперь берег отклонялся к западу; если так, то скоро они увидят южный край мира на берегу Дуги.

Баурджед поделился своими соображениями со спутниками. Неописуемая радость осветила лица, только что помрачневшие перед зрелищем мощи океана. Значит, скоро будет выполнено поручение фараона, скоро начнется обратный путь, пусть бесконечно далекий, пусть угрожающий снова всеми перенесенными страхами, опасностями и страданиями, но путь, ведущий к мирным полям святого Хапи!

Как далеки были эти наивные мечты от страшной действительности! Корабли приблизились к берегу, и сейчас же новый страх смял возникшую было радость.

Угрюмые утесы высились отвесно, залитые светом утреннего солнца. Море билось о них с оглушительным грохотом, высоко вверх летели столбы сверкающих водяных брызг. Гро-

мадные водяные горбы, побелевшие сверху, вспучивались под берегом, черные гряды злобно ощеренных скал вставали и снова скрывались в рушащихся валах пены. При каждом спаде волны черные зубы утесов будто выпрямлялись, сбрасывая с себя бешено льющиеся струи воды. Этот берег более не сулил безопасного приюта кораблям Баурджеда. Острые скалы грозили смертью, рев прибоя возвещал немедленную гибель.

И суда, подчиняясь всемогущей силе, во власть которой они так внезапно и незаметно вошли, опять повернули от спасительной суши к грозному лицу Великой Дуги.

Вода вокруг была необыкновенно холодна и темного цвета. Гнилой, неприятный запах бил в лицо вместе с брызгами пены. Корабли шли медленно, беспомощно мотаясь в громадных волнах. Кормчие стремились сохранить направление вдоль берега, едва заметного справа.

В своем соединенном упорстве люди не сломились, а продолжали борьбу еще более ожесточенно. Понемногу моряки освоились с волнением, гребцы заработали увереннее и смелее, часто сменяя друг друга. После полудня ветер с моря понес корабли быстрее и быстрее прямо на юг, и к вечеру суда проплыли большое расстояние, подошли к берегу, и моряки снова убедились в невозможности пристать.

Ветер становился сильнее, с шумом рвал паруса; их пришлось спустить.

С поникшей головой Баурджед стоял на переднем корабле, оглядывая остальные шесть, нырявшие и качавшиеся подобно игрушечным деревянным уткам, какие он любил пускать мальчиком в садовом бассейне. В памяти мелькнули теплые, яркие краски родных садов, покой и тишина отцовского дома.

С чувством попавшего в западню зверя Баурджед оглянулся вокруг.

По-прежнему мерно вздымались огромные волны, только ритм их дыхания заметно убыстрился. Последние лучи солнца угасали вдали, за белевшей полосой бурунов, а в небе висела зловещая густая облачная масса, освещавшаяся снизу частыми вспышками молний.

Тяжелое ощущение недоброго, готовящегося ему и его спутникам, давило Баурджеда. Маленькие, недавно казавшиеся такими уютными и надежными корабли скучились вокруг головного — начальники кораблей ждали приказа, отвергнутые землей, затерянные в море на краю мира.

Все более крепло у Баурджеда сознание, что корабли Та-Кем не годились для плавания по Великой Дуге.

Но ничего нельзя было сделать. Он — полный владыка душ и тел своих спутников, начальник воинов, исполнитель воли всемогущего фараона — чувствовал себя сейчас неопытным, робким мальчиком, готовым спрятать голову в коленях у матери, если бы она была здесь.

Тьма сгущалась над морем, свист ветра становился резче и заунывнее, а молнии все чаще сверкали, освещая рваные края темных облаков.

С корабля на корабль прокричали распоряжение Баурджеда — плыть всю ночь по ветру, ни в коем случае не разлучаться, держась ближе друг к другу. Подавать постоянные сигналы ударами в медные щиты...

Мрак разъединил корабли, погрузив людей в одиночество. Он был так густ, что с носа нельзя было видеть, что делается на корме. Только огни молний давали возможность следить за соседними кораблями.

Страшные крики, вой и вздохи неслись из-за туч, как будто сам мрачный Сетх[1] или грозная Сохмет[2] — львица, пожирательница людей, — спорили там из-за добычи. В вое ветра люди слышали окликавшие их голоса и в страхе оглядывались с бьющимися сердцами. Зловещее томление и тоска охватывали людей, точно звавший их голос принадлежал самой смерти.

В надрывный скрип дерева и унылое завывание ветра со всех сторон вплетались зловещие медные удары, подобные невыразимо напряженным вскрикам. Им изредка вторили глухо доносившиеся человеческие слова — отрывочные, бессвязные и от этого казавшиеся испуганными.

В полной угрозы ночи корабли быстро шли к югу, гонимые, как сухие листья в ветер. Слева и спереди часть горизонта непрерывно светилась, будто там собрались со всего мира зарницы и молнии.

Вздох, вырвавшийся из груди Баурджеда, потонул в громовом реве вдруг налетевшего ветра. Корабль повалился набок, и Баурджед упал на колени, сильно ударившись головой. Сознание покинуло его, и он неминуемо полетел бы за борт, если бы смелый моряк по имени Антеф не удержал его, прикрыв собственным телом, в углу между краем борта и палубой.

Когда Баурджед снова открыл глаза и сознание вернулось к нему, он долгое время не мог сообразить, где находится. Его

---

[1] *Сет*, или *Сетх* — бог подземного царства, владыка темных сил.

[2] *Сохмет* — богиня войны, голода и болезней в образе львицы.

окружало что-то исполински громадное, несущееся, давящее. Он чувствовал под собою по-прежнему твердую палубу корабля, но она исчезала под крутящейся пеной. Размахи судна превратились в быструю смену взлетов и падений, похожую на скачку раненой антилопы. Понемногу Баурджед заставил себя соображать, отчаянно сжимая голову в ладонях.

Полное злобы рычание ветра, душившего его, мешало ему прийти в себя.

Гром вздыбленного моря убил все звуки. Только рев ветра яростно спорил с раскатами водяных гор.

На палубе корабля, под обломками сломавшейся мачты, лежали гребцы, вцепившись в вытащенные на палубу весла. Часть людей, обвязавшись веревками, держала рулевые весла. Группа воинов распростерлась на палубе, удерживая своими телами покрышки трюмных отверстий, наскоро сооруженные из парусов.

Бледно-серый мертвый свет слабо освещал все происходящее. Иногда вдруг оно выступало с жуткой отчетливостью в слепящей вспышке молнии, подобное бредовой картине.

Баурджед в смертельной тревоге старался разглядеть другие корабли, скрытые провалами волн и полосами пены. Посмотрев на эти заливаемые водой скорлупки, он понял до конца весь ужас своего положения.

Два корабля слегка опередили корабль Баурджеда, держась справа от него. Сквозь дикую пляску гребней волн и взмахи хвостов пены он различил на них тонкие треугольники уцелевших мачт. Слева и сзади шли еще три корабля, а седьмого нигде не было видно. Великое чудо было в том, что шесть кораблей пока шли, и еще большее чудо, что бешеная сила бури не разметала их по темному кипящему морю.

Внезапно один из кораблей, шедших слева, резко накренился; мелькнули людские руки, вздыбленные весла. Через мгновение дно опрокинувшегося судна показалось в косматом гребне исполинского вала и исчезло. Оцепенев от ужаса, Баурджед и державший его воин смотрели на гибель спутников. В волнах едва виднелись головы нескольких людей.

Боевой огонь возмущения зажегся в угнетенном Баурджеде. Он должен был что-то делать, сражаться с этой губящей, пусть необоримой силой. Цепляясь за что попало, он пополз к кормовой части судна, где дверь в заднее, крытое помещение уже поддавалась под напором заливавшей корабль воды. Все дальнейшее вспомнилось Баурджеду неясными, спутанными обрывками. Он помнил, как рубили борта, чтобы облегчить сток воде с палубы, как он сам и знатные чиновники его свиты

вместе с рабами бешено отливали воду в черной тьме внутри судна, избитые ударами качки, как неистово пытались заделать все отверстия в палубе, неосмотрительно прорезанные строителями, никогда не знавшими ничего о Великой Дуге. Баурджед помнил искаженные, мокрые неузнаваемые лица, мелькавшие вокруг него во вспышках молнии. Сыны Кемт и рабы — негры, ливийцы, азиаты — сражались со стихией во имя жизни.

С чувством благодарности и восхищения Баурджед следил за сильной фигурой Уахенеба, обрисовывавшейся на корме сквозь пелену летящей пены. Иногда особенно яркие вспышки молнии вырывали из тьмы его твердое лицо с запавшими от невероятного напряжения щеками. Кормчий с тремя помощниками изнемогал, удерживая рулевое весло — единственную надежду корабля.

Уахенеб криками подбодрял товарищей по другую сторону кормы, его резкая команда прорывалась через оглушительное неистовство бури. И люди, забывая страх смерти, беспрекословно подчинялись рулевому, сумевшему держать корабль против неслыханной силы Великой Дуги, вселить надежду в их потрясенные сердца, помочь найти силу в усталых телах. И работали с нечеловеческим напряжением.

Баурджед помнил еще одно страшное зрелище, неизгладимо запечатлевшееся в душе. С его кораблем сблизились два других. Один — с украшенным медью носом, где начальником был любимец Баурджеда, веселый Симехет, — внезапно стал погружаться кормой. Десятки людей посыпались за борт, в губительные волны, стремясь к шедшему рядом кораблю Мерира. Протянутые руки конвульсивно цеплялись за его борта, спасение пловцов казалось совсем близким.

Но тут, закрывая полнеба и касаясь вершиной низких туч, поднялся вал двадцати локтей в вышину. Корабль Мерира не смог, отягченный спасавшимися, своевременно повернуть и ускользнуть от чудовища. Косматая вершина гигантской волны хищно загнулась вперед, и тяжелая масса воды обрушилась на корабль, отшвырнув в сторону судно Баурджеда. Никто не всплыл на месте гибели двух кораблей, только какие-то обломки иногда мелькали между волнами.

Смерть была неизбежной, и все же люди на судах продолжали борьбу, перестав сознавать все, кроме необходимости сохранения корабля.

Моряки не заметили, что борьба становится легче, что хриплые, отрывистые восклицания уже слышны сквозь бурю, что серый полумрак синеет и размахи корабля замедляются. Но только когда яркий солнечный свет залил все вокруг, они

поняли, что вырвались из лап ревущей неумолимой смерти, что будут жить.

Солнце уже клонилось к закату — так долго несла корабли ужасная буря. Из уцелевших обломков долго собирали мачту; подняли ее, распустили большой синий флаг — Баурджед давал сигнал тем судам, которые спаслись. Если спаслись... Но вскоре приблизился один корабль, потом другой. Невыразимо велика была радость снова увидеть товарищей. Три корабля направились к заходящему солнцу и тут заметили впереди, в бушевавших вдали волнах, еще одну черную точку. То был четвертый корабль...

Баурджед замолчал и провел рукой по изменившемуся, взволнованному лицу. Потрясенный фараон велел принести вина и крепкого пива.

Отдохнув немного, Баурджед продолжал рассказ.

Каждый из путешественников после бури сделался «подобным человеку, схваченному в темноте. Тела их дрожали, сердца отсутствовали в них, и они не могли отделить жизнь от смерти»[1].

Разбитые, наполненные водой корабли тяжело переваливались на высоких волнах, треща и содрогаясь, словно в воспоминаниях пережитого. Все помыслы людей были устремлены к берегу. Если земля снова отвергнет их, встретив грохотом и пеной прибоя, то смерти не избежать. Не хватит сил пробыть еще ночь в объятиях Великой Дуги, невозможно спасти поврежденные суда...

Медленно подвигались суда к берегу — далекая туманная полоска против солнца оставалась все той же, не давая ответа на терзавший моряков вопрос.

Корабль Баурджеда, на котором осталось больше весел, шел опять впереди. Незаметно море посветлело, качка ослабла — корабли медленно взлетали вверх и плавно опускались на редких длинных волнах. На взлете с высоты большого вала с судна внезапно увидели берег, оказавшийся совсем близко. Низкий и песчаный, он полого уходил под широкие разливы и всплески накатывавшихся волн. Водяные валы медленно вставали длинными стенами, их верхушки горбились, блестя на солнце, как спины громадных животных. Неуловимо быстро гребни валов закручивались вперед и с глухим шумом простирались на гладком песке.

[1] Подлинный текст.

Путешественники не успели оглянуться, как суда оказались на песчаной отмели, заливаемые водой.

По горло в воде, под могучими и ленивыми ударами волн моряки отчаянными усилиями вытащили свои корабли дальше на берег.

Несколько пальм, покорно склонивших свои стройные кольчатые стволы перед лицом Великой Дуги, говорили о присутствии пресной воды.

Под их растрепанными морским ветром кронами чувство покоя и безопасности наполнило сердца измученных людей. Очень скоро все забылись тяжелым сном, не думая о дальнейшем, все еще переживая случившееся.

Здесь, на этом пустынном берегу, к Баурджеду с полной ясностью пришло сознание необъятности мира, исполинского величия еще не покоренной человеком природы и чувство бесконечной оторванности от милой родины.

К утру суда оказались далеко от моря, на голом песке. Путешественники уже знали, что море с правильными промежутками то наступает на сушу, то отступает от нее, и поэтому не удивились. Осмотр кораблей показал ряд серьезных повреждений.

Снова построили лагерь на неведомом берегу, снова разошлись в разные стороны отряды в поисках нужного дерева, смолы и пищи.

Страна была жаркой, пустынной и неприветливой, но прошло много времени, прежде чем удалось ее покинуть. Путь на юг продолжался. Оставалось уже меньше половины людей, отправившихся из гавани Суу, износилась одежда, кончились взятые с родины запасы.

Корабли шли и шли вдоль берега, избегая мощного волнения, неуклонно стремясь на юг, в нетерпеливом ожидании окончательного поворота берега на запад.

Ночами на берегу раскидывалось над ними необычайно черное небо, на котором всплывали с юга новые, чуждые по очертаниям созвездия, а родные, знакомые звезды с каждым днем опускались все ниже, к северному горизонту.

Чужое небо пугало людей, вечная неизменность его, усвоенная опытом многих веков у себя в Та-Кем, рушилась, непонятное вновь вставало перед людским умом, терявшимся в догадках.

И даже солнце как будто бы взбиралось все выше на небо; в полдень оно стояло прямо над головой, обрушивая каскады прямых, как стрелы, все пронзающих лучей.

Ветры, дувшие с суши, приносили странные запахи. В них чудились ароматы неведомых цветов, удушливые испарения

громадных болот, сухое и горькое веяние сожженных степей. Там, за невысокими горами, на запад шла загадочная, полная тайн земля, несомненно изобиловавшая всевозможными чудесами. Но берег оставался пустынным в течение двадцати дней плавания, пока прибрежные горы не стали высокими и кругловершинными и не оделись в зеленый ковер густейших лесов. В знойные часы дня от них шел одуряющий запах, круживший голову. Словно все драгоценные ароматы смешались и пропитали тяжелый воздух. Леса подползли к берегу, редкостные обезьяны гуф и киу во множестве скакали по ветвям и спускались на землю, привлеченные видом судов.

Тут обнаружилась новая беда — в днищах кораблей образовались большие дыры. Какие-то морские черви источили крепкое дерево, и оно стало распадаться при ударах волн или трении о песок во время причалов.

Испытанные во всех опасностях, избежавшие столько смертей, путешественники впали в безысходное отчаяние.

Единственным крепким мостиком, связывавшим их с далекой родиной, были корабли — залог возвращения. Без кораблей на чужих берегах края земли в безмерной дали от Черной Земли — как смогут они вернуться, как найдут покой смерти в Кемт?

Починяя разваливающиеся корабли, экспедиция продолжала путь.

И вот наконец гигантские деревья неслыханной, невообразимой высоты подошли близко к морю. Устье большой реки обозначилось пятном темной воды, вторгшейся в сине-зеленые волны Великой Дуги. Тысячи синих птиц с длинными носами покрывали воду у берегов, розовые тучи фламинго [1] светились на солнце, белые цапли сновали повсюду, и важные пеликаны отдыхали, покачиваясь на глади широкой открытой бухты.

Корабли обогнули небольшой плоский мыс, и тут перед глазами путешественников предстало все то, о чем они мечтали в бурных волнах моря или на мертвых берегах под молчаливыми звездами все долгие дни невероятного пути.

Большое селение раскинулось на плоском берегу моря. Круглые дома с коническими крышами из тростника стояли на высоких сваях, под сенью отягченных плодами деревьев. Вдали, на склонах холмов, виднелись засеянные поля. Огром-

[1] *Фламинго* — болотная птица красивой розовой окраски, с длинной шеей, длинными ногами и большим, круто загнутым вниз клювом.

ное стадо коз и коров с неимоверно длинными рогами отдыхало в тени широколиственных толстых деревьев. Желтые вислоухие собаки бегали по берегу и лаяли на приближавшиеся суда.

Навстречу спешили толпой крепкие, стройные мужчины в белых набедренных повязках и женщины в коротких белых платьях с одинаковыми узкими белыми лентами поверх длинных вьющихся волос. Цвет кожи незнакомцев был такой же, как у сынов Кемт.

Затаив дыхание они следили, как один за другим приближались и причаливали невиданные корабли.

Медленно подошел бородатый вождь с кинжалом за поясом, со множеством золотых браслетов на правой ноге.

Повинуясь его знаку, навстречу Баурджеду несли плоские корзины с грудами ярко-желтых и зеленых чешуйчатых плодов.

Так свершилась мечта народа Черной Земли, предвидение Джосера, воля Джедефры, — экспедиция достигла сказочного Та-Нутер, или Пунта, после полутора лет беспримерного плавания. Страна была обширной, богатой благовониями и золотом; необычайно вкусные плоды доставляли обильную и разнообразную пищу.

Жители Пунта и в самом деле походили на сынов Кемт и, несмотря на то, что не понимали их языка, гостеприимно приняли путешественников, которым показалось, что они прибыли в сказочную страну духов счастья. Но то было лишь первое впечатление после многих месяцев борьбы с морем и пустынями, со страшными силами Великой Дуги.

Баурджед хорошо запомнил, как однажды в ответ на его восхищение страной кормчий Уахенеб сердито сказал, что высокие сановники в Та-Кем и здесь, в Пунте, не хотят видеть страданий простых неджесов — бедняков. А Пунт, по мнению Уахенеба, только тем и отличался от Черной Земли, что здесь не было армии чиновников, но зато во главе каждого рода стоял свой вождь, притеснявший своих подданных по своим собственным законам — иными словами, без всякого закона.

Скоро Баурджед сам убедился в этом. Легенда о счастливой стране развеялась дымом костра на морском берегу. Не хотелось возвращаться с такой вестью на родину, всегда, с очень древних времен видевшую в Пунте страну мечты, страну надежд народа на хорошую жизнь.

Оставалось узнать край земли на Великой Дуге, и эта задача казалась легкой: так далеко уплыли корабли Баурджеда, что никто не сомневался в близости Пунта к окраине мира.

Теперь они достигнут ее даже по суше, без своих источенных червями судов.

Полгода экспедиция знакомилась со страной мнимых духов; изучала обычаи и язык, узнавала дороги, вела торговлю, меняя оружие, ткани и украшения на золото и ароматные смолы деревьев Пунта. Потом настало время идти на поиски края суши. Лишь после выполнения этого следовало думать о возвращении.

Но больше трех лет пришлось еще пробыть в далекой стране, а пределы суши так и не были достигнуты.

Оставив наиболее искусных людей на берегу для постройки новых судов, Баурджед послал отряд на запад, а сам отправился на юг с основными силами оставшихся воинов, используя в качестве вьючных животных маленьких пестрых быков с длинными рогами. На восьмом дне пути тяжелая лихорадка свалила Баурджеда. Его отнесли обратно в прибрежный город, а экспедицию вместо него повели начальник воинов Имтоур и кормчий Уахенеб.

Баурджед поник головой и печально посмотрел на фараона. Лучи заходящего солнца осветили его лицо с запавшими щеками, глубокие тени легли вокруг глаз и рта печатью бесконечной усталости. Длинный рассказ, потрясающие воспоминания измучили путешественника. Баурджед приподнялся и достал из принесенной с собой шкатулки несколько свертков, которые с низким поклоном подал фараону.

— Дальше мой рассказ не может быть полным, — тихо проговорил он. — Я был между жизнью и смертью много месяцев, а потом сделался слабее недавно родившегося младенца. Вот здесь писцы, по моему приказанию, записали все то, что случилось с нами в попытках достичь края земли. Я осмелюсь предложить эти книги его величеству, жизнь, здоровье, сила...

Хафра недовольно сдвинул брови.

— Мы слышали от тебя так много чудес, — прозвучал металлический ясный голос фараона, — и хотели бы узнать скорее конец путешествия. Соберись с сердцем, отдохни в моем дворце и перед ночью продолжишь рассказ. Помни, что я еще не слышал от тебя самого главного...

Удивленный словами фараона, Баурджед покорно дал отвести себя в маленькую угловую комнату. Там путешественник лежал в одиночестве, наслаждаясь прохладой. Перед его закрытыми глазами без конца проплывали видения из дале-

кого мира, потревоженные в памяти. Баурджед не мог заснуть, размышляя о том, чего же хочет от него фараон, и вспоминая недавний разговор со старым жрецом Тота.

Наступила ночь, когда его снова позвали к фараону.

Слабое мерцание светильников в глубине обширного балкона не мешало свету ярких звезд. Часто сбиваясь и путаясь, Баурджед поспешил окончить фараону отчет о своей экспедиции.

Он рассказал о том, как западный отряд достиг огромного пресного моря[1], переплыть которое они не смогли и возвратились.

На обратном пути отряд прошел мимо исполинской горы, ушедшей в глубину неба своей двуглавой вершиной чистейшей сверкающей белизны[2]. Со склонов горы сползали вниз, в долины, пласты необычайно холодного голубого камня. Этот камень был прозрачен и в руках превращался в воду, исчезая без следа.

Баурджед говорил о деревьях чудовищной высоты, касавшихся своими верхушками звезд, о других деревьях, более низких, но толщиной превосходящих всякое воображение.

Миллионы зловредных мух и разноцветных муравьев терзали путников.

Необозримые стада антилоп, свирепых быков, слонов, жирафов теснились на просторах степей, на опушках темных лесов... Тысячи зверей, похожих на больших ослов, дико раскрашенных в черные и белые полосы, бешено проносились перед путешественниками; черные чудовища с рогами на носу и на лбу бросались из-за кустов с ужасающей свирепостью.

Разные народы встречались путешественникам, разные оттенки кожи, звучания непонятных языков, разные виды оружия — все перемешалось в их памяти.

Отряд, направленный на юг, шел бесконечно долго, пока не достиг высоких гор. На тех горах росли мрачные леса из деревьев с иголками вместо листьев[3]. По ночам все деревья светились пугающим синеватым светом. Там же видели светящихся зверей, и — страшно сказать! — люди стали светиться сами, покрываясь как бы одеждой из холодного огня. Тот свет предвещал ужасные грозы, нещадно крушившие все вокруг, избивая людей, ломая деревья и зажигая леса[4].

---

[1] Озеро Виктория.

[2] Гора Килиманджаро.

[3] Дерево виддрингтония.

[4] Скопления атмосферного электричества, частые на высоких плоскогорьях Африки.

В страхе отряд поспешно пересек горы и пришел к большой реке[1], равной самому священному Хапи. Здесь жили люди со странным серым цветом кожи, искусные в скотоводстве и выделке оружия.

Посланцы Баурджеда долго жили здесь, познакомились с языком серых людей и смогли узнать о пути дальше на юг.

Оказалось, что край суши невообразимо далек, никому не известны его пределы. Местные жители уверяли, что дальше на юг, за горами и лесами, идут просторы степей с голубыми травами[2]. Там, на юге, холоднее, чем здесь, и живут воинственные племена. Воины их бегают быстрее антилоп и бросают копья дальше, чем летит стрела.

Несмотря на предупреждения об опасности, Имтоур и Уахенеб направились на юг от реки, стремясь во что бы то ни стало выполнить волю фараона.

В кровопролитных сражениях отряд быстро лишился лучших, испытанных, сильных воинов и поспешно отступил назад, не выполнив намерения. Погиб сам начальник Имтоур, был ранен Уахенеб, из семидесяти человек к большой реке вернулось всего четырнадцать.

Баурджед говорил, как долго томился он в чужой стране, ожидая возвращения посланных им отрядов. Сто три человека, закаленных годами тяжкого пути, не боявшихся ни необъятного моря, ни зверей, ни людей, исчезли, растворились в просторе огромного, поистине бесконечного мира.

Едва оправившись, Баурджед двинулся на поиски южного отряда, собрав всех способных к походу людей.

Волею богов им удалось встретить маленькую группу сынов Кемт, пробивавшихся на север, к Пунту. Едва живые поведали они начальнику, что пределы мира так и остались непознанными. Стало ясно только одно — земля на юг простирается на такое громадное расстояние, перед которым вся страна Кемт не более маленького островка в дельте Хапи. Пройти до конца суши можно только с тысячами воинов, и на это потребуются десятилетия...

Строители, остававшиеся на берегу, приготовили три корабля, давно уже бережно сохранявшиеся в тростниковом сарае, на уступе берега. Эти корабли были выстроены по-новому — борьба с волнами Великой Дуги не прошла даром.

[1] Замбези.

[2] Степи Южной Африки.

Высокие и прямые носы закрыли досками твердого дерева, крепкая палуба не имела ни одного отверстия, не закрывавшегося плотными крышками. Рули поместили на высокой подставке, защищенной от волн, днища кораблей были обиты тонкими листами золота, чтобы избежать разрушения дерева от морских червей.

Но все уцелевшие спутники Баурджеда помещались на одном корабле. Два других некому было вести. Напрасно пытался Баурджед уговорить вождей Пунта дать ему гребцов, напрасны были и попытки соблазнить кого-нибудь щедрыми посулами. Все жители Пунта наотрез отказались покинуть родину.

Пришлось идти на одном корабле, несмотря на всю опасность такого плавания. После четырех с лишним лет пребывания на суше люди Баурджеда с радостными возгласами спустили корабль в объятия Великой Дуги. Сейчас ее волны были легкими, весело и ласково бежали они из безбрежной дали неведомого. Корабль нагрузили тысячью больших колец [1] золота и серебра, уложили двадцать толстых стволов черного дерева, пятьдесят огромных слоновых клыков, пятьсот мер драгоценных благовоний, шкуры и рога необычайных зверей, перья невиданных птиц. Все это прибыло благополучно и лежит сейчас в сокровищницах обеих стран, у казначея бога.

Тяжел и долог был обратный путь, по несколько месяцев приходилось стоять в ожидании благоприятных ветров. Но они пробились через бури и дожди, страшные зубы подводных скал, спаслись от громадных волн, были пощажены песчаными ураганами, чтобы повергнуть к стопам их величества все добытое в тяжких лишениях, сообщить познанное о великом и чудесном мире, простирающемся на юг от родной Кемт...

По знаку фараона все присутствующие покинули балкон. Остались только чати и верховный жрец Ра.

— Ты совершил неслыханные подвиги, — медленно заговорил Хафра, — перешел необозримые пространства, и сердце твое крепче красного камня Врат Юга.

Баурджед склонился лбом к полу, почтительно внимая словам фараона.

— Но ты вернулся с малой добычей, потерял много храбрых воинов и умелых рабов, — продолжал фараон. — Чем же

[1] Денежная единица.

возвеличил ты божественное имя царей Кемт в далеких, посещенных тобою странах?

Баурджед молчал — ему нечего было отвечать.

Хафра помедлил, в то время как чати и верховный жрец одобрительно закивали головами.

— Я не порицаю тебя, — слова фараона тяжело падали на сердце путешественника, — ты выполнил волю моего божественного брата и не мог ничего знать о переменах в Черной Земле. Иначе ты бы вернулся, едва достигнув Пунта, с богатой добычей и сам не подвергся бы лишениям в попытках достичь недостижимого. Мне нужно знать, много ли воинов потребуется, чтобы разбить эти южные страны, хороши ли будут рабы тех племен, много ли драгоценных камней можно взять оттуда для украшения моего храма. Ты еще ничего не сказал об этом.

Негодование стеснило грудь Баурджеда. Он только что пережил снова все величие широкого мира, и надменная самовлюбленность владыки вызвала в нем почти отвращение.

— Великий Дом, сын Гора, — тихо ответил путешественник, — там много разных племен, не объединенных дружбой, и ни одно из них в отдельности не смогло бы противостоять огромному войску Та-Кем. Но южная земля велика, и людей там, как песка в западной пустыне, — все войско, весь народ Черной Земли растворился бы в ней подобно горсти соли, брошенной в воду. Мы не могли бы удержать завоеванного, ибо наша сила велика, покамест мы все вместе на нашей земле, как муравьи в муравейнике...

— Ты хочешь сказать, — гневно перебил фараон, — что мне и моему избранному богами народу не подвластны земли жалких негров? Вот как ты укреплял величие фараона в далеком Пунте!

— Сын Гора, жизнь, здоровье, сила, — поспешно ответил Баурджед, — я только хотел сказать, что мир так велик...

— Что вся земля Кемт перед ним не более островка в просторах Дельты? — быстро спросил Хафра.

Баурджед утвердительно наклонил голову.

— Может быть, и моя высота, которая станет больше всего, что было и будет создано людьми, покажется тебе лишь ничтожным холмиком? А может быть, ты посмел меня, бога и владыку мира, сравнить с презренными вождями презренных далеких племен? — последовали быстрые вопросы фараона.

Растерявшийся Баурджед прижался лбом к полу.

Фараон отгадал его мысли, еще неясные и смутные, порожденные тоской по свободе и простору минувших лет путешествия.

Хафра замолчал и устремил неподвижный взгляд поверх головы Баурджеда, подняв и сжав челюсти.

С затаенным дыханием Баурджед готовился встретить новый удар судьбы. Прошло несколько томительных минут.

— Иди домой, — наконец заговорил Хафра. — Завтра утром созовешь своих спутников и передашь им мое запрещение рассказывать сказки о твоем путешествии. Всякого, кто нарушит приказ, постигнет кара. И ты сам запомни мои слова...

Ошеломленный путешественник спустился с балкона, провожаемый молчаливыми взглядами двух первых советников владыки Кемт. Ночная темнота сомкнулась вокруг Баурджеда, и так же темно стало в его душе; настоящее и будущее его жизни потерялось во мраке.

Победитель необозримых пространств побрел, спотыкаясь, по прямой пальмовой аллее к воротам дворца...

Сильные удары весел разбивали мутную воду Хапи.

Три могучих негра-гребца быстро гнали вверх по течению легкую лодку. Под плетеным сводом навеса сидели двое. Это были Баурджед и старый Мен-Кау-Тот.

Суровое лицо жреца было печально; он говорил, не спуская глаз с жадно внимавшего ему Баурджеда:

— Тяжелы камни судьбы, и горе тому, кто очутился под ними. Но в темную ночь мудрый познает свое родство с безднами неведомого. Сердце его трепещет, а мысли ширятся... Великое дело совершил ты, но суждено ему пройти без пользы для родины, исчезнуть для времени в сокровищнице тайной мудрости. Я предвижу падение жрецов Тота, предвижу худшие бедствия и падение могущества Кемт, если владыки его пойдут путем Хуфу и Хафры. Горько, что нет ныне человека, подобно премудрому Имхотепу, ибо сила фараона возросла величайшим образом. Народ Черной Земли стал былинкой, распластанной под копытом быка...

Мен-Кау-Тот тяжело вздохнул, меряя глазами уходившую вдаль долину, словно стараясь разглядеть будущее.

— Знай же, — помолчав, снова заговорил жрец, — что фараон приказал сжечь все записанное твоими писцами о путешествии. Мало того, в храме Джедефры была доска черного гранита с перечислением дел отошедшего фараона. Там было написано и о том, что он послал тебя разыскивать Пунт и край Великой Дуги. По приказу Хафры надпись стерта, твое имя уничтожено, и теперь ничто не передаст векам свершенного тобою подвига. Твои гребцы и воины отосланы надолго к озерам Змея. Уахенеб исчез.

Но народ — он не забыл тебя и продолжает прославлять тебя в песнях, новые сказки о тебе передаются из уст в уста в городах и селениях. Вот почему, пока гнев Хафры не обрушился на тебя всей силой, я посоветовал тебе укрыться во дворцах Тота. Давно уже фараон разыскивает их, но никогда не найдет, ибо верны слуги бога мудрости. Там искусные резчики смогут запечатлеть навеки на твердом камне описание твоего путешествия, а ученые жрецы запишут все, что познал ты в странствованиях по далекому югу. Так в поколениях людей сохранится память о могуществе и знаниях жрецов Тота. Отойди от жизни на время, пока не загладится смятение, внесенное тобой, под подошвой великой пирамиды. И гробница твоя сохранится для тебя, и пляска Муу [1] будет совершена перед ее дверью. Те твои спутники, которые вняли голосу мудрости, тоже будут целы...

— Как мне благодарить тебя, отец мой! — взволнованно произнес Баурджед. — Сколько раз я уже шел по путям твоей мудрости, и все сбывалось, как ты говорил... Прими же в дар прекрасную память далекого мира, которую сохранил я для себя во всех испытаниях...

Баурджед порылся в складках одежды и извлек оттуда плоский обломок камня величиной с наконечник копья, с округлыми краями. Камень был тверд, чрезвычайно чист и прозрачен, и его голубовато-зеленый цвет был неописуемо радостен, светел и глубок, с теплым оттенком прозрачного вина. Зеркальная поверхность камня была отполирована, видимо, рукой человека.

— Его доставил Уахенеб, — продолжал Баурджед, протягивая сверкающий камень жрецу, — с берегов большой южной реки. Такие камни добывают далеко на юге те, кому удается пройти мимо свирепых племен. Для меня он олицетворяет сияющую даль Великой Дуги, увидев которую хоть раз забыть уже нельзя...

Мен-Кау-Тот взял камень с едва заметной улыбкой:

— Мне, слуге Тота, не нужно ничего. Но мы спрячем камень в сокровищнице Тота, среди других вещей, ибо сейчас ему лучше сохраняться не у тебя.

Баурджед согласно наклонил голову и устремил спокойный взгляд на зеркальную гладь реки.

За кормой лодки убегал назад, к далекому городу Белых Стен, струйчатый узкий след. Он живо напомнил Баурджеду широкие полосы, взборожденные его кораблями в просторах

[1] *Пляска Муу* — ритуальный танец при погребении.

неведомых морей. Сколько раз, тоскуя по родине, он часами следил за разматывавшейся нитью пенного следа, растворявшегося в дали, отделявшей его от Черной Земли...

А сейчас на родной реке этот след от маленькой лодки быстро исчезает на гладкой воде. Это все, чем окончились его мечты и стремления, думы, выношенные за пределами знакомого мира, надежды, заботливо оберегавшиеся в грозных опасностях...

В неторопливых беседах с Мен-Кау-Тотом шло время плавания вверх по Хапи. Путники торопились. Останавливаться в селениях они избегали, и только изредка лодка причаливала к ступени какого-нибудь одинокого, бедного храма, стоявшего на берегу. Там брали они припасы и подкреплялись вином.

На пятый день пути, на рассвете, лодка вошла в лабиринт зеленых островков, разделенных узкими протоками чистой воды. В полутьме, между высокими папирусами, лодка, поворачивая то направо, то налево, углубилась в непроницаемую стену болотных зарослей. За ней оказался тихий залив с чистым песчаным дном. Лодка причалила. Мен-Кау-Тот в сопровождении Баурджеда вышел и направился по едва заметной тропинке, поднимавшейся к прибрежным скалам.

Солнечные лучи, вспыхнув, осветили верхний край обрыва, у подножия которого еще лежал полумрак. На мгновение в этом полумраке мелькнули две фигуры в белом и исчезли...

По ту сторону узкого и длинного ущелья в скалах, ничем не отличавшегося от тысячи ему подобных, оказалась замкнутая в голых, опаленных утесах долина. В центре ее возвышался плоский бугор, окаймленный зелеными кустами. Двойное кольцо наполненных водой оросительных канав окружало холм.

В долине было душно и безветренно, тусклое марево поднималось от черных блестящих скал.

На противоположной стороне долины виднелось небольшое ущельице. Мен-Кау-Тот уверенно направился к левой стороне холма, раздвинул густую заросль и вскарабкался на вершину. Баурджед последовал за стариком.

Резкий крик священной птицы Тота пронесся по долине. Перед пришельцами выросли неведомо откуда взявшиеся четыре громадных негра, вооруженных до зубов. Они почтительно приветствовали старого жреца и помогли спуститься к подошве холма на его противоположную сторону. Несколько старых сикомор росло здесь, отбрасывая густую тень на склон, в котором Баурджед заметил высеченный прямо в скале ход.

В прохладной темноте по длинному и высокому коридору жрец и Баурджед проникли в круглое подземелье. Вокруг в стенах, разделенные равными промежутками, виднелись узкие, как щели, входы, числом девять. Мягкий свет падал откуда-то сверху — очевидно, подземелье сообщалось с поверхностью холма.

Более двадцати жрецов, низко кланяясь, вышли встретить Мен-Кау-Тота и путешественника. Трое из них, по-видимому старшие, выступили вперед.

— Приветствуем тебя, отец мудрости! — заговорил один, маленького роста. — Давно мы поджидаем тебя, и все приготовлено по полученным указаниям! — Жрец повернулся и знаком отпустил всех остальных.

Трое старших повели новоприбывших вокруг зала в девятый, последний вход. Узкий пустой коридор был наглухо перегорожен каменной плитой. Сопровождавшие жрецы постучали по стене — плита была поднята скрытым вверху механизмом. Они вошли в продолговатую большую комнату, обрамленную колоннами из гранита. Между колоннами были закреплены гладкие плиты черного диабаза, без всяких письмен или изображений. Посередине стояла статуя Носатого, бога Тота, на высоком пьедестале. В ногах статуи Баурджед заметил плоскую чашу.

— Осмотрись, сын мой, — сказал Баурджеду Мен-Кау-Тот, — в этом убежище тебе придется пробыть до времени. Видишь, готовы плиты из камня вечности. На них неизгладимо будет вырезана вся повесть о твоем путешествии, и сохранится она в веках. Воздадим же хвалу великому богу мудрости, обучившему людей языку и письму, возвысившему нас, его верных служителей! Пусть твой камень из недостижимо далеких стран юга будет смиренным даром божеству и сохраняется навеки перед его очами. — И Мен-Кау-Тот положил сверкающий обломок кристалла на медную чашу в ногах статуи.

Потянулась вереница медленных дней, как капли тягучей смолы, истекавшей из дерева на жарких берегах Лазурных Вод, палимых безжалостным солнцем. Так непохожа была теперешняя жизнь Баурджеда на всю прошлую, что путешественнику она казалась лишь преходящим забытьем, подобным тому, какое наступало после тяжелого приступа лихорадки...

На восходе солнца жрецы шли купаться к реке, предводительствуемые Мен-Кау-Тотом. Они выступали лениво и важно, как это могут делать лишь люди, которых жизнь ни разу не заставляла спешить. После легкого омовения процессия так

же неторопливо возвращалась назад, и люди, поев, принимались за дело.

Баурджеда усаживали в прохладном подземелье, напротив высоких светильников, рядом с сидевшими поджав ноги опытными писцами. Снова и снова записывались все подробности путешествия, какие только мог вспомнить Баурджед. Затем его отправляли отдыхать, а совещание жрецов вновь прослушивало записанное и решало, что следует включить в вечную надпись на камне.

В большом зале началась работа. Каменотесы протягивали ряды параллельных шнурков, прочерчивая и разграфляя по ним гладкую поверхность диабаза. Но медленная и тщательная разметка плит оказалась маленьким делом по сравнению с чудовищным трудом высекания письмен. Коптящее пламя светильников нагревало воздух подземелья, и рабочие-резчики обливались потом и задыхались, трудясь утром, днем и вечером, получая лишь короткое время на сон.

Измазанные копотью и покрытые каменной пылью лица были угрюмы, люди молчаливо терпели тягость работы, подчиняясь угрожающим окрикам и жестам наблюдавших за ними жрецов. После того как искусные чертежники вырисовывали мелом письмена, резко выделявшиеся на черной стене, их место на мостках занимали рабы с бронзовыми зубилами и тяжелыми медными молотами. Они грубо выдалбливали середину очерченных контуров, неистово борясь с твердым и нехрупким камнем. Неверный удар мог испортить весь труд, и всю плиту пришлось бы делать снова. Поэтому рабы выполняли свою задачу под угрозой смерти — кара за порчу плиты была именно такова. Медленно-медленно, осторожно подвигалась работа. Время, количество человеческого труда, усилий, страданий не имели значения.

После первой грубой обработки мастера-резчики с острыми зубилами и деревянными колотушками заканчивали вырубку контура. Им на смену снова шли художники, которые без молотков, одним усилием нажима рук, сглаживали резцами края углублений, добиваясь изящества и четкости линий. Наконец все изъяны и следы резцов стирались кожей с мелким песком и водой, полировались охряной землей — только тогда надпись была готова.

Баурджед никогда не представлял себе ранее, как велик труд по вырезанию надписей на камне, всегда восхищавших его своим изяществом, удивлявших точным подобием одних и тех же знаков, одинаковых во всей надписи.

Наблюдая месяц за месяцем чудовищную работу, путешественник ужаснулся. Время жатвы сменялось посевом, наводнением, снова жатвой, а стук молотков в мрачном подземном зале продолжался, прерываясь лишь поздней ночью. Иногда с мостков падал один из тружеников, сраженный истощающей работой. На другой день он или возвращался и продолжал труд, еще более согбенный, пошатываясь и полузакрыв глаза, или же исчезал и заменялся другим.

Медленно и неуклонно, иероглиф за иероглифом, плита за плитой, стены зала покрывались повестью о путешествии Баурджеда.

Люди Черной Земли, не щадившие усилий на увековечение своей памяти, считали, что нужно во что бы то ни стало изготовить записи, способные противостоять тысячам лет всеразрушающего времени. Они не могли подозревать, что их надписи, сохранившиеся действительно тысячелетия, с чрезвычайными ухищрениями ума прочтенные потомками, доживут до времени такого могущества человека, что величайшие подвиги сынов Кемт не смогут поразить ничьего воображения.

Как ни был мудр Мен-Кау-Тот, как ни велик был подвиг Баурджеда, разве могли они знать, что настанет время, когда путь из Белой Стены в Страну Духов будет совершаться беззаботными юношами по воздуху за время, недостаточное, чтобы выполнить обряд утреннего омовения, когда исчерпаются пределы мира на всей земле и люди, гораздо более могучие, чем страшные зверобоги Черной Земли, обратят свои помыслы к путям между звездами! Ничего этого не подозревала ограниченная мудрость древнего человека, и первый дальний поход по океану казался неповторимым, невероятным подвигом.

Баурджед торопливо шел по тропинке через скалистое ущелье. Скоро он достиг берега реки, где в тихом, заросшем тростником заливе, он знал, были спрятаны лодки. Путешественник долго искал, раздвигая тростники и папирусы, пока не увидел наконец две лодки, укрытые в подмыве берега, между зарослью колючих кустарников на берегу и стеной зелени в воде.

Баурджед выбрал маленький и легкий челнок.

Зеленая стена расступилась под напором изогнутого носа лодки и открыла сверкающий простор широкой реки. Северный ветер, ровный и прохладный, рябил поверхность воды. Энергично гребя веслом, Баурджед выбрался на середину реки. Лодка повернулась носом на север и быстро понеслась вниз, к далекой столице Черной Земли.

Позади остался тайный храм в скалах, где Баурджед провел несколько томительных месяцев.

Баурджед осмотрелся кругом с чувством выпущенного из мрачной темницы, грудь его расширилась, вбирая живительный ветер, сощуренные глаза впивались в далекий горизонт пустынной равнины левого берега.

Путешественник положил весло, предоставив лодке, медленно крутясь, идти по течению, и задумался.

Хорошего не ждал он впереди, грозная неопределенность будущего отравляла ему радость возвращения в мир.

Но что бы ни было уготовано ему судьбой, Баурджед знал, что он больше не может скрываться в храме Тота. Его угнетали месяцы, проведенные в молчаливых и прохладных подземельях, одинокие прогулки по маленькой долине среди скалистых теснин, чуждое ему общество жрецов с их постоянными секретами, таинственными разговорами вполголоса, отъездами неведомо куда... Жрецов, старавшихся даже простые житейские дела облекать тайной.

Баурджед за свою трудную жизнь скитальца научился верной оценке людских поступков и вещей, тому пониманию мира, которое дается жизнью. И вся эта таинственность более не казалась ему насыщенной святой и непогрешимой мудростью. Подчас она то смешила, то раздражала его.

Баурджед питал глубокое уважение к умному, старому Мен-Кау-Тоту, но все яснее понимал, что никогда не сможет приобщиться к жизни жрецов.

Ему, видевшему необъятные просторы мира, победившему Великую Дугу, окончить свои дни в тесных подземельях!

Никогда он не сможет жить без своих верных спутников, отважных и способных на всякое дело. Теперь, пробыв почти год без них, он чувствует, как сроднился с ними за семь лет великого пути. С удивлением Баурджед понял, что даже рабы, сопутствующие в походе, ближе и дороже ему, чем важные жрецы Тота. И, поняв это, он решил идти навстречу судьбе, как много раз ходил прежде, в реве моря и ветра, в зное солнца и блеске молний.

Несмотря на все уговоры Мен-Кау-Тота, путешественник покинул тайный храм, и вот — он на реке, на пути к людям и миру!

У Баурджеда не было никаких ясных планов. Он знал, что не может покинуть свою страну, хотя это и было легко ему, знавшему и Зеленое море, и восточные страны, и дали юга. Нет, в путешествиях он понял, как дорога ему родина.

Он не покинет Черной Земли, не расстанется с родными, не бросит товарищей-спутников. Прежде всего ему надо разыскать их, хотя бы Уахенеба, этого спокойного храбреца, сумевшего возвратиться из таких крайних пределов земли, которые даже самому Баурджеду казались недостижимыми. Он разыщет Уахенеба, вместе они соберут товарищей и попросятся на службу в низовья Дельты, в береговую стражу Зеленого моря, или будут водить суда на острова, лежащие позади[1], и на восток, за лесом. Фараон не будет преследовать их, не занимающих высокого положения, удаленных от города и селений на границу страны...

Баурджед взял весло, выправил лодку и уверенно погнал легкий челнок вниз по течению. Предстоит еще несколько дней пути, и придется позаботиться о пропитании. Но разве не блестит у него на пальце тяжелый перстень с именем фараона Хафра? А на левой руке есть два кольца золота, предусмотрительно надетых как браслеты.

Туман белой пыли заполнял гигантскую выемку каменоломни. Грохот молотков, скрип деревянных салазок для перетаскивания глыб камня, крики надсмотрщиков сливались в непрерывный глухой гул. В каменоломне не было ветра, и палящий зной казался особенно нестерпимым. Баурджед отер со лба пот и пошел вдоль проложенной к реке дороги, всматриваясь во всех попадавшихся навстречу.

Надсмотрщики застывали от удивления при виде Баурджеда — прогулка этого, по-видимому, знатного человека по каменоломне была неслыханным явлением. Навстречу путешественнику группа людей тащила тяжелую глыбу известняка, обмотанную веревками и укрепленную на деревянных салазках. Рабочие упирались то грудью, то спинами в пеньковые лямки, другие помогали им рычагами сзади. Салазки не позволялось останавливать — их было очень трудно сдвинуть с места. Люди, мокрые от пота, надрывались изо всех сил, вздох вырывался разом из нескольких грудей.

Один из передовых тянульщиков, шедший спиной к Баурджеду, внезапно перевернулся в лямке, подставив ей грудь вместо наболевшей спины. Путешественник не удержал восклицания — он узнал Уахенеба...

Бывший кормчий взглянул на своего начальника, угрюмо отвел глаза и крепче навалился на лямку. Но Баурджед спешил уже навстречу с поднятой рукой. Каменная глыба оста-

[1] *Позади* — то есть на севере, *впереди* — на юге. Так обозначали древние египтяне два основных направления.

новилась, двое подбежавших с бранью надсмотрщиков испуганно согнулись и отступили, когда Баурджед ткнул одному из них прямо в лицо перстень с именем фараона.

Уахенеб, тяжело дыша, приблизился к Баурджеду, грязный, потный и недоумевающий.

— Сколько здесь еще твоих товарищей, Уахенеб? — спросил Баурджед, не теряя времени на объяснения.

— Здесь Нехеб-ка и Антеф, Ахавер и большой Нехси и другие, тебе известные, всего семнадцать человек, — торопливо прохрипел Уахенеб.

Баурджед знаком подозвал перетрусившего надсмотрщика, на лбу которого остался красный отпечаток имени фараона.

Спустя несколько минут вокруг Баурджеда столпились его бывшие сподвижники из простых неджесов. Изможденные лица засветились радостью, люди приветствовали своего начальника.

— Идемте, на реке ждет большая лодка! — нетерпеливо крикнул Баурджед и зашагал назад по широкой дороге к берегу.

Люди поспешили за путешественником, повинуясь ему беспрекословно, как в прежние дни.

Уахенеб догнал Баурджеда:

— Как тебе удалось освободить нас, господин? Разве Великий Дом...

— Вовсе нет, — перебил кормчего Баурджед, оглянулся и продолжал вполголоса: — Я тоже в немилости и хожу под угрозой кары!

— Но как же тогда?..

— Потому я и спешу. Здесь не знают меня, а перстень их величества дает мне власть... пока. Я разыскал твой дом, Уахенеб, и там узнал, что тебя схватили за рассказы о стране Пунт, где не оказалось духов, и послали сюда ломать камень для великой пирамиды. А вместе с тобой были схвачены еще другие мои люди. Я достал лодку и прибыл сюда... Там на веслах твои друзья — вот, смотри!

Гребцы махали им с реки.

Освобожденные каменотесы хотели вымыться, но Баурджед не позволил и велел усаживаться в лодку. Только когда они отчалили, Баурджед облегченно вздохнул.

— Что хочешь ты делать дальше, господин? — осторожно спросил Уахенеб. — До Белой Стены нам плыть вверх всего тридцать тысяч локтей, но ведь там скоро узнают...

— Мы не пойдем к городу, а поплывем вниз, в Дельту, на запад, к горе Рогов Земли. Там укроетесь вы все где-нибудь до

времени, а я вернусь в город просить милости у Великого Дома — позволения нам быть в береговой страже или на кораблях Зеленого моря: Черной Земле требуется много дерева для построек!

— Я опасаюсь за тебя и за всех нас, господин, — угрюмо проворчал Уахенеб. — По себе я узнал, как твердо сердце Великого Дома и его царедворцев. Плохо надеяться на их милость, и особенно нам, беднякам, на которых все большие люди смотрят как на врагов.

— Напрасно так говоришь, Уахенеб, — нахмурился Баурджед, — я уверен...

Путешественник оборвал разговор, вглядываясь в берег. Неясный шум несся из каменоломен, большая толпа людей бежала к реке, а впереди мчались, путаясь в полах своих длинных рубах, несколько надсмотрщиков и два чиновника, начальствовавшие над работами.

— Погоня за нами! — взволнованно крикнул Баурджед.

Уахенеб покачал головой; глаза его загорелись, он вытянул шею, будто стараясь приблизить голову к берегу. Его товарищи возбужденно вскочили, гребцы подняли весла.

Шум разрастался, гулко раскатываясь по реке. В пыли на берегу мелькали неясные фигуры бегущих, кое-где воины взмахивали копьями и, окруженные со всех сторон, падали.

Кучки дерущихся таяли, и рассыпались, и опять возникали в другом месте.

— Это мятеж, господин! — воскликнул Уахенеб. — Неугасимо горит пламя гнева в согнутых тяжкой работой, не знающих вещей, осужденных свирепо и безвинно... Придавлены они силой, палками и угрозами, но жажда правды и свободы не умирает! Видишь, маленькой причины достаточно, чтобы всколыхнуть толпу. Сюда, к нам, явился ты и освободил нас, смутил надсмотрщиков и воинов, разъярил всех рабочих. И вот, видишь, они тоже хотят освобождения. — Кормчий встал на колени на дно лодки и поднял умоляющий взгляд на Баурджеда. — Господин, ты храбр и справедлив, мы знаем тебя много лет... Там наши товарищи, мы сроднились с ними. Так же, как и они, мы не ждем свободы и счастья от знатных правителей и беспощадных судей. Ты узнал, что в далеком пути рабы оказались такими же людьми, как и мы, храбрыми и сильными, нашими товарищами. Так было и тут для нас, потерявших тебя, беззащитных и осужденных. И мы все просим тебя, господин: поверни лодку, возьми начальство над толпой. Ближе к Белой Стене есть еще каменоломня и рабочие дома. Мы пойдем туда, откроем

их, число наше умножится, и придем в город, где мало сейчас войска...

— И что же дальше? — встревоженно спросил Баурджед.

— Весь бедный народ, стонущий под пятой великой пирамиды, пойдет с нами. Мы разгоним воинов, уничтожим чиновников, разобьем дома больших людей... Ты тоже был большим, ведомы тебе пути и склады оружия, и ты можешь управлять военной силой! — Уахенеб замолк, вне себя от волнения.

Другие освобожденные спутники Баурджеда согласно закивали головами, все глаза устремились на путешественника.

Баурджед беспомощно огляделся.

Толпа на берегу все увеличивалась, воины и чиновники исчезли, сотни рук делали призывные жесты лодке, неясные крики становились все громче, и путешественник разобрал имя Уахенеба.

Никогда не думал бывший казначей фараона о возможности мятежа. Подняться против божественной власти казалось ему высшим преступлением. С детства воспринятые им поучения повторяли только одно: что завистливые и неумелые бедняки всегда враждебны богатым и знатным, олицетворяющим добро и правду. «Не пристрастен тот, кто богат, ибо он владыка вещей, не имеющий нужды»[1] — таково было любимое изречение его отца.

В своих скитаниях Баурджед узнал нужду, увидел величие человека в простых людях. Все это пошатнуло первоначальные воззрения знатного царе́дворца на жизнь. Но мятеж! Встать во главе грязных бедняков и рабов, вести их на столицу, на дворцы, приближенных фараона, может быть, на самого владыку... Нет, это невозможно! Баурджед отстраняюще выставил вперед руку:

— Нет, Уахенеб, я этого не могу сделать. И без того всех нас обвинят в том, что мы дали разъяриться толпе. Надо плыть скорее вниз, укрываться и дальше делать, как я сказал!

Лицо кормчего замкнулось и сделалось непроглядно суровым.

— Тогда, господин, верни меня на берег. Я не верю в милость Великого Дома и не могу оставить тех, кто долгое время делил со мной и труд, и голод, и побои. Я пойду с ними... А вы? — властно обернулся Уахенеб к остальным товарищам.

— Мы с тобой! — без раздумья ответили четырнадцать человек; только трое отделились и умоляюще взглянули на Баурджеда.

---

[1] Подлинный текст.

— Ты погибнешь, Уахенеб! — вскричал изумленный и возмущенный Баурджед.

— И ты, господин, тоже, — спокойно, с оттенком печали отозвался кормчий. — Прощай! Ты был хорош для нас и мог бы сделаться хорошим для всей Черной Земли... Прикажи править к берегу, господин!

Плотная толпа сгрудилась вокруг выскочивших на пристань бывших спутников Баурджеда, приветствуя их восторженным воплем.

Уахенеб пристально посмотрел прямо в лицо своего начальника, и в глазах старого кормчего Баурджед прочитал последний вопрос, мольбу и тоскливую тревогу.

— Они пойдут за мной, — тихо сказал Уахенеб, — и я знаю, где правда, но не знаю путей... Как прийти к другой, хорошей жизни, куда нанести удары?

— И я не знаю, — так же тихо ответил Баурджед, — и не верю, чтобы это могло быть...

— А я верю. Мы можем погибнуть, но погибнем все вместе. И товарищи простят мне мое незнание, если до конца я буду с ними... — Кормчий замолк и вдруг встрепенулся, словно вспомнив что-то. — Где хранится оружие для новых воинов в городе? Скажи мне это, господин, и мы всегда будем хорошо вспоминать тебя...

— В большой кладовой около сокровищницы бога, рядом с улицей Кузнецов, — без колебания ответил Баурджед. — Ты узнаешь этот дом по красной и белой полосе вверху стен, под крышей...

Уахенеб поклонился начальнику.

Баурджед вздохнул и знаком велел гребцам оттолкнуть лодку.

Внезапно четыре гребца — все товарищи по плаванию в Страну Духов — выпрыгнули на пристань.

Баурджед сделал вид, что ничего не заметил. Весла схватили трое из оставшихся. Лодка отчалила.

Мятежники, окружившие Уахенеба и внимательно слушавшие его, не обратили внимания на отъезжавших. Чувствуя себя усталым, Баурджед опустился на кормовое сиденье. И опять, как тогда, давно-давно, при разговоре с Уахенебом о повелении фараона идти в Страну Духов, тоскливое недовольство собой и стыд овладели Баурджедом. Словно опять его кормчий оказался в чем-то выше его, более мужественным и более правым.

* * *

— Достойный Мен-Кау-Тот, помнишь, как ты мудро остерегал нашего гостя?

— Говори дальше! — воскликнул старый жрец. — Скажи все, что узнал ты в Белой Стене.

— Баурджед освободил сосланных в каменоломни, разъярил толпу. Мятежники дошли до города, захватили его окраины. Во главе были спутники Баурджеда, которым он повелел начальствовать бунтовщиками. Они захватили оружие, но победа их длилась недолго. Мятежники разбрелись, а воины фараона, стража храмов и молодые джаму [1] соединили свою силу, истребив всех порознь. Сам Баурджед скрылся в Дельте, но почему-то вздумал вернуться. Мятежник из Дельты в руке бога[2], и теперь он исчез без следа и слова.

— Проходит жизнь мятежника на земле, не продлится она, — мрачно пробормотал старый жрец, — бьет бог грехи его кровью его![3] Не ожидал я, что Баурджед окажется зачинщиком мятежа... Впрочем, он отдал нам все, что имел, исполнил свое назначение и более не нужен. В великой тайне будем мы хранить все записанное. Будет открыто оно только тому властителю, которого найдем и направим по нашим путям.

— Истинно так, мудрый Мен-Кау-Тот. Да не воспользуются знанием служители Ра и Пта, не будет и простой народ пленяться рассказами о свободной жизни! Все будет сокрыто в наших подземельях!

Но мудрый верховный жрец ошибся.

По-прежнему в хижинах бедных земледельцев, казармах воинов, храмовых сторожках, рабочих домах рассказывалась повесть о великом и отважном путешествии сынов Кемт. Неведомые певцы из народа слагали все новые песни, вплетая в действительность исконные мечты о справедливости и свободе, дополняли повесть тем, что хотелось бы всякому видеть в своей настоящей жизни. И все большее число умов начинало задумываться над поисками путей к правде и сомневаться в божественности величия фараонов.

---

[1] *Джаму* — добровольцы-воины из знатной молодежи и богачей.

[2] Подлинный текст.

[3] Подлинный текст.

Часть вторая
НА КРАЮ ОЙКУМЕНЫ

Пролог

Свежий осенний ветер несся над простором подернутой рябью Невы. Острый шпиль Петропавловской крепости в блеске солнечного дня казался золотым лучом, взвившимся в голубую высоту неба. Под ним плавно выгибал свою широкую, могучую спину Дворцовый мост. Волны, качаясь и сверкая, мерно плескались на светлые гранитные ступени набережной.

Сидевший на скамье молодой моряк посмотрел на часы, вскочил и быстро пошел по набережной вдоль Адмиралтейства. Желтые стены легко поднимали ввысь свой венец белых колонн в прозрачном осеннем воздухе.

Автомобили мягко неслись по отполированному асфальту, играя мечущимися вспышками солнца на начищенных стеклах и разноцветной эмали кузовов.

Молодой человек быстро шел по набережной, не обращая внимания на праздничную суету кругом. Он шагал уверенно и легко. Юноше стало жарко, он сдвинул на затылок свою морскую фуражку. Звенели, сползая с моста, трамваи. Моряк пересек садик с деревьями, горевшими осенним багрянцем, прошел вдоль большой площадки и на секунду остановился перед входом, где великаны из полированного гранита подпирали массивный балкон над горбатым подъемом тротуара. Залеченные рубцы от фашистских бомб еще виднелись на двух исполинских гранитных телах. Юноша вошел в тяжелую дверь, снял черную шинель и поспешил к широкой лестнице белого мрамора, устремлявшейся из полутемного вестибюля к светлой колоннаде, обрамленной рядом мраморных статуй.

Навстречу ему, радостно улыбаясь, шла стройная девушка. Ее внимательные, широко расставленные серые глаза потемнели, сделавшись теплыми. Моряк чуть смущенно взглянул на девушку. Она на ходу прятала номерок вешалки в раскрытую сумочку — значит, он не опоздал. Юноша оживился и уверенно предложил начать осмотр снизу, с отделов древностей.

Пробившись сквозь толпу посетителей, юноша и девушка прошли между колоннами, подпиравшими расписанный яркими красками потолок. Они миновали несколько огромных залов. После обломков ваз и плит с непонятными надписями, после мрачных, черных изваяний Древнего Египта, саркофагов, мумий и всех других предметов погребального обихода,

выглядевших еще более сумрачно под сводами хмурых залов нижнего этажа, захотелось ярких красок и солнца. Юноша и девушка заторопились наверх.

Они быстро прошли еще две комнаты, направились к боковой лестнице, ведущей в верхние залы из небольшого помещения с узкими окнами, сквозь которые глядело бледное небо. Несколько восьмигранных конических витрин стояло между белыми колоннами, — мелкие произведения древнего искусства, выставленные в них, не привлекали внимания проходивших.

Внезапно перед глазами девушки в третьей витрине выступило пятно чудесного голубовато-зеленого цвета, такого яркого, что, казалось, оно излучало свой собственный свет. Девушка подвела своего спутника к витрине. На серебристом бархате был наклонно прикреплен плоский камень с округлыми краями. Он был чрезвычайно чист и прозрачен, его сверкающий голубовато-зеленый цвет был неожиданно радостен, светел и глубок, с теплым оттенком прозрачного вина. На гладкой, видимо, отполированной рукой человека, верхней грани выделялись четко вырезанные человеческие фигурки размером в мизинец.

Цвет, блеск и светоносная прозрачность камня резко выделялись среди пасмурной строгости зала и бледных красок осеннего неба.

Девушка услышала шумный вздох своего спутника, увидела его затуманенный воспоминанием взгляд.

— Таким бывает море на юге в ясную погоду, в полдневные часы, — медленно сказал молодой моряк. Непреклонная уверенность очевидца прозвучала в его словах.

— Я не видела этого, — откликнулась девушка, — только чувствую в этом камне какую-то глубину, свет или радость, не могу сказать, что именно... Где это находят такие камни?

Ни крупная, общая четырем витринам надпись «Антские погребения VII века, Среднее Приднепровье, река Рось», ни маленькая этикетка в самой витрине: «Гребенецкий курган, древнее родовое святилище» — ничего не объяснили молодым людям. Непонятными были и предметы, окружавшие замечательный камень: обезображенные до неузнаваемости ржавчиной обломки ножей и копий, плоские чаши, какие-то подвески в форме трапеций из почерневшей бронзы и серебра.

— Это раскопано в Киевской области, — пытался сообразить юноша, — но я не слыхал, чтобы там или где-нибудь на Украине добывались подобные камни... У кого бы спросить? — Молодой человек оглядел просторный зал.

Ни одного экскурсовода, как назло, не было поблизости, только в углу около лестницы сидела сторожиха.

Послышались шаги: в зал спускался высокий человек в тщательно отглаженном черном костюме. По тому, что сторожиха встала со стула и поздоровалась почтительно, девушка безошибочно догадалась, что этот человек здесь какое-то начальство. Она тихонько подтолкнула своего спутника, но тот уже шагал навстречу пришедшему и, вытянувшись по-военному, начал:

— Разрешите спросить?

— Разрешаю. Что угодно? — сказал ученый, и его спокойные глаза близоруко сощурились, рассматривая молодых людей.

Юноша объяснил, что именно их интересует. Ученый улыбнулся.

— У вас есть чутье, молодой человек! — одобрительно воскликнул он. — Вы напали на одну из самых интересных вещей нашего музея! Изображение на камне вы хорошо рассмотрели?.. Нет?.. Мелко! А зачем же здесь это приспособление? Смотрите!

Ученый схватился за деревянную рамку, прикрепленную на верхнем срезе витрины, опустил ее. Как раз против камня установилось большое увеличительное стекло. Щелкнул выключатель, яркий свет залил поверхность камня.

Заинтересованные еще более, девушка и юноша заглянули в стекло. Вырезанные на камне фигуры, увеличившись, стали полными жизни. С одного края прозрачной голубовато-зеленой пластины тонкими скупыми линиями была обозначена фигурка обнаженной девушки, стоявшей с поднятой к щеке правой рукой. Завитки густых вьющихся волос ложились на намеченную четкой дугой округлость плеча.

Всю остальную часть поверхности камня занимали три обнявшиеся мужские фигуры, выполненные с еще большим мастерством, чем изображение девушки.

Стройные, мускулистые тела замерли в момент движения. Повороты тел были сильны, резки и в то же время изящно сдержанны. В центре могучий человек, выше двух стоявших по сторонам, широко раскинул руки на их плечи. По бокам его двое, вооруженных копьями, стояли с внимательно наклоненными головами. В их позах была напряженная бдительность мощных воинов, готовых с уверенностью отразить любого врага.

Три маленькие фигурки были исполнены с большим мастерством. Идея — братство, дружба и совместная борьба — была в них выражена с необычайной силой.

Глубина прозрачного и светлого камня, служившего одновременно и фоном и материалом, усиливала красоту произведения. Теплый влажный отблеск, казалось, исходивший откуда-то из камня, придавал телам трех обнявшихся людей золотистую веселость солнечного света...

Под фигурами и на гладком сломе нижнего края можно было заметить неровно и поспешно нацарапанные непонятные знаки.

— Насмотрелись? Вижу, что вас захватило! — Голос ученого заставил вздрогнуть обоих молодых людей. — Хорошо. Хотите, немного расскажу про камень? Этот камень — одна из загадок, какие встречаются нам иногда в исторических документах древности. В чем загадка? Слушайте по порядку. Это берилл[1], минерал не из очень редких. Но такие голубовато-зеленые бериллы чистейшей воды крайне редки. Во всем мире находятся только на юге Африки. Раз. Теперь, на камне вырезана гемма[2] — подобные вещи любили делать в расцвете древнегреческого искусства в Элладе. Но берилл — камень очень твердый. Чтобы вырезать на нем изображения с такой тщательностью, нужно резать только алмазами — эллинские мастера их не имели. Два. Далее, из трех мужских фигур средняя, несомненно, изображает негра, правая — эллина, а левая — это какой-то человек из других средиземноморских народов: может быть, критянин или этруск. И, наконец, по технике изображения человеческого тела гемма должна бы относиться к эпохе расцвета Эллады; в то же время целый ряд особенностей указывает на время несравненно более раннее. Я уже не говорю о том, что копья, здесь изображенные, совсем особенной, не свойственной ни Элладе, ни Египту формы... Целый ряд противоречивых, несовместимых указаний... Но гемма-то существует, вот она...

Ученый помолчал, потом продолжал так же отрывисто:

— Есть еще много исторических загадок. Все они говорят одно: мало, мало мы знаем! Плохо представляем жизнь древности. Например, здесь у нас в золотой кладовой есть среди скифских изделий одна золотая пряжка. Ей две тысячи

[1] *Берилл* — минерал из группы алюмосиликатов. Твердость — 7,5-8. Разновидности, прозрачные и окрашенные в густой изумрудно-зеленый цвет, называются изумрудами и являются драгоценными камнями. Синевато-голубые разновидности называются аквамаринами, розовые — воробьевитами.

[2] *Гемма* — небольшое изображение, вырезанное на камне. Указанной геммы нет ни в Эрмитаже, ни в других музеях.

шестьсот лет, а на ней изображен ископаемый саблезубый тигр [1] во всех подробностях. Так. А палеонтологи вам скажут, что этот тигр вымер триста тысяч лет назад... Ха!.. В египетских гробницах вы увидите фрески, где с поразительной точностью нарисованы все породы зверей, обитавших в Египте. Среди них неизвестный зверь огромной величины, похожий на гигантскую гиену, — такой не известен ни в Египте, ни во всей Африке. Или в Каирском музее есть статуя девушки, найденная в развалинах города Ахетатона, в Египте, построенного в XIV веке до нашей эры, — вовсе не египтянки, и работа совсем не египетская — будто из другого мира. Мои коллеги вам сразу объяснят коротко — сти-ли-за-ция, — шутливо растянул слово ученый. — А я всегда при этом вспоминаю одну историю. В тех же египетских стенных росписях часто встречалась одна рыбка. Небольшая, ничем не особенная. Но нарисована всегда кверху брюхом. Как это так: египтяне, такие точные художники, и вдруг неестественная рыба? Объяснили, конечно: и стилизация тут была, и религия, от влияния культа бога Аммона. Вполне убедительно, ну и успокоились. А спустя пятнадцать лет выяснилось: есть в Ниле и сейчас такая рыбка, и — совершенно точно — плавает она всегда кверху брюхом. Поучительно!.. Вот заговорился я, увлекся! До свиданья, молодые люди, интересуйтесь загадками истории.

— Одну минутку... профессор! — воскликнула девушка. — Неужели вы сами не можете объяснить эту вещь? Ну так, сами для себя. Скажите нам... — Девушка смутилась.

Ученый улыбнулся:

— Что с вами поделать! То, что я скажу вам, будет просто догадка, не больше. Одно несомненно: настоящее искусство отражает жизнь, само живет и поднимается к новым высотам только в борьбе против старого. В те далекие времена, когда была создана эта гемма, процветали бесправие и рабство. Множество людей влачило безысходную жизнь. Но угнетенные поднимали оружие против беспощадного рабства. И вот, глядя на изображение трех воинов, хочется думать, что их дружба возникла в битве за свободу... Может быть, они вместе

[1] *Саблезубые тигры* — вымершая группа крупных кошек. Жили в конце третичного и в четвертичном периоде (от 6 миллионов до 300 тысяч лет назад). Отличаются длинными (до 0,3 метра) клыками верхней челюсти и связанной с их развитием способностью очень широко раскрывать пасть. Вероятно, охотились на самых крупных травоядных.

бежали на родину из плена... Мне кажется, эта гемма — еще одно свидетельство далекой борьбы, которая бушевала тогда, но скрыта от нас веками. Сам неизвестный художник, возможно, участвовал в борьбе... Да это и не может быть иначе... От этого так и совершенно его произведение. Это, так сказать, одинокая победа нового над старым, свершенная в глубине прошлых веков. Эти свидетельства, доходящие до нас, особенно привлекают внимание наших людей, поднявшихся на борьбу со всем тем, что мешает росту нового. Во всем — в жизни, науке, искусстве. Вот и вы оба сразу обратили внимание на эту гемму среди множества резных камней.

Девушка и юноша снова приникли к стеклу, ошеломленные потоком сведений. Камень казался им таинственным и влекущим.

Глубокий, ясный и чистый цвет моря... На нем братское объятие трех людей. Сверкающий камень, как бы передавший свой свет прекрасным телам, здесь, в пасмурном, строгом зале... Юная девушка, полная жизни и женственного обаяния, стояла будто на краю моря.

Молодой моряк со вздохом распрямил уставшую спину. Девушка еще продолжала смотреть. Издалека по гулким проходам донесся топот ног и шум приближающейся экскурсии. Тогда и девушка оторвалась от стекла. Щелкнул выключатель, рамка была поднята, а голубовато-зеленый кристалл продолжал сверкать на бархате.

— Мы придем еще сюда, правда? — спросил моряк.

— Конечно, придем! — отозвалась девушка.

Юноша нежно взял ее под руку, и они задумчиво пошли вверх по белым ступеням лестницы.

Глава вторая
УЧЕНИК ХУДОЖНИКА

Плоский камень далеко выдавался в море. Оно, невидимое в ночной темноте, слабо плескалось внизу. Камень еще не потерял дневной теплоты, и юноше не мешали порывы прохладного ветра, пробегавшие между скалами.

Юноша задумчиво смотрел вдаль, туда, где тонул во тьме конец серебряной полосы Млечного Пути. Он следил за падающими звездами. Они вспыхивали сразу во множестве, пронизывали небо сверкающими иглами и скрывались за горизонтом, потухая, как раскаленные стрелы, упавшие в воду. Вновь рассыпались по небу огненные стрелы и улетали в не-

ведомую даль, в сказочные страны, лежавшие за морем, у самых пределов Ойкумены[1].

«Спрошу у деда, куда они падают», — решил юноша и тут же подумал, как хорошо было бы летать так через небо, прямо к неизвестной цели.

Да, он уже не юноша — еще несколько дней, и он достигнет возраста воина. Но не воином он будет, а сделается знаменитым художником, прославленным скульптором. Он отличался от многих людей врожденной способностью видеть формы природы, чувствовать и запоминать их... Так сказал ему учитель — художник Агенор. И в самом деле, там, где другие равнодушно проходили мимо, он останавливался, потрясенный до глубины души, замечая то, чего еще не мог осмыслить и объяснить. Многообразные лики природы влекли его своими ежечасными переменами. Позже взор стал острее. Юноша мог сам выделять и надолго удерживать в памяти те черты, которые находил прекрасными. Неуловимая красота таилась повсюду — в изгибе гребня бегущей волны и в развевавшихся ветром завитках волос Тессы, дочери учителя, в стройных колоннах сосновых стволов и в грозных утесах, надменно возвышавшихся над морем. С тех пор стремление к созданию прекрасных форм стало его целью. Показать красоту тем, кто не в состоянии уловить ее. И что может быть прекраснее, чем тело человека! Но его передать — как раз самое трудное...

Вот почему так непохожи эти подхваченные памятью живые черты на те изображения богов и героев, которые он видит вокруг, которые сам учился делать! Даже творения самых искусных мастеров Энниады[2] не могли дать убедительного изображения живого человеческого тела.

Юноша смутно чувствовал, что в них искусственно выпячены и грубо усилены только отдельные черты, выражающие радость, волю, гнев или ласку, но и только. Ради силы впечатления скульптор жертвовал всем остальным. Нет, он должен суметь передать красоту! Тогда он сделается величайшим скульптором своей страны и люди будут прославлять его, восторгаясь созданными им произведениями. В них живая красота впервые будет навеки запечатлена в бронзе или камне!

---

[1] *Ойкумена* — населенная земля; по представлениям древних греков, окруженная кольцом пустынной, необитаемой суши, обтекаемой кругом океаном.

[2] *Энниада* — южный угол Акарнании, страны на юго-западной оконечности Северной Греции. Речь идет о Древней Элладе до ее объединения и расцвета.

Юноша далеко унесся в смелых мечтах, но тут сильная волна гулко плеснула внизу. Несколько капель попало на камни и на лицо юноши. Он вздрогнул, очнувшись, и смущенно улыбнулся в темноте. Боги! Еще, наверное, далеко то время... А сейчас Агенор часто бранит его за неумелую работу и почему-то всегда оказывается правым... А дед? Тот мало интересуется его успехами как художника. Он озабочен только тем, чтобы сделать из своего внука знаменитого борца. Как будто для художника нужна сила! И все-таки хорошо, что дед так воспитал его!.. Юноша знал, что он на редкость силен и вынослив. Как приятно показать свою силу и ловкость на вечерних состязаниях в селении перед Тессой, радостно замечая огонек одобрения в глазах девушки!

Юноша вскочил с горящими щеками, все мускулы его тела напряглись. Он с вызовом подставил грудь ветру, поднял лицо к звездам и вдруг тихо рассмеялся.

Медленно приблизился он к краю камня, взглянул в темноту, казавшуюся бездонной, и, звонко крикнув, прыгнул вниз. Сразу ожила тихая, молчаливая ночь. Внизу было море, ласково охладившее его разгоряченную кожу, засверкавшее мельчайшими огоньками вокруг рук и плеч.

Волны, играя, выталкивали юношу наверх, стремились отбросить назад. Он поплыл, угадывая в темноте колебания воды, уверенно вскидываясь на высокие волны, внезапно вставшие перед ним. Сердце слегка замирало — море словно не имело ни дна, ни края, сливаясь с темным небом в одно целое. Он был наедине со звездами.

Большая волна подбросила юношу; он увидел на берегу отдаленный красный огонь. Легкое движение — и волны послушно понесли юношу на берег, к едва серевшему пятну песчаной отмели.

Слегка вздрагивая от холода, он снова вскарабкался на плоский камень, поднял свой плащ из грубой шерсти, свернул его и пустился бежать по берегу к огоньку костра.

Далеко вокруг разносился ароматный дым горевшего хвороста, собранного в зарослях кустарника.

В слабом свете тусклого пламени обозначалась стена маленького дома, сложенного из угловатых камней, а над ней выступ камышовой крыши. Далеко протянутые ветви одинокого платана прикрывали жилище от непогоды. У костра задумчиво сидел старик в сером плаще. Услышав шаги, он с улыбкой повернул в сторону подходившего юноши морщинистое лицо, темный загар которого оттенялся седой курчавой бородой.

— Где ты был так долго, Пандион? — с укоризной сказал старик. — Я уже давно вернулся и хотел поговорить с тобой.

— Я не думал, что ты так скоро, — оправдывался юноша, — и бегал купаться. Я готов слушать тебя хоть всю ночь.

Старик отрицательно покачал головой:

— Нет, беседа будет длинной, а утром тебе рано вставать. Я хочу завтра сделать тебе испытание, и нужно, чтобы ты был в полной силе. Вот свежие лепешки — я привез новый запас — и мед. Сегодня праздничный ужин: поешь, но, как подобает воину, немного и без жадности.

Юноша с удовольствием разломил лепешку я погрузил ее белый мягкий излом в глиняный горшочек с медом. Он ел, не отрывая глаз от деда, молча и нежно смотревшего на внука. Удивительны и совершенно одинаковы были глаза у старика и юноши — сияющие, золотистые, подобные сгущенному цвету солнечного луча. Народное поверье говорило, что люди, обладавшие такими глазами, происходили от земных возлюбленных самого «сына высоты» Гипериона[1], бога солнца.

— Я думал сегодня о тебе, когда ты уехал, — заговорил юноша. — Почему другие аэды[2] живут в хороших домах и сытно едят, ничего не зная, кроме своих песен? А ты, дедушка, знаешь так много, так искусно слагаешь новые песни, а должен трудиться у моря. Лодка уже тяжела тебе, а я только один у тебя помощник. Ведь у нас нет рабов!

Старик улыбнулся и опустил перевитую жилами руку на кудрявую голову Пандиона:

— И об этом я хотел говорить с тобой завтра. Сейчас скажу только, что разные песни можно слагать о богах и людях. И если ты честен перед самим собою и открыты глаза твои, эти песни не будут приятны знатным владельцам земель и военным начальникам. И ты не будешь иметь ни богатых даров, ни рабов, ни славы, тебя не будут звать в большие дома, и песни не доставят тебе пропитания... Пора спать, — оборвал себя старик. — Смотри, Колесница Ночи[3] уже поворачивается в другую сторону неба. Быстро мчатся ее черные кони, а отдых нужен человеку, чтобы быть сильным. Идем. — И старик направился к узкому входу убогой хижины.

---

[1] *Гиперион*, позднее *Феб* — бог солнца у греков.

[2] *Аэды* — народные певцы в древние времена истории Эллады. Позднее стали называться рапсодами.

[3] *Колесница Ночи* — Большая Медведица.

* * *

Старик рано разбудил Пандиона.

Приближалась холодная пора осени: небо было в тучах, пронизывающий ветер шелестел сухим камышом, платан зябко трепетал разрезанными листьями.

Под суровым и требовательным наблюдением деда Пандион занялся гимнастическими упражнениями. Тысячи тысяч раз, с детских лет, проделывал он их на восходе и закате солнца, но сегодня дед выбирал труднейшие упражнения и все увеличивал их число.

Юноша метал тяжелое копье, бросал камни, перепрыгивал через препятствия с мешком песка за плечами. Наконец дед привязал к его левой руке тяжелый наплыв орехового дерева, в правую дал узловатую дубину, а к голове прикрепил обломок каменного горшка. Сдерживая смех, чтобы не потерять дыхание, Пандион по знаку, данному дедом, пустился бежать на север, туда, где береговая тропинка огибала крутой каменистый склон. Он вихрем пронесся по тропе, вскарабкался на первый уступ обрыва, спустился и еще быстрее побежал обратно. Старик встретил внука у хижины, освободил от всего снаряжения и приник щекой к его лицу, стараясь по дыханию определить степень утомления.

Юноша, помолчав, сказал:

— Я мог бы проделать это еще много раз, прежде чем попросить отдыха.

— Да, это так, — ответил старик медленно и гордо выпрямился: — Ты можешь быть воином, способным сражаться неутомимо и носить тяжесть медного оружия! Мой сын, твой отец, дал тебе здоровье и силу, я укрепил их в тебе и сделал тебя выносливым и смелым. — Старик окинул взглядом фигуру юноши, одобрительно посмотрел на широкую выпуклую грудь, на сильные мышцы под гладкой, без единого пятнышка, кожей и продолжал: — У тебя нет родных, кроме меня, слабого старика, нет богатств и слуг, а вся наша фратрия [1] — три небольших селения на каменистом берегу... Мир велик, и много опасностей грозит одинокому человеку. Самая большая из них — потерять свободу, быть захваченным в рабство. Потому я приложил столько усилий, чтобы сделать из тебя воина, отважного и способного на всякое боевое дело. Теперь ты

[1] *Фратрия* — объединение нескольких родов. Из фратрий состояло племя в древние времена, когда еще силен был родовой общественный уклад жизни.

свободен и можешь служить своему народу. Пойдем принесем сейчас жертву Гипериону, нашему покровителю, в честь наступления твоей зрелости.

Дед и внук направились вдоль зарослей побуревшей осоки и камышей туда, где, выдаваясь далеко в море, длинным валом поднимался узкий мыс.

Два толстых, широко распластавшихся дуба росли на конце мыса. Между ними из грубых плит известняка был сложен жертвенник, а позади стоял потемневший деревянный столб, обтесанный в виде человеческой фигуры. Это был древний храм, посвященный местному богу — реке Ахелу, впадавшей здесь в море. Устье реки терялось в зеленых зарослях, кишевших птицами, прилетавшими с севера.

Впереди открывалось затуманившееся море. Оттуда шли волны, с плеском набегавшие на острый конец мыса, похожий на шею громадного животного, погрузившего голову в воду.

Торжественный гул волн, пронзительные крики птиц, свист ветра в камышах и шум дубовых ветвей — все эти звуки сливались в тревожную раскатистую мелодию.

На грубом каменном жертвеннике старик развел огонь. Он бросил в пылающий костер кусок мяса и лепешку. Окончив жертвоприношение, старик подвел Пандиона к большому камню у обрывистого края мшистой скалы и велел отвалить его в сторону. Юноша легко справился с тяжестью и по указанию деда засунул руку в глубокую щель между двумя слоями известняка. Звякнул металл — Пандион извлек покрытые зелеными пятнами окиси медный меч, шлем и широкий пояс из квадратных медных пластин, служивший панцирем для нижней части туловища.

— Это оружие твоего рано погибшего отца, — тихо сказал дед. — Щит и лук ты должен будешь добыть себе сам.

Юноша, взволнованный, склонился над боевыми доспехами, осторожно счищая с металла налет окиси.

Старик сел на камень и, прислонившись спиной к скале, молча наблюдал за внуком, стараясь скрыть от него свою печаль.

Пандион, оставив доспехи, бросился к деду и порывисто обнял его. Старик обхватил рукой стан юноши, чувствуя твердость его могучих мышц. Деду казалось, что он и его давно погибший сын как бы возрождались заново в этом юном теле, созданном для борьбы.

Старик повернул к себе лицо внука и долго смотрел в открытые золотистые глаза:

— Теперь тебе надлежит решить, Пандион: пойдешь ли ты к вождю нашей фратрии, чтобы стать его воином, или останешься подручным у Агенора.

— Останусь у Агенора, — не раздумывая, ответил Пандион. — Если я пойду в селение к начальнику, мне придется там жить, есть вместе со всеми в собрании мужчин, и тогда ты останешься один. Я не хочу разлучаться с тобой и буду помогать тебе.

— Нет, теперь мы должны расстаться, Пандион, — с усилием, но твердо сказал старик.

Юноша удивленно отпрянул, но рука деда удержала его.

— Я исполнил обещание, данное моему сыну — твоему отцу, Пандион, — продолжал старик. — Теперь ты вступаешь в жизнь. Начало твоего пути должно быть свободно, а не отягчено заботой о беспомощном старике. Я удалюсь из нашей Энниады в плодородную Элиду[1], где живут мои дочери со своими мужьями. Когда ты станешь прославленным мастером, ты найдешь меня...

На горячие протесты юноши старик только отрицательно качал головой. Много ласковых, умоляющих, негодующих слов было сказано Пандионом, пока он не понял, что непреклонное решение деда выношено годами, укреплено жизненным опытом.

С печалью, камнем лежавшей на душе, юноша весь день не отходил от деда, помогая ему готовиться к отъезду.

Вечером они оба уселись у перевернутой, заново проконопаченной лодки, и дед достал свою старую, видавшую виды лиру. По-молодому сильный голос старого аэда понесся вдоль берега, замирая вдали. Печальный напев напоминал размеренный плеск моря.

По просьбе Пандиона старик пел ему предания о происхождении их народа, о соседних землях и странах.

Сознавая, что он слушает деда в последний раз, юноша жадно ловил каждое слово, стараясь запомнить песни, с детства неразрывно слитые у него с обликом Деда. Пандион образно представлял себе древних героев, объединявших разные племена.

Старый аэд пел о суровой прелести своей родины, где сама природа есть земное воплощение богов, о величии людей, умеющих любить жизнь и побеждать природу, не прячась от нее в храмы, не отворачиваясь от настоящего.

---

[1] *Элида* — область в северо-западной части Пелопоннесского полуострова.

И сердце юноши взволнованно билось перед дорогами, бегущими в неведомую даль, открывающими за каждым поворотом новое и неожиданное.

Утром как будто вернулось жаркое лето. Чистая синева неба дышала зноем, неподвижный воздух наполнился звоном цикад, и солнце ослепительно отражалось от белых скал и камней. Море стало прозрачным и лениво колыхалось у берегов, приняв вид старого вина, колеблющегося в исполинской чаше.

Когда лодка деда скрылась вдали, тоска стеснила грудь Пандиона. Он упал, упершись лбом на скрещенные руки. Он почувствовал себя мальчиком, одиноким и покинутым, потерявшим с отъездом любимого деда часть своего сердца. Слезы текли по рукам Пандиона, но это уже не были слезы ребенка, они катились редкими тяжелыми каплями, не облегчая горя.

Далеко отошли мечты о великих делах. Ничто не утешало юношу — он хотел быть вместе с дедом.

Медленно и неумолимо пришло сознание невозвратимости потери, и юноша справился с собой. Устыдившись слез, закусив губы, он поднял голову и долго смотрел в морскую даль, пока смятенные мысли не потекли последовательно и плавно. Пандион встал, окинул взглядом горящий на солнце берег, маленький домик под платаном, и снова тоска сделалась нестерпимой. Он понял, что дни юности миновали, что не вернется уж никогда беззаботная жизнь с ее наивными, полудетскими мечтами.

Медленно побрел Пандион к дому. Там он опоясался мечом и завернул в плащ свои вещи. Юноша плотно закрепил дверь, чтобы буря не ворвалась в дом, и пошел по каменистой тропинке, чисто выметенной морскими ветрами. Сухая и жесткая трава грустно шелестела под ногами. Тропинка подошла к холму, покрытому густым темно-зеленым кустарником, мелкие листья которого, нагретые солнцем, издавали аромат свежих оливковых выжимок. Здесь тропа разветвлялась на две: одна вела направо, к группе рыбачьих хижин, стоявших на берегу моря, другая шла вдоль берега реки к селению. Пандион повернул налево; за холмом его ноги окунулись в горячую белую пыль, стрекотание цикад заглушило шум моря. Основание каменистого склона горы у реки тонуло в деревьях. Узкие листья олеандров, тяжелая зелень смоковниц перемежались с пышными кронами огромных орехов — все это сливалось в сплошную клубящуюся массу, казавшуюся почти

черной у обрывов белых известняков. Тропинка нырнула в прохладную тень и после нескольких поворотов привела к поляне, застроенной небольшими домиками, теснившимися к пологим скатам виноградников.

Юноша ускорил шаги и направился к низкому белому строению, скрывавшемуся за узловатыми стволами олив. Он вошел под навес, и навстречу ему поднялся невысокий чернобородый пожилой мужчина — мастер-художник Агенор.

— Ты пришел, Пандион! — радостно приветствовал юношу художник. — А я уже думал посылать за тобой... А, вот что! — Агенор заметил вооружение Пандиона. — Дай я обниму тебя, мой мальчик... Тесса, Тесса! — крикнул он. — Смотри, какой воин пришел к нам!

Пандион быстро повернулся. Из внутренней двери выглянула девушка в темно-красном химатионе[1], накинутом поверх выгоревшего голубого хитона[2]. Радостная улыбка показала безупречные зубы, но через мгновение девушка нахмурилась, спрятав улыбку, и холодно обвела юношу взглядом.

— Видишь, Тесса рассердилась на тебя: два долгих дня ты не мог прибежать к нам и предупредить, что не будешь работать, — упрекнул Пандиона художник.

Юноша стоял молча, опустив голову и исподлобья переводил взгляд с девушки на учителя.

— Что с тобой, мой мальчик... то есть уже не мальчик, а воин? — спрашивал Агенор. — Ты печален сегодня. И что это за сверток ты принес?

Прерывающимся голосом, бессвязно, вновь переживая испытанное, Пандион рассказал об отъезде деда.

Пришла жена художника — мать Тессы.

Художник положил обе руки на плечи юноши:

— Мы давно полюбили тебя, Пандион, и рады тебе. А я счастлив, что ты выбрал путь художника и предпочел его жизни воина. Она не минует тебя позднее, сейчас же тебе нужно достичь многого, что дается лишь долгим трудом и размышлениями.

Пандион, по обычаю, склонился перед женой Агенора, и та покрыла его голову краем плаща, а затем ласково прижала к груди.

---

[1] *Химатион* — верхняя одежда эллинских женщин: прямоугольный кусок ткани в виде шали. Набрасывался через плечо, в плохую погоду надевался и на голову.

[2] *Хитон* — длинная одежда без рукавов из тонкой ткани. Домашнее одеяние эллинских женщин.

Девушка радостно вскрикнула и, смутившись, скрылась в глубине дома, провожаемая улыбкой отца.

Агенор, отдыхая, присел у входа в мастерскую. У дома росли старые оливковые деревья. Их огромные узловатые стволы причудливо переплетались, и задумчивый взор художника находил в них очертания людей и животных. Одно дерево напоминало коленопреклоненного великана, поднявшего над согнутой шеей широко расставленные руки. У другого корявые выступы ствола сливались в скорченное страданием, безобразное туловище. И все деревья сгибались, казалось, с усилием подталкивая вверх тяжелую массу бесчисленных ветвей, покрытых серебристыми мелкими листьями.

По другую сторону дома мелькнула женская фигура в праздничном ярко-синем химатионе с золотыми блестками. Художник узнал дочь в тот самый момент, когда девушка скрылась за склоном холма. Неслышно ступая босыми ногами, к Агенору приблизилась его жена и села рядом.

— Тесса опять пошла в сосновую рощу к Пандиону, — сказал художник и прибавил: — Дети думают, что нам неизвестна их маленькая тайна!

Жена его весело засмеялась, но, внезапно став серьезной, спросила:

— Что ты думаешь о Пандионе теперь, когда он прожил у нас больше года?

— Я полюбил его еще больше, — ответил Агенор, и жена согласно наклонила голову. — Но... — Художник замолчал, обдумывая дальнейшие слова.

— Он хочет слишком многого, — закончила за него жена.

— Да, он хочет многого, и много ему дано от богов. И некому научить его — я не могу дать ему то, что он ищет, — сказал художник с ноткой грусти в голосе.

— А мне кажется, что он мечется, не находя себя. Он не похож на других юношей, — тихо сказала жена. — И я не понимаю, что ему еще нужно, а иногда просто жаль его.

— О милая, ты права: не даст ему счастья стремление достигнуть того, чего никто не сумел еще сделать. А тревогу твою... Я понимаю ее причину: ты боишься за Тессу?

— Нет, не боюсь, дочь моя горда и смела. Но я чувствую, что любовь к Пандиону может принести ей много горя. Плохо, когда человек, как Пандион, одержим исканиями — тогда любовь не излечит его от вечной тоски...

— Как излечила меня, — ласково улыбнулся жене художник. — А когда-то я, пожалуй, походил на Пандиона...

— Ну нет, ты всегда был спокойнее и крепче, — сказала жена, погладив седеющую голову Агенора.

Тот посмотрел вдаль, за деревья, куда скрылась Тесса.

Девушка торопливо шла к морю, часто оглядываясь, хотя и знала, что так рано в праздничный день никто не пойдет в священную рощу.

От белых обрывов бесплодных каменистых гор уже веяло жаром. Сначала дорога пролегала по равнине, покрытой колючками, и Тесса шла осторожно, чтобы не порвать подол своего лучшего хитона из тонкой, полупрозрачной материи, привезенной из-за моря. Дальше местность вспучилась холмом, сплошь покрытым кроваво-красными цветами. В ярком солнце холм пылал, как будто залитый темным пламенем. Здесь не было колючек, и девушка, высоко подобрав складки хитона, побежала.

Быстро миновав одинокие деревья, Тесса очутилась в роще. Стройные стволы сосен отливали восковым лиловым блеском, раскидистые вершины шумели под ветром, а ветви, опушенные мягкими, в ладонь длиной иглами, превращали яркий солнечный свет в золотую пыль.

Запах нагретой смолы и хвои смешивался со свежим дыханием моря и разливался по всей роще.

Девушка пошла медленнее, бессознательно подчиняясь торжественному покою рощи.

Направо среди стволов перед нею возвышалась серая, обсыпанная хвоей скала.

На полянку падал столб солнечного света, и сосны вокруг казались вылитыми из красной меди. Сюда яснее доносился рокочущий гул моря — невидимое, оно напоминало о себе низкими мерными аккордами.

Из-за скалы навстречу Тессе выбежал Пандион и привлек девушку к себе, затем слегка оттолкнул ее и зорко осмотрел, словно стремясь вобрать в себя весь ее облик.

Завитки ее блестящих черных волос трепетали вокруг гладкого лба, узкие брови приподнимались к вискам, переламываясь чуть заметно, и это придавало большим синим глазам едва уловимое выражение насмешливой гордости.

Тесса мягким движением отстранилась.

— Поспеши, сюда скоро придут! — сказала она, нежно глядя на юношу.

— Я готов. — С этими словами Пандион подошел к скале, рассеченной узкой вертикальной пещерой.

На глыбе известняка стояла незаконченная статуя в половину человеческого роста из плотной глины. Тут же были разложены деревянные инструменты скульптора — изогнутые пилочки, ножи и лопатки.

Девушка сбросила синий химатион и медленно подняла руки к застежкам, скреплявшим сборки разрезанной вдоль плеч легкой ткани.

Пандион следил за ней, улыбаясь и перебирая инструменты, но, когда он отвернулся к статуе, восторженная улыбка медленно сползла с его лица. Еще очень далеко было этому грубому изображению до восхитительной живой Тессы. Но все же в глине появились уже все пропорции ее тела. Сегодня решающий день: подготовка кончена. Он перенесет на недвижимую глину обаяние живых линий.

Пандион хмуро и решительно повернулся к Тессе. Та, искоса взглянув на него, кивнула головой. Потупив глаза, девушка оперлась на ствол сосны, подложив одну руку под затылок. Пандион молча погрузился в работу. Взгляд юноши сделался пронзительным, глаза перебегали с тела подруги на глину и обратно, запоминая, соразмеряя и сравнивая.

Много дней уже шла эта борьба творческих рук с мертвой, безразлично податливой глиной, которую нужно было заставить принять прекрасную форму живого.

Время шло. Чуткое ухо юноши уже несколько раз улавливало подавленные вздохи уставшей Тессы.

Пандион прекратил работу, отступил от статуи, и Тесса невольно вздрогнула, услышав горький стон разочарования. Изображение стало гораздо хуже. То, что жило в нем и привлекало едва намеченными чертами, теперь, приглаженное и определившееся, умерло. Изваяние стало лишь тяжелым подобием смуглого тела Тессы, стоявшей перед огромным сосновым стволом.

Закусив губы, юноша сравнивал Тессу со статуей, напряженно стараясь отыскать ошибку. Ошибки не было — это нельзя было назвать ошибкой: просто он не смог передать жизнь, остановить изменчивое движение форм тела. Ему казалось, что сила его любви, его восхищение красотой Тессы позволит ему подняться высоко, совершить великий творческий подвиг — и явится миру невиданная статуя... Так было вчера, было еще полчаса тому назад! И вот он не может... не умеет... не в силах... Даже для Тессы, которую так любит! Что же теперь делать? Весь мир померк для Пандиона, инструменты упали на землю, кровь бросилась в голову. В отчаянии,

сознавая свое бессилие, юноша бросился к девушке и упал, обняв ее колени, перед ней.

Девушка, смущенная и недоумевающая, положила ладони на горячее, поднятое вверх лицо Пандиона.

И вдруг инстинктивным чутьем женщины она поняла, что делается в душе художника. С материнской любовью она склонилась над юношей, говорила ласковые слова, прижимала к себе голову Пандиона, скользя тонкими пальцами по кольцам коротких волос.

Бурное отчаяние юноши улеглось.

Вдали послышались голоса. Пандион оглянулся кругом; порыв его угас, а с ним ушла и гордая надежда. Ему казалось, что его юношеская мечта никогда не сбудется. Скульптор подошел к своей статуе и остановился в раздумье. Маленькая рука Тессы легла ему на сгиб локтя.

— Не смей, неразумный мальчик, — прошептала девушка.

— Не могу, не смею, Тесса, — согласился Пандион, не отрывая взгляда от изваяния. — Если бы эта... — юноша запнулся, — не была сделана с тебя, если бы не ты, я уничтожил бы ее сейчас же. Эта вещь так груба и некрасива, что не должна существовать и чем-то напоминать твой облик... — С этими словами юноша легко сдвинул камень вместе со статуей в глубь пещеры. Он старательно замаскировал узкую щель обломками камней и пригоршнями сухой хвои...

Юноша и девушка направились на звук морского прибоя. Они долго шли молча. Пандион заговорил, стараясь передать любимой свою тоску и разочарование. Девушка убеждала Пандиона не оставлять попыток, говорила о своей уверенности в нем, в его способности выполнить задуманное. Но Пандион был непреклонен. Сегодня он понял, что еще далек от подлинного мастерства, что дорога к настоящему искусству лежит через долгие годы упорного труда.

— Нет, Тесса, я теперь знаю, что не могу воплотить тебя в статуе! — страстно говорил он. — Я беден здесь и здесь, — он притронулся к сердцу и глазам, — чтобы передать твою красоту...

— Разве она не твоя, Пандион? — Девушка порывисто закинула руки за шею художника.

— Да, Тесса, но как я иногда страдаю от нее! Я никогда не устану любоваться тобою и в то же время... не могу этого выразить... Каждый миг кажется последним. Точно вот-вот исчезнет твоя красота, подобно улетевшему звуку песни... Ты ушла, и я не могу изобразить твои черты, самому себе рассказать о них! А я должен воплотить тебя в глине, дереве, камне.

Я должен понять, почему так трудно передать красоту, ибо если я сам не осмыслю этого, то как я смогу сделать живыми свои творения?

Тесса внимательно слушала юношу и, чувствуя, что сейчас перед ней открыта вся душа Пандиона, с горечью понимала свое бессилие. Тоска художника передавалась и ей, на сердце росла неопределенная тревога.

Вдруг Пандион улыбнулся, и не успела Тесса опомниться, как мощные руки подняли ее на воздух. Пандион побежал к берегу, опустил девушку на влажный песок и сам скрылся за круглым холмом.

Мгновение — и девушка увидела голову Пандиона на гребне приближавшейся волны. Скоро юноша вернулся. От недавней печали не было и следа. И происшедшее в роще показалось Тессе не таким серьезным. Она тихо рассмеялась, вспомнив свое жалкое глиняное подобие и удрученное лицо его создателя.

Пандион тоже подсмеивался над собой, как мальчик, хвастался перед девушкой своей ловкостью и силой. Так, медленно, часто останавливаясь, шли они к дому. И только на самом дне души Тессы продолжала гнездиться тревога.

Агенор тронул рукой колено Пандиона:

— Народ наш еще молод и беден, мой сын. Нужны века жизни в достатке, чтобы сотни людей могли посвятить себя высокому мастерству художника, сотни людей могли предаться изучению красоты человека и мира. А мы еще так недавно изображали своих богов, обтесывая каменные или деревянные столбы... Но вот ты стремишься понять законы красоты, и я могу предсказать, что наш народ пойдет далеко по пути изображения прекрасного. А сейчас в древних и богатых странах мастера гораздо искуснее нас...

Художник встал и извлек из угла комнаты большой ларец желтого дерева, достал из него сверток, покрытый красной материей. Сняв ее, он осторожно поставил перед Пандионом статуэтку в локоть величиной, сделанную из слоновой кости и золота. Слоновая кость от времени порозовела, и ее полированная поверхность покрылась мельчайшими черными трещинками.

Статуэтка изображала женщину, державшую в протянутых руках двух змей, завившихся кольцами до локтевых сгибов. Тугой пояс с валиками по краям охватывал необычайно тонкую талию, поддерживая длинную, до пят, юбку, сильно расширявшуюся книзу и украшенную пятью поперечными золотыми полосками. Спину, плечи, бока и верхние части рук

закрывала легкая накидка, оставлявшая обнаженной грудь и живот до талии.

Тяжелые волнистые волосы были подняты узлом не на затылке, как у эллинских женщин, а на темени. От узла отделялись густые пряди, покрывая сзади шею и спину.

Ничего подобного Пандион еще не видел. Чувствовалось, что эта статуэтка — создание великого мастера. Особенно привлекало внимание странно равнодушное лицо статуэтки — плосковатое и широкое, с тяжело обозначенными скулами, с толстыми губами, со слегка выдающейся вперед нижней частью.

Прямые широкие брови усиливали выражение равнодушия на лице женщины, но пышная грудь высоко вздымалась, точно в нетерпеливом вздохе.

Пандион оцепенел! Если бы он обладал искусством неизвестного мастера! Если бы резец его мог с такой же точностью и изяществом передать форму, оживавшую под розовато-желтой поверхностью старой кости!

Агенор, довольный произведенным впечатлением, следил за юношей и медленно поглаживал щеку концами пальцев.

Прервав молчаливое созерцание, Пандион отставил драгоценную статуэтку подальше. Не отрывая глаз от тускло поблескивавшего творения древнего мастера, юноша тихо и грустно спросил учителя:

— Это из древних восточных городов?[1]

— О нет! — отвечал Агенор. — Она древнее их всех, древнее богатых золотом Микен, Тиринфа и Орхомен[2]. Я взял ее у Хризаора, чтобы показать тебе. Его отец в молодости плавал с отрядом на Крит и нашел ее среди остатков древнего храма в двадцати стадиях[3] от развалин города морских царей[4], разрушенного страшными землетрясениями.

---

[1] Пандион подразумевает восточную часть Греции, где в доэллинское время, во второй половине II тысячелетия до нашей эры (1600-1200 гг.), был расцвет так называемой микенской культуры, непосредственно сменившей критскую. Эгейская, или критская, культура — еще не разгаданная культура доэллинского периода в Средиземноморье (в среднем — тысячелетие до нашей эры).

[2] *Микены*, *Тиринф*, *Орхомены* — культурные центры Микенской эпохи.

[3] *Стадия* — мера расстояния, приблизительно равная 180 метрам.

[4] *Город Кносс* — центр Эгейской (критской) культуры.

— Отец, — юноша, сдерживая волнение, с мольбой прикоснулся к бороде художника[1], — ты знаешь так много. Неужели ты не смог бы, если бы захотел, перенять искусство древних мастеров, научить нас, повести туда, где сохранились прекрасные творения? Неужели ты никогда не видел этих дворцов, воспетых в легендах? Я много раз мечтал о них, слушая деда!

Агенор опустил глаза. Тень набежала на спокойное и приветливое лицо.

— Я не сумею объяснить тебе, — ответил он после недолгого размышления, — но ты сам скоро это почувствуешь: то, что умерло, нельзя возродить. Оно чужое нашему миру, нашей душе... оно прекрасно, но безнадежно... чарует, но не живет.

— Я понял, отец! — страстно воскликнул Пандион. — Мы будем только рабами мертвой мудрости, хотя и в совершенстве будем подражать ей. А нам нужно стать равными древним мастерам или сильнее их, и тогда... о, тогда!.. — Юноша замолчал, не находя слов.

Агенор загоревшимися глазами посмотрел на своего ученика, и его жесткая маленькая рука одобрительно сдавила локоть юноши.

— Ты хорошо сказал то, что я не мог выразить. Да, древнее искусство для нас должно быть мерой и пробой, а идти нужно своим путем. А чтобы этот путь не оказался очень далек, учиться нужно у древней мудрости. Ты умен, Пандион...

Вдруг Пандион мягко скользнул на глиняный пол и обнял ноги художника:

— Отец и учитель, отпусти меня посмотреть древние города... Я не могу, боги мне свидетели... я должен видеть все это. Я чувствую в себе силу достигнуть высокого... Мне надо узнать родину тех редкостей, что иногда встречаются у наших людей, поражая их. Может быть, я... — Юноша умолк, покраснев до ушей, но его прямой смелый взор продолжал искать взгляд Агенора.

Тот сосредоточенно смотрел в сторону, хмурился и молчал.

— Встань, Пандион, — наконец произнес художник. — Я давно ждал этого. Ты не мальчик, и я не могу удержать тебя, хотя и хотел бы. Ты волен идти куда тебе угодно, но я говорю тебе, как сыну, как ученику... более того, как равный — другу... что желание твое гибельно. Оно грозит тебе страшными бедствиями.

[1] Жест просьбы в Древней Элладе.

— Я не боюсь ничего, отец! — Пандион откинул назад голову, ноздри его раздувались.

— Я ошибся: ты совсем мальчик, — спокойно возразил Агенор. — Выслушай, положив сердце на ладони, если любишь меня.

И Агенор рассказал, что в восточных городах, где еще живут древние обычаи, осталось много произведений древнего искусства. Женщины, как тысячелетие тому назад на Крите, носят длинные жесткие юбки, раскрашенные с необыкновенной пестротой, и обнажают грудь, прикрывая плечи и спину. Мужчины — в коротких рубашках без рукавов, с длинными волосами, вооружены маленькими тяжелыми бронзовыми мечами.

Город Тиринф окружен гигантской стеной в пятьдесят локтей вышины. Эти стены сложены из колоссальных обтесанных глыб, украшенных золотыми и бронзовыми цветами, издалека сверкающими на солнце, как огни, разбросанные по стене.

Микены еще величественнее. На вершине высокого холма располагается этот город, ворота из огромных камней заперты медными решетками. Далеко видны большие постройки с равнины, окружающей холм.

Хотя свежи и ярки краски стенных росписей во дворцах Микен, Тиринфа и Орхомен, хотя по-прежнему по гладким дорогам, выложенным большими белыми камнями, иногда проносятся колесницы богатых землевладельцев, но все больше зарастают травою забвения эти дороги, дворы пустующих домов, даже скаты могучих стен.

Давно прошли времена богатства, времена далеких плаваний в сказочный Айгюптос[1]. Теперь вокруг этих городов обитают сильные фратрии, обладающие множеством воинов. Их начальники подчинили себе все вокруг на далекие расстояния, захватили города в свои темены[2], согнули слабые роды и объявили себя властителями страны и людей.

Здесь, в Энниаде, еще нет таких могучих вождей, как нет городов и красивых храмов. Но зато там больше рабов — жалких, потерявших свободу мужчин и женщин. И среди них не только пленные, захваченные в чужих странах, но и рабы из своих же сограждан, принадлежащих к бедным родам.

---

[1] *Айгюптос* — греческое название Древнего Египта; произошло от искаженного египетского Хет-Ка-Пта (Дворец Духа Пта) — другое название города Белой Стены (Мемфиса).

[2] *Темен* — земельный надел крупного вождя.

И что уж говорить о чужеземных странниках: если не стоит за их плечами могущественная фратрия или племя, с которым ссориться небезопасно даже сильным вождям, или если нет у путешественника многочисленной дружины воинов, тогда только два пути могут быть у странника — смерть или рабство.

— Помни, Пандион, — художник схватил юношу за обе руки, — мы живем в суровое и опасное время! Роды и фратрии враждуют между собой, общих законов не существует, вечный страх рабства висит над головой каждого скитальца. Эта прекрасная страна не годится для путешествия. Помни, что, покинув нас, ты будешь на чужбине без очага и закона, всякий может тебя унизить или даже убить, не боясь пени и мести[1]. Ты одинок и беден, я тоже ничем не могу помочь тебе — значит, тебе не собрать даже небольшого отряда. А один ты погибнешь очень быстро, если только боги не сделают тебя невидимкой. Видишь, Пандион, хотя кажется так просто: проплыть проливом тысячу стадий от нашего Ахелоева мыса до Коринфа, откуда полдня пути до Микен, день до Тиринфа и три до Орхомен, но для тебя это все равно что отправиться за пределы Ойкумены! — Агенор встал и направился к выходу, увлекая за собой юношу. — Ты стал родным мне и моей жене, но я не говорю о нас... Представь страдания моей Тессы, если ты будешь влачить жалкие дни в рабстве на чужбине!

Пандион густо покраснел и ничего не ответил.

Агенор чувствовал, что не убедил Пандиона, а тот в нерешительности колебался между двумя могучими влечениями: одним — удерживавшим его на месте, другим — влекущим вдаль, несмотря на неизбежную опасность.

И Тесса, не зная, что будет лучше, то восставала против его путешествия, то, полная благородной гордости, упрашивала Пандиона уехать...

Прошло несколько месяцев, и, когда весенние ветры донесли из-за пролива[2] слабый запах цветущих холмов и гор Пелопоннеса, Пандион окончательно выбрал свой жизненный путь.

Теперь ему предстояло единоборство с чужим и далеким миром. Полгода, которые он хотел провести вдали от родных

[1] Убийца подвергался кровавой мести со стороны родственников, но мог заплатить пеню по соглашению и тем избавить себя от преследования.

[2] Подразумевается Коринфский залив.

мест, представлялись ему вечностью. Временами Пандиона тревожило ощущение, будто он навсегда покидает свою родину... По совету Агенора и других мудрых мужей селения Пандион ехал на Крит — обиталище потомков морского народа, родину древней культуры. Хотя огромный остров находился посреди моря, несравненно дальше древних городов Беотин и Арголиды[1], поездка туда представлялась более безопасной для одинокого путешественника.

Остров, лежавший в центре морских путей, был заселен теперь разными племенами. На берегах его постоянно встречались иноземцы — купцы, моряки, грузчики. Разноязычное население Крита занималось торговлей и жило в большем мире, чем Эллада, и лучше относилось к приезжим. Только в глубине острова, за горными перевалами, еще ютились потомки древних племен, враждебно относившиеся к пришельцам.

Пандион должен был переправиться через Калидонский залив к острому мысу, расположенному против нижней Ахайи, и здесь наняться гребцом на одно из судов, отправлявшихся на Крит с шерстью после зимнего перерыва; в бурное время года утлые суда избегали далеких плаваний.

В день полнолуния молодежь селения собиралась для танцев на большой поляне священной рощи.

Пандион в задумчивости сидел на маленьком дворике у дома Агенора, угнетенный тоской. Завтра совершится неизбежное — он оторвет от сердца все любимое и родное ему и предстанет перед неизвестной судьбой. Тоска разлуки, жалость к покинутой возлюбленной, неверное будущее — вот ядовитая чаша его пути, одиноких исканий.

В темном и молчаливом доме Тесса шелестела одеждами, потом появилась в черном отверстии двери, оправляя складки наброшенного на плечи покрывала. Девушка негромко окликнула Пандиона, который мгновенно вскочил и устремился ей навстречу. Черные волосы Тессы были закручены на затылке в тяжелый узел и обрамлены по темени тремя лентами, сходившимися вместе под узлом.

— Ты причесалась сегодня, как аттическая девушка! — воскликнул Пандион. — Это красиво!

Тесса, улыбнувшись, грустно спросила:

— Ты разве не пойдешь танцевать в последний раз, Пандион?

— А разве ты хочешь пойти?

[1] Область в восточной части Греции.

— Да, я буду танцевать для Афродиты, — твердо промолвила Тесса. — И еще журавля.

— Танцевать журавля, этот аттический танец! Для него ты так и причесана. У нас его, кажется, ни разу не танцевали.

— А сегодня будут все — для тебя, Пандион!

— Почему для меня? — удивился юноша.

— Разве ты забыл — журавля в Аттике танцуют в память, — голос Тессы задрожал, — счастливого возвращения Тезея [1] с Крита и в честь его победы... Пойдем, милый! — Тесса протянула обе руки Пандиону, и, прижавшись друг к другу, молодые люди вошли под деревья на краю селения.

Море шумело навстречу, зовуще раскрывало свою беспредельную ширину. В ранних солнечных лучах морская даль вздымалась подобно выпуклой поверхности исполинского моста. Да и в самом деле, море было мостом к далеким странам, мостом, соединяющим народы.

Медленные волны, розовея с зарей, несли издалека, может быть, от самого сказочного Айгюптоса, клочья золотистой пены. И солнечные лучи плясали, дробясь и качаясь, на неустанной, вечно подвижной воде, пронизывая воздух слабым мерцающим сиянием.

За холмом скрылась тропинка, с которой еще были видны селения и семья Агенора, посылавшая последние приветы.

Прибрежная равнина была пустынна. Пандион остался наедине с Тессой перед морем и небом. Впереди, на песке, чернела маленькая лодка, на которой Пандион должен был обогнуть мыс при устье Ахелоя и переплыть Калидонский залив.

Девушка и юноша шли молча. Их медленные шаги были неверны: Тесса в упор смотрела на Пандиона, и он не мог отвести взгляд от лица любимой.

Скоро, слишком скоро они подошли к лодке. Пандион выпрямился, в глубоком вздохе расправил стесненную грудь. Настал момент, ожидание которого дни и ночи угнетало Пандиона. Так много нужно было сказать Тессе в эти последние минуты, но не было слов.

[1] *Тезей* — герой эллинских мифов, отправившийся на Крит и там победивший в подземельях лабиринта чудовище Минотавра. Ежегодно красивейшие девушки и юноши обрекались в жертву чудовищу. Тезей избавил родную Аттику от кровавой дани царю Крита.

Пандион смущенно стоял, в голове мелькали обрывки мыслей, непоследовательные и бессвязные.

Вдруг Тесса внезапным движением крепко обняла Пандиона за шею и, точно боясь, что их могут подслушать, торопливо и прерывисто зашептала:

— Поклянись мне, Пандион, поклянись Гиперионом... страшной Гекатой[1]... Нет, лучше своей и моей любовью, что ты не поедешь дальше Крита, туда, в далекий Айгюптос... где тебя превратят в раба и ты исчезнешь из моей жизни... Поклянись, что вернешься скоро... — Шепот Тессы прервался сдавленным рыданием.

Пандион прижал девушку к себе и произнес клятву, а в это время перед его мысленным взором пронеслись морские дали, утесы, рощи и развалины неведомых селений — все то, что сейчас отделит его от Тессы на шесть долгих месяцев — месяцев, в которые он не будет знать ничего о любимой и она о нем.

Пандион закрыл глаза, чувствуя, как бьется сердце Тессы.

Минуты шли, неизбежность разлуки надвигалась, ожидание становилось невыносимым.

— В путь, Пандион, скорее... Прощай... — прошептала девушка.

Пандион вздрогнул, отпустил Тессу и быстро подошел к лодке.

Поддаваясь сильным рукам, лодка медленно сдвинулась, днище зашуршало по песку. Пандион вошел до колен в холодную плещущую воду и обернулся. Борт подбрасываемой на волнах лодки слегка ударял его по ноге.

Тесса, неподвижная, как статуя, стояла, устремив взгляд на мыс, за которым должна была сейчас скрыться лодка Пандиона.

В душе юноши что-то надломилось. Он сорвал лодку с отмели, прыгнул в нее и взялся за весла. Тесса резко повернула голову, и порыв западного ветра подхватил ее распущенные в знак печали волосы.

Лодка быстро отплыла, повинуясь сильным ударам весел, а он, не отрываясь, смотрел на застывшую девушку. Ее лицо было высоко поднято прямо над обнаженным плечом.

Ветер закрыл лицо Тессы ее черными волосами, и девушка не пыталась поправить их. Сквозь волосы Пандиону видны были блестящие глаза, вздрагивающие ноздри пря-

[1] *Геката* (далеко разящая) — богиня луны и колдовства у эллинов.

мого маленького носа и яркие полураскрытые губы. А волосы, шевелясь под ветром, густой массой окутывали шею. Концы их завивались бесчисленными колечками на щеке, виске и высокой груди. Девушка стояла без движения, пока лодка не удалилась от берега и не повернула носом на юго-восток.

Тессе казалось, что не лодка огибает мыс, а мыс, темный и мрачный, в тени низкого солнца, выдвигается слева в море, постепенно приближаясь к лодке. Вот он коснулся небольшой чернеющей черточки в сверкающем море, вот она скрылась за ним...

Тесса, ничего более не сознавая, опустилась на плотный влажный песок.

Лодка Пандиона затерялась среди бесчисленных волн. Давно уже скрылся из глаз мыс Ахелоя, а Пандион продолжал грести изо всех сил, точно боялся, что тоска заставит его вернуться. Он ни о чем не думал, стараясь измучить себя работой под знойным солнцем...

Солнце перешло на корму лодки, и медленные волны приняли цвет темного меда. Пандион бросил весла на дно. Осторожно оттолкнувшись одной ногой, чтобы не опрокинуть узкую лодку, юноша прыгнул в море. Освежившись, он поплыл, подталкивая лодку перед собой, потом снова забрался в нее и выпрямился во весь рост.

Впереди виднелся острый мыс, а левее чернел продолговатый островок, ограничивавший с юга Калидонскую гавань — цель его плавания. Пандион снова принялся грести, и островок медленно рос, поднимаясь из моря. Вершина его распалась на отдельные игольчатые кроны деревьев. Скоро ряд стройных кипарисов, похожих на темные наконечники гигантских копий, предстал перед Пандионом. Деревья, защищенные от ветров крючковатым скалистым мысом, поднимавшимся с юга, устремлялись в чистую синеву неба. Юноша осторожно провел лодку меж камней, отороченных скользкими рыжеватыми водорослями. Ровное песчаное дно было ясно видно сквозь прозрачную зеленовато-золотистую воду. Пандион вышел на берег, разыскал невдалеке от старого, поросшего мхом жертвенника полянку с мягкой весенней травой и допил запасенную в дорогу воду. Есть ему не хотелось.

До гавани, скрывавшейся по ту сторону острова, было не больше двух десятков стадий.

Юноша решил прийти бодрым и свежим к владельцу корабля. Он лег под узорными ветками.

С необычайной ясностью перед закрытыми глазами Пандиона возникли картины вчерашнего празднества...

Пандион и другие юноши селения лежали в траве, ожидая, пока девушки закончат танец в честь Афродиты. Девушки в легких юбках, собранных вокруг талии на разноцветных лентах, танцевали попарно, спиной друг к другу. Взявшись за руки, они посматривали через плечо, словно каждая из них любовалась красотой своей подруги.

Серебряными волнами в лунном свете взлетали и падали складки белых юбок, смуглые тела танцовщиц гнулись, как гибкие стебли, в такт нежным и протяжным грустным и радостным звукам флейты.

Потом юноши смешались с девушками и начали танец журавля, приподнимаясь на кончиках пальцев и раскидывая в стороны напряженные, как крылья, руки. Пандион был рядом с Тессой, не сводившей с него встревоженных глаз.

Вся молодежь селения была внимательнее обычного к Пандиону. Только лицо одного Эвримаха, влюбленного в Тессу, сияло, показывая, как он рад отъезду соперника. Пандион замечал, что остальные не шутили с ним, как прежде, меньше было задорных колкостей — словно между ним, уезжавшим, и всеми остающимися уже легла какая-то граница. Отношение друзей одновременно выражало зависть и жалость, как к человеку, стоящему на грани большой опасности и выделенному среди всех остальных.

Луна медленно скрывалась за деревьями. На поляну выдвинулось широкое покрывало черной тени.

Танцы окончились. Тесса с подругами спела Иресиону — песню о ласточке и весне, любимую Пандионом. Наконец молодежь парами направилась к тропинке к селению. Пандион и Тесса шли позади всех, намеренно замедляя шаги. Едва они поднялись на гребень холма перед селением, как Тесса вздрогнула и остановилась, прижавшись к Пандиону.

Отвесные обрывы известняковых круч, вздымавшиеся позади виноградников, отражали лунный свет, как исполинское зеркало. Казалось, над селением, прибрежной равниной и темным морем стояла прозрачная завеса серебристого света, полная зловещего очарования и молчаливой тоски.

— Мне страшно, Пандион, — шепнула Тесса. — Велика мощь Гекаты — богини лунного света, и ты отправляешься в те места, где она владычествует...

Волнение Тессы передалось Пандиону.

— Нет, Тесса, не на Крите, а в Карии [1] владычествует Геката, туда не лежит мой путь! — воскликнул юноша, увлекая девушку домой...

Пандион очнулся от грез. Нужно было поесть и продолжать путь. Он принес жертву морскому богу и, выйдя на берег, измерил свою тень[2], переставляя ступни ног по ее отмеченной длине. Тень в девятнадцать ступней показала ему, что нужно торопиться — до вечера надо было устроиться на корабле.

Пандион, обогнув на лодке остров, увидел белый каменный столб — знак гавани — и начал грести быстрее.

Глава вторая
ПЕННАЯ СТРАНА

Ветер уныло свистел в жестких кустах, поднимая крупный песок. Хребет протягивался на восток, как дорога, насыпанная неведомыми гигантами. Он, изгибаясь, обрамлял обширную зеленую долину. Горы пологим откосом спускались к морю. Откос был покрыт ковром ярко-желтых цветов и издалека казался огромным куском золота, обрамлявшим сверкающую синеву моря.

Пандион ускорил шаги. Сегодня особенно остро ощущал тоску по покинутой Энниаде. Ему не советовали забираться так далеко, в эту замкнутую горами часть Крита, где потомки древнего морского народа были неприветливы с пришельцами.

Пандион торопился. За пять месяцев он побывал в разных концах огромного острова, длинной гористой полосой протянувшегося посреди моря. Молодой скульптор видел чудесные и странные вещи, оставленные древним народом в опустелых храмах и почти безлюдных городах.

Много дней провел Пандион в развалинах гигантского Дворца Секиры в городе Кноссе, первые постройки которого уходили к временам незапамятной давности. Бродя по бесчисленным лестницам дворца, юноша впервые увидел большие залы с красными, суживающимися книзу колоннами, любовался карнизами, ярко расписанными черными и белыми прямоугольниками или украшенными черными и голубыми завитками, напоминавшими череду бегущих волн.

---

[1] *Кария* — страна на побережье западной оконечности Малоазиатского полуострова.

[2] Измерением тени определяли время в Древней Элладе.

На стенах уцелели великолепные фрески. У Пандиона захватывало дух от восторга, когда он глядел на изображения священных игр с быками, на процессии женщин с сосудами в руках, на девушек, пляшущих внутри ограды, за которой толпились мужчины, на неведомых гибких зверей среди гор и странных растений. Контуры фигур казались Пандиону неестественными с их невероятно тонкими талиями, широкими бедрами и вычурными движениями. Растения тянулись вверх на очень длинных стеблях, почти без листьев. Пандион понимал, что художники прошлых времен намеренно искажали естественные пропорции в стремлении выразить какую-то мысль, но она была непонятна юноше, выросшему на свободе, среди прекрасной, суровой природы.

В Кноссе, Тилиссе и Элире и в таинственных развалинах древней гавани[1], все дома которой вместо обычных тесаных глыб были построены из ровных и гладких плит серого слоистого камня, Пандион видел множество женских статуэток из слоновой кости и фаянса, блюда и чаши из сплава золота и серебра, покрытые тончайшими рисунками, фаянсовые вазы с чудесной пестротой узоров или изображениями морских животных.

Но поражавшее молодого скульптора искусство оставалось ему непонятным, как таинственные надписи, встречавшиеся в развалинах и сделанные забытыми знаками на умершем языке. Великое мастерство, проявлявшееся в любой мельчайшей детали каждого произведения, не удовлетворяло Пандиона: ему хотелось большего — воплотить живую красоту человеческого тела, перед которой он преклонялся.

И неожиданно для себя изображения людей и животных, выполненные с большой реальностью, Пандион увидел в произведениях искусства, привезенных из далекого Айгюптоса.

Жители Кносса, Тилисса и Элиры, показывавшие их Пандиону, говорили, что множество подобных вещей сохранилось на Крите в округе Феста, где обитали потомки морского народа. И Пандион, несмотря на предупреждения об опасности, решился проникнуть в горное кольцо на южном побережье Крита.

Еще несколько дней — и, посмотрев все, что можно, он поплывет домой, к Тессе. Пандион был теперь уверен в своих силах. Как ни хотелось ему поучиться у мастеров Айгюптоса,

[1] Так называемом «шиферном городе», древнее название которого осталось неизвестным.

любовь к родине и Тессе была сильней, крепко держала данная девушке клятва.

Как чудесно будет вернуться домой с последними осенними кораблями, заглянуть в синие блестящие глаза любимой, увидеть сдержанную радость Агенора, учителя, заменившего ему отца и деда!

Пандион, прищурившись, посмотрел на бесконечную ширь моря. Нет, там, впереди, чужие далекие страны, Айгюптос, а его море позади, за высокой горной грядой. Он все еще идет от него, а не к нему. Нужно посмотреть здесь, в Фесте, древние храмы, о которых он много слышал на побережье. Вздохнув, Пандион ускорил шаги, почти побежал. Отрог хребта опускался вниз широким склоном, покрытым, как кочками, каменными буграми, между которыми темнели пятна кустарников. У подошвы склона среди деревьев неясно виднелись развалины громадного здания, полуобрушившиеся стены, остатки сводов и уцелевшие ворота в рамке черно-белых колонн.

Развалины стояли безмолвно, изгибы стен были раскрыты перед Пандионом, точно исполинские руки, приготовившиеся обхватить жертву. Широкие свежие трещины — след недавнего землетрясения — бороздили поверхность стен.

Молодой скульптор тихо пошел, стараясь не нарушать покоя руин, вглядываясь в темные углы под уцелевшими колоннами.

Обогнув выступавший угол, Пандион очутился в квадратной зале без крыши, стены которой были расписаны уже знакомыми яркими фресками. Вглядываясь в чередование коричневых и черных мужских фигур, несших щиты, мечи и луки среди странных зверей и кораблей, Пандион, вспомнив рассказы деда, догадался, что перед ним изображены путешествия военного отряда в страну черных, по древним преданиям расположенную на самом краю Ойкумены.

Изумленный этим свидетельством далеких путей древнего народа, Пандион долго вглядывался в стенные росписи, пока, повернувшись налево, не увидел посередине залы мраморный куб, украшенный синими розетками и завитками из стекла. У подножия куба лежали груды совершенно свежих, недавно сорванных цветов.

Значит, здесь был кто-то, среди этих развалин живут люди! Затаив дыхание юноша устремился к выходу, в портик, заросший высокой травой.

Портик из двух белых квадратных столбов и двух красных колонн стоял на краю небольшого обрыва, едва возвышаю-

щегося над густой листвой деревьев. По обрыву изгибалась утоптанная пыльная тропинка. Юноша спустился в долину и оказался на гладкой, мощеной дороге. Пандион пошел на восток, стараясь бесшумно ступать по горячим камням. Широкие листья платанов с правой стороны дороги, едва трепетавшие в жарком воздухе, отбрасывали полосу тени. Путешественник облегченно вздохнул, укрывшись от знойного солнца. Пандиону давно хотелось пить, но у себя на родине, бедной водой, он был приучен к воздержанию. Пройдя около двух стадий, юноша заметил впереди, у небольшого холма, где дорога поворачивала на север, длинное низкое здание. Несколько помещений, как ряд одинаковых ящиков, были открыты со стороны дороги и совершенно пусты. Пандион узнал старый дом для отдыха путешественников — он часто видел такие на дорогах северного побережья — и поспешил войти в пестро раскрашенный центральный вход, разделенный единственной колонной. Слабое журчание привлекло истомленного жарой и долгим путем юношу. Пандион вошел в отделение ванн, где вода из большой трубы выложенного тяжелыми плитами источника стекала в широкую воронку, проделанную в стене, переливаясь через края трех бассейнов.

Сбросив одежду и сандалии, Пандион вымылся в чистой холодной воде, вдоволь напился и прилег отдохнуть на широкой каменной скамье. Журчание воды и легкий шепот листьев баюкали, заставляя слипаться глаза, воспаленные от солнца и ветра на горных перевалах.

Пандион задремал.

Он спал недолго: тень от колонны, пересекавшая освещенный солнцем пол, почти не изменила своего положения. Пандион вскочил освеженный и быстро накинул свою несложную одежду. Поев сухого сыра и снова напившись, юноша направился к выходу и вдруг замер: вдалеке послышались голоса. Он вышел на дорогу и стал оглядываться. Да, несомненно, в стороне от дороги, за густой зарослью кустов, был слышен смех, обрывки непонятных слов и изредка отрывистое звучание струн.

Пандион почувствовал одновременно радость и опасение, мышцы его напряглись, он невольно ощупал рукоятку отцовского меча. Прошептав несколько молитвенных слов своему покровителю и праотцу Гипериону, юноша пошел сквозь чащу прямо на голоса. В чаще было душно, резкий ароматический запах стеснял и без того затаенное дыхание.

Осторожно обходя высокие кусты с огромными колючками, пробираясь между стволами земляничного дерева с его

тончайшей светлой и гладкой корой, Пандион приблизился к группе миртовых деревьев, стеной преграждавших ему дорогу.

Среди плотной листвы висели гроздья белоснежных цветов. На миг перед Пандионом возник облик Тессы — миртовое дерево на его родине посвящено было девичьей юности. Голоса теперь звучали совсем близко — люди почему-то говорили приглушенно, и юноша понял, что он неправильно определил расстояние. Решительный момент наступил. Пандион, согнувшись, нырнул под низкие ветки и осторожно раздвинул их руками: на полянке, поросшей свежей травой, он увидел необычайное зрелище.

В центре поляны лежал огромный белоснежный бык с длинными рогами. По блестящей, выхоленной шерсти животного на боках и морде были разбросаны мелкие черные пятна.

Поодаль в тени расположилась группа: юноши, девушки и пожилые люди. Стройный человек с вьющейся бородой, с золотым обручем на голове, одетый в короткую рубашку, стянутую бронзовым поясом, выступил вперед и подал какой-то знак. Тотчас от группы отделилась девушка, закутанная в длинный тяжелый плащ. Она подняла вверх широко раскинутые руки. От этого движения плащ упал. Девушка осталась в одной набедренной повязке, схваченной широким белым поясом, обшитым пушистым черным шнуром. Иссиня-черные волосы были распущены, на обеих руках выше локтей сверкали узкие браслеты.

Быстрыми, легкими шагами, точно танцуя, девушка приблизилась к быку и внезапно замерла, издав гортанный крик. Сонные глаза быка раскрылись и заблестели, он подогнул передние ноги и начал приподнимать тяжелую голову. Девушка стрелой бросилась вперед и прильнула к огромному животному. На несколько мгновений девушка и бык замерли. У Пандиона побежали по спине мурашки.

Бык выпрямил передние ноги, в то время как задние еще лежали на земле, и высоко поднял морду. Животное образовало как бы тяжелую пирамиду грозных мышц. Смуглое тело девушки, прижавшееся к крутому спаду широкой спины быка, отчетливо выделялось на белой шкуре. Одной рукой она уцепилась за рога, другой обхватила непомерную шею. Одна из сильных ног девушки вытянулась вдоль спины чудовища, торс луком выгнулся вперед. Контраст между красивыми, но чудовищными по силе и тяжести формами животного и гибким человеческим телом ошеломил Пандиона.

На мгновение молодой эллин увидел строгое лицо девушки с крепко сжатыми губами. С глухим ревом бык вскочил на ноги и подпрыгнул с легкостью, удивительной для его исполинского тела. Девушка, подброшенная в воздух, уперлась руками в мощную холку, вскинула вверх ноги и перевернулась, пролетев между высокими рогами. Она встала на ноги в трех шагах от морды чудовища и, вытянув вперед руки, хлопнула в ладоши и опять резко вскрикнула. Бык опустил рога и яростно бросился на нее. Пандион ужаснулся: гибель прекрасной и отважной девушки казалась неминуемой. Забыв о необходимой осторожности, юноша выхватил меч и хотел выскочить на поляну, но девушка снова с неуловимой быстротой прыгнула на быка и, миновав опущенные смертоносные рога, оказалась сидящей на его спине. Животное в неистовстве помчалось по лужайке, взрывая копытами землю и издавая грозное мычание. Юная победительница спокойно сидела на разъяренном быке, крепко сжимая коленями его круглые бока, раздуваемые частым дыханием. Бык подлетел к группе людей, приветствовавших его радостными криками. Звонкий удар в ладоши — девушка запрокинулась назад и спрыгнула на землю позади животного. Она, взволнованно дыша, присоединилась к зрителям.

Бык с разгону промчался до края поляны, повернулся и устремился на людей. Вперед выступили сразу пять человек — трое юношей и две девушки; прежняя игра повелась в более быстром темпе. Бык, хрипя, с топотом бросался на отвлекавших его криками и ударами в ладоши молодых людей, а те перепрыгивали через него, вскакивали ему на спину, на мгновение прижимались к нему сбоку, ловко избегая страшных рогов. Одна из девушек ухитрилась сесть верхом прямо на шею быка, впереди вспухлой мощной холки. Глаза животного вылезли из орбит, пена заклубилась на морде. Опуская голову, почти упираясь носом в землю, бык старался сбросить бесстрашную наездницу. Она откидывалась назад, цепляясь за холку закинутыми назад руками, и упиралась ногами в основания ушей. Продержавшись несколько секунд, девушка спрыгнула на землю.

Юноши и девушки стали гуськом, на некотором расстоянии друг от друга, и по очереди перескакивали через налетавшее на них животное. Игра длилась долго — бык носился с устрашающим ревом, грозя смертью, а гибкие человеческие фигуры бесстрашно мелькали вокруг.

Рев быка перешел в хриплый стон, шкура потемнела от пота, изо рта вместе с неровным дыханием вылетала пена.

Еще немного — и бык остановился, опустив голову и поводя глазами. Крики зрителей огласили воздух. По знаку, данному человеком с золотым обручем, играющие оставили в покое побежденное животное. Люди, стоявшие и сидевшие на земле, собрались вместе, и не успел Пандион опомниться, как они исчезли в кустах.

На опустевшей поляне остался измученный бык, и только его хриплое дыхание да примятая трава свидетельствовали о происшедшем сражении.

Взволнованный Пандион только сейчас понял, как ему повезло. Ему удалось видеть древнюю игру с быком, столетия тому назад распространенную на Крите, в Микенах и других старинных городах Греции.

Гибкий, проворный человек побеждал в бескровной борьбе быка — священное животное древних, воплощение воинственной мощи, тяжелой и грозной силы. Молниеносной быстроте животного противопоставлялась еще большая быстрота. Точность движений спасала человеку жизнь. Пандион с малых лет старался развить силу и ловкость и хорошо представлял себе, как много усилий и времени требовала подготовка к участию в столь опасной забаве.

Пандион не последовал за игравшими и вернулся на дорогу.

Он решил, что лучше искать гостеприимства у людей в тот момент, когда они дома.

Дорога на протяжении нескольких стадий шла прямо и затем вдруг сворачивала на юг, к морю. Деревья, окаймлявшие ее, исчезли, уступив место запыленному кустарнику. Тень Пандиона заметно удлинилась, когда он подошел к повороту. В кустах послышался шорох. Юноша остановился, прислушиваясь. Какая-то птица, неразличимая против солнца, шумно взлетела и скрылась в кустах. Успокоенный, Пандион двинулся дальше, уже не обращая внимания на звуки. Вдали послышались нежные, мелодичные призывы дикого голубя. На зов откликнулись еще две птицы, и вновь наступила тишина. В тот момент, когда Пандион огибал поворот, крики голубя прозвучали совсем близко. Юноша остановился, чтобы разглядеть птицу. Внезапно сзади себя Пандион услышал шум крыльев; над ним взвились две сизоворонки. Пандион обернулся и увидел трех человек с толстыми палками в руках.

Незнакомцы, оглушительно крича, бросились на юношу. Пандион мгновенно обнажил меч, но получил удар по голове. В глазах у юноши потемнело, он зашатался под тяжестью на-

валившихся на него тел — еще четыре человека, появившись из-за кустов, напали на него сзади. Сознание Пандиона затуманилось; он понял, что погиб, и продолжал отчаянно обороняться. От сильного удара по руке он выронил меч. Юноша упал на колени, перебросив через себя вскочившего ему на спину человека, ударом кулака свалил другого, третий со стоном отлетел от пинка ногой.

Нападавшие, видимо, не имели намерения убить пришельца. Они отбросили палки и, воодушевляя себя воинственными воплями, снова напали на Пандиона. Под тяжестью пяти тел он упал на землю лицом в дорожную пыль, наполнившую ему рот и нос, запорошившую глаза. Задыхаясь от чудовищного напряжения, Пандион поднялся на четвереньки, пытаясь стряхнуть с себя врагов. Они бросались ему под ноги, сдавливали шею. Куча тел опять рухнула на землю, пыль заклубилась вокруг, краснея в солнечных лучах. Нападающие, почувствовав необыкновенную силу и выносливость юноши, больше не кричали — на пустынной, безмолвной дороге раздавались только шум борьбы, стоны и хриплые вздохи сражающихся.

Пыль покрыла тела, одежда превратилась в грязные, изодранные тряпки, а борьба все продолжалась.

Несколько раз Пандион вскакивал, освободившись от противников, но враги одолевали вновь, цепляясь за ноги юноши. Вдруг победные крики огласили воздух: к нападавшим прибыло подкрепление — еще четыре человека вступили в борьбу. Руки и ноги юноши спутали крепкие ремни. Едва живой от усталости и отчаяния, Пандион закрыл глаза. Его победители, оживленно переговариваясь на непонятном языке, распростерлись в тени рядом с ним, отдыхая после тяжелой борьбы.

Поднявшись, они знаками велели юноше идти с ними. Пандион, понимая бесполезность сопротивления, решил сберечь силы до подходящего случая и кивнул головой. Незнакомцы развязали ему ноги. Окруженный тесным кольцом врагов, Пандион, пошатываясь, побрел по дороге.

Вскоре он увидел несколько убогих построек из необделанных камней. Из домов вышли жители: старик с бронзовым обручем в волосах, несколько детей и женщин. Старик подошел к Пандиону, одобрительно оглядел пленника, пощупал его мускулы и весело сказал что-то сопровождающим Пандиона людям. Юношу подвели к небольшому домику.

С пронзительным скрипом открылась дверь — внутри оказался низкий очаг, наковальня с разбросанными вокруг

инструментами и куча углей. На стенах висели два легких больших колеса. Невысокий старик со злым лицом и длинными руками велел одному из спутников Пандиона раздувать угли, снял с гвоздя металлический обруч и подошел к пленнику. Грубо подтолкнув его под подбородок, кузнец разогнул обруч, примерил на шею юноши, недовольно пробурчал что-то и нырнул в глубину кузницы; он с грохотом вытащил металлическую цепь, сунул конечное звено в огонь и принялся сгибать бронзовый обруч на наковальне, частыми ударами молотка подгоняя к нужному размеру.

Только сейчас юноша понял всю тяжесть случившегося. Дорогие образы, сменяя друг друга, промелькнули перед ним. Там, на родном берегу, ждет Тесса, уверенная в нем, в его любви и возвращении. Сейчас ему наденут бронзовый ошейник раба, он будет прикован на крепкой цепи, без надежды на скорое освобождение. А он считал последние дни своего пребывания на Крите... Он скоро уже мог бы приплыть в бухту Калидона, от которой начался путь, оказавшийся роковым.

— О Гиперион, мой прадед, и ты, Афродита, пошлите мне смерть или спасите! — тихо прошептал юноша.

Кузнец спокойно и методично продолжал свою работу, еще раз примерил ошейник, расплющил его концы, отогнул и пробил дыры. Оставалось заклепать цепь. Старик что-то буркнул. Пандиона схватили, знаками велели лечь на землю у наковальни. Юноша собрал все силы для последней попытки освободиться. Из-под ремней, скручивающих локти, брызнула кровь, но Пандион забыл про боль, чувствуя, что ремни подались. Мгновение — и они лопнули. Пандион ударил головой в челюсть навалившегося на него человека, и тот рухнул. Юноша опрокинул еще двух и помчался по дороге. С яростными воплями враги погнались за ним. На крики выбегали мужчины, вооруженные копьями, ножами и мечами; число преследующих все увеличивалось.

Пандион свернул с дороги и, прыгая через кустарники, помчался к морю. По пятам с гневным ревом бежали преследователи.

Кусты поредели, начался небольшой подъем. Пандион остановился — далеко внизу, под стеной крутых скал, раскинулось сверкавшее в солнечных лучах море. В десятке стадий от берега был хорошо виден медленно плывущий красный корабль.

Юноша заметался по краю обрыва, стараясь найти тропинку для спуска, но отвесные скалы тянулись далеко в обе

стороны. Выхода не было — из кустов уже бежали враги, на ходу выстраиваясь в изогнутую дугой линию, чтобы с трех сторон окружить Пандиона.

Юноша оглянулся на преследователей, посмотрел вниз. «Здесь — смерть, там — рабство, — промелькнуло у него в голове. — Ты простишь меня, Тесса, если узнаешь...» Больше нельзя было медлить.

Каменная глыба, на краю которой стоял Пандион, висела над обрывом. На двадцать локтей ниже выдавался другой уступ. На нем росла низкая сосна.

На прощание окинув взглядом любимое море, юноша прыгнул вниз, на густые ветви одиноко стоявшего дерева. Яростный крик врагов на секунду достиг его ушей. Пандион пролетел, ломая сучья и раздирая тело, до нижних толстых ветвей, миновал выступающее ребро утеса и упал на мягкую осыпь рыхлого склона. Юноша скатился еще на двадцать локтей ниже и задержался на выступе скалы, влажном от залетавшей сюда во время прибоя пены. Ошеломленный, еще не сознавая, что спасся, юноша приподнялся и встал на колени. Сверху преследователи старались попасть в него камнями и копьями. Море плескалось под ногами.

Корабль приблизился, словно моряки заинтересовались происходящим на берегу.

В голове Пандиона глухо шумело, он чувствовал сильную боль во всем теле, глаза заволокло слезами. Он смутно сознавал: когда его преследователи принесут луки, гибель будет неизбежной. Море манило его, близкий корабль казался посланным богами спасением. Пандион забыл, что судно могло быть чужеземным или принадлежать врагам, — ему казалось, что родное море не обманет.

Пандион встал на ноги и, убедившись, что руки действуют, прыгнул в море и поплыл к кораблю. Волны накрывали с головой, избитое тело плохо подчинялось его воле, раны мучительно жгло, в горле пересохло.

Судно приближалось к Пандиону, с него раздавались ободряющие крики. Послышался резкий скрип весел, корабль вырос над головой юноши, сильные руки подхватили Пандиона и подняли на палубу... Юноша безжизненно распростерся на теплых досках, погрузившись в беспамятство. Его привели в сознание, дали воды — он долго и жадно пил. Пандион почувствовал, что его оттащили в сторону и чем-то накрыли. Молодой скульптор погрузился в глубокий сон.

* * *

Горы Крита еле виднелись у горизонта. Пандион пошевелился и, невольно застонав, очнулся. Он находился на корабле, непохожем на суда его родины — низкобортные, с защищенными плетенкой из прутьев боками, с веслами, выведенными над трюмом. У этого корабля были высокие борта, гребцы сидели под палубными досками, по обе стороны прореза, расширявшегося в глубину трюма. Парус на мачте в центре судна был более высоким и узким, чем на эллинских кораблях.

Груды кож, наваленные на палубе, издавали тяжелый запах. Пандион лежал на треугольной площадке у острого носа судна. К юноше подошел бородатый горбоносый человек в толстой шерстяной одежде, протянул ему чашку теплой воды, смешанной с вином, и заговорил на незнакомом языке с резкими металлическими интонациями... Пандион покачал головой. Человек притронулся к его плечу и повелительным жестом указал на корму судна. Пандион обернул вокруг бедер смоченные кровью лохмотья и направился вдоль борта к навесу на корме.

Там сидел худой, такой же горбоносый, как и приведший Пандиона, человек. Он раздвинул в улыбке губы, обрамленные жесткой, выдающейся вперед бородой. Его сухое, обветренное и хищное лицо, казавшееся отлитым из бронзы, выражало жестокость.

Пандион сообразил, что попал на торговое судно финикийцев и видит перед собой начальника или хозяина корабля.

Первые два вопроса, заданные ему начальником, Пандион не понял. Тогда купец заговорил на ломаном ионическом наречии, знакомом Пандиону, примешивая к нему карийские и этрусские слова. Он спросил Пандиона о его приключении, узнал, откуда он родом, и, приблизив к нему горбоносое лицо с острыми немигающими глазами, сказал:

— Я видел, как ты бежал, — это поступок, достойный древнего героя. Мне нужны такие бесстрашные и сильные воины — в этих морях и на их берегах много разбойников, грабящих наших купцов. Если будешь служить мне верно, легка будет твоя жизнь и я вознагражу тебя.

Пандион отрицательно покачал головой и несвязно рассказал, что ему нужно скорее вернуться на родину, умоляя высадить его на ближайшем острове.

Глаза начальника зло заблестели.

— Мой корабль направляется прямо в Тир[1], на пути моем одно море. Я царь на своем корабле, и ты в моей власти. Я могу приказать сейчас же покончить с тобой, если это понадобится. Ну, выбирай: или тут, — финикиец указал вниз, где под палубой мерно двигались весла и раздался унылый напев гребцов, — ты будешь рабом, прикованным у весла, или получишь оружие и присоединишься вот к тем! — Палец купца повернулся назад и ткнул под навес: там лениво лежали пять здоровенных полунагих людей с тупыми и зверскими лицами. — Я жду, решай скорей!

Пандион беспомощно оглянулся кругом. Корабль быстро удалялся от Крита. Расстояние между Пандионом и его родиной все увеличивалось. Помощи ждать было неоткуда.

Пандион решил, что в роли воина ему легче будет бежать. Но финикиец, хорошо знавший обычаи эллинов, заставил его принести три страшные клятвы в верности.

Начальник смазал раны юноши целебным составом и отвел к группе воинов, поручив накормить.

— Только смотреть за ним хорошенько! — приказал он, уходя. — Помните, что все вы отвечаете передо мной за каждого в отдельности!

Старший из воинов, одобрительно усмехаясь, потрепал по плечу Пандиона, пощупал мускулы и что-то сказал остальным. Те громко захохотали. Пандион недоуменно посмотрел на них; глубокая печаль сейчас отделяла его от всех людей.

До Тира оставалось не более двух дней плавания. За четыре дня, проведенные на корабле, Пандион несколько освоился со своим положением. Ушибы и раны, оказавшиеся неглубокими, зажили.

Начальник корабля, заметив ум и разнообразные знания Пандиона, был доволен юношей и несколько раз беседовал с ним. От него Пандион узнал, что едет древним морским путем, проложенным народом острова Крит в южную страну черных. Путь кораблей лежал мимо враждебного и могущественного Айгюптоса, вдоль берегов огромной пустыни до Ворот Туманов[2].

За Воротами Туманов, где скалы юга и севера сближались, образуя узкий пролив, лежал предел земли — огромное

[1] *Тир* — древняя столица Финикии, к югу от современного Бейрута, на юге нынешней Сирии.

[2] *Ворота Туманов* — Гибралтарский пролив.

Туманное море[1]. Здесь корабли поворачивали на юг и вскоре достигали берега жаркой страны черных, богатой слоновой костью, золотом, маслом и кожами. Именно этим путем шли дальние плавания экспедиции жителей острова Крит — Пандион видел изображение такого путешествия в роковой для него день. Морской народ достиг дальних стран юга на западе, куда не доходили посланцы из Айгюптоса.

Теперь корабли финикийцев плавают вдоль берегов юга и севера, добывая дешевые товары и сильных рабов, но редко заходят дальше Ворот Туманов.

Финикиец, догадываясь о незаурядных способностях Пандиона, хотел оставить его у себя. Он манил юношу прелестью путешествий, рисовал ему картины будущего возвышения, предрекал, что после десяти-пятнадцати лет хорошей службы эллин сам сможет стать купцом или начальником корабля.

Юноша слушал финикийцев с интересом, но знал, что жизнь художника не променяет на богатство в чужой стране.

С каждым днем все нестерпимее становилось желание увидеться хотя бы на миг с Тессой, вновь услышать могучий шум священной сосновой рощи, где прошло столько счастливых часов. Юноша подолгу не засыпал, лежа рядом с храпящими спутниками, и с бьющимся сердцем сдерживал стон отчаяния.

Начальник корабля приказал ему учиться искусству кормчего. Томительно ползло время для Пандиона, когда он стоял у рулевого весла, соразмеряя направление корабля с движением солнца, или, следуя указаниям кормчего, ориентировался по звездам.

Так было и в эту ночь. Пандион опирался бедром о борт судна и, вцепившись в рукоятку руля, преодолевал сопротивление усиливающегося ветра. По другую сторону судна стоял кормчий с одним из воинов[2]. Звезды мелькали в просветах туч, надолго скрываясь в темноте хмурого неба, а унылый голос ветра, постепенно понижаясь, переходил в угрожающий гул.

Корабль бросало, весла глухо стучали, то и дело слышался пронзительный голос воина, подгонявшего рабов бранью и ударами плети.

Начальник, дремавший в глубине навеса, вышел на палубу. Он внимательно вглядывался в море и, явно встревожен-

[1] *Туманное море* — Атлантический океан.

[2] У кораблей древних было два рулевых весла по одному с каждой стороны кормы.

ный, подошел к кормчему. Они долго переговаривались. Начальник разбудил спавших воинов и, послав их к рулевым веслам, сам встал рядом с Пандионом.

Ветер резко повернул и яростно набросился на корабль, волны громоздились все выше, заливая палубу. Мачту пришлось убрать — положенная на кипы кож, она выдавалась над носом судна, глухо стуча о высокий волнорез.

Борьба с волнами и ветром становилась все отчаяннее. Начальник, бормоча про себя не то молитвы, не то проклятия, приказал повернуть корабль к югу. Подхваченное ветром, судно быстро понеслось в неведомую черную даль моря. За тяжелой работой у руля быстро прошла ночь. Светало. В сером сумраке стали яснее видны метавшиеся грозные волны. Буря не утихала. Ветер, не ослабевая, налетал, давил на корабль.

Тревожные крики огласили палубу — все находившиеся на ней указывали начальнику на правый борт судна. Там, в хмуром свете рождающегося дня, море пересекала огромная пенная полоса. Волны замедляли свой бешеный бег при подходе к этой голубовато-серой ленте.

Весь экипаж корабля обступил начальника, даже кормчий отдал руль воину. Тревожные выкрики сменились быстрой, горячей речью. Пандион заметил, что все внимание устремлено на него: в его сторону показывали пальцами, грозили кулаками. Ничего не понимая, Пандион следил за начальником, его гневными, протестующими жестами. Старый кормчий, схватив хозяина за руку, что-то долго говорил, приблизив губы к его уху. Начальник отрицательно качал головой, выкрикивая отрывистые слова, но наконец, видимо, сдался. Мгновенно люди бросились на ошеломленного юношу, закручивая ему назад руки.

— Они говорят: ты принес нам несчастье, — сказал начальник Пандиону, презрительно обводя рукой стоявших вокруг. — Ты вестник бедствия, из-за твоего присутствия на судне случилось несчастье: корабль отнесен к берегам Та-Кем, по-вашему — Айгюптоса. Чтобы умилостивить богов, тебя надо убить и бросить за борт — этого требуют все мои люди, и я не могу защитить тебя.

Пандион, все еще не понимая, впился взглядом в финикийца.

— Ты не знаешь, что попасть на берег Та-Кем для нас всех смерть или рабство, — проворчал тот угрюмо. В древние времена у Кемт была война с морскими народами. С тех пор тот, кто пристанет к берегам этой страны вне указанных для

чужеземцев трех гаваней, подлежит плену или казни, а его имущество идет в казну царя Та-Кем... Ну, понял теперь? — оборвал он свою речь, отворачиваясь от Пандиона и вглядываясь в приближавшуюся пенную полосу.

Пандион понял: ему снова угрожает смерть. Готовый до последней минуты сражаться за жизнь, которую он так любил, он обвел беспомощным и ненавидящим взглядом озлобленную толпу на палубе.

Безвыходность положения заставила его решиться.

— Начальник! — воскликнул юноша. — Прикажи своим людям отпустить меня — я сам брошусь в море!

— Я так и думал, — сказал финикиец, обернувшись к нему. — Пусть учатся у тебя эти трусы!

Повинуясь повелительному жесту начальника, воины отпустили Пандиона. Ни на кого не глядя, юноша подошел к борту корабля. Все молча расступились перед ним, как перед умирающим. Пандион сосредоточенно глядел на пенную полосу, скрывавшую плоский берег, инстинктивно соразмеряя свои силы с быстротой злобных волн. В голове мелькали обрывки мыслей: «Страна за полосой пены [1] — пенная страна... Африка».

Это и есть тот страшный Айгюптос!.. А он поклялся Тессе своей любовью, всеми богами даже не думать о пути сюда!.. Боги, что делает с ним судьба... Но он, наверное, погибнет, и это будет самое лучшее...

Пандион бросился вниз головой в шумящую пучину и сильными взмахами рук отплыл от корабля. Волны подхватили юношу. Словно наслаждаясь гибелью человека, они швыряли его вверх, опускали в глубокие провалы, наваливались на него, давили и топили, заполняя рот и нос водой, хлеща по глазам пеной и брызгами. Пандион больше ни о чем не думал — он отчаянно боролся за жизнь, за каждый глоток воздуха, неистово работая руками и ногами. Эллин, рожденный на море, был прекрасным пловцом.

Время шло, а волны все несли и несли Пандиона к берегу. На корабль он не оглядывался, забыв о его существовании перед неизбежностью смерти. Скачки валов стали реже. Волны катились медленнее, длинными грядами, поднимая и обваливая грохочущие навесы вспененных гребней. Каждая волна переносила юношу на сто локтей вперед. Иногда Пандион соскальзывал вниз, и тогда исполинская тяжесть воды обрушивалась на него, погружая в темную глубину, и сердце пловца готово было лопнуть от напряжения.

[1] *Афрос* — пена по-древнегречески.

Несколько стадий проплыл Пандион, много времени шла борьба с волнами, и наконец силы его иссякли в объятиях водяных великанов. Угасла и воля к жизни, все тяжелее было напрягать ослабевшие мускулы, не стало желания продолжать борьбу. Рывками почти безвольных рук юноша поднялся на гребень волны и, повернув лицо к далекой родине, закричал:

— Тесса, Тесса!..

Имя любимой, дважды брошенное в лицо судьбе, в лицо чудовищной и равнодушной мощи моря, было сейчас же заглушено ревом бурных волн. Вал накрыл неподвижное тело Пандиона, с грохотом рассыпался над ним, и юноша, погружаясь, вдруг ударился о дно в вихре взбаламученных песчинок.

Два дозорных воина в коротких зеленых юбках — знак принадлежности к береговой страже Великого Зеленого моря[1], — опираясь на длинные тонкие копья, осматривали горизонт.

— Начальник Сенеб напрасно послал нас, — лениво проговорил один из них, постарше.

— Но корабль финикийцев был у самого берега, — возразил другой. — Если бы не прекратилась буря, получили бы легкую добычу — у самой крепости.

— Посмотри туда, — перебил его старший, показывая вдоль берега. — Пусть я останусь без погребения, если это не человек с корабля!

Оба воина долго всматривались в пятно на песке.

— Пойдем назад, — предложил наконец младший. — Мы и так много бродили по песку. Кому нужен труп презренного чужеземца вместо богатой добычи — товара и рабов, уплывших вместе с кораблем...

— Ты сказал, не подумав, — снова прервал его старший. — Иной раз эти купцы бывают богато одеты и носят на себе драгоценности. Золотой перстень не повредит тебе — зачем нам давать отчет Сенебу о каждом утопленнике...

Воины зашагали по плотной, утрамбованной бурей полосе влажного песка.

— Где ж твои драгоценности? — насмешливо спросил младший старшего. — Он совсем гол!

Старший угрюмо пробормотал проклятие.

[1] Так называлось у египтян Средиземное море.

Действительно, лежавший перед ними человек был совершенно обнажен, руки его были беспомощно подогнуты под туловище, короткие вьющиеся волосы забиты морским песком.

— Посмотри, это не финикиец! — воскликнул старший. — Какое могучее и красивое тело! Жаль, что он мертв — был бы хороший раб, и Сенеб наградил бы нас.

— Какого он народа? — спросил младший.

— Я не знаю: может быть, это туруша[1], или кефти[2], или еще кто-нибудь из северных морских племен ханебу[3]. Они редко попадают в нашу благословенную страну и ценятся за выносливость, ум и силу. Три года назад... Постой, он жив! О, хвала Амону!

Легкая судорога прошла по телу лежавшего.

Воины, бросив копья, перевернули бесчувственного, принялись растирать ему живот, сгибать ноги. Их усилия увенчались успехом. Скоро утопленник — это был Пандион — открыл глаза и мучительно закашлялся.

Сильный организм юноши справился с тяжким испытанием. Не прошло и часа, как дозорные воины повели Пандиона, поддерживая под руки, в крепость.

Воины часто отдыхали, но еще до самых знойных часов дня молодой скульптор был доставлен в маленькое укрепление, стоявшее на одном из бесчисленных рукавов дельты Нила, западнее большого озера.

Воины дали Пандиону воды, несколько кусков лепешки, размоченных в пиве, и уложили на полу прохладного глинобитного сарая.

Страшное напряжение не прошло даром — острая боль резала грудь, сердце ослабело. Перед закрытыми глазами мелькали бесчисленные волны. В тяжелом забытьи Пандион слышал, как отворилась ветхая дверь, сбитая из кусков корабельной обшивки. Над Пандионом наклонился начальник укрепления — молодой человек с неприятным и болезненным лицом. Он осторожно снял плащ, наброшенный на ноги юноши, и долго осматривал своего пленника. Пандион не мог подозревать, что решение, созревшее в уме начальника, приведет к новым неслыханным испытаниям.

Начальник накрыл Пандиона и, довольный, вышел.

---

[1] *Туруша* — этруск.

[2] *Кефти*, или *кефтиу* — по-египетски значит «позади»; название Крита и жившего на нем народа.

[3] *Ханебу* — северяне.

— Каждому по два кольца меди и кувшину пива, — отрывисто сказал он.

Воины береговой охраны приниженно склонились перед ним, а затем вонзились в его спину озлобленными взглядами.

— Мощная Сохмет, что мы получили за такого раба... — прошептал младший, едва начальник удалился от них. — Вот увидишь, он пошлет его в город и получит не меньше десяти колец золота...

Начальник внезапно обернулся.

— Эй, Сенни! — крикнул он.

Старший воин угодливо подбежал.

— Смотри за ним хорошенько, я поручаю его тебе. Скажи моему повару, чтобы он дал хорошую пищу, но будь осторожен — пленник выглядит могучим бойцом. Завтра приготовишь легкую лодку — я пошлю пленника в дар Великому Дому. Мы напоим его пивом со снотворным снадобьем, чтобы избежать возни.

...Пандион медленно поднял отяжелевшие веки. Он спал так долго, что потерял всякое представление о времени, о том, где он находится. Смутно, обрывками он вспоминал, что после ожесточенной борьбы с бушующим морем он был куда-то отведен, где-то лежал в тишине и темноте. Юноша пошевелился и почувствовал скованность во всем теле. Он с трудом повернул голову и увидел зеленую стену тростника со звездчатыми метелками наверху. Над головой было прозрачное небо, близко, у самого уха, слабо журчала и плескалась вода. Постепенно Пандион сообразил, что лежит в узкой и длинной лодке, связанный по рукам и ногам. Приподняв голову, юноша увидел голые ноги людей, толкавших лодку шестами. Люди были хорошо сложены, с темной бронзовой кожей, одетые в белые набедренные повязки.

— Кто вы такие? Куда вы везете меня? — закричал Пандион, стараясь рассмотреть людей, стоявших на корме.

Один, с гладко выбритым лицом, склонился над Пандионом и быстро заговорил. Странный язык с мелодичным прищелкиванием и четкими ударениями гласных был совершенно незнаком юноше. Пандион напрягся, пытаясь разорвать свои путы, и беспрестанно повторял тот же вопрос. Скоро несчастному пленнику стало ясно, что его не понимают и не могут понять. Пандиону удалось раскачать зыбкую лодку, но один из охраны поднес острие бронзового кинжала к его глазу. С отвращением к людям, к себе и всему миру Пандион оставил попытки к сопротивлению и более не возобновлял их в течение всего долгого пути по лабиринту болотных зарослей.

Давно уже закатилось солнце, луна высоко поднялась на небе, когда лодка подплыла к широкой каменной пристани.

Пандиону освободили ноги, умело и быстро растерли их, чтобы восстановить кровообращение. Воины зажгли два факела и направились к высокой глинобитной стене с тяжелой дверью, окованной медными полосами.

После продолжительных пререканий со стражей люди, привезшие Пандиона, отдали появившемуся откуда-то заспанному бородатому человеку маленький сверток и получили в обмен кусочек черной кожи.

Завизжала в петлях тяжелая дверь. Пандиону развязали руки, втолкнули внутрь тюрьмы. Вооруженные копьями и луками стражи задвинули тяжелый брус. Пандион очутился в тесной квадратной комнате, набитой человеческими телами, лежавшими вповалку. Люди тяжело дышали и стонали в беспокойном сне. Задыхаясь от вони, казалось, исходившей от самих стен, Пандион отыскал себе свободное место на полу и осторожно присел. Юноша не мог спать. Он раздумывал над событиями последних дней, и на сердце у него было тяжело. Медленно шли бессонные часы одинокого ночного раздумья.

Пандион думал только о свободе, но не находил путей к спасению из плена. Он попал в глубь совершенно неизвестной страны. Одинокий, безоружный пленник, не знающий языка окружающего враждебного ему народа, он ничего не мог предпринять. Пандион понимал, что его не собираются убивать, и решил ждать. Потом, когда он хоть немного узнает страну... но что ждет его в этом «потом»? Пандион чувствовал, как никогда, острую тоску по товарищу, который помог бы ему преодолеть страшное одиночество. Он думал о том, что для человека нет худшего состояния, чем быть одному среди чужих и враждебных людей, в непонятной и неизвестной стране — рабом, отделенным от всего непроницаемой стеной своего положения. Одиночество среди природы переносить гораздо легче: оно закаляет душу, а не принижает ее.

Эллин покорился судьбе и впал в странное оцепенение. Он дождался рассвета, равнодушно разглядывая своих товарищей по несчастью: пленников, принадлежавших к разным и неведомым молодому скульптору азиатским племенам. Они были счастливее его — могли переговариваться друг с другом, делиться горем, вспоминать прошлое, обсуждать сообща будущее. На молчавшего Пандиона были устремлены любопытные взгляды заключенных. Все беззастенчиво рассматривали его, а он стоял в стороне, нагой и страдающий.

Стражи бросили Пандиону кусок грубого холста для набедренной повязки, потом четверо чернокожих людей внесли большой глиняный сосуд с водой, ячменные лепешки и стебли какой-то зелени.

Пандион был поражен видом совершенно черных лиц, на которых ярко выделялись зубы, белки глаз и коричнево-красные губы. Юноша догадался, что это были рабы, и его удивили их веселые и добродушные лица. Чернокожие смеялись, показывая белоснежные зубы, подшучивали над пленниками и друг над другом. Неужели пройдет время, и он будет способен чему-то радоваться, забыв о жалкой роли человека, потерявшего свободу? Неужели пройдет эта грызущая его непрестанно тоска? А Тесса? Боги, если бы знала Тесса, где находится он сейчас!.. Нет, пусть лучше не знает: он вернется к ней или умрет — другого выхода нет...

Мысли Пандиона прервал протяжный окрик. Дверь раскрылась. Перед Пандионом засверкала широкая река. Место заключения было совсем близко от берега. Большой отряд воинов окружил пленников щетиной копий. Скоро все были загнаны в трюм большого судна. Корабль поплыл вверх по реке, и заключенные не успели осмотреться кругом. В трюме стояла жара. В воздухе, наполненном тяжелыми испарениями, под накаленной палубой, было трудно дышать.

Вечером стало прохладнее, и изнуренные пленники начали оживать — вновь послышались разговоры. Судно продолжало свой путь всю ночь, утром ненадолго остановилось — пленникам принесли еду, — и утомительное путешествие продолжалось. Так прошло несколько дней — их не считал отупевший, безучастный Пандион.

Наконец голоса гребцов и воинов зазвучали оживленнее, на палубе началась суматоха — путь был окончен. Пленников оставили в трюме на всю ночь, и рано утром Пандион услышал протяжные окрики команды.

На пыльной, выжженной солнцем площадке полукольцом выстроилась охрана, выставив вперед копья. Пленники выходили по одному и мгновенно попадали в руки двум громадного роста воинам, у ног которых лежала груда веревок. Египтяне выкручивали пленникам руки так сильно, что плечи у людей выгибались и локти за спиной сходились вместе. Стоны и крики нисколько не трогали гигантов, наслаждавшихся своей силой и беззащитностью жертв.

Наступила очередь Пандиона. Один из воинов схватил его за руку, едва только юноша, ослепленный дневным светом, ступил на землю. От боли оцепенение, овладевшее Пан-

дионом, прошло. Обученный приемам кулачного боя, юноша легко вывернулся из рук воина и нанес ему оглушительный удар в ухо. Гигант упал лицом в пыль, к ногам Пандиона, второй воин в растерянности отскочил в сторону.

Пандион оказался окруженным тринадцатью врагами с устремленными на него копьями.

В неистовой ярости юноша прыгнул вперед, желая погибнуть в бою — смерть казалась для него избавлением... Но он не знал египтян, накопивших тысячелетний опыт усмирения рабов. Воины мгновенно расступились и бросились сзади на Пандиона, выскочившего за круг. Молодой храбрец был сбит с ног и задавлен телами врагов. Тупой конец копья сильно ударил его между ребер в нижнюю часть груди. Огненно-красный туман поплыл перед глазами юноши, дыхание его прервалось. В это мгновение египтянин свел закинутые над головой руки Пандиона вместе и соединил их в запястьях деревянным, похожим на игрушечную лодку предметом.

Тотчас же воины оставили юношу в покое.

Пленников быстро связали и погнали по узкой дороге между берегом реки и полями. Молодой скульптор испытывал страшную боль: руки, поднятые вверх над головой, были защемлены в деревянную колодку с двумя острыми углами, сдавливавшими кости запястий. Это приспособление не давало возможности согнуть руки в локтях и опустить их на голову.

С боковой дорожки к группе Пандиона присоединилась вторая партия пленных, затем третья, — число рабов возросло до двухсот человек.

Все они были связаны самым безжалостным способом; у некоторых руки были в таких же колодках. Лица пленников были искажены от боли, бледны и покрыты потом. Юноша шел как в тумане, едва замечая окружающее.

А вокруг расстилалась богатая страна. Воздух был необыкновенно свеж и чист, на узких дорогах царствовала тишина, огромная река медленно катила воды к Великому Зеленому морю. Пальмы едва заметно качали верхушками под легким северным ветром, зреющие зеленые поля невысокой пшеницы чередовались виноградниками и фруктовыми садами.

Вся страна была огромным садом, возделанным в течение тысячелетий.

Пандион не мог смотреть по сторонам. Он брел, стиснув зубы от боли, мимо высоких стен, окружавших дома богачей. Это были легкие и воздушные строения, в два этажа, с узкими

и высокими окнами над дверными нишами, обрамленными деревянными колоннами. Белоснежные стены, расписанные сложным узором ярких и чистых красок, выступали необыкновенно четко в ослепительном солнечном свете.

Внезапно перед пленниками возникло исполинское каменное строение с прямыми срезами невиданно толстых стен из больших глыб камня, притесанных с поражающей правильностью. Темное и таинственное здание, казалось, оседало на землю и, распростершись, придавливало ее своей чудовищной тяжестью. Пандион прошел вдоль ряда толстых колонн, угрюмо серевших на фоне яркой зелени сада, раскинувшегося на равнине. Пальмы, смоковницы и другие фруктовые деревья чередовались, образуя прямые линии, казавшиеся бесконечными. Холмы были покрыты густой зеленью виноградников.

В саду у реки стояло высокое и легкое строение, расписанное такими же яркими красками, как и другие дома в этом городе. У фасада, обращенного к реке, за широкими воротами возвышались высокие, как мачты, столбы с пучками развевающихся лент. Над широким входом располагался огромный снежно-белый балкон, обрамленный двумя колоннами и прикрытый плоской крышей. По карнизу крыши шла цветистая роспись — узор из чередования ярко-синей и золотистой краски. Ярко-синие и золотые зигзаги украшали верхнюю часть белых колонн.

В глубине балкона, затененной коврами и шторами, виднелись люди в снежно-белых длинных одеждах из мелко плиссированной легкой материи. Сидевший в центре человек наклонил над перилами балкона голову, отягченную высоким красно-белым убором[1].

Стража, сопровождавшая пленников, и важно выступавший впереди начальник мгновенно распростерлись ниц. По мановению руки фараона — это и был живой бог, верховный владыка страны Кемт — пленников построили гуськом и медленно начали проводить перед балконом. Толпившиеся придворные вполголоса обменивались замечаниями и весело смеялись. Красота дворца, роскошь одежд фараона и его приближенных, их свободные надменные позы так резко оттенялись искаженными лицами измученных пленников, что в душе Пандиона поднялось неистовое возмущение. Он почти не

[1] Корона фараона двойная: красно-белого цвета — в знак власти над «обеими странами» — Верхним и Нижним Египтом. Красная корона — Нижнего Египта, белая — Верхнего.

помнил себя от боли в руках, тело его дрожало, как в ознобе, закушенные губы пересохли и запеклись, но юноша выпрямился, глубоко вздохнул и обратил к балкону гневное лицо.

Фараон что-то сказал, обратившись к придворным, и все одобрительно закивали головами. Вереница пленников медленно двигалась.

Скоро Пандион очутился за домом, в тени высокой стены. Постепенно здесь собралась вся толпа пленников, попрежнему окруженная безмолвными воинами. Из-за угла показался тучный горбоносый человек с длинным посохом из отделанного золотом черного дерева в сопровождении писца с дощечкой и свертком папируса в руках.

Человек сказал несколько надменных слов начальнику стражи, тот согнулся в низком поклоне и передал распоряжение воинам. Повинуясь движению пальца вельможи, воины грубо расталкивали толпу и отводили в сторону тех, на кого показывал сановник. Пандион был замечен одним из первых. Всего было отобрано человек тридцать, наиболее сильных и мужественных с виду. Их немедленно повели обратно по той же дороге до окраины сада. Затем воины погнали пленных вдоль низкой стены. Тропинка становилась все круче и привела к огромному квадрату глухих стен, стоявшему в лощине, между пшеничными полями. По толстым стенам из кирпича-сырца в десять локтей высоты расхаживали вооруженные луками воины. На углах возвышались навесы из циновок.

В стене, обращенной к реке, был прорезан вход; больше нигде не было видно ни двери, ни окон — слепая зелено-серая поверхность стен дышала жаром.

Пленных ввели в дверь, сопровождавшие их воины быстро удалились, и Пандион оказался в узком дворике меж двух стен. Вторая, внутренняя, стена была ниже наружной, с единственной дверью в правой стороне. На свободном пространстве стояли грубые скамейки, а часть двора была занята низким строением с черневшим отверстием у входа. Группу пленников теперь окружали воины с более светлым цветом кожи, чем у тех, которые привели их сюда. Они все были высокого роста, с гибким и хорошо развитым телом, многие с синими глазами и рыжеватыми волосами. Пандион не видел раньше такого народа, равно как и чистокровных жителей Айгюптоса, и не знал, что это были ливийцы.

Из пристройки появилось двое людей; один нес какой-то предмет из отполированного дерева, другой — серый фаянсовый сосуд. Ливийцы схватили Пандиона и повернули его спи-

ной к пришедшим. Юноша почувствовал легкий укол — к левой лопатке его приложили полированную дощечку, усаженную короткими заостренными пластинками. Затем человек резко ударил рукой по дощечке — брызнула кровь, и Пандион невольно вскрикнул. Тогда ливиец обтер кровь и стал растирать рану тряпкой, намоченной жидкостью из фаянсового сосуда: кровь быстро остановилась, но человек несколько раз обмакивал тряпку и протирал рану. Только сейчас Пандион заметил на левых лопатках окружавших его ливийцев ярко-красный знак — какие-то фигурки в овальной рамке [1] — и понял, что его заклеймили.

Колодку сняли с рук Пандиона, и он не мог сдержать стонов от страшной боли в затвердевших суставах. С величайшим трудом ему удалось развести руки. Затем Пандион, нагнувшись, прошел через низкую дверь во внутренней стене. Очутившись на пыльном дворе, юноша без сил опустился на землю.

Отлежавшись, Пандион напился мутной воды из огромного глиняного сосуда, стоявшего у входа, и стал осматривать место, которое, по мнению владычествовавших здесь людей, навсегда стало его домом.

Большой квадрат земли, примерно по две стадии с каждой стороны, был заключен в высокие, неприступные стены, охранявшиеся ходившей поверху стражей. Всю правую половину огороженной площади занимали крошечные глинобитные клетушки, сомкнутые друг с другом боковыми стенами и разделенные узкими продольными проходами. Такие же низенькие домики находились в левом углу. Передний левый угол отгораживался низкой стеной, оттуда шел острый аммиачный запах. Близ двери стояли сосуды с водой. Здесь же длинный участок почвы был намазан глиной и чисто выметен. Это было место для еды, как узнал впоследствии Пандион.

Вся свободная часть квадрата была выглажена и вытоптана — ни одной травинки не зеленело на ее серой и пыльной поверхности. В воздухе царила духота — жаркий день, казалось, осаждал весь свой зной в квадратное углубление, замкнутое высокими стенами и открытое сверху. Таков оказался шене — рабочий дом, один из многих сотен ему подобных, разбросанных по стране Та-Кем. Здесь томились разноплеменные рабы — рабочая сила, основа богатства и красоты

[1] Овальной рамкой окружались иероглифы, составлявшие имя фараона.

Айгюптоса. Шене стоял пуст и тих — рабы были выведены на работу; только несколько больных безучастно лежали в тени стены. Этот рабочий дом предназначался для вновь поступивших пленников, недавно попавших в страну рабства и еще не обзаведшихся семьями, чтобы умножить число рабочих рук Черной Земли.

Теперь Пандион стал мере — наследственным рабом фараона — и попал в число тех восьми тысяч человек, которые обслуживали сады, каналы и строения дворцовых хозяйств.

Другие пленники, проходившие вместе с Пандионом царский осмотр и оставленные у стены дворца, были распределены между сановниками в качестве саху — рабов, находящихся в их пожизненном владении и со смертью владельца переходивших в шене фараона.

В душном воздухе стояло гнетущее молчание, изредка нарушаемое тяжелыми вздохами и стонами пригнанных вместе с Пандионом новых рабов. Клеймо раскаленным углем горело на спине Пандиона. Юноша не мог найти себе места. Вместо просторов моря, тенистых рощ на омываемых вечно плещущими волнами берегах родины — клочок пыльной земли, стиснутой стенами. Вместо свободной жизни с любимой — рабство в чужой стране, в бесконечной дали от всего родного и близкого.

Только надежда на освобождение удерживала юношу от желания разбить голову о стену, заслонившую от него широкий и прекрасный мир.

Глава третья
РАБ ФАРАОНА

Как и год назад, цвели кустарники, расстилались пламеневшие ковры по склонам холмов. На берегах Энниады опять наступила весна. Стало рано закатываться сверкающее созвездие Стрелы[1], а ровное дуновение западного ветра возвестило начало плаваний. В Калидонскую гавань вернулись обратно пять кораблей, отплывших на Крит с началом весны, и прибыли два критских корабля. А Пандиона все не было.

Агенор часто впадал в задумчивое молчание, стараясь скрыть тревогу от домашних.

[1] *Стрела* — Стрелец. Ранний заход этого созвездия означал конец зимних бурь.

Одинокий путешественник затерялся на Крите, исчез где-то в горах огромного острова, среди разноязычных племен и множества больших селений. Художник решил поехать в Калидонскую гавань и оттуда, если представится возможность, отправиться на Крит, чтобы разузнать хоть что-нибудь о судьбе Пандиона.

Тесса теперь часто уединялась. Даже немое сочувствие родных тяготило ее.

В глубокой печали девушка стояла перед равнодушным и вечно подвижным морем. Иногда она прибегала сюда, надеясь, что Пандион обязательно вернется на то же самое место, где они расстались.

Но давно уже прошли эти дни надежды. Теперь Тесса знала, что там, за чертой, разделившей небо и море, произошло несчастье. Только плен или смерть могли помешать Пандиону вернуться к ней.

И Тесса молила волны, бежавшие издалека, может быть оттуда, где сейчас находился любимый, сказать ей, что случилось. И тогда ей казалось: еще немного — и волны действительно дадут ей знак, по которому она поймет, где Пандион.

Но море мерно бросало к ее ногам похожие один на другой всплески, и их шум был равносилен молчанию. Облака плыли в высоте, не замечая внизу Тессу, маленькую, ничтожную, беспомощную.

Девушка поникла черной головкой, словно надломившись от тяжести дум.

Как узнать, что с любимым? Как преодолеть разделившее их пространство ей, женщине, чья доля в жизни быть при мужчине хозяйкой и охранительницей его дома, спутницей в пути, целительницей при поражениях? А для той, которая посмеет выйти из повиновения мужчине — будь то отец, муж или брат, — для той одна дорога — быть гетерой в городе или порту. Она — женщина, значит, не может отправиться в другие страны, не может даже попытаться разыскать Пандиона.

Ей останется беспомощно метаться по берегу огромного моря. Ничего нельзя сделать! Ничем нельзя помочь!

Если даже Пандион погиб, она никогда, никогда не узнает о месте его гибели, никто не передаст ей его последние слова, его думы.

Девушка распростерлась на песке, вздрагивая от рыданий и не замечая заката, розоватым пятном выделившего ее хитон на сером сумеречном берегу. Когда Тессу окружила темнота, ей показалось, что прохладное прикосновение ночи одело ее черным покрывалом, укрыв от беспредельного и враждебного

мира. Во тьме даже пространство, отделявшее девушку от любимого, не казалось таким большим, и заплаканные глаза Тессы невольно поднялись к небу.

Южная часть неба приближалась, как выдвинутая издали пепельная гора. Это полная луна рассеивала свои лучи.

Ее сияющий круг был серебряным зеркалом, собравшим в себе весь свет уснувшей земли. Зеркалом, отражающим все мечты и надежды людей, в тоске обращенные к небу, как сейчас у нее, Тессы. Девушка верила, что луна превращает все это в печальный негреющий свет, волшебным образом успокаивающий смятенные души...

Чары Гекаты успокоили девушку, но не погасили страстного зова, вновь посланного ею вдаль. Впиваясь в яркий диск остановившимися глазами, Тесса думала, что, может быть, Пандион в этот миг тоже смотрит на него из темной безвестности. Тогда ее любовь, ее призыв отразятся от зеркала Гекаты, дойдут до любимого, помогут ему, передадут весть о его Тессе!

Тесса не двигалась, подняв вверх озаренное луной лицо в несбыточной, невозможной надежде, и вдруг необъяснимая уверенность, что Пандион жив, наполнила ее душу радостным трепетом...

То же сияющее зеркало, пожалуй, светившее еще ярче, повисло над огромной рекой в стране, где не знали богини Гекаты, а называли луну чуждым именем «аб».

Голубовато-серебряный поток лунного света заполнил всю долину. Огражденный вертикальными черными тенями в глубоких рытвинах крутых обрывов, он струился над рекой, по ее течению — с юга на север.

Темнота заполняла квадратный колодец рабочего дома близ великой столицы Айгюптоса — Нут-Амон, или Уасет.

Стена была ярко освещена и отбрасывала от своей шероховатой поверхности мутный слабый отблеск.

Пандион без сна лежал на охапке жесткой травы, брошенной на пол тесной клетушки. Он осторожно высунул голову из низкого, как нора, входа. Рискуя привлечь внимание стражей, юноша встал на колени и любовался лунным диском, всплывшим в небе высоко над краем мрачной стены. Ему стало больно от мысли, что эта же луна светит сейчас в далекой Энниаде. Может быть, Тесса, его Тесса, сейчас спрашивает Гекату, где он, не подозревая, что его глаза устремлены из гнусной ямы на серебряный диск. Пандион спрятал голову в темноту, наполненную пыльным запахом разогретой глины, и отвернулся к стене.

Уже давно прошло буйное отчаяние первых дней, бешеные приступы страшной тоски. Пандион сильно изменился. Его густые четкие брови были постоянно сдвинуты, золотистые глаза потомка Гипериона потемнели от гневного огня, затаенно и упорно поблескивавшего в них, губы всегда оставались плотно сжатыми.

Но могучее тело по-прежнему было наполнено неистощимой энергией, ум не притупился. Юноша не пал духом, он по-прежнему мечтал о свободе.

Молодой скульптор постепенно превращался в бойца, страшного не только своей храбростью или силой, но и бесконечным упорством, желанием сохранить свою душу в окружающем аду, пронести через все испытания свои мечты, стремления и любовь. То, что было абсолютно невозможно ему, одинокому, не знавшему языка и страны, — противопоставить себя веками созданному гнету огромного государства, — теперь становилось реальным: у Пандиона были товарищи! Товарищ! Только тот может понять все значение этого слова, кому приходилось одиноко стоять перед грозной, превосходящей силой, кому приходилось быть одному вдали от родины, в чужой стране. Товарищ! Это значит и дружеская помощь, и понимание, и защита, общие мысли и мечты, добрый совет, полезное порицание, поддержка, утешение. За семь месяцев, проведенных на работах вокруг столицы, Пандион познакомился со странным языком Айгюптоса и научился хорошо понимать своих разноплеменных сожителей.

В толпе пятисот рабов, заключенных в шене и ежедневно выгоняемых на работу, юноша начал различать все больше людей с определенной и сильной индивидуальностью.

И рабы, постепенно доверяясь друг другу, понемногу сблизились и с Пандионом.

Люди объединились на почве общих тяжелых лишений, общего стремления к свободе; добиться освобождения, нанести удар слепой, угнетающей силе государства Черной Земли и вернуться к потерянной родине. Родина — это было понятно всем, хотя у одних она находилась за таинственными болотами юга, у других за песками востока или запада, у третьих, как и у Пандиона, — за морем на севере.

Но в шене лишь немногие нашли в себе силы для подготовки к борьбе. Другие, изнуренные непосильной работой, постоянным недоеданием, безропотно и медленно угасали. Это были главным образом пожилые люди. Они не интересовались окружающим. В их потухших глазах не светилось ре-

шительности, у них уже не было желания тайно общаться с товарищами. Они работали, медленно ели, спали тяжелым сном, чтобы наутро, вздрогнув от окрика надсмотрщика, опять вяло и безразлично шагать в колонне.

Пандион понял, почему в рабочем доме было так много отдельных клетушек: они разъединяли людей. После ужина было запрещено общаться между собой; стража со стен зорко следила за выполнением этого приказа — стрела или палка наутро наказывала ослушников. Не у всех людей хватало сил и смелости, пользуясь темнотой, неслышно переползать в клетушки других. Это делали только немногие.

Самыми близкими друзьями Пандиона стали три человека.

Первый из них был Кидого — огромный негр, ростом почти в четыре локтя, происходивший из очень далеких мест Африки, на юго-запад от Айгюптоса. Добрый, веселый и восторженный Кидого был тоже искусным художником и скульптором. Его выразительное лицо с широким носом и толстыми губами сразу привлекло Пандиона умом и энергией.

Пандион привык к тому, что негры хорошо сложены, но этот гигант сразу привлек внимание скульптора своим пропорциональным и красивым телом. Впечатление необычайной мощи от крупных, будто кованных из железа мускулов как-то сочеталось с легкостью и гибкостью высокой фигуры Кидого. Огромные глаза под выпуклым высоким лбом были полны внимания и поражали своей живостью.

Вначале Пандион и Кидого понимали друг друга при помощи рисунков, наспех сделанных на земле или на стене заостренной палочкой. Потом молодой эллин стал хорошо объясняться с негром на смеси слов языка Кемт и легкого, быстро запоминающегося языка Кидого.

В безлунные ночи, в угольно-черной тьме, заполняющей шене, Пандион и Кидого переползали один к другому и, шепотом беседуя, черпали новые силы и мужество в обсуждении планов побега.

Спустя месяц после того дня, как Пандион впервые переступил порог шене, в рабочий дом к вечеру пригнали еще несколько рабов.

Новички сидели и лежали около входа, беспомощно озираясь, с хорошо знакомой каждому пленнику печатью подавленности и горя на измученных лицах. Пандион, только что вернувшийся с работы, подошел к одному из высоких сосудов, чтобы набрать воды, но внезапно едва не выронил своей глиняной чашки. Двое из прибывших негромко говорили на знакомом Пандиону языке этрусков. Этруски — этот таинст-

венный, суровый древний народ — часто появлялись на берегах Энниады и пользовались славой колдунов, знающих тайны природы.

Весь задрожав под властью воспоминаний о родине, Пандион заговорил с этрусками, и они поняли его.

На вопрос Пандиона о том, как они попали сюда, оба пленника угрюмо отмалчивались и, казалось, совсем не обрадовались встрече.

Оба этруска были людьми среднего роста, очень мускулистыми, широкоплечими. Темные волосы пленников свалялись от грязи и свисали неровными космами на обе стороны лица. Старшему из них на вид было около сорока лет, другой, по-видимому, приходился ровесником Пандиону.

Сразу бросалось в глаза их сходство — запавшие щеки подчеркивали массивные скулы, строгие карие глаза поблескивали неподкупным упорством.

Озадаченный равнодушием этрусков, Пандион почувствовал обиду и поспешил уйти в свою клетушку. Несколько дней Пандион намеренно старался не обращать внимания на новых пленников, хотя и заметил, что этруски наблюдают за ним.

Дней через десять после прибытия этрусков Пандион и Кидого сидели рядом за ужином из стеблей папируса. Оба друга быстро съели свои порции, и, как всегда, оставалось немного времени, чтобы поговорить, пока остальные насытятся. Соседом Пандиона с другой стороны оказался старший этруск. Неожиданно он положил юноше на плечо тяжелую руку и насмешливо посмотрел в глаза Пандиону, когда тот обернулся.

— Плохой товарищ освобождения не получит, — медленно, с оттенком вызова произнес этруск, нисколько не опасаясь, что его поймут стражи: жители страны Та-Кем не знали языков своих пленников, презирая чужеземцев.

Пандион нетерпеливо тряхнул плечом, не поняв сказанного, но этруск крепко сжал пальцы, впившиеся, как медные когти, в мышцы юноши.

— Ты презираешь их напрасно... — Этруск кивнул в сторону остальных рабов, поглощенных едой. — Другие тебя не хуже и также видят сны о свободе...

— Нет, хуже! — заносчиво перебил Пандион. — Они уже давно здесь, а я не слыхал о побегах!

Этруск презрительно сжал губы:

— Если у молодости не хватает разума, она должна учиться у старших. Ты силен и здоров, как молодой конь, в твоем

теле остается еще мощь после дня тяжелых работ, недостаточная пища еще не подкосила тебя. А у них не хватает уже сил — только в этом твое отличие и твое счастье. Но помни, что бежать в одиночку отсюда нельзя: мы должны узнать дорогу и пробиваться силой, а сила у нас одна — всем вместе. Когда ты станешь товарищем для всех, тогда твои мечты приблизятся к жизни...

Пораженный проницательностью этруска, угадавшего его тайные мысли, Пандион не нашел, что ответить, и молча опустил голову.

— Что он говорит, что говорит? — допытывался Кидого.

Пандион хотел пояснить, но надсмотрщик застучал по столу; рабы, кончившие ужин, уступили место другой партии и разошлись на отдых.

Ночью Пандион и Кидого долго обсуждали слова этруска. Им пришлось признать, что вновь прибывший лучше всех понимал положение рабов. В самом деле, для успеха бегства им, носящим клеймо фараона, нужно было точно знать пути выхода из этой страны. Мало того: нужно было пробиться сквозь враждебное население, считавшее, что доля «диких» людей заключается в работе на избранный богами народ.

Уныние овладело обоими друзьями, но они почувствовали доверие к умному этруску.

Прошло еще немного дней, и в шене фараона стало четверо друзей. Они постепенно приобретали все больший авторитет среди остальных рабов.

На старшего этруска, носившего грозное имя Кави — бога смерти, скоро многие стали смотреть как на вождя. Трое других — второй этруск, по имени Ремд, Кидого и Пандион, — сильные, выносливые и смелые молодые люди, сделались его верными помощниками.

Среди пятисот рабов находилось все больше борцов, готовых отдать жизнь за ничтожную возможность вернуться на далекую родину. Так же медленно в остальных, запуганных, измученных и забитых, возродилась уверенность в своей силе, окрепла надежда, что, объединившись, они смогут противостоять организованной мощи громадного государства.

А дни все шли — пустые и бесцельные, горькие дни плена, наполненные тяжелой работой, ненавистной уже потому, что она способствовала процветанию жестоких властителей жизней тысяч рабов. Ежедневно с восходом солнца отряды изможденных людей под охраной воинов покидали шене и расходились на различные работы.

Жители Айгюптоса, презирая чужие народы, не давали себе труда изучать языки своих пленников. Поэтому новые рабы использовались сначала на самых простых работах; позже, освоив язык Кемт, они могли понимать сложные распоряжения, обучались ремеслам. До имен пленников надсмотрщикам не было никакого дела, любой раб носил кличку по названию своего народа. Так, Пандион назывался экуеша[1], этруски — туруша, Кидого и другие чернокожие должны были откликаться на кличку нехси — негр.

Первые два месяца пребывания в шене Пандион и сорок новых рабов поправляли оросительные каналы в садах Амона[2], насыпали размытые прошлогодним наводнением плотины, разрыхляли землю вокруг фруктовых деревьев, качали и носили воду на клумбы с цветами.

Постепенно надсмотрщики, заметив выносливость, силу и сметливость новоприбывших, составили новый отряд и направили его на строительные работы. Случилось так, что все четыре друга и еще тридцать сильных рабов — вожаки всей массы пленников шене — оказались вместе. С переводом на строительные работы их постоянная связь с оставшимися прервалась — отряд Пандиона по неделям ночевал в других шене.

Первой работой Пандиона вдали от садов фараона была разборка древнего храма и гробницы на западной стороне реки, в полусотне стадий от шене. Во главе с надсмотрщиком и пятью воинами пленники переправились на барке через реку. Их погнали на север вдоль реки, к высоким кручам отвесных скал, образовавших здесь огромный выступ. Тропинка, миновав возделанные поля, перешла в мощеную дорогу; внезапно перед Пандионом развернулась картина, навсегда запечатлевшаяся в его памяти. Рабов остановили на широкой площади, спускавшейся к реке. Надсмотрщик ушел, приказав ожидать его здесь.

Впервые у Пандиона была возможность не торопясь оглядеться, присмотреться к окружающему.

Прямо перед ним на триста локтей в вышину поднималась отвесная скалистая стена цвета красной меди, испещренная пятнами сине-черных теней. У подножия этих утесов раскинулась тремя широкими уступами белая колоннада храма. От прибрежной равнины поднималась полоса гладкого серого камня, обрамленная двумя рядами странных скульптур — чу-

[1] *Экуеша* — собирательное название народов Эгейского моря.
[2] Храм в Карнаке, близ современного Луксора.

довищ в виде спокойно лежащих львов с человеческими головами[1]. Дальше широкая белая лестница с боковыми скатами, на которых были высечены извивающиеся желтые змеи по одной с каждой стороны, вела ко второму уступу, подпертому низкими, в два человеческих роста, колоннами из ослепительно белого известняка. В центральной части храма виднелся второй ряд таких же колонн. На каждой из них было изображение человеческой фигуры в царской короне, со скрещенными на груди руками.

Колоннада обрамляла второй уступ храма в виде большой площадки с аллеей из лежащих чудовищ. На тридцать локтей выше расположилась самая верхняя терраса, сплошь обнесенная колоннадой и углублявшаяся в полукруглую естественную выемку скал.

Нижний уступ колоннады разбегался в ширину стадии на полторы: по краям шли простые цилиндрические колонны, в центре — квадратные, выше — шести- и шестнадцатигранные. Центральные колонны и верхушки боковых, карнизы портиков, а также человеческие фигуры были покрыты ярко-синей и красной росписью, от которой снежная белизна камня казалась еще ослепительнее.

Этот храм, ярко освещенный солнцем, резко отличался от мрачных, давящих храмовых зданий, виденных Пандионом раньше. Молодому эллину казалось, что ничего прекраснее в мире нельзя себе представить — так радостны были эти ряды снежно-белых колонн в рамке цветных узоров. А на широких террасах росли никогда не виденные Пандионом деревья — низкорослые, с плотной массой ветвей, обильно усеянных мелкими, тесно прилегающими друг к другу листьями. Эти деревья испускали сильный тяжелый аромат; их золотисто-зеленая листва празднично выделялась на белизне колоннады, оттененной красными скалами.

Кидого в буйном восхищении толкал Пандиона в бок, прищелкивал губами и издавал неопределенные звуки восторга.

Никто из рабов не знал, что храм, находившийся перед ними, был построен уже давно — около пятисот лет тому назад зодчим Сенмутом для своей возлюбленной царицы Хатшепсут[2] и назывался Зешер-Зешеру[3] — «величественнейший из величественных». Необыкновенные деревья, росшие на

[1] Сфинксы.

[2] *Хатшепсут* — царица XVIII династии (1500-1457 гг. до н.э.).

[3] Знаменитый храм Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри.

территории храма, были вывезены из далекого Пунта, куда царица Хатшепсут отправила большую морскую экспедицию. С тех пор с каждым новым походом в Пунт вошло в обычай привозить деревья для храма и возобновлять древние насаждения, как будто сохранившиеся неприкосновенными с отдаленных времен.

Вдали послышался зов надсмотрщика. Рабы поспешно двинулись в сторону от храма и, обогнув площадку слева, оказались перед древним храмом, построенным тоже на уступе скалы в виде небольшой пирамиды, опиравшейся на частую колоннаду[1].

Выше по реке виднелось еще два небольших строения из серого полированного гранита. Надсмотрщик подвел отряд к ближайшему из них, и партия Пандиона влилась в группу из двухсот рабов, уже начавших разрушение храма[2]. Белая штукатурка, покрывавшая внутренние стены, была расписана красочными, мастерски исполненными рисунками. Но строительные чиновники и мастера Айгюптоса, руководившие работами, заботились только о целости полированных гранитных глыб, составлявших наружную облицовку портика и колоннады. Внутренние стены беспощадно разламывались.

Пандион был потрясен уничтожением древних произведений искусства и ухитрился присоединиться к группе рабов, укладывавших каменные блоки на деревянные салазки, которые затем веревками оттаскивались к берегу и грузились на тяжелую низкую барку.

Он не знал, что прекрасные храмы древности уже давно разбирались: фараоны Айгюптоса не ценили памятников прошлого и спешили прославить свое имя в веках постройкой храмов и гробниц из готовых материалов.

Ни дикие кочевники — гиксосы, завоевавшие Та-Кем много столетий назад, ни мятежные рабы, подчинившие себе на короткий срок страну за два столетия до рождения Пандиона, не тронули великолепных построек. А теперь по тайному повелению новых фараонов разрушались даже гробницы древних царей, и похищенное золото поступало в сокровищницу владык Айгюптоса из погребальных комнат, скрытых под засыпанными песком пирамидами Древнего

[1] *Храм Ментухотепа* — фараона Среднего Царства (Ментухотеп IV, фараон XI династии, около 2050 г. до н.э.).

[2] Преимущественно разрушались храмы Среднего Царства (2160-1580 гг. до н.э.) из-за обилия в них хорошо отделанного камня.

Царства[1], из маленьких изящных гробниц Среднего Царства и огромных подземелий великих царей первых династий Нового Царства[2].

Пандион участвовал в разборке храма всего три месяца. Он и Кидого работали усердно, стремясь облегчить труд товарищей. Это было на руку надсмотрщикам: система труда в Та-Кем была организована так, что слабые должны были тянуться за сильными. Незаурядная сила и сообразительность негра и эллина были замечены, и друзей послали в мастерскую каменщиков для обучения. Из этой мастерской их взял к себе один из скульпторов фараона, и тогда совсем оборвалась всякая связь с товарищами из шене.

Пандион и Кидого поселились в длинном неуютном сарае, где жили другие рабы, уже обученные несложному искусству. Природные жители Айгюптоса — свободные ремесленники — занимали несколько хижин в углу обширного двора мастерской, заваленного необделанным камнем и грудами щебня. Египтяне подчеркнуто сторонились рабов, как будто за общение с ними подвергались опасности наказания.

Начальник мастерской — царский скульптор — не подозревал, что Пандион и Кидого — скульпторы, и был потрясен успехами друзей. Истосковавшиеся по творческой работе, они жадно взялись за любимый труд, на время забыв, что работают на ненавистного фараона.

Кидого с увлечением лепил животных — бегемотов, крокодилов, антилоп и других неизвестных эллину зверей; по его моделям другие рабы изготовляли фаянсовые статуэтки. Египтянин заметил у Пандиона склонность к изображению людей и сам принялся обучать подававшего большие надежды экуешу; он требовал от Пандиона особой тщательности при выполнении заказов. «Малый недосмотр губит совершенство», — без конца повторял египетский скульптор заповедь древних мастеров Черной Земли. Пандион усердно учился, и временами тоска его становилась меньше. Эллин делал большие успехи в тончайшей отделке статуй и барельефов из твердого камня, в чеканке золотых поделок.

Сопровождая царского скульптора, Пандион побывал во дворце фараона, в комнатах невиданной роскоши. На цветных полах царских покоев в рамках волнистых линий или

[1] *Древнее Царство* — с III по VIII династию (2980-2445 гг. до н.э.).

[2] *Новое Царство* — XVIII, XIX и XX династии (1580-1205 гг. до н.э.).

многоцветных спиралей были с неподражаемой живостью изображены заросли Великой Реки с их растениями и животными. Прозрачная голубая глазурь покрывала фаянсовые плиты на стенах комнат, сквозь нее нежно мерцали, просвечивая, замысловатые рисунки из листового золота — волшебное произведение искусства.

Среди всего этого великолепия молодой эллин с ненавистью замечал надменных, неподвижных придворных.

Он рассматривал их белые одежды, заглаженные мелкими складками, тяжелые ожерелья, кольца и нагрудные знаки из литого золота, завитые мелкими прядями парики до плеч, расшитые туфли с загнутыми вверх носками.

Пандион, скользя безмолвной тенью за торопившимся мастером, рассматривал драгоценные сосуды с тончайшими стенками, вырезанными из горного хрусталя и твердых пород камня, стеклянные вазы, горшки из серого фаянса с бледно-голубым рисунком — создания неимоверно долгого, искусного труда.

Самое большое впечатление произвел на юношу гигантский храм недалеко от садов Амона, где начинал Пандион свою жизнь в качестве раба, изнывая за высокими стенами шене.

Этот храм многих богов строился уже больше тысячелетия. Каждый из царей Кемт вносил свою лепту, расширяя новыми пристройками и без того огромную площадь храма, занимавшего более восьмисот локтей в длину.

На правом берегу реки, в пределах столицы Уасет, или просто Нут — «Города», как звали ее жители Айгюптоса, раскинулся великолепный сад с правильными рядами высоких пальм, в обоих концах которого громоздилось несколько храмов. Эти сооружения соединялись длинными аллеями из статуй странных животных с берегом реки и священным озером перед храмом непонятной Пандиону богини Мут.

Звери с львиными телами, с бараньими или человеческими головами, высеченные из гранита, высотой в три человеческих роста, производили угнетающее впечатление. Неподвижно застывшие, загадочные, они лежали на своих пьедесталах, теснясь один к другому, и головы их нависали над проходившими, окаймляя широкую аллею, залитую ослепительным солнцем.

Огромные иглы обелисков по пятьдесят локтей высоты, одетые листами ярко-желтого азема — сплава золота и серебра, — горели как раскаленные, пронизывая жесткую темную листву пальм.

Каменные плиты, покрытые серебром, которыми были вымощены аллеи, днем слепили глаза, а ночью, при свете звезд и луны, казались струями неземной светоносной реки.

Исполинские пилоны — громадные плоскости тяжелых стен, слегка расходящиеся к основанию и имеющие форму трапеций, — заграждали вход в храм, возвышаясь на пятьдесят локтей над аллеями сфинксов. Стены пилонов были покрыты огромными скульптурными изображениями богов и фараонов, исчерканы таинственными письменами Та-Кем. Чудовищные двери, обитые бронзовыми листами со сверкающими изображениями из азема, запирали высокие проходы пилонов, поворачиваясь на литых бронзовых петлях весом в несколько быков.

Внутри храма теснились толстые колонны высотой до пятидесяти локтей, заполняя пространство вверху тяжелыми барельефами.

Громадные куски камня в стенах, перекрытиях и колоннах были пришлифованы, пригнаны друг к другу с непостижимой точностью.

Рисунки и барельефы, расписанные яркими красками, пестрили стены, колонны и карнизы, повторяясь несколькими ярусами. Солнечные диски, коршуны, звероголовые боги мрачно смотрели из таинственного полумрака, сгущавшегося в глубине храма.

Снаружи сверкали такие же яркие краски, золото и серебро, высились чудовищно тяжелые строения и скульптуры, оглушая, ослепляя и подавляя.

Пандион видел повсюду обожествленных владык Та-Кем, сидящих в нечеловечески спокойных и надменных позах, — статуи из розового и черного гранита, красного песчаника и желтого известняка. Иногда это были колоссы из целой скалы по сорок локтей высоты, высеченные угловато и грубо, или страшные по своей мрачности раскрашенные, тщательно отделанные скульптуры, немного превосходящие человеческий рост.

Молодой эллин, выросший в простом селении в постоянной близости с природой, был вначале поражен и уничтожен. В этой огромной и богатой стране все производило на него сильнейшее впечатление.

Исполинские постройки, сооруженные неизвестно какими, казалось — недоступными простым смертным способами, страшные боги во мраке храмов, непонятная религия со сложными обрядами, отпечаток глубокой древности на засыпанных песком сооружениях — все это вначале подавляло

Пандиона. Юноша поверил, что надменные и непроницаемо сдержанные жители Айгюптоса знают самые глубокие истины, владеют особыми, могущественными науками, скрытыми в совершенно непонятных для чужеземцев письменах Черной Земли.

И вся страна, зажатая между смертоносными, безжизненными пустынями на узкой ленте долины огромной реки, несущей свои воды из никому не известных далей Юга, казалась каким-то особым миром, не имеющим отношения к остальной Ойкумене.

Но постепенно трезвый разум молодого эллина, жаждущий простых и естественных истин, начал справляться с массой впечатлений.

У Пандиона теперь было время на размышления, и в душе молодого скульптора с ее неустанной тягой к прекрасному родился вначале глухой, а позже осознанный протест против жизни и искусства Айгюптоса.

В плодородной стране, не знающей суровой непогоды, с ярким, чистым, почти всегда безоблачным небом, в удивительно прозрачном, живительном и бодрящем воздухе все, казалось, способствовало здоровой и счастливой жизни. Но молодой эллин, как ни мало он знал страну, не мог не видеть ужасной нищеты и скученности немху — беднейших и наиболее многочисленных жителей Айгюптоса. Исполинские храмы и статуи, прекрасные сады не могли заслонить бесконечные ряды нищенских хижин десятков тысяч ремесленников, обслуживавших дворцы и храмы столицы. А что касается рабов, томившихся в сотнях шене, об этом сам Пандион знал лучше кого-либо другого.

Пандион все яснее сознавал, что искусство Айгюптоса, подчиненное владыкам страны — фараонам и жрецам — и направлявшееся ими, противоположно его стремлениям и поискам законов отображения красоты.

Что-то близкое и радостное Пандион почувствовал единственный раз, когда увидел храм Зешер-Зешеру, открытый, сливающийся с окружающей местностью.

А все остальные исполинские храмы и гробницы наглухо замыкались высокими стенами. И там, за этими стенами, мастера Айгюптоса, по велению жрецов, использовали все приемы, чтобы увести человека от жизни, унизить его, задавить, заставить ощутить свое ничтожество перед величием богов и владык-фараонов.

Непомерная величина сооружений, колоссальное количество затраченного труда и материала уже сразу подавляли

человека. Много раз повторявшееся нагромождение одинаковых, однообразных форм создавало впечатление бесконечной протяженности. Одинаковые сфинксы, одинаковые колонны, стены, пилоны — все это с искусно отобранными скупыми деталями, прямоугольное, неподвижное. В темных проходах храмов исполинские однообразные статуи возвышались по обе стороны коридоров, зловещие и угрюмые.

Повелевавшие искусством владыки Айгюптоса боялись пространства: отделяясь от природы, они загромождали внутренности храмов каменными массами колонн, толстых стен, каменных балок, иной раз занимавшими больше места, чем пролеты между ними. В глубину храма ряды колонн еще более уплотнялись, залы, недостаточно освещенные, погружались постепенно в полную тьму. Из-за множества узких дверей храм становился таинственно недоступным, а темнота помещений еще более усиливала страх перед богами.

Пандион осознал это рассчитанное воздействие на душу человека, достигнутое веками строительного опыта.

Но если бы Пандиону удалось увидеть чудовищные пирамиды, резко выделяющиеся своими правильными гранеными формами над мягкими волнами пустынных песков, тогда молодой скульптор яснее ощутил бы надменное противопоставление человека природе, в котором скрывался страх владык Та-Кем перед непонятной и враждебной природой, страх, отраженный в замкнутой, таинственной религии египтян.

Мастера Та-Кем возвеличивали своих богов и владык, стремясь выразить их силу в колоссальных статуях, симметричной неподвижности массивных тел.

На стенах сами фараоны изображались в виде больших фигур. У их ног копошились карлики — все остальные люди Черной Земли. Так цари Айгюптоса пользовались любым поводом, чтобы подчеркнуть свое величие. Царям казалось, что, всячески унижая народ, они возвышаются сами, возрастает их влияние.

Пандион еще очень мало знал о подлинном, самобытном и прекрасном народном искусстве жителей Черной Земли. Там, в изображениях и предметах простых людей, искусство было свободно от уз требований придворных и жрецов. Пандион мечтал о творениях, которые не угнетали и не давили бы человека, а, наоборот, возвышали. Он чувствовал, что настоящее искусство — в радостном и простом слиянии с жизнью. Оно должно так же отличаться от всего созданного в Айгюптосе, как отличается его родина разнообразием рек,

полей, лесов, моря и гор, пестрой сменой времен года от этой страны, где так однообразно возвышаются скалы по берегам единственной, повсюду одинаковой речной долины, окаймленной возделанными садами. Тысячи лет назад жители Айгюптоса прятались в долине Нила от враждебного мира. Теперь их потомки пытались отвратить лицо от жизни, укрываясь внутри своих храмов и дворцов.

Пандиону казалось, что величие искусства Айгюптоса в значительной мере было обязано природным способностям разноплеменных рабов, из миллионов которых выбиралось все наиболее талантливое, невольно отдававшее свои творческие силы на прославление угнетавшей их страны. Окончательно освободившись от преклонения перед могуществом Айгюптоса, Пандион решил бежать как можно скорее — и убедить друга Кидого в необходимости бегства...

С этими мыслями Пандион поехал вместе со своим начальником, Кидого и десятью другими рабами в дальнюю поездку, к развалинам Ахетатона[1]. Молодой скульптор рассекал гладкую поверхность реки веслами, радостно чувствуя стремительный бег лодки по течению. Путь был далек. Надо было проехать чуть ли не три тысячи стадий — расстояние, близкое к тому, которое отделяло его родину от Крита, и когда-то казавшееся неизмеримо далеким. Пандион во время этого плавания узнал, что до Великого Зеленого моря — так называли жители Айгюптоса море, на северной стороне которого ждала Пандиона его Тесса, — было вдвое дальше, чем до Ахетатона.

Веселое настроение Пандиона быстро прошло: впервые он ясно представил себе, как глубоко внутри «пенной страны» — Африки — он находится, какое огромное пространство отделяет его от берегов моря, где он мог бы надеяться на возвращение.

Молодой эллин угрюмо склонялся над веслами, а лодка все мчалась по бесконечной сверкающей ленте гладкой реки, мимо зеленых зарослей, возделанных полей, тростниковых чащ и раскаленных скал.

На корме, в тени пестрого навеса, лежал царский скульптор, овеваемый опахалом услужливого раба. А по берегам тянулись маленькие тесные хижины — огромное количество народа кормила плодородная земля, тысячи людей копошились на полях, в садах или зарослях папируса, добывая себе

[1] *Ахетатон* (ныне Тель-эль-Амарна) — столица фараона Эхнатона.

скудную пищу. Тысячи людей теснились друг к другу на пыльных, выжженных солнцем улицах бесчисленных селений, у окраин которых надменно возвышались тяжелые исполинские храмы, наглухо замкнутые от яркого солнца.

В голове Пандиона вдруг мелькнула мысль, что не только ему и его товарищам выпал на долю подневольный труд в Кемт, что, пожалуй, все эти обитатели жалких домиков тоже живут в плену безрадостного труда, тоже являются рабами великих владык и вельмож, несмотря на все свое презрение к нему, жалкому, заклейменному дикарю...

Задумавшись, Пандион громко стукнул веслом о весло другого гребца.

— Эй, экуеша, ты заснул? Берегись! — раздался громкий окрик рулевого.

На ночь рабов запирали в тюрьмы, стоявшие вблизи каждого большого селения или храма.

Скульптора фараона с почестями встречали местные начальники, и он в сопровождении двух доверенных слуг шел отдыхать.

На пятый день плавания лодка обогнула выступ подмытых рекою темных утесов. За ними протянулась обширная равнина, закрытая с берега рядами высоких пальм и сикомор. Лодка приблизилась к выложенной камнем набережной с двумя широкими лестницами, спадающими в воду. На берегу над зубчатой стеной массивным кубом поднималась башня. Сквозь приоткрытые тяжелые ворота виднелся сад с прудами и цветущими лужайками; в глубине стояло белое здание, украшенное пестрыми узорами.

Это был дом главного жреца здешних храмов.

Царский скульптор, сопровождаемый подобострастными поклонами стражи, вошел в ворота, а рабы остались снаружи под надзором двух воинов. Ожидать пришлось недолго — вскоре скульптор появился в сопровождении человека со свертком исписанного папируса в руках и повел рабов мимо храмов и обитаемых домов к большому участку, занятому разрушенными стенами, лесом колонн с провалившимися кровлями. Среди этого мертвого города попадались небольшие здания, несколько лучше сохранившиеся. Редкие пни обозначали участки бывших садов; высохшие бассейны, пруды и канавы были засыпаны песком. Песок толстым слоем покрывал каменные плиты дороги, ложился откосами вдоль изъеденных временем стен. Ни живой души не было видно кругом, мертвое молчание царило в иссушающем зное.

Скульптор коротко рассказал Пандиону, что эти развалины были когда-то прекрасной столицей фараона-отступника[1], проклятого богами. Имя его не должен произносить ни один истинный сын Черной Земли.

Что сделал этот царствовавший четыре века назад фараон, почему он построил здесь новую столицу, об этом Пандион ничего не мог узнать.

Скульптор развернул сверток, и по чертежу оба египтянина разыскали остатки продолговатого здания с поваленными перед входом колоннами. Стены внутри были облицованы плитками из лазурно-синего камня с золотистыми жилками.

Пандион и другие рабы скульптурной мастерской должны были осторожно снять тонкие шлифованные плитки, плотно припаявшиеся к стене. На эту работу ушло несколько дней. Рабы ночевали здесь же, в развалинах, пища и вода доставлялись им из соседнего селения.

Окончив порученное им дело, Пандион, Кидого и четыре других раба получили приказание осмотреть наудачу некоторые здания и поискать, нет ли в развалинах красивых вещей, которые можно было бы доставить во дворец фараона. Негр и эллин пошли вдвоем, впервые без присмотра стражей и внимательного взгляда надсмотрщика.

Друзья взобрались на привратную башню какой-то обширной постройки, чтобы осмотреться. С востока на развалины надвигались пески пустыни, раскинувшейся насколько хватал глаз грядами низких холмов и грудами щебня.

Пандион оглянулся на безмолвные развалины и, в волнении стиснув руку Кидого, зашептал:

— Бежим! Нас хватятся не скоро, никто не видит...

Добродушное лицо негра расплылось в усмешке.

— Разве ты не знаешь, что такое пустыня? — изумился Кидого. — Завтра в этот час воины найдут наши трупы, иссушенные солнцем. Они, — Кидого подразумевал египтян, — знают, что делают. Путь на восток всего один — там, где колодцы, и этот путь стерегут. А здесь крепче цепей держит нас пустыня...

Пандион угрюмо кивнул, минутный порыв его угас. Друзья молча спустились с башни и разошлись в разные стороны, заглядывая в провалы стен или проникая в темноту открытых входов.

---

[1] Фараон Эхнатон (Аменхотеп IV, 1375-1358 гг. до н.э.), пытавшийся ввести в Египте новую религию с единым богом — солнечным диском Атоном.

Внутри небольшого двухэтажного, хорошо сохранившегося дворца с остатками деревянных решеток в окнах Кидого посчастливилось отыскать небольшую статую египетской девушки из крепкого желтоватого известняка. Он позвал Пандиона, и оба залюбовались работой безвестного мастера. Красивое лицо было типичным для египтянки. Пандион уже знал облик женщины Айгюптоса — низкий лоб, узкие, приподнятые у висков глаза, холмиками выступающие щеки и толстые губы с ямочками в углах.

Кидого понес находку начальнику мастерской, а Пандион углубился в развалины. Машинально переступая через обломки, перебираясь через кучи камней, Пандион подвигался вперед, не разбирая направления, и скоро вошел в прохладную тень уцелевшей стены. В глубине, прямо под ним, виднелась плотно закрытая дверь подземелья. Пандион нажал на медную оковку. Гнилые доски рассыпались, и молодой скульптор вошел внутрь помещения, слабо освещенного через щель в потолке.

Это была небольшая комната в толще каменных стен, выложенных тщательно пригнанными камнями. Два легких кресла из черного дерева, отделанные костью, покрылись толстым слоем пыли. В углу юноша заметил развалившийся ларец. У противоположной стены на куске розового гранита эллин увидел скульптуру из серого камня — фигуру женщины в рост человека. Только верхняя часть изваяния была тщательно отделана.

Две изгибающиеся пантеры из черного камня стояли, как бы для охраны, по сторонам статуи. Пандион осторожно стер пыль с изваяния и отступил в немом восхищении.

Искусство скульптора передало в камне прозрачную ткань, облегавшую юное тело. Левая рука девушки крепко прижимала к груди цветок лотоса. Густые волосы обрамляли лицо длинными мелкими локонами, образуя тяжелую прическу, разделенную пробором и спадавшую ниже плеч. Очаровательная девушка не походила на египтянку. У нее было круглое лицо с прямым небольшим носиком, широким лбом и огромными, широко расставленными глазами.

Пандион заглянул на статую сбоку, и его поразила странная и лукавая насмешливость, запечатленная скульптором на лице девушки. Такого выражения живости и ума он никогда не видел на статуях: художники Айгюптоса больше всего любили величественную и равнодушную неподвижность.

Девушка была похожа на женщин Энниады или, скорее, на прекрасных жительниц островов его родного моря.

Ясное и умное лицо статуи было так далеко от мрачной красоты творений Айгюптоса, изваяно с таким неподражаемым совершенством, что мучительная тоска опять вернулась к Пандиону. Стиснув руки, молодой эллин старался представить себе модель скульптора, эту близкую ему чем-то девушку, неизвестно какими путями попавшую в Айгюптос четыре столетия назад. Была ли она такой же, как он, пленницей или по доброй воле приехала из неизвестной страны?

Луч солнца проник через щель вверху, пыльный свет упал на статую. Пандиону показалось, что лицо девушки изменило выражение — глаза загорелись, губы задрожали, словно трепет таинственной, скрытой жизни возник на поверхности камня.

Да, вот как нужно делать статуи... вот у кого нужно бы учиться передавать живую красоту... у этого мастера, умершего так давно!

С благоговейной осторожностью Пандион положил пальцы на лицо статуи, ощупывая почти неуловимые, мельчайшие детали, так верно передавшие жизнь.

Долго стоял Пандион перед прекрасной девушкой, улыбавшейся ему дружески и насмешливо. Ему казалось, что он нашел нового друга, осветившего ласковой улыбкой вереницу безрадостных дней.

И невольно мысли юноши перенеслись к Тессе. Ее образ, потускневший в суровости его теперешней жизни, вновь стал живым и манящим...

Глаза Пандиона в задумчивости блуждали по росписям потолка и стен, где сплетались звезды, букеты лотосов, узоры изломанных линий, головы быков. Вдруг Пандион вздрогнул: видение Тессы исчезло, и перед ним на темной стене появилось изображение пленников, связанных спина к спине, влекомых к стопам фараона. Пандион вспомнил, что уже поздно. Нужно было спешить с возвращением и оправдать свою задержку. Но, взглянув еще раз на статую, Пандион понял, что не сможет отдать ее в руки своего хозяина-скульптора. Юноше это казалось предательством, вторичным пленением неизвестной девушки во враждебном к иноземцам Айгюптосе. Он поспешно оглянулся, вспомнив про ящик, замеченный им в углу. Встав на колени, Пандион достал оттуда четыре фаянсовых бокала в виде цветов лотоса, покрытых яркой голубой эмалью. Этого было достаточно. Пандион в последний раз посмотрел на изваяние девушки, стараясь запомнить все подробности ее лица, и с тяжелым вздохом вынес бокалы наружу. Оглянувшись по сторонам, молодой скульптор поспешно за-

валил вход большими камнями и, сгребая горстями щебень, старательно присыпал заграждение, пытаясь придать ему вид давно осыпавшейся стены. Потом он осторожно увязал бокалы в набедренную повязку, невольно сделал прощальный жест в сторону оставшейся в своем убежище статуи и поспешил обратно. Направление ему указывали крики рабов, очевидно, разыскивавших его. Среди них выделялся звонкий и сильный голос Кидого.

Царский скульптор встретил Пандиона угрозами, но сразу смягчился, едва увидел драгоценную находку.

Обратное плавание длилось на три дня дольше — гребцам приходилось бороться с течением. Пандион рассказал Кидого про статую, и негр одобрил его поступок, прибавив, что, может быть, эта девушка происходила из народа машуашей, жившего на северном краю великой западной пустыни.

Пандион уговаривал Кидого бежать, но друг в ответ только отрицательно покачивал головой, отвергая все планы эллина.

За семь дней плавания Пандиону так и не удалось убедить друга, но сам он уже не мог долее бездействовать; ему казалось, что еще немного — и он не выдержит и погибнет. Он тосковал по товарищам, оставшимся на строительных работах и в шене. В них он чувствовал ту силу, которая могла бы привести к освобождению, давала надежду на будущее... А здесь не было надежды на свободу, это заставляло Пандиона задыхаться от бессильной ярости.

Через два дня после возвращения в мастерскую скульптор фараона повел Пандиона во дворец главного строителя. Там готовился праздник. Пандион должен был вылепить из глины модели статуэток и сделать по ним формы для сладких печений.

Молодой скульптор, закончив работу, по приказу хозяина остался во дворце до конца пира, чтобы с другими рабами нести царского скульптора домой. Не обращая внимания на рабов и рабынь, во множестве сновавших по дворцу, Пандион удалился в сад.

Стемнело, на безлунном небе зажглись яркие звезды, а пир все продолжался. Снопы желтого света, проникая в сад через широкие оконные проемы, вырывали из темноты стволы деревьев, листву и цветущие кустарники, поблескивали красными огоньками на зеркальной воде бассейнов. Гости собрались в большом нижнем зале с колоннами из полиро-

ванных кедровых стволов. Зазвучала музыка. Пандион, так давно не слышавший ничего, кроме заунывных и незнакомых песен, незаметно подобрался к большому низкому окну, укрылся в кустах и стал наблюдать.

Из наполненного людьми зала шел тяжелый аромат благовоний. Стены, колонны и рамы окон были увешаны гирляндами свежих цветов, больше всего, как заметил Пандион, лотосов. Пестрые кувшины с вином, плетенки и чаши с фруктами стояли на низких подставках возле сидений. Разгоряченные вином гости, облитые душистой помадой, теснились вдоль стен, а посередине между колоннами медленно танцевали девушки в длинных одеяниях. Черные волосы, заплетенные в многочисленные тонкие косички, развевались по плечам танцующих, широкие браслеты из разноцветного бисера охватывали запястья, пояски из цветных бус просвечивали сквозь тонкую ткань. Пандион не мог не заметить некоторой угловатости стройных женщин Айгюптоса, отличавшихся от сильных девушек его родины. В стороне молодые египтянки играли на различных инструментах: две девушки — на флейтах, одна — на многострунной арфе, еще две извлекали резкие дрожащие звуки из длинных двухструнных инструментов.

Танцовщицы держали в руках блестящие листы тонкой бронзы, время от времени прерывая мелодию короткими звенящими ударами. Непривычная для уха Пандиона музыка составлялась из смены высоких и низких скачущих нот то в медленном, то в убыстренном темпе. Танцы окончились, утомленные танцовщицы уступили место певцам. Пандион, прислушиваясь, старался разобрать слова. Это ему удавалось, когда мелодия шла медленно или звучала на низких тонах.

Первая песня прославляла путешествие в южную часть Кемт. «Ты встречаешь там красивую девушку, она отдает тебе цвет своей груди», — разобрал Пандион.

В другой песне с воинственными выкриками прославлялась храбрость сынов Кемт в витиеватых, показавшихся Пандиону бессмысленными выражениях. С раздражением молодой эллин отошел от окна.

«Имя храброго не погибнет на всей земле вовеки», — донеслись до него последние слова, и пение прекратилось. Послышались смех, оживленное движение, и Пандион снова заглянул в окно.

Рабы привели светлокожую девушку с коротко подстриженными волнистыми волосами и вытолкнули ее на середину зала. Она стояла, смущенно и испуганно оглядываясь, среди

растоптанных на гладком полу цветов. Из толпы гостей выделился человек и сказал девушке несколько сердитых слов. Она покорно взяла протянутую ей лютню из слоновой кости, и пальцы ее маленьких рук забегали по струнам. Низкий и чистый голос девушки разлился по залу, гости замолкли. Это не была отрывистая, спадавшая и опять повышавшаяся, скачущая египетская мелодия — звуки лились свободно и печально. Сначала они падали медленно, как отдельные звенящие капли, потом слились в мерном колебании, зарокотали, зашептались, как волны, и понеслись с такой безудержной тоской, что Пандион замер. Пандиону казалось — свободное море колыхалось в песне, в непонятных звуках волшебного голоса. Море, незнакомое и нелюбимое здесь, в Айгюптосе, родное и светлое — для Пандиона. Пандион сначала стоял ошеломленный, — так много запрятанного в самой глубине души вдруг устремилось наружу. Тоска по свободе, близкая и понятная Пандиону, властно звала, плакала и томилась в песне. Зажав уши и стиснув зубы, чтобы не вскрикнуть, он побежал в глубь сада. Там, бросившись на землю во тьме под деревьями, Пандион тяжко и неудержимо зарыдал...

— Эй, экуеша, ко мне! Экуеша! — послышался зов хозяина Пандиона.

Молодой эллин не заметил, что окончился пир.

Скульптор фараона был заметно пьян. Опираясь на руку Пандиона и поддерживаемый с другой стороны своим рабом, рожденным в неволе, начальник мастерских отказался возлечь на носилки и пожелал пойти пешком к дому.

На половине пути, изредка спотыкаясь на выбоинах дороги, он вдруг принялся расхваливать Пандиона, пророча ему большую будущность.

Пандион шел под впечатлением песни, почти не слушая начальника. Так они дошли до цветного портика дома египтянина. В дверях появилась его жена с двумя рабынями, державшими светильники. Царский скульптор, пошатываясь, взобрался на ступеньки и похлопал по плечу Пандиона. Тот спустился вниз — рабы мастерской не имели права входить в дом.

— Погоди, экуеша! — весело сказал начальник, пытаясь изобразить на лице хитрую усмешку. — Дай сюда! — Он почти вырвал из рук рабыни светильник и что-то сказал ей шепотом. Рабыня скрылась в темноте.

Египтянин втолкнул Пандиона в дверь и ввел его в приемный зал. Налево у простенка стояла большая красивая ваза с четким черно-красным рисунком. Такие сосуды Пандион видел на Крите, и снова сердце юноши сжалось от боли.

— Повелел его величество, жизнь, здоровье, сила, — торжественно произнес царский скульптор, — мне изготовить семь ваз по образцу этой, из стран твоего моря! Мы только заменим варварские краски на любимые в Кемт синие цвета... Если ты отличишься в этой работе, я скажу о тебе Великому Дому... А теперь... — возвысил голос начальник и повернулся к поспешно приближавшимся двум темным фигурам.

Это были ушедшая рабыня и какая-то другая девушка, закутанная в длинный пестрый плащ.

— Подойди ближе! — нетерпеливо приказал египтянин и поднес светильник к лицу закутанной девушки.

Большие выпуклые черные глаза боязливо взглянули на Пандиона, пухлые детские губы раскрылись в трепетном вздохе. Пандион увидел выбивавшиеся из-под покрывала вьющиеся волосы, тонкий нос с нервно трепетавшими ноздрями — рабыня была, несомненно, азиаткой, из восточных племен.

— Смотри, экуеша! — сказал египтянин, неуверенным, но сильным движением срывая с девушки плащ.

Она слабо вскрикнула и спрятала лицо в ладони, оставшись нагой.

— Бери ее в жены! — Царский скульптор толкнул девушку к Пандиону, и она, вся задрожав, прижалась к груди молодого эллина.

Пандион слегка отодвинулся и погладил спутавшиеся волосы юной пленницы, поддаваясь смешанному чувству жалости и нежности к милому, испуганному существу.

Царский скульптор, улыбаясь, одобрительно прищелкнул пальцами:

— Она будет твоей женой, экуеша, и у вас будут хорошие дети, которых я оставлю моим детям в наследство...

Точно стальная пружина внезапно развернулась в Пандионе. Душевное смятение, давно нараставшее в нем и разбуженное сегодняшней песней, вскипело. Красный туман застлал глаза.

Пандион отступил от девушки, оглянулся и поднял кулак.

Египтянин, трезвея, побежал в дом, громко сзывая всех слуг на помощь. Пандион, не взглянув на труса, с презрительным смехом пнул ногой дорогую критскую вазу, и глиняные черепки с глухим звоном рассыпались на каменном полу.

Дом наполнился криком и топотом ног. Несколько минут спустя Пандион лежал у ног начальника мастерской, а тот, нагнувшись, плевал на него, изрыгая проклятия и угрозы.

— Негодяй заслуживает смерти! Разбитая ваза дороже его презренной жизни, но он может сделать много хороших вещей... и я не хочу терять хорошего работника, — говорил час спустя успокоившийся скульптор своей жене. — Я пощажу его жизнь и не отправлю его в тюрьму, потому что оттуда он попадет на золотые рудники и погибнет. Я верну его в шене, пусть одумается, а ко времени будущего посева возьму обратно...

Так Пандион, избитый, но не смиренный, вернулся в шене и, к своей большой радости, встретился с друзьями-этрусками. Весь строительный отряд после разборки храма работал на поливе садов Амона.

К вечеру следующего дня внутренняя дверь шене раскрылась с обычным скрипом и пропустила под приветственные возгласы рабов улыбающегося Кидого. Спина негра вздулась, исполосованная ударами бича, но зубы сверкали в усмешке, а глаза весело блестели.

— Я узнал, что тебя послали назад, — сообщил он изумленному Пандиону, — и стал кататься по мастерской, вопя и ломая все, что подвернется. Побили и тоже отправили — мне это и нужно! — закончил Кидого.

— А ты же хотел стать мастером? — насмешливо спросил Пандион.

Негр беззаботно махнул рукой и, страшно выкатив глаза, плюнул в том направлении, где находилась великая столица Айгюптоса.

Глава четвертая
ВОРЬБА ЗА СВОБОДУ

Камни, накаляясь на солнце, обжигали плечи и руки людей. Легкий ветерок не нес прохлады, но сдувал с гладкой поверхности каменных глыб мельчайшую известковую пыль, разъедавшую глаза.

Тридцать рабов, выбиваясь из сил, тянули жесткие канаты, поднимая на стену тяжелую плиту с каким-то сложным барельефом. Ее нужно было вставить в приготовленное гнездо на высоте восьми локтей. Четыре опытных и сметливых раба направляли плиту снизу. В числе их находился Пандион, стоявший рядом с рабом-египтянином — единственным из жителей Айгюптоса, находившимся в шене среди чужеземных пленников. Этот египтянин, осужденный в вечное рабство за неизвестное страшное преступление, занимал крайнюю кле-

тушку в юго-восточном, привилегированном углу шене. Два лиловых клейма в виде скрещенных широких полос пятнали его грудь и спину, на щеке была изображена красная змея. Мрачный, никогда не улыбавшийся, он ни с кем не общался и, несмотря на всю тяжесть своего положения, презирал иноплеменных рабов, подобно своим свободным соотечественникам.

И сейчас, не обращая ни на кого внимания, понурив бритую голову, египтянин упирался руками в край толстой плиты, чтобы не давать камню раскачиваться.

Мокрая от пота черная кожа Кидого блестела, резко выделяясь рядом с белым полированным известняком.

Вдруг Пандион заметил, что на веревке начали лопаться волокна, и издал предостерегающий крик. Два других раба отскочили в сторону, а египтянин, не обратив внимания на Пандиона и не заметив того, что делалось вверху, остался под плитой.

Молодой эллин, далеко выбросив правую руку, мгновенным толчком в грудь отшвырнул египтянина назад. В ту же секунду плита рухнула, слегка задев отпрянувшего Пандиона и ободрав ему кожу с руки. Желтая бледность покрыла лицо египтянина. Плита стукнулась о подножие стены, большой угол барельефа откололся.

С негодующим криком к Пандиону подбежал надсмотрщик и хлестнул эллина бичом. Четырехгранный ремень в два пальца толщиной, сделанный из шкуры бегемота, глубоко рассек кожу на пояснице. У Пандиона от боли потемнело в глазах.

— Негодяй, зачем ты спас эту падаль? — завопил надсмотрщик, замахиваясь вторично. — Плита, упавшая на мягкое тело, осталась бы цела! Это изображение дороже сотен жизней жалких тварей, таких как вы! — продолжал он, нанося второй удар.

Пандион бросился было на надсмотрщика, но был схвачен подоспевшими воинами и жестоко исхлестан бичами.

Ночью Пандион лежал на животе в своей клетушке. Его лихорадило, глубокие борозды от бича на спине, плечах и ногах воспалились. Приползший к нему Кидого поил его водой, смачивая время от времени голову.

У входной двери послышался легкий шорох, потом шепот:

— Экуеша, ты здесь?

Пандион отозвался и почувствовал прикосновение руки.

Это был египтянин. Он достал из-за пояса маленькую баночку, долго возился, растирая что-то на ладони, потом

начал осторожно водить рукой по рубцам Пандиона, размазывая жидкую мазь с едким, неприятным запахом. Эллин вздрагивал от боли, но уверенная рука продолжала свою работу. Когда египтянин принялся массировать ноги, боль на спине уже прекратилась, а еще через несколько минут Пандион тихо уснул.

— Ты что ему сделал? — шепнул Кидого, совершенно невидимый в своем углу.

Египтянин, помолчав, ответил:

— Это кифи — самое лучшее лекарство, тайна наших жрецов. Мне принесла его мать, хорошо заплатив воину.

— А ты хороший человек! Прости меня, я думал, ты дрянь! — воскликнул негр.

Египтянин буркнул что-то сквозь зубы и неслышно скрылся в темноте.

С этого дня египтянин подружился с молодым эллином, по-прежнему оставляя без внимания его друзей. Теперь часто по ночам Пандион слышал шорох возле своей клетушки. Если у эллина никого не было, костлявое тело египтянина быстро скользило внутрь. Ожесточенный, одинокий сын Та-Кем был откровенен и разговорчив наедине с чутким молодым эллином. Пандион скоро узнал историю египтянина.

Яхмос — «сын месяца» — происходил из старого рода неджесов, бывших верными слугами прежних фараонов, но со сменой династии устраненных и обедневших. Яхмос был обучен наукам и стал писцом начальника Заячьего сепа. Случилось так, что он полюбил дочь строителя, требовавшего крупного обеспечения. Потеряв голову от любви и отчаявшись в возможности быстрого обогащения, Яхмос решил достать нужную сумму во что бы то ни стало и сделался грабителем царских усыпальниц. Знание письменности давало ему большие преимущества в этом страшном, жестоко каравшемся деле. Скоро в руках Яхмоса было много золота, но его невеста оказалась выданной замуж за чиновника с крайнего юга.

Яхмос пытался скрасить горе веселыми пирами, покупкой наложниц — деньги быстро исчезли. Понадобились другие. Темные пути богатства уже были знакомы, и Яхмос вновь принялся за свое страшное дело, но в конце концов был схвачен, подвергся жестоким пыткам, товарищи его казнены или умерли от мучений. Яхмоса приговорили к ссылке на золотые рудники. Каждая новая партия отправлялась туда во время наводнения, раз в год, и Яхмос пока был отдан в шене, так как не хватало рабочих рук для постройки новой стены храма Пта.

Пандион с интересом слушал рассказы Яхмоса, поражаясь неслыханной отваге египтянина, казавшегося ему невоинственным человеком.

Яхмос рассказывал о своем пребывании в страшных подземельях, где мучительная смерть подстерегала смельчака на каждом шагу благодаря ухищрениям строителей.

В самых древних гробницах, скрытых глубоко под огромными пирамидами, сокровища и саркофаги защищались толстыми плитами, запиравшими узкие наклонные ходы. Позже применялись лабиринты фальшивых ходов, прерывавшиеся глубокими колодцами с гладкими стенами. Тяжкие глыбы падали сверху при попытке грабителей отодвинуть загораживавшие ход камни, груды песка из сооруженных наверху колодцев засыпали входы погребальных камер. Если дерзкие гости продолжали попытки проникнуть дальше, массы земли обрушивались из колодцев и запирали нарушителей покоя усопших царей в узком пространстве между кучами песка и вновь насыпавшейся землей. В менее древних гробницах в темноте низких галерей бесшумно смыкались каменные челюсти, решетки с копьями падали с колонн, едва нога пришедшего ступала на роковую плиту пола. Яхмос знал, как много ужасов тысячелетиями скрывалось в молчании и тьме, поджидая жертву. Опыт приобретался ценой гибели многих товарищей по ремеслу. Не раз натыкался египтянин на истлевшие останки неведомых людей, погибших в западне в неизвестные времена.

Много ночей провел Яхмос с товарищами на краю западной пустыни, где на протяжении сотен тысяч локтей тянулись города мертвых. Скрываясь в темноте, не смея говорить или зажечь свет, ощупью, под заунывные вопли шакалов, вой гиен или громовой рык льва, грабители рылись в душных ходах или пробивали целую скалу, стремясь угадать направление, в котором находилась глубоко запрятанная гробница.

Страшное ремесло, достойное народа, заботившегося более о смерти, чем о жизни, старавшегося сохранить в вечности не живые дела, а славу мертвых!

Потрясенный Пандион с ужасом слушал рассказы о приключениях этого худого, невзрачного человека, во имя минутных удовольствий столь часто рисковавшего жизнью, и не понимал собеседника.

— Зачем же ты продолжал все это? — спросил как-то Пандион. — Разве ты не мог уехать?

Египтянин рассмеялся беззвучным, невеселым смехом.

— Страна Кемт — особая страна. Ты, чужеземец, не понимаешь ее. Мы все здесь в плену, не только рабы, но и сво-

бодные сыны Черной Земли. Когда-то, в незапамятные времена, пустыни охраняли нас. Теперь Та-Кем, зажатый среди пустынь, — это большая тюрьма для всех, кто не может делать далекие походы с многочисленным войском.

На западе — пустыня, царство смерти. На востоке — пустыня, проходимая лишь для больших караванов с запасами воды. На юге — враждебные нам дикие племена. И соседние народы пылают гневом на нашу страну, построившую свое благо на несчастье слабых племен.

Ты не сын Та-Кем и не понимаешь, как страшно нам умереть на чужбине. В этой повсюду одинаковой долине Хапи, где тысячелетия жили наши предки, взрыхлили всю землю, избороздили каналами и сделали плодородной, должны умирать и мы. Та-Кем замкнут, и в этом его проклятие. Когда людей слишком много, их жизни ни во что не ценятся, а переселяться нам некуда — избранный богами народ нелюбим людьми чужих стран...

— Но сейчас тебе разве не лучше бежать? — допытывался Пандион.

— Бежать одинокому и заклейменному? — удивился египтянин. — Я теперь хуже иноземца... Запомни, экуеша: бежать отсюда нельзя! Если только силой перевернуть всю страну Черной Земли. Но кто же может это сделать? Хотя были такие дела в давние времена... — Яхмос печально вздохнул.

Насторожившийся Пандион принялся расспрашивать Яхмоса и узнал о великих мятежах рабов, потрясавших временами страну. Узнал о том, что к рабам присоединялись беднейшие слои населения, жизнь которых мало отличалась от подневольной.

Узнал о том, что простым людям запрещено общаться с рабами, ибо «бедный человек даст разъяриться толпе, отданной в рабочие дома», как писали фараоны в наставлениях своим сыновьям.

Узок был мир бедных сынов Кемт — только одну улицу своего селения знал земледелец или ремесленник. Он старался иметь поменьше знакомых, унижался перед стражами — «вестниками», приносившими ему повеления чиновников. Фараон требовал покорности и тяжелого труда, за малейшую провинность виновного беспощадно избивали. Громадное число чиновников обременяло страну, свободный выезд и путешествия запрещались всем, кроме жрецов и вельмож.

По просьбе Пандиона Яхмос нарисовал на полу в блике лунного света чертеж страны Кемт, и молодой эллин ужаснулся. Он находился в середине долины Великой Реки длиной во

много тысяч стадий. На север или на юг была вода и была жизнь, но пробраться до границ государства по густо заселенной, усеянной воинскими укреплениями стране невозможно. А по сторонам, совсем рядом, шли безлюдные пустыни, там не было стражи, но не было и возможности существовать.

Немногие дороги с колодцами для караванов хорошо охранялись.

После ухода египтянина Пандион провел бессонную ночь, пытаясь придумать план бегства. Юноша инстинктивно понимал, что в дальнейшем надежды на удачный исход бегства будут тем меньше, чем больше изнурит его непосильный труд раба. Только исключительно выносливым и сильным людям может улыбнуться счастье при побеге.

На следующую ночь Пандион пополз к этруску Кави, передал ему сведения, полученные от египтянина, и убеждал сделать попытку взбунтовать рабов. Кави отмалчивался, пощипывая в раздумье бороду. Пандиону было хорошо известно, что подготовка к восстанию давно уже ведется, что в группах разных племен выдвинулись свои вожди.

— Я не могу терпеть больше! Зачем? — страстно воскликнул молодой эллин, и Кави поспешно зажал ему рот. — Пусть смерть, — добавил эллин, успокоившись. — Чего ждать? Что изменится? Если изменится через десять лет, так тогда мы уже не сможем ни сражаться, ни бежать. Разве ты боишься смерти?

— Не боюсь, и ты это знаешь, — отрезал этруск, — но за нами пятьсот жизней. Или ты хочешь принести их в жертву? Дорогая цена твоей смерти!

Пандион резко поднялся и ударился головой о низкий потолок.

— Я подумаю, поговорю, — поспешно сказал Кави, — но жаль, что всего два шене поблизости от нас. Плохо, что у нас нет языков в других шене. Завтра ночью будем говорить, я дам тебе знать. Предупреди Кидого...

Пандион выбрался из клетушки этруска, прополз вдоль стены и, торопясь, чтобы успеть до восхода луны, направился к Яхмосу. Яхмос не спал.

— Я ползал к тебе, — взволнованно зашептал египтянин. — Я хочу тебе сказать... — Он запнулся. — Мне сказали, что завтра меня возьмут отсюда — отправляют триста человек на золотые рудники в пустыню. Так вот — оттуда не возвращается никто...

— Почему? — спросил Пандион.

— Рабы, сосланные туда, редко живут больше года. Ничего нет ужаснее работы там — в раскаленном сердце горы,

без воздуха. И воды дают мало — ее не хватает. А нужно бить крепчайший камень, поднимать руду на себе в корзинах. Самые стойкие падают замертво к концу работы, исходят кровью из ушей и горла... Прощай, экуеша, ты светлый человек, и я полюбил тебя, хотя ты спас меня напрасно. Но я ценю не спасение, а сочувствие... Давно уже горькая жизнь заставила нашего древнего певца сложить хвалу смерти. И я сейчас повторяю ее... «Смерть стоит передо мной, как выздоровление перед больным, как выход после болезни, — речитативом зашепта́л египтянин, — как пребывание под парусом в ветреную погоду, как запах лотоса, как путь, омытый дождем, как возвращение домой с похода...» — Голос Яхмоса оборвался со стоном.

Охваченный жалостью, молодой эллин придвинулся к египтянину.

— Но ты можешь сам... — Пандион не договорил. Яхмос отшатнулся:

— Что ты говоришь, чужеземец! Разве я могу заставить свое Ка [1] вечно терзать Ба [2] в никогда не кончающихся страданиях...

Пандион ничего не понял. Он был искренне убежден, что со смертью окончатся и мучения, но промолчал, щадя веру египтянина.

Яхмос принялся поспешно рыть землю в углу своей клетушки, отодвинув в сторону солому, на которой спал ночью.

— Вот возьми этот кинжал, если ты когда-нибудь посмеешь... а это на память обо мне, если случится чудо и ты станешь свободным... — Яхмос положил в руку Пандиона гладкий и холодный предмет.

— Что это, зачем мне он? — удивился молодой эллин.

— Это камень, который я нашел в подземельях одного старого храма, спрятанного в скалах.

И Яхмос, радуясь возможности забыться в воспоминаниях, рассказал Пандиону про таинственный древний храм, на который он наткнулся в поисках богатых гробниц, у излучины Великой Реки, много тысяч локтей ниже «Города» — столицы Уасет.

Яхмос заметил следы старой тропинки, которая вела к крутым утесам от берега небольшого залива, густо заросшего тростником. Место было удалено от селений и никем не посещалось, так как ничего привлекательного для земле-

[1] *Ка* — по египетским верованиям, разумная душа.
[2] *Ба* — телесная душа, призрак тела.

дельца или пастуха не было на бесплодных скалистых обрывах.

Яхмос мог без опаски производить свои поиски и, не теряя времени, направился в глубину узкого ущелья, заваленного каменными глыбами. Камни покрывали тропу, видимо, обвалившись много позже того времени, когда она служила для сообщения с берегом реки. Долго Яхмос пробирался через скалы, промоины, кусты колючек. Ущелье изобиловало пауками — поперек прохода были протянуты их паутинные сети, прилипавшие к потному лицу грабителя царских могил.

Наконец стены ущелья разошлись, открывая замкнутую среди высоких холмов долину. В центре ее возвышался бугор, окаймленный двумя рядами оросительных канав, — должно быть, раньше здесь был родник, использовавшийся для сада. Молчание царило в тусклом мареве душной и безветренной долины. Черные блестящие скалы возвышались кругом, замыкая долину. Только на противоположной ее стороне виднелось ущелье, подобное тому, которым пришел Яхмос в это позабытое всеми место.

Грабитель взобрался на холм и сразу увидел высеченный в скале ход, ранее скрытый за вершиной бугра. Ход был завален, и Яхмосу пришлось немало потрудиться, прежде чем он смог проникнуть внутрь. Яхмос очутился в прохладной темноте. Отдохнув немного, он зажег светильник, который всегда был при нем, и пошел по высокому коридору, тщательно осматривая выступавшие по обеим сторонам статуи. Яхмос опасался коварных ловушек, грозивших мучительной смертью. Но его опасения оказались напрасными: древние строители или не приготовили западней, надеясь на скрытое расположение храма, или же минувшие тысячелетия обезвредили ловушки. Яхмос беспрепятственно проник в большое круглое подземелье со статуей бога Тота в центре, склонявшего свой длинный клюв с высоты пьедестала. В стенах Яхмос заметил десять узких, как щели, входов, расположенных на равном расстоянии один от другого. Они вели в комнаты, заваленные истлевшими вещами: свертками, папирусами, деревянными досками с рисунками и надписями. Одно помещение было заполнено связками сухих трав, превращавшихся в пыль при малейшем прикосновении, в другом лежали груды камней. Не обнаружив ничего интересного для себя, Яхмос обошел восемь комнат — все они были квадратные. Девятый вход привел Яхмоса в продолговатую комнату, обрамленную колоннами из гранита. Между ними были закреплены доски черного диабаза, испещренные письменами на древнем языке Та-Кем.

Посреди комнаты стояла еще одна статуя носатого бога Тота, на ее пьедестале в плоской чаше из меди сверкнул в лучах светильника драгоценный камень. Яхмос с жадностью схватил его, поднес к огню и не удержался от возгласа разочарования. Камень не принадлежал к тем, которые ценились в Та-Кем. Опытный глаз грабителя сразу определил, что он не имеет для купцов ценности. Но, странное дело, чем больше всматривался Яхмос, тем более привлекательным казался ему неизвестный камень. Это был голубовато-зеленый обломок кристалла величиной с наконечник копья, плоский, полированный и необыкновенно прозрачный. Заинтересованный Яхмос решил прочесть стенные надписи, надеясь найти какое-нибудь объяснение происхождению камня. Он еще не забыл древнего языка Та-Кем, которому учили в школах высших писцов, и принялся разбирать иероглифы, прекрасно сохранившиеся на поверхности диабаза.

В подземелье было мало воздуха — отдушины для проветривания храма давно обрушились, масло в светильнике догорало, но Яхмос упорно читал, и постепенно перед отверженным грабителем раскрывалась повесть о подвиге, совершенном в незапамятные времена, вскоре после постройки великой пирамиды Хуфу. Фараон Джедефра послал своего казначея Баурджеда далеко на юг, в Та-Нутер — Страну Духов, чтобы познать пределы земли и Великую Дугу — океан. На семи лучших кораблях Баурджед отплыл на юг из гавани Суу на Лазурных Водах. Семь лет странствовали сыны Черной Земли. Они достигли Великой Дуги и долго плыли на юг, вдоль неизвестных берегов. Половина людей и четыре корабля погибли от страшных бурь Великой Дуги, оставшиеся достигли сказочного Пунта. Но приказ фараона гнал их дальше: им нужно было узнать, где на далеком юге находятся пределы земли. Оставив корабли, сыны Черной Земли двинулись на юг по земле.

Больше двух лет странствовали они через темные леса, пересекали громадные степи, переходили грозные горы — обиталища молний, — и достигли, исчерпав все силы, большой реки, на которой обитал могущественный народ, умевший строить каменные храмы. Оказалось, что предел земли все еще бесконечно далек — там, на юге, за голубыми степями и лесами с листьями из серебра. И там, за пределами земли, течет Великая Дуга — океан, — пределы которой никому из смертных не известны. Путешественники поняли свое бессилие выполнить до конца волю фараона и, вернувшись в Пунт, снарядили новые суда взамен своих старых, источен-

ных червями и разбитых в борьбе с волнами Великой Дуги. Но уцелевших людей едва хватило на один корабль. Нагрузив его дарами Пунта, храбрецы решили повторить свой неимоверно тяжкий путь. Стремление вернуться на родину придавало им силу, — они победили ветры и волны, песчаные бури, коварные подводные скалы, голод и жажду, пробились в Лазурные Воды и прибыли в гавань Суу после семи лет отсутствия.

Многое изменилось в Черной Земле: новый фараон — беспощадный Хафра — заставил страну забыть обо всем, кроме постройки второй исполинской пирамиды, долженствовавшей возвеличить его имя на тысячи веков. Возвращение путешественников было неожиданным для всех, и фараон был разочарован, узнав, что земля и океан необъятны, а народы, обитающие далеко на юге, многочисленны. Ему, считавшему себя владыкой всего мира, Баурджед доказал, что страна Кемт — всего лишь маленький уголок исполинской земли, богатой лесами и реками, всякими плодами и зверями и населенной разными племенами, также искусными в работе и охоте.

Гнев фараона обрушился на путешественников. Спутники Баурджеда были сосланы в отдаленные области. Под страхом смерти было запрещено рассказывать о путешествии, в записях фараона Джедефры были стерты места с упоминанием о посылке путешественников на юг, в Страну Духов. Сам Баурджед погиб бы от гнева Хафры и его путешествие навсегда исчезло бы из памяти людей, если бы не вступился мудрый старый жрец бога наук, искусства и письма Тота. Этот жрец вдохновлял погибшего фараона на познание пределов земли, на поиски новых богатств для обедневшей от постройки гигантской пирамиды Кемт. Устраненный от двора нового фараона Хафры жрецами Ра, он пришел на помощь путешественнику и укрыл его в тайном храме Тота, где собраны были разные тайные книги, планы, образцы растений и камней далеких земель. Великое путешествие Баурджеда по приказу жреца записали на каменных плитах, чтобы сохранить навеки в недоступном подземелье до тех времен, когда стране потребуется это знание. Из самой далекой достигнутой ими страны, за большой южной рекой, Баурджед привез голубовато-зеленый прозрачный камень, неизвестный жителям Та-Кем. Такие камни добывались в Стране голубых степей, лежавшей в трех месяцах пути южнее большой реки. Баурджед поднес этот знак крайнего предела мира богу Тоту, и именно этот камень взял Яхмос с пьедестала статуи.

Яхмос не смог прочитать всей повести о путешествии. Едва дошел он до описания каких-то волшебных подводных садов, встреченных путешественниками в плавании по Лазурным Водам, как светильник погас, и грабитель с трудом выбрался из подземелий, захватив с собой только необыкновенный камень.

При свете дня кристалл из далеких земель оказался еще более прекрасным, и Яхмос не расставался с ним, но камень не принес ему счастья.

Пандиону предстоял великий путь на родину, и Яхмос надеялся, что камень, с которым Баурджед добрался домой из неслыханных далей, поможет и эллину.

— А разве ты не знал раньше ничего об этом путешествии? — спросил Пандион.

— Нет, оно осталось скрытым для сынов Кемт, — ответил Яхмос. — Пунт давно известен нам, много плаваний в разные времена совершили туда корабли Кемт, но земли далекого юга — по-прежнему для нас таинственная Страна Духов.

— Но неужели не было других попыток достичь их, неужели никто не смог, подобно тебе, прочитать эти древние надписи и рассказать о них всем другим? — продолжал допытываться Пандион.

Яхмос задумался, не зная, что ответить чужеземцу.

— Властители юга — начальник южных провинций Та-Кем — не раз ходили в глубь южных стран. Но в записях перечисляется только добыча — слоновая кость, золото, рабы, доставленные фараону. И пути остаются неизвестными. А морем дальше Пунта никто не пытался плавать. Слишком велики опасности, и нет теперь столь храбрых людей, какие были в древности.

— Но почему же никто не прочел этих надписей? — не успокаивался Пандион.

— Не знаю... не могу тебе ответить, — признался египтянин.

Яхмос действительно не мог знать, что жрецы, в глазах жителей Черной Земли являвшиеся хранителями древних тайн и великими учеными, уже давно не были ими. Наука выродилась в религиозные обрядности и магические формулы, папирусы, заключавшие мудрость прошлых веков, истлели в гробницах. Храмы стояли в запустении и развалинах, никто не интересовался историей страны, отраженной в бесчисленных надписях на стойком камне. Яхмос не знал, что таков неизбежный путь всякой науки, оторвавшейся от животворных сил народа, замкнувшейся в узком кругу посвященных...

* * *

Близилось время рассвета. С тяжелым чувством Пандион простился с несчастным египтянином, у которого не оставалось никакой надежды на спасение.

Молодой эллин хотел взять кинжал, оставив камень Яхмосу.

— Неужели ты не понял, что мне более ничего не нужно? — сказал египтянин. — Зачем же ты хочешь бросить прекрасный камень здесь, в гнусной яме шене?

Пандион взял кинжал в зубы, а камень зажал в руке и поспешно пополз, старательно прячась в тень от луны, к своей клетушке.

До рассвета молодой эллин лежал без сна. Щеки его горели, дрожь пробегала по телу. Пандион думал о важном переломе в своей судьбе, о скором конце однообразной череды томительных дней тоски и отчаяния.

Входная дыра клетушки обозначилась серым пятном, из темноты выступил весь убогий обиход жилья Пандиона. Молодой эллин поднес кинжал к свету. Широкое лезвие из черной бронзы [1] с выпуклым ребром посередине было остро отточено. Массивная рукоятка с насечкой из азема изображала вытянувшуюся львицу — свирепую богиню Сохмет. Пандион вырыл кинжалом в углу под стенкой ямку и положил туда подарок, чтобы тщательно спрятать, но тут же вспомнил о камне. На ощупь отыскав его на соломе, юноша опять придвинулся к выходу, чтобы лучше рассмотреть кристалл.

Плоский обломок камня с округленными краями был величиной с наконечник копья. Он был тверд, чрезвычайно чист и прозрачен, цвет его казался серо-голубым в предрассветной печальной мгле.

Пандион выставил камень на раскрытой ладони в отверстие входа, и в это мгновение вспыхнуло поднимавшееся солнце. Камень преобразился — на ладони Пандиона лежал он, полный блеска, его голубовато-зеленый цвет был неожиданно радостен, светел и глубок, с теплым отливом прозрачного золотистого вина. Зеркальная поверхность камня была отполирована, видимо, рукой человека.

---

[1] *Черная бронза* — особенно твердый сплав меди с редким металлом. Древние металлурги умели путем прибавления к бронзе цинка, кадмия и других металлов получать сплавы высокой твердости.

Цвет камня напомнил Пандиону о чем-то близком, его отблеск согрел угнетенную душу юноши. Море — да, именно таким бывает море вдали от берегов, в часы, когда солнце высоко стоит в синеве безоблачного неба. Нутур аэ — божественный камень: так назвал его несчастный Яхмос.

Чудесная вспышка кристалла среди безрадостного утра показалась молодому эллину счастливым предзнаменованием.

Да, прощальный подарок Яхмоса был великолепен. Кинжал и невиданный камень! Пандион поверил, что камень послужит залогом его возвращения к морю. Морю, которое не обманет, вернет ему свободу и родину. Молодой эллин погрузился взглядом в прозрачную глубину камня, из которой всплывали волны у родных берегов...

Угрожающий рокот большого барабана пронесся над клетушками шене — сигнал утреннего подъема.

Пандион мгновенно решил — он не расстанется с необыкновенным камнем, не оставит этот символ свободного моря в пыльной земле шене. Пусть камень всегда будет с ним!

После нескольких не вполне удачных проб молодой эллин нашел наконец способ спрятать камень незаметно в своей набедренной повязке и, поспешно закопав кинжал, чуть было не опоздал к утренней еде.

По пути и во время работы в саду Пандион наблюдал за Кави и заметил, что тот перебрасывался короткими фразами то с одним, то с другим из известных Пандиону вожаков шене. Те поспешно отходили от этруска и что-то говорили другим.

Улучив момент, Пандион приблизился к Кави. Тот, не поднимая головы, склоненной над обтесываемой глыбой, быстро и негромко произнес, не переводя дыхания:

— Ночью, до восхода луны, в крайнем проходе у северной стены...

Пандион вернулся к своей работе. По дороге в шене он передал Кидого слова этруска.

Весь вечер провел Пандион в ожидании — давно уже не было у него такого подъема духа и готовности к борьбе.

Едва рабочий дом успокоился и воины на стенах задремали, в темноте клетушки Пандиона появился Кидого.

Два друга быстро поползли к стене и повернули в узкий проход между клетушками. Они достигли северной стены, где в узкой щели господствовала особенно глубокая тьма.

Воины редко ходили по этой стене — им удобнее было наблюдать с западной и с восточной стороны, вдоль проходов между клетушками. Поэтому можно было не опасаться, что охрана наверху услышит тихий разговор.

В проходе в два ряда, упираясь ногами в стены и голова к голове, лежало не меньше шестидесяти рабов. Кави и Ремд — в середине. Старший этруск шепотом подозвал к себе Пандиона и Кидого.

Молодой эллин, нащупав руку этруска, протянул ему захваченный с собой кинжал. Кави в недоумении ощутил прохладный металл, порезал руку об острое лезвие и жадно схватил оружие, шепча благодарность.

Истосковавшийся по оружию бывалый воин обрадовался. Он понял, что, передавая драгоценный кинжал, молодой эллин тем самым признавал старшинство Кави, без слов выбирая его своим вождем.

Не спросив Пандиона, откуда он достал оружие, Кави заговорил, делая долгие паузы, чтобы лежавшие поблизости могли передать крайним, не имевшим возможности ничего расслышать. Совещание вожаков началось — решался вопрос о жизни и свободе пятисот людей, заключенных в шене.

Кави говорил о том, что нельзя откладывать мятеж, потому что впереди у них нет никаких надежд, положение может сделаться только хуже, если рабов снова разделят и разошлют.

— Силы, единственно обеспечивающие успех в бою, уходят в тяжкой работе на угнетателей, все меньшей бодростью и здоровьем обладают наши тела с каждым месяцем жизни в плену. Смерть в бою почетна и весела — в тысячу раз легче умереть сражаясь, чем умереть под ударами жестоких бичей!

Дружный шепот одобрения пронесся по рядам невидимых слушателей.

— Да, мятеж нельзя откладывать, — продолжал Кави, — но при одном условии: если мы найдем путь выхода из проклятой страны. Даже если мы отомкнем еще два-три шене, даже если мы достанем оружие, наша сила мала, мы не сможем продержаться долго. После великого мятежа рабов владыки Кемт стараются разъединить отдельные шене, у нас нет связи с ними, нам не удастся взбунтовать сразу множество людей. Мы находимся в самой столице, где много войска, и не сможем идти по стране с боем. Лучники Айгюптоса страшны — у нас же почти не будет луков, да и не все способны хорошо владеть ими. Давайте думать, можно ли нам идти через пустыню на восток или на запад. В пустыне мы сможем оказаться очень скоро после выхода из шене. Если нельзя идти через пустыню, я думаю, нужно отказаться от мятежа — это будет напрасная трата сил и мучительная гибель. Тогда пусть бегут только те из нас, кто захочет попытаться пройти через

верную смерть в маленькой надежде на свободу. Я, например, все равно буду пытаться.

Взволнованный шепот поднялся вокруг умолкнувшего этруска.

Слова его, переданные из конца в конец, вначале возбудившие боевое настроение, теперь посеяли сомнение среди смелых вожаков. Они отнимали надежду на благополучный исход, даже на призрак успеха, и самые храбрые бойцы заколебались. Разноязычный шепот витал в угольно-черной тьме прохода.

К центру группы, где лежали четыре друга, подполз густобородый аму — семит из-за Лазурных Вод. Его соплеменники составляли значительную часть всего населения рабочего дома.

— Я настаиваю на мятеже. Пусть смерть поглотит нас, но мы отомстим проклятым жителям проклятой страны! Мы покажем пример, которому будут следовать другие! Давно уже Кемт живет в мире, свирепое искусство угнетения отняло волю к борьбе у миллионов рабов. Мы зажжем ее снова...

— Хорошо, что ты думаешь так, ты храбрец, — прервал его Кави. — А что ты скажешь тем, кого поведешь за собой?

— То же скажу! — пылко ответил семит.

— И ты уверен, что за тобой пойдут? — прошептал этруск. — Правда слишком тяжела... а ложь в таком деле бесполезна — люди хорошо чувствуют, где правда. Их правда — та, что лежит в сердце каждого.

Семит ничего не ответил. В это время между лежащими протиснулось гибкое тело ливийца Ахми. Пандион знал, что этот молодой раб, плененный в сражении у Рогов Земли, происходил из знатного рода. Ливиец уверял, что близ гробниц древнейших царей Кемт, у городов Тинис и Абидос, идет на юго-запад дорога в Уахет-Уэр — большой оазис в пустыне. Тропа с хорошими колодцами, обильными водой, не охраняется войсками. Нужно войти в пустыню сразу за белым храмом Зешер-Зешеру и направиться на северо-запад, где в ста двадцати тысячах локтей от реки пересечь дорогу. Ливиец брался провести до тропы и дальше. В оазисе мало воинов, и мятежники сумеют захватить его. Дальше, за переходом через пустыню всего в двадцать пять тысяч локтей лежит второй большой оазис — Пашт, вытянувшийся полосой по направлению к западу. Еще дальше будет оазис Мут, от которого тропа с колодцами ведет к холмам Мертвой Змеи, а оттуда дорога на юг, в страну черных, неведомую ливийцу.

— Я знаю эту дорогу, — вмешался Кидого, — по ней я шел в злой год моего плена.

— В оазисах большие запасы фиников, мы отдохнем. Там вовсе нет укреплений, и мы сможем взять с собой вьючных животных. С их помощью мы легко дойдем до Мертвой Змеи, а там, за Соляным озером, уже чаще попадается вода.

План ливийца вызвал общее одобрение. Он казался вполне осуществимым.

Все же осторожный Кави спросил ливийца:

— Ты уверен, что до колодцев от берега реки именно сто двадцать тысяч локтей? Это большой переход.

— Может быть, и немного больше, — спокойно ответил ливиец. — Но сильный человек может одолеть этот переход без воды при одном условии — начать путь никак не позже середины ночи и двигаться без отдыха. Больше одного дня и одной ночи в пустыне без воды не проживешь, а ходить после полудня тоже нельзя.

Один из азиатов — хериуша — предложил прямо напасть на крепость по дороге в гавань Суу, но, как ни заманчива была попытка для рабов, большинство которых составляли азиаты и аму, пробиться прямо на восток, план был признан невыполнимым.

Предложение ливийца было куда надежнее, однако возникли разногласия между неграми и азиатами: путь на юго-запад уводил азиатов еще дальше от родины, но был выгоден неграм и ливийцам. Жители Ливии надеялись уйти на север от оазиса Мут и попасть в ту часть своей страны, которая не была подвластна войскам Кемт. Пандион и этруски намеревались идти с ливийцами.

Всех примирил пожилой нубиец, объявивший, что знает дорогу на юг в обход крепостей Черной Земли через степи страны Нуб к Лазурным Водам.

Узкий серп луны уже поднялся над уступами пустынных холмов, а мятежные рабы продолжали разрабатывать план бегства. Теперь обсуждались подробности восстания и распределялись роли каждой группы, предводительствуемой тем или иным вожаком.

Восстание было назначено через ночь, сразу же после наступления полной темноты.

Шестьдесят людей неслышно расползлись в разные концы шене, а наверху, на фоне освещенного низкой луной неба, четко выделялись фигуры стражей, ничего не подозревавших и полных презрения к спавшим в глубокой яме под их ногами.

Весь следующий день и ночь и еще день шла подготовка к восстанию, осторожная и незаметная. Опасаясь предателей, вожаки сговаривались только с хорошо известными им людьми, рассчитывая, что остальные, после того как стража будет перебита, все равно присоединятся к массе восставших.

Наступила ночь мятежа. В темноте неслышно собрались кучки людей, по одной у каждой из трех стен — северной, западной и южной. С восточной стороны, у внутренней стены, скопились две группы.

Передвижение людей произошло так быстро, что, когда Кави стукнул камнем по опорожненному кувшину для воды, подавая сигнал атаки, рабы уже успели составить живые пирамиды. Тела семидесяти человек образовывали наклонную плоскость, прислоненную к отвесной стене. Таких живых мостов было пять, по ним со всех сторон взбирались опьяненные предстоящей битвой люди.

Кави, Пандион, Ремд и Кидого в числе первых поднялись на внутреннюю стену. Молодой эллин, ни секунды не раздумывая, прыгнул вниз, в черную тьму, а за ним бежали и прыгали десятки людей.

Пандион сбил с ног воина, выскочившего из сторожевого дома, и вскочил ему на спину, заворачивая назад голову. Позвонки египтянина слабо хрустнули, тело обмякло в руках Пандиона. Вокруг в темноте рабы с глухим ропотом разыскивали и хватали своих ненавистных врагов. В неистовстве люди кидались с голыми руками на вооруженных воинов. Не успевал воин вступить в бой с одним врагом, как сбоку и сзади на него набрасывались новые противники; безоружные, но сильные неистовой яростью, они вонзали зубы в руки, державшие оружие, впивались пальцами в глаза. Оружие, оружие любой ценой — такова была единственная мысль нападавших. Те, кому удавалось вырвать копье или нож, чувствуя в руках смертоносную силу, еще яростнее бросались на врагов. Пандион колол направо и налево отнятым у убитого врага мечом. Кидого действовал большой палкой, употреблявшейся для носки воды.

Кави, поднявшийся по живой лестнице, соскочил прямо на четырех воинов, дежуривших возле внутренней двери. Ошеломленные египтяне оказали лишь слабое сопротивление, буквально задавленные обрушившейся на них в молчании и тьме сверху массой людей.

С торжествующим криком Кави отодвинул тяжелый засов, и скоро толпа освобожденных рабов затопила простран-

ство между стенами, вломилась в дом начальника шене, истребляя воинов, отдыхавших после смены караула.

Наверху на стенах схватка была еще более ожесточенной. Девять стражей, стоявших на стене, скоро заметили атакующих. Засвистели стрелы, молчание ночи огласилось людскими стонами, тупыми ударами о землю падающих с высоты тел.

Но девять египтян не могли долго противостоять сотне яростных рабов, которые с разбегу бросались прямо на копья, падали на стражей и вместе с ними скатывались со стены.

За это время в пространстве между стенами окончилась расправа с охраной и чиновниками. У убитого начальника охраны были найдены ключи от наружной двери. Визг ржавых петель разнесся в тишине ночи, как клич победы.

Копья, щиты, ножи, луки — все до последней стрелы было отобрано у убитых. Вооруженные рабы возглавили колонну беглецов, и все, храня молчание, быстрым шагом направились к реке. Дома по дороге были начисто ограблены, умерщвлены десятки жителей. Восставшие рабы разыскивали оружие, пищу. Только строгое запрещение вожаков удержало людей от желания поджечь все дома. Кави очень боялся раньше времени привлечь внимание войск из охраны столицы.

Началась переправа через реку на всех попадавшихся под руку лодках, баржах и плотах. Несколько человек погибло в воде от громадных крокодилов, стороживших реку Та-Кем.

Не прошло и двух часов с начала мятежа, а головной отряд уже подходил к дверям шене, расположенного на противоположном берегу реки, по пути к храму Зешер-Зешеру.

Кави, Пандион и два ливийца открыто подошли к дверям и постучали, в то время как около сотни других рабов приближались к стене поблизости от двери.

Со стены раздался голос воина, спросившего у пришедших, что им надо. Ливиец, хорошо владевший языком Кемт, потребовал начальника шене, сославшись на письмо управляющего царскими работами. За дверью заговорило несколько голосов, вспыхнул факел, и раскрытая дверь показала пришельцам такой же точно междустенный двор, какой был только что покинут мятежниками. Из группы воинов выступил начальник стражи и потребовал письмо.

С яростным ревом Кави бросился на него и вонзил ему в грудь кинжал Яхмоса, а Пандион с ливийцами устремился на воинов. За ними, пользуясь смятением, с оглушительными криками ворвались стоявшие наготове вооруженные рабы. Факелы потухли, в темноте раздавались стоны, вопли, воинственные крики. Пандиону удалось быстро справиться с дву-

мя противниками, и он отомкнул внутреннюю дверь. В проснувшемся от шума битвы шене раздался призыв к восстанию, рабы разных племен забегали по двору, созывая своих ошеломленных собратьев криками на родном языке. Рабочий дом загудел, как растревоженный улей; гул, все нарастая, перешел в низкий рев. Воины наверху на стенах метались, боясь спуститься, выкрикивая угрозы и посылая время от времени стрелы наугад в темноту. Но битва между стенами утихла, снизу со двора полетели меткие стрелы и копья в воинов, отчетливо видимых на стене, и второй шене был освобожден.

Недоумевающая, опьяненная свободой толпа выливалась из дверей, разбредаясь в разные стороны и не слушая призывов своих освободителей. Скоро исступленные вопли послышались со стороны селения, в ночи заалели пятна пожаров. Кави посоветовал другим вожакам поскорее собрать уже знакомых с дисциплиной товарищей по шене. Этруск задумчиво теребил свою бороду. В его устремленных вперед, на запад, глазах бегали красные огоньки — отблеск пожаров.

Кави думал о том, что, пожалуй, освобождение рабов из второго шене без всякой подготовки, проведенной среди рабов, оказалось ошибкой. Присоединение к восставшим, усвоившим понятие о совместной целеустремленной борьбе, неподготовленной, действовавшей вразброд, опьяненной возможностью мщения и свободой массы людей повредит, а не поможет успеху.

Так и оказалось. Значительная часть рабов из первого шене тоже увлеклась грабежом и разрушением. Кроме того, было потеряно время, каждая минута которого имела значение. Поредевшая колонна двинулась к третьему шене, располагающемуся в восьми тысячах локтей от второго, совсем рядом с храмом Зешер-Зешеру.

Менять план восстания не было времени, и Кави предвидел серьезные затруднения. Действительно, этруск заметил при подходе к шене силуэты выстроившихся на стенах воинов, услышал крики «аату, аату!»[1] и свист стрел, которыми египтяне еще издалека встречали приближавшуюся колонну восставших.

Мятежники остановились для обсуждения плана атаки. Шене, подготовленное к обороне, было хорошей крепостью, и на взятие его требовалось время. Восставшие подняли страшный шум, чтобы спавшие рабы проснулись и напали на охрану изнутри. Но те медлили, очевидно, не решаясь или же

[1] *Аату* — мятежники.

не догадываясь, как напасть на расположившуюся на стене стражу.

Кави, надрывая охрипшее горло, созывал вожаков, чтобы убедить их отказаться от нападения на шене. Те не соглашались: легко доставшаяся победа окрыляла их, им казалось возможным освободить всех рабов Кемт и овладеть страной.

Вдруг ливиец Ахми испустил пронзительный вопль, и сотни голов повернулись в его сторону. Ливиец размахивал руками, указывая по направлению реки. С возвышенного берега, наклонно поднимавшегося к скалам, река, омывавшая множество пристаней столицы, была видна далеко. И всюду мелькали бесчисленные огоньки факелов, сливавшиеся в тускло мерцавшую полосу; светящиеся точки виднелись и на середине реки, скоплялись в двух местах на берегу, где находились мятежники.

Сомнения не было: отряды многочисленных воинов переправлялись через реку, спеша окружить место, где пылал огонь пожаров и где находились взбунтовавшиеся рабы.

А здесь восставшие все еще метались из стороны в сторону, изыскивая способ нападения; некоторые пытались подойти к врагам по дну оросительного канала, другие выпускали драгоценные стрелы.

Кави обвел взглядом неопределенную по своим очертаниям темную массу людей. На его взгляд, боеспособная колонна насчитывала не более трехсот человек, из которых меньше половины имели ножи и копья, а луков было добыто не более тридцати.

Пройдет немного времени, и сотни страшных лучников Черной Земли засыплют их издалека тучей длинных стрел, тысячи хорошо обученных воинов зажмут в кольцо едва отведавшую свободы толпу.

Ахми, гневно сверкая глазами, кричал, что подошла уже середина ночи, и если они сейчас не уйдут, будет поздно.

Ливийцу, Кави и Пандиону пришлось потратить немало драгоценных минут, чтобы объяснить распаленным, жаждущим битвы людям бесполезность попытки противостоять войскам столицы. Вожаки настаивали на немедленном уходе в пустыню и в случае необходимости готовы были сделать это, бросив всех остальных, увлекшихся поисками оружия, мщения и грабежом. Часть несогласных рабов отделилась от колонны и направилась вниз, вдоль реки, к богатой усадьбе какого-то вельможи, откуда доносился шум и мелькали огни факелов. Остальные — их было немногим больше двухсот человек — подчинились.

Скоро темная, извивающаяся длинной змеей толпа втянулась в узкое ущелье между кручами еще раскаленных от дневного солнца скал и выбралась на плоский край долины. Бесконечная, усыпанная песком и щебнем равнина раскинулась перед беглецами. Пандион в последний раз оглянулся на слабо блестевшую внизу огромную реку. Сколько дней тоски, отчаяния, надежд и гнева провел он перед ее спокойно струившимся ликом. Радость, горячая благодарность к верным товарищам наполнили сердце молодого эллина. С торжеством он повернулся спиной к стране рабства и ускорил свои без того быстрые шаги.

Отряд мятежников отошел уж на двадцать тысяч локтей от края долины, когда ливиец остановил колонну. Позади, на востоке, небо начало светлеть.

В сером свинцовом полусвете едва обрисовались контуры округленных песчаных бугров, достигавших ста пятидесяти локтей высоты и смутно тянувшихся до хмурой полосы горизонта. В час рассвета пустыня молчала, воздух был неподвижен, шакалы и гиены утихли.

— Что хочешь ты, все время торопивший нас, чего ты медлишь? — спросили ливийца из задних рядов.

Ливиец объяснил, что начинается самая трудная часть пути: бесконечные гряды песчаных холмов. Дальше они становятся все выше, достигая трехсот локтей. Нужно построиться цепочкой, по два человека в ряд, и идти, не отставая, не обращая внимания на усталость. Кто отстанет, тот не дойдет. Ливиец будет идти впереди, выбирая путь между песчаными горами.

Выяснилось, что почти никто не успел напиться, и уже сейчас многие томились жаждой после горячки боя. Не все добыли плащи или куски материи, для того чтобы закрыть от солнца голову и плечи. Но делать уже было нечего.

Цепочкой в двести локтей длины люди двинулись дальше, молча глядя себе под ноги, вязнувшие в рыхлом песке. Передние ряды заворачивали то вправо, то влево, обходя сыпучие склоны, — путь шел крутыми извивами.

На востоке загорелась широкая пурпурная полоса.

Серповидные или остро зазубренные гребни песчаных холмов окрасились золотом. Освещенная пустыня показалась Пандиону морем застывших высоких волн с гладкими скатами, отливающими оранжево-желтым цветом. Дикое возбуждение после ночи восстания медленно отступало, в души рабов проникал необычный для них покой и мир. Молчание и простор пустыни в золотых далях утренней зари очищали ис-

томленных в плену людей от долголетней злобы и страха, тоски и отчаяния.

Ярче становился окружающий свет, бездонней лазурь неба. Солнце поднималось выше; лучи его, сначала ласково гревшие, теперь палили и жгли. Замедленное продвижение в лабиринте глубоких душных ущелий между огромными холмами песка становилось все тяжелее. Тени холмов сильно укоротились, по нагретому песку уже было больно ступать, но люди продолжали путь, не останавливаясь, не оглядываясь. Впереди бесконечно повторялись совершенно похожие друг на друга песчаные холмы, не давая возможности ничего видеть.

Время шло; воздух, солнечный свет и песок перестали существовать раздельно и слились в сплошное море пламени, слепящего, удушающего и обжигающего подобно расплавленному металлу.

Людям, происходившим из северных приморских стран, в том числе Пандиону и двум этрускам, было особенно трудно.

В голове молодого эллина, словно стиснутой обручем, бешено стучала кровь, отдаваясь невыносимой болью.

Ослепленные глаза почти перестали видеть — в них плавали, струились или быстро вращались пятна и полосы удивительно ярких цветов, сменявшихся в причудливых сочетаниях. Неистовая мощь солнца превратила песок в массу золотой пыли, пропитанной светом.

Пандион бредил наяву. В обезумевшем мозгу мелькали видения. В багровых вспышках огня двигались колоссальные статуи Айгюптоса, тонули в волнах фиолетового моря. Море, в свою очередь, расступалось, стада полузверей, полуптиц мчались куда-то, низвергаясь с отвесных обрывов удивительной высоты. И снова выстраивались в боевой порядок и шли на Пандиона гранитные фараоны Черной Земли.

Шатаясь, молодой эллин тер глаза, бил себя по щекам, стараясь видеть то, что было на самом деле, — пышущие жаром откосы песка, заходящие друг на друга в слепящем золотисто-сером свете. Но снова крутились цветистые огненные вихри, и тяжелый бред овладевал Пандионом. Только страстное желание быть свободным заставляло его передвигать ноги в такт с черными ногами Кидого, и тысячи песчаных бугров отходили назад, к Айгюптосу. Новые цепи высоких песчаных гор встали перед беглецами, разделенные огромными гладкими воронками, в глубине которых выступали угольно-черные участки почвы.

Молящие хриплые стоны все чаще пробегали по длинной цепочке рабов; здесь и там обессиленные люди падали на колени или прямо лицом в раскаленный песок, упрашивая товарищей прикончить их.

Угрюмо отворачиваясь, люди продолжали идти, и просьбы затихали позади, за мягкими по своим очертаниям горами песка. Песок, песок, раскаленный, чудовищный в своей массе, необозримый, тихий и зловещий, казалось, затопил всю Вселенную морем душного, сыпучего пламени.

Впереди, в золотистом огне солнца, мелькнул далекий серебристый проблеск. Ливиец издал слабый ободряющий крик. Все яснее вдали вырисовывались пятна, сверкавшие нестерпимо ярким голубым сиянием. Это были участки почвы, покрытые кристаллической солью.

Песчаные холмы мельчали, понижались и скоро превратились в небольшие кучи затвердевшего, слежавшегося песка, и ноги идущих стали двигаться легко, освобожденные от привязчивых объятий рыхлых песков. Желтая твердая глина, изборожденная темными трещинами, казалась гладкой плитой дворцовой аллеи.

Солнце еще на целую ладонь не дошло до полудня, а мятежные рабы уже достигли обрывистого невысокого уступа из коричневого слоистого камня и повернули под прямым углом налево, на юго-запад. В короткой расщелине, широким углом врезавшейся в уступ скалы и издали черневшей подобно отверстию пещеры, располагался древний колодец — родник с прохладной и чистой водой.

Предотвращая свалку обезумевших от жажды людей, Кави поставил самых сильных у входа в ущелье. Сначала напоили наиболее ослабевших.

Солнце уже давно перешло за полдень, а люди все пили и пили, отползая в тень обрыва со вздувшимися животами, и снова возвращались к воде. Постепенно беглецы оживали, послышалась быстрая речь выносливых негров, отрывистый смех, легкая перебранка... Но веселье не приходило к ободрившимся людям — много верных товарищей осталось умирать в лабиринте песчаных гор, товарищей, только что ступивших на дорогу свободы, мужественно боровшихся, презирая смерть, слив ших свои усилия в беззаветном порыве с усилиями тех, которые спаслись.

Пандион с удивлением смотрел, как преобразились рабы, с которыми он провел так много времени в шене. Исчезло тупое равнодушие к окружающему, лежавшее одинаковой печатью на усталых, изможденных лицах.

Глаза, прежде тусклые и безразличные, теперь внимательно и живо смотрели кругом, черты суровых лиц как бы выступали резче. Это были уже люди, а не рабы, и Пандион вспомнил, как прав был мудрый Кави, когда упрекнул его в презрении к своим товарищам. Жизненная неопытность Пандиона помешала ему понять людей. Молодой эллин принял тяжкую угнетенность от долгого плена за природные свойства пленников.

Люди скучились у склона ущелья в небольших пятнах спасительной тени. Скоро непробудный сон овладел всеми — погони можно было не опасаться в этот день: кто, кроме людей, решившихся на смерть ради свободы, сможет днем пройти через пылающий ад песчаного моря?

Беглецы отдыхали до заката, и усталые ноги опять стали легкими. Небольшое количество пищи, которое сумели пронести через пески самые сильные, было тщательно разделено между всеми.

Предстоял большой переход до следующего родника: ливиец говорил, что придется идти всю ночь, зато на рассвете, еще до наступления жары, они будут у воды. За этими колодцами снова лежит область песчаных холмов — последняя перед большим оазисом. К счастью, она не широка — не больше, чем пройденная, и если мятежники выступят к вечеру, когда солнце придет на юго-запад, то ночью войдут в большой оазис, где достанут пищу. Таким образом, без еды придется быть всего сутки.

Все это казалось нестрашным людям, испытавшим так много. Главное, окрыляющее и бодрящее, заключалось в том, что они, свободные, уходили все дальше и дальше от проклятой страны Кемт, все меньше становилось вероятности, что их настигнет погоня.

Закат потухал; на пламя горящих углей сыпался серый пепел. Последний раз вдоволь напившись, беглецы двинулись в путь.

Удручающая жара исчезла, развеянная черным крылом ночи. Темнота ласково и мягко обнимала сожженных пламенем пустыни людей.

Они пошли по низкому ровному плоскогорью, усыпанному массой остроугольного щебня, резавшего ноги неосторожных путников.

К середине ночи беглецы спустились в широкую долину, усеянную серыми каменными шарами. Странные камни от одного до трех локтей в поперечнике лежали повсюду, точно рассыпанные неведомыми богами мячи. Люди, шедшие уже

не цепочкой, а нестройной толпой, пересекали долину наискось, направляясь к подъему, видневшемуся далеко впереди.

После оглушающе тяжелого дня, когда с такой беспощадностью проявлялась слабость человека, тихий покой ночи был глубок и задумчив. Пандиону показалось, что бесконечная пустыня поднялась к небесному своду, звезды сделались совсем близкими в прозрачном воздухе, пронизанном каким-то темным сиянием. И пустыня стала частью неба, слилась с ним, поднимая человека над его страданиями, оставляя наедине с вечностью пространства. Взошла луна, и серебряный покров света лег на темную почву.

Отряд рабов достиг подъема. Пологий склон был выложен плитами крепкого известняка. Плиты, отполированные до блеска песчаными вихрями, зеркально отражали свет луны и казались голубой стеклянной лестницей, ведущей в небо.

Пандион ступил на их скользкую холодящую поверхность, и ему показалось, что он поднимается по сверкающим небесным ступеням. Еще немного — и он достигнет темно-синего свода неба, ступит на серебряную арку Млечного Пути и пойдет по звездному саду, далекий от всех тревог.

Но подъем окончился, лестница потухла, начался длинный спуск в расползавшуюся внизу чернеющей плоскостью равнину, засыпанную крупным песком. Она замыкалась цепью зубчатых утесов, торчавших наклонно из песка, как обрубки исполинских бревен. Отряд подошел к скалам уже на рассвете и долго двигался по лабиринту узких трещинообразных обрывов, пока проводник-ливиец не нашел источника. С утесов было видно полчище новых песчаных гор, враждебным кольцом обступивших скалы, в которых укрылись беглецы. Глубокие фиолетовые тени лежали между розовыми скатами песков. Пока, у воды, песчаное море не было страшно.

Кидого нашел защищенное от солнца место, где гигантский каменный куб высился над стенами песчаниковых слоев, обрезанных с севера глубокой промоиной. Между утесами было достаточно тени для всего отряда, и она должна была скрывать людей до захода солнца.

Усталые люди мгновенно заснули — теперь оставалось только ждать, пока неистовствующее в высоте солнце, спускаясь, не начнет смиряться. Небо, такое близкое ночью, вновь вознеслось в недостижимую даль и оттуда слепило и жгло людей, как будто в отместку за ночную передышку. Время шло; мирно спавших людей окружил знойный океан солнечного огня, уничтожающий все живое.

Чуткий Кави проснулся от слабых жалобных стонов. Этруск с недоумением поднял отяжелевшую голову и прислушался. Кругом изредка слышался сильный треск, сменявшийся протяжными, жалобными стонами, полными тоски. Звуки усилились; многие беглецы проснулись, в страхе оглядываясь кругом. Ни признака движения не было среди раскаленных скал, все товарищи были на прежних местах, продолжали спать или прислушивались. Кави разбудил безмятежно спавшего Ахми. Ливиец сел, широко зевнул и затем рассмеялся прямо в лицо удивленному и встревоженному этруску.

— Камни кричат от солнца, — пояснил ливиец, — это знак, что жара спадает.

От голоса камней в грозном молчании пустыни, полного какой-то безнадежности, беглецам стало не по себе. Ливиец влез на утес, посмотрел вокруг сквозь щель в сложенных ладонях и объявил, что скоро можно будет трогаться в последний переход до оазиса: нужно напиться в дорогу.

Хотя солнце уже сильно склонилось к западу, песчаные горы продолжали пылать. Казалось совершенно невозможным покинуть тень и выйти в это море огня и света. Но люди без единого протеста построились попарно и направились вслед за ливийцем — так силен был зов свободы.

Пандион шел теперь в третьем ряду от ливийца Ахми и по-прежнему рядом с Кидого.

Неистощимая выносливость и добродушная веселость негра ободряли молодого эллина, чувствовавшего себя неуверенно перед страшной мощью пустыни.

Враждебное палящее дыхание ее опять заставляло людей низко опускать головы. Они прошли уже не меньше пятнадцати тысяч локтей, когда Пандион заметил легкое беспокойство проводника-ливийца. Ахми два раза останавливал колонну, забирался, утопая по колени в песке, на верхушки песчаных холмов, осматривая горизонт. На вопросы ливиец не отвечал.

Высота холмов уменьшилась, и Пандион обрадованно спросил Ахми, не кончаются ли пески.

— Еще далеко, много песка! — хмуро отрезал проводник и повернул голову на северо-запад.

Посмотрев туда же, Пандион и Кидого увидели, что горящее небо там закрыто свинцовым туманом. Сумрачная пелена, поднимавшаяся ввысь, побеждала исполинскую мощь солнца и сияние неба.

Вдруг послышались звонкие и приятные звуки — высокие, певучие, чистого металлического тона, как будто

серебряные трубы начали за буграми песков странную мелодию.

Они повторялись, нарастая, все более громкие и частые, и сердца людей забились сильнее под влиянием бессознательного страха, который несли эти серебристые звучания, ни на что не похожие, далекие от всего живого.

Ливиец остановился и с жалобным криком упал на колени. Подняв руки к небу, он молился богам, просил защитить от ужасного бедствия. Испуганные беглецы тесно сбились вместе в узком пространстве между тремя песчаными холмами. Пандион вопросительно посмотрел на Кидого и изумился — черная кожа негра стала серой. Молодой эллин впервые видел своего друга испуганным и не знал, что так бледнеют чернокожие. Кави схватил за плечо проводника и, без усилия подняв его на ноги, злобно спросил, что случилось.

Ахми повернул к нему искаженное от страха лицо, покрывшееся крупными каплями пота.

— Песок пустыни поет, зовет ветер, а с ним прилетает и смерть, — хрипло проговорил ливиец. — Идет песчаная буря...

Гнетущее молчание повисло над отрядом, нарушаемое только звуками поющего песка.

Кави стоял в недоумении — он не знал, что делать, а те, кто знал, понимали силу грозящей опасности и тоже молчали.

Наконец Ахми опомнился:

— Вперед, скорее вперед! Я видел там скалистую площадку, свободную от песка: нужно успеть дойти до нее. Здесь смерть неизбежна — всех засыплет песком, а там... может быть, кто-нибудь спасется...

Испуганные люди устремились за бежавшим ливийцем.

Свинцовый туман превратился в багровую мглу, затянувшую все небо. Вершины песчаных холмов зловеще задымились, дыхание ветра коснулось воспаленных лиц роем мельчайших песчинок. Стало нечем дышать, воздух точно пропитался жгучим ядом. Но вот расступились песчаные бугры, и беглецы оказались на небольшом клочке каменистой почвы, почерневшей и сглаженной. Вокруг нарастал грохот и гул несущегося издалека ветра, багряное облако быстро потемнело снизу, будто черная завеса задернула небо. Она вверху осталась темно-красной, бледный диск солнца скрылся в страшной туче. Подражая более опытным, люди поспешно срывали с себя набедренные повязки, тряпки, прикрывающие головы и плечи, укутывали лица и падали ниц на неровную поверхность горячего камня, прижимаясь друг к другу.

Пандион немного замешкался. Последнее, что он увидел, наполнило его ужасом. Все вокруг пришло в движение. По черной почве покатились камни с кулак величиной, точно сухие листья, гонимые осенним ветром. Холмы выбросили по направлению к беглецам толстые извивающиеся щупальца, песок задвигался и быстро понесся, растекаясь кругом, точно вода, выброшенная бурей на отлогий берег. Клубящаяся масса налетела на Пандиона — юноша упал и больше ничего не видел. Сердце колотилось, и каждый его удар отдавался в голове. Участившееся дыхание с трудом прорывалось сквозь горло и рот, казалось, покрывшиеся твердой коркой.

Свист ветра звучал высокими нотами, заглушенный глухим шумом несущегося песка, пустыня грохотала и ревела вокруг. В голове Пандиона помутилось, он боролся с бесчувствием, куда погружала его душившая, иссушающая буря. Отчаянно кашляя, молодой эллин освобождал горло от песчаной пыли и вновь начинал учащенно дышать. Вспышки сопротивления Пандиона повторялись все реже. Наконец он потерял сознание.

А гром бури становился все увереннее и грознее, его раскаты перекатывались по пустыне, как гигантские медные колеса. Каменистая почва содрогалась ответным гулом, как металлический лист, а над ней неслись тучи песка. Песчинки, насыщенные электричеством, вспыхивали голубыми искорками, и вся масса движущегося песка катилась, полная синеватых сверканий. Казалось, с минуты на минуту польется дождь и свежая вода спасет иссушенных знойным воздухом, впавших в беспамятство людей. Но дождя не было, а буря продолжала грохотать. Темная груда человеческих тел покрывалась все более толстым слоем песка, скрывавшим слабые движения, заглушавшим редкие стоны...

Пандион открыл глаза и увидел на фоне звезд силуэт черной головы Кидого. Как потом узнал Пандион, негр долго хлопотал над безжизненными телами друзей — молодого эллина и этрусков.

В темноте возились люди, раскапывая занесенных песком товарищей, прислушиваясь к слабому трепету жизни в груди бесчувственных, отодвигая в сторону погибших.

Ливиец Ахми со своими привычными к пустыне соплеменниками и несколько негров ушли назад, к источнику в скалах. Кидого остался с Пандионом, не в силах покинуть едва дышавшего друга.

Наконец полуживые, почти не различавшие дороги пятьдесят пять человек пошли, держась друг за друга, с Кидого во

главе, по следам ушедших. Никто не думал о том, что им пришлось повернуть назад, может быть, навстречу возможной погоне — в мыслях каждого была только мечта о воде. Вода, оттеснившая волю к борьбе, погасившая все стремления, — вода была маяком в смутной горячке распаленного мозга.

Пандион потерял всякое представление о времени, забыл о том, что они отошли от источника не более чем на двадцать тысяч локтей, забыл обо всем, кроме того, что надо держаться за плечи впереди идущего и вяло ступать в такт товарищам. Примерно на середине пути они услышали впереди голоса, показавшиеся необыкновенно громкими: Ахми и двадцать семь человек, ушедших с ним, спешили навстречу, бережно неся пропитанные водой тряпки и две старые тыквенные бутылки, найденные у источника.

Люди нашли в себе силы отказаться от воды, предложив Ахми дойти до оставшихся на месте катастрофы.

Сверхчеловеческие усилия требовались для того, чтобы вернуться к колодцу, силы убывали с каждым десятком шагов, тем не менее люди молча пропустили группу водоносов и поплелись дальше.

Зыблющийся черный туман застилал взоры спотыкавшихся людей, некоторые падали, но подбодренные уговорами, поддерживаемые более выносливыми товарищами, продолжали путь. Пятьдесят пять человек не могли вспомнить последнего часа пути — люди шли почти бессознательно, ноги их продолжали свои неверные, замедленные движения. И все же путники дошли, вода вернула сознание, напитала их тела, позволила сгустившейся крови вновь размягчить высохшие мышцы.

И как только путники пришли в себя, они вспомнили о товарищеском долге. Едва оправившись, они пошли назад, по примеру первых, неся навстречу бредущим где-то в песках источник жизни — воду, капавшую с мокрых кусков ткани. И эта помощь была неоценимой, потому что пришла как раз вовремя. Солнце уже всходило. Последнюю группу оставшихся в живых поддержала принесенная ливийцами вода. Люди остановились посреди песков, будучи не в силах идти дальше, несмотря на уговоры, понукания и даже угрозы. Мокрые тряпки дали людям еще час отсрочки — время, оказавшееся достаточным для того, чтобы добраться до колодца.

Так вернулся к воде еще тридцать один человек; всего спаслось сто четырнадцать — меньше половины вошедших в пустыню два дня назад. Самые слабые погибли еще при пер-

вом переходе через пески, теперь страшная катастрофа погубила множество отличных, мощных бойцов. Будущее казалось уже гораздо менее определенным. Вынужденное бездействие угнетало, силы для продолжения намеченного пути еще не вернулись, оружие было брошено там, где застигла людей песчаная буря. Если бы у мятежников была пища, то они скорее восстановили бы силы, но остатки еды были разделены еще в начале прошлой ночи.

Солнце пламенело в чистом, ничем не затуманенном небе, и те из оставшихся на месте катастрофы, в которых еще теплилась жизнь, теперь наверняка погибли.

Спасшиеся укрывались в щели между скалами, где лежали сутки назад вместе с теми, которых уже не было. Как и вчера, люди ждали вечера, но уже не только убыли дневного жара, а наступления ночи, надеясь, что ее прохлада даст возможность ослабевшим продолжать борьбу с пустыней, стоявшей на пути к родине.

Этой последней надежде не суждено было осуществиться.

С наступлением вечера беглецы почувствовали, что могут потихоньку двигаться дальше, как вдруг услыхали вдали хриплый рев осла и лай собак. Несколько времени мятежники надеялись, что это торговый караван или отряд сборщика податей, но вскоре на сумеречной равнине показались всадники. Знакомые уже крики «Дату!» огласили пустыню. Бежать было некуда, сражаться нечем, прятаться бесполезно — злые остроухие собаки разыскали бы беглецов. Несколько мятежников опустилось на землю — последние силы оставили их, другие растерянно заметались среди камней. Некоторые в отчаянии рвали на себе волосы. Один из ливийцев, совсем молодой, жалобно застонал, и крупные слезы покатились из испуганных глаз. Аму и хериуша стояли, понурив головы и скрежеща зубами. Несколько человек бессознательно бросились бежать, но были сейчас же остановлены собаками.

Более выдержанные оставались на месте, словно оцепеневшие, напрягая ум в поисках спасения. Воинам Черной Земли, без сомнения, повезло: они настигли беглецов, когда они были совсем без сил. Если бы хоть половина былой энергии оставалась у мятежников, большинство их предпочло бы смерть в неравном бою вторичному плену. Но сейчас силы восставших были исчерпаны — беглецы не оказали сопротивления подъезжавшим с луками наготове воинам. Борьба за свободу окончилась — теперь в тысячу раз счастливее были те, которые спали вечным сном там, среди разбросанного оружия.

Измученные, потерявшие надежду рабы стали покорными и безучастными.

Вскоре все сто четырнадцать человек со связанными назад руками, скованные за шеи цепочками по десятку, побрели на восток под ударами бичей. Несколько воинов поехало на место катастрофы, чтобы удостовериться в гибели остальных.

Преследователи рассчитывали получить награду за каждого приведенного назад человека. Только это спасло беглецов от жестокой смерти. Ни один не погиб в этом ужасном обратном походе, когда они шли нагие и связанные, исхлестанные бичами, не получая пищи. Караван медленно двигался, обходя пески по дороге.

Пандион брел, не смея взглянуть на товарищей, не воспринимая внешних впечатлений. Даже удары бича не выводили молодого эллина из оцепенения. Единственным воспоминанием, сохранившимся у Пандиона от обратного пути в рабство, был момент, когда они достигли долины Нила, недалеко от города Абидоса. Начальник отряда задержал караван, высматривая пристань, где пойманных должна была ждать барка. Пленники сгрудились на краю спуска в долину, некоторые опустились на землю. Утренний ветер доносил запах свежей воды.

Пандион вдруг увидел на краю пустыни веселые нежно-голубые цветы. Качаясь на своих высоких стебельках, они распространяли тонкий аромат, и у Пандиона мелькнула мысль, что утраченная воля посылает ему свой последний дар.

Губы молодого эллина, растрескавшиеся и кровоточившие, зашевелились, неуверенные, слабые звуки вырвались из горла. Кидого, с тревогой присматривавшийся к другу на остановках — негр оказался в другой цепочке, — прислушался.

— Голубые... — донеслось до него последнее слово. Пандион погрузился в прежнее оцепенение.

Беглецов освободили от пут и загнали в барку, доставившую их к окрестностям столицы. Там их, как особо опасных и стойких мятежников, бросили в тюрьму, в которой они должны были ожидать неизбежной ссылки на золотые рудники.

Тюрьма представляла собой огромную яму, вырытую в сухой и плотной земле, облицованную кирпичом и перекрытую несколькими крутыми сводами. Вместо окон были пробиты вверху четыре узенькие щели, вместо двери — наклонный люк в потолке, через который спускали воду и бросали пищу.

Полумрак, всегда царивший в яме, оказался благодеянием для беглецов: у многих из них от страшного света пустыни

болели воспаленные глаза, и пленники, оставаясь на солнце, неминуемо бы ослепли.

Как мучительно было после нескольких дней свободы пребывание в темной, вонючей яме — об этом могли поведать лишь сами заключенные.

Но их наглухо отрезали от мира, до их чувств и переживаний никому не было дела.

И все же, несмотря на безвыходность положения, едва только люди оправились от последствий трудного похода, они снова начали на что-то надеяться.

Опять заговорил Кави, как всегда грубовато излагая понятные всем мысли. Опять раздался смех Кидого, зазвучали резкие выкрики ливийца Ахми. Пандион, тяжело переживавший крушение надежд, приходил в себя медленнее.

Не раз молодой эллин нащупывал в набедренной повязке камень — чудесный подарок Яхмоса, но ему казалось кощунством достать прекрасную вещь здесь, в мерзкой, темной яме. К тому же камень обманул его — он не оказался волшебным, не помог добиться свободы и достигнуть моря.

Все-таки Пандион однажды украдкой извлек зелено-синий кристалл и поднес его к бледному лучу, опускавшемуся из щели, но не достигавшему пола подземелья. При первом же взгляде, брошенном на радостную прозрачность камня, желание жить и бороться снова заговорило в Пандионе. Он лишился всего — он даже не смеет подумать о Тессе, не смеет вызвать образы родины. Все, что у него осталось, — это камень, как мечта о море, о когда-то бывшей, иной, настоящей жизни.

И Пандион стал часто любоваться камнем, находя в его прозрачной глубине ту крохотную долю отрады, без которой никому невозможно жить.

Не более десяти дней провел Пандион с товарищами в подземелье. Без допросов, без всякого суда участь беглых рабов была решена властвующими людьми там, наверху. Неожиданно открылся люк, в отверстие упала деревянная лестница. Рабов выводили наверх и, ослепленных дневным светом, связывали и сковывали цепочкой по шести. Затем мятежников повели к Нилу и немедленно погрузили на большую барку, вскоре отплывшую вверх по реке. Бунтовщиков отправляли на южную границу Черной Земли, к Вратам Юга[1], откуда им предстоял последний и безвозвратный путь в страшные золотые рудники страны Нуб.

[1] *Врата Юга* — города Неб и Севене (ныне Сиенна и Асуан) на островах Элефантина и Филэ.

* * *

Через две недели после того, как беглецы сменили подземную тюрьму на плавучую, в пятистах тысячах локтей вверх по реке, к югу от столицы Кемт, в роскошном дворце начальника Врат Юга на острове Неб происходило следующее.

Начальник Врат Юга, он же начальник провинции Неб, жестокий и властный Кабуефта, почитавший себя вторым человеком после фараона в Черной Земле, вызвал командующего своими войсками, начальника охот и главного караванвожатого Юга.

Кабуефта принял вызванных на балконе дворца за обильным угощением, в присутствии главного писца. Крупный и мускулистый, Кабуефта надменно возвышался над собеседниками, сидя, в подражание фараону, на высоком кресле из черного дерева и слоновых клыков.

Он несколько раз перехватывал вопросительные взгляды, которыми обменивались созванные им сановники, и усмехался про себя.

С балкона дворца, стоявшего на возвышенной части острова, открывался вид на широкие рукава реки, обтекавшие группу храмов из белого известняка и красного гранита. По берегам шла густая поросль высоких пальм, листва которых темной перистой полосой тянулась вдоль подошвы крутого скалистого берега. С юга подходила отвесная стена гранитного плоскогорья, в восточном конце которой располагался первый порог Нила. Там долина реки сразу сужалась, простор возделанной спокойной равнины обрывался у неизмеримого пустынного пространства страны золота Нуб. С уступов скал смотрели на дворец могилы знаменитых предков — владык Врат Юга, бесстрашных исследователей страны черных, начиная с самого великого Хирхуфа[1]. Рядом, на тщательно обтесанной скалистой стене, виднелась огромная надпись. С балкона строчки крупных иероглифов казались лишь правильными серыми линиями, но начальнику Юга не нужно было читать горделивую надпись своего предка Хему. Кабуефта знал наизусть каждое слово и каждое мог отнести к себе.

«В год восьмой... хранитель печати, заведующий всем, что есть и чего нет, заведующий храмами, закромами и белой палатой, хранитель Врат Юга...»[2]

---

[1] *Хирхуф* — начальник провинции Неб, путешественник в глубь Африки при VI династии (2625-2475 гг. до н.э.).

[2] Подлинная надпись в переводе Голенищева.

Даль тонула в сероватой дымке зноя, но на острове было прохладно — северный ветер боролся с наступающей с юга жарой, отгоняя ее назад, в пустынные, сожженные степи.

Начальник Юга долго смотрел вдаль на гробницы предков, потом жестом приказал присутствовавшему рабу налить по последнему бокалу вина. Угощение было окончено, гости поднялись и последовали за хозяином во внутренние покои дворца. Они очутились в квадратной, не очень высокой комнате, отделанной с изяществом и вкусом великих времен Менхеперры[1]. Гладкие белые стены были украшены у пола широким светло-синим бордюром со сложным прямолинейным орнаментом из белых линий, под потолком шла узкая полоса из цветов лотоса и символических фигур, изображенных синей, зеленой, черной и белой красками на фоне матового золота.

Потолок, очерченный узкой полоской черных и золотых клеток, пересекался четырьмя параллельными брусками из дерева глубокого вишневого цвета. В промежутках между брусками вся поверхность потолка была покрыта пестрым узором золотых спиралей и белых розеток на меняющихся в шахматном порядке красных и голубых квадратах.

Широкие косяки дверей из гладких полированных досок кедра окаймлялись узкими черными полосками, прерванными множеством двойных поперечных голубых черточек.

Ковер, несколько складных стульев из слоновой кости с верхом из леопардовой шкуры, два кресла черного дерева с золотой инкрустацией и несколько ящиков на ножках, служивших одновременно столиками, составляли все убранство просторной, наполненной чистым воздухом комнаты.

Кабуефта не спеша уселся в кресло, и его резкий профиль четко обрисовался на белоснежной стене. Сановники придвинули стулья поближе, главный писец стал у высокого столика черного дерева, инкрустированного золотом и слоновой костью.

На доске стола лежал свиток папируса с красно-белой печатью. По знаку начальника Юга писец развернул свиток и застыл в почтительном молчании.

Командующий войсками, тощий, с лысой головой, без парика, подмигнул маленькому плотному каравановожатому, давая понять, что сейчас начнется разговор, для которого они созваны.

---

[1] *Менхеперра* — тройное имя Тутмоса III, фараона-завоевателя, крупного государственного деятеля (1501-1447 гг. до н.э.).

Действительно, Кабуефта склонил голову и заговорил, обращаясь ко всем присутствующим:

— Их величество, владыка обеих стран Черной Земли, жизнь, здоровье, сила, прислал мне поспешное письмо. В нем повелел их величество совершить неслыханное — доставить в город живого носорогого зверя, какие обитают за страной Ват[1], отличающегося чудовищной силой и свирепостью. Много зверей из дальних стран Юга доставлялось живыми в Великий Дом в прошлые времена. Люди «Города» и люди Тамери-хеб видели больших обезьян, жирафов, зверей Сетха и земляных свиней[2], свирепые львы и леопарды толпой сопровождали великого Усермар-Сотепенру[3] и даже сражались с врагами Та-Кем[4], но никогда не было поймано ни одного из носорогов... С незапамятных времен владыки Юга доставляли Черной Земле все потребное из стран черных; казалось, для них не было невозможного. Я хочу продолжить этот славный обычай: Та-Кем должен увидеть живого носорога. Я призвал вас, чтобы посоветоваться, каким наиболее легким способом мы сможем доставить в Кемт хотя бы одного из этих страшных зверей... Что скажешь ты, Нэзи, видавший столько славных охот? — Он обратился к начальнику охот, хмурому тучному человеку, вьющиеся волосы, темная кожа и горбатый нос которого выдавали его происхождение от гиксосов.

— Неописуемо страшен зверь южных степей, кожа его непроницаема для копий, сила подобна силе слона, — заговорил Нэзи с важностью. — Нападает он первый, круша и давя все, что станет на его пути. В яму его не поймать: грузный зверь неминуемо покалечится. Но если сделать большую охоту и разыскать матку с детенышем, то можно, убив мать, захватить в плен детеныша и доставить его в Кемт...

---

[1] Страна Ват — часть современной Нубии, отрезок долины Нила между современными Асуаном и Хартумом.

[2] *Зверь Сетха* (окапи) — своеобразное жирафоподобное животное из древней, родоначальной для жирафов группы. Ныне уцелело только в дремучих лесах Конго; ранее водилось во всей Африке и было многочисленно в дельте Нила. Древние египтяне взяли с него образ своего грозного бога Сетха. Земляная свинья, по-египетски «та-рири» (трубкозуб) — своеобразное роющее африканское млекопитающее.

[3] *Усермар-Сотепенра* — тронное имя Рамзеса II (1229-1225 гг. до н.э.), великого завоевателя.

[4] Прирученные львы участвовали в сражениях Рамзеса II с хеттами.

Кабуефта сердито стукнул по подлокотнику кресла:

— Семь и семь раз к ногам Великого Дома, моего владыки, припадаю я! Тьфу на тебя, — палец владыки Юга ткнул в оторопевшего начальника охот, — который грешит против их величества! Мы должны доставить им не полуживого малыша, а зверя — нефер-неферу[1], во цвете сил, внушающего полную меру страха. И нельзя ждать, пока детеныш подрастет у нас в плену... Повеление надо выполнить с быстрой готовностью, тем более что зверь этот водится далеко от Врат Юга.

Караванновожатый Пехени посоветовал отправить сотни три наиболее отважных воинов без оружия, с веревками и сетями, которые смогут поймать чудовище.

Командующий войсками Сенофри недовольно поморщился; нахмурился и Кабуефта.

Тогда караванновожатый поспешил добавить, что можно и не отправлять воинов, а заставить нубийцев самих поймать зверя.

Кабуефта покачал головой, искривив рот презрительной усмешкой:

— Времена Менхеперры и Сотепенры давно миновали — презренные жители страны Нуб уже не согнуты в покорности. Сенофри знает, с какими усилиями и хитростями мы сдерживаем вожделения их голодных ртов... Нет, это не годится, нам придется самим выполнить повеление.

— Если вместо воинов пожертвовать рабами... — осторожно вставил Сенофри.

Задумавшийся Кабуефта оживился:

— Клянусь Маат[2], ты прав, мудрый начальник войска! Я возьму из тюрем мятежников и беглецов, этих наиболее смелых рабов. Они поймают чудовище.

Начальник охоты недоверчиво улыбнулся:

— Ты мудр, владыка Юга, но осмелюсь спросить: чем заставишь ты идти рабов на верную смерть от страшного чудовища? Угрозы не помогут — ты сможешь поставить против смерти только смерть. Какая им будет разница?

— Ты знаешь зверей лучше, чем людей, Нэзи, поэтому оставь мне людей. Я обещаю им свободу. Те, кто уже шел на смерть ради нее, пойдут еще раз. Вот почему я хочу взять мятежных рабов.

— И выполнишь обещание? — снова спросил Нэзи.

Кабуефта надменно выпятил нижнюю губу:

---

[1] *Нефер-неферу* — наилучший.

[2] *Маат* — видящая богиня Истины.

— Владыки Юга не унижаются до лжи перед рабами. Но назад они не вернутся... Оставим это... Лучше скажи мне, сколько людей понадобится для того, чтобы схватить зверя, и далек ли путь до мест, где он обитает.

— Нужно две сотни людей. Зверь растопчет половину, остальные задавят его кучей и свяжут. Через две луны начнется время наводнения, в стране Нуб пойдут дожди, травы степи оживут. Тогда звери пойдут на север за травой и их можно будет найти у самой реки, в области шестой ступени. Самое главное, чтобы поймать зверя недалеко от реки, иначе воины не доставят чудовище весом в семь быков живым. А по реке мы сплавим его в большой клетке до самого «Города»...

Начальник Юга соображал, что-то подсчитывая, губы его шевелились.

— Хет![1] — сказал он наконец. — Полтораста рабов достаточно, если люди будут хорошо биться. Сотню воинов, двадцать охотников и проводников. Ты примешь начальство над всеми, Нэзи! Приступай к делу безотлагательно. Сенофри отберет надежных воинов и мирных негров[2].

Начальник охоты поклонился.

Сановники покинули комнату, посмеиваясь над новым поручением Нэзи.

Кабуефта усадил писца и стал диктовать письмо начальнику тюрем обоих городов, расположенных у Врат, — Неб и Севене.

Глава пятая
ЗОЛОТАЯ СТЕПЬ

У подножия лестницы, спускавшейся с холма к южной оконечности острова Неб, стояла толпа рабов, прикованных к большим бронзовым кольцам столбов из красного гранита, возвышавшихся на нижней площадке. Здесь были все сто четырнадцать уцелевших беглецов и еще сорок негров и нубийцев со свирепыми лицами, с телами, испещренными рубцами заживших ран. Долго томились люди на палящем солнце, ожидая решения своей участи.

Наконец на верхней площадке лестницы показался высокий человек в белом одеянии, с золотом, сверкавшим на лбу,

[1] *Хет!* — Да будет!

[2] *Мирные негры* — так назывались в Египте негры, служившие в войсках и полиции.

на груди и на черном посохе. Он медленно шел под сенью двух опахал. Их несли нубийские воины. Несколько человек, судя по одеянию — знатные сановники, окружали властителя. Это был Кабуефта — начальник Врат Юга.

Воины поспешно выстроились вокруг рабов; сопровождавший пленников тюремный писец выступил вперед и согнулся до земли.

Кабуефта спокойно, не меняя выражения застывшего лица, сошел вниз, вплотную приблизился к рабам, обвел скользящим, презрительным взглядом всех присутствующих. Он небрежно сказал что-то, обратившись к чиновнику. В голосе его звучало одобрение. Начальник Врат Юга стукнул посохом — медный конец звякнул о каменную плиту.

— Смотрите все на меня и слушайте! Кто не понимает языка Кемт, тех пусть отведут налево — им объяснят потом.

Воины поспешно исполнили приказание, уведя в сторону пятнадцать чернокожих, не знавших языка.

Кабуефта громко и медленно заговорил на простонародном языке, подбирая выражения. Видно было, что властителю Юга приходилось часто встречаться с иноземцами.

Вельможа объяснил рабам предстоящее дело, не скрыв того, что многих ждет гибель, но всем спасшимся обещал свободу. Большинство мятежников изъявили свое согласие одобрительными восклицаниями, меньшая часть хранила упорное молчание. Никто не отказался.

— Хет! — продолжал Кабуефта, и снова взгляд его скользнул по худым и грязным телам. — Я прикажу сытно кормить вас и давать мыться. Путь через пять ступеней Хапи труден, быстрее идти на легких лодках. Я прикажу вас освободить, если вы поклянетесь не бежать... — Радостные вопли перебили его речь. Он выждал, пока они утихнут, и продолжал: — Но, кроме клятвы, вот мой приказ: за каждого сбежавшего десять его лучших товарищей будут брошены связанными, с содранной кожей, посыпанные солью, на пески берегов страны Нуб. Те, которые струсят при поимке зверя и убегут, будут преданы жесточайшим пыткам, ибо жители страны Нуб предупреждены мною и под угрозой кары должны выследить их и схватить.

Окончание речи начальника Юга рабы встретили мрачным молчанием. Кабуефта, не обратив на это внимания, вновь принялся разглядывать людей. Его опыт помог ему сделать безошибочный выбор.

— Выйди сюда ты! — Владыка указал на Кави. — Ты будешь начальником над ловцами, посредником между моими охотниками и своими товарищами.

Кави не спеша поклонился вельможе. На лице этруска промелькнула угрюмая усмешка.

— Ты продаешь нам свободу дорогой ценой, высокий человек, но мы ее покупаем, — сказал этруск и повернулся к товарищам: — Свирепый зверь не страшней золотых рудников, а надежды больше...

Кабуефта удалился. Пленники вновь были водворены в тюрьму. Начальник Юга сдержал свое обещание: мятежников стали сытно кормить, освободили от цепей и ошейников и два раза в день водили купаться к Нилу, в отгороженный от крокодилов залив. Через два дня сто пятьдесят четыре раба присоединились к отряду воинов и охотников, выступивших вверх по реке на тридцати легких лодках, связанных из стеблей тростника.

Путь был далек. Жители Черной Земли считали до шестой ступени Нила от Врат Юга четыре миллиона локтей. Река, протекавшая почти прямо через страны Ват и Иэртет, в расположившейся выше стране Куш [1] образовала две исполинские петли: одну — на запад, другую — на восток.

Начальник охоты очень спешил: путь должен был отнять два месяца, а через девять недель начиналась прибыль воды. Борьба с ускорившимся течением должна была замедлить продвижение. Сплавить через пороги большую и тяжелую лодку с пойманным чудовищем было возможно только в полую воду. Таким образом, в распоряжении начальника охоты оставалось мало времени на обратный путь.

Рабов всю долгую дорогу хорошо кормили, и они чувствовали себя здоровыми и крепкими, несмотря на тяжелую ежедневную работу. Они вели нагруженные лодки против течения, особенно быстрого на ступенях-порогах.

Предстоявшая охота пока не смущала их, в каждом жила уверенность, что именно он спасется и получит свободу. Контраст между дикими просторами неизвестной страны и ожиданием в яме-тюрьме жестокой кары был слишком велик. И люди работали изо всех сил, бодрые, окрепшие телом и духом. Довольный начальник охоты не скупился на пищу — ее доставляли все встречные поселения и города.

Сразу после отъезда из города Неб Пандион и его товарищи увидели первую ступень Нила. Быстрое течение сдав-

[1] *Страна Куш* — область долины Нила и Нубии, между вторым и пятым порогами, включавшая древние страны Иам и Карой. Страна Иэртет располагалась ниже по течению от второго порога, страна Ват — между Вратами Юга и страной Иэртет.

ленной скалами реки разбивалось на отдельные потоки бушующей побелевшей воды, с ревом катившиеся по уклону, между лабиринтами черных скалистых островков. Многие сотни лет назад десять тысяч рабов под наблюдением искусных инженеров Кемт проложили среди гранита каналы, и по ним даже большие военные суда легко проходили пороги. Для лодок охотничьей экспедиции первая ступень Нила, как и все последующие, не представляла серьезного препятствия. Рабы становились цепочкой по пояс в воде, подталкивая лодки от одного островка к другому. Иногда им приходилось переносить лодки на плечах по удобным береговым выступам, вырезанным половодьем. С каждым днем охотники продвигались все дальше на юг.

Они миновали пещерный храм[1] на левом берегу реки. Внимание Пандиона привлекли четыре гигантские фигуры, до тридцати локтей каждая, стоявшие в нише. Исполинские статуи фараона-завоевателя Сотепенры как бы охраняли вход в храм.

Экспедиция одолела вторую ступень Нила, протянувшуюся на день пути.

Выше находился остров Уронарту с перекатом Семне, на изрытых скалистых берегах которого находилась огромная крепость.

Крепость называлась «Отражение дикарей» и была сооружена еще девять веков назад, во времена фараона — покорителя страны Нуб[2].

Толстые стены в двадцать локтей высоты, сооруженные из сырцового кирпича, стояли в полной сохранности; каждые тридцать лет их приводили в порядок. На скалах виднелись древние каменные доски с надписями, запрещавшими неграм вход в страну Кемт.

Угрюмая серая крепость с квадратными башнями по углам и с несколькими обращенными к реке, с узкой лестницей, проложенной от реки через утесы, высилась как олицетворение надменного могущества страны Кемт. Но никто из рабов не подозревал, что времена великой силы Кемт миновали, что страну, построенную на труде бесчисленных угнетенных, потрясают до основания частые мятежи и что ей угрожает возросшая сила новых народов.

---

[1] Пещерный храм Рамзеса II в Ибсамбуле.

[2] *Сенусерт III*, легендарный *Сезострис* (1887-1849 гг. до н.э.) — фараон XII династии (2000-1788 гг. до н.э.), прославившийся огромными строительными работами.

На пути встретились еще четыре крепости, стоявшие на скалистых островах или береговых утесах. Лодки прошли крутую излучину, в центре которой располагался маленький город Гем-Атон. Его построил тот самый проклятый фараон, в развалинах столицы которого Пандион отыскал статую загадочной девушки. Здесь жили египтяне, в старые времена изгнанные или бежавшие из Черной Земли. В конце излучины река, ударяясь о крутые утесы темного песчаника, переламывалась под прямым углом. Здесь начиналась третья, длинная стремнина, почти в сто тысяч локтей длины, на прохождение которой охотники потратили четыре дня.

Четвертая ступень, выше большого города Напата — столицы царей страны Нуб — была еще длиннее и задержала путников на пять дней. Вдобавок два дня лодки простояли, пока начальник охоты вел переговоры с властителями Куша. На четвертом пороге экспедицию обогнали три лодки с нубийцами, посланными вперед для поисков зверя.

Селения по долине реки встречались гораздо реже, чем в Та-Кем. Сама долина сделалась значительно уже, и скалы пустынных плоскогорий, прорезанных рекой, стали отчетливо видны сквозь легкую дымку зноя. Сотни крокодилов, достигавших подчас исполинских размеров, прятались в тростниковых зарослях или неподвижно лежали на песчаных отмелях, подставляя гребнистые черно-зеленые спины знойному солнцу. Несколько неосторожных рабов и воинов сделались жертвой вкрадчивого нападения безмолвных пресмыкающихся прямо на глазах у товарищей.

Здесь было много бегемотов. Пандион, этруски и другие рабы из северных стран еще раньше познакомились с безобразным обитателем реки, носившим у египтян имя «хте». Бегемоты не выказывали страха перед людьми, но и не нападали на них без причины, поэтому рабы близко подплывали к ним. Множество больших голубых пятен виднелось вдали перед зеленой стеной тростников, показывая место отдыха бегемотов в широких участках долины, где река разливалась гладким сверкающим озером. Мокрая кожа животных была голубого цвета. Грузные жирные звери наблюдали за лодками, выставив над водой громадные, словно обрубленные, головы. Нередко животные погружали в воду и квадратные морды — тогда на блестевшей и струившейся желтой мути чернели только лбы, увенчанные маленькими круглыми, торчавшими вперед ушами. Глаза бегемотов, сидевшие в возвышениях черепа — это придавало им особенно свирепое выражение, — упорно и тупо смотрели на людей.

В тех местах, где гранитные скалы поднимались со дна реки, образуя пороги и перекаты, встречались глубокие ямы между утесами, с прозрачной и спокойной водой. Однажды, волоча лодку по краю гранитной глыбы, рабы увидели на дне такой ямы громадного бегемота, неторопливо двигавшегося по дну на своих коротких ногах. Под водой животное приняло совсем темно-синий цвет. Бывалые негры объяснили товарищам, что хте часто ходит по дну реки, разыскивая корни водяных растений.

Долина резко переломилась в последний раз. От большого острова, плодородного и густо заселенного, она вела почти прямо на юг — до цели осталась небольшая часть пути.

Скалистые края долины понизились, их прорезали многочисленные и широкие сухие овраги, в которых встречались густые рощицы колючих деревьев. При прохождении пятой ступени две лодки перевернулись; утонули одиннадцать человек, малоискусных в плавании.

Выше пятой ступени люди наконец увидели первый приток Великой Реки. Широкое устье притока, называвшегося рекой Ароматов[1] и впадавшего в Нил с правой стороны по течению, сливалось с основным руслом в обширной заросли тростников и папирусов. Непроницаемая зеленая стена до двенадцати локтей в высоту, изрезанная зигзагами заливов и протоками, заграждала вход в устье реки. А по берегам, разбившимся на отдельные гряды холмов, все чаще встречались рощи деревьев; их колючие стволы становились все выше, заросли кустов длинными темными лентами отходили от реки в глубь неведомой и безлюдной страны. На склонах щетинились пучки жестких трав, тихо шелестевших под ветром. Приближался момент расплаты за свободное путешествие, без цепей и тюрьмы, и в сердцах рабов росла глухая тревога.

«Скоро начнется страшное испытание: одни спасутся ценой крови и мук товарищей, другие останутся навсегда в неведомой стране, пав искупительной жертвой. Темна судьба людей — только смерть в последнюю минуту откроет каждому тайну, в которой уже не будет нужды», — так размышлял Кави, невольно оглядывая товарищей, пытаясь представить себе их будущее.

Страна выше по реке принимала все более равнинный вид. Болотистые берега окаймляли сверкающую гладь реки резкой темной линией высоких трав, простиравшихся насколько хватал глаз. Звездчатые метелки папируса нависали

[1] *Река Ароматов* — Атбара, правый приток Нила.

над рекой, нарушая однообразие ровных берегов. Травянистые острова дробили течение на лабиринты узких проходов — глубокая вода была таинственна и темна между высокими стенами зелени. На местах, где берег был более тверд, путешественники видели большие пространства засохшей и растрескавшейся глины, истоптанные бесчисленными следами животных. Птицы, похожие на аистов, но почти достигавшие человеческого роста, удивляли мятежников своими чудовищными клювами. Казалось, что голова птицы оканчивается тяжелым костяным сундуком с хищно загнутым краем верхней крышки. Из-под нависших глазниц чудовищ смотрели желтые злые глаза.

После впадения в Нил реки Ароматов, в конце второго дня пути, прямая, как копье, долина изогнулась к востоку, и люди увидели на выступе берега редкие дымки двух костров. Это был сигнал. Здесь ожидали посланные вперед охотники и нубийские проводники с известием, что зверь найден. Ночью сто сорок рабов под охраной девяноста воинов направились пешком на запад от реки. Теплый и обильный дождь пролился на разогретую землю. Влажные испарения одуряли людей, давно забывших о дождях под вечно ясным небом Та-Кем.

Охотники шли по жесткой траве, выше пояса, и перед ними иногда вставали черные силуэты одиночных деревьев. Гиены и шакалы выли и вопили вокруг, пронзительно мяукали дикие кошки, зловещими металлическими голосами перекликались какие-то ночные птицы. Новая страна неопределенно и таинственно расплывалась в темноте, открывалась перед людьми Азии и северных берегов, страна, изобилующая жизнью, независимой от человека, и не покоренная им.

Впереди появилось исполинское дерево, заслонившее половину неба. Вокруг его ствола, более толстого, чем самые большие обелиски Черной Земли, люди расположились на ночлег, который для многих людей должен был оказаться последним. Пандион долго не мог заснуть. Взволнованный будущим боем, он прислушивался к голосам африканской степи.

Кави толковал у костра с охотниками, выясняя план завтрашних действий, потом улегся, с тяжелым вздохом посмотрев на беспокойно дремавших или лежавших без сна товарищей. Этруск удивился беспечности Кидого, мирно спавшего между Пандионом и Ремдом, — в пути четыре друга не разъединялись. Беспечность негра казалась этруску высшей мерой храбрости, недоступной даже ему, опытному воину, не раз видевшему смерть.

Наступило утро. Рабы были разделены на три группы, возглавляемые пятью охотниками и двумя местными проводниками. Каждому рабу вручили длинную веревку или ремень с затяжными петлями на концах. Четыре человека от каждой группы несли большую сетку из особенно прочных веревок с ячеями в локоть ширины. Чудовище надо было опутать веревками, замотать сетями и, свалив с ног, связать.

В полной тишине люди шли по степи, каждая группа на некотором расстоянии от другой. Воины рассыпались цепью и, не доверяя рабам, следовали позади со стрелами, вложенными в луки. Перед Пандионом и его товарищами раскинулась степь, поросшая травой в половину роста человека. На ее ровной поверхности были разбросаны деревья с зонтиковидными кронами[1]. Серые стволы почти у самого корня разделялись на толстые ветви, расходившиеся воронкой кверху, так что самое дерево напоминало опрокинутый конус, над которым словно парила в воздухе прозрачная неяркая зелень.

Деревья перемежались с темными пятнами высоких мелколистых кустарников, то протягивавшихся цепью по слабо заметному углублению русла временного потока, то видневшихся вдалеке в виде неровных темных куч. Изредка попадались деревья с невысоким стволом чудовищной толщины, разветвлявшиеся на множество огромных искривленных и узловатых сучьев, покрытых недавно распустившимися маленькими листьями и пучками белых цветов[2]. Массивные деревья выделялись в степи огромной шапкой низкой кроны, отбрасывавшей темные полосы удлиненных теней. Их волокнистая кора с металлическим отблеском походила на свинцовую, ветви казались выкованными из красной меди, а цветы распространяли вокруг тонкий аромат, похожий на запах миндаля.

Солнце золотило едва колыхавшуюся жесткую траву, а над ней как будто парили ажурными зелеными облачками вершины деревьев.

Ряд тонких черных копий возник из травы — несколько ориксов[3] показали свои длинные рога и скрылись за цепью кустарников. Трава была еще редкой; между ее отдельными пучками виднелась голая, растрескавшаяся земля — период

[1] Зонтичные акации, а также зонтичные формы мимоз.

[2] *Баобаб* — специфическое дерево африканских саванн.

[3] *Орикс*, или *сернобык* — крупная антилопа, приручавшаяся в Древнем Египте.

дождей начался недавно. Налево оказалась рощица деревьев, похожих на пальмы своей перистой листвой, но стволы их раздваивались вверху, напоминая два растопыренных пальца, которые выше еще несколько раз разветвлялись.

Здесь накануне охотники высмотрели носорогов, и сейчас, сделав знак рабам оставаться на месте, они осторожно подкрались к опушке и заглянули в темную после ярко освещенной степи рощу. Зверей там не оказалось, и охотники повели рабов к сухому ложу потока, заросшему густым кустарником. Там находился источник, превращенный носорогами в яму с грязью, в которой они валялись в жаркие часы дня. Охотники вышли на открытое место, окаймленное с востока тремя одинокими зонтичными акациями. До сухого русла оставалось еще около двух тысяч локтей, как вдруг шедший впереди нубиец застыл на месте и раскинул руки в стороны, давая сигнал остановки. В тишине отчетливо стало слышно слабое жужжание насекомых. Кидого тронул Пандиона за плечо — негр указывал в сторону от пути. Молодой эллин увидел около низких колючих деревьев что-то похожее на две сглаженные глыбы камня. Это и были страшные звери южных степей. Животные вначале не заметили людей и продолжали спокойно лежать спинами к охотникам. Оба носорога не показались Пандиону огромными, один был заметно меньше второго. Никто из рабов не подозревал, что охотники, желая заслужить хорошую награду, отыскали очень крупного самца, из породы светлых носорогов[1], которые отличались от черных южных сородичей большими размерами, большой высотой плеч, широкой квадратной мордой, серой кожей. Второй, меньший носорог была самка. Охотники решили изменить план нападения, чтобы вмешательство самки не погубило дела.

Начальник охоты и начальник воинов быстро забрались на дерево, шепча проклятия длинным колючкам, рассеянным по стволу. Воины спрятались за кустами. Рабы соединились все вместе и, построившись в несколько рядов, вместе с охотниками с оглушительными криками ринулись по открытой поляне, размахивая веревками и подбадривая себя боевыми воплями. С поразительной быстротой оба зверя вскочили на ноги. Колоссальный самец на минуту остановился, уставившись на подбегавших людей, а самка, более испуганная, бросилась в сторону. Именно на это и рассчитывали охотники —

[1] Белый носорог был распространен в древние времена значительно больше на севере Судана.

они быстро метнулись направо, чтобы отвлечь и отрезать самку от самца.

Начальник охоты с дерева увидел необъятное туловище застывшего неподвижно носорога, черные изгибы его устремленных вперед ушей, раздвинутых широким промежутком темени, похожего на толстый валик. За ушами виднелся высокий бугор массивной холки, а впереди поблескивал острый конец рога. Маленькие глазки, как показалось египтянину, смотрели вниз с тупым и даже каким-то обиженным выражением.

Через минуту носорог повернулся, и египтянин увидел его длинную, нелепо прогнутую посередине голову, крутую дугу холки, гребень проступающих на крупе костей, ноги, подобные стволам дерева, маленький, воинственно поднятый кверху хвост.

Громадный рог, не меньше трех локтей длины, сидел на носу, блестящий, очень толстый у корня, резко заостряющийся кверху. Позади него виднелся другой, более короткий и острый, с широким круглым основанием.

Сердца подбегавших людей отчаянно заколотились — зверь вблизи оказался страшным чудовищем. Восемь локтей длины было в его исполинском теле, крутая холка возвышалась на четыре локтя над землей. Носорог засопел так громко, что его отчетливо услышали все до единого человека, и стремительно кинулся на людей. С проворством, непостижимым для такого громадного и массивного зверя, носорог мгновенно оказался в середине толпы. Никто не успел даже поднять веревки. Пандион очутился в стороне от налетавшего, как буря, чудовища. Молодой эллин успел заметить только широко раздутые ноздри животного, окруженные кольцеобразными складками кожи, разорванное правое ухо и кожу на боку, покрытую бугорками, точно наростами лишайников. Дальше все спуталось в голове Пандиона. Пронзительный вопль разнесся по степи, нелепо искривленная человеческая фигура на мгновение взвилась в воздух. Носорог проложил широкую дорогу в толпе рабов, промчался дальше в степь, оставляя за собой несколько распростертых тел, повернулся и снова бросился на несчастных. На этот раз стремительно двигавшуюся массу облепили со всех сторон человеческие тела. Но чудовище состояло из сплошных мышц и толстых костей, одетых твердой, как панцирь, шкурой. Люди разлетелись в разные стороны, и опять носорог принялся топтать, давить и протыкать рогом поверженных рабов. Пандион, бросившийся вперед вместе с другими, был остановлен тупым страшным ударом и, оглу-

шенный, оказался на четвереньках. Протяжные стоны и громкие крики неслись по поляне, в воздухе заклубилась пыль. Начальник охоты, неистово кричавший с дерева, подбадривая рабов, теперь замолк и растерянно смотрел на битву. Еще ни одна веревка не захватила гиганта, а не менее тридцати человек было ранено или убито. Воины, побледневшие и дрожащие, укрывались за деревьями, моля богов Та-Кем о спасении. В третий раз повернулось чудовище, и, хотя люди невольно расступились перед его стремительным телом, носорог успел пронзить рогом младшего из этрусков — Ремда. Животное с резким фырканьем неистово металось среди людей, топча их и бодая. Из ноздрей зверя летела пена, маленькие глазки горели злобой.

Кави с яростным воплем бросился на чудовище, но его веревка скользнула по рогу; сам этруск отлетел в сторону, обливаясь кровью, — вся кожа с плеча и груди оказалась содранной жесткой шкурой носорога.

Кави с трудом поднялся, рыдая от бессильной ярости. Подавленные силой носорога, люди пятились от чудовища, наименее стойкие прятались за спины товарищей.

Казалось, еще немного — и все в страхе разбегутся куда попало, простясь с мыслью о свободе.

Опять носорог бросился на людей, снова послышались вопли. Кидого выступил вперед. Ноздри негра раздувались, в нем загорелся тот боевой огонь, который рождается при смертельной опасности, когда человек забывает обо всем, кроме необходимости сражаться, сражаться во имя жизни. Отскочив от страшного рога, грозившего неминуемой гибелью, Кидого метнулся вслед за проскочившим мимо чудовищем и, не помня себя, вцепился ему в хвост. Пандион, очнувшийся от потрясения, поднял с земли валявшуюся сеть. В этот момент он почувствовал, что должен быть впереди товарищей, которые телами заслонили его, оглушенного. Смутное воспоминание мелькнуло в голове эллина — поляна на Крите, опасная игра с быком. Носорог был мало похож на быка, но Пандион решил использовать критский прием. Перебросив через плечо свернутую сеть, Пандион бросился к носорогу. Зверь в это время остановился, брыкнув задними ногами, поднял тучу пыли и далеко отбросил Кидого. Поняв план Пандиона, два ливийца сбоку отвлекли внимание зверя, а молодой эллин прыжком настиг чудовище и прижался к его боку. Носорог молниеносно повернулся — кожа Пандиона разодралась о твердую шкуру. Пандион почувствовал страшную боль, но, забыв обо всем, вцепился в ухо чудовища. Как некогда девушка на Крите,

Пандион перебросил тело через туловище зверя и очутился на его широкой спине. Носорог заметался. Пандион цеплялся изо всех сил. «Только бы удержаться, удержаться», — вертелось в мозгу молодого эллина.

И Пандион удержался ровно столько мгновений, чтобы успеть набросить край сети на морду чудовища. Рога прошли между петлями, буйная радость обожгла Пандиона, но в это же мгновение он перестал видеть окружающее и потерял сознание. Что-то хрустнуло, страшная тяжесть навалилась на него, в глазах разлился мрак.

Увлеченный боем, Пандион не видел, что Кидого, рыча, как лев, опять вцепился в хвост носорога, что десять ливийцев и шесть аму ухватились за сеть, облепившую голову зверя. Стараясь стряхнуть людей, носорог повалился на бок. Он сломал руку и ключицу тяжело ударившемуся о землю молодому эллину. Падение чудовища было немедленно использовано людьми. Рабы с криками навалились на носорога, вторая сеть опутала голову, две петли охватили заднюю ногу, одна — переднюю. Фырканье носорога перешло в утробный рев, зверь перекатился на левый бок, потом на спину, своей тяжестью ломая кости людям. Сила чудовища казалась безграничной. Шесть раз зверь вскакивал, путаясь в веревках, и опять опрокидывался на спину, уничтожив более пятидесяти человек.

Но веревки и ремни все гуще опутывали его ноги, люди стягивали крепкие петли. Три сети обхватили носорога сверху и снизу. Скоро кучка окровавленных людей в поту и грязи лежала на чудовище, придавливая к земле бешено брыкавшегося носорога. Шкура чудовища, залитая человеческой кровью, стала скользкой, скрюченные пальцы скользили по ней, но веревки стягивались все крепче. Даже те, на которых рухнула в последний раз тяжелая туша зверя, в предсмертных усилиях цепко держались за петли.

Охотники приблизились к поверженному носорогу, неся новые связки ремней, скрутили наперекрест все четыре столбообразные ноги, а голову за рог припутали к передним ногам.

Страшная битва была кончена.

Обезумевшие люди медленно приходили в себя, мускулы израненных тел дрожали, словно в лихорадке, и в невидящих глазах плавали черные пятна.

Наконец биение отчаянно колотившихся сердец замедлилось, там и сям послышались вздохи облегчения — люди начали понимать, что смерть миновала их. Встал, шатаясь, покрытый кровавой грязью Кави; подошел, весь дрожа, но

уже улыбаясь, Кидого. Улыбка негра сразу слетела с посеревшего лица, когда он не увидел среди живых своего друга Пандиона.

Уцелело семьдесят три человека, остальные были убиты или получили смертельные увечья. Этруск и Кидого отыскали Пандиона среди мертвых тел в истоптанной траве и отнесли его в тень. Кави исследовал молодого эллина и не нашел на нем смертельных повреждений. Ремд был мертв, погиб и пылкий вожак аму, а храбрый ливиец Ахми тяжко стонал, умирая с раздавленной грудью.

Пока рабы считали свои потери и перетаскивали умиравших в тень деревьев, воины принесли от реки громадную платформу из дерева — дно от приготовленной для носорога клетки, — взвалили на нее связанное чудовище и поволокли на катках к реке.

Кави подошел к начальнику охоты.

— Прикажи им, — этруск показал на воинов, — помочь нам отнести раненых.

— Что ты хочешь с ними делать? — спросил начальник, с невольным уважением оглядывая мощного этруска, измазанного в крови и пыли, лицо которого было полно суровой печали.

— Мы повезем их вниз: может быть, некоторые доживут до Та-Кем и его искусных врачей... — хмуро ответил Кави.

— Кто сказал тебе, что вы вернетесь в Та-Кем? — перебил начальник.

Этруск вздрогнул и отступил на шаг.

— Как, разве слова владыки Юга были ложью? Разве мы не свободны?! — закричал Кави.

— Нет, великий не солгал тебе, презренному, — вы свободны! — И с этими словами начальник охоты протянул этруску маленький свиток папируса. — Вот его указ.

Кави бережно взял драгоценный листок, превращавший рабов в свободных людей.

— Если так, то почему... — заговорил он.

— Замолчи, — надменно перебил начальник, — и слушай. Вы свободны здесь, — начальник охоты налег на последнее слово, — и можете идти куда хотите: туда или туда, — рука начальника указала на запад, на юг и на восток, — но не в Та-Кем и не в подвластную ему страну Нуб. Если ослушаетесь — опять станете рабами. Я полагаю, — жестко закончил он, — что, подумав на свободе, вы все вернетесь к ногам нашего господина исполнять начертанное вам судьбой служение избранному народу Черной Земли.

Кави сделал два шага вперед, глаза его загорелись. Он протянул руку к одному из воинов, растерянно взглянувшему на начальника охоты, и смелым движением вырвал у него из-за пояса короткий меч. Этруск поднял блестевшее оружие лезвием кверху, поцеловал его и быстро заговорил на своем не понятном никому языке:

— Клянусь верховным богом молнии, богом смерти, чье имя я ношу, что наперекор злодействам проклятого народа я вернусь живым на родину! Клянусь, что с этого часа я не успокоюсь, пока с сильным отрядом не приду на берега Кемт и не воздам сполна за все это!

Кави обвел рукой поляну с разбросанными на ней телами и с силой швырнул меч себе под ноги. Оружие глубоко воткнулось в землю. Этруск резко повернулся и пошел к товарищам, но вдруг возвратился.

— Я больше ни о чем не прошу тебя, — сказал он начальнику охоты, удалявшемуся с последней группой воинов, — только прикажи оставить нам несколько копий, ножей и луков. Мы должны охранять своих раненых от ночных хищников.

Начальник охоты молча кивнул головой и скрылся за кустами, по широкому следу примятой травы, проложенному увезенной к реке платформой с носорогом.

Кави передал товарищам весь разговор. Крики гнева, сдержанные проклятия и бессильные угрозы смешались с тихими, жалобными стонами умирающих.

— О том, что делать, подумаем после! — крикнул Кави. — Сейчас нужно решить, как поступить с ранеными. До реки далеко, мы устали и не донесем товарищей. Отдохнем немного, и пусть пятьдесят человек пойдут к реке, а двадцать останутся на страже — кругом много хищных зверей.

Кави указал на мелькавшие поодаль в траве покатые пятнистые спины гиен, привлеченных запахом пролитой крови. Огромные птицы с голыми шеями кружили над поляной, спускались и снова взлетали.

Пылала накаленная солнцем сухая земля, едва заметно дрожала сетка солнечных пятен под деревьями, грустно звучали в знойной тишине крики дикого голубя. У людей прошел азарт боя, заболели полученные ушибы, горела и саднила содранная кожа.

Смерть Ремда повергла Кави в уныние — юноша был единственной нитью, связывавшей этруска с далекой родиной. Теперь эта тонкая нить оборвалась.

Кидого, забыв о своих ранах, сидел над Пандионом. Молодой эллин, видимо, получил еще какое-то внутреннее по-

вреждение и не приходил в сознание. Сквозь запекшиеся губы чуть слышным, свистящим звуком прорывалось дыхание. Негр несколько раз посматривал на молча лежавших в тени товарищей и наконец вскочил, призывая идти к реке за водой для раненых.

С невольными стонами люди начали подниматься. Сразу подступила нестерпимая жажда, жаля и разъедая горло. Если так захотели пить уцелевшие, то что же терпели раненые, немые от потери сил! А до реки напрямик было не меньше двух часов быстрой ходьбы.

Неожиданно за кустами послышались голоса — отряд воинов, численностью до полусотни, нагруженный сосудами с водой и пищей, показался на поляне. В составе отряда не было египтян — пришли только нубийцы и негры под предводительством двух проводников.

Подошедшие воины сразу умолкли, едва только увидели место побоища. Они направились к дереву, под которым стоял Кави, и, не проронив ни слова, составили к его ногам глиняные и деревянные сосуды, положили с десяток копий, шесть луков с колчанами, полными стрел, четыре тяжелых ножа и четыре маленьких щита из бегемотовой шкуры, усаженных медными бляшками. Люди с жадностью бросились к кувшинам. Кидого схватил нож и, злобно вращая глазами, заявил, что убьет первого, кто возьмет воду. Воду из двух сосудов поспешно стали вливать в пересохшие рты раненых, потом напились остальные. Воины ушли, так и не сказав ничего.

Среди рабов нашлось двое умевших лечить раны; они принялись вместе с Кави перевязывать товарищей. Сломанные кости Пандиона были заключены в лубки из твердой коры, замотаны полосками ткани из его же набедренной повязки. При этом Кидого увидел сверкающий голубовато-зеленый камень, который был крепко завязан в материю. Негр бережно спрятал его, считая волшебным амулетом товарища.

Лубки пришлось наложить еще двум раненым: одному ливийцу с переломом руки и сухому, мускулистому негру, беспомощно лежавшему с переломанной ниже колена ногой. Состояние остальных было, по-видимому, безнадежно — страшный рог чудовища проник глубоко, повредив внутренности. Некоторые были размозжены тяжестью громадного тела носорога и его колоннообразных ног.

Не успел Кави оказать помощь всем раненым товарищам, как среди желтой травы показался темный силуэт спешившего к месту сражения человека. Это был один из мест-

ных жителей; он приводил воинов с водой и теперь снова возвращался.

Задыхаясь от быстрой ходьбы, нубиец подошел к Кави и протянул ему обе руки ладонями вверх. Этруск понял этот жест дружбы и ответил тем же. Тогда проводник присел на корточки в тени дерева, опираясь на свое длинное копье, и быстро заговорил, показывая в сторону реки и на юг. Произошла заминка: нубиец знал не больше десяти слов на языке Та-Кем, а Кави вовсе не понимал нубийца, однако в числе рабов нашлись переводчики.

Оказалось, что проводник отстал от отряда воинов и спешно вернулся, чтобы помочь рабам найти дорогу. Нубиец уверял, что освобожденных рабов прогнали из области, подвластной Та-Кем, а поэтому возвращаться к реке для них опасно — они могут опять очутиться в рабстве. Проводник посоветовал Кави идти на запад, где скоро им попадется огромная сухая долина. По ней нужно направиться на юг: там, в четырех днях пути, они встретят мирных кочевников-скотоводов.

— Ты отдашь им вот это, — нубиец извлек из перекинутого через плечо куска ткани какой-то знак, составленный из переплетенных особым образом и изломанных красных веточек, — тогда они примут вас хорошо и дадут ослов для перевозки раненых. Еще дальше на юг будут владения богатого и мирного народа, который ненавидит Кемт. Там раненые смогут вылечиться. Чем дальше к югу, тем больше будет воды, тем чаще будут литься дожди. В сухом русле, по которому пройдет путь вначале, вы всегда найдете воду, если выкопаете яму в два локтя глубины...

Нубиец встал, торопясь уйти, и Кави хотел поблагодарить его, как вдруг к проводнику подскочил один из рабов-азиатов с длинной, всклокоченной и грязной бородой, с шапкой лохматых волос на голове.

— Почему ты советуешь идти на запад и на юг? Наш дом там! — Азиат указал на восток, в сторону реки.

Нубиец пристально посмотрел на говорившего и медленно ответил, разделяя слова:

— Если ты переберешься через реку, на востоке будет каменистая, безводная пустыня. Если ты перейдешь ее и перевалишь через высокие горы, придешь к берегу моря, где владычествует Та-Кем. Если ты сумеешь переплыть море, там, говорят, пустыни еще страшнее. А в горах и по реке Ароматов живут племена, поставляющие в Та-Кем рабов в обмен на оружие. Думай сам!

— А на север нет пути? — вкрадчиво спросил один из ливийцев.

— На севере в двух днях пути отсюда тянется необъятная пустыня: сначала сухие камни и глина, затем пески. Зачем же ты пойдешь туда? Может быть, там есть какие-нибудь дороги и источники, но я их не знаю. Говорю про путь самый легкий и тот, который знаю хорошо... — И, жестом показав, что разговор окончен, проводник вышел из-под дерева.

Кави последовал за ним, обнял за плечи и принялся благодарить, мешая египетские и этрусские слова, потом подозвал переводчика.

— Мне нечего дать тебе, у меня самого нет ничего, кроме... — этруск дотронулся до измазанной набедренной повязки, — но в сердце я сохраню тебя.

— Я помогаю вам не для платы, а повинуясь сердцу, — ответил, улыбнувшись, нубиец. — Кто из нас, изведавших гнет Черной Земли, откажется помочь вам, храбрецам, освободившимся такой страшной ценой?! Смотри же, послушайся моего совета и сохрани знак, данный тебе... Еще скажу: источник воды от вас направо, в двух тысячах локтей — вон там, где купались носороги, но лучше всего сегодня же, до наступления ночи, уйти отсюда. Прощай, смелый чужеземец! Привет твоим храбрым товарищам! Я спешу.

Проводник скрылся, а Кави, задумавшись, смотрел ему вслед.

Нет, сегодня они не смогут уйти отсюда и бросить умирающих товарищей на растерзание гиенам. Если вода близко, то тем более нужно оставаться на месте.

Кави вернулся к товарищам, которые обсуждали, что дальше делать. Утолив жажду и подкрепившись пищей, люди стали рассудительнее и осторожно взвешивали последующие действия.

Для всех было ясно, что на север идти невозможно — нужно скорее удаляться от реки, но в вопросе о том, идти ли на юг или на восток, мнения разделились.

Азиаты, составлявшие почти половину уцелевших рабов, не хотели углубляться в страну черных и отстаивали путь на восток. По уверениям нубийцев, за три недели можно было добраться до берегов узкого моря, разделявшего Нубию и Азию, и жители этой страны готовы были решиться снова на путь через пустыню, чтобы поскорее вернуться домой.

Кави был захвачен в рабство во время военного похода. У него в родных местах осталась семья, и он колебался: такой заманчивой казалась ему возможность быстрого возвращения.

Изгнание из Кемт явилось для него тяжким ударом, ибо проще всего было вернуться через Кемт, спустившись в лодке по реке вниз до моря. Но опытный, много скитавшийся воин понимал, что кучка людей, затерянная во враждебной стране и в особенности в пустынях, где все колодцы наперечет, сможет просуществовать разве лишь чудом. А чудес в судьбе этруска еще не встречалось, и он не очень в них верил.

Вмешался Кидого, оставивший своего друга для того, чтобы принять участие в совете.

В первый раз негр рассказал о себе. Оказалось, что Кидого был сыном гончара и происходил из богатого и многочисленного народа, обитавшего у морского побережья на западной окраине страны черных. Там в сушу глубоко вдавался огромный залив, называемый Южным Рогом[1]. Кидого не знал отсюда дороги в родные места, попав в плен на краю великой пустыни, когда держал путь в Кемт, обуреваемый желанием посмотреть чудеса искусного мастерства этого народа. Однако негр рассчитывал, что его страна должна была находиться недалеко на юго-запад от места сражения. Кидого уверял, что сможет узнать правильный путь от того племени, к которому направлял их проводник-нубиец. Кидого обещал всем товарищам гостеприимство, если только они сумеют дойти до той области, где обитает его народ, а этруску заявил, что, по рассказам, слышанным в детстве, корабли людей, похожих на него и на Пандиона, приплывали в его страну из северного моря. Кави, взвесив все, посоветовал товарищам послушаться проводника и уходить на юг. После слов Кидого неведомая страна черных ему не казалась более враждебной. Море, свободное, не подчиненное ненавистному Та-Кем, давало возможность достигнуть родины. Этруск больше верил морю, чем пустыне.

Азиаты протестовали, не соглашались, ливийцы поддерживали этруска, а про негров нечего было и говорить, все они готовы были идти на юг и на запад — там была их дорога в родные страны.

Азиаты уверяли, что совершенно неизвестно, как отнесутся к ним кочевники и особенно тот многочисленный и богатый народ, о котором говорил проводник-нубиец, что знак, данный им этруску, может быть ловушкой и все они снова попадут в плен.

Тогда негр, лежавший со сломанной ногой, криками и жестами обратил на себя внимание. Торопливо, проглатывая

[1] *Южный Рог* — древнее название Гвинейского залива.

слова и брызжа слюной, он говорил что-то, силясь улыбнуться и часто ударяя себя в грудь. Из всей бурной речи, с целым потоком незнакомых слов, Кави понял, что негр принадлежит к тому народу, до которого советовал добраться с помощью кочевников проводник, и что он клянется в миролюбивости своих соплеменников. Тогда этруск решился и стал на сторону негров и ливийцев, против азиатов, продолжавших отстаивать свой план. Но солнце уже склонилось к закату, нужно было подумать о воде и о ночлеге. Этруск предложил каждому подождать до утра. Как ни хотелось всем уйти от ужасного, усеянного трупами места, пришлось остаться на поляне, чтобы не мучить напрасно умирающих, перетаскивая их. Десять человек отправились к указанному нубийцем роднику и принесли полные кувшины мутной теплой воды с запахом глины. По совету негров между деревьями был сооружен вал из колючих веток для защиты от нападения гиен. Со стороны, обращенной к поляне, запылали три костра. Три человека остались дежурить у раненых, десять с копьями уселись у костра. Ночь в этих местах наступает быстро. Еще светились на западе облака, а с севера и востока уже катился черный вал наступающей темноты, затопляя вершины деревьев и зажигая над ними бесчисленные огоньки звезд. Скоро незнакомый с южными странами Кави понял, почему проводник советовал им поскорее уйти отсюда. Вопли шакалов хором поднялись к небу, отрывистый истерический хохот гиен раздавался вокруг. Казалось, сотни зверей сбежались отовсюду, чтобы пожрать не только трупы, но и оставшихся в живых. С поляны доносились возня, рычание, хруст и громкое чавканье. Сладковатый запах быстро разложившихся на жаре трупов распространялся повсюду.

Люди кричали, бросали комья земли и камни, выступали вперед с горящими головнями, но напрасно — хищников становилось все больше.

Вдруг за колючей загородкой послышалось глухое хрипение, громовой рев словно растекся по земле, сотрясая почву. Звери, грызшиеся на поляне, утихли; люди, проснувшись, вскочили; в наступившей тишине громче застонали раненые. Рев приближался — низкий звук невероятной силы, казалось, исходил из огромной трубы. Смутный большеголовый силуэт промелькнул у крайнего дерева — к испуганным людям подходил большой густогривый лев, а впереди него неслышно скользила гибкая, тонкая львица. Копья повернулись в сторону зверей, слабо отблескивая медными наконечниками в пламени неярко горевших костров. Люди с криками швыряли

головни в львов, рискуя поджечь траву. Ошеломленные хищники остановились, потом отошли на поляну. Долго стояли люди с копьями наготове, до боли сжимая в руках древки, но нападения не последовало.

Не успели отдыхавшие задремать, как опять гром львиного рева потряс воздух, за ним последовал другой, третий. Не меньше трех львов бродило вокруг, с появившейся ранее львицей было четыре. Люди поняли, какой непростительной беспечностью с их стороны была небрежно построенная низкая загородка. Четыре человека с копьями стояли наготове, чтобы отразить возможное нападение сзади, шесть копейщиков оставались стоять за кострами. Никто не спал: вооружась кто чем мог, люди зорко вглядывались в темноту. Новый рев потряс воздух, и у крайнего костра появился огромный лев со светлой гривой. Колеблющееся пламя увеличивало размеры хищника, глаза его, устремленные на людей, излучали зеленое сияние. На несчастье, поблизости стоял один из неопытных в охоте северных азиатов с луком. Устрашенный львиным ревом, он послал меткую стрелу прямо в морду хищника. Рев оборвался протяжным стоном, перешел в хриплый кашель и умолк.

— Берегись! — отчаянно крикнул один из нубийцев.

Тело льва взвилось в воздух, хищник прыжком пересек линию костров и очутился среди людей. Победителей носорога нелегко было привести в смятение: копья остановили льва, впившись ему в бока и грудь, четыре стрелы пронзили гибкое туловище. Два копья с сухим треском сломались под ударами тяжелой лапы, и в этот же момент три великана-негра, прикрываясь щитами, вонзили хищнику в грудь длинные ножи... Лев протяжно и жалобно заревел; люди, обагренные кровью, отскочили, и вдруг наступило молчание.

Оглушительный вопль победы прокатился по степи. Тело убитого льва было выброшено перед кострами, а товарищи взялись за перевязку двух новых раненых, еще дрожавших в боевой лихорадке.

Хищники бродили вокруг до рассвета, время от времени издавая потрясающий рев. Ни один из львов не решился повторить нападение.

С рождением нового дня, вставшего в ослепительном блеске, умерли пять тяжелораненых. Еще семь человек оказались мертвыми — ночью в суматохе со львом никто не заметил, когда это произошло. Ахми еще дышал, изредка шевеля серыми губами.

Пандион лежал с открытыми глазами, грудь его поднималась в спокойном и ровном дыхании. Наклонившийся над ним Кидого с ужасом понял, что друг не видит его. Однако принесенную воду Пандион сразу выпил и медленно опустил веки.

После завтрака из остатков вчерашней пищи Кави предложил выступать. Азиаты, сговорившиеся еще ночью, взбунтовались. Они кричали, что в этой стране, населенной таким множеством страшных зверей, они неминуемо погибнут, что нужно спасаться из этой роковой степи, что пустыня привычнее и безопаснее. Как ни уговаривали их Кави и чернокожие, азиаты остались непреклонными.

— Хорошо, пусть будет так, — сказал этруск, решившись. — Я иду на юг с Кидого. Кто с нами — подойдите сюда, кто на восток — отойдите налево.

Немедленно вокруг этруска образовалась толпа черных и светло-бронзовых тел — негры, нубийцы и ливийцы. К Кави присоединились тридцать семь человек, не считая Пандиона и лежавшего на земле негра со сломанной ногой, который напряженно следил за происходящим, приподнявшись на локте.

Тридцать два человека перешли налево и стояли, упрямо опустив головы.

Оружие и сосуды для воды были разделены пополам между обеими партиями, чтобы азиаты не связывали свою возможную неудачу с тем, что их обделили товарищи.

Их длиннобородый вождь, едва только дележ был окончен, повел людей на восток, к реке, как будто опасался, что привязанность к товарищам поколеблет их решимость. Оставшиеся долго смотрели вслед храбрым друзьям, отделившимся от них на пороге свободы, затем с грустными вздохами вернулись к своим делам. Удача или смерть постигнут товарищей — никогда не узнают они об этом, так же как и доблестные азиаты не будут ничего знать об их неверной судьбе. «Никогда» — вот страшное слово, столь неизбежное для разделенных пространствами разных народов.

Этруск и Кидого, осмотрев Пандиона и раненого негра, перенесли их к другому дереву, с тонкими ветками. Когда попробовали приподнять Ахми, из горла ливийца вырвался ужасный вопль, и жизнь покинула мужественного борца за свободу.

Кави посоветовал ливийцам поднять мертвого на дерево и крепко привязать его веревками. Это было тотчас же выполнено; хотя люди знали, что труп будет растерзан хищными птицами, но это казалось менее отвратительным, чем дать

пищу вонючим гиенам. Молча, не сговариваясь, Кави и Кидого срубили несколько ветвей.

— Что ты делаешь? — спросил, подойдя к этруску, один из высоких негров.

— Носилки. Мы с Кидого понесем его, — Кави указал на Пандиона, — а вы понесете этого, — этруск кивнул в сторону негра с ногой в лубке. — Ливиец пойдет без нашей помощи, с рукой на перевязи...

— Мы все понесем того, кто первый вскочил на носорога, — ответил негр, обратившись к товарищам. — Храбрец спас всех. Разве мы можем забыть это? Подожди, мы лучше умеем делать носилки.

Четыре негра ловко принялись за работу. Скоро носилки были готовы: длинные палки, переплетенные веревками, — на месте битвы их осталось много. Между палками негры устроили двойные поперечные распорки, в середине укрепили круглые подушки из твердой коры, обмотанные кусками львиной шкуры. Негр со сломанной ногой следил за работой, радостно улыбаясь; темные глаза его с преданностью смотрели в лица товарищей.

Раненых положили на носилки. Все было готово. Чернокожие попарно стали у носилок и разом подняли их на вытянутых руках, старательно умостив подушки на головах. Затем носильщики двинулись вперед, размеренно и легко шагая.

Так, не приходя в сознание, Пандион двинулся в неведомый путь.

Два нубийца и негр, вооруженные копьями и луком, взяв на себя обязанность проводников, шли впереди, остальные тридцать человек потянулись гуськом вслед за носилками. В самом хвосте шествия еще трое несли два копья и лук. Путники пошли краем поляны на запад, стараясь не смотреть на останки товарищей и унося щемящее чувство вины, что не смогли уберечь их тела от ночных пожирателей падали.

После полдневного отдыха отряд скоро достиг широкого высохшего русла, еще издали выделявшегося на желтой степи двумя полосками окаймлявших его берега кустарников.

По руслу повернули прямо на юг и, не останавливаясь, шли до заката. В этот день не пришлось копать яму для воды — небольшой источник выбивался на поверхность из щели между двумя плитами грубозернистого сыпкого камня: но людям пришлось основательно потрудиться над местом для ночлега, обнеся его валом из колючих ветвей. Ночью все мирно спали, не пугаясь отдаленного рычания льва и сновавших в темноте гиен.

Второй и третий день пути прошли спокойно. Только раз видели издалека черную глыбу пробиравшегося в траве носорога с опущенной головой. Люди в смятении остановились — пережитое вновь ожило в их памяти, грозное и незабываемое. Путники прилегли в траве. Носорог поднял голову; опять, как и в тот страшный час, люди увидели изогнутые, широко расставленные уши и торчащий между ними конец рога. Складки толстой кожи обрамляли плечи животного и нависали у начала расставленных передних ног, утопавших в траве. Массивное чудовище неподвижно постояло и, повернувшись, двинулось в прежнем направлении.

Небольшие стада маленьких желто-серых антилоп попадались часто; убитые стрелами животные служили вкусной пищей.

На четвертый день сухое русло расширилось и исчезло, желтая глинистая почва уступила место странной ярко-красной земле[1], тонким слоем покрывавшей раздробленный гранит. Округлые холмы гранита выступали темными пятнами на красной унылой равнине. Трава исчезла, вместо нее из земли торчали жесткие листья, похожие на воткнутые прямо в рыхлую почву связки острых и узких мечей[2]. Проводники тщательно обходили заросли этих растений с острыми, режущими, как бритва, краями жестких листьев.

Красная долина расстилалась впереди, розовые клубы пыли вихрились, поднимаясь столбами и рассеивая блеск солнечных лучей. Жара истомила идущих, но люди продолжали путь, тревожась, что эта безводная равнина окажется очень большой. Русло с его подземным потоком воды осталось позади. Кто знает, когда удастся найти воду, столь необходимую человеку в этой жаркой стране!

С вершины одного из гранитных холмов заметили, что вдали пролегает золотистая черта — там, видимо, кончалась красная почва и вновь шла травянистая степь. Действительно, тени удлинились только наполовину от полудня, а путники уже шагали по шелестящей траве, более низкой, чем раньше, но зато и более густой. В стороне виднелось широкое зеленое облако, казалось, парившее в воздухе над синевато-черным пятном собственной тени — могучее «дерево гостей» приглашало под свой кров. Проводники повернули к нему. Утом-

[1] *Латерит* — красная железистая почва, образующаяся в южных странах при выветривании изверженных пород.

[2] *Сансеверия* — оригинальное растение сухих латеритовых степей.

ленные люди прибавили шагу, и скоро носилки с ранеными стояли в тени у ствола, глубоко разделенного продольными желобами на отдельные закругленные ребра.

Несколько негров составили живую лестницу и взобрались на могучие ветви. Восторженные вопли послышались сверху — чернокожие не ошиблись в своих расчетах: внутреннее дупло толстого ствола, не менее пятнадцати локтей в поперечнике, содержало воду недавних дождей. Сосуды наполнились прохладной темной водой. Негры сбросили сверху длинные, заостренные с обоих концов плоды громадного дерева. Каждый плод, в человеческую голову величиной, содержал под своей тонкой твердой скорлупой желтоватое мучнистое вещество, кисло-сладкое, замечательно охлаждавшее горячие, пересохшие рты путников. Кидого разбил два плода, отделил множество мелких косточек, растер содержимое с небольшим количеством воды и принялся кормить Пандиона.

К радости негра, молодой эллин ел с охотой и сегодня в первый раз приподнял голову, стараясь оглядеться кругом (на носилках во время перехода лицо Пандиона обычно покрывали большими листьями, сорванными вблизи источников). Руки Пандиона с усилием дотянулись до Кидого, слабые пальцы пожали кисть негра. Широко раскрытые глаза эллина потеряли прежнюю остроту взгляда и были мутны и жалки.

Кидого взволнованно спросил друга, как он себя чувствует, но не добился ответа. Глаза раненого опять закрылись, будто слабая вспышка воскресающей жизни утомила его без меры. Кидого оставил друга в покое и поспешил передать этруску радостную весть. Кави, еще более посуровевший со страшного дня битвы, подошел к носилкам и долго сидел, вглядываясь в лицо товарища. Этруск старался, положив руку на грудь Пандиона, определить силу биения сердца юноши.

В это время раздался голос нубийца, забравшегося на верхушку дерева, чтобы осмотреть дорогу. Он кричал, что далеко впереди, почти у самого горизонта, видны темные рамки колючих изгородей, какие делают скотоводы-кочевники для защиты своих стад от хищных зверей.

Было решено заночевать под деревом и, выступив на рассвете, пораньше дойти до становища кочевников. К закату густые облака затянули небо, беззвездная ночь была необычайно тиха и темна, бархатно-черная тьма не давала возможности разглядеть руку, поднесенную близко к глазам.

Вскоре извивающиеся молнии опоясали кольцом небо, рокот грома непрерывно раскатывался вдали. Количество

вспышек молнии все возрастало, небо зазмеилось сотнями слепящих огней, похожих на гигантские сухие ветви. Гром сотрясал все кругом, голубой огонь ослеплял людей, желавших покинуть свое убежище. Вдали послышался шум, быстро усиливающийся и превратившийся в рев. Это подходила стена неистового дождя. Дерево заколебалось — целое море рухнуло с неба. Каскады прохладного дождя со страшным шумом разбивались о землю, вокруг дерева сразу образовался глубокий слой воды, покрывший выступы толстых корней. В чередующейся быстрой смене тьмы и сплошного огня казалось, что вся степь неминуемо будет затоплена — настолько велика была масса дождя, низвергавшегося кругом. Однако скоро сверкание молний прекратилось, дождь стих, и звездное небо раскинулось над напившейся степью; слабый ветерок понес густое благоухание невидимых трав и цветов. Ливийцы и этруск опешили при виде грозы, показавшейся им страшной катастрофой, но негры, весело смеясь, заявили, что это самый обыкновенный в дождливое время ливень, и даже не очень сильный. Кави только покачал головой, говоря себе, что если такой дождь здесь считается обыкновенным, то, без сомнения, им придется испытать в стране черных совершенно необычайные приключения. Догадка не обманула этруска.

На следующий день пути внезапно послышался лай собаки. Из дымки испарений, скрывавшей даль, проступили длинные колючие изгороди, за которыми прятались низкие шалаши кочевников.

Толпа людей, одетых в фартуки из кожи, окружила путников. Скуластые лица были непроницаемы, узкие темные глаза недоброжелательно смотрели на египетское вооружение в руках бывших рабов. Однако знак, данный нубийцем, произвел самое благоприятное впечатление. Из толпы выделились пять человек, украшенных черными и белыми перьями, в высоких прическах, поддерживаемых круглыми плетенками из черенков листьев.

Язык кочевников был понятен нубийцам — скоро пришельцы сидели в тесном кругу слушателей, попивая кислое молоко. Рабы-нубийцы рассказывали свою историю. Перебивая друг друга, они вскакивали в воодушевлении, сопровождаемые хором удивленных восклицаний. Украшенные перьями вожди только хлопали себя по бедрам. Велика сила одинаковых чувств у людей, подверженных одинаковым невзгодам, а дружеская помощь делает чудеса!

Кочевники отрядили шесть человек с десятью ослами для облегчения пути чужеземцев. Посланные должны были про-

водить путников до большого селения оседлого народа, находившегося еще в семи днях пути к юго-западу, на берегу непересыхающей речки.

Носилки были переделаны и укреплены на четырех ослах, другие животные повезли воду, кислое молоко и жесткий сыр в крепких кожаных мешках. Люди, не неся тяжести, могли делать теперь большие переходы и проходить в день не меньше ста двадцати тысяч локтей.

День проходил за днем. Под знойным ослепительным солнцем лежала беспредельная степь, то истомленная жарким безмолвием, то катившая широкие волны трав под ветром. Все дальше углублялись бывшие рабы в дикие просторы юга, наполненные неисчислимыми стадами животных. Сначала непривычные глаза не разбирались в проносившихся мимо или полускрытых травою скопищах — виднелись спины, торчали рога, короткие и изогнутые или длинные и прямые, как копья, или спирально закругленные. Потом путники научились различать их породы — длиннорогих ориксов, громадных и кротких красных оленебыков, косматых, с безобразной горбоносой мордой гну, антилоп величиной с маленького теленка, странных, большеухих, танцевавших на задних ногах под деревьями[1].

Желтая трава в рост человека с жесткими стеблями шелестела вокруг, как необозримое хлебное поле. Ее золотящееся под солнцем пространство испещрялось пятнами свежей зелени вдоль сухих русел и луж, теперь наполнившихся водой. Вдали в поверхность степи вонзались голубые и фиолетовые отроги гор, валами вздымавшихся на горизонте.

Деревья то становились чаще, скопляясь в высокие острова, темневшие над головой, то снова разбегались в разные стороны далеко друг от друга, как стая испуганных птиц. Чаще всего это были такие же зонтикообразные акации, какие поразили Кави в момент первого знакомства с золотой степью, — колючие стволы развертывались от корня широкой воронкой, напоминая опрокинутые вершиной вниз конусы. Иногда у деревьев были более толстые и короткие стволы, также развертывавшиеся массой ветвей, и тогда их кроны, густые и темные, походили на широкие зеленые купола или опрокинутые чаши. Пальмы издалека выделялись своими парными развилинами ветвей, усаженными на концах растрепанными ножевидными перьями темных листьев.

[1] *Антилопа Уэллера* — (геренук) с длинной шеей, встающая на задние ноги, чтобы достать листья деревьев.

Кави замечал, как с каждым днем негры и нубийцы, неловкие и недогадливые в Та-Кем или на воде большой реки, здесь становились все более сильными, решительными и уверенными. Угрюмый этруск замечал, что хотя его авторитет предводителя и остается непоколебимым, но сам он теряет уверенность в себе на этой чужой земле с неведомыми ему законами жизни.

Ливийцы, так хорошо проявившие себя в пустыне, казались беспомощными. Они боялись степи, населенной тысячами зверей, в траве им чудилось множество опасностей, невиданные угрозы сопровождали каждый их шаг.

Путь и в самом деле был нелегким. Встречались заросли травы, шишки которой источали миллионы мелких колючек[1], впивавшихся в кожу, вызывая нестерпимый зуд и нагноение. Множество хищников укрывалось в жаркие часы дня под деревьями. Иногда в тени, казавшейся черной пещерой, между пучками ярко освещенной травы возникала гибкая пятнистая фигура леопарда.

Негры с изумительной ловкостью подкрадывались к красным антилопам, и сочное, вкусное мясо всегда было в изобилии у бывших рабов, все более крепнувших от сытной пищи. Когда вдали появлялась масса серо-черных тел огромных быков[2] с широкими, опущенными вниз рогами, негры подавали тревожный сигнал, и отряд поспешно отступал к ближайшим деревьям, спасаясь от этих страшных обитателей африканских степей.

Проводники, должно быть, неточно оценили расстояние: путники двигались уже девять дней, а признаков близости человеческого жилья все еще не встречалось. Рука ливийца зажила, негр со сломанной ногой уже сидел на носилках и вечером на привалах весело подпрыгивал и смешно ковылял около костра, радуя товарищей своим выздоровлением. Только Пандион по-прежнему лежал немой и безучастный, хотя теперь Кидого и Кави заставляли его больше есть.

А буйная жизнь степи все больше расцветала вокруг от дождей.

Миллионы насекомых гулко звенели и жужжали над травой, яркие птицы мелькали синими, желтыми, изумрудно-зелеными и бархатно-черными видениями среди переплета серых корявых ветвей. В знойном воздухе все чаще раздавались звучные крики маленьких дроф: «мак-хар! мак-хар!»

[1] Колючие шишки травы асканита.

[2] Африканские буйволы.

Кави ближе познакомился с исполинами Африки.

Бесшумные и спокойные серые глыбы слонов нередко проплывали над травой, гигантские кожистые уши топырились в сторону людей, блестящая белизна бивней резко выделялась около извивающихся темных хоботов. Мощные животные нравились этруску — их мудрое поведение так сильно отличалось от беспокойства антилоп, злобы носорогов, напряженной вкрадчивости хищников. Иногда людям удавалось подглядеть отдых величественных гигантов: стадо, укрываясь в тени деревьев, неподвижно стояло, тесно скучившись. Громадные старые самцы низко склоняли свои лобастые, отягченные изогнутыми бивнями головы; самки, с более плоскими лбами, держали во сне головы выше. Один раз шедшие впереди наткнулись на одинокого старого слона. Гигант спал, стоя прямо на жаре. Он заснул, очевидно, в тени, потом солнце передвинулось, а слон, разоспавшись, не чувствовал зноя. Кави долго любовался мощным великаном.

Слон стоял, как изваяние, слегка расставив задние ноги. Опущенный хобот был согнут в кольцо, маленькие глаза закрыты, тонкий хвост свисал с покатого зада. Толстые, изогнутые бивни грозно торчали вперед, концами широко расходясь в стороны.

Там, где деревья были более редкими, часто встречались животные необычного вида. Их длинные ноги несли короткое тело с крутой, покатой назад спиной. Передние ноги были гораздо длиннее задних. Спина от массивных плеч и широкой груди переходила в необычайно длинную, наклоненную вперед шею, на которой сидела небольшая голова с короткими рожками и большими трубчатыми ушами. Это были жирафы. Животные встречались стадами от пяти до сотни штук. Незабываемое зрелище представляло собою большое стадо жирафов на открытом месте: казалось, лес, склоняемый ветром, перемещался в ярком свете, отбрасывая пятна причудливых теней. Жирафы двигались то рысью, то странными скачками, подгибая передние ноги и далеко вытягивая задние. Их пестрая шкура — светло-желтая сетка узких полосок, разделенных большими черными неправильными пятнами, — удивительно походила на тень от деревьев, под которыми животные были совершенно невидимы. Они осторожно срывали губами листья с высоких ветвей, насыщаясь без жадности; их большие чуткие уши поворачивались во все стороны.

Часто над волнующимся морем травы возникал ряд шей — эти странные животные медленно двигались, неся на высоте

десяти локтей от земли гордые головы с блестящими черными глазами.

Сдержанные движения жирафов были красивы, безвредные животные вызывали невольную симпатию.

Не раз путешественники слышали сквозь стену травы злобное фырканье носорога, но они уже научились избегать плохо видящих свирепых чудовищ, и возможная встреча более не повергала бывших рабов в ужас.

Путники двигались гуськом, ступая след в след по тесным коридорам высокой травы, — только копья да головы, обмотанные тряпьем и листьями, раскачивались над примятыми стеблями. По сторонам без конца тянулась однообразная колеблющаяся стена. Трава и пылающее небо преследовали путников днем, травяные стены снились им по ночам, им казалось, что они навсегда затерялись в душной шелестящей бесконечности. Только на десятый день перед отрядом показалась задернутая голубой дымкой низкая гряда утесов. Поднявшись на них, путники оказались на щебнистом плоскогорье, поросшем кустарником и безлистыми деревьями, ветви которых, как множество растопыренных рук, угрюмо тянулись к небу[1]. Ядовитый зеленый цвет был одинаков у низких стволов и ветвей; деревья напоминали округлые щетки, ровно подстриженные сверху и поставленные на коротких палках. В зарослях этих деревьев господствовал терпкий, резкий запах, хрупкие ветви легко ломались от ветра, и в местах излома выделялся обильный сок. Он был похож на густое молоко и застывал длинными серыми каплями. Проводники спешили пересечь этот необычайный лес, уверяя, что если ветер окрепнет, то хрупкие деревья начнут валиться вокруг и могут передавить людей.

За деревьями опять расстилалась степь, всхолмленная и поросшая зеленой свежей травой. С вершины холма перед путниками неожиданно открылись возделанные поля, примыкавшие к полосе густого и высокого леса. В глубине леса был виден просвет, там на возвышенности расположилось множество конических хижин. Холм был обнесен массивным частоколом. Тяжелые, из неровных бревен ворота смотрели прямо на путников, украшенные вверху гирляндой побелевших на солнце львиных черепов.

Высокие суровые воины вышли из ворот навстречу медленно поднимавшемуся в гору отряду бывших рабов. Местные

[1] Канделябровый молочай из группы молочайных, внешне похожий на кактус (характерное растение африканской пустыни).

жители походили на нубийцев, только их кожа была несколько более светлого бронзового оттенка.

В руках воины сжимали большие копья с огромными наконечниками, похожими на узкие мечи. Воины опирались на большие щиты, разрисованные черно-белым орнаментом. Дубины из черного дерева, очень твердого и тяжелого, висели на поясах из шкуры жирафов.

Со склона холма открывалась живописная местность. На золотой степной траве четко выделялась свежая изумрудная зелень речных берегов, обрамлявшая узкую голубоватую ленту блестевшей реки. Слабо трепетали кустарники, увенчанные розовыми пушистыми клубками. С деревьев свисали гроздья желтых и белых цветов.

Долго тянулись предварительные переговоры. Переводчиком выступил негр со сломанной ногой, уверявший, что происходит из этого народа. Опираясь на палку, он поскакал на одной ноге к воинам, сделав знак своим товарищам остановиться.

Кави, раб со сломанной ногой, Кидого, один нубиец и один из кочевников были впущены в ворота и отведены в хижину вождя.

Нетерпеливо ждали возвращения товарищей оставшиеся перед воротами, неизвестность томила их. Только Пандион, неподвижный и безучастный, лежал на снятых с ослов носилках. Казалось, что прошло очень много времени. Наконец в воротах появился этруск, сопровождаемый целой толпой мужчин, женщин и детей. Жители селения приветливо улыбались, размахивали широкими листьями и говорили непонятные, но звучавшие дружелюбно слова.

Ворота раскрылись, бывшие рабы пошли между большими хижинами, сооруженными в виде правильных глинобитных колец, покрытых коническими шапками из длинных стеблей жесткой травы.

На поляне под двумя деревьями стояла очень большая хижина с навесом перед входом. Здесь собрались вожди для осмотра прибывших. Вокруг теснились почти все жители деревни, взволнованные необыкновенным происшествием. По просьбе главного вождя негр со сломанной ногой повторил рассказ о страшной охоте на носорога, часто показывая на спокойно лежавшего Пандиона.

Жители селения выражали криками восторга, удивления и ужаса свои впечатления о неслыханном деле, совершенном по повелению грозного фараона Та-Кем.

Главный вождь поднялся и обратился к своему народу с короткой речью, непонятной для прибывших. Одобрительные

крики были ответом. Тогда вождь подошел к выжидательно стоявшим путникам и, обведя рукой вокруг деревни, наклонил голову.

Кави через переводчика-негра поблагодарил вождя и народ за гостеприимство. Путники приглашались вечером на пир в честь их прибытия.

Толпа жителей окружила носилки Пандиона. Мужчины смотрели на раненого с уважением, женщины — с состраданием. Девушка в синем плаще смело вышла из толпы и склонилась над молодым эллином. Казалось, Пандион, загоревший за долгое время пребывания под солнцем Черной Земли и страны Нуб, отличался от других обитателей южных степей лишь светлым, золотистым тоном кожи. Однако спутавшиеся и сбившиеся кудри его отросших волос, правильные черты похудевшего лица при более близком рассмотрении выдавали происхождение чужеземца.

Движимая жалостью к красивому, беспомощно распростертому молодому герою, девушка осторожно протянула руку и ласково отодвинула со лба Пандиона прядь волос, упавших на лицо.

Медленно поднялись отяжелевшие веки, широко раскрылись глаза невиданного золотого цвета, и девушка слегка вздрогнула. Но глаза незнакомца не видели ее, потускневший взор был безучастно устремлен на качавшиеся вверху ветви.

— Ирума! — окликнули девушку подруги.

К носилкам подошли Кидого и Кави, подняли и унесли раненого друга, а девушка осталась на месте, потупив взгляд и вдруг сделавшись такой же неподвижной и безучастной, как привлекший ее внимание молодой эллин.

Глава шестая
ТЕМНАЯ ДОРОГА

Заботливый уход Кидого и Кави сделал свое дело — сломанные кости Пандиона срослись. Но прежняя сила не возвращалась к молодому эллину. Апатичный и безвольный, он целыми днями лежал в полутьме просторной хижины, вяло и односложно отвечал на вопросы друзей, нехотя ел и не делал попыток подняться. Он сильно исхудал, лицо его с запавшими, обычно закрытыми глазами обросло мягкой бородкой.

Пора было двигаться в далекую дорогу к морю и родине. Кидого давно во всех подробностях расспросил у местных жителей путь к берегам Южного Рога.

Из тридцати девяти бывших рабов, нашедших убежище в селении, двенадцать ушли в разные стороны — они жили когда-то в этой же стране и могли без особенных трудов и опасностей скоро попасть на родину.

Оставшиеся торопили Кидого с выступлением. Теперь, когда они стали свободными и сильными, далекая родина влекла их все сильнее; каждый день, проведенный на отдыхе, казался преступлением. И поскольку их возвращение зависело от Кидого, они одолевали негра просьбами и напоминаниями.

Кидого отделывался неопределенными обещаниями — он не мог покинуть Пандиона. После этих разговоров негр часами просиживал около постели друга, терзаясь сомнениями и задавая себе один и тот же вопрос: когда же в состоянии больного наступит перелом? По совету Кави Пандиона выносили из хижины и укладывали около входа в часы, когда начинала спадать жара. Однако и это не принесло заметного улучшения. Пандион оживлялся только во время дождя — грохот грома и рев потоков заставляли больного приподниматься на локте и прислушиваться, как будто в этих звуках он улавливал неведомые остальным зовы. Кави нашел двух местных знахарей. Они окурили больного едким дымом трав, закопали в землю горшок с какими-то кореньями, но состояние молодого эллина не улучшилось.

Однажды, когда Пандион лежал около хижины и Кави, вооружась маленькой веточкой, лениво отгонял от него жужжащих мух, к ним приблизилась девушка в синем плаще. Это была Ирума, дочь лучшего охотника селения, та, которая обратила внимание на Пандиона еще в первый день прихода путников.

Девушка вынула из-под плаща тонкую, зазвеневшую браслетами руку — в ней был небольшой плетеный мешочек. Ирума сунула его Кави — этруск уже научился немного понимать туземцев — и объяснила, что это волшебные орехи из западных лесов, которые должны излечить больного. Девушка пыталась растолковать этруску, как приготовить из них лекарство, но Кави ничего не понял. В смущении Ирума поникла головой, но сейчас же вновь оживилась, попросила этруска дать ей плоский камень, которым дробили зерна, и принести чашку с водой. Этруск, ворча что-то себе под нос, направился в хижину. Девушка оглянулась по сторонам и опустилась на колени у изголовья больного, вглядываясь в его лицо. Маленькая рука легла на лоб Пандиона. Послышались тяжелые шаги Кави, и девушка поспешно отдернула руку.

Она высыпала из мешочка орехи, похожие на каштаны, разбила их, растерла ядрышки на камне и превратила в жидкую кашицу, смешав с молоком, принесенным только что пришедшим Кидого. Негр, едва увидев орехи, испустил радостный вопль и весело запрыгал вокруг хмурого этруска.

Кидого объяснил недоумевающему Кави, что в западных лесах и в лесах его родины растет небольшое дерево со стройным стволом. Ветки дерева постепенно укорачиваются к вершине, так что оно кажется заостренным кверху[1]. На нем растет множество орехов, обладающих чудесным свойством исцелять больных, возвращать силы изнуренным, уничтожать усталость и давать веселье и радость здоровым.

Девушка накормила больного кашицей из волшебных орехов, затем все трое уселись у постели и стали терпеливо ожидать. Прошло несколько минут. Слабое дыхание Пандиона сделалось сильным и мерным, кожа на запавших щеках порозовела. С этруска слетела его угрюмость. Он как зачарованный следил за действием таинственного лекарства. Вот молодой эллин громко вздохнул и вдруг, широко раскрыв глаза, приподнялся и сел.

Солнечные глаза Пандиона скользнули с этруска на Кидого и замерли, обращенные в упор на девушку. Молодой эллин с удивлением смотрел на лицо цвета темной бронзы с поразительно гладкой, какой-то очень упругой кожей.

Приспущенные внутренние уголки длинных глаз пересекались у переносицы маленькими складочками, полными лукавства. Сквозь прищуренные веки поблескивали очень ясные белки, ноздри широкого, но правильного носа нервно раздувались, утолщенные яркие губы в открытой и застенчивой улыбке обнажали жемчужный ряд крупных зубов. Все ее круглое лицо было так полно задорного и нежного лукавства, что Пандион невольно улыбнулся. И тотчас золотистые глаза молодого эллина, за минуту до этого тусклые и равнодушные, засияли и заискрились. Смущенная Ирума опустила ресницы и отвернулась.

Пораженные друзья пришли в восторг — в первый раз после рокового дня битвы с носорогом их друг улыбнулся. Волшебное действие диковинных орехов было совершенно бесспорным. Пандион сидел и жадно расспрашивал товарищей о всех происшествиях со дня его ранения, перебивая их

[1] Дерево из семейства стеркулиевых, дающее орехи кола, ныне известное во всем мире как великолепное тонизирующее средство.

объяснения быстрыми вопросами, похожий на опьяненного чем-то человека.

Ирума поспешно удалилась, пообещав к вечеру прийти узнать о здоровье юноши. Пандион много и с удовольствием ел и продолжал расспросы. К вечеру, однако, действие лекарства прекратилось, прилив жизни угас, и снова дремотное безразличие охватило молодого эллина.

Пандион лежал в хижине. Этруск и негр советовались, нужно ли снова дать ему волшебные орехи, и решили спросить об этом у Ирумы.

Девушка пришла в сопровождении отца — высокого атлета с рубцами от львиных когтей на плечах и груди. Отец и дочь долго совещались, несколько раз охотник пренебрежительно отмахивался от девушки, сердито тряся головой, потом шумно расхохотался и слегка ударил ее по спине. Ирума досадливо передернула плечами и подошла к друзьям.

— Отец сказал — много орехов давать нельзя, — объявила она негру, видимо, считая его более близким другом больного. — Орехи нужно давать один раз в середине дня, чтобы больной хорошо ел...

Кидого ответил, что знает действие этих орехов и будет делать, как ему сказано.

В это время отец девушки посмотрел на больного, покачал головой и сказал дочери несколько слов, не понятных ни Кави, ни Кидого. Ирума вдруг сделалась чем-то похожей на большую рассерженную кошку — так заблестели ее глаза. Верхняя губа чуть приподнялась, показав край зубов. Охотник добродушно усмехнулся, махнул рукой и вышел из хижины. Девушка склонилась над Пандионом и долго всматривалась в его лицо, потом, словно спохватившись, тотчас пошла к выходу.

— Завтра вечером я буду лечить его сама по обычаю нашего народа, — решительно объявила она перед уходом. — Издавна женщины так лечат у нас больных или раненых. У твоего друга ушла душа радости — без нее ни один человек не захочет жить. Нужно вернуть ее!

Кидого, подумав над словами девушки, решил, что Ирума права. Пандион после всех испытанных потрясений действительно утратил интерес к жизни. Что-то в нем надломилось. Но способ лечения, о котором говорила Ирума, негр так и не смог себе представить, как ни ломал голову. Ничего не придумав, он улегся спать.

На следующий день Кидого снова накормил друга кашицей из орехов. Пандион опять сидел, разговаривал и, к радо-

сти друзей, ел с большим аппетитом. Молодой эллин все время посматривал по сторонам и наконец спросил о вчерашней девушке. Кидого скорчил веселую гримасу, подмигнул этруску и предупредил Пандиона, что сегодня вечером эта девушка будет его лечить таинственным и никому не известным образом. Пандион сначала заинтересовался, а потом, видимо, когда окончился срок действия орехов, опять впал в обычную апатию. Тем не менее Кави и Кидого нашли, что вид больного за эти два дня значительно изменился к лучшему. Их друг ворочался чаще и дышал громче, чем обычно.

Едва солнце склонилось к западу, селение, как обычно, наполнилось едким запахом горящего хвороста и монотонным глухим стуком больших ступок, в которых женщины дробили для еды мелкие зерна какого-то возделываемого здесь растения[1].

Черной кашей из этих зерен с приправой из молока и масла питались здесь все жители.

Сумерки быстро превратились в ночь. Внезапно по затихшему селению пронесся глухой рокот барабана. Шумная толпа молодежи приблизилась к хижине трех друзей. Впереди шли четыре девушки с факелами, окружая двух согбенных старух в широких темных плащах. Юноши подхватили больного и под громкие крики толпы понесли его на другой край селения, примыкавший к расчищенной опушке леса.

Кави и Кидого последовали за толпой. Этруск недовольно посматривал по сторонам с видом, говорившим, что он не ждет ничего хорошего от этой затеи.

Пандиона принесли в огромную пустую хижину, не менее тридцати локтей в поперечнике, и уложили у центрального столба, спиной к широкому входу. Несколько факелов из рыхлого дерева, пропитанного пальмовым маслом, укрепленных на столбе, ярко освещало центр хижины. Стены под низко опускавшимися краями крыши скрывались в полумраке. Хижина была полна женщин — юные девушки и старухи сидели вдоль стен, оживленно переговариваясь. Какая-то старуха дала Пандиону темного питья, сразу подбодрившего юношу.

Из выдолбленного слонового бивня раздался резкий дрожащий звук — в хижине наступила тишина, и все мужчины поспешно покинули помещение. Этруск и Кидого, пытавшиеся остаться, были бесцеремонно вытолкнуты в темноту.

[1] *Просо элевзина* — африканское просо с шишками, усаженными множеством мелких черных зерен.

Группа безобразных старух столпилась у входа, заслоняя происходившее в хижине от глаз любопытных. Кави уселся поблизости от хижины, решив ни за что не уходить до конца таинственного дела. К нему, скаля зубы и посмеиваясь, присоединился Кидого — он верил в способы лечения, существующие у южных народов.

Две девушки осторожно приподняли больного и усадили, прислонив спиною к столбу. Пандион удивленно оглядывался по сторонам, встречая в полумраке блестящие белки глаз и зубы смеющихся женщин. Хижина была увешана изнутри пучками какого-то душистого растения[1]. Широкая гирлянда шла кольцом вокруг хижины по внутреннему карнизу крыши, тонкие веточки этого же кустарника оплетали столб, к которому прислонился Пандион. Все было наполнено терпким, бодрящим ароматом растения — этот запах дразнил и тревожил Пандиона, напоминая что-то бесконечно близкое и манящее, но безвозвратно забытое.

Прямо перед эллином расположились несколько женщин. При свете факелов белели две длинные изогнутые трубы из слоновых клыков, круглыми боками выделялись темные барабаны — отрезки выдолбленных толстых стволов дерева.

Снова прозвучал дрожащий звук трубы. Старухи поставили перед Пандионом деревянную статуэтку женщины с грубо выделенными мощными формами.

Высокие женские голоса начали тихую песню — полились медленные переливы гортанных звуков и тоскливых вздохов, убыстрявшиеся и нараставшие, ширясь и поднимаясь все выше, порывисто и стремительно. Внезапно гулкий удар барабана потряс воздух. Пандион невольно вздрогнул. Песня умолкла, на грани света и тени показалась девушка в синем плаще, уже знакомая Пандиону. Она вступила в освещенный факелами круг и как бы в нерешительности остановилась. Опять зазвучала труба, ее стон был подхвачен неистовым воплем нескольких старух. Девушка отбросила назад плащ и осталась в пояске из плетеной гирлянды душистых ветвей.

Свет факелов переливался туманными бликами на блестящей темно-бронзовой коже. Глаза Ирумы были сильно подкрашены синевато-черной краской, на руках и ногах сверкали начищенные медные кольца, недлинные, круто вьющиеся черные волосы разметались по гладким плечам.

[1] *Элелешо* — душистое растение Судана, родственное нашему тархуну.

Мерно и глухо зарокотали барабаны. В такт их медленным ударам девушка, тихо переступая голыми ногами, приблизилась к Пандиону и гибким, звериным движением склонилась перед статуэткой неведомой богини, простирая вперед руки в томительном и страстном ожидании. Восхищенный Пандион следил за каждым жестом Ирумы. Сейчас и тени лукавства не было на лице девушки — серьезная, строгая, с нахмуренными бровями, она, казалось, прислушивалась к голосам своего сердца. По протянутым к Пандиону рукам волнами двигались напрягшиеся мускулы. Эти волны сбегали от гладких плеч к покачивавшимся перед лицом Пандиона пальцам, как будто каждая частица ее тела стремилась к нему. Молодой эллин никогда не видел ничего подобного — таинственная жизнь рук сливалась с вдохновенным порывом поднятого вверх лица девушки.

Неистово затрубили рога из слоновой кости. Внезапный звенящий удар остановил дыхание Пандиона — медные листы, ударяемые друг о друга, загремели и зазвенели победно и радостно, заглушая отрывистое звучание барабанов.

Девушка откинулась назад крутой блестящей дугой. Потом маленькие ноги медленно пошли по гладко утрамбованному полу — танцовщица двигалась по кругу робко и нерешительно, исполненная застенчивого смущения.

Озаренная ярким светом факелов, девушка казалась вылитой из темного металла. Отступая в полумрак, она двигалась там легкой, почти невидимой тенью.

Тревожный рокот барабанов становился все стремительнее, дико гремели медные листы, и, повинуясь этим яростным звукам, медленный танец все ускорялся.

В такт низкому дрожащему звону меди быстро понеслись крепкие, стройные ноги, сплетались вместе, замирали и вновь плавно скользили, едва касаясь пола.

Плечи и высоко поднявшаяся грудь оставались неподвижными, а напряженные руки Ирумы, с мольбой протянутые к изображению богини, изгибались медленно и плавно.

Оборвался настойчивый стук барабанов, смолкла гремящая медь, и только тоскливые вскрики труб изредка нарушали наступившую тишину, в которой звенели и бряцали браслеты Ирумы.

Странное движение мышц под гладкой кожей девушки поразило Пандиона. Нигде не выступая отчетливо, они переливались и струились, как вода на поверхности ручья, и линии тела Ирумы бежали перед глазами молодого скульптора чередой неповторимых изменений. В них были плавный ритм

морского простора и широкий, порывистый разлив ветра по золотой степи.

Мольба, в начале танца отраженная в каждом движении девушки, теперь уступила место властному стремлению. Пандиону казалось, что перед ним струится сам огонь жизни, но вся древняя сила женской красоты явилась ему в бронзовых отблесках света и мощном громе музыки.

В душе молодого эллина вновь вспыхнула жажда жизни, ожили былые мечты, раскрылся широкий и таинственный мир.

Умолкли трубы. Низкий и грозный рокот барабанов слился с пронзительными воплями женщин, медные листы гремели, как близкий гром, и вдруг наступила тишина. Пандион услышал стук собственного сердца.

Девушка неистово закружилась и внезапно замерла, вытянув гибкое тело, как струна. И вдруг беспомощно опустила руки, дрожащая и истомленная. Колени ее подогнулись, блеск глаз потух. Печально вскрикнув, Ирума упала перед статуей богини. Упав, девушка осталась неподвижной, только грудь вздымалась от учащенных вздохов.

Ошеломленный Пандион вздрогнул. Стремительный танец оборвался криком печали.

Гул восторженных голосов наполнил хижину.

Четыре женщины, шепча невнятные слова, подняли и унесли Ируму в глубь хижины. Древняя деревянная статуя была мгновенно убрана. Женщины поднялись, возбужденные, с горящими глазами. Они громка переговаривались, показывая на чужеземца. Старухи у входа расступились, пропустив Кидого и Кави, которые кинулись к другу с расспросами. Но молодой эллин не мог и не хотел говорить сейчас. Оба друга унесли его домой, и Пандион долго лежал без сна, под впечатлением необычайного танца.

Могущественные ли орехи или колдовство танца великой богини сделали свое дело — Пандион стал поправляться.

Когда он избавился от потрясения, полученного в борьбе с носорогом, в его молодом теле не оказалось никакого серьезного изъяна, и оно с поразительной быстротой восстанавливало былую силу. И юноша занялся физическими упражнениями, чтобы по-прежнему быть равным своим товарищам.

Через три дня молодой эллин дошел без чужой помощи до дома охотника — ему хотелось снова увидеть Ируму.

Девушки не оказалось дома, зато ее отец принял чужеземца ласково и приветливо, угостил вкусным пивом и долго старался что-то объяснить, жестикулируя и хлопая Пандиона

по плечам и груди. Молодой эллин ничего не понял и покинул дом охотника со смутным чувством досады.

Успокоившись за Пандиона, Кидого и Кави со всеми бывшими рабами и большинством местных жителей отправились на большую охоту за жирафами, надеясь немного разведать предстоящий путь и добыть побольше мяса для своих гостеприимных хозяев.

Под смех и добродушные шутки соседей Пандион, укрепляя ослабевшие мускулы, помогал растирать зерна для приготовления пива, несмотря на насмешки мужчин, видевших его за женской работой. Скоро Пандион стал удаляться за пределы деревни, вооруженный тонким египетским копьем. Там, в степи, он упражнялся в метании копья и в беге, с каждым днем радостно ощущая, как крепнут его мышцы и как легко несут его тело вновь ставшие неутомимыми ноги.

Вместе с тем, ни на миг не забывая об Ируме, Пандион принялся за изучение языка туземцев. Он без конца твердил незнакомые певучие слова. Через неделю благодаря своей хорошей памяти Пандион уже мог понимать собеседника.

Четырнадцать дней Пандион не видел Ируму и не решался пойти к ней в отсутствие отца, так как не знал еще обычаев этого народа. Однажды, возвращаясь из степи, Пандион увидел фигуру в синем плаще, и сердце его учащенно забилось. Молодой эллин ускорил шаги, догнал девушку и остановился перед ней, радостно улыбаясь. Он не ошибся — это была Ирума. При первом же взгляде на лицо девушки Пандиона охватило волнение. С трудом выговаривая непривычные слова, молодой эллин стал благодарить потупившуюся и смущенную Ируму. Запас слов у Пандиона скоро иссяк, он в увлечении перешел на свой язык, спохватился и умолк, растерянно глядя на пеструю головную повязку, свисавшую до ключиц. Ирума искоса лукаво посмотрела на него и вдруг рассмеялась. Улыбнулся и Пандион, потом осторожно произнес давно выученную фразу:

— Можно мне прийти к тебе?

— Приходи, — просто ответила девушка, — завтра на опушку, когда солнце станет против леса.

Обрадованный Пандион, не зная, что еще сказать, протянул Ируме обе руки. Синий плащ распахнулся, две маленькие твердые руки доверчиво улеглись в ладонях Пандиона. Он нежно и крепко сжал их. Он не думал в этот момент о далекой Тессе. Руки девушки вздрогнули, широкие ноздри раздулись; она нежным, но сильным движением освободилась, прикрыла лицо плащом и быстро пошла по склону холма.

Пандион сообразил, что не следует идти за ней, и остался на месте, глядя на девушку, пока она не скрылась за хижинами. Безотчетно улыбаясь, Пандион шел по улице, размахивая копьем.

Впервые Пандион заметил, в каком живописном месте расположено это селение. Хижины были удобно и красиво построены, улицы просторны.

Пандион невольно обратил внимание, что здешний народ резко отличался от виденных им жителей страны Нуб и бедняков «избранного» Та-Кем — там на лицах лежала печать угрюмости и равнодушия. В истощенных от голода и чрезмерной работы телах была какая-то приниженность. Здесь же жители ходили легкой, свободной поступью; даже старики сохраняли красивую осанку.

Мысли Пандиона прервал выросший перед ним юноша, мускулистый и широкогрудый, в маленькой шапочке из леопардовой шкуры. Он недружелюбно посмотрел на чужеземца и властным жестом вытянул руку перед собой, коснувшись груди Пандиона. Эллин остановился в недоумении, а юноша замер перед ним, опустив руку на пояс с широким ножом и меряя пришельца вызывающим взглядом.

— Я видел, ты хорошо бегаешь, — наконец произнес юноша. — Хочешь состязаться со мной? Я Фульбо, прозванный Леопардом, — добавил он, как будто это имя могло все объяснить Пандиону.

Пандион, дружелюбно улыбнувшись, ответил, что он раньше бегал лучше, а сейчас еще не достиг прежнего умения. Тогда Фульбо осыпал его злобными насмешками, и кровь закипела в молодом эллине. Не понимая, что является причиной ненависти юноши, Пандион, презрительно подбоченившись, согласился. Противники порешили состязаться сегодня же вечером, когда станет прохладнее.

У подножия холма, на котором стояло селение, собрались юноши и несколько пожилых людей полюбоваться на состязание Фульбо с чужеземцем.

Фульбо указал на видневшееся вдалеке одинокое дерево — до него было не меньше десяти тысяч локтей. Победителем считается тот, кто первым придет обратно к намеченной черте с веткой от дерева.

Удар в ладоши был сигналом — Пандион и Фульбо пустились бежать. Фульбо, весь дрожавший от нетерпения, сразу помчался большими прыжками. Казалось, что юноша, рас-

пластавшись, летит над землей. Молодежь разразилась криками одобрения.

Молодой эллин, еще не вполне оправившийся, понял, что ему грозит опасность быть побежденным. Но он решил не уступать. Пандион пустился бежать, как учил его дед в холодные часы рассвета на узкой полосе морского берега. Он бежал, слегка раскачиваясь, не делая резких скачков и соразмеряя дыхание. Фульбо оказался далеко впереди, но молодой эллин двигался спокойно и быстро, не пытаясь догнать соперника. Постепенно грудь его расширялась, набирая все больше воздуха, ноги летели все стремительнее, и зрители, вначале смотревшие на него с сожалением, увидели, как расстояние между соперниками стало сокращаться. Африканец оглянулся, испустил злобный крик и понесся еще скорее. К дереву он подбежал на четыре сотни локтей впереди Пандиона, высоко подпрыгнул, сорвал ветку и мгновенно повернул обратно. Пандион разминулся с ним недалеко от дерева и отметил про себя бурное дыхание Фульбо. Хотя сердце самого Пандиона колотилось гораздо сильнее, чем следовало бы, молодой эллин решил, что он может рассчитывать на победу над слишком горячим, незнакомым с правильным бегом соперником. Пандион продолжал бежать с прежней выдержкой и, только когда до зрителей оставалось не больше трех тысяч локтей, вдруг рванулся вперед. Он скоро настиг Фульбо, но тот, ловя воздух широко раскрытым ртом, удлинил свои прыжки и опять оставил позади чужеземца. Пандион не сдавался. Хотя у него темнело в глазах и сердце вырывалось из груди, он вновь нагнал противника. Тот бежал, уже ничего не видя перед собою, не разбирая дороги, и вдруг, споткнувшись, упал. Пандион пронесся на несколько локтей вперед, остановился и подскочил к упавшему, чтобы помочь ему встать. Фульбо гневно оттолкнул его, поднялся, шатаясь, и с трудом выговорил, глядя прямо в лицо Пандиону:

— Ты... победил... но берегись!.. Ирума...

Мгновенно все стало понятно молодому эллину, и к торжеству победы примешалось ощущение чего-то нехорошего, какой-то неловкости, как будто он вторгся о чужое и запретное.

Фульбо уныло понурил голову и пошел тяжелым шагом, более не делая попыток бежать. Пандион не спеша вернулся к черте, встреченный приветствиями зрителей. Чувство вины не покидало его.

Едва молодой эллин очутился в своей пустой хижине, как уже начал тосковать по Ируме. Назначенная на завтра встреча казалась такой далекой.

В тот же вечер вернулись охотники. Товарищи Пандиона пришли усталые, нагруженные добычей, полные переживаний. Этруск и негр ликовали, увидев поздоровевшего Пандиона. Кидого шутя предложил бороться, и через мгновение Пандион и негр катались в пыли, сжимая друг друга в железных объятиях, а Кави пинал их ногами и бранил, пытаясь разнять.

Друзья приняли участие в общей пирушке, устроенной в честь возвратившихся охотников. Опьяненные пивом, участники охоты хвалились друг перед другом своими успехами. Молодой эллин сидел в стороне, бросая незаметно взгляд в сторону лужайки, где танцевала молодежь, и стараясь рассмотреть Ируму среди вереницы юношей и девушек.

Слегка пошатываясь, поднялся один из вождей и начал говорить приветственную речь, сопровождая ее плавной, красивой жестикуляцией. Пандион смог уловить только общий смысл, заключавшийся в том, что вождь хвалил пришельцев, сожалел об их скором уходе и предлагал чужеземцам остаться, обещая принять их в число соплеменников.

Пир окончился уже ночью, когда охотники вдоволь насытились нежным мясом молодых жирафов и прикончили весь запас пива. По дороге в хижину Кидого заявил, что завтра все бывшие рабы, которых осталось двадцать семь человек, будут держать совет о дальнейшем пути. Кидого удалось поговорить с бродячими охотниками, которых он встретил в лесу. Они хорошо знали местность к западу от селения и рассказали, куда идти. Расстояние, отделяющее их от моря и родины Кидого, очень велико, но он знает теперь, что за три месяца даже медленной ходьбы они будут там. Что теперь может остановить их, испытанных в борьбе, крепких дружбой? Каждый из двадцати семи стоит пяти воинов! Негр гордо расправил плечи, поднял к звездам веселое хмельное лицо, обнял Пандиона и с волнением закончил:

— Теперь мое сердце спокойно! Ты здоров — в дорогу! В дорогу хоть завтра!

Пандион молчал, в первый раз чувствуя, что его желания не совпадают со стремлением друзей. Молодой эллин не умел лицемерить.

После сегодняшнего свидания Пандион понял, что тоска, все время остро бередившая его душу, вызвана любовью к Ируме. Девушка в расцвете юной красоты встретилась ему после жестокой жизни раба, на пороге свободы!

Неужели этого мало ему, так недавно цеплявшемуся за самую маленькую надежду на дне темной ямы-тюрьмы? Что

нужно, наконец, ему в мире и жизни, когда любовь властно зовет его остаться здесь, среди золотой степи? И тайное, скрываемое от себя самого стремление навсегда остаться с Ирумой стало крепнуть в душе Пандиона. Доверчивая молодость эллина незаметно уводила его в страну грез, где все было так легко и просто.

Завтра он увидится с Ирумой, все скажет ей... А она — она тоже любит его!

Бывшие рабы должны были встретиться на другом конце селения. Там, в двух больших хижинах, они и жили. Кави, Кидого и Пандион занимали отдельную маленькую хижину, отданную им из-за болезни эллина.

Пандион, точивший копье в углу хижины, встал и направился к выходу.

— Куда ты идешь? — спросил его удивленный этруск. — Разве ты не будешь на совете?

— Я приду потом, — отворачиваясь, ответил Пандион и поспешно вышел из хижины.

Этруск внимательно посмотрел ему вслед и недоуменно переглянулся с Кидого, усердно трудившимся около входа над большим куском толстой кожи, изготовляя щит.

Молодой эллин не сказал друзьям, что Ирума ждет его сегодня на опушке леса. Чувствуя, как с приходом товарищей выросла внезапная угроза его только что родившейся любви, Пандион не в силах был отказаться от свидания. Он оправдывал себя тем, что все равно узнает решение совета от друзей.

Приблизившись к лесу, Пандион долго искал глазами Ируму, как вдруг улыбающаяся девушка отделилась от ствола дерева и сама предстала перед эллином. Ирума накинула отцовский охотничий плащ из мягкой коры и в нем на фоне деревьев была совершенно незаметна. Девушка сделала знак Пандиону следовать за собой и быстро пошла вдоль опушки к полукруглому выступу леса, вдававшемуся в степь в трех тысячах локтей от селения. Там она вошла под деревья. Пандион с любопытством смотрел по сторонам — впервые он находился в африканском лесу. Эллин представлял его совсем другим — лес тянулся длинной лентой по долине речки, омывавшей селение, и в ширину был не больше двух тысяч локтей.

Это был громадный свод высоких деревьев, темная галерея над глубокой, вечно сумрачной лощиной речки.

Деревья дальше становились все выше, а у берега, круто спускавшегося к самой воде, клонились к земле, скрещивая в

высоте свои ветви. Стройные и прямые стволы с белесой, черной и коричневой корой уходили ввысь на целую сотню локтей, как густая колоннада высокого здания. Ветви густо переплетались в сплошной свод, непроницаемый для солнца. Сумрачный серый свет струился сверху, угасая в глубоких впадинах между странными корнями, похожими на невысокие стены. Тишина, не нарушаемая никакими звуками, кроме едва слышного журчания воды, полумрак, исполинская высота лесной колоннады подавили Пандиона. Он показался себе незваным пришельцем, вторгнувшимся в запретное, полное тайны сердце чужой природы.

Над самой водой в зеленом своде были узкие просветы — там с высоты обрушивался сплошной каскад золотого огня. Свет, одевая деревья сияющим туманом, дробился в промежутках между стволами на вертикальные полосы, постепенно угасавшие в глубине леса. Темные, таинственные храмы Айгюптоса пришли на память Пандиону. Построившие их мастера не придумали нового — волшебное воздействие гигантских сводов, сумерки и тишина, уводящие от мира, оказывается, существовали в природе. Исполинский лес был величественнее любого храма, но сила человека заключалась в том, что он мог создавать свои храмы в любом месте и там, где леса не росли... Канаты ползучих растений перекидывались от ствола к стволу свободными петлями или опускались вниз, образуя волнистые занавеси. Почва, усыпанная листьями, трухой гнилых плодов и ветвей, была пушистой и мягкой, кое-где по ней были разбросаны мелкие звезды пестрых цветов.

Со стволов свисали, как содранные куски кожи, длинные ленты шелушившейся коры.

Большие бабочки бесшумно летали над землей; их трепещущие крылья привлекали внимание молодого эллина причудливыми сочетаниями красок — ярких, бархатисто-черных, металлически-синих, красных, золотых и серебристых.

Ирума уверенно шла между корнями, спускаясь к реке, и привела Пандиона на ровную площадку у самого водотока, покрытую нежным ковром пушистых мхов. Здесь стояло дерево, разбитое молнией. В отщепе твердой желтой древесины выступали грубые очертания человеческой фигуры. Дерево, очевидно, служило предметом почитания — кругом него были развешаны цветные тряпки, зубы хищников. В земле торчали три почерневших слоновых клыка.

Ирума, почтительно склонив голову, приблизилась к старому дереву и поманила Пандиона к себе.

— Это предок нашего рода, рожденный от громового удара, — тихо произнесла девушка. — Дай ему что-нибудь, чтобы древние были добры к нам.

Пандион оглядел себя — у него не было ничего, что он мог бы отдать этому грубому богу, мнимому предку Ирумы. Юноша, улыбаясь, развел руками, но девушка была неумолима.

— Дай это! — Тут она дотронулась до пояса, сплетенного из жирафьих хвостов, только что сделанного Кидого для Пандиона на память об охоте.

Молодой эллин послушно развязал и отдал девушке полоску кожи. Ирума сбросила плащ. Она была в домашнем наряде — без браслетов, без ожерелья, только в широком кожаном поясе, косо спадавшем на левое бедро.

Девушка поднялась на носках, потянулась к зазубрине у головы идола и прикрепила там дар Пандиона. Ниже Ирума прицепила лоскуток пестрой шкуры леопарда и связку похожих на бусы темно-красных зерен. Потом девушка высыпала к подножию идола горсть проса и, довольная, отступила.

Теперь она пристально смотрела на Пандиона, прислонившись спиной к стволу невысокого дерева с сотнями красных цветов между листьями[1]. Казалось, что алые лампады светились над головой девушки и красные блики их играли на блестящей коже Ирумы.

Пандион стоял, безмолвно любуясь девушкой. Ее красота казалась ему священной в тишине исполинского леса — храма неведомых богов, так резко отличавшихся от радостных небожителей его детства.

Светлая, спокойная радость наполнила душу Пандиона — он снова становился художником, и прежние стремления проснулись в нем.

Но внезапно встало из глубины памяти необычайно отчетливое видение. Там, на бесконечно далекой родине, под шум сосен и моря, так же стояла, прижавшись к дереву, Тесса в ушедшие, невозвратные дни...

Ирума закинула руки за голову, слегка перегнулась в тонкой талии и вздохнула. Смятенный Пандион отступил на шаг — Ирума приняла ту же позу, в какой он хотел изобразить Тессу.

Перед эллином воскресло прошлое, с новой силой вспыхнуло стремление в Энниаду. В путь, навстречу новой борьбе, прочь от Ирумы!..

[1] Тюльпанное дерево из семейства магнолиевых.

Пандиона мучило раздвоение прежде всегда ясных его стремлений. Он обнаружил в себе неведомое ранее противоречие, и это испугало его.

Здесь с неудержимой силой звала его жаркая, как само солнце Африки, юная, как цветущая после дождей степь, мощная, как широкий поток, власть жизни. Там были все самые светлые его мечты о великом творчестве. Но разве не сама красота в образе темнокожей дочери африканских степей стояла перед ним, близкая и радостная? Так непохожи были Ирума и Тесса — они совсем разные, и все же в обеих жила одна и та же достоверность прекрасного.

Тревога Пандиона передалась девушке. Она приблизилась к нему, и певучие слова чужого языка нарушили тишину леса.

— Ты наш, золотоглазый... Я танцевала танец великой богини... Предок принял дары... — Голос Ирумы замер, длинные ресницы прикрыли глаза. Девушка крепко обняла Пандиона за шею и прильнула к нему.

У молодого эллина потемнело в глазах, отчаянным усилием он отстранился. Она подняла голову. Рот ее по-детски приоткрылся.

— Ты не хочешь жить здесь? Ты уйдешь с товарищами? — удивленно спросила Ирума, и Пандиону стало стыдно.

Пандион нежно привлек к себе Ируму и, подбирая подходящие слова, усвоенные из языка ее народа, пытался передать ей великую тоску по родине, по Тессе... Голова Ирумы запрокинулась вверх на широкой груди молодого эллина, ее глаза погрузились в золотистое сияние его глаз, зубы обнажились в слабой улыбке. Ирума заговорила, и в звуке ее слов была та же нежность, та же ласка любви, которая опьяняла Пандиона в устах Тессы.

— Да, если ты не можешь жить здесь, тебе нужно уйти... — Девушка запнулась на последнем слове. — Но, если я и мой народ хороши для тебя, оставайся, золотоглазый! Подумай, реши, приходи, я буду ждать!

Девушка выпрямилась, гордо закинув голову. Такой же серьезной и строгой видел ее Пандион во время танца.

С минуту молодой эллин стоял перед ней, затем, внезапно решившись, протянул к девушке руки. Но она исчезла за деревьями, растворившись во мраке лесной чащи...

Исчезновение Ирумы поразило Пандиона, как тяжкая утрата. Эллин долго стоял в мрачном лесу, потом побрел наугад сквозь золотистый туман поляны, борясь с желанием броситься вслед за Ирумой, разыскать ее, сказать ей, что любит, что остается с ней.

Ирума, едва только скрылась от Пандиона за деревьями, пустилась бежать, легко перепрыгивая через корни, проскальзывая между лианами. Девушка мчалась все быстрее, пока совсем не выбилась из сил. Она, тяжело дыша, остановилась на берегу спокойного водоема — тихой заводи расширявшейся здесь речки. Яркий свет ослепил ее, тело обдало жаром после мрака и прохлады леса.

Ирума сквозь слезы увидела свое отражение на гладкой поверхности воды и невольно осмотрела себя всю в этом большом зеркале... Да, она красива! Но, значит, красота еще не все, если чужеземец, золотоглазый, храбрый и ласковый, хочет уйти от нее. Значит, ему нужно еще что-то... Но что?..

Солнце садилось за холмистой степью. Косая голубая тень лежала у порога хижины, где сидели Кидого и Кави.

По тому, как беспокойно зашевелились оба друга, Пандион понял, что этруск и негр давно уже ждали его. Потупившись, молодой эллин подошел к друзьям. Кави встал, торжественный и суровый, положил руку на плечо друга.

— Мы хотим говорить с тобой — он и я. — Этруск кивнул в сторону ставшего рядом Кидого. — Ты не пришел на совет, но все решено — завтра мы уходим...

Пандион отшатнулся. Слишком много событий произошло за последние три дня. И все же молодой эллин не думал, что товарищи будут так торопиться. Он сам спешил бы не меньше, если бы... если бы не было Ирумы!

Во взглядах друзей молодой эллин прочитал осуждение. Необходимость на что-то решиться, давно точившая душу Пандиона и бессознательно отбрасываемая им в наивной надежде, что все как-нибудь уладится, теперь приближалась. Как будто стена опять загородила доступ к радостному миру свободы — той свободы, которая на самом деле жила лишь в мечтах Пандиона.

Он должен решить, остается ли он здесь с Ирумой или, навсегда потеряв ее, уходит с товарищами. Жить, не имея никакой надежды снова увидеть ее, когда его и Ируму разделит необъятное пространство... Ужасное «навсегда» горело в сердце Пандиона раскаленным углем. Но если он останется здесь, то это будет тоже навсегда: только в соединенных усилиях двадцати семи человек, готовых на все, даже на верную гибель, ради возвращения на родину, была возможность одолеть пространство, держащее их в плену земли. Значит, если он

останется, то навсегда потеряет родину, море, Тессу — все то, что поддерживало его и помогло очутиться здесь.

Сможет ли он жить здесь, слиться с этой приветливой, но все-таки чужой жизнью, когда не будет с ним верных товарищей, испытанных в беде, на дружбу которых привычно и незаметно он опирался все время? И даже без раздумья, всем сердцем Пандион почувствовал ясный ответ.

А разве то, что он оставит друзей, спасенный и вновь ставший сильным благодаря им, не будет изменой?

Нет, он должен идти с ними, оставив здесь половину сердца!

И воля молодого эллина не выдержала испытания. Он схватил за руки товарищей, с тревогой наблюдавших душевную борьбу, отражавшуюся на открытом лице Пандиона, и принялся умолять их не уходить так скоро. Теперь, когда они свободны, что стоит им прожить здесь еще немного, лучше отдохнуть перед дорогой, лучше узнать незнакомую страну!

Кидого заколебался: негр очень любил молодого эллина. Этруск нахмурился еще сильнее.

— Пойдем туда, здесь чужие глаза и уши. — Кави втолкнул Пандиона в темноту хижины и, выйдя, вернулся вновь с угольком. Он зажег маленький факел. При свете, ему казалось, легче будет убедить смятенного друга. — На что ты надеешься, если мы останемся, — строго спросил этруск, и его слова врезались в душу Пандиона, — если ты потом все равно уйдешь? Или ты хочешь взять ее с собой?

Нет, мысль о том, чтобы Ирума пошла с ними в бесконечно далекую и смертельно опасную дорогу, даже не приходила на ум Пандиону, и он отрицательно покачал головой.

— Тогда ты непонятен мне, — жестко сказал этруск. — Разве другие наши товарищи не нашли себе здесь девушек по сердцу? На совете никто из них не колебался, что выбрать — женщину или родину, никто не подумал остаться. Отец Ирумы, охотник, думает, что ты не пойдешь с нами. Ты понравился ему, слава о твоей храбрости прошла в народе. Он сказал мне, что готов принять тебя в дом. Неужели ты покинешь нас, забудешь родину ради девчонки?!

Пандион опустил голову. Ему нечего было ответить, он не смог бы объяснить этруску то, в чем Кави был неправ. Как сказать ему, что Пандион не просто поддался страсти? Как выразить то, что захватывало его в Ируме как художника? Для него Ирума стала воплощением красоты, в ней искрилась и сверкала древняя сила жизни, так привлекавшая молодого скульптора, в котором вместе с любовью проснулось и творче-

ство! А с другой стороны, суровая правда жгла его в речи этруска — он забыл, что у чужого народа есть свои законы и обычаи. Оставшись здесь, он должен будет стать охотником, слить свою судьбу с судьбой этого народа. Такова была неизбежная плата за счастье с Ирумой... Одна Ирума здесь близка ему. Спокойный и жаркий простор золотой степи вовсе не походил на шумный и подвижный простор родного моря. И девушка была частью этого мира, временным гостем которого он не переставал себя чувствовать... А там, вдали, маяком светила ему родина. Но если этот маяк угаснет, разве он сможет жить без него?..

Этруск выдержал паузу, чтобы дать Пандиону время подумать, и начал снова:

— Хорошо, ты станешь ее мужем, чтобы вскоре покинуть ее и уйти. И ты думаешь, что ее народ отпустит нас с миром и поможет нам? Ты оскорбишь их гостеприимство. Наказание, следуемое тебе по заслугам, падет на нас всех... А потом, почему ты уверен, что остальные товарищи согласятся ждать? Они не согласятся, и в этом я буду с ними!

Этруск помолчал и, как бы устыдившись резкости своих слов, грустно добавил:

— Сердце мое болит, ибо, когда достигну я моря, не будет у меня друга, искусного в корабельном деле. Мой Ремд погиб, и вся надежда была на тебя — ты плавал по морю, учился у финикийцев... — Кави опустил голову и замолчал.

Кидого бросился к Пандиону и надел на шею молодого эллина мешочек на длинном ремешке.

— Я хранил его, пока ты был болен, — сказал негр. — Это твой морской амулет... Он помог победить носорога, он поможет всем нам дойти до моря, если ты пойдешь с нами...

Пандион вспомнил про подаренный ему Яхмосом камень. Он совсем забыл об этом сверкающем символе моря, как забыл в эти дни еще и о многом другом. Он глубоко вздохнул. В эту минуту в хижину вошел высокий человек с большим копьем в руке. Это был отец Ирумы. Он непринужденно уселся на пол, поджав ноги; дружески улыбнулся Пандиону и обратился к этруску.

— Я пришел к тебе с делом, — неторопливо начал охотник. — Ты сказал, что через одно солнце вы решили уходить на родину.

Кави утвердительно кивнул головой и молчал, ожидая, что будет дальше. Пандион с беспокойством поглядывал на державшегося с простым и величавым достоинством отца Ирумы.

— Путь далек, много зверей стережет человека в степи и в лесу, — продолжал охотник. — У вас плохое оружие. Запомни, чужеземец: со зверями нельзя сражаться, как с людьми. Меч, стрела и нож хороши против человека, но против зверя самое лучшее — это копье. Только копье может удержать сильного зверя, остановить его, достать издалека сердце зверя. Ваши негодны для нашей степи! — Охотник пренебрежительно указал на прислоненное к стене хижины тонкое египетское копье с маленьким медным острием. — Вот какое здесь нужно!

Отец Ирумы положил Кави на колени принесенное им оружие и снял с него длинный кожаный чехол.

Тяжелое копье было больше четырех локтей в длину. Его древко, в два пальца толщины, было сделано из твердого, плотного, блестящего, как кость, дерева. Посередине древко утолщалось, обшитое тонкой шероховатой кожей гиены. Вместо наконечника на нем было лезвие в локоть длиной и шириной в три пальца, сделанное из светлого твердого металла — редкого и дорогого железа.

Кави задумчиво потрогал острое лезвие, прикинул на руке тяжесть оружия и со вздохом вернул охотнику.

Тот улыбнулся, следя за впечатлением, произведенным копьем на этруска, и осторожно сказал:

— Изготовить такое копье — большой труд... Металл для него добывается соседним племенем, и они продают его дорого. Зато копье спасет тебя не раз в смертельном бою...

Не понимая, к чему клонит охотник, Кави молчал.

— Вы принесли с собой сильные луки из Та-Кем, — продолжал охотник. — Мы не умеем делать такие и хотели бы поменять их на копья. Вожди согласились дать вам по два копья за каждый лук, а копья, я сказал, будут вам нужнее.

Кави вопросительно посмотрел на Кидого, негр кивком головы подтвердил мнение охотника.

— В степи много дичи, и нам не понадобятся стрелы, — сказал Кидого. — Но в лесах будет хуже. Однако лес далек, а шесть копий вместо трех луков надежнее при нападении зверей.

Кави подумал, согласился на обмен и принялся торговаться. Но охотник был непреклонен, доказывая, что предложенное им оружие — ценность. Они никогда не отдали бы по два копья за каждый лук, если бы не нужно было узнать, как изготовляются луки Черной Земли.

— Хорошо, — сказал этруск. — Мы отдали бы их вам в дар за приют и пищу, если бы не шли так далеко. Мы принимаем условие — завтра ты получишь луки.

Охотник просиял, хлопнул Кави по руке, поднял копье, вглядываясь в красный отблеск факела на лезвии, и надел на него кожаный чехол, украшенный кусочками разноцветных шкур.

Этруск протянул руку, но охотник не отдал оружие.

— Ты получишь завтра не хуже. А это... — отец Ирумы сделал паузу, — я дарю твоему золотоглазому другу. Чехол его сшила Ирума сама! Смотри, как он красив.

Охотник протянул копье молодому эллину, нерешительно принявшему подарок.

— Ты не идешь с ними, — отец Ирумы показал на этруска и негра, — но хорошее копье — это первое имущество охотника, а я хочу, чтобы ты прославил наш род, став моим сыном!

Кидого и Кави впились взглядами в друга; негр с хрустом сжал пальцы. Решительный момент наступил.

Пандион побледнел и внезапно резким, отстраняющим жестом протянул охотнику копье обратно.

— Ты отказываешься? Как мне понять это? — вскричал пораженный охотник.

— Я ухожу с товарищами, — с трудом произнес молодой эллин.

Отец Ирумы неподвижно стоял, глядя на Пандиона, потом с гневом швырнул копье ему под ноги:

— Пусть будет так, но не смей больше смотреть на мою дочь! Я сегодня же отошлю ее!

Пандион, не мигая, с широко раскрытыми глазами стоял перед охотником. Неподдельное горе исказило его мужественные черты, и какое-то смутное сочувствие ослабило гнев отца Ирумы.

— У тебя хватило мужества решить, пока не поздно. Это хорошо, — сказал он. — Но раз уходишь, уходи скорее...

Охотник еще раз угрюмо осмотрел Пандиона с головы до ног, издав какой-то неопределенный звук.

На пороге хижины отец Ирумы оглянулся на Кави.

— Что сказал, то и будет! — грубо буркнул он и исчез в темноте.

Негру стало не по себе от блеска глаз молодого эллина, и он почувствовал, что сейчас Пандиону не до друзей. Эллин постоял, вперив взгляд в пространство, точно спрашивая темную даль, как ему поступить. Он медленно повернулся и бросился на постель, закрыв лицо руками.

Кави зажег новый факел: ему не хотелось оставлять Пандиона в темноте одного со своими мыслями. Этруск и негр

уселись в стороне и остались бодрствовать, не разговаривая. Время от времени они тревожно посматривали на друга, которому не могли ничем помочь.

Медленно шло время, наступила ночь. Пандион пошевелился, вскочил, прислушиваясь, и бросился вон из хижины. Но широкие плечи этруска заслонили вход. Молодой эллин натолкнулся на его скрещенные руки и остановился, сдвинув брови.

— Пусти! — нетерпеливо сказал Пандион. — Я не могу! Я должен проститься с Ирумой, если ее не отправили куда-то...

— Опомнись! — ответил Кави. — Ты погубишь ее, себя и всех нас!

Пандион молчал и пытался оттолкнуть этруска, но тот стоял крепко.

— Решил — тогда довольно, не гневи ее отца! — продолжал убеждать друга Кави. — Пойми, что может произойти...

Молодой эллин толкнул Кави еще сильнее, но сам получил толчок в грудь и отступил. Негр, увидев столкновение друзей, подбежал, растерянный, не зная, что предпринять. Молодой эллин стиснул зубы, глаза его загорелись недобрым огнем. Раздув ноздри, он кинулся на Кави. Этруск быстро выхватил нож и, повернув оружие рукояткой к Пандиону, гневно закричал:

— На, бери! Бей!

Пандион опешил. Этруск выпятил грудь, приложил к сердцу левую руку, а правой продолжал направлять рукоятку ножа в сторону Пандиона:

— Бей сразу, вот сюда! Все равно живой я не пущу тебя! Убей — тогда иди! — яростно кричал Кави.

В первый раз Пандион видел своего хмурого и мудрого друга в таком состоянии. Он отступил, беспомощно застонал и побрел к своей постели; опять упал на нее и повернулся к друзьям спиной.

Кави, тяжело дыша, вытер со лба пот и сунул нож за пояс.

— Мы должны стеречь его всю ночь и уходить скорее, — сказал он испуганному Кидого. — На рассвете ты предупредишь товарищей, чтобы собирались.

Пандион ясно расслышал слова этруска, означавшие, что ему не удастся увидеть Ируму. Он задыхался, почти физически ощущая тесноту вокруг себя. Эллин боролся с собой, напрягая всю волю, и постепенно бурное отчаяние, почти бешенство, сменилось тихой печалью.

* * *

И снова африканская степь раскрыла свой горячий простор перед двадцатью семью упрямцами, во что бы то ни стало решившими вернуться на родину.

Теперь после дождей, грубая, с большими бурыми колосьями трава [1] поднималась на высоту двенадцати локтей, и в ее душной чаще без следа скрывались даже гигантские тела слонов. Кидого объяснил Пандиону, почему нужно спешить: скоро окончится время дождей и степь начнет гореть, превращаясь в безжизненную, засыпанную золой равнину, где трудно будет найти пищу.

Пандион молчаливо соглашался. Его печаль была еще слишком свежа. Но, очутившись среди своих товарищей, которым он был столь многим обязан, молодой эллин чувствовал, как снова оплетают его узы мужской дружбы, как растет в нем самом стремление идти вперед, жажда борьбы и разгорается все сильнее маяк Энниады.

И, несмотря на острую тоску по Ируме, Пандион теперь чувствовал себя прежним, без тревоги идущим по избранному пути. Не исчезло жадное внимание художника к формам и краскам природы, желание творить.

Двадцать семь сильных мужчин были вооружены копьями, метательными дротиками, ножами и несколькими щитами.

Бывшие рабы, испытанные в бедствиях и сражениях, представляли собой значительную силу и могли не опасаться бесчисленных зверей.

В пути, среди высокой травы, опасность была серьезной. Поневоле приходилось идти гуськом, пробираясь по узким коридорам звериных троп, в течение долгих часов видя перед собою только спину идущего впереди товарища. А из шуршащих высоких стен справа и слева ежеминутно грозила опасность — в любой момент стебли могли расступиться и пропустить подкравшегося льва, разъяренного носорога или высокую, необъятную тушу злобного, одинокого слона. Трава разъединяла товарищей, и хуже всего приходилось идущим позади: на них мог обрушиться гнев зверя, встревоженного впереди идущими. По утрам трава была пропитана холодной росой, сверкающая пыль водяных брызг стояла над мокрыми телами людей. В знойное время дня роса исчезала бесследно,

[1] *Слоновая трава* — огромный злак, до 6 метров высоты.

сухая пыль щекотала горло, ссыпаясь с верхушек стеблей; в тесных проходах нечем было дышать.

В конце третьего дня пути на храброго ливийца Такела, шедшего сзади, напал леопард, и только благодаря счастливой случайности юноша отделался незначительными царапинами. На следующий день на Пандиона и его соседа-негра прыгнул из травы огромный темногривый лев. Копье отца Ирумы сдержало хищника, и товарищ эллина, подхватив щит, который от неожиданности уронил Пандион, напал на льва сзади. Зверь повернулся к новому врагу и пал, пронзенный тремя копьями. Кидого прибежал, запыхавшийся от волнения, когда все было кончено и воины, тяжело дыша, стирали с копий быстро побуревшую львиную кровь. Хищник лежал, почти незаметный в желтой измятой траве. Сбежались все участники похода, громкие крики поднялись над местом сражения. Все доказывали двум коренастым неграм — Дхломо и Мпафу, вместе с Кидого ведшим отряд, — что в конце концов звери кого-нибудь убьют. Надо обойти эту равнину высокой травы. Проводники вовсе и не думали возражать. Отряд повернул круто к югу и еще до вечера приблизился к длинной ленте леса, протянувшейся как раз в нужном юго-западном направлении. Такой лес был знаком Пандиону — зеленый сводчатый коридор над узкой степной речкой. Леса-галереи пересекали степь в разных направлениях по руслам рек и ручьев.

Путникам повезло: под зеленым сводом не было колючих зарослей, лианы не сплели непроходимых завес — отряд бодро двинулся по узкой лесной ленте, лавируя между гигантскими корнями. Глубокая тишина и прохладный полумрак сменили шелест травы в духоте ослепительного дня. Лес протянулся очень далеко — день за днем шли по нему путники, изредка выходя в степь за дичью или влезая на низкие деревья опушки, чтобы проверить направление.

Хотя передвижение здесь было более легким и менее опасным, Пандиона угнетали сумрак и тишина таинственного леса. Молодой эллин возвращался к воспоминаниям о встрече с Ирумой в таком же лесу. Утрата казалась огромной, тоска окутывала для Пандиона весь мир серой дымкой, а неведомое будущее было таким же сумрачным, молчаливым и темным, как лес, по которому они шли.

Пандиону представлялось, что темная дорога в однообразном чередовании колоннад огромных древесных стволов, мрака и солнечных пятен, ям и бугров бесконечна.

Она вела в неизвестную даль, все глубже вонзаясь в сердце чужой и странной земли, где все было незнакомо и только

круг бдительных товарищей спасал от неизбежной смерти. Море, к которому он так стремился, казавшееся легкодостижимым, когда он был в плену, теперь отодвинулось безмерно далеко, загражденное тысячами препятствий, месяцами трудного пути... Море оторвало его от Ирумы, а само осталось недоступным...

В конце леса перед путниками предстало обширное болото. Оно пересекало путь от края до края горизонта, протянулось вперед, закрытое вдали зеленоватой мглой влажных испарений, по утрам опоясываясь низкой пеленой белесого тумана. Белые цапли летали небольшими стаями над морем тростников.

Кави, Пандион и ливийцы, озадаченные препятствием, в недоумении смотрели на ярко-зеленую чащу болотных зарослей с горящими на солнце окнами воды. Но вожатые удовлетворенно переглядывались и улыбались: путь был верен, две недели трудного похода не пропали даром.

На следующий день отряд связал плоты из особого, необычайно легкого и пористого тростника[1], коленчатые стебли которого достигали десяти локтей. Путники поплыли вдоль высоких зарослей метельчатых папирусов, лавируя между красновато-бурыми нагромождениями засохших и поломанных стеблей тростника, плавучими островами травы. На каждом плоту было по два или по три человека, осторожно балансировавших длинными шестами, мерно вонзавшимися в илистое дно.

Темная вонючая вода казалась густым маслом, пузырьки болотного газа поднимались на поверхность из-под шестов, липкая плесень пенилась ржаво-бурыми оторочками вдоль зеленых стен. Ни одного сухого места не было на всем видимом пространстве, влажная жара томила обливавшихся потом людей, сверху жгло беспощадное солнце. К вечеру миллионы зловредных мошек густыми тучами нападали на людей. Счастьем было найти незатопленный бугорок, на котором разводился огромный дымящий костер. Еще легче было при ветре, отгонявшем тучи насекомых и дававшем возможность выспаться после тяжелых дней и ночей. Ветер склонял тростник, волна за волной бежали по бесконечному океану зелени.

Несметное количество гадов пряталось в прелой воде и гниющих зарослях. Гигантские крокодилы скоплялись сотня-

[1] *Амбаг* — очень легкий и толстый тростник, до 7 метров высоты.

ми на буграх отмели или выглядывали из зеленых стен, наполовину скрытые стеблями. Ночами чудовища ревели — их глухой, низкий рев наполнял людей суеверным ужасом. В реве крокодилов не было ярости или угрозы — что-то бездушное и бесстрастное чудилось в этих низких отрывистых звуках, раскатывавшихся над стоячей водой в темноте ночи.

Путникам встретился мелкий залив, усеянный полуразмытыми конусовидными холмами из ила в полтора локтя высоты. Бурая вода издавала нестерпимую вонь, холмики были покрыты белой корой птичьего помета. Негры разъяснили, что это было место гнездовья больших длинноногих розовых птиц[1], которые в другое время тучами покрывали бы болото. От плохой воды и вредных испарений заболели несколько человек, главным образом ливийцев. Жестокая лихорадка изнуряла людей, безучастно лежавших на плотах под ногами товарищей.

На пятый день плавания среди болотных зарослей стали все чаще попадаться пространства свободной воды, из которой торчали вершины деревьев. Пандион с удивлением спросил Кидого, что это значит. Черный друг, улыбаясь во всю ширину своего большого рта, объяснил, что скоро конец мучениям.

— Здесь, — сказал негр, ткнув шестом в глубокую воду, — в сухое время земля горит от жары, а это разлив, от дождей.

— Какая же это река? — снова спросил Пандион.

— Здесь не одна река, а две [2] и длинная цепь болот между ними, — ответил негр. — В сухое время реки эти почти не текут.

Кидого, как всегда за последнее время, оказался прав — скоро плоты стали задевать за илистое дно, а впереди земля, повышаясь, переходила в ровную степь. Там росла особая трава с серебристо-белыми колосьями, и, блестя под лучами солнца, поверхность степи издалека казалась продолжением водяной глади. С чувством глубокого облегчения путники по пояс в грязи, распугивая криками крокодилов, выбрались на твердую горячую землю. Ветер, свежий и сухой, приветствовал их, прогоняя тяжелую духоту болота. Отряд добрался до возвышенности, на которой росли кусты с голубовато-зелеными листьями, покрытые оранжевыми плодами величиной с яйцо.

---

[1] Фламинго.

[2] *Две реки* — подразумеваются Бахр-эль-Араб и Бахр-эль-Газаль, в древности более многоводные, чем в настоящее время.

Здесь путники нашли чистую воду и решили остановиться. Они устроили вокруг лагеря колючую стену в шесть локтей высоты. Негры собрали груду оранжевых плодов, оказавшихся удивительно вкусными и нежными, и принесли еще каких-то листьев, соком которых принялись лечить больных лихорадкой товарищей. Здоровые отсыпались вволю, болячки, образовавшиеся от укусов болотных мошек, быстро заживали. Несколько дней подряд не лил дождь. По утрам бывало очень прохладно, и чернокожие участники похода зябли и страдали от холода.

Вскоре путешественники отправились дальше.

Двадцать пять дней шли они по степи. Теперь их осталось девятнадцать человек — восемь отделились после перехода через болото и ушли на север, к своим родным местам, до которых им осталось не более десяти переходов. Как ни звали они с собой остальных, упрямцы были верны себе в решении пробиваться к морю.

Серая дымка закрывала голубой небосвод, по-прежнему изливавший ослепительное сияние. По ночам небо нередко затягивалось тучами, страшный гром несся без перерыва над степью, но ни единый проблеск молнии не рассекал бархатно-черную тьму ночи, ни капли дождя не падало на высохшую траву и трескавшуюся от жары землю.

В степи были разбросаны маленькие холмы — остроконечные конусы или башни с закругленными верхушками до десяти локтей высоты. Внутри этих холмов из твердой, как кирпич, глины жили бесчисленные крупные насекомые, похожие на муравьев, опасные своими сильными челюстями. Пандион уже привык к множеству зверей; его не удивляли более жирафы или скопища слонов по тысяче голов в стаде. Теперь он увидел стада странных животных полосатой, белой с черным, окраски. Они походили на лошадей Энниады, но и отличались от них: при небольшом росте и тонких ногах у полосатых зверей были более широкие крупы, прогнутые в крестце спины, плавный изгиб верхней губы, короткие хвосты и гривы. Пандион с любопытством смотрел на их многочисленные табуны, появлявшиеся у водопоя. Он мечтал о том, чтобы поймать полосатых лошадей и приспособить их к езде. Однако, когда он поделился своими соображениями с Кидого и другими товарищами-неграми, те долго и громко хохотали. Негры объяснили молодому эллину, что полосатые животные сильны, злы и неукротимы, что если бы и удалось поймать несколько более смирных, то двух десятков, нужных им, не собрать и в десять лет.

Второе разочарование пережил Пандион при встрече с буйволами. Он увидел массивных темно-серых быков с широкими, загнутыми на концах рогами и решил подкрасться к ближайшему, чтобы уложить его копьем, но Кидого, навалившись на юношу всем телом, придавил его к земле. Негр уверял друга, что эти быки чуть ли не самые опасные звери южной страны, что охотиться на них нужно, только имея луки или метательные копья, иначе гибель неминуема. Пандион послушался негра и укрылся в кустах, как и остальные, но страх Кидого перед этими быками остался ему непонятным — с его точки зрения, носорог или слон казались куда страшнее.

Дорогу нередко пересекали скалистые гряды, цепи холмов или группы торчащих разрушенных утесов. В таких местах часто встречались отвратительные собакоголовые обезьяны[1]. Эти животные, заметив приближение людей, скоплялись на скалах или под деревьями, без страха рассматривали пришельцев и нагло гримасничали. Пандион с отвращением смотрел на их голые собачьи морды с синими надутыми щеками, обрамленные густой, торчащей дыбом шерстью, на их виляющие зады с красными мозолистыми проплешинами. Обезьяны были опасны. Однажды Кави не стерпел вызывающего поведения трех животных, загородивших ему дорогу, и ударил копьем одну из мерзких тварей. Завязалось серьезное сражение у подножия утесов. Скитальцы были счастливы, что унесли ноги, отступив без ущерба, но со всей возможной поспешностью.

На двадцать пятый день пути по незаметно повышавшейся местности на горизонте показалась темная полоса. Кидого радостно вскрикнул, указывая на нее: там начинался большой лес — последнее препятствие, которое им осталось преодолеть. За покрытыми лесом горами лежало долгожданное море — верный путь к дому.

К полудню отряд достиг пальмовых зарослей. Пандиона удивил странный вид рощи. Раньше в степи не попадались такие высокие и стройные растения, похожие на знакомые по Айгюптосу финиковые пальмы[2]. Каждый ствол поднимался точно из самого центра звездчатой иссиня-черной тени, отбрасываемой вершиной. Между черными звездами теней сухая почва казалась добела раскаленным металлом. По необычайному расположению теней Пандион увидел, что полуден-

[1] Павианы.
[2] Пальмы дулеб.

ное солнце стоит у него прямо над головой. Он сказал об этом Кави. Этруск недоуменно пожал плечами, а Кидого объяснил, что это так и есть на самом деле. Чем дальше к югу, тем выше поднимается солнце, и причину этого никто не знает. Старики говорят еще, что, по преданиям, далеко на юге солнце опять становится ниже.

Долго раздумывать над этой загадкой молодому эллину не пришлось — изнуренные жарой товарищи спешили к воде. На привале Кидого объявил, что к вечеру они достигнут леса и путь их пойдет по лесам и горам, протянувшимся до края земли.

— Там, — негр показал направо, — и там, — рука Кидого повернулась налево, — есть большие реки, но мы не можем плыть по ним. Правая [1] заворачивает на север, к большому пресному морю у края северных пустынь. Левая [2] берет круто на юг и уведет нас далеко от нужного места. Кроме того, вдоль рек живут сильные племена, они едят человеческое мясо и уничтожат всех нас. Мы должны пройти на юго-запад прямо, как по полету стрелы, между обеими реками. Темные леса пусты и безопасны, а на горах никто не живет, боясь сильных гроз и темноты чащ. Звери здесь редки, но нас мало, и мы можем прокормиться охотой и плодами.

Пандион, Кави и ливийцы с сомнением смотрели на лес, вставший перед ними, и их волновали неясные опасения.

Глава седьмая
СИЛА ЛЕСОВ

Среди густого кустарника возвышались необычайные деревья. Их тонкие стволы с выпуклыми поперечными гранями заканчивались плоскими веерами укороченных ветвей с большими листьями, а еще выше торчали длинные и прямые отростки, похожие на зеленые огромные мечи, по десяти локтей в длину[3].

Четыре таких дерева, по два с каждой стороны, стояли, как часовые, в преддверии леса, с угрозой поднимая мечи в бледное небо. Отряд прошел между ними, пробиваясь сквозь

[1] Правая река ныне называется *Шари*.

[2] Левая река ныне называется *Убанги* — главный приток Конго.

[3] Лобелии.

колючие кусты. Огромная свинья[1] с загнутыми клыками и безобразной бугристой головой выскочила из-под куста, негодующе хрюкнула в сторону людей и скрылась...

В первый же день пути по лесу Кави потерял свою палочку с сорока девятью зарубками — число дней похода, и путники перестали считать время. В памяти эллина навсегда запечатлелся однообразный громадный лес.

Отряд шел в молчании. Голоса людей при попытке заговорить гулко раскатывались под непроницаемым зеленым сводом. Никогда на широких просторах золотой степи не чувствовали себя люди такими маленькими и затерянными в глубинах чужой земли. Гигантские канаты ползучих растений, достигавшие иногда толщины человеческого тела, обвивали спиралями гладкие стволы деревьев, сплетались вверху в исполинскую сеть, свисали завесами и отдельными широкими петлями. Ветви деревьев расходились на недостижимой высоте над головами идущих, стволы расплывались в сером сумраке. Лужи гниющей, покрытой плесенью воды часто встречались на пути; иногда бесшумно струились маленькие темные ручьи. На редких полянах солнце слепило глаза, привыкшие к полумраку леса; необычайная густота растений заставляла путников огибать эти места. Невиданные папоротники в четыре человеческих роста простирали, как крылья, свои бледно-зеленые огромные перистые листья[2]. Чеканная сероватая листва мимоз образовывала тончайшие узоры в столбах солнечного света. Масса цветов — кроваво-красных, оранжевых, фиолетовых, белых — с особенной яркостью и пестротой выделялась на светлой зелени листьев, громадных, широких, длинных и узких, ровных, разрезных или зазубренных. В дикой путанице переплетались извилистые спирали ползучих побегов, торчали грозные, в палец длиной, колючки, беспощадно рвавшие тело. Неистовый гомон и щебет птиц раздавались на полянах, как будто вся жизнь леса сосредоточивалась здесь.

Люди сверяли направление с солнцем и снова уходили в лесной сумрак, ориентировались по направлению дождевых промоин, по течению ручьев, по косым столбикам солнечных лучей, изредка пробивавших листву. Проводники старались не приближаться к прогалинам еще потому, что вблизи от них

[1] *Бородавочник* — дикая свинья с огромными клыками для вырывания корней.

[2] Древовидные папоротники *циатея* и *тодея* высотой до 10 метров.

на деревьях водились опасные насекомые — страшные черные осы и грозные муравьи. Крупные лишаи, кожистые серые наросты и выступы покрывали стволы деревьев, мшистый зеленый покров одевал гребни высоких корней. Эти плоские корни нередко высотой в пять-шесть локтей отходили от ребер гигантских стволов, как наклонные подпорки. В глубоких ямах между ними мог бы поместиться весь отряд из девятнадцати путников. Корни деревьев заходили друг за друга и чрезвычайно затрудняли передвижение — приходилось перелезать через них или обходить, пробиваясь по узким коридорам. Ноги тонули в массе полусгнивших веток, листьев и высохших побегов, устилавших почву толстым слоем. Кучками встречались белесые грибы с тяжелым трупным запахом. Только там, где деревья не были так высоки, корни не затрудняли путь и ноги отдыхали на покрове мягких мхов. Зато в этих местах рос колючий густой кустарник, принуждавший людей делать обходы или прорубаться сквозь него, теряя силы и время. Какие-то пятнистые слизняки падали с ветвей на голые плечи путников и обжигали ядовитой слизью. Изредка в сумраке мелькала и бесшумно исчезала тень зверя — люди нередко даже не успевали определить породу животного. Ночью здесь господствовала та же глубокая тишина, нарушавшаяся жалобным воем неведомого ночного хищника или резкими криками неизвестной птицы.

Путешественники перевалили через множество невысоких горных гряд, ни разу не выходя на свободное от деревьев пространство. Между хребтами лес был еще гуще; сырой и душный, пахнущий прелой землей воздух долин стеснял дыхание людей.

Миновав долину, по дну которой катился среди больших камней быстрый поток прохладной воды, путники присели отдохнуть.

Начался долгий подъем.

Два дня поднимались в гору путники. Лес становился все гуще и непроницаемее. Исчезли поляны, на которых можно было найти пищу, поваленные гигантские деревья чаще заграждали дорогу. Отряд, избегая колючих завес из тонких упругих стеблей, свисавших сверху, или непроницаемых зарослей кустарников и мелких деревьев, пробирался на четвереньках в промоинах дождевых потоков, бороздивших склоны.

Жесткая сухая земля сыпалась из-под ладоней и колен. Люди ползли в этом лабиринте, держа направление только по водяным рытвинам.

Постепенно становилось все прохладнее, точно в самом деле отряд попал в глубокое, сырое подземелье.

Уже совсем стемнело, когда склон кончился, и, по-видимому, путники поднялись на плоскогорье. Больше не было промоин от дождевых потоков, и, чтобы не потерять направления, путешественники остановились на ночлег. Ни одной звезды не блеснуло сквозь зеленый свод. Сильный ветер бушевал где-то вверху. Пандион долго лежал без сна, прислушиваясь к гулу леса, очень похожему на шум близкого моря. Рокот, шелест и стук ветвей в порывах ветра сливались в могучие всплески, напоминавшие мерные раскаты прибоя.

Рассвет не наступал особенно долго — солнечный свет задерживался сплошным туманом. Наконец невидимое солнце одолело сумрак, и перед людьми предстало подавляющее, угрюмое зрелище.

Стволы чудовищных деревьев, в полтораста локтей высоты, с черной и белой гладкой корой, уходили своими вершинами в молочную густую мглу, совершенно скрывавшую обомшелые ветви. Пропитанные водой мхи и лишайники длинными темными космами или седыми бородами увешивали деревья, раскачиваясь подчас на страшной высоте. Вода хлюпала под ногами, выделяясь из губчатой сетки переплетенных корней, трав и мхов. Густые заросли кустов с большими листьями заграждали путь. Крупные бледные цветы в виде ячеистых шаров тихо качались в тумане на длинных ножках.

Черные и белые колонны поперечником в четыре локтя громоздились несметной толпой, серый туман клубился вокруг них, по коре стекали мелкие струйки воды. Иногда стволы были одеты толстым одеялом из мокрого мха. В этом страшном лесу дальше тридцати-сорока локтей ничего не было видно; нельзя было ступить, не прорубив себе дороги у подножия древесных гигантов.

Нагромождения исполинских поваленных стволов совершенно подавляли много испытавших путников. Хуже всего была невозможность ориентироваться — ничто не давало возможности проверить взятое направление.

Негры зябли в холодном тумане, испуганные еще не виданной мощью леса; ливийцы были совсем угнетены. Путникам казалось, что они зашли в самое обиталище лесных богов, запретное для людей, откуда нет выхода.

Кави сделал знак Пандиону — оба вооружились ножами и с бешенством принялись рубить мокрые ветви. Понемногу

ободрились и другие товарищи; люди работали, сменяя друг друга, переползали через горы исполинских стволов, путались, ища выхода среди чудовищных корней, и снова утопали в непроходимой зелени. Часы шли и шли; все так же висела вверху белая мгла, все так же тяжело и медленно капала с деревьев вода, воздух не становился теплее, и только по серовато-красному оттенку тумана люди поняли, что наступает вечер...

— Нигде нет прохода! — С этим известием Кидого сел на корень, в отчаянии сжимая голову.

Два проводника вернулись еще раньше с такими же результатами.

Узкая прогалина протянулась на тысячу локтей поперек прорубленного пути. Позади был мрачный гигантский лес, через который с нечеловеческими усилиями отряд пробивался три дня. Впереди стояла сплошная заросль высокого бамбука. Блестящие коленчатые стволы поднимались на двадцать локтей, плавно нагибая вниз свои тонкоперистые верхушки. Бамбук рос так тесно, что не было никакой возможности проникнуть в глубь этой густой решетки из прямых, как копья, коленчатых труб. Перед путниками встала непроницаемая ограда. Полированная поверхность круглых стволов была так тверда, что бронзовые ножи путников притуплялись при первых же ударах. Для борьбы с этой стеной нужно было иметь топоры или тяжелые мечи. Обойти бамбуковую заросль было невозможно — прогалина смыкалась в том и другом конце густой чащи, а бамбуки, насколько было видно, протягивались широким поясом в обе стороны, в туманную даль плоскогорья.

Измученные холодом, недостатком пищи и борьбой со страшным лесом люди потеряли свою обычную энергию — слишком тяжело досталась им последняя часть пути! Но они не могли смириться с необходимостью повернуть назад.

Чтобы пройти сквозь эти страшные леса, мало было соблюдать прежнее направление на юго-запад, мало было прорубаться и пробиваться изо всех сил сквозь могучую растительность — нужно было еще знать, где можно пройти. Эти места могли указать только живущие в лесу люди, но они отряду не встретились. Поиски лесных людей скорее всего закончились бы гибелью путников на вертелах пиршественных костров.

«Не прошли, не пробились!» — одна и та же мысль отражалась на лицах всех девятнадцати человек: в складках суровости, гримасах отчаяния, маске застывшей покорности.

Кидого, *оправившийся от первого приступа отчаяния*, стоял, запрокинув голову вверх, к огромным ветвям, простертым над прогалиной на высоте ста локтей. Пандион быстро подошел к другу, поняв его мысли.

— Разве можно влезть туда? — спросил молодой эллин, глядя на совершенно гладкие стволы непомерной высоты.

— Нужно, хотя и придется потратить целый день, — хмуро сказал Кидого. — Назад или вперед, но больше нельзя идти наугад — нет еды.

— Вот с этого дерева будет хорошо видно. — Пандион указал на лесного гиганта с белой корой, выдвинувшегося на поляну; его кривые сучья образовывали звезду на фоне неба.

Кидого отрицательно покачал головой:

— Нет, белокорое дерево не годится, не подходит и с черной корой[1]. У них древесина тверда, как железо, в нее не вбить даже ножа, не то что деревянного клина. Найдем, может быть, дерево с корой красного цвета и крупными листьями[2], тогда влезем.

Люди принялись искать подходящее дерево вдоль прогалины. Вскоре возвестили, что оно найдено. Дерево было ниже железных гигантов, но стояло вплотную к бамбукам, возвышаясь над зарослью больше чем на полсотни локтей. Путники с трудом срубили два толстых бамбука, раскололи на щепки в локоть длиной, каждую заострили с одного конца. С помощью тяжелой ветки Кидого и Мпафу стали загонять в мягкую древесину дерева щепку за щепкой и, забираясь все выше, достигли спиральной лианы, обвивавшей ствол. Тогда, опоясавшись тонкими лианами, Кидого и его товарищ, изо всех сил упираясь ногами в ствол и далеко откидываясь от дерева, стали подниматься на огромную высоту. Скоро их темные фигуры сделались маленькими на фоне тяжелых облаков, затянувших небо. Пандиона вдруг обожгла зависть к друзьям. Они там, наверху, видят мир, а он остается внизу, в тени, подобно большим красно-голубым червям, встречавшимся в промоинах лесной почвы.

Молодой эллин внезапно решился и схватился за вбитые бамбуковые колышки. Махнув рукой на предостерегающий

[1] Деревья различных пород: *железное дерево*, *фикус*, *желтое дерево*, *макаранга*, *полисциас* и многие другие.

[2] Дерево *хайя*, с мягкой древесиной.

окрик этруска, Пандион быстро вскарабкался на ствол, схватился за спиральную лиану, отрезал свисавший сверху тонкий конец другого ползучего растения и повторил прием Кидого. Это оказалось вовсе не легко — жесткая лиана страшно резала спину. Едва только Пандион ослаблял давление, ноги соскальзывали, и он больно обдирал колени о твердую кору. С большим трудом Пандион поднялся до половины ствола. Перистые верхушки бамбуков качались под ним желтеющей неровной порослью, а до громадных сучьев все еще было высоко. Сверху раздался зов Кидого, и крепкая лиана, завернутая петлей, коснулась плеча молодого эллина. Пандион пропустил петлю под руки, лиану осторожно потянули сверху, и эта поддержка оказала эллину огромную помощь. С ободранными ногами, усталый, но радостный, молодой эллин скоро достиг нижних, самых больших ветвей. Здесь, между двумя огромными сучьями, уютно устроились Кидого и его товарищ.

С высоты восьмидесяти локтей взглянул Пандион вперед, и впервые за много дней широкий горизонт открылся перед ним. Заросль бамбука обрамляла лес на высоком плоскогорье. Бамбуковый пояс простирался в стороны насколько хватал глаз; в ширину он был не более четырех-пяти тысяч локтей. За ним торчала невысокая гряда черных скал, наклонно устремленных к западу цепью редких косых зубцов. Дальше местность опять слегка понижалась. Бесконечные округлые горы, покрытые густым лесом, курчавились, как плотные зеленые облака, разделенные впадинами ущелий, заполненных клубящейся туманной мглой. В них скрывались бесчисленные дни голодного и тяжкого сумрачного похода, именно туда лежал путь отряда. Но нигде не было заметно никакого просвета в этой сплошной зеленой массе, над которой медленно ходили большие хлопья белого тумана, ни поляны, ни широкой долины. Пробиться вперед на то расстояние, которое сейчас охватывали глаза, у путников вряд ли хватило бы сил. А дальше, за неразличимой мглой горизонта, могло быть то же самое, и тогда гибель стала бы неминуемой.

Кидого отвернулся от расстилавшейся под ним дали и поймал взгляд Пандиона. Молодой эллин прочитал в выпуклых глазах друга тревогу и усталость — неистощимая бодрость негра угасла, лицо его сморщилось в горькой гримасе.

— Надо смотреть назад, — упавшим голосом сказал Кидого, вдруг выпрямился и пошел по ветви, горизонтально простершейся далеко вперед над бамбуками.

Пандион сдержал крик страха, а негр как ни в чем не бывало шел, чуть заметно покачиваясь на страшной высоте,

к концу ветки, где дрожали от его шагов овальные крупные листья. Ветвь согнулась. Пандион в ужасе замер, но Кидого уже сел на развилину верхом, свесил в пустоту ноги, уперся обеими руками в тонкие ветки и стал вглядываться в пространство за правым углом прогалины. Пандион не посмел пойти за товарищем. Затаив дыхание, эллин и Мпафу ждали сообщений Кидого. Внизу, почти незаметные с высоты, следили за всем происходящим на дереве остальные шестнадцать товарищей.

Кидого долго качался на пружинящей ветке, потом, не говоря ни слова, вернулся к стволу.

— Беда не знать дороги, — уныло сказал он. — Мы могли бы пройти сюда гораздо легче... Там, — негр махнул рукой на северо-запад, — близко от нас степь. Мы должны были идти правее, не входя в лес... Нужно возвратиться к степи. Может быть, там есть люди: на краю леса всегда больше людей, чем в степи или в самом лесу.

Спуск с дерева оказался гораздо страшнее подъема. Если бы не помощь друзей, Пандион никогда не сумел бы слезть так быстро, а еще вернее — упал бы и погиб. Едва только молодой эллин ступил на землю, как ослабевшие от нервного напряжения ноги его подкосились и он растянулся на траве под смех товарищей. Кидого рассказал обо всем виденном с дерева и предложил повернуть под прямым углом в сторону от намеченного пути. К удивлению Пандиона, ни одного слова протеста не последовало со стороны товарищей, хотя всем было ясно, что они потерпели поражение в борьбе с лесом, что задержка в пути может быть очень долгой. Промолчал даже упрямый этруск Кави, должно быть понимая, как измучились люди в тяжкой борьбе, оказавшейся к тому же напрасной.

Пандион помнил о словах Кидого в начале похода и представлял себе, что путь вокруг лесов далек и опасен. Вдоль рек и на окраине леса живут свирепые племена, для которых девятнадцать путников не представляют сколько-нибудь серьезной силы...

Степь с низкими, редко и правильно расставленными деревьями, похожая на фруктовый сад, сбегала к быстрой речке. К ним река нанесла длинный вал из стволов, ветвей и стеблей тростника, высохших и побелевших...

Отряд беглецов, миновав пальмовую рощу, полностью поваленную слонами, расположился под густым невысоким

деревом[1]. Благовонная смола стекала по стволу, свисавшие с ветвей и ствола длинные лохмотья шелковистой коры монотонно шелестели под легким ветром, навевая дремоту на уставших людей.

Внезапно Кидого поднялся на колени; насторожились и остальные. К реке приближался огромный слон. Его появление могло оказаться недобрым. Люди следили за размашистым шагом животного, неторопливо переваливавшегося как бы внутри своей собственной толстой кожи. Слон приближался, беспечно размахивая хоботом, и что-то в его повадке не походило на обычную осторожность этих чутких, внимательных животных. Вдруг послышались человеческие голоса, но слон даже не поднял своих гигантских ушей, закинутых на затылок. Озадаченные путники, переглядываясь, встали и тотчас же, как по команде, приникли к земле — рядом со слоном виднелось несколько человеческих фигур. Только теперь товарищи Пандиона увидели, что на широкой шее слона лежал человек, упираясь скрещенными руками в затылок животного. Слон подошел к реке, вступил в помутневшую под столбами его ног воду. Огромные уши вдруг растопырились, увеличив голову гиганта втрое. Маленькие коричневые глазки всматривались в глубину речки. Лежавший на слоне человек сел, громко хлопнул животное по покатому черепу. Резкий крик «хейя!» раздался по реке. Слон покачал хоботом, схватил им большой ствол из речного наноса и, высоко подняв его над головой, швырнул в середину речки. Тяжелое дерево громко плеснуло, скрывшись под водой, и вынырнуло несколько мгновений спустя ниже по течению. Слон бросил еще несколько стволов, потом, осторожно ступая, вышел на середину речки и остановился, повернувшись головой против течения.

Тогда пришедшие вместе со слоном — их было восемь человек — чернокожие юноши и девушки с хохотом и криками бросились в холодную воду. Они возились, топили друг друга — смех и звонкие шлепки по мокрому телу далеко разносились вокруг. Сидевший на слоне весело кричал, но не переставал следить за рекой, время от времени заставляя слона бросать в воду грузные куски дерева.

Путники с удивлением смотрели на происходящее. Дружба людей с огромным слоном была невероятным, неслыханным чудом — всего в трех сотнях локтей стояло серое чудовище, покорное человеку. Как могло случиться, что животное,

[1] Дерево благовоний.

не знающее себе равных по величине и силе, безраздельно владычествовавшее в степях и лесах, склонилось перед человеком, таким хрупким, слабым и незначительным в сравнении с серой глыбой в шесть локтей от земли до плеча? Что это за люди, подчинившие себе гигантов Африки?

Кави с загоревшимися глазами ткнул в бок Кидого. Негр оторвался от наблюдения за веселой забавой и зашептал в ухо этруску:

— Я слыхал еще в детстве: на границе лесов и степей где-то живут люди, прозванные повелителями слонов. Вижу, что это не сказка. Вот стоит слон и охраняет купающихся от крокодилов... Говорили, что это люди родственного нам народа и язык их подобен нашему...

— Ты хочешь пойти к ним? — задумчиво спросил этруск, не сводя глаз с человека на слоне.

— Хочу и не знаю... — замялся Кидого. — Если мой язык — их язык, тогда они поймут нас и мы разведаем дорогу. Но если их речь другая — плохо: они уничтожат нас, как цыплят!

— Они едят человеческое мясо? — помолчав, снова заговорил Кави.

— Я слыхал, что нет. Этот народ богат и силен, — отвечал негр, в замешательстве грызя травинку.

— Я бы попробовал узнать их язык теперь же, не заходя в их селение, — сказал этруск. — Здесь только невооруженная молодежь, и, если сидящий на слоне нападет на нас, мы укроемся в траве и кустах. А в селении мы все погибнем, если не сговоримся с победителями слонов...

Совет этруска поборол сомнения Кидого. Негр выпрямился во весь свой высокий рост и медленно пошел к реке. Крик слоновожатого прекратил возню купальщиков; те замерли по пояс в воде, глядя на противоположный берег.

Слон грозно повернулся в сторону приближающегося Кидого, хобот, шурша, взвился над длинными белыми бивнями, уши опять раскинулись широкими обвисшими крыльями. Сидевший на слоне вглядывался в пришельца; в правой руке вожатого слегка покачивался поднятый наготове широкий нож с крючком на конце.

Кидого молча подошел почти к самой воде, положил на землю копье, наступил на него ногой и развел в стороны безоружные руки.

— Здравствуй, друг, — медленно и старательно выговаривая слова, сказал Кидого. — Я здесь со своими товарищами. Мы одинокие беглецы, возвращающиеся на родину, и хотим просить помощи у твоего племени...

Слоновожатый молчал. Притаившиеся под деревом путники с замиранием сердца ожидали, поймет он речь Кидого или нет. От этого зависела судьба скитальцев.

Слоновожатый опустил нож. Слон переступил в журчавшей вокруг его ног воде, свесив хобот между бивнями. Вдруг туземец заговорил, и вздох облегчения вырвался из груди Пандиона, а стоявший в напряжении Кидого радостно встрепенулся. Речь слоновожатого отличалась резкими ударениями и шипящими звуками, отсутствовавшими в певучем языке Кидого, но даже Пандион узнал в ней знакомые слова.

— Откуда ты, пришелец? — раздался вопрос, с высоты слона звучавший надменно. — Где твои товарищи?

Кидого объяснил, что они были в плену в Та-Кем и пробиваются на родину — на берег моря. Негр жестом подозвал товарищей — все девятнадцать человек, исхудалые и мрачные, встали на берегу.

— Та-Кем... — по складам произнес слоновожатый. — Что это такое, где такая страна?

Кидого рассказал о могущественной стране на северо-востоке, расположенной вдоль огромной реки, и слоновожатый удовлетворенно закивал головой.

— Я слыхал о ней — это страшно далеко. Как вы могли пройти оттуда? — В словах слоновожатого зазвучало недоверие.

— Это длинная речь, — устало сказал Кидого. — Посмотри на них, — негр указал на Кави, Пандиона и группу ливийцев, — разве ты видел таких людей?

Слоновожатый с интересом разглядывал необыкновенные лица. Недоверие в его взгляде постепенно исчезало, потом он хлопнул рукой по затылку слона:

— Я молод и не могу ничего решить без старших. Перейдите на наш берег, пока слон в реке, и ждите. Что передать вождям от вас?

— Передайте, что усталые путники просят разрешения отдохнуть в селении и узнать дорогу к морю. Больше нам ничего не нужно, — четко ответил Кидого.

— Неслыханное дело, невиданные люди! — с интересом заключил слоновожатый, повернулся к своим соплеменникам и заключил: — Идите вперед, я догоню!

Молодые люди, безмолвно созерцавшие пришельцев, послушно бросились на берег, оглядываясь и переговариваясь. Слоновожатый повернул слона боком к течению. Путники по грудь в воде перебрались на другой берег. Тогда слоновожатый, заставив животное идти быстрым шагом, исчез в редких

деревьях следом за купальщиками. Бывшие рабы уселись на камнях в тревожном ожидании. Больше всех волновались ливийцы, но Кидого уверял, что повелители слонов не сделают им ничего дурного.

Вскоре в степи показались четыре слона. На спинах животных были привязаны широкие помосты из плетеных ветвей. На каждом помосте сидело шесть воинов, вооруженных луками и очень широкими копьями. Под этой охраной бывшие рабы дошли до селения, находившегося неожиданно близко от места встречи — у поворота той же речки, в четырех тысячах локтей на юго-востоке.

На всхолмленной местности, утопая в высокой зелени, издалека виднелось около трехсот хижин.

Слева раскинулся редкий лес, направо, в стороне, стояла высокая изгородь из огромных заостренных столбов, подпертых наружными раскосинами. Вокруг шел глубокий ров, усаженный по краю частоколом острых бревен. Пандион подивился размерам сооружения, а Кидого высказал догадку, что там, по-видимому, держат слонов.

Опять, как и много дней назад, на востоке, пришельцы предстали перед вождями и старейшинами огромного селения, опять рассказывалась необыкновенная повесть о мятежных рабах, к которой прибавился новый подвиг далекого пути по неизвестной стране. Вожди подробно расспрашивали путников, осматривали их оружие, красные клейма с именем фараона на спинах, заставляли Пандиона и Кави рассказывать о своих странах на севере далекого моря. Пандиона удивил широкий кругозор этих людей — они не только слыхали о стране Нуб, откуда пришли чужеземцы, но знали еще множество мест Африки на восток, север, юг и запад.

Кидого торжествовал: теперь повелители слонов покажут дорогу к родине, и скитальцы быстро достигнут ее, следуя верным путем.

Короткое совещание старейшин решило участь пришельцев: им было позволено отдохнуть несколько дней в селении, получить кров и пищу по священному долгу гостеприимства.

Бывших рабов поместили в большой хижине на окраине селения — усталые путники могли спокойно отдыхать. Еще больше подбодрило их то, что близок конец странствованиям.

Пандион, Кидого и Кави бродили по селению, присматриваясь к жизни народа, внушавшего им уважение своей властью над гигантскими животными. Пандион изумлялся длинным загородкам для привязи скота, сделанным из слоновых

бивней[1]. Молодому эллину чудилось в этом нарочитое презрение к страшным чудовищам. Каким же количеством клыков располагал народ, если мог тратить драгоценную слоновую кость на такие пустяковые дела? Когда Пандион задал такой вопрос одному из жителей поселка, тот важно посоветовал ему попросить у вождей разрешения осмотреть большой склад в центре поселения.

— Там сложено клыков вот сколько! — Человек показал на прогалину между двумя хижинами длиной в полтораста локтей и затем поднял над головой палку, обозначив высоту сложенной из бивней стены.

— Как вы можете повелевать слонами? — не утерпев, задал вопрос Пандион.

Собеседник его нахмурился и подозрительно посмотрел на эллина.

— Это тайна для чужеземцев, — медленно ответил он. — Спроси, если хочешь, об этом у вождей. Те из них, которые носят на шее золотую цепь с красным камнем, и есть главные учителя слонов...

Пандион вспомнил, что им было запрещено приближаться к окруженной рвом изгороди, и замолчал, досадуя на себя за промах. В это время Кидого позвал друга — негр оказался под длинным навесом, где работали несколько человек. Пандион увидел там гончарную мастерскую — мастера повелителей слонов изготовляли большие глиняные горшки для зерна и пива.

Кидого не утерпел. Взяв большой ком хорошо размешанной влажной глины, негр уселся на корточки, поднял глаза к тростниковому потолку, подумал и принялся лепить уверенными движениями своих больших, истосковавшихся по любимой работе рук. Пандион следил за работой друга; мастера, пересмеиваясь, не прерывали своего дела. Медленно срезали, сглаживали и приминали глину черные руки, в бесформенной массе стали намечаться контуры широкой заостренной спины, складок кожи, свисавшей мешком с плеч, — в глине выступил характерный облик слона. Гончары умолкли и, оставив работу, окружили Кидого, а тот, увлекшись, не обращал ни на кого внимания.

Вот твердо стали на почву толстые ноги, слон поднял голову с вытянутым вперед хоботом. Кидого нашел несколько палочек и, воткнув их веером, вылепил на этой основе раски-

[1] Загородки из слоновых бивней встречались в верховьях Нила у шиллуков еще в середине XIX века.

нутые в сторону перепончатые уши. Восторженные восклицания послышались... и смолкли. Один из гончаров незаметно вышел из-под навеса и исчез.

Кидого работал над задними ногами слона, не замечая, что в круг собравшихся зрителей вошел вождь — старик с длинной, худой шеей, с массивным крючковатым носом и маленькой поседевшей бородкой. На груди вождя Пандион увидел красный камень на золотой цепи — это был один из главных учителей слонов.

Старик молча следил за окончанием работы негра. Кидого отошел, потирая запачканные в глине ладони, улыбаясь и критически осматривая фигуру слона высотой в локоть. Горшечники одобрительно завопили. Старый вождь поднял тяжелые брови, и шум утих. Старик с видом знатока притронулся к мокрой глине, потом сделал Кидого знак подойти к нему.

— Ты, я вижу, мастер, — многозначительно произнес вождь, — если легко и просто сделал то, чего не может ни один из нашего народа. Отвечай: можешь ли ты сделать такое же изображение, но не слона, а человека? — И вождь ткнул себя в грудь.

Кидого отрицательно замотал головой. Вождь помрачнел.

— Но среди нас есть мастер лучше меня, мастер далекой северной страны, — сказал Кидого. — Твое изображение может сделать он. — Негр указал на стоявшего поблизости Пандиона.

Старик повторил свой вопрос, обращаясь к молодому эллину. Пандион увидел умоляющие глаза друга и согласился.

— Только знай, вождь, — сказал Пандион. — На моей родине высекают фигуры из мягкого камня или вырезают из дерева. Здесь у меня нет ни инструментов, ни камня, я могу тебя сделать только из этой же глины. Вот так... — И молодой эллин провел ребром ладони поперек груди. — Глина скоро высохнет и растрескается, твое изображение простоит лишь несколько дней...

Вождь улыбнулся.

— Я хочу только посмотреть, что может сделать чужеземный мастер, — сказал старик. — И наши мастера пусть посмотрят.

— Хорошо, я попробую, — отвечал Пандион. — Но тебе придется сидеть передо мной, пока я буду работать.

— Зачем? — удивился вождь. — Разве ты не можешь лепить, как он? — Старик показал на Кидого.

Пандион замялся, подыскивая слова.

— Я сделал просто слона, — вмешался в разговор Кидого. — Но разве ты, учитель слонов, не знаешь, что один слон не походит на другого? Только незнакомому с ними человеку слоны кажутся все, как один.

— Ты сказал верно, — согласился вождь. — Для меня видна сразу душа любого слона, и я могу предсказать его поведение.

— Вот, — подхватил Кидого, — чтобы сделать такого слона, я должен видеть его перед глазами. Так и мой товарищ: он сделает не просто человека, а именно тебя, и ему нужно смотреть на тебя при работе.

— Я понял, — сказал старик. — Пусть твой товарищ приходит ко мне в час дневного отдыха, и я буду сидеть перед ним.

Вождь удалился. Гончары поставили глиняное изображение слона на деревянную скамейку. Любопытные жители все прибывали.

— Ну, Пандион, — сказал Кидого другу, — в твоих руках наша судьба. Если твоя статуя понравится вождю, повелители слонов помогут нам...

Молодой эллин кивнул головой, и оба друга пошли к дому, провожаемые толпой детей, следовавших по пятам за странными пришельцами.

— Ты можешь говорить? — спросил вождь, откинувшись на высоком неудобном сиденье, в то время как Пандион торопливо накладывал принесенную гончаром глину на толстый обрубок дерева. — Это не помешает твоему делу?

— Могу, только я плохо знаю ваш язык, — отвечал Пандион. — Я не смогу понять всего, что ты скажешь, и буду отвечать тебе малыми словами.

— Тогда позови твоего друга, жителя приморских лесов, пусть он будет с тобою. Мне скучно сидеть подобно безъязычной обезьяне!

Явился Кидого и уселся, поджав ноги, у стула вождя, между стариком и Пандионом. С помощью негра вождь и эллин смогли довольно свободно беседовать. Вождь расспрашивал Пандиона о его земле, и Пандион проникся доверием к умному, много повидавшему повелителю слонов.

Пандион рассказал старику о своей жизни на родине, о Тессе, о путешествии на Крит, рабстве в Та-Кем и своих намерениях вернуться на родную землю. Он говорил, пальцы его лепили, а Кидого переводил все сказанное.

Скульптор работал с особенным вдохновением и упорством. Статуя вождя чудилась ему указательным столбом в гавань его родины. Воспоминания разожгли нетерпение, ос-

тановка у повелителей слонов опять томила молодого эллина.

Старик вздохнул и пошевелился: он, видимо, устал.

— Скажи мне что-нибудь на своем языке, — вдруг попросил старый вождь.

— То элленикон элефтерон! — громко произнес Пандион.

Странно зазвучали здесь, в глубине Африки, слова, которые так любил повторять его дед, рассказывая мальчику Пандиону о славе и героях родного народа.

— Что ты сказал? — переспросил вождь.

Пандион объяснил, что эти слова выражают мечту каждого жителя его страны: «Эллинское свободно».

Старик задумался. Кидого осторожно заметил Пандиону, что вождь устал и на сегодня хватит.

— Да, довольно! — поднял голову учитель слонов. — Приходи завтра. Сколько дней тебе еще нужно?

— Три дня! — уверенно сказал Пандион, несмотря на предостерегающие знаки Кидого.

— Три дня — это ничего, я потерплю, — согласился старик и поднялся с сиденья.

Пандион и Кидого обернули глину мокрой тканью и убрали в темную кладовую, рядом с домом вождя.

На второй день оба друга рассказали вождю о Та-Кем, его могуществе, исполинских постройках. Старик хмурился, но слушал с интересом. Когда Пандион упомянул об однообразии узкого мира египтян, вождь оживился.

— Теперь пора вам узнать о моем народе, — важно сказал старик. — Вы унесете вести о нем в ваши далекие страны.

И вождь поведал друзьям, что повелители слонов, пользуясь своим могуществом, совершают далекие путешествия по стране. Единственная опасность, которая грозит им, едущим на слонах, исходит от встречных стад слонов: слон всегда может неожиданно решиться уйти к своим диким сородичам. Но есть известные способы предотвратить это.

Вождь говорил о том, что дальше на восток и на юг от тех мест, где жили у гостеприимного народа бывшие рабы, за болотами и горами лежат пресные моря[1]. Они так велики, что по ним можно плавать только на особых лодках, и для того, чтобы пересечь пресное море, требуется несколько дней. Эти пресные моря идут цепью друг за другом в южном направлении, окаймлены горами, извергающими дым, пламя и огненные реки. Но за морями опять идет суша — высокие плоско-

[1] *Пресные моря* — цепь Великих озер Восточной Африки.

горья, населенные многочисленными животными, а настоящий край земли — берег бесконечного моря — лежит на восток за каймой болот.

На плоскогорьях стоят не очень далеко друг от друга две гигантские, ослепительно белые горы[1], красоту которых не может представить человек, не видевший их.

Дремучие леса опоясывают эти горы, в лесах обитают дикие люди и таинственные звери редкой древней породы, описать которые невозможно. Повелители слонов видели ущелья, заваленные огромными костями вперемешку с останками людей и обломками их каменного оружия. Дикие кабаны, ростом с носорога, иногда попадались в зарослях вблизи северной белой горы, и один раз видели там животное не меньше слона, только более тяжелое, с двумя рогами, расположенными рядом на конце морды.

На пресных морях живут люди в плавающих селениях[2], неуязвимые для врагов и сами не дающие никому пощады.

Пандион спросил вождя, как далеко идет на юг земля Африки и верно ли то, что там солнце опять спускается ниже.

Старик воодушевился. Оказалось, что он сам начальствовал в великом походе на юг, когда ему не исполнилось еще сорока лет.

Они шли на двадцати отборных слонах за золотом и за драгоценной травой тамошних степей, возвращающей силы старикам и больным.

За большой рекой[3], текущей с запада на восток, где гремят исполинские водопады и в столбах водяных брызг стоит вечная радуга, простирается необозримая степь голубых трав[4]. По краям степи, вдоль моря, на западе и на востоке растут могучие деревья, листья которых будто сделаны из полированного металла и горят на солнце, как миллионы зеркал[5].

Цвет травы и листьев на дальнем юге не зеленый, а серый, голубой или сизый, что придает местности чужой и холодный

---

[1] *Кения* и *Килиманджаро* — две высочайшие вершины Африки с вечными снегами и ледниками.

[2] Плавающие селения встречаются в настоящее время на Великих озерах. Построены на больших плотах.

[3] Замбези с ее знаменитым водопадом Виктория.

[4] Степь голубых трав — южноафриканская степь. Южная Африка отличается особенной растительностью, в которой преобладает сизая, голубоватая и зеленовато-голубая окраска растений.

[5] Деревья с зеркально блестящими листьями характерны для лесов Южной Африки.

вид. И на самом деле, чем дальше на юг, тем холоднее. Дожди, которые там наступают во время нашей засухи, кажется, совсем уносят тепло.

Старик рассказал Пандиону о необычайном серебряном дереве, встречающемся далеко на юге, в горных ущельях. Это дерево, высотой до тридцати локтей, имеющее тонкую, поперечно морщинистую кору, густые ветви, покрытые блестящими, как серебро, и мягкими, как пух, листьями, исполнено волшебного очарования.

Бесплодные каменистые горы поднимаются исполинскими лиловыми башнями и отвесными стенами, а у их подножия ютятся корявые деревья, покрывающиеся большими пучками ярко-красных цветов.

В бесплодных местах степи и на россыпях скал растут уродливые кусты и низкие деревья[1]. Мясистые листья, наполненные ядовитым соком, сидят, как растопыренные пальцы, на самых концах попарно разветвленных, устремляющихся прямо в небо ветвей. У других такие же листья красноватого цвета загибаются вниз и образуют густую шапку на конце кривого ствола без ветвей, в четыре локтя высоты.

Близ реки и на опушках лесов встречаются развалины древних построек, сделанных из огромных камней — видимо, могущественным и искусным народом. Однако сейчас никто не живет около развалин, только страшные дикие собаки воют в них при свете луны. По степи бродят кочевники-скотоводы или нищие охотники. Еще дальше на юг обитают народы с серой светлой кожей[2], владеющие бесчисленными стадами, но туда не заходил отряд повелителей слонов.

Пандион и Кидого жадно слушали вождя. Повесть о голубой южной степи казалась сказкой, вплетенной в действительность, но голос старика звучал убедительно, он часто устремлял вдаль возбужденно блестевшие глаза, и Пандиону казалось, что перед стариком проходили сохраненные памятью картины.

Вдруг вождь оборвал рассказ.

— Ты перестал работать, — усмехнулся он. — Тогда мне придется сидеть перед тобой еще много дней!

---

[1] Разные виды алоэ семейства лилейных, также драконовых деревьев.

[2] Народы готтентотского типа в древние времена были распространены гораздо шире, чем теперь. Есть основания думать об их родстве с древними египтянами.

Пандион заторопился, но это, пожалуй, было не нужно: молодой скульптор чувствовал, что бюст старого вождя удался ему, как ни одна вещь прежде. Мастерство зрело в нем незаметно и постепенно, несмотря на все перенесенные испытания; опыт и наблюдения в Айгюптосе не прошли даром.

На третий день Пандион несколько раз сравнивал лицо вождя со своей глиняной моделью.

— Готово! — сказал он, глубоко вздохнув.

— Ты кончил? — переспросил вождь и на утвердительный кивок головы скульптора встал и подошел к своему изображению.

Кидого восторженно смотрел на создание Пандиона, едва сдерживая слова одобрения.

Одноцветная глина приняла все характерные черты властного, умного и сурового лица с твердыми, выдвинутыми вперед челюстями, широким покатым лбом, тяжелыми губами и раздувшимися ноздрями толстого носа.

Старый вождь негромко крикнул, обернувшись к дому. На зов появилась одна из жен, молодая, со множеством мелких косичек, подрезанных челкой над бровями. Она подала старику круглое зеркало из полированного серебра, явно северной работы, неведомыми путями попавшее в глубь Африки. Вождь поднес зеркало на вытянутой руке к щеке изваяния и сосредоточенно стал сравнивать свое отражение с творением Пандиона.

Пандион и Кидого ожидали суждения старика. Долго молчал вождь, наконец опустил зеркало и сказал:

— Велика сила человеческого умения... Ты, чужеземец, владеешь этой силой, как никто в нашей стране. Ты сделал меня лучше, чем я есть, — значит, ты думаешь обо мне хорошо. Я отплачу тебе тем же. Какой бы ты хотел награды?

Кидого подтолкнул Пандиона, но молодой эллин ответил мудрому старику словами, казалось, исходившими из самого сердца:

— Вот я весь перед тобой. У меня нет ничего, кроме копья, подаренного мне... — Пандион запнулся и порывисто закончил: — И мне ничего не нужно здесь, в чужой для меня стране... Еще у меня есть родина — она так далеко от меня, но это самое большое мое богатство. Помоги мне вернуться туда!

Учитель слонов положил руку на плечо молодого эллина отеческим жестом:

— Мне хочется еще говорить с тобой — приходи завтра вместе с твоим другом. А сейчас покончим дело. Я велю на-

шим мастерам высушить глину так, чтобы она не растрескалась. Теперь я хочу сохранить свое изображение. Они вынут лишнюю глину изнутри и покроют ее особой смолой — они умеют это делать. Только мне не нравятся слепые глаза. Можешь ты вставить в них камни, которые я тебе дам?

Пандион согласился. Старик снова позвал жену; она появилась с ящиком, обтянутым леопардовой шкурой.

Из ящика вождь достал объемистый мешочек и высыпал из него на ладонь горсть крупных, прозрачных, как вода, граненых камней овальной формы. Необычайный искрящийся блеск их привлек внимание Пандиона — каждый камень как бы собирал в себе всю силу солнечного света, оставаясь вместе с тем холодным, прозрачным и чистым[1].

— Я всегда желал иметь такие глаза, — сказал вождь, — чтобы они собирали свет жизни, не меняясь сами. Выбери лучшие и вставь их.

Молодой скульптор повиновался. Статуя вождя приобрела особенный, непередаваемый вид. В серой сырой глине сияли на месте глаз светоносные камни — от их блеска лицо наполнилось волшебной жизнью. Контраст, сначала показавшийся Пандиону неестественным, потом изумил его. Чем дольше он всматривался, тем большую гармонию видел он в сочетании прозрачных глаз с темной глиной скульптуры.

Учитель слонов был очень доволен.

— Возьми себе на память эти камни, чужеземный мастер! — воскликнул вождь и высыпал в горсть Пандиону несколько штук. Некоторые превышали величиной косточку сливы. — Эти камни тоже из южных степей: их находят там в реках. Тверже и чище этих камней нет ничего в мире. Покажи на своей далекой родине чудеса юга, добытые повелителями слонов.

Пандион, поблагодарив старика, ушел, на ходу пряча подарок в мешочек с камнем Яхмоса.

— Не забудь, приходи завтра! — крикнул ему старый вождь.

В хижине бывшие рабы оживленно обсуждали, что получится в результате успеха, выпавшего на долю Пандиона. Надежда на скорое продолжение пути все крепла. Казалось невозможным, чтобы повелители слонов не отпустили путников и не показали им верной дороги.

В назначенное время Пандион и Кидого появились у дома вождя. Старик поманил их рукой. Друзья уселись у ног учителя слонов, стараясь скрыть волнение.

---

[1] Алмаз.

Старик посидел некоторое время молча, потом заговорил, обращаясь сразу к обоим:

— Я совещался с другими вождями, и они согласны со мной. Через пол-луны, после большой охоты, мы отправляем отряд на запад за целебными орехами и золотом. Шесть слонов пойдут через лес и дальше, в верховья большой речки, в семи днях пути отсюда... Дай мне палку! — приказал вождь Пандиону.

На земле старик начертил берег морского залива, углом врезавшегося в сушу, и Кидого слабо вскрикнул. Вождь провел извилистую черту, обозначавшую речку с разветвлением на конце, и поставил в развилине крестик.

— Слоны дойдут вот сюда, вы пойдете за ними следом и легко перейдете в лес. Дальше вам придется идти самим, но до моря останется пять дней пути...

— Отец и владыка, ты спасаешь нас! — вне себя закричал Кидого. — Эта речка течет уже в пределах моей страны, и мне знакомо золотоносное плоскогорье... — Негр вскочил и заметался перед вождем.

— Я знаю, — спокойно сказал старик, насмешливо улыбаясь. — Я знаю твой народ и твою страну и некогда знал там сильного вождя Иорумефу.

— Иорумефу! — захлебнулся Кидого. — Это мой дядя по матери...

— Хорошо, — перебил вождь негра. — Ты передашь ему привет от меня. Теперь ты понял все? — И, не дожидаясь ответа, он закончил: — Я хочу говорить с твоим другом. — Вождь повернулся к Пандиону. — Я чувствую, ты будешь большим человеком в своей стране, если удастся тебе вернуться на родину. Ты расскажешь там о нас. Народы должны знать друг друга, а не бродить в потемках, вслепую, подобно стадам животных в степи или в лесу. Одни искусны в охоте, другие племена — в мастерстве, или добывании металлов, или плавании... Хорошо бы нам учиться друг у друга, передавать знания. Тогда могущество людей быстро возросло бы!

— Ты прав, мудрый вождь, — ответил Пандион, — но почему же тогда вы окружаете такой тайной обучение слонов? Почему не расскажете об этом другим племенам, чтобы те тоже жили в довольстве, подчинив себе страшных великанов?..

— Обучение слонов — тайна только для глупцов, — улыбнулся старик. — Любой умный человек легко ее разгадает... Но, помимо тайны, есть тяжелый и опасный труд, исполненный бесконечного терпения. Мало одного ума — нужна еще и работа. Мало в здешней земле племен, которые обладали бы

сразу тремя качествами, имеющимися у моего народа: умом, трудолюбием и безмерной отвагой. Чужеземец, знай, что взрослого слона приручить невозможно. Мы ловим их совсем молодыми. Молодой слон обучается десять лет. Десять лет упорного труда нужно затратить, чтобы животное стало понимать приказания человека и выполнять нужную работу.

— Десять лет! — воскликнул озадаченный Пандион.

— Да, не меньше, если ты правильно определил характер слона. Если ты ошибся, ты не справишься с ним и в пятнадцать. Среди слонов есть и упрямцы и тупицы. Не забудь еще, что добыча молодых слонов связана с огромной опасностью. Мы должны ловить их своими руками без помощи обученных слонов, иначе прирученные животные тоже уйдут со стадом. Они помогают уже потом, когда стадо прогнано, а молодые слоны схвачены. На каждой охоте всегда гибнет несколько наших храбрецов... — В голосе вождя послышался отзвук печали. — Скажи, ты видел упражнения наших молодых воинов?.. Да? Это тоже необходимое для ловки слонов искусство.

Пандион несколько раз смотрел на необыкновенные игры повелителей слонов. Воины вкапывали на ровной полянке два высоких шеста и привязывали к ним поперечную бамбуковую перекладину на высоте пяти локтей от земли. Затем, разбежавшись, они как-то по-особенному, боком, вскидывались в воздух и перелетали через перекладину. Тело прыгуна изгибалось, почти складываясь пополам, и летело в высоту правым боком по направлению прыжка. Пандион никогда не видел таких высоких прыжков. Некоторые, более умелые, прыгали на высоту даже шести локтей. Молодой эллин, удивленный искусством повелителей слонов, не понимал, однако, для чего им нужно это умение. Слова сурового вождя немного разъяснили ему значение упражнений.

Вождь помолчал, потом повысил голос:

— Теперь ты видишь, насколько трудно это дело. Охотятся на слонов и другие племена. Они убивают их с деревьев тяжелыми копьями, загоняют в ямы, подкрадываются во время сна в лесу. Вот что, — вождь хлопнул себя по колену, — я велю взять тебя на охоту за слонами. Она будет скоро, до того, как пойдет отряд в западный лес. Хочешь увидеть славу и муку моего народа?

— Хочу и благодарю тебя, вождь. А товарищам можно будет пойти со мною?

— Нет, всех вас слишком много. Позови с собой одного-двух, иначе вы окажетесь помехой.

— Пусть со мной пойдут два моих друга: вот он, — Пандион указал на Кидого, — и еще один...

— Кто — тот, угрюмый, густобородый? — спросил учитель слонов, подразумевая Кави.

Молодой эллин подтвердил правильность его догадки.

— Я хотел бы тоже побеседовать с ним, пусть он придет ко мне, — сказал старик. — Ты, наверно, хочешь скорее передать товарищам весть о том, что мы согласны помочь вам. Когда мы назначим день охоты, тебе скажут. — И старик жестом руки отпустил обоих друзей.

Под зловещие удары барабанов охотники собрались в дорогу. Часть выступала на слонах, нагруженных веревками, едой и водой, другие пошли пешком. К ним примкнули Кави, Кидого и Пандион, вооруженные своими могучими копьями. Двести охотников перешли речку и двинулись по степи в северном направлении, к гряде обнаженных скал, едва видневшихся в синей дымке над горизонтом. Охотники шли очень быстро, так что даже таким ходокам, как три друга, было нелегко поспеть за ними.

От подошвы горной гряды к югу и востоку степь была совершенно плоской, с выжженными большими и ровными участками. Желтая равнина под ветром покрывалась облачками пыли, обегавшими тусклую зелень деревьев и кустарников. Ближайшие обрывы были видны ясно, но дальние скалы скрывались серо-голубым туманом. Закругленные вершины выступали, как огромные черепа призрачных слонов; более низкие топорщились, напоминая спину крокодилов.

Заночевав у южного конца цепи утесов, повелители слонов на рассвете двинулись вдоль их восточного склона. Впереди над равниной клубилось красноватое марево, в нем дрожали и расплывались силуэты деревьев. Обширное болото простиралось на север. От толпы охотников отделился юноша, велел чужеземцам следовать за ним и начал взбираться на горную гряду.

Кави, Пандион и Кидого поднимались по уступу на высоту в двести локтей. Над их головами возвышался пышущий жаром каменный откос, по ярко-желтой поверхности скал змеились черные трещины. Охотник довел друзей до выступа, приходившегося против края болота, велел укрыться за пучками жесткой травы и камнями, сделал знак молчания и исчез.

Этруск, негр и эллин долго лежали под палящими лучами солнца, не смея разговаривать. Ни одного звука не доносилось со стороны расстилавшейся внизу долины.

Вдруг слева послышался неясный хлюпающий шум, приближавшийся и усиливавшийся. Пандион осторожно выглянул из-за камня сквозь едва колеблющуюся траву и замер. Темно-серая туча тысяч слонов покрыла болото. Гигантские животные проходили наискось от гряды скал и, пересекая границу степи и болота, направлялись на юго-восток.

Тела животных ясно выделялись на желто-серой траве. Слоны шли стадами от ста до пятисот штук, группы следовали одна за другой цепью с небольшими промежутками. Каждое стадо грудилось плотной массой, животные тесно прижимались друг к другу, и сверху казалось, что движется сплошное серое пятно с волнистой поверхностью сотен спин, испещренной белыми черточками бивней.

На топких местах стадо растягивалось в узкую ленту. Некоторые слоны бросались в стороны, растопыривая уши и смешно расставляя выпрямленные задние ноги, но потом снова вливались в поток. Одни, большей частью огромные самцы, не торопясь переставляли ноги, опустив головы и уши; другие важно выступали, высоко приподняв переднюю часть тела и перекрещивая задние ноги; третьи часто поворачивались боком. Бивни самой различной величины и формы, короткие и длинные, почти касающиеся земли, изогнутые и прямые, белели в темно-серой массе огромных тел.

Кидого приблизил губы к уху Пандиона.

— Слоны переходят на болота и реки — степь высохла, — прошептал негр.

— А где же охотники? — спросил молодой эллин.

— Они спрятались. Ждут стада, где много маленьких слонов — такое стадо пойдет сзади всех. Здесь, видишь, только взрослые...

— Почему у одних слонов короткие бивни, а у других они длинные?

— У них бивни сломаны.

— В битве между собою?

— Мне говорили: между собой слоны дерутся редко. Гораздо чаще слон ломает бивни, когда валит деревья. Бивнями он выворачивает деревья, чтобы съесть плоды, листья и тонкие ветви. У лесных слонов бивни гораздо крепче, чем у степных, — вот почему из лесов идет для торговли твердая слоновая кость, а из степей — мягкая.

— А эти слоны степные или лесные?

— Степные. Посмотри сам. — Кидого указал на старого слона, замешкавшегося недалеко от скалы, где сидели друзья.

Серый великан, стоя по колени в траве, повернулся прямо к смотревшим на него. Широко раскинутые уши оттопырились, кожа их натягивалась, как парус, нижние края обвисали мелкими складками. Слон опустил голову. От этого движения покатый лоб животного выдвинулся вперед, глубокие ямы ввалились между глазами и теменем, и вся голова сделалась похожей на толстую, утончающуюся книзу колонну, незаметно переходящую в отвесно опущенный хобот. Поперечные складки, похожие на темные кольца, пересекали хобот на равных промежутках. У основания его косо в стороны и книзу расходились кожистые трубки, из которых торчали очень толстые и короткие бивни.

— Я не понимаю, как ты узнал, что слон степной, — прошептал Пандион, внимательно осмотрев спокойного старого великана.

— Видишь его бивни? Они не сломаны, а стерты. У старика они не растут, как у слона в расцвете сил, и он сильно стер их потому, что они мягкие. У лесного слона не увидишь таких бивней — они чаще бывают тонкие и длинные...

Друзья тихо переговаривались. Время шло. Передние слоны скрылись за горизонтом, стадо превратилось в темную полосу.

Слева показалось еще одно большое стадо. Во главе шли четыре самца чудовищной величины — около восьми локтей высоты. Они двигались, покачивая головами, и длинные, слегка изогнутые бивни то поднимались, то касались травы острыми концами.

В стаде было много слоних, отличавшихся впалыми спинами и большими складками кожи на боках. За ними, вплотную к задним ногам, неуверенно шли маленькие слонята, а сбоку, несколько особняком, весело ступала подросшая молодежь. Маленькие бивни и уши, небольшая продолговатая голова, большой живот и одинаковая высота передних и задних ног отличали их от взрослых.

Друзья поняли, что приближается решительный момент охоты. Маленьким слонам трудно было идти по болоту, и стадо отклонилось вправо, выбравшись на твердую почву между кустарниками и редкими деревьями.

— Почему слон, такой тяжелый, не вязнет в болоте? — опять спросил Пандион.

— У него особые ноги, — начал Кидого, — он...

Оглушительный гром металлических листов и барабанов, неистовые вопли внезапно разнеслись по степи — у друзей перехватило дух от неожиданности.

Слоновье стадо в панике ринулось к болоту, но там из травы возникла цепь людей с барабанами и трубами. Передние ряды животных отпрянули назад, остановив напор задних. Пронзительный трубящий рев испуганных слонов, гром металлических листов, хруст ломающихся ветвей — в этом адском шуме изредка пробивались тоненькие, жалобные вопли слонят. Животные заметались, то скучиваясь вместе, то бросаясь врассыпную. В хаосе мечущихся гигантов, в клубах густой пыли мелькали люди. Они не приближались к стаду, перебегали, выстраивались и снова ударяли в листы. Постепенно друзья поняли, что делали охотники: они отбивали молодых слонов от взрослых и оттесняли их направо, в широкое устье сухой долины, врезанной в скалистую цепь и загражденной полосой деревьев. Серые великаны устремлялись на охотников, стремясь растоптать, сокрушить неведомо откуда взявшихся врагов. Но люди, высоко подпрыгивая, на мгновение скрывались в кустарниках и деревьях. Пока разъяренные животные размахивали хоботами, разыскивая спрятавшихся врагов, с другой стороны возникали новые ряды воинов, бешено орущих и гремящих металлическими листами. Слоны бросались на этих охотников, и люди опять повторяли тот же маневр, стараясь отделить молодых животных.

Стадо отходило все дальше в степь, серые тела скрылись за деревьями, и только оглушительный шум и высоко взлетавшая пыль указывали на место охоты.

Ошеломленные друзья, пораженные бесстрашием и ловкостью людей, избегавших ярости кидавшихся на них чудовищ и неуклонно продолжавших свое опасное дело, молча смотрели на опустевшую степь с примятым кустарником и поломанными деревьями. Кидого озабоченно хмурился, прислушивался и наконец тихо сказал:

— Что-то плохо... Охота пошла не так, как нужно!

— Откуда ты знаешь это? — удивился Кави.

— Если они привели нас сюда, значит, рассчитывали, что стадо пойдет на восток, прямо от нас. А теперь стадо ушло вправо. Я думаю, это нехорошо.

— Пойдем туда, — предложил Пандион, — назад по уступу, как пришли.

Кидого недолго размышлял и согласился. В сумятице сражения их приход ничего не значил.

Укрываясь за травой и камнями, низко пригнувшись, этруск, эллин и негр передвинулись на тысячу локтей назад, вдоль скалистой цепи, пока не оказались снова над открытым местом равнины.

Друзья увидели расселину в скалах, куда охотникам удалось загнать больше десятка молодых слонов. Люди сновали между деревьями, искусно набрасывая на слонят петли, и привязывали к стволам.

Цепь охотников, вооруженных широкими копьями, замыкала выход из долины. Грохот и крики раздавались в двух тысячах локтей впереди и направо — там, по-видимому, находилась большая часть стада.

Вдруг отрывистые и резкие трубные звуки послышались впереди и слева. Кидого вздрогнул.

— Слоны нападают, — тихо прошептал он.

Протяжно застонал человек, гневные крики другого прозвучали командой.

В дальнем конце открытой поляны, там, где два раскидистых дерева отбрасывали большие пятна тени, друзья заметили движение. Мгновение — и оттуда вынырнул огромный слон с растопыренными ушами и вытянутым вперед, как бревно, хоботом. Рядом с ним возникли два таких же гиганта — Пандион узнал чудовищных вожаков стада. Четвертый в сопровождении еще нескольких слонов бежал позади. Наперерез слонам справа из кустов выскочили охотники. Они вклинились между ними, на ходу бросая в слона, появившегося последним, копья. Тот неистово затрубил и бросился за людьми, быстро бежавшими в сторону болота. За ним повернули и остальные слоны. Три вожака, не обращая внимания на хитрый маневр людей, отделивших их от товарищей, продолжали нестись к долине в скалах, должно быть привлеченные криками молодых слонов.

— Худо, худо... Вожаки вернулись с другой стороны... — взволнованно шептал Кидого, сдавливая до боли руку Пандиона.

— Смотри... смотри на храбрецов! — воскликнул, забывшись, Кави.

Воины, заграждавшие вход в долину, не дрогнули, не спрятались от разъяренных чудовищ. Они выступили вперед длинной цепью. Выгоревшая низкая трава не могла скрыть ни одного движения людей.

Слон, бежавший первым, устремился прямо в середину цепи охотников. Двое людей остались неподвижными, а их соседи с обеих сторон вдруг прыгнули навстречу налетавшему чудовищу. Слон замедлил бег, высоко поднял тяжелый хобот и, злобно свистя, с топотом обрушился на людей. Не больше десяти локтей расстояния оставалось между храбрецами и слоном, когда те молниеносно прыгнули в стороны.

И в этот же миг у задних ног чудовища выросли по два человека с каждой стороны. Двое вонзили широкие копья в брюхо животного, двое, откинувшись назад, ударили по задним ногам слона.

Высокий свистящий звук вырвался из поднятого хобота вожака. Опустив его, слон повернул голову в сторону ближайшего справа человека. Тот не успел или не мог увернуться... Брызнула кровь, и три друга отчетливо увидели обнажившиеся на плече и на боку человека кости. Раненый безмолвно упал, но и гигантский слон грузно осел на задние ноги и медленно, боком двинулся в сторону. Охотники, оставив его, присоединились к товарищам, сражавшимся с двумя другими вожаками. Те оказались умнее или уже имели опыт в борьбе с человеком: исполинские чудовища бросались из стороны в сторону, не давая возможности подкрасться к ним сзади, и задавили трех охотников.

В лучах заходящего солнца багровела пыль, застилавшая место битвы. Восьмилоктевые гиганты казались черными башнями, у подножия которых сновали бесстрашные люди. Они прыгали, увертываясь от длинных клыков, подставляли под хоботы упертые в землю копья, с криками забегали сзади, отвлекая нападающих слонов от товарищей, гибель которых была бы неизбежной.

Животные, разъяренные до неистовства, беспрерывно трубили. Когда они поворачивались головами к скале, на которой сидели три друга, то казались необычайно высокими; широкие пятна растопыренных ушей раскачивались над людьми. Сбоку слон с опущенной головой казался ниже, бивни почти загребали землю, готовые вот-вот поддеть человека. Пандион, Кидого и Кави понимали, что видят только часть сражения. Оно происходило и вдали, за деревьями, где находилось все стадо, и налево, на болоте, куда побежали охотники, отвлекая четвертого вожака и прорвавшихся с ним слонов. Что делалось там, было тайной для друзей, но они не могли думать об этом — кровавое сражение перед ними всецело завладело их вниманием.

Из-за деревьев загремели, приближаясь, барабаны — отряд в несколько десятков воинов прибыл на подмогу к сражавшимся. Вожаки слонового стада остановились как бы в нерешительности; люди грозно закричали, размахивая копьями, и тогда чудовища отступили. Они бросились к своему третьему товарищу, лежавшему на земле, и, подогнув колени, стали по бокам раненого, подсунули под него бивни и подняли на ноги. Затем, стиснув его своими телами, гиганты пота-

щили его за деревья, уронили, опять подняли и скрылись. Несколько охотников бросились вдогонку, но были остановлены человеком, распоряжавшимся охотой.

— Не уйдет... скоро бросят... опять разъярятся, — перевел Кидого его слова.

Шум направо все удалялся и затихал: битва, по-видимому, была выиграна. Со стороны болота, с севера показалось несколько охотников; они несли два неподвижных тела. На троих друзей никто не обращал внимания. Негр, этруск и эллин осторожно спустились в степь, чтобы осмотреть поле боя. Друзья пошли туда, где была главная часть стада. Пробираясь через кусты, Кидого вдруг испуганно отпрянул — на сломанном от падения слоновой туши дереве лежал умирающий слон. Конец его хобота слегка шевелился. Дальше деревья становились реже и между ними виднелась серая груда — второй слон лежал на брюхе, с подогнутыми ногами, с выгнутой горбом спиной. Почуяв приближение людей, животное подняло голову. Вокруг его потускневших и запавших глаз залегли глубокие складки кожи, придававшие слону старческое выражение бесконечной усталости. Гигант поник головой, упершись на длинные бивни, потом с глухим стуком упал на бок.

Вокруг перекликались охотники. Кидого махнул рукой и повернул назад — с юга опять показалось стадо слонов. Друзья поспешили к скалам, но тревога была ложной — это подходили обученные животные повелителей слонов. Привязанные к деревьям молодые слоны топорщили хвосты и бешено бросались на людей, стараясь достать их вытянутыми хоботами. Слоновожатые ставили прирученных слонов по бокам каждого пленника. Они сжимали пойманного своими телами и уводили к селению. На всякий случай к шее и задним ногам слоненка были привязаны канаты; каждый канат держали по пятнадцати охотников, шедших впереди и сзади.

Лица людей, усталые и похудевшие от страшного напряжения, были угрюмы. Уже одиннадцать неподвижных тел было положено на плетеные площадки на спинах слонов, а люди все еще рыскали в кустах в поисках двух куда-то пропавших товарищей.

Слонов с пойманными слонятами увели. Охотники сидели и лежали на земле, отдыхая после боя. Друзья подошли к распорядителю охоты, и Кидого осведомился, не могут ли они

чем-нибудь помочь. Распорядитель сердито посмотрел на них и грубо сказал:

— Помочь? Чем вы можете помочь, чужеземцы? Охота была тяжелой, мы потеряли много храбрецов... Ждите, где вам приказано, не мешайте нам!

Друзья отошли к скалам и уселись в стороне, боясь ссоры с людьми, от которых зависело их будущее.

Кави, Пандион и Кидого лежали в ожидании, когда их позовут, и негромко разговаривали. Солнце садилось; черные тени от зубчатых скал продвигались в степь.

— Я не понимаю все же, как громадные слоны не уничтожают в бою всех охотников, — задумчиво произнес Кави. — Если бы слоны сражались крепче, они просто стерли бы людей в пыль...

— Ты прав, — отозвался Кидого. — Счастье людей в том, что у слона слабое сердце...

— Как может это быть? — изумился этруск.

— Просто слон не привык сражаться. Он так силен и велик, что на него никто не нападает, ему не грозят опасности, и только человек осмеливается охотиться на него. Поэтому серый великан не стойкий боец, его воля легко ломается, и он не выдерживает долгого сражения, если не сомнет врага сразу... Вот буйвол — другое дело. Если бы у него были ум и размеры слона, погибли бы все охотники...

Кави промычал что-то неопределенное, не зная, верить ли негру, но вспомнил, какую нерешительность в самый нужный момент боя проявляли слоны сегодня, и промолчал.

— У повелителей слонов копья совсем другие, чем у нас: лезвие восемь пальцев ширины, — вмешался Пандион. — Какую же силу надо иметь для удара таким копьем?!

Кидого вдруг встал и прислушался. Ни одного звука не доносилось с той стороны, где расположились охотники. Золотое от зари небо быстро тускнело.

— Они ушли и забыли про нас! — воскликнул негр и выбежал из-за выступа утеса.

Все было пусто кругом. Вдали слышались еле различимые голоса — охотники ушли, оставив троих друзей.

— Идем за ними скорей, путь далек! — заторопился Пандион.

Но негр остановил друга.

— Поздно, сейчас погаснет заря, и мы в темноте собьемся с дороги, — сказал Кидого. — Лучше подождать, пока взойдет луна. Это будет скоро.

Кави и Пандион согласились и прилегли отдохнуть.

Глава восьмая
СЫНЫ ВЕТРА

В непроницаемой тьме завыли гиены, жалобно завопили шакалы. Кидого нервничал, часто поглядывал на восток, где пепельно-серый просвет неба над вершинами деревьев возвещал восход луны.

— Я не знаю, есть здесь дикие собаки или нет, — бормотал Кидого. — Если они придут, будет беда. Собаки нападают дружно, всей стаей, и одолевают даже буйволов...

Небо все светлело, наконец угрюмо черневшие утесы засеребрились, деревья на степи выделились черными силуэтами. Взошла луна.

Крепко сжимая копья, оглядываясь и прислушиваясь, этруск, негр и эллин пошли на юг, вдоль скалистой цепи. Они спешили покинуть мрачное место битвы, где за кустами и деревьями валялись трупы слонов и пировали пожиратели падали. Вой затих позади, степь молчала. Казалось, все вымерло вокруг — только быстрые шаги путников нарушали ночной покой.

Кидого старательно избегал густых рощиц и зарослей кустарника, там и сям возвышавшихся по степи таинственными черными холмами. Негр выбирал путь посередине открытых полян, белевших между зарослями, как озера в лабиринте черных островов.

Скалистая цепь отогнулась к западу, узкая роща прижала путников к утесам. Кидого повернул направо и пошел по длинной каменистой площадке, спускавшейся к югу. Внезапно негр остановился и, круто повернувшись назад, стал прислушиваться. Пандион и Кави напрягли внимание, но ни одного звука не было слышно вокруг. По-прежнему царила глубокая тишина.

Кидого нерешительно двинулся дальше, ускоряя шаги и не отвечая на тихие вопросы этруска и эллина. Они прошли еще тысячу локтей, и негр опять остановился. Его глаза в свете луны тревожно блестели.

— Кто-то идет следом за нами, — прошептал он и прилег ухом к земле.

Пандион последовал примеру друга, этруск остался стоять, прищурив глаза и пытаясь что-нибудь разглядеть сквозь серебряную завесу лунного света, скрывавшую даль.

Пандион, прижимая ухо к горячей каменистой почве, сначала слышал только собственное дыхание. Молчаливая грозная неопределенность тревожила его. Вдруг издалека до-

несся слабый, еле слышный шум, переданный твердой почвой. Звуки, учащаясь, равномерно повторялись четкими лязгающими ударами — клик, клик! Пандион вскинул голову и мгновенно перестал слышать. Кидого еще некоторое время прикладывал к земле то одно, то другое ухо, затем вскочил, как подброшенный пружиной:

— За нами идет большой зверь... плохо... я не знаю, какой. У него когти наружу, как у собаки или гиены, — значит, это не лев, не леопард...

— Буйвол или носорог, — предположил Кави.

Кидого энергично замотал головой.

— Нет, это хищник! — уверенно отрезал негр. — Нужно спасаться. Плохо — вблизи нет ни одного дерева, — тревожно оглядываясь, шептал он.

Перед ними простиралась почти ровная щебнистая поверхность. Только пучки редкой травы и небольшие кустики торчали на ее скате.

— Вперед, скорее! — торопил Кидого, и друзья осторожно побежали, опасаясь больших колючек и трещин в пересохшей земле.

А сзади, слышный теперь уже совсем отчетливо, раздавался стук тяжелых когтей. Частота размеренных ударов говорила друзьям, что зверь тоже перешел на быстрый бег и нагоняет их. Клик, клик, клик! — тупой лязг становился все ближе. Пандион оглянулся и увидел высокий раскачивающийся силуэт, серым призраком следовавший позади.

Кидого вертел головой, стараясь различить впереди деревья, соразмерить расстояние и скорость бега неведомого зверя. Сообразив, что деревья еще очень далеко и добежать друзья не успеют, негр остановился.

— Зверь настигает! Нам больше нельзя оставаться спиной к нему — погибнем жалкой смертью!.. — взволнованно крикнул негр.

— Нужно биться! — угрюмо проворчал Кави.

Три друга стали рядом, повернувшись лицом к грозному серому призраку, приближавшемуся в тишине ночи. Зверь был молчалив, как сама ночь, — за все время погони он не издал ни единого звука, и это необычайное для хищника степей свойство больше всего пугало друзей.

Серый расплывчатый силуэт становился темнее, его контуры обозначились все резче. Не болев трехсот локтей оставалось между друзьями и зверем, когда тот замедлил бег и пошел размашистым шагом, уверенный, что намеченные жертвы не уйдут.

Друзья никогда не видели такого зверя. Массивные передние лапы его были длиннее задних, передняя половина туловища сильно возвышалась над крестцом, спина была поката. На толстой шее прямо сидела тяжелая голова с массивными челюстями и крутым выпуклым лбом. Короткая светлая шерсть была испещрена темными пятнами. На загривке и на затылке дыбом торчали длинные жесткие волосы. Зверь отдаленно походил на пятнистую гиену, но невиданных, чудовищных размеров: голова его приходилась на высоте пяти локтей от земли. Широкая грудь, плечи и загривок подавляли своей массивностью, буграми выпячивались могучие мускулы, а громадные кривые когти зловеще стучали, нагоняя страх.

Зверь двигался странными, неровными движениями, виляя низким задом и кланяясь тяжелой головой. Морда была опущена вниз так, что нижняя челюсть почти прижималась к горлу.

— Кто это? — глухо спросил Пандион, облизывая пересохшие губы.

— Не знаю, — растерянно ответил Кидого. — Никогда не слыхал про таких зверей...

Зверь внезапно сделал поворот; большие, направленные прямо на путников глаза животного зажглись мерцающим пламенем. Зверь описал небольшую дугу вправо от стоявших людей, потом опять повернулся к ним мордой и остановился. Закругленные уши торчали косо вверх по бокам головы.

— Зверь умен: он зашел так, чтобы луна стала против нас, — прошептал, учащенно дыша, Кидого.

Пандиона била нервная дрожь, всегда появлявшаяся у молодого эллина перед опасным боем.

Зверь втянул в себя воздух и начал медленно приближаться. В движениях животного, в его зловещем молчании, в упорном прямом взгляде больших глаз под выпуклым лбом было что-то отличавшее его от всех известных друзьям зверей. Люди инстинктивно поняли, что животное, встретившееся им, — пережиток иного, древнего мира, с другими законами жизни. Плечо к плечу, выставив копья, люди двинулись навстречу ночному чудовищу. На мгновение оно остановилось, озадаченное; потом, издав какой-то хрип, кинулось на троих друзей. Раскрылась громадная пасть, толстые зубы блеснули в лучах луны, а три длинных лезвия могучих копий впились в широкую грудь и шею чудовища. Люди не смогли сдержать напора — зверь обладал исполинской силой. Копья, упершие-

ся в массивные кости, вывернулись из рук: этруск, эллин и негр отлетели назад. Кидого и Пандион успели вскочить, а Кави был подмят зверем. Оба друга бросились на выручку. Чудовище присело на задние лапы и вдруг быстро взмахнуло передними. Притупленные когти ударили Пандиона по бедру с такой силой, что он упал, чуть не потеряв сознание. Зверь, наступив огромной лапой на ногу эллина, причинил ему невероятную боль: суставы хрустнули, когти животного разорвали мясо и кожу.

Пандион, не выпуская копья из рук, оттолкнулся от земли обеими руками, силясь встать, и услышал треск копья Кидого. Поднявшись на колени, Пандион увидел, что негр придавлен зверем, приближающим к нему свою раскрытую пасть. Кидого с вытаращенными глазами упирался руками под челюсть ночного страшилища, тщетно пытаясь отвратить от себя зубы зверя. На глазах Пандиона погибал его верный друг. Вне себя, уже не чувствуя боли, молодой эллин вскочил и вонзил животному копье в шею. Зверь громко щелкнул зубами и повернулся к Пандиону, свалив его этим движением с ног. Молодой эллин не выпустил копья и, уперев древко в землю, задержал чудовище на несколько мгновений, и Кидого успел выхватить нож. Ни негр, ни эллин не увидели, что с другой стороны зверя поднялся Кави. Этруск хладнокровно нацелился и обеими руками погрузил копье под лопатку чудовища. Длинное лезвие вошло по локоть; рев вырвался из раскрывшейся пасти, зверь конвульсивно дернулся, перекинувшись влево к этруску. Тот, втянув голову в высоко поднятые плечи, пошатнулся, но устоял. Кидого с пронзительным воплем ударил ножом зверя в горло, и в этот момент копье этруска дошло до сердца чудовища. Тяжелое тело задергалось в судорогах, нестерпимое зловоние распространилось вокруг. Пандион вырвал копье, вонзив его снова в затылок, но этот последний удар был уже ненужным. Зверь, вытянув шею и ткнувшись мордой в ноги этруска, выбросил в сторону задние ноги. Они еще двигались, когти скребли почву, под кожей сокращались мускулы, но вздыбленная на затылке шерсть уже опала.

Опомнившись, три друга осмотрели свои раны. У этруска был вырван целый кусок мяса из плеча, борозды длинных когтей прополосовали спину. Нога Пандиона не была сломана — у него оказалась глубокая рана ниже колена, в стопе были, по-видимому, растянуты или разорваны связки так, что ступать на ногу молодой эллин не мог. Бок его вздулся и потемнел от удара лапы, но ребра оказались целы. Сильнее всех

пострадал Кидого, получивший несколько больших ран и сильно помятый.

Друзья перевязывали друг друга разорванной на куски одеждой и радостно переживали свое избавление от страшного чудовища, недвижимо простертого перед ними в ярком свете луны. Больше всех был удручен Пандион: раненая нога не позволяла ему идти.

Кидого успокоил друга, уверяя, что сейчас они в безопасности: труп страшилища охраняет их от всех других хищников, а повелители слонов непременно хватятся и с рассветом найдут отставших.

Терпеливо превозмогая боль от горевших ран, друзья растянулись на жестком щебне, но не могли заснуть от возбуждения.

Рассвет вспыхнул неожиданно быстро, солнце согнало таинственную и зловещую тень ночи. Пандион, измученный болью в ноге, раскрыл усталые глаза от громкого восклицания Кидого. Негр рассматривал побежденного ночного преследователя и объяснял этруску, что он видел изображение подобного зверя в Та-Кем, среди рисунков разных животных в гробнице у города Белых Стен. Кави недоверчиво оттопыривал нижнюю губу. Кидого клялся и убеждал друга, что жители Кемт в древности, несомненно, встречали такое же животное. Солнце поднималось выше. Жажда томила троих друзей, мучила лихорадка от полученных ран. Кидого и Кави решили идти разыскивать воду и тут услышали голоса. Три слона с воинами на спинах двигались через степь, ниже каменистого ската, на котором друзья встретились с чудовищем ночи. Повелители слонов, услышав крики негра, заставили животных повернуть и ускорить шаг. Слоны стали подходить к чужеземцам, как вдруг тревожно затрубили и попятились, поднимая хоботы и топорща уши. Воины спрыгнули с плетеных помостов и подбежали к трупу чудовища с криками: «Гишу! Гишу!»

Распорядитель вчерашней охоты одобрительно посмотрел на друзей, сказав сиплым, надорванным голосом:

— Вы славные воины, если справились втроем с ужасом ночей, пожирателем толстокожих!

Повелители слонов рассказали чужеземцам о гишу — очень редком и опасном звере. Днем он скрывается неведомо где, а ночью бродит в молчании, нападая на молодых слонов, носорогов и детенышей других крупных животных. Гишу необычайно силен и упорен в сражении — его страшные зубы разом перегрызут ногу слона, а могучие передние лапы давят жертву, ломая ей кости.

Кави знаками попросил охотников помочь ему снять шкуру. Четыре воина охотно приступили к делу, не обращая внимания на тяжелый запах, исходивший от животного.

Шкура и отрубленная голова были водружены на слона, туда же воины подняли раненых чужеземцев. Слоны, повинуясь легким ударам крючковатых ножей, побежали рысью, быстро одолевая пространство степи.

К полудню три друга были в селении. Жители встретили их приветствиями: сопровождавшие чужеземцев воины с высоты слоновых спин громко кричали о совершенном подвиге.

Сияющий Кидого восседал рядом с Пандионом на колеблющейся широкой платформе, на высоте пяти локтей от земли. Негр неоднократно принимался петь, но каждый раз его обрывали повелители слонов, предупреждая, что слоны не любят шума и привыкли двигаться в молчании.

Уже четыре дня пути отделяли друзей от города повелителей слонов. Слово вождя исполнилось. Отряду бывших рабов было разрешено следовать на запад с экспедицией племени. Кави, Кидого и Пандион, раны которых еще не зажили, получили место на спине одного из шести слонов, остальные шестнадцать их товарищей шли пешком по следам отряда. Животные находились в движении меньше половины дня, остальное время уходило на их кормежку и отдых. Шедшим пешком удавалось настигать слонов только перед наступлением ночи.

Слоновожатые вели животных совсем не той дорогой, которую выбрали бы люди. Они обходили участки высокого леса, устремляясь через поляны и заросли кустарников, где людям пришлось бы прорубать дорогу. Серые гиганты спокойно прокладывали себе путь. Время от времени передний слон заменялся самым задним и отправлялся на отдых в конец отряда. После слонов в чащах оставалась тропа, и товарищи Пандиона шли и шли без единого удара ножом, восхищенные легкостью победы над непроходимыми лесами. Еще лучше чувствовали себя ехавшие на слоне три друга. Платформа слабо покачивалась, неуклонно плывя над землей с ее колючками, насекомыми и опасными змеями, топкой грязью гниющих луж, острым щебнем каменистых скатов, режущей травой и глубокими, зияющими трещинами. Только сейчас понял Пандион, как много внимания требовали опасности пешего передвижения в дебрях африканских лесов и степей. Только постоянная бдительность давала возможность человеку ос-

таться без повреждений, сохранить силы и боеспособность в дальнейшем пути. Теперь, на спине слона, шагавшего с несокрушимой надежностью каменной глыбы, молодой эллин жадно впитывал в себя краски, формы и запахи природы чужой земли, с ее великолепной мощью животной и растительной жизни. В ослепительном свете солнечных лучей чистые тона цветов достигали необыкновенной яркости, смутно тревожившей северянина. Но едва только небо заволакивалось тяжелыми тучами или отряд окружали сумерки тенистого леса, краски угасали. Монотонные переходы цветов казались сумрачными и жесткими в сравнении с мягкими, задумчивыми и гармоничными красками родной Пандиону страны.

Отряд пересек ближний отрог леса и вновь оказался в холмистой степи с красной землей, поросшей безлистыми деревьями, выделявшими молочный сок. Их синевато-зеленые ветви угрюмо поднимались в слепящее небо, ровная, словно подстриженная, поверхность крон щетинилась на высоте тридцати локтей от земли. В этих зарослях, стоявших неподвижно, не встречалось ни птиц, ни зверей — знойный мертвый покой царил над красными холмами. Громадные стволы и ветви казались подсвечниками, отлитыми из зеленого металла. Крупные красные цветы рдели на концах ветвей, словно сотни факелов, горевших на мрачном кладбище. Дальше почву изрезали глубокие промоины — под огненно-красной землей лежали слои ослепительно белого песка. Отряд вошел в сеть узких ущелий. Рыхлые пурпурные стены поднимались на сто локтей по сторонам. Слоны осторожно пробирались в хаосе размытых обрывов, пирамид, башен и тонких столбов. Местами в круглых, как чаши, глубоких впадинах встречались длинные отроги, расходящиеся лучами поперек ровного дна. Отроги поднимались острыми крутыми стенами рыхлой земли; иногда они внезапно обрушивались при прохождении отряда поблизости, пугая слонов, шарахавшихся в сторону. Цвет размытой рыхлой почвы беспрестанно менялся: за стеной теплого красного тона вздымалась светло-бурая, затем шли пирамиды яркой солнечно-желтой окраски, перемежавшиеся с ослепительно белыми полосами и выступами. Пандиону казалось, что он попал в волшебное царство. В этих глубоких, сухих и безжизненных долинах скрывался целый мир игры ярких цветов мертвой природы[1].

Потом опять потянулись хребты, поросшие лесом, опять зеленые стены обступили отряд, и платформа на спине слона

[1] Область мощных латеритовых отложений Западной Африки.

казалась островом, медленно плывшим по океану листьев и веток.

Пандион замечал, как осторожно вели вожатые своих могучих животных. На стоянках они тщательно осматривали кожу слонов. Молодой эллин спросил своего вожатого, зачем он делает это. Чернокожий положил руку на сосуд из плода какого-то дерева, привязанный к его поясу.

— Плохо, если слон раздерет себе кожу или поранит себя, — сказал вожатый. — Тогда у него загнивает кровь и животное гибнет. Нужно сразу же замазать рану целебной смолой — потому лекарство всегда наготове у нас.

Для молодого эллина странно было услышать о такой легкой уязвимости несокрушимых и долговечных гигантов. Ему сделалась понятной осторожность умных животных.

Уход за ними требовал массы забот. Место ночлега и отдыха выбиралось тщательно, после долгих осмотров и совещаний; привязанных слонов окружали бдительные часовые, бодрствовавшие всю ночь. Особые дозорные высылались далеко вперед, чтобы убедиться в отсутствии поблизости диких слонов. Встреченные животные распугивались громкими криками.

На привалах друзья беседовали со своими спутниками. Суровые повелители слонов удовлетворяли любопытство чужеземцев.

Однажды Пандион спросил у низкорослого пожилого человека, начальствовавшего в походе, почему они охотно идут на ловлю слонов, несмотря на страшную опасность.

Глубокие морщины вокруг рта начальника стали еще более резкими. Он нехотя ответил:

— Ты говоришь, как трус, хотя и не выглядишь им. Слоны — это мощь нашего народа. С ними мы живем хорошо, в довольстве. Но мы платим за это жизнями. Если бы мы боялись, то жили бы не лучше племен, питающихся ящерицами и корнями. Те, кто боится смерти, живут в голоде и злобе. Если ты знаешь, что в твоей смерти жизнь твоих родных, тогда идешь смело на любую опасность! Мой сын, храбрец, в цвете сил погиб на слоновой охоте... — Начальник похода угрюмо сощурил устремленные на Пандиона глаза. — Или вы, чужеземцы, думаете иначе? Зачем же ты сам прошел столько земель, сражался с людьми и зверями, а не остался в рабстве?

Пристыженный Пандион прекратил вопросы. Вдруг Кидого, сидевший поблизости у костра, поднялся и заковылял к рощице деревьев, стоявших в двухстах локтях от привала. За-

ходящее солнце золотило овальные большие листья, тонкие ветви слабо трепетали. Кидого внимательно осмотрел бугристую, неровную кору тонких стволов, радостно вскрикнул и вынул нож. Немного спустя негр вернулся к костру с двумя большими связками красновато-серой коры. Одну связку он поднес начальнику отряда.

— Передай ее вождю как прощальный подарок Кидого, — сказал негр. — Это лекарство не хуже волшебной травы из голубой степи. В час болезни, усталости или горя пусть он растолчет ее и выпьет отвара, только немного. Если пить много, то это уже не лекарство, а яд. Кора эта возвращает силу старикам, веселит угнетенных, бодрит ослабевших. Заметь это дерево — будешь благодарен![1]

Начальник обрадовался, принимая подарок, и тут же приказал добыть еще коры. Кидого спрятал второй пучок в шкуру гишу, которую вез с собой Кави.

На следующий день слоны поднялись на каменистую равнину, где заросли высокого плотного кустарника, согнутые ветрами, склонялись к земле, образуя высокие зеленые горбы, разбросанные среди серой сухой травы.

Приятная свежесть проникала в ноздри с дуновением встречного ветра. Пандион встрепенулся. Знакомое, бесконечно дорогое и забытое было в этом запахе, но оно терялось среди ароматов, несшихся от разогретой листвы леса, видневшегося внизу. Далеко простирались широкие и пологие обнаженные склоны, их голубоватую поверхность пересекали темные полосы и пятна лесных чащ. На краю горизонта синела высокая горная цепь.

— Вот она, Тенгрела, моя страна! — неистово завопил Кидого, и все обернулись в его сторону.

Негр размахивал руками, всхлипывая и морща лицо, могучие плечи его тряслись от волнения. Пандион понимал переживания друга, но неопределенное чувство зависти больно укололо молодого эллина: Кидого достиг родины, а ему еще так много оставалось преодолеть до того великого часа, когда он, подобно другу, сможет закричать: «Вот моя родина!» Больной и усталый, Пандион все чаще терял уверенность в своих силах.

Опустив голову, юноша незаметно отвернулся: он не мог сейчас радоваться вместе с другом.

Слоны спускались по черному обнаженному склону вулканической почвы — на застывшей лаве не росло никаких де-

[1] Кора дерева *иохимба*, из семейства мареновых, к которым относятся также хинное и кофейное деревья.

ревьев. Дорогу пересек ровный уступ с разбросанными на нем маленькими озерами. Блестящие пятна воды, чистой, синей и глубокой, резко выделялись среди черных берегов. Пандион вздрогнул. Он вспомнил вдруг с необычайной живостью синие глаза Тессы, ее густые черные волосы. И здесь синие озерки как будто смотрели на него с немым укором, так, как если бы живая Тесса увидела его здесь. Пандион унесся мыслями в Энниаду, смутное и могучее нетерпение расправило его грудь; он придвинулся к другу и крепко обнял его. На черную руку Кидого легла жилистая смуглая рука Кави, и три друга сцепили свои ладони в твердом и радостном пожатии.

А слоны спускались все ниже — берега широкой долины встали с обеих сторон. Еще немного — и справа подошла вторая такая же долина. Слившиеся вместе ручьи образовали быструю речку, чем дальше, тем становившуюся более многоводной. Слоны некоторое время шли по левому берегу, у подножия разрушенных утесов. Скалы разошлись впереди, чистая вода речки с веселым журчанием устремлялась под сень высоких деревьев, стоявших, как высокие зеленые арки, по обе стороны ее русла, достигавшего пятнадцати локтей ширины. Не доходя до деревьев, слоны остановились.

— Здесь, — сказал начальник. — Мы не пойдем дальше.

Три друга спустились со слонов, прощаясь со своими хозяевами. Отряд пересек реку. Друзья долго смотрели вслед серым гигантам, которые одолевали подъем на плоскую возвышенность к северу от реки. Невольный вздох сожаления вырвался у всех троих, когда могучие животные скрылись вдали. Этруск, негр и эллин развели сигнальный костер для шедших где-то позади товарищей.

— Пойдем искать тростник и деревья для постройки плотов, — предложил Кидого этруску. — Мы проплывем быстро остаток пути. Ты, хромой, ожидай у костра, береги ногу! — с грубой нежностью обратился негр к молодому эллину.

Пандион и Кави оставили Кидого на берегу реки, среди его родичей.

Запах близкого моря пьянил друзей, выросших на его берегу. Они оттолкнули плот и поплыли в левый рукав разветвленного устья. Скоро плот остановился — протока была занесена песком. Друзья выбрались на крутой берег, путаясь в высокой траве. Они перебрались через холмистую гряду; задыхаясь от волнения, спешно поднялись на прибрежный вал и замерли, не в силах говорить и дышать.

Их опьяняла бесконечная ширь океанского простора, тихий плеск волн потрясал, как гром. Кави и Пандион стояли по грудь в колючей траве. Высоко над их головами покачивались перистые верхушки пальм. Край зеленой подошвы холмов у полосы горящего под лучами солнца прибрежного песка казался почти черным. Золотой песок обрамляла движущаяся серебряная лента пены, за которой колыхались прозрачные зеленые волны. Еще дальше прямая черта обозначала границу прибрежных рифов. Она казалась ослепительно белой на фоне глубокой синевы открытого океана. По небу медленно плыли легкие пушистые хлопья редких облаков. У берега над песком стояли, наклонившись, пять пальм. Их длинные листья то широко распластывались в воздухе, то сгибались под порывами ветра, как крылья парящих над берегом растрепанных птиц с темно-коричневыми и золотистыми перьями. Листья пальм, будто отлитые из бронзы, заслоняли сверкающий простор океана. Их острые края вспыхивали каймой сверкающего огня — так сильно пробивалось сквозь них могучее солнце. Влажный ветер нес запах морской соли. Теплые струи ветра растекались по лицу и обнаженной груди Пандиона, как будто стремясь в его объятия после долгой разлуки.

Этруск и эллин медленно опустились на песок, прохладный, плотный и ровный, как пол родного жилища.

Отдохнув, они бросились в ласковое колыхание волн. Море приняло их, приветствуя легкими толчками. Пандион и Кави наслаждались запахом соленых брызг, прорезая руками сверкающие гребни, пока их заживающие раны не начали гореть от морской воды. Тогда два друга вышли на песок, упиваясь созерцанием океанской дали. Она простиралась перед ними синим мостом, где-то там, вдали, соединяющимся с водами родного моря; такие же волны накатывались сейчас на белые скалы берегов Эллады, на желтые кручи родины Кави.

Молодой эллин чувствовал, как слезы радостного волнения заливают его глаза; он не думал сейчас о громадном расстоянии, все еще стоявшем между ним и родиной. Здесь было море, а за морем ждала его Тесса, ждало все родное и ласковое, покинутое и заслоненное годами суровых испытаний, неисчислимыми страданиями тяжкого пути.

Лицом к морю стояли этруск и эллин на узкой полосе берега. А позади них высились могучие горы под покровом грозных лесов — край чужой земли, столько времени державший их в плену палящих пустынь, степей, сухих плоскогорий, влажных и темных чащ, земли, взявшей от них годы жизни —

все то, что могло бы быть отдано близким. Для освобождения потребовались годы героической борьбы, неслыханные усилия. Все это, отданное родине, принесло бы почет и славу.

Кави положил тяжелые руки на плечи Пандиону.

— Судьба наша теперь в собственных руках, Пандион! — воскликнул этруск. Страстный огонь горел в его обычно угрюмых темных глазах. — Нас двое: неужели мы не достигнем Зеленого моря, после того как пробились к берегу Великой Дуги? Нет, мы вернемся, мы будем опорой нашим товарищам ливийцам, не искусным в мореходстве...

Пандион молча кивнул головой. Перед лицом моря он чувствовал непоколебимую уверенность в своих силах.

Голос Кидого пронесся над берегом. Встревоженный негр с толпой возбужденных сородичей и товарищей по походу разыскивал скрывшихся друзей. Пандиона и Кави повели обратно к реке, переправили на другой берег, а там их уже ждали несколько быков для перевоза раненых, груза и оружия.

Небольшой путь остался скитальцам. Обещание Кидого, данное под деревьями на берегу Нила, около умиравших товарищей после страшной битвы с носорогом, сбылось. Все девятнадцать бывших рабов нашли ласковый приют и отдых в огромном селении поблизости от моря, на берегу большой, многоводной реки, протекавшей рядом с той, по которой приплыли они, расставшись с повелителями слонов.

Но особенно радостна была для Пандиона и Кави весть о том, что в прошлом году, после двадцатилетнего перерыва, сюда приплывали сыны ветра. Сынами ветра сородичи Кидого называли морских людей, издавна приходивших к берегам Южного Рога с севера за слоновой костью, золотом, целебными растениями и звериными кожами. Местные жители говорили, что по внешнему облику сыны ветра похожи на этруска и эллина, только их кожа смуглее и волосы более курчавы. В прошлом году приходили четыре черных корабля, повторившие пути отцов. Сыны ветра обещали приехать снова, как только окончится время бурь в Море Туманов. По расчетам опытных людей, до прибытия кораблей оставалось около трех месяцев. Постройка собственного судна отняла бы больше времени, не говоря уж о том, что предстоящий путь был совершенно неведом. Пандиона и Кави беспокоила мысль, возьмут ли их морские люди на корабли с десятью товарищами, но Кидого, подмигивая и таинственно усмехаясь, уверял, что устроит это.

Оставалось только ждать, томясь неизвестностью. Сыны ветра могли опять не появляться еще двадцать лет. Этруск и

эллин успокаивали себя тем, что, если корабли не придут в назначенный срок, они примутся за постройку своего судна.

Возвращение Кидого явилось событием, отмеченным шумными празднествами. Пандион утомился от пиров. Ему надоели восхваления его доблести, он устал повторять рассказы о родной стране, о пережитых приключениях.

Само собой получилось, что Кидого, вечно окруженный родными и соплеменниками, увлеченный восхищением женщин, как-то отдалился от Пандиона и Кави. Друзья стали видеться реже, чем в шене и в далеком пути через Африку. Кидого шел в жизни уже собственной дорогой, не совпадавшей с дорогой своих друзей. Все товарищи Кидого по походу из родственных ему племен быстро рассеялись по разным местам. Остались только этруск, эллин и десять ливийцев, считавших, что от Пандиона и Кави зависит их возвращение на родину.

Все двенадцать чужеземцев поселились в просторном доме из высушенной на солнце твердой серо-зеленой глины. Кидого настоял, чтобы Кави и Пандион жили в красивой куполообразной хижине, стоявшей поблизости от его дома. После долгих лет скитаний Пандион мог снова отдыхать на собственном ложе. У этого народа не было в обычае спать на полу, на шкурах или на охапках травы. Сородичи Кидого изготовляли деревянные рамы на ножках, переплетенные сеткой из упругих стеблей, нежившие тело и особенно приятные для больной ноги Пандиона.

У эллина теперь было много свободного времени, и он посвящал его прогулкам к морю, где подолгу сидел один или вместе с Кави, слушая мерный рокот волн. Пандион испытывал неясную тревогу. Его несокрушимое здоровье поддалось невзгодам пути в непривычно жарком климате.

Пандион сильно переменился и сам сознавал это. Когда-то, окрыленный юностью и любовью, он смог оставить свою любимую, дом и родную страну, стремясь познакомиться с древним искусством, увидеть другие страны, узнать жизнь.

Теперь он был знаком с горькой тоской, он познал безрадостный плен, гнет отчаяния, отупляющий, тяжкий труд раба. И Пандион с беспокойством спрашивал себя, не ушла ли от него сила творческого вдохновения, способен ли он стать художником. Одновременно Пандион чувствовал: ему пришлось испытать и увидеть так много, что это не прошло бесследно, обогатило его великим опытом жизни, вереницей незабываемых впечатлений. Суровая правда жизни наполнила

печалью его душу, но Пандион познал теперь дружбу и товарищество, силу братской помощи, единение с людьми чуждых племен. Так же твердо, как то, что после дня наступает ночь, он знал, что разные народы, разбросанные по просторам земли, по существу, являются одной человеческой семьей, разъединенной только трудностями путей, разными языками и верованиями. Лучшие люди во всем этом множестве оказывались всегда похожими и понятными ему по своим стремлениям.

Пандион любил рассматривать свое копье — подарок отца навеки потерянной Ирумы, пронесенное им через леса и степи, не раз выручавшее его в смертельной опасности. Оно казалось ему символом мужской доблести, залогом человеческого бесстрашия в борьбе с природой, безраздельно владычествовавшей в жарких просторах Африки. Молодой эллин осторожно поглаживал длинное лезвие, прежде чем надеть на него чехол, сшитый руками Ирумы. Этот кусочек кожи с пестрой отделкой из шерсти — все, что осталось у него в память о милой, далекой и нежной девушке, которую он встретил на перепутье трудной дороги к родине. Может быть, этот чехол Ирума делала для него, мечтая о нем... Но не нужно думать об этом. Судьба беспощадно разделила их, иначе не могло быть... Но сердце болит, оно не подчиняется разуму... Пандион оборачивался к темным горам, заграждавшим пройденные им земли от лица океана. Вереница дней бесконечного похода медленно проплывала перед ним...

Он видел девушку у ствола дерева с цветами, как красные факелы... Сердце Пандиона начинало учащенно биться. Он ясно представлял блеск ее кожи, темной и нежной, ее лукавые, полные трепетного огня глаза... Круглое личико Ирумы с улыбкой, с легким и горячим дыханием приближалось к его лицу; он слышал ее голос...

Постепенно Пандион познакомился с жизнью веселого и добродушного народа Кидого. Рослые, с медным отливом черной кожи, все великолепного сложения, сородичи Кидого занимались главным образом земледелием. Они возделывали низкорослые пальмы с наполненными маслом плодами [1] и еще огромные травянистые растения с исполинскими листьями, веером расходившимися из пучков мягких стеблей[2]. Эти растения давали тяжелые гроздья длинных желтых, серповидно изогнутых плодов с нежным и ароматным сладким содер-

[1] Масличная пальма.
[2] Бананы.

жимым. Плодов собиралось громадное количество, и они составляли главную пищу народа Кидого. Пандиону они очень нравились. Плоды ели сырыми, вареными или поджаренными на масле. Местные жители занимались и охотой, добывая слоновую кость и шкуры, собирали волшебные, похожие на каштаны орехи, когда-то вылечившие Пандиона от его странной болезни, разводили рогатый скот и птицу.

Среди них были искусные мастера — строители, кузнецы и горшечники. Пандион любовался творениями многих художников, не уступавших по мастерству Кидого.

Большие дома, построенные из брусчатых камней, сырцового кирпича или вылепленные целиком из твердой глины, были украшены сложным и красивым орнаментом, четко вырезанным на поверхности стен. Иногда стены расписывались красочными фресками, напоминавшими Пандиону росписи древних развалин Крита. На глиняных сосудах красивой формы он видел изящную, исполненную с тонким вкусом разрисовку. Множество деревянных раскрашенных статуй встречалось в больших зданиях общественных собраний и домах вождей. Скульптурные изображения людей и зверей восхищали Пандиона верностью переданного впечатления, удачно схваченными характерными чертами.

Но, по мнению Пандиона, скульптуре народа Кидого не хватало глубокого понимания формы. Его не было и у мастеров Айгюптоса. Скульпторы Та-Кем застывали в мертвых, недвижных позах, несмотря на выработанную веками тонкость исполнения и изящество отделки. Ваятели народа Кидого, наоборот, создавали острое впечатление живого, но только в каких-то отдельных, намеренно подчеркнутых подробностях. И молодой эллин, размышляя над произведениями местных жителей, начал смутно ощущать, что путь к совершенству скульптуры должен быть каким-то совсем новым — не в слепом старании передать природу и не в попытках отразить отдельные впечатления.

Народ Кидого любил музыку, играл на сложных инструментах из длинных рядов деревянных дощечек, соединенных с продолговатыми пустыми тыквами. Некоторые грустные, широко и мягко разливавшиеся песни волновали Пандиона, напоминая ему песни родины...

Этруск сидел у потухшего очага около хижины, жевал подбодряющие листья [1] и задумчиво ворошил палочкой горя-

[1] *Подбодряющие листья* — листья стеркулиевых или табака и других растений, содержащих возбуждающие вещества.

чий пепел, в котором пеклись желтые плоды. Кави научился приготовлять из желтых плодов муку для лепешек.

Пандион вышел из хижины, подсел к другу.

Мягкий вечерний свет ложился на пыльные тропинки, замирал в неподвижных ветвях тенистых деревьев.

— Загадка для меня этот народ, — задумчиво заговорил этруск, сплевывая на сторону жгучий сок. — Тут есть великая тайна, и я не могу ее постигнуть.

— Какая тайна? — рассеянно спросил Пандион.

— Тайна в сходстве этого народа с моим. Разве ты не заметил?

— Не заметил, — сознался эллин. — Люди эти вовсе на тебя не похожи...

— Я сказал не о внешнем сходстве, ты не понял. Их постройки почти такие же, как у моего народа, их верховный бог — бог молнии, как у нас, да ведь и у тебя тоже! Песни народа Кидого напоминают мне те, которые я сам певал в молодости... Как это может быть? Что общего у нас с чернокожим народом, живущим так далеко на жарком юге? Или когда-то их и мои предки жили по соседству?

Пандион хотел ответить, что его давно занимала мысль о родстве народов Африки с обитателями Великого Зеленого моря, но тут его внимание привлекла проходившая мимо женщина. Он заметил ее еще в первые дни прибытия в город Кидого, но с тех пор как-то не встречался с ней. Она была женой одного из родичей Кидого, и звали ее Ньора. Ньора выделялась красотой даже среди своих красивых соплеменниц. Сейчас она медленно шла мимо с достоинством, которое отмечает женщин, сознающих свою красоту. Молодой эллин с восторгом рассматривал ее... Жажда творчества вдруг вспыхнула в нем с прежней силой.

Кусок зеленовато-синей ткани туго обертывал бедра Ньоры. Нитка голубых бус, тяжелые сердцевидные серьги и узкая золотая проволока на запястье левой руки составляли все убранство юной женщины. Большие глаза спокойно смотрели из-под густых ресниц. Короткие волосы, собранные на темени и замысловато сплетенные, удлиняли голову. Скулы выступали под глазами округлыми холмиками, как у здоровых и упитанных детей эллинов.

Гладкая черная кожа, такая упругая, что тело казалось железным, блестела в лучах солнца, и ее медный отлив приобретал золотой оттенок. Удлиненная шея чуть-чуть наклонялась вперед и горделиво поддерживала голову.

Высокое, гибкое тело было безупречно по своим линиям, необычайной плавности и сдержанности движений.

Пандиону показалось, что в лице Ньоры перед ним предстала одна из трех Харит [1] — богинь, по его верованиям, оживлявшим красоту и наделявших ее непобедимой привлекательностью.

Палочка этруска вдруг стукнула по голове Пандиона.

— Ты почему не побежал за ней? — с шутливой досадой спросил этруск. — Вы, эллины, готовы любоваться каждой женщиной...

Пандион посмотрел на друга без гнева, но так, как будто бы увидел его в первый раз, и порывисто обнял этруска.

— Слушай, Кави, ты не любишь говорить о своем... Тебя разве совсем не трогают женщины? Ты не чувствуешь, как они прекрасны? Разве для тебя они не часть всего этого, — Пандион описал рукой круг, — моря, солнца, прекрасного мира?

— Нет, когда я вижу что-нибудь красивое, мне хочется его съесть! — рассмеялся этруск. — Я шучу, — продолжал он серьезно. — Помни, что я вдвое старше тебя и за светлой стороной мира для меня виднее другая — темная, безобразная. Ты уже забыл о Та-Кем, — Кави провел пальцами по красному клейму на плече Пандиона, — а я ничего не забываю. Но я завидую тебе: ты будешь создавать красивое, я же могу только разрушать в борьбе с темными силами. — Кави помолчал и дрогнувшим голосом закончил: — Ты мало думаешь о своих близких там, на родине... Я не видал столько лет своих детей, мне неизвестно даже, живы ли они, существует ли весь мой род. Кто знает, что там, среди враждебных племен...

Тоска, зазвучавшая в тоне всегда сдержанного этруска, наполнила Пандиона сочувствием. Но как он мог утешить друга? Слова этруска в то же время больно укололи его: «Ты мало думаешь о своих близких там, на родине...» Если Кави мог сказать ему так... Нет, разве мало значили для него Тесса, дед, Агенор? Но тогда он должен был сделаться подобным хмурому Кави, тогда он не впитал бы в себя великого разнообразия жизни — как же научился бы он понимать красоту?.. Пандион запутался в противоречиях и не смог разобраться в самом себе. Он вскочил и предложил этруску пойти выкупаться. Тот согласился, и оба друга направились через холмы, за которыми в пяти тысячах локтей от селения плескался океан.

[1] *Хариты*, позднее *Грации* — богини женского очарования и изящества у эллинов. Харит было три.

За несколько дней до этого Кидого собрал молодых мужчин и юношей племени. Негр сказал сородичам, что, кроме копья и кусков ткани на бедрах, его товарищи, ожидающие кораблей, ничего не имеют, а сыны ветра не возьмут их на корабли без платы.

— Если каждый из вас, — сказал Кидого, — согласится помочь самым малым, то чужеземные друзья смогут вернуться к себе домой. Они помогли мне вырваться из плена и снова увидеть всех вас.

Ободренный общим согласием, Кидого предложил пойти с ним на золотоносное плоскогорье, а тем, кто не сможет, — пожертвовать слоновую кость или орехи, кожу или ствол ценного дерева.

На следующий день Кидого объявил друзьям, что отправляется на охоту, и отказался взять их с собой, уговаривая беречь силы для предстоящего пути.

Товарищи Кидого по походу так и не узнали об истинных целях предприятия. Хотя мысли о плате за проезд не раз беспокоили их, они надеялись, что таинственные сыны ветра возьмут их в качестве гребцов. Пандион еще втайне предполагал использовать камни юга — подарок старого вождя. Кави, также не говоря ничего Кидого, через два дня после ухода чернокожего друга собрал ливийцев и отправился вверх по реке, надеясь найти поблизости черное дерево[1], срубить несколько стволов и сплавить до селения тяжелые, тонувшие в воде бревна на плотах из легкой древесины.

Пандион все еще хромал, и Кави оставил его в селении, несмотря на протесты. Пандион негодовал: второй раз уже товарищи бросали его одного, как тогда, во время охоты за жирафами. Кави, надменно выпятив бороду, заявил, что тогда он не потерял времени даром и теперь снова может повторить прежнее. Онемевший от бешенства, молодой эллин ринулся прочь с обидой в сердце. Этруск догнал его и, хлопая по спине, просил прощения, но твердо стоял на своем, убеждая друга в необходимости совсем поправиться.

В конце концов Пандион согласился, с горечью ощущая себя жалким калекой, и поспешно скрылся в хижине, чтобы не присутствовать при уходе своих здоровых товарищей.

Оставшись в одиночестве, Пандион еще острее почувствовал необходимость испытать свои силы после удачного

[1] Черное дерево дают ядровые древесины различных видов африканских деревьев, главным образом семейства эбеновых; также дальбергия из семейства бобовых.

опыта со статуей учителя слонов. За последние годы он видел столько смертей и разрушений, что не хотел браться за непрочную глину, стремясь создать произведение из крепкого материала. Такого материала у Пандиона не было. Даже если бы он оказался в его руках, все равно отсутствовали необходимые для обработки инструменты.

Пандион часто любовался камнем Яхмоса, приведшим его в конце концов к морю, как наивно верил Кидого, склонный признавать могущество волшебных вещей.

Прозрачная ясность твердого камня навела Пандиона на мысль вырезать гемму. Правда, камень был тверже употреблявшихся для этой цели в Элладе. Они там обрабатывались наждаком с острова Наксоса[1]. Вдруг эллин вспомнил, что у него, если верить старому вождю повелителей слонов, были камни, твердостью превосходившие все вещи мира.

Пандион достал самый маленький из подаренных ему камней юга и осторожно провел острой гранью по краю голубовато-зеленого кристалла. На неподатливой гладкой поверхности осталась белая черта. Молодой эллин нажал сильнее. Камень прорезал глубокую канавку, точно резец из черной бронзы на куске мягкого мрамора. Необыкновенная сила прозрачных камней юга действительно превосходила все известное до сих пор Пандиону. В его руках были волшебные резцы, делавшие легкой задачу.

Пандион разбил маленький камень, тщательно собрал все острые осколки и вставил их при помощи твердой смолы в деревянные палочки. Теперь у него был десяток резцов разной толщины — и для грубой отделки, и для самых тонких штрихов. Что же изобразит он на прекрасном голубовато-зеленом кристалле, добытом Яхмосом в развалинах тысячелетнего храма и донесенном в целости до моря, символом которого он так долго служил в душном плену земли? Смутные образы проносились в голове Пандиона.

Молодой эллин ушел из селения и бродил в одиночестве, пока не очутился у моря. Он долго сидел на камне, то устремляя взор вдаль, то следя за тонким слоем прозрачной воды, подбегавшей к его ногам. Наступил вечер, короткие сумерки уничтожили блеск моря, движение волн сделалось незаметным. Все непрогляднее становилась бархатно-черная ночь, но вместе с тем в небе загоралось все больше ярких звезд, и опять небесные огоньки, закачавшись в волнах, оживили застывшее море. За-

[1] *Остров Наксос* — самый большой остров в группе Кикладских островов, на юге Эгейского моря.

прокинув голову в небо, молодой эллин ловил очертания незнакомых созвездий. Дуга Млечного Пути перекидывалась таким же, как и на родине, серебряным мостом через весь небосвод, но она была более узкой. Один ее конец был глубоко расщеплен и разбит на отдельные пятна между широкими темными полосами. В стороне и ниже горели голубовато-белым светом два туманных звездных облака[1]. Около них отчетливо выделялось большое непроницаемо черное пятно грушевидной формы, точно кусок угля заслонял в этом месте все звезды[2]. Ничего похожего не видел Пандион в родном небе севера. Контраст между черным пятном и белыми облаками внезапно поразил его. Молодой эллин увидел в нем вдруг самую сущность южной страны. Черное и белое во всей прямоте и четкой грубости этого сочетания — вот что составляло душу Африки, ее лицо, такое, каким Пандион сейчас почувствовал его. Черные и белые полосы необыкновенных лошадей, черная кожа туземцев, раскрашенная белой краской и оттенявшая белые зубы и белки глаз, изделия из черной и жемчужно-белой древесины, черные и белые колонны древесных стволов в лесах, свет степей и мрак лесных трущоб, черные скалы с белыми полосами кварца и многое такое же пронеслось перед глазами Пандиона.

Совсем другое было на родине — на бедных и каменистых берегах Зеленого моря. Река жизни там не катилась буйным потоком, не сталкивались столь обнаженно черные и белые ее стороны.

Пандион встал. Необъятный океан, на другой стороне которого была его Энниада, отделил молодого эллина от Африки. Позади осталась страна, в душе уже покинутая им, угрюмо заслонившаяся ночными тенями гор. Впереди по волнам перебегали отражения звездных огней, и море сливалось там, на севере, с родной Элладой, и Тесса была на его берегу. Ради возвращения на родину, ради Тессы он боролся и шел сквозь кровь, пески, зной и мрак, бесчисленные опасности от зверей и людей.

Тесса, далекая, любимая и недоступная, стала совсем как те туманные звезды над морем, где северный «Ковш» окунулся краем за горизонт.

И тут явилось решение: он создаст на камне — твердом символе моря — Тессу, стоящую на берегу.

---

[1] *Магеллановы облака*, Большое и Малое, — крупные звездные скопления и туманности в небе южного полушария.

[2] *Угольный мешок* — черное скопление непрозрачного вещества в небе южного полушария.

* * *

Пандион с яростью сжал в сильных пальцах резец, и крепкая палочка переломилась. Уже несколько дней он склонялся над камнем Яхмоса с бьющимся сердцем, обуздывая волей творческое нетерпение, то уверенно прочерчивая длинные линии, то с бесконечной осторожностью срезая мельчайшие крупинки. Изображение становилось все более явственным. Голова Тессы удалась ему — в своем гордом повороте она виделась ему и теперь так же отчетливо, как в час прощания на берегу Ахелоева мыса. Он врезал ее в прозрачную глубину камня, и теперь она выпукло проступала матовой голубизной среди зеркально-гладкой поверхности. Завитки волос легкими, свободными штрихами ложились на намеченную четкой дугой округлость плеча, но дальше... дальше Пандион неожиданно утратил весь подъем своего вдохновения. Молодой художник, как никогда уверенный в себе, сразу очертил глубокой канавкой тонкий контур тела девушки, и точное изящество линий подтвердило успех его работы. Пандион сточил окружающую поверхность, чтобы выделить фигуру. Тут он внезапно понял, что изобразил вовсе не Тессу. В линиях бедер, колен и груди проступило и ожило тело Ирумы, а отдельные штрихи, несомненно, принадлежали последнему впечатлению от красоты Ньоры. Фигура Тессы не была телом эллинской девушки — у Пандиона получился отвлеченный образ, в котором отражалась красота африканских женщин. Но Пандион хотел добиться другого — изобразить живую и любимую Тессу. Напрягая память, он пытался снять налет впечатлений последних лет, пока не убедился, что новое проступило еще ярче.

Скоро Пандион сообразил, что передача живого опять не удается ему. Пока фигурка была только намечена, легкие линии жили. Едва художник пытался перевести плоское изображение в выпуклое, живое тело окаменевало, становилось холодным и застывшим. Да, он не постиг тайны искусства. И это его произведение не будет живым! Ему не удастся совершить задуманное! Сломав резец от волнения, Пандион взял камень и стал рассматривать его с расстояния вытянутой руки. Да, он не может создать образ Тессы, и прекрасная гемма не будет окончена.

Сквозь прозрачный камень проникали лучи солнца, наполняя его золотистым оттенком родного моря. Пандион оставил нетронутым гладкое поле большой грани кристалла и вырезал фигуру девушки справа, у самого края. В камне, как

на берегу моря, стояла девушка с лицом Тессы, но Тессой она не была. Вдохновение, с которым трудился Пандион над камнем от рассвета до заката, с нетерпением ожидая каждого следующего дня, покинуло его. Пандион спрятал камень, собрал резцы и разогнул наболевшую спину. Горе поражения ослаблялось сознанием, что он все же может создать прекрасное... но оно было убогим в сравнении с живым!

Увлеченный работой, Пандион перестал ожидать возвращения товарищей и только сейчас вспомнил о них. Как бы в ответ на мысли Пандиона к нему подбежал мальчик.

— Густобородый приехал, он зовет тебя к реке! — сообщил посланец Кави, гордый данным ему поручением.

То, что этруск остался на реке и звал его туда, обеспокоило Пандиона. Он поспешил к берегу по тропинке, извивавшейся среди колючих кустов. Издалека он заметил на песчаном откосе группу товарищей, стоявших кольцом вокруг связки стеблей тростника. На тростнике вытянулось человеческое тело. Пандион неловко побежал, стараясь не ступать на еще слабую ногу, и вошел в молчаливый круг товарищей по походу. Он узнал в лежащем молодого ливийца Такела, участника побега через пустыню. Молодой эллин стал на колени над телом товарища. Перед глазами Пандиона возникло душное ущелье между склонами песчаных гор, где он плелся, полумертвый от жажды. Такел был в числе тех, которые во главе с умершим Ахми принесли ему навстречу воду из источника. Только перед трупом Такела Пандиону стало ясно, как дорог и близок ему каждый из товарищей по мятежу и походу. Он сроднился с ними и не мыслил своего существования отдельно от них. Пандион мог неделями не общаться с товарищами, когда знал, что они поблизости в покое и безопасности и заняты своими делами, а сейчас утрата ошеломила его. Не поднимаясь с колен, он бросил на этруска вопрошающий взгляд.

— Такела укусила змея в зарослях, — печально сказал Кави, — где мы бродили в поисках черного дерева. Мы не знали лекарства... — Этруск тяжело вздохнул. — Мы бросили все и приплыли сюда. Когда мы вынесли его на берег, Такел уже умирал. Я позвал тебя проститься с ним... Поздно... — Кави не договорил, сжимая руки, он поник головой.

Пандион встал. Смерть Такела казалась такой несправедливой и нелепой: не в славном сражении, не в бою со зверем — здесь, в мирном селении, у моря, сулившего возвращение после всех совершенных им доблестных подвигов, стойкого мужества в длинном пути. Это было особенно больно

молодому эллину. Слезы навернулись на глаза, и он, чтобы справиться с собой, устремил взгляд на реку. По сторонам песчаной отмели высились густые заросли, заграждавшие речной простор зеленой стеной. Бугор светлого песка находился как бы в широких воротах. На опушке росли белые деревья, корявые и узловатые, с мелкими листьями. Все ветви этих деревьев были одеты пушистыми лентами ярко-красных цветов[1], плоские перистые скопления которых казались полосами из поперечных коротких черточек, нанизанных на тонкие стебли, то сгибавшиеся вниз, то торчавшие прямо вверх, к небу. Цветы отливали багрянцем, и белые деревья горели в зеленых воротах, как погребальные факелы у врат Аида[2], куда уже направляла свой путь душа умершего Такела. Медленно катилась мутная оловянная вода реки, испещренная отмелями желтых песков. Сотни крокодилов лежали на песке. На ближайшей к Пандиону косе несколько огромных ящеров во сне раскрыли широкие пасти, казавшиеся на солнце черными пятнами, окаймленными белыми клиньями страшных зубов. Тела крокодилов широко расплывались на песке, как бы расплющенные собственным весом. Продольные складки чешуйчатой кожи брюха обтекали плоские спины, усаженные рядами шипов, более светлых, чем черновато-зеленые промежутки между ними. Лапы с нелепо вывернутыми наружу суставами уродливо раскидывались в стороны. Иногда какой-нибудь из ящеров пошевеливал гребнистым хвостом, толкая другого, — тот, потревоженный во сне, захлопывал свою пасть с разносившимся по реке стуком.

Товарищи подняли умершего и молча понесли его в селение под тревожными взглядами сбежавшихся жителей. Пандион шел сзади, отдельно от Кави. Этруск считал себя виновным в гибели ливийца, так как затея с добычей черного дерева принадлежала ему. Кави шагал сбоку печальной процессии, кусал губы и теребил бороду.

Пандиона мучила совесть: он тоже чувствовал себя виновным. Нехорошо было, что он вдохновился изображением любимой девушки, когда ему нужно было создать произведение в память боевой дружбы разных людей, прошедших все испытания, верных перед лицом смерти, голода и жажды, в тоскливых днях тяжкого похода. «Как могла эта мысль не прийти мне прежде всего?» — спрашивал себя молодой эллин.

---

[1] Комбрет.

[2] *Аид* — подземное царство в представлении эллинов, куда попадают души усопших после смерти.

Неспроста его постигла неудача — боги покарали его за неблагодарность... Так пусть сегодняшнее горе научит видеть лучше...

Низкие лилово-серые облака грузно всползали на небесный свод; как стадо буйволов, сбивались в плотную массу. Слышались глухие раскаты. Надвигался ливень, люди поспешно втаскивали в хижины разбросанные вокруг вещи.

Едва Кави и Пандион успели укрыться в своем жилище, как в небе опрокинулась исполинская чаша, рев падавшей воды заглушил грохот грома. Ливень кончился быстро, как всегда; терпко пахли растения в посвежевшем, влажном воздухе, слабо журчали бесчисленные ручейки, стекавшие к реке и к морю. Мокрые деревья глухо шумели под ветром. Их шум был суров и печален, он ничем не напоминал быстрого шелеста листвы в сухие, погожие дни. Кави прислушался к голосу деревьев и неожиданно сказал:

— Я не прощаю себе смерти Такела. Виноват я: мы пошли без опытного проводника, мы чужие в этой стране, где беспечность означает гибель. И что же? У нас нет черного дерева, а один из лучших товарищей лежит под грудой камней на берегу... Дорога цена моей глупости... И я не решаюсь теперь идти снова. Платить сынам ветра нам нечем...

Пандион молча достал из своего мешочка горсть сверкающих камней и положил их перед этруском. Кави одобрительно закивал головой, затем внезапное сомнение отразилось на его лице:

— Если им неизвестна цена этих камней, сыны ветра могут отказаться взять их. Кто слышал о таких камнях в наших землях? Кто купит их как драгоценности? Хотя... — Этруск задумался.

Пандион испугался. Простая догадка Кави не приходила ему раньше в голову. Он упустил из виду, что камни в глазах купцов могут оказаться нестоящими. Смятение и страх за будущее заставили задрожать его протянутую к камням руку. Этруск, читая по лицу тревогу друга, заговорил снова:

— Хотя я слыхал когда-то, что прозрачные камни особенной твердости привозились иногда на Кипр и в Карию с далекого востока и очень дорого ценились. Может быть, сыны ветра знают их?..

Наутро после разговора с Кави Пандион пошел по тропинке к подножию гор, где росли травянистые растения с желтыми плодами. Подходил срок возвращения Кидого. Дру-

зья нетерпеливо ждали его. Этруск и эллин хотели посоветоваться с ним, как добыть что-либо ценное для сынов ветра. Сомнения этруска разрушили уверенность Пандиона в ценности камней юга, и теперь молодой эллин не находил покоя. Невольно Пандион направлялся к горам в смутной надежде встретить отряд чернокожего друга. Помимо всего, ему хотелось побыть наедине, чтобы обдумать новое произведение, все яснее намечавшееся в его уме. Пандион неслышно ступал по крепкой, плотно утрамбованной земле тропинки. Он больше не хромал, к нему вернулась прежняя легкость походки. Попадавшиеся навстречу местные жители, нагруженные гроздьями желтых плодов, дружелюбно обнажали свои белые зубы или приветливо помахивали сорванными листьями. Тропа завернула налево. Пандион шел между двумя сплошными стенами сочной зелени, наполненной золотым сиянием солнечного света. В его горячем блеске плавно двигалась женщина. Пандион узнал Ньору. Она выбирала из свисавших гроздьев самые зеленые плоды и складывала их в высокую плетеную корзину. Пандион отступил в тень огромных листьев; чувство художника отодвинуло все другие мысли. Юная женщина переходила от одной грозди к другой, гибко склоняясь к корзине, и опять поднималась на кончики пальцев, вытянувшись всем телом, с руками, протянутыми к высоко висящим плодам. Золотые переливы солнца поблескивали на ее гладкой черной коже, оттененной свежей и яркой зеленью. Ньора слегка подпрыгнула и, вся изогнувшись, протянула руки в чащу бархатистых листьев. Увлекшийся Пандион зацепил за сухой стебель — в глубокой тишине раздался громкий шорох. Молодая женщина мгновенно обернулась и застыла. Ньора узнала Пандиона; напрягшееся струной тело ее вновь стало спокойным, она перевела дыхание и улыбнулась молодому эллину. Но Пандион не заметил ничего этого. Крик восторга вырвался из его груди, широко раскрывшиеся золотистые глаза смотрели на Ньору, не видя ее; рот приоткрылся в слабой улыбке. Смущенная женщина отступила. Чужеземец вдруг повернулся и бросился прочь, восклицая что-то на непонятном для нее языке.

Внезапно Пандион сделал великое открытие. Молодой эллин все время бессознательно и неуклонно шел к нему, все неотвязные думы, бесконечные размышления бродили около этого открытия. Он не нашел бы его, если бы не видел так много, не сравнивал бы и не нащупывал собственного нового пути. В живом неподвижности быть не может! В живом и прекрасном теле нет никогда мертвой неподвижности, есть толь-

ко покой, то есть мгновение остановки движения, закончившегося и готового смениться другим, противоположным. Если схватить это мгновение и отразить его в неподвижном камне, тогда мертвое оживет.

Вот что увидел Пандион в замершей от испуга Ньоре, когда она застыла, как статуя из черного металла. Молодой эллин уединился на небольшой поляне под деревом. Если бы кто-нибудь заглянул туда, то, несомненно, убедился бы в сумасшествии Пандиона: он делал резкие движения, сгибая и разгибая то руку, то ногу, и тщательно следил за ними, скривив шею и мучительно перекашивая глаза. Молодой эллин вернулся домой только к вечеру, возбужденный, с лихорадочным блеском глаз. Он заставил Кави, к великому удивлению этруска, стоять перед собой, идти и останавливаться по команде. Этруск сначала терпеливо сносил причуду друга, наконец это ему надоело, и он, хлопнув себя по лбу, решительно уселся на землю. Но Пандион и тут не оставил Кави в покое — он разглядывал его, заходил то справа, то слева, пока этруск не разразился бранью и, объявив, что Пандион схватил лихорадку, пригрозил связать эллина и водворить на ложе.

— Пошел к воронам! — весело закричал Пандион. — Я завью тебя винтом, как рог белой антилопы!

Кави еще не видел, чтобы его друг так ребячился. Он был рад этому, так как давно замечал душевное угнетение молодого эллина. Ворча, этруск слегка ударил Пандиона, и тот, вдруг смирившись, заявил, что неимоверно голоден. Оба друга уселись за ужин, и Пандион попытался объяснить этруску свое великое открытие. Вопреки ожиданию Кави очень заинтересовался и долго расспрашивал Пандиона, стараясь вникнуть в сущность затруднений, стоящих перед скульптором при попытках воссоздать живую форму.

Этруск и эллин засиделись допоздна и заканчивали беседу в темноте.

Вдруг что-то заслонило проблеск звездного света в отверстии входа, и голос Кидого заставил их радостно вздрогнуть. Негр внезапно возвратился и сразу же решил проведать друзей. На вопрос, была ли удачна охота, Кидого отвечал неопределенно, ссылаясь на усталость, и обещал завтра показать трофеи. Кави и Пандион рассказали ему о смерти Такела и о походе Кави за черным деревом. Кидого страшно разъярился, кричал про оскорбление его гостеприимства, даже назвал этруска старой гиеной. В конце концов негр утих: печаль о погибшем товарище взяла верх над гневом. Тогда

этруск и эллин рассказали ему о своих тревогах по поводу платы сынам ветра и просили совета. Кидого отнесся к их беспокойству с величайшим равнодушием и ушел, так и не ответив на их вопросы.

Обескураженные друзья решили, что странное поведение Кидого вызвано печалью из-за гибели ливийца. Оба долго ворочались на своих ложах в молчаливом раздумье.

Кидого явился к ним поздно, с печатью хитрого лукавства на добродушном лице. Он привел с собой всех ливийцев и целую толпу молодых мужчин. Сородичи Кидого подмигивали недоумевающим чужеземцам, громко хохотали, перешептывались и перекрикивались обрывками непонятных фраз. Они намекали на колдовство, будто бы свойственное их народу, уверяя, что Кидого умеет превращать простые палки в черное дерево и слоновую кость, а речной песок — в золото. Всю эту чепуху чужеземцы слушали по дороге к дому черного друга. Кидого подвел их к небольшой кладовой. Она отличалась от других простых хижин меньшими размерами и наличием двери, подпертой громадным камнем. Кидого с помощью нескольких человек отвалил камень, молодежь стала по обе стороны распахнувшейся двери. Кидого, согнувшись, вошел в кладовую и поманил товарищей за собой. Кави, Пандион и ливийцы, ничего еще не понимая, молча стояли в сумраке, пока их глаза не привыкли к слабому свету из кольцевой щели между навесом конической крыши и верхним краем глинобитной стены. Тогда они увидели несколько толстых черных бревен, груду слоновых клыков и пять высоких открытых корзин, доверху насыпанных целебными орехами. Кидого, внимательно следя за лицами товарищей, громко сказал:

— Это все ваше! Это собрал вам мой народ на легкий и счастливый путь! Сыны ветра должны взять с собой два десятка людей, а не один за такую цену...

— Твой народ дарит нам столько... за что?! — воскликнул потрясенный Кави.

— За то, что вы хорошие люди, храбрые люди, за то, что вы совершили столько подвигов, за то, что вы мои друзья и помогли мне вернуться, — стараясь казаться невозмутимым, перечислял Кидого. — Но подождите, это не все!

Негр шагнул в сторону, сунул руку между корзинами и вытащил мешочек из крепкой кожи размером не меньше головы человека.

— Возьми! — Кидого протянул мешочек Кави.

Этруск, подставивший ладони, согнулся от неожиданной тяжести и едва не выронил мешка. Негр оглушительно захохо-

тал и заплясал от восторга. Громкий, веселый смех молодежи вторил ему за стенами кладовой.

— Что это? — спросил Кави, продолжая прижимать к себе тяжелый мешочек.

— Ты спрашиваешь, мудрый старый воин, — веселился Кидого, — точно не знаешь, что в мире имеет такую тяжесть одна лишь вещь!

— Золото! — воскликнул этруск на своем языке, но негр понял.

— Да, золото, — подтвердил он.

— Где же ты взял столько? — вмешался Пандион, ощупывая туго набитый мешочек.

— Вместо охоты мы ходили на золотоносное плоскогорье. Восемь дней мы перекапывали там песок и промывали его в воде... — Негр помолчал, потом закончил: — Сыны ветра не довезут вас до родины. Там, на вашем мере, всем вам предстоят разные дороги, и каждый сможет добраться до своего дома. Разделите золото и спрячьте хорошо, так, чтобы не видели сыны ветра в пути.

— Кто еще был с тобой на этой «охоте»? — быстро спросил этруск.

— Вот все они. — Негр показал на сгрудившихся у входа юношей.

Радостные, растроганные до слез друзья бросились к неграм со словами благодарности. А те смущенно переминались с ноги на ногу и понемногу исчезали за домом.

Товарищи вышли из кладовой, завалили дверь камнем. Кидого внезапно стал молчалив, веселость его исчезла. Пандион привлек к себе черного друга, но тот высвободился из его объятий, положил эллину руки на плечи и долго смотрел в его золотистые глаза.

— Как я расстанусь с тобой, Кидого! — против воли вырвалось у Пандиона.

Пальцы негра впились в его плечи.

— Бог молнии видит, — сдавленно произнес Кидого, — я отдал бы все золото плоскогорья, отдал бы все, что у меня есть, до последнего копья, за то, чтобы ты согласился жить со мной навсегда... — Лицо негра исказилось, он закрыл глаза руками. — Но я даже не прошу тебя... — Голос Кидого дрожал, прерываясь. — В плену я узнал, что такое родина... Я понимаю, ты не можешь остаться... и я, вот видишь, сам стараюсь, чтобы ты уехал... — Негр внезапно отпустил Пандиона и бросился к дому.

Молодой эллин смотрел вслед другу, и слезы туманили его взор. Этруск тяжело вздохнул за спиной Пандиона.

— Придет время — и мы с тобой разойдемся, — тихо и печально сказал Кави.

— Наши с тобой дома не так уж далеко, и корабли плавают там часто, — сказал, повернувшись к нему, Пандион. — А Кидого... останется здесь, на краю Ойкумены...

Успокоившись за будущее, Пандион весь отдался творчеству. Он торопился — величие обретенной в борьбе за свободу дружбы вдохновляло его и заставляло спешить. Он заранее видел все подробности геммы.

Три человека должны были стоять обнявшись на фоне моря, к которому они стремились, моря, возвращавшего их на родину.

Пандион решил изобразить на большой плоской грани своего камня троих друзей — Кидого, Кави и себя в сверкающем, прозрачном свете морской дали, которую как нельзя лучше олицетворял собою голубовато-зеленый кристалл.

Молодой скульптор начертил несколько набросков на тонких пластинках слоновой кости, употреблявшихся женщинами племени для растирания каких-то мазей. Сделанное им открытие принуждало его постоянно видеть перед глазами живые тела, но это не составляло затруднения. Этруск и так был с ним все время, а Кидого, предчувствуя близкий приход кораблей сынов ветра, оставил свои дела и был неразлучен с друзьями.

Часто Пандион заставлял этруска и негра стоять перед ним обнявшись, и те, посмеиваясь, исполняли просьбу.

Друзья подолгу беседовали, поверяя все свои сокровенные мысли, тревоги и планы, а в глубине души каждого острым гвоздем сидела мысль о неизбежности расставания.

Пандион, разговаривая, не терял времени даром и упорно резал твердый камень. Иногда скульптор замолкал, взгляд его становился пронизывающим — эллин ловил в чертах друзей какую-то важную для него подробность.

Все выпуклее и живее становились три обнявшиеся мужские фигуры. В центре можно было узнать огромного Кидого, справа от него, слегка повернувшись к оставшемуся кусочку гладкой грани, стоял Пандион, а слева — этруск, оба с копьями в руках. Кави и Кидого находили большое сходство с собой, но уверяли Пандиона, что он плохо изобразил себя. Скульптор, улыбаясь, отвечал, что это неважно.

Фигуры друзей, несмотря на маленькие размеры, были совершенно живыми, подлинное мастерство проступало в ка-

ждой подробности. Повороты тел были сильны, резки и в то же время изящно сдержанны. В руках Кидого, широко раскинутых на плечах этруска и эллина, Пандиону удалось выразить движение защиты и братской нежности. Кави и Пандион стояли с внимательно, почти угрожающе наклоненными головами, исполненными напряженной бдительности мощных воинов, готовых уверенно отразить любого врага. Именно это впечатление великолепной мощи и уверенности создавала вся группа, и Пандион старался выразить в своем произведении все лучшее, что было в людях, ставших ему дорогими по пути из рабства на родину. Скульптор понял, что ему наконец удалось создать настоящее произведение искусства. Кидого и Кави перестали подтрунивать над Пандионом. Затаив дыхание, они часами следили за движениями волшебного резца, и смутное преклонение перед мастерством художника определяло их теперешнее отношение к Пандиону. Их молодой друг, смелый, веселый и даже ребячливый, подчас забавный своим восторгом перед женщинами, оказался великим художником! Это одновременно и радовало и удивляло Кидого и Кави.

А Пандион вкладывал всю любовь к товарищам в порыв своего творчества. Теперь первоначальная идея вырезать на камне Тессу не привлекала его больше. Тесса, Ирума и Ньора, принадлежавшие к разным народам, были сестрами по красоте, у всех трех обладавшей одинаково притягательной силой... Но были ли они сестрами во всем остальном — этого Пандион не знал. Могла ли бы Тесса так сродниться с Ньорой, как он с Кидого? А в дружбе Пандиона с Кидого и Кави, в товариществе со всеми другими бывшими рабами, которых осталось здесь уже так немного, было братство единых помыслов и стремлений, спаянное крепче камня верностью и мужеством. Да, они настоящие братья, хотя одного носила такая же черная, как он сам, мать здесь, под странными деревьями юга, другой лежал в колыбели в хижине, сотрясаемой злыми зимними бурями, а третий в это время уже воевал со свирепыми кочевниками дальних степей на берегу темного моря... Сердца их сплелись тугими жилами, сотни раз проверенные в общих невзгодах, и как мало значило теперь различие их стран, лиц, тел и верований!

Дни летели быстро. Пандион вдруг спохватился: прошло около полутора месяцев, и срок, назначавшийся для прибытия сынов ветра, уже миновал. Беспокойство и облегчение смешались в душе молодого эллина: беспокойство — потому, что сыны ветра могли вовсе не приехать, а облегчение — при

мысли, что неизбежная разлука с Кидого отодвигается. В тревожном томлении Пандион иногда оставлял свою работу — впрочем, она была почти окончена. Эллин опять стал часто ходить к морю, стараясь возвращаться быстрее, чтобы не отделяться от друзей.

Однажды Пандион собрался идти на обычное купание. Он встал и позвал с собой друзей, но те отказались, затеяв горячий спор о разных способах приготовления жевательных листьев. Вдали послышался шум многочисленных голосов, крики и восторженные вопли, какими пылкие сородичи Кидого сопровождали каждое событие. Кидого вскочил, серый пепел бледности разлился у него по лицу, даже грудь негра посветлела. Чуть пошатнувшись, Кидого побежал к своему дому, крикнув через плечо встревоженным друзьям:

— Наверно, сыны ветра!

Кровь бросилась в голову этруска и эллина, они тоже пустились бежать по известной Пандиону короткой тропинке к морю. На гребне холма Пандион и Кави остановились.

— Верно, сыны ветра! — закричал Кави.

Темно-фиолетовая тень огромной горы легла на берег, простерлась вдаль, затемнив блеск моря и бросив на него хмурый оттенок лесных чащ. Черные корабли, похожие на корабли эллинов, с выпуклыми, как лебединые груди, носами, уже были выдвинуты на посеревший песок. Их было пять. Со спущенными мачтами суда походили на больших черных уток, уснувших на песке.

Перед кораблями быстро ходили взад и вперед бородатые воины в грубых серых плащах, сверкая медной оковкой круглых щитов и раскачивая в руках широкие топоры на длинных рукоятках. Начальники, купцы и все свободные от охраны люди с кораблей, по-видимому, уже ушли в селение Кидого. Этруск и эллин повернули назад.

У хижины их нетерпеливо поджидал Кидого.

— Сыны ветра у вождей, — сообщил негр. — Я просил дядю, он скажет главному нашему вождю, и тот сам будет вести переговоры с ними о вас. Так будет крепче. Сынам ветра опасно ссориться с ним, они доставят всех вас в целости... — Негр улыбнулся криво и невесело.

Сотни людей собрались на берегу проводить отплывающие суда. Сыны ветра торопились — солнце клонилось к закату, а им почему-то хотелось обязательно начать плавание сегодня. Корабли, уже нагруженные, медленно покачивались у

края рифов. Среди груза лежал дар народа Кидого — плата за возвращение бывших рабов на родину. До кораблей нужно было идти по грудь в воде через береговую отмель. Начальники сынов ветра замешкались, на прощание упрашивая вождей приготовить побольше товаров на будущий год, клялись во что бы то ни стало прибыть в назначенный срок.

Кави стоял рядом с Кидого, держа одной рукой большой сверток со шкурой и черепом страшного гишу. На прощание черный друг подарил Пандиону и Кави два больших метательных ножа. Это военное изобретение народа Тенгрелы имело вид широкой бронзовой пластины, глубоко рассеченной на пять концов: четыре серповидно изогнутых и отточенных, к пятому, откованному наподобие пальца, была прикреплена короткая роговая рукоятка. Оружие, брошенное умелой рукой, со свистом вращалось в воздухе и убивало жертву наповал с двадцати локтей расстояния.

Со стесненным сердцем Пандион оглядывался вокруг, присматриваясь к своим новым спутникам и хозяевам. Их жесткие, обветренные лица были цвета темного кирпича, нестриженые бороды лохматились вокруг щек, в тяжелой, развалистой походке, суровых складках губ и лба не было ни капли легкого добродушия, характерного для собратьев Кидого. Но все же Пандион почему-то верил этим людям — может быть, потому, что сыны ветра, как и он, были преданы морю, жили с ним в согласии и понимали его. Или потому, что в их речи Пандион и Кави встречали знакомые слова...

Сыны ветра охотно согласились взять бывших рабов на корабли за предложенную вождем плату. Дяде Кидого Иорумефу удалось даже выторговать шесть клыков и две корзины целебных орехов. Этот остаток погрузили на корабль как достояние Кави, ливийцев и Пандиона. Сыны ветра разделили людей вопреки их желанию. На одном корабле ехали шестеро ливийцев, на другом — Кави с Пандионом и три ливийца.

Гавань сынов ветра оказалась поблизости от Ворот Туманов, на огромном расстоянии от родины Кидого — не меньше двух месяцев плавания при самой благоприятной погоде. Кави и Пандион тоже растерялись — они не представляли себе истинную дальность пути и поняли, что сыны ветра такие же выдающиеся борцы с морем, какими были повелители слонов в борьбе с мощью степей Африки. От гавани сынов ветра до родины Пандиону предстояло еще проплыть почти все Великое Зеленое море, но это расстояние было в два с половиной раза меньше, чем путь от селения Кидого к гавани сынов вет-

ра. Сыны ветра успокоили Пандиона и Кави заверением, что к ним часто приплывают корабли финикийцев из Тира, с Крита, Кипра и большого Ливийского залива[1].

Но Пандион сейчас, стоя на берегу, не думал об этом. В смятении он оглядывался на море, словно пытался измерить предстоящий ему огромный путь, и поворачивался к Кидого. Начальник всех кораблей, с обручем кованного золота в курчавых волосах, громко закричал, приказывая идти на суда.

Кидого схватил за руки Пандиона и Кави, не скрывая слез.

— Прощая навсегда, Пандион, и ты, Кави! — прошептал негр. — Там, на далекой своей родине, вспомните о Кидого, верном и любящем вас обоих! Вспомните наши дни в рабстве в Кемт, когда только дружба поддерживала нас, дни мятежа, бегства, дни великого похода к морю... Я буду с вами в моих мыслях. Вы уходите навеки от меня, вы, ставшие мне дороже жизни! — Голос негра окреп. — Я буду верить, что когда-нибудь люди научатся не бояться просторов мира. Моря соединят их... Но я не увижу вас больше... Велико мое горе... — Огромное тело Кидого затряслось от рыданий.

В последний раз соединились руки друзей. Сыны ветра закричали с корабля...

Руки Пандиона разжались, отошел Кави. Этруск и эллин вступили в теплую воду и, скользя на камнях, поспешили к судам.

В первый раз после долгих лет Пандион ступил на палубу; на него повеяло давно ушедшими в прошлое днями счастливых путей. Но прошлое только мелькнуло в памяти и скрылось опять. Все мысли сосредоточились на высокой черной фигуре, стоявшей отдельно от толпы, у самого края воды. Весла плеснули и зачастили мерными ударами, корабль вышел за линию рифов. Тогда моряки подняли большой парус, и ветер подхватил судно.

Все меньше становились люди на берегу; скоро маленькая черная точка обозначала утраченного навсегда Кидого. Надвинувшиеся сумерки скрыли берег, только темный горный кряж угрюмо громоздился за кормой. Кави смахивал уже не первую крупную слезу. Огромная летучая мышь, залетевшая с берега, вдоль которого направлялись суда, чуть задела крылом лицо Пандиона. Это шелковистое приветствие показалось эллину последним приветствием покинутой страны. Глубокое смятение вызвала у Пандиона разлука с другом-негром, со

[1] *Большой Ливийский залив* — залив Большой Сирт на северном побережье Африки, к западу от Египта.

страной, где он столько пережил, где оставил часть своего сердца. Смутно чувствовал он, что там, на родине, в часы усталости и печали, Африка будет вставать перед ним неизменно манящей и прекрасной именно потому, что он утратил ее навсегда... как Ируму. Отбросив все, что стало близким и привычным, обернувшись к Элладе лицом и душой, Пандион содрогнулся от тревоги. Что ждет его там после столь долгого отсутствия? Как будет он жить среди своих, когда вернется? Кого он найдет? Тесса... Да жива ли она, любит ли его по-прежнему или...

Корабли угрюмо ныряли в волнах, обращенные носами к западу. Только после месяца пути они повернули на север — так сказали сыны ветра. Мощное дыхание океана шевелило волосы Пандиона. Рядом с ним сновали деловито и неторопливо молчаливые моряки. Сыны ветра — потомки древних критских мореходов — Пандиону казались более чужими, чем чернокожие обитатели Африки. Эллин сжал в руке висевший на груди мешочек с камнем, хранивший облик Кидого, и пошел к товарищам, печально жавшимся в уголке чужого корабля...

Из-за гор поднялся оранжевый круг луны. В ее свете океан — Великая Дуга, обнимавшая все земли мира, — предстал изрытым черными впадинами, над которыми плавно двигались светлые вершины волн. Маленькие корабли смело шли вперед, то взбрасывая носы в звездное небо и рассыпая вокруг серебристые брызги, то проваливаясь вниз, в глухо шумящую темноту. Пандиону это казалось похожим на его собственный жизненный путь. Впереди, вдали, блестящие верхушки валов сливались в одну светящуюся дорогу, звезды спускались вниз и качались в волнах, как бывало давно, у берегов родины. Океан принимал отважных людей, соглашался нести их на себе в безмерную даль, домой...

— Ты видел, Эвпалин, гемму на камне цвета моря — самое совершенное творение в Энниаде... истиннее сказать — во всей Элладе?

Эвпалин ответил не сразу. Он прислушался к звонкому ржанию любимого коня, которого держал рослый раб, плотнее запахнулся в плащ из тонкой шерсти. Весенний ветерок в тени навеса пронизывал холодом, хотя серые склоны каменных гор, вздымавшиеся перед собеседниками, уже были покрыты цветущими деревьями. Внизу нежно-розовыми облачками протянулись рощицы миндаля, выше темно-розовые,

почти лиловые пятна означали заросли кустарников. Холодный ветер, спускавшийся с гор, источал миндальный аромат и несся над долинами Энниады вестником новой весны. Эвпалин втянул ноздрями ветер, постучал пальцем по деревянной колонне и медленно сказал:

— Я слышал, ее сделал приемный сын Агенора, тот, что так долго скитался где-то... Его считали умершим, но он недавно вернулся из очень далекой страны.

— А дочь Агенора, красавица Тесса... Ты слышал, конечно, о ней?

— Слышал, что она шесть лет не хотела выходить замуж, веря, что вернется ее возлюбленный. И ее отец-художник позволил ей...

— Я знаю, что не только позволил — даже сам ждал все время приемного сына.

— Редкий случай, когда ожидание оправдалось! Он действительно не погиб и сделался мужем Тессы и замечательным художником. Жалею, что не пришлось тебе увидеть гемму — ты хороший знаток и оценил бы ее!

— Я послушаюсь тебя и поеду к Агенору. У Ахелоева мыса живет он — всего двадцать стадий туда...

— О нет, Эвпалин, ты опоздал! Мастер, что создал гемму, подарил ее — подумай только! — своему другу, бродяге-этруску. Он привез его, заболевшего в пути, в дом Агенора, вылечил и, когда бродяга собрался к себе, отдал ему то, что могло бы прославить всю Энниаду. А этруск наградил его шкурой скверноообразного зверя, неслыханного доселе и страшного...

— Нищим он уехал и вернулся таким же. Или он ничему не научился в скитаниях, что делает драгоценные подарки кому попало?

— Нам с тобой трудно понять человека, столь долго бывшего на чужбине. Но мне жаль, что гемма ушла от нас!

1945-1946 гг.

ТАИС АФИНСКАЯ

Роман «Таис Афинская» основан на известном по античным источникам историческом эпизоде: сожжении Персеполиса знаменитой афинской гетерой, участвовавшей в походе Александра Македонского. Эпизод одно время отрицался буржуазными историками, в том числе и столь крупным знатоком эпохи Александра, как В. Тарн.

Современные исследователи — среди них и такой авторитет, как М. Уилер, — восстанавливают достоверность эпизода. Уилер в своей недавно опубликованной книге «Пламя над Персеполисом» дает не лишенное юмора объяснение замалчиванию роли Таис Тарном и ему подобными. Викторианские взгляды Тарна с ханжеской буржуазной «моралью» но позволили ему придать столь большое значение «жрице любви», как в те времена рассматривали гетер.

Следует отметить, что ранее, в конце XVIII века, в той же Англии взгляды были свободнее и исторически правильнее. О том свидетельствует, например, картина Дж. Рейнольдса 1781 года, изображающая артистку с факелом в роли Таис, поджигающей Персеполис.

В превосходной художественно-исторической биографии Александра Македонского, написанной Г. Лэмбом, в монографии А. Боннара Таис отводится надлежащее ей место.

Нет оснований сомневаться в правдивости Плутарха, Арриана, Диодора и других древних авторов.

Почти нет сведений о судьбе Таис после смерти Александра и ее возвращении в Египет с Птолемеем. А. Боннар, Г. Лэмб и другие утверждают, что Таис «играла роль императрицы в Мемфисе», немало авторов полностью игнорируют ее существование.

Выбор эпохи для настоящего романа сделан не случайно, однако и не совсем под влиянием удивительной личности Александра Македонского. Меня интересовало его время как переломный момент истории, переход от свирепого национализма V-IV веков до нашей эры к более широким взглядам на мир и людей, первым проявлениям общечело-

веческой морали, появившимся в III веке со стоиками и Зеноном.

В то время человек по месту своего рождения или постоянного жительства получал как бы второе имя: афинянин, аргивянин, беотиец, спартанец. Поэтому в романе читатель будет часто сталкиваться с подобными полуименами.

Большие религиозные кризисы также произошли в эту эпоху. Произошедшая повсеместно замена древних женских божеств на мужские, нарастающее обветшание культа олимпийцев, влияние индийской религиозно-философской мысли повели к развитию тайных вероучений. Уход в «подполье» верований, в которых живая человеческая мысль пыталась найти выход расширяющимся представлениям о Вселенной и человеке, скованным требованиями официальных религий, очень мало исследован в исторических работах, тонувших в датах, сменах царств, войнах и оставлявших за бортом самое драгоценное — духовное развитие человечества.

Мне представилось интересным показать древнейшие религиозные культы — остатки матриархата, связанные с великой женской богиней, которые исчезают, точнее, теряют заметное влияние в эпоху эллинизма. Поэтому главное действующее лицо необходимо должно было быть женщиной, допущенной к тайным обрядам женских божеств, и, разумеется, достаточно образованной, чтобы, не страдая узким религиозным фанатизмом, понимать происходящее.

В эпоху Александра такой женщиной могла быть только гетера высшего класса. Таис, как реальная историческая личность, как нельзя лучше подходит для этой цели. Гетеры, особенно афинские, были женщинами выдающегося образования и способностей, достойными подругами величайших умов и деятелей искусства того времени. Самое слово «гетера» означает «подруга», «товарищ». По новейшим правилам следует писать «гетайра», но мне пришлось оставить прежнее название, а гетайрами именовать близких товарищей Александра, чтобы избежать путаницы.

Подобно современным гейшам Японии, гетеры, владея знанием искусства, развлекали, утешали и образовывали мужчин, не обязательно торгуя телом.

Плохую услугу гетерам оказал Лукиан Самосатский, предавший пошлому осмеянию многие древние обычаи и выставивший гетер как вульгарных блудниц, а Афродиту — богиней разврата. К сожалению, эта традиция подчинила себе многих последовавших авторов.

Первые главы романа могут произвести впечатление некоторой перегруженности бытовыми деталями и древнегреческими словами, особенно на человека, плохо знакомого с античной историей. Такую же перегрузку впечатлений испытывает каждый, кто впервые попал в чужую страну с неизвестными обычаями, языком, архитектурой. Если он достаточно любознателен, то быстро преодолеет трудности первого знакомства, и тогда завеса незнания отодвинется, раскрывая ему разные стороны жизни новой страны. Именно для того, чтобы скорее отдернуть эту завесу в моих произведениях, я всегда нагружаю первые две-три главы специфическими деталями. После их преодоления читатель чувствует себя бывалым путником новой страны во всех последующих главах.

Современному читателю может показаться чрезмерным изобилие храмов, статуй, преувеличенным значение художников и поэтов. Следует знать, что вся духовная жизнь того времени вращалась вокруг искусства и поэзии, в меньшей степени — философии. Эллин не мог представить себе жизни без любования подолгу и многократно предметами искусства, созерцания прекрасных построек, для психической разрядки и отдыха. Нечто похожее мы видим в современной Японии: созерцание камней, цветов, самоуглубленное слияние с природой в чайных домиках над лотосовыми прудами, под шум журчащей воды и звучание дощечек бамбука.

Еще большее значение имело для эллина созерцание человеческой красоты, прежде всего в живых людях, а не только в статуях, картинах и фресках. Очень много времени они посвящали своим атлетам, гетерам, танцовщицам. Значение художников как воплотителей красоты и их живых моделей было огромно и не имело аналогий в последующих временах и странах, за исключением Индии, в первом тысячелетии нашей эры.

Количество скульптур в храмах, галереях, на площадях и садах, не говоря уже о частных домах, трудно вообразить. В каждой декаде века выделялись десятки художников, создававших многие сотни произведений (например, Лисипп, с его полутора тысячами скульптур, Пракситель — с шестьюстами, Фидий — восемьюстами).

Общее накопление художественных произведений, преимущественно скульптуры, за несколько веков процветания эллинского искусства колоссально. Ничтожная часть этого гигантского художественного наследия дошла до нас лишь в римских мраморных копиях. Эти копии, несомненно, были намного хуже оригиналов. Единственный случай, когда име-

ется возможность прямого сравнения копии и подлинника, наглядно подтверждает упрощение и ухудшение греческих изваяний в римских мраморных копиях. Бронзовый оригинал статуи атлета из Эфеса в Венском музее истории искусств и его мраморная копия в галерее Уффици (Флоренция), отличаются как живой от мертвого, хотя бронза была разбита вдребезги и склеена из двухсот тридцати четырех кусков, а мраморное изваяние сохранилось безупречно и исполнено с большим тщанием.

Это омертвление великого эллинского мастерства в деградировавшем искусстве Рима следует иметь в виду каждому, кто смотрит на Апоксиомена, Дорифора, любую из Афродит, кроме Милосской, амазонок.

Металлические скульптуры в позднейшие времена были переплавлены дикими завоевателями в пушки и ядра. Например, от столь плодовитого скульптора, каким был Лисипп, до нас не дошло ни одной оригинальной статуи, потому что он работал преимущественно в бронзе.

Эти особенности истории эллинского искусства следует иметь в виду при чтении моего романа.

Знаменитые храмы являлись центрами культов того или иного божества и одновременно как бы школами религиозных верований с особыми мистериями для воспитания смены жрецов или жриц.

Читатели, хорошо знакомые с географией, не должны удивляться отличиям от современности в географических описаниях романа. IV и III века до нашей эры были периодом значительного увлажнения климата. Вся Азия вообще была менее сухой, чем в настоящее время. Этим объясняется, в частности, что огромные битвы и походы множества людей происходили там, где сейчас не хватило бы воды и корма на один полк. В Ливийской пустыне была богатая охота, а могучие древние леса Эллады, Кипра, Финикии и малоазиатского побережья еще не были нацело сведены вырубкой и — позднее — чрезмерными выпасами коз.

Я убежден, что торговые и культурные связи древности гораздо шире, чем мы представляем по неполной исторической документации. В основном наша беда — в плохом знании исторической географии Востока, которая еще только начинает открываться европейцам. Каждое крупное археологическое открытие приносит неожиданное «углубление» культур и усложнение связей, обмена между отдаленными и труднодоступными областями обитаемой суши — ойкумены.

Особенными неожиданностями изобилует антропологическое изучение скелетного материала в погребениях. Безвременно умерший наш антрополог и скульптор М. М. Герасимов положил начало портретным реконструкциям типов древних людей, и это сразу же принесло очень интересные открытия.

Из одного древнейшего парного погребения неолита, содержавшего останки мужчины и женщины, М. М. Герасимов восстановил два различных портрета: женщины с тонкими, монголовидными чертами, скорее всего китаянки, и европеоида южного типа — арменоида. Китаянка и арменоид, вместе похороненные в Воронежской области, — прекрасный пример того, как далеко могло заходить смешение народов в самой незапамятной древности. Писателям остается угадать, были ли это два невольника или знатная чета, с привезенной издалека женой, и написать интересную историческую новеллу.

Реконструкции М. М. Герасимова из погребения южных зон СССР показали наличие дравидийских и даже малайских обликов людей эпохи верхнего неолита, бронзы и конца первого тысячелетия до нашей эры.

Я принимаю гораздо более широкое распространение дравидийских народов, чем это обычно делается, и причисляю к ним многие народности: Крита, Центральной Анатолии, южной границы нашей Средней Азии, протоиндийскую цивилизацию. Несомненно, и восточная Азия в доисторические времена была гораздо более открыта взаимовлиянию, например Китая и западных окраин, чем позднее, когда произошла самоизоляция Китая.

Как жаль, что смерть М. М. Герасимова не позволила ему сделать хотя бы несколько реконструкций черепов из Мохенджо-Даро, Крита, «городов» Центральной Анатолии (Хачилар, Чатал-Хююк).

Около двадцати лет назад я предпринимал усилия, чтобы ученые Англии, Индии, Греции прислали бы М. М. Герасимову хоть немного дублетного материала по черепам из этих погребений во временное пользование для изготовления портретных реконструкций. К сожалению, соответствующие музеи отнеслись к моей попытке более чем инертно, проявив непонимание всей важности указанной работы. Вообще в классической археологии продолжает господствовать старый взгляд на погребения, как на источник лишь предметов материальной культуры. Так, например, современные исследователи археологии Крита — как греческие, так и американские — продолжают линию полного пренебрежения скелетным материалом, начатую еще первооткрывателем критской культуры

Эвансом, чего нельзя сказать про раскопки неолита Центральной Анатолии. Исследователи Мохенджо-Даро занимают среднюю позицию в отношении сохранения костяков, но также далеки от статистических, антропологических и медицинских исследований костного материала. При другом отношении к работам М. М. Герасимова мы имели бы сейчас восстановленными жизненные облики критян, протоиндийцев и неолитических обитателей Центральной Турции.

Отражение этих взглядов имеется в романе, с указанием на отсталость астрономических, географических и этнических сведений древних греков. Считая себя превыше других народов, эллины игнорировали изучение их языков, особенно древних восточных народов, их истории и географии, почему оказались не в состоянии освоить гигантское культурное наследие Востока и Египта.

Аналогичное явление мы наблюдали в недавнем прошлом, когда англичане, распространив свою империю колонии на страны древних культур, игнорировали языки и познания подвластных им народов, оставив втуне до самого недавнего времени величайшие создания человеческого ума и искусства.

Эллины расплатились за это пренебрежение беспомощностью в исследовании Земли, в расчете походов, непониманием резервов иноземного окружения. Это кончилось не только неудачей проникновения Александра в Индию и далее на Восток, в Китай и Индокитай, но и развалом его империи.

Имеющаяся в настоящее время историческая документация сохранена в романе полностью. Я домыслил лишь неизвестную судьбу исторических лиц, ввел некоторые новые персонажи, например начальника тессалийских конников Леонтиска, делосского философа, Эрис, Менедема, Эоситея.

Единственное нарушение хронологии в романе — отнесение статуи Афродиты Милосской (Мелосской) к концу IV века до нашей эры. Трагедия датирует ее II или III веком, однако точная датировка не установлена по сие время.

Статуя имеет некоторые архаические черты (может быть, нарочито приданные ей художником). Например, характерное для женских скульптур V века равенство расстояния между центрами грудей и между этой линией и пупочной ямкой. В позднейших изваяниях это равенство нарушается и торс становится более коротким.

Попутно замечу, что Афродиту Уранию, «что в Садах», я считаю творением Алкамена (присоединяясь к прежним авторам), а не Каллимаха, согласно последним взглядам.

Сила и резкость выражения форм тела гораздо более похожи на изваяния Алкамена (хотя бы Нике, «завязывающая сандалию» в пьедестале храма Нике Аптерос), чем на легких и юных танцовщиц Каллимаха. Некоторые удивительные находки, известные прежним историкам, я считаю лишь первыми свидетельствами очень больших умозрительных открытий прежних цивилизаций. Счетная машина для планетных орбит существует на самом деле, хрустальные линзы тщательной шлифовки найдены в Междуречье и даже Трое, счет времени у индийцев, достижения врачевания, астрономии и психофизиологии известны в исторических свидетельствах и древних философских книгах.

Описание самого древнего святилища Великой Матери и сопутствующих объектов — обсидиановых зеркал, статуэток, фресок — я заимствовал из новейших открытий неолитических городов Центральной Анатолии: Чатал-Хююк, Хачилар, Алишар-Хююк седьмого-десятого тысячелетия до нашей эры, несомненно возникших в еще более древние времена. Храм в Гиераполе неоднократно упоминается древними авторами. Народы, упоминаемые в диалогах и размышлениях героев романа, берутся мною в понимании того времени, а не современном, как, например, скифы, включающие монголоидные племена Тянь-Шаня, Алтая и Джунгарии.

Некоторые события романа могут показаться читателю невероятными, например обряд поцелуя Змея. Однако он описан мною документально. Имеется фильм обряда, снятый в тридцатых годах нашего века в Северной Бирме известным кинопутешественником Армандом Денисом.

Выносливость и здоровье эллинских и македонских воинов, по нашим современным меркам, также неимоверны. Стоит поглядеть на статуи Дорифора, Апоксиомена, Дискобола, так называемого «Диадоха» (иначе — «эллинистического принца»), или припомнить расстояния, пройденные в непрерывных походах македонской пехотой. Нередко приходится слышать, что марафонский вестник-спартанец царя Леонида, пробежав марафонскую дистанцию, упал мертвым, а наши спортсмены бегают побольше и живы. Знатоки спорта все же забывают, что юноша бежал свою «дистанцию», не снимая вооружения, после целого дня свирепого рукопашного боя, выдержать который — уже подвиг.

Есть свидетельства, что этот же юноша за день до сражения совершил пробег на еще большее расстояние, будучи послан за помощью (которая не пришла).

Короче говоря, накопленное суровым отбором многих поколений и жизнью, в которой физическое развитие считалось первейшим делом, создало, может быть, и не чересчур сильных, но чрезвычайно выносливых людей.

Сам Александр и его приближенные остались в веках поразительными образцами такой выносливости к ранам и лишениям, жизненной крепости в боях и походах, не говоря уже о мужестве, не уступавшем легендарной храбрости спартанцев.

Согласно новейшему словарю древнегреческого языка Соболевского (1967) я пишу дифтонги (кроме омикрон-ипсилон-у) двузвучно, без латинизации. Поэтому разночтение с некоторыми общеизвестными словами пусть не удивляет читателя. Везде, где это возможно, я отказываюсь от передачи теты звуком «ф», эты — «и» и беты — «в», как это было принято в старой России, согласно чтению этих букв по церковнославянской традиции, возникшей на основе южнославянских языков.

До сих пор мы пишем «Вифлеем», а не «Бетлеем», «алфавит», а не «альфабет», «Фивы», а не «Тебай». Не так давно даже писали вместо библиотеки — «вивлиофика».

Позволю себе напомнить известный языковедческий анекдот с беотийскими баранами, выступившими в роли филологов. После яростных дискуссий, как читать «бету» и «эту», было найдено стихотворение Гесиода о стаде баранов, спускающихся с гор. Блеянье баранов, переданное буквами «бета» и «эта», положило конец спорам, потому что даже во времена Гесиода бараны не могли кричать «ви».

Наиболее укоренившиеся слова оставлены в прежнем правописании. Я избегал формы женских имен, принятой в целях сохранения поэтического романа в старых переводах, с окончанием «ида», — Лаида, Эрида. Окончания «ида», «ид» аналогичны нашему отчеству, означают принадлежность к роду: Одиссей Лаэртид (сын Лаэрта), Тесей Эрехтеид (из рода Эрехтея), Елена Тиндарида (дочь Тиндара). Окончание географических названий на «эту» со времен, когда она читалась как «и», заставило придавать названиям множественное число: Гавгамелы, Сузы. На самом деле следует писать русифицированные окончания, аналогично всем женским именам, оканчивающимся на «эту»: Елена, Афина, Гера, то есть «Гавгамела», «Суза». Исключение составят названия, оканчивающиеся на дифтонг «ай»: Афины, Фивы. Они ближе всего к русским наименованиям принадлежности: «Афинское», «Фивское» (Тебайское). Однако, подобно другим уко-

ренившимся словам, исправление их — дело будущих специальных работ.

Я постарался изложить здесь некоторые особенности своих взглядов на описываемую эпоху вовсе не для того, чтобы обосновать роман как научное изыскание. Это — литературное произведение со своими возможностями использования материала.

Для чтения слов и понимания терминов, не получивших прямого объяснения в тексте, служит нижеследующая

Справка для читателя

I. Все древнегреческие слова и имена, за малым исключением, следует произносить с ударением на предпоследнем слоге. В двухсложных словах и именах ударение ставится собственно на первом слоге: Таис, Эрис.

Исключения большей частью кажущиеся — в русифицированных или латинизированных словах: гоплит (гоплитос), Александр (Александрос), Менедем (Менедемос), Неарх (Неархос), где сняты греческие окончания.

II. Эллинский Новый год — в первое новолуние после летнего солнцестояния, то есть в первую декаду июля.

Календарь по олимпиадам начинается с первой олимпиады в 776 году до нашей эры, по четыре года на каждую олимпиаду. Годы называются по олимпиадам от первого до четвертого: первый год 75-й олимпиады — 480 год до нашей эры. Чтобы перевести счет по олимпиадам на наш, надо помнить, что каждый греческий год соответствует второй половине совпадающего нашего года и первой половине следующего за ним. Надо умножить число прошедших олимпиад на 4, прибавить уменьшенное на единицу число лет текущей олимпиады и полученную сумму вычесть из 776, если событие совершилось осенью или зимой, и из 775, если весной и летом. Перечень аттических месяцев года:

Лето

1. Гекатомбейон (середина июля — середина августа)
2. Метагейтнион (август — сентябрь — первая половина)
3. Боэдромион (сентябрь — первая половина октября)

Осень

4. Пюанепсион (октябрь — первая половина ноября)
5. Маймактерион (ноябрь — первая половина декабря)
6. Посидеон (декабрь — первая половина января)

Зима

7. Гамелион (январь — первая половина февраля)
8. Антестерион (февраль — первая половина марта)
9. Элафеболион (март — первая половина апреля)

Весна

10. Мунихион (апрель — первая половина мая)
11. Таргелион (май — первая половина июня)
12. Скирофорион (июнь — первая половина июля)

III. Некоторые меры и денежные единицы:

Стадия длинная — 178 м; олимпийская — 185 м; египетский схон = персидскому парасангу — 30 стадий, около 5 км; плетр — 31 м; оргия — 185 см; пекис (локоть) — 0,46 м; подес (ступня) — 0,3 м; палайста (ладонь) — около 7 см; эпидама = 3, палайсты = 23; кондилос — 2 дактила (пальца) — около 4 см.

Талант — вес в 26 кг, мина — 437 г, денежные единицы: талант — 100 мир, мина = 60 драхм.

Распространенные аттические монеты: серебряная дидрахма (2 драхмы) = золотому дарику = статору. Тетрадрахма (4 драхмы) с изображением совы Афины — главная аттическая расчетная единица (в серебре; золото вошло в обращение в эпоху Александра, когда ценность таланта и драхмы сильно упала).

Мера жидкости — хоэс (кувшин) — около трех с небольшим литров, котиле (котелок) — около 0,3 литра.

IV. Греческое приветствие «Хайре!» («Радуйся!») соответствует нашему «Здравствуй!». На прощание говорили или «Хайре!», или, при ожидаемой длительной разлуке, «Гелиайне!» — «Будь здоров!» (в нашем просторечии: «Ну бывай здоров!»).

Т. И. Е. — Теперь и всегда

Глава первая
ЗЕМЛЯ И ЗВЕЗДЫ

Западный ветер крепчал. Тяжелые, маслянистые под вечереющим небом волны грохотали, разбиваясь о берег. Неарх с Александром уплыли далеко вперед, а Птолемей, плававший хуже и более тяжелый, начал выбиваться из сил, особенно когда Колиадский мыс перестал прикрывать его от ветра. Не

смея отдалиться от берега и опасаясь приблизиться к белым взметам брызг у почерневших камней, он злился на покинувших его друзей. Критянин Неарх, молчаливый и уклончивый, непобедимый пловец, совершенно не боялся бури и мог просто не сообразить, что переплыть Фалеронский залив, от мыса к мысу, опасно для не столь дружных с морем македонцев.

Но Александр и его верный Гефестион-афинянин, оба неистово упрямые, стремясь за Неархом, забыли о затерявшемся в волнах товарище.

«Посейдонов бык» — громадный вал — поднял Птолемея на свои «рога». С его высоты македонец заметил крохотную бухточку, загражденную изгрызенными морем глыбами. Птолемей перестал бороться и, опустив отяжелевшие плечи, прикрыл руками голову. Он скользнул под волну, моля Зевса-охранителя направить его в проход между скал и не дать ему разбиться.

Вал рассыпался с оглушающим грохотом, и Птолемей распростерся на песке, ослепший, изо всех сил сопротивляясь откату поды. Лык Посейдона выбросил его на песок дальше обычной волны. Птолемей, извиваясь, прополз несколько локтей, осторожно привстал на колени и наконец поднялся, шатаясь и потирая гудевшую голову. Волны, казалось, продолжали колотить его и на земле. Ребра утесов, спускавшихся к бухте, шатались в его прозревающих глазах.

Сквозь шум прибоя послышался короткий смешок. Птолемей повернулся так резко, что не устоял и снова очутился на коленях. Смех зазвенел совсем близко.

Перед прояснившимся взглядом Птолемея стояла небольшого роста девушка, очевидно, только что вышедшая из воды. Вода еще стекала по ее гладкому, смуглому от загара телу, струилась с массы мокрых иссиня-черных волос, заставляя купальщицу склонять голову набок, отжимая рукой вьющиеся пряди.

Птолемей поднялся во весь свой огромный рост, утвердившись на земле, качанье перед глазами исчезло. Он посмотрел в лицо девушке, встретив веселый и смелый взгляд серых, казавшихся синими от моря и неба глаз. Некрашеные, ибо все искусственное было бы смыто бурными волнами Эгейского моря, черные ресницы не опустились и не затрепетали перед горячим, властным взором сына Лага, в свои двадцать четыре года уже известного покорителя женщин Пеллы, столицы Македонии.

Птолемей не мог оторвать взгляда от незнакомки, обладавшей доселе невиданной им привлекательностью. Она, как

богиня, возникла из пены и шума моря. Медное лицо, серые глаза и иссиня-черные волосы — совсем необыкновенный для афинянки облик поразил Птолемея. Позднее он понял, что медноцветный загар девушки позволил ей не бояться солнца, так пугавшего афинских модниц. Афинянки загорали густо, становясь лилово-бронзовыми эфиопками, т. е. опаленными, и потому избегали быть на воздухе неприкрытыми. А эта меднотелая, будто Цирцея или одна из легендарных дочерей Миноса с солнечной кровью, стоит перед ним с достоинством жрицы. Нет, не богиня, конечно, и не жрица эта невысокая, совсем юная девушка. В Аттике, как и во всей Элладе, жрицы выбираются из самых рослых светловолосых красавиц. Но ее спокойная уверенность и отточенность движений, словно она в храме, а не на пустом берегу, нагая перед ним, будто тоже оставившая всю свою одежду на дальнем мысу Фоонта? Хариты, наделявшие женскую красоту магической привлекательностью, воплощались в девушках небольшого роста... но они составляли вечно неразлучное трио, а здесь была одна.

Не успел Птолемей подумать, как из скалы появилась рабыня в красном хитоне, ловко окутавшая девушку грубой тканью, осушая ее тело и волосы.

Птолемей зябко вздрогнул. Разогретый борьбой с волнами, он начал остывать, и ветер был резок для закаленного суровым воспитанием македонца.

Девушка откинула с лица волосы, внезапно свистнув сквозь зубы. Свист показался Птолемею мальчишески презрительным и наглым, совсем не подходящим к девической ее красоте.

Прибежал мальчик, опасливо уставившийся на Птолемея. Македонец, наблюдательный от природы и развивший эту способность в ученичестве у Аристотеля, заметил, как детские пальцы вцепились в рукоять короткого кинжала, торчавшего из складок одежды. Девушка негромко сказала что-то, заглушенное плеском волн, и мальчик убежал. Он вернулся в мгновение ока и, уже доверчиво подойдя к Птолемею, протянул ему короткий плащ. Птолемей окутался им и по жесту девушки отвернулся к морю. Прощальное «хайре» раздалось за его спиной. Птолемей поспешил к незнакомке, затягивавшей пояс не под грудью, а по-критски — на талии, такой же немыслимо тонкой, как у древних жительниц сказочного острова.

Воспоминание заставило его крикнуть:

— Кто ты?

Веселые серые глаза сощурились от сдерживаемого смеха.

— Я сразу узнала тебя, хотя ты и выглядел как мокрая... птица. Ты — слуга сына македонского царя. Где же ты потерял его и спутников?

— Я не слуга его, а друг, — гордо сказал Птолемей, — и... — македонец сдержался, не выдав опасную тайну, — но как ты могла видеть всех нас?

— Вы все четверо стояли перед стеной, читая предложения о свиданиях — на Керамике. А ты меня даже не заметил. Я — Таис.

— Таис? Ты? — Птолемей не нашелся что сказать.

— Что удивило тебя?

— Я прочитал, что Таис предлагает талант — стоимость целой триремы — некий Филопатр, и она не подписала час свидания. Я стал искать эту богиню...

— Высокую, золотоволосую, с голубыми глазами Тритониды, отнимающую сердце?

— Да, да, как ты угадала?

— Не первый ты, далеко не первый. Но прощай еще раз, мои лошади застоялись.

— Постой! — вскричал Птолемей, чувствуя, что не может расстаться с девушкой. — Где ты живешь? Можно прийти к тебе? С друзьями?

Таис испытующе и серьезно посмотрела на македонца. Ее глаза, утратив веселый блеск, потемнели.

— Приходи, — ответила она после некоторого раздумья, — ты сказал, что знаешь Керамик и Царскую Стою? Между Керамиком и холмом Нимф к востоку от Гамаксита — большие сады. На окраине их найдешь мой дом... две оливы и два кипариса! — И, внезапно оборвав речь, Таис скрылась в скалах. Наверх вилась утоптанная тропка.

Птолемей нагнулся, вытряс песок из просохших волос и выбрался на дорогу, оказавшись совсем недалеко от Длинных Стен Мунихиона. К лесистым склонам гор, уже покрывшимся предвечерней синей мглой, тянулся хвост пыли за колесницей Таис. У юной гетеры были великолепные лошади — так быстро неслась ее пароконная повозка. Грубый окрик сзади заставил Птолемея отскочить. Мимо него пронеслась другая колесница, управляемая огромным беотийцем. Стоявший с ним рядом щегольски одетый юноша с развевающимися прядями завитых кудрей, недобро усмехаясь, хлестнул Птолемея бичом на длинной рукоятке. Бич пребольно ожег едва прикрытое тело македонца. Оскорбитель не знал, что имеет дело с закаленным воином. В мгновение

ока Птолемей схватил камень, каких валялось множество по обеим сторонам дороги, и послал его вдогонку, попав афинянину в шею, ниже затылка. Быстрота удалявшейся колесницы смягчила удар. Все же обидчик упал и вывалился бы, если бы возница не схватил его, осаживая лошадей. Он осыпал Птолемея проклятиями, крича, что тот убил богатого гражданина Филопатра и подлежит казни. Разъяренный македонец отбросил плащ и, подняв над головой камень в талант весом, двинулся к колеснице. Возница, оценив могучие мышцы и свирепые глаза македонца, потерял охоту к схватке. Поддерживая своего господина, уже приходившего в себя, он умчался, изощряясь в угрозах и проклятиях во всю мощь своего гулкого голоса.

Птолемей, остыв, отбросил камень, подобрал плащ и быстро пошел по прибрежной тропинке, наискось спускавшейся с уступа и спрямлявшей широкую петлю колесной дороги. Что-то вертелось в его памяти, заставляя припомнить. «Филопатр», кричал возница, — уж не тот ли, что написал на стене Керамика предложение Таис? Птолемей довольно усмехнулся и подумал, что он относится к своему оскорбителю уже как к сопернику. Правда, обещать гетере за короткую связь талант серебра, подобно Филопатру, македонец не мог. Разве несколько мин... но слишком много он слышал о Таис, несмотря на свои семнадцать лет считавшейся знаменитостью Афин. Ее искусство в танцах, образование и особенная привлекательность заслужили ей прозвище «четвертой Хариты».

Гордый македонец не стал бы брать денег от родичей. Александр, будучи сыном отвергнутой жены царя Филиппа, тоже не смог бы помочь другу. Военная добыча после Херонеи была невелика. Филипп, очень заботившийся о своих воинах, поделил ее так, что друзьям царевича досталось не больше, чем последнему пехотинцу. И еще отправил Птолемея с Неархом в изгнание, удалив от сына. Они встретились лишь здесь, в Афинах, по зову Александра, когда отец послал его с Гефестионом посмотреть Афины и показать себя. И хотя афинские остряки говорили, что «от волка может произойти только волчонок», настоящая эллинская красота и выдающийся ум Александра произвели впечатление на видавших виды граждан «Гла́за Эллады», «Матери искусств и красноречья».

Птолемей считал себя сводным братом Александра. Его мать, известная гетера Арсиноя, была одно время близка с Филиппом и им отдана замуж за племенного вождя Лага (Зай-

ца) — человека, ничем не прославившегося, хотя и знатного рода. Птолемей навсегда остался в роду Лагидов и вначале очень завидовал Александру, соперничая с ним в детских играх и военном учении. Став взрослым, он не мог не понять выдающихся способностей царевича и еще более гордился тайным родством, поведанным ему матерью под ужасной клятвой молчания.

А Таис? Что же, Александр навсегда уступил ему первенство в делах Эроса. Как это ни льстило Птолемею, он не мог не признать, что Александр, если бы хотел, мог первенствовать и в неисчислимых рядах поклонников Афродиты. Но он совсем не увлекался женщинами, и это тревожило его мать Олимпиаду, божественно прекрасную жрицу Деметры, считавшуюся колдуньей, обольстительницей и мудрой владычицей священных змей. Филипп, несмотря на свою храбрость, дерзость, постоянное бражничанье с первыми попавшимися женщинами, побаивался своей великолепной жены и шутя говорил, что опасается в постели найти между собой и женой страшного змея. В народе упорно ходили слухи, без сомнения поддерживаемые самой Олимпиадой, что Александр — вовсе не сын одноглазого Филиппа, а высшего божества, которому она отдалась ночью в храме.

Филипп почувствовал себя крепче после победы при Херонее. Накануне своего избрания военным вождем союза эллинских государств в Коринфе он развелся с Олимпиадой, взяв в жены юную Клеопатру, племянницу крупного племенного вождя Македонии. Олимпиада, проницательная и хитрая, все же сделала один промах и теперь пожинала его плоды.

Первой любовью Александра в шестнадцать лет, когда в нем проснулся мужчина, была никому не ведомая рабыня с берегов Эвксинского Понта. Мечтательный юноша, грезивший гомеровскими приключениями, подвигами аргонавтов и Тесея, решил, что встретился с одной из легендарных амазонок. Гордо носила свои корзины эта едва прикрытая короткой эксомидой светловолосая девушка. Будто и не рабыня, а принцесса-воительница шла по обширным садам царского дворца в Пелле.

Встречи Александра не стали тайной — за ним по велению Олимпиады следили соглядатаи, доносившие о каждом шаге юноши. Властная и мечтавшая о еще большем могуществе мать не могла допустить, чтобы ее единственный сын сам выбрал возлюбленную, да еще из непокорных, не знавших языка варварских понтийских народов. Нет! Она должна дать

ему такую девушку, которая была бы послушной исполнительницей ее воли, чтобы и через любовь Олимпиада могла влиять на сына, держа его в руках. Она приказала схватить девушку, остричь ее длинные, не как у рабыни, косы и отвезти для продажи на рынок рабов, в дальний город Мелибою в Тессалии.

Мать недостаточно знала своего сына. Этот тяжкий удар разрушил у мечтательного юноши храм его первой любви, куда более серьезной, чем обычная первая связь знатного мальчика с покорной рабыней. Александр без лишних расспросов понял все, и мать навсегда потеряла ту самую возможность, для которой погубила любовь и девушку. Сын не сказал ей ни слова, но с тех пор никто — ни красивые рабыни, ни гетеры, ни знатные девушки не привлекали царевича. Олимпиаде не было известно ни одного увлечения сына.

Птолемей, не опасаясь соперничества Александра, решил, что он придет к Таис вместе с друзьями, в том числе с повесой Гефестионом, знакомым со всеми гетерами Афин, для которого денежная игра и добрая выпивка первенствовали над забавами Эроса, уже потерявшими для него былую остроту чувств.

Но не для Птолемея. Каждая встреча с незнакомой красивой женщиной всегда порождала у него жажду близости, обещала неведомые дотоле оттенки страсти, тайн красоты тела — целый мир ярких и новых ощущений. Ожидания обычно не оправдывались, но неутомимый Эрос снова и снова влек его в объятия веселых подруг.

Не талант серебра, обещанный Филопатром, а он, Птолемей, окажется победителем в борьбе за сердце знаменитой гетеры. И пусть Филопатр назначает хоть десять талантов!.. — слабый трус!

Македонец погладил рубец от удара, вздувшийся поперек плеча, и оглянулся.

Слева от берега в тревожное гривастое море отходил короткий, окаймленный отмелью мыс — место, куда плыла вся четверка македонцев. Нет — тройка: он выбыл из состязания, а пришел раньше. По суше хороший ходок всегда быстрее, чем пловец в море, особенно если волны и ветер угнетают находящегося в его власти.

Рабы поджидали пловцов с одеждой и удивились при виде Птолемея, сбегавшего с обрыва. Он смыл с себя песок и пыль, оделся и тщательно свернул женский плащ, данный ему мальчиком — слугой Таис.

* * *

Две очень старые оливы серебрились под пригорком, осеняя небольшой дом со слепящими белизной стенами. Он казался совсем низким под кипарисами гигантской высоты. Македонцы поднялись по короткой лестнице в миниатюрный сад, где цвели только розы, и увидели на голубом наддверии входа обычные три буквы, тщательно написанные пурпурной краской: омега, кси, эпсилон и ниже — слово «кохлион» (спиральная раковина). Но, в отличие от домов других гетер, имени Таис не было над входом, как не было и обычного ароматного сумрака в передней комнате. Широко распахнутые ставни открывали вид на массу белых домов Керамика, а вдали из-за Акрополя высилась подобная женской груди гора Ликабетт, покрытая темным густым лесом — недавним обиталищем волков. Как желтый поток в темном ущелье кипарисов, сбегала вниз к афинской гавани, огибая холм, Пирейская дорога.

Таис приветливо встретила дружную четверку. Неарх — очень стройный, среднего для эллина и критянина роста, казался небольшим и хрупким перед двумя македонцами и гигантским Гефестионом.

Гости осторожно уселись на хрупкие кресла с ножками, воспроизводившими длинные рога критских быков. Огромный Гефестион предпочел массивный табурет, а молчаливый Неарх — скамью с изголовником.

Таис сидела рядом с подругой — тонкой, смуглой, как египтянка, Наннион. Тончайший ионийский хитон Наннион прикрыла синим, вышитым золотом химатионом с обычным бордюром из крючковидных стилизованных волн по нижнему краю. По восточной моде химатион гетеры был наброшен на ее правое плечо и через спину подхвачен пряжкой на левом боку.

Таис была одета розовой, прозрачной, доставленной из Персии или Индии тканью хитона, собранного в мягкие складки и зашпиленного на плечах пятью серебряными булавками. Серый химатион с каймой из синих нарциссов окутывал ее от пояса до щиколоток маленьких ног, обутых в сандалии с узкими посеребренными ремешками. В отличие от Наннион, ни рот, ни глаза Таис не были накрашены. Лицо, не боявшееся загара, не носило и следов пудры.

Она с интересом слушала Александра, время от времени возражая или соглашаясь. Птолемей, слегка ревнуя, впервые видел своего друга-царевича столь увлеченным.

Гефестион ловко овладел тонкими руками Наннион, обучая ее халкидикской игре пальцев — три и пять. Птолемей, глядя на Таис, не мог сосредоточиться на разговоре. Он раза два нетерпеливо передернул плечами. Заметившая это Таис улыбнулась, устремляя на него сузившиеся смешливые глаза.

— Она сейчас придет, не томись, морской человек.

— Кто? — буркнул Птолемей.

— Богиня, светловолосая и светлоокая, такая, о которой ты мечтал на берегу у Халипедона.

Птолемей собрался возразить, но тут в комнату ворвалась высокая девушка в красно-золотом химатионе, принося с собой запах солнечного ветра и магнолии. Она двигалась с особой стремительностью, которую утонченные любители могли назвать чересчур сильной в сравнении со змеиными движениями египетских и азиатских артисток. Мужчины дружно приветствовали ее. К общему удивлению, невозмутимый Неарх покинул свою скамью в теневом углу комнаты.

— Эгесихора, спартанка, моя лучшая подруга, — коротко объявила Таис, метнув косой взгляд на Птолемея.

— Эгесихора, песня в пути, — задумчиво сказал Александр, — вот случай, когда лаконское произношение красивее аттического.

— А мы не считаем аттический говор очень красивым, — сказала спартанка, — они придыхают в начале слова, как азиаты, мы же говорим открыто.

— И сами открытые и прекрасные, — воскликнул Неарх.

Александр, Птолемей и Гефестион переглянулись.

— Я понимаю имя подруги как «ведущая танец», — сказала Таис, — оно лучше соответствует лакедемонянке.

— Я больше люблю песню, чем танец! — сказал Александр.

— Тогда ты не будешь счастлив с нами, женщинами, — ответила Таис, и македонский царевич нахмурился.

— Странная дружба спартанки и афинянки, — сказал он. — Спартанцы считают афинянок безмозглыми куклами, полурабынями, запертыми в домах, как на Востоке, без всякого понимания дел мужа. Афинянки же называют лакедемонянок похотливыми женами легкого поведения, плодящими тупых воинов.

— И оба мнения совершенно ошибочны, — засмеялась Таис.

Эгесихора молча улыбалась, в самом деле похожая на богиню. Широкая грудь, разворот прямых плеч и очень пря-

мая посадка крепкой головы придавали ей осанку коры Эрехтейона, когда она становилась серьезной. Но брызжущее веселостью и молодым задором лицо ее быстро менялось.

К удивлению Таис, не Птолемей, а Неарх был сражен лаконской красавицей.

Необыкновенно простую еду подала рабыня. Чаши для вина и воды, изукрашенные извилинами черных и белых полос, напоминали ценившуюся дороже золота древнюю посуду Крита.

— Разве афиняне едят как тессалийцы? — спросил Неарх, слегка плеснув из своей чаши богам и поднося ее Эгесихоре.

— Я афинянка только наполовину, — ответила Таис, — моя мать была этео — критянкой древнего рода, бежавшей от пиратов на остров Теру под покровительство Спарты. Там в Эмборионе она встретилась с отцом и родилась я, но...

— Эпигамии не было между родителями и брак был недействительным, — докончил Неарх, — вот почему у тебя столь древнее имя.

— И я не стала «быков приносящей» невестой, а попала в школу гетер храма Афродиты Коринфской.

— И сделалась славой Афин! — вскричал Птолемей, выпивая свою чашу.

— А Эгесихора? — спросил Неарх.

— Я старше Таис. История моей жизни прошла следом змеи — не для каждого любопытного, — презрительно сказала спартанка.

— Теперь я знаю, почему ты какая-то особенная, — сказал Птолемей, — по образу настоящая дочь Крита!

Неарх коротко и недобро засмеялся.

— Что ты знаешь о Крите, македонец? Крит — гнездовье пиратов, пришельцев со всех концов Эллады, Ионии, Сицилии и Финикии. Сброд разрушил и вытоптал страну, уничтожил древнюю славу детей Миноса.

— Говоря о Крите, я имел в сердце именно великолепный народ — морских владык, — давно ушедший в царство теней.

— И ты прав, Неарх, сказав, что перед нами тессалийская еда, — вмешался Александр, — если верно то, что критяне — родичи тессалийцев, а те — пеласгов, как писал Геродот.

— Но критяне — повелители моря, а тессалийцы — конный народ, — возразил Неарх.

— Но не кочевой, они — кормящие коней земледельцы, — вдруг сказала Таис, — поэты издавна воспевали «холмную Фтию Эллады, славную жен красотою»...

— И гремящими от конского бега равнинами, — добавил Александр.

— Потомки повелителей моря, по-моему, — спартанцы. — Неарх бросил взгляд на Эгесихору.

— Только по законам, Неарх. Взгляни на золотые волосы Эгесихоры — где тут Крит?

— Что касается моря, то я видел критянку, купавшуюся и бурю, когда ни одна другая женщина не посмела бы, — сказал Птолемей.

— А кто видел Таис верхом на лошади, тот видел амазонку, — сказала Эгесихора.

— Поэт Алкман, спартанец, сравнивал лаконских девушек с энтийскими лошадьми, — рассмеялся Гефестион, уже вливший в себя немало вкусного черно-синего вина.

— Тот, кто воспевает их красоту, когда они идут с танцами и пением приносить жертву богине, нагие, с распущенными волосами, подобными густым гривам золотисто-рыжих пафлагонских кобыл, — ответила Эгесихора.

— Вы обе много знаете! — воскликнул Александр.

— Их профессия — они продают не только Эрос, но и знания, воспитанность, искусство и красоту чувств, — сказал с видом знатока Гефестион. — Знаете ли вы, — поддразнил он, — что такое гетера высшего круга в самом высоком городе искусств и поэзии во всей ойкумене? Образованнейшая из образованных, искуснейшая танцовщица, чтица, вдохновительница художников и поэтов, с неотразимым обаянием женственной прелести... вот что такое Эгесихора!

— А Таис? — прервал Птолемей.

— В семнадцать лет она — знаменитость. В Афинах это выше многих великих титулов полководцев, владык и философов окрестных стран. И нельзя стать ею, если не одарят боги вещим сердцем, кому с детства открыты чувства и сущность людей, тонкие ощущения и знание истинной красоты гораздо более глубокое, чем у большинства людей...

— Ты говоришь о ней как о богине, — сказал Неарх, недовольный тем, что Гефестион расценил спартанку ниже Таис, — смотри, она сама себя не чувствует такой...

— Это и есть верный признак душевной высоты, — вдруг сказал Александр и задумался: «Длинные гривы...» Слова спартанки пробудили тоску о черном белолобом Букефале. — Здесь афиняне режут гривы своим лошадям, чтобы она торчала щеткой, как на шлеме.

— Для того, чтобы лошади не соперничали с афинянками, среди которых мало густоволосых, — пошутила Эгесихора.

— Тебе хорошо говорить, — вдруг вмешалась молчавшая до сих пор Наннион, — когда волосы спартанок вошли в поговорку, так же как их свобода.

— Если сорок поколений твоих предков ходили бы голобедрыми в полотняных пеплосах и хитонах круглый год, тогда и у тебя были бы волосы не хуже.

— Почему вас зовут файномерис — показывающими бедра? — удивился Птолемей.

— Покажи им, как должна быть одета спартанка по законам своей страны, — сказала Таис, — твой старый пеплос висит у меня в опистоцелле с той поры, когда мы разыгрывали сцену из Кадмийских преданий.

Эгесихора молча удалилась внутрь дома.

Неарх следил за ней, пока она не скрылась за занавесью, и отстранился от тяжелой руки Птолемея, легшей ему на плечи.

— «Много странных даров посылает судьба», — пропел насмешник Гефестион, подмигивая Птолемею. Он обнял застенчивую Наннион, шепча ей что-то. Гетера зарделась, послушно подставив губы для поцелуя. Птолемей сделал попытку обнять Таис, подсев к ней, едва Александр отошел от нее к столу.

— Подожди, увидишь свою богиню, — отстранила его она. Птолемей повиновался, удивляясь, как эта юная девушка умеет одновременно очаровывать и повелевать.

Эгесихора не заставила себя ждать, явившись в белом длинном пеплосе, полностью раскрытом на боках и удерживавшемся только узкой плетеной завязкой на талии. Сильные мышцы играли под гладкой кожей, толстыми квадратиками окаймляли срединную борозду живота, углубляя ее. Распущенные волосы лакедемонянки струились золотом по всей спине, закручиваясь в пышные кольца ниже колен, и заставляли еще выше и горделивее поднимать голову, открывая крепкие челюсти и мощную шею. Она танцевала «танец волос» — Кометике — под аккомпанемент собственного пения, высоко поднимаясь на кончиках пальцев, и напомнила великолепные изваяния Каллимаха — спартанских танцовщиц, колеблющихся как пламя и, кажется, вот-вот взлетящих в экстатическом порыве оторваться от почвы, которой они едва касались.

Вздох общего восхищения приветствовал Эгесихору, медленно кружившуюся в сознании своей красоты.

— Поэт был прав! — Гефестион оторвался от Наннион, получив ревнивый укоряющий взгляд. — Как много общего с красотой породистой лошади и ее силой!

— Андраподисты — похитители свободных — хотели однажды захватить Эгесихору. Их было двое — зрелые мужчины... по спартанок учат сражаться, а они думали, что имеют дело с нежной дочерью Аттики, предназначенной жить на женской половине дома, — рассказывала Таис.

Эгесихора, даже не раскрасневшись от танца, села к Таис, обняв подругу и нисколько не стесняясь жадно глядящего на ее ноги Неарха.

Александр нехотя поднялся.

— Хайре, критянка. Я хотел бы любить тебя, говорить с тобой, ты необычно умна, но я должен идти в Киносарг — святилище Геракла. Мой отец приказал прибыть в Коринф, где будет великое собрание. Его должны выбирать главным военачальником Эллады, нового союза полисов, конечно, без упрямой Спарты.

— Опять они отделяются! — воскликнула Таис.

— Что ты разумеешь под словом «опять»? Это было много раз...

— Я думала о Херонее. Если бы спартанцы объединились с Афинами, то твой отец...

— Проиграл бы сражение и ушел в Македонские горы. И я не встретился бы с тобой, — засмеялся Александр.

— Что же принесла тебе встреча? — спросила Таис.

— Память о красоте!

— Везти сову в Афины! Разно мало женщин в Пелле?

— Ты не поняла. Я говорю о той, какая должна быть! Той, что несет примирение с жизнью, утешение и ясность. Вы, эллины, называете ее астрофаэс — звездносветной.

Таис мгновенно скользнула с кресла и опустилась на подушку около ног Александра.

— Ты совсем еще юн, а сказал мне то, что запомнится на всю жизнь. — И, подняв большую руку царевича, она прижала ее к своей щеке.

Александр запрокинул ее черную голову и сказал с оттенком грусти:

— Я позвал бы тебя в Пеллу, но зачем тебе? Здесь ты известна всей Аттике, хоть и не состоишь в эоях — Списке Женщин, а я — всего лишь сын разведенной царской жены.

— Ты будешь героем, я чувствую!

— Что ж, тогда ты будешь моей гостьей всегда, когда захочешь...

— Благодарю и не забуду. Не забудь и ты: Эргос и Логос (действие и слово) едины, как говорят мудрецы.

Гефестион с сожалением оторвался от Наннион, успев все же договориться о вечернем свидании. Неарх и Эгесихора скрылись. Птолемей не мог и не хотел отложить посещение Киносарга. Он поднял за руку Таис с подушки, привлекая к себе.

— Ты и только ты завладела мной. Свободна ли ты и хочешь, чтобы я пришел к тебе снова?

— Об этом не сговариваются на пороге. Приходи еще, тогда увидим. Или ты уедешь в Коринф тоже?

— Мне нечего делать там! Едут Александр с Гефестионом.

— А тысячи гетер храма Афродиты Коринфской? Они служат богине и не берут платы.

— Я сказал и могу повторить — только ты!

Таис лукаво прищурилась, показав кончик языка между губами удивительно четкого, и в то же время детского очерка.

Трое македонцев вышли на сухой ветер и слепящие белизной улицы.

Таис и Наннион, оставшись вдвоем, вздохнули, каждая о чем-то своем.

— Какие люди, — сказала Наннион, — молодые и уже столь зрелые. Могучему Гефестиону всего двадцать один, а царевичу — девятнадцать. Но сколько людей они оба уже убили!

— Александр красив. Учен и умен, как афинянин, закален, как спартанец, только... — Таис задумалась.

— Он не как все, совсем другой, я не умею сказать... — подхватила Наннион.

— Смотришь на него — и чувствуешь силу и еще что он — далеко от нас, думает о том, что нам не придет в голову. От этого он одинок, даже среди своих верных друзей, хотя они тоже не маленькие и не обычные люди.

— И Птолемей? Я заметила, он нравится тебе.

— Да. Он старше царевича, а ближе, понятен насквозь.

За поворотом тропинки, огибающей холм Баратрон, показались гигантские кипарисы. Не испытанная прежде радость вошла в сердце Птолемея. Вот и дом, теперь, после десятидневного пребывания в Афинах, показавшийся бедным и простым на вид. Порыв ветра словно подхватил македонца — так быстро он взлетел на противоположный склон. У сложенной из грубых кусков камня ограды он остановился, чтобы обрести спокойствие, приличествующее воину. Серебристо-зеленая листва олив шепталась над головой. В этот

час окраина города с разбросанными среди садов домами казалась безлюдной. Все от мала до велика ушли на праздник, на высоты Агоры и Акрополя и к храму Деметры — богине плодородия, отождествленной с Геей Пандорой — Землей Всеприносящей.

Как всегда, Тесмофории должны были состояться в первую ночь полнолуния, когда наступало время осеннего посева. Сегодня праздновалось окончание трудов вспашки — один из самых древнейших праздников земледельческих предков афинян, ныне в большинстве своем отошедших от самого почетного труда — возделывания лика Геи.

Утром через Эгесихору и Неарха Таис передала Птолемею, что он должен прийти к ней на закате солнца. Поняв, что означало приглашение, Птолемей взволновался так, что удивил Неарха, давно признавшего превосходство друга в делах любви. Неарх и сам изменился после встречи со спартанской красавицей. Угрюмость, свойственная ему с детства, исчезла, а под личиной уверенного спокойствия, которую он, бывший заложник, с малых лет очутившийся на чужбине, привык носить, стало проступать лукавое озорство, свойственное его народу. Критяне слыли обманщиками и лжецами потому, что, поклоняясь Великой Богине, были уверены в смертной судьбе мужских богов. Показывая эллинам могилу Зевса, они совершали тем самым ужасное святотатство. Судя по Неарху, эллины оболгали критян сами — не было во всей Пелле человека более верного и надежного, чем Неарх. И переданный им призыв Таис, несомненно, не был шуткой.

Солнце садилось медленно. Птолемею казалось нелепо стоять у ворот сада Таис, но он хотел точно выполнить ее желание. Он медленно опустился на еще теплую землю, опершись спиной о камни стены, и стал ждать с неистощимым терпением воина. Последние огни зари погасли на вершине Эгалейона. Темные стволы олив расплывались в сумерках. Он взглянул через плечо на закрытую дверь, едва обрисовывающуюся под выступом портика, и решил, что время настало. Предчувствие небывалых переживаний для него, побежденного Эросом как никогда прежде, заставило его задрожать как мальчика, крадущегося на первое свидание с приглянувшейся податливой рабыней. Птолемей взлетел по лестнице, стукнул в дверь и, не получая ответа, открыл ее, незапертую.

В проеме прохода, под висевшим на бронзовой цени двухпламенным лампионом, стояла Таис в темной эскомиде, короткой, как у амазонки. Даже в слабом свете масляной лам-

пы Птолемей заметил, как пылали щеки юной женщины, а складки ткани на высокой груди поднимались от частого дыхания. Глаза, почти черные на затемненном лице, смотрели прямо на Птолемея. Заглянув в них, македонец замер. Но тень длинных, загнутых ресниц легла на синеватые западинки нижних век, прикрыв покоряющую, почти безумно напряженную силу взора Таис. Лента в цвет хитона стягивала крутые завитки волос на темени. «Как у Афины Лемнии», — подумал Птолемей и тут же решил, что Таис, серьезная и сосредоточенная, как воин перед боем, с пристальным взглядом и почти угрожающим наклоном гордой головы, в самом деле похожа на грозную Лемниянку.

— Жду тебя, милый, — просто сказала она, впервые так назвав македонца и вложив в это слово столько нежного значения, что Птолемей нетерпеливо вздохнул и приблизился, протянув руки.

Таис, отступив на полшага, сняла откуда-то из-за выступа двери широкий химатион и взмахом его загасила светильник. Птолемей озадаченно остановился во тьме, а молодая женщина скользнула к выходу. Ее рука нашла руку македонца, крепко сжала ее и потянула за собой.

— Пойдем. — Властный тон ее заставил Птолемея повиноваться. Они вышли через боковую калитку в кустах и направились по тропинке вниз к речке Илиссу, протекавшей через Сады от Ликея и святилища Геракла до слияния с Кефисом. Низкий полумесяц освещал дорогу.

Таис шла быстро, почти бегом, не оглядываясь, и Птолемею передалась ее серьезность. Он следовал за ней в молчании, любуясь ее походкой, прямой, со свободно развернутыми плечами, придававшей величавость ее небольшой фигурке. Стройная шея гордо держала голову с тяжелым узлом волос на высоком затылке. Она плотно завернулась в темный химатион, при каждом шаге западавший глубоко то с одной, то с другой стороны ее талии, подчеркивая гибкость тела. Маленькие ноги ступали легко и уверенно, и перисцелиды — ножные браслеты — серебристо звенели на ее щиколотках. Тени гигантских платанов перекрыли путь. За этой стеной темноты вспыхнула холодным светом беломраморная площадка — полукруг гладких плит. На высоком пьедестале стояло бронзовое изображение богини. Внизу едва слышно журчал Илисс.

Чуть склонив голову, богиня откидывала с плеч тонкое покрывало, и взгляд ее глаз из зеленых светящихся камней приковывал внимание. Особенное, редкое для изображений божества выражение сочувствия и откровенности порази-

тельно сочеталось с таинственной глубиной всезнающего взора. Казалось, богиня склоняется к смертным, чтобы в тиши и безлюдье звездной ночи открыть им тайну — каждому свою. Левой рукой богиня — это была знаменитая на весь эллинский мир «Афродита Урания, что в Садах» — протягивала пышную розу — символ женской сущности, цветок Афродиты и любви. Сильное тело, облитое складками пеплоса, замерло в спокойном энтазисе. Одеяние, необычно раскрытое на плече по древнему азиатскому или критскому канону, обнажало груди, высокие, сближенные и широкие, как винные кратеры, резко противоречившие своей чувственной силой вдохновенной тайне лица и строгой позе Небесной Афродиты.

Из всех художников Эллады Алкамену впервые удалось сочетать древнюю силу чувственной красоты с духовным взлетом, создав религиозный образ неодолимой привлекательности и наполнив его обещанием пламенного счастья. Богиня-Мать и Урания вместе.

Таис благоговейно подошла к богине и, шепча что-то, обняла ноги творения Алкамена. Она замерла у подножия статуи и вдруг отпрянула назад к недвижно стоявшему Птолемею. Опершись на его мощную руку, юная гетера молча и пытливо заглянула македонцу в лицо, пытаясь найти нужный отклик. Птолемей почувствовал, что Таис ищет в нем что-то, но продолжал молча стоять, недоуменно улыбаясь поведению спутницы. А она, столь же внезапно, одним прыжком, оказалась в середине мраморной площадки. Трижды хлопнув в ладоши, Таис запела гимн Афродите с подчеркнутым ритмом, как поют в храмах богини перед выходом священных танцовщиц.

«...Не сходит улыбка с милого лика ее. И прелестен цветок у богини», — в мерном движении танца она приблизилась опять к Птолемею. «Песню, богиня, прими и зажги Таис страстью горячей!» — вдруг загремел Птолемей и схватил девушку. На этот раз она не отстранилась. Обвив руками его шею, крепко прижалась к нему. Химатион упал наземь, и сквозь тонкую ткань хитона горячее крепкое тело Таис стало совсем близким.

— Ты, воин, знаешь Афродитины гимны?! Но не нужно просить богиню об огне, смотри сам не сгори в нем, — шепнула девушка.

— Тогда... — Птолемей нашел губы Таис, и оба замерли. Неожиданно юная гетера изо всех сил уперлась в широкую грудь Птолемея и вырвалась.

— Пойдем... дальше, — задыхаясь сказала она, — я нарочно ждала этого дня. Сегодня увели быков в горы...

— И что же? — не понял Птолемей.

Таис, поднявшись на цыпочки, приникла к его уху.

— Я хочу быть твоей. По древнему обычаю афинских земледельцев, на только что вспаханном поле.

— На поле? Зачем?

— Ночью, на трижды вспаханном поле. Обнаженными, как сама Гея... принять в себя ее плодоносную силу, пробудить ее...

Птолемей сжал плечи девушки, безмолвно соглашаясь, и Таис устремилась вниз по течению речки, затем повернула на север к святой Элевзинской дороге.

В долине Илисса легла глубокая тьма, луна скрылась за гребнем горы, звезды блестели вся ярче.

— Как ты видишь дорогу? — спросил Птолемей. — Она знакома тебе?

— Знакома. Мы идем на поле Скирона. Там, в ночь полнолуния, справляется женщинами праздник Деметры Закононосительницы.

— Разве гетерам позволено участвовать в Тесмофориях? И что же делается на поле Скирона? Я постараюсь попасть туда, если пробуду в Афинах до полнолуния.

— Не попадешь! Только женщинам, только молодым разрешен доступ туда в ночь Тесмофорий после бега с факелами. Но не гетерам!

— Как же ты узнала дорогу?

— Еще не став гетерой. После бега с факелами жрицы Деметры выбрали меня в числе двенадцати. И когда празднество закончилось для непосвященных, мы, нагие, бежали глубокой ночью те тридцать стадий, что отделяют поле от храма.

— И дальше?

— Это нельзя рассказывать. Женская тайна, и все мы связаны ужасной клятвой. Но запоминается на всю жизнь. И бег на поле тоже нельзя забыть. Бежишь под яркой высокой луной, в молчании ночи, рядом с быстрыми и красивыми подругами. Мы мчимся, едва касаясь земли, все тело — как струна, ждущая прикосновения богини. Ветки мимолетно коснутся тебя, легкий ветер обвевает разгоряченное тело. И когда минуешь грозные перепутья со стражами Гекаты... — Таис умолкла.

— Говори дальше, ты так хорошо рассказываешь, — нетерпеливо сказал Птолемей.

— Приходит чувство освобождения от всего. Остановишься, а сердце так бьется... раскинешь руки и вздохнешь глубоко, и кажется — еще миг, и унесешься вдаль, в запах травы, леса, далекого моря. Исчезнешь в лунном свете, как соль, брошенная в воду, как дымок очага в небе. Нет ничего между тобой и матерью-Землей. Ты — Она, и Она — ты!

Таис ускорила замедленные было шаги и повернула налево. Зачернела впереди полоса рощи деревьев, ограничивавших поле с севера.

Все молчало кругом, только едва шелестел ветер, разносивший запах тимьяна. Звездный свет, свет уединения, тонул в черноте жирной земли, как в пучине молчания.

Птолемей ясно различал Таис, но ничего не видел в отдалении. Они постояли, прислушиваясь к ночи, обнявшей их черным покрывалом, потом сошли с тропинки в поле. Много раз паханная земля была пушистой, сандалии глубоко погружались в нее. Наконец Таис остановилась, вздохнула и сбросила химатион, знаком дав понять Птолемею, чтобы он сделал то же. Таис выпрямилась и, подняв руки к голове, сняла ленту и распустила волосы. Птолемей бросился на колени, обнимая юную гетеру, на миг прижался к ее животу, откинулся назад и, не опуская рук, с восторгом взглянул в лицо Таис, как богине. Она молчала. Пальцы ее рук сжимались и разжимались, лаская волосы Птолемея, скользя по его затылку и шее.

От влажной, теплой, недавно перепаханной земли шел сильный свежий запах. Казалось, сама Гея, вечно юная, полная плодоносных соков жизни, раскинулась в могучей истоме.

Птолемей ощутил в себе силу титана. Каждый мускул его мощного тела приобрел твердость бронзы. Схватив Таис на руки, он поднял ее к сверкающим звездам, бросая ее красотой вызов равнодушной вечности. Горячие руки обняли его шею, громадные, ставшие черными глаза взглянули в самую глубь души, губы слились с его губами, и звездное небо исчезло. Земля приняла обоих на свое просторное мягкое ложе. Таис и Птолемей забыли обо всем, кроме своей страсти, неистощимой как море и чистой как огонь.

Прошло немало времени, когда они снова вернулись в окружающий мир, на поле Скирона. Таис лежала, заложив руки под голову и молча глядя в небо. Склоняясь над лицом возлюбленной, Птолемей зашептал строчку из любимого стихотворения. Он сожалел сейчас, что знал их мало в сравнении с Александром.

— «Асперос эйсаугазо астер эймос!» (Ты смотришь на звезды, звезда моя!)

Таис медленно повернула голову, всматриваясь в Птолемея.

— Ты хорошо образован, милый. Глупы мои соотечественники, считающие македонцев дикими горцами. Но я поняла — ты далек от Урании, тебе лучше быть с Геей. Держи меня крепче... — И Таис обвилась вокруг Птолемея с такой силой, что у македонца перехватило дыхание и он в самом деле будто погрузился в черную и тесную глубь земли... Когда Птолемей опомнился и снова притянул к себе голову Таис, он увидел ее ресницы, пряди волос на лбу и темные круги вокруг глаз. Он оглянулся. Края поля, во тьме казавшегося необъятным, были совсем близки. Долгая предосенняя ночь кончилась. Таис приподнялась и удивленно смотрела на поднимавшуюся из-за Гиметта зарю. Внизу, в просвете рощи, послышалось блеяние овец. Таис медленно встала и выпрямилась навстречу первым лучам солнца, еще резче подчеркнувшим оттенок красной меди, свойственный ее загорелому телу. Руки поднялись к волосам извечным жестом женщины — хранительницы и носительницы красоты, томительной и зовущей, исчезающей и возрождающейся вновь, пока существует род человеческий. Одевшись, Таис покрылась химатионом, будто озябла, и медленно пошла рядом с гордым Птолемеем, задумчивая, со склоненной головой.

Выйдя на Элевзинскую дорогу, юная гетера пошла к храму Афродиты Урании, прямиком через Керамик.

— Ты снова к своей небесной царице любви, — засмеялся македонец, — будто ты и не афинянка вовсе. Аристотель говорил, что поклоняться Урании под именем Анахиты начали древние народы — ассирийцы, что ли.

— А на Крите еще раньше, потом на Китере, где Урания стоит вооруженной, а потом отец Тесея, Эгей, учредил ее храм в Афинах, — нехотя промолвила Таис, — но ты не должен идти со мной. Пойди к своим друзьям... нет, подожди, стань слева от меня! — И Таис, не стесняясь прохожих, прижалась к Птолемею, а правой рукой сделала отвращающий знак Гекаты.

Македонец посмотрел в том направлении и увидел лишь старый жертвенник, находившийся в забросе, хотя некогда был построен богато, с мрачной отделкой из массивного темного камня.

— Что это, могущее напугать храбрую Таис, не боящуюся ночи, звездного неба и грозных перекрестков, где владычествует Геката?

— Жертвенник Антэросу — богу антилюбви, страшной и жестокой ее противоположности. Если сама Афродита стра-

шится могучего Эроса, то тем более мы, ее служительницы, боимся Антэроса. Но молчи, идем скорее отсюда.

— Расскажи мне об Антэросе, — попросил Птолемей, когда они поднялись в мраморное сияние площадей и храмов выше Керамика и Стои.

— Потом! Гелиайне! — Таис подняла руку прощальным жестом, взбегая по белой лестнице храма Урании.

Птолемей подал Таис простой кедровый ящичек, прикоснувшись к ее колену. Гетера сидела в саду, любуясь поздними бледными розами, и куталась в химатион от пронизывающего ветра. Шуршали сухие листья, будто призраки кралась осторожными шагами к своим неведомым целям.

Таис вопросительно посмотрела на македонца.

— Мой анакалиптерион, — серьезно сказал тот, и звонкий смех был ему ответом.

— Не напрасно ли ты смеешься? — сурово сказал Птолемей.

— Почему же? Ты принес мне подарок, который супруг делает после заключения брака, снимая покров невесты. Но свой анакалиптерион ты даришь в день прощания и после того, как много раз снял с меня все покровы. Не поздно ли?

— Пойми, афинянка, или уж критянка, — так и не знаю, кто ты на самом деле...

— Не все ли равно? Или ты мечтаешь о девушке, чьи предки из эоев — Списка Женщин?

— Как я понимаю, любая истинная критянка — более древнего рода, чем все афинские прародительницы, — возразил Птолемей, — мне это вовсе не важно. Другое: я не дарил тебе ничего, и это зазорно. Но что я имею в сравнении с грудами серебра твоих поклонников? А здесь... — Птолемей опустился на пол и раскрыл ящичек на коленях у Таис. Статуэтка из слоновой кости и золота была, несомненно, очень древней — тысячелетие, не меньше, прошло с той поры, как неповторимое искусство ваятеля Крита создало этот образ участницы Тавромахии — священной и смертельно опасной игры с особой породой гигантских быков, выведенных на Крите, ныне исчезнувшей.

Таис осторожно взяла ее, погладила пальцами, восхищенно вздохнула и внезапно рассмеялась, столь заразительно, что на этот раз Птолемей тоже улыбнулся.

— Милый, эта вещь стоит ту самую груду серебра, о которой ты мечтаешь. Где добыл ты ее?..

— На войне, — коротко ответил Птолемей.

— Что же не отдал ты ее своему другу Неарху — единственному среди вас настоящему сыну Крита?

— Я хотел. Но Неарх сказал, что это — женская вещь и мужчине приносит несчастье! Он подвержен древним суевериям своей страны. Некогда там считали, что женская богиня-мать главнее всех небожителей.

Таис задумчиво взглянула на македонца сузившимися глазами.

— И здесь немало людей верят и верили в это.

— Может быть, и ты?

Не отвечая, Таис закрыла ларец, встала и повела Птолемея во внутреннюю комнату, в тепло и запах псестионов. Эти ячменные пирожки с медом, зажаренные в масле, были очень вкусны у Таис, которая иногда стряпала сама.

Усадив гостя, Таис принялась хлопотать у стола, приготовляя вино и острую подливку для мяса. Она уже знала, что македонцы не привержены к любимой афинянами рыбе.

Птолемей следил за ее бесшумными движениями. В прозрачном серебрящемся хитоне эолийского покроя из тончайшей ткани, которую ввозили из Персии, среди комнаты, затененной зелеными занавесями, Таис казалась облитой лунным светом, подобно самой Артемиде. Она распустила волосы, как пирейская девчонка, подхватив их у затылка простым шнурком, и была воплощением веселой юности, дерзкой и неутомимой. Это удивительно сочеталось с уверенной мудростью женщины, сознающей свою красоту, умеющей бороться с ловушками судьбы, — то, что было в ней от знаменитой гетеры самого великолепного города Эллады. Контраст губительно неотразимый, и Птолемей, вонзив ногти в ладони, едва не застонал. Разлука не могла быть короткой. Скорее всего, он терял Таис навсегда, ибо как могла Афродита не дать новой женской службы такой дивной ее помощнице? Покоряясь неодолимой силе Эроса, он улучил мгновение и, поймав Таис, притянул ее к себе.

— Я не могу не уехать. У царевича плохие дела — новая ссора с отцом. Он вместе с матерью бежал в Эпир. Боюсь, жизнь его под угрозой. Александр не покинет мать, которая рвется к власти, — опасная вещь для бывшей жены...

— Разве я упрекаю тебя?

— Нет, но это и плохо. — Птолемей улыбнулся, неуверенно и печально. Таис стало жаль этого молодого и закаленного воина. Она подсела к нему, лаская, по обыкновению, его жесткие вьющиеся волосы, по-военному коротко острижен-

ные. Птолемей вытянул шею, чтобы поцеловать Таис в узкую ложбинку между грудей, и заметил новое ожерелье. Тонкая цепочка из темного золота причудливой вязи соединялась в центре двумя сверкающими звездами из ярко-желтого электрона.

— Это новое? Подарок Филопатра? — ревниво спросил македонец. Короткий негромкий смешок, отличавший Таис, был ему самым искренним ответом.

— Филопатр и любой должен заслужить право подарить мне еще одну звездочку.

— Не уразумел. Какое право? Каждый дарит что хочет или что может.

— Не в этом случае. Посмотри внимательнее. — Таис сняла цепочку и подала Птолемею.

Каждая звезда в один дактил поперечником имела по 10 узких ребристых лучей, а в середине букву каппа, тоже означавшую цифру «10». Птолемей вернул ожерелье, пожав плечами в знак непонимания.

— Прости, я забыла, что ты из Македонии и можешь не знать обычаев гетер, хотя твоя мать Арсиноя...

— Погоди, припоминаю! Это вроде как отличие?

— В любви. И дарит его тот, кто достиг этого с нею, но только тогда, когда заставил и ее достигнуть наравне. Успех зависит от обоих...

— И каппа?

— Не только цифра, также имя богини Котитто. Та, что почитается во Фракии и Коринфе и на южных берегах Эвксинского Понта.

— Значит, двое с тобой достигли... мне кажется, я...

— Ты можешь прибавить сюда третью звезду.

— Афродита Мигонитида! Я не знал — и не успею подарить ее тебе.

— Я сделаю это сама.

— Нет. Я пришлю из Пеллы, если боги будут милостивы к Александру и ко мне — наши с ним судьбы сплелись. Выйдем ли мы на простор ойкумены или сойдем под землю, но вместе.

— Я поверила в Александра. Цель его неизвестна, но у него есть сила, не даваемая обычным людям.

— А у меня нет?

— Такой нет, и я довольна этим. Ты мой сильный, умный, смелый воин и можешь быть даже царем, а я — твоей царицей.

— Клянусь Белой Собакой Геракла, ты будешь ею, когда...

— Когда-нибудь. Я готова. — Таис приникла к Птолемею, и оба перестали заглядывать вперед в неизвестную судьбу. Из

безмерной дали будущего время текло на них медлительным потоком, неизбежно и неумолимо уходя в невозвратимое прошлое. Прошла и их встреча. И вот уже Таис стояла на пороге, а Птолемей, не в силах оторваться от подруги, топтался, подгоняемый необходимостью спешить в Гидафиней, к Неарху, куда должны были привести лошадей. Он не знал, что точный, исполнительный критянин сам еще только пробирался с опущенной головой по переулкам Керамика после прощания с Эгесихорой.

— Ты не сказал мне, что будет, если Александр останется жив и сделается царем после отца? — спросила Таис.

— Будет долгий путь, война и снова путь, помоги нам Афина Келевтия, богиня дорог. Он мечтает дойти до пределов мира, обиталища богов там, где восходит солнце. И Стагирит Аристотель всячески разжигает в нем стремление к этому подвигу.

— И ты пойдешь с ним?

— До конца. А ты пошла бы со мной? Не как с воином, а с военачальником.

— Я всегда мечтала о далеких странах, но пути недоступны нам, женщинам, иначе как в колесницах победителей. Будь победителем, и если я останусь мила тебе... — Таис умолкла, крепко, рывком поцеловала Птолемея, шепнув ему «гелиайне» — пожелание здоровья при прощании.

Она долго смотрела вслед, когда Птолемей уже давно скрылся за дальним домом, пока со не вывело из задумчивости прикосновение рабыни, приготовившей воду для купания.

А Птолемей, одолевая в себе власть любви, шел скорым шагом и не позволял себе бросить прощальный взгляд на Таис — оглядываться уходя было плохой приметой — или даже на ее мраморное воплощение — одну из девушек на балюстраде храма Нике Бескрылой. Там одна из «Ник» — в тонком древнем пеплосе, с откинутой назад головой, как бы собирающаяся взлететь или броситься вперед в безудержном порыве, — живо напоминала ему его возлюбленную. Македонец, дивясь сам себе, всегда подходил к храму, чтобы бросить взгляд на барельеф.

Глава вторая
ПОДВИГ ЭГЕСИХОРЫ

Метагитнион — месяц всегда жаркий в Аттике — в последний год сто десятой олимпиады выдался особенно знойным. Небо, столь чистое и глубокое, что его воспевали даже

чужеземцы, подернулось свинцовым оттенком. Кристальный воздух, всегда придававший всем статуям и сооружениям волшебную четкость, заструился и заколыхался, будто набросив на Афины покрывало неверной и зыбкой изменчивости, обмана и искажения, столь характерных для пустынных стран на далеких южных берегах.

Таис перестала ездить на купанье — слишком пропылилась дорога — и лишь иногда на рассвете выезжала верхом, чтобы ненадолго ощутить быструю скачку и веяние ветра на разгоряченном теле.

Послеполуденный зной тяжко придавил город. Все живое попряталось в тень, прохладу храмов и колоннад, темноту закрытых ставнями жилищ. Лишь изредка стучали колеса лениво влекомой повозки или копыта потной лошади со спешившим в укрытие всадником.

Даже небывалая жара не ослабила энергии Эгесихоры. Лакедемонянка вошла по обыкновению быстро и остановилась, ослепленная переходом к полумраку спальной комнаты. Не теряя минуты, она сбросила легкий хитон и села в ногах распростертой на ложе столь же нагой подруги. По раздувающимся ноздрям и часто вздымавшейся груди Таис поняла, что спартанка злится.

— Что с тобой? — лениво спросила она.

— Не знаю. Злюсь на все. Мне надоели ваши афиняне — крикливые, болтливые, охотники до сплетен. Неужели это те самые великие строители и художники, мудрецы и воины, о которых так гордо писали во времена Перикла? Или после нашествия персов все изменилось?

— Не понимаю, что на тебя нашло? Отравили чем-нибудь на позавчерашнем симпозионе? Вино мне показалось кислым...

— Тебе — вино, а мне показалась кислой моя жизнь! В Афинах становится все больше народа. Люди озлобляются от тесноты, шума, крика, вечной нехватки — то воды, то пищи. В эту жару все глядят на встречных свирепо, как на врагов. И гинекономы ярятся без причин — скоро красивой женщине нельзя будет появиться на Агоре или Акрополе по вечерам.

— В этом согласна с тобой. Тесно в Афинах, да и во всей Аттике, говорят, собралось пятьсот тысяч человек.

— Святая мать Деметра! Во всей Спарте — не больше полутораста тысяч. В таком множестве люди мешают друг другу и озлобляются. Видят роскошь, красоту и завидуют, насыщая воздух испарениями черной желчи.

— Не одна теснота, Эгесихора! Последствия прежних войн, и особенно прошлогодней. Наш красавец царевич — он теперь царь македонский и по существу владыка Эллады — показал волчьи зубы, да славится Аполлон Ликейский. До сего дня на рынке рабов продают фиванцев, мужчин всего по сотне драхм, а женщин по полторы. Сам город стерт с лица Геи. Ужаснулась вся Эллада!

— Кроме Спарты!

— Разве Спарта одна устоит? Дело вашего царя Агиса плохо — он хотел быть один, когда совместный бой привел бы греков к победе, и остался один — против могучего врага.

Эгесихора задумалась и вздохнула.

— Всего три года прошло, как македонские мальчишки явились к нам...

— Только ли македонские? А как насчет Крита?

Лакедемонянка вспыхнула, продолжая:

— Убит Филипп, воцарился Александр, стал вместо него главным военачальником Эллады, сокрушил Фивы, и теперь...

— Отправляется в Азию на персов, продолжая дело отца.

— Ты получила вести от Птолемея? Давно?

— В один из тяжелых дней гекатомбейона. И с тех пор — ничего. Правда, он посылает мне одно письмо в год. Сначала писал по пять...

— Когда он прислал тебе эту... — спартанка дотронулась до третьей звезды ожерелья, сверкавшего на медном теле подруги.

Таис опустила ресницы и, помолчав, сказала:

— Птолемей пишет, что Александр поистине показал божественный дар. Подобно Фемистоклу, он всегда умеет мгновенно изобрести новый ход, принять другое решение, если прежнее не годится. Но Фемистокл стремился на запад, а Александр идет на восток.

— Кто же более прав?

— Как я могу знать? На востоке баснословные богатства, неисчислимые народы, необъятные просторы. На западе людей меньше, и Фемистокл даже мечтал переселить афинян в Энторию за Ионическое море, но умер в изгнании в горах Тессалии. Теперь его могила на западном мысу Пирейского холма, где он любил сидеть, глядя на море. Я была там. Уединенное место покоя и печали.

— Почему печали?

— Не знаю. Разве ты можешь сказать, почему тяжелая тоска, даже страх охватывает людей в руинах Микен? Недоброе, запретное, отвергнутое богами место. На Крите показы-

вают гробницу Пасифаи — и то же подобное страху чувство приходит к путникам, будто тень царицы со сверкающим именем и ужасной славой стоит около них.

— Ты Пантодаей можешь прозываться, милая, — Эгесихора с восхищением поцеловала подругу, — поедем на могилу Фемистокла, погрустим вместе! Какая-то ярость накипает во мне против этой жизни, я нуждаюсь в утешении и не нахожу его.

— Ты сама тельктера — волшебница, утешающая, как говорят поэты, — возразила Таис. — Просто мы становимся старше, и в жизни видится другое, и ожидания делаются больше.

— Чего же ждешь ты?

— Не знаю. Перемены, путешествия, может быть...

— А любовь? А Птолемей?

— Птолемей — он не мой. Он — теликрат, покоритель женщин, но я не буду у него в затворе, подобно афинской или македонской супруге, и чтобы меня наказывали рафанидой в случае измены. Меня?! А пошла бы с ним далеко, далеко! Поедем на холм Пирея хоть сегодня. Пошлю Клонарию с запиской к Олору и Ксенофилу. Они будут сопровождать нас. Поплывем вечером, после спада жары, и проведем там лунную ночь до рассвета.

— С двумя мужчинами?

— Эти двое настолько любят друг друга, что мы нужны им только как друзья. Это хорошие молодые люди, отважные и сильные. Ксенофил выступал на прошлой олимпиаде борцом среди юношей.

Таис возвратилась домой еще до того, как солнце стало свирепствовать на белых улицах Афин. Странная задумчивость пришла к ней на склоне холма выше Фемистоклейона, где они сидели вдвоем с Эгесихорой, тесно обнявшись, в то время как двое спутников лежали внизу около лодки и обсуждали поездку в Парнею для охоты на диких свиней. Эгесихора поверила подруге тайну. Эоситей — младший двоюродный брат Агиса, царя Спарты, уплывает в Египет с большим отрядом воинов, которых нанял египетский фараон Хабабаш для своей охраны. Наверное, он замышляет выгнать персидского сатрапа — шесть кораблей отплывают сразу. И начальник лакедемонян зовет ее поехать с собой, пророча славу дивной дочери Спарты в стране поэтов и древнего искусства, преданной прекрасному.

Эгесихора крепко прижала к себе Таис и стала уговаривать поехать с нею в сказочный Египет. Она может побывать на Крите — с такой надежной охраной можно не опасаться никаких пиратов или разбойников.

Таис напомнила подруге, что Неарх рассказывал им обеим о гибели древней красоты Крита, исчезновении прежнего населения, нищете, воцарившейся на острове, разоренном неуемными нападениями и войнами разных племен.

Под грудами камней, в пожарах и землетрясениях исчезли дворцы Кносса и Фиэста, никто не может более читать надписи неизвестными знаками на забытом языке. Только кое-где на холмах высятся гигантские каменные рога, будто из-под земли поднимаются быки Держателя Земли Посейдона, да широкие лестницы спускаются к площадкам для священных игр. Иногда среди зарослей вдруг наткнешься на обломки тяжелых амфор в два человеческих роста с извивами змей на их толстых боках, а рядом в чистых сверкающих бассейнах плещется вода, еще бегущая по трубам водопроводов...

Таис достала ларец с критской статуэткой — подарком Птолемея, вынула драгоценную скульптуру и растянулась на ложе, рассматривая ее так, как будто увидела впервые. Новые глаза дали ей время и грустные думы последних дней. Больше тысячи лет — огромная даль времени, когда не было великолепных Афин, а герой Тесей еще не ездил в Кносс убивать Минотавра и сокрушать могущество великой морской державы. Из этой неизмеримой глубины отдаления, исчезновения — Таис не могла назвать этого чувства — явилось то живое, тонко изваянное напряженное лицо с огромными пристальными глазами и скорбно сложенным маленьким ртом. Согнутые в локтях руки были подняты ладонями вперед — сигналом не то остановки, не то внимания. Длинные ноги, слегка расставленные, девически тонкие, вытянутые и поставленные на пальцы, выражали мгновение толчка от земли для взлета. Одежда листового золота состояла из короткого узорного передника с широким поясом, стянувшим невероятно тонкую талию. Облегающий корсаж поддерживался двумя наплечниками и оставлял грудь открытой. На ключицах, у основания крепкой шеи, лежало широкое ожерелье. Именно лежало — от сильной выпуклости грудной клетки. Повязка, обегавшая подбородок девушки, стягивала высокую коническую прическу. Очень молода была тавропола — 14 лет, самое большее — пятнадцать.

Таис вдруг поняла, что назвала безвестную критскую девочку охотницей на быков — эпитетом Артемиды. Боги зави-

стливы и ревнивы к своим правам, но не может богиня ничего сделать той, которая ушла в недоступное самому Зевсу прошлое и скрылась тенью в подземельях Аида. Правда, Артемида может прогневаться на живую Таис... Что общего у девственной охотницы с ней, гетерой, служанкой Афродиты?

И Таис спокойно вернулась к созерцанию статуэтки. Ничего детского не осталось в ее лице и фигуре бдительного человека опасной профессии. Особенно трогал Таис ее скорбный рот и бесстрашный взгляд. Эта девочка знала, что ей предстоит. Очень недолгой была ее жизнь, отданная смертельной игре — танцу с длиннорогими пятнистыми быками, олицетворяющими сокрушительного колебателя земли Посейдона. Девушки-тавроколы представляли главных действующих лиц в этом священном ритуале, древний, позднее утраченный смысл которого заключался в победе женского начала над мужским, богини-матери над временным своим супругом. Мощь грозного животного растрачивалась в танце-борьбе с невероятно быстрыми прыгунами — девушками и юношами, специально подготовленными для балета смерти знатоками сложного ритуала. Критяне верили, что этим отводится, растрачиваясь и умилостивляясь, гнев бога, медленно и неумолимо зреющий в недрах земли и моря.

Обитатели древнего Крита будто предчувствовали, что их высокая культура погибнет от ужасающих землетрясений и приливов. Откуда они взялись, эти ее отдаленные предки? Откуда пришли, куда исчезли? Из того, что знала она сама в мифах, что рассказывал Неарх своим двум зачарованным слушательницам, прекрасные, утонченные люди, художники, мореходы, дальние путешественники жили на Крите еще тогда, когда вокруг бродили полудикие предки эллинов. Будто покрытая пряно пахнущими цветами магнолия внезапно выросла среди распластанных ветром сосен и ядовитых зарослей олеандра. Необъяснимо тонкая, поэтическая красота критской культуры среди грубых, воинственных кочевников берегов Внутреннего моря и может быть сравнена только с Египтом...

Вошла Клонария — юная рабыня, встряхивая коротко стриженными жесткими волосами.

— Там пришел этот... — Голос девушки дрогнул от глубоко укоренившейся ненависти к торговцу человеческим товаром.

Таис вернулась к жизни.

— Возьми шкатулку с деньгами, отсчитай на три мины сов и дай ему.

Рабыня засмеялась. Таис улыбнулась и жестом приказала ей подойти ближе.

— Посчитаем вместе. Три мины — сто восемьдесят драхм. Каждая сова — четыре драхмы, всего сорок пять сов. Поняла?

— Да, кирия. Это за фиванку? Недорого! — девушка позволила себе презрительную усмешку.

— Ты мне стоила дороже, — согласилась Таис, — но не суди по цене о качестве. Могут быть разные случаи, и если тебя купили дорого, то могут продать и подешевле...

Не успела Таис закончить фразы, как Клонария прижалась лицом к ее коленям.

— Кирия, не продавай меня, если уедешь. Возьми с собой!

— Что ты говоришь? Куда я уеду? — удивилась Таис, отбрасывая со лба рабыни ее спустившиеся волосы.

— Может быть, ты уедешь куда-то. Так думали мы, твои слуги. Ты не знаешь, как будет ужасно оказаться у кого-то другого после тебя, доброй, прекрасной.

— Разве мало на свете хороших людей?

— Мало таких, как ты, госпожа. Не продавай меня!

— Хорошо, обещаю тебе. Возьму с собой, хотя я никуда не собираюсь ехать. Как фиванка?

— После того как ее накормили, мылась так, что извела всю воду на кухне. Теперь спит, будто не спала месяц.

— Беги, торговец ждет. И не тревожь меня больше, я усну.

Клонария быстро отсчитала серебро и весело, вприпрыжку побежала из спальни.

Таис перевернулась на спину и закрыла глаза, но сон не приходил после ночного путешествия и взволнованных разговоров с подругой.

Они причалили к кольцам Пирейской гавани, когда порт уже кипел деятельностью. Оставив лодку на попечении двух друзей, Таис с Эгесихорой, пользуясь относительной прохладой левконота — «белого» южного ветра, расчистившего небо, пошли вдоль большой стои, где торговля была уже в полном разгаре. У перекрестка дорог Фалеронской и Средостенной Пирейской находился малый рынок рабов. Вытоптанная пыльная площадка, с одной стороны застроенная длинными низкими сараями из неотесанных камней, сдававшимися внаем работорговцам. Грубые плиты, истертые бесчисленными ногами доски помостов вместо обширного возвышения из светлого мрамора под сенью крытой колоннады и огороженных портиков, какие украшали большой рабский рынок в пятнадцати стадиях выше в самих Афинах.

Обе гетеры равнодушно направились в обход по боковой тропинке. Внимание Таис привлекла группа тощих людей, выставленных на окраине рынка, на отдельном деревянном помосте. Вне сомнения, это были эллины и, следовательно, фиванцы. Большинство жителей разрушенных Фив было отправлено в дальние гавани и давно продано. Эту группу из четырех мужчин и двух женщин, наверное, отправил на портовый рынок какой-нибудь большой землевладелец, чтобы избавиться от них. Таис возмутила эта продажа свободных людей знаменитого города.

У могил Херонеи великолепный сидящий мраморный лев поднял свою лапу, как памятник фиванским воинам, павшим в несчастной битве. А сейчас — две женщины стоят на помосте, кое-как обмотанные вокруг бедер грязными тряпками.

Перед помостом остановился высокий человек, с напудренным лицом, окаймленным густейшей бородой в крупных завитках, видимо, сириец. Небрежным движением пальца он велел торговцу вытолкнуть вперед младшую из женщин, остриженные волосы которой густым пучком лежали на затылке, перехваченные вокруг головы узкой синей лентой. По пышности и густоте пучка на затылке Таис определила, каких великолепных кос лишилась фиванка, красивая и гордая девушка лет восемнадцати, обычного для эллинок небольшого роста. Увлекаемая за руку торговцем, другой поддерживая спадавшее тряпье, она нехотя переступила пыльными босыми ногами с породистыми щиколотками и высоким подъемом.

— Цена? — важно бросил сириец.

— Пять мин, и это даром, клянусь Афиной Алеей!

— Ты обезумел! Она — музыкантша или танцовщица?

— Нет... но девственна и очень красива.

— Сомнительно. Военная добыча... взгляни на очертания бедер, груди. Плачу мину, ладно, две — последняя цена.

Возмущенный или хорошо притворяющийся торговец подскочил к девушке, ударил пальцами по поднятым вверх девичьим соскам ее грудей, заставив их упруго затрепетать. Девушка яростно оттолкнула торговца, отворачиваясь от жадных глаз, и продолжала цепляться за одежду.

— Что-то неладно, чувствую! — воскликнул опытный сириец. — Такую рабыню не будут продавать в Пирее, а поставят в Афинах. Ну-ка обнажи ее!

Торговец не шелохнулся, и покупатель сам сдернул последний покров рабыни. Она не отпускала ветхую ткань, дру-

гой рукой прикрывая лоно, и повернулась боком. Сириец ахнул. Прохожие и зеваки громко захохотали. На круглом заду девушки красовались вздувшиеся полосы от бича, свежие и красные, вперемешку с уже поджившими рубцами.

— Ах ты плут! — крикнул сириец, видимо хорошо говоривший на аттическом наречии. Схватив девушку за руку, он нащупал на ней следы ремней, стягивавших тонкие запястья. Тогда он приподнял дешевые бусы, нацепленные на шею девушки, чтобы скрыть следы от привязи.

Опомнившийся торговец встал между сирийцем и рабыней.

— Пять мин за строптивую девчонку, которую надо держать на привязи! — негодовал сириец. — Меня не проведешь. Годится только в наложницы, да еще возить воду. После разгрома Стовратных Фив девушки здесь подешевели, даже красивые, — ими полны дома во всех портах Внутреннего моря.

— Пусть будет три мины — совсем даром, — сказал присмиревший торговец.

— Нет, пусть платит тот, кто захотел избавиться от неудачной покупки этого сброда, — сириец показал на фиванцев. Призадумался и сказал: — Дам тебе половину, подумай — девяносто драхм. Беру для своих матросов на обратный путь. Я сказал последнюю цену! — И сириец решительно шагнул к другой кучке рабов, сидевших на каменном помосте в нескольких шагах от фиванцев. Торговец заколебался, а девушка побледнела, вернее посерела сквозь пыль и загар, покрывавшие ее измученное гордое лицо.

Таис подошла к помосту, откинув со своих иссиня-черных волос легкий газ покрывала, которым спасались от пыли богатые афинянки. Рядом стала золотоволосая Эгесихора, и даже угрюмые глаза продаваемых рабов приковались к двум прекрасным женщинам.

Темные упрямые глаза фиванской рабыни расширились, огонь тревожной ненависти в них погас, и Таис вдруг увидела лицо человека, обученного читать, воспринимать искусство и осмысливать жизнь. Теоноя — божественное разумение — оставила свой свет на этом лице. Одновременно фиванка увидела то же самое в лице Таис, и ресницы ее задрожали. Будто невидимая нить протянулась от одной женщины к другой, и почти безумная надежда загорелась в пристальном взгляде фиванки.

Торговец оглянулся, ища колесницу красавиц, ехидная усмешка наползла было на его губы, но тут же сменилась поч-

тением. Он заметил двух спутников Таис, догонявших приятельниц. Хорошо одетые, бритые по последней моде, они важно прошли через расступившуюся толпу.

— Даю две мины, — сказала Таис.

— Нет, я раньше пришел, — вскричал сириец, вернувшийся поглядеть на афинянок и, как свойственно всем людям, уже пожалевший, что покупка достанется другому.

— Ты давал только полторы мины, — возразил торговец.

— Даю две. Тебе зачем эта девчонка — все равно с ней не справишься!

— Перестанем спорить — я плачу три, как ты хотел. Пришли за деньгами или придешь сам в дом Таис, между холмом Нимф и Керамиком.

— Таис! — почтительно воскликнул стоявший поодаль человек, и еще несколько голосов подхватили: — Таис, Таис!

Афинянка протянула руку фиванской рабыне, чтобы свести ее с помоста в знак своего владения ею. Девушка вцепилась в нее, как утопающая в брошенную ей веревку, и, боясь отпустить руку, спрыгнула наземь.

— Как зовут тебя? — спросила Таис.

— Гесиона. — Фиванка сказала так, что не было сомнения в правде ее ответа.

— Благородное имя, — сказала Таис, — «Маленькая Исида».

— Я дочь Астиоха — философа древнего рода, — с гордостью ответила рабыня...

Таис незаметно уснула и очнулась, когда ставни с южной стороны дома распахнуты ноту — южному ветру с моря, в это время года сдувавшему тяжелую жару с афинских улиц. Свежая и бодрая, Таис пообедала в одиночестве. Знойные дни ослабили пыл поклонников Афродиты, ни одного симпозиона не предстояло в ближайшие дни. Во всяком случае, два-три вечера были совсем свободны. Таис не ходила читать предложения на стене Керамика уже много дней.

Стукнув два раза по столешнице, она велела позвать к себе Гесиону. Девушка, пахнувшая здоровой чистотой, вошла, стесняясь своего грязного химатия, и опустилась на колени у ног гетеры с неловким смешением робости и грации. Привыкнув к грубости и ударам, она явно не знала, как вести себя с простой, ласковой Таис.

Заставив сбросить плащ, Таис оглядела безупречное тело своей покупки и выбрала скромный полотняный хитон из

своего платья. Темно-синий химатион для ночных похождений завершил наряд Гесионы.

— Мастодетона — грудной повязки — тебе не надо, я не ношу ее тоже. Я дала тебе это старье...

— Чтобы не выделить меня из других, — тихо досказала фиванка. — Но это вовсе не старье, госпожа. — Рабыня поспешно оделась, умело расположив складки хитона и расправив завязки на плечах. Она сразу же превратилась в полную достоинства девушку из образованных верхов общества. Глядя на нее, Таис поняла неизбежную ненависть, которую вызывала Гесиона у своих хозяев, лишенных всего того, чем обладала рабыня. И прежде всего знаний, какими не владели теперешние аттические домохозяйки, вынужденные вести замкнутую жизнь, всегда завидуя образованным гетерам.

Таис невольно усмехнулась. Завидовали от незнания всех сторон ее жизни, не понимая, как беззащитна и легко ранима нежная юная женщина наедине с мужчиной в долгие ночи осени или зимы. Когда, предавшись ему, она попадает во власть того, кто иногда оборачивался скотом. Гесиона по-своему поняла усмешку Таис. Вся вспыхнув, она торопливо провела руками по одежде, ища непорядок и не смея подойти к зеркалу.

— Все хорошо, — сказала ей гетера, — я думала о своем. Но я забыла... — С этими словами она взяла красивый серебряный пояс и надела его рабыне. Гесиона снова залилась краской, на этот раз удовольствия.

— Как мне благодарить тебя, госпожа? Чем смогу я отдать тебе за твою доброту?

Таис поморщилась смешливо и лукаво, и фиванка снова насторожилась. «Пройдет немало времени, — подумала Таис, — пока это молодое существо вновь приобретет человеческое достоинство и спокойствие, присущее свободным эллинам. Свободным эллинам... не в том ли главное различие варваров, обреченных на рабство, что они находятся в полной власти свободных? И чем хуже обращаются с ними, тем хуже делаются рабы, а в ответ на это звереют их владельцы». Странные эти мысли пришли на ум юной гетере, прежде спокойно принимавшей мир каков он есть. А если бы ее или ее мать похитили пираты, о жестокости и коварстве которых она столько наслышалась? И она стояла бы сейчас, исхлестанная бичом, на помосте, и ее ощупывал бы какой-нибудь жирный торговец...

Таис вскочила и посмотрелась в зеркало из твердой бронзы светло-желтого цвета, которые привозили финикийцы из

страны, державшейся ими в секрете. Слегка сдвинув упрямые брови, она постаралась придать себе выражение гордой и грозной лемниянки, не вязавшееся с веселым блеском глаз. Беспечно отмахнувшись от путаных мыслей о том, чего не было, она хотела отослать Гесиону. Но одна мысль, оформившись в вопрос, не могла остаться без объяснения. И Таис принялась расспрашивать новую рабыню о страшных днях осады Фив и плена, стараясь скрыть недоумение, почему эта гордая и воспитанная девушка не убила себя, а предпочла жалкую участь рабыни.

Гесиона скоро поняла, что именно интересовало Таис.

— Да, я осталась жить, госпожа. Сначала от неожиданности, внезапного падения великого города, когда в наш дом, беззащитный и открытый, ворвались озверелые враги, топча, грабя и убивая. Когда безоружных людей, только что всеми уважаемых граждан, выросших в почете и славе, сгоняют в толпу, как стадо, нещадно колотя отставших или упрямых, оглушая тупыми концами копий, и заталкивают щитами в ограду, подобно овцам, странное оцепенение охватывает всех от такого внезапного поворота судьбы.

Ограда в самом деле оказалась скотным рынком города. На глазах Гесионы ее мать, еще молодая и красивая женщина, кое-как обмотавшая себя обрывками одежды, была увлечена двумя щитоносцами и, несмотря на отчаянное сопротивление, навсегда исчезла. Затем кто-то увел младшую сестру, а Гесиона, укрывшаяся под кормушкой, на свою беду, решила пробраться к стенам, чтобы поискать там отца и брата. Она не отошла и двух плетров от ограды, как ее схватил какой-то спрыгнувший с коня воин. Он пожелал овладеть ею тут же, у входа в какой-то опустелый дом. Гнев и отчаяние придали Гесионе такие силы, что македонец сначала не смог с ней справиться. Но он, видимо, не раз буйствовал в захваченных городах и вскоре связал и даже взнуздал Гесиону так, что она не смогла кусаться, после чего македонец и один его соратник попеременно насиловали девушку до глубокой ночи. На рассвете, опозоренная, измученная Гесиона была отведена к перекупщикам, которые, как коршуны, следовали за македонской армией. Перекупщик продал ее гиппотрофу Бравронского дома, и тот после безуспешных попыток привести ее к покорности и боясь, что от истязаний девушка потеряет цену, отправил ее на Пирейский рынок. Лихорадочная дрожь пробежала по телу Гесионы во время рассказа, она всхлипнула несколько раз, но огромным усилием воли сдержала себя.

— Я была посвящена богине Бирис и не смела знать мужчину раньше 22 лет.

— Не знаю этой богини, — сказала Таис, — она владычествует в Беотии?

— Везде. Здесь, в Афинах, есть ее храм, но мне нет больше доступа туда. Это богиня мира минийцев, наших предков, берегового народа до нашествия дорийцев. Служение ей — против войны, а я уже была женой двух воинов и ни одного не убила. Я убила бы себя еще раньше, если бы не должна была узнать, что сталось с отцом и братом. Если они живы и в рабстве, я стану портовой блудницей и буду грабить негодяев, пока не наберу денег, чтобы выкупить отца — мудрейшего и добрейшего человека во всей Элладе. Только для этого я и осталась жить...

— Сколько тебе лет, Гесиона?

— Восемнадцать, скоро девятнадцать, госпожа.

— Не зови меня госпожой, — сказала, вставая, Таис, охваченная внезапным порывом. — Ты не будешь моей рабыней, я отпускаю тебя на волю!

— Госпожа! — девушка крикнула, и горло ее перехватили рыдания. — Ты, наверное, ведешь свой род от богов. Кто мог бы еще в Элладе так поступить?! Но позволь мне остаться в твоем доме и служить тебе. Я много ела и спала, но я не всегда такая. Это после голодных дней и долгих стояний на помосте у торговца рабами...

Таис задумалась, не слушая девушку, чья страстная мольба оставила ее холодной, как богиню. И снова Гесиона внутренне сжалась — и опять распустилась, словно бутон, поймав внимательный и веселый взгляд гетеры.

— Ты сказала, твой отец — знаменитый философ? Достаточно ли он знаменит, чтобы быть известным Элладе, не только в Стовратных Фивах?

— Бывших некогда Фивах, — горько сказала Гесиона, — но Астиоха-философа знает Эллада. Как поэта — может быть и нет, ты не слыхала о нем, госпожа?

— Не слыхала. Но я не знаток, оставим это. Вот что придумала я... — И Таис рассказала Гесионе свой план, заставив фиванку задрожать от нетерпения.

После убийства Филиппа Македонского приглашенный им Аристотель покинул Пеллу и перебрался в Афины. Александр снабдил его деньгами, и философ из Стагиры обосновал в Ликии — в священной роще Аполлона Волчьего — свою школу, собрание редкостей и обиталище для учеников, исследовавших под его руководством законы природы.

По имени рощи учреждение Аристотеля стало называться Ликеем.

Пользуясь знакомством с Птолемеем и Александром, Таис могла обратиться к Стагириту. Если отец Гесионы был жив, то где бы он ни оказался, молва о столь известном пленнике должна была достигнуть философов и ученых Ликея.

От жилья Таис до Ликея пятнадцать олимпийских стадий — полчаса пешего хода, но Таис решила ехать на колеснице, чтобы произвести нужное впечатление. Она велела Гесионе надеть на левую руку обруч рабыни и нести за ней ящичек с редким камнем — зеленым с желтыми огнями — хризолитом, привезенным с далекого острова на Эритрейском море. Подарили его Таис купцы из Египта. От Птолемея она знала о жадности Стагирита к редкостям из дальних стран и думала этим ключом отомкнуть его сердце.

Эгесихора почему-то не появилась к обеду. Таис хотела поесть с Гесионой, но девушка упросила не делать этого, иначе ее роль служанки, которую она хотела честно исполнять в доме Таис, стала бы фальшивой и лишила бы ее доброго отношения слуг и рабынь гетеры.

Священные сосны безмолвно и недвижно уносились вершинами в горячее небо, когда Таис и Гесиона медленно шли к галерее, окруженной высокими старыми колоннами, где занимался с учениками старый мудрец. Стагирит был не в духе и встретил гетеру на широких ступенях из покосившихся плит. Постройка новых зданий еще только начиналась.

— Что привело сюда гордость продажных афинских женщин? — отрывисто спросил Аристотель.

Таис сделала знак, Гесиона подала раскрытую шкатулку, и хризолит — символ Короны Крита — засверкал на черной ткани, устилавшей дно. Брюзгливый рот философа сложился в беглой усмешке. Он взял камень двумя пальцами и, поворачивая его в разные стороны, стал разглядывать на просвет.

— Так ты — подруга Птолемея? Не талантливым он был учеником, слишком занят его ум войной и женщинами. И тебе надо, конечно, что-то узнать от меня? — он бросил на Таис острый, пронизывающий взгляд. Гетера спокойно встретила его, смиренно склонила голову и спросила, известно ли ему что-нибудь об участи фиванского философа. Аристотель думал недолго.

— Слышал, что он не то умер от ран, не то попал в рабство. Но почему он тебя интересует, гетера?

— А почему не интересует тебя, великий философ? Разве участь собрата, славного в Элладе, тебе безразлична? — вспыхнула Таис.

— Девчонка, твоя речь становится дерзкой!

— Помилосердствуй, великий Стагирит! Меня по невежеству удивило твое безразличие к судьбе большого философа и поэта. Разве не драгоценна жизнь такого человека? Может быть, ты мог бы его спасти...

— Зачем? Кто смеет пересекать путь судьбы, веление богов? Побежденный беотиец упал до уровня варвара, раба. Можешь считать, что философа Астиоха больше не существует, и забыть о нем. Мне все равно, брошен ли он в серебряные рудники или мелет зерно у карийских хлебопеков. Каждый человек из свободных выбирает свою участь. Беотиец сделал свой выбор, и даже боги не будут вмешиваться.

Знаменитый учитель повернулся к обеим девушкам и, продолжая рассматривать камень на свет, показал, что разговор окончен.

— Далеко же тебе до Анаксагора и Антифонта, Стагирит! — вне себя крикнула Гесиона. — Ты просто завистлив к славе Астиоха, певца мира и красоты! Мир и красота — вот что чуждо тебе, философ, и ты знаешь это!

Аристотель гневно обернулся. Один из стоявших рядом и прислушивавшихся к разговору учеников с размаху ударил Гесиону по щеке. Та вскрикнула и хотела броситься на кряжистого бородатого оскорбителя, но Таис ухватила ее за руку.

— Дрянь, рабыня, как смеешь ты... — вскричал ученик, — пошли отсюда, порнодионки!

— Философы заговорили без притворства, — озорно сказала Таис, — бежим скорее из обители мудрости!

С этими словами Таис ловко выхватила хризолит у растерявшегося Аристотеля, подобрала химатион и пустилась бежать по широкой тропе между сосен к дороге. Гесиона, не теряя мгновения, последовала за ней, а вслед девушкам кинулось несколько мужчин — не то усердных учеников, не то слуг. Таис и Гесиона успели вскочить на колесницу, поджидавшую их, но мальчик-возница не успел тронуть лошадей, как их схватили под уздцы, а трое здоровенных пожилых мужчин кинулись к открытому сзади входу на колесницу, чтобы стащить с нее обеих женщин. Один схватил Таис за подол и рванул к себе, но гибкая и сильная гетера устояла, вцепившись в борт повозки. Дело принимало серьезный оборот. Никого из спутников не было на дороге, и злобные философы

могли легко справиться с беззащитными девушками. Мальчик-возница, которого Таис взяла вместо пожилого конюха, лишь озирался вокруг, не зная, что делать с загородившими путь людьми.

— Не уйдете, блудницы! Попались, развратницы! — заорал человек с широкой неподстриженной бородой, протягивая вторую руку к упиравшейся Таис. В этот миг Гесиона, вырвав бич у возницы, изо всей силы ткнула его в раззявленный кричащий рот. Нападавший подавился, закашлялся, отступил и грохнулся наземь. Освобожденная Таис раскрыла сумку, подвешенную к стенке колесницы, и, выхватив коробку с пудрой, засыпала ею глаза второго мужчины. Короткая отсрочка ни к чему не привела. Колесница не могла сдвинуться с места, а выход из нее был закрыт, но Афродита была милостива к Таис. С востока, на поднимавшейся туда каменистой дороге, послышался гром колес и копыт. Из-за поворота вылетела четверка бешеных коней в ристалищной колеснице. Управляла ими женщина! Золотистые волосы плащом развевались по ветру — Эгесихора!

— Таис, малакион (дружочек), держись!

Зная, что спартанка сделает что-то необычайное, Таис схватилась за борт колесницы, крикнув Гесионе держаться изо всех сил. Эгесихора резко повернула, не сбавляя хода, объехала колесницу Таис слева и вдруг бросила лошадей направо, зацепившись выступающей осью за ее ось. Толчок опрокинул бородатых, державших лошадей, и те с воплями покатились в пыли, стараясь избежать копыт и колес. Лошади Таис понесли, а Эгесихора, сдержав четверку с неженской силой, расцепила неповрежденные колесницы.

— Гони, не медли! — крикнула Таис, давая мальчишке крепкий подзатыльник. Возница опомнился, и гнедая пара помчалась во весь опор, преследуемая по пятам четверкой Эгесихоры.

Позади из клубов пыли неслись вопли, проклятия, угрозы. Гесиона не выдержала и принялась истерически хохотать, пока Таис не прикрикнула на девушку, чувства которой были еще не в порядке после перенесенных испытаний.

Не успели они опомниться, как пролетели перекресток Ахарнской дороги. Сдерживая разбежавшихся коней, они повернули назад и направо, спустились к Илиссу и поехали вдоль речки к Садам. Только въехав под сень огромных кипарисов, Эгесихора остановилась и спрыгнула с колесницы. Таис, подбежав к ней, крепко поцеловала подругу.

— Хорошо вышла аматрохия? В ристалище очень опасно такое сцепление колес.

— Ты действительно наследница Киниски, Эгесихора. Но как случилось тебе оказаться на дороге? Слава богам!

— Я заезжала за тобой кататься, а ты поехала в Ликей. Не стоило труда понять, что ищешь отца Гесионы, и это встревожило меня. Мы не умеем говорить с мудрецами, а они недолюбливают гетер, если те и красивы и умны. По их мнению, сочетание этих свойств в женщине противоестественно и опасно... — спартанка звонко рассмеялась.

— И как ты сообразила явиться вовремя?

— Я проехала от Ликейской рощи к горам, осталась там ждать с лошадьми и послала конюха стоять на повороте и следить, когда ты поедешь. Он прибежал с известием, что вас бьют философы, но, видимо, промедлил. Я едва успела, бросив его на дороге.

— Что будем делать? Надо скрыться, чтобы избежать наказания — ты покалечила моих врагов.

— Я проеду к Семи Бронзам, где живет Диорей, отдам ему колесницу, а потом поедем купаться на излюбленное тобой место. Пусть твой эфеб едет за мной до поворота, а там ждите!

И отважная спартанка понеслась на своей бешеной четверке. Она вскоре вернулась пешком, и все три девушки, включая Гесиону, резвились, плавали и ныряли до вечера в уединенной бухточке, той самой, куда два года назад выплыл Птолемей.

Утомившись, Таис и Эгесихора растянулись рядом на песке, гудевшем под ударами волн, как бронзовый лист в полу храма. С визгом и скрежетом катилась галька с уходившего под воду откоса, и благодатный ветер нежно касался усталых от зноя тел. Гесиона сидела у самых заплесков. Обхватив колени и положив на них подбородок, она напевала что-то неслышное в шуме волн.

— Разгневанный Стагирит подаст на тебя жалобу гинекономам, — сказала Таис, — он не простит нам.

— Меня он не знает, — поддразнила спартанка, — а ты назвалась ему. Скорее всего, он пришлет десяток своих учеников разгромить твой дом и изнасиловать тебя!

— Придется просить друзей ночевать у меня в саду. Может быть, нанять двух-трех вооруженных сторожей — это будет проще, только подобрать людей похрабрее, — задумчиво сказала Таис, — они мне надоели, мои афинские друзья.

— Я не боюсь Стагирита, даже если дознаются, кто наехал на философов, — твердо молвила Эгесихора. — Ведь я уже

решила плыть со спартанцами в Египет. Об этом я и хотела сказать тебе на прогулке.

— Так что же ты молчала? — Таис поднялась и уселась на коленях, сообразила нелепость своего упрека, рассмеялась и снова озабоченно нахмурилась. — И ты бросаешь меня одну, без тебя, в Афинах?

— Нет, зачем же, — невозмутимо парировала Эгесихора, — ты едешь со мной.

— Я не обещала этого ни тебе, ни себе самой!

— Так решили боги. Я была у прорицателя, того, чье имя не произносят, как и богини, которой он служит.

Таис вздрогнула и побледнела, зябко согнув гибкие пальцы на ногах.

— Зачем, зачем ты сделала это?

— Мне трудно расстаться с тобой, а я должна была дать ответ Эоситею Эврипонтиду.

— Он из древнего рода лаконских царей? И что ты сказала ему?

— Да!

— А что сказал тот, кто видит вдаль?

— Что тебе будет дорога кольцом на много лет. И мне, но мой путь — короток, хотя буду вместе с тобой до его конца...

Таис молча смотрела перед собой в каменистую осыпь склона на трепещущие под ветром былинки. Эгесихора следила за ней, и странная печаль углубила уголки полного, чувственного рта спартанки.

— Когда они плывут? — вдруг спросила Таис.

— В двадцатый день боэдромиона из Гития.

— А туда?

— За неделю до того надо плыть из Пирея. Его собственный корабль возьмет нас со всем имуществом.

— Осталось не много времени, — молвила Таис, поднимаясь и отряхивая песок с живота, бедер и локтей. Встала и Эгесихора, разделяя ладонью вьющиеся пряди тяжелых волос. Гесиона подбежала к Таис с куском ткани, служившим для стирания соли, обтерла и лакедемонянку. Почти не разговаривая, подруги доехали до дома Таис. Эгесихора, скрыв лицо под покрывалом, в сопровождении сильного конюха пошла домой уже в сумерках.

На следующий день вся Агора возбужденно обсуждала приключение у Ликейской рощи. Афиняне — большие любители судачить и сплетничать — изощрялись в описании ужасной катастрофы. Число покалеченных неуклонно возрастало, к полудню достигнув пятнадцати. Имя Таис повторялось то с

восхищением, то с негодованием в зависимости от возраста и пола говоривших. Но все почтенные женщины сходились на том, что надобно проучить «та метротен Кресса» (критянку по матери), в своей наглости не постеснявшуюся нарушить покой обители великого мудреца. Гинекономы уже послали своего представителя к Таис, чтобы вызвать ее в суд для дачи показаний. И хотя сама Таис не обвинялась в серьезном преступлении и, кроме денежной пени, ей ничего не грозило даже при несправедливом обороте дела, ее подруга могла понести суровое наказание. Свидетели видели женщину, несущуюся на колеснице, а весь город знал, что тетриппой — четверкой лошадей — могла управлять только гетера Эгесихора. Ее покровители задержали дело, но вскоре выяснилось, что один из сыновей влиятельного и знатного Аристодема изувечен копытами и колесами. Еще три ученика Стагирита требовали удовлетворения за поломанные ребра, руку и ногу. И в «тяжелые дни» Метагитниона — три последние дня каждого месяца, посвященные умершим и подземным богам, — Эгесихора ночью внезапно явилась к подруге в сопровождении своих рабов и целого отряда молодых людей, нагруженных узлами с наиболее ценным имуществом.

— Все, кончено, — объявила спартанка, — я продала остальное!

— А лошади?! — испуганно воскликнула Таис.

Хмурое лицо подруги вдруг просияло.

— Они уже на корабле, в Мунихиоие. И я сама буду там еще до рассвета. Что же, прорицатель оказался неправ, и воля богов разлучает нас.

— Нет! — пылко сказала Таис. — Я решила тоже...

— Когда решила?

— Сейчас.

Лакедемонянка сжала подругу в сильных объятиях и вытерла слезы радости о ее волосы.

— Но мне нужно время, чтобы собраться. Я не буду продавать дом, а оставлю его верному Акесию. И садовник с женой тоже останутся. Других — Клонарию, Гесиону и конюха — я возьму с собой. Нужно дня три...

— Пусть будет так: мы плывем в Эгину, а через три дня вернемся за тобой.

— Нет, лучше не возвращайся, а жди меня в Гераклее. Я найду моряков, которые охотно и не привлекая ничьего внимания перевезут меня. Поспешим, мы всё решили.

— Таис, милая! — Эгесихора еще раз обняла ее. — Ты сняла камень с моей печени!

И спартанка, напевая, стала спускаться на Пирейскую дорогу во главе своего импровизированного отряда.

«Я сняла, а ты положила», — подумала Таис, глядя вслед бодрой лакедемонянке. Она перевела взгляд вверх на свои любимые высокие созвездия над черными остриями кипарисов, столько раз выслушивавших ее немые мольбы к Афродите Урании. Гетера почувствовала небывалую тоску, будто она прощалась навсегда с великим городом, наполненным могущественной красотой, сотворенной множеством эллинских художников в десятках поколений.

Она послала Клонарию, взбудораженную таинственным ночным посещением, за Талмидом — могучим атлетом, жившим по соседству. Вооруженный кинжалом и медной дубинкой, он не раз сопровождал гетеру, любившую иногда побродить ночью. Таис хорошо платила, и Талмид неслышно крался позади, не мешая девушке чувствовать себя наедине с ночью, звездами, статуями богов и героев.

В эту ночь Таис медленно пошла к Пеласгикону — стене из громадных камней, воздвигнутой далекими предками у основания Акрополиса. Может быть, то был могущественный народ, чья кровь текла в жилах полукритянки? Эти камни всегда привлекали Таис. И сейчас она коснулась рукой глыбы и вдруг прижалась всем телом к камню, ощущая сквозь тонкий хитон его неиссякаемую теплоту и твердость.

Темнота безлунной яркозвездной ночи была подобна просвечивающей черной ткани. Только в прозрачном и светоносном воздухе Эллады можно было испытать такое ощущение. Ночь одевала все вокруг, как тончайшее покрывало на статуе нагой Анахиты, в Коринфе, скрывая и одновременно открывая неведомые глубины тайных чувств.

Таис тихо взошла по истертым ступеням к храму Победы. Из-за плеча Пникса блеснул далекий огонек — лампада над Баратроном — страшной расселиной, напоминавшей афинянам про гнев Земледержца — Посейдона. Туда низвергали жертвы грозным подземным богам и Эриниям. Юной гетере еще не думалось об Аиде, и она не совершила ничего, чтобы опасаться богинь мести. Правда, боги завистливы... Яркая красота, веселье, успех и поклонение — все, чем была избалована Таис с пятнадцати лет, могут навлечь их гнев, и тогда последуют несчастья. Мудрые люди даже нарочно хотят, чтобы удачи перемежались с неудачами, счастье — с несчастьями, считая, что этим они предохраняют себя от более сокрушительных ударов судьбы. Таис это казалось нелепым. Разве можно купить себе счастье, склоняясь перед богами и моля о

ниспослании несчастья? Коварные женщины-богини сумеют нанести удар настолько болезненный, что после него любое счастье покажется горьким. Нет, лучше подобно Нике подниматься на вершину утеса и если уж падать с него, то навсегда...

Таис оторвалась от созерцания огонька над Баратроном и подумала, что завтра надо испечь магис — жертвенный пирог Гекате — богине перекрестков, далеко разящей и не пропускающей запоздалых путников. И еще жертву Афине Калевтии — богине дорог. А там не забыть Афродиту Эвплою — благоприятного плавания, об этом позаботится Эгесихора.

Легкие быстрые шаги Таис четко отдавались под колоннадой ее любимого храма Нике Аптерос, на ступенях которого она посидела, глядя на крохотные огоньки, кое-где разбросанные ветром как светлячки, мерцавшие на улицах милого города; на маяк в Пирее и два низких фонаря Мунихии. Там, наверное, корабль с Эгесихорой уже вышел в Саронский залив, держит путь на юг, в недалекую Эгину.

Когда Таис спустилась к Агоре, прошла мимо старого запустелого храма Ночи — Никтоона, сразу дна «ночных ворона» (ушастые совы) пролетели с правой стороны — двойное счастливое предзнаменование. Хотя и вокруг Афин, и в самом городе водилось множество этих священных птиц Афины, такое совпадение случилось с Таис впервые. Облегченно вздохнув, она ускорила шаги к угрюмым и массивным стенам древнего святилища Матери Богов. С упадком древней минийской религии святилище стало государственным архивом Афин, но те, кто продолжал верить во всемогущество Реи и женского начала в мире, приходили сюда ночью, чтобы, приложив лоб к угловому камню, получить предупреждение о грозящей опасности. Таис долго прижималась то лбом, то висками к отполированному веками камню, но не услышала ни легкого гула, ни чуть ощутимого дрожания стены. Рея-Кибела не знала ничего, и следовательно, в ближайшее время гетере ничего не угрожало. Таис почти побежала на запад, к Керамику и своему дому так быстро, что Талмид недовольно заворчал позади. Гетера подождала атлета, обняла его за шею и наградила поцелуем.

Слегка ошеломленный, богатырь вскинул ее на руки и, несмотря на смешливый протест, понес домой, как лучшую для каждого эллина драгоценность.

В день отплытия, назначенный Таис, погода изменилась. Серые облака громоздились в горах, принизили высокое небо над городом, припудрили пеплом золотистый мрамор статуй, стен и колонн.

Эвриклидион — сильный северо-восточный ветер, оправдал свое название «вздымающего широкие волны» и быстро гнал маленький корабль к острову Эгине.

Таис, стоя на корме, повернулась спиной к уходящему назад берегу Аттики и отдалась успокаивающей качке на крупной зыби. Из памяти не выходила вчерашняя встреча с незнакомым ей человеком, воином, со следами ран на обнаженной руке и полускрытым бородой шрамом на лице. Незнакомец остановил ее на улице Треножников, у статуи Сатира Перибоэтона («всемирно известного»), изваянного Праксителем.

В упор на нее смотрели проницательные глаукопидные глаза, и гетера почувствовала, что этому человеку нельзя сказать неправду.

— Ты — Таис, — сказал он тяжелым низким голосом, — и ты покидаешь наши Афины следом за Хризокомой — спартанкой.

Таис, дивясь, утвердительно склонила голову.

— Плохо идут дела в афинском государстве, если его покидает красота. Красота женщин, искусства, ремесел. Прежде сюда стекалось прекрасное, теперь оно бежит от нас.

— Мне кажется, о незнакомец, что мои сограждане куда больше заняты старанием перехитрить соперников в войне и торговле, чем любуются тем, что создали их предки и их земля.

— Ты права, юная. Запомни — я друг Лисиппа, скульптора, и сам скульптор. Скоро мы отправимся в Азию, к Александру. Тебе не миновать той же цели — раньше или позже мы встретимся там.

— Не знаю. Навряд ли. Судьба влечет меня в другую сторону.

— Нет, так будет. Тогда явится Лисипп — он давно хочет повидаться с тобой, и я — тоже. Но у него свои желания, у меня — другие...

— Поздно, — сказала гетера, искренне сожалея. Внимание одного из величайших художников Эллады льстило ей. Красивые легенды ходили о любви Праксителя к Фрине, Фидия — к Аспазии.

— Я и не говорю — сейчас! Ты слишком юна. Для наших целей нужна зрелость тела, а не слава. Но время придет, и тогда — не отказывай. Гелиайне!

Незнакомец, так и не назвав себя, удалился широким, полным достоинства шагом, а гетера поспешила домой...

Глава третья
БЕГСТВО НА ЮГ

Стоя на палубе легкого судна, Таис думала о незнакомце. Неужели когда сила жизни слабеет в народе и стране, тогда красота оскудевает в ней и ищущие ее уходят в иные земли? Так случилось с Критом, с Египтом, неужели пришла очередь Эллады? Сердце сжимается при одном воспоминании о дивном городе Девы. Что перед ним Коринф, Аргос, ныне сокрушенные Фивы?..

Неловкая на качке, к Таис подошла Клонария.

— Ты хочешь есть, госпожа?

— Нет еще.

— Кормчий сказал, что скоро Гераклея. Смотри, Эгина уже вся встала из моря.

— Где Гесиона?

— Рожденная змеей спит, как ее прародительница.

Таис рассмеялась и погладила девушку по щеке.

— Не ревнуй, я ведь не заключила с тобой лесбосского союза.

— А с ней, госпожа?

— Ты знаешь, я не хочу быть возлюбленной женщины, даже столь прекрасной и отважной, как Эгесихора. Но довольно об этих пустяках, буди «рожденную змеей».

Гесиона, наскоро плеснув в лицо морской воды, пробралась к своей хозяйке. Таис спросила фиванку о ее дальнейших намерениях. Хоть Гесиона умоляла взять ее с собой, гетере казалось, что она совершает ошибку, покидая Аттику, где больше возможностей отыскать ее отца. Самый большой в Элладе рынок рабов был в Афинах. Ежедневно на его помостах продавали по несколько сотен людей. Через торговцев, связанных со всеми городами Эллады и окружающих Внутреннее море стран, была надежда узнать что-нибудь о философе Астиохе. Гесиона призналась, что после ночного появления Эгесихоры она пошла к прорицателю. Он потребовал какую-либо вещь, принадлежащую ее отцу. Фиванка не без страха вручила ему маленькую гемму на тонкой цепочке, которую она прятала в узле своих волос. На зеленоватом «морском камне» — берилле — искусный камнерез воспроизвел портрет ее отца, и тот подарил его дочери в ее нимфейный (невестин) день — всего три года тому назад. Прорицатель недолго подержал гемму в своих странных пальцах с квадратными концами, вздохнул и с непоколебимой уверенностью заявил, что философ — мертв, и, вероят-

но, та же участь постигла брата Гесионы еще на стенах их города.

— Теперь у меня только ты, госпожа, — сказала Гесиона, упорно называя так Таис, несмотря на запрещение, — как же мне не следовать за тобой и не делить судьбу? Не отвергай меня, хорошо? — Девушка прижалась к коленям гетеры.

— Видно, судьба! — согласилась Таис. — Но я не жена и не дочь аристократа, не царского рода, всего лишь гетера, игрушка судьбы, всецело зависящая от случая.

— Я никогда не покину тебя, госпожа, что бы ни случилось!

Таис посмотрела на фиванку лукаво и знающе, слегка высунув кончик языка, и девушка вспыхнула.

— Да, да! Власти Эроса страшится сама Афродита, что же делать нам, смертным?

— Я не люблю ни одного мужчины, — с отвращением воскликнула Гесиона, — а если полюблю... убью его и себя!

— Ты гораздо больше девочка, чем я думала, глядя на твое тело, — медленно сказала гетера, прищуривая глаза, чтобы разглядеть открывшуюся Гераклейскую гавань.

Их поджидали, верно рассчитав сроки плавания. Таис увидела Эгесихору, окруженную группой воинов, могучая стать которых была заметна издалека. В тот же день корабль, увезший Эгесихору из Афин и стоявший в Гераклее в ожидании Таис, вышел в трехдневное плавание к Гитию, недалеко от устья реки Эврот в самой глубине Лаконского залива, где снаряжались спартанские суда. Если бы эвриклидион продолжал дуть, то плавание сократилось бы до двух дней, но в это время года северо-восточные ветры не были устойчивыми.

Друг Эгесихоры находился в Гитии, собирая свой большой отряд. Кораблем командовал его гекатонтарх — сотник, не понравившийся Таис слишком жадными взглядами, которыми он старался пронизать ее химатион. Но Эгесихора помыкала сердитым воином как хотела, не стесняясь откровенного обожания со стороны меньших начальников, простых копьеносцев, исполнявших роль гребцов, и старого кривого кормчего, чей единственный, круглый, как у циклопа, глаз успевал замечать все творившееся вокруг. Малейшая неточность в ударе весла, несвоевременная отдача рулей, чуть-чуть замедлившая ход корабля, — все вызывало резкий окрик, за которым следовала ядовитая шутка. Воины прозвали старого кормчего финикийцем, но относились к нему с почтением.

Воды Лаконского залива, гладкие, как голубое зеркало дочери Лебедя, подаренное ей самой Афродитой, казалось,

замедляют ход судна подобно густому напитку. На полпути, против мыса Кипарисов, море стало травянисто-зеленым. Сюда доходили воды Эврота — большой реки, в верховьях которой стояла столица Лакедемонии — Спарта, в расстоянии 240 стадий от гавани. Слева высился крутой, скалистый и суровый кряж Тайгета — знаменитое на всю Элладу место, куда относили новорожденных, у которых знатоки из старейшин находили недостатки сложения или здоровья. Приблизилось устье Сменоса с пристанью Лас, заполненной множеством маленьких судов. Корабль прошел мимо, огибая широкий мыс, за которым находилась главная гавань Лакедемонии — Гитий.

Корабль причалил к южной бухте, там, где крутой склон мыса загибался на север, запирая внутреннюю часть гавани. Глубокая вода стояла темным зеркалом, хотя несущий дождевые облака нот — южный ветер — с силой срывался с прибрежной гряды, ударяя в противоположный край залива. Палуба корабля оказалась локтя на четыре ниже пристани и обтертые бревна ее закраины — на уровне голов Таис и Эгесихоры, стоявших на корме. Обеих гетер, одетых в яркие хитоны — Таис в золотисто-желтый, а спартанка — в черный как ночь, удивительно оттенявший золотую рыжину ее волос, — заметили сразу. С криком «элелеу, элелеу» к ним подбежали несколько воинов — и впереди всех бородатый гигант, протянувший обе руки Эгесихоре. Та отклонила помощь Эоситея и показала ему на переднюю часть корабля, где под навесом из тростника топотали копытами четыре коня. Спартанцы застыли в неменьшем восхищении, чем перед женщинами, когда воины и два конюха начали осторожно выводить косящихся, прядающих ушами жеребцов. Пара дышловых была той редкостной масти, что афиняне зовут левкофаэс — ослепительно белой, а пристяжная пара — левкопирры, или золотисто-рыжие, под цвет своей хозяйки. Сочетание белого с золотым считалось особенно счастливым с тех пор, как от древнего Крита пришло искусство делать хрисоэлефантинные статуи богов.

С пристани спустили мостки. Один из дышловых жеребцов, шедший первым, вдруг отказался ступать на гнущееся дерево и прыгнул прямо на пристань. Судно накренилось от мощного толчка, и второй белый конь, последовавший за собратом, не смог выскочить из корабля, а, зацепившись передними копытами за край пристани, остался стоять на дыбах. Корабль начал отходить от причала. Щель между стенкой и бортом стала расширяться. Эгесихора увидела, как напряглись

все мышцы коня в усилии удержаться, вздулась большая жила на боку живота. Спартанка бросилась к коню, но ее опередил спрыгнувший с причала воин. Судно качнулось еще немного, копыта лошади начали соскальзывать с бревна, но воин, с удивительной отвагой и силой толкнув жеребца под круп, буквально выбросив его на пристань. Он не сумел избежать удара задних ног и упал на шаткую палубу, однако тотчас же поднялся невредимый.

— Хвала Менедему! — крикнул предводитель спартанцев, а Эгесихора наградила силача горячим поцелуем.

— Ха, ха! Смотри, Эоситей, как бы не упустить свою хризокому!

— Нет, не бывать!

Вождь лакедемонян спрыгнул на судно, схватил Эгесихору и в мгновение ока оказался на пристани. По сходням повели золотистых жеребцов, а Таис осталась на корме, смеясь над усилиями подруги освободиться от мощных объятий. Герой Менедем стоял на палубе, замерев от восхищения перед черноволосой афинянкой, чей медный загар и серые глаза подчеркивались желтым хитоном. Спартанец был одет только в эпоксиду — короткий хитон, закрепленный на одном плече. Единственным признаком воина на нем был широкий пояс. В борьбе с лошадью хитон упал с плеча, обнажив спартанца до талии. Таис с любопытством разглядывала его, вдруг вспомнив Поликлетова Копьеносца, моделью которому служил тоже лаконский юноша. Менедем обладал столь же могучим торсом, шеей и ногами, как знаменитая статуя. На выпуклой широченной груди могучими плитами лежали грудные мускулы, нижнем краем немного не достигая правильной арки слегка выступающего реберного края. Ниже брюшные мышцы были столь толсты, что вместо сужения в талии нависали выступами над бедрами. Такая броня брюшных мускулов могла выдержать удар задних ног бешеного коня без всякого вреда. Самое узкое место тела приходилось на верхнюю часть бедер, хотя их мускулы, и особенно голени, вздувались широко выше и ниже колен.

Таис взглянула смущенному атлету в лицо. Он покраснел так, что маленькие уши и детски округлые щеки слились в сплошное пунцовое пятно с шеей, могучим стволом посаженной на плавные линии прямых плеч, закруглявшихся двумя могучими буграми.

— Что же, Менедем, — поддразнила Эгесихора, — пожалуй, тебе не поднять Таис. Она — пентасхилиобойон (стоимостью в пять тысяч быков). — Спартанка намекала на цену,

назначенную Филопатром на стене Керамика. Старинные серебряные монеты Афин, выпущенные еще Тесеем, с изображением быка, когда-то равнялись стоимостью быку и так назывались — быками. Выкуп за невесту в древних земледельческих Афинах вносился всегда быками, почему девушка в семье называлась «быков приносящей». Самые большие выкупы равнялись ста быкам — гекатонбойон — примерно стоимости двух мин, и чудовищная цена «выкупа» Таис рокотом удивления прошла по группе воинов.

Менедем даже отступил на шаг, а Таис, звонко рассмеявшись, крикнула: «Лови же!» Инстинктивно воин поднял руки, и девушка прыгнула с кормы. Ловко подхваченная Менедемом, она удобно уселась на широком плече, но тут Гесиона с воплем «не оставляй меня, госпожа, с воинами» уцепилась за ногу афинянки.

— Возьми и ее, Менедем, — сказала под общий смех Таис, и атлет легко понес обеих девушек на пристань.

Весь следующий день, несмотря на налетавший временами дождь с ветром, Эгесихора и Эоситей проезжали, разминая вычищенных и выкупанных коней. Едва погода прояснилась и солнце высушило скользкую грязь, как спартанка предложила Таис ехать в столицу Лакедемонии. Дорога по долине Эврота исстари славилась удобством для конского бега. Двести сорок стадий, разделенные на два перегона, не составили дальней поездки для бегунов Эгесихоры. Колесница, на которой ехали Эоситей и Менедем, все время отставала от бешеной четверки. Весь путь до столицы промелькнул для Таис очень быстро, и, захваченная ездой, в усилиях держаться на рискованных поворотах, гетера почти не познакомилась со страной. Никогда прежде не бывала она в Спарте. Чем ближе они подъезжали к городу, тем большее число людей приветствовало Эгесихору. Вначале Таис думала, что возгласы и взмахи рук относятся к Эоситею, стратегу и племяннику царя Агиса, но люди бежали к ним с неменьшим энтузиазмом и тогда, когда колесница воинов осталась далеко позади. Они въехали в рощу толстенных дубов, сошедшихся своими ветвями так, что в лесу царствовал полумрак. Сухая земля, покрытая слоями листьев, накопившихся за сотни лет, казалась пустыней. Место носило мрачный характер, почему и называлось у спартанцев Скотита. Миновав рощу, колесница помчалась в город. Эгесихора остановилась лишь у статуй Диоскуров, в начале прямой улицы или аллеи, называвшейся Дромосом — Бегом. Спартанские юноши постоянно состязались здесь в беге. Прохожие с удивлением разглядывали колесницу с велико-

лепными конями и двумя прекрасными женщинами. Но если в Афинах на такое явление сбежалась бы тысячная толпа, то в Спарте приезжих окружили лишь несколько десятков воинов и эфебов, очарованных красотой девушек и лошадей. Тем не менее когда спутники догнали их и вместе выехали на широкую аллею, осененную гигантскими платанами, то приветственные клики возобновились с особенной силой. Эоситей вскоре остановился около небольшого святилища, построенного на самом краю Платановой рощи (как называлась аллея). Эгесихора сошла с колесницы. Преклонив колени, она совершила возлияние и зажгла кусочек ароматной смолы лавзониевого кустарника. Менедем объяснил Таис, что этот храм посвящен памяти Киниске, дочери Архидема, спартанского царя, первой из женщин Эллады и всей ойкумены одержавшей на олимпийских играх победу в состязании тетрипп — очень опасном деле, требовавшем великого конного искусства.

— Она разве сестра Агиса? Святилище выглядит древним, — недоуменно спросила Таис. Спартанец улыбнулся своей детской, чуть наивной улыбкой.

— Это не тот Архидем, отец нашего царя, а древний. Очень давно это было...

Спартанцы, видимо, признали Эгесихору наследницей своей героини, приносили ей цветы и наперебой звали в свои дома. Эоситей отклонил все приглашения и повез прекрасных гостей в большой дом с обширным садом. Множество рабов разного возраста выбежали принять лошадей, а гордый спартанец повел свою возлюбленную и ее подругу во внутренние, совсем не роскошно обставленные покои. Когда девушки остались на женской половине, вовсе не так строго отграниченной от мужской, как в Афинах, Таис спросила подругу:

— Скажи, зачем ты не останешься здесь, в Спарте, где ты родная, где нравишься народу и...

— Пока у меня есть моя четверка, красота и молодость. А дальше что? Спартанцы бедны — видишь, даже племянник царя едет наемником в чужую страну. Поэтому я — гетера в Афинах. Мои соотечественники, мне кажется, увлеклись физическим совершенством и воинским воспитанием, а этого недостаточно теперь для успеха в мире. В древности было иначе.

— Ты хочешь сказать, что лаконцы променяли образованность и развитие ума на физическую доблесть?

— Еще хуже. Они отдали свой мир чувства и разума за боевое военное превосходство и тотчас попали под жестокую

олигархию. Они несли смерть и разрушение другим народам в беспрерывных войнах, никому не желая ничего уступать. И теперь моих соотечественников в Спарте много меньше, чем афинян в Аттике. И спартанки отдаются даже своим рабам, лишь бы получить побольше мальчиков, которых вырастает мало, очень мало по сравнению с тем, что пожирают военные дела.

— Я понимаю, почему ты не хочешь оставаться здесь. Прости меня за незнание. — Таис ласково обняла Эгесихору, и сильная лакедемонянка прижалась к ней подобно Гесионе.

Спартанцы удерживали своих очаровательных гостей, день за днем заставляя их откладывать отъезд. Наконец Таис категорически заявила, что ее люди разбегутся и ей пора приводить в порядок наспех собранные в путь вещи.

Обратный путь был гораздо более долгим. Таис хотела посмотреть незнакомую ей страну. Поэтому Эгесихора и Эоситей умчались вместе на четверке, а Менедем стал возницей Таис. Они ехали не спеша, иногда сворачивая с главной дороги, чтобы посмотреть легендарное место или старый храм. Таис поразило огромное количество храмов Афродиты, нимф и Артемиды. Святилища, скромные по размерам, укрывались в священных рощах, которыми была усеяна буквально вся Лакедемония. Поклонение женским божествам в Спарте соответствовало высокому положению женщин, свободно разъезжавших и ходивших повсюду, отправлявшихся в одинокие странствия. Участие девушек в гимнастике, атлетических соревнованиях, общественных празднествах наравне с юношами не удивляло гетеру — она много об этом слышала. Праздники здесь собирали не только показывавших свои достоинства обнаженных юношей, но и девушек, гордо шествовавших мимо толпы восхищенных зрителей в храм жертвоприношения и священных танцев.

Все гетеры высшей коринфской школы считали себя знатоками танцев и руководили юными ученицами — аулетридами. Древнее сочинение о танцах Аристокла учили наизусть. Но впервые в жизни Таис увидела превосходное исполнение танцев множеством народа прямо на улицах столицы. В честь Артемиды, здесь считавшейся богиней безупречного здоровья, совершенно нагие девушки и юноши танцевали Кариотис — очень гордый и величавый танец — или Лампротеру — танец чистоты и ясности. Гормос исполнялся людьми постарше — обнаженные мужчины и женщины кружились кольцом, взявшись за руки, изображая ожерелье.

Совсем очаровал гетеру Ялкаде — детский танец с чашами воды. Слезы восторга подступили к горлу, когда она следила за рядами прелестных спартанских детей, полных здоровья и удивительно владевших собою. Все это воскресило для Таис обычаи древнего Крита и предания о праздниках Бритомартис — критской Артемиды.

Влияние древней религии с главенством женских божеств здесь ощущалось гораздо сильнее, чем в Аттике. В Спарте, при меньшем числе людей, было больше земли, и лаконцы могли отводить много места под луга или рощи. Действительно, Таис видела по дороге гораздо больше стад, чем на пути такой же длительности от Афин до Соуниона — оконечного мыса Аттики, где над страшным обрывом у берегового утеса воздвигается новый храм Голубоокой Девы.

Менедем и Таис доехали до Гитейона лишь после заката, встреченные пожеланием долгой жизни и многих детей, какие раздаются во время нимфия — брачного торжества. Менедем почему-то рассердился и хотел было покинуть круг веселых соратников, как вдруг явился маленький мессениец и объявил, что все готово к завтрашней охоте.

В обширных камышовых зарослях между Эвротом и Гелас ом обосновалось стадо громадных кабанов. Их ночные вылазки нанесли урон окрестным полям и даже священной роще, полной цветов. Всю ее изрыли голодные свиньи, скопившиеся в прибрежных тростниках.

Военачальники, от самого стратега Эоситея до последнего декеарха, возликовали. Охота на кабанов в камышах особенно опасна. Ничего не видно вокруг, кроме узеньких тропинок, протоптанных животными в разных направлениях. Словно высокие стены, стояли камыши локтей в семь высотою, закрывающие полнеба. В безветренной духоте звонко хрустят то там, то сям сухие стебли. В любое мгновение камыш может расступиться, пропуская разъяренного секача с длинными, острыми, как кинжалы, клыками или взбешенную свинью. Движения животных подобны молнии. Растерявшийся охотник не успеет сообразить, как окажется на земле, с ногами, рассеченными ударом клыков. Кабан еще не столь злобен — ударив, он пробегает дальше. Свинья хуже — свалив охотника, она топчет его острыми копытами и рвет зубами, выдирая такие куски мяса и кожи, что раны потом не заживают годами. Зато неистовое напряжение в ожидании зверя и короткое, яростное сражение с ним очень привлекательны для храбрецов, желающих испытать свое мужество.

Воины принялись обсуждать план завтрашней охоты с таким увлечением, что обе гетеры почувствовали себя забытыми. Эгесихора не преминула напомнить о своей великолепной особе. Эоситей прервал совещание, подумал недолго и внезапно решил: пусть наши гостьи тоже примут участие в охоте. Вместе так вместе — в Египет или в камыши Эврота. Менедем поддержал его с такой горячностью, что старшие воины невольно рассмеялись.

— Это невозможно, господин, — возразил мессениец, — мы погубим красавиц, и только!

— Подожди! — поднял руку Эоситей. — Ты говоришь, что тут, — он показал на чертеж местности, сделанный на земле, — древнее святилище Эврота. Наверняка оно поставлено на холме?

— На совсем небольшом пригорке. От святилища осталось лишь несколько камней и колонн, — сказал охотник.

— Тем лучше. А здесь должна быть поляна — камыши не растут на холме!

Мессениец только кивнул, и начальник воинов тут же распорядился, чтобы изменить направление гона к древнему храму. Главные охотники укроются на окраине камышовой заросли, перед поляной, а обе гетеры спрячутся в камнях развалины. Другая часть воинов будет сопровождать загонщиков на случай нападения зверей. Небольшой щит и копье составили все вооружение каждого смельчака, более опытные прибавили к нему длинные кинжалы. Эоситей особенно настаивал на кинжалах. Если налетающему точно вихрь кабану удастся избежать смертельного удара копьем, то охотнику лучше всего упасть ничком наземь. Кабан будет стараться поддеть клыками, но чем крупнее секач, тем меньше опасность — длинная морда и длинные клыки не дадут животному возможности зацепить свою жертву. Разъяренный зверь будет стараться подбросить человека рылом, чтобы ударить на весу, но если умело отодвигаться, вжимаясь изо всех сил в почву, то можно остаться неуязвимым до тех пор, пока не нанесешь смертельный удар кинжалом. Со свиньей дело плохо. Тут приходится надеяться на помощь щита, отражая им атаки и стараясь схватить зверя за ногу, после чего уже легче поразить свинью кинжалом.

Кутаясь в светлые химатионы, под цвет сухих камышей и старого мрамора, Эгесихора и Таис старались улечься поудобнее на широких глыбах перекрытий, еще уцелевших на шести низких колоннах святилища Эврота. Им строго приказали не подниматься и не шевелиться, когда загонщики погонят ка-

банов к реке, и обе подруги старались заранее найти удобное положение. Поляна была как на ладони. Отчетливо различались фигуры Эоситея, Менедема и еще двух охотников, укрывшихся за пучками сухого камыша у высокой стены зарослей к западу от поляны. Чтобы показать презрение к опасности, лакедемоняне были без одежды, как при домашних делах или в военных упражнениях. Только боевые поножья разрешили себе спартанцы. Гетеры понимали, что каждый из них рискует очень многим. Уход из жизни для профессионального воина не представлял ничего ужасного, особенно при воспитанном в каждом эллине, а не только в этих воинственных «посеянных», мудром и спокойном отношении к смерти. Надгробные памятники и в Аттике, и в Лаконике, и в Беотии говорили о задумчивом прощании, светлой и грустной памяти об ушедших, без протеста, отчаяния или страха. Но для спартанца-воина куда хуже, чем смерть, было увечье, лишавшее его возможности сражаться в рядах своих соплеменников, а свободный лакедемонянин ничего больше не хотел. А если уж свирепые звери настигали человека, то оставалось мало надежды на легкую рану...

Еще не донеслись издалека удары в щиты и котлы, как послышался треск камыша — и на поляне показался огромный секач. Подруги замерли, вжавшись в камень, а зверь отрывисто принюхивался, поворачивая туда-сюда свое тело. Негнущаяся шея не давала возможности кабану вертеть головой, и эта особенность зверей спасла немало охотничьих жизней.

Из-за камышовой кочки медленно поднялся Менедем. Опустив левую руку так, что щит прикрыл нижнюю часть его живота и бедра, он слегка свистнул. Кабан, мгновенно повернувшись, получил удар копья глубоко в правый бок, со звонким хрустом сломал древко и ринулся на атлета. Глухо лязгнули клыки по щиту, и Менедем не устоял. Оступившись через кочку сзади, спартанец полетел вверх тормашками в неглубокую яму. С боевым кличем на зверя набросился Эоситей. Кабан подставил ему левый бок, и все было кончено.

Менедем поднялся сконфуженный, укоряя своего начальника за вмешательство. Гораздо интереснее было бы ему самому прикончить зверя. Эоситей пообещал на следующий раз не вмешиваться. Однако охота не получилась так, как этого хотелось спартанцам. Едва загремели удары и понеслись крики загонщиков, придвигаясь все ближе справа от морской стороны болота, как на поляну выскочило сразу не меньше десятка крупных кабанов. Звери опрокинули двух воинов,

стоявших у правого угла поляны, понеслись к реке, повернули и напали на Эоситея и Менедема. Менедем отбивался от взбешенной свиньи, а Эоситей на этот раз был повержен особенно громадным секачом. Седая щетина высоко вздыбилась на могучем хребте, слюна и пена летели с лязгающих клыков в ступню длиной. Эоситей вжался в землю, потеряв щит, выбитый ударом зверя, бросил копье и крепко сжимал длинный персидский нож. Секач резким толчком рыла старался подбросить его, чтобы достать клыками, клал на спину спартанца огромную голову и, подгибая передние ноги, силился зацепить клыками. Эоситей отодвигался, напряженно следя за чудовищем, а зверь проявлял особенное упорство. Борясь с чудовищем, чтобы не дать ему приподнять себя, стратег не мог нанести ему смертельный удар. Эгесихора и Таис не дыша следили за борьбой, забыв про Менедема, сдерживавшего атаку старой, опытной в сражениях свиньи. Эгесихора вдруг вцепилась в плечо Таис. Ее подруга заметила тоже, что секач подвигал Эоситея к выступу кочковатой почвы. Еще немного, и стратегу некуда будет подвигаться и тогда...

— Аи-и-и-и! — издала пронзительный «ведьмин» визг Таис. Хлопая в ладоши, она перегнулась с каменной глыбы. Кабан резко метнулся в сторону, чтобы взглянуть на нового врага. Этого мгновения хватило Эоситею, чтобы ухватить секача за заднюю ногу и погрузить кинжал в его бок. Кабан вырвался — только Геркулес или Тесей могли бы удержать такого гиганта — и прянул к Таис. Знаменитая танцовщица обладала реакцией амазонки, успела откинуться назад и свалиться по ту сторону каменной плиты. Секач грянулся всей тяжестью о камень, пробороздив на пестрых лишайниках глубокую, забрызганную кровью рытвину. Эоситей, подобрав копье, прыгнул к зверю, который изнемог от раны и позволил себе нанести еще удар, закончивший схватку. Слева раздался победный вопль — это товарищи Эоситея и Менедема справились наконец со своими зверями, да и Менедем прикончил злобную свинью. Спартанцы собрались вместе, отирая пот и грязь, восхваляя Таис, получившую все же два порядочных синяка от падения на камни. Загонщики уже миновали заросль перед поляной, и гон ушел к северу, там, где стояли младшие военачальники. Четверо охотников, сражавшихся на поляне, решили идти к Эвроту, омыться и поплавать после битвы, пока слуги будут разделывать добычу и готовить мясо для вечернего пира. Эоситей посадил Таис на свое широкое, порядком исцарапанное плечо и понес к реке, сопровождае-

мый шутливо-ревнивой Эгесихорой и неподдельно угрюмым Менедемом.

— Смотри, Эоситей, предупредил ли ты наших красавиц об опасных свойствах Эврота, — крикнул Менедем в спину начальнику, широко шагавшему со своей прекрасной ношей. Эллины любили носить обожаемых женщин — это служило знаком уважения и благородства стремлений. Стратег не ответил, и только опустив Таис на землю у самого берега, сказал:

— Эгесихора знает, что Эврот течет из-под земли. В его вершине около Фения в Аркадии, там, где «Девять Вершин», есть развалины города, называвшегося в честь жены Ликаона, пеласга, сына Каллисто. Под девятиглавой горой Ароания есть ущелье страшной глубины, в котором даже летом лежит снег. Из ущелья в горах небольшим водопадом падает на скалу ручей Стикс. Вода его смертельна для всего живого, разъедает железо, бронзу, свинец, олово и серебро, даже золото. Черная вода Стикса бежит в черных скалах, но потом становится ярко-голубой, когда скалы испещряются вертикальными полосами черного и красного — цветами смерти. Стикс впадает в Критос, а тот — в нашу реку и, растворяясь в ней, делается безвредным. Но в какие-то дни, известные лишь прорицателям, струи Стиксова ручья не мешаются с водой Эврота. Говорят, их можно увидеть — они отливают радугой старого стекла. Того, кто пробудет в этой струе некоторое время, ждет Аория — безвременная смерть. Вот почему иногда купанье в нашей реке может причинить беду.

— А как же вы все? Неужели не решаетесь?

— Клянусь Аргоубийцей, мы даже не думаем об этом, — сказал подоспевший Менедем, — всех нас ждет аоротанатос (ранняя смерть).

— Тогда зачем же пугаете нас? — укорила спартанцев Таис, распуская узел ленты под тяжелым пучком волос на затылке. Черные их волны рассыпались по плечам и спине. Будто в ответ Эгесихора выпустила на свободу свои золотые пряди, и Эоситей восхищенно хлопнул себя по бедрам.

— Смотри, Менедем, как хороши они рядом. Золотая и черная, им всегда надо быть вместе.

— А мы и будем вместе! — воскликнула Эгесихора. Таис медленно покачала головой.

— Я не знаю. Я не договорилась еще с Эоситеем о навлоне — цене моего проезда в Египет. У меня не так много серебра, как сплетничают в Афинах. Мой дом там стоил немало.

— Зачем же ты поселилась вблизи Пеларгикона! — сказала Эгесихора. — Я давно говорила тебе...

— Как ты сказала? — невольно рассмеялась Таис.

— Пеларгикона — аистового склона. Так шутя называют лакедемоняне ваш Пеласгикон в Акрополе. Ну, пойдем выше по течению. Я вижу там рощу ив.

Ивы особенно почитались гетерами, как деревья, посвященные могучим и смертоносным богиням Гекате, Гере, Цирцее и Персефоне. Ивы играли немалую роль в колдовских обрядах Богини-Матери в лунные ночи.

Обе гетеры нашли низко нависшие над водой стволы старых деревьев, купавших свои ветви в быстрых светлых струях и как бы занавесивших глубокую заводь. Таис, закрутив натуго волосы, поплыла к другому берегу, оставив позади хуже плававшую и осторожную на воде подругу. Белые водяные лилии набросили покров своих листьев на глубокий омут под берегом, весь залитый полуденным солнцем. Таис с детства любила заросли ненюфар. На темной и глубокой воде они, казалось, скрывали какую-то тайну: обиталище прекрасных нимф реки, утонченную драгоценную вазу или сверкающий перламутр раковины. Когда Таис научилась нырять, то ей понравилось уходить вглубь, под кувшинки, и любоваться хвостатыми ромбиками света на ровном темном дне и зыблющимися солнечными столбиками, просекающими сумрачную воду. И вынырнуть вдруг на ослепительный зной среди поляны блестящей плавающей зелени и цветов, над которыми вьются радужнокрылые стрекозы...

И сейчас, как в детстве, Таис вынырнула средь лилий. Нащупав ногой на дне осклизлый корявый ствол, она стала на него и широко раскинула руки поверх листвы, озираясь вокруг в приливе сил и желания учинить какую-нибудь проказу. Но подруга осталась на правом берегу, воины хохотали и плескались где-то ниже за поворотом реки, а здесь только журчанье струй по камешкам и ветвям нарушало знойную тишину боэдромиона — последнего месяца лета. В подмыве берега чернели гнезда щурок. Красивые, зеленые с золотом птицы уже давно вывели птенцов и научили их летать. Остроносые, нарядные и быстрые щурки сидели в ряд на горизонтальной сухой ветке, греясь на солнце после ночной прохлады. «Скоро, совсем скоро они улетят на юг, в Ливию, откуда появляются каждый год, — подумала Таис, — а еще раньше поплыву туда я». Она оглянулась на тихую, горящую в солнце заводь, железно-зеленую листву старых ив и заметила двух гальцион — зимородков. Она мелькали ярко-синей пестрядью своих коротких крыльев под сломанным деревом. В детстве Таис жила на небольшой реке. Милые воспоминания подступили к ней,

пробежали грустной радостью и умчались вдаль, сменившись последовавшим затем светлым и горьким опытом жизни. Она узнала необъятное море, его власть и мощь, так же как и море жизни. Но оно не страшило молодую гетеру. Полная сил и уверенности в себе, она стремилась дальше в Египет, всегда бывший для эллинов страной мудрости и тайны. Сильными взмахами рук она переплыла Эврот. В протоке, казавшейся сумрачным коридором из деревьев, соединявших свои ветви с противоположных берегов, она не сразу нашла Эгесихору. Спартанка лежала ничком на толстом, почти горизонтальном стволе над водой, распустив свои великолепные волосы по обе стороны дерева, подобно покрывалу золотистого шелка. Ее белая кожа, оберегаемая от загара, отливала молочно-опаловым блеском, свойственным только истинным хризеидам. Таис, смуглая, наперекор аттической моде, с иссиня-черными волосами критянки, выбралась на дерево и в тени показалась сожженной солнцем жительницей южных стран.

— Довольно нежиться, слышишь, нас зовут! — вскричала Таис, сгибая пальцы как когти хищника и угрожающе подбираясь к ступням подруги.

— Не боюсь, — презрительно сказала спартанка, лягнув на всякий случай Таис, которая и так едва удерживалась на стволе и сразу полетела в воду. Не встретив ожидаемого сопротивления, Эгесихора тоже скатилась с дерева и с негодующим воплем: «Волосы! Напрасно сушила!» — окунулась с головой в глубокий омут. Обе гетеры дружно поплыли на берег, оделись и принялись расчесывать друг другу косы.

Солнце стояло уже высоко. Слегка дурманящий запах кипера несся с болотистых берегов.

— Я заметила здесь очень много киуры, — сказала Таис, — видимо, твои сестры не пользуются этим растением.

— Надо послать наших еще собрать и насушить в запас. Не знаю, есть ли что-либо подобное в Египте, — ответила, потягиваясь, Эгесихора.

Купанье, пробудившее детские воспоминания Таис, вызвало приступ грусти. Как бы ни манили далекие страны, надолго покидать родину всегда печально. И афинянка спросила у подруги:

— Скажи, тебе не хотелось бы вернуться в Афины, сейчас, без промедления?

Эгесихора удивленно и насмешливо сощурила один глаз.

— Что тебе взбрело в голову? Меня схватят при первом появлении...

— Мы можем причалить к Фреатто и вызвать туда судилище. — Таис напоминала спартанке о древнем обычае афинян. Каждый изгнанник или беглец мог причалить на корабле к месту берега около Пирея, где находился колодец, и с борта корабля оправдываться перед судом в возведенных на него обвинениях. Место считалось священным, и даже если изгнанник признавался виновным, ему не грозила погоня, пока он был на своем корабле.

— Я не верю в святость этого обычая. Твои соотечественники стали вероломны за последние века, после Перикла, — ответила Эгесихора, — впрочем, я не собираюсь возвращаться. И тебе нечего бояться — мои спартанцы довезут до самого места...

Опасения Таис, что ей не хватит серебра на уплату за проезд, не оправдались. Эоситей позволил (не без участия Эгесихоры) ей взять всех слуг и обещал доставить не до Навкратиса, а прямо до Мемфиса, где в бывшем тирском стратопедоне — военном лагере — должен был разместиться отряд спартанских наемников.

Таис отлично переносила морскую качку. Навсегда запомнился ей энатэ фтинонтос — девятый день убывающего боэдромиона, когда корабль стратега и наварха Эоситея вплотную подошел к берегам Крита. Они плыли, не заходя на Китеру, прямиком по Ионическому морю, пользуясь последними неделями предосеннего затишья и стойким западным ветром. Лакедемонцы всегда были отличными мореходами, а вид их судов внушал ужас всем пиратам Критского моря, сколько бы их ни было. Корабли прошли близ западной оконечности Крита, обогнули Холодный мыс, иначе Бараний лоб, на юго-западе острова, перед чащами дремучих лесов, где по преданиям еще обитали древние демоны. Леса покрывали весь остров, казалось, состоящий из одних гор, почти черных вдали, светлых, белеющих обрывами известняков на побережьях. Критские леса состояли преимущественно из кипариса с горизонтальными ветвями, создававшего суровый темный фон гор и мрак густых рощ. Радостно высоких сосен и тяжковетвистых дубов осталось немного. Тысячелетия строительства кораблей и сельского хозяйства превратили высокоствольные рощи в заросли кустарников барбариса и вишни, а межгорные широкие долины, незаметные с моря, поросли маслинами и виноградниками, полями пшеницы. Корабль Эоситея вошел в широкий, открытый всем южным и западным ветрам Срединный залив. Над ним расположились сразу три древних города, и среди них самый старый, не уступаю-

щий Кноссу, Фест, чье основание тонет во тьме прошедших времен. Перед тем как идти к Прекрасным Гаваням, где надлежало запастись вкусной водой для долгого перехода к Египту, корабли причалили у Маталы. Темные закругленные выступы горных склонов, покрытых лесом, спускались к воде, разделенные серповидными вырезами светлых бухт, сверкающих в солнце пеной наката и колеблющимися зеркалами прозрачной воды. Сияющая синева открытого моря у берегов Крита превращалась в лиловую, а ближе к берегу в зеленую кайму, с упорным равнодушием моря плескавшуюся на источенные черными ямами и пещерками белые известняки.

Туманная синева плоскогорий укрывала развалины громадных построек древности невообразимой. Необхватные тысячелетние оливковые деревья выросли из расселин разбитых землетрясениями фундаментов и лестниц из исполинских камней. Мощные, расширявшиеся кверху колонны еще подпирали портики и лоджии, угрюмо и грозно чернели входы в давно покинутые дворцы. Платаны и кипарисы, поднявшиеся высоко в ясный небосвод, затеняли остатки стен, где из-под обрушенных обломков, там, где уцелевшие перекрытия защищали внутренние росписи, проступали человеческие фигуры в красках ярких и нежных.

У одного из хорошо сохранившихся зданий Таис, повинуясь неясному влечению, взбежала на уцелевшие ступени верхней площадки. Там, в кольце растрескивавшихся колонн, местами сохранивших темные пятна — следы пожарища, — под уложенными ступенчатыми кругами плитами кровли оказался круглый бассейн. Великолепно притесанные глыбы мрамора с зелеными прожилками слагали верхнее кольцо глубокого водоема. Вода просачивалась через пористый известняк, заградивший выход источника, фильтруясь, приобретала особенную прозрачность и стекала по отводной трубе, поддерживавшей постоянный уровень водоема уже в течение многих столетий. Яркая синева неба через центральное отверстие кровли высвечивала голубизной священную воду. Бассейн предназначался для ритуальных омовений жрецов и жриц, перед тем как приблизиться к изображениям грозных божеств — Великой Матери и Потрясателю Земли (Посейдону), погубившему критское царство и великий народ.

Странный запах почудился Таис. Возможно, камни бассейна еще хранили аромат целебных трав и масел, которыми некогда славился Крит. Стены водоема впитали навсегда аромат священных омовений, совершавшихся здесь тысячелетиями...

Таис вдруг сбросила одежду и погрузилась в чуть слышно журчавшую воду, как бы прикоснувшись к чувствам своих далеких предков.

Встревоженный зов Эгесихоры вернул ее к действительности. Неробкая спартанка поддавалась смутному ощущению страха, внушенного величественными развалинами непонятного и неизвестного назначения.

Таис стряхнулась, как жеребенок, оделась и поспешила навстречу подруге.

Эгесихора остановилась около изображения женщины в светло-голубой одежде, с развевавшимися крупными завитками прядями черных волос, и поманила к себе спутников.

Большой глаз, смотревший открыто и лукаво, гордые — чертой — брови, прямой нос, немного длинный и не с такой высокой переносицей, как у эллинов, особая форма рта, соединявшая чувственность с детским очерком короткой верхней губы, чуть выступающая нижняя часть лица...

Эгесихора обняла ладонями необычайно тонкую талию подруги, стянув складки хитона как тугим поясом, и спартанцы с восторгом захлопали в ладоши — если не сестра, то родственница изображенной на стене дворца женщины стояла перед ними в образе Таис.

— Неужели так? — отступая назад, воскликнула гетера.

Странное чувство тревоги проникло в душу Таис. Слишком велика была древность смерти, откуда выступила эта критская женщина, слишком давно ушли в подземное царство те, кто строили эти дворцы, писали портреты красавиц, сражались с быками и плавали по морям.

Неисчислимая, невообразимая чаша ушедших лет, сравнимая лишь с Египтом.

Таис поспешила на солнечный свет, зовя за собой притихших спутников и смущенную, словно она заглянула в запретное, Эгесихору.

На южном берегу Крита солнце заливало землю ослепительным светом, но не было дивной прозрачности воздуха, свойственного Элладе. Голубоватая дымка задергивала дали, и зной казался злее и сильнее, чем на аттических берегах.

По слабо всхолмленному плоскогорью от развалин протянулась полоса каменных плит, углубившихся в почву, заросших высокой сухой травой и покрытых лишайниками. В конце этой древней дороги, там, где она, скрываясь во впадине, снова показывалась на ближайшем возвышении, стояла громадная глыба, а на ней высеченный из очень крепкого камня символ — высокие бычьи рога. Словно один из

подземных быков Посейдона начал выбираться на поверхность и выставил свои исполинские рога. В них было нечто зловещее, напоминавшее людям, что они — всего лишь эфемерные обитатели Геи и ходят по зыбкой почве, под которой гнездятся, зреют и готовятся к ужасным потрясениям невидимые стихии.

Длинные тени пролегли от рогов и протянулись к Таис, стараясь захватить ее между своими концами. Так, должно быть, священные пятнистые быки Крита нацеливались на девушек — исполнителей ритуального танца-игры. Гетера быстро прошла между полосами теней до залитой солнцем вершины второго холма, остановилась, посмотрела кругом и всем своим существом поняла, что земля ее предков — это область мертвых, стертых временем душ, унесших свои знания, мастерство, чувство красоты, веры в богов, песни и танцы, мифы и сказки в темное царство Аида. Они не оставили после себя ни одного надгробия, подобного эллинским, в которых лучшие ваятели отражали живую прелесть, достоинство и благородство ушедших. Глядя на них, потомки стремились быть похожими на предков или превзойти их. Таис не могла забыть чудесные надгробия Керамика, посвященные молодым, как она сама, женщинам, вроде столетней давности памятника Гегесо, сохранившего образ юной женщины и ее рабыни. А здесь не было видно некрополей. Замкнувшись на своем острове, не доступном в те времена никому, древние критяне не передавали своего духовного богатства окружавшим народам.

Богоравные дети моря, они закрыли свой остров завесой морской корабельной мощи, не опасаясь нападений диких народов.

Никаких следов укреплений не видела Таис, не описывали их и путешественники. Прекрасные дворцы у самых гаваней, богатые города и склады, настежь открытые морю и не защищенные с суши, наглядно говорили о силе морского народа.

Непостижимо прекрасное искусство критян совсем не изображало военных подвигов. Образы царей-победителей, избиваемых жертв, связанных и униженных пленников отсутствовали во дворцах и храмах.

Природа — животные, цветы, морские волны, деревья, и среди них красивые люди, преимущественно женщины, жертвоприношения и игры с быками, странные звери, не виданные ни в Элладе, ни на финикийских побережьях. Высота их вкуса и чутья прекрасного удивляла эллинов, считавших себя превыше всех народов ойкумены.

Легкая, радостная живопись, полная света и чистых красок. Изваяния, посвященные женщинам, зверям и домашним животным, удивительные раковины, сделанные из фаянса, и... никаких могучих героев, размахивающих мечами, вздымающих тяжкие щиты и копья.

Разве была еще где-нибудь в мире такая страна, отдавшая все свое искусство гармонической связи человека и природы, и прежде всего женщине? Могущественная, древняя, существовавшая тысячелетия? Разве не знали они простого закона богов и судьбы, что их нельзя искушать длительным процветанием, ибо следует расплата, страшное вмешательство подземных божеств? Вот боги и покарали их за то, что дети Миноса забыли, в каком мире они живут.

Обвалились великолепные дворцы, пронизанные каскадами и бассейнами с хрустальной водой, остались навсегда непрочитанными письмена, утратили свой смысл фрески тончайшей живописи. И заселили остров чужие племена, враждующие между собой и со всеми другими народами, которые так же относятся к истинным обитателям Крита, как варвары гиперборейских лесов к эллинам и их предкам пеласгам.

Спартанцы шли позади задумчивой Таис, не решаясь нарушить ее размышления, слегка суеверно взирая на нее. А Таис, спускаясь к побережью, продолжала думать.

Неужели и солнечная красота, созданная и собранная Элладой, тоже исчезнет в Эребе, как сверкающий поток исчезает в неведомой пропасти? И Египет, куда она так стремится, — не будет ли он тоже царством теней, растворяющихся в новой жизни памятью о былом? Не поступила ли она легкомысленно, оставив Элладу?

Что ж, назад путь не закрыт, в Афинах остался ее дом и...

Таис не додумала. Беззаботно тряхнув головой, она побежала вниз по вьющейся меж горных отрогов тропинке, не слушая удивленных спутников. Она остановилась только в виду бухты с мерно качавшимися кораблями. Скоро великое море разделит ее и все то родное, что осталось в Элладе. Единственно близким человеком с ней будет Эгесихора — подруга с Коринфской школы гетер, полудетских грез и взрослых разочарований, спутница великолепного успеха...

Кормчий говорил, что до берега Либии отсюда четыре тысячи стадий. И еще плыть тысячу стадий вдоль берегов до Навкратиса. При благоприятном ветре дней десять пути. На других кораблях египтяне повезут их по одному из русел великой дельты Нила. Не меньше тысячи стадий надо проплыть до Мемфиса, вверх по реке.

Афродита Эвплоя — богиня моряков — была милостива к Таис необыкновенно. Очень редко в конце боэдромиона стояла погода, похожая на гальционовые (зимородковые) дни перед осенним равноденствием. В самую середину шумноширокого моря вошли корабли, когда безветрие вдруг сменилось знойным и слабым нотом. Гребцы выбились из сил, гребя против ветра, и Эоситей велел отдохнуть до вечера, щадя силы свободных воинов. Он не взял рабов, чтобы корабли вместили весь большой отряд.

На синей, распыляющейся вдали голубой дымкой поверхности моря ходили плавные волны мертвой зыби, раскачивавшей остановленные корабли словно уток на ветреном озере. С ливийских берегов дул несильный, но упорный горячий ветер, приносивший сюда, за две тысячи стадий на середину моря, дыхание яростных пустынь. Такое же расстояние отделяло корабли и от критских берегов. Эгесихора с легкой жутью вглядывалась и темно-синие впадины между волнами, стараясь представить себе страшную, никем не измеренную бездну морской глубины. Таис несколько раз лукаво поглядела на подругу, распаренную и утратившую свой обычный вид победоносной богини. На палубе, под навесом и в трюме, на запасах еды и вооружения, лениво разлеглись люди. Другие, более крепкие или более нетерпеливые, стояли, прислонившись к ивовым плетенкам над бортами, и пытались найти прохладу в веянии ливийского нота, под легким напором которого корабли едва заметно отступали назад, к северу.

Хмурый начальник Эоситей, недовольный задержкой, сидел в кресле на корме. Около него в различных позах развалились на тростниковой циновке его помощники, подобно простым воинам снявшие с себя всякую одежду.

Таис незаметно поманила Менедема.

— Ты можешь подержать мне весло? — И объяснила недоумевающему атлету, что она хочет сделать. Менедем втащил огромное весло поглубже в отверстие уключины, чтобы его лопасть стала перпендикулярно борту. Под удивленными взглядами всех находившихся на палубе Таис сбросила свой последний покров, прошла по обводному брусу снаружи, держась за плетеную стенку, ступила на весло, немного постояла, примеряясь к размахам качки, и вдруг оттолкнулась рукой от борта. С ловкостью финикийской канатоходки Таис пробалансировала на весле, мелкими шагами пробежала до конца и бросилась в воду, скрывшись в глубине темно-цветной маслянистой волны.

— Она сошла с ума! — крикнул Эоситей, а Гесиона с горестным воплем кинулась к борту. Черная голова Таис, туго обтянутая традиционной лентой лемнийской прически, уже появилась на вершине волны. Гетера поднялась из воды, посылая смотревшим на нее спартанцам поцелуй и звонко хохоча. Эоситей, забывший о лени, удивленно вскочил и подошел к борту в сопровождении Эгесихоры.

— Это еще что такое? Уж не дочь ли самого Посейдона твоя черноволосая афинянка? Ее глаза не голубые, однако!

— Не нужно искать потомков богов среди нас, смертных, — засмеялась спартанка, — ты видел ее таинственное сходство с теми, кто покинул критские дворцы тысячу лет тому назад? От матери-критянки в ней возродились ее предки. Критянин Неарх рассказывал мне, что они нисколько не боятся моря.

— Мы, спартанцы, тоже владеем морским искусством лучше всех других народов!

— Но не критян! Мы боремся с морем, опасаемся его, избегаем без крайней нужды его коварных объятий, а критяне дружат с морской стихией и всегда готовы быть в нем, в радости и в печали. Они понимают его, как любовника, а не изучают, как врага.

— И все это тебе открыл Неарх? Я что-то слышал, будто вы обменялись клятвой Трехликой Богини? Он бросил тебя, как ненужную игрушку, и ушел в море, а ты ночами рыдала на берегу. Если мы встретимся...

Начальник воинов не кончил, встретившись с потемневшим взглядом гетеры. Она вскинула голову, раздув ноздри, и вдруг рванула головную повязку, сбросив на спину всю массу своих золотых волос. Едва она поднесла руки к застежкам хитона, как Эоситей остановил ее.

— Что ты хочешь делать, безумная?! Ты плаваешь хуже Таис и...

— И все же последую за ней, доверяясь критскому чутью, если никто из храбрых моих соотечественников не может одолеть своего страха. Они больше любят сплетничать, как афиняне!

Эоситей подпрыгнул, как от удара бичом, метнул на свою возлюбленную яростный взгляд и, не сказав ни слова, ринулся за борт. Огромное тело спартанца упало неловко в провал между волнами, издав тупой и громкий всплеск. Он попал серединой тела между волнами, поневоле изогнулся и ударился животом так, что, несмотря на всю свою мощь, потерял дыхание и скорчился от боли. Таис, издалека наблюдавшая сцену между подругой и начальником, стрелой скользнула под вол-

нами, крепко прижав руки к бокам, на помощь Эоситею. Она поняла, что лаконский начальник, хоть и отличный пловец, не умеет прыгать с высоты в волнующееся море. Эоситей, оглушенный и опрокинутый волной, почувствовал, что его подтолкнули из глубины под плечи. Голова его очутилась на гребне встающего вала, он набрал воздуха и опомнился, увидев рядом веселое лицо Таис. Рассерженный на собственную неловкость, еще острее уязвившую его при воспоминании о великом пловце Неархе, спартанец оттолкнул протянутую руку афинской гетеры, окончательно справился с собой и поплыл прочь, с каждым взмахом рук все увереннее. С боевым кличем следом за начальником с его корабля и других в шумящую синюю воду посыпались десятки тел.

— Лови ее! — кричали воины, строясь в цепочку наподобие невода и окружая Таис, будто легендарную морскую нереиду. Афинянка, легко скользя, уплывала все дальше, а воины резкими взмахами рук и сильными ударами ног старались догнать ее. Эоситей, охладившись в море, снова стал энергичным навархом.

— Остановите ее! Шалая девчонка перетопит моих воинов! — завопил он, поднимаясь над водой и делая энергичные жесты, приказывал Таис вернуться. Она поняла и повернула назад прямо в полукруг гнавшихся за ней спартанцев. Те остановились, поджидая, чтобы с торжеством схватить беглянку. Под ликующие крики Таис оказалась в тесном кольце преследователей, десятки рук протянулись со всех сторон, и тут гетера исчезла. Воины заметались, ныряя в разные стороны, но Таис, нырнувшая глубже всех, успела проплыть под водой четверть стадии и появилась далеко за линией преследователей. Пока они поворачивали и набирали скорость, афинянка была уже у корабля, уцепившись за брошенный канат. Менедем вытащил ее на палубу, к разочарованию «охотников». В довершение позора многие из пловцов ослабели в погоне и борьбе с волнами, и их пришлось поднимать на корабли при помощи лодок. Эоситей, запыхавшийся, усталый, но не злой, вылез по сброшенной ему лестнице и первым делом подошел к афинянке, которую Гесиона уже обернула простыней, осушая волосы египетским полотенцем.

— Тебя следовало бы оставить посреди моря! — воскликнул лакедемонянин. — И клянусь Посейдоном, в следующий раз я принесу ему эту жертву!

— И ты не побоишься мятежа? — спросила Эгесихора, вступаясь за подругу. — Впрочем, я уверена, что она приплывет верхом на дельфине впереди нас. Вот они, явились, —

спартанка показала на белые пятна пены, сопровождавшие мельканье стремительных черных тел, привлеченных игрой своих собратьев — людей на воде.

— Где научилась она так плавать? — буркнул Эоситей. — И еще ходить по веслу в качку — это потруднее, чем по канату!

— Нас всех учили искусству равновесия в школе гетер Коринфа — без этого нельзя исполнять танец священных треугольников. А искусство плавать — так плавать не научишься, надо родиться нереидой...

Гесиона, осторожно массируя голову Таис, робко выговаривала ей, упрекая в искушении судьбы.

— И как не боишься ты, госпожа, предстать обнаженной перед таким сборищем воинов. Они ловили тебя как дельфина! — закончила девушка, оглядываясь кругом и как бы опасаясь нового нападения.

— Если вокруг тебя много истинно храбрых и сильных мужчин, ты можешь считать себя в полной безопасности, — смеясь, отвечала ей гетера, — они ведь эллины, и особенно спартанцы. Запомни это, пригодится. Кроме всего, помни, что мужи обычно застенчивее нас. Если мы следуем обычаям, то оказываемся гораздо смелее, а они смущаются.

— Почему же именно спартанцы?

— Потому что спартанцы — гимнофилы, как тессалийцы в противоположность гимнофобам — вам, беотийцам, македонцам. Тут спартанцы стоят против моих афинян, как в Ионии эолийцы против лидийцев.

— Про эолийцев я читала. У них даже наш месяц Мунихион называется Порнопионом.

— Впрочем, все эллины не считают одежду признаком благовоспитанности. А спартанцы и тессалийцы взяли обычаи и законы древних критян. У тех появляться нагими на праздниках и пиршествах было привилегией высшей аристократии.

— Наверное, отсюда родилась легенда о тельхинах — демонах обольщения, до сих пор живущих на Крите и в глухих местах Ионии?

— Может быть, мне только кажется, что нагота в Египте была вначале уделом подневольных людей и рабов, в Ионии — нравом сильных, на Крите — привилегией царей и высшей аристократии, в Элладе — богов... Пойдем за нашу загородку, мне хочется отдохнуть после моря. Клонария разотрет меня.

— Я, госпожа, позволь мне!

Таис кивнула, закутанная в простыню, удалилась в крошечное отделение под рулевой палубой, отведенное ей, Эгесихоре и их рабыням.

Растирая Таис душистым маслом, Гесиона спросила, вновь возвращаясь к беспокоившей ее теме.

— А египтяне, они кто: гимнофилы или нет?

— Гимнофилы, самые древние из всех народов. А вот слыхала ли ты об Афродите Книдской?

— Той, что изваял Праксителъ, твой соотечественник?

— Он создал две статуи Афродиты с одной и той же модели, гетеры Фрины, одетой в пеплос и нагой. Обе одновременно выставил для продажи. Одетую купили строгие правители острова Коса, а совершенно нагую за одинаковую цену взяли жители Книда. Она стояла в открытом алтаре, светясь желтовато-розовым мрамором своего тела, и, говорят, сама Афродита, спустившись с Олимпа в храм, воскликнула: «Когда же это Праксителъ видел меня голой?»

Прозрачная поверхность статуи придавала ей особое сияние, окружая богиню священным ореолом. Уже много лет поэты, художники, цари и военачальники, ремесленники и земледельцы переполняют корабли, идущие в Книд. Афродита Книдская почитаема несравненно больше Косской, ее изображение выбито на монетах. Какой-то царь предлагал за статую простить все долги острова, но книдцы отказались.

Славу Праксителя разделила его модель — гетера Фрина. Благодарные эллины поставили ее портретную статую из покрытой золотом бронзы на лестнице, ведущей к святилищу Аполлона в Дельфах.

Такова сила божественно прекрасной наготы, и ты не опасайся гимнофилов. Именно они — настоящие люди!

Глава чертвертая
ВЛАСТЬ ЗВЕРОВОГОВ

В Мемфисе, называвшемся египтянами Весами Обеих Земель, было много эллинов, издавна живших здесь. Таис полюбила этот город, стоявший на границе Дельты и Верхнего Египта, вне дождливой зимы низовий Нила и летнего зноя южной части страны, один из самых старых городов древней земли.

Греки Мемфиса, в особенности молодежь, были взбудоражены приездом двух красавиц из Афин и осаждали гетер нескончаемыми предложениями хотя бы краткого союза. Однако вскоре выяснилось, что царственная спартанка прочно связана с начальником лаконских наемников и не увлечена ничем и никем, кроме своих неслыханно быстрых лошадей.

Впервые здесь видели женщину, управлявшую тетриппой. Молодые египтянки поклонялись Эгесихоре почти как богине, видя в ней олицетворение той свободы, которой они были лишены даже в самых знатных домах.

Юноши, художники, музыканты и поэты пытались завоевать сердце Таис, посвящая ей стихи и песни, умоляя стать моделью, но афинянка появлялась везде или в паре с Эгесихорой или в сопровождении застенчивого богатыря, при одном взгляде на которого отпадала охота с ним соперничать. Таис соглашалась выступать на симпозионах как танцовщица, покидая их, когда общество становилось буйным от сладкого вина Абидоса. Гораздо чаще она оставляла Мемфис для поездок в знаменитые города и храмы, спеша познакомиться со страной, множество легенд и сказок о которой с детства прельщало эллинов. С беспечностью, удивлявшей Эгесихору и Гесиону, продолжавшую считать себя рабыней Таис, она не спешила обзавестись богатым любовником и тратила деньги на путешествия по стране.

Мнема, мать всех муз, прибавила для Таис к дарам Афродиты еще великолепную память. Память, вбиравшая в себя все подробности мира, неизбежно породила любознательность, подобную той, какой обладали знаменитые философы Эллады. Сколько бы ни встречала Таис нового и необычного в Египте, столь отличавшегося от греческого мира, первое впечатление во время плавания от моря по дельте и первых дней, проведенных в Мемфисе, не изменилось. Перед Таис упорно возникало одно из ярких воспоминаний детства. Мать привезла ее в Коринф, чтобы посвятить храму Афродиты и отдать в школу гетер.

В раскинувшемся у подножия огромной горы городе стояла сильная жара. Маленькой Таис очень хотелось пить, пока они с матерью поднимались в верхнюю часть Коринфа. Навсегда запомнилась очень длинная узкая галерея — стоя, ведшая к священному источнику, знаменитому на всю Элладу. В полоске тени внутри галереи веял слабый ветерок, а по обе стороны высокое солнце обрушивало на каменистые склоны море света и зноя. Впереди, под круглой крышей, державшейся на двойных колоннах, ласково журчала, переливаясь, чистая и прохладная вода. А дальше, за бассейнами, где начинался крутой отрог, слепил глаза отраженный свет. Жар и запах накаленных скал был сильнее влажного дыханья источника. Это видение далекого детства слилось у Таис с общим впечатлением от новой страны — Египта. Галерея воды и зелени между двумя пылающими пустынями, протянувшаяся вдоль

на десятки тысяч стадий, — расстояние колоссальное для небольших стран Эллады.

Сады и храмы, храмы и сады, ближе к воде — поля, а с внешнего западного края этой полосы жизни — бесконечные некрополи — города мертвых с неисчислимыми могилами. Здесь не было памятников, но зато строились дома усопших, размерами в обычное жилье человека — для богатых и знатных, и собачью конуру — для бедняков и рабов. И уж совсем чудовищны и подавляющи оказались три царские гробницы — пирамиды, с титаническим сфинксом в семидесяти стадиях ниже Мемфиса по реке. Таис, конечно, слышала много рассказов об усыпальницах фараонов, но не могла вообразить их подлинного величия. Геометрически правильные горы, одетые в зеркально полированный камень, уложенный так плотно, что следы швов между отдельными глыбами едва были заметны. В утренние часы каждая из больших пирамид отбрасывала в серое небо вертикальную колонну розового света. По мере того как поднималось солнце, зеркальные бока каменных громад горели все ярче, пока в полуденные часы пирамида не становилась звездой — средоточием четырех ослепительных лучей света, крестообразно расстилавшихся над равниной на все стороны мира. А на закате над могилами фараонов снова вставали широкие столбы красного закатного пламени, вонзавшиеся в лиловое вечернее небо. Ниже их резкими огненными лезвиями горели правильные ребра усыпальниц царей — богов Черной Земли, как называли египтяне свою страну. Эти ни с чем не сравнимые творения казались делом рук титанов, хотя знающие люди уверяли Таис, что пирамиды построены самыми обыкновенными рабами, под кнутом и на скудной пище.

— Если человека крепко бить, — цинично усмехаясь, рассказывал гелиопольский жрец, знаток истории, — он сделает все, что покажется немыслимым его потомкам.

— Я поняла так: чем больше битья в стране, тем величественнее ее постройки. Самые большие постройки в Египте — значит, здесь людей били крепче всего, — недобро сказала Таис.

Жрец остро глянул и поджал губы.

— А вы, эллины, разве не бьете своих рабов?

— Бьем, конечно. Но те, кто много бьет, пользуются недоброй славой и на самом деле низкие люди!

— Ты хочешь сказать, женщина... — злобно начал жрец.

— Ничего не хочу! — быстро возразила Таис. — В каждой стране свои обычаи, и надо долго жить в ней, чтобы понять.

— Что же ты не понимаешь?

— Великую сложность власти. У нас все просто — или свободен, или раб. Если свободен, то или богат, или беден, или человек, славный искусством, знаниями, воинской или атлетической доблестью. А у вас каждый свободный на какую-то ступеньку выше или ниже другого. Одному что-то позволено, другому меньше, третьему совсем ничего, и все преисполнены зависти, все таят обиду. Кажется, будто здесь только рабы, запертые между двух пустынь, как в большой клетке. Я почти не видела людей, бывавших в других странах ойкумены. Правда, я здесь недавно.

— Ты наблюдательна, эллинка, даже слишком, — угроза чуть скользнула в словах жреца, говорившего по-гречески с легким прищелкиванием. — Я лучше удалюсь.

Храмы Египта поразили воображение Таис резким контрастом с Элладой.

Каждый греческий храм, за исключением разве самых древних, стоял на возвышенном месте, открытый, легкий и светлый, как бы улетавший в пространство моря и неба, или сливавшийся с ароматным воздухом и шумом деревьев священных рощ. Изваяния богинь, богов и героев привлекали к себе неодолимым волшебством красоты. Грань, отделявшая богов от смертных, казалась совсем узкой. Верилось, что боги, склоняясь к тебе, внимают мольбам и вот-вот сойдут со своих пьедесталов, как в те легендарные времена, когда они одаряли вниманием всех людей, от земледельцев до воинов, а не только общались со жрецами, как ныне.

Храмы Египта! Сумрачные, стиснутые толстыми стенами, чащей массивных колонн, исписанных и исчерченных множеством рисунков и знаков. Святилище укрывало от просторов земли и неба, от ветра и облаков, журчанья ручьев и плеска волн, от людских песен и криков. Мертвое и грозное молчание царило в храмах, незаметно переходивших в подземелья. С каждым шагом мерк умирающий свет, сильнее сгущался мрак. Таис чувствовала себя погружающейся во тьму прошедших веков. Если в храмах Эллады тонкая грань отделяла смертного от обитателей светоносной вершины Олимпа, то здесь чудилось, — всего один шаг до царства Аида, где, потерянные во мраке, с незапамятных времен бродят души умерших. Это ощущение бесконечной ночи смерти угнетало юную женщину. Протестуя всем существом, Таис устремлялась прочь, к свету и жизни. Но входы и дворцы стерегли ряды страшных в своей повторяемости и сверхъестественной жизни статуи львов с человечьими или бараньими головами. Образ

сфинкса — ужасной душительницы из мифов Эллады — здесь, в Египте, приняв мужское обличье, стал излюбленным символом власти и силы. Не только сфинксы — все боги Египта, вплоть до самых высших, носили облик зверей и птиц, изображаясь к удивительном смешении человеческих и животных черт. Таис давно видела египетские амулеты, статуэтки и драгоценности, но всегда думала, что египтяне хотели выразить в образе животного лишь особенное назначение талисмана или безделушки. На деле оказалось, что лишь в редких случаях боги на фресках и статуях носили человеческое обличье. Гораздо чаще верующие склонялись перед полулюдьми-полузверями или птицами, иногда уродливыми до гротеска, подобно бегемотообразной Туэрис. Бегемоты и крокодилы внушали Таис отвращение и страх, воздавать же им божеские почести казалось афинянке отвратительным. Некрасивы были и шакалоголовый Анубис, Тот с длинным клювом Ибиса, злая львица Сехмет, корова — Хатор, баранье воплощение Хнума. Огромные изваяния хищных птиц — коршун Ра и сокол Гор, какими их изображали в самые древние времена, производили куда более величественное впечатление. Сложная иерархия богов осталась столь же непонятной афинянке, как и множество чинов и званий в общественных отношениях египтян. В каждом мало-мальски значительном городе главенствовал свой бог, а большие храмы, владевшие огромными землями и множеством рабов, также отдавали предпочтение одному из сонма божеств, за тысячелетия существования страны много раз сменявших свое главенство.

Больше всего удивляло Таис звероподобие богов у народа, перед мудростью и тайными науками которого эллины преклонялись. Она знала, что в Саисе учились великие мудрецы Эллады — Солон, Пифагор и Платон, почерпнул огромные знания Геродот. Как же мог житель Египта склоняться перед чудовищами вроде крокодила — бессмысленной и гнусной твари, не способной ни на что, кроме пожирания? Неужели нельзя было выразить характер бога иначе, чем насадив на человеческое тело голову шакала или ястреба? Если бы египтяне не были столь искусными художниками, кто-нибудь мог подумать о неумении иными способами выразить дух божества.

Но вскоре Таис увидела и живое божество — священного быка Аписа — воплощение Пта — главного бога Мемфиса. Руководствуясь двадцатью девятью признаками, жрецы находили Аниса среди тысяч быков, мирно пасшихся на лугах страны, и воздавали ему до самой смерти божеские почести.

Затем искали новое воплощение, а умершего бальзамировали, подобно другому живому богу — фараону. Мумии священных быков погребали в огромном храме — Серапейоне, охраняемом сотнями каменных сфинксов. По таблицам, начертанным на стенах погребальных камер, можно было проследить множество поколений богов-быков со столь древних времен, что Серапейон был уже наполовину засыпан песками.

Поклонение черному быку с белым пятном на лбу и теперь процветало в Мемфисе. Греки пытались очеловечить культ Аписа, слив его в одно божество с Озирисом, под именем Сераписа, потому что религия эллинов далеко ушла от первобытного зверобожия. Даже на Крите, древностью почти равнявшемуся с Египтом, гигантские священные быки почитались лишь как символы Посейдона. Их убивали, принося в жертву на алтарях или игровых площадках. Здесь же Апис считался настоящим божеством, как мерзкий крокодил или воющий по ночам камышовый кот. Для Таис это не совмещалось с укоренившейся верой в особенную мудрость египтян. Разочарованная афинянка осмелилась высказать свои сомнения главному жрецу Пта на приеме эллинских поклонников Сераписа. Ее молодой задор заставил сделать неосторожный шаг. Она искусно парировала возражения главного жреца, еще далеко не старого и также загоревшегося азартом спора. Она выразила резкое отвращение к Себеку — богу-крокодилу. Двое служителей этого бога, присутствовавшие при споре, возмутились. Афинянка застыдилась. В Коринфе ее воспитывали в уважении к религиям восточных стран, но последующая жизнь в Афинах посеяла в ней презрение ко всему чуждому и непонятному для эллинов. Таис не подозревала, как тяжко ей придется расплатиться за несвойственное ей выражение афинского превосходства над всей остальной ойкуменой.

Она уговорила Эгесихору поехать в ном Белой Антилопы вверх по Нилу, чтобы посмотреть второе чудо света, описанное Геродотом, — египетский Лабиринт. Подруга отказалась наотрез, и Таис отправилась в сопровождении Гесионы и верного Менедема, отпущенного стратегом по особой просьбе Эгесихоры.

Они плыли недолго, всего четыреста стадий вверх по реке и около сотни в сторону знаменитого озера Мерида. В это время года соединительный канал и рукав реки заполнялись илом, а подъездная дорога размокала. Таис со спутниками пришлось оставить судно и продираться по мелководью в легкой лодке, лавируя между зарослями тростников.

К счастью, в это осеннее время отсутствовали комары — бич речных зарослей и озер Египта.

Переводчик — мемфисский грек, нанятый на поездку, — тревожно оглядывался, уверяя, что здесь, в окрестностях Крокодилополиса, великое множество зухосов — злобных воплощений бога Себека и некоторые из них — чудовища по двадцать локтей в длину. В озере будто бы есть живущие с незапамятных времен два серых крокодила по тридцать локтей.

Менедем наивно осведомился, почему за столько лет не убили вредных чудовищ. Он узнал, что если во время неожиданных спадов воды крокодилы, особенно молодые, гибнут, завязая в пересыхающем иле, их трупы бальзамируют. Целые склады крокодиловых мумий хранятся в особых помещениях храмов Себека в Крокодилополисе, древнем Хетеп-Сенусерте и даже в Лабиринте.

Как ни спешили лодочники доставить путников к Лабиринту пораньше, чтобы осмотреть его дотемна, они прибыли к Лабиринту в середине дня. На священной земле чужеземцам не позволяли ночевать, а лишь в ксеноне — гостинице — в восьми стадиях к северу, на том же перешейке между озером-болотом и рекой, где стояли Лабиринт и две пирамиды. Ученый жрец из Гераклеополиса сказал Таис, что Лабиринт воздвиг, как заупокойный храм себе, Аменемхет Третий. Великий фараон умер, по исчислению жреца, за четыреста лет до разрушения Кносса и воцарения Тесея в Афинах, за шесть веков до Троянской войны и за полтора тысячелетия до рождения самой Таис.

Немудрено, что неробкая гетера вступила с особым чувством в бесконечные анфилады комнат Лабиринта, примыкавшего к белой пирамиде, вдвое меньшей, чем три Мемфисские. Огромный коридор разделял Лабиринт на две половины. Стены коридора были украшены изумительными росписями, яркие краски которых ничуть не поблекли за пятнадцать веков. Здесь не было обычных канонических фигур богов и фараонов, принимавших дары, избивавших врагов, унижавших пленников. Сцены быта совсем естественные, написанные с поразительной живостью и в то же время изяществом. Охота, рыбная ловля, купанье, сбор винограда, пастьба животных, танцы и праздничные собрания с музыкантами, акробатами и борцами. Таис словно очутилась в Египте того времени, запечатленном талантливыми художниками по повелению мудрого царя.

Таис, Менедем и Гесиона без устали бродили из зала в зал, между белых колонн, покрытых рельефными изображениями в

обычном египетском стиле, по расписанным коридорам, по комнатам, украшенным фризами и орнаментами необычайной красоты: синими зигзагами, белым и лиловым узором, похожим на груботканые ковры, еще более сложными многокрасочными росписями. Утомленные глаза отказывались разбираться в хитросплетениях спиралей, завитков колес с двенадцатью спицами, сказочных лотосов с красными чашами на высоких стеблях. Искусно сделанные прорези под каменными плитами потолков давали достаточно света, чтобы не пользоваться факелами в верхних помещениях Лабиринта. По словам переводчика, верхней части храма соответствовал такой же лабиринт нижних помещений, где хранились мумии священных крокодилов и таились особенно интересные древние святилища, расписанные изображениями ныне уже исчезнувших животных — гигантских гиен, бориев и единорогов. Священнослужитель, ведший их по Лабиринту, отказался спуститься с эллинами вниз, пояснив это древним запретом, существовавшим для чужеземцев. День начал меркнуть. В залах и особенно в коридорах стемнело. Пора было выбираться из тысячекомнатного строения. Жрец повел их к выходу, и усталые путешественники охотно подчинились. Недалеко от северной главной лестницы в широкие прорези стен свободно проникал вечерний красноватый свет. Таис остановилась, чтобы рассмотреть рельефное изображение молодой женщины, высеченное в желтоватом камне с необычайным даже для Египта искусством. Одетая в тончайшее, прозрачное одеяние, завязанное узлом под обнаженной грудью, женщина держала неизвестный для афинянки музыкальный инструмент. Ее лицо, обрамленное густой сеткой схематически изображенных волос, обладало эфиопскими чертами и в то же время таким благородством, какого Таис не видела и у знатнейших египтянок. Пока гетера размышляла, к какому народу причислить древнюю музыкантшу, ее спутники прошли вперед. Легкое прикосновение к обнаженной руке заставило ее вздрогнуть. Из темного прохода появилась женщина в обычной для египтянок белой полотняной столе — длинной одежде. Позади нее стоял жрец в ожерелье из синих фаянсовых и золотых бус. Он встряхнул стриженой головой и прошептал на ломаном языке: «Вниз, туда, можно, я проведу». Таис подошла к женщине, которая не выходила из полумрака, согласно кивнула и обернулась, чтобы позвать Менедема и Гесиону. Те дошли уже до конца галереи. Но только Таис раскрыла рот, как сильные руки обхватили ее сзади, набросили на лицо тряпку, заглушили крик. Таис отбивалась отчаянно и уже вырвалась от неве-

домых врагов, когда к ним прибыло подкрепление. Еще несколько рук скрутили извивавшуюся гетеру и, полузадохнувшуюся, потащили куда-то. В молчании Таис слышала только тяжелое дыхание несших ее людей и шарканье босых ног по песку на плитах пола. Или ступенях? Как будто бы ее несли под спуск — если так... Таис забрыкалась с удвоенной силой. Державшие ее люди оступились. С яростными возгласами куча людей с гетерой в середине покатилась по крутым ступеням. К счастью, Таис упала на кого-то, глухо крякнувшего от боли. Афинянку связали полосами из ее же разорванной одежды, и она сдалась, позволив без сопротивления тащить себя дальше. Тряпка, накинутая на голову, немного сползла с одного глаза. Таис могла бы проследить, куда ее волокли, если бы не полнейший мрак вокруг. Похитители, очевидно, знали дорогу и рысцой спешили в беспросветную тьму, не нуждаясь в факелах.

Один раз они остановились. Опустив Таис на холодный и влажный каменный пол, посовещались и куда-то ушли. Таис попыталась избавиться от пут, но недвусмысленный укол кинжала утихомирил разъяренную гетеру. Ее сторожили до возвращения людей. Позвякивая чем-то, они подняли ее и потащили дальше. Слабый свет рассеивал мрак впереди, запахло влажной травой и водой. Похитители наконец сорвали душившую ее тряпку и по-прежнему молча подтащили к каменной стене. Впереди, не далее полуметра, в последних лучах зари блестела неподвижная темная вода. Обретя возможность говорить, Таис гневно и удивленно спрашивала похитителей на койне и ломаном египетском, чего они хотят от нее. Но темные фигуры — их было шесть, все мужчины с неразличимыми против скудного света лицами, — упорно молчали. Заманившая Таис женщина куда-то исчезла.

Афинянку поставили на ноги, прижав к стене, освободили от пут и заодно содрали остатки ее одежды. Таис еще раз пыталась обороняться и получила удар в живот, лишивший ее дыхания. Похитители распутали звенящие предметы, которые принесли с собой, — тонкие, но крепкие ремни с пряжками как на конской сбруе. Запястья Таис привязали к вделанным в стену кольцам на уровне груди, обвили талию и, пропустив ремень между ног, притянули к скобе за спиной. Отступив на два шага, они молча осмотрели свою жертву. Полная недоумения, гетера снова стала спрашивать, что они собираются с ней делать.

Тогда один из людей медленно приблизился. По голосу Таис узнала жреца, бывшего вместе с женщиной и говорившего на койне.

— Братья велели тебя, богохульствовавшую в собрании, поставить перед лицом бога. Да познаешь ты его мощь и склонишься перед ним в свой последний час!

— Какого бога? О чем говоришь ты, злодей?

Жрец не ответил, повернулся спиной и сказал несколько непонятных слов своим товарищам. Все шестеро прошли по направлению к воде, опустились на колени и подняли руки со странными извивающимися жестами. Из громких, произнесенных нараспев наподобие гимна слов Таис поняла лишь «о Себек... приди и возьми...», но и этого было достаточно. Внезапная догадка заставила ее онеметь, почти теряя сознание. Опомнившись, она закричала, хрипло и слабо, потом все сильнее и звонче; призывая на помощь Менедема, любых людей, неподвластных этим темным фигурам, склоненным у воды в торжественном песнопении. Как бы послушавшись зова, жрецы встали. Говоривший по-гречески сказал:

— Кричи громче, Себек услышит. Придет скорее. Тебе не придется мучиться ожиданием.

В словах жреца не было ни насмешки, ни злорадного торжества. Полная безнадежность овладела Таис. Молить о пощаде, грозить, пытаться убеждать этих людей было столь же бесполезно, как и просить жуткое животное, которому они служили, полузверя-полурыбу, не подвластное никаким чувствам. Жрец еще раз оглядел жертву, сделал знак сотоварищам, и все шестеро бесшумно исчезли. Таис осталась одна.

Она рванулась, ощутила несокрушимую крепость ремней и в отчаянии склонила голову. Распустившиеся волосы прикрыли ее тело, и Таис вздрогнула от их теплого прикосновения. Впервые смертная обреченность проникла в душу. Близость неизбежной гибели обратила весь мир в крохотный комочек надежды. Менедем! Менедем — опытный бесстрашный воин и пылкий влюбленный — он не может оставить ее на произвол судьбы. Уже сейчас он бешено ищет ее...

Глаза гетеры обладали свойством хорошо видеть в темноте. Таис поняла, что привязана у пьедестала какой-то статуи в полукруглом расширении подземного хода, выходящего к озеру или рукаву реки. Поодаль справа различалось гигантское изваяние. Это была одна из двух колоссальных сидящих статуй, возвышавшихся на тридцать локтей над водой, недалеко от пирамиды. Таис сообразила, что галерея обращена на северо-запад и не очень далека от северного входа. Согревавший ее огонек надежды стал было разгораться сильнее. Гнет

ужасной опасности притупил его, едва афинянка вспомнила, что в Лабиринте три тысячи комнат. Найти к ней путь если и возможно, то много времени спустя после того, как чудовища-зухосы разорвут ее на куски и, пожрав, исчезнут в зарослях.

Таис забилась, всей юной плотью протестуя против ужасающих мыслей. Жестокие ремни отрезвили ее болью. Всхлипывая, стиснув зубы, она сдержала рыдания и снова принялась осматриваться вокруг в инстинктивных поисках избавления. Пол расширенного конца галереи полого спускался к узкой полоске мокрой почвы на берегу. Два тонких столба подпирали выступ кровли, из-за которой нельзя было видеть небо. Очевидно, к воде выходил портик без ступеней. Без ступеней... снова первобытный ужас пронзил все внутренности Таис. Она сообразила, что наклонный пол, подходивший к воде...

— Менедем, Менедем! — звонко, изо всей силы закричала Таис. — Менедем! — И похолодела, вспомнив, что на крики придет тот, которому она предназначена. Она замерла, повиснув на ремнях. Камень леденил спину, ноги онемели.

Когда погасли последние отсветы зари на черной воде, Таис потеряла счет времени. Оно или тянулось бесконечно, или, может быть... о нет, до рассвета еще далеко, ночь только началась! Вздрогнув, молодая женщина выпрямилась с приглушенным криком. Ей почудился слабый всплеск где-то там, в непроглядной тьме тростников, где обрывалось тусклое мерцание отраженных звезд. Глухой, низкий, подобный мычанью рев пронесся по болоту. Далекий и негромкий, он был отвратителен особой таившейся в нем угрозой, непохожестью на все звуки, издаваемые животными, привычными человеку. Вся трепеща, сжав кулаки и челюсти, Таис боролась, чтобы не дать помрачающему рассудок темному страху овладеть собой. Ужасу, повергавшему человека в яму ничтожества. Беспредельной была храбрость ее боровшихся с быками предков, неподвластных ранам амазонок, стойких, как Леэна, афинянок. Но ведь все они сражались свободными в открытом бою... кроме Леэны, связанной, как и она, и не сдавшейся людям, лживо изображавшим закон. А здесь, в одиночестве и холодном молчании болота, в ожидании зубастого панцирного чудовища, Таис снова принялась биться в своих путах, пока, укрощенная, теряя сознание, не прислонилась опять к сырому камню. Ночь молчала; более не доносилось всплесков с болота. Таис очнулась от судорог в затекших ногах. Сколько еще прошло времени? Если бы хоть увидеть небо над головой,

движение созвездий, сбросить нестерпимое чувство застылого ожидания смерти.

Переминаясь, изгибаясь, Таис восстановила кровообращение. Позади нее, в подземной галерее, раздались едва слышные медленные, крадущиеся шаги. Кровь прихлынула к голове Таис, радостная надежда обожгла ее. Менедем? И новый спад в бездну отчаяния, когда афинянка сообразила, что Менедем не будет подкрадываться, замирая после каждого шага, а примчится как бешеный бык, сокрушая все на пути. И звонкий вопль опять понесся над ночным болотом, нарушая безмолвие страстным призывом. Что это? Будто слабый отклик? Таис затаила дыхание. Нет, ничего! А шаги позади? Подножие статуи не давало возможности заглянуть в галерею. Слушая ночь, Таис сообразила, что в проходе нет никого. Звуки доносились с болота и отражались эхом в подземелье. О могучая Афродита и Зевс-Охранитель! Это поступь тяжелых лап на мягкой илистой почве, там, за столбиками портика, выходившего к озеру. Редкое и неравномерное хлюпанье с долгими паузами. Всплыла под берегом гребнистая спина, загорелись красным тусклым светом два глаза под костяными надбровными буграми. Очень медленно, так что минутами чудовище казалось неподвижным, на узкий берег всползло бесконечно длинное тело, извивавшееся налево-направо в такт шагам широко распяленных лап. Огромный хвост еще был погружен в воду.

Особенный шипящий звук скольжения тяжелого тела по влажной почве или мокрому камню. Красные огоньки исчезли. Это раскрылась пасть более трех локтей в глубину, обрамленная смутно белевшими могучими зубами. Несмотря на предсмертный страх, Таис заметила, что крокодил не опустил нижнюю челюсть, как делают, открывая пасть, все животные, а поднял вверх голову, закрыв самому себе спереди весь обзор. Оттого и погасли красные огни глаз. О, если бы не держали ее ремни, она знала бы, как ускользнуть от исполинского зухоса! Крокодил захлопнул пасть со стуком, красные глаза вспыхнули снова. Таис почувствовала их взгляд на себе — холодный, равнодушный, как будто даже не заинтересованный близкой добычей. Крокодил не торопился, вглядываясь в темноту галереи, он словно изучал Таис. Множество раз на протяжении своей долгой жизни здесь пожирал он привязанную, беспомощную жертву. Зухос приподнялся на лапах, с громким чмоком оторвав брюхо от ила. Мерзкие твари и по земле бегали быстро, что стоит ему пробежать расстояние чуть больше длины собственного тела... Таис завизжала на такой высокой но-

те, что чудовище снова плюхнулось на брюхо и вдруг повернулось направо. Шлепанье быстрых ног заглушил грозный, нечеловеческий крик: «Таис, я здесь!»

— Менедем!

На миг его силуэт мелькнул перед входом, между озадаченным чудовищем и его жертвой. Менедем заглянул в подземелье. Будто во сне Таис позвала его. В одно мгновение лакедемонянин оказался у подножия статуи, сразу нащупал привязанные ремни и рванул их с неистовой силой. Раз — лопнул ремень на левой руке, два — правый ремень устоял, зато вырвалось древнее бронзовое кольцо. Менедем разъярился еще сильнее, и третий ремень разорвал как нитку. Таис освободилась. Она упала на колени от внезапной слабости, а Менедем повернулся к чудовищному врагу. Без всякого оружия, покрытый с головы до ног грязью, без одежды, которую он сбросил, чтобы бежать быстрее. Ярость воина была так велика, что он сделал два шага к чудовищу, расставив безоружные руки, будто собираясь придушить крокодила как собаку. Еще плеск по грязи бегущих ног, багровая дорожка побежала по воде вдоль берега. Свет вспыхнул ярче, когда Гесиона, полумертвая от непосильного бега и страха, замерла у портика, подняв факел. Крик ужаса вырвался у девушки. Крокодил не обратил внимания на ее появление, сосредоточив упорный взгляд на Менедеме. Факел в руке Гесионы задрожал, и она упала на колени, подобно своей хозяйке.

— Свети! — гаркнул Менедем. Он косился по сторонам в поисках чего-либо, с чем встретить нападение чудовища. При мерцающем свете факела Таис видела взбугрившуюся мышцами широкую спину спартанца, упрямо наклоненную голову, твердо упертые в каменный пол ноги. Вдруг Менедем решился. Одним прыжком он вырвал у Гесионы факел, ткнул его в направлении зухоса, и тот попятился. Менедем швырнул факел обратно Гесионе, но подхватила его уже поднявшаяся на ноги Таис. Спартанец рванул деревянный столб портика, раздался треск. Менедем нажал во всю мочь. Старое сухое дерево поддалось. Все последующее произошло так быстро, что оставило лишь смутное воспоминание у Таис. Крокодил двинулся на Менедема, а тот нанес ему удар по рылу. Чудовище не отступило, а, распахнув пасть, бросилось на воина. Этого только и ждал Менедем. Изо всей силы, содрав кожу с ладоней, он всадил столб в глотку гигантского пресмыкающегося. Он не смог, конечно, остановить двадцатипятилоктевого зухоса и упал, успев, однако, толчком ноги направить свободный конец бревна на стену пьедестала. Крокодил с размаху

ткнулся столбом в несокрушимый камень, засадив себе дерево в пасть еще глубже. Ужасные удары хвоста потрясли галерею, сломали второй столб портика. Навесная крыша рухнула, и это спасло Гесиону от верной смерти, ибо удар хвоста чудовища переломал бы кости льву, не только человеку. Крокодил, корчась, повалился на бок, взметнул хвостом целый каскад грязи и ринулся в болото. Менедем и Таис стояли, сотрясаемые нервной дрожью. Опомнившись, Таис бросилась к Гесионе. Девушка лежала ничком у самого входа в подземелье, вся в липкой грязи, закрыв руками лицо и уши. Едва Таис притронулась к ней, Гесиона вскочила с воплем испуга, увидела невредимую хозяйку, бросилась к ней и отшатнулась, увидев на себе слой вязкого ила.

— Я хотела взять твой химатион, — сказала Таис. За афинянкой показалось по-боевому еще свирепое лицо Менедема.

— Бежим! Это злое место. Зухос или вернется, или придет другой, или нападут жрецы...

— Куда?

— Как я пришел — вдоль берега в обход храма и до дороги в гостиницу на перешейке.

Все трое быстро пошли по грязи под стеной Лабиринта. Скоро полоска берега расширилась, почва стала сухой, но тут силы оставили Таис. Пришла реакция после нервного напряжения страшной ночи. Не в лучшем состоянии была Гесиона, которая истощила все силы в беге за неутомимым спартанцем. Менедем инстинктом воина чувствовал, что оставаться здесь, в царстве крокодилов и злобных жрецов, нельзя. Он подхватил обеих женщин под бедра, ловко вскинул их себе на плечи и, погасив факел, неспешной рысцой стал удаляться от мрачной громады Лабиринта на север, где издалека чуть поблескивал огонек Дома Паломников, давно превратившегося в ксенон.

Чтобы не привлекать внимания, Таис, на которой из всех одеяний осталась грива волос и сандалии, укрылась за пальмами. Менедем и Гесиона наскоро смыли грязь у поливного колодца, принесли одежды из вещей, заранее доставленных в ксенон проводниками. Грек-переводчик, напуганный исчезновением Таис и яростью Менедема, куда-то исчез.

Гесиона, натирая раны Таис целебной мазью, рассказывала, что спартанец после бесплодных поисков в верхних комнатах Лабиринта схватил какого-то жреца и, ударив о колонну, поклялся Эребом, что превратит его в месиво из костей, если тот не расскажет, где можно искать эллинку и почему она могла исчезнуть. На крики жреца сбежались несколько

человек. Менедем дал волю своему гневу и отчаянию. Стонущие люди, поверженные могучими ударами, валялись на полу у подножий колонн. Наконец ему удалось вырвать полупризнание-полупредположение, что Таис украли те, кто служит Себеку. Они приносят жертвы в подземельях, там, где они выходят к озеру, в западной части святилища. Если обойти Лабиринт с его озерной стороны, налево от главного входа, то можно наткнуться на выходы галерей нижнего яруса. Не теряя мгновения, Менедем сорвал с себя одежду, чтобы бежать по воде, и понесся вдоль массивных стен храма. Оружия взять было негде — он оставил его перевозчикам, чтобы не нарушать законов храма, и он не успел подумать о светильнике.

— Свет, верните его, темнеет! — вскричал переводчик, но Менедем был уже далеко. Тогда Гесиона схватила два факела, стоявших наготове в бронзовых стойках, прикоснулась одним к зажигательному пламени в нише и, прежде чем кто-нибудь из сбежавшихся на шум побоища успел опомниться, унеслась вслед за Менедемом, легкая и быстрая, как антилопа. Так бежала она в сгущавшихся сумерках, ориентируясь по угрюмой стене слева, неуклонно поворачивавшей с запада на юг. Остальное известно госпоже...

Крепко и неоднократно поцеловала Таис верную Гесиону, еще более нежной награды удостоился Менедем, к ладоням которого были привязаны пучки лекарственной травы. От этого его руки стали похожи на лапы того самого зухоса, который едва не погубил Таис.

Спартанский воин долго разглядывал Лабиринт, возвышавшийся поодаль в первых лучах рассвета. Угадав его мысли, Таис сказала:

— Не надо ничего, милый. Кто сможет найти негодяев в трех тысячах комнат, переходов и подземелий?

— А если придет весь отряд Эоситея? Мы выкурим их отсюда, как пустынных лис из нор.

— Зачем? И без того мы, чужеземцы, едящие коров, нечисты в глазах коренных жителей Египта. Только нанесем великое осквернение их святыне. Те, кто виноваты, убегут заранее, уже убежали, а расправа, как всегда, совершится над теми, кто ничего не знает и ни к чему не причастен. Прежде всего виновата я сама. Нельзя было спорить со жрецами, выказывая эллинское презрение к чужеземцам и их религии. И потом — надо осторожнее странствовать по храмам, полным ловушек, злых людей, страшных божеств, которым еще продолжают приносить тайные человеческие жертвы.

— Наконец я слышу правильные слова. Давно пора, моя возлюбленная! Ты не радовала нас танцами уже больше месяца, а верховую езду забыла с самого приезда сюда.

— Ты прав, Менедем! И танцы и езда верхом требуют постоянного упражнения, иначе станешь неповоротливой, как Туэрис.

Туэрис! Представив себе эту египетскую богиню, сидящей на толстых задних лапах, с непомерным отвислым животом и безобразной головой бегемота, Менедем долго смеялся, утирая слезы тыльной стороной завязанной руки.

В Мемфисе Таис ожидали новости с востока. Произошло огромное сражение Александра с Дарием у реки Исс на финикийском побережье. Полная победа македонцев. Великий царь персов оказался трусом, как большинство свирепых царей. Он бежал, бросив все имущество, свои шатры и своих женщин, в глубь страны. Александр движется на юг по Финикии, захватывая город за городом. Все склоняется перед победоносным героем, сыном богов. Необыкновенные слухи обгоняют македонцев. В Нижнем Египте появились богатые купцы, бежавшие из приморских городов. Они образовали союз и покупают корабли, чтобы плыть в далекий Карфаген. Сатрап Египта Мазахес перепуган, и непризнанный фараон Хабабаш приказал спартанским наемникам быть наготове. Отряд послан в Бубастис, где начались волнения среди сирийских воинов.

Приверженцы молодого македонского царя видят в нем избавление от власти персов. Он могучей рукой поддержит слабого, согнутого перед Дарием сына наследственного фараона Нектанеба.

Эгесихора, пылая волнением, по секрету сообщила Таис, что флотом Александра командует Неарх и его корабли у Тира. Древний Библос со знаменитым храмом Афродиты Ливанской, или Анахиты, сдался почти без промедления, как и Сидон. Все говорят, что Александр обязательно придет в Египет. Эоситей был мрачен, подолгу совещался со своими приближенными и послал гонца в Спарту...

Таис проницательно посмотрела на подругу. Гордая лакедемонянка опустила глаза.

— Да, я люблю его, — ответила она на невысказанный вопрос, — это особенный человек, единственный среди всех.

— А Эоситей?

Эгесихора сложила пальцы жестом, означавшим у гетер равнодушие к поклоннику: «не тот, так этот».

— И ты ждешь его?

— Жду! — призналась Эгесихора.

Таис задумалась. С Александром явится Птолемей — по слухам, он теперь в числе лучших полководцев македонского царя, чуть ли не самый близкий к нему человек, исключая разве Гефестиона. Птолемей... Сердце Таис забилось сильнее, глубокий вздох поднял и без того высокую грудь. Подруга была не менее наблюдательна и спросила без промедления:

— А Менедем?

Таис не отвечала, стараясь понять свои ощущения — память о прежнем, смятение чувств в последний афинский год, новое, что пришло с беззаветной любовью лаконского атлета, доверчивого, как дитя, и мужественного подобно герою мифов.

— Не можешь решить? — поддразнила Эгесихора.

— Не могу. Знаю лишь одно — или тот, или другой. Никогда не смогу обманывать.

— Ты всегда была такая. Потому не было и не будет у тебя богатства, как у Фрины или у Теро. Тебе оно и не нужно — ты просто не умеешь тратить деньги. Мало прихотей и воображения.

— В самом деле мало! Ничего не могу придумать, чем потрясти соперниц или поклонников. Зато легче, когда...

— Да, Менедем небогат, если не сказать — просто беден!

С бедностью Таис столкнулась, когда задумала купить верховую лошадь. Продавалась редкая чагравая кобыла из Азиры — той породы ливийских коней, которые якобы завезены еще гиксосами. Лошади из Азиры славились своей выносливостью к жаре и безводью. Салмаах, как звали лошадь, не была очень красивой — пепельного цвета, с длинными передними бабками и вислым задом. Однако это означало мягкую для всадника переступь, и даже мелькание белков в углах глаз — знак недоброго нрава — не отпугивало покупателей. Когда же выяснилось, что Салмаах — триабема, то есть ходит особой «трехногой» рысью, то ее немедленно купил танисский торговец за высокую цену. Таис понравилась диковатая ливийка, и Салмаах, видимо, распознала в афинянке ту спокойную, покоряющую и добрую волю, к которой чувствительны животные, особенно же лошади. В конце концов Таис удалось обменять лошадь на хризолит — тот самый, предназначавшийся Аристотелю за помощь отцу Гесионы и отнятый ценой побега из Афин.

Менедем достал шкуру пантеры, чтобы закрыть бока лошади сверх маленького потника, употреблявшегося для всадников в боевых поножах или узких азиатских штанах.

Таис ездила голоногой, как древние женщины Термодонта, и неминуемо испортила бы себе голени. Конский пот при езде в жару, попадая на кожу человека, вызывает воспаление и язвы.

Мягкая шкура хищной кошки, приятная на ощупь, все же затрудняла езду. Амазонская посадка Таис с сильно согнутыми ногами, так что пятки лежали почти на почках лошади, упираясь в моклоки, требовала особой силы в коленях. Всадница держалась, сжимая ногами верхнюю часть конского туловища. Мягкая уступчивая шкура пантеры заставляла удваивать усилия ног на скачке. Впрочем, Таис была даже довольна этим. После двухнедельных страданий к ней вернулась прежняя железная хватка коленей, за которую учитель верховой езды, пафлагонец, называл ее истинной дочерью Термодонта. Хотя рысь у Салмаах была нетряской, Таис предпочитала носиться вскачь, соревнуясь с неистовой четверкой Эгесихоры, процветавшей в благодатном сухом климате Египта. На главных дорогах вокруг Мемфиса всегда теснились медлительные ослы, повозки с едой, процессии паломников, нагруженных корзинами рабов-носильщиков. Терпение спартанки испытывалось, пока она не открыла шедшую на юг вдоль Нила священную дорогу, лишь кое-где занесенную песками. На чистых участках, протяженностью в сотни стадий, можно было ехать беспрепятственно, и Эгесихора с упоением предавалась бешеной езде. Когда Таис выезжала на своей Салмаах, то Эгесихора брала на колесницу Гесиону и совсем «испортила» девушку, приучив ее к роскоши быстроты.

Кончался четвертый год сто десятой олимпиады. В Египте наступило время пятидесятидневного Западного ветра — дыхания свирепого Сета, иссушающего землю и озлобляющего людей.

Незнакомые с ветром Сета эллинки продолжали свои поездки. Однажды на них налетела красная туча, дышавшая печным жаром. Закружились, заплясали песчаные вихри, свет померк, испуганные кони Эгесихоры взвились на дыбы, размахивая копытами. С трудом удалось справиться с жеребцами, и то лишь после того, как Гесиона, спрыгнув с колесницы, отважно схватила двух дышловых за удила и помогла Эгесихоре повернуть их на север, к городу. Салмаах осталась совершенно спокойной, послушно обратилась спиной к буре и побежала своей мягкой рысцой рядом с колесницей, которая вскоре начала скрипеть от насыпавшегося во втулки песка.

Лошади постепенно успокаивались, их бег стал равномерным. Эгесихора неслась в шуме и свисте ветра, обгоняя

пыльные тучи, подобно воительнице Афине. Они достигли места, где дорога огибала темное ущелье. Здесь стоял полуразвалившийся заупокойный храм, на ступенях которого они иногда делали привал. Таис первая заметила на белых камнях человека в длинной полотняной египетской одежде. Он лежал, уткнув лицо в согнутую руку, и прикрывал левой голову. Афинянка спрыгнула с лошади и наклонилась над тяжко дышавшим стариком. Немного разведенного водой вина, и он сел, согнувшись. К удивлению подруг, на чистейшем аттическом наречии старик объяснил, что ему сделалось худо от пыльной бури и он, не видя помощи, решил ждать.

— Скорее своей кончины, так как ветер Сета дует с упорством, достойным этого бога, — закончил старик.

Три пары сильных женских рук водрузили его на колесницу, Гесиона уселась на Салмаах позади Таис, и все четверо благополучно добрались до Мемфиса.

Старик попросил отвезти его к храму Нейт, стоявшему около большого парка на берегу реки.

— Разве ты жрец этого храма? — спросила Эгесихора. — Ведь ты эллин, несмотря на египетскую одежду.

— Я здесь — гость, — ответил старик и повелительным жестом поманил к себе Таис. Афинянка послушно подъехала к ступеням, по которым медленно поднимался старик.

— Ты — афинская гетера, брошенная крокодилам и спасшаяся? Что ищешь ты в храмах Черной Земли?

— Теперь — ничего. Думала найти мудрость, утоляющую душу больше, чем философические рассуждения о политике, войне и познании вещей. Я их наслушалась в Аттике, но мне не нужна война или устройство полиса.

— И не нашла здесь ничего?

Таис презрительно рассмеялась.

— Здесь поклоняются зверям. Что ждать от народа, боги которого еще не стали людьми?

Старик вдруг выпрямился, выражение его глаз изменилось. Таис почувствовала, как взгляд незнакомца проник в сокровенные глубины ее души, беспощадно обнажая тайные мысли, надежды и мечты, казалось бы надежно скрытые. Афинянка не испугалась. В короткой ее жизни, несмотря на обилие впечатлений и встреч, не совершилось ничего постыдного или недостойного, не случилось подлых поступков, не накоплено злобных мыслей. Эрос, радость сознавать себя всегда красивой, всегда желанной, неуемная любознательность... Ее серые глаза бесстрашно раскрылись навстречу копьеподобному взгляду, и старик впервые улыбнулся.

— По соображению своему ты заслужила немного больше знания, чем дали бы тебе жрецы Египта. Будь благодарна своему имени, что они снизошли до бесед с тобой.

— Мое имя? — воскликнула гетера. — Почему?

— Разве ты не знаешь, что для дочери Эллады носишь очень древнее имя? Оно египетское, обозначает «Земля Исиды» и вдобавок пришло с древнего Крита. Слыхала ли ты о Британартис, дочери Зевса и Кармы? Ты напомнила мне ее изображение.

— Как интересно говоришь ты, отец! Кто ты, откуда?

— Я с Делоса, эллин, философ... но смотри, твоя подруга едва сдерживает коней, да и Салмаах пляшет на месте.

— Ты знаешь даже имя лошади?

— Не будь наивной, дитя. Я еще не потерял слуха, а ты раз двадцать окликала ее.

Покраснев, Таис засмеялась и сказала:

— Я хотела бы увидеть тебя.

— Это необходимо. Приходи в любой день ранним утром, когда слабеет свирепость Сета. Войдешь под сень портика, хлопни в ладоши три раза — я выйду к тебе. Хайре!

Рыжие и белые кони бешено понесли по бесконечной пальмовой аллее в северную часть города. Салмаах, облегченная от двойной ноши, весело скакала рядом. Таис задумчиво смотрела на свинцовую воду великой реки, чувствуя, что встреча со старым философом будет в ее жизни важной.

Эгесихора полюбопытствовала, чем так заинтересовал подругу слабый и ничтожный старик. Услышав о намерении Таис вновь бродить по храмам, как выразилась спартанка, она заявила, что Таис добьется в конце концов своей погибели. Пожаловаться Менедему, чтобы он или не пускал ее в храмы, или не спасал больше, когда бросят льву, бегемоту, гигантской гиене или еще какому-нибудь из божественных чудовищ?

Но и это средство не поможет: атлет, несмотря на свой грозный вид, — влажная глина в пальцах своей красотки! Эгесихора была права. Встреча с философом разожгла любопытство Таис. На следующий же день она пришла в храм Нейт, едва загорелось красноватыми отблесками свинцовое небо. Философ или жрец явился, как только хлопки маленьких ладоней прозвучали под сенью портика. Философ был одет в прежнее белое льняное одеяние, какое отличало египтян и особенно египтянок от всех других чужеземцев. Приход Таис почему-то обрадовал его. Снова пронизав ее своим копью подобным взглядом, он сделал знак следовать за ним. В глубь

стены из огромных глыб камня слева шел проход, в полумраке освещенный лишь узенькой щелью вверху. Надоевший свист ветра здесь не был слышен, покой и уединение сопутствовали Таис. Свет впереди показался ярким. Они вошли в квадратную комнату с узкими, как щели, оконными проемами. Здесь не чувствовалось привкуса пыли, как сейчас во всем городе. Высокий потолок, расписанный темными красками, создавал впечатление ночного неба. Таис, осмотревшись, сказала:

— Странно строили египтяне!

— Строили давно, — поправил философ, — без совершенства, но заботились о тайне уединения, загадке молчания и секретах неожиданности.

— Наши храмы, настежь открытые и светлые, во сто крат прекраснее, — возразила афинянка.

— Ты ошибаешься. Там тоже тайна, только не уходящая во мрак прошлого, а единения с небом. С солнцем — днем, звездами и луной — ночью. Разве не ощущала ты просветления и радости среди колонн Парфенона, в портиках Дельф и Коринфа?

— Да, да!

Свитки папируса, пергамента, исчерченные дощечки лежали поверх массивных ящиков, заменявших столы. Только один широкий стол с пятиконечными звездами и спиралями — ярко-голубыми на фоне серой каменной столешницы — занимал середину комнаты. К нему подвел афинянку делосский философ и усадил напротив себя на неудобный египетский табурет. Философ долго молчал, упорно глядя на Таис. И странное дело, удивительное спокойствие разлилось по всему ее телу, наполнило душу отрадой прозрачной задумчивости. Таис сделалось так хорошо, что она всем сердцем потянулась к этому серьезному, неулыбчивому, скупому на слова старику.

— Ты удивила меня замечанием о зверобогах Египта, — сказал философ. — Что ты знаешь о религии? Тебя посвящали в какие-нибудь таинства?

— Никогда. Я ничего не знаю. — Таис хотелось быть скромной перед этим человеком. — Я гетера с юности и не служила ни в каком храме, кроме Афродиты Коринфской.

— Откуда же знаешь ты, что боги возвышаются вместе с человеком? Ведь это означает, что человек изыскивает богов в себе, а за такие убеждения ты подверглась бы опасности, и очень серьезной.

— Ты напрасно считаешь меня столь умной, мудрец. Просто я... — Таис умолкла, дыша взволнованно.

— Продолжай, дочь моя. Мне, не имевшему потомства, неспроста хочется назвать тебя так. Это свидетельствует о близости наших душ.

— Я, изучая мифы, увидела, как боги Эллады от древности до наших дней делались постепенно добрее и лучше. Артемис — охотница и убийца — стала врачевательницей. Аполлон, ее брат, начал издревле беспощадным карателем, убийцей, жадным и завистливым, а сейчас это — лучезарный богжизнедатель, перед которым радостно склоняются. Моя богиня — Афродита — в древних храмах стояла с копьем, как Афина. Теперь есть Урания, несущая людям святую небесную любовь. — Щеки Таис вспыхнули, и глаза притуманились ее невозможной мечтой.

Жрец-философ посмотрел на нее еще ласковее, и Таис осмелела.

— И я читала Анаксагора. Его учение о «Нус» — мировом разуме, о вечной борьбе двух противоположных сил: злого и доброго, дружественного и враждебного... Антифонта, учившего о равенстве людей и предостерегавшего эллинов от пренебрежения к чужеземным народам... — Таис запнулась, вспомнив собственные ошибки, за которые чуть не расплатилась жизнью. Философ догадался.

— А сама не смогла преодолеть этого пренебрежения, — сказал он, — за что и попала к крокодилам.

— Я не смогла и не могу принять нелепого поклонения богам в зверином облике — безобразным бегемотам, мерзким зухосам, глупым коровам, бессмысленным птицам. Как могут мудрые люди, да любые люди со здравым умом...

— Ты забыла, скорее — не знаешь, что религия египтян на несколько тысячелетий старше эллинской. Чем глубже во тьму веков, тем темнее было вокруг человека и в его душе. Тьма эта отражалась во всех его чувствах и мыслях. Бесчисленные звери угрожали ему. Находясь во власти случая, он даже не понимал судьбы, как понимаем ее мы, эллины. Каждый миг мог быть последним. Нескончаемой чередой шли перед ним ежечасные боги — звери, деревья, камни, ручьи и реки. Потом одни из них исчезали, другие стали могучими и сохранились до наших дней. А давно ли мы, эллины, поклонялись рекам, столь важным в нашей маловодной стране?

— Но не зверям!

— Деревьям и животным тоже.

К удивлению Таис, жрец-философ рассказал ей о культе священных кипарисов на Крите, связанных с Афродитой. Но

более всего поразило ее древнее поклонение богиням в образе лошадей. Сама Деметра, или критская Рея, изображена с лошадиной головой в святилище Фигалия на реке Неда в Аркадии. Священная кобыла обладала особой властью по ночам и служила вестницей гибели. Ни философ, ни Таис не могли подозревать, что более двух тысяч лет после их встречи, в одном из самых распространенных языков мира страшное ночное видение, кошмар будет по-прежнему называться «ночной кобылой». Богиня-кобыла превращалась в трехликую богиню-музу. Ее три лика соответствовали Размышлению, Памяти и Песне. Лишь впоследствии, когда женские божества уступили мужским, трехликая Муза стала Гекатой, а Девы-Музы умножились в числе до девяти и находились в подчинении у Аполлона — водителя Муз.

— Теперь я понимаю, отчего древние имена нимф и амазонок звучат как Левкиппа — белая кобыла, Меланиппа — черная, Никиппа — победоносная, Айниппа — милосердно убивающая кобыла.

— А позднее, когда животные божества утратили свое значение, имена переменились, — подтвердил философ. — Уже при Тесее была Ипполитта, Ипподамия — властительницы, укротительницы лошадей, то есть героини — люди, а не нимфы, подражающие животному облику, здесь тоже произошло возвышение религии, как ты верно заметила.

— Но тогда... — Таис запнулась.

— Говори, мне ты можешь сказать все.

— Тогда почему облик Богини-Матери, Великой Богини нежен и ласков, хотя он гораздо древнее мужских богов-убийц?

— Ты опять ошибаешься, принимая ее лишь как богиню любви и плодородия. Разве не слышала ты о бассаридах — опьяненных священными листьями полубезумных женщинах Тессалии и Фракии, в своем неистовстве раздиравших в клочья ягнят, козлят, детей и даже мужчин, как кровавую жертву их экстаза? Женщины бесились, размахивая пихтовыми ветвями, обвитыми плющом — знаком Артемис или Гекаты. То же было и в Афинах на Ленеях — празднестве «диких женщин» в дни зимнего солнцестояния месяца посидеона. Лик богини-разрушительницы, богини-смерти противополагался облику матери. Соединительным звеном между ними служил образ любви — единственный, который ты знаешь.

Таис поднесла пальцы к вискам.

— Слишком мудро для меня. Неужели в далекие темные времена даже женские богини были столь же свирепые, как позднее мужчины-боги?

— Свирепы — нет. Беспощадны — да, как сама жизнь, ибо чем же они были, как не отражением жизни, высших сил судьбы, властвующей однозначно и над богами, и над людьми... беспощадны и милосердны одновременно.

Таис сидела смятенная и притихшая. Философ встал и положил большую теплую ладонь на завитки непокорных волос на лбу. Снова необычайное успокоение разлилось по телу гетеры, доверие и чувство полной безопасности способствовали остроте восприятия.

— Слушай внимательно, Таис-афинянка. Если поймешь, что я скажу тебе, — станешь моей духовной дочерью... Верить можно во все что угодно, но вера становится религией только тогда, когда сплетается с правилами жизни, оценкой поступков, мудростью поведения, взглядом в будущее. Мы, эллины, еще очень незрелы — у нас нет морали и понимания людских чувств, как на далеком Востоке. Никогда не созреет до религии вера египтян, но и у нас есть философы, ты сама назвала двух, забыв Платона и еще несколько мудрецов...

— Платона я не забыла. Но великий мудрец, создавая свой план идеального государства, забыл о женщинах и их любви. Мне кажется, он признавал только любовь между мужчинами, и потому я не считаю его нормальным человеком — хоть он и знаменитый философ, олимпийский борец и государственный муж. Но ты прав, я забыла Аристотеля, хотя с ним знакома лично, — загадочно улыбнулась Таис.

Делосец поморщился.

— Нет. Этот знаток явлений природы не менее дик в моральных вопросах, чем египтяне. Можешь исключить его. Важнее другое: только в начале своего возникновения любая религия живет и властвует над людьми, включая самых умных и сильных. Потом вместо веры происходит толкование, вместо праведной жизни — обряды, и все кончается лицемерием жрецов в их борьбе за сытую и почетную жизнь.

— Что ты говоришь, отец!

— Ты слышишь, Таис. Не все ли равно — женская богиня или Аполлон, Артемис или Асклепий? Жизнь на земле без боязни, красивая, простирающаяся вдоль и вширь, как светлая, устланная мрамором дорога, — вот что сделалось моей мечтой и заботой.

— И ты пришел с Делоса в Египет...

— Чтобы узнать корни нашей веры, происхождение наших богов, понять, почему до сих пор эллины живут без понимания обязанностей и целей человека среди других людей и в окружающей ойкумене. Ты поняла уже, что в Египте нечего

искать законов морали — их нет в религии древних охотников, сохранившейся у земледельцев Нила. Но есть другие народы... — Философ умолк, проведя рукой по лбу.

— Ты устал, отец. — Таис поднялась, прикоснулась с поклоном к его коленям.

— Ты поняла! Силы мои убывают. Я чувствую, что не увижу своего Делоса и не напишу всего, что узнал в Египте.

— Не утруждай себя, отдохни, ешь здешний розовый виноград и вкусные плоды колючих пальм, — заботливо сказала гетера, и старик улыбнулся.

— Да, да, я принесу тебе в следующий раз. Когда ты позволишь мне посетить тебя снова?

Не получив ответа, Таис одиноко пошла по темным проходам, жутковато напоминавшим ей пережитое в Лабиринте.

Свет и зной полудня ощутимо ударил в нее горячей волной, унылый гул «пятидесятидневника» показался сначала даже приятным. Но уже к вечеру в своем насквозь продуваемом доме, в тревожном беге теней от колеблемых сквозняком светильников Таис опять потянуло в темноту храма, к странному старому эллину, давшему ей впервые в жизни светлый покой отрешения. Юной девушкой Таис видела во сне Афродиту Уранию. Сон, повторявшийся несколько раз в последние годы, вспоминался так: Таис, босая и нагая, поднималась по лестнице необъятной ширины к зеленой стене из густых миртовых деревьев, проскальзывала между их переплетавшимися ветвями и выходила на свет — яркий, но не пронизывающий, теплый, но не знойный, разлитый подобно меду под небом неправдоподобной синевы. Она приближалась к статуе Афродиты Урании. Богиня из полупрозрачного розового родосского мрамора, пронизанная светом неба, сходила с пьедестала и обвивала плечи Таис сияющей рукой немыслимой красоты. Урания заглядывала в лицо Таис. Вихрь чувств и мыслей свивался укрощенной змеей кольцом внутри нее. Чувство необычайной отрады и покоя переполняло юную гетеру. Она не любила этого сна — с течением лет все резче был контраст между чистым покоем любви, исходившим от Урании, и исступленным искусством и трудом той любви, которая составила славу Таис, образованной гетеры и знаменитой танцовщицы самого знающего народа в мире, каким считали себя афиняне. И вот радостный покой, испытанный прежде только в полудетских снах об Урании, пришел к Таис наяву при встрече со старым философом. Правда, как и во сне, с уходом из храма исчезало и счастье душевного мира...

А в Мемфисе ширились слухи о божественном сыне македонского царя Филиппа. Александр осаждает Тир, его жители упорствуют, но искусные инженеры македонцев решили создать перешеек между материком и островом, на котором стоит город. Гибель древнего финикийского порта неминуема. Когда Тир падет, то, кроме Газы, больше некому будет сопротивляться победоносному Александру. Его надо ждать в Египте.

Флот Александра, отрезая Тир, проникает все дальше на юг, и недавно эллинский корабль, шедший в Навкратис, встретил пять судов под командой якобы самого Неарха.

Эгесихора сделалась дерзкой и беспокойной, чего прежде не случалось с лакедемонянкой, крепостью соперничавшей с воплощением здоровья Артемис. Может быть, горячий ливийский ветер со своей неослабной силой проникал в души людей, делая их нетерпеливыми, скорыми на расправу, нечуткими и грубыми. Таис давно заметила, что переносила жару легче, чем Эгесихора. Ветер Сета меньше влиял на нее, и она старалась реже встречаться с подругой, чтобы ненароком не вызвать ссоры. Вдвоем с верной Гесионой или с Менедемом Таис ходила на берег реки. Там она подолгу сидела на плавучей пристани, чуть колеблемой течением. Обилие текучей воды гипнотизировало эллинов, и каждый погружался в свои думы, глубокие, затаенные, зачастую неясные...

Однажды Таис получила приглашение от делосского жреца, переданное устно мальчиком — служителем храма Нейт. С волнением собиралась Таис на рассвете следующего дня, надев скромную одежду. Она решительно отвергла Гесиону в качестве спутницы и осталась непреклонной, несмотря на ее слезы. Делосский философ сидел на спускавшихся к Нилу ступенях, погруженный в созерцание удивительно тихого сегодня рассвета.

— Ты была в Фивах, которые мы, эллины, называем Диосполисом? — встретил он афинянку вопросом и на утвердительный наклон ее головы продолжал: — Видела ли ты там основание золотого круга, украденного Камбисом два века назад при завоевании Египта?

— Видела. Мне объяснили, что круг был из чистого золота, тридцать локтей в поперечнике и локоть в толщину. Могло ли быть такое?

— Да. Круг весил около тридцати тысяч талантов. Камбису потребовалось пять тысяч верблюдов, чтобы увезти его, разрубленным на десять тысяч кусков, в Персию.

— Зачем отлили столь бессмысленную массу золота?

— Глупо, но не бессмысленно. Величайший фараон-завоеватель хотел доказать всей ойкумене вечность Египта, его власти, его веры в великом круговороте вещей. Воцарение владык-мужчин, богов и героев, привело к отчаянному желанию увековечения. Женщины знают, как хрупка жизнь, как близка смерть, а мужчины мечтают о бессмертии и убивают без конца по всякому поводу. Таково древнее противоречие, оно неразрешимо. И человек создает для себя, для других, если может, для всей страны замкнутый круг, где он — в центре, а наверху — всемогущий и грозный бог.

— Чего хотят этим добиться?

— Неизменности владычества и благополучия для царей и вельмож, крепости веры для жрецов, устойчивости в мыслях народа, безнадежной покорности рабов.

— И потому Египет пронес свою веру сквозь тысячелетия?

— Не только Египет. Есть страны, замкнувшиеся в себе для сохранения своих царей, богов, обычаев жизни на тысячелетия. Я называю их круговыми. Таков Египет, еще есть Персия, Сирия. На западе Рим, а очень далеко на востоке — Срединная страна желтокожих раскосых людей.

— А мы, Эллада? У нас есть понимание, что все течет?!

— Начиная с Крита вся Эллада, Иония, а с нами и Финикия — открытые страны. Нет для нас круга, запирающего жизнь. Вместо него — спираль.

— Я слыхала про серебряную спираль...

— Ты знаешь? Еще не время говорить об этом. Огромна область наследия исчезнувших детей Миноса. В Ливию на запад простирается она, и гораздо дальше на восток, где в десятках тысяч стадий за Гирканией лежат древние города. И за Парапамизмами, за пустыней Арахозией, до реки, называемой Инд. Говорят, что остались лишь развалины, подобно Криту, но открытая душа этих народов живет в других людях тысячелетия спустя.

— Зачем открываешь ты мне это знание, отец? Чем могу я, служительница Афродиты, помочь тебе?

— Ты служишь Эросу, а в нашем эллинском мире нет более могучей силы. В твоей власти встречи, беседы, тайные слова. Ты умна, сильна, любознательна и мечтаешь возвыситься духовно — твои сны об Урании...

— Откуда ты знаешь, отец?

— Мне многое открыто в сердцах людей. И думается, что ты скоро пойдешь на восток с Александром, в недоступные дали азиатских степей. Каждая умная женщина — поэт в душе. Ты не философ, не историк, не художник — все они осле-

плены, каждый своею задачей. И не воительница, ибо все, что есть в тебе от амазонки, — лишь искусство ездить верхом и смелость. Ты по природе не убийца. Поэтому ты свободнее любого человека в армии Александра, и я выбираю тебя своими глазами. Ты увидишь то, что я никогда не смогу. Скорая смерть ожидает меня.

— Как же я расскажу тебе?

— Не мне. Другим. Около тебя всегда будут умные, значительные люди, поэты, художники, ибо их привлекает твоя сущность. И это будет еще лучше, чем рассказывал бы я. Останется в памяти людей, войдет в песни поэтов, в писания историков, в легендах разойдется по ойкумене и достигнет тех, кому следует знать.

— Боюсь, ты делаешь ошибку, отец. Я не та, которая нужна тебе. Не мудра, невежественна, кружит мне голову Эрос, танец, песня, поклонение мужчин, зависть женщин, неистовство скачки.

— Это лишь преходящие знаки твоей силы. Я посвящу тебя, научу внутреннему смыслу вещей, освобожу от страха.

— Что я должна сделать?

— Завтра ты придешь вечером, одетая в новую линостолию, в сопровождении спутника и подождешь на ступеньках, пока Никтур — Страж Неба — не отразится в водах Нила. Устроишь свои дела так, чтобы отсутствовать девять дней.

— Слушаю, отец. Но кто же спутник?

— Появится в назначенное время. Твои месячные в соответствии с Луной? Всегда точны и четырехдневны?

— Да, — после некоторого колебания призналась с запинкой Таис.

— Не смущайся. Нет тайны и недостойного в здоровом теле женщины, разве лишь для глупцов. Дай мне левую руку.

Таис повиновалась. Делосец положил ее ладонь на стол, раздвинул пальцы и несколько секунд рылся в небольшом ларце из слоновой кости. Он извлек небольшое кольцо из электрона с красным гиацинтом необыкновенного густо-розового отлива. На плоском камне был вырезан равнобедренный треугольник с широким основанием, вершиной вниз. Надевая его на указательный палец Таис, философ сказал:

— Это знак власти великой женской богини. Теперь — иди!

Глава пятая
МУЗА ХРАМА НЕЙТ

Рано возвратившаяся из храма Таис лежала ничком на своем широком ложе, положив голову на руки и болтая в воздухе пятками, в то время как Клонария растирала ей спину ореховым маслом, а обиженная Гесиона молча возилась в углу, пригоняя только что купленную льняную одежду — линостолию.

Как всегда, Эгесихора не вошла, а ворвалась, распространяя запах розового масла и сладкой аравийской смолки.

— Ты опять бегала в храм Нейт? — вызывающе спросила она подругу. — Скоро это кончится? Жду не дождусь приезда македонцев — они сумеют взять тебя в руки.

— Спартанцы не сумели? — поддразнила Таис.

— Сегодня эллинские художники и поэты Мемфиса устраивают симпозион, — игнорируя выпад, заявила Эгесихора, — попробуй не быть на нем.

— Что тогда?

— Тогда тебе не завидую. Они сумеют ославить в песнях и рисунках так, что надолго запомнишь.

Таис посерьезнела.

— Ты права. Я пойду.

— То-то. И плясать придется, так отдохнем получше. — Без дальнейших слов Эгесихора растянулась рядом с Таис, жестом подозвав Гесиону. Та, просияв, отбросила льняную столу и, щедро поливая маслом спартанку, принялась усердно массировать ее.

Обе подруги пришли в полудремотное расслабленное состояние и заснули, укрытые общим одеялом из мягкой каппадокийской шерсти.

Симпозион в просторном доме с большим садом, принадлежавшем самому богатому греческому купцу Мемфиса, собрал невиданное для плохого времени года число гостей. Надменная персидская знать, недавно презиравшая эллинов, затем сторонившаяся их после вторжения Александра и битвы на Гранике, теперь, когда их царь царей потерпел жестокое поражение на Иссе, стала искать общества влиятельных греков. Появление Хризосфиры и Аргиропесы («златоногой» и «среброногой»), как прозвали Таис и Эгесихору их поклонники-поэты, вызвало крики восторга. Обе подруги явились в сопровождении спартанских военачальников, во главе с самим стратегом Эоситеем.

В стеклянных кратерах с причудливыми извивами разноцветных полос виночерпии смешивали с водой густое фиоле-

товое вино верхнеегипетских виноградников и ярко-розовое, доставлявшееся из Сирии через Навкратис. Звучала негромкая музыка, сливая в одно печаль двойных эллинских флейт и резкие стоны египетских, загадочный, как бы зовущий издалека, звон систров, гудение струн китары, лиры и большой арфы. Изредка вступали хором египетские мандолины с длинным грифом и колокольчиками, заглушавшиеся ударами бубнов — киклом. Подчиняясь искусному руководителю, все собрание разноголосых инструментов создавало печальный ритмический хор со звонкими, восторженными всплесками высоких нот и грубоватыми звенящими ударами, под который так хорошо и проникновенно плясали танцовщицы Эллады, Египта и Финикии.

Обе знаменитые гетеры явились в одинаковых прозрачных серебристо-белых хитонах, но с различными украшениями, по-особому подчеркивавшими и смуглую черноту Таис, и божественно золотую прическу Эгесихоры. Ожерелье из огненно-красного граната (пирона или нофека) — камня весеннего равноденствия, облегало высокую шею афинянки, а длинные серьги из крупных аметистов — амулеты против опьянения — сверкали по обе стороны круглого веселого ее лица. У Эгесихоры такие же серьги были из берилла — морского камня, а широкое египетское ожерелье из ляпис-лазури и белого сирийского агата — яхалема — знаменовало скорый приход лета для того, кто понимал язык драгоценностей.

Симпозион начинался, как принято в Элладе, с легкого ужина, затем танцев, выступлений певцов, поэтов и рассказчиков, с постепенно нарастающим опьянением и разгулом, когда респектабельные гетеры и артистки покидали распаленную мужскую компанию. Но было еще далеко до утраты чувства меры и красоты. Гости жадно слушали и смотрели, забывая допивать свои чаши. Эллины считали себя выше варваров — всех чужестранцев — еще и потому, что чуждались обжорства. Дикими и нелепыми казались грекам обычаи сирийцев и персов — все время что-нибудь есть или пить, щелкать орехи и семечки, грязно шутить и болтать, обнимать первых попавшихся женщин, вместо спокойного раздумья, углубления в себя, радостного любования красотой.

Под звон колокольчиков и систр медленно и плавно развертывался звездный танец египетских девушек с красными венками в крупно вьющихся волосах, в длинно-складчатых одеждах тончайшего льна. Они шли чередой, тонкие как стебельки, сосредоточенные и важные. Их строй поворачивал

направо, по солнцу, «строфе», показывая движение звезд. Разрывая ряд, двигались в «антистрофе» налево более быстрые девушки, все одеяние которых состояло из пояска разноцветных стеклянных бус. Танцовщицы в белом склонялись, доставая пол вытянутыми руками, а между ними, подняв сомкнутые над головами руки, изгибались плавными змеиными движениями смуглые тела. Эллины замерли в немом и почтительном восхищении. Так тщательно и благоговейно исполнялись древние египетские танцы, что ни одно некрасивое, резкое, даже просто лишнее движение не нарушало гипнотической прелести этих струящихся и клонящихся юных тел.

Но когда под стремительные раскаты струн и удары бубнов на смену египтянкам ворвались аулетриды и принялись кружиться, извиваться и вертеть бедрами в стробилах и рикномах — движениях апокинниса — любимого гетерами танца эротической отваги и смелости, сила Эроса воспламенила эллинов. Послышались восторженные крики, выше поднялись чаши с вином, сплескиваемые на пол в честь Афродиты.

— Гречанки здесь превосходно танцуют, — воскликнул Эоситей, — но я жду твоего выступления! — И властно обнял Эгесихору.

Та послушно прильнула к его плечу, возразив:

— Первая будет Таис. И ты ошибаешься, думая, что аулетриды танцуют хорошо. Смотри, наряду с полными совершенства движениями у них немало грубых, некрасивых поз, рисунок беспорядочен, чересчур разнообразен. Это не самое высокое искусство, как у египтянок. Те — выше похвал.

— Не знаю, — буркнул Эоситей. — Я, должно быть, не люблю танца, если в нем нет Эроса.

— Есть, только не в той форме, какую ты понимаешь, — вмешалась Таис.

Аулетриды исчезли из зала. Должно быть, распорядитель симпозиона решил, что еще не время разжигать страсти вином и женщинами. Перед пирующими появились несколько разнообразно одетых юношей и зрелых мужей. Предстояло выступление поэтов. Эоситей развалился на ложе и прикрыл рукою глаза. Таис и Эгесихора сошли со своих мест и сели с внешней стороны стола. Поэты принадлежали к кикликам, посвятившим себя кругу гомеровских сказаний. Они собрались в круговой хор и пропели поэму о Навзикае, аккомпанируя себе отрывистыми ударами по струнам двух лир. Уподобляясь Лесху Митиленскому, поэты строго следили за напевностью гекзаметрической формы и увлекли слушателей древней

силой стихов о подвигах Одиссея, родных с детства каждому автохтону — природному эллину. Едва замерли последние слова ритмической декламации, как вперед выступил веселый молодой человек в серо-голубой одежде и черных сандалиях с высоким, «женским», переплетом ремней на щиколотках. Он оказался поэтом-рапсодом, иначе певцом-импровизатором, аккомпанирующим себе на китаре.

Рапсод приблизился к Таис, склонился, касаясь ее коленей, и важно выпрямился. Сзади к нему подошел лирник в темном хитоне со старомодной густой бородой. Повинуясь кивку головы юноши, он ударил по струнам. Сильный голос рапсода разнесся по залу, построенному с пониманием акустики. Поэма — воспевание прелестей Таис, подчас нескромное, — вызвала веселое возбуждение гостей. Рапсоду стали подпевать, а поэты-киклики снова собрались дифирамбическим кругом и служили голосовым аккомпанементом. Каждый новый эпитет в конце строфы импровизированного гимна, подхваченный десятками крепких глоток, гремел по залу. Анаитис — зажигающая, Тарготелея, Анедомаста — дерзкогрудая, Киклотомерион — круглобедрая, Тельгорион — очарователышца, Панторпа — дающая величайшее наслаждение, Толмеропис — дерзкоглазая...

Эоситей слушал, хмурился, поглядывая на Эгесихору. Спартанка смеялась и всплескивала руками от восторга.

— Волосы Таис, — продолжал поэт, — это дека оймон меланос кианойо (десять полос черноворонной стали) на доспехах Агамемнона! О сфайропигеон тельктерион (полная обаяния)! Киклотерезоне...

Дальнейшие слова потонули в боевом реве Эоситея:

— О моя Хризокома Эгесихора! Левкополоя — несущаяся на белых конях! О филетор эвнехис — прекрасноплечая любимая! Мелибоя — услада жизни!

Гром рукоплесканий, смех и одобрительные выкрики наполнили зал. Растерявшийся рапсод замер с раскрытым ртом. Таис вскочила, хохоча и протягивая обе руки поэту и аккомпаниатору, поцеловала того и другого. Бородатый лирник задержал ее руку, глазами указывая на кольцо делосского философа.

— Завтра вечером ты будешь в храме Нейт.

— Откуда ты знаешь?

— Я буду сопровождать тебя. Когда прийти и куда?

— Потом. Сейчас я должна танцевать для всех.

— Нет, не должна! — властно заявил бородатый аккомпаниатор.

— Ты говоришь пустое! Как я могу? Мне надо отблагодарить за рапсодию, показать поэтам и гостям, что не зря они пели. Все равно заставят...

— Я могу избавить тебя. Никто не попросит и не заставит!

— Хотелось бы мне увидеть невозможное.

— Тогда выйди, будто для того, чтобы переодеться, постой в саду. Можешь не менять одежду, никто не захочет твоего танца. Я позову тебя...

Настойчивые крики «Таис, Таис!» усиливались. Сгорая от любопытства, афинянка раскинула руки, как бы говоря о готовности к танцу, и выбежала в боковой ход, задернутый тяжелой занавесью. Вопреки совету бородатого, она не спустилась на четыре ступени в сад, а осталась наблюдать, чуть сдвинув плотную ткань.

Бородатый отдал лиру и сделал знак подбежавшим помощникам.

— Пока Таис готовится, я покажу вам чудеса восточных стран, — громко объявил он. Вблизи столов поставили два стеклянных шара. Круглые зеркала отбросили на шары пучки лучей от ярких светильников. Загоревшись золотым светом, шары стали вращаться от ремешков, приводимых в движение помощниками. Легкие удары по металлическим зеркалам заполнили зал равномерно вибрирующим долгим звоном, будто доносящимся издалека. Бородатый распростер руки, и тотчас две огромных курильницы были поставлены справа и слева. Он устремил на гостей блестящие глаза и сказал:

— Кто хочет увидеть Тихе, богиню счастья, и попросить у нее исполнения желаний, пусть смотрит на любой из шаров не отрываясь и повторяет ее имя в такт зеркал.

Вскоре весь зал хором твердил: «Тихе, Тихе!» Шары вертелись быстрее. Вдруг бородатый сунул обе руки в свой кожаный пояс и высыпал две горсти в курильницы. Резко пахнущий дым развеялся по залу, подхваченный легким током воздуха сквозь занавеси дверных проемов. Бородатый отступил назад, оглядел толпу пирующих и воскликнул:

— Вот перед вами Тихе в сребротканой одежде, с зубчатой золотой короной на рыжих волосах! Видите ее?

— Видим! — Мощный хор голосов показал, что все гости приняли участие в странной игре.

— Так что же? Танец Таис или милость Тихе?

— Тихе, Тихе! — столь же дружно заревели гости, простирая руки к чему-то невидимому для Таис.

Бородатый снова бросил курение на угли, сделал несколько странных жестов, и люди оцепенели. Чародей рез-

ко повернулся и быстрыми шагами вышел. Таис едва успела отшатнуться от занавеси. Бородатый коротко сказал — идем.

— А они? — тихо спросила она загадочного человека, подразумевая гостей.

— Очнутся скоро. И те, что стояли поодаль, засвидетельствуют, что тебя отвергли, взывая к Тихе.

— Она на самом деле явилась им?

— Они видели то, что я приказал.

— Где ты узнал искусство так повелевать толпой?

— Сэтеп-са давно знали в Египте, а я побывал еще в Индии, где владеют этим искусством лучше.

— Кто же ты?

— Друг того, кто ждет тебя завтра после заката солнца. Пойдем, я доведу тебя домой. Не годится Таис разгуливать по ночам одной.

— Чего мне бояться с таким владыкой людей?

— Вовсе не так, но пока ты не поймешь этого. Моя власть заключена лишь в развитой леме (воле), а ее можно употребить лишь в подходящий и подготовленный момент.

— Теперь я понимаю. Твое чародейство — лишь неизвестное нам искусство. А я подумала, что ты — сын Гекаты, богини ночного наваждения.

Бородатый коротко засмеялся, молча довел Таис до ее дома и, условившись о встрече, исчез. Служанки спали, кроме Гесионы, которая устроилась со светильником и шитьем ждать госпожу. Она ожидала, что Таис явится на рассвете, с факелами и шумной толпой провожатых. Услышав ее голос в ночной тиши, Гесиона в тревоге и недоумении выбежала на крыльцо. Таис успокоила свою добровольную рабыню, выпила медового напитка и улеглась в постель. Подозвав к себе Гесиону, она объявила об отъезде на декаду и дала фиванке распоряжения на время отсутствия. Отказ Таис взять ее с собой снова поверг девушку в отчаяние. Упав на колени перед постелью, Гесиона зарыдала и прижалась лицом к коленям лежавшей навзничь гетеры.

— Ты отвергаешь меня, госпожа, уходишь от меня. У меня нет никого на свете, кроме тебя, а теперь я тебе не нужна. Что я буду делать, когда люблю тебя больше жизни. Я убью себя!

Последовал взрыв такого горя, что Таис испугалась. До сих пор Гесиона плакала редко. Сдержанная, чуть суровая, она наотрез отказывалась участвовать в танцах или симпозионах, отвергала мужские домогательства...

Таис велела Гесионе лечь с нею рядом, гладила по голове и щекам и, когда рыдания стихли, объяснила фиванке причину, по которой она не могла ее взять с собою ни в прошлый, ни в этот раз. Гесиона успокоилась и села на постели, глядя на госпожу с восхищением и некоторым страхом.

— Не бойся, я не изменюсь, — рассмеялась гетера, — и ты будешь со мной, как и прежде. Но не навсегда же — придет твой черед, появится тот, за которым ты пойдешь куда глаза глядят. Познаешь сладость и горечь мужской любви.

— Никогда! Я их ненавижу! — яростно возразила Гесиона.

— Пусть так, пока ты не излечишься от потрясения войны. Тело возьмет свое. Ты здорова и красива, отважна, — не может быть, чтобы ты избежала сетей Афродиты.

— Я буду любить только тебя, госпожа!

Таис, смеясь, поцеловала девушку.

— Я не трибада, смятением двойной любви не одарила меня богиня. И тебя тоже. Поэтому Эрос мужской любви неизбежен для нас обеих. Женщин он непременно разделит, а судьба разведет. Будь готова к этому! Но наши с тобой имена означают слуг Исиды. Может быть, нам и суждено быть вместе?

Гесиона соскользнула на пол, упрямо хмуря брови, счастливая сознанием, что Таис не отвергает ее. А та заснула почти мгновенно, усталая от впечатлений длинного дня.

В сумерках Таис и вчерашний поэт-чародей сидели на ступенях храма Нейт над темной рекой, ожидая восхода Стража Неба.

Бородатый поэт сказал, что делосский философ запретил узнавать его имя. Это великий мудрец, хотя известен лишь познавшим учение орфиков, пифагорейцев и гимнософистов. Несколько лет он жил на западе Ливийской пустыни, где обнаружил древнекритские святилища, ныне опустелые и развалившиеся. Именно оттуда прошел сквозь все эллинские страны культ тройной богини Гекаты, прежде змеи — богини Крита и Ливии. Ее прекрасные жрицы-обольстительницы, или ламии, в Элладе стали страшными демонами ночи. Демоном сделалась и богиня-сова, превратившаяся в Лилит — первую жену первого человека у обитателей Сирии. Сирийская лунная богиня тоже изображалась с телом змеи, а в Египте иногда с львиной головой. Нейт в основе своего возникновения — также трехликая змея — богиня Ливии. Главная богиня города, где прославилась Таис, Афина-Мудрость родилась на берегах озера Тритон в Ливии, как тройная змея-богиня. Повсюду в древних религиях главной является тройственная бо-

гиня Любви, три Музы, три Нимфы. В поздних мифах она обязательно побеждается мужчиной-богом или героем вроде разрушителя Персея.

Делосец говорит, что богини и боги древних религий, переходя к новым народам, всегда превращаются в злых демонов. Надо опорочить прежнее, чтобы утвердить новое. Таковы, к сожалению, люди.

Великая Богиня-Мать, или Ана, соединяющая в себе лики Мудрости, Любви и Плодородия, повернулась ныне другой стороной: Зла, Разрушения, Смерти. Но память чувства сильнее всего, и древние верования постоянно всплывают наверх из-под спуда новых. Образы Аны разделились, стали богинями Эллады: Ур-Ана-Афродита, Ди-Ана-Артемис, Ат-Ана-Афина. Лунная богиня Артемис, самая древняя из всех, сохранила свой тройной облик и стала Гекатой, богиней злых чар, ночного наваждения, водительницей демонов ночи, а ее брат Аполлон-Убийца стал светлым богом солнца и врачевания...

— И ты не боишься говорить о богах, будто они люди? — тревожно спросила Таис, слушавшая бородатого не прерывая.

— Делосский учитель уже сказал тебе... кроме того, я — поэт, а все поэты поклоняются женской богине. Без нее нет поэта, он обращается только к ней. Она должна покориться правде его слов. Ибо поэт ищет истину, познает вещи, которые не интересуют ни Музу, ни Любовь. Она — богиня, но и женщина тоже, как ты!

— Ты говоришь мне, как будто я...

— Потому он и поэт! — раздался слабый, ясный голос позади. Оба вскочили, склонившись перед делосским жрецом. — Вы даже забыли, что Никтурос уже отразился в воде реки.

Бородатый, утративший свойственную ему важность, пробормотал оправдания, но делосец знаком остановил его.

— Поэт всегда должен идти против, в этом его сущность. Если нечто еще могучее перезрело, омертвело, — его надо разрушить, и поэт становится разрушителем, направляет сюда удар осмеяния. Если что-то милое еще слабо, не окрепло или даже уничтожено, — его надо создать вновь, влить в него силу. Тут поэт мечтатель, восхвалитель и творец! Так у него постоянно два лица, еще лучше, если три, как у его Музы. Но горе ему и людям, если только одно. Тогда он — сеятель вреда и отравы.

— Осмелюсь возразить тебе, мудрец из Делоса, — бородатый вздернул голову, — почему ты говоришь только о поэте? Разве философы не в равной мере ответственны за свои слова?

— Я не говорю о мере, которая равна для всех. Ты знаешь, насколько магия слова и звука сильнее тихого голоса софистов. Власть поэта над людьми гораздо большая, оттого и...

— Я понял, учитель, и опять склоняюсь перед твоей мудростью. Не трать больше слов.

— Нет, я вижу, ты еще не достиг всей глубокой силы поэта, хотя и посвящен Пятью Лепестками Лотоса. Понятие стиха происходит из корня слова «борьба», но поэт в своем другом обличье еще непременно разделяет воюющих. Он — примиритель, как велось издревле. Почему так?

Бородатый смущенно растопырил пальцы, выдавая этим жестом милетца, и делосец улыбнулся.

— Тогда слушай, и ты, Таис, тоже, ибо это поможет тебе понять многое. После воцарения мужских богов, пришедших с севера вместе с племенами, покорившими пеласгов, «Народ Моря», пятнадцать веков назад — ахейцами, данайцами и эолийцами, беспокойный, самоуверенный мужской дух заменил порядок и мир, свойственный женскому владычеству. Героиворины заменили великолепных владычиц любви и смерти. Жрецы объявили войну женскому началу. Но поэт служит Великой Богине и потому является союзником женщины, которая, хотя и не поэт сама, но Муза. А если Муза еще и поэт, как Сапфо с Лесбоса, то достигает такой силы, что ее творения уничтожаются мужчинами, а ее саму топят в клевете, обвиняя в том, в чем всегда обвиняли сильных женщин слабые мужчины, — в любовной ненасытности.

Новые народы отделяют Солнце от Луны, мужского бога от Анатхи-Иштар, наделяя его полнейшим могуществом, считая началом и концом всего сущего. Ты только что говорил Таис, и правильно, что боги старой религии становятся злыми демонами в новой. Я прибавлю еще, что богини все больше оттесняются прочь, как владычицы злых чар. Это происходит на востоке, и на западе, и в Элладе. Вместе с богинями уходит поэзия, уменьшается число и сила поэтов. Я предчувствую беды от этого далеко в будущем.

— Почему беды, могу я спросить тебя, отец? — сказала Таис, до сих пор молча стоявшая около мужчин.

— Единая сущность человека разрывается надвое. Мыслитель-поэт встречается все реже, а отдельные сущности его множатся в мире. Преобладает все сильнее разум — Нус, Фронема, более свойственный мужчинам, вместо памяти — мнемы, эстесиса и тимоса — чувства, сердца и души. И мужчины, теряя поэтическую силу, делаются похожими на пифагорейских считальщиков или на мстительные и расчетливые

божества сирийских и западных народов. Они объявляют войну женскому началу и вместе с тем теряют духовное общение с миром и богами. Они считают свои заслуги и грехи как деньги, расплачиваясь с божеством, и вместо очищения получают роковое чувство вины и бессилия.

— Когда же это началось, отец? Почему так случилось?

— Очень давно! Когда впервые человек взял в руки инструмент, оружие, создал колесо, он потерял веру в себя и стал надеяться на изобретенные им инструменты, все более отдаляясь от естества и ослабляя свои внутренние силы. Женщина жила по-иному и больше сохранила себя, стала сильней мужчины в душе, в любви и знании всей сущности. Но довольно об этом, ночь наступила, пора идти.

Волнение участило дыхание Таис. Она пошла следом за мужчинами через небольшой дворик к каменному пилону, возведенному над уходящей в склон холма галереей. Некоторое время они шли молча, осторожно ступая в темноте. Затем Таис услышала, как бородатый поэт спросил делосского философа:

— Надо ли понимать сказанное тобой, что мы, эллины, несмотря на огромные знания и великое искусство, нарочно не стремимся создавать новые орудия и машины, чтобы не расстаться с чувствами Эроса, красоты и поэзии?

— Мне думается, что да, хотя, может быть, мы и не сознаем этого.

— Мудро ли?

— Если весь мир идет к разрыву поэта и философа, чувства и разума, к приятию всеразумного и всемогущего карающего бога, к уходу в полисы, под защиту стен и машин, тогда наш путь приведет к гибели.

— Но будет славная гибель! Нас воспоют в веках!

— Ты прав. Тысячи будущих лет Эллада останется прекрасной грезой для всех чего-нибудь стоящих людей, невзирая на все наши недостатки и ошибки! Мы пришли!

Делосец остановился и обернулся к Таис. Гетера замерла. Философ ободряюще улыбнулся и взял ее за руку, что-то шепнув поэту. Тот исчез в боковом проходе, а философ провел Таис в очень высокое круглое помещение, освещенное дымящимися факелами ароматического дерева. Он взмахнул рукой, и тотчас загрохотали невидимые барабаны. Они били громко, ускоряя темп. Вскоре грохочущие каскады звуков, обрушиваясь на Таис, заставили ее вздрагивать всем телом, увлекаемым их ритмом и мощью. Философ наклонился к афинянке и, повысив голос, приказал:

— Сними с себя все. Сандалии — тоже.

Таис повиновалась не раздумывая. Делосец одобрительно погладил ее по волосам, велел вынуть гребень и снять ленты.

— В тебе видна кровь Великой Богини. Стань в центре круга.

Таис стояла так, вздрагивая от грохота, а делосский мудрец исчез. Внезапно, как бы из стен, вышли девять женщин с венками красных цветов на распущенных волосах, нагие как Таис, не египтянки, но и не эллинки, неизвестного Таис народа. Одна из них, старшая возрастом, крепкая, широкогрудая, с целой шапкой мелко вьющихся волос, с темно-бронзовой кожей, подбежала к Таис. Остальные построились кольцом вокруг.

— Делай как мы! — приказала старшая на хорошем койне, взяв афинянку за руку.

Женщины пошли цепочкой, высоко приподнимая колени и держа друг друга за распущенные волосы. Темп, ускоряясь, перешел в бег. Разъединившись, они закружились волчком — стробилосом, замерли, извиваясь в Игдибме — диком танце троянской богини, неистово вращая бедрами, снова понеслись, запрокидывая головы и простирая руки, готовые обнять всю ойкумену. Барабаны уже не грохотали, а ревели, танцовщицы бесились в замысловатых движениях, хриплые выкрики пересохших ртов слышались все реже. Одна за другой женщины падали на пол, откатываясь к стене из-под ног танцующих. Таис, отдавшая себя всю дикому ритуалу, не заметила, что осталась вдвоем со старшей танцовщицей. Восемь других валялись на полу в забытьи. Старшая продолжала плясать, залитая потом, с удивлением глядя на Таис, не отставшую и лишь пламеневшую жарким румянцем. Неожиданно танцовщица остановилась, высоко подняв руки. Музыка, если можно было так назвать неимоверный грохот, смолкла. Оглушающая тишина нарушалась лишь вздохами валявшихся на полу танцовщиц. Старшая поклонилась Таис очень низко и издала резкий вопль. Упавшие поднялись, шатаясь на ослабленных ногах. Мгновение — и афинянка осталась одна, все еще трепеща с ног до головы и слыша только свое усиленное дыхание. Откуда-то сверху раздался голос делосского философа:

— Очнись, иди направо.

Таис заметила узкий, как щель, выход из круглой залы и пошла туда как в тумане. Позади с тяжелым медным лязгом захлопнулась дверь. В абсолютной темноте Таис простерла руки вперед, осторожно ступая. Вдруг сверху на нее обруши-

лась масса соленой воды, пахнувшей морем. Ошеломленная афинянка отступила, вспомнила про закрытую позади дверь и снова пошла. Проход поворачивал под прямым углом раз, другой. После первого поворота едва заметный свет мелькнул в углу. Мокрая с головы до ног, еще не остывшая, Таис устремилась на свет и спустя несколько мгновений окаменела от страха. Она очутилась в круглой зале, похожей на прежнюю, но без крыши, уходившей колодцем в звездное ночное небо. Всю площадь пола занимал бассейн с водой. Только там, где стояла Таис, была неширокая насыпь настоящей морской гальки, наклонно уходившая в воду. Откуда-то дул ветер, маленькие волны плескались на гальке и крутили пламя единственного факела, бросавшего красные блики на черноту воды. Зубы Таис стукнули несколько раз, и она поняла, что дрожит от холода и от гнетущего чувства, которое могло быть только страхом, не осознанным, но укрепившимся в душе отважной афинянки после долгого и беспомощного ожидания чудовищного зухоса в подземелье Лабиринта, похожем на этот странный колодец...

— Не бойся, дочь моя! Я с тобою. — Делосский философ вышел на противоположную сторону бассейна и медленно стал обходить его по обложенному гранитом краю.

— По ритуалу тебя надо приковать к скале, и морское чудовище как бы должно пожрать тебя. Однако ты уже подверглась куда более страшному испытанию в Лабиринте, и мы решили отменить первую ступень. Здесь я рассыплю уголь трех священных деревьев — дуба, орешника и ивы, употребляемых для погребального костра и знаменующих власть, мудрость и очарование. На углях, как на ложе мертвых, ты и будешь ночевать. Возьми, — философ взял из ниши в стене охапку шерсти черных овец и подал Таис, — ты проведешь здесь в одиночестве, лежа ничком, ночь до первых признаков рассвета. Едва начнет светать, ты покинешь бассейн, войдешь обратно в галерею, повернешься налево, на мерцание светильника, и войдешь в темную пещеру, где проведешь день. Когда услышишь звон, покидай пещеру и иди снова на гальку до следующего рассвета. На этот раз лежи на спине, созерцая небо, и повторяй древний гимн Гее. Так будет еще две ночи. Я приду за тобой. Придется поститься. Вода для питья в амфоре у ложа в пещере. Хайре!

Таис, дрожа в ознобе, расстелила шерсть на гальку и постаралась накрыть себя сверху. Усталая от танца и переживаний Таис согрелась. Чуть слышный плеск маленьких волн нагонял сон... Она очнулась с холодными ногами и руками,

чувствуя боль впившихся в тело галек. Шерсть пахла овцой, черная вода в бассейне казалась нечистой, волосы раскосматились и слиплись от соленого душа. Таис, недовольная и недоумевающая, подняла голову и увидела, что небо утратило бархатную черноту, начиная сереть. Вспомнив приказ делосца, Таис собрала шерсть в кучу, растерла занемевшее тело и вошла в подземелье. Она чувствовала себя грязной, голодной, с пересохшим ртом и недоумевала. Неужели в столь простых неприятностях и состоит испытание посвящения? Посвящения во что? Внезапно афинянка припомнила, что философ ничего не сказал ей об этом. И она ничего не спросила, проникшись детским доверием к удивительному старику. Раз он считает необходимым посвятить ее — значит, так нужно. Но неудобства ночи, после которой ничего не произошло, настроили ее скептически. Она просто спала, и спала скверно, в мрачном, нелепом колодце. Зачем? Что изменилось в ней?

К своему удивлению, афинянка нашла в подземелье чашу для умывания и все необходимое для туалета. Умытая, с трудом расчесав свои густые волосы, Таис напилась и почувствовала себя гораздо лучше, несмотря на голод. Она обошла несколько раз свою темницу, и тут светильник догорел и погас. Наступила полнейшая темнота. Таис ощупью добралась до ложа, покрытого мягкой тканью, и долго лежала в глубокой задумчивости, пока сон не овладел ею. Проснувшись от звенящего медного удара, она послушно поплелась к бассейну. На этот раз сухая и теплая, Таис расстелила шерсть поудобнее и улеглась на скрипящей гальке, обратив взгляд в яркозвездное небо.

Выспавшись, она лежала без сна всю ночь, не отрывая глаз от звезд. Странное чувство взлета незаметно пришло к ней. Сама земля вместе с ней тянулась к небу, готовая принять его в свои объятия. «Радуйся, матерь богов, о жена многозвездного неба», — твердила она слова древнего гимна, по-новому понятые. Таис казалось, что она слилась со щедрой, широкой Геей, ждущей соединения с черной, сверкающей звездами бесконечностью. Великая тайна мира вот-вот должна была открыться ей. Таис раскинула руки, все тело ее напряглось, стон мучительного нетерпения сорвался с губ. А черное покрывало ночи по-прежнему висело над ней неизмеримой бездной, загадочное мерцание светил не приближалось. Резкий спад ее порыва не огорчил, а оскорбил афинянку. Она увидела себя со стороны, жалкую, маленькую, обнаженную, на дне колодца в безвыходном круге высоких и

гладких каменных стен. Ее мнимое слияние с Геей было дерзким святотатством, непостижимое осталось прежним, будущее не сулило великого и светлого. Таис захотелось вскочить и убежать прочь, как самозванке, вторгшейся в запретное и наконец понявшей свое ничтожество. Что-то, может быть воля делосца, удерживало ее на месте. Постепенно Таис подчинилась покою звездной ночи и ощущение уверенности в себе заменило прежнее смятение. Однако когда афинянка пришла в пещеру, чтобы забыться тревожным сном, беспокойство вернулось, усиленное голодом и непониманием, зачем ее заставляют проделывать все это.

Третья ночь наедине со звездами на берегу символического моря началась по-иному. После двух дней в темноте звезды виделись особенно яркими. Одна из них приковала внимание Таис. Острый луч пронизал ее сквозь глаза, проник в сердце, разлился по телу голубым огнем колдовской силы. Сосредоточившись на звезде, она, вспомнив волшебные возгласы ритуальных танцев, собиравшие силы и чувства, стала повторять: «Гея-Таис, Гея-Таис, Гея-Таис...» Беспорядочный поток мыслей замедлился, почва под Таис плавно покачивала ее и песта неощутимо, подобно кораблю в ночном море.

Заострившимся чутьем Таис поняла наконец цель и смысл своего испытания. Конечно, там, на островах Внутреннего Моря, человек, оставленный наедине с морем, в ночной тиши, легче проникался первобытным слиянием с природными силами Геи, растворяя себя в вечном плеске волн. Здесь жалкая символика не позволяла быстро настроить себя на глубокое чувство потока времени подобно Ахелою-Аргиродинесу, катящему серебряные волны из неизвестности будущего во мрак подземелий прошлого. Если стремления с самого начала были искренни и сильны, то сосредоточение и подъем духа могли достигаться среди этой почти театральной декорации, почувствовала Таис в мерном течении замедленных мыслей, лежа лицом к небу. С тихим током дум время убыстрялось. Протекла будто совсем короткая ночь, и разноцветье звезд стало холодеть, серебрясь признаком близкого рассвета. Повинуясь внезапному желанию, Таис встала, потянулась всем телом и бросилась во тьму черной воды. Удивительная теплота обняла ее, вода, прежде казавшаяся ей застойной, нечистой, спорила свежестью с морской далью. Едва ощутимое течение струй пробегало по коже невиданной лаской. В блаженстве Таис перевернулась на спину, опять устремляя взор в небо. Вода, очевидно пресная (Таис все же не решилась ее по-

пробовать), не поддерживала как морская, но, погрузившись до губ, Таис смогла лежать не двигаясь. Рассвет катился из восточной пустыни, а Таис не знала, следует ли ей снова удаляться во тьму пещеры или ожидать знака здесь. Ее недоумение прервалось знакомым медным ударом, и на галечной насыпи появился старый философ.

— Иди ко мне, дочь! Пора приступать к обряду.

Почти одновременно с его словами буйная заря ясного дня взвилась в высоту сумрачного неба, отразилась от гладкой стены колодца, и Таис увидела себя в кристально-прозрачной воде бассейна из полированного темного гранита. Перевернувшись, она быстро доплыла до галечной насыпи. Ослепленная после долгого пребывания в пещере и сумраке ночей, она выплыла из воды и прикрылась мокрыми вьющимися прядями кос. За спиной делосца появился бородатый поэт с каким-то черным камнем в руке.

— Ты должна быть символически поражена громовым ударом и очищена им. Он ударит тебя камнем, упавшим с неба. Откинь назад волосы, склони голову.

Так возросло доверие афинянки к старому философу, что она бестрепетно повиновалась.

Удара не последовало. С шумным вздохом поэт отступил, прикрывая лицо свободной рукой.

— Что с тобой, митиленец? — повысил голос старик.

— Не могу, отец. Столь прекрасно это создание творческих сил Геи. Взгляни на ее совершенство; я подумал, что оставлю рубец, и рука моя опустилась.

— Понимаю твои чувства, но обряд следует выполнить. Догадайся, где рубец менее всего будет заметен?

Видя нерешительность поэта, делосец взял камень сам.

— Заложи руки за голову, — отрывисто приказал он Таис и нанес резкий удар острой гранью камня по внутренней стороне руки, выше подмышки. Таис слегка вскрикнула от удивления, потекла кровь. Жрец собрал немного крови и размешал в воде бассейна. Забинтовав руку афинянки полотняной лентой, он удовлетворенно сказал:

— Видишь, этот рубец будет знать только она да еще мы двое.

Поэт со склоненной головой подал Таис чашу козьего молока с медом — напитка, которым вспоила Зевса в пещере Крита божественная коза Амальтея. Таис осторожно выпила ее до дна и почувствовала, как отступил голод.

— Это знак возрождения к жизни, — сказал философ. Поэт надел на голову Таис венок из сильно пахнущих белых

цветов с пятью лепестками и поднес светло-синюю столу, по подолу которой вместо обычной бахромы бежал узор из крючковатых крестов, показавшийся афинянке зловещим. Делосский философ, как всегда, угадал ее мысли.

— Это знак огненного колеса, пришедший к нам из Индии. Видишь, концы крестов отогнуты противосолонь. Колесо может катиться лишь посолонь и знаменует добро и благосклонность. Но если ты увидишь похожие колеса-кресты с концами, загнутыми посолонь, так что колесо катится лишь против вращения солнца, — знай, что имеешь дело с людьми, избравшими путь зла и несчастья.

— Как танец черного колдовства, который танцуют ночью противосолонь вокруг того, чему хотят повредить? — спросила Таис, и делосец кивнул утвердительно.

— Вот три цвета трехликой богини-музы, — сказал поэт, обвязывая Таис поясом из продольно-полосатой бело-сине-красной ткани. Бородатый отдал афинянке низкий египетский поклон, коснувшись ладонью своего правого колена, и безмолвно вышел. Делосец повел Таис из подземелья через залитый ослепительным светом дворик, в верхний этаж надвратного пилона.

Последовавшие семь дней и ночей заполнили странные упражнения в сосредоточении и расслаблении, усилиях и блаженном отдыхе, чередовавшихся с откровениями мудреца в таких вещах, о каких хорошо образованная гетера никогда не подозревала. Казалось, в ней произошла большая перемена — к лучшему или к худшему, она еще не могла оценить. Во всяком случае из храма Нейт на волю выйдет другая Таис, более спокойная, знающая и по-новому беззаботная — от разоблачения обманов жизни и самообмана людей, а не от беспечного задора юности, как было прежде. Она никогда никому не рассказывала о суровых днях необыкновенных чувств, вспыхнувших подобно пламени, пожиравшему обветшалые одежды детской веры. О страдании от уходящего очарования успехов, казавшихся столь важными, о постепенном утверждении новых надежд и целей она могла бы рассказать лишь дочери, на нее похожей. Жизнь не лежала перед ней более прихотливыми извивами дороги, проходящей бесчисленными поворотами от света к тьме, от рощ к речкам, от холмов до берегов моря. И везде ждет неведомое, новое, манящее...

Жизненный путь теперь представлялся Таис прямым, как полет стрелы, рассекающим равнину жизни, вначале широким и ясным, далее становящимся все более узким, туманящимся и в конце концов исчезающим за горизонтом. Но уди-

вительно одинаковым на всем протяжении, будто открытая галерея, обставленная одинаковыми колоннами, протягивалась туда, вдаль, до конца жизни Таис.

Дейра («Знающая») — как тайно именовалась Персефона — вторглась в душу, где до сей поры безраздельно властвовали Афродита и ее озорной сын. Это необыкновенное для юной, полной здоровья женщины чувство не покидало афинянку все время ее пребывания в храме Нейт и странным образом способствовало остроте восприятия поучений делосского философа. Старик открыл ей учение орфиков, названных так потому, что они считали возможным выход из подземного царства Аида — подобно Орфею, спасшему свою Эвридику. Учение, возникшее в глубине прошлых веков из сочетания мудрости Крита и Индии, сочетало веру в перевоплощение в новых рождениях с отрицанием безысходности кругов жизни и судьбы. Великий принцип «все течет, изменяется и проходит», отраженный в имени великой критской богини Кибелы-Реи, натолкнулся на вопрос — будет ли возвращение к прежнему?

— Да будет всегда! — отвечали мудрецы Сирии и Пифагор, знаменитый ученик орфиков, пеласг с острова Самоса, который увел орфиков в сторону от древней мудрости, продавшись игре чисел и знаков под влиянием мудрецов Ураша.

— Не будет, — говорили философы староорфического толка. Не Колесо, вечно совершающее круг за кругом, а Спираль — вот истинное течение изменяющихся вещей, и в этом спасение от Колеса.

«Боги не создавали Вселенную, она произошла из естественных физических сил мира» — так учили орфики. «Космос — это прежде всего порядок». Из Хаоса, Хроноса (Времени) и Этера (пространство эфира) образовалось яйцо Вселенной. Яйцо стало расширяться, одна его половина образовала небо, другая — землю, а между ними возникла Биос — жизнь.

Удовлетворяя потребности мыслящих людей, орфики не подозревали, конечно, что двадцать шесть веков спустя величайшие умы гигантски возросшего человечества примут подобную же концепцию происхождения Космоса, исключив лишь Землю из главенства во Вселенной.

В Газе, критской колонии на сирийском берегу, основанной за двенадцать веков до Таис, родился миф о Самсоне — ослепленном богатыре, прикованном к мельнице и осужденном вечно вращать ее колесо. Он спасся благодаря колоссальной силе, сломав колонны и обрушив на всех крышу храма. Издревле вращающийся небосвод сравнивался людьми с

мельницей. Смысл содеянного героем сводился к тому, что надо разрушить мир и убить всех, чтобы уйти от вечного круговращения.

Орфики решили проблему по-иному. До сей поры можно найти их наставления на золотых медальонах, которые они надевали на шеи своим умершим. Когда душа умершего, томимая жаждой, плелась по подземному царству через поля асфоделей, она должна была помнить, что нельзя пить из реки Леты. Ее вода, темная от затенявших высоких кипарисов, заставляла забывать прошедшую жизнь. Душа становилась беспомощным материалом для цикла нового рождения, разрушения и смерти, и так без конца. Но если напиться из священного ключа Персефоны, скрытого в роще, тогда душа, сохраняя память и знание, покидает безысходное Колесо и становится владыкой мертвых.

Вместе с пришедшим из Азии учением о перевоплощении орфики сохранили древние местные обряды.

— От тебя, — сказал делосский философ, — учение орфиков требует помнить, что духовная будущность человека находится в его руках, а не подчинена всецело богам и судьбе, как верят все, от Египта до Карфагена. На этом пути нельзя делать уступок, отступлений, иначе, подобно глотку воды из Леты, ты выпьешь отраву зла, зависти и жадности, которые бросят тебя в дальние бездны Эреба. Мы, орфики Ионии, учим, что все люди однозначны на пути добра и равноправны в достижении знания. Разность людей от рождения огромна. Преодолеть ее, соединить всех, так же как и различие народов, можно только общим путем. Но надо смотреть, что за путь объединяет народ. Горе, если он не направлен к добру, и еще хуже, если какой-нибудь народ считает себя превыше всех остальных, избранником богов, призванным владычествовать над другими. Такой народ заставит страдать другие и сам обречен на еще худшие страдания, испытывая всеобщую ненависть и тратя все силы на достижение целей, ничтожных перед широтою жизни. Мы, эллины, не так давно стали на этот дикий и злой путь, еще раньше пришли к нему египтяне и жители Сирии, а сейчас на западе зреет еще худшее господство Рима. Оно придет к страшной власти. И власть эта будет хуже всех других, потому что римляне — не эллинского склада, темные, устремленные к целям военных захватов и сытой жизни с кровавыми зрелищами.

— Вернемся к тебе, — оборвал сам себя старый философ, — нельзя быть орфиком нашего толка, если помимо цели забывать о цене, какой досталось все людям. Я не говорю о

простых вещах, доступных рукам ремесленника, а думаю о больших постройках, храмах, городах, гаванях, кораблях, обо всем, что требует усилий множества людей. Никакой самый прекрасный храм не должен пленять тебя, если он выстроен на костях и муках тысяч рабов, никакое величие не может быть достойным, если для его достижения были убиты, умерли с голоду, потеряли свободу люди. Не только люди, но и животные, ибо их страдания тоже отягощают чашу весов судьбы. Потому многие орфики не едят мяса...

— Отец, а как приносят жертвы великим богам? — спросила Таис и вся подобралась, увидев огонь гнева в глазах учителя. Он помолчал, затем сказал грубо и отрывисто, совсем непохоже на прежнюю спокойную речь.

— Дикие жертвы диким богам приносят убийцы...

Таис смутилась. Не однажды во время бесед делосца приходило к ней чувство вторжения в запретное, кощунственного отстранения завесы, отделяющей смертных от богов.

— Не будем говорить о том, к чему ты еще не готова!

И делосский философ отпустил Таис.

В последующие дни он учил ее правильному дыханию и развитию особенной гибкости тела, позволяющей принимать позы для сосредоточения и быстрого отдыха. С детства вышколенная физически, гетера, великолепно развитая, воздержанная в пище и питье, оказалась настолько способной ученицей, что старик хлопал себя по колену, воодушевляя афинянку.

— Я могу лишь научить тебя приемам. Дальше, если захочешь и сможешь, ты пойдешь сама, ибо путь мерится не одним годом! — приговаривал он, проверяя, насколько хорошо запоминает Таис.

На шестой день — «цифре жизни» пифагорейцев — старик подробнее рассказывал Таис о праматери всех религий — Великой Богине. Вероучители лгут, стараясь доказать, что изначален бог-мужчина. Тысячелетия тому назад все народы поклонялись Великой Богине, а в семье и роде главенствовали женщины. С переходом главенства к мужчине пути стали расходиться. Древние религии были стерты с лица Геи или целиком предались вражде с женщиной, назвав ее источником зла и всего нечистого.

В безмерной дали отсюда на востоке есть огромная Срединная Страна, современница уничтоженной критской. Там желтолицые и косоглазые люди считают мужское начало Янь олицетворением всего светлого, а женское начало Инь — всего темного в небе и на земле.

В знойных долинах Сирии обитает не менее древний, мудрый народ, вначале поклонявшийся Рее-Кибеле, как и критяне. Затем женское имя богини превратилось в мужское — Иегову. Еще совсем недавно в верхнем Египте существовал культ Иеговы и двух богинь, его жен: Ашима Бетхил и Анатха Петхил. Затем жены исчезли, и бог остался единым. На востоке совместное поклонение великой богине Асторет, или Иштар, и Иегове раскололось на две различные веры. Первая взяла многое от обожествлявшего женщину Крита, из критской колонии Газы и древнего города мудрости Библоса. Знаменитый храм Соломона построен по подобию критских дворцов с помощью строителей Гебала-Библоса.

Вера поклонников Иеговы объявила женщину нечистой, злодейской, своими грехами вызвавшую изгнание людей из первобытного рая... Под страхом смерти женщина не смеет показаться даже мужу нагою, не смеет войти в храм. Если женщина в период менструации пройдет между двумя мужчинами — один из них обязательно умрет.

— Ты шутишь, отец, — рассмеялась Таис, — на афинской Агоре умирали бы сотни мужчин в день!

— Чем нелепее вера, тем больше цепляются за нее непросвещенные люди, чем темнее их душа, тем они фанатичнее. Непрерывные войны, резня между самыми близкими народами — результат восшествия мужчины на престолы богов и царей. Все поэтическое, что связано с Музой, исчезает, поэты становятся придворными восхвалителями грозного бога, философы оправдывают его действия, техники изобретают новые боевые средства. А если царь становится поэтом и поклоняется Музе в образе прекрасной возлюбленной, то ее убивают. Такова была история коммагенского царя Соломона и Суламифи. Ее должны были убить еще и за то, что она нарушила запрет и не скрывала своей наготы.

— Но у нас в Элладе так много поэтов и художников воспевают красоту женщин, — сказала Таис.

— Да, у нас женские и мужские боги не разошлись далеко, и в этом счастье эллинов, на вечную зависть всем другим народам. В Элладе женщинам открыт мир и потому они не невежественны, как у других народов, и дети не вырастают дикарями. Тех, кто во всей красоте позирует художникам и скульпторам, не убивают, а славят, считая, что отдать красоту людям не менее почетно, чем мастеру перенести ее на фреску или в мрамор. Эллины поняли силу Эроса и важность поэзии для воспитания чувств. Мы не сумели сделать так, чтобы женщина сочетала все свои качества в одном лице, но, по

крайней мере, создали два вида женщины в ее двух важнейших обликах: хозяйки дома и гетеры — подруги.

— Какой же из них важней?

— Оба. И оба едины в Великой Богине-Матери, Владычице Диких Зверей и Растений. Но помни, что Великая Богиня не живет в городах. Ее обиталище — холмы и рощи, степи и горы, населенные зверями. Еще — море, она и морская богиня. Пророки Сирии считали море прародиной всего греховного, с ним связана Рахаб — соблазнительница и наследница вавилонской богини Тиамат. Они восклицали: «Не будет больше моря!» И египтяне тоже боятся моря...

— Как странно! Мне кажется, я не смогла бы долго жить без моря, — сказала Таис, — но меня не пугает город, когда он стоит на морском берегу.

— И ты не знаешь, какому лику богини следовать? — усмехнулся философ. — Не задумывайся! Сама судьба поставила тебя гетерой, пока ты молода. Будешь старше — сделаешься матерью, и многое изменится в тебе, но сейчас ты — Цирцея и обязана выполнять свое назначение.

На вопрос Таис — какое назначение, делосец объяснил ей, что женская богиня Муза хотя и не кровожадна, но вовсе не так добра, как это видится влюбленным в нее поэтам. Среди обычных людей существует поговорка о том, что быть поэтом, любить поэта или смеяться над ним — все одинаково гибельно. Древние лунные богини Крита и Сирии были украшены змеями для напоминания, что их прекрасные образы скрывают Смерть, а львы сторожат свои жертвы у их ног. Таковы же их сестры: богиня-сова с горящими мудростью глазами, летающая ночью, возвещая смерть, подобно «Ночной кобылице» Деметре, или беспощадная соколиха Кирка (Цирцея), вестница гибели, владычица острова Плача — Эа на севере Внутреннего моря. Кирка — волшебница любви, превращавшая мужчин в зверей соответственно их достоинству — свиней, волков или львов. Артемис Элате (Охотница), следящая за здоровьем всех диких зверей и людей, уничтожая слабых, больных, малоумных и некрасивых.

Великая богиня Муза обнажена, как дарящая истину, как не приверженная ни к месту, ни к времени. Она не может быть домашней женщиной, она всегда будет противостоять ей. Женщины не могут сколько-нибудь долго выдержать ее роль.

— Я знаю, — грустно и тревожно сказала Таис, — сколько менад кончают самоубийством на празднествах любви.

— Я доволен тобою все больше! — воскликнул философ. — К твоим словам добавлю, что та, которая родилась быть му-

зой, но вынуждена быть домашней хозяйкой, всегда живет под искушением самоубийства. И если поэт ошибается женщиной, то перестает быть им, превратившись в обычного человека.

Твоя роль в жизни — Музы художников и поэтов, очаровательной и милосердной, ласковой, но беспощадной во всем, что касается Истины, Любви и Красоты. Ты — то бродительное начало, которое побуждает стремления сынов человеческих, отвлекая их от обжорства, вина и драк, глупого соперничества, мелкой зависти, низкого рабства. Через поэтов, художников ты, Муза, должна не давать ручью знания превратиться в мертвое болото.

Предупреждаю тебя — это путь нелегкий для смертной. Но он не будет долог, ибо только молодые, полные сил женщины могут выдержать его.

— А дальше? Смерть?

— Если осчастливят тебя боги умереть еще молодой. Но если нет, то ты повернешься к миру другим лицом женщины — воспитательницы, учительницы детей, сеятельницы тех искорок светлого в детских душах, что потом могут стать факелами. Где бы ты ни была и что бы с тобой ни случилось, помни, ты — носительница облика Великой Богини. Роняя свое достоинство, ты унижаешь всех женщин, и Матерей, и Муз, даешь торжествовать темным силам души, особенно мужской, вместо того чтобы побеждать их. Ты — воительница — превратишься в труса-беглянку. Поэтому никогда не падай перед мужчиной. Не позволяй силе Эроса принуждать тебя, кланяться ему в ноги, разрешать унижающие тебя поступки. Лучше Антэрос, чем такая любовь!

— Ты сказал, отец, Антэрос?

— Ты побледнела. Чего ты испугалась?

— С детства нам внушали, что самое худшее несчастье, которого боится сама Афродита, — это неразделенная любовь. Она обрекает человека на невыносимые муки, мир становится для него Нессовой одеждой. Бог такой любви — Антэрос — изобретает все новые уязвления и мучения. И я не могу преодолеть детского страха.

— Теперь ты победишь его, посвященная в знание орфиков и Трехликой. Ты увидела людей, подобных нашему поэту, владеющих даром подчинять людей своей воле. Есть такие тираны, демагоги, стратеги. Беда, если они служат силам зла, причиняя страдания. Ты узнала, что следует избегать всякого общения с подобными людьми, распространяющими вокруг

себя вредное дыхание недоброй магии, называемой черной. Знай, что есть способы влиять на людей через физическую любовь, влечение полов, через красоту, музыку, танцы. Подчиняясь целям и знанию черного мага, женщина, обладающая красотой, во много раз увеличивает власть над мужчинами, а мужчины над женщинами, и горе тем, которые будут ползать у их ног, презираемые и готовые на все ради одного слова или взгляда. Все это есть истинный Антэрос! Бесконечно разнообразны жизнь и люди. Но ты владеешь силой не подчиняться слепо ни людям, ни любви, ни обманным словам лживых речей и писаний. Зачем же тебе бояться неразделенной любви? Она только укрепит твой путь, возбуждая скрытые силы. Для того я и обучал тебя!

— А грозные спутники Антэроса — месть и расплата?

— Зачем тебе следовать им! Нельзя унижать и мучить мужчину, так же как унижаться самой. Держись тонкой линии мудрого поведения, иначе спустишься до унижаемого и оба будете барахтаться в грязи низкой и злобной жизни. Вспомни о народах, считающих себя избранными. Они вынуждены идти на угнетение остальных военной ли силой, голодом или лишением знаний. Неизменно в их душах растет чувство вины, непонятное, слепое — и тем более страшное. Поэтому они мечутся в поисках божества, снимающего вину. Не находя такого среди мужских богов, бросаются к древним женским богиням. А другие копят в себе вину и, озлобляясь, делаются мучителями и палачами, издевающимися над достоинством и красотой человека, топча их, стаскивая в грязь, где тонут сами. Эти наиболее опасны. Некогда у орфиков были неметоры — жрецы Зевса Метрона, обязанностью которых было своевременно отравить подобных людей. Никто не знает, сколько их погибло, потому что яд действовал не сразу и незаметно. Но сейчас давно уже нет поклонения Зевсу Измерителю тайных жрецов его. Число злобных мучителей растет в ойкумене. Иногда мне кажется, что дочь Ночи Немесия надолго уснула, одурманенная своим венком из дающих забвение наркиссов.

— А ты знаешь тайну яда?

— Нет. И если бы знал, то не открыл тебе. Назначение твое иное. Совмещать разные пути нельзя. Это приведет к ошибкам.

— Ты сам меня учил — орфики не губят людей. Хотелось узнать на случай...

— Случаев нет! Все нуждается в понимании и разоблачении — двух великих составляющих Справедливости. Что бы

ни встречалось тебе в жизни, никогда не ступай на черную дорогу и старайся отвратить людей от нее. Для этого ты вооружена достаточно! Можешь идти домой. Я устал, дочь моя. Гелиайне!

Гордая афинянка упала на колени перед учителем. Благодарность переполняла ее, и успокоение отразилось на лице делосского философа, когда она поцеловала его руку.

— Если ты научилась здесь скромности... нет, ты родилась с этим счастливым даром судьбы! Я рад за тебя, прекрасная Таис!

Острая тоска, предчувствие долгой разлуки с полюбившимся наставником заставили Таис медлить с уходом. Делосец с трудом поднялся с кресла, и афинянка опомнилась. Ей стало стыдно. Сбежать вниз по боковой лестнице пилона было делом мгновения. Она пошла к главному входу, вспомнила про свой странный и яркий наряд и остановилась. Так нельзя идти по улице... и может быть, одежда не принадлежит ей, а дана лишь временно? Как бы в ответ дворик перебежал знакомый мальчик-служка этого безлюдного храма. Низко поклонившись, он повел ее в боковой притвор, куда она приходила в первый раз. Там она нашла свою одежду и сандалии. Мальчик сказал: «Я провожу тебя домой».

Глава шестая
НИТЬ ЛАКОНСКОЙ СУДЬБЫ

Голова ее слегка кружилась от простора, после девятидневной тесноты и темноты храмовых комнат. Ветер Сета прекратился. В прозрачном воздухе снова виднелись гигантские пирамиды в восьмидесяти стадиях на севере. За храмом два узких озерка почти обмелели. Таис, подобрав подол своей льняной столы, перешла по утоптанной глине между прудами, напрямик в большой парк, избегая шумной улицы. Она чувствовала себя неуверенно среди толпы.

Едва вышла она за ограду парка и повернула вдоль нее к набережной, как услышала за спиной быстрый и четкий военный бег. Не обернувшись, Таис узнала Менедема.

— Откуда ты, милый? — ласково приветствовала она спартанца.

— Я бродил вокруг храма. Сегодня десятый день и конец твоего плена. Поздно догадался, что ты пойдешь через пруды. Я стосковался без тебя. Я даже не успел попрощаться, когда

проклятый митиленский чародей отвел нам глаза на симпозионе. Спасибо фиванке, она разъяснила мне все, а то я переломал бы кости митиленцу.

— Не ревнуй! — Таис положила руку на тяжелое плечо воина.

— О нет, совсем нет. Я знаю теперь, кто ты, госпожа!

Таис даже остановилась.

— Да, да! — продолжал спартанец. — Вот! — он поднял руку гетеры, склонился и поцеловал кольцо со знаком треугольника на ее пальце.

— Ты орфик? — с изумлением воскликнула Таис. — Ты тоже посвящен?

— О нет. Мой старший брат — жрец Реи. От него я узнал тайны, понять которые неспособен. Однако они манят меня завесами жизни и смерти, любви и красоты. И я могу чувствовать, не разумея, я — недалекий воин, воспитанный для сражений и смерти. А истинный орфик не убивает даже зверей и птиц, не ест мяса...

Таис вдруг ощутила необыкновенную нежность к этому могучему мужчине, как мальчик нежному и чувствительному в делах богов и любви.

— Пойдем ко мне, — сказал Менедем, — я хотел отпраздновать твое посвящение.

— Пойдем, — согласилась Таис, — хорошо, что ты встретил меня.

Менедем для свиданий с Таис нанимал глинобитный домик на западной окраине, среди редких пальм и огородов. Здесь долина реки суживалась, и домик стоял недалеко от третьей главной аллеи. Обставленное бедно даже для спартанца жилище Менедема всегда трогало Таис. Она неизменно хвалила его главные достоинства — тишину и отсутствие кусачих москитов во все времена года. Она забывала, что с лаконской точки зрения Менедем еще не достиг полного совершеннолетия, не стал андросом — тридцатилетним и все еще подчинялся мужской дисциплине, куда более жестокой, чем общественный режим свободных спартанок.

Два-три красивых сосуда, обилие звериных шкур — вот и все, чем мог украсить свое жилище скромный воин. Сегодня в доме появился бронзовый треножник старинной работы. Менедем предложил Таис сбросить длинную линостолию, поднял ее и усадил на треножник, как жрицу-прорицательницу или богиню. Удивленная афинянка подчинилась, любопытствуя, что будет дальше.

Спартанец принес из кухни горящих углей, всыпал в курильницы, и аромат драгоценных аравийских смол поднялся дымными столбиками по обе стороны Таис.

Менедем взял ее за руку, еще раз приложился губами к кольцу с треугольником и медленно опустился на колени, склонив голову. Он оставался в этой позе так долго, что Таис почувствовала неловкость и от торжественной его позы, и от неудобного положения на высоком треножнике. Она шевельнулась осторожно, боясь обидеть Менедема. Спартанец заговорил.

— Ты так умна и прекрасна! Я верю, что ты — не простая смертная. Благодарю тебя за божественную радость! Я не могу выразить свое великое счастье, язык и ум не повинуются мне, но даже во сне я вижу ласковую улыбку Афродиты. Мне нечего отдать тебе, кроме своей жизни, так мало — жизнь воина, предназначенного смерти.

— О, ты лучше всех для меня, мой Сотер (спаситель). Радуюсь под крылом твоей силы и люблю тебя. — Таис наклонилась к спартанцу, положив обе руки на его кудрявую голову. — Встань скорее!

Менедем поднял глаза, и Таис ощутила в них нежную силу беззаветной любви, восхищения и радости, как оглушительный и беззвучный крик, исторгнувшийся из глубины чистой и мужественной души. Смущенная чувством Менедема, счастливая и встревоженная великой ответственностью за возлюбленного, для которого она стала и богиней, и глазами жизни, афинянка постаралась весельем отогнать тревогу.

— Так лови меня, милый! — Таис спрыгнула с треножника на руки коленопреклоненного лаконца...

В месяце мунихионе в Египте дни становились теплыми и тянулись долго — до вечерней прохлады. Но день встречи Таис и Менедема показался столь коротким, что Менедем едва успел собраться на ночную стражу в Стратопедоне.

— Я дойду одна, — твердила афинянка, торопливо закутываясь в свою столу, — я не боюсь людей.

Менедем упрямо схватил ее, посадил на плечо и побежал вниз к набережной, нанял лодочника и велел отвезти к северному концу города. Лишь после того он понесся в лагерь. Неутомимый бегун поспевал вовремя.

Таис, усталая и почему-то грустная, сидела в лодке, глядя на прозрачную и прохладную воду — в это время года Нил был особенно чистым. Может быть, грусть навеяли слова Менедема о предчувствии их близкой разлуки? Голос воина был глух и печален, когда он рассказал Таис о письме, полученном Эо-

ситеем от царя Агиса, в котором тот призывал его назад, в Спарту. Приход македонского царя Александра в Египет и покорение им этой страны неизбежны. Бессмысленно кучке спартанцев сопротивляться победителю персов. Отпадала и надобность в дальнейшем пребывании в Египте. Фараон — слуга жрецов — отправился в Элефантину, а его казначей уже намекал Эоситею, что выплата денег скоро прекратится. Сатрап Дария тоже не давал никаких повелений. Страна сейчас в руках жрецов.

— И ты должен уехать со своими? — испугалась Таис.

— Неизбежно. Но как я могу расстаться с тобой? Лучше чаша конейона...

Таис положила палец на губы воина.

— Не говори так. Хочешь, я поеду с тобой? Вернусь в Элладу?

— Это выше всего, о чем я могу мечтать. Но...

— Но что же? — подогнала Таис замявшегося спартанца.

— Если бы я возвратился домой после оконченной войны. А то... только никому не скажи об этом, мне думается, будет война.

— Против эллинского союза и Александра?

— Против кого же еще?

— Вы, спартанцы, отчаянно смелы и тупо упрямы. Кончите плохо. Но ты можешь остаться здесь, со мной?

— Кем? Конюхом Салмаах? Или плести венки?

— Зачем так жестоко. Подумаем, найдем выход. Еще есть время. Эоситей поплывет не скоро?

— Но раньше прихода Александра.

— Как жаль, что ты не можешь прийти к Александру.

— А, ты понимаешь. Да, будучи спартанцем, которых он не любит, даже отверг имя Спарты на трофее...

— Это преодолимо. Он мой друг.

— Твой друг?! Да, конечно же я забыл про Птолемея. Но я должен быть со своими, в славе или смерти одинаково.

— Я знаю. Потому и не думаю, что ты пойдешь на службу к македонцам.

Пытаясь что-нибудь сообразить для Менедема, Таис отвергала одну придумку за другой и не могла найти решения. Наверное, от бессилия грусть все сильнее одолевала ее на коротком пути до ее дома. Как только Таис появилась среди персидских яблонь своего садика, Гесиона бросилась к ней с радостным воплем, и она обняла фиванку, как сестру. Прибежала и Клонария, ревниво поглядывая на «рожденную змеей» и стараясь оттеснить ее от хозяйки.

Без промедления они заставили Таис улечься на жесткую скамью для массажа. Обе девушки принялись хлопотать, укоряя гетеру, что она запустила свое тело и прическу. Проводя ладонью по пушку отросших волосков под руками и животом, Клонария ворчала, что госпожа стала похожа на париэру — бывшую жрицу, — намекая на Гесиону, и что постыдно в таком виде являться перед людьми.

— Теперь придется возиться всю ночь, чтобы привести тело госпожи в должный вид, — говорила рабыня, умело орудуя бронзовыми щипчиками и губкой, смоченной настойкой корня бриони, уничтожающей волосы и восстанавливающей гладкость кожи. Гесиона в это время подготовляла ароматную жидкость с любимым запахом Таис — ирисом и нейроном. Тонкоперистые листья нейрона с их острым запахом горьковатой свежести здесь, в Египте, можно было доставать в изобилии. В Элладе же они распускались только на короткое время в месяце элафеболионе.

Превращение Таис в гладкую как статуя и душистую жрицу Афродиты прервалось приездом ликующей Эгесихоры. Лакедемонянка стала целовать подругу, но ее кони ждали проездки, и она умчалась, пообещав прийти ночевать.

Пламя люкносов, притушенное пластинками желтого оникса, освещало спальню слабым золотистым мерцанием. У ложа горел ночник, и четкий профиль Таис на фоне его света казался Эгесихоре вырезанным из темного камня. Огоньки бегали в огромных глазах афинянки, придавая ей необычное выражение хищной силы. Она подняла высоко руку, и блеснувшее кольцо привлекло внимание спартанки.

— Ты носишь его недавно. Чей дар, скажи? — сказала Эгесихора, разглядывая резной камень.

— Не дар, а знак! — возразила Таис.

Спартанка насмешливо фыркнула:

— Мы все носили такие знаки аулетридами. Было удобно. Перевернешь вершиной треугольника от себя — всякий понимает — занята. Вершиной к себе — готова отдаться. Правда, кольца были бронзовые и камень — синее стекло.

— А рисунок тот же? — лукаво улыбнулась Таис.

— Тот же — треугольник великой богини... нет, наши были узкими, острее. На твоем кольце широко разведены боковые стороны, как у Астарты, или у тебя самой... только и всего. Да еще камень — правильный круг. А ты понимаешь смысл этого знака?

— Не совсем, — неохотно ответила Таис, но Эгесихора, не слушая ее, подняла голову. Где-то в глубине дома слабые свистящие звуки складывались в печальную мелодию.

— Гесиона, — пояснила афинянка, — она сама сделала сирингу из тростника.

— Странная она. Почему ты не выдашь ее замуж, если не хочешь учить, как гетеру?

— Надо, чтобы она опомнилась от разорения, насилия и рабства.

— Сколько же времени она будет приходить в себя? Пора бы!

— Разные люди вылечиваются в разные сроки. Куда ей спешить? Когда Гесиона станет подлинной женщиной и полюбит, взойдет новая звезда красоты. Берегись тогда, золотоволосая!

Эгесихора засмеялась с оттенком презрения.

— Не со мной ли будет соперничать несчастная фиванка?

— Все может быть. Вот появится здесь войско Александра...

Эгесихора внезапно стала серьезной:

— Ложись рядом, щека к щеке, чтобы никто не подслушал!

Спартанка рассказала подруге уже известное той намерение Эоситея — покинуть Египет с приходом Александра. Стратег спартанцев требует, чтобы Эгесихора уехала с ним. Он не хочет и не может расстаться с ней.

— А ты?

— Надоел мне он своей ревностью. Я не хочу разлуки с тобой и хочу подождать Неарха.

— А если Неарх давно забыл тебя? Что тогда?

— Тогда... — загадочно улыбнулась лакедемонянка, одним прыжком вскочила с ложа и вернулась с небольшой корзинкой, сплетенной из листьев финиковой пальмы. С такими корзинками ходили на рынок богатые покупательницы косметики. Эгесихора уселась на край ложа, подогнув под себя ногу, воспетую поэтами как «сребroизваянную», и извлекла ящичек из незнакомого Таис дерева. Заинтересованная, она тоже села, коснувшись пальцами гладкой сероватой крышки.

— Дерево нартекс, в стволе которого Прометей принес огонь с неба людям. У Александра есть целый ларец из нартекса. Он хранит там список Илиады, исправленный твоим другом Аристотелем. — И Эгесихора весело захохотала.

— Кто бежал из Афин из-за этого друга? — парировала Таис. — Но откуда тебе известны такие подробности об Александре?

Спартанка молча извлекла из шкатулки листок папируса, исписанный с двух сторон мелким аккуратным почерком Неарха.

— Неарх, сын Мериона, шлет пожелания здоровья Эгесихоре и прилагает вот это. — Спартанка высыпала на кровать горсть драгоценных камней и два оправленных в золото флакона из искрящегося огоньками тигрового глаза. Гетеры высшего класса понимали в драгоценностях не хуже ювелиров. Таис вынула лампион из ониксового экрана, и подруги склонились над подарком. Пламенно-красные пиропы («огненные очи»), огромный рубин с шестилучевой звездой внутри, густо-синий «царский» берилл, несколько ярких фиолетовых гиацинтов, две розовых крупных жемчужины, странный плоский бледно-лиловый камень с металлическим отблеском, неизвестный гетерам, золотистые хризолиты Эритрейского моря. Неарх понимал толк в камнях и поистине царский дар сделал столь давно разлученной с ним возлюбленной.

Эгесихора, раскрасневшись от гордости, подняла самоцветы на ладони, наслаждаясь их игрой. Таис обняла ее, целуя и поздравляя.

— О, чуть не забыла, прости меня, я становлюсь сама не своя при виде подарка. — Спартанка развернула кусочек красной кожи и подала Таис маленькую, с мизинец, статуэтку Анаитис, или Анахиты, искусно вырезанную из цельного сапфира. Богиня стояла в живой позе, резко отличавшейся от обычной, скованно-неподвижной, закинув одну руку на голову, а другой поддерживая тяжелую сферическую грудь. Синий камень на выпуклых местах отливал шелком.

— Это Неарх передает тебе, просит помнить.

Афинянка взяла драгоценную вещицу со смешанным чувством досады и облегчения. Птолемей также мог бы прислать ей что-нибудь в знак памяти, и если не прислал, то забыл. Хвала Мигонитиде, если Александр и его полководцы явятся сюда, ей не нужно будет решать задачу, как отделаться от прежнего возлюбленного, ставшего полководцем могущественного завоевателя.

— Задумалась о Птолемее? — по-женски проницательная спартанка приложила ей горячую ладонь к щеке.

— Нет! — встряхнулась Таис. — А ты что будешь делать?

— Ждать Неарха! — убежденно ответила Эгесихора.

— А Эоситей?

— Пусть отправляется в Спарту, в Македонию, хоть в Эреб!

— И ты не боишься его ревности?

— Я ничего не боюсь!

— Я знаю, что ты тимолеайна — отважная, как львица, но мой тебе совет: храни эту шкатулку у меня.

— Совет мудр!

В конце последнего аттического месяца весны скирофориона Египет встревожился необычайно. Механики Александра построили огромный мол и взяли неприступный Тир после семи месяцев осады. Восемь тысяч защитников города было убито, тридцать тысяч жителей проданы в рабство. Три тысячи, страдая от недостатка воды, бичуемые под жестоким солнцем, громоздили насыпь носка под стенами Газы. Город решил сопротивляться, несмотря на урок могучего Тира, обманутого уверениями посланцев Дария, что царь приближается с неисчислимой армией.

Не Дарий пришел к стенам Газы, а вал песка выше ее башен, с гребня которого македонцы поражали защитников как на равнине. Хитрость механиков этим не ограничилась. Из-под вала македонцы провели подкопы, и стены Газы рухнули. В яростном последнем сопротивлении Александр получил тяжелую рану. Прорицатель Аристандр предупреждал полководца, что он подвергнется большой опасности, если примет участие в бою. Горячая кровь помешала Александру послушаться его совета. Каменный валун из «аппарата», как назывались боевые метательные машины, пробил его щит и ударил в левое плечо, сломав ребро и ключицу. Несомый из боя под горестные клики своих воинов Александр улыбался и приветствовал их поднятием правой руки.

Защитники Газы — мужчины — были истреблены до последнего человека, женщины и дети проданы в рабство. Александр приказал разрушить все храмы. В Тире он ограничился тем, что поставил в главном храме Бела боевую осадную машину, а на центральную площадь приволокли корабль Неарха.

Путь на Египет лежал открытым, Александра ожидали в Мемфисе к концу лета в боэдромионе, как только он оправится от раны. Немало богатых людей бежало за море. Красивые дома с обширными садами в северной части Мемфиса продавались задешево.

Спартанцы собирались в дорогу. Два корабля стратега Эоситея пришли из Навкратиса. Они стояли у причалов, готовые принять сотню гоплитов охраны, имущество стратега и коней Эгесихоры. Спартанка ходила потерянной, узнав о решении подруги возвратиться в Элладу. После двух бессонных ночей Таис и Менедем придумали для спартанца занятие в

Афинах. Дом Таис пока был цел, со всеми оставшимися в нем вещами. Она предлагала Эгесихоре поселиться у нее. Срок преследования за расправу с философами окончился в метагитнионе этого года.

Лакедемонянка умоляла Таис и Менедема не бросать ее одну в Мемфисе.

— Почему ты хочешь остаться? — недоумевала афинянка. — Поплывем вместе с Эоситеем на спартанских кораблях.

— Нельзя. От любви к Менедему тебе изменило прежнее соображение, — яростно возражала Эгесихора. — В Спарте я не вырвусь от Эоситея. И у него планы большой войны...

— Опять? Неужели мало твоим соотечественникам? Как надоела их воинственная жестокость. Даже с нежной юности молодые спартанцы занимаются криптией — тайной облавой на илотов.

— Что ж тут плохого? Их учат мужественной свирепости в обращении с рабами. Подавлять у рабов даже мысли об освобождении!

— Свирепый рабовладелец сам раб, худший, чем илоты!

Эгесихора пожала сильными плечами:

— Я давно привыкла к афинскому вольнодумству, но вы поплатитесь за него!

— Спарта падет раньше, как состарившийся лев, пищей дрянных гиен.

— Мы спорим о вещах внешних, будто мужчины, — нетерпеливо сказала Эгесихора. — И ты не отвечаешь на мою просьбу. Останься вместе с Менедемом и со мной до прихода македонцев. Они ничего не сделают твоему возлюбленному, я могу поручиться.

— Я тоже сумею охранить его.

— Тогда сделай это для меня!

— Хорошо, я уговорю Менедема!

Лакедемонянка принялась душить подругу в крепких объятиях, покрывая поцелуями благодарности ее смуглые щеки.

Катастрофа разразилась как всегда неожиданно, подобно удару молнии.

Обе подруги прогуливались по набережной, привычные к взглядам страсти и нежности, возгласам восхищения встречных горожан и горожанок, высыпавших к реке мягкое предвечерие конца египетского лета. Полноводный Нил тек быстрее. На его помутневшей воде сновало меньше лодок с катавшимися, чем в маловодье. Нескончаемая процессия пешеходов медлительно двигалась в обоих направлениях, обо-

зревая мемфисских знаменитостей. Одеяния здесь были несравненно скромнее, чем в Афинах, а особенно в богатых городах малоазийского и сирийского побережий. Позади двух подруг, привлекая внимание ростом более четырех локтей, шествовал Эоситей в компании трех огромных лохагосов — начальников отрядов. Спартанцы, надев военные пояса, плащи и боевые шлемы с высокими гребнями-щетками из конских волос, возвышались над толпой, как грозные боги. Ни египетских, ни персидских воинов не было видно. Видимо, они сочли за лучшее не появляться в военных нарядах.

Менедем остался в лагере спартанцев в карауле. Вместо него на шаг позади Таис шла мелкой поступью Гесиона, прикрывая лицо от нескромных взглядов складкой наброшенного на голову шелка. Там, где Нил огибал древнюю дамбу, служившую для наведения наплавного моста, набережная расширялась в просторную площадь, обсаженную громадными деревьями. Две пальмовые аллеи расходились развилкой от западной стороны площади, украшенной двумя блестевшими полировкой обелисками. Пыль клубилась по правой аллее. Ехал всадник в голубом плаще ангарейона — персидской верховой почты. На его копье висел пучок волос наподобие львиного хвоста, означавший, что почтарь послан со специальным поручением. Ангарей осадил коня между обелисками и стал всматриваться в гуляющую толпу. Его опытный взгляд быстро нашел кого следовало. Спрыгнув с лошади, неловкой походкой человека, проводящего жизнь в верховой езде, он пошел наперерез людскому потоку и, небрежно растолкав любопытных, предстал перед гетерами. Эгесихора побледнела так, что Таис испугалась за подругу и обняла ее, привлекая к себе извечным женским жестом опеки. Голубой почтарь низко поклонился, сказав:

— Я еду от твоего дома, госпожа. Там мне сказали, что я найду тебя на прогулке у реки. Кто же может ошибиться, увидев тебя? Ты — Эгесихора, спартанка!

Гетера молча кивнула, облизнув губы. Ангарей извлек из-за пояса пакет тонкой красной кожи и подал лакедемонянке.

— Неарх, критянин, флотоводец божественного Александра, шлет тебе это письмо и требует немедленного ответа.

Эгесихора схватила маленький пакет, в нерешительности сжимая его тонкими пальцами. Афинянка пришла ей на помощь.

— Где найти тебя вечером для ответа и награды?

Посланный назвал ксенон, и Эгесихора махнула рукой, отпуская его. И вовремя. Эоситей, нагнувшись через плечо

спартанки, сделал попытку схватить письмо, но Эгесихора уклонилась, спрятав кожаный сверток под поясом хитона.

— Эй, поди сюда! — заорал стратег в спину уходившему вестнику. Человек в голубом плаще повернулся.

— Отвечай, откуда письмо? Кто послал тебя? Или ты будешь схвачен и ответишь под свист бича.

Ангарей побагровел, вытер запыленное лицо углом плаща.

— Военачальник, ты грозишь мне вопреки обычаю и закону. Письмо пришло издалека от могущественного человека. Все, что я знаю, — это слова, какие надлежало сказать, отдавая пакет. Тебе придется скакать много парасангов через десятки почтовых статмосов, прежде чем ты узнаешь, откуда послано письмо златокудрой...

Эоситей опомнился, отпустил почтаря и подошел вплотную к Эгесихоре, пронизывая ее тяжелым и злым взглядом.

— Боги проясняют мне разум. Твое нежелание уезжать... отдай мне письмо. Оно важно и для военных путей моего отряда.

— Сначала я прочту сама. Отойди!

Тон Эгесихоры был непреклонен. Эоситей отступил на шаг, и гетера мгновенно развернула пакет. Наблюдавшая за ней Таис увидела, как разгладилась суровая морщинка между бровей и легкая, беззаботная улыбка прежней афинской Эгесихоры тронула ее губы. Она шепнула что-то Гесионе. Девушка шагнула в сторону, наклонилась и подала спартанке увесистый камешек. Прежде чем стратег сумел сообразить, Эгесихора завернула камень в письмо и не по-женски метнула его в реку. Пакет исчез в глубине одновременно с яростным криком Эоситея.

— Ты поплатишься за это! — сказал стратег под смех и шутки созерцавших сцену мемфисцев. Эгесихора ускользнула от Эоситея, Таис вовремя запуталась в его ногах, и спартанка скрылась в толпе.

Военачальник счел ниже своего достоинства преследовать женщину и надменно повернул к лагерю в сопровождении помощников. Таис и Гесиона нагнали разрумянившуюся Эгесихору. Веселая, с блестящими возбужденными глазами, она казалась столь красивой, что люди останавливались, очарованные.

— Что в письме? — коротко спросила афинянка.

— Неарх в Навкратисе. Предлагает плыть ему навстречу... или ждать в Мемфисе. Еще раньше сюда придет Александр... — слегка задыхаясь, сказала Эгесихора.

Таис молчала, разглядывая подругу будто незнакомку. Солнце быстро опускалось за обрывы Ливийской пустыни,

мягкий свет предсумеречного покоя ясно очертил всю фигуру Эгесихоры. Таис почудилась странная тень, набросившая покров обреченности на лицо спартанки. Черные круги легли в глазницах, темные борозды подрезали тонкие крылья носа, затемнили, распрямив, очерк смелых губ. Афинянке показалось, что подруга стала чужой, отдалилась и постарела на десятки лет. Таис вздохнула, поднося руку к прядям золотых волос лакедемонянки, и поняла, что это лишь игра теней быстрого в Египте заката, облегченно вздохнула. Охваченная весельем Эгесихора рассмеялась, не понимая настроения приятельницы. Смутное ощущение беды омрачило беззаботность Таис.

— Дружочек, тебе надо на время исчезнуть, — она схватила подругу под руку, — пока не отчалит спартанский отряд.

— Никто не посмеет, особенно теперь, под сенью непобедимого, — возразила Эгесихора.

Таис не согласилась:

— Эоситей и его спартанцы — люди особенного мужества. Они не боятся ни смерти, ни судьбы. Если ты не хочешь уплыть из Египта в трюме корабля связанной, советую подумать. Я найду такое убежище, что лазутчики не разыщут тебя.

Эгесихора засмеялась снова.

— Не могу представить, чтобы главный стратег, закаленный воин, родственник царя, в решительный час заботился о женщине, о гетере, хотя бы и такой великолепной, как я, — спартанка кокетливо изогнулась.

— И ошибаешься. Он хочет владеть тобой безраздельно именно потому, что ты великолепна как богиня, окружена всеобщим вниманием и поклонением. А расстаться, тем более отдать кому-нибудь, будь то сам Аргоубийца, для него — унижение, худшее, чем смерть. Его или твоя... сначала твоя, но не прежде, чем ты до дна осушишь чашу унижений, которыми он воздаст тебе за власть над ним и непокорство. Темна и глуха ко всему, кроме себя, душа подобных людей. Они опаснее любого врага... даже если они друзья или — особенно — возлюбленные.

Утомившись длинной речью, Таис умолкла. Молчала и Эгесихора, недвижно стоя в сумерках и не замечая ни прохожих, ни зажженных у пристани факелов.

— Пойдем домой к тебе, — встрепенулась она, — я должна написать ответ.

— Какой?

— Буду ждать здесь. Боюсь кораблей — мои соотечественники могут подстеречь меня в любом месте выше Навкратиса.

Боюсь оставить лошадей — куда я их спрячу? Тем более что ты согласилась остаться здесь со мною до времени. — И Эгесихора обняла, прижимая к себе, верного друга детских лет.

Спартанка воспользовалась четким почерком Таис, попросив ее написать короткий, исполненный любви ответ, приложила печать присланного Неархом перстня и заняла у подруги два золотых дарика, чтобы заставить почтаря немедля отправиться в обратный путь до следующей станции.

Раб-садовник, спрятав письмо в набедренной повязке, отправился сквозь тьму в ксенон почтовой станции, недалеко от древнейшей ступенчатой пирамиды фараона Джосера.

Эгесихора допоздна дожидалась возвращения посланца и, лишь узнав, что ангарей согласился выехать поутру, отправилась домой с факелами и двумя сильными спутниками. Вряд ли кто в Мемфисе осмелился бы тронуть возлюбленную самого стратега, но ночью все никтериды (летучие мыши) одинаковы.

Уснувшая поздно Таис проспала дольше обычного. Ее разбудила Клонария, ворвавшаяся с криком: «Госпожа, госпожа!»

— Что случилось? — встревожилась мгновенно очнувшаяся гетера. Ощущение недобрых событий все сильнее назревало в ней, и Таис выпрыгнула из постели.

— Мы только что с рынка, — торопливо рассказывала рабыня. — И там все говорят об одном — убийстве почтаря, прибывшего вчера из Дельты. Его нашли на рассвете в воротах станции...

— Беги за Гесионой! — прервала Клонарию афинянка.

Гесиона примчалась из сада и тотчас была послана с наказом бегом привести Эгесихору. Таис приказала приготовить широкие белые египетские плащи и взнуздать Салмаах. Надев короткий хитон для верховой езды, Таис нетерпеливо ходила перед террасой в ожидании подруги. Наконец, встревоженная задержкой, она велела Клонарии сбегать к Эгесихоре. Расстояние в четверть схена до жилища спартанки было пустяковым для здоровой девушки. Она понеслась как антилопа, крикнув, что «рожденная змеей», наверное, не бежала, а ползла. Когда запыхавшаяся рабыня вернулась одна, Таис поняла, что ее опасения сбываются.

— Хризокома и рожденная змеей уехали вместе на четверке, — сообщила Клонария.

— Куда?

— Никто не знает. Вот по той дороге, — рабыня показала на юг.

Эгесихора, очевидно, решила укрыть своих драгоценных лошадей в садах, близ могил древнейших царей Тупой Пирамиды. Владелец садов был эллином по отцу и одним из ярых поклонников золотоволосой.

Таис вскочила на Салмаах и унеслась в пыли, прежде чем рабыня смогла сказать хоть слово.

Афинянка шпорила кобылу твердыми пальцами ног и проскакала бешеным галопом целый схен. Обрыв западных скал приближался к самой реке. Обогнув его, Таис осадила Салмаах. Из-за кустов появилась четверка Эгесихоры, медленно ехавшая навстречу. С одного взгляда афинянка поняла, что случилось огромное до ужаса несчастье.

Привалившись к арбиле — передней стенке колесницы — с опущенной головой стояла Гесиона. Ее волосы раскосматились на ветру, хитон сполз, обнажая плечо. Послав Салмаах вперед, Таис с убийственной ясностью поняла, что пыльно-золотые пряди, колеблемые ветром в прорезах правого борта колесницы, — концы волос ее подруги. Подскакав ближе, она увидела залитый кровью хитон Гесионы, темные пятна на желтой краске и медленные страшные капли, падавшие в пыль позади лошадей. Гесиона, белее афинских стен, намотала вожжи на выступ арбилы, поддерживавшей верхний дышловой стержень. Девушка почти не управляла конями, лишь удерживая их. Салмаах пятилась от колесницы, чувствуя кровь и смерть. Таис спрыгнула с кобылы, бросив поводья, и бегом догнала колесницу. Эгесихора лежала, опершись боком на арбилу. Совсем низко свесилась отягощенная косами безжизненная голова. Перешагнув через ноги спартанки, Таис обняла находившуюся в полузабытьи Гесиону, отняла вожжи и остановила тетриппу.

Гесиона очнулась. Гнев и боль застыли в ее глазах. С трудом разомкнув слипшиеся губы, она выдавила: «Нельзя, позади — убийцы». Не отвечая, Таис склонилась над милой подругой, подняла ее голову, увидела серые губы и блестевшие сквозь полузакрытые веки белки остановившихся глаз. Широкая рана ниже левой ключицы, нанесенная сверху вниз боевым дротиком, несомненно была смертельной. Таис и не нуждалась в осмотре, инстинктивно почувствовав смерть подруги. Она повернула ее еще теплое и гибкое тело на бок, уложила на дно колесницы. На миг ей показалось, что Эгесихора, живая, устроилась уютным клубком, заснув на пути. Вырвавшееся рыдание сотрясло все тело афинянки. Осилив горе, Таис занялась Гесионой. По правому боку шел длинный разрез от нанесенного с огромной силой удара. Убийца промахнулся и

рассек только кожу и поверхностные мышцы, однако кровь широкой лентой продолжала медленно стекать на бедро. Таис затянула рану головным покрывалом и тронула лошадей, свистнув Салмаах, которая затрусила рядом. Они доехали до ручейка чистой воды, так и не обменявшись ни словом с Гесионой. Напоив девушку, отмыв ее лицо и ее окровавленные руки, Таис застыла в задумчивости, глядя на струйку хрустальной воды. Гесиона, порываясь что-то сказать, не посмела нарушить ее молчания. Лицо гетеры, искаженное горем и отчаянием, становилось все более грозным, при этом странным образом светлея.

Внезапно Таис рванулась к колеснице, осмотрела ее, поправила перекосившийся кринон — кольцо на дышловом стержне. Гесиона последовала за ней, но Таис молча показала ей на Салмаах. Гесиона вышла из оцепенения и неожиданно легко вскочила на лошадь. Разбирая вожжи, Таис искоса взглянула на фиванку и убедилась, что та может держаться в седле. Позади на прямом участке дороги показались подозрительные фигуры в белых египетских накидках. Они бежали мелкой трусцой, уставшие под знойным летним солнцем. Таис недобро усмехнулась и издала пронзительный визг. Кони бешено рванули с места. Испуганная Салмаах отпрыгнула в сторону, едва не сбросив Гесиону. Фиванка распростерлась на ней, вцепившись в гриву и под шею. Таис понеслась очертя голову, как никогда не сделала бы даже в присутствии Эгесихоры, которая иногда учила ее управлять четверкой.

Эгесихора, златоволосая, среброногая, прекраснoплечая... Ее неразлучная подруга, поверенная всех тайн, спутница всех дорог... Рыдания снова сотрясли Таис, но мысль об убийце и мщении перекрыли яростью все другие чувства. Она неслась, как воплощенная Эриния, окаменевшая в стремлении достичь цели. Она не успела научиться у Эгесихоры той музыкальной работе пальцев, какая требуется для гармонизации работы всех четырех лошадей. Таис помнила, что между большими и указательными пальцами правой и левой руки держат вожжи дышловой пары, а средний и безымянный захватывают вожжи наружных пристяжек, пропущенные через кольца на холках. Повороты тетриппы в ее руках были неуклюжи, и Таис помчалась напролом, едва успевая избегать серьезных препятствий.

Порыв Таис передался Гесионе, которая, набравшись сил, скакала рядом на Салмаах, не желавшей отставать. Кобыла то настигала колесницу, то опережала ее, то оставалась по-

зади, когда дорога становилась прямой и ровной, как поле стадиона.

Догоняя Таис, Гесиона пыталась рассказать о случившемся. Таис не нуждалась в разъяснениях. Случилось то, чего она все время опасалась, и она неслась во весь опор к виновнику смерти Эгесихоры. Из отрывистых, полубессвязных выкриков Гесионы она поняла, что подругу подстерегли на дороге к садовому хозяйству, отстоявшему на три схены от центра Мемфиса. Эгесихора попросила Гесиону сопровождать ее, чтобы помочь управиться с лошадьми, если ее приятеля не окажется на месте. Таис поняла, что Эгесихора чувствовала нависшую над собою опасность и не хотела быть одной.

Проехав более двух схен, они достигли маленькой рощи, деревья которой наклонялись над дорогой. Два человека с копьями преградили дорогу колеснице. Эгесихора помчалась прямо на них... Люди отпрыгнули в сторону, а в это время кто-то, скрывающийся в ветвях большого дерева, бросил копье в Эгесихору. Она упала мгновенно, сраженная насмерть. Гесиона плохо помнит дальнейшее. Она думала только об одном — увезти Эгесихору в город к госпоже. Наверное, она остановила разбежавшуюся четверку, развернула ее на узкой дороге, когда убийцы явились снова. Кто-то ранил ее, метнув нож. Она умчалась, несмотря на льющуюся кровь. Оставив далеко позади своих преследователей, она замедлила бег лошадей и намотала вожжи на выступ арбилы, чтобы вытащить копье из тела Эгесихоры. С усилием она вырвала оружие, и тут ей стало дурно. Глаза перестали видеть. Она вцепилась в борт колесницы, стараясь не свалиться, напоминая себе о бегущих позади убийцах. В этом состоянии и нашла ее Таис. Сами боги привели госпожу сюда, иначе убийцы настигли бы колесницу. Таис, не отвечая на рассказ Гесионы, только ниже склоняла голову, до крови кусая губы.

Тем же бешеным галопом они пронеслись по людным улицам под испуганные крики и угрозы едва спасшихся прохожих и носильщиков, оставляя за собой клуб густой пыли. Вихрем подлетела четверка к воротам Стратопедона. Воин на страже, одуревший на солнцепеке, не двинулся, узнав четверку Эгесихоры. Заметив нечто неладное, он нерешительно наклонил копье, преграждая путь. Таис и не подумала сдерживать озверелых коней. Со стуком полетел выбитый из рук щит, хрустнуло под колесами копье, отброшенный к столбу спартанец дико завопил, поднимая тревогу. Колесница промчалась через обширный двор военных упражнений к огороженному решетчатым барьером навесу. Здесь обычно сидел стра-

тег Эоситей. В глубине навеса помещалось его жилье. Эоситей, привлеченный криками тревоги, выскочил из-под навеса. Не в силах остановить тетриппу, Таис заставила ее вильнуть в сторону и зацепила осью за решетку. С треском полетели куски сухого дерева, колесница сокрушила ограду и, задев за столб, остановила лошадей, которые взвились на дыбы, размахивая передними копытами и закидывая оскаленные морды. Со всех сторон сбегались переполошившиеся военачальники. Из барака около ворот высыпал и построился отряд гоплитов — воинов в металлической броне. Гесиона проскочила в ворота следом за колесницей и подскакала на помощь к Таис. Та и не думала справляться с лошадьми, предоставив это помощникам Эоситея.

Афинянка спрыгнула с колесницы прямо под ноги остолбенелому стратегу.

— Убийца, гадостный трус! — закричала она, вытягиваясь перед гигантом во весь свой небольшой рост и тыча в него указующим пальцем. — Иди, смотри на дело твоих рук! — Таис показала на колесницу. От удара о столб тело Эгесихоры перекатилось назад и сползло по подножке. С головой, улегшейся на массу золотых волос, с широко раскинутыми руками спартанка казалась спящей в неудобной позе после утомительной поездки. Ее жизненный путь оказался коротким — всего двадцать пять лет прожила она на свете, и ее изумительная красота недолго радовала людей.

Эоситей опомнился. Схватив за руку Таис, он рванул ее в тень в глубине навеса.

— Ты сошла с ума, женщина! Как ты смеешь обвинять меня, потомка спартанских царей, знаменитого воина?

Таис презрительно расхохоталась и обратилась к собравшимся у сломанной решетки потрясенным воинам.

— Вы слышали лживые слова гиены?! Подосланные им убийцы схвачены, они уже сознались во всем!

Таис говорила с такой непоколебимой уверенностью, что Эоситей посерел.

— Умолкни, скверная блудница! — взревел он, зажимая рот Таис огромной ладонью. Гетера крепкими зубами укусила его за пальцы, и стратег заорал еще громче, отняв руку.

— Золотоволосая не хотела больше быть с ним, а вам надо покидать Египет, — торопливо объясняла Таис, — тогда он подкупил трех... — Афинянка едва успела отклониться от могучего кулака. Тут Гесиона, полунагая, вся в крови, с воплем «Я свидетельница!» прыгнула на плечи Эоситею, вцепившись ему ногтями в глаза. Стратег сорвал ее, как кошку, отшвырнул

в угол и, не помня себя, устремился на Таис, выхватив широкий каликийский нож. Таис поняла, что сейчас будет убита. Не испытывая страха, она стояла перед гигантом, пристально глядя ему в глаза, в экстазе мстительного бесстрашия.

— Остановись, стратег! — прикрыл собою Таис неведомо откуда взявшийся Менедем.

— Прочь, щенок, раб потаскухи! Эй, хватайте гнусную бабу!

Никто из воинов не двинулся, несмотря на знаменитую спартанскую дисциплину. Все любили Эгесихору и Таис, и слишком похоже было на правду обвинение.

Эоситей дико оглянулся, понял, что нерешительность грозит разоблачением. Оттолкнув Менедема, он схватил Таис за хитон, с треском рвущейся ткани потащил к себе и получил такой пинок в грудь от Менедема, что отлетел и упал, ударившись головой об стену. Когда он вскочил, на его лице не было ни страха, ни злобы. Машина убийства, воспитанная с детства, проснулась. Искусный воин, он обманул безоружного силача боковым выпадом кинжала и, внезапно извернувшись, припадая на согнутую ногу, нанес страшный удар снизу в печень.

Точно в тяжком беспробудном сне, Таис увидела, как обмякли могучие мышцы верного ее атлета. Будто сломавшись, сцепив руки над раной, Менедем упал на колени, изо рта его хлынула темная кровь. Эоситей нагнулся, стараясь вытащить глубоко вонзившееся оружие. В этот момент Менедем из последних сил нанес Эоситею удар по темени обеими сомкнутыми в пальцах руками. Последних сил в теле умирающего атлета осталось еще столько, что шея стратега хрустнула и он свалился к ногам Таис, вытянув вперед, как для последнего удара, руку с окровавленным кинжалом.

Таис склонилась над Менедемом. Воин, смотря на нее широко раскрытыми тускнеющими глазами, успел улыбнуться ей. Каждый истинный эллин умирал с улыбкой, всегда потрясающей иноземцев. Губы Менедема шевельнулись, но Таис не разобрала ни слова. Свет погас для нее, и Таис в беспамятстве упала на широкую грудь Менедема, прижавшись к нему щекой.

Военачальники спартанцев молча подняли Таис, передав ее на попечение Гесионы. Менедем был мертв, а Эоситей глухо мычал, мотая головой, не в состоянии двинуть парализованными ногами и руками.

Главный помощник стратега, спартанец знаменитого рода, подошел к Эоситею, вынул меч и показал ему. По священ-

ному веками обычаю лаконцы всегда добивали своих смертельно раненных с их согласия, если они были в сознании. Стратег глазами попросил смерти, и через мгновение его не стало.

Гесиона привела в чувство свою госпожу и умоляла ее обождать, пока заместитель стратега не даст повозку. Гетера оттолкнула фиванку и вскочила.

— Надо ехать. Пусть приведут Салмаах! Я в сознании, — ответила она на испуганный взгляд Гесионы. — Я должна похоронить Эгесихору и Менедема, как древних героев Эллады, сама. И это надо сделать немедленно — пока они прекрасны... — шепотом добавила Таис. — Где Архимах — заместитель стратега?

Гесиона все же задержала госпожу, чтобы немного причесать и зашпилить одежду. Таис отыскала хорошо ей знакомого Архимаха, отвела его в сторону от возбужденных военачальников. Суровый пожилой воин согласился на предложение гетеры. Таис с двумя младшими военачальниками поехала в город, послав Гесиону в дом Эгесихоры с закрытой повозкой. Внутри нее на груду плащей положили тела золотоволосой и Менедема.

Архимах дал целый отряд, а лесоторговец прислал тридцать рабов с шестьюдесятью повозками брусьев душистого кедра. Таис отдала за них и за пять стволов аравийских ароматных деревьев все свои деньги, половину драгоценностей и ложе из черного дерева со слоновой костью. Зато разложение еще не коснулось двух самых дорогих афинянке людей, а они уже лежали, соединенные смертью, рядом на гигантском костре головами на север, одетые в праздничные одежды. Рыжие кони, убитые, как в древности, чтобы сопровождать Эгесихору в ее пути по полям асфоделей Аида, лежали по левую сторону. Их гривы и яркая шерсть оттеняли длинные косы спартанки, струившиеся вдоль ее тела почти до ступней босых ног. С правой стороны Менедема уложили белых дышловых жеребцов, а в ноги обоим поставили колесницу.

Костер высился на уступе под стеной западного обрыва, почти напротив дома Эгесихоры. Таис взобралась на высоту пяти локтей на угол костра и застыла в прощальной тоске, глядя в последний раз на навеки уходивших милых. В полном боевом вооружении стояли вокруг товарищи Менедема, молчаливые, хмурые, ощетинившись наклоненными вперед копьями. Час назад они похоронили своего стратега за стеной маленького эллинского кладбища на восточном берегу Нила. Рыдали рабыни обеих гетер, сдерживая крики, как приличест-

вовало в Элладе. Двух слуг, завопивших по египетскому обычаю, быстро удалили. Теперь только резкие вопли деревянных похоронных флейт — гингр — нарушали беспокойную тяжелую тишину. Жрец готовился совершить последнее возлияние и негромко возносил мольбы владыке подземного царства. В почтительном отдалении стояла огромная толпа мемфисцев — поклонников золотоволосой укротительницы коней и просто любопытных.

Спокойны и прекрасны казались лица Эгесихоры и Менедема. Слегка приподнятые брови спартанки придавали несвойственное ей выражение милого недоумения. А Менедем улыбался той слабой улыбкой, которую он послал Таис с последним вздохом.

Таис еще не успела осознать глубину своей утраты. Только прошлым вечером виделась она и с Эгесихорой и с Менедемом, только несколько часов назад ее верный атлет стал между нею и неминуемой смертью. Сейчас острее всего чувствовала она уходящую красоту своих близких, лежавших на общем погребальном ложе, во всем подобных древним героям Эллады. Когда Таис, сойдя с костра, поднесет факел к сухим и смолистым бревнам, перестанет существовать то прекрасное, что радовало ежечасно, ежедневно и ее, и других людей. И гетера не решалась на это последнее усилие, несмотря на знаки, подаваемые ей жрецом. Таис понимала, что нужно спешить, иначе на египетской жаре разложение навсегда испортит облики ее спартанцев. Они останутся в ее памяти такими, какими она увидит их в самый последний миг.

Таис оглянулась. Ряды спартанцев стояли по-прежнему недвижно, воины смотрели на погибших. Одним прыжком афинянка соскочила с костра. Тотчас же ей подали горящий факел. Подняв его высоко над головой, Таис замерла на несколько мгновений. Воины через одного, отдав свои копья товарищам, стали брать смолистые палки, зажигать их в жаровнях, дымившихся ароматами в четырех углах костра.

Таис обошла костер, стала в головах и сунула факел под груду тонких кедровых щепок. Пламя, почти незаметное на солнце, дохнуло жаром, поднялось до края помоста, взвился редкий голубой дым. Лаконские воины быстро подожгли костер со всех сторон, затрещали конские хвосты и гривы, потянуло резким запахом паленого волоса. Таис взглянула в последний раз сквозь пляшущее пламя. Ей показалось, что Менедем шевельнул рукой, как бы прощаясь, и афинянка отвернулась. Опустив на лицо легкий египетский шарф, слу-

живший здесь летом вместо химатиона, Таис, не оглядываясь более, пошла домой вместе с Гесионой.

Завтра, когда остынет жар огромного костра, спартанцы соберут пепел от тел Эгесихоры и Менедема, смешавшийся с пеплом ее лошадей, и высыплют на середине Нила, стремящегося к Внутреннему морю, на северных берегах которого выросли оба. А еще через день спартанцы тоже поплывут вниз по реке к Навкратису, откуда лежит путь в Лакедемон. Спартанцы настаивали, чтобы Таис уезжала с ними, но гетера отказалась. Она не могла сразу уехать из Мемфиса, полного воспоминаний. Да и возвращаться в Элладу теперь было незачем. Из Афин доходили тревожные слухи о смутах, вызванных речами Демосфена, и весь эллинский мир, растревоженный неслыханными победами македонского царя, казалось, готовился двинуться на восток, в запретные ранее пределы.

Глава седьмая
ПРОБУЖДЕНИЕ ГЕСИОНЫ

Таис провела взаперти пять дней, никого не принимая. Она лежала, распростершись, ничком в полумраке спальни, и допускала к себе только Гесиону, которая старалась заставить госпожу поесть. Дружба с фиванкой, крепнувшая исподволь, несмотря на нарочитое старание Гесионы держаться служанкой, теперь для одинокой и горюющей Таис усилилась внезапно, подобно любви. По существу, Таис давно и крепко привязалась к «рожденной змеей». Трудно было не полюбить отважную, чистую и красивую дочь Беотии.

Таис вышла один раз вечером, чтобы дойти до храма Нейт. Там она узнала, что делосский философ и его ученик — поэт — уехали в Элладу еще до новолуния. Спартанцы уехали тоже. Мемфис, взбудораженный было тройным убийством, позабыл о нем в новых событиях и прежде всего — в ожидании Александра.

Таис наняла лошадь для Гесионы. Почти каждый день обе женщины ездили на далекие верховые прогулки. Таис дрессировала Салмаах. Гесиона никогда не думала, что возможны такие проделки и такое взаимное понимание всадницы и лошади. Таис спускалась по немыслимой круче на песчаных обрывах нильских берегов. Салмаах сползала, поджав передние ноги, а ее всадница запрокидывалась назад, касаясь затылком крупа лошади, колени Таис сходились на высокой холке, а ступни крепко сжимали кобылу под грудью. Казалось, еще

мгновенье, и лошадь перевернется через голову и полетит вниз, ломая кости наездницы. На мольбы Гесионы Таис отвечала лишь полупечальной-полузадорной улыбкой, но в конце концов уступала, принимаясь за танцы. Она выбирала удобную ровную площадку. Гесиона привязывала своего коня, становилась у края площадки и начинала петь протяжную тессалийскую мелодию, сопровождая ее ударами в небольшой бубен. Салмаах вначале упрямилась. Вдруг через несколько дней лошадь сразу уразумела, что от нее требуется. Чувство ритма у всех породистых лошадей врожденное, выработанное миллионом лет приспособления к правильному бегу. Без четкого ритма нельзя держать продолжительной рыси. Удары копыт хорошего бегуна должны быть подобны размеренному звону капель в клепсидре — водяных часах. Требование мерного ритма относится и к человеческому бегу, не только к танцу. Везде, где от живого тела требуются длительное напряжение и особенная выносливость.

Скоро Салмаах плясала под бубен Гесионы как заправская танцовщица, и немудрено — ведь ею управляла сама «четвертая Харита» Эллады. Возрождался архаический танец женщин на лошади — иппогиннес — по преданию, созданный амазонками. Легендарные женщины Термодонта исполняли этот танец на равнине Темискиры на пафлагонском побережье Эвксинского Понта. Это всегда происходило в полнолуние — в дни эллотий в честь Артемис под ярким светом высокой луны. Ныне лишь изредка отважные тессалийки — профессиональные акробатки на лошадях — исполняют иппогиннес в Аттике или Спарте по особому приглашению богатых устроителей празднеств. В воссоздании иппогиннеса Таис находила забвение и заполняла пустоту жизни, с каждым днем не уменьшавшуюся, а, наоборот, ширившуюся. Для эллина нет веры в радостное загробное существование, каким наполняют скудность жизни народы иных вер, ожидая воздаяния и встреч с утраченными близкими там, по ту сторону смерти. Великолепное достоинство, с каким сыны и дочери Эллады встречают свой конец, основывается на чувстве выпитой полной чашей собственной жизни, горячей любви к земле и морю, телу и страсти, красоте и уму.

Необычная доблесть и физическое совершенство спартанцев, удивительная тонкая связь с морем у критян, изобретательность, предприимчивость и вечная жажда нового у афинян вошли в поговорки и прославились по всей ойкумене.

А сейчас у Таис не осталось ни полноты, ни радости. Ее прежний задор угас, уступив место печали и серьезным раз-

думьям о дальнейшем пути. Наступила очередь Гесионы размышлять о способе излечения душевной раны ее госпожи и подруги. Она даже стала жалеть об отъезде таинственного учителя Таис, к которому так ревновала. Инстинктивно Гесиона чувствовала, что делосский философ ускорил бы «выздоровление» госпожи, тяжело раненной незримым оружием судьбы и богов. В то же время Гесиона женским чутьем предугадывала неизбежное возрождение Таис. Слишком много сил было в ее молодом теле критянки, слишком много живого интереса ко всему на свете она унаследовала от афинских предков.

Давно упали воды великой реки. Нил стал прозрачным и медленным, как зимой. Таис делила время между Салмаах и узкой, легкой лодкой. Они катались втроем, все три молодые женщины дома — хозяйка, «рожденная змеей» и Клонария. Ни одному из становившихся все более настойчивыми ухаживателей не ответила гетера. Гесиона вообще отвергала все мужские покушения, и только Клонария влюбилась в пожилого греческого купца. Он предлагал выкупить ее у Таис, но рабыня сама отказалась, из боязни покинуть дом Таис, где она чувствовала себя в безопасности и привыкла к ласковому обращению. Таис призвала купца и заявила, что отдаст Клонарию без выкупа, но с условием заключения брака. Купец обещал подумать. Он был вдов, но между Родосом, откуда была Клонария, и его родной Лидией не было эпигамии. Однако ничто не препятствовало заключить особое соглашение на «взятие» Клонарии, и Таис решила настаивать. С домом приходилось расставаться. Его владелец захотел повысить и без того непосильную для одинокой гетеры плату. Только неопределенность положения в Египте накануне прихода Александра мешала хозяину переменить Таис на более богатых жильцов.

Гесиона беспокоилась. Одно за другим исчезали из большой шкатулки украшения госпожи. Даже в самые богатые периоды своей жизни Таис не признавала разгула и непомерного щегольства, однако не хотела и отказывать себе в привычном достатке. Ее желания были скромными в сравнении с безудержной расточительностью других выдающихся гетер. Смерть Эгесихоры отняла половину ее сердца, а гибель Менедема лишила любви и надежной опоры. Таис, как запнувшаяся на скаку лошадь, потеряла дорогу и вертелась в круге медленных дней, утратив желания, не видя смысла дальше жить в Египте и не зная, куда направиться, чтобы скорее заполнить душевную пустоту. Только скачки и головоломные трюки с Салмаах на время возвращали прежнюю Таис, с горящими

щеками и блеском озорных и в то же время серьезных глаз, — в той самой смеси вдохновенного достоинства и девичьего задора, которая придавала гетере ее неотразимую привлекательность.

В дни «мертвых» — «тяжелые дни» пианепсиона — Таис впала в меланхолию, остро чувствуя, что прежний мир утрачен навсегда. Никогда более не вернется та безмятежная и спокойная жизнь, пронизанная ожиданием еще лучшего, еще более прекрасного, божественной уверенностью в своей красоте, здоровье, счастливой судьбе, какая бывает лишь в расцвете юности. Таис исполнилось двадцать три года — для эллинской женщины и даже для танцовщицы возраст полного великолепия. И все же казалось, что вместо с юностью уходит ее прежняя красота, она утрачивает свои непобедимые чары без всякого желания испробовать их на ком-нибудь снова. Именно это отсутствие желаний пугало Таис призраком будущей старости. Если бы здесь был мудрец Делоса... она скорее нашла бы себя и ожила для новой жизни. Таис, оставив дом на попечение Гесионы, снова уединилась в храме Нейт. Жрецы приняли ее беспрекословно, очевидно предупрежденные делосцем. Гетера облюбовала комнату — библиотеку в верхнем этаже пилона — и среди греческих книг разыскала платоновского «Горгия». Таис помнила ироническую усмешку делосского учителя в ответ на ее пренебрежительный отзыв о Платоне. Она почувствовала, что сделала промах, и тогда же решила при случае перечитать великого философа. И действительно, в его диалогах Таис увидела не понятную ею прежде глубину заботы о людях Афин, старание возвысить эллинов Аттики так, чтобы каждый духовно соответствовал бы великолепию города Девы. В ее настроении она ощутила печаль мудреца о прошлом Афин, от которого после войны со Спартой остался лишь опустелый сосуд былого великолепия. Там, где прежде ей виделось лишь нудное наставление, оказалась твердая вера в то, что только высокая мораль и душевное отношение людей друг к другу могут создать подлинно архигосударство. Задача улучшения людей, по мнению Платона, была самой главной. Правителям, ввергавшим эллинов в бесправие, учившим подданных злобе и предательству, ничего не удавалось, кроме позора и бесславия. Интересно, к чему стремится Александр? Куда направит он дальше свою сокрушительную армию? К чему приложит он свою великую мудрость и неотступное покровительство богов? Впрочем, что за дело до этого Таис? Куда она направится сама, чем насытится ее любовь к приключениям и перемене мест? Пора покинуть

Мемфис, хотя бы для того, чтобы сгладилась утрата Эгесихоры и Менедема... Неужели придется все же принять предложение Стемлоса? Едва вышедший из возраста эфеба, он едва ли старше самой Таис. Чувствует себя мальчиком перед богиней. Но ведь могучий Менедем тоже зачастую был как мальчик! Он — добрый, доверчивый, бесстрашный... О нет, никого не надо!

В седьмом письме Платона Таис нашла преклонение мудреца перед древней и святой, по его словам, религией орфиков. Все же прежняя неприязнь к учению Платона осталась. То, что выражалось в унижении физического облика человека, древние узы ума и чувств закоренелого рабовладельца, — отвращало гетеру, обладавшую более широким взглядом на мир и людей. Таис предавалась размышлениям и читала, не покидая храма несколько дней, пока не пресытилась попытками предугадать свое будущее. С облегчением и почти прежним озорным интересом она услышала зов служителя, возвещавшего о том, что прекрасная девушка в розовом хитоне просит Таис выйти к воротам внутреннего двора.

«Прекрасной девушкой» оказалась Гесиона, в ярком наряде, не свойственном суровой фиванке. Гесиона очень похорошела с тех пор, как, избитая и замученная, она попала с рынка рабов в дом Таис.

Гесиона заметила удивление «госпожи» и залилась румянцем.

— Всем жителям Мемфиса велено нарядиться в лучшее платье.

— Как? Александр?

— Да! — шепнула взволнованная фиванка.

Таис хлопнула в ладоши, подзывая мальчика-служку.

— Скажи почтенным жрецам, что я должна уйти и благодарю их за гостеприимство. Я скоро вернусь...

Гетера ошиблась. Переступив порог храма Нейт, она смогла посетить его снова лишь через девять лет, царицей Египта...

Давно уже улицы Мемфиса не были столь оживленными. Таис с Гесионой с трудом пробивались к дому через взбудораженные толпы. Египтян, обычно сдержанных и учтивых, порядком на улицах похожих на спартанцев, сегодня нельзя было узнать. Они не уступали дороги старшим и женщинам, толкались, как афиняне на Агоре. Афинянка даже подверглась оскорбительным замечаниям за свой не новый и не яркий наряд, но не отвечала, склонив голову и прикрыв лицо шарфом.

Мемфисцы восторженно встретили Александра и хотели учредить всеобщий праздник в его честь. Великий победитель исчез так же внезапно, как и появился, едва только принял знаки покорности от сатрапа и жрецов, представителей фараона, объявивших того низложенным...

Таис не хотела видеться с Александром затерянной в толпе, и судьба пошла ей навстречу. Поздно вечером, на второй день возвращения Таис, пришел Неарх. Афинянка сразу узнала морехода, хотя он стал повелительнее и резче в разговоре. Его борода, вопреки моде полководцев Александра, вызывающе торчала. Критянин будто и не удивился давней приятельнице. Он шагнул к выбежавшей навстречу Таис, крепко взял ее за руку и промолвил единственное слово: «Эгесихора?»

Губы гетеры задрожали, и налились слезами глаза. Задержав дыхание, она склонила голову. Так они стояли молча друг перед другом. Руки Неарха сминали браслеты из мягкого золота на запястьях гетеры. Таис опомнилась, вздернула голову, позвала Гесиону.

— Сядь, выпей вина...

Неарх послушно, с несвойственной ему медлительностью, опустился в кресло, машинально налил неразбавленного вина.

Гесиона, смущенная, с опущенным взглядом, принесла ларец с драгоценностями Эгесихоры, так и оставшийся у Таис.

Критянин вздрогнул, увидев свои дары. Таис схватила хотевшую удалиться фиванку и толкнула ее к Неарху.

— Вот свидетельница последнего часа Эгесихоры. Рассказывай! — повелительно прикрикнула она на задрожавшую Гесиону. Та залилась слезами, скользнув на ковер к ногам гостя, овладела собой и связно поведала Неарху все, что он хотел или не хотел знать.

— Теперь я, — отрывисто сказала Таис, едва умолкла Гесиона. Из-под опущенных век молодого начальника скатилось несколько слезинок. Критянин оставался недвижимым, только опущенная на боковину кресла рука вздрагивала и тонкие пальцы как бы скручивали шею резному льву. Повинуясь внезапному порыву, Гесиона приподнялась с ковра и прильнула щекой к этой руке. Неарх не отнял ее, а, протянув другую руку, стал гладить волосы фиванке, вполоборота следя за Таис. Она рассказала все, начиная со встречи с окровавленной Гесионой до последнего прощания с подругой на костре.

— И мой Менедем ушел сопровождать Эгесихору в подземелья Аида... — Таис расплакалась.

— И проклятый Эоситей тоже там! О спартанцы! — глухо, с ненавистью и угрозой воскликнул Неарх, вставая.

— Эгесихора — лакедемонянка тоже! — тихо возразила Таис, и критянин не нашел ответа.

— Завтра на рассвете принесу жертву в память ее. Я приглашаю тебя, — сказал Неарх после некоторого молчания, — и тебя, — обратился он к Гесионе. — Я пришлю колесницу или носилки.

— Хорошо, — ответила Таис за обеих. — Но ты забыл про это, — протянула она ларец Эгесихоры.

Неарх отступил на шаг, отстраняя ящичек рукой.

— Нет, не надо. Отдаю той, которая увезла Эгесихору от убийц, — твоей подруге.

Потрясенная Гесиона покраснела до грудей и воскликнула:

— Что с тобою, наварх? Разве можно дарить столь дорогие вещи нищей девушке, не рабыне только по доброте госпожи? Я не могу взять!

— Возьми — на память об ужасном часе, пережитом вместе с моей золотой милой. А о своих достоинствах предоставь судить мне.

Гесиона неуверенно взглянула на Таис. Гетера повела бровями — надо взять, и фиванка низко склонилась, принимая ларец из ее рук под угрюмым взглядом критянина.

Неарх остановился у порога.

— Еще есть у меня слова Птолемея к тебе. Он искал тебя в первый же день, а теперь уплыл с Александром к морю. Он не забыл тебя. Если ты хочешь увидеть его, Александра и Гефестиона, то поплывем вместе. Я жду посланного из залива Героев и должен присоединиться к Александру. Наш божественный полководец и друг хочет основать новый город — может быть, будущую столицу своего царства. Есть подходящее место, там, где был тысячелетие тому назад критский порт.

— Где же это? — воскликнула заинтересованная Таис.

— На побережье. Отсюда плыть на Навкратис и дальше на Канопус, потом вдоль берега моря на запад. Впрочем, ты знаешь об этом месте из Гомера — обитель морского старца Протея.

— «На море в шумном прибое находится остров, лежащий против Египта. Его называют там жители Фарос», — речитативом напела Таис.

— Да, Фарос. И это гомеровское место особенно нравится Александру. Знаешь, как он любит Гомера. Так едем?

Таис взволнованно переплела пальцы.

— Большой ли у тебя корабль?

Неарх впервые за все время усмехнулся, видимо наивность знаменитой гетеры позабавила его.

— Самый большой мой корабль стоит на площади главного храма в Тире в знак победы, так же как осадная машина Деиада — начальника всех механиков Александра — водружена внутри храма в Газе.

Таис всплеснула руками в восхищении.

— Зачем тебе знать размеры моего корабля? — продолжал критянин. — Я дам тебе отдельный, два, три, сколько захочешь.

Пожалуй, впервые афинянка ощутила могущество молодого македонского царя и его не менее молодых сподвижников.

— Так ты согласна плыть к Фаросу? Но зачем тебе большой корабль? Здесь меньше имущества, чем в Афинах. — И Неарх окинул взором небогатую обстановку скромного дома Таис.

— Мне нужно взять с собой мою лошадь, — стесняясь ответила Таис. — Я не могу с ней расстаться надолго...

— Понимаю. Только-то? А еще?

— Кроме меня, конюха и двух женщин.

Неарх гордо сказал:

— В твоем распоряжении будет целый корабль с опытными пловцами. Я ожидаю своего посланца через два дня. Тогда мы поплывем на Эшмун и Малый Гермополь, мимо Навкратиса. Ты ведь была там?

В воспоминании Таис пронеслись унылые равнины с бесчисленными засоленными озерами, песчаными грядами, необъятными зарослями тростников — весь тот угрюмый барьер Дельты, который отделял Египет от сияющей синевы моря.

Приняв молчание афинянки за нерешительность, Неарх сказал:

— Птолемей просил меня дать тебе столько дариков, сколько ты захочешь. Я пришлю завтра.

Таис задумчиво покачала головой:

— Нет, не надо. Я еще не видела Птолемея, и он — меня.

Неарх усмехнулся.

— Напрасно ты в чем-то сомневаешься. Птолемей будет у твоих колен в тот же час, как увидит тебя.

— Я сомневаюсь в себе... Но я возьму у тебя в долг три сотни дариков.

— Конечно, я привез много денег, думая... — Критянин снова помрачнел, буркнул «хайре» и вышел.

Начальник флота скрылся в ночной тьме. Едва стихло бряцание оружия его охраны, Гесиона стремительно бросилась к Таис и по своей привычке скользнула на пол, обняв ее колени.

— Госпожа, если ты любишь меня, то возьмешь этот царский дар. — Она показала на ларец Эгесихоры.

— Я люблю тебя, рожденная змеей, — с нежностью ответила Таис, — но не возьму того, что отдано. По воле судьбы и богов оно принадлежит тебе.

— Мне негде хранить драгоценности!

— Спрячь пока у меня. Кстати, пора тебе обзавестись своей комнатой. Хочешь маленькую, что выходит дверью в проход позади моей?

— О госпожа... я хотела бы спать на ковре перед твоей постелью.

— Я буду тебя бить всякий раз за это обращение. — И Таис в самом деле крепко шлепнула фиванку. — Спать нам в одной комнате не годится. Чувствую, что ты скоро проснешься.

— О гос... — Звонкий шлепок оборвал Гесиону, и она убежала.

Печальный обряд памятного жертвоприношения под скорбные греческие песни длился недолго. Неарх остался на месте сожжения Эгесихоры после того, как ушли все и даже стоявшая в глубокой задумчивости Таис. Критянин вновь явился к афинянке только через два дня.

— Прибыл гонец от Александра, — сразу заговорил Неарх, — и мы можем не спешить к Фаросу. Там уже основана Александрия, а сам великий стратег с Птолемеем, Гефестионом и другими приближенными отправляется в Ливийскую пустыню, к оазису, где находится знаменитый оракул Аммона и его священный дуб.

— Это далеко?

— Больше трех тысяч стадий по пустыне.

— И три тысячи назад? Так это месяц пути!

— Для Александра меньше.

— Тогда зачем плыть к Фаросу вообще?

— Тебе не нужно. Мне же Александр велит осмотреть место для гавани, и я поеду. Ненадолго.

— Возьмешь меня с собой? На свой корабль? Без лошади, только меня и Гесиону?

— Охотно. Только зачем тебе? И как же лошадь?

— Посмотреть Фарос. Я хотела повидаться с морем, а вовсе не с Птолемеем. Лошадь останется здесь, и рабыня также.

Клонария рассказала своему купцу про скорый отъезд, и он заторопился взять Клонарию в свой дом и подписать брачное условие. В хозяйстве купца найдется место для Салмаах, и гетера решила разлучиться с кобылой на короткое время. Теперь поездка к Фаросу не могла быть долгой.

Быстроходный корабль начальника флота понес Таис и Гесиону вниз по западному из трех главных рукавов Нила. Неарх плыл с военной поспешностью, не задерживаясь нигде, делая остановки только для пополнения свежей провизии. Бóльшую часть пути Таис проводила на палубе, сидя под кормовым навесом рядом с критянином и кутаясь от резковатого ветра в персидский голубой плащ тонкой шерсти, привезенный Неархом для Эгесихоры. Гесиона сидела тут же, в излюбленной своей позе, поджав ноги, на мягких коврах в три слоя — роскошь, невиданная в Афинах того времени, да и в Египте доступная разве вельможам и жрецам самого высшего круга. Трое рабов — два рослых мизийца и худощавая злая финикиянка — держались поодаль, готовые исполнить любое повеление.

Неарх рассказывал о приключениях в походе Александра. Не столько военный по душе, сколько исследователь и мореплаватель, он больше вспоминал о разных местах ионийского и финикийского побережья, чем о боях. Столь похожие на Крит и Элладу горы и бухты, однако более просторные и более безлюдные, с нетронутыми обширными лесами гигантских сосен и кедров, светлые и чистые, продуваемые ветрами гор. На холмах пониже, будто сады богов, простирались рощи смоковниц с клубящимися, как зеленые облака, пузатыми кронами; посаженные титанами ряды каштанов, могучих орехов и гранатных деревьев. Еще ниже к самому побережью подходили заросли миндаля, гигантские, как дома, кусты съедобного орешника, ароматного мирта и лавра, фисташек, рожкового дерева с черными стручками, равными по сладости финикам. Все это богатство пищи, мало тронутое человеком, даже в небольшом удалении от городов помогало людям жить в привольном уединении. Если бы не постоянные нападения пиратов, то жизнь была бы там куда более легкой, чем на родных берегах Пелопоннеса или Крита. Но города-полисы требовали новых и новых рабов для построек и ведения хозяйства, и азиатские побережья обезлюдели, опустошенные охотниками за «живыми орудиями».

Неарх вспоминал бухты в белых известняковых обрывах, точно мраморные чаши, налитые синей, хрустально-прозрачной водой; глубокие заливы среди красных гор, с таинственно черневшими подводными скалами, поросшими огромными губками или кроваво-красными кораллами. Окаймленные кустарниками тимьяна, лаванды и ладанника, в безветренные и жаркие дни берега источали резкий аромат, умерявшийся свежим запахом моря. Дальше на юг, в Киликии, узкие горные долины, осененные исполинскими платанами, во время цветения были пропитаны ядовитыми испарениями олеандров и магнолий. Горе тем, кто задерживался для отдохновения в журчащих речках, бежавших по дну долин. На выходах к морю погребальными колоннами высились кипарисы по шестидесяти локтей высоты, невиданной в Элладе.

Целые острова серебристо-серой листвы маслин раскидывались вокруг городов и больших поселений.

На финикийских побережьях, более сухих и бедных, много дубов и кустарников, но в горах теснились такие же титаны — кедры и пихты, — как в Киликии или Карии.

Неарх рассказывал о городах. Одни радостно открывали ворота победителям-македонцам. Другие отчаянно оборонялись и за это были разграблены и вырезаны до последнего мужчины: Милет, Галикарнас, Тир, тем более Газа. Всякий раз, как заходила речь о взятых городах и сражениях, Неарх говорил об Александре. Товарищ детских игр, юношеских приключений, опальный царевич, на глазах своих близких друзей, не говоря уже о преданных гетайросах — «товарищах», цвете македонской конницы из знатных родов, превратился из неопытного яростного воина в божественного полководца. Александр свершил такое, о чем не мог мечтать никто из эллинов, ни даже его отец Филипп, давно думавший о войне с Персией. Вопреки предсказаниям опытных в политике мужей, Александр не следовал изощренной хитрости своего отца, а действовал всегда прямо, держал свое слово, точно исполнял обещания. Его способность к молниеносным решениям превосходила даже Фемистокла. Раз приняв решение, он не отступал от него с такой уверенностью в успехе, что это казалось его полководцам божественной проницательностью. В первой большой битве при Гранине старшие военачальники могли порицать его за неосторожность. Но после гигантской битвы при Иссе, когда Александр с тридцатью пятью тысячами македонцев и тессалийских всадников разгромил сотни тысяч воинов Дария с ничтожными для себя потерями, его приближенные стали относиться к Александру с благоговей-

ным страхом. Прежняя фамильярность отношений заменялась преклонением. Манера Александра внезапно бросаться в самые опасные места битвы делала его похожим на Ахиллеса, которого он числил в своих предках. И бился он с той же яростью, что и мифический герой. Зато за короткий срок победного похода он получил уже две тяжелые раны — в бедро и в плечо, от которых оправился нечеловечески быстро.

— Наверное, он окружил себя множеством женщин, — сказала Таис, — к столь прекрасному герою сбежались лучшие красавицы Ионии, Сирии, Египта?

Неарх расхохотался своим дробным смешком.

— Ты удивишься! Александр не имеет женщин, если не считать какой-то невзрачной вдовы, которую он взял к себе в палатку после того, как старшие полководцы посоветовали ему не возбуждать недоумения среди воинов и обзавестись любовницей. Сам Александр негодовал на торговцев невольниками, назойливо предлагавших ему красивых мальчиков.

«Почему вы считаете меня мужелюбцем?» — восклицал гневно Александр, выгоняя торговцев.

— Действительно, почему? — спросила Таис.

— Десятки тысяч молодых женщин проданы в рабство. Любую из них с первым выбором или даже всех мог взять Александр. В битве при Иссе он захватил все имущество Дария и его семью, включая мать, жену и двух дочерей. Жена Дария Статира считалась первой красавицей Азии, да и царевны красивы.

— И он не взял ее?

— Нет. И не позволил никому из приближенных, сказав, что эти женщины будут заложницами.

Таис взяла с глиняного блюда горсть карийского миндаля — обычной в Элладе еды, по которой соскучилась в Египте.

— Так он совсем не любит женщин? — спросила она.

— Я бы не сказал. Когда Птолемей намекнул ему, что персиянки царской семьи прекрасны, Александр почти с ожесточением ответил: «Да, и это мученье для моих глаз!» Нет, он чувствует женскую красоту и любит ее!

— Тогда почему же он избегает женщин?

— Мне думается — Александр не совсем человек. Он безразличен к еде и питью. Я видел, как ему претит обжорство товарищей на пирах после каждой победы. Он не зажигается алчностью при виде богатства, хотя ни один человек в Элладе не владел еще такими сокровищами. Любимое занятие у него — читать по ночам, а днем общаться с криптосами — разведчиками пути — и беседовать с философами.

— А вдова?

— Она не любит Александра и боится его, укрываясь в заднем отделении шатра, будто мышь.

Наступила очередь засмеяться Таис.

— Ты сам как понимаешь его, близкий друг? Или есть еще ближе? Птолемей? Гефестион?

— Гефестион, пожалуй, но как раз потому, что полностью противоположен Александру, Птолемей себе на уме, хотя сообразительность и быстроту его решений Александр ценит высоко. А я знаю море, от него он далек. Мы, его друзья, вместе взятые, как-то отошли от него. Соображения Александра, как и решения, непредсказуемы, поступки часто необъяснимы.

— Например?

— Иногда Александр ведет себя как мудрый правитель, милостивый к побежденным, уважающий чужие обычаи и храмы, исполненный добрых намерений к жителям завоеванных городов. А иногда — подобен дикому необузданному варвару. Разрушает города до основания, устраивая кровавую резню и разграбление. Македонцы уже давно показали, на что они способны в Фивах...

— О да! — вырвалось у Гесионы.

Неарх пристально взглянул на нее и продолжал:

— Той же участи подверглись Милет и Галикарнас, не говоря уже о Газе. Сопротивление повергает Александра в бешенство, и он расправляется с противником как дикарь, забывая все свои прекрасные слова о равенстве людей Азии и Эллады. Мне кажется, враг, мужественно сопротивляющийся, заслуживает хотя бы уважения и сохранения жизни. Ведь мужество живет в лучших людях. Как же можно избивать их, оставляя жить и давать потомство лишь слабых душой и телом? Ни один хороший хозяин-скотовод не поступит так с животными, не то что с людьми.

— Есть в этой дикости еще худшая сторона, — внезапно сказала Гесиона. Таис удивилась, но фиванка, густо покраснев, продолжала: — Среди избиваемых и продаваемых подобно скоту людей есть совсем неповторимые — художники, врачи, философы, певцы, артисты. Каждый город-государство славен своими мастерами, достижениями в создании прекрасного, в знаниях и ремеслах. Надо ли тебе говорить, что эти достижения не случаются сразу, а требуют веков, постепенного совершенствования, даже тысячелетий, как Египет, Эллада, погибший Крит. Уничтожая город-островок со всеми носителями искусства и знания, мы обкрадываем сами себя и

всю ойкумену, лишаемся создававшейся веками мудрости и красоты.

Неарх поднял брови, подумал и энергично закивал в знак согласия.

— Скажи, пробовал ты говорить об этом с Александром? — спросила Таис.

— Пробовал. Сначала он слушал меня, зная, что я вообще редко говорю и только о важном.

— А потом?

— Забывал все в очередной ахиллесовой ярости. Он не похож на Филиппа — гораздо больше на свою мать Олимпиаду.

— Какая она была?

— Она есть — ей немного больше сорока, и она по-прежнему прекрасна особенной, диковатой красотой. Знаешь ли ты, что она царевна древнего рода из горной Тимфеи, сирота, посвященная Дионису, ставшая жрицей его и, конечно, менадой.

— Значит она подвержена бешеному самозабвению? И Александр унаследовал эту способность. Тогда я больше понимаю его необъяснимое поведение.

— Вероятно, так! Он впадает в неистовство, наталкиваясь на сопротивление, будь то война, или спор, или открытие нового. Пытается преодолеть буйным наскоком, не щадя ни своей ни чужих жизней, не считаясь с достоинством человека, о котором в спокойные минуты он немало говорит, возражая своему учителю Аристотелю.

— Так бывает с очень удачливыми людьми, возлюбленными Тихе, — задумчиво сказала Таис.

Собеседники долго молчали, слушая журчание воды за рулевыми веслами.

Корабль шел под парусами. Стойкий восточный ветер ускорил путешествие. Заунывный крик погонщиков и рев ослов доносились издалека. Далеко, насколько хватал глаз, простирались заросли донакса — камышей, волновавшихся под ветром подобно буровато-зеленому морю. Ближе к берегам проток и стариц росли тростники со звездчатыми метелками, трепетавшими в такт струям течения.

— А эту, прекраснейшую из всех, жену Дария, ты видел? — вдруг спросила гетера.

— Видел. Она очень красива.

— Лучше меня? И... Эгесихоры?

— Вовсе нет. Высокая, тонкая, подобная змеевидным финикиянкам. Мрачные черные глаза под широкими черны-

ми бровями. Рот — большой, тонкогубый, щеки чуть впалые, шея длинная, ноги — не разглядишь в их плотной одежде. Еще черные косы, тонкие, как змеи, — вот тебе весь ее облик. На мой взгляд, куда хуже, чем ты или... — взгляд Неарха остановился на фиванке, покрывшейся жарким румянцем, — ...чем Гесиона.

«Рожденная змеей» спрятала лицо в ладонях, а Таис весело вскочила, обняла шею Неарха и поцеловала под глаз, избегая колючей бороды.

— Ты заслуживаешь награды. Я буду танцевать для тебя. Зови музыкантшу. Кажется, здесь есть флейтистка, а с китарой управится Гесиона.

Неарх и все спутники были в восторге от неожиданного представления, ибо для эллинов, финикийцев и египтян нет в жизни большего удовольствия, чем танцы красивых женщин.

«Зимородковые» тихие дни окончились с наступлением зимнего солнцеворота, но погода оставалась спокойной, когда корабль Неарха вышел из рукава Нила и повернул вдоль берега моря на запад, гонимый стойким восточным ветром. Двое искусных кормчих не отходили от рулевых весел. В этой широкой полосе желтоватой воды, взмученной накатистым прибоем, отмели все время изменяли свое расположение. В жидком песке с примесью нильского ила днище корабля могло прилипнуть к мели так, что никакие усилия гребцов и паруса не смогли бы сдвинуть плененное судно. Поэтому ночью кормчие не решались плыть и останавливались в маленьких заливах.

Таис и Гесиона находились под покровительством Афродиты. Богиня сделала плавание легким и быстрым. Вскоре корабль вышел на чистую воду вне несомых Нилом песков и подходил к видной издалека белой полосе пены за островом Фарос. На косе между лиманом Мареотидой и проливом моря, там, где всего месяц назад стояло ничтожное селение рыбаков Ракотис, скопилось восемь кораблей с лесом и камнем. Дым от кухонь в лагере воинов и домиках рабов в утренний час был густ. Подхватываясь ветром, он уносился на запад, по пустынному ливийскому побережью.

Архитектор Александра Динократ успел многое. На месте будущего города пролегали канавки и ряды вколоченных в землю палок, означавшие контуры будущих зданий, храмов, улиц и площадей.

Начальник города, пожилой македонец, иссеченный шрамами, встретил Неарха с большим почетом. Под защитой стены, еще пахнувшей сырой известью, поставили две палат-

ки, сотканные из тонкой шерсти памфилийских горных коз. В ложах, подушках, занавесях не было недостатка на корабле командующего флотом. Под всемогущей его опекой Таис и Гесиона разместились роскошно.

Свидание с морем всколыхнуло в Таис память прошлых лет. Чуть печальная, она вновь переживала незабвенные мгновения своей короткой, но богатой впечатлениями жизни, под родной шум моря, всплески широких накатов и вечно изменяющиеся извивы пенных полос. Чаек здесь собралось гораздо больше, чем в других местах побережья; их качающийся полет и резкие крики наводили на мысли об Эа — острове плача, обиталище Кирки посреди пустынного Ионического моря.

Чтобы стряхнуть нежданную грусть, Таис попросила у Неарха лодку и гребцов. Критянин поплыл вместе со своими гостьями через пролив к мнимому обиталищу морского старца. Солнце перевалило за полдень, и ветер внезапно утих. Из высокого неба повеяло жаром, сверкающие блики медленно закачались на успокаивающейся воде. Лодка подходила к острову — низкому, песчаному и совершенно пустому. Даже чайки утихли. Неарх повернул налево, к западному концу Фароса, и уткнул нос лодки в песчаный откос, уходивший в темную глубь. Там, где издали виднелся приглубый берег, оказалась стена из громадных глыб твердого камня. Неарх повел лодку дальше и, став в воду, перебросил обеих женщин на песок Фароса. Приказав гребцам ожидать, критянин повел Таис и Гесиону через песчаные холмики, поросшие сухой колючкой. За буграми широкий пляж утрамбованного прибоем песка со стороны моря ограничивался прямой каменной стеной. Гигантские глыбы, еще более крупные, чем в афинском Пеласгиконе, здесь были пригнаны с тщательностью, напоминавшей египетские или критские постройки.

— Что это? Кто жил здесь в давние времена? — почему-то вполголоса спросила Таис у Неарха.

Не отвечая, Неарх подвел афинянку к краю стены и показал на раскиданные землетрясением глыбы, лежавшие в прозрачной воде. Камни не обрастали здесь водорослями, очищенные бурями. На ровной поверхности глыб виднелся рисунок в виде клеток, обозначенных правильными глубокими бороздками. Часть квадратов была углублена, часть оставлена вровень с поверхностью камня. Получился сетчатый рисунок темных и светлых квадратов. Таис сразу вспомнила, где она видела похожую скульптировку камня.

— Крит, правда? — с загоревшимися глазами воскликнула она.

Неарх ответил широкой довольной улыбкой.

— Там поглубже есть развалины, смотри, будто колонна!

— Я хочу это посмотреть, — сказала Таис, — вода не холодная, несмотря на зимнее время. Не то что у нас в Элладе.

— Здешних не заставишь окунуться! — весело сказал Неарх и внезапно помрачнел. Таис проследила за его мыслями — закаленность морских людей, особенно спартанцев и... Эгесихора... Афинянка ласково погладила его по руке.

— Я нырну. — И побежала к берегу против темного пятна глубины, указанного Неархом. Гесиона понеслась за ней, но обеих опередил Неарх.

— Если уж так, то вперед пойду я. А-э-о! — закричал он, продувая легкие, как это делают ловцы губок. Сбросив одежду, критянин нырнул, а за ним последовала Таис, и, к удивлению ее, Гесиона также оказалась рядом. Таис знала, что фиванка неплохо плавает, но не считала ее способной на большее. Встревоженная, она подала Гесионе знак подниматься, но девушка упрямо мотнула головой и ушла еще глубже, в сумрачную тень, где Неарх подзывал их жестом. На косой плоскости очень крупной глыбы или плиты большое изображение осьминога с причудливыми изгибами щупалец четко виднелось в полосе света, внедрявшегося в воду с верхнего края стены. Упавшая вниз широкой капителью колонна суживалась к основанию по критскому образцу. На ее осмотр не хватило дыхания. Таис пошла наверх. Гесиона вдруг отстала. Движения ее рук замедлились. На помощь кинулся Неарх, энергично толкнувший фиванку наверх и подоспевший как раз вовремя, чтобы подхватить ее на поверхности моря. Рассерженная, испугавшаяся за подругу Таис потащила ее к берегу и на камне наказала шлепком. Придя в себя, Гесиона виновато опустила глаза и более не пыталась состязаться с пловцами, подобными Неарху и Таис. Они ныряли, пока не замерзли. Выбравшись на сухую плиту, нагретую солнцем, Таис вторично в этот день удивилась. Гесиона не торопилась одеться, а безмятежно сушила волосы, почему-то не стесняясь Неарха, который прыгал и поднимался на руках, чтобы согреться, исподволь рассматривая своих спутниц, как и подобало вежливому гимнофилу.

Вызывающий загар Таис, некогда поражавший афинских модниц, побледнел в Египте. Она давно не предавалась ленивой близости солнца и моря, и медная ее кожа стала светлее. Чуть позолоченная солнцем Гесиона оказалась прелестной

даже рядом со знаменитой гетерой. Ее ноги, такие же сильные, как у Таис, могли бы показаться чересчур крепкими, не будь они так прекрасно очерчены. Волосы распушились от ветра и окружали голову пышной копной, слишком тяжелой для тонкой девичьей шеи. Гесиона и впрямь склонила голову набок. Глубокие тени, скрыв ее большие глаза, придали лицу девушки выражение усталой печали. Она уперла одну руку в крутой изгиб бедра, а другой стряхивала песок с тела медленными плавными поглаживаниями. Короткий вздох берегового ветра набросил волосы на лоб Гесионы, и она, вздрогнув от холода, вздернула голову. Соски ее крепких грудей, маленькие, розовые, задорно поднятые вверх, затрепетали упруго, как бы стремясь приподняться еще выше. Таис протянула руку, словно для того, чтобы утихомирить груди Гесионы. Фиванка, смутившись и закрываясь волосами, убежала под сомнительную защиту высоких пучков сухой травы.

Неарх ощутил странное чувство жалости, острого интереса и влечения к трагической, нежной и пылкой Гесионе. Что-то сродни ему, изгнаннику и заложнику с детства, показалась эта девушка, в которой чувствовалась светлая душа. По блеску глаз Таис догадалась о переживаниях критянина и негромко сказала, набрасывая одежду:

— Не спеши, мореход, и она будет тебе хорошей подругой.

— Я соображаю, что ее надо разбудить. А ты отдашь Гесиону?

— Как я могу не отдать. Она не рабыня, а свободная и образованная женщина. Я люблю ее и рада буду ее счастью. Только смотри и ты. Один неверный шаг — и... Ты имеешь дело не с обычной судьбой и не возьмешь ее, как других.

— А ты поможешь мне?

— Прежде всего не буду мешать.

Неарх привлек к себе Таис для поцелуя в обнаженное плечо.

— Не спеши с благодарностями, — засмеялась гетера и, вспомнив что-то, слегка оттолкнула Неарха. Подозвав Гесиону, Таис резко разогнула браслет на ее левой руке и, сорвав его, бросила в море. Фиванка не успела ничего сказать, а Неарх трижды хлопнул в ладоши, выражая одобрение.

Они переехали через пролив, правя на высокий столб, намечавший предполагаемый волнорез, и нашли еще остатки критских построек у западного конца пролива, соединявшего озеро Мареотис с морем.

Неарх сказал, что он теперь снова удивляется верному чутью Александра. Порт, выстроенный столь основательно

тысячелетия тому назад, конечно, был важной гаванью торговых путей великой критской морской державы. Будет таким и для государства сына Филиппа.

Таис гостила в будущей Александрии до новолуния, плавая в море даже в ветреные дни. Прибыла часть отряда македонцев, сопровождавшая Александра в оазис Аммона. К удивлению всех, Александр не вернулся назад, а пошел напрямик к Мемфису трудным и опасным путем через Ливийскую пустыню. С ним остались Птолемей, Гефестион и брат няни Александра в Пелле Клеит по прозвищу «Черный», гигант неимоверной силы. Поход к святилищу Аммона в зимнее время оказался не столь уж труден — вода находилась в каждой большой впадине. По слухам, путь на восток к Мемфису более опасен и тяжел. Громадные горы песка дымились и пересыпались под ветром, бесконечным чередованием гряд пересекая все четыре тысячи стадий пути. Непонятно, зачем Александр решился на этот подвиг, мало что прибавлявший к его славе.

В ответ на сомнения, высказанные Таис, Неарх пожал плечами:

— Я понимаю.

— А я нет. Объясни.

— Александру надо идти в глубь Азии за Дарием, через пустыни и степи, наполненные зноем. Он хочет испытать и закалить себя.

— А что сказал оракул Аммона?

— Ничего никому не известно. Жрецы оракула и хранители дуба — гараманты — встретили Александра с величайшим почетом. Утром он один вошел в храм, а сопровождающие ожидали его день и всю ночь. На рассвете Александр покинул убежище Аммона, сказав, что узнал от бога все, что хотел и в чем нуждался.

— Что же теперь делать?

— Поплывем в Мемфис. Сегодня же. Или ты хочешь еще побыть у моря?

— Нет! Я соскучилась по Салмаах...

И снова потянулись бесконечные равнины дельты, показавшиеся еще унылее после чистых просторов моря. По-прежнему обе женщины слушали рассказы критянина. Теперь Таис чаще удалялась на носовую палубу, оставляя его вдвоем с фиванкой. Она замечала, что взгляды Гесионы, обращенные к Неарху, становятся нежнее и мечтательнее. Однажды вечером Гесиона скользнула потихоньку в их общую каюту, куда Таис удалилась раньше и лежала без сна. Услыхав, что девушка сдерживает смех, Таис спросила, что случилось.

— Посмотри. — Гесиона поднесла к свету люкноса губку таких гигантских размеров, каких гетера никогда не видывала.

— Подарок Неарха, — догадалась Таис, — редкая вещь, под стать этой чаше.

В углу их каюты стояла огромная, выстланная серебром чаша или бассейн, предоставленная им для омовений, носить которую было под силу лишь двум крепким рабам.

— Попробуем? — весело предложила Гесиона. Она выкатила чашу как колесо и опрокинула на пол. Грохот сотряс корабль, и испуганный помощник кормчего вбежал в каюту. Очарованный улыбками, он прислал двух моряков, наполнивших чашу водой.

Таис погрузила в бассейн губку, вобравшую почти всю воду, велела Гесионе стать в него и, с усилием подняв губку, обрушила ее на фиванку. Восторженный вопль вырвался из уст Гесионы, дыхание ее перехватило от целого каскада холодной воды.

— Смотри, чтобы любовь Неарха не утопила тебя, как эта губка, — пошутила Таис, а девушка отчаянно замотала головой.

Однако на четвертый день плавания Гесиона не вышла на корму и осталась в каюте. Таис потребовала командующего к ответу.

— Я поцеловал ее... Мы целовались и раньше.

— Может быть, слишком сильно?

— На этот раз я хотел...

— До конца?

— Конечно. Я полюбил ее и горю желанием. А она — пылкая лишь тогда, когда дело идет не о любви. Боюсь, что Гесиона так и не оттает, пока я не испорчу всего. Помоги чем-нибудь. Нет ли каких трав, амулетов? Вы, искусные жрицы Афродиты, должны знать такие вещи.

— У меня с собой только эктомон (вырезок), порошок черной чемерицы.

— Говорят, не помогает чемерица, — разочарованно сказал Неарх.

— Не помогает тем, кто болен, а для здоровых — это отличное средство. Гесиона здорова, как сама Артемис.

— Так дай скорее! Как действует вырезок?

— Это женское дело. Не для мужчин. Положись на меня. Хоть и странно мне быть союзником мужчины, но уверена, что ты не обидишь мою Гесиону.

— Надо ли говорить?

— Не надо! — И Таис скользнула под навес в каюту, откуда не выходила до ночи.

Прошло еще два дня. Судно подходило к Эшмуну во мраке безлунной ночи. Таис лежала в каюте без сна, обдумывая, как принять участие в походе Александра. По словам Неарха, он хотел идти к пределам мира на Востоке. Неожиданно в каюту ворвалась Гесиона, с размаху бросилась на ковер перед ложем и протянула руки к Таис по шелку покрывала, пряча лицо.

Таис сильно потянула Гесиону к себе, несколько раз поцеловала ее пылающие щеки и, слегка оттолкнув от себя, безмолвно взглянула в ее каштанового цвета глаза.

— Да, да! Да! — страстно зашептала фиванка. — И он надел мне этот браслет и это кольцо. Он сам купил в Навкратисе... это не Эгесихоры...

— И ты пойдешь к нему опять?

— Пойду. И сейчас!

— Подожди немного. Я научу тебя, как быть прекрасной в наготе. Хоть ты и так неплоха... сними эпоксиду.

Таис достала набор красок для тела и душистые эссенции.

— Для каждого места есть свой аромат и краска, — сказала афинянка, прочерчивая все естественные складочки на руках, коленях, животе, бедрах, на спине едва заметными штрихами тончайшей кисти, смоченной в алой краске.

— Тебе алая, а мне нужна пурпурная! — продолжала она, подкрасив соски ярким и густым соком какого-то растения и поставив этим же цветом две точки во внутренних углах глаз. Припудрив красной пудрой Гесиону ниже спины и под коленями, Таис взялась за духи, надушив лишь чуть-чуть лицо и груди надром с примесью жасмина, локти, ладони и плечи — розовым маслом с миррой.

— Душиться надо лишь слегка, чтобы не подумал твой возлюбленный, будто ты хочешь скрыть собственный запах, — поучала афинянка, достав флакон с самым дорогим ароматом — маслом из цветов лотоса. Другой кисточкой она короткими, точными мазками надушила фиванку позади ушей, едва коснулась губ, горла, живота и внутренних сторон бедер.

Таис критически осмотрела подругу и спросила лукаво:

— Так ли уж плоха мужская любовь?

— О нет! — горячо воскликнула фиванка, покраснела и добавила: — Только...

— Утомительна? — засмеялась Таис. — Чтобы любить сильного мужчину, нужны стальные мышцы Ипподамии и выносливость Артемис. Если он любит как надо!

— А как надо ему?

— Как поэту. Если ты нисходишь к нему богиней, готовой отдаться священному обряду, без опаски и без нетерпения.

— А мне?

— Служить ему, как перед Афродитой на морском берегу, без края и предела. Если у тебя так...

— Да, да! Я знаю, он начальник флота у великого Александра, а я... но все равно я счастлива, а там что пошлет судьба. Кто может спорить с ней?

— Сами боги не могут и не смеют, — согласилась Таис, — только мы, смертные, чтобы не погибнуть, должны быть сильны душевно.

— Что дает силу?

— Долгая подготовка, крепкая закаленность, строгое воспитание.

— И для гетер тоже?

— Для нас — в особенности. Немало девушек, одаренных Афродитой превыше многих, возвысились, принимая поклонение, как царицы, а кончали жалкими рабынями мужчин и вина, сломленными цветами. Любая гетера, ставшая знаменитой, погибнет, если не будет заранее душевно закалена — в том и смысл учения в храме Афродиты Коринфской.

— Я не понимаю...

— Скоро поймешь. И когда постигнешь, что нельзя стать знаменитой только любовью, не будет ли поздно браться за танцы, веселые рассказы?

— Как бы я хотела стать такой танцовщицей, как ты!

— Что ж, увидим. Я знаю в Мемфисе одну финикиянку, она научит тебя тайнам.

— О, мне не нужно тайн. Я люблю Неарха, и, кроме него, никогда любить никого не буду.

Таис пристально посмотрела на фиванку:

— Бывает и так, только редко...

Глава восьмая
РЫЖИЙ ИНОХОДЕЦ

Птолемей увидел Таис верхом на темно-пепельной лошади, когда возвращался вместе с Александром, Гефестионом, Черным Клейтосом и Леонтиском — начальником тессалийской конницы — с прогулки к пирамидам. Александр ехал на Букефале, проезжая любимого коня в ранний час дня. Обычно он ездил на нем только в бою, избегая перегревать вороного в дальних поездках под палящим солнцем Азии. Букефал

поднял умную широколобую голову с пятном-отметиной и продолжительно заржал, приветствуя кобылу. Салмаах кокетливо затанцевала, сдерживаемая крепкой рукой Таис.

Три возгласа удивления и неожиданности прозвучали почти одновременно. Три друга безошибочно узнали «четвертую Хариту». Тессалиец замер, рассматривая небольшую, одетую без роскоши женщину, перед которой остановились три могущественных человека — и в их числе сам божественный полководец.

— Она, моя мечта, — афинянка! — вскричал Птолемей, спрыгнув с коня и хватая под уздцы Салмаах.

— Эта уверенность! — насмешливо заметил Гефестион. — Твоя без тебя?

— Я сказал — мечта! — упрямо повторил Птолемей, испытующе глядя на Таис. Она положила обе руки на холку лошади, подняв высоко голову, и смотрела только на Александра, словно завороженная его взглядом. Чуть сведя брови, Таис закинула ногу и соскользнула с левого бока лошади на землю. Она казалась совсем небольшой перед тремя гигантами на огромных конях. Александр, Гефестион и Клейтос были выше четырех локтей на целую палесту (ладонь), а рост Таис — три локтя три палесты. Тем не менее гетера не теряла достоинства и чуть дерзкой независимости, удивившей Птолемея еще в Афинах. Теперь он во все глаза смотрел на нее. В расцвете женской силы, утратившая нечто мальчишеское, гетера вышла из чувственного огня ее прежней жизни новой, далекой и еще более желанной. Лошадь Таис отступила в сторону, и Птолемею пришлось смотреть против солнца. Могучий золотой свет проник сквозь легкое одеяние гетеры и облек все ее тело сияющим огнем, словно сам Гелиос принял в свои объятия прекрасную дочь Эллады и Крита. По взгляду вдаль, видящему нечто неведомое остальным, Таис вдруг напомнила ему Александра. Птолемей нахмурился, озадаченный. Гетера обладала необъяснимой глубиной привлекательности. Изгибы линий ее тела как бы мерцали, скользя. Широко расставленные, сводящие с ума глаза Таис таили в себе то огненную силу Гелиоса, то почти тоскующую мечтательность. Тяжелые черные волосы вились с необузданной силой вокруг медно-загорелого лица, подчеркивая правильность его черт, сквозивших таинственным могуществом, огнем божественного дара Анаитис. Птолемей задрожал и опустил взгляд, чтобы не выдать себя.

Александр, спешившись и бросив поводья Букефала Клейтосу, подошел к Таис. Его широко расставленные глаза

показались гетере очень дальнозоркими. Их зрачки не смотрели прямо в глаза Таис, а как бы раздвигали лучи зрения по сторонам ее головы. Александр стал держать голову еще выше, чем при первой встрече, и прищуривал нижние веки с выражением гордым и проницательным.

Таис серьезно сказала — «хайре», поднимая маленькую ладонь к подбородку полководца.

— О чем ты хочешь просить меня? — сказал македонец.

— Ни о чем, царь, — ответила Таис, называя Александра титулом владык Персии. — Ты стал так величественен за прошедшие годы, что мы, простые смертные, невольно делаем жест молитвы.

Александр прислушался к словам Таис — нет, они не отдавали лестью.

— Пусть простит меня мой прародитель Ахиллес, право, ты стала прекраснее Елены Троянской, дочери Тиндара!

И царь македонцев еще раз оглядел гетеру, но как-то поиному ощутила его любопытство афинянка в сравнении с Птолемеем.

«Ее глаза кристально чисты, как источник Артемис, — подумал Александр, — серые, с проблесками золота и лазури, спокойные и доброжелательные. А гордые губы — будто вырезаны из пурпурного камня, так четок их рисунок, резкий, как и длинный разрез век под узкими бровями. Кожа — светлой меди, прозрачная и шелковистая, будто тонкая пелена огня, горящая на алтаре в ясный полдень». Ее тело, очерченное солнцем, светилось само под прозрачной тканью, но нагота эта была, на взгляд Александра, защищена заклятием богини, останавливавшим силу влечения к ее чувственным формам.

После некоторого молчания, нарушавшегося лишь брянцанием уздечек и ударами копыт лошадей, Александр сказал:

— Помнишь мои слова в Афинах: «Ты будешь моей гостьей, когда захочешь»? Так хочешь ли?

— Конечно, хочу! Особенно когда ты удивил меня памятью о короткой встрече с девчонкой-гетерой...

— Я давно собирался позвать тебя, — вмешался Птолемей. — К твоим услугам любые лошади, палатка, рабы — всего этого у меня в изобилии. — Птолемей осекся под взглядом Александра. Полководец смотрел на своего соратника без гнева, а с сожалением — так показалось Таис.

— Путь мой только еще начинается, — сказал царь, — но ты можешь сопровождать нас. Не в боях и погонях, а следуя в мирной половине моего войска — с художниками, философа-

ми, артистами. Птолемей позаботится о тебе — он умеет это делать. — Легкая улыбка рассеяла смущение спутников царя.

Таис склонила голову с тяжелым узлом высоко зачесанных волос и по-детски поджала губы дужкой.

— Благодарю тебя, царь!

— Зови меня по-прежнему Александром. И приходи на праздник, который я устраиваю для города. Покажи там высокое искусство эллинских женщин.

Александр с удивительным для его мощной фигуры проворством вскочил на своего вороного, покрытого по персидскому образцу потником, укрепленным тремя ремнями, и блиставшего золотой персидской уздечкой в виде лежачей буквы «хи» с золотыми розетками на скрещении ремней и под ушами. Таис взвилась на потертую шкуру пантеры, заставив Салмаах подняться на дыбы и ловко повернуться вслед ускакавшим македонцам. Опомнившись, гетера снова повернула лошадь и медленно поехала к месту, где ее ждала Гесиона, расставшаяся на несколько дней с Неархом. Начальник флота обещал вернуться к большому симпозиону, их разлука не могла быть долгой.

Мемфис был объят праздничным настроением. Люди приветствовали молодого «фараона» Александра, восхищаясь его красотой, силой, чувством превосходства и власти, исходившими от обожествленного полководца.

Как всегда, народ надеялся на большие перемены в своей судьбе, долженствующие изменить печальную жизнь по мановению нового царя, испокон веков надеясь на лучшее и не понимая, что ход истории медлителен и тяжек. Ничего для этих ныне живущих людей измениться к лучшему не могло. Только военные беды, погромы, пожары и наводнения вторгались в неизменно бесцветное существование людских толп с ошеломляющей внезапностью худого. Но опыт истории существовал только у мудрецов. Жители Египта предались продолжительным празднествам, приветствуя победоносных македонцев и эллинов.

Среди них было немало подобных Таис веселых крупиц жизни, с телом и мускулами как из бронзы, с твердой душой, мнящих себя хозяевами ойкумены.

— Ты поможешь мне, Гесиона? — спросила гетера накануне симпозиона, устраиваемого Александром для знати Мемфиса в так называемых «Южных Садах».

— Ты очень храбрая, моя прелесть, если хочешь выступать перед таким скопищем людей. Не испугается ли Салмаах?

Афинянка лениво потянулась и достала флакон мутного древнего стекла. Из него она насыпала в маленькую чашку щепотку зеленоватого, неприятно пахнувшего порошка.

— Я добавлю в воду и напою завтра Салмаах. Этой азиатской травы надо очень немного, чтобы человек или животное сбросили с себя цепи застенчивости или страха. Чуть больше — и тело выйдет из-под власти сердца, потому я, не имея опыта, дам лишь капельку...

Из наполненных смолой каменных сосудов на столбах пламя вырывалось в темное небо дымными крутящимися колоннами. Глубокий навес укрывал собравшихся от северного ветра. На гладких плитах двора музыканты и греческий хор с артистами исполнили «Песнь козлов» — трагедию, отрывок из приключений Диониса в его индийском странствовании. Эту легенду особенно любил Александр.

Великий победитель полулежал в окружении своих приближенных, хмельных и заносчивых. Только Неарх и Леонтиск уселись немного в стороне, слушая великолепную тиносскую певицу. Высокая, в черном как ночь пеплосе, она походила на Гекату. Только вместо мрачных собак две веселые, обнаженные, как полагалось, флейтистки аккомпанировали ее низкому голосу, силе которого могли бы позавидовать военачальники. Широкий разлив печальной песни нес утешение, смывая, подобно морю, человеческие огорчения, повелевая быть спокойней, внимательней и добрее.

Загудели барабаны. Ритм заострила дробь деревянных палок. Рабы раздули курильницы, извилистые ленты тяжелого ароматного дыма потянулись над плитами импровизированной сцены.

Нагие финикийские танцовщицы, все на подбор тонкие, узкобедрые, смуглые и низкогрудые, завертелись в дыму курений, извиваясь в позах, симулирующих страсть. Их было шесть. То разъединяясь, то бешено бросаясь навстречу одна другой, они дерзко, грубо и недвусмысленно изображали ярость овладевшего ими желания. Жертвы богини Котитто, одержимые одной целью — быстрее освободиться от ее мучительной власти.

Хриплые крики одобрения понеслись со всех сторон. Военачальники Александра наперебой выбирали самую лютую, чтобы пригласить за поставленный с восточной стороны навеса длинный стол для избранных артистов. Только сам Александр и угрюмый Черный Клейтос по выразили восхищения. Неарх с Леонтиском тоже остались спокойными. Рабы обнесли всех новыми чашами вина. Угасли курильницы, тела

танцовщиц заблестели от пота, пронзительная дробь смолкла. Под замирающие удары барабанов финикиянки скрылись.

Тотчас же без всякого перерыва перед дворцом-сценой упала завеса тончайшей серебрящейся ткани, протянутая на веревке от одного факельного столба до другого. За ней поставили большие зеркала из посеребренных листов меди, отразившие яркий свет больших масляных лампионов.

Зазвенели струны, протяжно запели флейты, и еще восемь нагих девушек появились в полосе света от зеркал за тканью. Все небольшого роста, крепкие и полногрудые. Их волосы не метались тонкими косами-змеями по плечам, как у финикиянок, а были коротко острижены, как у мифических амазонок. Маленькие ноги ступали дружно, одним слитным движением. Тессалийки — дочери древней страны колдуний, и танец их казался волшебным действом, тайной мистерией.

Слабо колышущаяся серебристая ткань дымкой отделяла танцующих от полутьмы пиршественного навеса. Гибкие тела тессалиек подчинялись иному музыкально-напевному ритму. Танец был широким, как бы несущимся по просторам конно-бежных равнин Тессалии, хотя в убыстрявшемся темпе юные танцовщицы бесились не меньше финикиянок. Полет их стремлений оценили зрители. Они смотрели в молчании, захваченные чувствами тиноэстезиса — ощущения через сердце, для эллинов олицетворяющее душу.

Леонтиск наклонился к Неарху, чем-то опечаленный, и негромко сказал:

— Когда-то давно я видел тессалиек, исполнявших танец амазонок. Как это было прекрасно!

— И хотел бы увидеть? — загадочно улыбаясь, спросил критянин — он-то знал обо всем через Гесиону.

— Мои соотечественницы так раззадорили память, что я готов заплатить талант той, которая сможет исполнить танец амазонок.

— Что ж, плати! — невозмутимо сказал Неарх, протягивая сложенную чашечкой ладонь. Начальник тессалийской конницы удивленно рассмеялся. В это время убрали занавес. Красноватые блики смоляных факелов вновь побежали по плитам двора. Девушка в очень короткой эксомиде, открывавшей левые плечо и грудь, с распущенными волосами, появилась у левого факельного столба. Неарх узнал Гесиону. Сначала ее почти не заметили. Фиванка подняла над головой бубен и резкими ударами привлекла внимание пирующих. Зазвенели звонки, прикрепленные к ободку инструмента, и в ярко освещенный круг ворвалась Таис верхом на Салмаах.

Ничего, кроме уздечки, не было на лошади и, кроме боевого браслета амазонки, — на всаднице. В свете смоляных факелов светлая медь кожи Таис резко выделялась на темно-серой шерсти кобылы. Затихшие зрители могли видеть малейшие движения амазонки и Салмаах. Грациозной переступью лошадь пошла боком от одного столба до другого, поднялась на дыбы, склонив набок маленькую сухую голову и приветственно размахивая передними копытами. Отсюда Салмаах в такт ударам бубна двинулась, поочередно забрасывая в стороны то зад, то перед, а Таис сидела прямо, с неподвижными плечами, крутясь в тонкой талии соответственно виляющему ходу лошади.

Протанцевав три круга, афинянка внезапно послала Салмаах вскачь. Гесиона бешено забила в бубен, а македонцы — все отличные наездники — заорали в ритме скачки.

Подражая легендарным стиганорам, Таис на всем скаку становилась на одно колено, переворачивалась лицом к хвосту, растягивалась на спине, обнимая широкую крутую шею кобылы.

Снова подняла гетера лошадь на дыбы, Салмаах завертелась быстро и красиво, делая по два оборота в разные стороны. Крики восторга делались все громче. Поощренная ими, Таис пустила лошадь равномерной рысью и встала во весь рост на ее спине, придерживаясь за прядь длинной гривы и безукоризненно балансируя.

Рабы незаметно настелили на дворе тяжелые пальмовые доски. Таис снова села верхом, перестала улыбаться, лицо ее посерьезнело. Бубен Гесионы повел перекличку звоном с ударами, рассыпаясь в ритме горделивого танца. И Салмаах, подчиняясь коленям гетеры, отстукивала всеми четырьмя копытами по гулкому дереву. Два, четыре удара передними ногами, затем шаги назад, снова гулкая дробь передних... Два, четыре, восемь, двенадцать — спаренные удары учащались, лошадь то устремлялась вперед, то приседала назад. Таис откидывалась, выгибаясь дугой и устремляя груди к темному небу.

Гесиона уже не могла стоять спокойно, танцевала на месте, изо всех сил потрясая бубном! Лошадь тоже начала подпрыгивать как в галопе, ударяя сразу тремя ногами, подбрасывая круп и снова задирая голову.

Внезапно Таис спрыгнула со спины Салмаах. Опираясь на лошадь правой рукой, она исполняла странный обрядовый танец. Поднимаясь на пальцы правой ноги, гетера высоко поднимала левую, обхватывала ее щиколотку протянутой впе-

ред левой рукой. Перед бьющими в доски копытами тело Таис обрисовывало треугольник изогнутым луком тела, как бы замкнутую вверху букву гамма. Затем обо руки простерлись на уровне плеч в такт сильному изгибу назад, а правая нога перешла в положение левой. И снова на миг обрисовался треугольник, пока Салмаах продвигалась по кругу, готовая повернуться другим боком. Тогда Таис взлетела на спину лошади и соскользнула с другого ее бока, повторяя треугольники странного танца. Сплошной рев стоял под навесом. Леонтиск ринулся было вперед. Его остановил Неарх... Птолемей казался внешне спокойным. Крепко сцепив руки, он прижимал их к груди, бросая взгляды на тессалийца. Даже Александр поднялся и чуть не столкнулся с Лисиппом, опершимся о колонну перед столом. Знаменитый скульптор следил так, как будто от этого зависела вся его жизнь, за переменчивой игрой мышц лошади и всадницы, то сливавшихся в едином усилии, то сочетавших ритмы движения человека и четвероногого. Последний прыжок Салмаах — и Таис на спине, и поднятая на дыбы лошадь поклонилась на обе стороны. Затем Таис поставила кобылу на колени головой к Александру и сама, спрыгнув на землю, приветствовала его. Рев восторга усилился до такой степени, что Салмаах вскочила, заложила уши и, кося глазом, стала пятиться к низкорослым деревьям позади «сцены». Ее подхватила под уздцы Гесиона.

Александр поманил Таис. Гетера накрылась бахромчатым египетским плащом и убежала. Едкий конский пот необходимо было смыть как можно скорее и одеться для пира.

Конюх еще проваживал разгоряченную Салмаах за кустарниковой оградой сада, а Таис уже появилась под навесом в оранжевом хитоне с тремя лентами — синей, белой и красной, вплетенными в черную чащу ее волнистых волос.

Прежде чем Птолемей или Леонтиск успели что-либо сказать, гетера подошла к Александру. Царь македонцев взял ее за обе руки, поцеловал и усадил за трехногий греческий столик между собой и широкоплечим сутуловатым человеком с короткой бородой, обегавшей худое лицо, с умным и усталым взглядом.

— Посмотри на нее хорошенько, Лисипп!

Таис вздрогнула и повернулась к знаменитому ваятелю, покинувшему Элладу, чтобы сопровождать юного победителя персов. Скульптор обнял Таис за плечи, заглядывая в лицо с бесцеремонностью художника или врача. Гетера увидела, что он вовсе не сутул, а лишь кажется таким из-за привычки наклоняться вперед, всматриваясь пристально.

— Зачем, царь? — Таис не смогла назвать македонца по имени, хотя и знала, что Александру всего двадцать четыре года, всего на год старше ее. Такую властную силу приобрел молодой полководец, что даже дерзкая афинянка смирялась перед ним. Вообще фамильярность была не в ее характере.

— Александр хочет, чтобы я когда-нибудь сделал твою статую в образе царицы амазонок. С детства он мечтал повторить историю Тесея и Ипполиты, но с огорчением узнал, что всадницы Термодонта давно исчезли, оставив лишь легенду. Однако ты сегодня явилась истинной их наследницей. Смотри, как пожирает тебя глазами наш герой Леонтиск!

Таис склонилась перед Александром в преувеличенной мольбе:

— Пощади, о царь! Тысячи рисунков на вазах, лютрофорах, левкифах, на фресках и барельефах храмов уже триста лет изображают, как доблестные эллинские воины расправляются, убивая амазонок, тащат их в плен. Примечал ли ты, что амазонки — по большей части даже пешие, чтобы никак не возвышаться над мужчинами?

— Что ты подразумеваешь? — с любопытством спросил Лисипп.

— Любые сосуды, краснофигурные, чернофигурные времен первой олимпиады и даже до того. Художники всякие — знаменитые и не знаменитые — Евфроний, Евхаридес, Андокидес, Архесилай, да разве их упомнишь?! И везде герои Тесей, Геракл, Ахиллес тащат за волосы несчастных амазонок, бьют дубинами упавших на колени, вонзают им в грудь мечи и копья. Мало я видела рисунков, где амазонки верхом на лошадях, как им и следует быть, еще меньше — где они поражают мужчин в бою.

— Ну это на сосудах, да еще старинных! — возразил Лисипп.

— Отнюдь нет! Вспомни похищение Антиопы в барельефах храма Аполлона! А наш Парфенон!! Да неужели ты забыл огромную картину Микона в пинакотеке Афин, в левом крыле Пропилей, где эллинские воины беспощадно избивают амазонок? Она написана столетие назад или больше.

— Что же ты хочешь этим сказать? — нахмурился Александр.

— Когда мужская гордость уязвлена, вы начинаете выдумывать для своего оправдания небылицы. А художники стараются изобразить эту ложь как можно правдивее.

— Зачем это художникам? — сказал Лисипп.

— Так ведь они — мужчины тоже! И им тоже нестерпима даже мысль о женском превосходстве.

Незаметно подошедший Леонтиск захлопал в ладоши.

— Чем ты восторгаешься? — недобро спросил Птолемей.

— Умом амазонки. И правдой.

— Ты видишь правду?

— Хотя бы в том, что только у амазонок все эти поражения, которые с такой охотой изображали афиняне, не отняли мужества, как у беотийцев и афинян. Темискиру, их столицу, взял Геракл, часть амазонок погибла под Афинами, и все же они пришли к стенам Трои сражаться против эллинов. Им не могут простить этого потомки тех, кого амазонки били, вселяя страх своей нечувствительностью к ранам!

Александр весело рассмеялся, а Птолемей не смог возразить тессалийцу. Лисипп спросил Таис:

— Скажи, почему тебе пришло в голову выступать в ипогиннесе нагой?

— Прежде всего — соответствие легендам. Истинные амазонки — посвященные Артемис девушки Термодонта, жившие тысячу лет до нас, — всегда сражались и ездили нагими на лошадях без потников. Нелепая небылица о том, что они будто выжигали себе одну грудь для стрельбы из лука, неверна хотя бы потому, что нет ни одного древнего изображения безгрудой амазонки. Стиганоры стреляли или прямо перед собой над ушами лошади или, проскакивая врага, переворачивались лицом к хвосту и били с крупа коня. Настоящих амазонок вы можете видеть на старых клазоменских вазах и кратерах. Это крепкие, даже очень плотные нагие девушки, едущие верхом на сильных лошадях в сопровождении бородатых конюхов и собак. Ионийские, карийские женщины, привыкшие к свободе, не могли согласиться с грубым захватом дорийскими завоевателями. Самые смелые, сильные, юные уходили на север, к Эвксинскому Понту, где образовали полис Темискиры. Это не народность, а священные девы Артемис, потом Гекаты. Невежественные историки и художники спутали их со скифками, которые также прекрасные воительницы и наездницы. Поэтому очень часто амазонок изображают одетыми с ног до головы, в скифской одежде, или каппадокийками с их короткими эксомидами.

— Ты должна учить истории в Ликее или Академии, — воскликнул удивленный Лисипп.

Веселые огоньки заиграли в глазах Таис:

— Из Ликея я едва унесла ноги, познакомившись с Аристотелем...

— Мне он ничего об этом не рассказывал, — прервал ее Александр.

— И не расскажет — по той же причине, по какой рисуют избиения амазонок. Но скажи, о ваятель, слышал ли ты, чтобы женщина чему-нибудь учила взрослых людей, кроме любви? Разве Сапфо, но как с ней разделались мужчины! А мы, гетеры-подруги, не только развлекаем, утешаем, но также учим мужчин, чтобы они умели видеть в жизни прекрасное...

Таис умолкла, переводя дыхание после длинной тирады, а окружавшие мужчины смотрели на нее, каждый по-своему осмысливая сказанное.

— И еще, — снова заговорила Таис, обращаясь к скульптору, — ты, чье имя неспроста «освобождающий лошадей», поймешь меня, как и все они, — гетера сделала жест в сторону Леонтиска и македонцев, — властители коней. Когда ты едешь верхом по опасной дороге или мчишься в буйной скачке, разве не мешают тебе персидский потник или иная подстилка? А если между тобой и телом коня нет ничего, разве не сливаются в одном движении твои жилы и мышцы с конскими, работающими в согласии с твоими? Ты откликаешься на малейшее изменение ритма скачки, ощущаешь нерешительность или отвагу лошади, понимаешь, что она может... и как прочно держит тебя шерсть при внезапном толчке или заминке коня, как чутко отвечает он приказу пальцев твоих ног или повороту колен!

— Хвала подлинной амазонке! — вскричал Леонтиск. — Эй, вина за ее здоровье и красоту! — И он поднял Таис на сгибе руки, а другой поднес к ее губам чашу с драгоценным розовым вином. Гетера пригубила, погрузив пальцы в его коротко остриженные волосы.

Птолемей насильственно рассмеялся, сдерживая готовую прорваться ревность.

— Ты хорошо говоришь, я знаю, — сказал он, — но слишком увлекаешься, чтобы быть правдивой. Хотел бы я знать, как можно заставить яростного коня почувствовать эти маленькие пальцы, — он небрежно коснулся ноги гетеры в легкой сандалии.

— Сними сандалию! — потребовала Таис.

Птолемей повиновался, недоумевая.

— А теперь опусти меня на пол, Леонтиск!

И Таис напрягла ступню так, что, опершись на большой палец ноги, она завертелась на гладком полу.

— Понял теперь? — бросила она Птолемею.

— Таким пальчиком, если метко ударить, можно лишить потомства, — засмеялся Леонтиск, допивая вино.

Симпозион продолжался до утра. Македонцы становились все хмельнее и развязнее. Александр сидел неподвижно в драгоценном кресле фараона из черного дерева с золотом и слоновой кости. Казалось, он мечтал о чем-то, глядя поверх голов пирующих.

Птолемей тянулся к Таис жадными руками. Гетера отодвигалась по скамье к креслу Александра, пока великий повелитель не опустил на ее плечо свою тяжелую и надежную руку.

— Ты устала. Можешь идти домой. Лисипп проводит тебя.

— А ты? — внезапно спросила Таис.

— Я должен быть здесь, как должен еще многое, независимо от того, люблю я это или нет, — тихо и, как показалось, досадливо ответил Александр. — Я хотел бы иного...

— Царицу амазонок, например! — сказал невесть откуда взявшийся Лисипп.

— Я думаю, что амазонки, посвятившие себя Артемис и единственной цели войны за свою самостоятельность, были никуда не годными возлюбленными. И ты, о царь, не узнал бы ничего, кроме горя, — сказала гетера.

— Не то что с тобой? — Александр склонился к Таис, вспыхнувшей, как девочка.

— Я тоже не для тебя. Тебе нужна царица, повелительница, если вообще может женщина быть рядом с тобой.

Победитель персов пристально посмотрел на Таис и, ничего не сказав, отпустил ее движением руки.

Вместе со скульптором они выбрались в сад, улучив момент сердитого спора между захмелевшими приближенными. Едва они очутились в тени деревьев, как Лисипп негромко спросил — ты посвященная орфиков? как твое имя в посвящении? много ли открыто тебе?

— Мало, — откровенно призналась гетера. — А орфическое имя мое — Тию.

Узнав о делосском философе, Лисипп утратил свою недоверчивость и посоветовал Таис носить трехцветные ленты в глубине Персии. Лисипп был убежден, что окончательная победа над персами — дело скорое и Александр непреклонен в достижении этой гигантской цели.

Зороастрийцы в Персии поклоняются доброте в мужском божестве Ормузде, вечно борющемся со злом — Ариманом. Одежда Ормузда — те же три цвета Музы — белый, красный и синий.

— Я должен встретиться с тобой, как только Дарий будет окончательно побежден, и я устрою себе в Персии постоянную мастерскую. Ты — нелегкая модель для художника. В тебе есть что-то редкое, — закончил скульптор.

— А не состарюсь я до той поры? — рассмеялась Таис.

— Глупая, ты не знаешь Александра! — ответил Лисипп.

Дома ждала Гесиона вместе с Неархом, удравшая с симпозиона пораньше. Критянин, восторгаясь, поздравил Таис с небывалым успехом, а фиванка радостно плясала по комнате вокруг обоих.

— Этот предводитель конницы — он совсем, совсем поражен Эросом! — хохоча вспоминала Гесиона. — Ты покорила знаменитого героя подобно Ипполите!

Таис попросила Неарха рассказать, чем прославился Леонтиск.

В битве при Иссе Александр оказался зажатым в прибрежной долине огромными силами персов. Их конница, в несколько раз превосходившая числом конницу македонцев, бросилась с холмов на берег, перешла речку и атаковала правое крыло армии Александра, состоявшее из тессалийской конницы. Александр бросил на помощь фракийских всадников и великолепных критских лучников под командой очень опытного полководца Пармения.

Тессалийская конница сумела удержать берег моря до тех пор, пока гвардия Александра — тяжелая конница «товарищей»-гетайров и щитоносцы — не подготовила страшный удар в центр персидских сил, обратя в бегство Дария и обеспечив победу.

За геройство в битве на морском берегу тессалийские конники удостоились права первыми грабить Дамаск под начальством Пармения. В Дамаске оказалось собранным все снаряжение персидской армии: повозки, рабы, деньги и сокровища. Поэтому Леонтиск сейчас владеет немалыми богатствами. Его наградил и Александр среди других, отличившихся в битве, разделив между ними три тысячи талантов, захваченных на поле битвы в лагере персов.

— Правда, наверное, у Птолемея богатство еще большее. Этот военачальник мудр и терпелив, умеет собирать и выжидать. Я полагаю, что он будет владеть тобой, а не пламенный, подобно Александру, Леонтиск, — заключил свой рассказ критянин. Таис только вздернула голову под лукавым и любящим взглядом Гесионы.

* * *

Еще не наступил первый месяц весны — мунихион, а Таис снова оказалась на корабле Неарха вместе со своей подругой и Салмаах. Они плыли по восточному рукаву Нила через Бубастис до прорытого по указу Дария Первого канала, соединяющего Египет с Эритрейским морем и Персией. Триста лет назад канал приказал рыть египетский фараон Нехо, тот самый, по чьему указу финикияне совершили беспримерный подвиг мореходства, обойдя кругом через юг всю Либию, от Египта до Геркулесовых Столбов, и прибыли снова в Египет. Однако труд египетских рабов остался незавершенным. Лишь через два столетия Дарий Первый, располагая огромным числом военнопленных, закончил путь от рукава Нила до Суккота, лежащего на Горьких озерах в преддверии залива Героев — узкого ответвления моря между Аравийской и Синайской пустынями. В Суккоте Таис покидала судно Неарха и впервые расставалась с Гесионой надолго, может быть навсегда. Неарх отправлялся на Евфрат строить флот, чтобы двинуться на Вавилон после приказа Александра. В глубоко продуманных планах великий полководец все же учитывал возможность поражения. В этом случае он не хотел повторять тяжкого Анабазиса — похода греков к морю через горы и степи Каппадокии и Армении. Греческих наемников тогда никто не преследовал. Если же уходить, имея на плечах армию персов, то не будет возможности сохранить своих воинов и собственную жизнь. Александр считал исходом отступать к Евфрату, посадить войско на суда и уплыть от преследователей... Если победа, Неарх должен был явиться в Вавилон. Там-то и рассчитывали встретиться обе подруги.

Последнюю ночь перед Суккотом они провели без сна в помещении Таис. Холодноватый синайский ветер проникал сквозь плотные занавеси, колебля тусклое пламя светильника и заставляя подруг теснее прижиматься одна к другой. Гесиона вспоминала годы, проведенные у Таис, смешную ревность Клонарии к «рожденной змеей», веселое озорство знаменитой гетеры — тогда почти девчонки, а теперь столь великолепной в царственной своей красоте. Таис отрицала свое мнимое величие. Напомнила об истинно божественной Эгесихоре. Обе вдоволь поплакали, горюя и о спартанке, и о собственной разлуке.

Из-за низких и унылых восточных холмов встало слепящее солнце, когда на пристань были брошены причальные канаты. Тут же появился Птолемей в шитом серебром фини-

кийском плаще, с целой толпой своих товарищей. Они приветствовали прибывших громкими криками, напугавшими Салмаах, как на мемфисском симпозионе. Храпевшую, бьющую передом и задом кобылу сама Таис перевела на пристань и передала опытным конюхам. Таис и Гесиона не увидели грязных извилистых улочек недавно еще опустелого из-за войны городка. Их повезли на колеснице по северному берегу небольшого соленого озера, на восток, где на уступе долины расположился стан высших начальников Александра.

Неизбежный симпозион окончился рано — Неарх спешил. К полуночи Таис с припухшими от слез глазами вернулась с проводов в приготовленную ей роскошную палатку персидского вельможи.

Никогда не думала гетера, что таким сильным станет горе разлуки со своей бывшей рабыней. Еще не залечилась рана от потери Эгесихоры и Менедема. Афинянка чувствовала себя особенно одинокой здесь, на пустынном склоне, перед походом в неизвестность.

Как бы угадав ее состояние, несмотря на поздний час, явился Птолемей. Он развлек Таис рассказами, и она снова подпала под обаяние его ума, искусной речи, удивительной наблюдательности. С начала похода македонец вел путевой дневник, скупыми, точными записями запечатлевая удивительные события. Если критянин Неарх замечал главным образом природу морских побережий, то Птолемей оказался на высоте не только как военный, но и как исследователь обычаев и жизни народов покоренных стран. И конечно, большую долю внимания Птолемей уделял женщинам, обычаям любви и брака, что так же сильно интересовало и Таис. Он рассказывал о жутких народах, обитавших в глубине Сирии и Аравии. Они очень низко ставят женщин, считают Афродиту Пандемос — богиней разврата, не понимая ее высокого дара людям. Не понимают потому, что боятся любви, перед которой чувствуют себя неполноценными и, очевидно, уродливыми, так как странно боятся обнаженности тела. Именно у них женщина не смеет даже мужу показаться нагою. Неполноценные в Эросе, они жадны до пищи и драгоценностей и очень страшатся смерти, хотя их жизнь глуха и некрасива. Подумать только, они не понимают рисунков и картин, не в силах распознать изображения. Бесполезно толковать им о красоте, созданной художником. Так и живут они на окраинах пустынь, без радости, в войнах и раздорах.

— Что ж, они совсем отвергают женщин? — удивилась Таис.

— Отнюдь нет! Они жаждут иметь их как можно больше. Огонь желания жжет их беспрерывно, потому что они пытаются подавить его извращениями и хитростью. Их грубость в делах любви нам кажется скотской. Даже песни их, долженствующие воспеть Эрос, — грязные. Например, для эллина дурной запах человека отвратителен. Эти же варвары смакуют запах пота своих возлюбленных. Их привлекает также необычный изъян тела или характера.

— Мне жаль их, — грустно сказала Таис, — но может быть, они храбры в бою, не отдавая своих чувств женщине, красоте и любви?

— Наоборот, они трусливы в делах охоты, скачек и сражений! Их жены — рабыни, они могут воспитывать только рабов. Такова расплата за темных и запуганных их женщин.

— Ты прав! — загорелась Таис. — Очень свободны лакедемонянки, а храбрее спартанцев, как народа, нет на свете. Героизм их легендарен, как и слава женщин.

— Может быть, — с неохотой согласился Птолемей и, заметив золотую цепочку на шее гетеры, спросил сурово:

— Прибавилось ли звездочек после моей?

— Конечно. Но мало — всего одна. Я постарела.

— Хорошо бы все так старели, — буркнул Птолемей. — Покажи! — И, не дожидаясь, сам вытащил цепочку наружу.

— Двенадцать лучей! И «мю» в центре — тоже двенадцать или это имя?

— Имя и цифра. Но не пора ли — за холмами начинает светать?

Птолемей угрюмо вышел, не прощаясь. Таис еще не видела его таким и недоуменно пожала плечами, ныряя под легкое теплое покрывало и отказавшись даже от вечернего массажа, который собиралась сделать ей новая рабыня. Эта девушка с Кипра, купленная в Сирии, оправдывала прозвище, данное кипрянкам. Климакидами, или лесенками, называли их за раболепство, с которым они подставляли спины своим госпожам, когда те всходили на колесницу. Она не понравилась афинянке, и Таис решила с ней расстаться. Вторая рабыня — злая и гордая финикиянка, похожая на жрицу неведомого бога, сумела завоевать уважение своей госпожи и, в свою очередь, стала выказывать ей симпатию. Мрачные глаза За-Ашт заметно теплели, останавливаясь на Таис, особенно когда госпожа не могла видеть ее взгляда. Весь следующий день Таис провела в своем шатре. Унылая равнина вокруг не возбуждала любопытства, а весь большой отряд македонской конницы был в горячке подготовки к дальнейшему походу.

Все время подходили новые сотни, собранные из македонцев, временно расселившихся в Дельте, на захваченных участках плодородных земель.

По древней дороге сквозь Эдом в Дамаск войска шли до Тира — главного места сбора армии. Начинался первый этап пути, в четыре с половиной тысячи стадий, как насчитывали опытные проводники и разведчики дорог.

Через пустынные низкие плоскогорья, горы, покрытые дремучими лесами, долины и побережья пролегала эта дорога — свидетельница походов множества народов, забытых кровавых сражений, бегства и скорбного пути увлекаемых в рабство. Гиксосы, ассирийцы, персы — кто только не стремился на протяжении тысячелетий попасть в плодородный и богатый Египет. Даже скифы, с далекого востока, от кавказских владений, проходили здесь, достигнув границ Египта.

Пешие отряды отборных воинов, пользуясь сотнями колесниц, захваченных у персов, не желая расставаться с полученными богатствами, уже отправили свое имущество в Тир и сами ушли туда. Александр со свойственной ему стремительностью опередил Птолемея и находился уже в Тире.

Таис сказала Птолемею, что не хочет пользоваться колесницей. Зубодробительная тряска этих экипажей по каменистым горным дорогам омрачила бы весь путь. Македонец согласился и приказал привести Салмаах, чтобы знатоки осмотрели кобылу перед долгой поездкой. Явился и Леонтиск — едва ли не лучший знаток лошадей во всей армии Александра. Несколько дней, считая и проведенные на корабле, в корм Салмаах добавляли льняное семя, чтобы очистить кишечник. Теперь ее чегравая шерсть, отлично вычищенная пафлагонскими конюхами, блестела темным шелком.

Леонтиск провел ногтями по спине Салмаах, сильно надавливая. Лошадь вздрогнула и потянулась. Тессалиец вскочил на нее и понесся по равнине. Ровный стук копыт заставил знатоков одобрительно закивать, однако начальник тессалийской конницы возвратился недовольный.

— Тряская рысь! Смотри — передние копыта, хотя крупнее и круглее, но не больше задних. Бабки слишком крутые — скоро стопчет копыта на каменистых дорогах Сирии...

Таис, подбежав к кобыле, обняла ее за шею, с готовностью защищать свою любимицу.

— Неправда! Она хороша, ты сам восторгался ею на празднике. Смотри, как она стоит — нога в линию ноги.

— Ноги длинноваты, лучше бы покороче...

— А какая широкая грудь!

— Да, но узковат зад. Потом смотри — у нее длинный и вытянутый пах, на всю ладонь и еще два пальца. Хоть ты и легка, но если делать по двадцати парсангов, то у нее не хватит дыхания.

— Прежде всего не хватит у меня. Или ты равняешь меня с собою?

Тессалиец расхохотался, вертикальная морщина под его переносьем разгладилась, насупленные непреклонные брови поднялись, и афинянка увидела в грозном воине совсем молодого человека, почти мальчика. В противоположность спартанцам, считавшим зрелость лишь с тридцати лет, македонцы начинали служить воинами с 14-15 лет и к 25 годам становились закаленными, все испытавшими ветеранами. Начальник тессалийской конницы, видимо, также был юным ветераном, как многие высшие начальники Александра.

— Прости меня. Ты привязана к своей лошади, как и должен каждый истинный конник. И Салмаах совсем неплохая лошадь. Все же, если поедешь в Азию с нами, тебе следовало бы обзавестись другим конем, а Салмаах останется при тебе, хотя бы для танцев.

— Откуда я возьму другую лошадь! — сказала обиженная за свою кобылу Таис. — Да еще лучше моей красавицы...

Она похлопала Салмаах по крутой шее, а та покосилась недобрым глазом на Леонтиска, будто понимала, что ее унижают.

Леонтиск переглянулся с Птолемеем, и македонец махнул кому-то рукой.

— Эй, привести коня госпоже Таис!

Гетера не успела ничего спросить, как откуда-то послышался чеканный дробный топот. Мальчик, сдерживая рыжего с медным отливом коня, вынесся вперед и едва осадил горячую лошадь, запрокинувшись назад и налегая на поводья.

Этот конь был весь медно-рыжий без единого пятнышка, блестящий, переливающийся искрами. Но подстриженная грива и пышный, тонкий у репицы хвост, почти черные, отливающие синим такие же глаза и копыта удивительно украшали животное. Афинянка никогда не видала лошадей такой масти.

Таис сразу бросились в глаза удлиненное тело с крутыми боками и более короткие, чем у Салмаах, ноги, передние с бóльшими, чем у задних, копытами. Длинная отлогая лопатка, длинная холка, широкий круп — все эти достоинства были очевидны и не знатоку. Поднятая голова и высоко несомый

хвост придавали коню особенно гордый вид. Из-за широких раздутых ноздрей морда лошади казалась серьезной, почти злой. Но стоило поглядеть в большие добрые глаза животного, как опаска исчезала. Таис смело подошла к коню, приняв поводья из рук мальчика, потрепала его по шее, и рыжий жеребец издал короткое, легкое ржание.

— Он признает тебя! — довольно воскликнул Птолемей. — Ну что ж, владей! Я давно присматривал для тебя энетского коня таких качеств, что встречаются у одного на сотню самых чистокровных.

— Как зовут его?

— Боанергос (Дитя Грома). Ему шесть лет, и он хорошо выезжен. Садись, попробуй.

Таис сбросила военный плащ, в который куталась от ветра, еще раз погладила рыжего жеребца и вскочила ему на спину. Конь словно ожидал этого и сразу пошел широкой размашистой рысью, все сильнее ускоряя ход. Удивительное дело — после рыси Салмаах Таис почти не чувствовала толчков. Лошадь покачивалась из стороны в сторону, ударяя двумя копытами одновременно. Заинтересованная афинянка заметила, что лошадь переставляет сразу обе ноги одной стороны — переднюю левую с задней левой, переднюю правую с задней правой. Это был иноходец — род лошадей, на которых Таис еще не ездила.

Восхищенная бегом иноходца, Таис обернулась, чтобы послать улыбку великим знатокам лошадей, и невольно крепче свела колени. Чуткий конь рванулся вперед так, что афинянка слегка откинулась назад и на мгновение оперлась рукой о круп лошади. Ее сильно выступившая грудь как бы слилась в одном устремлении с вытянутой вперед шеей иноходца и прядями длинной гривы. Волна свободно подвязанных черных волос гетеры заструилась по ветру над развевающимся черным хвостом рыжего коня. Такой навсегда осталась Таис в памяти Леонтиска.

Как бы желая показать, на что он способен, рыжий иноходец несся быстрее ветра, ровно неся туловище и раскачиваясь из стороны в сторону. Все чаще становилась дробь копыт, но не уменьшался размах хода, и Таис казалось, что земля сама мчится под ноги замечательного коня. Чуткое ухо танцовщицы не могло уловить ни одной ошибки в точном ритме, который напоминал гетере полузвонный темп танца менад в празднество Диониса — два удара на одном звоне капель быстрой клепсидры, употреблявшейся для расчета времени в танцах.

Рыжий иноходец выбрасывал передние ноги, будто стремясь захватить побольше простора. Таис, преисполнившись нежностью, гладила его шею, а затем стала осторожно сдерживать порыв коня. Боанергос повиновался не сразу. Лишь после того, как Таис сильно сжала его коленями. Он понял умение и силу всадницы и подчинился без дальнейшего промедления. Когда иноходец пошел шагом, афинянка почувствовала, что его походка менее удобна для такой езды, как ни приятна рысь. Широко шагая одной стороной тела, конь как бы извивался под всадницей, заставляя ее слегка поворачиваться из стороны в сторону. Чтобы смотреть вперед, Таис надо было направлять движения нижней половины тела легкими поворотами корпуса в такт движению коня. Это не показалось утомительным гибкой танцовщице, но все же она пустила иноходца во весь мах к лагерю, подлетела к группе знатоков и осадила коня как раз в тот момент, когда они собирались отпрыгнуть в сторону.

— Как нравится тебе Боанергос? — спросил Птолемей.

— Очень!

— Теперь ты понимаешь, что такое конь для дальних походов? Пройдет рысью тридцать парсангов. Хотя у сирийцев есть пословица, что кобыла лучше жеребца, ибо подобна змее: от жары только делается сильнее, — но не та у нее стать.

— Да! Посмотри на ширину его горла, погляди, как высоко он несет хвост — в нем до краев налита сила жизни, — сказал один из знатоков. — Такого коня не купишь за целый талант, потому что он — редкость.

— Таис — тоже редкость! — сказал Леонтиск. — Кстати, кто заметил...

— Я, — выступил вперед молодой лохагос. — И госпожа и конь одномастны! Только глаза разные!

— Заслужил ли я прощенье? — спросил Птолемей.

— За что? — удивилась гетера. — Впрочем, если виноват, про то знаешь сам. Все равно — заслужил. Лови! — И Таис спрыгнула прямо с лошади в объятия Птолемея, как то она не раз делала с Менедемом. Но если могучий спартанец стоял скалой, то Птолемей, несмотря на всю его силу, пошатнулся и чуть не выронил гетеру. Она удержалась, лишь крепко обхватив его шею.

— Дурное предзнаменование! — засмеялась Таис. — Не удержишь.

— Удержу! — самоуверенно бросил Птолемей.

Таис освободилась из его рук, подбежала к иноходцу и, нежно лаская, поцеловала в теплую, мягкую морду.

Боанергос переступил несколько раз, выгнул шею и слегка толкнул Таис головой с коротким приглушенным ржанием, скорее фырканьем. Нельзя было выразительнее дать понять, что Таис ему нравится. По знаку Птолемея раб подал Таис кусок медовой ячменной лепешки, и она, разнуздав иноходца, накормила его лакомством. Конь, поев, потерся о ее плечо, и когда его уводили, Таис показалось, что он, оглянувшись, подмигнул ей, настолько лукавой была его морда.

Несмотря на все старания Птолемея, прежние отношения с Таис не возрождались. Горячая, шаловливая и отважная девчонка, казавшаяся македонцу идеальной возлюбленной, уступила место другой женщине, не менее отважной, но с большей внутренней силой и загадочной по своим интересам. Они не совпадали с интересами самого Птолемея, зоркого практика и хорошего стратега. По жадности к знаниям Таис напоминала ему самого Александра. Крепко запомнился Птолемею один ночной разговор, когда он пытался увлечь Таис политикой.

Распространяясь об идеях Платона, Аристотеля, афинской демократии, спартанском военном государстве, он говорил о необходимости создания нового города, более блестящего и славного, чем Афины. Владения Александра уже превратились в прочную империю, захватывая все побережье Внутреннего моря от Геллеспонта до ливийских берегов. Ни одно из прежних государственных установлений — полис (город-государство), монархия, олигархия — не подходили этому царству — ничего, кроме тирании, то есть правления одного человека, властвующего военной силой. Но тирания — недолговечна, военное счастье изменчиво, еще случайнее жизнь полководца, в особенности столь ярого бойца, как Александр. Необходимо теперь же составить четкий план построения империи Александра, а царь даже не подумал о названии своего государства...

Птолемей заметил, что Таис скучает и слушает из вежливости. В ответ на его нарочитое негодование Таис спокойно сказала, что все эти мысли кажутся ей незрелыми. Нельзя наперед задаваться придуманными идеями, а надо делать то, что лучше для людей сейчас, в настоящий момент.

— Людей? Каких людей? — раздраженно спросил Птолемей.

— Всех!

— Как так — всех?! — Македонец осекся, увидев снисходительную улыбку, мелькнувшую в лице гетеры, и вдруг вспомнил, что то же самое говорил ему Александр в своих рассуждениях о гомонойе — равенстве в разуме всех людей.

* * *

Дорога неуклонно шла на север. Чаще встречались острова лесов, зелеными крепостями возвышавшиеся посреди сероватого моря кустарниковых зарослей на склонах. Таис с детства привычны были жесткие, царапающие чащи кустарникового дуба, фисташки, мирта. Как и в Элладе, встречались заросли черноствольного земляничного дерева, темные рощицы лавра, где становилось душно даже в свежие дни. Афинянка любила высокие сосны, раскидистые, длинноиглые, с мягким ковром хвои и косыми лучами солнца, пробивавшегося сквозь кроны. Когда дорога пошла через гребни и плоские вершины горных кряжей, войско обступила первобытная мощь древних кедровых и пихтовых лесов. Толстенные, буграстые стволы пихт с прямыми, опущенными как у елей ветвями загораживали весь мир, создавая глухое, полутемное царство тишины и отчуждения. Сквозь их блестящую, жесткую и короткую хвою едва проникало могучее сирийское солнце. Дорога виляла между громадными, надменными и грубыми по формам деревьями, уступая лесным великанам. Неизгладимое впечатление произвела на афинянку первая же встреча с рощей ливанских кедров. До сих пор только дубы и очень большие сосны, росшие в священных местах, внушали Таис чувство благоговения. В рощах и лесах, как бы велики ни были подчас деревья, они утрачивали свою особость, становились толпой, из которой глаз выхватывал лишь отдельные черты, в сумме составлявшие образ дерева.

Здесь же каждый кедр был личностью и множество колоссальных деревьев не сливалось в одно впечатление леса. Ряд за рядом замечательные, неповторимые гиганты приближались, позволяя обозреть себя, и скрывались позади за поворотами дороги.

Стволы толщиной до десяти локтей с чешуей грубой нетолстой коры цвета шерсти Салмаах словно оплывали от собственной тяжести, буграми и вздутиями внедряясь в каменистую почву. Кедры начинали ветвиться очень низко, извиваясь громадными ветвями самой замысловатой формы. Змеи, гидры, драконы вырисовывались на слепящем небе. Деревья напомнили Таис гекантохейров — сторуких порождений Геи, восставших против неба всей своей тяжкой силой.

Ниже по склонам виднелись более стройные деревья, уцелевшие от топоров финикийских судостроителей и библосцев, заготовлявших дерево для Соломонова храма. Эти исполины стояли прямо, нередко разветвляясь на две вершины

и раскидывая могучие ветви в необъятную ширь. Миллионы мелких веточек, опушенные короткой, темно-зеленой, иногда голубоватой хвоей, простирались горизонтально, образуя плоские узорные слои — ряд за рядом, подобно лестнице древожителей — дриад, вздымавшихся ввысь.

Птолемей объяснил, что здесь лишь незначительные остатки некогда могучих лесов. Севернее они становятся все обширнее и величественнее, особенно в таврских горах Киликии, в Южной Каппадокии и Фригии. Таис, услыхав об уничтоженных здесь лесах, внезапно подумала, несмотря на свою любовь к красивым кораблям, что даже эти важнейшие изделия человеческих рук не стоят срубленного великана. Уничтожить колоссальное дерево казалось посягательством человека на святые права Геи, кормилицы, всеприносящей. Несомненно, это должно караться особой немилостью матери-земли. Здесь наказание проявилось в бесчисленных грядах выжженных солнцем хребтов, раскаленные камни которых днем и ночью источали душный жар...

Миновав рощу кедров, дорога вывела македонский отряд на уступ обрывистых светлоскальных гор со скудной растительностью, исполосованных вертикальными темными ребрами, как выступы на стенах города. Путь приближался к морю.

— И здесь нет зверей? — спросила Таис. — Можно не опасаться за коня?

— Кое-где в горах попадаются львы и пантеры, но они стали редкими из-за постоянной охоты на них. Несколько веков назад на равнинах и холмах Сирии водились слоны мелкой породы. На них охотились египтяне и финикийцы, добывали слоновую кость для Крита и окончательно истребили слонов.

Таис легко совершала переходы по триста стадий в день. Птолемей не торопился, чтобы дать подтянуться последним отрядам из Дельты. Леонтиск со своими тессалийцами умчался вперед. Перед разлукой он научил Таис пользоваться персидским потником с широкими ремнями и боевым нагрудником. Афинянка, вначале упрямившаяся, оценила удобство его в дальнем походе. Леонтиск подарил Таис сосуд с настойкой из листьев и зеленой скорлупы грецкого ореха, варенных в уксусе. Обтертые ею, Боанергос и Салмаах перестали бояться кусачих мух. Гнусные насекомые даже не садились на лошадей. Тессалиец рассказал Таис правила обтирания вспотевших коней, и теперь гетера неуклонно наблюдала за тем, чтобы конюхи обтирали лошадь, всегда начиная с ног. Если лошадь

утомлялась, у нее холодели уши. Леонтиск объяснил, как надо их растирать, возвращая коню силы. И еще много мелких, очень нужных секретов узнала Таис в течение пяти дней, пока тессалийцы шли вместе с отрядом Птолемея. Теперь, после декады пути, около трех тысяч стадий отделяло отряд от границы Египта.

Перед уступами невысоких гор показалась расширяющаяся к морю равнина. Тяжкие, изогнутые стволы каменных дубов с их мелкими, круглыми и темными листочками, скорее походившие на мелколистный лавр, образовали естественное укрепление вокруг нее. Развалины массивных строений в восточной части равнины возвышались над беспорядочно стеснившимися домиками обитаемого городка. Это был Армагеддон, один из «колесничных» городов древнего царя Соломона, с конюшнями, семь веков тому назад вмещавшими несколько сот лошадей. Птолемей рассказал Таис о древнем пророчестве еврейских мудрецов. Именно здесь, на равнине Армагеддона, произойдет последняя решающая битва между силами зла и воинством добра. Пророки не назвали сроков битвы. Позднее Таис узнала, что философы Индии предсказали время решающего сражения Света и Тьмы, но не назвали места. Считалось, что великое сражение индийских легенд, затеянное полубожественными властителями в утеху тщеславия и властолюбия, погубило цвет их народов и открыло новую историческую эпоху накопления злобы и деспотизма — Калиюгу. После окончания Калиюги и должна была произойти ужасающая битва.

Соединив оба пророчества, Таис определила, что битва Армагеддона должна быть через двадцать три с половиной века посла года ее рождения, и удивилась, как могли люди интересоваться тем, что может случиться в невероятно далеком грядущем. Однако вспомнив, что в Индии еще сильнее, чем орфики, верят в перевоплощение и череду повторных рождений, она поняла. Если человек верил в бесконечную длительность своего обитания на земле, то немудрено, что его интересовали события и столь отдаленного будущего. Однако сама Таис не могла верить в возможность бесконечных перевоплощений. Откровения орфиков еще не преодолели всосанных с молоком матери эллинских представлений о преходящести земной жизни. Бесконечное же блуждание во мраке Лида никого не привлекало...

Дорога спустилась к морю и пошла вдоль берегов до самого Тира. Птолемей вдруг заторопился, и они проскакали оставшиеся четыреста стадий за день и часть лунной ночи.

Для Таис, закалившейся уже достаточно, с ее превосходным конем, этот последний бросок не доставил особых затруднений. Финикиянке За-Ашт Таис поручила повозку со своими вещами и Салмаах. Примчавшись в громадный лагерь около Тира, гетера узнала причину спешки Птолемея. У Александра произошла первая крупная стычка с наиболее опытными и старыми военачальниками македонского войска. Дарий прислал письмо, предлагая мир, гигантский выкуп и отдавал всю прибрежную часть Азии с Египтом. Александр отверг предложение, ответив, что до тех пор, пока Дарий не явится сюда для решительного сражения или же для того, чтобы сложить свой титул к ногам Александра, он будет преследовать его до конца ойкумены.

Старейший из македонских военачальников Пармений, сподвижник Филиппа, первый возроптал против столь заносчивого ответа. «Если бы я был Александром, я принял бы условия персов», — сказал Пармений. «И я бы принял, — согласился Александр, — если бы я был Парменией». Старшие полководцы считали, что нельзя без конца испытывать военное счастье, особенно когда у противника еще есть огромные силы. Удаление от моря в глубь страны, в беспредельные равнины, опасно. Армия македонцев может оторваться от путей снабжения, и совершенно неизвестно, где и когда Дарий соберет свои войска для нанесения решительного удара. Хотя армия отдохнула за зиму, но впереди знойное лето. В напряженном походе в неизмеримую даль войско измотается, особенно главная сила македонцев — пехота — фаланга и щитоносцы. Последние теперь назывались аргироаспидами — «серебряными щитами», получив эти украшения за неслыханную отвагу при Иссе. Соображения, подкрепленные подсчетом невиданной добычи, небывалых побед, завоеванных земель и захваченных рабов, были настолько вескими, что старший, более осторожный, состав начальников принял сторону Пармения. Молодые военачальники, среди которых не хватало одного Птолемея, решительно стали за продолжение похода, окончательный разгром Дария и захват земель до края ойкумены.

Александр понимал, что молодежью руководит азарт битв и любовь к приключениям больше, чем какие-либо другие соображения. Сам великий стратег понимал грозную опасность дальнейшей войны, но в отличие от старших видел еще и невозможность прекратить ее. После битвы при Иссе, разгрома финикийских городов и захвата Египта уже нельзя было остановиться на полдороге. Через несколько лет его велико-

лепная армия, рассредоточенная по захваченным землям, частью вернувшаяся на родину ветеранами, перестанет быть той надежной боевой силой, с которой можно было бы противостоять полчищам персов. Даже без войны тридцать тысяч македонцев растворятся по берегам Внутреннего моря, как соль в воде. Для Александра не было выбора. Он с упорством, унаследованным и от матери, и от Филиппа, хотел осуществить давнюю юношескую мечту. Пройти на восток, туда, где вздымается на небо колесница Солнца из-за края земли и вод океана, — предела смертной жизни, до мыса Тамар древних карт...

С последнего перевала лагерь македонцев раскинулся россыпью огоньков. Несмотря на поздний час, маленькие костры еще горели, освещая круги оживленно беседовавших воинов. Другие, почему-либо не поевшие, ожидали, пока испекутся лепешки и поджарится мясо, всю зиму в изобилии доставлявшееся армии по распоряжению Александра.

Птолемей сдержал утомленного коня и повернулся на ноге, чтобы оказаться лицом к лицу с Таис. Гетера подъехала вплотную, видя намерение Птолемея сказать нечто тайное.

— Слушай, орфеянка! Иногда ты как-то прозреваешь верным решением. Как бы ты посоветовала Александру — мириться с Дарием или идти на него?

— Царь не нуждается в советах, тем более моих!

— Я понимаю это более, чем кто другой. Вопрос касается тебя, если бы тебя спросили?

— Я отвечу — вперед, только вперед. Нельзя останавливаться! Это гибель!

— Так и знал! — восхищенно воскликнул Птолемей. — Ты истинная подруга для полководца и, может быть, — царя!

С этими словами Птолемей обнял Таис, привлекая к себе, чтобы поцеловать, и вдруг с криком отпрянул. Пришпоренный пятками конь его прыгнул в темноту. Озадаченная исчезновением македонца, Таис оглянулась и, сообразив, что произошло, начала громко смеяться. Боанергос, ревниво охранявший свою всадницу, больно укусил Птолемея. Через мгновение македонец явился снова.

— Поехали вниз! — И, не посмотрев на гетеру, дал поводья своей лошади.

В боковом приделе шатра Александра горели неяркие светильники. Утомленный полководец лежал на широкой и жесткой постели, слушая Таис. Он призвал к себе гостью накануне выступления, после того как запретил ей танцевать для военачальников. Таис любовалась вспышками внезапного,

стремительного любопытства в его глазах под массивным покатым лбом, когда он поднимал тяжелую голову от подложенного под нее локтя.

Черный от времени щит Ахиллеса висел над его ложем. Александр не расставался с ним с тех пор, как взял его в храме на развалинах Трои и повесил вместо него свой. Тяжесть щита свидетельствовала о принадлежности могучему герою, образ которого с детства увлекал македонского царевича. Но Александр носил в своей душе обидное разочарование, испытанное им и многими до него на холме Илиона. Здесь сражались все герои Илиады. Это трудно было представить себе, стоя перед небольшим холмом. Конечно, прошло почти тысячелетие, однако гигантские храмы Египта, дворцы Крита и города Финикии еще старше! Александр примирился с утратой детских фантазий о Трое, лишь когда понял, что с каждым столетием увеличивается число людей на лике Геи, ширятся просторы ойкумены и все больших требуют свершений истинно величественные дела. Он исполнил мечту своего отца Филиппа и воинственные стремления Изократа с лихвою. Теперь, если удастся полностью разгромить Дария и завоевать Персию...

Таис как будто угадала его мысли, спросив:

— А когда ты уничтожишь Дария и откроешь путь в Азию, что тогда?

— На восток, до океана! — ответил Александр, испытывавший необъяснимое доверие к афинской гетере.

— Далек ли путь?

— Имеешь ли ты понятие о диафрагме хребтов, разделяющих сушу?

— Немного знаю.

— Отсюда до восточной оконечности ее — мыса Тамар на дальнем краю суши — тридцать тысяч стадий.

— Иохеэра (стрелометательница Артемис)! И это пройти непрерывно сражаясь?

— Не так уж много. Чтобы добраться сюда из Мемфиса, ты уже проехала больше четырех тысяч стадий. Я думаю, что после победы над Дарием там не останется большого войска. За год-полтора я дойду до берегов океана, где не был еще ни один смертный и даже бессмертный... кроме Гелиоса...

Проницательный взгляд Александра не уловил в лице Таис ожидаемого восхищения. Гетера, казалось, впала в задумчивость.

— Это и есть твоя заветная мечта? — тихо спросила она, опустив голову.

— Да! С юности она преследует меня. Теперь я стою у порога ее осуществления.

— А сколько тысяч человек погибнет, устилая твой путь трупами? Стоит ли того таинственный мыс? Наверное, голая скала на берегу мертвого океана?

Великий полководец расхохотался неожиданно и радостно.

— Женщина, даже самая умная, останется всегда коротокомыслящей. Такова была и Аспазия у Перикла...

— Если бы он послушал ее, не кончил бы дни в позоре!

— Не будем вспоминать ошибки великих. Ты же считаешь только потоптанную траву, не видя табуна, на ней вырастающего!

— Мой ум действительно мал. Я не понимаю тебя, царь!

— Это так просто! Я убью лишь тех, кто противится продвижению моего войска. Оно пройдет, как борона, равняющая людей. Разве не говорила ты сама о том, что хорошие люди — повсюду похожи, разве не восхищалась моим противодействием учителю — Аристотелю? Я думаю, что умные люди всюду достойны и гомонойя — равенство в разуме — должно соединить Персию, Индию, Элладу и Египет, Италию и Финикию. Сделать это можно только военной силой...

— Почему?

— Потому что владыки и тираны, полководцы и архонты боятся потерять свои права в новом государстве, раствориться среди множества достойнейших. Они заставят свои народы сражаться. Принудить их к повиновению можно, только сломав их крепости, убив военачальников, забрав богатства.

— И ты в силах сделать это в громадной необъятности ойкумены?

— Только я. Боги сделали меня непобедимым до самой смерти, а ойкумена не столь уже необъятна, как я говорил тебе. Пройду к Парапамизу за крышу мира, до Инда и дальше на юг до океана, а Неарх обмерит берега от Вавилона до встречи со мною на краю земли.

— Слушая тебя, веришь учению еврейских мудрецов, — воскликнула Таис. — У них сефирот — разум, иначе Сердце — Бина — женское начало, мудрость, или Хокма, — мужское. С тобой я понимаю, что если женщины — это разумный порядок, то мудрость, его разрушающая, — истинно мужская!

Философические рассуждения Таис были прерваны появлением Черного Клейта. Он оглянулся на афинянку, уловил едва заметный кивок полководца и сказал:

— Тебя домогается некий мудрец. Он говорит, что владеет важным аппаратом (под этим именем македонцы подразумевали боевые машины) и может рассказать о нем только тебе. А ты завтра покидаешь лагерь...

— Вот как! Они знают даже раньше меня! Пожалуй, это в самом деле мудрец или великий механик. Пусть войдет.

Полноватый человек небольшого роста, с быстрыми глазами, вошел, низко кланяясь, настороженно осмотрел Таис, нашел, очевидно, что столь красивая женщина, несомненно, глупа, как беотийская овца, и опустился на колени перед Александром.

— Каков же твой аппарат и где он? — спросил царь.

— Пока только здесь, — пришелец показал на лоб и сердце.

— Как же ты смел...

— Не гневайся, о царь! Идея настолько проста, что создать аппарат — дело получаса и самых простых рук. — Изобретатель извлек из складок одежды массивный, очень острый и заершенный медный гвоздь в эпидаму длиной.

— Надо взять широкие кедровые доски и усеять их этими гвоздями. Сотня таких досок, разбросанных перед защищающимися, остановит любую самую бешеную атаку конницы, а ведь можно изготовить не одну, а многие сотни. Они легки для перевозки и просты в обращении. Представляешь, насколько действенна такая защита? Лошадь, наступившая на гвоздь, оторвет ногу, лишь оставив копыто, а наступив обеими ногами, упадет и сбросит своего всадника. А тот, если доски будут настелены достаточно хорошо, тоже упадет на гвозди — и конец, более уже не подымется с заершенных гвоздей, умирая страшной смертью. Твоим воинам останется лишь подобрать оружие и украшения... Очень простая и очень действенная защита.

— Действительно, очень простая и действенная, — медленно сказал Александр, пристально оглядывая изобретателя. Уголком глаза царь увидел отвращение на лице Таис, которого афинянка не пыталась скрывать.

— Ты один придумал такое? Больше никто не знает?

— Нет, нет, великий победитель! Я — только тебе... думал, что только ты сможешь оценить все значение придуманного мною! И — наградить...

— Да... наградить, — задумчиво и тихо сказал Александр, и вдруг глаза его загорелись гневом: — Есть вещи, которых не позволено переступать ни смертному, ни даже богам. Истинная судьба решается в честном бою лучших с лучшими...

Клейтос! — крикнул он так, что поднявшийся было с колен изобретатель вновь упал перед царем.

Гигант вихрем ворвался в шатер.

— Возьми его и убей, заткнув рот, немедленно!

Вопли изобретателя за палаткой оборвались. В наступившем молчании Таис опустилась на ковер к ногам Александра, восхищенно глядя на него снизу и поглаживая ладонями глубокие шрамы на его обнаженных голенях. Александр положил руку на ее затылок, под тяжелый узел волос, и хотел приподнять афинянку для поцелуя. Снаружи шатра послышались веселые голоса, оклик Черного Клейта, смех Гефестиона. Вошли приближенные Александра, среди них и Птолемей.

Прибыл посланный от Лисимаха. Мост через Евфрат у Тхапсака готов. Передовой отряд агриан уже перешел на левый берег. Сведения от криптиев — тайноглядов — путаны и противоречивы, поэтому переправа приостановлена...

— Зачем? — Александр поднялся во весь рост, забыв о Таис. Гетера выскользнула из палатки, сделала прощальный знак Черному Клейту, восседавшему подобно статуе на крепком сундуке в первом отделении царского шатра, и вышла под крупные звезды сирийской ночи. Осторожно спускаясь по сыпкой щебнистой тропке к ручейку, у которого стояла ее палатка, она услыхала взрыв могучего смеха, далеко разнесшегося в ночной тишине из палатки Александра.

Таис в задумчивости остановилась у входа. За-Ашт со своим шипящим акцентом звала ее для вечернего омовения. Гетера отослала финикиянку спать и уселась на дамасской кожаной подушке слушать слабый плеск ручья и смотреть в небо. За последнее время ей редко удавались свидания с небом, необходимые для восстановления душевного мира. Колесница Ночи склонялась за холмы, когда на склоне посыпались камешки от твердых, тяжелых шагов Птолемея.

— Я пришел проститься! — объявил македонец. — Завтра мы помчимся впереди всех на Дамаск и оттуда на север через Хамат на евфратскую переправу.

— Как далеко?

— Три тысячи стадий.

— Артемис агротера! — вырвалось у Таис. От неожиданности она всегда призывала Артемис.

— Пустяки, милая, в сравнении с тем, сколько еще предстоит пройти. Тебя я поручаю начальнику отряда, назначенного охранять переправу. Ты переждешь решения судьбы...

— На реке, в воинском лагере?

— Нет. Сам Александр посоветовал... он почему-то заботится о тебе.

— Разве ты забыл, что он пригласил меня еще в Афинах?

— Забыл! Он поступает, как будто ты...

— Может быть, я и хотела бы, но это не так. Что же советовал Александр?

— Триста стадий на север от переправы, на царской дороге из Эфеса в Сузу, в сосновых рощах на священных холмах, лежит Гиеранополь с древними храмами Афродиты Милитис. Ты передашь главной жрице этот серебряный ларец с печатью Александра, и они примут тебя как посланницу бога.

— Кто не слыхал о гиерапольском святилище! Благодарю и завтра же тронусь в путь!

— До переправы тебе не нужно охраны, а потом — дело одноглазого Гигама — у него триста воинов. Но довольно о делах — все решено. Ты подождешь меня или посланного за тобой или иного известия!

— Не хочу «иного известия», верю в победу! — Таис обняла Птолемея, привлекая к себе. — Потния Терон (владычица зверей) будет за вас. Я принесу ей богатые жертвы, ибо все уверены, что она владычествует на равнинах за рекой и дальше...

— Это будет хорошо, — сказал македонец, — неизвестность лежит перед нами, пугая одних, разжигая других. Только что мы с Александром вспомнили, как в Ливийской пустыне охотились на бория — зверя, которого никто из жителей Египта не видел, а ливийцы страшились настолько, что опасались даже упоминать о нем. Мы не нашли бория — не повторится ли с Дарием то же самое?

— Этому вы и смеялись, когда я ушла?

— И еще одной вещи, о которой не принято говорить с женщинами, — ответил Птолемей.

Македонец покинул Таис, когда начинало светать и брящание конской сбруи разнеслось по лагерю. Птолемей остановился, отбросив занавесь входа, с горящими глазами и раздувающимися ноздрями.

— Кинюпонтай фонон халинои! — произнес он звучно строфу известной поэмы — «удила коней звенят о смерти!».

Таис сделала пальцами охранительный знак, занавесь упала, и македонец поспешил к шатру полководца, где собирались его приближенные. Таис, по своему обыкновению, простерлась на ложе, раздумывая и прислушиваясь, пока шум в лагере не прекратился и копыта затихли вдали.

Глава девятая
У МАТЕРИ БОГОВ

Странен и диковат был храм Великой, или Превышней, Богини Асторет, Владычицы Нижней Бездны, Женственной Триады: Аны, Белиты и Давкипы, Царицы Земли и Плодородия, Кибелы и Реи Всеуносящей, Матери Богов, Властительницы Ночей. Вовсе не Афродиты, как ошибочно назвал ее Александр, а за ним и Птолемей.

На опушке рощи громадных сосен двойные стены с кубическими башнями очерчивали квадрат обширного двора с рядами низких раскидистых деревьев неизвестной Таис породы. К изумлению гетеры, между деревьями ходили и лежали огромные пятнистые быки, лошади и львы, а на стенах восседали черные орлы.

Стража в позолоченной броне с копьями длиной в десять локтей пропустила только Таис и За-Ашт, оставив в междустенье всю охрану гетеры. Прядая ушами, кони чуяли присутствие хищников, в то время как их собратья во дворе храма не обращали на львов никакого внимания. Даже сюда достигал аромат аравийских благовоний, струившийся из раскрытых дверей храма, стоявшего на платформе неотесанных камней. Таис поспешила дойти до лестницы, но странная компания зверей не удостоила женщин и провожатых даже взглядами.

Столбы черного гранита по сотне локтей вышины, по преданию воздвигнутые якобы Дионисом, охраняли вход в южную часть двора с широко раскинувшимися крыльями храма из крупных зеленых кирпичей. На крышах боковых пристроек росли сливы и персидские яблоки. С платформы белокаменная лестница вела к главному входу над широким кубическим выступом, облицованным блестевшей на солнце глазурованной темно-красной керамикой. Вход разделялся двумя колоннами на три проема в широкой раме из массивных глыб черного камня, по сторонам которой по семь квадратных колонн поддерживали плоскую крышу с садом и прогулочной площадкой. Центр крыши увенчивала прямоугольная надстройка без окон и дверей. Кто-то из могущественных покровителей Таис предупредил о ее приезде. Едва гетера ступила на площадку у входа, как перед ней очутилась целая толпа женщин. В центре группы стояли мужчина и женщина в тяжелых расшитых одеяниях одинакового покроя, но разного цвета — белого у мужчины, черного у женщины.

Таис передала ящичек от Александра и удостоилась низкого поклона. Жрица в черном пеплосе взяла ее под руку и

повела в глубь храма. За дверями, обитыми зеркально полированным электроном, находилось святилище с потолком из листового золота.

На прямоугольной глыбе белого камня восседала небольшая, в два с небольшим локтя вышины, статуя Великой Матери — Астарты, или Реи. Очень древнее изображение (по преданию, ему было несколько тысяч лет) нагой женщины из терракоты, покрытой светло-коричневой глазурью цвета очень загорелой кожи. Женщина сидела на подогнутых под себя ногах, слегка повернув туловище направо, и, подбоченившись, упиралась ладонями в свой выпуклый живот. Необъятные бедра, куда шире массивных плеч, служили пьедесталом могучему телу с тяжелыми руками, большими и правильными полусферическими грудями. Шея прямая и высокая, почти равная по окружности узкой удлиненной голове с едва намеченным лицом придавала статуе гордую напряженность — Энтазис.

Сетчатые цепочки из золота, унизанные фиолетовыми гиацинтами и изумрудами, спускались с плеч статуи, а на ее лбу горел живым огнем какой-то невиданный камень. Позднее Таис узнала, что камень ночью светится ярко, озаряя святилище.

На шаг позади в тени ниши на такой же глыбе стояло изваяние бога-мужчины с грубо нарезанной лопатообразной бородой. Бронзовые колеса с широкими ободьями подпирали оба пьедестала. В большие лунные празднества эти тяжкие колесницы как-то спускались во двор храма. Дальше Рею-Астарту везли львы, а бога-мужчину, имя которого Таис не разобрала, — священные быки.

Главная жрица, не хотевшая или не умевшая говорить на койне, молча расстегнула застежки хитона Таис, спустив его до пояса. Из темной глубины святилища быстро и бесшумно вышли две группы жриц, молодых, с сосредоточенными, хмурыми, почти грозными лицами, удивительно подобранные по росту и цвету волос. Они выстроились по правую и левую стороны статуи Кибелы-Реи, и Таис смогла их рассмотреть вблизи. Те, что стояли направо, все имели темно-рыжие «финикийские» волосы и вместо всякой одежды были обтянуты от шеи до колен сеткой, вроде рыболовной, из толстых нитей красного цвета, сплетенной точно по фигуре. Черная цепь с квадратными звеньями-пряжками стягивала вместо пояса этот необыкновенный наряд. У основания шеи сетка прикреплялась к черному же широкому ремню с металлическим набором. Черные браслеты закрепляли сеть выше колен и на

запястьях. Волосы, подрезанные как у рабынь, отброшенные назад и скрученные тугим узлом, у всех на подбор вьющиеся и густые, обрамляли низкие широкие лбы, подчеркивая недоброе пламя темных глаз.

Жрицы принадлежали к разным народностям, но походили одна на другую не только цветом волос, но и строгой правильностью лиц, совершенством сильных тел, одинаковым ростом не выше средней эллинки...

Слева стояли женщины с темно-бронзовой кожей, черноволосые, в черных, более толстых сетках, с поясами, браслетами и ошейными перевязями из красной бронзы. Диким пламенем горели их блестящие, упорные глаза. В тяжелых узлах их длинных волос торчали золотые рукоятки кинжалов. Жрицы с любопытством разглядывали меднотелую знаменитую гетеру. Таис было улыбнулась им, но даже тени ответной усмешки не промелькнуло в сумрачных взорах служительниц Астарты-Реи-Кибелы.

Красные жрицы стояли, держа кисти рук на уровне плеч, с ладонями, направленными вперед. Черные — уперев прижатые к телу руки ладонями в крутые бедра и отставив в стороны пальцы.

Самая правая красная осторожно подала верховной жрице маленький золотой сосуд. Та обмакнула в него мизинец и помазала Таис над бровями красным маслом с запахом жгучим и свежим. Голова афинянки слегка закружилась. Она смутно припомнила где-то слышанный рассказ о красном масле Ашторет, одна драхма которого стоила баснословных денег.

Черная жрица слева подала чашку из халцедона. Только сейчас Таис заметила, что у всех, черных и красных, ногти были покрыты заостренными пластинками электрона, сверкавшими маленькими зеркальцами. Верховная жрица вынула из чашки немного темной мази, крестообразно прочертила ею Таис между грудей, под ними, и обвела соски. На коже выступила синеватая окраска. Таис встревожилась, не останутся ли пятна.

По-прежнему молча жрица расстегнула ожерелье с золотыми звездами, рассмотрела их и впервые улыбнулась. Она сняла с себя необычайной красоты ожерелье из ярко-голубых, как небо, бериллов, заделанных в светлое золото. Таис сделала протестующий жест, жрица не обратила на него внимания, обвивая шею афинянки бериллами. Она обхватила руками тонкий стан гетеры, еще раз улыбнулась и застегнула звездное ожерелье на ее талии. Еще один взмах тонких пальцев — и

синяя стрела обозначилась вдоль живота Таис. Жрица отступила, хлопнула в ладоши. Тотчас ей поднесли кратер с каким-то напитком. Она пригубила, велела отпить Таис, и чаша обошла всех красных и черных жриц, которых Таис насчитала восемнадцать, по девять с каждой стороны. Они молчаливо рассматривали гостью. Таис стало не по себе от пристальных и очень серьезных глаз, со всех сторон устремленных на нее без осуждения или одобрения, симпатии или вражды.

— Случилось знаменательное, — внезапно заговорила по-эллински главная жрица с четким эолийским произношением, — наша гостья носит древний знак женской тайны и силы, букву «мю», — она показала на звездное ожерелье, перекочевавшее на талию гетеры. — Поэтому я посвящаю ее в высший разряд. Отведите ее в жилье, приготовленное заранее. — С этими словами жрица поцеловала Таис горячими и сухими, как в лихорадке, губами и повторила сказанное на языке, афинянке неизвестном.

Две стоявшие с внешних сторон шеренги, черная и красная, подошли к гетере, почтительно поклонясь, застегнули хитон и осторожно взяли ее под руки. Рассмеявшись, Таис освободилась и пошла между двумя женщинами, не забыв поклониться статуе Реи.

Очень длинный коридор в толще стен полого спускался вниз. Он напомнил гетере египетские храмы. На миг тоска по минувшему, еще столь живому в памяти, резанула ее по сердцу. И конце коридора масляный светильник тускло озарял массивную медную решетку, перекрывавшую проход. Черная жрица издала шипящий свист. Звякнула цепь, у решетки появилась женщина, очень похожая на черную жрицу, но без сетки, пояса и браслетов, с растрепанными охапкой волосами. Она распахнула решетку, прикрывая лицо, и отскочила к стене. Таис увидела, что женщина прикована к стене легкой цепью.

— Разве это рабыня? — спросила гетера, забыв, что ее спутницы могут не знать языка эллинов. — Она похожа на... — Таис показала на черную жрицу.

Легкая усмешка впервые мелькнула у черной, но ответила красная, с трудом подбирая слова койне.

— Она — жрица, наказана, пожалела, не убила!

Дальнейших разъяснений жрица не захотела сделать. Тяжелая дубовая дверь преградила выход из коридора. Красная жрица трижды постучала, и дверь открылась, ослепив гетеру дневным светом. Ее отворила За-Ашт, обнаженная и с распущенными волосами.

— Что, здесь тебе велели так ходить? — насмешливо спросила Таис, оглядывая финикиянку.

— Прости, госпожа, я не успела одеться. Они привели меня сюда через нижний храм и сняли одежду...

— Зачем?

— Стали меня рассматривать, как на рынке.

Как бы в подтверждение ее слов красная жрица подошла к финикиянке, прощупала ее плечи и руки. Таис негодующе оттолкнула бесцеремонную женщину, красноречивым жестом приказывая убираться. Финикиянка захлопнула дверь и задвинула тяжелый засов.

Все вещи гетеры уже лежали на коврах во второй комнате, выходившей на открытую террасу. Лестница спускалась к дороге под высокими соснами. Отведенное Таис жилье находилось с внешней стороны храмовых стен, а проход с решеткой, очевидно, пронизывал их толщу.

Таис глубоко вдохнула сухой, насыщенный запахами сосновой смолы и полыни воздух. Она чувствовала себя заболевшей — такого с ней еще не бывало. Непрерывно кружилась голова, горели грудь и живот, намазанные синим снадобьем. Во рту остался терпкий вкус храмового напитка. Озноб пробегал по спине. Таис вернулась в комнаты, не в силах осматриваться и разбираться. Смутно, будто в дремоте, она заметила странный блеск глаз За-Ашт, хотела спросить, давали ли ей что-нибудь в храме, но, объятая внезапной истомой, повалилась на ложе, среди подушек и покрывал с чужим запахом. Таис заснула мгновенно, вскакивала в тревоге, падала, объятая снова дремой. Череда видений и ощущений неиспытанной силы, более ярких, чем сама жизнь, была мучительна. Колдовская мазь или напиток, или то и другое вместе, вызвали в гетере любовное стремление неодолимой мощи. Таис с испугом ощутила собственное тело как нечто отдельное, наполненное дикими желаниями, сковавшими разум и волю, сосредоточившими все силы и чувства тела в едином фокусе женской его природы. Глубочайшая жаркая тьма без проблеска света и прохлады окутала Таис. Она металась, стонала и вертелась в чудовищных сновидениях, каких прежде не могла представить даже в самой горячей грезе. Ужас перед раскрывшейся в ней самой бездной заставлял ее несколько раз просыпаться. Таис не знала противоядия данной ей жрицей отравы. Дурман одолевал ее, пламя бушевало в горящем от мази теле. Таис опускалась все ниже в своих желаниях, воплощаясь в первобытных мифических героинь — Леду, Филарреиппу, Пасифаю. Гетера изнемогла под бременем темных сил Антэроса. Если бы не

духовная закалка, приобретенная у орфиков, она бросилась бы в храм Реи молить богиню об освобождении. В очередное пробуждение она, шатаясь и дрожа, добралась до ларца с лекарственными снадобьями и кое-как растолкла в вине кусочки сухого сока маковых головок. Осушив целую чашку, Таис вскоре забылась в глухой пелене сна без памяти и видений... Ветер, чистый и холодный, на рассвете прилетел из восточных равнин, ворвался в раскрытую дверь и оконные проемы и заставил проснуться окоченевшую афинянку. Таис едва сдержала стон, чувствуя боль во всех мышцах, будто после непрерывной скачки в двадцать парасангов. Искусанные губы распухли, до грудей нельзя было дотронуться. Таис нашла За-Ашт в соседней комнате, на ковре из плетеного тростника, разметавшейся словно в лихорадке. Разбуженная, она никак не могла прийти в себя, поглядывая на госпожу не то с испугом, не то с яростью. Холодная злость нарастала и в самой Таис, мысленно посылавшей к воронам столь интересовавшие ее прежде храмовые обычаи и коварных жриц Астарты, нарочито давших ей сильного зелья, чтобы поклонница Афродиты испытала силу Великой Матери.

Она напоила финикиянку, растерла ей виски освежающим маслом. Наконец За-Ашт, едва передвигаясь, достала теплой воды, выкупала и растерла Таис и сама очнулась окончательно. Из храма принесли еду — по счастью, очень простую: мед, молоко, лепешки, сухой виноград, куда нельзя было подмешать еще какой-нибудь отравы.

Поев, Таис окрепла, спустилась к роще и пошла проведать свою охрану, поселенную вне пределов храма. Она ускоряла шаг, ощущая возрождение сил, и наконец, радуясь всем телом, пустилась бежать. За поворотом дороги гетера едва не попала под копыта лошадей. Пять всадников мчались навстречу, ведя в поводу двух покрытых персидскими потниками лошадей. Одна из них взвилась на дыбы с пронзительным ржанием. Таис узнала Салмаах лишь после того, как кобыла позвала хозяйку, и удивилась своей рассеянности, приписав ее действию отравы. Бежавший рядом с Салмаах Боанергос тихо приветствовал Таис, как будто стесняясь проявления чувств. Салмаах, заложив уши, попыталась его лягнуть, мешая ему подбежать к хозяйке. Иноходец учтиво пропустил кобылу вперед и вдруг укусил ее за круп. Салмаах рванулась вперед и проскочила мимо, а Боанергос остановился прямо перед афинянкой. Без долгого раздумья Таис взвилась ему на спину, выдернула повод у коновода. Боанергос тронулся с места с такой быстротой, что сразу ос-

тавил позади всю компанию. Таис промчалась около схена, углубившись в рощу, и остановила рыжего, крепко сжав его коленями, оглаживая широкую шею. Начальник охраны — лохагос (сотник), догнав ее, сурово заметил, что здесь, в неизвестной стране, нельзя ни ходить, ни ездить одной. На веселую шутку гетеры македонский ветеран печально ответил, что хвалит ее смелость. Однако ему придется вскоре расстаться с жизнью, так и не оправившись как следует от ран и не побывав в новой славной битве.

— Почему? — воскликнула Таис.

— Потому что тебя украдут или убьют. Тогда мне останется лишь попросить товарищей заколоть меня — от позора, что я не сумел оберечь тебя, и чтобы избежать казни, которую придумает Птолемей... да что он — сам божественный наш Александр!

Искренность старого воина пристыдила гетеру. Она поклялась стиксовой водой, что будет послушна. Она не собирается удаляться от храма даже на лошади. «В таком случае, достаточно одного воина, — решил начальник, — он сумеет прикрыть отступление, пока Таис поскачет за подмогой». Тут же юный гестиот Ликофон, красивый как Ганимед, пересел со своего коня на Салмаах, покорившуюся наезднику, и помчался к дому македонцев за оружием. Четверо товарищей дождались его возвращения и с пожеланием здоровья прекрасной подопечной поскакали на соединение с семью другими македонцами, проезжавшими коней к югу от храма. Таис знала провожатого по совместному пути в Гиераполь и не раз замечала его восторженные взгляды. Улыбнувшись ему, она направила иноходца на восток, где сосны мельчали, редея, и начинались холмы песка с шапками тамарисков. В нескольких стадиях впереди волны песчаных бугров окружали крупную рощицу незнакомых, сходных с тополями, деревьев. Таис вдруг захотела заглянуть в уединенную заросль, казалось, скрывавшую нечто запретное. Лошади добросовестно трудились, увязая в песке, пока не приблизились к особенно большому холму. Едва всадники достигли его верхушки, как у обоих вырвался возглас изумления. Синим серпом прилегая к подножию холма, блестело маленькое озеро чистейшей воды. Там, где озеро углублялось и тень высоких деревьев стелилась по водной глади, густой бирюзовый цвет очаровывал, привлекая, как гигантская драгоценность. Ветер с востока не залетал сюда, и тростники, зеленым полукругом обнимавшие синюю воду, чуть покачивали тонкими вершинками. Пришельцы не заметили признаков человека, Таис загорелась желанием ис-

купаться в этом прекрасном месте. Растительность указывала на пресную воду. У северо-восточной оконечности озера — «рога серпа» — кипели выходившие там ключи.

— Поезжай вниз, только не далеко, — сказала Таис Ликофону, — покормить лошадей, а я искупаюсь и приду к тебе.

Молодой тессалиец отрицательно покачал головой:

— Там растет иппофонт — трава-конеубийца. Надо будет предупредить товарищей, чтобы не гоняли туда лошадей.

За буграми на пологой равнине колыхалась бледно-зеленая тонкостеблистая трава, прорезаясь полосами между кустиками полыни и высокими пучками чия. Заросль тянулась до опушки удаленного соснового леса, по краю покрытых дубняком предгорий.

— Тогда держи коней, не давай спускаться к озеру. Мы не знаем, какая там вода...

— А для тебя, госпожа Таис...

Афинянка успокоительно подняла руку.

— Я попробую, прежде чем нырять. Ты лучше привяжи лошадей к дереву. — И Таис с веселой песней скользнула по крутому песчаному склону, едва остановившись у края воды, сбросила сандалии, попробовала ногой, потом плеснула себе в лицо. Чистая, холодноватая, ключевая вода. Давно уже Таис не видела ее так много после мутных рек Нила и Евфрата. Как истая эллинка, она очень ценила хорошую воду. С радостным визгом гетера кинулась в стеклянистую бирюзовую глубь, переплыла узкое озерко, выскочила на отмель белого песка, снова стала плескаться, наконец устремилась к северному «рогу». Здесь восходящее течение подземных ключей подбросило ее, затем, будто переваливая в мягких огромных лапах, потащило вниз. Таис не испугалась, а всплыла, откинувшись на спину и широко взмахивая руками. Ключи оказались не холодными. Таис поиграла на бурлящих водяных куполах, потом, утомившись, вернулась на глубину и снова легла на спину. Так она плавала, ныряла и плескалась, смывая все кошмары Антэроса, пока нетерпеливое ржание иноходца не напомнило ей о времени. Освеженная и счастливая, Таис взобралась на холм, где под деревом приютились кони и ее провожатый. По румянцу щек и легкому смущению Таис поняла, что молодой воин любовался ею.

— Так наслаждалась водою, как лучшим вином, госпожа, — сказал Ликофон. — И мне захотелось тоже...

— Иди и убедишься, насколько это лучше вина. Я побуду у лошадей. — Гетера потрепала по шее Боанергоса, в то же время поглаживая морду ревниво косившейся Салмаах.

Тессалиец расстался с оружием и военным поясом только на самом берегу. Таис одобрительно осмотрела его отлично сложенную мускулистую фигуру, гармонировавшую с красотой лица.

— Ты не женат? — спросила она Ликофона, когда воин, накупавшись, взобрался на вершину холма.

— Нет еще! У нас не женятся раньше двадцати пяти лет. До войны я не мог, а теперь не знаю, когда попаду домой. Может быть, совсем не попаду...

— Все в руках богов, но мне думается, они должны быть милостивы к тебе. От тебя пойдут хорошие дети!

Воин покраснел как мальчик.

— Но я не хочу накликать беду... — спохватилась афинянка. — Бывают завистливы боги... Поедем?

Салмаах и Боанергос понеслись во весь опор, как только выбрались из песков. Чтобы хорошенько размять лошадей, Таис повернула по дороге на север и, проехав около парасанга, поднялась на перевал в поперечную долину притока Евфрата. Корявые раскидистые дубы окружили замшелый портик с четырьмя колоннами, приютивший статую Иштар Кутитум из гладко полированного серого камня. Зелено-золотистые хризолитовые глаза блестели в тени. Слегка скуластое скифское лицо, обрамленное опускающимися на плечи подстриженными волосами, хранило презрительное выражение.

В глубине портика, за статуей, узкий проход вел в маленькую келью, хорошо освещенную широкими проемами под крышей. В нише восточной стены, над почерневшим деревянным алтарем, была вделана плитка обожженной глины с очень выпуклыми скульптурными изображениями. Обнаженная богиня стояла, тесно сомкнув оканчивавшиеся когтистыми совиными лапами ноги и подняв на уровень лица руки с обращенными вперед ладонями. В левой руке отчетливо изваян был узел веревки. За спиной изображения совиные крылья спускались до половины бедер, следы оперения виднелись над щиколотками.

Богиня стояла на спине льва, позади которого возлежал еще один, головой в другую сторону, а по сторонам нижние углы плитки занимали огромные совы, значительно больше львов.

По нижнему краю чешуйчатые выступы символически означали горный кряж. Все изваяние было раскрашено в яркие цвета: красный — для тела богини, черный — для львиных грив. В оперении ее крыльев и сов чередовались черные и красные перья.

В энтазисе выпрямленного струной тела богини, ее грозных спутниках, ужасных лапах и крыльях для Таис промелькнуло что-то пугающее, сразу же исчезнувшее в восхищении телесной красотой ее. Стройные сильные ноги, очень высокие полусферические груди, подобные которым Таис видела лишь на критских или позднеэллинских изваяниях. Узкий стан и крутые бедра — все было слито в гармонический образ, полный чувственной силы. Богиня была обольстительней Аштарет-Иштар, агрессивной в женской власти над зверями и людьми, грознее Реи-Кибелы, таинственнее Артемис и Афродиты.

Таис низко поклонилась древнему изваянию, пообещала принести ей цветов и ретировалась быстрее, чем следовало бы.

Позднее, когда афинянка расспросила главную жрицу о странной крылатой богине, она узнала, что при храмах Матери Богов во времена древних царей Месопотамии, около полутора тысяч лет тому назад, существовали отдельные святилища Иштар-Кутитум, которой поклонялись вместе с царицей ночей, богиней Лилит, которая всего лишь одно из обличий Великой Матери: Лилит — богиня служения мужской любви, и веревка в ее руке — символ этой обязанности.

Таис вспомнила рассказ Геродота о вавилонских обычаях служения Великой Богине, когда лучшие женщины города отправлялись в храмы Аштарет, чтобы там отдаваться чужеземцам. В знак своего служения они обвязывали толстую веревку вокруг головы.

Наверное, Иштар-Кутитум дала начало сирийской и финикийской богине Коттито, почитавшейся владычицей безумной страсти.

Но при первой встрече Лилит не показалась ей благожелательной. Стараясь отогнать вещее чувство недоброго, Таис погнала иноходца бешеной рысью вниз в сосновую рощу. Наслаждаясь быстротой, теплым ветром и свежестью выкупанного тела, Таис подъехала к храму Великой Матери, отдала поводья Ликофону и поблагодарила воина. С того момента, как они выбрались из озера Прибывающей Луны, как прозвала его Таис, тессалиец хранил молчание, словно под заклятием.

Финикиянка полностью очнулась от одурения. Она сказала, что явилась посланница верховной жрицы и оставила бронзовый диск. Как только госпожа отдохнет, то пусть ударит в него. Посланная придет снова и поведет в храм. Гетера поморщилась. Ей вовсе не хотелось идти в обиталище могучей богини. Она предчувствовала новые испытания.

Прекрасная, ясная и шаловливая радость богов и людей, Афродита отличалась от грозной, необоримой Матери Богов, не противостоя ей, но и не соглашаясь. Одна была глубью плодоносящей Земли, а другая — как полет ветра на облаках...

Таис обедала по обыкновению вместе с рабыней. Финикиянка, любившая поесть, почти не притронулась к пище. Молчаливая, с опущенными глазами, она уложила гетеру и принялась массировать ей утомленные скачкой ноги. Таис исподтишка присматривалась к рабыне и наконец спросила:

— Что с тобой, За-Ашт? Со вчерашнего вечера ты сама не своя. Или много выпила отравы?

Финикиянка вдруг бросилась на пол и, крепко сжимая колени хозяйки, страстно прошептала:

— Отпусти меня в храм, госпожа. Они говорят, что после года испытаний я сделаюсь жрицей — служить Ашторет-Кибеле, как они.

Удивленная Таис села.

— Называли ли жрицы испытания? Может быть, они таковы, что ты не захочешь даже думать о храме? Наверное, тебя заставят служить Кибеле с низшей ступени, отдаваться каждому пришельцу...

— Мне все равно! Я ничего не боюсь! Только бы остаться здесь и служить той, власть которой я испытала вчера и чьей силе покорилась!

Афинянка пристально рассматривала свою рабыню, прежде язвительную, злую и скептическую, а теперь вспыхнувшую пламенем и верой, как в четырнадцать лет. Может быть, мойра — судьба — финикиянки привела ее для служения в храме? Если она нашла здесь себя, это все равно что встреча с любовью. В таких случаях Таис никогда не препятствовала, теряя красивых рабынь и вновь находя их, с радостью готовых служить гетере, молва об открытой душе которой разошлась шире, чем она думала. Таис заколебалась. Она всегда была осторожной при решении судьбы своих людей. Кроме того, сейчас За-Ашт у нее одна. Можно ли будет здесь, в уединенном храмовом городке, найти замену За-Ашт? И Таис покачала головой, не отказывая и не соглашаясь.

— Подожди. Сначала я узнаю, как поступят с тобой, потом поищу, кем заменить тебя.

— Ты не отказываешь, о, благодарю тебя, госпожа! — финикиянка вскочила, возбужденная.

— Не спеши радоваться! Еще ничего не решено, — предостерегла Таис, но не охладила финикиянку, которая принялась растирать ее с удвоенной энергией.

— Скажи, За-Ашт, — задумчиво спросила, переворачиваясь на спину, Таис, — неужели не видишь ты иного пути в жизни, кроме служения Матери Богов? Ты умна и хороша собой, а что судьба сделала тебя рабыней, это может измениться... в храме же рабство худшее, ибо безгранична власть Кибелы.

— Ты не знаешь, госпожа, как ревнивы финикийцы, сирийцы и другие здешние народы! Мы — женщины — не любим красоты в других женщинах, а Великая Мать уравнивает всех в своей руке.

— Мне кажется, и ей служат по-разному? — возразила Таис. — Правильно ли я поняла? Ты совсем не любишь меня?

— Да, госпожа! Ты слишком прекрасна. Я давно ищу и не могу найти в тебе порока. Ты столь же гибкая, как наши тринадцатилетние девочки-танцовщицы, сильна, как кобылица, груди твои тверды, как на заре юности у нубиек...

— Перечисление, достойное любовника, — рассмеялась гетера, — но что же обижает тебя?

— Ты лучше всех вокруг и меня тоже!

— И из-за этого ты готова на рабство в храме?

— Да, да!

Таис пожала плечами, так и не поняв свою рабыню. После долгого молчания За-Ашт сказала:

— Как красивы голубые камни на твоей медной коже, госпожа. И твои серые глаза становятся еще глубже. Тот, кто подарил тебе ожерелье, понимает красоту вещей.

— Это главная жрица Кибелы-Реи, Ашторет, или Иштар, многоименной Матери Богов.

— А прежнее ожерелье ты теперь будешь носить пояском?

— Да, как Ипполита, царица амазонок! — Таис критически осмотрела золотой поясок и решила снять все звезды, кроме одной. Давно ушли в прошлое первые победы и успехи, ничего не значила для нее и подаренная Птолемеем звезда. Только последняя с буквой «мю»... жрица сказала: М — женский символ с незапамятных времен...

— Поищешь мастера снять звездочки, кроме одной, — вслух сказала гетера.

— Позволь мне. Я ведь дочь ювелира и кое-что умею...

Финикиянка сняла поясок и, отойдя в угол комнаты, извлекла из своих вещей маленькие щипчики, поколдовала с ними и с торжеством надела на Таис цепочку с одной звездой.

— Теперь равновесие в центре, — поправила она бывшее ожерелье и подала Таис остальные звезды.

— Положи в шкатулку. Ты, оказывается, мастерица, разве я могу расстаться с тобой?

Финикиянка было огорчилась, поняла, что Таис дразнит ее, и побежала за шкатулкой.

— Хочешь, завтра я возьму тебя с собой? — сказала гетера, лениво устраиваясь в подушках. — Поблизости есть озерко синей воды, подобное серпу Луны. Я купалась там сегодня и давно не получала такого удовольствия.

— Что ты сделала, госпожа? — лицо За-Ашт исказилось от страха. Таис недовольно приподнялась на локте.

— Ты кричишь, как на сирийском базаре! Что случилось?

— Мне сказали, что на востоке от храма есть священное озеро Иштар в форме лунного серпа. Там уединенно от всех совершается омовение Ашторет в дни празднества... Артемис, кажется, так зовут ее эллины. Всякого, кто подсмотрит священное действо, жрецы с длинными копьями убивают на месте.

— Там нет живой вороны. Не бойся!

— Я боюсь за тебя, госпожа. Ашторет мстительна, а ее служители не меньше.

Таис призадумалась.

— Пожалуй, ты сказала истинно. Следует молчать о моем поступке. И я не возьму тебя с собой, хоть и поеду купаться снова.

— О госпожа... — начала За-Ашт — и метнулась к двери на террасу, откуда послышалось бряцание оружия. Таис потянула на себя серебристое покрывало. Немного спустя в комнату вошел Ликофон.

— Прости, госпожа, что потревожил тебя без времени, — поклонился он.

— Что-нибудь случилось? Боанергос или Салмаах?

— Нет, лошади живы и здоровы. Примчался посланец из войска и привез тебе письмо стратега Птолемея. Вот, — воин протянул зашнурованный пакет из тонкой кожи, с привязанным к нему дельторионом — писчей дощечкой, на которой было обозначено имя Таис и приказание доставить без промедления.

Таис положила пакет на подушку, приказала воину сесть и выпить вина. Финикиянка, давно очарованная красотой Ликофона, мигом разбавила и подала розовое вино, вся извиваясь и бросая на тессалийца короткие и острые взгляды. Молодой воин приосанился, выпил чашу, и тотчас же За-Ашт налила вторую. Ликофон махнул рукой, отказываясь, и сбросил лежавший на краю стола бронзовый диск. Ударив-

шись о плиты пола, бронза зазвенела громко и протяжно. Очень скоро в дверь из храмового прохода раздался стук. По знаку Таис финикиянка отодвинула засов. В комнате появилась жрица в черной сетке. Поднеся руку ко лбу, она выпрямилась и бесстрастно окинула взглядом присутствующих.

— Ах! Что ты наделал! — сказала Таис воину. — Теперь я должна идти!

Ликофон не заметил укора, медленно поднимаясь с сиденья. Как пораженный дубиной, он смотрел не отрываясь на черную жрицу, как будто сама Афродита явилась ему в пене моря и блеске звезд. Даже афинянку встревожило ощущение чуждой силы, нечто не совсем человеческое, исходившее от диковинной женщины, будто она была ореадой — горной нимфой или мифическим оборотнем, титанидой. Жрица не осталась равнодушной к восхищению тессалийца, слегка склонила голову — и будто темные молнии вылетели из ее огромных глаз, добивая жертву. Юноша покраснел, вся кровь бросилась ему в голову. Он опустил взгляд, задержавшись на сильных ногах с удивительно правильными ступнями. Жрица, сверкая острыми зеркально-металлическими ногтями, откинула черную прядь, открывая, как перед боем, свое хмурое и прекрасное лицо.

Таис, обычно далекая от ревности, не могла перенести, чтобы одного из ее воинов при ней сгибали как тонкую веточку.

— За-Ашт, ты предложишь Ликофону еще вина? Может быть, он захочет поесть? Пойдем, — небрежно кивнула она черной жрице, которая улыбнулась бегло и снисходительно, послав молодому воину еще один долгий, всеобещающий взгляд.

Таис хотела пройти вперед, но жрица, так и не сказав ни слова, скользнула в проход и быстро пошла, не оглядываясь. Только у загораживавшей коридор решетки она подождала гетеру, призывая прикованную привратницу, валявшуюся в едва освещенной нише на охапке сухой травы. Провожатая не пошла прямо в святилище, а повернула направо, в боковой ход, ярко освещенный и кончавшийся лестницей наверх. Они вышли на верхний этаж, поднялись еще по одной лестнице и оказались на веранде. Позади них высилось самое верхнее помещение, без окон, с единственной бронзовой дверью огромной тяжести и прочности. Таис угадала сокровищницу и подумала, как неосторожно хранить драгоценности на высоте. Вдруг приключится пожар... Конические выступы красной плотной терракоты облицовывали стены сокровищницы и верхнего этажа.

— Что ты рассматриваешь, дочь моя? — окликнула гетеру главная жрица.

Обернувшись, Таис увидела ее в кресле слоновой кости, рядом с мужчиной — вероятно, главным жрецом. Афинянка подошла к ней, присела на скамью, тоже отделанную слоновой костью, и поделилась своими опасениями.

— Я знаю, что ты умна, служительница Афродиты. Но и те, кто строил это святое место, не были глупцами. Весь храм состоит только из кирпичей, изразцов, плит гранита и мрамора, перекрывающих потолки. Строители сделали так, чтобы даже при намеренном поджоге ничего не могло сгореть, кроме нескольких занавесей и кресел.

Заинтересованная Таис ответила, что подобные приемы вечного строительства из одного камня она увидела в Египте. Главная жрица задала ей несколько вопросов и замолчала. Таис с высоты любовалась искусным расположением храма. В Элладе храмы строились на естественном возвышении — вершинах высоких холмов, на краю обрывов, на гребнях склонов. Поднимаясь к храму, человек возвышался сам, готовясь встретить образы богов.

Этот храм (как объяснила жрица, построенный по образцам древнейших святилищ Междуречья — равнинной страны) стоял в центре округлой равнины, замкнутой горами с юга, запада и севера и открытой только на восток к Евфрату. С верхней надстройкой и пьедесталом храм вздымался на порядочную высоту. Люди, подходившие и подъезжавшие с равнины, издалека видели святилище. По мере приближения здание громоздилось, наплывая на людей и угнетая их чувством ничтожества перед могучей богиней и ее слугами...

Таис с особенным наслаждением разглядывала окрестности, может быть впервые ощутив влияние высоты на сознание человека. Отрешенность от всего копившегося внизу, чувство собственной недоступности, возможность охватить взглядом большое пространство — все было иначе, чем в горах. Там человек, поднявшийся на высоту, был частью окружавшей его природы, а здесь искусственное сооружение надменно выпячивалось посреди лишенной возвышенностей равнины, отрываясь от естественной почвы и наделяя находившихся в нем людей чувством превосходства, чистоты и независимости. Далеко на востоке за пыльной дымкой пролегала долина Евфрата, а на севере темнело ущелье его притока — большой речки, на перевале к которой стоит маленький храм Иштар Персидской, неприветливой к веселой, разгоряченной скачкой Таис...

Молчание нарушил главный жрец, сказавший что-то на неизвестном гетере языке. Жрица небрежно потянулась в своем глубоком кресле и спросила, не хочет ли гостья продолжить ознакомление с тайнами Матери Богов. На ответ Таис, что она ночью чувствовала себя отравленной и если «знакомство» пойдет и дальше так, то она не выдержит, жрица усмехнулась сурово и одобрительно, признав, что ей дали слишком сильную мазь, не сообразив, что вряд ли эллинка привыкла к подобным втираниям. В дальнейшем они будут осторожнее.

Чтобы повременить с ответом (прямой отказ хозяевам священного места был недопустим), Таис спросила о смысле одеяния высших жриц и их разделения на две группы.

— Это не составляет тайны, — сказала главная жрица, — красные жрицы служат днем и олицетворяют дневные силы Кибелы, а черные — ночные. В Либии и Элладе их назовут ламиями — спутницами Гекаты. Считается, что снискавший любовь такой жрицы приобщается к силам Кибелы-Реи, по-вашему — Геи. Всю жизнь ему сопутствуют здоровье, удача и славное потомство. Искусство жриц, особенно черных, выше всего, что может дать смертная женщина, вдохновлено Великой Матерью и укреплено ее могучей силой.

— И любой человек может добиться этого?

В глазах главной жрицы зажглось пламя, как у дикого зверя. Дрожь пробежала по спине Таис, но она не опустила взгляда.

— Любой! — отвечала жрица. — Если он не урод, здоров и достаточно силен.

— Как определить, достаточно ли?

— Для этого и служит одеяние — сеть. Она очень прочна, и чтобы овладеть жрицей, надо разорвать сеть руками. Только необычайно сильный и яростный человек, в огне неистовых чувств, способен на это.

— А если не способен и не разорвет?

Главная жрица склонилась к Таис и тихо сказала:

— Тогда кара Кибелы обрушится на него. Если он захотел красную жрицу дня — она крикнет, и неудачника схватят, оскопят на жертвеннике перед Кибелой и превратят в храмового раба, если останется жив. Черная жрица ламия — никого не зовет. Крепко обняв незадачливого мужа, она дает ему поцелуй Кибелы, вонзая нож вот здесь, — жрица положила пальцы на ямку за левой ключицей.

— Какой смысл вложен Великой Матерью в подобную жестокость?

— Только очень сильные, красивые, уверенные в себе герои приходят, чтобы стать возлюбленными Дня и Ночи. Рождаются дети, и девочки становятся высшими жрицами, а мужи — стражей и охранителями святилища. Заметила ли ты, какие они могучие, как велики их копья и тяжелы мечи?

— Заметила, что прекрасны и высшие жрицы — все на подбор. Но неужели смысл только в получении потомства для храма? Среди тысяч можно найти и выбрать не худших, — возразила Таис.

— Ты, пожалуй, слишком умна для непосвященной, — с легкой насмешкой («Как Иштар», — подумала Таис) сказала жрица. — Разумеется, истинный смысл не в этом. С веками слабеет порода людей и страстное безумие Кибелы-Астарет-Атаргатис уже не захватывает их, как в прежние времена. Кибеле угоден пламень чувственной ярости, так же как любовь — Афродите...

Таис подумала об Урании.

Жрица продолжала:

— Служение наших девушек погружает людей в природу, объединяя их со всем живущим, вскормленным Реей-Кибелой. В этом счастье и судьба мужа, иного пути не дано богами. Мужи находят себя и делают то. для чего предназначены. Если же они оказываются непригодными, Великая Мать призывает их обратно к себе, чтобы возродить к жизни лучшими. И мужи идут к ней, не познав горечи старения, в пламенной юности.

— Почему ты уверена, что слабеют люди? — в свою очередь скрывая насмешку, спросила Таис, и жрица вдруг рассмеялась.

— Посмотри еще раз на облик Кибелы-Реи в древней статуе и поймешь, что только ненасытное желание может искать такой образ и только необычайная сила и крепость может надеяться быть ее парой... Таис вспомнила необычайную мощь в пределах гармонического сложения, излучаемую статуей Реи, и не смогла возразить.

— А где живут черные и красные? — спросила она, меняя тему.

— Они не покидают храма, пока молоды. Нередко они выходят замуж за не маленьких людей, или странствуют, занимая высокие должности в других, менее значительных храмах Реи. В определенные дни месяца они ходят купаться на священное озеро, и горе тем мужам, какие окажутся нарушителями их покоя.

— А если встретится женщина? — Гетера сообразила, о каком озерке идет речь.

— С женщиной нечего делать. Лишь в том случае, если несчастная нарушила чистоту священной воды, ее ждет смерть!

— А жрицы живут там? — поспешила спросить Таис, показывая на южное крыло храмовой постройки, плоская крыша которой приходилась на уровне пола главного храма.

— Ты угадала! Хочешь посетить их?

— О нет! А что находится в северном крыле?

Снова дикий блеск мелькнул и угас во взгляде жрицы.

— Туда я и хочу повести тебя на закате. Но прежде ты принесешь клятву на алтаре Кибелы-Реи — клятву молчания. Древние тайны Великой Матери сохраняются нами. Обряды незапамятных времен, перенесенные сюда тысячелетия назад из Ликаонии и Фригии, дают силу служителям Ашторет.

В святилище, совершенно безлюдном в этот час, гетера поклялась хранить тайну. Хозяйка храма налила ей напитка. Таис отступила с опаской.

— Не бойся, это не вчерашнее! Тебе понадобится мужество, когда увидишь тайну. Помни, что Великая Мать — владычица зверей...

Последние слова, сказанные напряженным шепотом, вселили в гетеру неопределенный страх. Она выпила чашу залпом.

— Отлично! Теперь прими дар. — И жрица протянула Таис два лекитиона — флакончика из молочно-белого стекла, плотно закрытые пробками из драгоценного густо-розового индийского турмалина. На одном из лекитионов был вырезан серп луны, на другом — восьмиконечная звезда.

— Как можно! Я не могу принять такие дорогие вещи! — воскликнула Таис.

— Ветерок (пустое)! — ответила главная жрица. — Храм Великой Матери богат и может делать и не такие дары наиболее прекрасным женщинам, ибо они сами — драгоценности, созданные Реей для ее собственных целей. Но ты не спросила — что во флаконах? В этом, — она показала лекитион со звездою, — средство, растворенное в питье, данном тебе вчера. Если ты захочешь когда-нибудь и с кем-нибудь испытать всю мощь Ашторет-Кибелы в облике Анаитис — шесть капель в чашку воды, и пейте пополам. Этот — с Луной — освободит тебя от действия первого. Если выпить только его, он сделает тебя холодной, как далекая Луна. Не больше трех капель, а то можешь похолодеть навсегда... — Жрица рассмеялась резко и

недобро, подвела гетеру к нише в боковой стене и вынула оттуда блестящий черный круг, как показалось сначала Таис — из стекла. Она увидела в нем свое отражение так же четко и ясно, как в обычном зеркале из покрытой серебром бронзы.

— Это зеркало не стеклянное, а каменное, и сделано в те времена, когда люди знали лишь камень. Руды металлов служили им только для вечных красок, ибо и тогда уже писали картины на стенах. В это зеркало смотрелись женщины много тысяч лет назад, когда не существовало ни Египта, ни Крита... Возьми и его в дар!

— Ты даришь мне вторую бесценную вещь, зачем? — спросила Таис.

— Вместе с лекитионами, хранящими яд. Красота и смерть всегда вместе, с тех пор как живет человек.

— Смерть для кого?

— Или для того, у кого красота, или тому, кто берет ее, или обоим вместе.

— Разве нельзя иначе?

— Нельзя. Таково устроение Матери Богов, и не нам обсуждать его, — сурово, почти угрожающе сказала владычица храма.

— Благодарю тебя! Твой дар поистине превыше всех драгоценностей!

— И не боишься?

— Чего?

— Тайн Великой Матери, нет? Тогда идем!

С северной стороны святилища в полу темнело огромное отверстие, в центре занятое толстой колонной. По ее окружности спускалась спиралью каменная лестница. Скудно освещенный проход вел в храм никогда не виданной Таис обстановки. По обе стороны прохода широкие кирпичные скамьи были густо усажены настоящими рогами исполинских быков — туров, изогнутыми круто, со сближающимися вверху вертикальными концами. Квадратное низкое помещение святилища в простенках между грубыми полуколоннами из красной терракоты украшали великолепно исполненные головы быков из камня или глины с настоящими рогами. Рога бычьих голов на западной стене торчали вверх по-турьему, на северной — были загнуты вниз, а по восточной — широко расходились горизонтально-волнистыми остриями, как у диких быков Месопотамии. Странное, зловещее, даже пугающее впечатление производило это святилище незапамятных времен. Огромные рога торчали повсюду: на невысоких, квадратного сечения столбиках и длинных скамьях, затрудняя передвиже-

ние по храму. Контурные фрески красной охры обрисовывали бычьи фигуры на ближайших к входу стенах. Между головами быков были прикреплены слепки женских грудей кроваво-красного цвета, в соски которых зачем-то вставили клювы черных грифов или оскаленные черепа куниц. За первым помещением находилось второе, меньшее, с остроконечной нишей в северной стене. Три рогатые бычьи головы, вертикально расположенные одна над другой, увенчались фигурой богини, парящей над ними, широко раскинув руки и ноги. По обе стороны ниши чернели два прохода.

Рога чем-то тревожили Таис, и вдруг яркое воспоминание осветило ее память. Те же символы, только каменные, увеличенные до титанических размеров, отмечали священные места на Крите. Афинянка видела на одной из хорошо сохранившихся фресок изображение святилища, очень похожего на то, в котором она находилась сейчас. Там тоже рога разных размеров отгораживали какие-то отделы комнаты жертвоприношений, изображенной на фреске. Но здесь натуральные рога диких быков казались особенно зловещими и в силе впечатления не уступали исполинским каменным рогам, вздымавшимся из-под земли на Крите. Для Таис стало совершенно ясной глубокая связь древнейшей религии Великой Матери в Азии и веры ее предков на Крите.

Скульптуры быков в святилище казались особенно страшными. Они не были похожи на тупомордых критских великанов с их высокими, устремленными вверх рогами.

Быки древнейшего святилища изображались с опущенными низко длинными головами, с громадными рогами, направленными вперед. Они или сходились надо лбом, с жутко загнутыми кверху остриями, или же были широко разведены и загнуты наподобие кривых ножей. Без сомнения, это была иная порода, и афинянка подумала, что с этими грозными существами, как бы целиком устремленными в бой, вряд ли успешной стала бы священная критская игра с быками.

Главная жрица остановилась, прислушиваясь. Глубокие, низкие, ритмические звучания гипат — крайних струн самого низкого тона в китарах доносились издалека, переплетаясь с женскими голосами, стонами и криками. Сердце Таис тревожно забилось в предчувствии чего-то ужасного. Жрица подняла с рогатой тумбы факел, зажгла его о тлевшие на жертвеннике угли и вступила в левый проход. Еще один длинный, темный, как подземелье, коридор, — и Таис очутилась в просторном здании, на уровне храмового сада.

Никогда никому не рассказала Таис об увиденном здесь, хотя каждое мгновение навсегда осталось в памяти. В Египте ее потрясли фрески в подземелье Мертвых, изображавшие Тиау, или Тропу Ночного Солнца, — ад египтян, их фантазией помещенный на обратной, невидимой стороне Луны. Но то были лишь изображения, а здесь, в храме, соперничавшем древностью с каменным зеркалом, необычайные обряды Великой Матери, тоже давностью в десять тысячелетий, происходили наяву, исполнялись живыми людьми.

Укрепленная напитком Реи, Таис выдержала зрелище до конца. Все четыре ступени невероятного действа прошли перед ее глазами, постепенно проясняя их сокровенный смысл. Корни Земли — Геи — и всего на ней обитающего спускаются в бездну хаотических вихрей, беснующихся под Тартаром, в ужасном мраке Эреба. Подобно этому корни души тоже поднимаются из тьмы первобытных чувств, вихрями крутящихся в лоне Кибелы. Эти чувства, мрак и страхи нужно пережить, чтобы освободиться от их тайной власти, выпуская на волю перед глазами женщин одновременно жертв и участниц великого слияния с корнями всей природы в ее облике Ананки — неотвратимой необходимости. Но, понимая смысл древних обрядов, Таис не могла принять их. Слишком далеко расходились стремления Урании с темной властью Кибелы-Анаитис.

Поздно ночью, провожаемая черной жрицей, она явилась в свой временный дом потрясенная, усталая и подавленная. За-Ашт не спала, поджидая госпожу. Глаза рабыни припухли от слез, пораненные ногтями ладони тоже не ускользнули от внимания Таис. Она была не в силах расспрашивать, а повалилась ничком на ложе, отказавшись даже от омовения. И письмо Птолемея осталось непрочитанным до утра.

Таис не удалось уснуть. Финикиянка тоже ворочалась, вздыхала, пока гетера не позвала ее к себе.

— Сядь и расскажи, что случилось. Тебя обидел Ликофон?

За-Ашт молча кивнула, закусив губу, и темная глубь ее глаз загорелась злобой.

— Я позову его, когда настанет день, и попрошу лохагоса наказать тессалийца.

— Нет, нет, госпожа! Он не сделал ничего, и я не хочу больше видеться с ним.

— Неужели? Странный юноша! Ты красива, и я не раз видела, как он смотрел на тебя... ты давала ему еще вина и кормила чем-нибудь?

— Он выпил чашу залпом, будто плохую воду пустыни. К еде не притронулся и молчал, глядя на дверь, в которую уш-

ла эта ламия, дочь тьмы! Так продолжалось без конца, пока, потеряв терпение, я не выгнала его. И он ушел, не поблагодарив и не попрощавшись, как упившийся просяного пива...

— Вот чего не ожидала! — воскликнула Таис. — Неужели ламия так сразила его Эросом? Почему? Он смотрел, как ты пляшешь балариту, как гибок твой стан и стройны ноги!

— Ты добра ко мне, госпожа! — ответила финикиянка, сдерживая набегавшие слезы. — Но ты женщина и не поймешь силу черной ламии. Я ее рассмотрела как следует. У нее все противоположно мне.

— Как так?

— Все, что у меня узко, — у ней широко: бедра, икры, глаза, а что широко — плечи, талия, — то у ней узко. — Финикиянка огорченно махнула рукой. — Она сложена как ты, госпожа, только тяжелее, мощнее тебя! И это сводит с ума мужчин, особенно таких, как этот мальчишка...

— Так он отверг тебя и думает о ней? Ничего, скоро мы поедем дальше и ламия сотрется из памяти Ликофона... да, я забыла — ты хочешь остаться? По-прежнему хочешь?

— Теперь еще больше, госпожа! У нас, финикиян, есть учение Сенхуниафона. Оно говорит, что желание уже творит. И я хочу заново сотворить себя!

— И у нас желание, Потос, есть творчество. Неистовое желание порождает или нужную форму, или кончается аной-ей — безумием. Исполнится время — увидим. Дай мне письмо!

Птолемей посылал привет, просил помнить и ни в коем случае не ехать дальше, пока не явится посланный за ней отряд во главе с его другом. Если придут плохие вести, Таис не следовало оставаться в храме, а со своей охраной из выздоравливающих воинов мчаться к морю, в бухту Исса, всего в пятнадцати парасангах через горы на запад. Там стоят три корабля, начальник которых примет Таис и будет ждать еще полмесяца. Если Птолемей с Александром не появятся к этому сроку, надлежит плыть в Элладу.

Таис подумала, что Птолемей в глубине души благороднее, чем сам хочет казаться среди грубых македонских полководцев. Она поцеловала письмо с нежностью.

Птолемей писал о походе через жаркую степь — море высокой травы, уже поблекшем от летней сухости. Они ехали и ехали день за днем, все дальше уходя за бесконечно расстилающийся на восток горизонт. Смутное опасение тревожило всех, и даже Александра. Птолемей видел, как подолгу горел ночами светильник в его шатре. Полководец совещался с разведчиками, читал описания — периэгеск. Постепенно Алек-

сандр отклонял путь армии левее, дальше к северу. Проводники убедили его в скором наступлении еще большей жары. Выгорит трава и пересохнут мелкие речки и ручьи, пока в достатке снабжавшие войско водой. Тридцать пять тысяч человек теперь шли за Александром, но здесь, в необъятных равнинах Азии, полководец впервые почувствовал, что для этих просторов его армия невелика. Жаркие ветры дули навстречу дыханием гибельных пустынь, простиравшихся за степью. Как демоны, носились вихри пыли, а на горизонте горячий воздух как бы приподнимал землю над мутными голубыми озерами призрачной воды.

Когда повернули на север, трава стала выше и гуще, а желто-мутные речки приняли серый цвет. Случилось полное затмение луны (как она пропустила его? — подумала Таис). Знающие люди возвестили, что армия пришла в страну, где царствует Владычица Зверей. Всех — небесных, земных и подземных, та, которую зовут Асторет, Кибелой, или Реей, а эллины считают еще Артемис, или Гекатой. Если она появится верхом на льве, то всем не миновать гибели.

Александр обратился к воинам с речью, убеждая не бояться. Он знает предначертанное наперед и ведет их к концу войны и несметным сокровищам...

Таис читала между строк Птолемея — прирожденного писателя — новое, незнакомое прежде македонцам чувство. Это чувство скорее всего было страхом.

Впервые серьезно задумалась гетера, насколько безумно смелым было предприятие Александра. Каким божественным мужеством надо обладать, чтобы удалиться от моря в глубь неизвестной страны навстречу полчищам Царя Царей. Представив себе дерзость задуманного, афинянка поняла, что в случае поражения македонская армия будет стерта с лица земли и ничто не поможет ей. Перестанут существовать и божественный полководец, и Птолемей, и Леонтиск... Может быть, только Неарх спасет свой флот и вернется к родным берегам. С какой злобой и нетерпением ждут этого бесчисленные враги, крупные и мелкие, пылающие справедливой местью и трусливым торжеством гиены... Да, ждать пощады всем ее друзьям не придется, и мудр Птолемей, оставивший про запас вторую возможность спасения Александра и себя. Первая заключена во флоте Неарха, ожидающем в низовьях Евфрата, если встреча с Дарием произойдет не на севере, а на юге. Птолемей писал о слухах, что Дарий собрал все свои силы, всадников без числа, от знаменитой персидской гвардии Бессмертных до бактрийцев и согдов.

Удивительное дело, несмотря на тревогу, проскальзывающую в письме Птолемея, оно наполнило Таис уверенностью в скорой победе. Тем с большим нетерпением она будет ждать новых вестей...

На следующий день вместо Ликофона лохалос прислал рябого македонца с еще не зажившими рубцами на плече и шее.

— Вместо гестиота, — осклабился воин, очевидно, довольный поездкой со знаменитой красавицей Афин, города баснословной элегантности и учености.

— А Ликофон?

— Ушел в городок купить лекарство, что ли. Он вроде заболел...

Таис хлопнула в ладоши, вызывая За-Ашт, послала воина за его лошадью. Финикиянка уселась на Салмаах, как не раз делала на пути от границы Египта, и печальное ее лицо осветилось мальчишеским задором. Обе стали состязаться в быстроте коней, то и дело оставляя далеко позади охранника, сдерживаемые только его сердитыми окриками. Выехав на окраину пустынной степи, обе женщины остановились, очарованные. Степь цвела необычно яркими цветами, невиданными в Элладе.

На высоких голых стеблях качались под ветром шарики дивного небесно-голубого цвета, с яблоко величиной. Они росли разбросанно со столь же редко растущими солнечно-желтыми, совсем золотыми, шаровидными соцветиями высоких растений, с узкими и редкими листьями. Золотой с голубым узор расстилался вдаль по пыльно-зеленому фону в прозрачном утреннем воздухе.

— Небылица, а не цветы! — воскликнул македонец, пораженный сказочной пестротой. Жаль было мять их красоту копытами лошадей. Они повернули направо, дабы объехать стороной, и снова остановились перед порослью еще более диковинных цветов. До ног всадников доставала трава с жесткими вершинками, усеянными крупными пурпурными цветами в форме пятиконечных звезд с сильно расширенными кнаружи и прямо срезанными по концам лепестками. Таис не выдержала. Соскочив с иноходца, она нарвала охапку пурпурных цветов, а финикиянка собрала золотые и голубые шары. Стебли последних оказались очень похожи на обычный лук, с резким луковым запахом. Разделив собранные цветы на два больших букета, Таис помчалась во весь опор назад и поднялась на северный перевал, к маленькому храму неласковой, насмешливой, чужеземной Иштар.

Стараясь не смотреть в узкие зелено-золотистые глаза, она поспешно разложила цветы на жертвеннике, постояла с минуту и прокралась в святилище, к горельефу грозной Лилит. Там она отстегнула заколку и вонзила ее в палец левой руки, помазала брызнувшей кровью алтарь и, зализывая ранку, ушла не оглядываясь.

На пути домой веселость покинула гетеру, и она загрустила, как в прошлый день тессалиец. Иль таково уж было волшебство богини персов?

Скоро Таис нашла причину своей задумчивости. Почему-то после посещения Иштар родилось опасение за красивого воина. Что, если юноша решился просить любви черной жрицы, не зная ничего о медносердечных законах Кибелы? Но должны же они предупреждать неофита, что ему грозит? Иначе это не только жестоко, но и гадко! Таис решила без зова пойти к главной жрице и расспросить ее. Однако увидеться с ней оказалось непросто.

После вечерней еды гетера открыла внутреннюю дверь своего дома в длинный коридор, восходивший к святилищу. Она дошла лишь до запертой бронзовой решетки и постучалась, вызывая прикованную привратницу. Падшая жрица выглянула из своей ниши, приложила палец к губам и отрицательно замотала головой. Таис улыбнулась ей и послушно повернула назад, запомнив голодный блеск глаз осужденной, ее впалые щеки и живот. Она послала финикиянку с едой. За-Ашт пришла не скоро. Лишь после долгих уговоров, поняв, что ее не подкупают и не предадут, привратница взяла еду. С тех пор финикиянка или сама Таис кормили ее по два раза в день, узнав время, в какое не было риска попасться служителям храма.

Прошло несколько дней. В храме как будто забыли о гостье, и Таис приписала это разочарованию главной жрицы. Ей не удалось покорить гетеру и привлечь к служению Кибелы-Ашторет, не удалось и заинтересовать ее тайнами Матери Богов. Тьма, жестокость и мучения вызывали непреклонное сопротивление в душе Таис. Она по-прежнему отправлялась на проездки, то с рябым воином, которого товарищи почему-то прозвали Онофорбосом — пастухом ослов, то с самим начальником — лохагосом. Несмотря на искушение, Таис только раз решилась искупаться в чудесном озерке Прибывающей Луны, не из-за боязни быть схваченной — от этого ее спасла бы быстрота Боанергоса, — а чтобы не наносить оскорбления служительницам Реи. За-Ашт всегда просилась сопровождать хозяйку и с каждым днем становилась все молчаливее. Таис уже решила отпустить рабыню.

Дни шли, а вестей с востока не приходило. Где-то там, в необъятно просторных степях и лабиринтах холмов, затерялось войско Александра. Таис успокаивала себя соображениями, что попросту не случилось оказии для письма. И все же даже слухов, всегда каким-то образом достигавших воинов, не доходило из-за Евфрата. Таис даже перестала выезжать, не ходила в храм и почти ничего не ела. Ночью она часто лежала без сна, засыпая лишь на рассвете. Столь сильное беспокойство было несвойственно полной здоровья афинянке. Она приписывала его зловещей атмосфере святилища Кибелы. Если бы не предупреждение Птолемея, Таис давно бы покинула это «убежище», тем более что храм Реи вовсе не был убежищем ни для кого. Стоило только ознакомиться поближе с ее свирепыми служительницами, чтобы понять, какая судьба ожидает «знатную гостью» при поражении и гибели войска Александра. Горсточка конвоя будет перебита могучими стражами внезапно, во время сна, а сама Таис отправлена в нижний храм зарабатывать деньги Матери Богов. При сопротивлении — что ж, здесь много мест, где требуется прикованный сторож. И это еще лучший исход. В худшем же... Таис с содроганием вспомнила таинства Анаитис, и дрожь пробежала по ее спине. Как бы отвечая ее мыслям, раздался слабый частый стук в дверь из храмового коридора. Таис вскочила, прислушалась. Позвав За-Ашт, Таис осторожно спросила, приблизив лицо к притолке.

— Кто?

— Госпожа... открой... во имя... — Голос прервался. Таис и рабыня узнали Ликофона. Гетера метнулась за лампионом, а финикиянка распахнула дверь. За порогом, не в силах поднять головы, залитый кровью, лежал молодой воин. Сильная гетера втащила Ликофона в комнату, а За-Ашт заперла дверь и по приказанию Таис помчалась во весь дух за македонцами.

Ликофон открыл глаза, слабо улыбнулся гетере, и эта улыбка умирающего резанула ее нестерпимым воспоминанием о смерти Менедема.

Из левого плеча воина торчал знакомый Таис кинжал жрицы Ночи, безжалостной и твердой рукой вогнанный по самую рукоятку. Кинжал пробил заодно с одеждой и широкое золотое ожерелье, застряв между звеньями. Таис, как всякая эллинская женщина, кое-что смыслила в ранах. Ликофон не мог жить с такой раной, тем более проползти по длинному проходу, хотя и под спуск. Что-то было не так! Несмотря на кровь, продолжавшую медленно струиться из-под кинжала, Таис не решилась вынуть оружие до прихода лохагоса, кото-

рый, как опытный воин, был и хирургом, и коновалом своего отряда.

Воины не заставили себя ждать. Следом за финикиянкой, повалившейся на пол от изнеможения, ворвалась целая декада (десятка) с обнаженными мечами и копьями. Воины подняли тессалийца, положили на ложе, и лохагос, сумрачно покачав головой при виде раны, принялся ощупывать плечо Ликофона. Раненый застонал, не открывая глаз, а ветеран вдруг осклабился радостной усмешкой.

— Что, не смертельно? — задыхаясь от волнения, спросила Таис.

— Красивый воин всегда любимец Афродиты! Видишь, кинжал ударил сюда, и если бы пошел прямо, то пронзил бы сердце. Но Ликофон нарядился, надел тяжелое ожерелье. Кинжал, раздвинув одно из колец, отклонился к спине и прошел между ребрами и лопаткой. Если бы не разрезанная жила, то с такой раной можно сражаться — правой рукой. Но мальчик потерял слишком много крови. Готовь побольше вина с теплой водой — поить его! Дай скорее чистого полотна.

Не теряя времени, лохагос велел двум воинам держать Ликофона за плечи, обтер рукоять кинжала от крови, удобно взялся и, уперевшись левой рукой в плечо, мощным рывком вынул оружие. Пронзительный вопль вырвался у юноши, он приподнялся, вытаращив глаза, и снова рухнул без памяти на промокшую кровью постель. Лохагос свел края раны пальцами, смоченными в уксусе, обмыл вокруг кровь и натуго забинтовал полосками разорванной льняной столы, привязав руку к туловищу. Тессалиец лежал немо и безучастно, шевеля сухими почерневшими губами. По знаку сотника За-Ашт принялась поить Ликофона, который глотал воду с вином без конца. Начальник воинов выпрямился, отер с лица пот и принял чашу вина, поднесенную Таис. Кувшин пошел по кругу.

— Кто это его? — задал один из воинов вопрос, интересовавший всех. Таис постаралась объяснить обычаи храма, встречу Ликофона с черной жрицей и очевидную недостаточность сил юноши. Возможно, тессалиец не сообразил, что только недавно оправился от ранения.

— Что ж, виноваты обе стороны — и никто. Условие есть условие! — сказал лохагос. — Взялся — исполняй, не можешь — не берись! А он жив остался, осел молодой. Для меня это радость, Ликофон хороший воин, только слабоват насчет женщин. А я-то думал, что мальчишка около нее кружится, — ткнул он пальцем в За-Ашт.

— Нет, нет, нет! — финикиянка выскочила вперед, сверкая глазами.

— Оставь, кошка! Влюбилась, так молчи! — оборвал ее начальник воинов.

За-Ашт хотела ответить, как вдруг раздался резкий стук чем-то твердым в дверь из храма.

— Идет погоня! — почему-то весело ухмыльнулся лохагос. — Открой дверь, Пилемен!

Воин, стоявший ближе к двери, повиновался. Ворвалась целая группа черных жриц с факелами под предводительством увенчанной золотой диадемой старшей. Рядом с ней в слезах шла та черная жрица, что приходила за Таис и покорила Ликофона.

— Видишь, Кера, сколько крови? Я не жалела, я ударила верно — и что спасло его, не знаю.

— Ты ударила верно, — ответил вместо старшей начальник македонцев, — а спасло его золотое ожерелье, надетое молодым ослом для тебя!

— Вижу! — согласилась старшая. — С тебя снята вина, Адрастея. Мы не можем добить его, — она качнула диадемой в сторону македонцев, взявшихся за мечи. — Пусть рассудит великая жрица. Но за свое второе преступление Эрис должна быть убита. Или, если хочет, пошлем ее исполнять обряды в святилище Анахиты!

Тут только Таис вспомнила о привратнице в коридоре и сообразила, что, не сжалься она над воином, Ликофон истек бы кровью у запертой решетки и никогда не добрался бы до ее двери!

Позади, во мгле коридора, одна из жриц держала за волосы осужденную. Ее освободили от цепи, связав руки назад.

Старшая пошла назад в коридор, равнодушно окинув взглядом македонцев и злорадно усмехнувшись ужасному виду окровавленного, пепельно-бледного юноши.

— Остановись, Кера! — воскликнула Таис, запомнив грозное имя этой совсем еще молодой женщины. — Отдай мне ее! — она показала на связанную привратницу.

— Нет! Она провинилась дважды и должна исчезнуть из жизни!

— Я дам за нее выкуп! Назначь цену!

— Нельзя ценить жизнь и смерть, — отказала старшая жрица и вдруг остановилась, раздумывая. — Можешь отдать жизнь за жизнь, — продолжала она.

— Не понимаю тебя!

— Жаль. Это просто. Я отдам тебе Эрис, а ты свою — свою финикиянку.

— Невозможно! Ты ее убьешь!

— За что? Она ни в чем не повинна. Я сужу так — если мы теряем жрицу, упавшую непозволительно низко, то приобретаем другую, годную для начала.

— Но, убив, вы все равно потеряете, если и не получите взамен, — возразила Таис.

— Для Великой Матери смерть или жизнь без различия!

Таис нерешительно оглянулась на свою рабыню. Та стояла бледная, как меленая стена, подавшись вперед и прислушиваясь к разговору.

— Смотри, За-Ашт, ты хотела служить в храме. Сейчас предоставляется случай, и я отпускаю тебя. Я не меняю и не отдаю тебя. Следуй только своему желанию!

Финикиянка упала на колени перед гетерой, поцеловав ей руку.

— Благодарю тебя, госпожа! — За-Ашт выпрямилась, гордая и стройная, добавив: — Я иду.

— Возьми свои вещи и одежду, — напомнила Таис.

— Не нужно! — сказала старшая и подтолкнула финикиянку к Адрастее. За-Ашт слегка отшатнулась, но черная жрица обняла ее за талию и повела во тьму коридора. Жрицы расступились, и та, что держала связанную за волосы, пнула ее ногой в спину. Привратница влетела в комнату и растянулась лицом вниз на окровавленном ковре. Дверь захлопнулась, наступила тишина. Озадаченные воины стояли, пока один из них не поднял упавшую, разрезал ремни на запястьях и пригладил упавшие на лоб волосы.

— Сядь, Эрис! — ласково сказала Таис. — Дайте ей вина!

— Какие странные имена! — воскликнул лохагос. — Беда, мщение, раздор.

— Я слышала, как двух других назвали Налия и Ата: демон и безумие, — сказала Таис. — Очевидно, страшные эллинские имена даются всем черным жрицам. Так, Эрис?

Привратница молча наклонила голову.

— Делайте носилки, мы понесем Ликофона, — прервал лохагос наступившее молчание.

— Надо оставить здесь! — возразила Таис.

— Нет! Главная их начальница может изменить решение. Тессалийца надо убрать отсюда подальше. Но как оставить тебя одну, госпожа Таис?

— У меня есть новая служанка.

— Она зарежет тебя, как Ликофона, и удерет.

— Удирать ей некуда. Она спасла уже две жизни, рискуя своей.

— Вот оно что! Молодец девчонка! И все же я оставлю двух стражей на веранде, — сказал начальник.

Воины удалились. Таис заперла храмовую дверь на оба засова и принялась убирать испачканную кровью комнату. Эрис вышла из своего оцепенения, помогала скоблить и мыть. Не придавая никакого значения своей полной наготе, она сбегала несколько раз к цистерне за водой и успела вымыться, яростно отскребывая грязь после своего житья в грязной нише у решетки. Рассвело. Утомленная событиями гетера закрыла входную дверь и задернула тяжелую занавесь оконной решетки, затем показала Эрис на второе ложе в своей комнате, так как постель финикиянки была испорчена кровью.

Таис улеглась и вытянулась во весь рост, изредка взглядывая на Эрис, неподвижно сидевшую на краю ложа, сосредоточенно и ожидающе глядя вдаль широко раскрытыми глазами. Теперь гетера рассмотрела свое новое «приобретение». «Кажется, она меласхрома — чернокожая, — мелькнуло в уме афинянки, — нет, она просто мелена, очень темно-бронзовая с примесью африканской крови». Грозная черная жрица без сетки, браслетов, пояса и ножа оказалась совсем юной женщиной с громадными синими глазами, в которых все же отражалось темное упорство, как у других жриц. Ее волосы вились мелкими кудрями, круглые щеки казались нежными, как у ребенка. Только очень полные полураскрытые губы и — очевидный для Таис — отпечаток большой чувственности на всем ее юном и уже женски мощном теле говорили о том, то эта юная девушка действительно могла быть черной служительницей Ночи и Великой Матери.

Глядя на синеглазую темнокожую Эрис, гетера вспомнила эфиопок с синими глазами, высоко ценимых в Египте и происходивших из очень далекой страны за верховьями Нила. Освобожденная привратница могла быть дочерью такой негритянки и человека светлой кожи.

Афинянка встала, подошла к Эрис и погладила ее по плечам. Черная жрица вздрогнула и вдруг приникла к Таис с такой силой, что гетера чуть не упала и обхватила рукой стан Эрис.

— Ты будто из камня! — удивленно воскликнула Таис. — Вы все, что ли, такие?

— Все! Тело из камня и медное сердце! — вдруг сказала девушка на ломаном койне.

— О, ты заговорила! Но у тебя сердце женщины, не ламии! — сказала Таис и, поддаваясь одному из обычных для нее порывов, поцеловала Эрис. Та задрожала, чуть заметно всхлипнув. Гетера, поглаживая черную «ламию» и шепча успокоительные слова, велела ей ложиться спать. Девушка показала на дверь, прикладывая палец к губам. Из ломаных слов койне Таис поняла, что ей надо пробраться к решетке за какой-то очень важной вещью, оставленной там, пока не прикуют другую привратницу. Гетера и черная жрица бесшумно приоткрыли дверь, и Эрис, прислушавшись, скользнула в непроглядную темноту. Она вернулась, тщательно заперла засовы. В ее руке блестел золотой рукоятью священный кинжал жриц Ночи. Эрис опустилась на колени и положила кинжал к ногам Таис, потом прикоснулась им к своим глазам, губам и сердцу. Только после этого ловкими, тысячу раз проделывавшими это пальцами она заплела ножны в свои волосы на затылке. Через несколько мгновений Эрис спала, вольно разметавшись поверх покрывала и приоткрыв рот. Таис полюбовалась ею и сама погрузилась в крепкий сон.

Начальник охраны Таис оказался прав. Ликофон не погиб. Кинжал жрицы не был отравлен, как опасался лохагос, и глубокая рана быстро заживала. Только после потери крови воин был слабее котенка. Верховная жрица не посылала за Таис и не требовала недобитого воина. Весь городок и храм Великой Богини как будто насторожился в ожидании вестей об Александре. Гетера велела своему конвою готовиться к выступлению.

— Куда? — спросил настороженно лохагос.

— К Александру, — лаконически ответила Таис, и воин облегченно вздохнул.

— А Ликофон?

— Оставим в городке, заплатим за уход.

— Отлично, госпожа.

Но не прошло и трех дней, как все изменилось. Поздно вечером, когда Таис уже собиралась спать и Эрис расчесывала ее тугие вьющиеся волосы, со стороны городка послышались крики, замелькали факелы. Таис выскочила на веранду в коротеньком хитониске, не обращая внимания на северный ветер, дувший уже несколько дней. Бешеный топот копыт разнесся по сосновой роще, отразился от наружных стен храма Великой Матери. Лавина всадников на массивных парфянских лошадях, высоко держа факелы над головами, примчалась к дому Таис. Среди них были и македонцы ее отряда, от-

личавшиеся от запыленных, сожженных солнцем приезжих своей чистотой и тем, что вскочили на лошадей спросонок, неодетыми.

Сверкавший золотом всадник на белоснежной кобыле подъехал к самым ступенькам веранды.

— Леонтиск, о Леонтиск! — Гетера бросилась к нему. Начальник тессалийской конницы ловко подхватил Таис и поднял к себе на лошадь, отбросив задымивший факел.

— Я за тобой, афинянка! Да здравствует Александр!

— Победа! Значит, победа, Леонтиск! Я знала! — Невольные слезы вдруг покатились по щекам Таис. Она обняла тессалийца за шею и осыпала поцелуями. Леонтиск поцеловал ее сам и, подняв могучими руками, посадил себе на плечо. Вознесенная над всеми, Таис весело смеялась, а воины восторженно завопили, ударяя в щиты и размахивая факелами.

Огромный воин, с гривой рыжих, развевавшихся на ветру волос, на высоком сером жеребце увидел на веранде недоумевающую Эрис, подъехал к ограде и зычно пригласил к себе. Эрис посмотрела на хозяйку, та кивнула, и девушка смелым прыжком оказалась в объятиях всадника. Подражая Леонтиску, гигант посадил Эрис на плечо. Бывшая жрица поднялась выше Таис под новый взрыв восторга.

Тессалийцы поскакали вокруг святилища, горланя, махая факелами под бряцание оружия, грохот копыт и щитов. На крышу святилища выбежали все служительницы храма во главе с верховной жрицей. Радостная, торжествующая Таис успела заметить волнение, какое вызвало среди жриц появление Эрис на плече у воина. Владычица храма сделала какие-то резкие движения руками, и вдруг веранда опустела. Гетера лишь усмехнулась, понимая разочарование властительницы, перед глазами которой ее жертву, осужденную на унижение и рабство, несли перед храмом, будто богиню! Шествие вернулось к дому Таис, и обеих женщин, не спуская на землю, бережно передали на руках в дом. Сюда же вошел Леонтиск, всадники были отпущены. Только двое приближенных остались ждать, медленно проваживая вспененную кобылу.

— Так победа, милый?

— Полная и окончательная! Дарий разбит наголову, огромное войско его рассеяно. Мы убили десятки тысяч, пока не изнемогли, и валились на трупы, не выпуская из рук мечей и копий. Вся Персия лежит перед нами, открытая. Царем Царей теперь — Александр, сын бессмертных богов!

— Я только недавно поняла, что завоевать Азию под силу лишь избраннику судьбы, титаноподобному герою, как Ахиллес.

— А я это увидел! — тихо сказал тессалиец, тяжело опускаясь в кресло.

— Ты очень устал! Отдохнешь здесь? Эрис даст вина и орехов в меду со сливками — самая подкрепляющая еда!

— Поем и поеду. Мне поставили палатку на опушке рощи, там, где все мои люди.

— Сколько их?

— Шестьдесят всадников, сто пятьдесят лошадей.

— Неужели ты приехал только за мной?

— Только. После громадной битвы, где снова отличились мои конники, я лежал два дня будто во сне. Александр решил, что я нуждаюсь в отдыхе, и послал сюда, за тобой.

— А сам?

— А сам идет со всем войском прямо на Вавилон.

— И мы поедем туда?

— Разумеется. Только дадим отдохнуть лошадям — я ведь скакал весь путь, так хотелось увидеть тебя.

— Далеко?

— Сотня парасангов!

Таис без слов поблагодарила воина долгим поцелуем, спросив: Александру далеко идти до Вавилона?

— Немного больше...

— Вот Эрис! Ешь и пей. Я выпью с тобой за победу!

— Тебе стало служить подземное царство? — спросил Леонтиск, прихлебывая вино и рассматривая новую рабыню.

— Эта история интересна, но длинна. Надеюсь, в пути будет время рассказать ее и послушать самой о великой битве.

— Будет! — заверил тессалиец, наскоро прожевал горсть варенных в меду орехов и поднялся. Таис проводила его до ступенек веранды.

Леонтиск появился снова после отдыха в таком роскошном вооружении, какое не описывал и сам Гомер. Сверкающий золотом загорелый всадник в белых шелках на чудесной белой лошади казался полубогом. И хотя глубокая морщина пересекала лоб между бровей, а углы рта окружала двойная борозда, прищуренные глаза, светлые и бесстрашные, весело смеялись.

— Какая красивая у тебя лошадь! Будто титанида-оборотень Левкиппа! И как зовут ее? — восклицала восхищенная гетера.

— Мелодия.

— Песня! Кто назвал так красиво?

— Я. Помнишь, есть река Мелос, которая поет, протекая по звенящим камням. Моя Мелодия бежит — будто льется и журчит река...

— Ты поэт, Леонтиск!

— Просто любитель лошадей! А это тебе. — Тессалиец развернул и подал Таис наряд персидской царевны. Гетера отвергла его, сказав, что не хочет рядиться в чужеземный наряд, и надела лишь диадему из редкостных камней, искрившихся на солнце тысячами огоньков. На шее она оставила голубое ожерелье храма Реи, а щиколотки, как для танца, украсила звенящими перисцелидами из электрона с бирюзой.

Она попросила подать ей Салмаах вместо Боанергоса и ахнула, когда увидела свою кобылу в золотой сбруе, с форбеей, украшенной крупными турмалинами такой же дивной розовой окраски, как на подаренных ей флаконах Кибелы. На потнике лежала шкура редкостного рыжего с черными полосами зверя — тигра.

Кинеподы — ножные щетки лошади — украшали сверкающие на солнце серебряные браслеты с бубенчиками. Салмаах как будто чувствовала красоту своего наряда и гордо выступала, перезванивая копытами, так же как и подходящая к ней Таис, чьи ножные браслеты звенели при каждом шаге.

Воины и собравшаяся у храма толпа жителей городка разразилась приветственными криками, когда афинянка ловко вскочила на лошадь, подняла ее на дыбы и повернула. Таис и тессалиец должны были ехать в храм, чтобы поднести Великой Матери щедрые дары, не столько за приют Таис, сколько за успешный поход через ее владения.

Кортеж из тридцати воинов сопровождал Леонтиска и Таис, ехавших бок о бок по широкой дороге, к главному входу в святилище Кибелы. Тессалийцы пели, и Таис попросила их ударять в щиты в такт боевой песне. Под эти ритмические удары гетера заставила Салмаах плясать, величественно гарцуя, как под царицей. Восхищению конников и бежавшей по сторонам толпы не было предела. Как в день большого праздника, стражи распахнули ворота в обоих стенах. Воинственная кавалькада вступила в первый двор. Здесь Таис и Леонтиск спешились и, встреченные жрецами-копьеносцами, пошли к калитке в низкой ограде, отделявшей мощеный двор от аллеи кипарисов, в конце которой находился горбатый мостик и лестница, перекинутая над бассейном сада прямо на нижнюю террасу. По ту сторону калитки к ним приблизилась нагая

привратница. Она собрала в горсть свои густые волосы, окунула их в серебряную чашу с ароматной водой и брызнула на входящих. Внезапно она вскрикнула и закрыла лицо руками. Таис узнала свою финикиянку.

— О Леонтиск! Задержи их на минуту! — кивнула она на суровых жрецов, подошла к За-Ашт и с усилием отвела ее ладони от пунцового лица.

— Они тебя уже наказали? За что? Тебе плохо? Говори скорей!

Из бессвязно-торопливых слов Таис поняла, что финикиянку заставили делать что-то невыносимое, она отказалась, ее послали в храм Анаитис и после вторичного бунта приставили сюда — привратницей и первой утехой усталых паломников.

— Что было в храме Анаитис? Первая ступень таинств?

— Да. Они хотели заставить меня участвовать во второй. — За-Ашт снова спрятала лицо, вздрогнув от нетерпеливого стука копий, резко опущенных жрецами на землю.

— Бедная ты! Плохая из тебя жрица! Надо выручать тебя!

— О госпожа! — В голосе финикиянки теперь было гораздо больше мольбы, чем в ее просьбах отпустить в храм.

Таис, не рискуя больше задерживать важных жрецов, пошла дальше. Верховная жрица вместе со жрецом встретила их не в храме, а на нижней веранде — новый знак почтения. Леонтиск поклонился ей и, подражая Таис, принял на лоб мазок душистого масла. Затем он развязал большую кожаную сумку, которую бережно нес сам всю дорогу, и подозвал копьеносца, тащившего вторую. На широкий выступ цоколя храма высыпалась груда золотых и серебряных цепей, браслетов, крупных драгоценных камней, искусно выкованных бесценных диадем. Из второго мешка с глухим тяжким стуком высыпались золотые слитки.

— Это только часть. Сейчас принесут еще четыре таланта — жрецы не привыкли носить такие тяжести.

Верховная жрица глубоко вздохнула, и глаза ее заблестели от жадности — воистину дар Александра был царским.

— Мы заботились здесь о нашей прекрасной гостье, — ласково сказала она, — надеюсь, что она довольна?

— Довольна и благодарна, хвала Великой Матери, — отозвалась гетера.

— Могу ли я еще что-нибудь сделать для тебя?

— Можешь, властительница храма! Отдай мне назад мою рабыню, финикиянку За-Ашт.

— Ведь ты обменяла ее...

— Да, так. Но сейчас видела ее на цепи у ворот. Она не прижилась в храме.

— Поэтому несет наказание. Потерпите, приживется или... — Верховная жрица не договорила.

Таис посмотрела на Леонтиска, и он без слов понял ее.

— Пожалуй, я верну последнюю пару тех, что несут золото, — как бы в раздумье сказал он гетере.

— Не возвращай! — подняла руку верховная жрица после недолгого раздумья. — Негодная финикиянка не стоит и сотой части. Можешь получить свою строптивую рабыню назад!

— Благодарю тебя! — снова поклонилась Таис и, скрыв улыбку, попрощалась с могущественной властительницей знаменитого храма.

За-Ашт, забыв обо всем, с криком «Ты здесь, моя красавица!» — бросилась к Салмаах, оросив ее шею слезами. Один из воинов дал ей нарядную хламиду и посадил на спину лошади. Тем же порядком тессалийцы выехали со двора, и Таис навсегда покинула обитель Кибелы, Великой Матери и Владычицы Зверей.

Глава десятая
ВОДЫ ЕВФРАТА

Пыльное небо раскаленным медным котлом опрокинулось над выгорающей степью. Конный отряд Леонтиска переправился на левый берег Евфрата и пошел на юг наперерез большой излучине, параллельно древней «царской» дороге из Эфеса в Сузу. Восемьсот стадий было до устья реки, впадающей в Евфрат с востока. Там ожидали большие лодки. Евфрат мог нести целые корабли, и единственным недостатком пути по реке вниз до Вавилона была его извилистость. Расстояние более чем удваивалось, однако можно было плыть безостановочно, целыми сутками. Пересадка на лодки сберегала лошадей, освобождая их от груза. Даже такие ярые конники, как тессалийцы, охотно согласились с планом своего начальника.

Ликофон еще не мог совершить конный переход. Товарищи решили довезти его до Вавилона и добыли повозку. Таис приказала За-Ашт сопровождать тессалийца. Финикиянка злобно сверкнула глазами на Эрис, вытеснившую ее из сердца госпожи. Но Таис притянула к себе обиженную финикиянку и шепнула ей несколько слов. Та вспыхнула, опустила глаза и послушно стала собирать удобную постель для

перевозки юноши. Больше всего гетера беспокоилась за Эрис. Жрица ездила верхом очень мало, если вообще ездила, а задерживать закаленных конников из-за рабыни афинянка, конечно, не могла. Бывшая черная жрица, сводя хмурые брови, клялась не подвести хозяйку. Поколебавшись, Таис решила уступить Боанергоса рабыне, а самой ехать на Салмаах. Она посоветовала Эрис поддержать ноги в согнутом положении с помощью ремня, накинутого на плечи и прикрепленного к обеим щиколоткам. Персидский потник накрыли тонкой шершавой тканью, привозимой с Востока, сохраняющей разгоряченную кожу. Конические афинские солнечные шляпы здесь не годились из-за ветра. Женщины решили замотать головы тюрбанами из черной материи. Этот совет дали освоившиеся со зноем месопотамских равнин воины Леонтиска. Жара угнетала даже дружных с солнцем эллинов и закаленных походами македонцев. Как всегда, сборы и неполадки оттянули выступление. Вместо рассветных часов отряд пошел при высоко стоящем солнце, которое, как гневный владыка, стремилось согнуть неугомонных людей в рабской покорности.

Зной лился с неба весомыми каскадами, неумолимое падение которых прерывалось лишь порывами ветра, несшего из окружающей степи запах и жар пламени.

Таис на Салмаах и Леонтиск на белоснежной Песне ехали рядом. Ноздри гетеры раздувались, вдыхая знойный и горький сухой воздух. Горизонт, тонувший в зыбком мареве, казался беспредельным после полутьмы святилища и тяжких двойных стен храма Кибелы. Дерзкая радость переполняла Таис, как выпущенную на свободу узницу. Хотелось петь, гарцевать, подняв Салмаах на дыбы, учинить какую-нибудь шалость. Сдерживая смех, она слушала Леонтиска. Начальник конницы сперва рассказывал разные смешные приключения похода к Гавгамеле, а потом увлекся описанием великой битвы.

Македонская армия вначале шла по вымершей стране. На севере Междуречья равнины были почти безлюдными. Незначительное число скотоводов, кочевавших на пути завоевателей, или разбежалось, или, скорее всего, ушло в горы перед наступлением летней жары. Разведчики донесли о скоплении врагов за Тигром. Верный своей стратегии, Александр поторопился перейти реку. Прошли мимо Ниневии, одного из древнейших городов всей ойкумены. С высоких стен, полуразрушенных за многие века без восстановления, кучка людей наблюдала за армией. Среди них пестрым одеянием выделя-

лись жрецы древних богов. Александр не велел трогать город. Его ничтожное население не представляло опасности. Грозный враг стоял впереди. От Ниневии македонцы отклонились еще к северу — до холмов с хорошими кормами и не пересохшими пока ручьями чистой воды. Александр стремился дойти на восток до текущей с севера речки, где хватало воды напоить всю армию. Речка впадала в приток Тигра, текущий с северо-востока. На этом притоке и собрал Дарий свою громадную армию. Когда войско македонцев, двигавшееся без спешки (великий полководец не хотел утомлять воинов), подошло к речке у маленького поселения Гавгамела, Птолемей обратил внимание, что дуга низких холмов с севера походила на передок колесницы — арбилу. Записанное в летописях похода прозвище тысячелетия спустя путало историков. По южной дороге, в двухстах стадиях от Гавгамелы, между пустой равниной и скалами находилось укрепление Арбила.

Александр дал трехдневный отдых своей армии, прошедшей не одну тысячу стадий. Разведчики доносили, конные разъезды доставляли пленников. Все свидетельствовало об огромном скоплении вражеской конницы, которая собиралась тучей всего в нескольких парасангах. Александр не торопился. Он хотел нанести окончательный удар всей армии персов, а не гоняться по бесконечным равнинам за отдельными ее отрядами. Если Дарий не понимает, что нужно было начинать сражаться еще у Евфрата, надеется на огромные полчища по примеру своих предков, чтобы уверенно покончить с македонцами, — тем лучше. Судьба решится в этом бою. Для македонцев во всяком случае, ибо поражение означает гибель всей армии...

— Разве нельзя было отступить? — спросила внимательно слушавшая гетера. — Спаслись же десять тысяч эллинских воинов примерно из тех же мест?

— Ты имеешь в виду «Анабазис» Ксенофонта? Тогда греческие наемники отступали, не будучи окружены врагами, да еще столь многочисленными, как персы под Гавгамелой.

— Значит, опасность была велика?

— Очень. В случае поражения — смерть или рабство всем нам.

Таис подумала, что ее догадки в храме Кибелы были верны.

Леонтиск продолжал рассказ.

Гигантское скопление конницы перед лагерем македонцев изумило и испугало самых бывалых воинов. Издалека

серыми призраками маячили боевые слоны, впервые встреченные македонцами. Сверкала на солнце позолоченная броня и копья «Бессмертных» — личной гвардии Дария, проезжавших тесно сомкнутым строем на удивительно высоких конях. В пестрых одеждах разных отрядов опытные люди узнавали парфян, согдов, бактрийцев, даже скифов-массагетов из-за великой реки Азии Оксоса. Казалось, что полчище пронесется бурей и под копытами бесчисленных коней найдет свою гибель дерзкая армия, осмелившаяся вторгнуться так далеко в чужую страну, на границе степи и лабиринта горных хребтов.

К вечеру, в закатном солнце, вся равнина застелилась красной пылью, и страх еще сильнее овладел отважными македонцами. На военном совете Пармений, командир всей конницы, и другие военачальники стали просить Александра ударить ночью, когда всадники персов не будут иметь преимущества над македонской пехотой. Александр отклонил предложение и назначил бой сразу после рассвета, но не раньше, чем воины будут накормлены. Птолемей поддержал друга, хотя великий стратег и в одиночестве оставался непоколебим. Улегшись спать, он быстро и крепко заснул. Позже Гефестион рассказал Леонтиску о соображениях Александра. Полководец видел и чувствовал страх, все сильнее овладевавший воинами, и не сделал ничего, чтобы его рассеять. Он принял страх на себя, показывая необычайное даже для него спокойствие. Александр знал, что человек опаснее всего для врага именно когда он испуган, но многолетняя тренировка и воинская дисциплина заставляет его держать свое место в рядах товарищей. Армия знала, что будет в случае поражения. Александру это заменило и зажигательные речи, и громкие обещания.

Ночью же, когда люди не чувствуют общей поддержки, не видят полководцев, страх мог сыграть на руку персам и расстроить тот отчаянный боевой порыв, каким должны были быть охвачены и пехота и конница македонцев. Расчет Александра полностью оправдался.

Не испытанная в сражениях, не сплоченная в совместных боях, гигантская армия Дария, бросившись на македонцев, создала в центре невероятную толчею и хаос. Левое крыло Александра, под начальством Пармения, где сражался Леонтиск со своими тессалийцами, было смято персидской конницей, разорвано на две части и частично отступило за временные укрепления македонского лагеря. Пармений два раза просил помощи, Александр не отзывался. Леонтиск почувст-

вовал, что приходит конец. Тессалийские конники, решив дорого продать свои жизни, сражались отчаянно, не уступая натиску легких конных сил персов. Крепкие, широкогрудые тессалийские кони бешено грызлись со степными лошадьми, толкали и били их копытами. В это время в ужасной сумятице центра битвы македонская пехота-фаланга шаг за шагом продвигалась вперед, клином врезаясь в массу противника, настолько плотную, что Дарий не смог использовать ни слонов, ни колесниц с серповидными ножами, предназначенными косить врагов на быстром ходу. Александр тоже не мог ввести в бой свою тяжелую конницу — гетайров — и, уже сев на Букефала, что обычно означало атаку, вынужден был выжидать, не отвечая на призывы Пармения.

Наконец фаланге удалось глубоко внедриться в центр. Легкая конница персов отхлынула вправо, и в образовавшийся прорыв ударили гетайры. Они смяли «Бессмертных» и опять, как в битве при Иссе, оказались перед окружением персидского царя.

«Серебряные Щиты», оправдывая свою боевую славу, бегом ринулись на ослабевший строй персов. Все на подбор люди выдающейся силы, щитоносцы ударили противника своими щитами. Персы нарушили строй, открывая незащищенные бока для мечей македонцев.

Дарий, увидев прорыв гетайров, понесся на колеснице прочь от центра битвы. Следом повернули «Бессмертные». На флангах сражение продолжалось с неослабевающей яростью. Александр с частью гетайров пробился к Пармению на левое крыло, сразу улучшив положение тессалийских конников Леонтиска. Бок о бок с неистовым в бою Александром Леонтиск смял и отбросил противника.

В тучах пыли никто не заметил постепенного отступления персов. Неожиданно началось их повальное бегство. Конная армия бежит куда быстрее пехоты. Где-то на правом фланге фракийцы и агриане-горцы Александра еще бились с наседавшими согдийцами и массагетами, а главные силы персов уже бежали на юго-восток, мимо левого крыла македонской армии. Александр приказал Пармению и Леонтиску, как наиболее потрепанным в битве, остаться на поле боя, собирая раненых и добычу, а сам с частью резерва помчался преследовать бегущих. Измотанные страшной битвой воины смогли гнаться за ними лишь до реки. Полководец сам остановил погоню, которая, хотя и не уничтожила отступавших, все же заставила их и панике побросать все сколько-нибудь отягощавшее лошадей. Военная добыча ока-

залась еще большей, чем при Иссе. Помимо ценностей и оружия, одежд, палаток и великолепных тканей македонцы впервые захватили боевых слонов, колесницы с серпообразными ножами, шатры из белого войлока, изукрашенные серебром.

Не давая времени отпраздновать победу, Александр после пятичасового отдыха устремился дальше к югу, приказав Пармению идти позади со всем колоссальным обозом и пленниками. Тут-то Леонтиск и свалился от истощения сил. Но Дарий не пошел на юг к главным городам своего царства, а убежал на северо-восток в горы. Вторично Александр наткнулся на его брошенную колесницу и оружие, не стал гнаться за ним в лабиринте хребтов и ущелий, а повернул на юг к Вавилону, Сузе и Персеполису, дав армии несколько дней отдыха и распределив добычу. Птолемея отправили с отрядом на разведку, и тогда он попросил Леонтиска послать за Таис.

— Пармений хотел оставить меня в лагере раненых на отдых, а я приехал сам! — сказал тессалиец, ласково глядя на гетеру. Таис подъехала вплотную. Всадники соприкоснулись коленями. Обняв могучие плечи Леонтиска, она притянула его к себе для поцелуя. Начальник конницы поспешно оглянулся и слегка смутился, встретив насмешливую улыбку афинянки.

— Побаиваешься Эрис?

— Смешно, но ты права! Ее взгляд так упорен и немилосерден, что в душе возникает какой-то... не то чтобы страх, но...

— Скажи: опасение, — засмеялась Таис.

— Именно так! Боюсь не кинжала в прическе и не изящного ножичка для распарывания живота за браслетом, а ее самой...

— А я боюсь только, что она устанет с непривычки верхом.

— Ты всегда возишься со своими рабынями больше, чем они с тобой!

— Как же иначе? Я хочу, чтобы они не оставались мне чужими. Разве можно, чтобы меня касались злобные пальцы и смотрели ненавидящие глаза? Это принесет болезни и несчастье. Ведь эти люди живут в моем доме, знают каждый час моей жизни...

— Ты говоришь — люди! А множество других эллинок сказали бы — варвары и предпочли в обращении шпильку, палку, а то и плетку.

— Ты сам попробовал бы плетку на Гесионе?

— Конечно нет! Гесиона знатная эллинка и очень красива... настолько, чтобы заставить менее прекрасную, чем ты, хозяйку мучить ее.

— А что ты знаешь о достоинствах других... той же Эрис?

— Собьет она спину Боанергосу, тогда...

— Не собьет! Эрис поклялась сидеть туго, как надо.

— Устанет, ехать далеко!

— Я смотрю за ней. Но расскажи мне еще о битве! Если я поняла верно, то ошибка Дария в том, что он напал на вас сразу всеми силами. Персидская армия стеснилась так сильно, что не смогла сражаться как надо. А если бы он этого не сделал? Как пошло бы сражение?

— Наверное, хуже для нас. Но я — не Александр, он нашел бы выход из любого положения. Хотя... — Леонтиск задумался.

— Что ты хотел сказать?

— Я вспомнил один случай. Пленных вождей и начальников всегда приводили к Александру. Он разговаривал с ними через переводчиков, расспрашивал о многом, главным образом о том, как оценивают они свое поражение. Молодой массагет, предводитель скифской конницы, связанный, несмотря на рану, ответил на вопрос Александра коротко: персы поплатились за неумение воевать!

«А ты бы сумел?» — с любопытством спросил победитель.

«С моими силами в пятьсот всадников смешно и подумать! Но обладай я половиной царского войска, я покончил бы с тобой в два-три месяца».

«Каким образом?»

«Вооружил бы свою конницу тяжелыми луками. Засыпал бы твою пехоту стрелами, не приближаясь на удар копья. Отряды прикрытия отражали бы твою конницу, которой у тебя в семь раз меньше — я подсчитал».

«А что б ты смог поделать со щитоносной пехотой?» — серьезно и сурово спросил Александр.

«Когда она в строю — почти ничего! Можно нанести ей малый урон, и так понемногу, день за днем, месяц за месяцем. Но не может же она вечно стоять в строю. Не знаю, успела бы твоя пехота унести ноги за Евфрат, так и не завязав большого решающего боя».

Александр помолчал и спросил, загораясь гневом:

«Так вы воевали с персами двести лет назад, когда убили их царя Кира?»

«Я не знаю. Если ты сам думаешь так, тем лучше», — гордо ответил массагет.

Александр пристально разглядывал скифа и наконец сказал, обращаясь к окружавшим его военачальникам:

«Он умен и смел — и потому очень опасен! Но он — дитя! Кто же раскрывает опасную сметку, стоя связанным перед победителем? Убейте его, и без промедления!»

— И убили? — тихо спросила Таис.

— Тут же! — ответил Леонтиск.

Долгое время они ехали в молчании, каждый переживая виденное и услышанное. Изредка Таис оглядывалась на Эрис, мерно покачивающуюся на иноходце, в стороне от воинов, которых она дичилась. Отряд двигался по-военному, без привала, чтобы разом пройти намеченное расстояние. Природа покровительствовала любимице Афродиты. К полудню небо закрылось туманной мглой, не сулившей дождя и не позволившей солнцу свирепствовать и наказать путников за поздний выезд.

В зеленой травянистой долинке в тринадцати парасангах от переправы для Таис был поставлен легкий шатер. Воины, расседлав и стреножив лошадей, устроились как попало, разостлав свои хламиды прямо на земле, не боясь скорпионов и больших прыгающих пауков-фаланг, внушавших Таис омерзение и в Элладе, где они куда мельче.

Укрывшись в шатре, гетера принялась разминаться от долгого перехода. На тряской рыси Салмаах заболели отвыкшие ноги. Вошла Эрис, неся хитлон — воду для омовения. Она держалась так прямо, что напомнила Таис девушек на празднике Кувшинов, справлявшемся в Афинах на второй день Антестериона — Празднества Цветов. Чуткая афинянка заподозрила неладное, велела Эрис раздеться и ахнула. Нежная кожа на внутренних сторонах бедер вздулась и покрылась ссадинами, икры и колени распухли, а большие пальцы ног кровоточили, стертые о потник. Девушка едва держалась на ногах. Только уступая категорическому приказу хозяйки, она отдала сосуд с водой и опустилась на расстеленный для нее самой ковер.

— Не бойся, госпожа, спина лошади невредима!

— Зато ты искалечилась, — сердито сказала Таис и вышла, чтобы найти среди вещей лекарства и ткань для повязок. Целебная египетская мазь уничтожила боль. Эрис уснула почти мгновенно. Таис вымылась и, освеженная, пошла к небольшому костерку, где уже расселись Леонтиск с лохагосом и старшим из десятников в ожидании шипевшего на угольях жаркого. По ее просьбе привели Боанергоса. Тессалийцы тщательно обследовали спину коня. Эрис сдержала слово, од-

нако для Таис стало очевидным, что второй половины пути девушка не вынесет или, принимая во внимание ее огромную физическую и духовную крепость, выдержит, но повредит драгоценную лошадь. Гетера решила устроить Эрис на одну из повозок, которые должны были догнать отряд ночью. Когда афинянка вошла в свою палатку, Эрис очнулась. Таис объявила, что ее повезут отсюда вместе с Ликофоном и За-Ашт. Черная жрица ничего не ответила, отказалась от пищи и поспешно уложила свою хозяйку. Гетера уснула крепко и беззаботно, как давно уже не спала в стенах святилища Кибелы. Ее разбудил Леонтиск, позвавший к утренней еде — куску соленого сирийского сыра и горсти очень вкусных, почти черных фиников. Лошади стояли поодаль, уже взнузданные и покрытые потниками. У повозок люди еще спали, и Таис не стала будить финикиянку. Поискав глазами Эрис и не найдя ее ни у лошадей, ни у повозок, она недоуменно спросила Леонтиска — не видел ли он ее рабыни. За начальника конницы ответил лохагос, чему-то улыбнувшийся.

— Эта черная сказала, чтобы я не тревожил тебя раньше времени. Она просит тебя простить ее, но она не вынесет позора ехать на повозке вместе с финикиянкой.

— Так, что же она сделала? — воскликнула встревоженная Таис.

— Не беспокойся за нее, госпожа. С такой фармакис (колдуньей) ничего не случится. Просто она убежала вперед и сейчас уже далеко.

— Когда она сказала тебе?

— За полсмены первой ночной стражи. Примерно шесть часов тому назад.

— Артемис агротера! Одна, ночью, на безлюдной тропе, среди шакалов и гиен. К тому же совсем разбитая дневной ездой?!

— Ничего не случится с твоей черной! Как пустилась она бежать! Я смотрел ей вслед — бежит не хуже иной лошади...

Леонтиск принялся хохотать. Таис озабоченно покусывала губы, крепилась и вдруг тоже облегченно прыснула, почему-то уверенная, что в приключении с Эрис все кончится хорошо.

И действительно, они нагнали беглянку всего в двух парасангах от конечной цели путешествия. С низкого увала, откуда начинался спуск в широкую долину притока Евфрата, Таис увидела вдали бегущую Эрис. Белый хитониск выше колен — ее единственное одеяние — развевался попутным ветром, замотанная черной тканью голова гордо поднята. Черная жрица

плавно покачивалась, и видно было, что она знает приемы ровного, продолжительного бега. Таис пожалела, что не увидела, как она бежала ночью, под поздней луной, подобная бесстрашной богине, самой Артемис. Слегка суеверное отношение к своей новой служанке овладевало гетерой.

Таис с Леонтиском быстро догнали ее и велели сесть на Боанергоса. За ночь и полдня Эрис пробежала около четырнадцати парасангов и, странное дело, ее вчерашние раны излечились. Она успела отдохнуть около четырех часов под кустом тамариска, пока ее догнали всадники, и только истертые сандалии показывали, какой путь она преодолела.

Таис так обрадовалась, что обняла черную жрицу, которая не ответила на объятия, только странная дрожь пробежала по всему ее крепкому, разгоряченному телу.

В назначенном месте лодки ожидали всадников. «Какие это лодки — целые корабли, — подумала Таис, — неуклюжие, плоскодонные сооружения». В самую большую из «лодок» свободно помещалось двенадцать лошадей. Леонтиск решил взять с собой своих коней и конвой с лошадьми. Лохагос с остальными всадниками поехал налегке берегом, к большой радости сурового сотника, которому надоела опека раненых в городке Кибелы и у переправы. На носовом помосте передовой лодки поставили рядом легкие навесы для Леонтиска и Таис.

— Нельзя ли устроить твою богиню раздора подальше? — смешливо спросил Леонтиск, обнимая за талию афинянку, следившую за погрузкой своих лошадей.

— Нельзя! Она не пойдет на корму, где конюхи и лодочники.

— А если я захочу поцеловать тебя? Она убьет?

— А ты потихоньку, — посоветовала Таис.

Три дня лодки шли мимо сплошных садов, широко окаймлявших берега реки. Но сады самого Вавилона вскружили голову даже испытанным ветеранам. Легкая перистая тень чередовалась с влажным полумраком густых аллей. Деревья взбегали на крыши целых кварталов и высоко поднятые над рекой улицы и площади.

Знаменитые висячие сады Семирамис, о которых по всему Востоку ходили легенды, разочаровали Таис, вероятно так же, как развалины Трои — Александра.

Леонтиск приказал выгрузиться на торговой пристани вне пяти рядов городских стен. Застоявшиеся в лодках кони нетерпеливо били копытами, требуя проездки, и афинянка с тессалийцем проскакали около парасанга, пока лошади успо-

коились настолько, чтобы идти шагом по переполненным народом улицам.

Они въехали в город по Аккадской дороге через двойные ворота Иштар (гетера увидела в этом счастливое предзнаменование), башни которых были сплошь облицованы синими изразцами. Ряд изображений драконов, чередовавшихся с длинноногими дикими быками из желтого и белого кафеля, украшал блестевшую на солнце синюю гладь. Прямая Дорога Процессий из белых и красных плит шириной в 15 локтей шла к Эсагиле, бывшему священному внутреннему городу, где помещался громадный храм Мардука — главного бога Вавилона, очень могущественного еще два века тому назад. От Таис храм закрывала гигантская башня Этеменанки, сильно поврежденная временем, но все еще знаменитая на всю ойкумену, из семи разноцветных ступеней, увенчанная маленьким синим храмом. Она господствовала над всем городом, как бы напоминая каждому жителю, что недремлющее око бога смотрит на него с высоты в 200 локтей.

Направо располагался обширный дворец, ныне никем не занятый и развалившийся, дальше него за стенами — второй дворец, а слева — маленькие сады Семирамис на высоких арках, такие же ступенчатые, как почти все постройки Вавилона. Удивляло обилие зелени в удаленности от реки. У южной стены дворца протекал глубокий канал, но чтобы поливать высоко расположенные сады старого города, нужны тысячи и тысячи рабов. Похоже на Египет. Однако там старые насаждения у заупокойных храмов царей и древних дворцов давно погибли под песком.

Лишь у больших и богатых храмов, владевших множеством рабов, остались большие сады на недоступных разливу высотах, все остальное зеленое убранство египетских городов произрастало на уровне Нила. Здесь, в Вавилоне, еще сохранялось древнее устройство — может быть, из-за тесной собранности города, не в пример Египту. Во всяком случае, башня Этеменанки произвела на гетеру куда большее впечатление, нежели сады легендарной царицы.

Посланный вперед конник вернулся на взмыленной лошади с известием, что Птолемея нет. Он отправился в Сузу, а главные военачальники разместились во дворцах старого города. Леонтиск обрадовался. Таис обещала ему маленький симпозион — отпраздновать окончание длинного пути.

Дорога Процессий заполнилась тессалийцами, встречавшими своего начальника. В их толпе Таис и Леонтиск поехали дальше, миновали большую синюю стену, украшенную глазу-

рованными рельефами львов с белыми и красными гривами, пересекли несколько шумных улиц и, повернув направо, выехали в пределы священного города по дороге между Этеменанкой и Эсагилой, храмом Мардука. Колоссальная башня с косыми лестницами на две стороны недобро громоздилась над путниками, и Таис обрадовалась, когда снова выехала к берегу Евфрата.

Здесь был наплавной мост, соединявший старый город, восточную половину Вавилона, и западную — новый город, с меньшим количеством храмов, внутренних стен и укреплений, еще более зеленый. В его северной части, между воротами Лугальгиры и рекой, нашелся прекрасный домик.

Как во многих городах Азии, Таис всегда немного ошеломлял резкий переход от шумных, грязных и пыльных улиц, изнывающих в зное и жужжании мух, к спокойной прохладе затененных садов-дворов с каналами журчащей проточной воды за толстыми глухими стенами. Вскоре пришла Эрис со всеми вещами, а немного позднее явилась и За-Ашт, расставшаяся с Ликофоном на пристани старого города. Таис, с ее умением устраиваться, к вечеру нашла хорошего конюха (садовник жил при доме), рабыню, умеющую приготовить блюда, приятные на эллинский вкус, и танцевала для своих тессалийцев на импровизированном симпозионе.

Молва о появлении в Вавилоне знаменитой афинской гетеры разнеслась молниеносно. Дом близ Лугальгиры стал осаждаться любопытными, будто и не было войны, словно в городе не находилась чужая победоносная армия. Леонтиску пришлось прислать воинов для охраны ворот от назойливых вавилонян. Рассказы о военном могуществе македонцев и непобедимости божественного Александра распространялись все дальше. Сузы, куда отправился Птолемей, и даже находившаяся вдали на севере Экбатана — летняя резиденция персидских царей и одна из главных сокровищниц — изъявили покорность, сдавшись без боя и вручив все ключи посланцам Александра.

Несмотря на осень, жара приносилась к Вавилону ветрами из необъятных просторов Персии и каменистых плоскогорий Сирии, Элама и красноморских пустынь. Ночи тонули во влажной духоте. Таис казалась самой себе липкой и грязной, хотя За-Ашт и Эрис блестели от пота, когда Таис оставалась сухой. Скрытая вражда между обеими женщинами утомляла гетеру — ей всегда хотелось мира и покоя в своем доме. Хорошо еще, что финикиянка отчаянно боялась «колдуньи» и не смела выказывать своей дикой ревности открыто.

Постепенно рабыни разделили обязанности. К большой радости За-Ашт, Эрис уступила ей непосредственный уход за Таис, взяв на себя наблюдение за домом, лошадьми и охрану госпожи. Последнее, несмотря на протесты Таис, она считала своим первейшим долгом.

Финикиянка призналась, что Ликофон хочет выкупить ее у госпожи, как только окончится война и он поедет на родину. Тогда они вступят в брак. Таис усомнилась, есть ли эпигамия между Финикией и Тессалией, и с удивлением узнала о распространении законности брака на всю новую империю Александра и союз эллинских государств — полисов, — для которых великий полководец продолжал именовать себя верховным стратегом, фактически царствуя.

— Видишь, ты снова мечтаешь уйти от меня, — полушутливо укоряла Таис свою рабыню, — чего же ты злишься на Эрис?

— Я теперь никогда бы не рассталась с тобой, госпожа, но... Ликофон прекрасен и полюбил меня. И ты всегда отпускала своих рабынь для замужества...

— Отпускала, — согласилась Таис, слегка хмурясь, — Афродита не позволяет мне удерживать их... А жаль — ведь я тоже привыкаю и привязываюсь...

— И ко мне, госпожа? — внезапно спросила Эрис, перебирая цветы, только что принесенные садовником.

— И к тебе, Эрис, — без колебания ответила гетера.

Синие глаза под мрачными бровями вдруг осветились. Необычное выражение совершенно изменило лицо черной жрицы, промелькнуло и исчезло.

— И ты тоже покинешь меня для любви и семьи! — улыбнулась Таис, желая поддразнить странную рабыню.

— Нет! — равнодушно ответила Эрис. — Мужчины мне надоели в храме. Единственное, что есть у меня на свете, — ты, госпожа. Бегать за любовью, как она, я никогда не буду.

— Слыхала такие речи! — сверкнула черными глазами финикиянка. Эрис величественно пожала плечами и удалилась.

В одну из особенно жарких ночей Таис придумала поплавать в Евфрате. От сада через узкий проулок между глухих глинобитных стен тропинка вела к маленькой пристани на связках тростника. Таис ходила туда в сопровождении Эрис, но настрого запретила ей купаться вместе с ней. Афинянка плавала подолгу, а дочь южной страны могла жестоко простудиться. Эрис, поплескавшись с хозяйкой, послушно вылезала и терпеливо ждала, сидя обняв колени под крупными и мутными звездами в ночной тишине спящего города, нарушае-

мой лишь лаем собак да взрывами шумных голосов какой-нибудь веселой компании, отчетливо доносившимися во влажном речном воздухе.

Когда чуть-чуть прохладная вода снимала одурь жаркой ночи, Таис чувствовала возвращение обычной для нее энергии. Тогда она плыла, борясь с течением, к старому городу, выбиралась на ступени какого-нибудь забытого храма или маленького дворца и сидела, наслаждаясь одиночеством, надежно укрытая тьмой глухой безлунной ночи. Думала об Александре, живущем где-то поблизости, в южном дворце старого города, о Птолемее, может быть, в этот момент мирно спавшем в пути. Три тысячи стадий песков и болот отделяли загадочную Сузу от Вавилона. Птолемей должен скоро явиться. Таис узнала от Леонтиска, что отдан приказ готовиться к выступлению всей армией неизвестно куда.

Афинянка мечтала подробнее познакомиться с Вавилоном — древнейшим городом, столь непохожим и на Афины, и на Мемфис. Скоро уйдет на восток армия и воины, переполняющие сейчас Вавилон, перестанут приветствовать ее на каждом шагу, узнавая приятельницу своего вождя, подругу Птолемея, любимую «богиню» Леонтиска. Всего на второй день приезда Таис в Вавилон, когда она шла по Дороге Процессий к храму Иштар, навстречу попался отряд аргироаспидов — «Серебряных Щитов». Начальник узнал афинянку, видели ее и другие воины еще в стане Александра под Тиром. Таис не успела опомниться, как ее окружили, подняли на сомкнутые щиты и, расталкивая толпу, с торжеством понесли по Дороге Процессий к храму, на изумление вавилонян. В погоню устремилась встревоженная Эрис. Под пение хвалебного гимна Харитам хохочущую Таис принесли ко входу в святилище Иштар и отпустили прежде, чем перепуганные служительницы богини успели захлопнуть решетку перед грозной воинской силой. Естественно, из посещения храма ничего не вышло. Гетера гадала, не разгневалась ли богиня? У Таис накапливались непрощенные грехи перед могучей владычицей персидской страны. На следующий день она пыталась жертвой и молитвой убедить богиню, что вовсе не смеет соперничать с нею, а поклонение мужей в обычае Эллады, где женская красота ценится превыше всего на свете... «Холмную Фтию Эллады, славную жен красотою» — вспомнился ей милый распев поэмы, тогда, в безмерно далеких Афинах...

Аргест — восточный ветер, пронесся над крышами старого города. Зашумели прибрежные аллеи, чуть слышно за-

плескалась вода на нижней ступеньке лестницы. Таис бросилась в темную воду ночной реки. Внезапно она услыхала другого пловца. Мерные четкие всплески сильного и умеющего хорошо плавать человека. Гетера нырнула, рассчитывая под водой выйти на середину стержня и, миновав его, вторым нырком уйти в заводь, где находилась тростниковая пристань и ждала ее терпеливая, как хищник, Эрис. В глубине вода оказалась прохладнее. Таис проплыла меньше, чем думала, поднялась на поверхность и выдохнула с протяжным меланхолическим стоном, как это делают ныряльщики Эллады и Крита. И услышала негромкое «Остановись, кто ты?» — сказанное с такой повелительной силой, что афинянка замерла. Этот голос... как будто негромкий, но глубокий и могучий, словно приглушенный рык льва... может ли это быть?!

— Что ты молчишь? Не вздумай нырять еще раз!

— Ты ли это, царь? Ты ночью один в реке? Это опасно!

— А тебе не опасно, бесстрашная афинянка? — сказал Александр.

— Кому я нужна? Кто будет искать меня в реке?

— В реке ты не нужна никому, это верно! — рассмеялся великий македонец. — Плыви сюда. Неужели только мы с тобой изобрели этот способ отдыха? Похоже!

— Может быть, другие просто хуже плавают, — сказала Таис, приближаясь на голос царя, — или... или боятся демонов ночи в чужой стране.

— Вавилон был городом древнего волшебства задолго до персидских царей. — Александр протянул руку и обнял за плечи прохладную гетеру. — В последний раз я видел тебя нагой лишь на симпозионе, где ты поразила всех амазонским танцем.

Таис перевернулась на спину и долго смотрела на царя блестевшими в свете звезд глазами, едва пошевеливая раскинутыми руками и забросив на грудь массу тяжелых, будто водоросли, черных волос. Александр положил на нее ладонь, источавшую теплую силу.

— Отпусти себя раз на свободу, царь, — помолчав, сказала Таис, в то время как течение реки сносило их к мосту.

— С тобой? — быстро спросил Александр.

— И только со мной. После поймешь почему...

— Ты умеешь зажигать любопытство.

— Одно лишь любопытство?

Завоеватель Азии ответил поцелуем, от которого оба ушли под воду.

— Плывем ко мне! — приказал Александр.

— Нет, царь! Ко мне! Я женщина и должна встретить тебя убранной и причесанной. Кроме того, за тобой во дворце слишком много глаз, не всегда добрых. А у меня — тайна!

— И ты сама тайна, афинянка! Так часто оказываешься ты права, будто ты мудрая пифия, а не покорительница мужчин!

Они вовремя отвернули от течения, несшего их на наплавной мост, и приплыли в тихую заводь, где Эрис, мечтавшая, глядя на звезды, вскочила с шипением и быстротой дикой кошки.

— Эрис, это сам царь — победитель! — быстро сказала гетера. Девушка опустилась на колени в почтительном поклоне. Александр отказался от предложенной накидки, пошел через проулок и сад не одеваясь и вступил в слабо освещенную переднюю комнату во всем великолепии своего могучего тела, подобный Ахиллу или иному прекрасному герою древности. Вдоль стен здесь по вавилонскому обычаю были пристроены удобные лежанки. Таис приказала обеим служанкам вытереть, умастить и причесать царя, что и было выполнено с волнением. Афинянка удалилась в свою спальню, бросила на широкое ложе самое драгоценное покрывало из мягкой голубой шерсти таврских коз и скоро явилась к царю во всем блеске своей удивительной красоты, в прозрачном голубом хитоне с бирюзовым венчиком-стефане в высоко зачесанных волосах, в берилловом ожерелье храма Кибелы.

Александр привстал, отстраняя За-Ашт. Гетера подала обеим рабыням знак удалиться.

— Ты хочешь есть? — спросила она, опускаясь на толстый ковер. Александр отказался. Таис принесла вычурную персидскую чашу с вином, разбавила водой и налила два походных потериона из зеленого кипрского стекла. Александр со свойственной ему быстротой поднял кубок, чуть сплеснув.

— Афродите! — тихо сказал он.

— Подожди, царь, одно мгновение! — Таис взяла с подноса флакон с пробкой из розового турмалина, украшенный звездой. — Это мне, — шепнула она, отливая три капли в свое вино, — а это тебе — четыре...

— Что это? — без недоверия, с любопытством спросил македонец.

— Дар Матери Богов. Она поможет тебе забыть на сегодня, что ты — царь, владыка и победитель народов, снимет бремя, которое ты несешь с той поры, как снял щит Ахилла в Трое!

Александр пристально посмотрел на Таис, она улыбнулась ему с тем неуловимым оттенком превосходства, который

всегда привлекал царя. Он поднял тяжелый стеклянный сосуд и без колебаний осушил жгучее и терпкое питье. Таис налила еще, и они выпили во второй раз.

— Отдохни немного! — Таис повела Александра во внутреннюю комнату, и он растянулся на необычной для женщины постели, с тюфяком, сшитым из шкур леопардов.

Таис села рядом, положив горячую ладонь на его плечо. Оба молчали, чувствуя неодолимость Ананки, привлекавшей их друг к другу.

Таис испытала знакомое ей ощущение пламени, бегущего вверх по ее спине, растекающегося по груди и животу. Да, это было то страшное зелье Реи-Кибелы! На этот раз она не испугалась.

Стук собственного сердца отозвался в голове гетеры ударами дионисийских бубнов. Ее сознание начало раздваиваться, выпуская на свободу иную Таис, не человеческое существо, а первобытную силу, отдельную и в то же время непостижимо слитую со всеми, до крайности обостренными, чувствами. Таис, застонав, выгнулась дугой и была подхвачена мощными руками Александра, глаза которого, как у льва, бросившегося на добычу, вспыхнули почти физически ощутимым пламенем...

...Сквозь глухое покрывало сна Таис слышала неясный шум, сдержанные восклицания, удаленный стук. Медленно приподнялся на локте, открывая глаза, Александр. Голоса слышались все громче. Леонтиск, Гефестион, Черный Клейтос — гетера узнала их всех. Друзья и охранители царя замерли на пороге, не смея войти в дом.

— Гефестион! — зычно позвал вдруг Александр. — Скажи всем, чтобы шли к воротам. И ты тоже! Не сметь тревожить меня, хотя бы Дарий шел к городу!

Торопливые шаги по лестнице были ответом.

Александр повернулся к Таис, погружаясь в ее широко раскрытые глаза, и с прежним неистовством поцеловал ее распухшие губы.

...Великий полководец опомнился лишь поздно вечером. Он потянулся, глубоко вздохнув, потряс головой, еще наполненной небывалыми впечатлениями. Таис выскочила из комнаты и вернулась с охапкой одежды, которую молча положила перед царем.

— Моя! — с удивлением воскликнул Александр. — Кто привез?

— Они! — коротко ответила Таис, молчаливая и сосредоточенная, подразумевая примчавшихся на взмыленных конях

друзей македонца, носившихся по всему городу в поисках своего царя.

Эрис и За-Ашт успели рассказать ей о страшном переполохе, поднявшемся поутру, когда Александр не вернулся с купания.

— Как же сумели разыскать меня тут? — недоумевал Александр.

— Это Леонтиск. Он знал, что я купаюсь по ночам в Евфрате, услыхал, что ты тоже плаваешь в реке, и, сопоставив два, получил единое...

Александр негромко рассмеялся. Голос плохо слушался его, и он оборвал смех.

— Ты опасна, афинянка. Твое имя и Смерть начинаются с одной и той же буквы. Я чувствовал, как легко умереть в твоих объятиях. И сейчас я весь очень легкий и как будто прозрачный, без желаний и забот. Может быть, я — уже тень Аида?

Таис подняла тяжелую руку царя, прижимая ее к своей груди.

— О нет, в тебе еще много плоти и силы! — ответила она, по обыкновению опускаясь на пол к его ногам.

Александр долго смотрел на нее и наконец сказал:

— Ты — как я на поле битвы. Та же священная сила богов наполняет тебя... божественное безумие усилий. В тебе нет начала осторожности, сберегающего жизнь...

— Только для тебя, царь!

— Тем хуже. Я не могу. Один раз я позволил себе побыть с тобой, и сутки вырваны из моей жизни начисто...

— Я понимаю, не говори ничего, милый, — впервые Таис назвала так царя, — бремя Ахиллова щита!

— Еще! Бремя задумавшего познать пределы ойкумены.

— Помню и это, — печально сказала Таис. — Я больше не позову тебя, хоть и буду здесь. Только и ты тоже не зови. Цепи Эроса для женщины куются быстрее и держат крепче. Обещаешь?

Александр встал и как пушинку поднял Таис. Прижав к широкой груди, он долго держал ее, потом вдруг бросил на ложе. Таис села и, опустив голову, стала заплетать перепутавшиеся в диком беспорядке косы. Внезапно Александр нагнулся и поднял с ложа золотую цепочку со звездой и буквой «мю» в центре.

— Отдай мне, на память о том, что случилось, — попросил царь. Гетера взяла свой поясок, задумалась, затем, поцеловав украшение, протянула Александру.

— Я прикажу лучшим ювелирам Вавилона в два дня сделать тебе другую. Из драгоценного зеленого золота со звездой о четырнадцати лучах и буквой «кси».

— Почему кси? — недоумевающе вскинулись длинные ресницы Таис.

— Запомни. Никто не объяснит тебе, кроме меня. Древнее имя реки, в которой мы встретились, — Ксаранд. В Эросе ты подобна мечу — ксифосу. Но быть с тобой мужу — эпи ксирон эхестай — как на лезвии бритвы. И третье: кси четырнадцатая буква в алфавите...

Глаза афинянки опустились под долгим взглядом царя, а побледневшие щеки залились краской...

— Посейдон-земледержец! Как я хочу есть! — сказал вдруг Александр, улыбаясь притихшей гетере.

— Так идем! Все готово! — встрепенулась афинянка. — Потом я провожу тебя до южного дворца. Ты поедешь на Боанергосе, я — на Салмаах...

— Не надо. Пусть едет со мной один из твоих стражей-тессалийцев.

— Как тебе угодно! — покорно ответила гетера.

Уединившись в своей спальне, Таис вышла лишь к вечеру и приказала Эрис принести киуры, еще из запасов, которые они сделали с незабвенной Эгесихорой в Спарте. Эрис принесла плоскую каменную ступку и стала помогать госпоже в приготовлении опасного настоя. Синие глаза черной жрицы, не гармонировавшие с темной кожей и суровыми бровями, внимательно разглядывали запавшие щеки, распухшие губы, синие подглазья госпожи.

Неожиданно Эрис протянула руку и слегка коснулась горячими пальцами запястья афинянки.

— Не трави себя, госпожа, — сказала черная жрица.

— Что ты знаешь об этом? — грустно и убежденно ответила гетера. — Когда бывает так, то Гея неумолима. А я не имею права позволить себе дитя от будущего владыки ойкумены.

— Почему, госпожа?

— Кто я, чтобы родившийся от меня сын стал наследником великой империи? Кроме плена и ранней смерти, он ничего не получит от судьбы, игравшей всеми, кто таит думы о будущем, все равно — темные или светлые.

— А девочка?

— Нельзя, чтобы божественная кровь Александра испытала жестокую судьбу женщины!

— Но дочь должна быть прекрасной, как сама Афродита!

— Тем хуже для нее...

— Не опасайся, госпожа, — меняя тон, твердо сказала Эрис. — У тебя ничего не будет. И не пей киуры.

— Как ты можешь знать?

— Могу и знаю. Все мы посвящены в древнее знание Кибелы о тайне влияния Луны на зачатие человека. От нее зависит все в женском теле. Когда луна находится среди определенных звезд, в одном из своих обликов, тогда все позволено, а зачатия не произойдет. Ты встретилась с царем как раз в такое время...

— Почему же мы, обучаемые всей мудрости женского искусства, не знаем этого? — изумленная Таис даже привскочила.

— Потому что знание это — тайное. Нельзя освободить женщину от власти Геи-Кибелы, иначе прекратится род человеческий. Считают грехом пользоваться знанием чар Луны только себе в угоду. Но мы, служительницы Кибелы, должны знать...

— Иначе все бы вы ходили беременными, — улыбнулась Таис, — я поняла. Но может быть, ты откроешь мне эту тайну?

— Тебе можно. Ты служишь другой богине, но цели ее те же, что у Великой Матери. Однако пока я с тобой, я всегда скажу тебе, какие дни будут без последствий.

— Пока ты со мною. Но когда тебя не будет...

— Я буду с тобой до смерти, госпожа. Умирая, расскажу тебе все...

— Кто собирается умирать? — прозвенел веселый голос.

Таис, взвизгнув от радости, бросилась навстречу Гесионе.

Женщины обнялись и долго не размыкали рук. Каждая ждала этой встречи, после того как разошлись в противоположные стороны пути всадницы Таис и морехода — Гесионы.

Афинянка потащила подругу на солнечный свет веранды. «Рожденная змеей», как некогда прозвала ее ревнивая Клонария, очень похудела, обветрилась, остригла волосы, как наказанная за неверность жена или беглая рабыня.

— На кого ты стала похожа! — воскликнула Таис — Неарх возьмет другую здесь, в Вавилоне, полном обольстительниц.

— Не возьмет, — с такой уверенностью и спокойствием ответила фиванка, что гетера почувствовала — действительно не возьмет.

— Ты вся так почернела? Распусти застежки! — засмеялась афинянка. Гесиона, послушная как прежде, обнажилась до пояса. Ее коричнево-загорелые груди, по-прежнему твер-

дые, вызывающе поднятые кверху в той же пленительной красоте юного тела, сразу сказали Таис, что с подругой ничего плохого не произошло. Кивнув головой, она поцеловала Гесиону и, вдруг почувствовав ужасный голод, увлекла гостью за стол. — Надолго? — спросила гетера, ласково гладя загрубевшую руку «рожденной змеей».

— Надолго! Неарх после победы у Гавгамелы устроит здесь верфь и стоянку кораблей. Будет плавать к Арабии, но ненадолго и без меня. Как хорошо, звезда моя! Победа, окончательная!

— Не все кончено с Персией... а потом, насколько я понимаю Александра, предстоит еще долгий поход до края ойкумены. Мы с тобой не пойдем туда, останемся где-нибудь здесь.

— Мне не нравится Вавилон! Обветшалый город былой славы. Осыпавшиеся стены, давно не знавшие восстановления дворцы и храмы! И мне еще не нашли жилья!

— С Неархом?

— Неарх будет жить около кораблей, приезжая сюда.

— Тогда поселись у меня. Места достаточно.

— Таис, филэ, лучшее, о чем я могла думать: найти тебя и жить с тобой!.. У меня пока нет и городской служанки.

— Найдется. У меня они тоже не вавилонские, а издалека.

— Очень интересна эта, черная. Как ее зовут?

— Эрис.

— Жуткое имя: богиня раздора из темного мира.

— У них у всех такие имена. Она ведь бывшая жрица, как и ты, только павшая, а не плененная. Служила куда более грозной Матери Богов. Я расскажу тебе о ней потом, сначала мне надо узнать о вашем плавании.

— Хорошо... знаешь, у Эрис странные глаза.

— А, ты заметила!

— *Мне показалось, что в ней вся женская глубина, темная, как в мифической древности, и жадная к новому и прекрасному, как в Элладе!*

— И сила! Но довольно о рабыне, рассказывай о себе.

Повествование Гесионы не затянулось. Все было куда проще, чем у Таис. Вначале она сопутствовала Неарху до верхнего течения Евфрата, где были устроены спешные заготовки леса для кораблей. Затем они объехали несколько городов Сирии, всюду, где можно было найти запасы сухого, выдержанного дерева. Бесчисленные обозы свозили дерево к «царской дороге», той самой, которую пересекала Таис из Эфеса в Сузу. По этой дороге лес везли, а по реке сплавляли

до нижней переправы через Евфрат. Там Неарх устроил верфи для боевых судов.

— Подумать только! Я проплывала мимо них, ночью, — воскликнула Таис, — и не подумала о тебе!

— А меня и не было уже там. После вести о великой победе Неарх поплыл вниз, и мы с ним побывали у самого слияния обеих рек, там, где болота занимают громадное пространство. Туда, наверное, придется ехать еще раз, а это очень плохое место...

— Кто же направил тебя сюда, в Лугальгиру?

— Твой герой — тессалиец Леонтиск. Как он влюблен в тебя, милая Таис!

— Знаю и не могу ему ответить тем же. Но он согласен на все, лишь бы быть около меня.

— На эти условия согласятся еще тысячи мужчин. Ты все хорошеешь и, пожалуй, никогда еще не была столь красива.

К великому удивлению Гесионы, Таис разрыдалась.

В большом тронном зале южного дворца из темно-синих глазурованных кирпичей с орнаментом в виде желтых столбиков Александр председательствовал на совете военачальников. Только что прибывший Птолемей, едва успев смыть пот и пыль знойной дороги, доложил о сокровищах, захваченных в сдавшейся без боя Сузе. Помимо серебра, золота, драгоценного вооружения в Сузе хранились статуи, вывезенные Ксерксом из разграбленной им Эллады, и особенно афинская бронзовая группа тираноубийц — Гармодия и Аристогейтона. Александр велел немедленно отправить скульптуру в Афины. Эта пара мощных воинов, делающих совместный шаг вперед, подняв мечи, на тысячелетия вперед будет вдохновлять скульпторов как символ боевого братства и вдохновенной целеустремленности.

Птолемей оставил сокровища на месте, под охраной всего своего отряда, слишком малочисленного, чтобы сражаться в открытой степи, но достаточного, чтобы защитить добычу в укрепленном городе. Пятьдесят тысяч талантов лежало в Сузе — столько серебра рудники на родине Александра могли добыть разве за полвека. Но, по сведениям персов, главная газафилакия — казна персидской державы — собрана в области Парсы, в столице царей Ахеменидов того же имени, названной греческими географами Персеполисом. Больших скоплений войск в Парсе нет, Дарий пока находится на севере.

Александр действовал как всегда молниеносно. В семидневный срок он приказал собраться лучшим отрядам конницы, а пехоте через три дня выступать на Сузу. Обозы с продовольствием отправить немедленно. Главные силы и весь обоз под командой Пармения должны были идти следом не спеша. По уверению вавилонян, жара спадет через несколько дней. В знойных долинах Сузы и Парсы и, затем, прохладная зима — лучшее время походов. Корма для коней и воды везде вдоволь. Александр настрого приказал оставить в Вавилоне всю многотысячную массу сопровождающих армию артистов, художников, женщин, слуг и торговцев. Никто не смел следовать за передовым отрядом. Только после выхода в путь главных сил и обозов Пармения неизбежные спутники войска получали право двигаться на Сузы и Персеполис.

После совещания Александр отправился в храм Мардука, где жрецы древних богов Вавилона устроили в его честь священное действо. Великий победитель сидел на почетном троне рядом с верховным жрецом, не старым еще человеком с длинной и узкой, тщательно ухоженной бородой.

Процессия жриц в красных одеяниях, настолько легких, что малейшее дуновение взвивало их над плечами наподобие вспышек прозрачного огня, несли на головах золотые сосуды, из которых струились столбики ароматных голубых дымков.

Александр, суровый и неподвижный, предавался каким-то нерадостным думам. Верховный жрец поманил молодого служителя храма, хорошо говорившего на койне, чтобы переводить.

— Победитель царей, обрати благосклонный взор на ту, что идет впереди, неся серебряное зеркало. Это дочь знатнейшего рода, более благородного, чем Ахемениды. Она изображает Шаран — приближенную богини Иштар.

Александр еще раньше заметил высокую девушку с удивительно белой кожей и змеистыми тонкими черными косами почти до пят. Он кивнул жрецу, отвлекаясь от дум, и тот улыбнулся вкрадчиво и многозначительно.

— Скажи слово желания, о победитель и владыка! Она этой же ночью будет в час летучей мыши ожидать тебя на роскошном ложе славы Иштар в верхних комнатах храма. Тебя приведут... — Жрец умолк, увидев отрицательный жест Александра. — Неужели любовь благородной служительницы Иштар не привлекает тебя? — помолчав, сказал жрец, обманувшийся в своих чаяниях.

— Не привлекает! — коротко ответил македонец.

— Прости, о владыка, если осмелюсь спросить запретное по неведению твоих божественных путей... — Жрец умолк в нерешительности, и переводчик остановился, будто споткнувшись.

— Продолжай, я не наказываю за неудачные слова, — сказал Александр. — Мы с тобой из разных народов, тем важнее понять друг друга.

— Говорят, единственная женщина, которую ты здесь избрал, — это афинская блудница. Неужели ничего не значит для тебя знатность, целомудрие, освященное божеством?

— Та, о ком говоришь ты, не блудница в вашем понимании, то есть не доступная любому за определенную плату женщина. В Элладе все свободные женщины разделяются на жен, хозяек дома и матерей, с другой стороны — гетер, подруг. Гетера знает много разных искусств: танца, пения, умения одеться, развлечь разговором, стихами, может руководить пирушкой-симпозионом. Гетеры окружены художниками и поэтами, черпающими вдохновение в их красоте. Иначе говоря, гетеры дают мужу возможность приобщиться к красоте жизни, стряхнуть с себя однообразие обычных дел.

— Но ведь они берут деньги и отдаются!

— И немалые деньги! Искусство и долгое обучение стоят много, врожденный талант — еще больше, и мы это хорошо понимаем. А в выборе мужчин гетера свободна. Может отдать себя за большую цену, может отказать, может не взять никакой цены. Во всяком случае, Таис нельзя заполучить на ложе так, как ты предлагаешь свою «целомудренную» Шаран.

Жрец быстро опустил глаза, чтобы не выдать вспышки гнева. Разговор прервался, и Александр до конца действа остался неподвижен и безразличен, как и вначале.

Всю неделю, до выхода конных сил, Таис убеждала Птолемея взять ее в поход. Птолемей пугал гетеру невероятными опасностями пути через неведомые горы, населенные дикими племенами, трудностью непрерывного марша с излюбленной Александром быстротой, ненужностью всех этих тягот. Она сможет поехать с удобствами в обозах Пармения. Таис считала, что хоть одна женщина-афинянка должна присутствовать при захвате священной и недоступной столицы тех, кто разорил Элладу и продал в рабство десятки тысяч ее дочерей. Мужи, они сами по себе и за себя, а из жен лишь она одна способна совершить этот поход, закалившись в пути и обладая великолепным конем.

— Для чего ты подарил мне иноходца? — спрашивала она лукаво и задорно.

— Не о том я мечтал! — сердился Птолемей. — Все получилось не так... впереди не предвидится конца походу.

— Разве Александр не будет зимовать в теплой Парсе?

— Так ведь «зима» здесь два месяца! — ворчал Птолемей.

— Чем ты больше славишься как военачальник, тем становишься несговорчивей. Скажи лучше, что боишься гнева Александра!

— Приятного мало, когда он загорается яростью...

Таис задумалась и вдруг оживилась:

— Я поеду с тессалийской конницей. Там есть друзья, и они укроют от глаз Александра. А Леонтиск, их начальник, — только воин, не полководец, и не боится ничего и никого! Решено, ты ничего не знаешь, а встречу с Александром в Персеполисе я беру на себя...

Птолемей в конце концов согласился. Гораздо труднее удалось Таис уговорить Эрис остаться без нее в Вавилоне. Она была готова бежать за конницей — немыслимое предприятие, которое погубило бы все дело.

На счастье, Гесиона подружилась с Эрис. Две бывшие жрицы нашли, должно быть, общее друг в друге. С помощью фиванки мрачное упорство Эрис было преодолено. Гесиона обещала приехать к подруге, если она останется в Персеполисе, и привезти с собой обеих рабынь и Салмаах. «Рожденная змеей» с прежним наслаждением каталась на кобыле и даже танцевала с ней, хотя и не столь искусно, как Таис.

Гетера тщательно собиралась под руководством Леонтиска и своего старого приятеля лохагоса, ныне вступившего в строй во главе своей сотни — именно той, с которой ехала Таис. Путь предстоял немалый — пять тысяч стадий отделяли Вавилон от Персеполиса, через болота, горы, плоскогорья и ущелья.

Если бы афинянка не проехала на своем иноходце еще большее расстояние, может быть, ускоренный поход такой дальности и устрашил бы ее. Но сейчас она нисколько не колебалась и ни о чем не тревожилась, когда поздним осенним рассветом поцеловалась с Гесионой, обняла безмолвную Эрис, и Боанергос, высоко расстилая по ветру черный хвост, понесся по пустынным улицам Вавилона, чтобы присоединиться к отряду тессалийцев за воротами Ураша по дороге в Ниппур.

Глава одиннадцатая
РОК ПЕРСЕПОЛИСА

Суза, построенная на холмах, с центральной высокой частью наподобие Акрополя Афин, пробудила в Таис желание хотя бы один день подышать благословенным воздухом Эллады, взойти на мраморные лестницы храмов, укрыться от солнца в афинских галереях — стоях, продуваемых чистым дыханием моря. Еще больше напоминали о прошлом праздничество и бег с факелами, разрешенные Александром несмотря на его нетерпение двигаться дальше, на юг. Александру необходимо было прийти к Персеполису раньше, чем Дарий успел бы подвести туда войска для отражения передовых сил македонцев и спасения казны. И полководец показывал пример неутомимости в седле и пешем походе, покидая коня, чтобы пройти один-два парасанга рядом с пехотинцами.

Когда слева, на востоке, показались покрытые снегом горные пики, а долины стали более крутыми и изрезанными, македонцы столкнулись с яростным сопротивлением персидских войск. На перевале, с обеих сторон стесненном крутыми склонами, называемом Воротами Парсы, войско Александра задержала наскоро возведенная каменная стена. Атаки македонцев персы отразили одну за другой. Александр остановился. Верхняя короткая дорога оказалась непроходимой.

Великий полководец отправил Филотаса с частью войска по нижней дороге, чтобы захватить переправу и навести мосты через реку Аракс — последнее крупное препятствие на подходе к Персеполису.

Сам Александр, благодаря дружескому отношению местных горных племен, которых он не тронул и даже простил им первое нападение на македонцев, прошел горными тропами с гетайрами, тессалийской конницей, агрианами и критскими лучниками в тыл отряду, оборонявшему ворота Парсы. Атакованные с двух сторон, персы разбежались. Путь к реке лежал открытым.

Таис, вместе с двумя сотнями тессалийских конников, попала в отряд Филотаса, подвергшийся нападению невесть откуда взявшейся азиатской конной орды. Македонцы сначала даже не поняли, с кем имеют дело.

В предрассветном сумраке Таис въехала на бугор в сопровождении лохагоса и второго сотника. Они остановились, увидев расстелившуюся впереди равнину. Вдруг обоих сотников точно сдуло ветром. Они поскакали вниз, призывая боевыми воплями свой отряд от подножия холма. Не

сразу заметила афинянка орду полуголых всадников, бешено мчавшихся по серой сумеречной равнине. Лошади расстилались среди зыблющейся травы, мчась бок о бок, плотной лавиной. Их серые контуры казались волнами на реке, поднявшейся в половодье, среди клонящейся под ветром высокой сухой травы.

Страх закрался в мужественное сердце гетеры. Призрачная орда, молча несущаяся навстречу македонцам... Не были ли то выходцы из подземных далей Аида, воскрешенные колдовством здешних жрецов — магов?

Навстречу грозному потоку всадников ринулись конники Александра. Дикий вой, поднявшийся к небесам, отрезвил Таис. Как бы отвечая на вопль, слева, из-за гор, вспыхнули лучи рассвета, озаряя вполне реальное побоище. Тессалийцы бросились к востоку, отрезая азиатов от гор, справа ударили агриане, а в стиснутую этими клещами середину вклинилась пехота с гигантскими копьями-сариссами в 14 локтей длины. Бой окончился, как все схватки конных сил, очень быстро. С криками злобы и ужаса нападавшие понеслись обратно, наградив македонских воинов множеством превосходных, хотя и плохо объезженных низийских лошадей.

Больше до самого Аракса никто не встретился на пути отряда. Мосты наводились с диким рвением. Все знали, что Александр не замедлит явиться, как только покончит с заградительными силами.

Задержка оказалась продолжительней, чем ожидали Филотас и Кенос. Мосты были готовы, а войско с Александром не подходило. Как выяснилось, битва на горной дороге превратилась в массовое избиение. Гонимые беспощадными врагами, персы низвергались с крутых обрывов в загроможденные камнями русла речек. Некоторые сами бросались со скал, предпочитая вольную смерть рабству или мучительной гибели от мечей и копий.

Александр не ожидал столь упорного сопротивления и озлобился. Однако когда полководец ночью подъехал к реке и увидел, что все приготовлено к переправе, у мостов горят факелы, а передовой отряд стоит на том берегу, ожидая приказаний, Александр смягчился. Он велел переправляться гетайрам, тессалийцам и агрианам немедленно. Александр выехал на верном Букефале (он не сражался на нем в горном проходе, а брал более легкую, привыкшую к крутым горам лошадь) на высокий берег Аракса, чтобы проследить за переправой и построением отрядов. Внимание Александра привлек всадник маленького роста, закутанный в темный плащ, на длиннохво-

стом и долгогривом коне. Он, так же как и царь, следил за переходившими мосты воинами, одинокий и неподвижный. Александр, по всегдашнему своему любопытству, подъехал к маленькому всаднику и властно спросил: кто ты?

Всадник откинул плащ, открыв закрученные вокруг головы черные косы, — это была женщина. Александр с удивлением стал всматриваться в ее плохо различимое в темноте лицо, стараясь угадать, кто же это мог очутиться здесь, в пяти тысячах стадий от Вавилона и трех тысячах от Сузы?

— Ты не узнал меня, царь?

— Таис! — вне себя от удивления воскликнул Александр. — Зачем? Как? Я приказал всем женщинам остаться в Вавилоне!

— А я не все женщины, — спокойно возразила гетера. — Я — твоя гостья, царь. Ты забыл, что трижды приглашал меня, в Афинах, в Египте и Тире?

Александр угрюмо промолчал. Поняв его, афинянка добавила:

— Не думай обо мне плохо. Я не желаю пользоваться встречей на Евфрате и не бегу за тобой, чтобы вымолить какую-нибудь милость.

— Тогда зачем же ты пустилась в столь трудный и опасный путь?

— Прости, царь! Мне хотелось, чтобы хоть одна эллинская женщина вошла в сердце Персии с победоносными воинами наравне, не влачась в обозах среди добычи, запасов и рабов. У меня великолепный конь, ты знаешь, я хорошо езжу. Прими меня здесь только с этой целью.

Не видя лица Александра, Таис ощутила перемену его настроения. Ей показалось, что царь улыбается.

— Что же, гостья, — совсем иным тоном сказал он, — поедем, пора!

Букефал и Боанергос спустились с откоса. До рассвета Таис ехала около Александра, пустившего Букефала широкой рысью, пренебрегая усталостью своих воинов, считавших, что божественный полководец не поддается человеческой слабости. Горы понижались от реки и на юго-востоке расступались в широкую равнину. Легендарная и неприятная для каждого эллина Парса ложилась под копыта македонской конницы. Леофорос — так звали эллины удобную дорогу, приспособленную для тяжелых повозок, — вел к заветному Персеполису, самой большой газафилакии Персии, священному месту коронаций и тройных приемов Ахеменидской династии.

Рассвело, когда македонцы увидели на дороге толпу пожилых людей в несколько сотен человек с зелеными ветками — в знак мира и преклонения. Шли эллины, захваченные в плен или уведенные обманом для работы в столице Персии, искусные ремесленники и художники. К ярости и негодованию македонского войска, все без исключения эллинские мастера были жестоко и намеренно искалечены. У одних отрублены ступни, у других — кисти левых рук, у третьих обрезали носы или уши. Калечение людей производилось с расчетом, чтобы они могли выполнять работу по своему умению, но не могли бежать на родину в столь жалком или устрашающем виде.

У самого Александра навернулись слезы негодования. Когда калеки, упав перед его конем, просили о помощи, Александр спешился. Подозвав к себе нескольких безносых предводителей толпы, он сказал, что поможет им немедленно возвратиться домой. Вожаки посоветовались и, вновь подойдя к терпеливо ожидавшему Александру, стали просить о позволении поселиться всем вместе по их выбору. Там изуродованные не будут предметом насмешек и жалости, как если бы они разъехались по родным местам. Александр одобрил их решение, велел идти навстречу главным обозам Пармения и далее в Сузу, где каждому выдадут по три тысячи драхм, по пяти одежд, по две запряжки волов, 50 овец и 50 мер пшеницы.

Со счастливыми криками, славя царя, калеки двинулись дальше. Александр понесся к самому ненавистному городу Азии, как он назвал Персеполис.

— Я сосчитал их, — сказал Птолемей, неожиданно выехав с боковой дороги, — около тысячи человек! Изуродовать такую массу людей, искусных мастеров, — как могли персы разрушать с такой злобой красоту человеческого тела?

— Как они могли разрушить прекрасные Афины — храмы, стои, фонтаны? Зачем? — спросила Таис.

Александр искоса глянул на Птолемея:

— Что тут ответит мой лучший наблюдатель стран и государств?

— Очень просто, великий царь! (Непривычное титулование не ускользнуло от гетеры.) Очень просто, — повторил Птолемей, — прекрасное служит опорой души народа. Сломив его, разбив, разметав, мы ломаем устои, заставляющие людей биться и отдавать за родину жизни. На изгаженном, вытоптанном месте не вырастет любовь к своему народу, воинское мужество и гражданская доблесть. Славный деяниями

народ обращается в толпу оборванцев, жаждущих лишь набить брюхо и выпить вина!

— Отлично, друг! — воскликнул Александр. — Ты разве не согласна? — обратился он к упрямо помотавшей головой гетере. Таис вспыхнула от прямого обращения царя к ней.

— Птолемей прав, как обычно, но не со всех сторон, тоже как обычно. Ксеркс прошел с разрушениями и пожарами через всю Аттику и сжег Акрополь Афин. На следующий год его сатрап Мардоний зажег Афины снова, то, что уцелело от Ксеркса. Птолемей прав — Мардоний жег и разрушал прежде всего храмы, стои и галереи скульптур и картин. Но мои соотечественники не восстановили ничего заново. Обрушенные стены, почерневшие колонны, разбитые статуи, даже головешки пожарищ остались до той поры, пока персы не были изгнаны из Эллады. Эллины поклялись, что черные раны на нашей прекрасной земле будут укреплять их ненависть и ярость в боях с азиатскими завоевателями. И битва при Платее сокрушила их — через долгих тридцать лет! И стали Перикл, Аспазия, Фидий и Парфенон!

— Ты хочешь сказать, что не только само прекрасное, но и лицезренье его поруганья укрепляет душу в народе? — спросил Александр.

— Именно так, царь! — ответила Таис. — Но только если народ раньше накопил, сотворил красоту своей земли и видел сам ее разрушение, понимая, что случилось!

Александр погрузился в молчание.

Лошади, будто предчувствуя близкий конец пути, приободрились и резво бежали по дороге, спускавшейся все ниже в густой лес. Толщина древних дубов указывала, что лес истари был заповедным, защищая равнину Персеполиса от северных ветров. Дальше пошли возделанные поля, заботливо орошенные горными ручьями. Мирные земледельцы, скорее всего — рабы царских хозяйств, вспахивали землю на могучих черных быках огромного размера, апатичных и медлительных, с рогами, загнутыми вовнутрь. Македонцы уже познакомились с этими животными, их необыкновенно жирным молоком и вкусным мясом. Далеко впереди, на плоской равнине, как бы плавали над землей белые дворцы Персеполиса. Даже с большого расстояния нестерпимо сверкали на солнце их крыши из чистого серебра.

Пехотинцы и лучники перешли на бег, из последних сил стараясь не отстать от конницы. Войско развернулось широким фронтом. Разбившись на маленькие отряды, македонцы пробирались среди садов, оросительных канав и бедных домов

городской окраины. Жители с ужасом и криками прятались где попало, ворота запирались или оставались распахнутыми в испуге бегства. Александр знал, что его план внезапного захвата Персеполиса удался. Никто не подозревал о спешном подходе крупных македонских сил. Поэтому он не построил плана сражения и боевого порядка, предоставив инициативу начальникам отрядов и даже сотникам. Сам он, с наиболее выносливыми гетайрами и тессалийцами, поскакал к сокровищнице, прежде чем ее хранители могли что-либо предпринять для сокрытия серебра, золота, драгоценных камней, пурпурной краски и благовоний.

Пока в вишневых и персиковых садах пехотинцы вступали в бой с наскоро сбежавшимися воинами слабой персидской охраны города, покрытые грязью от пота и пыли всадники ринулись к стоявшим на высоких платформах дворцам. Легкие, белые, покрытые тонкими бороздками колонны по сорок локтей высоты стояли целым лесом, скрывая таинственное обиталище персидских владык. В северном углу дворцовой платформы лестница, ведшая в ворота Ксеркса, защищалась лучниками и отрядом избранной царской охраны «Бессмертных» в сверкающей позолотой броне. Большая часть этих храбрых воинов погибла при Гавгамеле, часть ушла с Дарием на север. Оставшиеся в Персеполисе смогли оказать лишь короткое сопротивление бешеному напору отборнейшей македонской конницы. Не успели опомниться дворцовые служители, как копыта коней затопали, проскочив незапертые ворота Ксеркса с их огромными изваяниями крылатых быков. Яростные кони влетели на огромную северную лестницу, ведшую с плит платформы через портик из 12 круглых колонн в ападану — Залу Приемов, квадратное помещение в 200 локтей по каждой стене, высокая крыша которого была подперта массивными квадратными колоннами, стоявшими правильными рядами по всей зале, как и во всех других гигантских залах персеполисских дворцов.

Спешившись, Александр остался в прохладной ападане, в то время как Птолемей, Гефестион, Филотас разбежались во главе своих воинов по залам в поисках сокровищницы, разгоняя во все стороны перепуганных мужчин и женщин дворцовой прислуги. Они достигли отдельно стоявшей в восточной части дворцов сокровищницы, через тройной пилон и южный фасад, обращенный к равнине. Там, в залах «Ста Колонн», «99 колонн» и запутанных коридорах восточного угла дворцовой платформы, размещалась знаменитая газафилакия. Последний короткий бой македонцы выдержали в

узком проходе между сокровищницей и южным дворцом. Герой сражения в Персидских Воротах Кратер в это время успел захватить помещения для стражи, расположенные рядом с сокровищницей за Тронным Стоколонным залом. Через несколько минут царские казначеи в ападане, на коленях, протягивали Александру хитроумные ключи, с помощью которых отпирались двери комнат с казной. Опечатанные, с надежной охраной, они перешли во владение великого полководца.

Вымотанные до предела, македонцы повалились отдыхать тут же, в залах дворцов, поручив лошадей дворцовой прислуге. Воины не имели сил даже для грабежа. Александр не хотел трогать местных жителей, по примеру Сузы, хотя Персеполис не сдался и не выслал заранее парламентеров. Оправданием служило внезапное появление македонцев, ворвавшихся в город, когда решать что-либо было уже поздно.

Леонтиск и Кратер объехали площади и главные улицы, расставляя стражу, — предосторожность не излишняя, так как в городе могли затаиться немалые отряды вражеских воинов. От усталости македонцы не могли есть, а пить вино опасались. Воины лежали как попало, в тени деревьев и стен, на вытащенных на улицы коврах, одеялах, тюфяках и циновках, отобранных у жителей.

В это сонное царство вступила Таис, дожидавшаяся в загородном саду с небольшой охраной. По условию, она подъехала к западной лестнице на платформе, где служители дворца усердно смывали кровь, обильно растекавшуюся по белым ступеням. Трупы погибших в неравном бою «Бессмертных» были уже убраны, но резкий запах крови еще стоял в предзакатном безветрии. Эту ночь Таис провела в богатом доме бежавшего царедворца, где рабы и рабыни со страхом старались исполнить любые желания чужеземки, усталой, черной от солнца и пыли, казавшейся им грозной, несмотря на красоту и небольшой рост. Может быть, страху прибавили выразительные жесты Леонтиска и Птолемея. Они показали, что за один волосок из густых кос гетеры будут немедленно убиты все обитатели дома и все их потомство до последнего щенка. Немало опасений внушал и отряд конников, расположившийся на отдых в саду, а своих лошадей устроивших не только в опустелых конюшнях, но и в доме. Водворив сюда Таис, оба македонских военачальника исчезли. Таис почувствовала себя одинокой перед целой толпой слуг, брошенных хозяевами на произвол судьбы, но добросовестно сохранявших их имущество. Таис первым делом потребовала ванну и пошла в большое

круглое помещение, заткнув кинжал за пояс коротенького хитониска. Там встретила ее рабыня, гречанка из Ионии, заговорившая на понятном Таис диалекте. Она взялась опекать эллинскую женщину, примчавшуюся в сердце Персии вместе с непобедимым войском страшных завоевателей. После ванны она старательно растерла все тело гетеры и особенно загрубевшие, покрытые ссадинами колени, смазала каким-то коричневым, резко пахнущим составом.

Она объяснила, что это драгоценное лекарство дороже серебра. Его собирают в пустынных горах за Персеполисом, где оно встречается натеками на голых скалах.

— Может быть, это горючее зеленое масло? — спросила Таис.

— Нет, госпожа. Горючего масла сколько угодно на востоке и севере, на берегах Гирканского моря. А это — редкостный дар Геи, имеющий силу излечивать все, особенно раны. Увидишь, что завтра все твои царапины исцелятся.

— Благодарю тебя. Приготовь на завтра этот состав для лечения ран моих друзей, — сказала Таис. В схватке у ворот получили легкие раны Птолемей и старый лохагос.

Рабыня согласно закивала, заворачивая Таис в редкую ткань, чтобы не остудить после растирания, и кликнула двух служанок, которые стали расчесывать гребнями слоновой кости блестящие после мытья черные волосы афинянки. Таис уже ничего не чувствовала. Она крепко спала, запрокинув голову и чуть приоткрыв небольшой рот с детской верхней губой. Грозная завоевательница превратилась в усталую девчонку.

Старая рабыня, едва чесальщицы кончили свое дело, укрыла эллинку с нежностью, как собственную дочь.

На следующий день Александр, чистый и свежий, как юный бог Эллады, в золотой броне, принял кшаттру, или, по-гречески, сатрапа Парсы, и его приближенных вельмож в Тронном зале Дариева Дворца, совсем недавно занятом несчастным «царем царей». Персы принесли списки находившегося в городе ценного имущества и благодарили за то, что великий завоеватель не позволил разграбить Персеполис. Александр загадочно улыбался, переглядываясь со своими военачальниками. Они знали, что удержать воинов от грабежа легендарной столицы смогла только неимоверная усталость, сморившая всех на достигнутой цели. Навести порядок теперь, когда миновал боевой азарт, было легко, и Александр на самом деле отдал приказ ничего не трогать в городе.

Македонцы как бы надломились в этом последнем рывке и апатично взирали на неслыханную роскошь дворцов и богатство жилых домов жрецов и царедворцев. Старые ветераны, утомленные чередой походов и ужасающих сражений, плакали от счастья, лицезрея своего божественного вождя на троне персидских владык. Война закончена. Они достигли конца похода и жалели погибших товарищей, которые не дожили до такой славы.

Александр считал, что, овладев Азией, он может идти на восток до края мира, но держал свои планы в тайне даже от самых близких друзей. Предстоял неизбежный поход в погоню за Дарием, ибо, пока царь персов не был уничтожен, Александр, несмотря на всю покорность народа, не мог занять место владыки. Всегда оставалась опасность внезапного удара, если Дарию удастся собрать достаточно войска. Как только весна придет в северные горы, настанет время двинуться в погоню и заодно перенести резиденцию в Экбатану.

Экбатана, расположенная в пяти тысячах стадий на север от Персеполиса и выше его в горах, была прохладной летней столицей Ахеменидов и в то же время укрепленным городом, совсем непохожим на надменно открытый во все стороны Персеполис. Александр решил перенести туда сокровища трех газафилакий Сузы, Персеполиса и Вавилона. Туда же он приказал повернуть гигантский обоз Пармения, ибо вознамерился назначить Экбатану и Вавилон своими двумя столицами, а первую еще и лагерем для подготовки похода на восток.

Неожиданно явилась Эрис, опередившая даже вспомогательные отряды пехотинцев. Она привезла письмо от Гесионы, которая вместо Персеполиса поехала в Экбатану с Неархом, решившим дожидаться там Александра и отдохнуть от великих трудов подготовки флота. Неарх пообещал найти дом и для Таис. Птолемей настойчиво советовал афинянке обосноваться в Экбатане на все время похода на восток. Гетера не спешила, еще не оправившись как следует от убийственной скачки к Персеполису.

Черная жрица приехала на Салмаах и теперь сопровождала Таис в ее прогулках по городу вместе с двумя старыми друзьями — Ликофоном и лохагосом, вновь назначенными для охраны прекрасной афинянки. За-Ашт, неохотно расставшаяся с молодым тессалийцем, была увезена Гесионой в Экбатану для устройства жилья Таис.

И афинянка бродила по огромным залам дворцов, лестницам и порталам, удивляясь тому, как мало истерты ступени,

скруглены острые ребра дверных и оконных проемов, квадратных колонн. Дворцы Персеполиса, огромные залы приемов и тронных собраний, посещались малым числом людей и выглядели совсем новыми, хотя самые ранние постройки стояли здесь около двух веков. Здесь, у подножия гор Милости, владыки Персии построили особенный город. Не для служения богам, не для славы своей страны, но единственно для возвеличивания самих себя.

Гигантские крылатые быки с человеческими лицами, с круглыми, выпирающими, как у детей, щеками считались портретами пышущих здоровьем и силой царей. Великолепные барельефы свирепых львов в основании северной лестницы к ападане, подолгу приковывавшие внимание афинянки, прославляли мужество царей-охотников. Мужества требовалось, наверное, больше, чем при опасной охоте на кабанов, когда-то увлекавшей гетеру в болотах Спарты. Кроме крылатых быков и львов барельефы изображали только идущих мелкими шажками воинов в длинных неудобных одеждах, словно проглотивших палки, пленников, данников, иногда с колесницами и верблюдами, однообразной чередой тянувшихся на поклонение восседавшему на троне «царю царей». Таис пробовала пересчитать фигуры с одной стороны лестницы, дошла до ста пятидесяти и бросила. В гигантских дворцовых помещениях стояло множество колонн: по пятьдесят, девяносто и сто в тронных залах — подобие леса, в котором блуждали люди, теряя направление. Было ли это сделано нарочно или от неумения подпереть иным способом крышу, Таис не знала. Ей, дочери Эллады, привыкшей к обилию света, простору храмов и общественных зданий Афин, казалось, что залы для приемов выглядели бы куда величественнее, не будь они так загромождены колоннадой. Тяжелые каменные столбы в храмах Египта служили иной цели, создавая атмосферу тайны, полумрака и отрешенности от мира, чего нельзя было сказать про белые в сорок локтей высоты дворцы Персеполиса. Ни одного изображения женщины не нашлось среди великого множества изваяний. Нарочитое отсутствие целой половины людского рода показалось афинянке вызывающим. Подобно всем странам, где Таис встречалась с угнетением женщин, государство персов должно было впасть в невежество и расплодить трусов. Гетере стали более понятны удивительные победы небольшой армии Александра. Гнев богинь — держательниц судеб, плодородия, радости и здоровья — неотвратимо должен был обрушиться на подобную страну. И метавшийся где-то на севере царь персов, и его высшие вельмо-

жи теперь испили полную чашу кары за чрезмерное возвеличение мужей!

Персеполис не был городом в том смысле, какой вкладывали в это слово эллины, македонцы, финикийцы. Не был он и местонахождением святилищ, подобных Дельфам, Эфесу или Гиераполю.

Персеполис создавался как место, где владыки Ахеменидской державы вершили государственные дела и принимали почести. Оттого вокруг платформ белых дворцов стояли лишь дома царедворцев и помещения для приезжих, опоясанные на юге широким полукольцом хижин ремесленников, садовников и прочей рабской прислуги, конюшнями и фруктовыми садами на севере. Странный город, великолепный и беззащитный, надменный и ослепительный, вначале покинутый персидской знатью и богами, быстро заполнялся народом. Любопытные, искатели счастья, остатки наемных войск, посланники дальних стран юга и востока, съезжались невесть откуда, желая лицезреть великолепного и божественного победителя, молодого, прекрасного, как эллинский бог, Александра.

Царь македонцев не препятствовал сборищу. Главные силы его армии тоже собрались здесь, готовясь к празднику, обещанному Александром перед выступлением на север.

Таис почти не видела Птолемея и Леонтиска. Занятые с рассвета до поздней ночи, помощники Александра не имели времени для отдыха или развлечений. Время от времени в дом Таис являлись посланные с каким-нибудь подарком — редкой ювелирной вещицей, резным ящиком из слоновой кости, жемчужными бусами или стефане (диадемой). Однажды Птолемей прислал печальную рабыню из Эдома, искусную в приготовлении хлеба, а с ней целый мешок золота. Таис приняла рабыню, а золото отдала лохагосу для раздачи тессалийским конникам. Птолемей рассердился и не подавал о себе вестей до тех пор, пока не приехал со специальным поручением от Александра. Царь пригласил афинянку по срочному делу. Он принял ее, в сопровождении Птолемея, на южной террасе, окруженной сплошной бело-розовой чашей цветущего миндаля. Таис не видела Александра после переправы через Араке и нашла, что он изменился. Исчез неестественный блеск глаз, они стали, как обычно, глубокими и пристально глядящими вдаль. Исхудалое от сверхчеловеческого напряжения лицо вновь обрело цветущий румянец и гладкость молодой кожи, а движения стали чуть ленивыми, как у сытого льва. Александр весело приветствовал гетеру, усадил рядом, велел

принести лакомств, приготовленных местными мастерами из орехов, фиников, меда и буйволиного масла. Афинянка положила пальцы на широкую кисть царя и вопрошающе улыбнулась. Александр молчал.

— Погибаю от любопытства! — вдруг воскликнула гетера. — Зачем я понадобилась тебе? Скажи, не томи!

Царь сбросил маску серьезности, напомнив Птолемею давнего товарища детских проказ.

— Ты знаешь мою мечту о царице амазонок. Сама же ты постаралась убить ее в Египте!

— Я ничего не убивала! — вознегодовала Таис. — Постаралась сказать правду.

— Знаю! Иногда хочется видеть осуществленной мечту, пусть в сказке, песне, театральном действе...

— Начинаю понимать... — медленно сказала Таис.

— Только ты, наездница, артистка, прелестная, как богиня, способна выполнить мое желание видеть у себя...

— Царицу амазонок? В театральном действе? Зачем?

— Это не будет игрой в театре, нет! Ты проедешь рядом со мной, через толпы собравшихся на праздник. Пойдет слух, что царица амазонок приехала ко мне, чтобы стать моей женой и подданной. Возникнет легенда, которой поверят все. Сотня тысяч очевидцев разнесет весть по всей Азии.

— А дальше? Куда денется «царица»?

— Уедет в «свои владения», на Термодонт. А ты, Таис, приедешь гостьей ко мне на пир во дворец.

Гетера фыркнула.

— Согласна. Но где взять спутниц-амазонок?

— Найди двух, больше не надо. Ведь ты поедешь около меня.

— Хорошо, я возьму одну — свою Эрис, она будет моей «военачальницей». Ее грозный вид убедит кого угодно.

— Благодарю тебя. Птолемей, прикажи, чтобы лучшие мастера сделали Таис золотой шлем...

— А Эрис — серебряный. И круглые щиты с изображением змеи и сокола. И луки с колчанами и стрелами. И короткие копья. И маленькие мечи с золотыми рукоятками. Еще — хорошую леопардовую шкуру.

— Ты слышал, Птолемей? — сказал очень довольный Александр.

— Конечно! Но как быть с броней! Ее не сделают так быстро. И не подобрать на женщин. Если броня не придется совершенно по мерке, получатся ряженые.

— Верно! — сказала Таис. — Мы поедем, как настоящие амазонки, нагими, только в поясах для мечей и ремнях для колчанов.

— Великолепно! — воскликнул Александр, обнимая и целуя Таис.

Афинянка, вместе с Эрис и целой сотней тессалийской конницы — почетного эскорта будущей «царицы амазонок» — отправилась в царские купальни на одном из больших озер в десяти парасангах к югу от Персеполиса. Туда впадал быстрый Араке. Принесенная его вешними водами муть успела осесть, и голубое зеркало озера снова приняло девственную чистоту и прозрачность. Белые строения маленького дворца, веранды на берегу и лестницы, нисходящие к воде, были совершенно безлюдны, так же как окрестности и удаленные берега в синей дымке полуденных испарений. Впервые за все время странствия от Египта до Персеполиса Таис почувствовала себя в месте, которое могло быть обиталищем богини или бога. Здесь, как в родной Элладе, строения человека вливались в окружающее, становились его неотъемлемой частью. Строители дворцов и храмов Египта, Вавилона и Персии стремились отгородиться от природы. Здесь нашлось исключение. На этом тихом озере Таис впервые за несколько лет испытала умиротворение и покой, растворяясь в чистом горном воздухе, сиянии солнца, едва слышном плеске крошечных волн и шуме раскидистых сосен.

Обе женщины облюбовали квадратную беседку. Ведущая к воде лестница ограждалась высоким парапетом, полностью скрывавшим их от постороннего взгляда. Таис подолгу лежала на мраморе у самой воды, выравнивая свой медный загар, а Эрис сидела около на ступени, задумчиво глядя на воду и слушая ветер. Они погружались в благостное оцепенение, неподвижные и немые, словно статуи. Когда спадала жара, на легкой лодке из белого дерева приплывал старый служитель, раб из далекой Кадусии.

Он привозил свежие фрукты и катал Таис по озеру. Когда-то старый кадусиец служил у греческого наемника и выучился говорить на койне. Простыми и убедительными словами он рассказывал предания об озерах, о прекрасных пери — нимфах огня, любви и мудрости, обитавших в окрестных горах, о мрачных и злобных джиннах — мужских божествах пустынных ущелий, подчиненных у пери.

Лодка медленно скользила по прозрачной воде, размеренно всплескивало весло. Под негромкий рассказ старика Таис грезила с открытыми глазами. Воздушные, с проблеска-

ми огня в легких одеждах, беззаботные и жестокие красавицы скользили над водой, обольстительно изгибаясь в полете, манили к уступам голых обветренных скал, стоявших стеною на страже запретных обиталищ духов пустыни. И Таис хотелось стать такой же пери — ни человеком, ни богиней, свободной от тревог, увлечений, раздоров и соперничества, обуревавших равно людей и богов Олимпа. Она даже пробовала вызывать пери, чтобы они помогли ей изменить облик и научить упоительной свободе полета. Пробуждаясь от грез, Таис со смехом ощупывала свое плотное, гладкое, очень земное тело и, вздохнув, бросалась в холодную глубь озера, недоступную огненным красавицам.

Шесть дней прошли быстро, наступил канун праздника. Посоветовавшись с тессалийцами, афинянка решила появиться в городе вечером. С гиканьем и свистом, ударами в щиты, под бряцание оружия и сбруи, топот и ржанье лошадей бешеная орда с факелами ворвалась в город и промчалась на северо-восточную окраину в заранее приготовленный просторный дом. Слух о прибытии царицы амазонок разнесся по городу мгновенно. Сотни людей, потрясенных шумным вторжением, рассказывали о событии. Приняв тессалийцев за амазонок, они насчитали чуть не тысячу свирепых всадниц, с метательными ножами в зубах.

Больше никто не видел ни одной женщины Термодонта, пока на заполненную народом площадь у южной стороны дворцов не выехал сам божественный победитель «царя царей», новый владыка Азии Александр, в сопровождении знаменитых военачальников. Яркое солнце играло на золотой броне и шлеме в форме львиной головы огромного и прекрасного македонца. Золотая уздечка резко выделялась на черной шерсти могучего боевого коня Букефала, не менее знаменитого, чем его всадник.

По левую, почетную, сторону Александра ехала царица амазонок, тоже в золотом вооружении. Народ, затаив дыхание, смотрел на Александра и его прекрасную, как богиня, спутницу. Амазонка в чистой и презрительной наготе сидела на неслыханно красивом коне — золотисто-рыжем, с длинным черным хвостом и гривой, в которые были вплетены золотые нити. Иноходец, небольшой и гибкий, казался ящерицей рядом с громадным Букефалом. Меднокожее тело царицы амазонок стягивал пояс из золотых квадратиков с коротким мечом, спину прикрывала леопардовая шкура, на которой размещались лук и колчан в обрамлении длинных золотистых кос, спадавших из-под назатыльника нестерпимо сверкавшего

шлема. Лицо царицы охватывала толстая перевязь шлема, что вместе с низким козырьком придавало ей воинственный и непреклонный вид. На левой руке, над сгибом локтя, амазонка несла щит с изображением золотого сокола Кирки в центре.

На шаг позади царицы ехала на темно-пепельной кобыле другая амазонка, темнокожая, в серебряном шлеме, с серебряным вооружением. В центре ее щита извивалась серебряная змея, а из-под шлема горели дикие синие глаза, внимательные и недобрые. В правой руке темнокожая амазонка держала короткое посеребренное копье. Ее лошадь перебирала ногами, приседала, танцуя, взмахивала украшенным серебряными нитями хвостом.

Александр с полководцами и амазонками медленно ехал сквозь толпы народа к южной окраине Персеполиса. Там, на ровном участке степи, построили сиденья и навесы, выгладили площадку для состязания атлетов, сделали сцену для актеров и танцовщиц. Казалось поразительным, как быстро съехались сюда фокусники, знаменитые музыканты и акробаты...

На перекрестке двух больших улиц знатные персы выделялись пестротой одежд и отсутствием женщин. Состоятельные горожанки, закутанные в легкие покрывала, жались к стенам домов и оградам, а рабыни, опережая мужчин, едва не лезли под копыта. Персидская знать восхищенно рассматривала превосходных лошадей и величественных всадников царского окружения.

— Смотри! — воскликнул высокий, воинственного вида человек, обращаясь к приятелю, черты лица которого выдавали примесь индийской крови. — Я считал, что легенда об амазонках лжива, хотя бы потому, что они должны быть столь же кривоноги, как женщины массагетов, от езды верхом с детских лет.

— А теперь ты понял, что посадка амазонок...

— Совсем другая!

— Да, голени их не опущены, а лежат на спине коня, сильно согнуты в коленях, пятки отведены к хребту...

Полуиндиец, замерев, провожал глазами царицу амазонок, удалявшуюся вместе с Александром в другой квартал, где улица была еще шире и многолюдней.

— Эн аристера (слева)! — Люди вздрогнули от резкого вопля темнокожей амазонки. Царица мгновенно прикрылась щитом. Громко стукнул тяжелый, с силой брошенный нож. Лошадь черной амазонки сделала рывок налево, раздвинув

толпу. Прежде чем кто-либо успел схватить нападавшего, он уже лежал на земле с копьем, глубоко всаженным в ямку над левой ключицей — удар, от которого не было спасения. Таис узнала выучку храма Кибелы...

Еще мгновение — и разъяренные гетайры ворвались в толпу, давя лошадьми всех, кто не успел увернуться, погнали в боковую улицу. Двух, которые попытались перепрыгнуть веревку, тут же закололи. Ни малейшего испуга не отразилось на лице царицы. Она беспечно улыбнулась Александру. Царь бросил несколько слов Птолемею, который повернул коня и поскакал за гетайрами.

Торжественное шествие не замедлилось ни на минуту. За пределами города выстроенные многорядными шпалерами воины встретили царя громовым кличем. Аргироаспиды в первых рядах стали ударять в свои звенящие щиты. Зарокотали барабаны. Лошадь черной амазонки неожиданно заплясала, отбивая такт копытами и кланяясь направо и налево. Тогда охапки синих, розовых и желтых цветов полетели под ноги лошадей. Обеих амазонок забрасывали цветами, а те, смеясь, прикрывались щитами от душистых пучков, вызывая еще больший восторг.

Птолемей догнал Александра уже недалеко от построек импровизированного театра.

— У чернокожей слишком верная и быстрая рука! — недовольно сказал он, обращаясь к царю.

— Удалось все же узнать причину нападения? — не оборачиваясь спросил Александр. — Зачем и кому понадобилось убивать красоту, безвредную в войне и не вызывающую мести?

— Эти народы на окраине пустынь презирают женщин, не чувствуют красоты и, загоревшись идеей, готовы на любое убийство, не боясь последствий и все же нападая из-за угла.

— Что же сделала им царица амазонок?

— Говорят, что метнувший нож — родственник какой-то красавицы, которую предназначали тебе в жены...

— Не спросив меня? — рассмеялся Александр.

— Говорят, они знают особую магию. Никто не может устоять перед чарами их женщин.

Александр сказал презрительно:

— И, увидев великолепие царицы амазонок, ее решили убить, хотя бы ценой жизни?

— Они живут плохо и не ценят ничего, кроме служения своим богам, — сказал Птолемей, выглядевший не в пример обычному спокойствию слегка растерянным.

— Прикажи убить всех, кто помогал этому... А его красавицу выдать замуж за одного из конюхов при гетайрах!

Александр спешился и принял спрыгнувшую с Боанергоса «царицу амазонок». Взяв за руку, он повел ее на самый высокий ряд скамей под навесом из драгоценной пурпуровой ткани, взятой из кладовых восточного дворца.

Солнце скрылось за холмами, когда Александр покинул празднество. Они ехали все в ряд — Таис, по-прежнему в обличье амазонки, Птолемей, Гефестион и Кратер. Остальные полководцы следовали на шаг позади, а по сторонам двойной цепочкой ехала охрана из одетых в броню гетайров. Узкий серпик молодого месяца заблестел над самой вершиной почерневших восточных гор, едва погасла палевая кайма заката.

Гефестион сказал что-то Кратеру, и оба захохотали. Таис покосилась, удивляясь неожиданной веселости всегда серьезного Кратера.

— Они вспоминают конец представления, — пояснил Птолемей.

Таис врезался в память удивительный танец со змеей в мягком предзакатном свете и тишине. Высокая, тонкая, необыкновенно гибкая нубийка и вавилонянка, бледнокожая, с пышными формами, создали впечатление, будто кольца черного змеистого тела в самом деле обвивают белую девушку. Черная «змея», казалось, то поднималась из-за спины своей «жертвы», кладя голову на ее плечо, то вздымалась от земли, проскальзывая между ног вавилонянки.

— Ты говоришь о танце со змеей? — спросила Таис.

— Вовсе нет. Разве это тонкое искусство может пронять Кратера? Нет, он вспоминает компанию вавилонских акробатов, изобразивших пантомиму любви.

— Что же хорошего? — удивилась гетера. — Правда, девушки очень красивы, но мужчины — почти все сирийцы, с их жирноватыми, задастыми фигурами, — изображали гадость.

— Но как они искусны в позах! Такое не придет в голову и служителям Котитто!

— Ты тоже восхищен этим представлением? — спросила Таис.

— Ты мало знаешь меня! Или притворяешься?

Таис хитро прищурилась, поправляя за спиной цепочку, соединявшую ее «заемные» косы.

— Любой муж не может смотреть на это иначе как с негодованием. Недозрелые щенки или евнухи — другое дело! — рассердился Птолемей.

— Интересно, почему? Я негодую оттого, что святое служение Афродите и Кибеле, тайна, которую знают лишь богиня и поднявшиеся до нее двое, выставляется напоказ, унижает человека до скота и служит порождению низких чувств, осмеянию красоты. Мерзкое нарушение завета богов! — негодующе сказала Таис.

— Это я хорошо понимаю. Но еще чувствую себя обкраденным, — улыбнулся Птолемей.

— А, тебе хочется быть на месте сирийцев?! — догадалась Таис.

— В самом деле! Не на подмостках, конечно, но красивая женщина — любая — должна быть моей. Если она принадлежит другому, я не вижу и не знаю этого. Но если ее обнимают и ласкают у меня на глазах, это оскорбляет меня. Не могу принять такого зрелища!

Александр с интересом прислушался к разговору, одобрительно кивая.

— Мне хочется задать тебе вопрос, — обратился он к Таис.

— Слушаю тебя, царь. — По знаку Александра афинянка подъехала вплотную.

— Хотела бы ты быть царицей амазонок на самом деле? — вполголоса спросил Александр.

— Для тебя — да, для себя — нет! Ты не можешь продолжать придуманную тобою сказку.

— Пожалуй! Почему ты знаешь?

— Сказку можно осуществить только через женщину. А ты не смог быть со мной больше суток. И ушел.

— Ты взяла меня всего и столь же неистова, как я.

— С тобой. Жрица Кибелы сказала, что Красота и Смерть неразлучны. Я тогда не поняла ее, а теперь...

— Что теперь?

— А теперь поцелуи великого Александра памятны мне с той евфратской ночи. Я еду с тобой... на миг осуществилась легенда о твоей любви... не ко мне, к царице амазонок! А царица... исчезла! — И Таис послала Боанергоса вперед в темноту, не обращая внимания на предостерегающий возглас Птолемея...

Дома при свете трех лампионов рабыни поспешно расчесывали Таис. Ее волосы утром пришлось высоко взбить под шлем для превращения в белокурую амазонку. Спутанная вьющаяся масса прядей едва поддавалась скользким гребням из слоновой кости. Афинянка нетерпеливо притопывала ногой, глядя сквозь щель в занавеси на освещенную платформу дворца. Гости Александра уже собрались. Последняя ночь перед выступлением полководцев на север!

Все же к приходу Леонтиска, явившегося проводить гетеру на пир, Таис была совершенно готова. Тессалиец с удивлением смотрел на ее скромный девический наряд. Снежно-белая короткая и прозрачная эксомида не скрывала ни одной линии тела, обнажая левое плечо, грудь и сильные ноги в серебряных сандалиях с высоким переплетом. Черные волосы Таис заплела в две толстые косы, спускавшиеся до подколенок. Никаких других украшений, кроме простых золотых серег кольцами и узкой диадемы-стефане надо лбом с крупными сверкающими топазами золотистого цвета.

Контраст с «царицей амазонок» час назад показался Леонтиску настолько сильным, что воин замер, оглядывая афинянку. Она приходилась Леонтиску чуть выше плеча, и тем не менее он не мог отделаться от чувства, что смотрит на нее снизу вверх.

Эрис неотступно сопровождала хозяйку и спряталась где-то в нише платформы, с твердым намерением дождаться на рассвете окончания пира.

Александр позвал на пир кроме своих друзей-военачальников, избранных гетайров, историков и философов еще восемь человек высшей персидской знати.

Странным образом никого из женщин, кроме Таис, не пригласили сюда, в Тронный зал Ксеркса, где за столом собралось все командование победоносной армии.

Платформа с громадами белых дворцов чернела обрывом в тридцать локтей высоты под звездами ранней южной ночи. Сквозь зубчатое ограждение террасы пробивались широкие лучи света от плясавших в бронзовых котлах языков пламени горящего масла.

Поднимаясь по широкой белой лестнице в сто ступеней, Таис чувствовала, как нарастает в ней смешанное с тоской лихое возбуждение, точно перед выходом в священном танце. Она увидела стену восточных гор в отсвете звездного безлунного неба. Словно завеса разодралась перед ее мысленным взором. Она перенеслась в напоенную золотом солнца и сосен Элладу, услышала журчание и плеск чистых ручьев в обрывистых мшистых ущельях; белые, розовые, бронзовые статуи нагих богинь, богов и героев, дикие четверки вздыбленных, замерших в скульптурах коней, яркие краски фресок и картин в стоях, пинакотеках, жилых домах. Прошла босыми ногами по теплой пыли каменистых тропинок, спускающихся к лазурному морю. Кинулась, как в объятия матери в детстве, в волны, несущие к благоуханным пестрым берегам то ласковых нереид — девушек моря, спутниц Тетис, то бешеных коней

Посейдона, развевающих пенные гривы в шуме ветра и грохоте валов.

— Таис, очнись! — ласково притронулся к ее обнаженному плечу Леонтиск. Афинянка вернулась на платформу дворцов Персеполиса, под сень огромных крылатых быков Ксерксова павильона. Вздрогнув, гетера поняла, что простояла здесь несколько минут, пока терпеливый тессалиец решился напомнить, что все собрались в Стоколонном зале Ксеркса. Таис прошла насквозь привратную постройку с четырьмя колоннами и тремя входами по 25 локтей высоты, минуя выход направо, к ападане и дворцам Дария. Она направилась по краевой дорожке снаружи стены, к северо-восточной части платформы, где располагались помещения Ксерксовых дворцов и сокровищница. Здесь она не боялась, что на ее чистейший белый наряд попадет копоть от огромных пылающих чаш. Ночь выдалась тихая, клубы черного дыма взвивались вертикально, и сажа не летела по сторонам. Леонтиск пошел направо по дорожке из плит сверкающего известняка, через не законченный постройкой четырехколонный павильон на площадке перед тронным залом Ксеркса. Широкий портик с шестнадцатью тонкими колоннами также освещался чашами. Тут горел бараний жир, не дававший ни запаха, ни копоти и употреблявшийся персами для светильников во внутренних помещениях. Таис вошла в мягкий полусвет гигантского зала и остановилась у одной из ста колонн, которые, несмотря на пропорциональную стройность, заполняли зал как пальмовые стволы рощу. Западный угол зала, ярко освещенный и уставленный столами, заполняла шумная толпа слуг и музыкантов, из-за которых Таис не сразу увидела пирующих. Группа девушек-флейтисток расположилась между колоннами. Другие музыканты устроились в конце линии столов, у крайнего ряда колонн, за которыми виднелись колыхаемые сквозняком тяжелые занавеси на высоких трехстворчатых окнах. Таис глубоко вздохнула и, подняв голову, вышла на свет множества лампионов и факелов, прикрепленных к стенам. Приветственные крики и хлопанье в ладоши взорвались бурей, когда хмельные сподвижники Александра увидели афинянку. Она стояла неподвижная несколько минут, как бы предлагая всем полюбоваться собою без надменного величия, всегда требующего унижения и умаления другого человека. Таис предстала перед пирующими с великолепным чувством внутреннего покоя и достоинства, которое дает возможность не бояться хулы и не преодолевать смущение заносчивостью.

Гости Александра избалованы доступностью женщин. Огромное количество пленниц, рабынь, музыкантш — аулетрид, вдов перебитых персов любого возраста, нации, цвета кожи, на любой вкус — неизбежно испортило отношение к женщине как к драгоценности, воспитанное в Элладе и перенимаемое македонцами. Но Таис, известная гетера, была куда более недоступной, чем все женщины в окружении македонской армии. Перед лампионами, освещенная насквозь через тончайший хитон, улыбаясь, она поправила непокорные волосы и затем неторопливо пошла к подножию трона Ксеркса, где восседал великий полководец.

В ее походке торжество женской красоты и наслаждение собственной гибкостью сочеталось с той стройностью линий фигуры, которую воспел поэт в гимне о Каллирое. Плавные изгибы струились от плеч к ступням, словно стекая по твердому полированному камню ее тела, и «пели движением», как волны источника Каллирои.

У легко воспламеняемых красотою эллинов дыхание спиралось в груди и глаза следили за каждым шагом Таис. В расцвете неполных двадцати пяти лет она обладала той древней красотой, которая не имеет возраста, сочетая девичью свежесть кожи, глаз, грудей с женской силой бедер, плеч и ног.

Персы, никогда не видевшие Таис, сразу поняли, что перед ними — сокровище Эллады, где множество поколений, преданных здоровью и нелегкому труду земледельца на скудных морских побережьях, живя в слиянии с хорошей для людей природой, создали великолепный облик человека. Они не знали, что в Таис была примесь еще более древней, тоже здоровой и сильной, крови морского Крита, родственников и современников прародителей народов Индии, ныне более драгоценная, чем список женщин Эллады и наследниц Куруша в Персии.

Таис уселась у ног Александра, рядом с Птолемеем. Прерванный ее появлением пир возобновился. Только что гонец из Экбатаны привез донесение, что казна, захваченная в Сузе, Пасаргадах и Персеполисе, прибыла благополучно. По предварительным подсчетам, в распоряжении Александра оказалось больше ста пятидесяти тысяч талантов золота, серебра и драгоценностей еще на 20-30 тысяч талантов. О таком богатстве не могла мечтать вся Эллада. Шестьсот тысяч жителей родной Македонии могли бы быть богатыми на несколько поколений. Если всю эту массу богатства перевезти в страны Эллады, Македонию, Ионию, то оно обесценило бы все со-

стояния и разорило бы всех имущих. Александр решил хранить добычу за семью стенами Экбатаны.

Еще одна радостная весть: криптии, разведчики севера, донесли, что Дарию не удалось собрать большого войска. Две тысячи наемников, три-четыре тысячи легкой кавалерии не составляли угрозы для победоносной армии. Добить врага и покончить с бывшим «царем царей» теперь было сравнительно простой задачей.

И опьяненные неслыханными победами, восхищенные гигантской добычей, множеством рабов и просторами лежавшей в покорности страны молодые и пожилые ветераны македонской армии неустанно поднимали чаши, славя великого Александра, хвастая победами, проливая внезапные слезы о погибших товарищах.

А двадцатишестилетний герой чудовищных сражений, повелитель Египта, Финикии, Сирии, Малой и Великой Азии, пьяный своей силой, успехом, вином и еще более великими замыслами, с любовью смотрел на шумных товарищей, положив могучие руки на золотые с синей эмалью подлокотники трона грозного опустошителя Эллады. С беспечной улыбкой, склонившись к Таис, он спросил вполголоса, почему она в простом наряде.

— Разве ты не понял? Я только что похоронила...

— Кого? Что ты говоришь!

— Царицу амазонок и... ее любовь, — едва слышно добавила афинянка.

Александр нахмурился, откинулся на спинку трона. Птолемей подумал, что царь разгневался, и, чтобы перебить разговор, стал громко просить Таис станцевать.

— Здесь негде. Я лучше спою, — ответила гетера.

— Спеть, спеть, Таис будет петь! — раздались восхищенные возгласы со всех сторон. Шум стих, сильно опьяневших соседи утихомирили пинками. Таис взяла у музыканта семиструнную китару с колокольчиками и запела ударным гекзаметром старинный гимн о персидской войне, о сожженных Афинах и боевой клятве не служить ничему, кроме войны, пока последний перс не будет выброшен в море. Яростную мелодию Таис пропела с таким диким темпераментом, что многие повскакали с мест, отбивая ногами такт и раскалывая о колонны ценные чаши. Вскоре весь зал загремел боевым напевом исковерканных аттических слов. Сам Александр встал с трона, чтобы принять участие в песне. С последним призывом всегда помнить о злобе врагов, и особенно сатрапа Мардония, Таис швырнула китару музыкантам и села, прикрыв

лицо руками. Александр поднял ее за локоть и вровень со своим лицом. Целуя, он сказал, обращаясь к гостям:

— Какую награду присудим прекрасной Таис?

Перебивая друг друга, военачальники стали предлагать разные дары, от чаши с золотом до боевого слона. Таис подняла руку и громко обратилась к Александру:

— Ты знаешь, я никогда не прошу наград и подарков. Но если тебе хочется, разреши сказать речь и не гневайся, если она тебе не понравится.

— Речь! Речь! Таис, речь! — дружно заорали воины. Александр весело кивнул, выпил неразбавленного вина и снова опустился на трон. Леонтиск и Гефестион расчистили место на столе, но Таис отказалась.

— Человек не должен становиться ногами туда, где он ест. Это привычка варваров! Дайте мне скамью!

Услужливые руки мигом поставили тяжелую скамейку, отделанную слоновой костью. Таис вскочила на нее, похлопала в ладоши, призывая к вниманию. Она могла бы и не делать этого. Все глаза были прикованы к ней.

Гетера начала со слов благодарности Александру за приглашение, Птолемею и Леонтиску за помощь в странствовании и чудесного коня. Этот конь дал ей возможность не только проехать десять тысяч стадий через страны Сирии и Финикии до Вавилона, но и единственной из эллинских женщин совершить молниеносный поход в пять тысяч стадий до Персеполиса.

— Этот город, — продолжала Таис, — сердце и душа Персии. К моему великому удивлению, кроме сокровищ и роскошных дворцов, здесь нет ни храмов, ни собрания ученых и философов, ни театров, ни гимнасионов. Не созданы статуи и не написаны картины, прославляющие красоту и подвиги богов в образе людей и божественных героев. Кроме надменных толстомордых быков-царей, принимающих дары, и процессии раболепствующих и пленных, здесь нет ничего. Чащи колонн по сорок локтей на платформе в тридцать локтей высоты — все это лишь для того, чтобы возвысить владык унижением подданных. Ради этого здесь трудились искалеченные эллины, ионийцы, македонцы и фракийцы, толпу которых мы встретили? Ради этого свирепый Ксеркс со своим злым сатрапом принес кровь и смерть в Элладу, дважды сжигал мои родные Афины, увел в плен тысячи и тысячи искусных мастеров нашей страны? Я здесь одна с вами, герои-победители, повергшие в прах могущество недобрых владык. Я служу богине красоты и знаю, что нет хуже преступления, чем поднять руку

на созданное человеком прекрасное. Но если это служит злой власти? Тогда оно всего лишь обман, ибо нет красоты без добра и света!

Таис простерла вперед руки, как бы спрашивая весь зал. Воины одобрительно и грозно загудели. Гетера вдруг выпрямилась, как спущенная тетива.

— Завтра вы уходите на север, оставляя в неприкосновенности обиталище сокрушенной вами деспотии! Неужели я одна ношу в своем сердце пожарище Афин? А мучения пленных эллинов, длившиеся до сих пор, слезы матерей, хотя бы это и было восемьдесят лет назад?! Неужели божественный Александр нашел удовольствие усесться на троне разорителя Эллады, будто слуга, забравшийся в покои господина?

Голос афинянки, высокий и звенящий, хлестнул словами как бичом. Александр вскочил, будто ужаленный. Люди оцепенели. В зале слышалось прерывистое дыхание и потрескивание светильников.

Александр молчал, глядя на Таис, склонившую голову как в ожидании удара.

— Что же ты хочешь, афинянка? — спросил царь таким львиным рыком, что закаленные воины вздрогнули.

Вся напрягшись в волевом усилии, Таис поняла великую власть полководца над людьми, магическую силу его голоса и движений, подчинявших беспрекословно громадные толпы людей.

Таис подняла на Александра огромные горящие глаза и протянула руку.

— Огня! — звонко вскрикнула она на весь зал. Александр обхватил ее за талию, сорвал со скамьи и подвел к стене.

— Возьми! — Он снял факел и подал гетере, сам взял второй. Таис отстранилась в почтительном поклоне.

— Не мне первой! Начать приличествует тому, чей божественный разум и сила привели нас сюда!

Александр повернулся и повел вдоль стен Таис за руку. Два факела мгновенно подожгли занавеси на окнах, подвески и шнуры, легкие деревянные переплеты для цветов.

Безумие разрушения охватило сподвижников Александра. С воплями восторга и боевыми кликами воины хватали факелы и разбегались по дворцам, поджигая все, разбивая лампионы, опрокидывая чаши с горящим жиром и маслом. Ошеломленные персы заметались, прикрывая лица. Нерастерявшийся Птолемей вытолкнул их в портик.

Прошло всего несколько минут после окончания речи Таис, а зал Ксеркса, пустая сокровищница и помещения ох-

раны были в огне. Подожгли и ападану, откуда огонь перекинулся (или был перенесен) на жилые дворцы Дария и Ксеркса в юго-западном углу платформы. Оставаться на ней не было возможности. Александр, не отпуская руки Таис, сбежал по северной лестнице на городскую площадь. Здесь, окруженный военачальниками, он стоял, зачарованно глядя на титаническое пламя, взвивающееся в почерневшее небо. Балки крыши и потолков, простоявшие столетия на сухой жаре, вспыхивали, как облитые горючим маслом. Серебряные листы кровли плавились, низвергаясь ручьями жидкого металла на лестницы и плиты платформы, разбивались и, застывая, летели звонкими раскаленными лепешками в пыль городской площади. Пламя ревело и свистело, перекрывая вопли жителей, столпившихся у края площади, боясь приблизиться.

Звездное небо, казалось, потухло. Никто никогда не видел более черной ночи, окружавшей слепящий жар исполинского костра. Люди взирали на пожар с суеверным ужасом, будто не руки Александра и маленькой афинянки сделали это, а силы подземного мира и ввергнутых туда титанов вырвались на поверхность Геи. Жители города попадали на колени в предчувствии большой беды. И действительно, ни Александр, ни его военачальники не стали сдерживать воинов, для которых пожар дворцов послужил сигналом к грабежу. Вскоре отдельные очаги пламени стали загораться в черноте ночи среди садов. Толпа ошеломленных горожан разбежалась спасать имущество от распалившихся македонцев. С раздирающим уши треском одно за другим стали проваливаться перекрытия, выбрасывая вихрящиеся столбы искр.

Александр вздрогнул и, очнувшись, выпустил руку Таис, онемевшую в крепкой ладони царя. Он устремил на гетеру пристальный взгляд, как после речи в зале, и вдруг вскрикнул:

— Уйди!

Таис подняла руку перед лицом, будто защищаясь.

— Нет! — еще решительнее сказал царь. — Не навсегда. Я позову тебя.

— Не позовешь! — ответила Таис.

— Как можешь ты знать?

— Ты знаешь свои слабости, побеждаешь их, и это дает тебе силу и власть над людьми.

— Так моя слабость — женщины? Никто не говорил мне этого!

— И немудрено. Не в женщинах, а в божественно-безумном стремлении ко всему недостижимо далекому — твое

сердце. Ничего нет в мире неуловимее женской красоты. И ты уклоняешься от этой безнадежной борьбы, вести которую обречены лишь поэты и художники. Красота ускользает, как черта горизонта. Ты выбрал горизонт и уйдешь туда.

— А когда вернусь?

— О том знают лишь мойры. Гелиайне, великий царь!

— Прошу тебя, останься пока здесь. Я покидаю больным Черного Клейта и хотел бы...

— Я поняла.

— Только поберегись, не выходи без охраны. Весть о той, что сожгла Персеполис, разнесется скорее и шире, чем сказка об амазонках!

Таис, не ответив, повернулась и медленно пошла в темноту. Позади, зорко глядя по сторонам, неслышно кралась Эрис.

Глава двенадцатая
НАСЛЕДНИКИ КРИТА

Горный ветер, прохладный даже в сверкающий полдень лета, подхватил лежавший перед Таис лист пергамента. Она придавила письмо рукояткой золотого кинжала.

Мысленный образ подруги отдалился, исчез в знойной равнине, распростершейся на восток от семи стен Экбатаны.

Гесиона после двух лет молчания прислала длинное письмо! Верной подруге Неарха пришлось испытать немало, чтобы быть рядом с возлюбленным. Можно позавидовать критянину, нашедшему в фиванке такую любовь и терпенье. Грандиозные замыслы Александра потребовали большого флота. Корабли строились в устье Евфрата и на Тигре. Там распоряжался новый помощник Неарха — подвижный, как жидкое серебро, полукритянин-полуфиникиец Онесикрит.

Кедры, черные сосны, дубы и вязы с гор, из вершин Евфрата и Тигра, сплавлялись до верфей Неарха. Гесиона со свойственным фиванке эпическим стилем описывала свои скитания между Вавилоном и маленькими городками кораблестроителей, оазисами пальм, одинокими храмами и бедными селениями рыбаков, затерявшихся среди моря тростниковых зарослей.

Мухи, бич Вавилона и Суз, черными роями кишевшие на рынках, в жилищах и даже в храмах, оказались пустяком перед бедствием мириад кусающихся кровопийц, тучами реявших над тихими водами. Ветер, к счастью, не столь уж редкий, приносил избавление. Все остальное время люди проводили в

дыму, и Гесиона уверяла подругу, что прокоптилась насквозь и стала нетленной, как мумия Египта.

Таис огляделась. В чистом воздухе Экбатаны мухи не доставляли беспокойства. Гесиона была бы счастливее в этом городе, напоминавшем ей родные, разрушенные Фивы.

На мраморных плитах высокой террасы звонко зашлепали босые детские ноги. Леонтиск — трехлетний сын Таис — сломя голову ринулся к матери, и она едва успела подхватить его на руки. Сын Птолемея походил больше на мать, чем на отца. Военачальник убедил Таис вступить с ним в официальный брак, как только македонцы вернулись после погони за Дарием. Хромая и ворча, появился в конце террасы искалеченный тессалиец, оставшийся в Экбатане у Таис смотрителем дома и лошадей, после того как тессалийские конники вместе с другими эллинскими воинами были отпущены Александром на родину. Теперь Ройкос приглядывал и за мальчиком, которому требовалась мужская рука и умение воина. Не вернулся на родину и начальник конников Леонтиск, отправившийся на восток вместе с Александром. Таис не любила вспоминать об этом — рана еще болела.

Мальчик выпрашивал позволения покататься на Боанергосе. Ройкос уверял, что лучше обождать, пока не будет окончательно объезжен маленький конь из-за гор Иберии, присланный Птолемеем. Таис примирила обоих обещанием самой прокатить сына на вечерней проездке, которую она свято соблюдала, чтобы оставаться в форме на случай внезапного отъезда.

Подшлепнутый для поощрения, Леонтиск поскакал по широким ступеням вниз в сад, к павильону из грубого серого камня, облюбованному Эрис для уединения. Никто не смел нарушать ее покой в те часы, когда бывшая черная жрица сидела и грезила неизвестно о чем с открытыми глазами. Сыну Таис позволялось прибегать к павильону и окликать Эрис, вызывая на борьбу и состязание в беге. В дикой возне нередко принимала участие и сама хозяйка и мать, в упоении носившаяся по просторной площадке перед домом. Финикиянка За-Ашт все-таки уехала в Тессалию со своим Ликофоном. В доме появилась Окиале — печальная, добрая и застенчивая девушка из Северной Сирии, чье трудное имя Таис заменила на прозвище амазонки, случайно попавшееся на краснофигурном лютрофоре. Для Окиале не существовало никого выше Леонтиска. Она баловала мальчишку свыше всякой меры, не слушаясь даже Эрис, которую страшно боялась. Впрочем, единственный ребенок в окружении бездетных

женщин не мог не быть баловнем, тем более такой живой, сообразительный и хорошенький, как сын Таис. Главную опасность представляла повариха, всегда готовая перекормить мальчишку в укромном уголке, подальше от суровых Ройкоса и Эрис. Только теперь Таис поняла смысл обычая, распространенного по всей Элладе: обязательно отдавать сыновей на воспитание многодетным родственникам. Или же мальчики объединялись в группы под руководством умелых воспитателей. Во всяком случае — вон из материнского дома, особенно если дом богатый, с многочисленными рабынями и слугами. Спартанцы считали, что воинами могут сделаться лишь дети, выросшие отдельно от родных, в специальных военных общежитиях. Более просвещенные афиняне, беотийцы, тессалийцы применяли воинское воспитание, сочетая его с необходимой образованностью. Наблюдая за подрастающим сыном, наделенным энергией и живостью обоих его родителей, Таис с нетерпением ждала возвращения Птолемея, чтобы отец устроил воспитание мальчика в окружении сверстников и умелых учителей. Почему-то ни разу не приходила мысль, что Птолемей в безвестных далях Востока, у края земли и на Крыше Мира, может погибнуть, как погиб Леонтиск у Александрии Эсхаты — Самой Дальней, там, за Согдианой и Рекою Песков — Яксартом, после ожесточенной битвы со скифами. Его тело укрыто надежной плитой в городе-крепости Александрии Эсхате, прозванной македонскими воинами «Нимфе Танатон» — Невестой Смерти. Много жертв унесли стрелы слишком быстрых для тяжелой македонской конницы всадников с длинными мечами и круто изогнутыми луками. Сам Александр долго хромал от стрелы, перебившей ему малую берцовую кость. Он охлаждал свой гнев бешеной отвагой, бросаясь на врагов впереди всех. И получил такой удар по черепу камнем из пращи, что двенадцать дней плохо видел и до конца похода не мог мыслить так божественно ясно и быстро, как прежде. Последние сражения со скифами надорвали его силы. От Александрии Эсхаты царь возвращался на носилках, уже после заключения мира с этими удивительными племенами из степей, простиравшихся далеко в холодную страну мрака за Море Птиц, Танаис и Эвксинский Понт. Кто мог бы подумать, что через несколько столетий на месте Александрии Эсхаты вырастет прекрасный город и его назовут на языках будущих народов Тирози Чахон — Невестой Мира!

Не однажды вспоминала Таис рассказ Леонтиска о массагете, казненном Александром после битвы при Гавгамеле. Молодой вождь оказался пророком. Способы сражения, о ко-

торых он говорил Александру, были применены скифами и в конце концов остановили непобедимую армию в ее движении на восток. Александр повернул на юг, вверх по течению Реки Песков, к гигантским ледяным хребтам Крыши Мира и Парапамиза, которые мерцали на горизонте еще в начале похода, почти три года назад. Безмерно отважный, скромный и мечтательный, как всякий тессалиец, Леонтиск ушел из ее жизни... Он умер от раны на третий день после сражения, улыбаясь, как положено эллину. Призвав Гефестиона, он передал Таис последний привет и все имущество, оставленное в Экбатане, — немалое количество золота и драгоценностей. Через год по поручению Таис разыскали родственников начальника конницы в селеньи близ Фтии, которым афинянка отправила все, за исключением памятных вещей.

Птолемей — храбрый и осторожный, очень дальновидный, не стремящийся к показному блеску, знающий себе цену, но отнюдь не хвастливый, постепенно выдвинулся перед остальными шестью полководцами Александра, как наиболее надежный и всесторонне осмотрительный. Он вел дневник похода и в подробных письмах Таис проявил талант писателя. Его жене казалось, что ничего не может случиться с этим умным воином, которого судьба вела к высокому взлету. Только близость сверхчеловеческого Александра оставляла его в тени...

Таис вернулась к прерванному чтению письма Гесионы.

Фиванка звала ее в Вавилон, в свой дом, приобретенный Неархом накануне его отъезда. Александр призвал его на помощь другому моряку — Онесикриту, заместителю Неарха в определении путей и чтении карт. Неарх отправился в Бактриану с отрядом корабельщиков для участия в походе за Индию, к тем самым пределам мира на краю океана, до которых не удалось дойти через степи. За колоссальными горами Парапамиза и Гиндукуша протекала река Инд, где-то на западе сливавшаяся с Нилом. Дальше на юг, всего в нескольких тысячах стадий, находились пределы суши.

Неарх надолго простился с Гесионой. «И представь себе... — Таис мысленно услышала заливистый смех Гесионы, — ...последнее известие от Неарха! Отважный мой моряк назначен командовать агрианской конницей, кроме своих соплеменников, критских лучников, которых осталось совсем немного...»

«Мне тоже, видимо, надо оставить надежду на скорое возвращение Птолемея и самой позаботиться о воспитателях сына», — подумала Таис и быстро пробежала конец письма. Ге-

сиона писала о строящемся в Вавилоне большом театре. Для ускорения доставки материалов Александр приказал разломать и снести башню Этеменанки, содеяв варварство, для истинного эллина немыслимое, даже если башня была сильно повреждена временем.

Статуя Александра, созданная Лисиппом, поставлена во дворе одного из храмов. Нашлись жрецы нового культа, совершают перед ней богослужение... Пряча письмо под кинжал, Таис долгое время сидела в раздумье, слушая ветер в жесткой листве огромных деревьев, затенявших террасу. Резко выпрямилась, ударила в серебряный диск, на восточный манер призывая рабыню, и велела принести принадлежности для письма.

«Первый год сто тринадцатой олимпиады. Гесиона, — радуйся. Думается, надлежит тебе приехать в Экбатану и здесь ожидать возвращения армии из индийского похода. Я живу в этом городе уже три года. Однажды зимой несколько минут падал снег! Так вспомнились родные Афины, где бывают суровые зимы и снег раз в год ложится почти на целый день! Сходство с твоими Фивами ты заметила еще в первый приезд! И воздух здесь, на возвышенности, немного схож с лучезарным, тонким и животворным воздухом нашей Эллады, дуновением Олимпа и крыльев священных птиц. Повсюду в Азии, за исключением трех благословенных городов Ионии: Хиоса, Клазомен и Эфеса, солнце тяжелое, слепящее, угнетает ум и чувства, а пыль застилает горизонт. Даже в Египте свет слишком силен, а воздух не искрится, переливаясь волшебными лучами, в которых так четки все предметы, так облекаются очарованием женщины и статуи, что каждый эллин становится художником. Пора тебе отдохнуть от влажной зимы и мух Вавилона. Я боюсь за Александра, Птолемея, Гефестиона и всех наших людей, проведших эти три года в боях и походах за пределами Персии, от Гирканского Моря Птиц, в степях и горах, где зима несет снежные ветры и холода, никогда не испытанные в Элладе. Сопротивление бактрийцев, согдиан и особенно скифов превысило воображение Александра и возможности его армии. Пробиваясь дальше на восток, армия испытанных ветеранов постепенно растает, а жители покоренных стран, составившие почти половину войска, куда менее надежны.

Возвеличенный неслыханными в истории победами, Александр, божественный фараон Египта, которому уже поклонялись как богу в древнейших городах Месопотамии — Матери Народов, стал ревниво относиться ко всякому проти-

воречию. Прежде, уверенный в своей мудрости и силе, он спокойно выслушивал споривших с ним товарищей. Теперь это кажется ему унижающим достоинство великого царя и завоевателя. К несчастью, азиаты оказались искусными льстецами, готовыми на любые унижения. Мой учитель в Египте как-то сказал, что самая страшная отрава даже для очень мудрого и сильного человека — это постоянное восхваление его и его деяний. Александр выпил полную чашу этой отравы и стал способен на прежде несовместимое с его действительно великой личностью. Ты знаешь уже об убийстве доблестного, хотя и глупо тщеславного Филотаса, начальника гетайров и личной охраны Александра Агемы? Прикончив Филотаса, Александр немедленно послал убийц сюда, в Экбатану, где начальствовал старый испытанный его воин Пармений, и того убили, прежде чем он услышал о казни сына. Обвинения в заговоре против Александра, мне кажется, придуманы услужливыми советниками, дабы оправдать убийства. За этими проявлениями несправедливости последовали другие. Вряд ли ты слышала об избиении бранхид? Когда наше войско с большим трудом и опасностями переправилось через многоводный и быстрый Оксос, называемый еще Рекой Моря, навстречу появилась огромная толпа оборванных, диких и грязных людей. Они размахивали зелеными ветвями — бранхиями (отсюда их прозвище), плясали и вопили от радости на искаженном до неузнаваемости койне. Так выглядели потомки, внуки и правнуки эллинских пленников, вывезенных Ксерксом в самую глубь Персии для работ на восточных ее границах. Александр, отъехав в сторону, хмурясь, рассматривал одичалых оборванцев и, внезапно рассвирепев, приказал перебить всех до единого. Жалкая толпа не успела разбежаться.

В начале похода через богатые зверями леса и степи, на окраине Моря Птиц, Александр охотился на львов, тигров и медведей, поощряя своих друзей к единоборству с могучими зверями на коротких копьях. Один Птолемей не принимал участия в диких забавах, спокойно снося насмешки самого Александра. Однако когда Кратер был жестоко искусан медведем, Александр прекратил охоту...»

Таис устала писать. Позвав Ройкоса, она велела приготовить лошадей: Боанергоса для себя и верную Салмаах, нисколько еще не состарившуюся, — для Эрис. Черная жрица не мыслила прогулки своей госпожи иначе как под своей охраной.

— Все равно нам придется когда-нибудь разлучиться, — выговаривала ей Таис, — не можем же мы умереть вместе в одно и то же мгновение.

— Можем! — спокойно отвечала Эрис. — Я пойду за тобой, — она многозначительно притронулась к узлу волос на затылке.

— А если ты умрешь первая? — спросила афинянка.

— Я подожду тебя на берегу Реки Смерти. Рука об руку мы пойдем в царство Аида. Я уже просила Великую Мать оставить меня дожидаться на полях асфоделей.

Таис внимательно рассматривала эту странную не то рабыню, не то богиню, сошедшую к смертным для ее охраны. Чистое и твердое ее лицо не выражало свирепую кровожадность, смертельную угрозу для врагов, как некогда казалось Таис. Вера во что-то такое, чего не знала вольнодумная афинянка, победу над страхом и болью, как некогда у девственных жриц Артемис в Эфесе, породивших легенды об амазонках. Но те впадали в священное неистовство менад, сражаясь с яростью диких кошек. А для Эрис характерно выражение, которое скульпторы Афин должны были придать статуе подруги тираноубийц, героини Леэны, а не изображать символическую львицу с отрезанным языком. Суровое поведение Эрис, очевидно, лишь отражение ее сосредоточенности и серьезности — в прямом взгляде ее кристально-чистых синих глаз, слегка сведенных вместе бровей, в ясном, чуть-чуть металлическом звуке ее голоса. И только темнота ее кожи, волос и губ напоминала о том, что это — дочь Ночи, владеющая темным знанием Реи-Кибелы.

Эллины особенно почитали тех своих атлетов-победителей на олимпийских играх, которые одолевали соперников качеством, отсутствующим у простых смертных, — спокойствием, даром и свойством богов.

Поэт говорил, что «все свои годы они хранили медовое спокойствие, самое первое из их высоких дел. Ничего нет выше этого благородства, украшающего каждый прожитый день»...

Спокойствие олимпийского победителя отличало и Эрис, придавая особенный оттенок каждому ее жесту и слову. И сейчас Таис с удовольствием смотрела на ее прямую посадку на пляшущей, по обыкновению капризной Салмаах. Бережно, как хрупкую милетскую вазу, передала рабыня-сирийка брыкающегося и повизгивающего от восторга Леонтиска. Таис небрежно взбросила его на потник перед собой. Мальчик же сразу вцепился в черную гриву обожаемого иноходца. Обе женщины поехали по замощенным улицам, выбирая короткие и крутые спуски и не обращая внимания на восторженные взгляды прохожих. Таис и Эрис давно привыкли к

ним. Действительно, эта пара, как в свое время Таис с Эгесихорой, не могла не привлекать внимания. А у юношей попросту захватывало дух, и они долго провожали глазами прекрасных всадниц.

После буйной скачки по полю ристалищ, пустынному и заброшенному после того, как прекратились персидские гонки колесниц, еще не возобновленные македонцами, Таис вернулась умиротворенная. Смыв пыль и уложив усталого сына, афинянка вернулась к письму в другом настроении.

«Александр, — писала она, — все более отдалялся от своих воинов и даже военных советников, философов, географов и механиков.

Великий македонец совершил подвиг, превосходящий деяния мифических героев — Геракла, Тесея и Диониса. Эллада всегда была обращена более к Востоку, чем к темному и дикому Западу. Она как бы тянулась к древним искусствам и великому знанию, накопленному в исчезнувших царствах, через зацепившуюся за край Азии Ионию, через легендарный Крит. Александр широко распахнул ворота Востока. Туда, на свободные или опустошенные войной земли, хлынул поток предприимчивых эллинов: ремесленников, торговцев, художников, учителей. Македонцы со своими награбленными в войне деньгами и рабами получали обширные имения и селились в местах куда более плодородных и теплых, чем их гористая родина. Новые города требовали съестного, дерева и камня для построек. Воины жили в достатке и быстро обогащались. Так велики оказались завоеванные страны, что в Элладе стали чувствовать недостаток людей, подобно тому как это ранее случилось в Спарте, отдавшей своих мужчин в качестве наемников и окончательно сникшей в последнем усилии борьбы против Александра. Подобно Македонии, отдавшей боеспособное население в войско Александра пополнять его убыль. Вся Эллада постепенно обезлюдеет, устремляясь в Азию, рассеиваясь среди масс ее населения и по необъятным просторам степей и гор. Если так пойдет, то в какую Элладу мы вернемся?..»

Таис задумалась, пощекотала подбородок тростинкой и решила не философствовать более, а вернуться к более близким чувствам.

«...Александр и все македонцы ожесточились в тяжелой войне, — продолжала афинянка письмо, — взаимные отношения подчиненных и властителя сделались натянутыми, как никогда прежде. Униженная покорность новых соратников сделала полководца еще чувствительнее. Забылась прежняя

мечта о гомонойе — равенстве людей в разуме. Божественность великого македонца стала доказываться способами, более приличествующими вождю дикого племени, нежели владыке мира. Александр с помощью персидских советников вздумал ввести обычай простираться перед ним на земле, но натолкнулся на резкое сопротивление старых сотоварищей. Когда ветераны — полководцы и воины личного окружения Александра — гетайры увидели своего вождя восседающим на троне из золота, в длинном персидском одеянии, с высокой тиарой на голове, они сначала рассмеялись, спрашивая Александра, какой маскарад или игру он затеял. Каллистен, афинский философ, присланный Аристотелем, полный энтузиазма, вначале поверил в божественность Александра и начал писать «Анабазис» — историю, прославляющую его походы. Теперь он первый заявил, что обожествление никогда не имело место при жизни любого героя, даже сына бога. Геракл с его величайшими подвигами, Дионис, совершивший первый поход в Индию, были возведены в божественное достоинство лишь после смерти. В своей земной жизни Дионис был фиванцем, а Геракл — аргивянином. Поклонение живому человеку, хотя бы и сыну бога, противоречит духу эллинизма и является не более как варварством.

«— Александр не бог, — публично заявил философ, — не сын Зевса от земной женщины. Он самый храбрый среди храбрых, самый умнейший из всех талантливых полководцев. Только деяния его, божественные по значению, могут создать ему славу героя и возвеличить до полубога».

Александр затаил злобу на Каллистена. Философа поддерживали македонские ветераны, но он не имел влиятельных друзей. В конце концов вместе с юношами из ближайших прислужников царя его осудили за намерение убить Александра и еще за какие-то преступления. Юношей побили камнями собственноручно военачальники Александра, а Каллистена заковали в цепи, посадили в клетку и, по последним слухам, повесили в Бактриане. Однако простирание перед собой Александр отменил. Еще до того, отступив от Реки Песков в Мараканду, Александр много пил, стремясь облегчить страдания — головные боли после ранения камнем. В припадке ярости он убил Черного Клейта, верного, туповатого гиганта, дважды спасавшего его жизнь, брата Ланисы, няни Александра в Пелле. После тяжких приступов меланхолии и раскаяния Александр отправился штурмовать заоблачную крепость Бактрианы. Там он женился на дочери бактрианского вельможи Роксане, схваченной как военная добыча.

Птолемей писал, что брак не смягчил порывов жестокости, повторявшихся все чаще. Даже им, ближайшим друзьям, надлежало соблюдать большую осторожность в отношениях с царем.

Еще в начале странствования по восточным степям Александр заменил свой шлем с львиной головой на другой, украшенный крыльями большой птицы. Местные жрецы уверяли, будто в царя вселился Симург — дух высоких холмов, спускающийся на землю в образе грифа, чтобы помочь людям в их бедах.

Не знаю, чем помогал Александр жителям восточных степей...»

Таис оборвала начатую фразу, тихо засмеялась и дописала: «Видишь, я попала под влияние Птолемея. Мудрый воин любит предсказывать беды и перечислять прошлые несчастья, хотя это нисколько не мешает его храбрости и веселому нраву. Слишком веселому в том, что касается женщин! Тут он поистине равен Александру в неутомимости исканий. Впрочем, ты это знаешь. Давно, еще в Египте, ты предсказала ему, что женщин у него будет много, а богиня одна. Теперь эта «богиня» — его жена, и что же дальше?

Довольно, я устала писать, а ты утомишься читать. Приезжай сюда, в Экбатану, и мы с тобой наговоримся вдоволь, покатаемся на лошадях, потанцуем. Я познакомлю тебя с друзьями. Здесь собралось много поэтов, философов, художников, музыкантов и артистов. Здесь и Лисипп со своей мастерской, и эвбеец Стемлос, славный статуями коней, знаменитая певица Аминомена... много прекрасных людей. Сюда же, в ожидании Александра, прибывают путешественники из очень далеких стран — Индии, Иберии. Приезжай, тебе будет веселее, чем одной в Вавилоне! Не будем слишком страдать за наших мужей. Помимо боевых и походных тягот у них есть своя доля счастья. Птолемей писал о необъятных равнинах, поросших ароматным сильфием, о захватывающем дух зрелище исполинских снежных гор, ряд за рядом, вершина за вершиной заграждающих путь на юг и восток. О горных озерах волшебной голубизны, таких же глубоких, как небо. О невообразимом просторе степей, где плоские холмы, увенчанные странными изваяниями плосколицых и широкобедрых женщин, вздымаются бесконечной чередой, как волны моря между Критом и Египтом. И наверное, выше всего для них чувство каждодневных перемен, ожидание неслыханных чудес по мере приближения к пределам суши...

Птолемей писал, что чем ближе они продвигаются к Индии, тем больше становится деревьев, одинаковых с нашими в Элладе. Ели и сосны в горах за Парапамизом совсем такие же, как в горах Македонии, иногда кажется — приходишь снова на родину. Этому нет объяснения...»

Таис закончила письмо, запечатала и, чтобы оно ушло поскорее, велела отнести в дом начальника города и казначея Гарпала, заменившего убитого Пармения. Четыре тысячи пятьсот стадий — немалое расстояние отделяло Экбатану от Вавилона, но ангарейном — государственной почтой — письмо шло всего шесть дней.

Утомившись писанием (Птолемей поставил Таис условие не пользоваться искусными писцами, раскрывателями всех секретов), афинянка спустилась к бассейну у лестницы, куда Птолемей провел воду горного источника, холодную даже в жаркую пору. С веселым воплем она кинулась в раковиноподобное углубление, через которое, журча, переливалась чуть зеленоватая вода. На крик прибежала Эрис, никогда не упускавшая случая поплескаться и потом растереть меднокожую госпожу толстым и жестким покрывалом.

Едва она успела осушить крупные капли, как явился посланный Лисиппа. Великий ваятель звал Таис, почему-то вместе с Эрис, посетить его дом завтра в утренние часы.

Таис протянула письмо черной жрице со словами:

— Приглашают и тебя! Кто-то хочет делать с тебя статую. Давно пора, я удивляюсь ваятелям, хоть раз увидевшим тебя... хотя сам Лисипп и его ученики любят изображать мужей, военные сцены, лошадей и мало интересуются красотою жен!

Эрис отвела руку афинянки с письмом.

— Ты забыла, я не умею читать на твоем языке, госпожа. И разве почтенный Лисипп тоже забыл, что я обязана идти с тобой?

— Ты всегда сопровождаешь меня, верно. Если Лисипп упоминает тебя в приглашении, значит, до тебя есть какое-то дело. Какое? У скульптора прежде всего — ваяние. Превыше всего в жизни мы, эллины, считаем совершенство человека, гармонию его развития, физического и духовного, каллокагатию, как мы говорим. А в искусстве — изображение человека. Оттого неисчислимо количество статуй и картин в наших городах и храмах, каждый год прибавляются новые. Ты хотела бы, чтобы с тебя сделали статую богини или нимфы?

— Нет. Вернее — мне безразлично. Но если ты прикажешь...

— Конечно, прикажу. Имей это в уме, если будет предложено... и не три меня с такой силой! Я ведь не статуя.

— Ты лучше всех изваяний в мире, госпожа.

— Много ли ты видела их? И где?

— Много. Мне пришлось путешествовать девочкой в свите главной жрицы.

— Я ничего не знаю об этом! — удивилась Таис.

Черная жрица позволила улыбке на мгновение осветить свое лицо.

Александр велел построить для Лисиппа огромную мастерскую при дворце персидского вельможи, подаренном скульптору для жилья. В комнатах, за толстыми стенами из красного камня, всегда царствовала прохлада, а зимой приходилось топить. В полукруглых нишах горели сухие кедровые поленья с добавлением ароматических веток тимьяна, лаванды, розмарина или ладанника.

Теперь, поздней весной, стало жарко. Лисипп принял гостей на веранде, под высокой крышей, подпертой пальмовыми столбами и обнесенной барьером из розового гранита с близлежащих гор. Веранда служила и мастерской и аудиторией для учеников, съехавшихся из Эллады, Ионии, Кипра и даже Египта, чьи мастера стали перенимать приемы своих прежних учеников — эллинов, около семи веков назад начавших учиться у египтян.

Обычно присутствовали несколько философов, богатые ценители искусства, поэты, черпавшие вдохновение в мудрых беседах, путешественники из дальних стран, до которых дошла весть об открытом доме знаменитого художника.

Лисипп, давний друг афинянки, орфик высокого посвящения, обнял Таис за плечи. Оглядевшись, он поманил замершую у входа Эрис и молча указал на широкую скамью, где сидели двое его учеников. Бывшая черная жрица блеснула глазами в их сторону и уселась на краешке, подальше от веселых молодых людей. Те посылали ей восхищенные и многозначительные взгляды, дополненные жестами. Тщетные попытки! С таким же успехом они могли привлечь внимание любой из статуй, в изобилии украшавших мастерскую, дом и сад Лисиппа!

— Пойдем, афинянка, я покажу тебе старого друга и твоего соотечественника, скульптора Клеофрада. Он презирает войну, не делает статуй царей и полководцев, только лишь жен, а потому не столь знаменит, как того заслуживает. К тому же он знает тебя...

Таис собралась возразить, но слова застряли у нее в горле. Эти жесткие голубые (глаукопидные, как у самой Афины) гла-

за, шрамы на лице, под густой седой бородой и на руке, воскресили в памяти мимолетную встречу у Тесейона на пути к холму Нимф!

— Я пообещал увидеть тебя через несколько лет, — сказал Клеофрад своим низким голосом, — что ж, прошли две олимпиады, и я вижу не девчонку, а женщину в расцвете сил и красоты. Тебе, должно быть, сейчас лет двадцать шесть. — Ваятель бесцеремонно оглядел Таис. — Ты рожала?

— Да, — почему-то послушно ответила афинянка, — один раз..

— Маловато — надо бы два. У женщины такой, как у тебя, силы и здоровья это только улучшит тело.

— Гнезиотес ап'амфойн, — сказал Лисипп на аттическом наречии, указывая на Таис, и она вдруг покраснела от прямого взгляда одного и прямых слов второго художника.

— Да, ты прав! — согласился суровый Клеофрад. — Чистота происхождения по обеим линиям — отца и матери. Ты будешь моей моделью, афинянка! Судьба назначила тебя мне! Видишь, я ждал терпеливо твоей зрелости. — Он вперил в Таис повелительные глаза.

Помолчав, Таис кивнула.

— Ты выбираешь опять то, что не принесет тебе богатства, — задумчиво сказал Лисипп. — Таис слишком обольстительна для образа богини, слишком мала и гибка для коры, не грозна дли воительницы. Она — женщина, а не канон, образ, веками установившийся в эллинском искусстве.

— Мне думается, ты прав и не прав, великий мастер. Когда ты создавал своего Апоксиомена, образ атлета, ты смело отошел от Поликлетова канона, и прежде всего от Дорифора. И я понимаю почему. Дорифор — канон могучего спартанца, воина, который создавался у лакедемонян за тысячелетие выбора родителей, убиения слабых и труднейшего воспитания силы и выносливости. Огромная грудная клетка, брюшные мышцы, в особенности косые боковые, неимоверной толщины. Такой человек может бежать в тяжелой броне много стадий, вести бой с массивным щитом и копьем дольше любого воина любого народа, останется невредим под колесами тяжелой повозки. Так и было до появления сильных луков и камнеметов. Спартанцы били всех врагов без исключения.

— Ты очень верно понял меня, Клеофрад, хоть ты и ваятель жен. Мой Апоксиомен легче и подвижнее. Однако ныне снова все переменилось. Воины пересели на коней, а пехота бьется не один на один, как прежде, а сотнями бойцов, ско-

ванными в единую машину дисциплиной и умением сражаться совместно. Отошли времена и Дорифор, и Апоксиомена!

— Не совсем, о Лисипп, — сказала Таис, — вспомни гипасписто Александра, завоевавших звание «Серебряных щитов». Им понадобилось и тяжелое вооружение, и стремительный бег, и сила удара.

— Правильно, афинянка. Но это особая часть войска, вроде боевых слонов, а не главная масса воинов.

— Боевых слонов, какое сравнение! — засмеялась Таис, умолкла и добавила: — Все же я знала одного спартанца. Он мог служить моделью для Дорифора...

— Конечно, такие мужи еще есть, — согласился Лисипп. — Они стали редкостью именно потому, что более не нужны. Слишком многое надо для создания их, слишком это долго. Войско теперь требует все больше людей и поскорее!

— Мы говорим о мужчинах, — пророкотал Клеофрад, — разве для того мы позвали Таис?

— Да! — спохватился Лисипп. — Таис, помоги нам. Мы начали спор о новой статуе и с нашими гостями, — ваятель показал на группу из четырех человек с густейшими бородами и в странных головных повязках, стоявших особняком от завсегдатаев дома, — индийскими ваятелями — разошлись в главных критериях женской красоты. Они отрицают выдающуюся прелесть статуи Агесандра, и вообще модная ныне скульптура жен им кажется стоящей на неверном пути, не так ли? — Он повернулся к индийцам, и один из них, видимо, переводчик, быстро проговорил что-то на красивом певучем языке.

Один из гостей с самой дремучей бородой энергично закивал и сказал через переводчика:

— Наше впечатление: эллинские художники перестали любить жен и теперь больше любят мужей.

— Странное впечатление! — пожал плечами Лисипп, а Клеофрад впервые широко, с оттенком злорадства, улыбнулся.

— Я ничего не знаю! — запротестовала Таис. — Кто такой Агесандр и что за статуя?

— Новый скульптор появился, великий мастер. Его статуя Афродиты для храма на Мелосе, — пояснил Лисипп, — прославилась среди ваятелей, хотя, мне кажется, она больше похожа на Геру.

— Моделью служила явно не эллинка, а скорее всего сирийка. У этих женщин прекрасные груди и плечи, но отсутствует талия, зад плоский и вислый. Ноги всегда негармонично тонкие, — перебил Клеофрад.

— Все это Агесандр умело задрапировал, — сказал Диосфос, еще один ваятель, знакомый Таис.

— Но не сумел скрыть неуклюжей средней части тела, — возразил Лисипп, — и плохо развитой нижней части живота.

— Не понимаю восторгов, — спокойно сказал Клеофрад, — я не обсуждаю мастерства Агесандра, и нет у меня зависти к его великому умению, а только неприятие выбора модели. Разве у его богини эллинское лицо? Он придал ей канонический профиль, но кости головы покажутся хрупкими и узкими, как то и следует для сирийки или иной женщины из народов восточного берега. Разве никто не заметил, как сближены ее глаза и узки челюсти?

— Что ж в этом плохого? — усмехнулся Стемлос.

— Плохо даже для твоих лошадей, — парировал Клеофрад. — Вспомни широкий лоб Букефала. А для нас, эллинов, древних критян и египтян самый излюбленный образ — это Европа, переводи как хочешь это древнее имя: эвриопис — широкоглазая или эвропис — широколицая, а вернее, и то и другое. До сих пор кости Европы носят на празднике Эллотии на Крите в огромном миртовом венке. Следовало бы и нам, художникам, больше смотреть на своих жен и их прародительниц, а не щеголять поисками чужеземных моделей, которые, может быть, и хороши, но наши — прекрасней.

— Здоровья тебе, Клеофрад! — воскликнул Лисипп. Одно из многих прозвищ моей приятельницы Таис как раз — широкоглазая. Разве ты не заметил, как похожа она лицом на Афину Партенос Фидия? Знаешь, та парадигма — модель для нескольких копий, в короне и с глазами из хризолита?

К удивлению присутствующих, индийцы тоже стали кланяться, складывая руки и восклицая что-то одобрительное.

— Тебе-то хорошо, Эвриопис, — улыбнулся Лисипп афинянке, посмотрел на Эрис и добавил: — Она тоже. Но ведь мы звали тебя послужить моделью для спора. Придется тебе и Эрис постоять обнаженными.

— Зачем Эрис?

— Мы хотим посмотреть в тебе сочетание древней критской и нашей, эллинской, крови. А у Эрис тоже слились древняя нубийская и другая, ливийская, что ли.

— Я не знала, — нахмурилась Таис, — и не накрасила сосков.

— Они у тебя естественно темные, — возразил Лисипп.

— У тебя на все есть убеждение, — вздохнула афинянка.

— Как и следует учителю, — шепнул ваятель. — Стань сюда, — он показал на тяжелый широкий табурет для модели.

Таис послушно сбросила одеяние на руки не терявшей спокойствие Эрис. Общий вздох восхищения пронесся по мастерской. Здесь все преклонялись перед женской красотой, ценя ее как величайшую драгоценность природы.

— Морфе телитерес гоэтис (О чарующие, обворожительные женские формы)! — воскликнул один из молодых поэтов, хиосец. Клеофрад замер, приложив ладонь щитком к левому виску, и не сводил глаз с меднозагорелой фигуры, стоявшей непринужденно, как будто наедине с зеркалом, а не на подставке перед собравшимися. Спокойная уверенность в собственном совершенстве и в том, что она не может вызвать среди художников ничего, кроме благоговения, окружили молодую женщину ощутимым покровительством бессмертных.

— Нашел ли то, что искал? — спросил Лисипп.

— Да! — почти крикнул Клеофрад.

Индийцы вздрогнули, с удивлением взирая на загоревшегося вдохновением эллина.

— Вот древнейший облик жены, — с торжеством сказал Лисипп, — крепкая, невысокая, широкобедрая, круглолицая, широкоглазая — разве она не прекрасна? Кто из вас может возразить? — обратился он к ученикам.

Лептинес, ваятель из Эфеса, сказал, что именно этот облик два века назад придавали художники Ионии, хотя бы Экзекиас или Псиакс. Они будто копировали ее лицо и тело — ваятель показал на Таис, — все, вплоть до круто выпуклых мышц позади, которые так слабы на статуе Агесандра и на произведениях многих афинских современников.

— Я не могу пояснить тебе причину, — сказал Лисипп, — всего два канона скульптур модны с прошлого века. Один — в подражание непревзойденным корам Акрополя — воспроизводит высокую жену с могучей грудной клеткой, с широко расставленными грудями, широкими плечами и брюшными мышцами, подобными атлетам-мужам. Они малоподвижные и не нуждаются в сильном развитии задних мышц, поэтому более плоски позади. Другой канон, введенный Поликлетом, Кресилаем, может быть даже Фрадионом, — это широкоплечая, узкобедрая, малогрудая жена, без талии, более похожая на мальчика, также с неразвитыми позади мышцами. Таковы бегуньи, амазонки, атлетки этих художников. Ты, эфесец, знаешь статуи, что создали для святилища Артемис в твоем городе названные мною ваятели сто или больше лет?

— Они испортили облик Артемис и амазонок, — воскликнул Лептинес. — Влюбленные в юношей-эфебов, они старались в жене найти тот же образ мальчика. А зачем истин-

ному мужу мальчик вместо жены? Простая и суровая жизнь моих предков, бежавших от дорийских завоевателей на берега Малой Азии, создала крепких, сильных, гибких жен небольшого роста. От них и карийских и фригийских жен, что ушли дальше к северу и добрались до Понта, на реке Термодонт возник город амазонок. Они служили Артемис с девизом «никакого подчинения никакому мужу».

— Как интересно ты говоришь, ваятель! — воскликнула Таис. — Так я — жена для нелегкой жизни?

— Или чистого древнего рода, тех, кто жил трудно, — отвечал Лептинес.

— Эфесец, ты увлек нас в сторону, — вмешался Лисипп, — хотя и говоришь интересно. Эрис, становись сюда! — он показал на второй табурет, рядом с Таис.

Черная жрица вопросительно посмотрела на хозяйку.

— Становись, Эрис, и не смущайся. Это не обычные люди, это художники. И мы здесь не просто жены, а воплощение богинь, нимф, муз — всего, что возвышает мужа-поэта, устремляя его мечты в просторы мира, моря и неба. Не сопротивляйся, если они будут ощупывать тебя. Им надо знать, какие мышцы скрыты под кожей, чтобы изобразить тело правильно.

— Я понимаю, госпожа. Почему здесь только мужи, а нет жен-ваятельниц?

— Ты задала глубокий вопрос. Я спрошу Лисиппа. Самой мне думается, что между нами нет такой любви и стремления к облику жены, как у мужей. А до понимания красоты вне личных отношений мы еще не доросли... может быть, из последовательниц Сапфо лесбосской есть и ваятели-жены?

Эрис стала рядом, темная, как египетская бронза, без того уверенного, кокетливого превосходства, какое переполняло Таис, но с еще большим спокойствием равнодушной к земным хлопотам богини, лишь юная живость которой избавляет от впечатления суровой, даже печальной судьбы.

— Бомбакс! — издал возглас изумления Лептипес. — Они похожи!

— Я так и полагал, — сказал Лисипп. — Одинаковое назначение их тел и равная степень гармонии ведут к неизбежному сходству. Но разберем эти черты по отдельности, чтобы понять Агесандра и его предшественников, повернувших моду эллинской скульптуры к чуждым образам и моделям. Ты, Клеофрад, и ты, Лептинес, хотя и молодой, но, видимо, смыслящий в истинном языке форм тела, будете поправлять или дополнять меня, не слишком большого знатока женской красоты.

Не следует повторять распространенной ошибки художников Эллады, от которой были свободны ваятели и живописцы Египта и Крита. Особенно это важно, когда вы стараетесь создать собирательный образ, назначенный донести красоту до всего народа, а не только сделанный для одного заказчика и рождающийся служить лишь двоим: ему и самому художнику. Часто боги, одаряя художника даром видения и повторения, вкладывают ему нежную, чувствительную душу, отнимая за это часть мужества...

Лисипп заметил, как вспыхнули щеки и сошлись брови у его слушателей.

— Я не хочу обвинить художников в малой мужественности в сравнении со средним, обычным человеком. Я говорю о геракловом мужестве в гневной душе, наполняющем героев и людей выдающихся. По сравнению с ними вы нежны...

— И что же в этом плохого? — не стерпел Лептинес, перебив учителя.

— Ничего. Но спрос с большого художника, как с героя, не меньший, если он задался созданием великого произведения искусства! А малое мужество ведет нас к ошибке в выборе модели и образа жены — мы говорим о женах, и здесь это важнее всего. Как часто художник выбирает модель и создает изваяние девы или богини с крупными чертами лица, мужеподобную, широкоплечую и высокую, поддаваясь своему нежному изъяну. Герой никогда не выберет такую, не выберет ее и сильный, мужественный человек, водитель людей. Герою нужна жена с мелкими чертами, полная женственной силы, небольшая и гибкая, способная быть ему подругой и могучее потомство вырастить. Такие избранницы были ведомы художникам ранних времен, ибо сами они были одновременно и воинами, и земледельцами, и охотниками... — Смотрите и слушайте! Рост обеих, как и полагается Харитам, невысок и почти одинаков. У Таис он, — Лисипп прищурил безошибочный глаз, — три локтя три палесты, у Эрис на полпалесты выше. Это меньше современного нашего канона персидских и финикийских жен в жизни.

Вторая важная особенность — сочетание узкой талии с крутизной бедер, образующих непрерывные, без малейших западинок линии амфоры, издревле воспетые нашими поэтами и когда-то столь ценившиеся ваятелями. Теперь, с Поликлета до новомодного Агесандра, что у жен брюшные мышцы такие же, как у мужей, а бедра... про них забыли. Глубокая ошибка! Вот смотрите. — Он подошел к Таис, провел ладонями по ее бедрам. — Широкий таз жены-родительницы требует

уравновешивания. Чем? Конечно, развитием тех мышц, которые слабы у мужей и менее им нужны. Вместо толстого слоя верхних мышц живота хорошо сложенная жена имеет глубоколежащие мышцы, вот эти. — Лисипп надавил на бок Таис так, что у ней вырвался полувздох, полустон.

Эрис бессознательно подняла руку к узлу своих волос.

— Не хватайся за нож, охранительница, — улыбнулся ей художник. — За твою свирепость я буду показывать на тебе. — И Лисипп перешел к Эрис, кладя свои шершавые, высветленные работой в мокрой глине руки на ее темную кожу.

— Вот видите, и у ней тоже очень сильна мышца, скрытая под косой брюшной. Она широким листом распространяется отсюда, от нижних ребер до костей таза и до лобка. К средней линии от нее лежит еще одна, в форме пирамиды. Смотрите, как резко она выделяется под гладкой кожей. — Лисипп коснулся пальцами холмика на лобке. Эрис не дрогнула.

— Эти мышцы поддерживают нижнюю часть живота и вдавливают ее между выпуклыми передними сторонами бедер, у пахов. Это также результат их усиленного развития. Запоминайте лучше, ибо тут очень наглядны отношения, обратные статуе Агесандра, у которой живот внизу слишком сильно выступает. Насколько я понимаю, восхитительную выпуклость бедер спереди дают упражнения мышц, поднимающих ноги вперед. Но этого мало. У нее, — ваятель перешел к Таис, — чрезвычайно сильны те глубокие мышцы, что притягивают ногу к тазу. И у крито-эллинки, и у нубийки нет ни малейшей западинки против сочленения ноги с тазом. Это тоже не случай. Многие обладают этим даром Харит от рождения. У Таис очертания бедер еще круче от упражнения идущих сзади и вверх мышц: вот этой, посредине между двух больших, и других, которых не прощупать, но они приподнимают слой верхних. Все они соединяют таз и бедро, поворачивают ногу, отводят ее назад и в сторону, выпрямляют туловище. Я бы назвал их танцевальными, а те, что сводят ноги, — наездническими! Запомните: жены должны развивать свои глубокие мышцы, а мужи — наружные. Имейте это перед собой, когда создаете образ прекрасный, здоровый и гармоничный, сильный без грубости, какими и надлежит быть дочерям Эллады. И не только Эллады — всей ойкумены! Гибкость без утраты силы Эроса и материнства! Вот идеал и канон, далекий от милосской статуи Агесандра, и в равной степени от бегуний и амазонок Поликлета. Жена не есть нежный юноша — она противоположна и более сильна. У жен всех народов распространены танцы с извивами талии, виляниями и покачивани-

ем бедрами. Это естественные для них движения, упражняющие глубокие мышцы, создающие гибкую талию и полирующие внутренние органы ее чрева, где зачинается и создается дитя. Там, где нет этих танцев, ибо, как я слышал, некоторые народы их запрещают, там деторождение мучительно и потомство слабее.

Великий ваятель закончил речь и отступил, довольный, а бурный восторг учеников, слушавших затаив дыхание, выразил общее согласие.

Клеофрад перешел со своего места и встал между Таис и Эрис.

— Никто не мог сказать более ясно и мудро, чем ты. Я добавлю только одно, может быть потому, что агесандровская Афродита запомнилась как пример, мне антагонистический. Взгляните, перед вами две прекрасные жены очень разных народов. Великий Лисипп сразу показал нам, насколько они похожи, созданы богами по одному канону. Но он забыл об очень важной черте красоты — у обеих груди расположены высоко, широкочашные и более округлы, чем у модели Агесандра. У его Афродиты, несмотря на зрелость тела, груди приострены, как в юности, и в то же время их метрические средоточия по меньшей мере на целый дактиль опущены ниже, чем у Таис и Эрис. Это не ошибка мастера, а лишь слепое следование модели — у сириек нередки такие пропорции.

— Ты прав, Клеофрад, я хуже тебя запомнил творение Агесандра, и я согласен с тобою, — ответил Лисипп.

И великий скульптор Эллады, и оставшийся безвестным мастер немногих изваяний женщин, если бы смогли прозревать будущее, огорчились бы куда сильнее, узнав, что тысячелетия спустя неправильная трактовка Агесандром женского тела будет принята художниками грядущего за истинный канон эллинской красоты...

— Ты тоже хочешь добавить что-то, Лептинес? — спросил Лисипп. Эфесский ваятель простер руку, призывая к тишине.

— Ты также ничего не сказал о задней стороне тела.

— Там нет особенностей в сравнении с Агесандром, то есть со статуей, пробудившей спор между нами, — нахмурился Лисипп.

— Нет, великий мастер, есть! И ты сам сказал об опущенных и плоских ягодицах сирийской модели Агесандра. Как видишь, наша модель сфайропигеон (круглозадая). — Он провел ладонью по воздуху, повторяя очертания Таис и не смея коснуться тела знаменитой красавицы.

— Да, конечно! Причина та же — развитие танцевальных мышц, выгибающих тело назад и вперед. Их наибольшая выпуклость перемещена выше и сильнее выступает, образуя резкую округлость. Милосская статуя плоска в верхней части, модели Поликлета и Кресилая вообще плоскоспинные. Глядя на эти модели, ясно видишь, что, танцуя не только балариту, но даже эвмелейю, они не достигнут первенства. А наши гостьи способны на любой самый трудный танец, не правда ли, Таис?

— Зачем спрашивать у «четвертой Хариты»? — воскликнул Лептинес. — Может ли она? — он указал на Эрис.

— Покажи им, Эрис, прошу тебя, что-нибудь из танцев Великой Матери, — сказала Таис, — это нужно для них.

— Зачем?

— Для понимания женской силы и красоты, для создания изображений богинь, захватывающих воображение тех, кому не пришлось в жизни встретить тебе подобных.

— Хорошо, госпожа!

И черная жрица повела плечами, изворачиваясь винтом то в одну, то в другую сторону, несколько раз перегнулась, разминаясь.

Окружающие поспешно отступили, толкая друг друга.

Эрис вынула из волос кинжал и благоговейно подала его Таис. Лептинес попытался было посмотреть оружие, но Эрис так сверкнула на него глазами, что он отдернул руку. Зато Лисиппу она позволила взять кинжал. Великий художник замер при виде древней драгоценности. Узкий клинок из твердейшей черной бронзы, отделанный параллельными золотыми бороздками, увенчивал рукоятку из электрона в форме «тау» очень тонкой работы. Верхняя горизонтальная перекладина, слегка выгнутая, с головами грифов на обоих концах, была отлита заодно с утолщенной посередине цилиндрической ручкой, пересеченной поперек кольцеобразными бороздками. Между бороздками, с внешней стороны, ручку украшали три круглых черных агата. У клинка рукоятка разветвлялась надвое, охватывая утолщенное основание двумя когтистыми лапами грифов. Оружие создавали мастера, умершие немало веков тому назад. Оно стоило больших денег, однако все черные жрицы были вооружены точно такими кинжалами. Таис взяла нож у Лисиппа, и Эрис облегченно вздохнула. Повернув голову к Таис, она попросила напеть утренний гимн Матери Богов, известный афинянке.

— Начни медленно, госпожа, и ускоряй ритм через каждую полустрофу.

— «Ранней весной я иду по белым цветам асфоделей, — начала Таис, — выше встает солнце, ускользает тень ночи...»

Эрис подняла руки над головой, сложив их особенным способом — ладонями вверх, и медленно стала выгибаться назад, устремив глаза на свою грудь. Когда темные кончики ее широких, как степные холмы, грудей встали вертикально, будто указывая в зенит неба, Эрис повернула лицо направо и, отбивая ритм правой ногой, начала поворачиваться справа налево, поднимая и вытягивая для равновесия правую ногу. Между полузакрытыми веками ее глаз просвечивали полоски ярких голубых белков, а рот сложился в недобрую белозубую усмешку.

Таис ускорила ритм напева. Не меняя позы, Эрис вращалась то в одну, то в другую сторону, неуловимо перебрасывая ступни босых ног.

Лисипп радостно показывал на нее — кто, кроме особо подготовленной танцовщицы, мог бы сделать такое?

Таис хлопнула в ладоши, останавливая черную жрицу, и та, распрямившись рывком, замерла.

— А теперь покажи им еще священный танец мю, — сказала афинянка.

— Здесь, перед сборищем мужей? — усомнилась Эрис.

— Говорю тебе, это не просто мужи, а художники и поэты. Покажи только вступление...

Эрис послушно встала в позу ореады дионисийских мистерий: руки сплетены в пальцах и положены на голову, тело выпрямлено, ступни скрещены, упираясь на пальцы. Афинянка попросила барабан или бубен. Инструмента в доме ваятеля не оказалось. Принесли огромный систр — полумесяц из сильно звенящего серебряного сплава, подвешенный на двух цепочках. Таис ударила деревянным молотком. Гулкий звон наполнил весь дом. Эрис вздрогнула, а систр продолжал звенеть, не давая ритма. Таис стала прижимать пальцами рог серпа вслед за ударами. Получилась нужная отрывистость ритма.

Удар — правое бедро Эрис выдалось в резком изгибе, чтобы опасть со следующим звоном систра, в то время как мышцы по обе стороны пахов вздулись, углубляя нижнюю часть живота. Еще удар — выступило левое бедро, а талия вжалась сильной западиной, как будто ее перетянули верейкой. Казалось, по линиям тела Эрис прочертилась буква «мю», священный женский знак. С повторением мелодии систра знак за знаком проносились по телу черной жрицы, ускоряя свой бег.

Фрагмент танца, который удавалось целиком увидеть лишь немногим, произвел сильнейшее впечатление на индийских художников. Старший из них склонился вперед, простирая руки. Эрис остановилась. Он сорвал драгоценный камень, сверкавший над его лбом в головной повязке, и протянул Эрис, проговорив что-то на своем непонятном языке. Эрис посмотрела на хозяйку, та — на переводчика.

— Наш прославленный мастер подносит свою единственную драгоценность в знак предельного восхищения совершенством души, тела и танца: всех трех главных составляющих читрини, — сказал переводчик.

— Видишь, Эрис? Придется взять дар. От такого знака уважения не отказываются. Чужеземец разглядел в тебе совершенство души, а вот нашим мастерам твое положение мешает, — тихо прибавила Таис своей рабыне. — Как сказал индиец? Читрини? Что это такое? — громко спросила она.

— Попросим почтенного гостя разъяснить, — поддержал Лисипп.

Пожилой индиец попросил доску с нанесенным на нее слоем алебастра. Такие употреблялись художниками для больших эскизов. Переводчик выступил вперед, поклонился, воздел руки и сложил их передо лбом в знак готовности служить гостю и хозяину.

— Поклонение женщине, ее красоте у нас, мне кажется, сильнее, — начал индиец, — и сила прекрасного в нашей стране больше, чем у вас. Мы считаем, что любовное соединение мужчины и женщины в должной обстановке увеличивает духовность обоих и улучшает Психею — душу зачинаемого потомства. Сами великие и величайшие боги не только покорны чарам небесных красавиц — апсар, гетер в вашем понимании, но и пользовались ими как могущественным оружием. Главная гетера небес Урваши назначена соблазнять мудрецов, когда они достигают слишком высокого совершенства в могуществе с богами. У нас физическая любовь возвышена не только до служения красоте и тайнам природы, как в Элладе, но до служения богам, как это было у предков индийского народа на Крите, в Азии и Финикии.

В сонме богов и богинь многочисленны солнечные красавицы небес — сурасундари, или апсары, помощницы Урваши. Одно из главных дел их — вдохновлять художников на создание прекрасного для понимания и утешения всем людям. Солнечные девушки несут нам, художникам, собственный образ и потому называются читрини: от слова «читра» — картина, изваяние, словесное поэтическое описание. Наделяя

волшебной силой искусства, способностью творить чудо красоты, читрини подчиняют нас всеобщему закону: кто не выполнит своей задачи, теряет силу и слепнет на невидимое, становясь простым рукоделом...

— Как это похоже на орфическое учение о музах, — шепнул Лисипп Таис. — Недаром, по преданию, Орфей принес свои знания из Индии.

— Или Крита, — чуть слышно ответила афинянка.

— Один из главных секретов мастерства художников, — продолжал индиец, — неисчерпаемое многообразие красок и форм мира. Душа любого человека всегда найдет отклик на свой зов (если позовет), а тайна разожжет интерес. Но есть главные формы, как и главные боги. Выражение их — самое трудное и требует от мастера возвышенного подвига. Зато созданное переживет горы и реки на лике Земли, уподобившись вечной жизни высшего мира.

Вот почему весь сонм читрини отличается общими, свойственными им всем чертами. Женский облик этот описан поэтом за полторы тысячи лет до нас.

Индиец простер руки, заговорил нараспев на каком-то другом языке, очевидно, цитируя. Переводчик беспомощно оглянулся. Тогда другой индиец стал переводить ему на обычный, доступный для его понимания язык.

«Эта женщина — радостная танцовщица, смелая возлюбленная, гибкая и сильная Читрини — невысокого роста, с очень тонкой талией и круто выгнутыми бедрами, с сильной стройной шеей, с маленькими руками и ногами. Ее плечи прямые, у́же, чем бедра, ее груди очень крепкие, высокие, сближены между собой, потому что широки в основании. Лицо ее кругло, нос прямой и маленький, глаза большие, брови узкие, волосы чернее индийской ночи. Ее естественный запах — меда, уши маленькие и высоко посаженные...» — индиец прервал сам себя, и остановилась вся цепочка перевода.

— А теперь взгляните на них, — вдруг сказал он, простирая руку к Таис и Эрис, — вдохновленный богами поэт, столь давно умерший, описал и ту и другую. Разве нужно другое доказательство бессмертия красоты читрини?

Эллины разразились шумными возгласами одобрения и восторга. Польщенный успехом у греческих мастеров, индийский ваятель сделал знак, чтобы придвинули алебастровую доску. Схватив кусок угля, он стал с поразительной точностью очерчивать линии женской фигуры ни разу не дрогнувшей рукой, несмотря на грубую поверхность доски.

— Древние символы тела читрини, иначе Истины, иначе Музы — по-вашему (Лисипп чуть подтолкнул Таис), таковы... — Индиец начертил опрокинутый треугольник лобка и из его вершины, как из центра, обвел круг, вписав его в бедра без единой западинки, строгой и чистой линией.

— Вниз от этого мощного средоточия женской силы к коленям линии суживаются и переходят в стройные ноги — легкая и подвижная поддержка. Это означает, что женская мощь не прирастает к земле, а легко отделяется от нее. Как часто ваятели совершают ошибку, создавая ноги подобные вросшим в землю бревнам — мнимый символ плодородия.

Вверх этот круг женской силы и красоты резко суживается в тонкую талию — колонну, несущую устремленные вперед груди — символ животворного и бескорыстного даяния и служения матери. Посмотрите опять на ваших читрини — меднокожая, кормившая ребенка, и темнокожая, не рожавшая и не кормившая. Ты, афинянин, мне кажется, преуменьшил ошибку Агесандра в расположении грудей его Афродиты. Я сам мерил статую на Мелосе. По нашему канону читрини, центры грудей должны приходиться чуть выше западинки мышцы на плече, которая раздвояется и зовется эллинами дельтой. А это получается на полтора дактиля выше модели Агесандра. Померь любую: меднокожую или темнокожую вашу модель, и ты увидишь, что мы, индийцы, более требовательны к природе красоты груди, чем вы, но не египтяне и не критяне, понимавшие истинные соотношения. Мало того, смотри, центры сближены между собою больше, чем у Агесандра, так что окружности оснований чуть касаются друг друга в срединной ложбинке. И это не мрамор и не бронза — живое тело перед тобой. У обеих одинаково твердые с обращенными вверх сосками груди, как и должно быть у идеально здоровых женщин. Поэтому читрини может быть и девушкой и женщиной, но сила тела у той и у другой должна быть одинакова, что мы и стараемся передать в наших скульптурах.

Выше над торсом развернуты плечи, поднята на стройной шее голова, раскрыты обнимающие мир любовью и лаской руки. Это мы называем путем Тантр! Из земной, темной и бессознательной силы женского круга поднимается и растет стремление к небу, стремление объять и любить мир. Такова символика ваятелей Индии, таково значение читрини.

Индиец кончил речь и чертежи, поклонился и отступил.

Лисипп, который несколько времени назад велел принести ларец из другой комнаты, подошел к оратору, бережно неся статуэтку из слоновой кости и золота в один подвес высотой.

— Дар тебе, индиец, подтверждение сказанного тобой. — Лисипп поднял изваяние на ладони, придерживая сзади.

Статуэтку полуобнаженной женщины время повредило немного, попортив лицо, головной убор и правую руку. Левой женщина придерживала широкую, до пят, юбку с двумя набегающими сверху воланами, глубокими клиньями опущенными вниз по средней линии, подобно букве «мю» с удлиненной и острой серединой. Свободный широкий пояс отвисал косо, открывая почти весь живот, осиную талию и верхнюю часть крутого изгиба бедер. Большие, полушариями выдающиеся, высоко и тесно посаженные груди казались чрезмерно развитыми для узкого торса и нешироких плеч. Лицо, поврежденное временем, сохранило круглое очертание и упорный взгляд длинных, широко расставленных глаз.

— Читрини? — спросил, улыбаясь, Лисипп.

— Читрини! — закивал индиец. — Откуда?

— С острова Крита. Знатоки считают, ей тысяча пятьсот лет. Значит, она — ровесница твоего поэта. Возьми!

— Мне? — Индиец отступил в благоговейном ужасе.

— Тебе! Отвези в свою страну, где верования, каноны искусства и отношение к женам так перекликаются с великим погибшим искусством Крита.

Индиец что-то сказал сотоварищам, и те заговорили громко и возбужденно, взмахивая рунами, будто афиняне на Агоре.

— Сегодня для нас в твоем доме поистине празднество, о мудрый учитель, — снова заговорил старший индиец, — мы давно слышали о твоей славе самого неподкупного и самого великого художника Эллады, пришедшего в Азию вместе с Александром. И убедились в том, что куда больше славы в глубине и щедрости твоих знаний, увидели в твоем доме сразу двух сурасундари — читрини. Но этот твой дар совершенно особенный. Возможно, при всей твоей мудрости ты не знаешь о предании, что на западе существовала страна, погубленная страшными землетрясениями, подводными извержениями вулкана...

— Знаю, знает и она, — ответил Лисипп, указывая на Таис, — и те из моих учеников, что читали «Критий» и «Тимей» Платона. На западе лежала богатая и могущественная морская держава со столицей — Городом Вод, погибшая от гнева Посейдона и Геи. Египетские жрецы, от которых узнал предание Платон, не дали точного нахождения этой страны, прозванной Атлантидой. Последователи Платона считают Атлантиду лежавшей западнее Геркулесовых Столбов в великом океане.

Правда, «Критий» остался неоконченным — и мы не знаем, что еще сказал бы нам сам мудрец.

— Тогда тебе известно другое. Наша легенда говорит, будто морская держава находилась в вашем море. Ее положение, описание и время совпадают с островом Крит. Время гибели — не страны, а ее мудрости и цвета народа — совершилось одиннадцать веков тому назад.

— Как раз время падения Критской державы при страшном извержении и наводнении, — сказал Лисипп, обращаясь к Таис.

— Некоторые из наиболее умелых и знающих людей Крита, уцелевших от гибели и пленения народами, напавшими на Крит, едва рухнуло его могущество и погиб флот, бежали на восток, на свою прародину в Ликаонию и Киликию, а также Фригию. Найдя места для поселения занятыми, они продолжали странствовать. Предание не говорит ничего о том, как достигли они реки Инд, где основали свои города, найдя родственные им народы дравидов и научив их искусствам. Прошли они сухим путем через Парфию, Бактрию и горы или сумели сплыть вниз по Евфрату и попасть в устье Инда морем, пользуясь умением выдающихся мореплавателей, — в предании нет ни слова. Теперь ты видишь, что дар твой — священен, ибо сквозь тысячу лет передает нам изделие ваятеля из тех, что основали искусство нашей страны. Нет слов благодарности тебе, Лисипп!

Индийцы как один согнулись в низком поклоне перед несколько ошеломленным великим ваятелем. Затем старший индиец приблизился к Таис и Эрис, ослепительно красивым в солнечно-желтой и темно-голубой эксомидах. Взяв руку каждой поочередно, он приложил их ко лбу и сказал непонятные, похожие не то на молитву, не то на заклинание слова, оставшиеся без перевода.

Затем четверо индийских гостей, накрыв статуэтку белоснежной тканью, благоговейно понесли ее домой. Эрис стояла потупив взгляд, еще более смуглая от жаркого румянца. Лисипп, глядя вслед гостям, только развел руками.

— Я согласен с индийским мастером, что в жизни редко выпадают такие интересные дни встреч и бесед, — заявил он.

— Хотелось бы встретиться с ним еще, — сказала Таис.

— Ты скоро увидишься с путешественником из еще более далекой и странной Срединной Империи, только что прибывшим в Экбатану.

— Я приглашу его к себе?

— Нет, у них это, может быть, не принято. Лучше приходи ко мне. Я устрою так, чтобы избежать сборища и беседовать наедине. Уверен, что тебя, да и меня, ожидает немало нового.

Таис обрадованно хлопнула в ладоши и нежно поцеловала своего друга, заменившего ей мемфисского учителя.

Однако новости начались совсем в другом виде, чем ожидала этого Таис.

Через день после знакомства с Клеофрадом к Таис явился один из участников собрания в доме Лисиппа, ценитель искусства — богатый молодой лидиец, умноживший свое состояние на торговле рабами и скотом. Он приехал в сопровождении писца и сильного раба, тащившего тяжелый кожаный мешок.

— Ты не откажешь мне в просьбе, госпожа Таис, — начал он без промедления, обмахиваясь душистым лиловым платком.

Афинянке сразу не понравился тон полупросьбы-полуутверждения, небрежно оброненного с красивых губ лидийца. Не понравился и он сам. Все же по законам гостеприимства она спросила, в чем состоит просьба.

— Уступи мне свою рабыню! — настойчиво сказал лидиец. — Она прекрасней всех, кого я видел, а через мои руки прошли тысячи...

Таис облокотилась на балюстраду веранды, уже не скрывая презрительной усмешки.

— Ты напрасно усмехаешься, госпожа. Я принес тебе, зная цену хорошей вещи, два таланта. — Он показал на могучего раба, вспотевшего под тяжестью небольшого мешка с золотом. — Цена неслыханная для темнокожей рабыни, но я не привык себе отказывать. Увидев ее, я воспылал необоримым желанием!

— Не говоря о том, что в этом доме ничего не продается, — спокойно сказала Таис, — о том, что Эрис не рабыня, эта жена тебе не под силу, она не для обычного смертного.

— А я и есть не обычный смертный, — важно сказал лидиец, — и понимаю толк в любви. И если она не рабыня твоя, то кто же?

— Богиня! — серьезно ответила Таис.

Лидиец захохотал.

— Богиня у тебя в услужении? Это слишком даже для такой знаменитой и красивой гетеры, как ты.

Таис выпрямилась.

— Пора тебе уходить, гость! Невоздержанного на язык и не знающего правил приличия у нас, в Афинах, скидывают с лестницы!

— А у нас помнят слова и добывают желаемое любыми способами. Цель оправдывает средства! — с угрозой сказал богач, но Таис, не слушая, взбежала на верхний балкон.

Спустя день, когда Эрис пошла в сопровождении Окиале для каких-то покупок, лидийский знаток женщин остановил ее и соблазнял всяческими обещаниями. Эрис, не дослушав, пошла дальше. Разъяренный торговец рабами схватил ее за плечо — и чуть не упал от жестокого удара. Вне себя он бросился на рабыню и застыл перед острием кинжала, точно нацеленного в место, где расходятся ребра.

Эрис со смехом рассказала хозяйке о неудачном поклоннике, и афинянка смеялась вместе с ней. К несчастью, обе молодые женщины оказались легкомысленными, не зная тяжелой и мелочной злобы азиатских торговцев живым товаром.

Прибыл очередной караван из Бактрии. Таис прихорашивалась, собираясь повидать начальника и узнать последние военные новости. К своей досаде, она обнаружила, что кончилась темно-пурпурная краска из кипрских раковин для подкрашивания кончиков грудей и пальцев ног. Эрис взялась пробежать до рынка. Быстрее нее мог съездить лишь верховой, но не в рыночной тесноте. Таис согласилась.

Эрис отсутствовала гораздо дольше. Обеспокоенная афинянка послала быстроногую девчонку, падчерицу Ройкоса, узнать, не случилось ли чего. Девочка примчалась едва дыша, бледная, потеряв поясок, и сообщила, что Эрис связана, окружена толпой мужчин и ее собираются убить.

Таис предчувствовала недобрую тень над Эрис, и вот несчастье пришло. Спокойная хозяйка важного дома мигом превратилась в отчаянную амазонку прежних лет. Ройкос уже вывел Боанергоса и Салмаах, вооружился щитом и копьем. Таис вспрыгнула на Салмаах, потому что дикая злоба кобылы могла прийтись кстати, взяла в зубы нож, а в руки тяжелую палку. Сломя голову понеслись они по узкой крутой улице. Эрис всегда ходила этим путем. Таис не ошиблась. В широком полупортике — углублении высокой стены — она увидела небольшую толпу, обступившую пятерых здоровенных рабов, схвативших Эрис. Руки черной жрицы были нещадно закручены назад, шею под горлом оттягивала толстая веревка, а один из рабов старался поймать ее ноги. На солнце, в уличной пыли перед Эрис валялся знакомый уже Таис лидиец, с распоротым животом и вывалившимися кишками. В мгновение Таис сообразила, как действовать.

— И-и-иэх! — дико взвизгнула она над ухом Салмаах. Кобыла, точно взбесившись, ринулась на людей, брыкаясь и ку-

саясь. Таис без малейшего сожаления принялась молотить палкой по головам рабов. Ошеломленные люди выпустили руки Эрис. В тот же миг Таис перерезала левой рукой веревку, а Салмаах опустила передние копыта на спину согнувшегося к ногам Эрис человека. Ройкос тоже не бездействовал. От крепкого удара щитом прямо в лицо упал навзничь один из крутивших руки Эрис рабов, другой отскочил, хватаясь за нож, но старый воин занес копье. Со всех сторон с криком сбегались люди. Таис, снова взяв нож в зубы, подала руку Эрис, повернула вздыбившуюся кобылу. Черная жрица легко вспрыгнула на круп позади Таис. Лошадь вынесла женщин из толпы. Ройкос прикрывал бы отступление, если бы это понадобилось. Рабы не посмели преследовать афинянку, сочувствие толпы полностью было на стороне красавиц, а инициатор нападения лежал, стеная и всхлипывая, поддерживая ладонями сизые, в кроваво-желтом жире кишки.

Таис велела Ройкосу сказать обступившим раненого людям, чтобы его не трогали до прихода помощи, и нестись к самому знаменитому врачу Экбатаны.

Афинянка помчалась домой, осмотрела Эрис, велела искупаться в бассейне и принялась смазывать лекарством многочисленные царапины на ее необычайно плотной и упругой темной коже. Эрис, чрезвычайно довольная, что ее священный кинжал остался неприкосновенным, рассказала хозяйке о приключении.

Лидиец с пятью силачами-рабами подкарауливал Эрис, выследив ее дорогу. Они схватили ее так, что она не смогла вырваться, и повлекли в портик. Лидиец постучал. Дверь в глубине приоткрылась. Вероятно, Эрис затащили бы внутрь и накрепко связали. На свою беду, лидиец рано восторжествовал, пожелав сорвать одежду черной жрицы.

— На случай насилия над нами мы носим в сандалии. — Эрис подняла правую ногу. На подошве, впереди межпальцевого ремня, выступал продольный валик кожи. Передвинув большой палец в сторону, Эрис стукнула носком по полу — и выскочило скрытое в коже, подобно когтю леопарда, отточенное как бритва острие. Взмах страшного когтя мог нанести огромную рану. Выпущенные кишки лидийца служили наглядным примером.

Таис покончила с лечением Эрис, дала ей отвара мака и, невзирая на протесты, уложила. Явился Ройкос с запиской от врача, которому уже стало известно все происшествие.

«Я зашил живот негодяя толстой ниткой, — писал Алькандр, — если не помешает жир, будет жить». И лидиец дейст-

вительно выжил. Три недели спустя он появился у Лисиппа с жалобой на Таис, показывая отвратительный рубец, косо и криво рассекавший его изнеженное тело. Таис сочла необходимым рассказать все начальнику города. Лидийца выслали с запрещением появляться в Экбатане, Сузе и Вавилоне.

На следующий день после нападения Таис призвала к себе Эрис и встретила рабыню стоя, необычайно серьезная и строгая.

В удобных креслах вавилонской работы восседали с видом судей Лисипп и Клеофрад. По трепету ноздрей Таис заметила скрытое беспокойство черной жрицы.

— Я свидетельствую перед двумя уважаемыми и всем известными гражданами старше тридцати лет, — произнесла афинянка установленную формулу, — что эта жена по имени Эрис не является моей рабыней, а свободна, никому ничем не обязана и в своих действиях сама себе госпожа!

Изумленная Эрис вытаращила глаза. Ее белки показались громадными на бронзовом лице.

Клеофрад, как старший, встал, скрывая усмешку в серо-черной бороде.

— Мы должны осмотреть ее, дабы установить отсутствие каких-либо порочащих отметин и клейм. В этом нет надобности, ибо не далее как пять дней назад мы оба видели ее без одежды. Я предлагаю подписать. — Он склонился над заготовленным заранее документом и черкнул свой знак вечными чернилами дубовых орешков. Подписавшись в свою очередь, Лисипп и Таис подошли к окаменевшей Эрис. Лисипп мощными пальцами ваятеля разогнул и снял серебряный браслет выше левого локтя.

— Ты прогоняешь меня, госпожа? После всех моих клятв? — печально сказала Эрис, бурно дыша.

— Нет, совсем нет. Только ты не можешь больше считаться моей рабыней. Довольно напрасного ношения маски. Рабыней считала себя Гесиона, тоже бывшая жрица, как и ты, только другой богини. А теперь, ты знаешь, «рожденная змеей» — моя лучшая подруга, заменившая мне прекрасную Эгесихору.

— Кого же заменю я?

— Тебе не нужно никого заменять, ты сама по себе.

— И я буду жить здесь, с тобой?

— Сколько захочешь! Ты стала мне близким и дорогим человеком. — Афинянка крепко обняла ее за шею и поцеловала, почувствовав, что тело черной жрицы дрожит заметной дрожью.

Две крупные слезинки скатились по темным ее щекам, плечи обмякли, и вздох вырвался следом за исчезающей, как проблеск зарницы, улыбкой.

— А я подумала, что пришел мой смертный час, — просто, без всякой позы сказала черная жрица.

— Каким образом?

— Я убила бы себя, чтобы ждать на берегу Реки!

— А я догадался о твоей ошибке, — сказал Клеофрад, — и следил, чтобы помешать тебе.

— Не все ли равно — раньше или позже? — пожала плечами Эрис.

— Не все равно. Позже ты поняла бы все, что не сумела сообразить сейчас, и подвергнула бы Таис и нас тяжким переживаниям от глупой неблагодарности.

Эрис с минуту смотрела на ваятеля и вдруг склонилась на колено и поднесла к губам его руку. Клеофрад поднял ее, поцеловал в обе щеки и усадил в кресло рядом с собой, как и полагалось свободной женщине. Таис встала и, кивнув Эрис — сейчас вернусь, — вышла.

— Расскажи нам о себе, Эрис, — попросил Лисипп. — Ты должна быть дочерью известных родителей, хорошего рода по обеим линиям — мужской и женской. Такое совершенство, каллокагатия, приобретается лишь в долгой огранке поколений. Это не то, что талант.

— Не могу, великий ваятель! Я не знаю ничего и лишь смутно помню какую-то другую страну. Меня взяли в храм Матери Богов совсем маленькой.

— Жаль, мне было бы интересно узнать. Наверняка подтвердилось бы то, что мы знаем о наших знаменитых красавицах: — Аспазии, Лаис, Фрине, Таис и Эгесихоре...

Таис вернулась, неся на руке белую, отороченную голубым эксомиду.

— Надень! Не стесняйся, не забывай, это — художники.

— В первое же посещение я почувствовала, что они другие, — ответила Эрис, все же укрываясь за хозяйку.

Таис причесала Эрис и надела ей великолепную золотую стефане. Вместо простых сандалий, хотя бы и с боевыми когтями, афинянка велела надеть нарядные, из посеребренной кожи, главный ремешок которых привязывался двумя бантами и серебряными пряжками к трем полоскам кожи, охватывающим пятку, и широкому браслету с колокольчиками на щиколотке. Эффект получился разительным. Художники стали хлопать себя по бедрам.

— Так ведь она — эфиопская царевна! — воскликнул Лисипп.

— Я отвечу тебе, как и тому одержимому злобой ливийцу. Она не царевна — она богиня! — сказала Таис.

Великий ваятель испытующе посмотрел на афинянку — шутит или говорит серьезно, не понял и на всякий случай сказал:

— Согласится ли богиня служить моделью для моего любимого ученика?

— Это непременная обязанность богинь и муз, — ответила вместо Эрис ее бывшая владелица.

Глава тринадцатая
КЕОССКИЙ ОБЫЧАЙ

Жизнь Таис в Экбатане, после того как Клеофрад начал лепить ее, а Эхефил — Эрис, приняла однообразное течение. Обеим пришлось вставать с первыми лучами рассвета. Ваятели, как и сам Лисипп, любили утренние часы, едва солнце вставало из-за восточных холмов и облака над гигантским гранитным хребтом на западе розовели и разбегались от мощи Гелиоса. Эхефил не торопился, работал медленно и не слишком утруждал Эрис. Зато Клеофрад, будто одержимый священным безумием, трудился яростно. Выбранная им поза была очень нелегкой даже для столь хорошо развитой физически женщины, как Таис.

Лисипп, отгородивший обоим ваятелям часть веранды, неоднократно являлся выручать приятельницу.

От Птолемея приходило удивительно мало вестей. Он перестал писать длинные письма и только два раза сообщил о себе устными донесениями возвращавшихся в столицу Персии заболевших и раненых военачальников. Все шло благополучно. Оба отряда, на которые разделилась армия — Гефестиона и Александра, — разными дорогами одолели ледяные перевалы ужасной высоты, где человек не мог согреться и страдал сонной одурью. Теперь войска спускались к желанному Инду.

Однажды Лисипп увел Таис в свои покои. Там, за тщательно скрытой дверью, находилась абсида с высоким, щелью, окном, напомнившим Таис мемфисский храм Нейт. Слепящий луч полуденного солнца просекал толстую стену и падал на плиту чистого белого мрамора, отбрасывая на Лисиппа столбик света. Суровая серьезность и этот свет на голове ваятеля придавали ему вид жреца тайного знания...

— Наш великий и божественный учитель Орфей открыл овомантию, или гадание по яйцу. В желтке и белке иногда удастся распознать заложенное в него будущее птицы. То, что

она, родившись, должна перенести в своей жизни. Разумеется, только посвященные, умеющие найти знаки и затем разгадать их посредством многоступенчатых математических исчислений, могут предсказывать. Птицы имеют разное жизненное назначение. Для того, что хочу я узнать, необходимо яйцо долго живущей и высоко летающей птицы, лучше всего грифа. Вот оно. — Ваятель взял из овечьей шерсти большое серое яйцо. — В помощь ему будет второе, от горного ворона! — Лисипп ловко рассек острым кинжалом яйцо грифа вдоль и дал содержимому растечься по мрамору. Яйцо ворона он вылил на чернолаковую плитку, зорко вглядываясь в то и другое, сопоставляя, что-то шепча и ставя непонятные значки на краях мраморной плиты. Не смея пошевелиться, Таис, без малейшего понимания, наблюдала за происходящим.

Наконец Лисипп принялся подсчитывать и соображать. Таис, наслаждаясь отдыхом после нещадной тирании Клеофрада, и не заметила, как солнечный луч сдвинулся влево, сползая с доски. Лисипп резко встал, отирая пот с большого лысоватого лба.

— Индийский поход ждет неудача!

— Что? Все погибли там? — очнулась Таис, с испугом осознав слова ваятеля.

— На это нет и не может быть указаний. Течение судьбы неблагоприятно, и пространство, которое они рассчитывают преодолеть, на самом деле непреодолимо.

— Но ведь у Александра карты, искусные географы, криптии, кормчие — всё, что могла ему дать эллинская наука и руководство великого Аристотеля.

— Аристотель оказался слеп и глух не только к древней мудрости Азии, но даже к собственной науке эллинов. Впрочем, так всегда бывает, когда прославленный, преуспевший на своем пути забывает, что он — всего лишь ученик, идущий одним из множества путей познания. Забывает необходимость оставаться зрячим, храня в памяти древнее, сопоставляя с ним новое.

— Что же он забыл, например?

— Демокрита и Анаксимандра Милетского, пифагорейцев, Платона, учивших, согласно с нашими орфическими преданиями, что Земля — полушарие и даже — шар. Потому все исчисленные для плоской земли расстояния карты Гекатея неверны. Эвдокс Книдский, живший в Египте, исчислил по звезде Канопус размеры шара Геи в 380 тысяч стадий по окружности. Мудрецы эти писали, что до звезд расстояния непостижимо велики для человеческого ума, то есть темные

звезды и есть множество земель, обитаемых подобно нашей Гее. Что кроме известных планет есть еще далекие и мы их не можем видеть своим зрением, как не всякий видит рога планеты Утра, посвященной твоей богине.

Таис оглянулась встревоженно, как бы боясь увидеть за спиной кого-нибудь из разгневанных олимпийцев.

— Как же мог узнать Демокрит о планетах, невидимых для него?

— Думаю, от учителей, владевших познаниями древних. В одном вавилонском храме мне показали маленькую башню с медным куполом, вертящимся на толстой оси. В купол было вделано окно из выпуклого куска прозрачного горного хрусталя, великолепно полированного. Круглое это окно в три подеса диаметром называлось издревле еще халдеями Око Мира. Через него в ночном небе жрецы разглядели четыре крохотных звездочки у самой большой планеты и увидели зеленоватую планету дальше мрачного Хроноса. Видел ее и я...

— И Аристотель не знал ничего об этом?

— Не могу сказать тебе — пренебрег или не знал. Первое хуже, ибо для философа преступно! Что земля шар — он пишет сам, однако оставил Александра в невежестве.

— Чего же еще не знает учитель Александра?

— Ты задаешь вопрос — для орфика, верящего в безграничность мира и познания, недопустимый!

— Прости, учитель! Я невежественна и всегда стараюсь черпнуть из источника твоих знаний.

— Аристотель должен был знать, — смягчился Лисипп, — что несколько столетий назад финикийцы по приказу фараона Египта оплыли кругом всю Либию, затратив на этот подвиг два года с половиной, и доказали, что Либия — остров, величиной превосходящий всякое воображение. Они не встретили края мира, богов или духов, только солнце стало выделывать странные вещи на небе. Оно поднималось в полдень прямо над головой, дальше тень стала опять с наклоном, хотя мореплаватели по-прежнему направлялись к югу. Потом солнце стало вставать не по левую, а по правую руку.

— Не понимаю, что бы это значило?

— Прежде всего что они обогнули Либию и повернули на север, плыли все время вдоль берегов. Изменение же полуденной точки солнца по мере их плавания то к югу, то к северу говорит об одном, что давно уже знали орфики и жрецы Индии и Вавилона, избравшие символом мира — колесо.

— Но колесом выглядит и земля на картах Гекатея!

— Плоским. Орфики давно знают, что это колесо — сфера, а индийцы давно считают землю шаром.

— Но если так, то Александр старается достичь пределов мира, не зная его истинного устройства и размеров. Тогда Аристотель...

— Тысячи мнимых пророков обманывали тысячи царей, уверенные в истинности своих жалких знаний.

— Их надо убивать!

— Разве ты столь кровожадна?

— Ты знаешь, что нет! Те, кто проповедуют ложные знания, не ведая истины, принесут страшные бедствия, если им следуют такие могущественные завоеватели и цари, как Александр.

— Пока Аристотель не принес Александру беды. Даже обратное. Убедив его в близости пределов мира, он заставил его рваться изо всех сил к этой цели. У Александра есть доля безумия от вакхической матери. Он вложил ее в свои божественные силы и способности полководца.

— А когда истина откроется? Простит ли Александр невежество в географии?

— Частично оно уже раскрыто. Недаром Александр повернул в Индию путем Диониса. Может быть, он узнал о Срединной Империи?

— Ты хотел показать мне человека оттуда!

— Хорошо! Завтра! А сейчас иди к Клеофраду, или он разнесет все мое собрание египетских статуэток. Я неосторожно оставил их в мастерской!

Действительно, она нашла афинского ваятеля мечущимся по веранде подобно леопарду. И была наказана позированием до вечера. Эрис, давно освободившаяся, заждалась ее в саду Лисиппа.

— Скажи, госпожа, — спросила афинянку Эрис на пути к дому, — что заставляет тебя послушно служить моделью, утомляясь сильнее, чем от любого дела, теряя столь много времени? Или они дают много денег? Я не верю, чтобы Клеофрад был богачом.

— Видишь ли, Эрис, каждый человек имеет свои обязанности, соответственно тому, как одарила его судьба. Чем дар выше, тем больше должны быть обязанности. У царя — забота о своих подданных, о процветании своей страны, у художника — сотворить такое, что доставило бы радость людям, у поэта...

— Я все поняла! — перебила Эрис. — Меня учили, что если дана красота, и бóльшая, чем у подруг, то служение мое должно быть тоже большим и трудным.

— Ты сама ответила на свой вопрос. Мы одарены Афродитой, и мы обязаны служить людям, иначе исчезнет божественный дар прежде исполнения предназначенного. Есть немало ваятелей и художников, которые заплатили бы горсть золота за каждый час позирования, но я без единого обола буду покорной моделью Клеофрада. А ты?

— Эхевил спрашивал меня, и я отказалась, чувствуя, что служу Великой Матери, а за это, как ты знаешь, нельзя брать деньги. Хотя иногда мне хочется много денег!

— Зачем? — удивилась Таис.

— Чтобы сделать тебе подарок, дорогой-дорогой, красивый-красивый!

— Ты давно это сделала, подарив мне себя.

— Вовсе нет. Ты купила, вернее, обменяла меня, приговоренную.

— Разве ты не понимаешь, жрица Превышней Богини, Царицы Земли и Плодородия? Как я тебя нашла и приобрела — это случайность. Так могла быть добыта любая рабыня. Но ты не стала рабыней, а совсем другой, неповторимой и непохожей ни на кого. Тогда я и приобрела тебя вторично, а ты — меня.

— Я счастлива, что ты понимаешь это, Таис! — Она сказала имя афинянки в первый раз за все годы их совместной жизни.

Бывали случаи, когда Клеофрад показывал себя человеком и подлинным афинянином — общительным, жадным до новостей. Таким, несомненно, оказался он в день приема гостя с далекого Востока, желтолицего, с глазами еще более раскосыми и узкими, чем у обитателей восточных далей Азии. Его лицо обладало тонкими чертами и напоминало вырезанную из древесины барбариса маску. Одежда, потертая и выгоревшая, была сшита из толстого, плотного особого материала, серики или шелка, чрезвычайно редкого и дорогого на берегах Малой Азии и Финикии. Свободная блуза болталась на тощем теле, а широкие штаны, хотя и составляли принадлежность одеяния варвара, сильно отличались от обтягивавших тело скифских. Глубокие морщины выдавали и возраст путешественника, и усталость от бесчисленных тягот странствия. Темные глаза смотрели зорко, остро и умно — пожалуй, с несколько неприятной проницательностью. Сложное имя с непривычными интонациями не запомнилось Таис. Гость довольно свободно изъяснялся на старом персидском языке, забавно возвышая голос и проглатывая звук «ро». Друг Лисиппа, ученый-перс, легко справился с обязанностями пере-

водчика, да и сами Лисипп и Таис уже научились понимать по-персидски.

Путешественник уверял, что исполнилось восемь лет, как он покинул родную страну, преодолев за это время чудовищные пространства гор, степей, пустынь и лесов, населенных разными народами. По его подсчетам, он прошел, проехал и проплыл расстояние в три раза большее, чем пройденное Александром от Экбатаны до Александрии Эсхаты.

Таис и Лисипп переглянулись.

— Если я правильно понял почтенного путешественника, он утверждает, что за Александрией Эсхатой населенная суша — ойкумена — простирается гораздо дальше, чем на карте Гекатея, по которой до мыса Тамарос, там, где огромная стена снежных гор достигает берега Восточного океана, всего двадцать тысяч стадий, и то не населенных.

Лицо гостя отразило сдержанную улыбку.

— Моя Страна Небес, как мы ее зовем, иначе Срединная, лежит по вашей мере на двадцать тысяч стадий восточнее Реки Песков. Нас, жителей ее, больше, чем я видел по всему пути, включая Персию.

— А что вы знаете о Восточном океане?

— Наша империя простирается до его берегов, и мои соотечественники ловят рыбу в его водах. Мы не знаем, как велик океан и что лежит за ним, но до его берегов отсюда примерно шестьдесят тысяч стадий.

Лисипп, не скрывая удивления, раскрыл рот, а Таис почувствовала холодок, бегущий по спине. Только вчера Лисипп рассказал о колоссальных пространствах Либии, простершихся к югу, а сегодня странный желтолицый человек с несомненной правдивостью говорит о невообразимой огромной населенной суше — ойкумене. Путешествие Диониса в Индию, с детства воспринятое как деяние могущественного бога, оказалось малым перед содеянным этим среднего роста пожилым тонкокостным человеком с изборожденным морщинами желтым лицом, пришедшим из стран далеко за мнимыми обиталищами богов.

И сердце Таис переполнилось острой жалостью к Александру, со сверхчеловеческим героизмом пробивавшемуся через сонмы врагов только для того, чтобы повернуть в сторону, находясь от цели все еще на вдвое большем расстоянии, чем до сих пор пройденное. Ученик великого философа не подозревал, что его ведет невежественный слепец. Может быть, овомантия Лисиппа наполнила Таис уверенностью, что и в Индии пределы ойкумены окажутся гораздо дальше пока-

занных на эллинских картах. Мир оказывался устроенным гораздо сложнее и куда более огромным, чем это думали сподвижники Александра и его философы. Как передать это Александру, не желавшему слушать даже собственных криптий, разведавших про большую пустыню и длинные ряды гор, находящихся на восток от Крыши Мира. Если бы не яростные в битвах скифы, он пошел бы дальше к востоку, за Эсхату, Невесту Смерти, унесшую Леонтиска! Отнять у Александра мечту первым из смертных достичь пределов мира — нельзя. И где эти пределы? Миллионы желтокожих обитателей Империи Неба на Восточном океане и, судя по путешественнику с непроизносимым именем, обладают высокими для варваров познаниями и искусством.

Так думала афинянка, глядя на гостя, который, сложив тонкие пальцы, отдыхал в глубоком персидском кресле. Он с охотой принял приглашение остановиться в доме Лисиппа перед тем, как уехать в Вавилон, где рассчитывал познакомиться со столицей мудрецов и магов западной Азии, и затем встретиться с Александром.

За несколько дней, пока путешественник гостил у Лисиппа, Таис узнала множество вещей, которые у себя на родине не посчитала бы даже за сказку. Небесная империя возникла в древности не менее глубокой, чем Египет, Крит и Месопотамия. Путешественник говорил о точном календаре, рассчитанном за две тысячи лет до постройки Парфенона. По его уверениям, основание государства произошло еще за две тысячи лет до установления этого календаря. Он рассказывал об искусных ремесленниках и художниках, об астрономах, составивших карты неба, о механиках, создавших сложные водоразборные устройства, необыкновенные высокие мосты, башни храмов из железа, фарфора и бронзы, о дворцах на холмах, насыпанных человеческими руками, об искусственных озерах, выкопанных тысячами рабов.

Мудрецы Небесной страны придумали машину для предсказания землетрясений и узнавания мест, где они случались. Путешественник красочно описал украшенную трудами людей природу, горы с храмами на вершинах, к которым построили широкие лестницы в тысячи ступеней, обсаженные вековыми деревьями. О дорогах из политого голубой лазурью синего кирпича, ведущих к священным местам, превращенных в аллеи высокоствольных сосен с белой корой, одинаковой высоты и возраста, протянувшиеся на сотни стадий.

Перед мысленным взором его слушателей вставала великая страна, с незапамятных времен, как в Египте, обработан-

ная многочисленным населением. Как наяву они видели искусственные пруды и озера, засаженные лотосами, ручьи, струящиеся под причудливыми горбами каменных мостов, гладкие дороги — аллеи, высокие холмы или скалистые горные вершины, увенчанные фестончатыми стройными башнями, совершенно непохожими на египетские или тем более эллинские.

Сын Небесной страны говорил об искусных врачах, исцеляющих при посредстве золотых иголочек, вонзаемых в больное место.

Невероятным показалось эллинам упоминание о двух зеркалах из стекла и металла, находившихся во дворце императора. С помощью их врач якобы мог рассматривать человека насквозь и находить внутри тела места, пораженные болезнью. Таис, заслужившая уважение путешественника неуемным любопытством и умными вопросами, получила в подарок маленькую фарфоровую чашку с необыкновенным синим рисунком камышей и летящих птиц, завернутую в кусок шелка изумительного золотого цвета.

Афинянка не поскупилась отдарить раскосого мудреца, поднеся ему блюдце черного фарфора, какого он не видел никогда, несмотря на множество пройденных стран. С догадливостью заботливой женщины Таис заставила путешественника принять кедровую шкатулку с золотыми статерами, только что отчеканенными, с профилем Александра по модели Лисиппа. Мудрец, явно стесненный в деньгах и, очевидно, надеявшийся на помощь Александра, очень растрогался. Следом за Таис Лисипп тоже дал немалую сумму для окончания путешествия. Теперь желтолицый мог спокойно ехать в Вавилон и дожидаться Александра хоть два-три года.

Тогда он принес Таис серьги изумительной работы — видимо, последнюю драгоценность, уцелевшую за дальний путь. Серьги из прозрачного бледно-зеленого камня необычайной прочности, состояли из колец и миниатюрных шариков — одни внутри других, выточенных из цельного куска, без нарушения сплошности камня. Подвешенные к ушам на золотых крючках, серьги нежно и тихо звенели отзвуком далекого ветра по сухим тростникам. Заключенные внутри шариков крошечные розетки из ограненных кусков камня, называемого в далекой империи «глазом тигра», переливались сквозь прорези таинственным лунным светом. Искусство камнерезов страны желтолицых превосходило все виденное до сих пор эллинами и заставляло верить рассказам путешественника. Афинянка подолгу любовалась изделием из не-

слыханно далекой страны, боясь часто надевать такую редкость.

Желтолицый удивил Лисиппа и Таис легендой о рождении первых существ из яйца, которое бог Неба Тьянь уронил в Великие Воды с небес на землю, очень похожей на орфические учения о начале начал.

Гуань-Инь, матерь милосердия и познания, могуществом равная мужским божествам Неба и Грома, очень походила на Великую Матерь Крита и Малой Азии. Под конец путешественник огорчил Таис убеждением, что все в мире имеет два начала — Янь и Инь. Все светлое, дневное, небесное связано с мужским началом Янь, все темное, ночное, земное — с женским Инь. Инь должна находиться в строгом подчинении Янь. Тогда жизнь будет направляться к свету и небесам. Возмущенная Таис предсказала желтолицему, что его империя будет всегда на более низком уровне духовного развития, чем те страны, где женское начало признается благотворным и созидающим. Кроме того, страны с угнетенной женской половиной человеческого рода никогда не отличались доблестью и мужеством в войне и борьбе с врагами. Порабощение женщины неизбежно влечет за собой рождение рабских душ и у мужчин.

Лисипп напомнил разгорячившейся афинянке о некоторых именах Кибелы, Великой женской богини, — например, Владычица Нижней Бездны, Царица Земли, совпадавших с аспектом Инь. На это Таис сердито ответила, что обликов у Великой Матери много, но дело не в них, а в тех последствиях общественного устройства, какие созданы мужчинами и чем пытаются они доказать свое главенство. К удивлению афинянки, желтолицый внезапно сник. Острые огоньки его узких глаз потухли от печали. Несмотря на все могущество страны, искусство мастеров, трудолюбие народа, Небесное государство, оказывается, раздираемо междоусобными войнами и частыми нападениями извне умелых в битвах кочевых племен.

Жестокость правителей и удаление властей от жизни народа при малейшей беде — неурожае, наводнении или засухе — делают жизнь невыносимой. Его соотечественники давно бы взбунтовались, свергли бы злобных правителей и уничтожили жестокие законы, имей они больше храбрости, хотя бы столько, сколько самый слабый воин в армии Александра. Или совсем немного мужества для того, чтобы попросту разбежаться из страны, где они живут в тесноте, терпя нищету и несправедливость именно из-за многолюдия.

Эллины поняли, что сказочная империя, хотя и носит гордое название, нисколько не лучше всех тех многочисленных стран, где процветает тирания. Окончательно расстроила Таис еще одна откровенность путешественника. Его побудила идти на запад легенда о рае, населенном Драконами Мудрости, находившемся где-то в центре Азии, в кольце высочайших гор. Он прошел насквозь Центральную Азию, все ее каменистые пустыни и явился сюда, в Месопотамию, где западные предания помещали другой рай безоблачного счастья. И тут не оказалось ничего похожего. Просто сказка, придуманная еврейскими мудрецами, чтобы вывести свой народ из рабской жизни в Египте и повести на восток.

Пусть он не нашел рая, зато встретился с мудростью, сильно отличающейся от всего строя мысли его родного народа, — так утешался желтолицый.

Таис с неохотой рассталась с путешественником. Он отказался начертить какие-либо карты и обозначить расстояния до того, как увидится с Александром.

И снова непобедимое очарование афинянки сломило сдержанность путешественника. Он доверительно сообщил ей, что вместо рая и Драконов Мудрости он встретил приветливых, добрых людей, живших в каменных постройках, на уступах высочайших гор, в истоках самой большой реки Небесной страны Голубой. Эти люди считали себя последователями великого индийского мудреца, учившего всегда идти срединным путем, между двумя крайностями, между добром и злом, между светом и тенью, ибо все в мире меняется со временем. То, что хорошо, становится плохим, и, наоборот, зло оборачивается добром. Он хотел остаться учеником мудрецов, но они послали его дальше на запад, туда, где ничего не знают о великих странах Востока, но появился человек, которому под силу соединить Восток с Западом вершинами мудрости того и другого. Ему надлежит увидеть этого человека, великого полководца Александра, поведать ему о путях и странах, лежащих дальше Крыши Мира, если он окажется столь мудрым и прозорливым, как это слышали последователи Среднего пути!

— А если нет? — быстро спросил Лисипп.

— Тогда не открывать ничего, — бесстрастно ответил путешественник.

— Могут выведать силой, — настаивал ваятель.

Желтолицый презрительно усмехнулся.

— Дорога велика, расстояния громадны, горы и пустыни без воды, со страшными ветрами. Малая неточность в указа-

ниях объявится лишь годы спустя, а уведет на тысячи стадий в сторону, на погибель. — И путешественник вдруг засмеялся визгливым дробным смехом.

Внезапно в Экбатане появился огромный караван, присланный Александром из-за высочайшего хребта Парапамиза. У подножия сверкающих льдом вершин, вдвое выше Олимпа или даже еще более грандиозных, ко всеобщему ликованию, македонская армия, вернее, та ее часть, которая возглавлялась самим Александром и Птолемеем, наткнулась на поросшие плющом холмы. Среди них расположился город Ниса. И плющ и название города доказывали, по мнению Александра, что здесь остановился бог Дионис в конце его пути в Индию. Обитатели здешних мест, не темные, а с легким медным оттенком кожи, непохожие на другие племена, несомненно, пришли с запада. Поразили македонцев и многочисленные стада прекрасного скота, в особенности быки — длиннорогие, огромные и пятнистые. Караван этих быков царь немедля отправил на запад для Македонии. Посланные прибыли в Экбатану, сохранив три четверти животных. С замиранием сердца Таис бегала смотреть быков, взволнованная ими больше, чем письмом от Птолемея.

Быки походили на знаменитую критскую породу, употреблявшуюся для священных игр. Пришельцы с запада, согласно преданию индийского ваятеля, могли быть критянами. Лисипп согласился с возможностью подобного истолкования. Мифы о Дионисе имеют начало в древности, столь же глубокой, как и Крит. Великий художник прибавил, что, может быть, и само путешествие Диониса в Индию было не чем иным, как исходом спасшихся с Крита людей. Афинянка запрыгала от восторга и расцеловала Лисиппа за интересное соображение.

Таис с трудом оторвалась от созерцания великолепных быков. Они будут два месяца отдыхать на горном экбатанском пастбище перед дальнейшим переходом до Тира и плавания на родину Александра.

Она поехала домой читать письмо Птолемея. Его послания из Согды и Бактрианы отзывались накопившимся раздражением и усталостью. Последнее письмо, наоборот, напоминало прежнего Птолемея. Без радужных мечтаний, предчувствуя грядущие труды, военачальник, сделавшийся главой советников Александра, ожидал скорого конца похода.

В самом деле, после празднеств в Нисе и молниеносного взятия горной крепости Аорнос они миновали трехвершинную гору Меру, согласно вычислениям географов и кормчих

очень близкую к границам ойкумены, и спустились в Сват. Сюда прибыл гонец от Гефестиона, проведшего свои конные и пешие силы и обозы под начальством Кратера на берег Инда. Гефестион приступил, как обычно, к постройке наплавного моста через не очень широкую здесь реку, по мнению Аристотеля и Александра протекавшую к Восточному океану. Неарх с кавалерией агриан поспешил туда, собрав всех искусных в кораблестроении финикийцев, ионян и киприотов, дабы построить суда для плавания на восток.

План Александра прост — перейдя Инд, армия пройдет еще две-три тысячи стадий суши, на берегах океана ненаселенной, а флот Неарха будет готов к перевозке всех океаном на запад, в Нил и Александрию на Внутреннем море. «Жди нас теперь не с востока, а с запада, — писал Птолемей, — мы приплывем в Тир, а через Дамаск царской дорогой явимся в Вавилон. Не больше полугода потребуется для этого, хотя возможны остановки по дороге. Милостью Афродиты, через восемь месяцев после получения моего письма выезжай встречать в Вавилон. Это будет конец азиатских походов, совсем, навсегда. Потом мы будем воевать только на Внутреннем море, завоевывая Либию, Карфаген, италийские города — все до Геракловых Столбов!

С нами согласны плыть в Египет и новые отряды конницы из персидской аристократии, и превосходные конные лучники из Согдианы и Бактрианы. Нам удалось сформировать конницу не хуже доблестных тессалийцев. Твои поклонники аргироаспиды так истощились в боях со скифами и бактрийцами, что теперь перешли в охранные силы Александра, войдя в состав Агемы и гетайров... Только пехота — фаланга из ветеранов — осталась прежней, однако армия, выросшая до ста тысяч, наполовину состоит из кавалерии, и значение пехоты, когда-то важнейшей опоры в боях, сильно уменьшилось. Несокрушимая изгородь из щитов и длинных копий, сминавшая ряды самого отважного врага, здесь, на бесконечных равнинах или в лабиринте горных долин, подвергалась обстрелу издалека, быстрыми, как ветер, конными лучниками. Александр сумел всего за полтора года перестроить армию применительно к условиям войны в Азии.

Выдвинулись новые военачальники, среди них Селевк, громадного роста и силы, превосходящей силу Черного Клейта, но веселый и куда более умный, чем несчастный брат Лансы».

Птолемей писал, что по мере продвижения в Индию горы становятся все выше, все больше снегов и ледников встреча-

ется на труднопроходимых перевалах, все бурнее реки, заваленные огромными валунами. Александр видел в увеличивавшихся затруднениях предзнаменование близкого конца похода. Именно так должны были быть заграждены пределы мира, недоступные простым смертным. За этими препятствиями обитают полубоги, в садах, где растут деревья с плодами Вечной Мудрости, на берегах Вод Жизни, в лоне которых отдыхает солнце. Питье этих вод давало бессмертие богам или титанам. Да и не были ли титанами сами жители последних пределов мира?

Аристотель прислал со специальными гонцами свои новые рассуждения для ученика. Александр не имел времени их прочесть во время тяжелого похода на высоты Парапамиза и Бактрии. Теперь он размышлял над писаниями великого философа и делился сомнениями с Птолемеем. Аристотель прежде всячески поощрял стремления полководца на восток, навстречу колеснице Гелиоса, а в последних трудах он остерегал Александра от безоговорочной веры в древние мифы, к которым был так склонен сын Олимпиады. Аристотель писал, что вряд ли Александр встретится со сверхъестественными существами, ибо никто из серьезных путешественников не встречал богоподобных людей или человекоподобных богов во всей известной ойкумене.

Александр только усмехался. Для него следы Диониса, найденные им в Нисе, казались убедительнее софистических рассуждений старого мудреца...

Птолемей еще раз напоминал Таис о встрече в Вавилоне и просил не привозить туда, в жаркий климат, сына. Он обещал рассказать много интересного о странах, никогда не виденных ни одним эллином, даже мифическими героями. Уже сейчас он прошел дальше Диониса, а плавание аргонавтов в Колхиду, по исчислению Неарха, было втрое короче пути, проделанного армией по суше, через препятствия куда тяжелее и врагов гораздо более многочисленных.

Птолемей писал из долины Свата, где утренние туманы сверкают миллионами жемчужин над рощами низких деревьев, усыпанных густо-розовыми цветами. Быстрая река мчит изумрудную воду по лиловым камням, берега окаймлены ярко-голубыми цветами, широким бордюром, простирающимся до пологих склонов, заросших деревьями невероятных размеров, какие никогда не встречаются в Элладе и могут быть сравнимы лишь с кедрами Финикии и Киликии. Но те растут вширь, а эти — ввысь, вздымая свои темно-зеленые вершины на высоту полустадии. И здесь, как прежде, ели и сосны

были очень похожи на македонские, и сердце вдруг сжималось от тоски по родным горам. Таис остро пожалела, что не участвует в столь необычайном путешествии, но быстро утешилась, поняв, насколько нелепо, ненужно и затруднительно для Птолемея было бы оберегать ее в походе, тяжелом даже для закаленных мужей выдающейся силы. И уже нет ее верных тессалийцев и милого Леонтиска, всегда готового прийти на помощь...

Птолемей пишет о Роксане, сопровождающей царя. То жена великого полководца, божественного Александра! К ее услугам вся армия, а если она зачала от царя, то любой воин отдаст свою жизнь, чтобы уберечь наследника непобедимого властелина Азии!

А кто Таис? Гетера, любви которой Александр и хочет, и бежит от нее, отвергая всенародно. Жена Птолемея, но после стольких возлюбленных этого собирателя красоты? Даже веселый тон письма настраивает на мысли, что Птолемей нашел в Бактрии и в долинах Инда прекрасных девушек и собрал хорошую добычу драгоценных камней. Конечно, из последнего кое-что достанется и ей... очевидно, выкупом за первое?

Нет. Птолемей знает ее равнодушие, подчас терзаясь этим признаком безразличия. Впрочем, оно для него и удобно...

Не успели быки Диониса откормиться на пастбищах Экбатаны, как появилась Гесиона, ничего не зная о Неархе и с жадностью пролиставшая письмо Птолемея. Было ясно, что критский флотоводец снова оказывался в своей стихии кормчего, составителя карт и строителя кораблей. «Рожденная змеей» уже оправилась от тягот совместного житья с беспокойным мореходом и в своей вавилонской розовой одежде стала красивой по-прежнему. Таис привела ее к Лисиппу, но Гесиона предпочла в утренние часы, когда ваятели занимались своим делом, оставаться дома и возиться с Леонтиском. К неудовольствию афинянки, прибавилась еще одна бездетная обожательница ее сына. Неарх не хотел детей, считая, что он не может быть отцовской опорой в своей неверной судьбе моряка. На вопрос Гесионы, что он думает о ней самой, Неарх, скупо улыбаясь, ответил, что она достаточно умна, красива и богата, чтобы в случае его гибели позаботиться о себе. Гесиона пыталась втолковать критянину, что помимо обеспеченности ей нужно от него многое, и ни от кого другого в мире. Флотоводец говорил фиванке, что она вполне свободна, однако он будет рад, если она станет дожидаться его возвращения, ибо, к его удивлению, он не нашел нигде женщины лучше ее.

— А искал? — спросила Гесиона.

— Все мы не отказываемся от случая, — пожал плечами мореход.

Понемногу фиванка поняла, что избранник сердца столь же одержим мечтами достичь заповедного Океана, как и друг его детства Александр. Александр не чувствовал себя хорошо без Неарха и старался всегда найти ему дело около себя, именуя главным кормчим своей армии. В результате Гесиона так долго оставалась одна в большом доме, что начала подумывать разойтись со своим знаменитым, растворившимся в недоступных далях мужем.

«Рожденная змеей» спрашивала, как мирится Таис с еще более долгими отсутствиями Птолемея. Подруга по-прежнему отвечала, что Птолемей ей не нужен так, как Неарх Гесионе.

— Я поджидаю его теперь с большим нетерпением, — сказала Таис, — из-за сына. Пока ты и тебе подобные не испортили его окончательно, Леонтиска надо оторвать от материнского дома.

— Будешь тосковать! — воскликнула Гесиона.

— Не больше и не меньше, чем любая эллинская мать воина, атлета, государственного мужа, строителя... а для смягчения тоски заведу себе девчонку. Эта будет при мне восемнадцать лет, до той поры и я окончу свои скитания и ограничусь домом.

— Домом Птолемея?

— Вряд ли. Чем старше будет он (и я, разумеется), тем моложе станут его возлюбленные. А мне трудно будет терпеть блистательную юность рядом, когда мне уже нечем будет соперничать с ней, кроме знаменитого имени и положения. Если жене остается лишь имя и положение, то прежняя жизнь ее кончена. Пора начинать другую...

— Какую?

— Почем я знаю? Ты спросишь меня об этом через... пятнадцать лет.

Гесиона, засмеявшись, согласилась, не подозревая, что судьба готовит обеим совсем разные и необыкновенные дороги, которые разведут их вскоре и навсегда.

Подруги катались верхом на своих прежних лошадях, а для Эрис приобрели вороного без единого пятнышка, как ночь черного парфянского жеребца. Эрис, сделавшись незаурядной наездницей, справлялась со злобным и сильным конем, но не могла ехать рядом с Гесионой и Таис, а держалась сзади. Вечером они поднимались в горы по склонам, поросшим полынью и тимьяном, где выступали сглаженные ветром

ребра и редкие уступы плотного темного камня. Отпустив лошадей пастись, три женщины выбирали плоский большой камень и простирались на нем, чувствуя приветливое тепло вобравшей солнце скалы. Сверху, из леса, смоляной аромат смешивался со свежим и резким запахом трав в дуновении прохладного ветра, тянущего по каменистой долине. Громадная снеговая вершина рано загораживала солнце на западе, и ласка каменного тепла приходилась кстати. Иногда слабые звездочки успевали зажечься в сумеречном небе, и бриас — огромный пустынный филин — ухал по несколько раз, прежде чем тройка всадниц-подруг отправлялась домой через семь ворот города до возвышенной его части, где обитали привилегированные жители.

Каждая из подруг вела себя по-своему на этих молчаливых горных посиделках. Эрис садилась, обняв колени и подпирая ими подбородок, смотрела на иззубренные скалы хребта или на зыбкое жемчужное марево дальней степи. Гесиона подбиралась к самому краю выступа, нависавшему над долиной, и, лежа на животе, зорко высматривала горных козлов, наблюдала за игрой воды в ручье на дне ущелья, подстерегала появление сурков, пеньками возникавших близ своих нор, пересвистываясь с соседями. Таис ложилась на спину, раскинув руки и подогнув одно колено, смотрела в небо, где плыли редкие медленные облака и появлялись могучие грифы. Созерцание неба погружало ее в оцепенение, и Гесиона, искоса наблюдая за той, которую считала образцом жены, удивлялась смене выражений на ее лице, при полной неподвижности тела. Это напоминало ей таинственное искусство египтян, которые умели придавать смену настроений даже статуям из твердого полированного камня.

Таис, глядя в небо, вдруг становилась бесшабашно-веселой, тут же меняясь на олицетворение глубокой печали, то выражением грозного упорства бросала вызов судьбе, едва уловимыми движениями губ, век, бровей и ноздрей ее прямого, как отглаженного по линейке камнереза, носа, с критской западинкой у бровей, смягчавшей тяжелую переносицу классического эллинского типа.

Однажды, когда Таис показалась Гесионе более печальной и задумчивой, чем всегда, фиванка решилась спросить:

— Ты все еще продолжаешь любить его?

— Кого? — не поворачивая головы, спросила Таис.

— Александра, разве не он самая большая твоя любовь?

— Лисипп как-то сказал мне, что искусный ваятель может одними и теми же линиями дать плоть, могучую и тяжелую,

как глыба, и может вложить в свое творение необыкновенную силу внутреннего огня и желания. В одном и том же образе... почти в одном.

— Не совсем поняла тебя, одичала среди болот и корабельщиков, — улыбнулась Гесиона. Афинянка осталась серьезной.

— Если человек хочет следовать богам, то его любовь должна быть такой же свободной, как у них, — продолжала Таис, — а вовсе не как неодолимая сила, давящая и раздирающая нас. Но странно — чем сильнее она завладевает своими жертвами, чем слабее они перед ней, в полном рабстве у своих чувств, тем выше превозносятся поэтами эти жалкие люди, готовые на любые унижения и низкие поступки, ложь, убийство, воровство, клятвопреступление... Почему так? Разве этого хочет светоносная и среброногая Афродита?

— Я поняла. У тебя нет никакой надежды?

— Знаю давно. Теперь узнала и ты. Так зачем же рыдать под звездой, которую все равно не снять с неба? Она совершит начертанный ей путь. А ты совершай свой.

Фиванка более не возвращалась к вопросу о любви Таис.

Они бывали на симпозионах, до которых персы, увлеченные примером художников, стали большими охотниками. Кроме Эрис, которая наотрез отказалась смотреть на людей, много жрущих, пьющих и мало танцующих.

Таис тоже призналась Гесионе в своем отвращении к виду много едящих людей. Здесь сказывались разность эллинского и азиатского воспитания. Таис с детства была очень чувствительна ко всякому проявлению грубости, а теперь сделалась и вовсе нетерпимой. Нелепый смех, пошлые шутки, неумеренные еда и питье, жадные взгляды, прежде скользившие не задевая, раздражали ее. Афинянка решила, что начинает стареть. Оживленные разговоры, подогретые вином, поэтические экспромты и любовные танцы стали казаться пустяками. А когда-то и ее, и золотоволосую спартанку звали царицами симпозионов.

— Это не старость, мой красивый друг, — сказал Лисипп на вопрос афинянки, слегка ущипнув ее за гладкую щеку, — назови это мудростью или зрелостью, если первое слово покажется тебе слишком важным. С каждым годом ты будешь отходить все дальше от забав юности. Шире станет кругозор твоих интересов, глубже требовательность к себе и людям. Обязательно сначала к себе, а потом уже к другим, иначе ты превратишься в заносчивую аристократку, убогую сердцем и умом... тогда ты умрешь. Не физически! Со своим здоровьем

ты можешь жить долго. Умрешь душой, и по земле будет ходить лишь внешний образ Таис, а по существу — труп. Ты вряд ли имеешь понятие, сколько таких мертвых, или мнимо живых, топчут лик Геи. Они хуже живых людей, потому что лишены совести, чести, достоинства и добра — всего, что составляет основу души человека и что стремятся пробудить, усилить, воспитать художники, философы, поэты.

— Что делают в жизни мертвые души?

— Мешают жить живым, внешне не отличаясь от них. Только они ненасытны в пустых и самых простых желаниях: еде, питье, женах, власти над другими. И добиваются всеми способами... знаешь ли ты спутниц Гекаты?

— Ламий, мормо, или как их там еще называют? Те, что ходят с нею по ночам и пьют кровь встречных на перекрестках? Вампиры?

— Это простонародная символика. А в тайном знании сосущие живую кровь порождения Тартара и есть мертвые ненасытные люди, готовые брать и брать все что возможно из полиса, общины, людей чужих и своих, забивать до смерти рабов на тяжкой работе, лишь бы получить больше золота, серебра, домок, коней, рабов. И чем больше они берут, тем жаднее делаются, упиваясь кровью подневольных им людей, выраженной в вещах, деньгах, рабах.

— Страшно ты говоришь, учитель! — Таис даже зябко повела плечами. — Теперь я невольно буду присматриваться к каждому...

— Тогда цель моих слов достигнута.

— Что же делать с этими живущими мертвецами?

— Их, конечно, следовало бы убивать, лишая фальшивого живого облика, — подумав, сказал Лисипп. — Беда в том, что распознавать их могут лишь редкие люди, достигшие такой высоты сердца, что убивать уже не в силах. Мне думается, окончательная расправа с вампирами — дело будущего, когда воцарится гомонойя и число каллокагатов возрастет во много раз.

Таис, опечаленная и задумчивая, пошла в мастерскую. Клеофрад поджидал ее у глиняной модели. В последние дни ваятель стал медлить с окончанием работы, рано отпускал афинянку или вдруг останавливался, забывая про натурщицу и думая о чем-то другом. И сегодня он не сделал ей обычного нетерпеливого знака становиться на куб из тяжелого дерева, а остановил ее простертой рукой.

— Скажи, ты любишь деньги, афинянка? — с суровой застенчивостью спросил Клеофрад.

— Зачем задал ты мне такой вопрос? — удивилась и опечалилась Таис. — Я не ждала...

— Прости, я не умею говорить, только работать руками.

— Не только руками, но головой и сердцем, — возразила Таис. — Так скажи, почему начал ты речь о деньгах?

— Видишь ли, ты богата, как Фрина, но Фрина была безумно расточительна, а ты живешь скромно по своему достатку и положению жены первого военачальника Александра.

— Теперь ты понятнее. — Афинянка облегченно вздохнула. — Вот мой ответ. Деньги не цель, а возможность. Если относишься к ним как к силе, дающей разные возможности, то ты будешь ценить деньги, но они не поработят тебя. Поэтому я презираю людей скупых, однако не меньше противно мне глупое мотовство. В деньгах — великий труд людей, и бросать их — все равно что бросать хлеб. Вызовешь гнев богов и сам опустошишься, умрешь, как говорит Лисипп.

Клеофрад слушал, хмуря брови, и вдруг решился.

— Я скажу тебе. Я задумал отлить статую из серебра, но собрал недостаточно, а у меня нет времени ждать, пока накоплю еще. В гекатомбейоне мне исполнится шестьдесят лет!

— Почему ты хочешь взять столь дорогой металл?

— Я мог бы ответить тебе как юноша — разве ты недостойна его? Скажу другое — это лучшее произведение моей жизни и лучшая модель. Мечта достойно завершить свой жизненный путь исполнилась бы! Попросить у Лисиппа? Я и так ему очень многим обязан. Кроме того, этот творец атлетов и конных воинов признает только бронзу и, даже страшно сказать, — пользуется тельмесским сплавом.

— Сколько надо тебе серебра?

— Я пользуюсь не чистым металлом, а в сплаве с четырнадцатью частями красной кипрской меди. Такое серебро не покрывается пятнами, не подергивается, как мы говорим, пыльной росой, держит полировку, как темный камень Египта. На отливку мне надо чистого серебра двенадцать талантов, а я собрал немногим больше четырех с половиной... огромная нехватка!

— И надо добавить семь с половиной талантов? Хорошо, завтра я прикажу собрать, послезавтра пришлю на всякий случай — восемь.

Клеофрад замер, долго смотрел на свою модель, потом взял ее лицо в ладони и поцеловал в лоб.

— Ты не знаешь цены своему благодеянию. Это не только огромнейшее богатство, это... после гекатомбейона поймешь. Придется тебе постоять еще после отливки, когда пойдет че-

канка. В ней чуть не главная работа ваятеля, — закончил он совсем другим — своим обычным отрывисто-деловым тоном, — но быстрая. И сам я очень спешу.

Смысл последних слов Клеофрада Таис не поняла. Афинский ваятель и Эхефил закончили свою работу почти одновременно, молодой ониец — дней на десять раньше. Клеофрад пригласил Таис и Эрис прийти попозже в дом Лисиппа, провести конец ночи до утра. Чтобы ничего не случилось с красавицами в такое позднее время, несколько друзей явились провожать их по узким улицам на восток и немного выше от жилья Таис. Поздняя половина луны ярко освещала отшлифованные ногами светло-серые камни улицы, придавая им голубоватый отблеск небесной дороги между темных стен и шелестящей листвой сада.

У дверей их встретил Эхефил и Клеофрад в праздничных светлых одеждах. Они надели своим натурщицам венки из ароматных желтых цветов, слабо мерцавших при луне будто собственным светом. Каждый взял свою модель за руку и повел за собой во мрак неосвещенного дома, оставив провожатых в саду. У выхода на залитую лунным светом веранду с раскрытыми настежь занавесями Клеофрад велел Таис закрыть глаза. Придерживая за плечи, он поставил афинянку в нужное место и разрешил смотреть. Так же поступил и Эхефил с Эрис.

Обе женщины по-своему выразили свое впечатление. Таис звонко вскрикнула, а Эрис вздохнула глубоко и шумно.

Перед ними, стоя на носке одной ноги и отбрасывая другую назад в легком беге, вставала из ноздреватого, как пена, серебра нагая Афродита Анадиомена — с телом и головой Таис. Поднятое лицо, простертые к небу руки сочетали взлет ввысь и ласковое, полное любви объятие всего мира.

Игра лунного света на полированном серебряном теле придавала богине волшебную прозрачность. Пенорожденная, сотканная из света звезд, возникла на берегу Кипра из моря, чтобы поднять взоры смертных к звездам и красоте своих любимых, оторвав от повседневной необходимости Геи и темной власти подземелий Кибелы. Ореол душевной и телесной чистоты, свойственный Таис и усиленный многократно, облекал богиню мягким, исходящим изнутри блеском. Никогда еще Таис — эллинка, с первых шагов жизни окруженная скульптурами людей, богов и богинь, гетер и героев, без которых никто не мог представить себе Эллады, — не видела статуи с таким могучим очарованном...

А рядом с ней, на полшага позади, Артемис Аксиопена, отлитая из очень темной, почти черной бронзы, простирала

вперед левую руку, отодвигая перед собой невидимую завесу, а правую подносила к кинжалу, спрятанному в узле волос на затылке. Лунные блики на непреклонном лице подчеркивали неотвратимое стремление всего тела, как и надлежало богине Воздательнице По Деяниям.

Таис, не в силах побороть волнение, всхлипнула. Этот тихий звук лучше всех похвал сказал Клеофраду об успехе замысла и творения. Только сейчас афинянка заметила Лисиппа, сидевшего в кресле неподалеку от нее, сощурив глаза и сложив руки. Великий ваятель молчал, наблюдая за обеими женщинами, и наконец удовлетворенно кивнул.

— Можете радоваться, Клеофрад и Эхефил. Два великих творения появились на свет во славу Эллады, здесь, в тысячах стадий от родины. Ты, афинянин, затмил все содеянное тобой прежде. А ты, ученик, отныне стал в ряд с самыми могучими художниками. Для меня отрадно, что обе богини — не фокус новизны, не угождение преходящему вкусу поколения, а образцы изначальной красоты, что так трудно даются художникам и так нужны для правильного понимания жизни. Сядем и помолчим, дожидаясь рассвета...

Таис, углубленная в созерцание обеих статуй, не заметила, как опустилась луна. Очертания скульптур изменились в предрассветном сумраке. Аксиопена будто отступила в тень, Анадиомена растворилась в воздухе. С ошеломляющей внезапностью из-за хребта вспыхнули розовые очи Эос — яркой горной зари. И явилось еще одно чудо. Багряный свет заиграл на полированном серебряном теле Анадиомены. Богиня потеряла звездную бесплотность лунной ночи и выступила перед благоговейными зрителями в светоносном могуществе, почти ощущаемом физически. И, соперничая с нею в силе и красоте резких и мощных линий тела, Артемис Воздательница уже не казалась грозной черной тенью. Она стояла как воительница, устремленная к цели без ярости и гнева. Каждая черточка изваяния, сделанного Эхефилом более резко, чем скульптура Клеофрада, отражала неотвратимость. Сила восстающей Анадиомены звучала единым целым с красновато-черным воплощением судьбы. Обе стороны бытия — красота мечты и неумолимая ответственность за содеянное — предстали вместе столь ошеломительно, что Лисипп, покачав головой, сказал, что богини должны стоять раздельно, иначе они вызовут смятение и раздвоение чувств.

Таис молча сняла с себя венок, надела его Клеофраду и смиренно опустилась перед ваятелем на колени. Растроганный афинянин поднял ее, целуя. Эрис последовала примеру

подруги, но не преклонила коленей перед своим гораздо более молодым скульптором, а поцеловала его в губы, крепко обняв. Поцелуй длился долго. Афинянка впервые увидела неприступную жрицу как жену и поняла, что недаром рисковали и отдавали свои жизни искатели высшего блаженства в храме Матери Богов. Когда настала очередь Таис поцеловать Эхефила, ваятель едва ответил на прикосновение ее губ, сдерживая вздох от бешено колотящегося сердца.

Лисипп предложил «обряд благодарности Муз», как он назвал поступок Таис и Эрис, продолжить за столом, где уже приготовили черное хиосское вино с ароматом розовых лепестков, редкое даже для дома «славы эллинского искусства», и сосуд — ойнохою — с водой из только что растаявшего горного снега. Все подняли дорогие стеклянные кубки за славу, здоровье и радость двух ваятелей: Клеофрада и Эхефила и мастера мастеров Лисиппа. Те отвечали хвалой своим моделям.

— Позавчера приезжий художник из Эллады рассказывал мне о новой картине Апеллеса, ионийца, написанной в храме на острове Кос, — сказал Лисипп. — Тоже Афродита Анадиомена. Картина уже прославилась. Трудно судить по описанию. Сравнивать живопись со скульптурой можно лишь по степени действия на чувства человека.

— Может быть, потому, что я ваятель, — сказал Клеофрад, — мне кажется, что твой портрет Александра глубже и сильнее, чем его живописный портрет Апеллеса. А прежде, в прошлом веке, Аполлодор Афинский и Паррасий Эфесский умели одним очерком дать прекрасное выше многих скульптур. Наш великий живописец Никий много помогал Праксителю, раскрашивая мрамор горячими восковыми красками и придавая ему волшебное сходство с живым телом. Ты любишь бронзу, и тебе не нужен Никий, однако нельзя не признать, что союз живописца и скульптора для мрамора поистине хорош!

— Картины Никия сами по себе хороши, — сказал Лисипп, — его Андромеда — истинная эллинка по сочетанию предсмертной отваги и юного желания жить, хотя по мифу она — эфиопская царевна, как Эрис. Эта серебряная Анадиомена может быть сильнее и по мастерству, и по великолепию модели. Касательно Артемис — такой еще не было в Элладе, даже в святилище Эфесском, где на протяжении четырех веков лучшие мастера соревновались в создании образа Артемис. Семьдесят ее статуй там... конечно, в прежние времена не обладали современным умением...

— Я знаю великолепную Артемис на Лесбосе, — сказал Клеофрад, — мне кажется, что в идее она сходна с Эхефиловой, хотя и на век раньше.

— Какая она? — спросила Эрис с легким оттенком ревности.

— Не такая, как ты! Она — девушка, еще не знавшая мужа, но уже расцветшая первым приходом женской красоты, наполненной пламенем чувств, когда груди вот-вот лопнут от неутолимого желания. Она стоит так же наклонясь вперед и простирая руку, как и твоя Артемис, но перед огромным критским быком. Чудовище, еще упрямясь и уже побежденное, начинает склонять колени передних ног.

— По старой легенде, бык Крита должен побеждаться женою, — сказала Таис, — хотела бы я увидеть эту скульптуру. Может быть, когда-нибудь...

— Раньше увидишь битву при Гранике, — рассмеялся Лисипп, намекая на грандиозную группу из двадцати пяти конных фигур, которую он никак не мог завершить, к неудовольствию Александра, желавшего водрузить ее в Александрии Троянской.

— Я долго колебался, не сделать ли Эрис... мою Артемис с обнаженным кинжалом, — задумчиво сказал Эхефил.

— И поступил правильно, не показывая его. Муза может быть с мечом, но лишь для отражения, а не нападения, — сказал Лисипп.

— Аксиопена, как и черная жрица Кибелы, нападает, карая, — возразила Таис. — Знаешь, учитель, только здесь, в Персии, где, подобно Египту, художник признается лишь как мастер восхваления царей, я поняла истинное значение прекрасного. Без него нет душевного подъема. Людей надо поднимать над обычным уровнем повседневной жизни. Художник, создавая красоту, дает утешение в надгробии, поэтизирует прошлое в памятнике, возвышает душу и сердце в изображениях богов, жен и героев. Нельзя искажать прекрасное. Оно перестанет давать силы и утешения, не приобретается душевная крепость. Только путем печали о вечной преходящести красоты, об утрате короткого соприкосновения с ней мы глубже понимаем и ценим встреченное, ищем усерднее. Вот почему красива печаль песен, картин и надгробий.

— Ты превзошла себя, Таис! — воскликнул Лисипп. — Мудрость говорит твоими устами. Искусство не может отвращать и порочить! Тогда оно перестанет быть им в нашем эллинском понимании. Искусство или торжествует в блеске прекрасного, или тоскует по его утрате. И только так!

Эти слова великого скульптора, художника неподкупной честности, навсегда запомнили четверо встречавших рассвет в его доме.

Таис жалела об отсутствии Гесионы, но, поразмыслив, поняла, что на этом маленьком празднике должны были присутствовать только художники, их модели и главный вдохновитель всей работы. Гесиона увидела статуи на следующий день и расплакалась от восторга и странной тревоги. Она оставалась задумчивой, и только ночью, укладываясь спать в комнате Таис (подруги поступали так, когда хотелось всласть поговорить), фиванка сумела разобраться в своем настроении.

— Увидев столь гармоничные и одухотворенные произведения, я вдруг почувствовала страх за их судьбу. Столь же неверную, как и будущее любого из нас. Но мы живем так коротко, а эти богини должны пребывать вечно, проходя через грядущие века, как мы сквозь дующий навстречу легкий ветер. А Клеофрад... — Гесиона умолкла.

— Что Клеофрад? — спросила взволнованная Таис.

— Отлил твою статую из серебра вместо бронзы. Нельзя усомниться в великолепии такого материала. Но серебро — оно дорого само по себе, оно — деньги, цена за землю, дом, скот, рабов... только могущественный полис или властелин может позволить стоять нетронутыми двенадцать талантов. Множество бедных людей, любящих красоту, позволят скорее отрубить руку себе, чем посягнуть на изваяние. А сколько жадной дряни, к тому же не верящих в наших богов? Они без колебания отрубят руку Анадиомене и, как кусок мертвого металла, понесут торговцу!

— Ты встревожила меня! — сказала Таис. — Я действительно не подумала о переменчивой судьбе не только людей, а целых государств. Мы видели с тобой за немногие годы походов Александра, как разваливаются старые устои, тысячи людей теряют свои места в жизни. Судьбы, вкусы, настроения, отношение к миру, вещам и друг другу — все шатко, быстроизменчиво. Что ты посоветуешь?

— Ничего не могу. Если Клеофрад подарит или продаст ее какому-либо знаменитому храму, будет гораздо спокойнее, чем если она достанется какому-нибудь любителю ваяния, хотя бы и богатому как Мидэс.

— Я поговорю с Клеофрадом! — решила Таис.

Намерение это афинянке не удалось выполнить сразу. Ваятель показывал Анадиомену всем желающим. Они ходили в сад Лисиппа, где поставили статую в павильоне, и подолгу не могли оторваться от созерцания. Затем Анадиомену пере-

несли в дом, а Клеофрад куда-то исчез. Он вернулся в гекатомбейоне, когда стало жарко даже в Экбатане и снеговая шапка на юго-западном хребте превратилась в узкую, похожую на облачко, полоску.

— Я прошу тебя, — встретила его Таис, — сказать, что хочешь ты сделать с Анадиоменой?

Клеофрад долго смотрел на нее. Грустная, почти нежная улыбка не покидала его обычно сурового, хмурого лица.

— Если бы в мире все было устроено согласно мечтам и мифам, то просить должен был бы я, а не ты. И в отличие от Пигмалиона, кроме серебряной богини, передо мной живая Таис. И все слишком поздно...

— Что поздно?

— И Анадиомена, и Таис! И все же я прошу тебя. Друзья устраивают в мою честь симпозион. Приходи обязательно. Тогда мы и договоримся о статуе. В ней не только твоя красота, но и серебро. Я не могу распорядиться ею единолично.

— Почему там, а не сейчас?

— Рано!

— Если ты хочешь мучить меня загадками, — полусердясь сказала афинянка, — то преуспел в этом неблагородном деле. Когда симпозион?

— В хебдомерос. Приведи и Эрис... впрочем, вы двое неразлучны, и подругу Неарха.

— Седьмой день первой декады? Так это послезавтра?

Клеофрад молча кивнул, поднял руку и скрылся в глубине большого Лисиппова дома.

Симпозион начался ранним вечером в саду и собрал около шестидесяти человек разного возраста, почти исключительно эллинок, за узкими столами, в тени громадных платанов. Женщин присутствовало всего пять: Таис, Гесиона, Эрис и две новых модели Лисиппа, обе ионийки, выполнявшие роль хозяек в его удаленном от отечества, холостом доме. Таис хорошо знала одну из них, маленькую, с очень высокой шеей, круглым задорным лицом и постоянно улыбающимися пухлыми губами. Она очень напоминала афинянке кору в Дельфах, у входа в сифнийскую сокровищницу Аполлонова храма. Другая, в полной противоположности первой, показывала широкие вкусы хозяина: высокая, с очень раскосыми глазами на удлиненном лице, со ртом, изогнутым полумесяцем, рогами вверх. Она недавно появилась у Лисиппа и понравилась всем своими медленными плавными движениями, скромным видом и красивой одеждой из темно-пурпурной ткани.

Сама Таис оделась в ошеломительно яркую желтую эксомиду, Эрис — в голубую как небо, а Гесиона явилась в странной драпировке из серого с синим, в одежде южной Месопотамии. Сокрушающе обольстительная пятерка заняла места слева от хозяина, справа рядом с ним сидел Клеофрад и расположились другие ваятели: Эхефил, Лептинес, Диосфос и Стемлос. Опять черное хиосское вино вперемешку с розовым книдским разбавлялось ледяной водой, и сборище становилось шумным. Многоречивость ораторов показалась Таис не совсем обычной. Один за другим выступали они, вместо тостов рассказывая о делах Клеофрада, его военных подвигах, о созданных им скульптурах, восхваляя без излишней лести. По просьбе Клеофрада новая модель пела ему вибрирующим низким голосом странные печальные песни, а Гесиона — гимн Диндимене.

— Я мог бы просить тебя петь, как полагается исполнять гимны, то есть нагой, что и означает название, — сказал Клеофрад, благодаря фиванку, — но пусть будут гимнами красоты танцы, которые я прошу у Таис и Эрис. Это последняя моя просьба.

— Почему последняя, о Клеофрад? — спросила ничего не подозревающая афинянка.

— Только ты и твои подруги не знают еще назначения этого симпозиона. Скажу тебе стихами Менандра: «Есть меж кеосцев обычай прекрасный, фания: плохо не должен тот жить, кто не живет хорошо!»

Таис вздрогнула и побледнела.

— Ты не с Кеи, Клеофрад. Ты афинянин!

— С Кеи. Аттика — моя вторая родина. Да и далеко ли от моего острова до Суниона, где знаменитый храм с семью колоннами поднят к небу над отвесными мраморными обрывами в 800 локтей высоты. С детства он стал для меня символом душевной высоты создателей аттического искусства. А приехав в Сунион, я оттуда увидел копье и гребень шлема Афины Промахос. Бронзовая Дева в двадцать локтей высоты стояла на огромном цоколе на Акрополе, между Пропилеями и Эрехтейоном. Я приплыл на ее зов, увидел ее, гордую и сильную, со стройной шеей и высокой, сильно выступающей грудью. Это был образ жены, перед которым я склонился навсегда, и так я сделался афинянином. Все это уже не имеет значения. Будущее сомкнется с прошлым, а потому — танцуй для меня!

И Таис, послушная, как модель, импровизировала сложные танцы высокого мастерства, в которых тело женщины

творит, перевоплощаясь, мечту за мечтой, сказку за сказкой. Наконец Таис выбилась из сил.

— Глядя на тебя, я вспомнил твое афинское прозвище. Не только «Четвертая Харита», тебя еще звали «Эрнале» («Вихрь»). А теперь Эрис пусть тебя заменит.

По знаку Клеофрада Эрис танцевала так, как перед индийскими художниками. Когда черная жрица замерла в последнем движении и Эхефил набросил на разгоряченную легкий плащ, Клеофрад встал, держа большую золотую чашу.

— Мне исполнилось шестьдесят лет, и я не могу сделать большего, чем последняя Анадиомена. Не могу любить жен, не могу наслаждаться путешествием, купанием, вкусной едой, распевать громкие песни. Впереди духовно нищая жалкая жизнь, а мы, кеосцы, издревле запретили человеку становиться таким, ибо он должен жить только достойно. Благодарю вас, друзья, явившиеся почтить меня в последний час. Радуйтесь, радуйтесь все, и ты, великолепная Таис, как бы я хотел любить тебя! Прости, не могу! Статуей распорядится Лисипп, ему я отдал ее. И позволь обнять тебя, богоравный друг.

Лисипп, не скрывая слез, обнял ваятеля.

Клеофрад отступил, поднял чашу. В тот же миг все подняли свои, до краев налитые живительным вином, подняла свою и Таис, только Гесиона, с расширенными от ужаса глазами, осталась стоять неподвижно да Эрис восхищенно следила за каждым жестом афинянина.

Запрокинув голову, он выпил яд залпом, пошатнулся и выпрямился, опираясь на плечо Лисиппа. Чаша с едва слышным звоном упала на землю. Остальные гости как один выпили и бросили свои чаши, разбивая вдребезги стекло, фаянс, керамику. Эти черепки должны быть насыпаны под будущее надгробие.

— Хайре! Легкий путь через Реку! Наша память с тобой, Клеофрад! — раздались громкие выкрики со всех сторон.

Ваятель, с серым лицом, непроизвольно подергивающимися губами, сделал последнее громадное усилие и широко улыбнулся, глядя перед собой глазами, уже увидевшими мрак Аида, и рухнул навзничь.

В тот же момент — по крайней мере, так показалось Таис — солнце скрылось за хребтом и легкие летние сумерки окутали молча стоявших людей.

Среди гостей присутствовали два врача. Они осмотрели Клеофрада, положили на носилки. На голову ему надели венок, как на победителя в состязании. Да и разве он не прошел победителем по трудам жизненного пути? При свете факелов

и луны ваятеля понесли на кладбище эллинов и македонцев, высоко над городом, в роще древовидного можжевельника. Низкие деревья своей сумрачной хвоей, как бы отчеканенной из бронзы, осеняли немногие могилы. Афинский ваятель просил предать его земле, а не устраивать погребального костра. Могила была вырыта заранее. На нее положили временную плиту, до того как друзья покойного, ваятели, придумают и изготовят надгробие.

Прямо с кладбища участники печальной церемонии вернулись в дом Лисиппа на полуночный поминальный пир. Время близилось к рассвету. Горюющая, усталая Таис вспомнила совсем другой рассвет, когда она любовалась могуществом только что покончившего с собой ваятеля. Как бы угадав ее мысли, Лисипп позвал ее и Эрис вместе с Эхефилом и несколькими друзьями в освещенную алебастровыми лампионами рабочую комнату.

— Ты слышала от Клеофрада, что он отдал мне Анадиомену, — сказал Лисипп, обращаясь к Таис. — Еще раньше он сказал мне о твоем щедром пожертвовании для завершения статуи. Таким образом, ты и я — совладельцы Анадиомены, наследники Клеофрада. Скажи, что хотела бы ты: получить изваяние себе, оставить у меня или поручить мне продать скульптуру богини. Стоимость ее, не говоря уже о материале, громадна. Вряд ли я смогу выплатить тебе твою часть. Ты, наверное, сможешь возместить мне мою, но, мне кажется, подобная статуя не годится тебе и вообще всякому человеку, понимающему, что чудо искусства и богиню нельзя иметь в единоличном владении.

— И ты прав, как всегда, учитель. Позволь мне отказаться от моей, как ты называешь, доли и оставить статую у тебя.

— Щедрая моя Таис! — довольно воскликнул Лисипп. — Может статься, и не будет нужды в твоем великодушии. Признаюсь тебе, что я когда-то говорил с Александром о намерении Клеофрада изваять тебя, и...

Сердце Таис забилось, она глубоко вздохнула.

— ...и он сказал, — невозмутимо продолжал Лисипп, — если, по моему мнению, статуя удастся, он будет первым покупателем у Клеофрада. Я тогда спросил, почему же он просто не закажет ее ваятелю? А он посмотрел на меня так, будто я задал нескромный вопрос. Я полагаю, что ты согласишься, чтобы я продал Анадиомену Александру. Он пошлет ее в Элладу — может быть, в Афины, может быть, на Китеру.

Таис опустила ресницы и молча наклонила голову, потом спросила, по-прежнему не поднимая глаз:

— А что решил Эхефил со своей Аксиопеной?

Молодой ваятель упрямо сказал:

— Я оставлю Аксиопену у себя, пока... пока Эрис не согласится быть моей!

Эрис гневно и громко ответила:

— Об этом не договариваются при всех, как с блудницей на базаре. Великая Мать требует ночи для своего таинства. Те, кто осмеливаются нарушить ее заветы, уподобляются скотам, не знающим, что любовь священна и нуждается в подготовке души и тела. Или вы, эллины, забыли веления Матери Бездны Кибелы?

Таис с изумлением посмотрела на черную жрицу. Что заставило ее произнести такую тираду? Догадавшись, она улыбнулась, и веселые огоньки мелькнули в ее печальных глазах.

— Эхефил, или лучше тебя называть Эрифилом?! Не будь ты художником, я постаралась бы всеми силами отвратить тебя от безумного стремления, означающего твою гибель. Даже художнику, создателю Аксиопены, я говорю — берегись, берегись и еще раз берегись. Ты не добьешься счастья, но узнаешь Эрос, какой встречают ценой смерти и только редкие люди.

— Что говоришь ты, госпожа? — резко повернулась к ней Эрис. — Ты поощряешь его?

— Почему бы нет? Давно пора сбросить мрак, окутавший тебя в храме Кибелы. Хочешь ты этого или нет, но часть тебя уже взята Эхефилом в изваяние.

— И ты предлагаешь мне служить мужу?

— Совсем наоборот. Муж будет служить тебе. Смотри, он едва удерживается от желания обнять с мольбой твои колени.

— Я не могу нарушить обетов и покинуть тебя!

— Это уж твое и его дело прийти к согласию. А нет, так ты убьешь его, избавив от мучений.

— Согласен, госпожа Таис! — просияв, вскричал Эхефил.

— Не радуйся, — сурово оборвала Эрис, — ничего не случилось.

— Случится! — уверенно сказала Таис и попросила прощения у Лисиппа, с любопытством следившего за «семейной сценой».

Как бы то ни было, по прошествии нескольких дней Артемис Аксиопена покинула дом Лисиппа, купленная за громадные деньги, и даже не эллином, а одним из индийских художников, некогда гостей Лисиппа. Он приобрел изваяние для древнего храма странной веры, называвшегося Эриду и находившегося в низовьях Евфрата, около самого древнего

города Месопотамии. Ваятель увидел в названии храма, почти однозвучном с его любовью, особо счастливое предзнаменование.

Что произошло между ним и Эрис, навсегда осталось под покровом ночи. Таис, наблюдательная от природы, заметила, что быстрые движения Эрис стали чуть более плавными, а синие глаза иногда теряли холодный голубой отблеск.

Месяца через два после продажи статуи Эхефил явился к Таис с несчастным видом, прося пройтись с ним по саду. Недалеко от каменного забора, там, где ручей из бассейна протекал через небольшую яму, скульптор, пренебрегая отглаженной одеждой, бросился в воду, доходившую ему до пояса. Став на колени, Эхефил погрузил обе руки в дно ямы и поднял их сложенными в двойную горсть. Под солнцем засверкали крупные рубины, смарагды, сапфиры, сардониксы, золотые и серебряные браслеты, пояса, отделанная бирюзой золотая чашка.

Сообразив, в чем дело, Таис расхохоталась и посоветовала молодому ваятелю собрать свои дары в мешок, унести домой и более не пытаться подносить Эрис никаких драгоценностей. Она ничего никогда не примет, кроме как от самой Таис.

— Почему же так?

— Мы связаны с ней жизнью и смертью, взаимным спасением. Если очень хочешь, то дари ей сандалии с серебряными ремешками — единственное из одежды и украшений, которое она не в силах отвергнуть. И не только от тебя, от любого, кто захочет сделать ей подарок.

После смерти афинского художника началась новая олимпиада. Время шло быстро к назначенному Птолемеем сроку. В Экбатане зимние ночи стали совсем прохладными. Таис любила спасаться в теплом доме Лисиппа, где проводила долгие вечера в беседах с ним и его учеными друзьями, иногда устраивался небольшой симпозион без чрезмерной еды и питья, характерных для македонцев, как, впрочем, и многих людей из варварских народностей.

От Александра и его сподвижников не приходило совершенно никаких вестей. Ни караванов с добычей, ни обозов с больными и ранеными. Может быть, и в самом деле великому завоевателю удалось осуществить свою мечту и выйти за пределы ойкумены, на заповедный край мира?

Гесиона беспокоилась, а Таис начала подумывать о жизни без Птолемея, если он не пожелает возвратиться из Садов Мудрости, изведав Воду Жизни. Леонтиск в четыре года уже смело ездил на маленькой коняшке, доставленной из-за Ибе-

рии, с Моря Птиц, и плавал наперегонки с матерью в озере — запруде большого ущелья между двумя вершинами западного хребта. Таис очень не хотелось расставаться с сыном. Все же приходилось выполнить просьбу Птолемея и оставить его под надежным наблюдением верного Ройкоса, его жены и преданной мальчику рабыни-сирийки. Леонтиск, еще не научившись читать, говорил на трех языках — аттическом, македонском и арамейском.

В месяце гамелионе Таис покинула Экбатану с Эрис и Гесионой. Вместе с нею ехал Лисипп встречать своего покровителя и главного заказчика, а с ним увязался Эхефил, якобы из желания увидать свою Аксиопену, потому что Лисипп обещал Таис поездку в Эриду. Ему досталось немало «леуса дрегма драконтос» — брошенных на него драконьих взглядов, как называла Таис неласковые взоры Эрис. Ваятель их отважно перенес.

Вавилон встретил огромным количеством народа, криками базаров, говором на невообразимых языках, смесью диковинных одежд. Послы из разных стран ожидали Александра, а от него по-прежнему не приходило вестей. Более того, распространились слухи о его гибели в водах Инда, потом будто бы на горных высотах. Наместник Александра в Вавилоне приказал немедля хватать рассказчиков и вести их к нему на допрос, чтобы под угрозой бичевания или даже утопления выяснить источник сведений. Неизменно от распространителей слухов нити вели к иноземным торговцам или политикам, рассчитывавшим вызвать смятение и, так или иначе, поживиться. Слухи прекратились, но известия по-прежнему отсутствовали.

Таис, поняв, что ожидание может стать долгим, решила попытаться арендовать свой прежний дом в Новом городе, по ту сторону Евфрата, у ворот Лугальгиры. К полному изумлению, она нашла там нечто другое. Только сад, старая деревянная пристань и дорожка к ней остались нетронутыми. На месте дома построили красивый павильон, отделанный полупрозрачным розовым мрамором, с колоннами из ярко-синего с золотом камня, которые продолжались в виде стой по сторонам прямоугольного бассейна с чистой проточной водой. Все это принадлежало самому Александру и охранялось двумя дикого вида скифами, которые без церемонии прогнали Таис прочь. Разгневанная Эрис предложила их прикончить без промедления за обиду священной особы Таис. Афинянка, тронутая доказательством памяти Александра, категорически приказала Эрис ничего не делать и, полная воспоминаний,

пошла назад в гостиницу. В конце концов все экбатанцы поселились вместе у Гесионы, к великой радости Эхефила. Город оказался переполненным.

Таис нашла в Вавилоне и другие новости. Громадный театр Диониса, о котором она знала от Гесионы, оставался все еще незаконченным. Материал для него из разобранной башни Этеменанки, по слухам, откупили жрецы храма Мардука. Александр разрешил восстановить его, вопреки совету старого прорицателя Аристандра. Старик предвещал большую беду — лично для царя — после возрождения зловещего храма. Однако Александр, повсюду стараясь усилить свое влияние с помощью жрецов разных религий, не послушался.

Глава четырнадцатая
МУДРОСТЬ ЭРИДУ

Кончилась теплая вавилонская зима. Близкое лето грозило жарой, по-прежнему без вестей от Александра. Лисипп решил осуществить поездку в Эриду. Шутя, ваятель говорил, что Эриале и Эрис отправились в Эриду с Эрифилом. Четверо друзей поплыли вниз по Евфрату. Гесиона осталась дома поджидать Неарха, хотя и клялась, что это будет в последний раз, или она покинет его навсегда. Река на юге разделялась на множество рукавов, стариц и проток, образуя громадное болото в полтысячи стадий протяженностью — сплошное море тростников и осоки. Только очень опытные кормчие могли разыскать в этом лабиринте главное русло, отклонявшееся к западу, где вязкие глины и солончаки охраняли восточный край сирийской пустынной степи. Они проплыли около пятидесяти парасангов, или полторы тысячи стадий, за три дня, не приставая к берегу ни на час. Дальше Евфрат тек широким руслом, направляясь на восток. Еще через двадцать пять парасангов река стала огибать с севера каменистую возвышенную равнину, где некогда располагались изначальные города Месопотамии. Болота и солончаки простерлись на левый берег к северо-востоку и востоку. Нескончаемое пространство тихой воды, болот и тростников, населенное огромнейшими кабанами, доходило до русла Тигра и еще дальше, приблизительно на тысячу стадий.

На пятый день плавания, к вечеру, они причалили к древней, наполовину разрушенной пристани на правом берегу реки, с лестницей из огромных глыб камня. Отсюда широкая дорога, утонувшая в горячей пыли, повела их сначала к разва-

линам города незапамятной древности, а затем, минуя их, дальше на юго-запад к небольшому городку на плоском холме. Величественные развалины с убогими новыми жилищами и большой постоялый двор окружали три великолепных храма. Два из них, вернее один, более целый, напомнил Таис главное здание святилища Кибелы и похожие постройки Вавилона и Сузы. Третий храм, со следами неоднократного восстановления, отличался особенной архитектурой. Платформа с закругленными углами, облицованная кирпичом, поддерживала его основание. В центре ее широкая лестница вела к портику из трех колонн под тяжелой пирамидальной крышей невысокого преддверия. Позади этого помещения поднималась огромной высоты круглая башня с несколькими скошенными уступами. Если бы у ступенчатой башни Этеменанки перекрыли косыми крышами все уступы, сузив их ширину, получилось бы здание, похожее на эту башню.

Предупрежденные о приезде гостей, жрецы и служители встретили экбатанцев на платформе, отдавая им поклоны с достоинством и смирением. Среди них преобладали темнокожие, вроде знакомых Таис индийцев, приезжавших в Экбатану.

После церемонии приветствий четверых гостей препроводили в боковой придел, приспособленный, очевидно, для отдыха и ночлега, подали орехи, финики, мед, ячменные лепешки и молоко. Путники насыщались после омовения. Вошел высокий жрец в белой одежде с густой бородой до глаз и присел на скамье, избегая, однако, соприкосновения с чужеземцами. Таис увидела, как Лисипп начертил в воздухе знак и показал глазами на нее. Жрец встал, видимо, взволнованный, и тогда Лисипп вторично начертил в воздухе овал. Жрец сделал приглашающий жест и повел Таис с Лисиппом через высокий и узкий проход в помещение внутри башни. По дороге к нему присоединились еще двое: темнокожий и широкоплечий, с выпуклой сводом грудью, меньшего роста, но, видимо, громадной силы, а другой одетый в цветную одежду вавилонянина с тупо подрезанной узкой бородой и гривой завитых волос. Этот последний оказался переводчиком на койне. После обмена какими-то сведениями (Таис поняла, что посвященные орфики имеют доступ к тайнам храма) оба жреца выразили готовность служить эллинам своими познаниями.

Как бы желая доказать это, Лисиппа и Таис привели в длиннейший коридор, но стене которого блестели вертикальные ряды туго натянутых серебряных струн разной длины. Высокий жрец шел, касаясь то одной, то другой группы струн,

отвечавших красивым, долгим стоном, разносившимся эхом по каменному проходу.

— Это звучит в каждом человеке, соединяет поколения, — пояснил жрец, — сквозь века и проносится в неизвестную даль грядущего. Если понимаете этот символ, то не нужно разъяснять другой. — Индиец показал на глубокие канавы поперек коридора, перекрытые досками с изображениями зверей или сказочных чудовищ. Таис посчитала это разъединением поколений темнотой и невежеством, доводящими человека до озверения. Она не постеснялась спросить у индийца. Жрец приветливо заулыбался.

— Первые капли дождя не напитывают землю, но предвещают ливень плодородия, — сказал второй темнокожий жрец. — И вы тоже — капли. Удалимся для беседы в место ненарушаемого покоя.

Таис подумала об Эрис. Черная жрица отпустила ее, надеясь на Лисиппа. Конечно, у нее хватит ума, чтобы не разгуливать по чужому храму. Жрица сама, она знает правила...

В круглой невысокой зале на выступах квадратных полуколонн горели какие-то странные факелы, без дыма и копоти. На циновках были разбросаны большие подушки из мягкой, тонкой кожи. Такие же подушки составляли меблировку отведенной женщинам кельи. Здесь стояли еще два небольших восьмигранных стола и твердые табуреты темного дерева, на которые уселись оба жреца.

Таис заметила между колоннами раскрашенные изображения зверей, знакомых ей лишь по рассказам: тигров, носорогов, диких быков. Чаще всего попадались изображения слонов, исполинских животных, известных в Месопотамии и иногда приводимых в Вавилон, но никогда не изображавшихся в местных храмах, дворцах или на воротах, подобных воротам Иштар. Тяжелый ароматичный дым из двух бронзовых курильниц ложился в зале голубоватым туманом.

— Что хотите вы взять темой беседы? — спросил темнокожий жрец, явно старший по рангу величественного высокого индийца.

— На протяжении нескольких лет нашей дружбы моя ученица не раз задавала мне вопросы, на которые я не сумел ответить. Может быть, вы, владеющие тысячелетней мудростью, соблаговолите просветить обоих, — скромно сказал великий художник.

Его простота и искренность понравились индийцам.

— Знание подобно добру, — ответил старший жрец, — не должно разбрасываться как попало. Подобно богатству или

военной силе, знание, попав в негодные руки, служит глупому возвеличению одного народа и унижению других. Кроме того, и это очень важно, великие открытия вроде того, что Солнце — шар, вокруг которого ходят планеты, и сама Земля — тоже шар, а не плоская, и висит в пространстве, могут разрушить веру в тех богов, что созданы лишь человеческим воображением. У мудрого познание не сокрушит веры в величие мира и целесообразность его законов, которые так хорошо чувствуют поэты и художники. Глупец лишится вообще всякой веры и скатится в черную яму бессмысленного животного существования. К счастью, тупость невежды спасает неосторожных открывателей истины — им просто не верят или осмеивают, как получилось с вашим философом Анаксагором, впервые в Элладе учившим, что Солнце — раскаленный шар. От этого «смешного заблуждения» даже великая его мысль о «Нус» — мировом разуме, — совпадающая с нашей философией, не оказала на эллинов заметного влияния. Еще раньше был у нас исполин мысли Анаксимандр, который учил, что человек явился в результате длинной цепи поколений животных от первичных рыбообразных существ. Он же понял безбрежность космоса и обитаемых миров. Был Алкмеон, врач, ученик Пифагора, который открыл за два века до нашего времени, что мозг есть орган разума и восприятия чувств. Он же узнал, что планеты вращаются по орбитам, и также подвергся осмеянию. Но орфическое учение, индийское по духу, взято или от нас, или наших общих предков, и вы свободны в овладении мудростью без тупого самовозвеличивания.

— Ты сказал об осмеянии, — нерешительно начала Таис, — у нас есть бог Мом, порождение Ночи и бездны Тартара, который все отрицает и смеется над всем, разрушая даже покой олимпийских богов. Здесь я видела народы, у которых осмеяние и разрушение всего древнего, великого и прекрасного составляет основу бытия. Они осмеивают и Эрос, придумывая низкие кривляния и низводя божественную страсть до скотской похоти. В их глазах я, например, просто блудница, которую следует побить камнями.

— Я согласен с тобой относительно вредоносности невежественного осмеяния, — ответил высокий индиец, — но причина его, нам думается, не в том, что есть какой-то занятый этим бог. Маленькие народы, обитающие между могущественными государствами, Египтом и Месопотамией, всегда находились в унижении. Человек платит за унижение осмеиванием того, кто унизил, если не имеет силы. В малых народах жизнь людей неверна и быстротечна, нет ничего по-

стоянного и не успевают установиться прочная вера и философия.

— Я прибавлю к этому сходство с обезьянами, — сказал старший жрец, — у нас в стране их очень много и некоторые считаются священными! Обезьяны самые бездельные из всех животных. Живя в безопасности на деревьях, в рощах, изобилующих плодами, обезьяны не тратят времени и усилий на пропитание, как другие звери — тигр, упорно гоняющийся за добычей, слон или бык, вынужденные подолгу есть траву, чтобы прокормить свое огромное тело. Поэтому они ценят время и не тратят его на пустяки. Бездельные же обезьяны, быстро насытившись, ищут развлечения в пакостях. Швырнуть орехом в глаз тигру, нагадить на голову слону и потом издеваться над ними, трясясь от хихиканья, с безопасной высоты! Они чувствуют свое ничтожество и бесполезность и мстят всем другим достойным зверям за это.

Эллины было засмеялись, но индиец говорил серьезно, и, дабы не уподобляться несносным тварям, Лисипп и Таис сконфуженно умолкли.

Давно наступил вечер, а беседа продолжалась, пока не разошлись за полночь. Таис поняла необходимость прогостить здесь несколько дней. Она предчувствовала, что другой возможности узнать древнюю мудрость далекой страны не представится.

Эрис сидела, поджав ноги, в обычной позе, поджидая Таис. Афинянка устало повалилась на подушки и забылась во сне, переполненном фантастическими обликами неведомых богов.

В последующие дни Таис узнала про двенадцать Нидан, или Причин Бытия. Каждая из них считалась следствием предыдущей и причиной последующей. Великая Природа, иначе — порождающая сила, Шакти, очень мало отличалась от Великой Матери доэллинских верований, с главенством женского божества. Шестой знак зодиака — Канья, или Дева, представляющая Шакти — Силу Природы, или Махамайю — Великую Иллюзию, указывает, что первичные силы должны соответствовать числу 6 и стоять в такой последовательности:

1. Парашакти — высочайшая сила тепла и света, порождающая все на земле.

2. Джнанишакти — сила разума или мудрого знания, она двусторонняя: Смрити, или память, — гигантская сила, способная оживлять прежние представления и будущие ожидания, и вторая сторона — ясновидение, прозрение сквозь заве-

су Майи во Время, которое едино во всех трех его аспектах — прошедшем, настоящем и будущем и гораздо сложнее, чем то, какое ощущается человеком по биению своего сердца.

3. Иччхашакти — сила воли, напряжение токов внутри тела для выполнения желания.

4. Крияшакти, или сила мысли, которая материальна и может производить действия своей энергией.

5. Кундалини Шакти — жизненный принцип всей Природы. Сила эта движется, змеевидно извиваясь, сочетая две великие противоположности притяжения и отталкивания, почему называется еще змеем. Кундалини уравновешивает внутреннее и внешнее в жизни. Поступательное ее движение внутри человека дает силу Камы — Эроса — и ведет к перевоплощению.

6. Мантрикашакти, или сила речи и музыки, знаков и букв.

Из всего этого перечисления материнских сил больше всего понравилось эллинам Кундалини Шакти, понятие, близкое им обоим, художникам и поэтам по духу, родственное диалектике Эфесского Гераклита, Анаксагора и Антифонта. Лисипп заметил, что у мудрых философов еврейских народов змей является силой зла, погубившей счастливую жизнь первых людей.

Оба индийца улыбнулись, и старший сказал:

— Наша священная книга Айтарея называет вашу Гею Землю — Сарпораджини, царицей змеев, матерью всего, что движется, ибо змей — символ движения в игре противоположных сил. По нашим преданиям, была прежде раса змеевидных людей, или Нагов, числом всего не более тысячи. Теперь новая порода людей, пятая по счету, символ который Бык и Корова. Бык — священен у вас на Западе, корова — у нас. От Нагов перешла к моему народу, — сказал индиец, — способность властвовать над страшными ядовитыми змеями Индии. Здесь, в нашем храме, есть жрица Нага, исполняющая обряд поцелуя священного змея. Никто из смертных, даже высшей касты, не может совершить этого обряда и остаться в живых!

Таис, загоревшись любопытством, заручилась обещанием старшего жреца, что ей будет показан страшный обряд.

Многое в рассказах индийцев осталось непонятным и для Таис, и для Лисиппа. Огромная продолжительность времени, исчисляемого ими от сотворения мира, в корне противоречила подсчетам египетских, финикийских, еврейских и пифагорейских мудрецов. Всего короче оно считалось у евреев —

шесть тысяч лет. По индийским данным, первые настоящие люди появились на Земле восемнадцать миллионов шестьсот шестнадцать тысяч пятьсот шестнадцать лет тому назад. С такой пугающей точностью индийцы вычислили длительность грозного и темного периода бедствий в истории человечества, наступившей после великой битвы в Индии, когда погиб цвет человечества две тысячи семьсот семьдесят лет тому назад. Эта эпоха, или, как они назвали, Калиюга, должна продлиться еще 429 тысяч лет.

— Другие мудрецы исчисляют ее гораздо короче, — сказал высокий индиец, — всего в пять с небольшим тысяч лет.

Лисипп и Таис переглянулись. Такое громадное расхождение противоречило точности предыдущих колоссальных цифр. Заметив недоумение эллинов, индийцы продолжали повествовать о точных исчислениях, разработанных их математиками. В книге «солнечной науки» время делится особым, незнакомым эллинам способом. Один час равен 24 минутам эллинов, а минута, или викала, — 24 секундам. Дальше время дробится последовательно по 60 крат, и дробление это доходит до кашты: невообразимой человеку краткости мгновения в одну трехсотмиллионную долю секунды. На вопрос Лисиппа, зачем придуманы числа, которые нельзя ни измерить, ни вообразить, индиец ответил, что человеческий разум имеет две ступени сознания. На высшей ступени, называемой буддхи, он способен осмысливать столь малые величины и познать построение мира из мельчайших частиц, центросил, вечных и несокрушимо прочных, хотя они всего лишь точки энергии.

Эллины узнали о великом враче Дживаке, жившем триста лет назад, обладателе камня, который освещал органы внутри тела, о другом враче, умевшем предохранять людей от заболеваний оспой, втирая им в маленькую ранку кровь, взятую от перенесшего болезнь человека.

— Почему же теперь врачи повсеместно не пользуются этим способом, — воскликнула Таис, — и сами вы говорите о них как о чем-то полузабытом?

Старший жрец посмотрел на нее длительно и безмолвно, а младший вскричал с негодованием:

— Нельзя говорить так, прекрасная посвященная! Все это и еще многое другое — тайна, запертая в древних книгах. Если она забыта, значит, так угодно богам и Карме. Когда мы, жрецы высшей касты, узнаем, что чтение священных книг подслушано человеком низшей касты, мы вливаем ему в уши расплавленный свинец!

— Как же вы тогда заботитесь о распространении знаний? — спросила не без язвительности Таис. — Только что я слышала речь о бедах невежества.

— Мы заботимся не о распространении, а о сбережении знания среди тех, кому надлежит им обладать! — ответил высокий жрец.

— Среди одной касты? А как же с другими — пусть пребывают в невежестве?

— Да. И выполняют предназначенное. Если они его хорошо исполнят, то в будущей жизни они родятся в другой, более высокой касте.

— Знание, хранимое в узком кругу, неминуемо будет слабеть и забываться, — вмешался Лисипп, — а замкнутые круги каст хороши для выведения пород животных, а не людей. Спартанцы пытались создать породу воинов, даже преуспели в этом, но в жизни все меняется скорее, чем рассчитывают люди. И военная жизнь поставила лакедемонян на край гибели.

— У нас не одна, а несколько каст, на все, что потребно для жизни человека, — возразил индиец.

— Все же мне эллинское отношение к людям кажется более последовательным. Вы в своих священных книгах и творениях философов считаете людей наравне с богами, а на деле разводите как животных, держа в невежестве, — твердо сказал Лисипп.

— Разве эллины не признают благородство происхождения? — нахмурился старший жрец.

— Признают, и очень серьезно. Разница одна, но очень существенная. Мы считаем, что благородный человек может родиться у кого угодно и он заслуживает всего — знания, искусства и мастерства, какое он может усвоить и применить. Если он найдет себе такую же хорошую пару, то благородная линия потомков пойдет от такого человека во дворце Афин или в доме земледельца в Халкидике равно. Там и там может родиться и хорошее и плохое. Обычно считают, что особо прекрасные люди появляются на свет при участии богов или богинь.

— Но рабов вы не считаете за людей и унижаете до скотского состояния! — воскликнул индиец.

Таис хотела возразить. Лисипп остановил ее, незаметно сжав руку. Он поднялся и, оставив афинянку наедине с индийцами, вышел знакомой дорогой к своей келье и вернулся с большим ящиком из фиолетовой амарантовой древесины, окованным золотыми уголками. Осторожно поставив его на

восьмигранный столик, ваятель открыл защелку. На свет появился странный механизм — переплетение зубчатых колес и рычагов самой различной величины. На посеребренных ободках были нанесены буквы и знаки.

Заинтересованные индийцы склонились над ящиком.

— Ученик пифагорейцев, Гераклит Понтийский, близкий с Аристотелем, открыл, что шар Геи вращается, подобно волчку, вокруг себя и что ось этого волчка наклонена по отношению к плоскости, в которой ходят планеты и Солнце.

Эта машина для расчета движения планет, без чего не может быть ни предсказания будущего, ни верного мореплавания. Здесь разум утверждает себя один раз, создав машину, а дальше работают лишь руки да памятные таблицы, начертанные на крышке. Человек освобождается от долгих вычислений и может заняться высокими размышлениями.

Пораженные жрецы притихли. Лисипп воспользовался их растерянностью и сказал:

— Мы, эллины, вместо того чтобы казнить искателей знания расплавленным свинцом, открываем настежь портики и сады наших академий, философских школ. И достигаем немало, догоняя вас, начавших размышлять о мире не на одно тысячелетие раньше.

— Это потому, что вас мало и вы принуждены беречь учеников, дабы обеспечить передачу факела знания! А нас очень много! Знание, если мы прокричим его на площади, будет немедленно искажено невеждами и обращено против истинных мудрецов. В Крияшакти и Кундалини мы нашли секреты личной силы и очень тщательно охраняем технику обучения и пользования его. Будет беда, если знание это попадет человеку несовершенной Кармы!

И Таис узнала о законе Кармы, или воздаяния, перед которой наивной, маленькой и слабой выглядела Немесис, дочь Нюкты (Ночи) — богиня справедливого возмездия эллинов.

Колоссальный космический механизм, работа которого лежит в самой основе мира! Все на свете — и боги, и люди, и звери — подлежат Карме. Они должны изживать свои ошибки, несовершенства и тем более преступления в череде последующих воплощений, судьба которых или ухудшается или улучшается в зависимости от личного и общественного поведения. Ложь и обман, особенно написанные в книгах, составляют страшные преступления, потому что ведут за собой вредные следствия для многих людей и могут быть изжиты лишь через тысячи лет. Разрушение прекрасного также относится к самым тяжким поступкам. Запрещение кому-либо

чего-либо означает, что запрещающий берет на себя карму подневольного, какая бы она ни была.

— Значит, запрещая низшим кастам знание, вы берете их невежество на себя? Миллионов людей? — внезапно спросила Таис.

Старший жрец даже отшатнулся, а глаза высокого выразили злобу.

— Так же как и вы, эллины, не допуская к учению рабов, — ответил старший жрец. — Вас, свободных, мало, а их очень много и делается все больше. От этого ваш мир скоро погибнет, несмотря на великие ваши завоевания.

И опять Лисипп остановил порывающуюся возразить афинянку. Таис остыла, сообразив, что у каждой веры есть свои слабости. Бить по ним уместно разве в публичном диспуте, а не в мирной беседе. Вместо спора афинянка решилась наконец задать давно мучивший ее вопрос.

— Мой учитель, великий художник Лисипп, ужасно порицал меня за один проступок и отдалил от себя на целый год. Красота — единственное, что привязывает людей к жизни и заставляет ее ценить, бороться с ее невзгодами, болезнями и опасностями. Людям, разрушающим, искажающим или осмеивающим красоту, нельзя жить. Их надо уничтожать, как бешеных собак — носителей неизлечимого яда. И художники — волшебники, воплощающие прекрасное, — отвечают особенно строго, строже нас, не видящих, ибо они зрячие. Так сказал мне Лисипп три года назад.

— Учитель твой прав совершенно, в полном соответствии с законом Кармы, — сказал темнолицый.

— Следовательно, я, разрушив прекрасные дворцы Персеполиса, подлежу ужасному наказанию в этой и в будущих жизнях? — печально спросила Таис.

— Ты та самая женщина? — индийцы с любопытством воззрились на свою гостью. Помолчав довольно долго, старший сказал, и его слова, веские и уверенные, принесли облегчение афинянке:

— Хотящие повелевать строят ловушки для легковерных людей. И не только легковерных, ибо всем нам, от мала до велика, свойственна жажда чудес, порождающая тягу к необыкновенному. Те, кто хочет повелевать умами людей, строят ловушки игрой цифр, знаков и формул, сфер и звуков, придавая им подобие ключей знания. Желающие повелевать чувствами, особенно толпы, как деспоты и политики, строят огромные дворцы, принижающие людей, завладевающие его чувствами. Человек, попав в эту ловушку, теряет

свою личность и достоинство. Дворцы Портипоры, как мы зовем Персеполис, и есть подобная ловушка. Ты верно угадала это и явилась орудием Кармы, подобно тому как зло в наказании иногда служит добру. Я бы снял с тебя обвинение Лисиппа.

— Я сам понял и простил ее, — согласился скульптор.

— И не пояснил мне? — упрекнула Таис.

— Не умом, а чувством, словесно объяснили нам только они, знающие Карму, учителя из Индии. — Лисипп поклонился, по азиатскому обычаю приложив руки ко лбу.

В ответ жрецы склонились еще ниже.

В этот день Таис, веселая, заигрывая и задирая Лисиппа, вернулась к себе ранее обычного.

Эрис, подвинув к ней столик с едой, подождала, пока афинянка насытилась, и, улыбаясь одними глазами, поманила за собой. Она бесшумно привела Таис к ступенчатому переходу из передней части храма в главную башню. На широком возвышении, с лестницами по обеим сторонам, перед тьмой глубокой неосвещенной ниши, стояла Артемис Аксиопена. Лучи света, падая из боковых оконцев вверху, скрещивались впереди статуи, усиливая мрак позади. Бронза резко блестела, будто Артемис только что вышла из мрака ночи, по следам какого-то преступления. У подножия ее сидел Эхефил, молитвенно подняв взгляд на свое создание. Углубленный в думы, он не пошевельнулся и не почувствовал появления женщин. Таис и Эрис беззвучно отступили и вернулись в келью.

— Ты погубила его, халкеокордиос (медное сердце)! — резко сказала афинянка, гневно глядя на черную жрицу. — Он не может теперь продолжать ваяние.

— Он губит сам себя, — безразлично сказала Эрис, — ему нужно лепить меня, точно статую, сообразно своим желаниям.

— Тогда зачем ты позволила ему...

— В благодарность за искусство, за светлую мечту обо мне, ты знаешь сама, как это!

— Но не может большой художник волочиться за тобой, как прислужник, к тому же еще мужского пола.

— Не может! — согласилась Эрис.

— Какой же для него выход?

Эрис только пожала плечами.

— Я не прошу любви!

— Но сама вызываешь ее, подобно мечу, подрубающему жизни мужей.

— А что велишь мне делать, госпожа? — тоном прежней рабыни спросила Эрис. Афинянка прочла в ее синих глазах печальное упрямство.

Таис обняла черную жрицу и прошептала несколько ласковых слов. Эрис доверчиво прижалась к ней, как к старшей сестре, утратив на миг богинеподобный покой. Таис погладила ее буйную гриву непослушных волос и пошла к Лисиппу.

Великий ваятель всерьез озаботился жалкой судьбой лучшего ученика и повел Таис снова к жрецам.

— Вы говорили о знании, — начал он, когда четверо опять уселись в круглом зале, — как о спасении. По-вашему, не было бы и малой доли того страдания, какое есть в мире, если бы люди больше задумывались над горем, происходящим от невежества. Абсолютно правильное это утверждение уживается у вас с бесчеловечными законами тайны знаний. Однако кроме разума есть чувства. Что вы знаете о них? Как справиться с Эросом? Гибнет будущий великий ваятель, создатель статуи, приобретенной вашим храмом.

— Если ты имеешь в виду богиню ночи Ратри, она не для храма и стоит здесь на пути в Индию.

— У нас она считается богиней луны, здоровья и юных жен, равной Афродите, — сказала Таис.

— Наша богиня любви и красоты Лакшми лишь одна светлая сторона божества. Черная сторона — богиня разрушения и смерти, карательница Кали. Прежде, в древности, когда каждое божество было одновременно и благожелательным и враждебным, обе они сливались в образе богини ночи Ратри, которой поклоняюсь я, — сказал темнокожий жрец.

— Как можешь ты поклоняться лишь женской богине, если ваши боги посылают небесных красавиц, чтобы сокрушить могущество мудрецов? — спросил Лисипп. — В этом ваша религия кажется мне одновременно и высокой, ибо ставит человека наравне с высшими богами, и низкой, ибо ее божества используют красоту как оружие недостойного соблазна.

— Не вижу ничего недостойного в таком соблазне, — улыбнулся жрец. — Соблазняет ведь не простая якшини, демон похоти, а солнечная красавица, наделенная искусствами и высоким умом, вроде нее, — он покосился на Таис.

Озорство, долго сдерживаемое, вдруг взмыло в ней, и она послала жрецу пламенный долгий взгляд, невинно раскрыв губы.

— О чем говорил я? — жрец потер лоб в усилии вспомнить.

Таис получила пинок от Лисиппа, сообразившего, в чем дело.

— Есть два пути совершенствования и возвышения, оба тайных. Один — это аскетизм, полный отказ от желаний, путь углубленной мысли, смыкающей низшее сознание с высшим. И прежде всего — уничтожение малейших помыслов о том, что вы называете Эросом. Здесь женщина с ее силой — враг!

— Как у евреев, где она — причина первородного греха, разрушения рая и прочих несчастий.

— Нет, не так. Кроме того, ты, видимо, не знаешь всей глубины их религии, тайно следующей вавилонской мудрости, не знаешь Каббалы. Как у нас на высотах философии священных Упанишад нет личного бога, а только Парабрахман — реальность всеобъемлющего Космоса, так и у Каббалы нет грозного личного Иеговы, а есть Эйн-Соф — бесконечное и беспредельное бытие. Откровение Истины дается в виде нагой женщины, скрытой под именем Сефиры. Сефира вместе с мудростью Хокма, мужским началом, и женским разумом Бина составляют троицу, или корону Кэтер, голову Истины. Запрета женщинам в святилищах нет. Девушки Кадешим, священные в своей наготе, посвящены богу, подобно нашим храмовым танцовщицам — финикийским и вавилонским женщинам храмов, не говоря уже о ваших служительницах Афродиты, Реи и Деметры. Очень много похожего во всех древних верах, исходящих из одного и направленных к одному.

— Почему тогда яростные проповедники евреев кричат, называя нас идолопоклонниками, ненавидя наши законы и утверждения?

— Есть писания элохические, где высока мудрость, и, составленные на пять веков позднее, писания о всемогущем, единственном боге, занятом только людскими делами, подобно верховному управителю Земли. Религия направлена к одной цели — сохранению древнего и малочисленного народа в окружении врагов. В них и найдешь ты прежде всего понятие греха, в равной степени незнакомое вам, эллинам, и нам, индийцам. Естественное назначение любви для продолжения рода у нас — священная обязанность человека. С самых древних времен женщины никогда не были отделены от мужчин и столь же свободны. Так пишут наши святые Веды. Как можем мы считать нечистой страсть, естественную как сама жизнь, в пламени которой рождаются будущие поколения?

— Тогда почему ваши боги мешают мудрецам подняться в высший мир с помощью страсти апсар — небесных гетер? — Таис показала вверх, вызвав улыбку у обоих жрецов.

— Высший мир мы называем так не потому, что он находится где-то наверху, а обозначая его качество по сравнению с окружающим, — сказал темнолицый. — Я начал говорить тебе о двух разных путях к достижению совершенства. Первый путь, повторяю, путь ясности мысли — это уничтожение всех физических желаний, даже желания продолжать жизнь. Но у темнокожих древних обитателей Индии, к которому принадлежу я, разработан другой путь, философия изначальная для всей индийской мысли, и особенно пригодная для современной эпохи невежества, зависти и злобы, именуемой Калиюгой. В ней — самые глубокие познания и самое мощное умение повелевать силами человеческого тела. Она называется Тантрой. Краткая суть ее в том, что человек должен испытать все главные желания жизни с высочайшим напряжением, чтобы в короткий срок изжить их и освободиться.

— И ты последователь Тантр? — спросила Таис.

Жрец ответил утвердительным жестом.

— И освободился навсегда от соблазнов и желаний? — снова озорная афинская девчонка заговорила в гетере. Она посмотрела на жреца так выразительно, что все мышцы его могучего тела закаменели. Он набрал полную грудь воздуха и продолжал:

— Тантра не отвергает желания, особенно Эроса, признавая в нем движущую силу жизни и возможность духовного возвышения. И мы никогда не отказываемся помочь другому в этом восхождении, памятуя историю Брахмы.

— Что это за история?

Индиец рассказал прелестную легенду о любви небесной апсары к главному богу индийской троицы Брахме. Занятый созерцанием и совершенствованием, он не ответил на ее призыв. Тогда апсара прокляла его, напророчив ему почитание от верующих меньшее, чем для всех других богов. Брахма отправился к другому богу троицы, Вишну, и тот разъяснил ему, что совершен тяжкий грех, для исправления которого он должен стать любовником апсары и совершить еще тридцать других покаяний для очищения, ибо женщина — величайшая драгоценность и действенные руки Природы-Шакти. Мужчина, отказывающий женщине в страсти, кто бы она ни была, совершает большой грех. Поэтому последователи Тантры поклоняются Шакти и весьма изощрены в Эросе.

— И мужчины и женщины? — спросила Таис.

— Разумеется! — ответил жрец. — Необходимо действие. Одного лишь желания мало. Чтобы возвыситься до подлинного служения Ратри и великого духовного подъема, освобождающего от низких мимолетных желаний, он и она, совершающие обряд, или по крайней мере хоть один из них, должны пройти долгую подготовку тела и всех чувств.

— Мы также проходим долгое обучение, — заметила Таис.

— Не знаю, каково оно, — сказал темнолицый, — если ты увидишь «поцелуй змея», то поймешь сама могущество наших тантрических путей.

— Когда можно увидеть? — нетерпеливо спросила Таис.

— Хоть сейчас.

— Можно ли послать за моей подругой?

Таис, Лисипп и Эрис спустились по узкой лестнице в обширное подземелье под башней. Переводчик остался наверху. Эллины сносно понимали по-персидски, а индийцы свободно владели этим языком.

В просторном квадратном помещении, сильно освещенном бездымными индийскими факелами, их встретили две светлолицых и одна темнокожая, маленькая и крепкая молодая женщина лет тридцати, походившая на старшего жреца.

— Моя сестра, — сказал он, угадывая мысли гостей. — Она и есть наша Нагини, повелительница змей.

— И посвященная в Тантру? — спросила Таис.

— Без этого — смерть! — сурово ответил жрец. — Она выполнит не только обряд, но и все приготовления к нему. Сядьте.

Они уселись у стены на холодноватую каменную скамью. Явилась четвертая девушка, неся большую плоскую чашу с теплым душистым молоком и пучок пахучей травы. Повелительница змей сбросила одежду. Девушка вытерла все ее бронзовое тело травой, намоченной в молоке, высоко зачесала волосы и привязала мягкий кожаный передник, доходивший от ключиц ниже колен. Не глядя на посетителей, спокойная и серьезная, повелительница змей подошла к тяжелой металлической двери, держа в руке золотую чашку, до краев наполненную молоком. По ее знаку опустилась частая решетка, отгородившая ее помощниц и гостей. Девушки поднесли к губам инструменты вроде флейт. Одна повела протяжную тихую мелодию, вторая разбивала ее ритмом свистящих звуков. Маленькая темнокожая жрица запела высоким голосом, вместо припева издавая резкий вибрирующий свист. Она распахнула дверь левой рукой и раскинула обе крестом, продолжая держать чашу в правой. За дверью зияла черная пустота пещеры.

В самом конце ее неясно светилась щель — видимо, там существовал узкий проход к свету. Некоторое время жрица пела под аккомпанемент флейт, очень долго, как показалось Таис в напряженном ожидании чего-то ужасного. Вдруг темнокожая женщина согнулась и поставила чашку за порогом двери. Флейтистки смолкли. Отчетливо послышалось шуршание тяжелого тела, скользившего по каменному полу. Из тьмы пещеры высунулась плоская голова с очень широким затылком. Два ясных, отливающих пурпуром глаза пронзительно оглядели всех, как показалось Таис. Голова с квадратами чешуи, подобных нагрудной броне воина, мимоходом окунулась в молоко.

Жрица позвала мелодичным свистящим звуком. В подземелье скользнула гигантская змея двадцати локтей длины, с черновато-зеленой спиной, кое-где ниже по бокам очень густого оливкового цвета. Неробкая афинянка почувствовала холодок по спине, нашла руку Эрис, и та ответила ей взволнованным сжатием пальцев.

Змей свернулся кольцами, устремив не ведающий жалости или страха взгляд на маленькую жрицу, почтительно ему поклонившуюся. Продолжая свой напев, она подняла высоко над головой сложенные ладонями руки и, вытянувшись на пальцах, стала раскачиваться в стороны боковыми изгибами, на плотно сомкнутых ногах, сохраняя удивительное равновесие. Раскачивание учащалось. В такт ему громадный змей стал ерзать по полу, извиваясь, и поднялся так, что его голова оказалась на уровне прически маленькой жрицы. Только сейчас Таис заметила вплетенные в волосы девушки три перевязи, снабженные рядами сверкающих полированных острий. Змей раскачивался в такт со жрицей, медленно приближаясь. Внезапно она вытянула правую руку и погладила чудовище по голове, неуловимо быстро отпрянув от разинутой пасти, которая ударила в место, где за долю секунды перед этим было ее лицо.

Снова повторилось раскачивание и пение, жрица, с красотой и соразмерностью танцовщицы переступая маленькими босыми ногами, приближалась к змею. Улучив момент, она взяла обеими руками его голову, поцеловала и опять отпрянула. Гад бросался с едва заметной глазу быстротой, но всякий раз повелительница змей точно угадывала его намерение и отстранялась еще быстрее. Трижды молодая женщина целовала гада в голову, с непостижимой легкостью ускользая от его укуса или подставляя змею край своего передника, куда он погружал свои длинные ядовитые зубы. Наконец раздражен-

ный змей взвился спиралью, бросился на девушку, промахнулся и замер, качаясь и нацеливаясь снова. Жрица выгнулась вбок, хлопнула в ладоши опущенных рук и молниеносно рывком вперед, на одно кратчайшее мгновение, прижалась губами к змеиной пасти. Змей ударил в ту же секунду. На этот раз он не остановился и погнался за жрицей. Непостижимо, как она смогла увернуться и ускользнуть в узенькую дверь за решетку, которую заранее распахнула и захлопнула четвертая девушка.

Лязг металла, тупой удар тела змеи и свист разозленного гада отозвались стихийной силой на натянутых, точно струны, чувствах Таис.

— Что будет теперь?! — громко вскрикнула она на аттическом наречии, и индийцы удивленно уставились на нее.

Лисипп перевел, и старший жрец усмехнулся.

— Ничего. Мы уйдем, факелы погасят, и Наг возвратится к себе в пещеру. Там устроена площадка, куда он выползает греться на солнце. А в это время закроют дверь.

— Он сильно ядовит? — спросила Таис.

— Подойди к моей сестре, — ответил жрец.

С почтительностью и не без примеси страха, афинянка приблизилась к маленькой женщине, стоявшей без волнения и позы, с любопытством глядя на эллинов. Почувствовав резкий запах, напоминавший раздавленный лист чемерицы, Таис увидела, что передник повелительницы змей залит желтозеленой жидкостью, медленно стекавшей на пол.

— Яд! — пояснил жрец. — С каждым броском Наг, готовясь укусить, выбрызгивает его из своих зубов.

— И яд силен? — спросил Лисипп.

— Это самая большая и самая ядовитая змея Индии. Конь и слон умирают через минуту, человек и тигр живут дольше — две, по вашему счету времени. Этого яда хватит на три десятка человек.

— Она приручена сколько-нибудь? — вдруг заговорила Эрис, чисто выговаривая персидские слова. — Ведь ее давно привезли сюда?

— Приручить Нага невозможно! Тварь не ведает благодарности, привязанности, страха или беспокойства. Она лишена почти всех чувств, свойственных животному с теплой кровью, и походит в этом на людей толпы самого низшего разряда. Только необычайное искусство нашей Нагини спасает ее от смерти, стерегущей каждое мгновение.

— Тогда зачем она делает это? — Таис взглянула на маленькую жрицу, осторожно сворачивавшую обрызганный

ядом передник, и теперь совсем похожую на древнюю бронзу с сильными формами женщины, привычной к труду земледельца.

— Каждый из нас имеет потребность вновь и вновь испытывать себя в искусстве, особенно если оно опасно и неисполнимо другими людьми. Кроме того, могущество тантрической подготовки дает ей надежный щит!

— Если Тантра столь сильно влияет на чувства, сердце и тело людей, то можешь ли ты исцелить молодого художника от чрезмерной и безнадежной любви к моей подруге?

— Художники занимают место посредине, между последователями аскетизма и Тантры. Поэтическая мысль не боится искушения, поскольку сама поэзия коренится в любви, которая есть желание, а желание — надежда продолжать жизнь. Истинная поэзия отбрасывает все фальшивое и в этом подобна аскезе, но в то же время сгорает в пламени Эроса к возлюбленной или Музе. Эта двусторонняя способность художника затрудняет лечение. Все же попробуем.

— В чем состоит лечение?

— Каждая мысль проявляется внешне, если внимание сильно сосредоточено на ней. Напряженное желание вызовет нужное следствие.

— Ты имеешь в виду сэтэп-са, гипноз?

— И это. Однако для художника более важно заострить тоску о Кхадо — Лилит, скрытую в сердце каждого мужчины. Так же как и у вас, эллинов, у нас есть предание о нескольких расах людей, которые предшествовали теперешним. Эллины верят в людей золотого, серебряного и медного веков, что соответствует последовательности наших юг и доказывает единство происхождения мифов. Одна существенная разница — мы считаем прежних людей более небесными, а вы — более земными, чем современные, — и следовательно, менее совершенными.

— Ты неправ, жрец, — вмешался Лисипп, — разве титаны и титаниды хуже современных? Прометей и его сподвижники жертвовали собой, чтобы избавить людей от невежества.

— И только прибавили им страдания от осознанной ответственности, дав мечту о свободной воле, но не подняв из мрака несвободной жизни, — прибавил высокий жрец.

— По нашим мифам, Кронос уничтожает, пожирая, своих детей от Реи-Геи. Уран тоже истребляет их. Иначе говоря, Время и Небо стирают с лица Земли плоды свои. Означает ли легенда неспособность Земли, Природы или Шакти создать настоящих богоравных людей?

— Означает, что человечество должно в конечном итоге пересоздать само себя, совершенствуясь в познании и самовосхождении. Наши священные писания говорят о прежних расах людей — духов. Не буду говорить о трех первых, они очень далеки от нас. Непосредственно предшествовала нам четвертая раса, с прекрасными женами небесного происхождения. Еврейская мифология не признает чередования нескольких рас, а единожды сотворенную пару людей, одинаковых с современными. Однако и у них есть предание, будто у первого из людей, Адама, была до его человеческой жены Евы еще одна — Лилит. Предание сделало из нее вредоносного демона, прекрасного, по-всячески вредившего Еве, пока бог не послал трех ангелов, которые изгнали Лилит в пустыню.

Индийские Лилит совсем другие. Они также способны летать по воздуху, но бесконечно добры к людям. Царица всех этих праженщин, называемых у нас Кхадо, именовалась Сангиэ Кхадо и красотой превосходила всякое воображение. В отличие от апсар, Кхадо не обладали разумом, а лишь чувствами. И мечта о прекрасном человеческом теле и нечеловеческой силе Эроса живет у нас как память об этих Лилит.

— Я слышала от восточных людей легенду о пери, небесных красавицах, порождениях огня. Они тоже летают по воздуху и снисходят к смертным избранникам, — сказала Таис, вспомнив свое пребывание на озерах близ Персеполиса.

— Несомненно, тоже отзвук памяти о Лилит, — согласился старший жрец, проявляя в отношении Таис все бóльшую внимательность. — Наша задача — разбудить эту память в душе художника, овладеть ею и предоставить особенно искусным в своем деле священным танцовщицам доверить остальное, вытеснив из сердца художника его губительную страсть к модели, не желающей связать с ним судьбу!

— Я видела настоящую Лилит древних месопотамцев на Евфрате.

И Таис рассказала о маленьком святилище на дороге через перевал с изображением крылатой женщины в нише алтаря.

— Я думаю, что из всех древнейших женских изображений у этой богини было наиболее совершенное тело, — добавила афинянка. — А можно мне взглянуть на этих «особенно искусных»?

— Можно! — согласился старший жрец, ударяя в небольшой бронзовый диск и одновременно повелительным кивком приказывая переводчику покинуть зал. Приглаживая бороду,

вавилонянин заторопился. Очевидно, избранные танцовщицы храма показываются далеко не всем. Эрис вдруг что-то вспомнила и поспешила к себе.

Из незаметной двери, между слонами, явились две девушки в одинаковых металлических украшениях на смуглых гладкокожих телах — косо одетых широких поясах из золота, ожерельях, ножных браслетах, серьгах большими кольцами и сверкающих крупными рубинами налобниках на коротких жестких волосах. Лица их, неподвижные как маски, с сильно раскосыми и узкими глазами, короткими носами и широкими полногубыми ртами, были похожи как у близнецов. Похожими были и тела обеих, странного сложения. Узкие девические плечи, тонкие руки, небольшие, дерзко поднятые груди, тонкие станы. Эта почти девичья хрупкость резко контрастировала с нижней половиной тела — массивной, с широкими и толстыми бедрами, крепкими ногами, на пределе красоты, чуть-чуть не переходящей в тяжелую силу. Из объяснений старшего жреца эллины поняли, что эти девушки — странного племени из дальних восточных гор за рекой Песков. В них наиболее ярко выражена двойственность человека: небесно-легкой верхней половиной тела и массивной, исполненной темной земной силы, — нижней.

Таис усомнилась, могут ли они танцевать.

— Жены небольшого роста всегда гораздо более гибкие, чем те, которые подобны корам и величественным статуям. Я совсем не знаю этих народов из далеких восточных гор и степей, куда не проникали шагатели Александра.

Короткое приказание — и одна из девушек уселась на пол, скрестив ноги, и ритмически захлопала в ладоши, звеня блестевшими в свете факелов браслетами. Другая начала танец с такой выразительностью, какую дает лишь талант, отточенный многолетним учением. В отличие от танцев Запада, ноги принимали малое участие в движениях, зато руки, голова, торс совершали поразительные по изяществу изгибы и жесты, раскрывались пальцы, подобные цветкам.

Ноги скрещивались мелкой переступью и чуть не свивались жгутом, неистово вращая корпус вокруг вертикальной оси.

Таис разразилась рукоплесканиями одобрения. Танцовщицы остановились и по знаку жреца исчезли.

Появился переводчик.

— Они очень своеобразны, эти девушки, — сказала Таис, — но я не понимаю их обаяния. Нет гармонии, харитоподобия.

— А я понимаю! — вдруг сказал молчавший все время Лисипп.

— Вот видишь. Мужчина знает, что в этих женщинах сочетание двух противоположных сил Эроса, и очень могуч поэтому змей Кундалини.

— И ты согласен, учитель? — усомнилась Таис. — Зачем же преследуешь ты всегда совершенство в своем искусстве?

— В искусстве прекрасного образа богини — да, — ответил Лисипп, — но законы Эроса иные. Мне ли говорить тебе, сколько в них тьмы Кибелы?

— Как будто поняла, — пожала плечами Таис. — И ты считаешь, что Эхефил того же мнения?

— Похоже, раскосые девчонки вылечат его, — улыбнулся Лисипп.

— И Клеофраду они понравились бы тоже? Он так трудился над Анадиоменой, выбрав меня! Зачем?

— Не могу говорить за того, кто перешел Реку Забвения. Сам я думаю так: ты не Лилит, а, как они называют своих небесных гетер, апсара. Владеть тобою, взяв у тебя все, что можешь ты дать, суждено лишь немногим, способным сделать это. Для всех других — бесконечно снисходительные, безумные и пламенные Лилит. Каждый из нас может быть их избранником. Сознание щедрости Лилит ко всем мужам тревожит наши сердца и необоримо влечет к ним памятью прошлых веков.

— А Эрис, по-твоему, кто?

— Только не Лилит. Она безжалостна к слабостям и не снисходительна к неумению. Эхефил увлекся носительницей образа. На его беду, и образ и модель оказались одним и тем же.

— Клеофрад говорил о своем увлечении мной.

— Для него это было бы еще хуже, чем для Эхефила. Эхефил хоть молод.

— И по-твоему, меня уже нельзя любить? Благодарю, друг мой!

— Не пытайся корить меня за попытку разобраться в твоем настроении. Ты знаешь: если захочешь — к твоим ногам упадет каждый. Этот жрец, все познавший и преодолевший, сражен тобою. Как это просто для такой, как ты! Всего несколько взглядов и поз. Напрасно ты не ответишь ему, как Лилит. Сидит в тебе наконечником копья испытанное тобой чувство, достойное апсары. Полагаю, ты была возлюбленной Александра и ему отдала всю силу Эроса!

Таис залилась краской.

— А Птолемей?

— Ты родила ему сына — значит, его Эрос к тебе сильнее, чем у тебя к нему, иначе была бы дочь.

— А если бы поровну?

— Тогда не знаю. Могло бы быть и так и этак... Хозяева наши вежливо ждут нашего ухода.

Они поблагодарили жрецов, повторили просьбу об Эхефиле и пошли по темному храму в свои кельи. Число горящих в преддверии факелов — четыре — отмечало время, оставшееся до рассвета.

— Благодарю тебя, Лисипп. Когда ты со мной, я не боюсь наделать глупостей, — сказала Таис на прощанье, — твоя мудрость...

— Мудрость, афинянка, малоприятна для ее обладателя. Мудрых людей мало. Мудрость копится исподволь у тех, кто не поддается восхвалению и отбрасывает ложь. Проходят годы, и вдруг ты открываешь в себе отсутствие прежних желаний и понимание своего места в жизни. Приходит самоограничение, осторожность в действиях, предвидение последствий, и ты — мудр. Это не есть счастье в твоем поэтическом понимании, вовсе нет. Люди излечиваются от тревоги и гнева песней и танцами, ничего не зная о сущности их. Не следует много рассуждать о знании богов и людей, ибо молчание есть истинный язык мудрости. Открытые сердца это хорошо понимают. Тем более немудро говорить истины людям, предпочитающим чудеса и достижения кратчайшими путями, которых нет, а есть лишь постепенное восхождение. Но вот что я скажу тебе определенно, как величайшую мудрость: преклонение для того, на кого оно направлено, — самая быстрейшая порча.

— Ты имеешь в виду преклонение перед женой?

— Ни в коем случае. Это естественное воздаяние красоте и Эросу. Говорю о лживом и попрошайном низкопоклонстве перед царями, военачальниками, в чьих руках находятся людские судьбы, надолго или на мгновение, все равно.

— И ты думаешь об Александре?

— Представь себя на минуту человеком, на кого направлено поклонение миллионов людей, самых разных, правдивых и лгунов, благородных и рабских душ, храбрых и трусов. Поистине надо обладать божественной силой, чтобы не сломиться и не предать собственные мечты.

— Изменить своей судьбе?

— Предатель своей страны заслуживает смерти у всех народов. Но почему не видят люди предателей своей собствен-

ной души? Ведь такие изменники не имеют уже правдивости. На человека этого нельзя положиться ни в чем. Он будет идти от дурного к худшему, и зло внутри будет возрастать. Кто бесчестен в самых малых вещах, скоро вообще потеряет всякое достоинство. Много говорили о моей честности. Я действительно стараюсь неизменно быть таким, никогда не разглашая тайн и не допытываясь о том, чего мне не хотят сказать. Великое преступление возникает из цепи малых ошибок и проступков, а великое достоинство, равное богам, родится из бесчисленных действий сдержанности и обуздания самого себя.

— И ты думаешь...

— Оценивай только саму себя — и это очень трудно, а в оценке больших, тем более великих людей положись на время и народ. Мало делать правильные поступки, надо еще распознать время, в которое надлежит их сделать. Мы не можем сесть в лодку, которая уже проплыла мимо, или в ту, которая еще не пришла. Знать, как действовать, — половина дела, другая половина — знать время, *когда* надо совершать действие. Для всех дел в мире есть надлежащее время, но чаще всего люди упускают его.

— Александр тоже упустил?

— Нет, подозреваю, что он совершил свое слишком рано. Но ты опять заставляешь меня судить о том, кто занимает тебя больше всего в мире. Иди спать!

Таис повиновалась. Она поведала Эрис о том, как жрецы храма Эриду взялись выбить из сердца Эхефила его безумную любовь к ней. Черная жрица не выразила ни радости, ни огорчения. Таис поставила себя на ее место. Она была бы чуть опечалена утратой хотя и нелюбимого, и все же яркого и преданного поклонника. Но Эрис думала только о Нагини — повелительнице змей. Ее невозмутимую душу всколыхнул страшный обряд с такой громадной и ядовитой змеей, о которых она даже не слыхала. Таис тоже была потрясена не меньше. Стоило ей закрыть глаза перед сном, как образно, резко, будто чередой бронзовых изваяний, вставала перед ней молодая индианка и колоссальный змей в смертельном обряде-танце...

Она упросила старшего жреца познакомить их с сестрой и еще два раза ходила смотреть «поклонение змею».

Прошло несколько дней их пребывания в храме Эриду, когда задул горячий западный ветер. Таис плохо спала в знойную ночь. Ветер из Сирийской пустыни с раздражающим однообразием шумел и свистел сквозь бесчисленные проемы и оконца в потолках храма, неся с собой расслабление тела и

угнетение души. Он дул и на следующие сутки, не усиливаясь и не стихая. На афинянку напала меланхолия. Стало казаться бесцельным ее существование. Память об ушедших, глубоко запрятанная любовь, долгое ожидание Птолемея, роль хозяйки большого дома и хранительницы общих богатств — по существу, доли награбленных войной сокровищ. Она могла умножить сокровища — зачем? Она могла... много чего она могла, и всегда перед ней вставал вопрос: зачем? Устала ли она от своего всегдашнего азарта, с каким бралась за любое дело, от вспышек сильных чувств? Может быть, она незаметно постарела и больше не может загораться, как прежде, скакать сломя голову, сдерживать слезы восхищения при встрече с прекрасным, слушать, затаив дыхание, рассказы и песни?

Даже Эрис уподобилась афинянке. Обе валялись нагишом на кожаных подушках, положив головы на скрещенные руки и безмолвно уставясь на расписанную синей краской стену.

Лисипп укрылся где-то в глубине храма, а Эхефила увели для «выколачивания любви», как грубовато сказал учитель.

В таком ленивом оцепенении и застал Таис старший жрец. Эрис набросила на Таис легкое покрывало и поднялась, усевшись в привычную для всего Востока и индийцев позу. Темнокожий сел точно так же и устремил упорный взгляд на афинянку. Обнаженный до пояса, он слегка наклонился вперед. Крупные мышцы вздулись буграми под гладкой кожей спины и плеч, резко обозначились морщины лица.

— Я пришел задать тебе три вопроса, прекрасная женщина, — медленно сказал он по-персидски, подбирая простые слова, понятные Таис.

— Говори. Я постараюсь тебе ответить. Пусть не мешает тебе присутствие моей подруги — мы неразлучны.

— Тем лучше. Я задам и ей вопросы, в зависимости от твоих ответов. Так вот первое. Ты метнула в меня несколько взглядов, подобных агниястре — огненному дротику Брахмы. Означает ли это желание испытать меня или приблизить?

— Только испытать.

— Вызвано ли это внезапное желание испытать жреца науки Тантр присущим тебе озорством или припадком внезапной тоски по угасшей в тебе любви? Я вижу огонек в твоих глазах, но ты отвечай мне не как женщина, а как посвященная.

— Я остаюсь женщиной.

— Тогда как та и другая.

— Тогда и то и другое, — в тон жрецу ответила Таис.

— Хочешь ли ты сжечь прошлое в огне Тантры? Обещаю тебе равновесье твоего сердца.

— Испытать с тобой? Как могу я знать, что ты...

— Можешь не продолжать, — перебил индиец, — я расскажу тебе еще притчу. В древние времена при дворе одного царя жил великий знаток любви, мастер тантрических обрядов, автор руководства для влюбленных и художников. На празднестве, в присутствии вельмож и воинов, царь выбирал себе наложниц, как вдруг перед ним явилась якшини, демон женского пола, совершенно нагая и распаленная, как тигрица, ищущая тигра. Она стала жаловаться царю, что не нашла мужчину в его царстве, который дал бы ей нужное удовлетворение, и потребовала, чтобы сам царь или кто-нибудь из приближенных уединился с нею. Смутился и царь и его храбрые воины, а бесстыдная якшини стала осыпать их насмешками. Тогда из толпы вышел жрец Тантр и мастер любви, взял бесстыдницу за руку и повел в покой дворца. Спустя некоторое время он привел ее назад, уже одетую, как надлежит, и плачущую от счастья. Весь двор владыки прокричал хвалу в честь знатока Тантр.

Слушая жреца, Таис вдруг с изумлением, граничащим с испугом, поняла, что индиец ничего не говорит, а у нее в мыслях, подобные словам, рождаются образы происходящего при царском дворе. Безумная якшини вошла в нее, огонь дикого желания поднялся по ее спине, туманя голову, расслабляя колени. Усилием воли стряхнув наваждение, афинянка резко спросила:

— Не понимаю, какое отношение имеет ко мне эта сказка?

— Легенда лишь отражение тайной истины. И ты не якшини, а высшее создание. Неужели ты испугаешься испытания и познания великой силы, о какой, я ручаюсь, ты не имеешь представления? Я полагаю, редко кто так полно создан для Тантр, как ты и, пожалуй, она, — он показал на Эрис. — Ведь не боюсь же я тебя, хоть подвергаюсь немалой опасности.

— Что за опасность?

— Она всегда существует на высотах любви, куда поднимаются посвящаемые и посвящающие. Поскользнуться на пути подобно падению в пропасть. Так решаешься?

Таис, вся дрожа, отрицательно покачала головой.

Жрец поднялся. Повелительная усмешка заиграла на белейших зубах, окруженных густой, иссиня-черной бородой.

— Полагал, эллины смелее, и не думал испугать знаменитую служительницу богини любви. Ты привыкла к преклонению. Сильные мужчины сгибаются, как трава, под ступнями твоих великолепных ног. Но когда могущество бога Камы сталкивается с твоей гордостью и силой Эроса, возникает пламя. Ты не потушишь его сама. Неужели тебе не стала еще ясной неотвратимость скрещения наших с тобой путей? Не зря же приехала ты в Эриду, не зря совет круга посвященных избрал меня для тебя и моего собрата для нее, — он указал на Эрис. — Пойдем же, не противься судьбе, не гневи Кали и Каму. Послушайся внутреннего голоса, который говорит тебе — иди.

Прерывисто дыша, Таис встала как во сне, слегка запнулась на соскользнувшем покрывале. Жрец обнял ее, подхватив рукой, точно отлитой из бронзы. Другой он поднял к себе ее лицо и поцеловал в губы с такой силой, что Таис застонала. Эрис вспрыгнула, как подброшенная катапультой, и кинулась на индийца. Не опуская Таис, жрец выбросил вперед раскрытую ладонь, и этот простой жест остановил ярость черной жрицы. Она зашаталась, поднося руку к глазам. Индиец издал свист, похожий на шипение змея Нага, и в келью вошел высокий жрец. Он безбоязненно обнял Эрис за талию, шепча ей на ухо какие-то слова, и увел без сопротивления.

В непонятном влечении Таис положила руку на его плечо и заглянула в могущественные, черные, как ночь, глаза. Он улыбнулся, и губы ее сложились в ответную улыбку, а в душе проснулось гордое сознание своей женской силы и неистовое желание выпустить ее на волю.

К недоумению Таис, жрец отвел ее в подземелье к жрице, повелительнице змей. Та омыла афинянку каким-то составом из пахнущих трав, растерла и намазала зельем, похожим на мазь храма Кибелы. После этого Таис дали пить желтый настой и надолго оставили без еды в полной темноте прохладного помещения. Таис лежала, размышляя. Порыв ее утих. Все эти растирания и снадобья очень походили на испробованные в храме Кибелы-Реи, для вызывания силы Эроса, пробуждая ее в теле, а не в сердце. Если тантрический путь, как назвал его жрец, заключается в давно известных ей древних, как Земля, способах Кибелы, тогда зачем обряды с темнотой, подземельным уединением и постом? Дать жрецу и себе несколько капель из флакона со звездой, подарка главной жрицы, и все! Но тогда к чему и жрец, храм Эриду и все таинственные разговоры о Тантре? Таис захотелось уйти, но она вспомнила о поцелуйном обряде с змеем. Если Тантра

дает темнокожей девушке такую поразительную власть над телом... важно узнать путь. Афинянка припомнила танец со змеей, виденный еще в Персеполисе — несомненно, дальний отзвук страшного обряда, пришедший сквозь века и страны. Тогда она, в роли царицы амазонок, сидела рядом с Александром и великий царь нежно заглядывал в ее лицо, играя влюбленного... Играя? Да, конечно да! Только играя! С тех пор прошло много времени, и все ее друзья и сам Александр ушли к пределам ойкумены. Александр нашел себе царицу — Роксану. Да, мудрецы — Лисипп и этот властный жрец — правы. Отравленное копье должно быть вырвано! Иначе чего стоят ее убеждения и мечты о любви свободной и легкой, радостной и светлой, как у богов, как возвещает Афродита Урания! Таис твердо решила ждать, склониться перед тем странным даром, который посылает ей судьба, чувствуя, как начинает жить отдельной жизнью каждая жилка и каждая мышца, грудь дышит глубоко и редко, а сердце переполняется чувством, подобным игре с могучими волнами моря, качающими, сверкающими и ласкающими. Напоенность тела энергией стихий достигла предела. Таис больше не могла оставаться неподвижной. Потребность нестись в бешеном танце, извиваться до пределов возможности заставила ее вскочить, нашаривая выход. В это мгновение вошел темнокожий могучий индиец, как будто следил за состоянием афинянки. Он взял ее на руки, как крохотного ребенка, и понес так легко, как мог бы это сделать лишь Менедем. Он шел во тьме не спеша, время от времени целуя Таис, и та лишь по походке могла догадаться, что они поднимаются вверх по нескончаемой лестнице. Внезапно индиец остановился, словно к чему-то прислушиваясь, и издал тихий свист. С громоподобным раскатом широко распахнулась бронзовая дверь. Таис невольно вскрикнула, прикрывая глаза руками. Они оказались на огромной высоте, на самой вершине башни храма. Бездонное голубое небо раскинулось над ними, украшенное быстро несущимися ослепительно белыми, плотными облаками. Только низкий барьер отделял площадку от бесконечного простора знойных равнин, протянувшихся во все стороны до горизонта, и в то же время надежно скрывал от глаз внизу, создавая абсолютное уединение. Жрец положил ошеломленную афинянку на диван небесно-голубой кожи, стоявший у барьера, и предоставил ей упиваться солнечной высотой, всегда поднимающей чувства человека...

Прошло несколько дней. Или целый месяц? Время обычного счета перестало существовать для Таис. Потеряло

значение многое, с ним связанное из прошлого, настоящего и будущего. Все это в равной степени спокойно, без горя и азарта, чаяния радости, режущих воспоминаний и сожаления о несбывшемся смешалось в уравновешенном сердце Таис.

Впоследствии, когда она снова соединилась с Эрис и обе сравнили случившееся с каждой из них, ощущения оказались очень сходны, за одним исключением. Высокий индиец, посвящавший Эрис, в конце концов ослабел и, видимо, заболел, так как его унесли в забытьи, бормочущим непонятные слова. У Эрис не было «отравленного копья» в сердце, и она сразу «выпустила себя».

Лисипп появился, чему-то ухмыляясь, и нашел обеих лениво возлежавшими рядышком и с большим аппетитом уничтожавшими лепешки со сливками. Приглядываясь к ним, ваятель не заметил никаких перемен, кроме западинок на щеках и воистину олимпийского спокойствия обеих.

— Чему ты смеешься, учитель? — равнодушно спросила Таис.

— Излечили! — Лисипп рассмеялся еще откровеннее.

— Кого? Нас?

— От чего вас лечить? Эхефила! Он решил остаться в Эриду!

Таис, заинтересованная, приподнялась на локте. Эрис повела глазами в сторону Лисиппа.

— Остаться в Эриду и сделать здесь статуи этих, как их, словом — раскосых Лилит.

— В самом деле излечили! — засмеялась Таис. А ты все же потерял своего ученика, Лисипп.

— Для искусства он не потерян, это главное! — ответил ваятель. — Кстати, они хотят купить клеофрадовскую Анадиомену. Дают двойной вес золота. Оно теперь стало дороже серебра. За статер, прежде стоивший две драхмы, дают четырехдрахмовую сову. Многие торговцы Эллады разоряются.

— Так продай! — спокойно сказала Таис.

Лисипп удивленно посмотрел на нее.

— А желание Александра?

— Мне кажется, Александру, если он вернется, будет не до Анадиомены. Вспомни, какое огромное количество людей ждет его в Вавилоне. А кроме людей — горы бумаг, прошений, отчетов со всей громадной его империи. Если прибавится еще Индия...

— Она не прибавится! — уверенно сказал Лисипп, и Таис вспомнила овомантию.

— Я не имею понятия, сколько может стоить Анадиомена.

— Много! Хоть и не дадут, наверное, столько, как за Диадумена моего учителя Поликлета. Всему миру известно, что за него было заплачено сто талантов в прежние времена, когда деньги были дороже. Анадиомена настолько прекрасна, что, включая стоимость серебра, за нее дадут не меньше чем тридцать талантов.

— Это громаднейшая цена! А сколько вообще берут ваятели? — спросила удивленная Таис.

— За модели и парадигмы хороший ваятель берет две тысячи драхм, за статуи и барельефы — до десяти тысяч.

— Так это всего полтора таланта!

— Разве можно сравнивать исключительное творение, созданное Клефрадом, и работу хорошую, но обычную? — возразил ваятель. — Так подождем все же с Анадиоменой?

— Подождем, — согласилась Таис, думая о чем-то другом, и Лисипп удивился отсутствию всяких признаков волнения, какое вызывало прежде упоминание об Александре.

Афинянка взяла серебряный колокольчик, данный ей старшим жрецом, и встряхнула его. Спустя несколько минут в келью явился он сам и остановился на пороге. Таис пригласила его сесть и осведомилась о здоровье его младшего собрата.

— Он заболел серьезно. Не годится для исполнения высших обрядов Тантр с нею, — кивок в сторону Эрис.

— У меня к тебе большая просьба, жрец. Нам время покинуть храм, а мне хотелось бы испытать себя еще в одном.

— Говори.

— Получить поцелуй змея, как ваша повелительница Нагов.

— Она обезумела! Вы сделали из нее мэнолис, охваченную исступлением менаду, — закричал Лисипп так громко, что темнолицый жрец укоризненно взглянул на него.

— Ты чувствуешь себя в силах выполнить страшный обряд? — серьезно спросил индиец.

— Да! — уверенно сказала Таис с беспечной отвагой, издавна знакомой Лисиппу.

— Ты губишь ее, — сказал ваятель жрецу, — ты убийца, если позволишь ей.

Жрец покачал головой.

— Желание в ней возникло неспроста. Определить соразмерность своих сил необходимо перед выполнением задач жизни, ибо жизнь — искусство, а не хитрость, для открытых глаз и сердец. Возможно, она погибнет. Значит, таково начер-

тание Кармы — прервать ее жизнь в этом возрасте. Если не погибнет — испытание умножит ее силы. Да будет так!

— И я тоже. — Эрис стала рядом со своей хозяйкой и подругой.

— Иди и ты, я не сомневался в твоем желании.

Лисипп, потеряв дар речи от страха и негодования, вцепился себе в бороду, как если бы это была борода жреца.

Таис и Эрис спустились в подземелье. Повелительница змея сняла с них все одежды и украшения, вытерла молоком и полынью, надела передники. Обучиться простому напеву для музыкальной афинянки было делом нескольких минут. Обучение Эрис потребовало больше времени, но ритмы обе, как танцовщицы, поняли сразу.

Повелительница змей вызвала свое чудовище, и Таис первая начала смертельно опасную игру. Когда змей поднялся, склоняя вниз чешуйчатую морду, Таис услышала шепот на непонятном языке, прижалась губами к носу чудовища, молниеносно отпрянув. Змей бросился, брызгая ядом на передник, но Таис, трепеща от пережитого, была уже вне опасности. Змею дали отведать молока, и вперед выступила Эрис. Черная жрица не стала выжидать и, едва змей поднялся на хвосте, звонко чмокнула его в нос и отпрянула, даже не дав ему забрызгать себя ядом. Повелительница змей вскрикнула от неожиданности, и разъяренное чудовище кинулось на нее. Индианка уклонилась от укуса, плеснула в морду змеи молоко из второй чашки, которую держала в руках, оттолкнула Таис и Эрис за решетку и облегченно вздохнула. Таис расцеловала ее и подарила дорогой браслет. В тот же вечер старший жрец надел Эрис ожерелье необычайной редкости — из ядовитых зубов самых гигантских змей, когда-либо пойманных в индийских лесах. Таис получила другой подарок — ожерелье из когтей черных грифов, окованных золотом и нанизанных на цепочку.

— Это наряд хранительницы заповедных троп, ведущих на восток, за горы, — пояснил жрец.

— А мое? — спросила Эрис.

— Как и полагается, символ бесстрашия, неутомимости и воздаяния, — ответил индиец, глядя на черную жрицу с гораздо бóльшим, чем ранее, уважением.

Кроме того, старший жрец подарил Таис чашу из прозрачного халцедона с вырезанным на ней изображением змеиного танца.

Лисипп, когда афинянка пришла к нему показывать подарок, отвернулся с негодованием, клянясь больше не иметь к

ней привязанности, потому что негодная мэнолис прибавила ему ненужной седины. Таис пришлось долго ласти́ться к великому ваятелю, пока сердце его, чувствительное, как у всякого художника, к женской красоте, не размякло и отчаянная ученица не была прощена.

Глава пятнадцатая
НЕСБЫВШАЯСЯ МЕЧТА

Верховой на взмыленной лошади примчался с Евфрата. Там, на древней пристани, ждала Гесиона с тридцативесельной гребной лодкой. Преимущество жены начальника флота! Короткая записка гласила: «Вести от Неарха и Александра. Армия возвращается. Я — за вами». Этого было достаточно, чтобы Лисипп, Таис и Эрис немедленно собрались и после долгого прощания с индийцами поскакали к реке. Жрецы поднесли всем огромные венки невесть откуда взявшихся голубых цветов. Эхефил, забравшись на выступ портика, долго махал вслед облаку пыли, поднятому конскими копытами.

Эллины без передышки проскакали несколько парасангов на выносливых и худощавых местных лошадях, рискуя содрать себе кожу. Еще издали они увидели на сверкающей мутной глади реки длинное коричнево-красное судно, а на плитах пристани — навес из полотна, под которым отдыхала Гесиона. Фиванка стремглав кинулась навстречу Таис, возбужденно восклицая:

— Они не достигли пределов ойкумены в Индии! Армия взбунтовалась на пятой реке, отказавшись идти дальше, когда мой Неарх открыл, что Инд течет из гор, очень далеких от источников Нила, и не на восток, а на юг, в океан. Устье Инда лежит в направлении солнца, без всякого соединения с Нилом. Громадные пространства суши и моря разделяют эти две реки, такие огромные, что никто не представлял себе...

Лисипп положил руку на плечо Таис, вздрогнувшей от прикосновения мудреца.

— Александр был тяжко ранен при атаке крепости, его спас твой Птолемей и получил за это прозвище Сотера (Спасителя). Они сражались со множеством слонов. Букефал погиб, и они сплыли вниз по Инду. Армия пошла через пустыни, а Неарх поплыл морем вдоль берегов Индии, плыл 80 дней и едва не умер от голода, в то время как Александр погибал от жажды в пустыне. Потом Александр долго ждал его в условленном месте, откуда и прибыли гонцы с известиями в Персе-

полис... — Все это фиванка выпалила одним духом и остановилась лишь набрать воздуха.

Лисипп шутливо встряхнул ее за плечи:

— Остановись, иначе ты погибнешь без дыхания и мы ничего не узнаем дальше. Жене такого флотоводца, как Неарх, надлежит излагать сведения в лучшем порядке. Кто рассказал все это тебе?

— Дейномах, один из помощников Неарха. Он заболел после голодовки и был послан с караваном вперед, в Персеполис, а оттуда прибыл в Вавилон ждать Неарха.

— Так где же сам Неарх?

— Ведет флот в Вавилон, а по дороге изыскивает удобный путь для плавания к Аравии и Либии.

— Еще одного плавания? — воскликнула Таис.

— Да! Сам Александр хочет плыть морем, более не надеясь на карты и периэгесы суши, жестоко обманувшие его в Бактрии и Индии.

— Что же говорил тебе Дейномах?

— Все! Он привел одного лохагоса, из тех, что шли с Александром через Гедрозию. Два дня и две ночи оба попеременно рассказывали о невероятных испытаниях, перенесенных в походе. Потом я оставила их в своем доме отсыпаться и отдыхать, а сама спала по дороге сюда. Спутники подумали, будто я умираю... о, я запомнила все подробности. Ты знаешь мою хорошую память, — добавила она, заметив взгляд Лисиппа, брошенный на Таис.

— Если так, — решил ваятель, — то поступим подобно Дейномаху. Мы поплывем, а ты будешь рассказывать, только не ночами, времени хватит!

«Рожденная змеей» не преувеличивала своих способностей, и Таис узнала об индийском походе более подробно, чем если бы получила письмо от Птолемея, который стал главным лицом у Александра, после Гефестиона, хилиарха, то есть заместителя самого царя — выше не было должности, — попрежнему самого близкого из друзей.

После перехода Инда через наплавной мост, построенный Гефестионом, македонская армия попала в дружественную страну. Индийцы чествовали Александра как царя царей Запада. В то же время аристократия, именовавшаяся здесь «высшими кастами», считала македонцев варварами, дав им прозвище пастухов, поскольку они прежде всего интересовались скотом. В столице этой страны Таксиле Александр устроил блестящее празднество и стал готовиться к переходу через следующую реку — границу враждебного царства Паура-

вов. На этой реке, названной географами Гидаспом (Джхелам), и произошла самая тяжкая битва из всех, какие приходилось выдерживать армии Александра после Гавгамелы. Сражение было даже опаснее Гавгамелы, потому что Александр на какое-то время совсем утратил начальствование над войсками. Шли беспрерывные дожди, Гидасп вздулся и разлился. Его илистые берега превратились в топь. На восточном берегу реки поджидало индийское войско, с царем Пором во главе. Александр рассчитывал легко сломить сопротивление индийцев и сделал большую ошибку. Лучшие отряды македонского войска под начальством Птолемея, Гефестиона, Кеноса и Селевка пересекли реку, а Кратер остался в резерве на западном берегу. Македонцев встретили две линии боевых слонов, шедших с промежутками в 60 локтей друг от друга. Между ними шли пешие лучники с громадными луками, из которых можно было стрелять лишь с упора. Стрелы этих луков, подобно маленьким метательным машинам, пробивали броню и щиты.

Сначала индийцы смяли македонцев. Увязая в грязи, отчаянно бились новые бактрийские и согдийские конные лучники во главе с Александром. Агриане и гипасписты бросились на помощь, но слоны упорно отжимали македонцев к вязкому берегу, а резервы Кратера все не подходили. Оказалось, что он стоял за протокой и, выйдя на остров, принужден был пересечь второе русло Гидаспа.

Внезапно Букефал упал мертвым под Александром. Он не был ранен. Просто сердце старого боевого коня не выдержало целого дня битвы в вязкой грязи. Александр, пересев на свежую лошадь, послал против слонов доблестную по-прежнему фалангу, от которой осталось всего шесть тысяч человек. Геройские ветераны пошли с боевым кличем «Эниалос, Эниалос!» в атаку на чудовищ, заставили слонов повернуть назад и топтать собственное войско, совершенно расстроив и разогнав ряды превосходной индийской кавалерии. Македонцы, как демоны, гнались за ними, поражая слонов своими длинными сариссами. Сбоку ударила запасная кавалерия царя Пора. Фаланга могла бы потерять большую часть воинов, но подоспевший Александр заставил пехоту построиться и сомкнуть щиты и отбросить конницу. Тут вмешался резерв Кратера. Началось бегство и преследование индийцев. Главные боевые силы Александра не могли двинуться от изнеможения.

После этого дня, в таргелионе третьего года 113 олимпиады, македонское войско как бы надломилось. Воины, еще на

Инде узнав об открытии Неарха, с неохотой пересекли пресловутую реку. Ужасное побоище на Гидаспе, грозные слоны и боевые качества индийской армии совсем обескуражили македонцев — после заверений Александра, что Индия лежит перед ними открытая и доступная.

Великий завоеватель обошелся очень милостиво с побежденным царем Пауравов. Он оставил его царствовать и всячески старался заручиться дружбой индийцев.

Среди живописных холмов на Гидаспе выше места битвы Гефестион по велению Александра начал строить два новых города: Никею (Победу) и Букефалию — в намять боевого коня, погребенного там.

Неарх еще до битвы предлагал Александру построить большой флот и сплавить армию вниз по Инду. Царь сначала не соглашался, а затем разрешил для того, чтобы плыть на восток, когда он дойдет до легендарной реки Ганг, текущей у самых границ Мира. Неарх не послушал повелителя и, кроме легких тридцативесельных гребных судов, годных для перетаскивания волоком из реки в реку, с помощью финикийцев построил несколько тяжелых широких плоскодонок по собственным чертежам. Эти корабли впоследствии выручили армию.

Александр с прежним упорством стремился на восток, пересекая реку за рекой в холмистой области, населенной араттами — храбрыми племенами индийцев, жившими без царей. Тридцать восемь укрепленных городков и поселений пришлось с боями брать македонцам, прежде чем они пересекли реки Акесинас (Ченаб) и Гидраст (Рави). При взятии крепости Сангала армия Александра потеряла тысячу двести человек. Войско дошло до пятой реки, Гифасиса (Биас), Александр двигался на восток, вдоль гор невообразимой высоты, изредка видимых в отдалении тысяч стадий. Хребты ступенями спускались к холмистой стране, и в природе не было перемены. Ничто не указывало на приближение к какому-нибудь пределу. Вся Верхняя Индия осталась позади, а что лежало впереди, никто не знал. Самые опытные криптии, не ведая языка обитателей, не могли разузнать путь сколько-нибудь далеко вперед.

И вот пятая река текла перед ними, такая же быстрая и холодная, как уже пройденные. Такие же холмы в голубой дымке и зелени густых лесов простирались за нею. Армия остановилась.

Пор рассказывал своему победителю о стране Магадха за Гифасисом, царь которой имел двести тысяч воинов пехоты,

двадцать тысяч всадников и три тысячи слонов. Бежавший оттуда военачальник Чандрагупта подтвердил слова Пора. На юго-запад, направо от Магадхи, обитали грозные племена апараджитов (непобедимых), владевшие множеством особенно огромных боевых слонов. Никаких слухов о пределах мира, об океане. И внезапно воинам стало ясно, что дальнейший путь бесцелен. Страну, где умеют хорошо сражаться, не взять налетом. Пространства Индии столь велики, что все войско Александра рассеется здесь, оставив свои кости в этих бесконечных холмах. Пресловутые богатства Индии оказывались совсем не столь большими, как в Персии. Военная добыча более не прельщала усталое войско. Их непогрешимый и непобедимый вождь зашел слишком далеко в своем стремлении к Великому океану, сюда, где он уже не обладал познаниями, нужными для захвата страны, а неизменная удача чуть было не покинула его на Гидаспе. Там спасла армию самоотверженная храбрость фаланги и щитоносцев. Ветераны больше не обладали прежним мужеством, надломленные страшной битвой и непрекращающейся войной. Раз отказавшись повиноваться, армия стояла на своем: путь вперед — бессмыслен, надо возвращаться домой, пока еще есть силы для преодоления пройденных просторов.

Александр был вне себя. Он утверждал, что близок конец похода. Совсем недалеко Ганг, а за ним океан, откуда все они спокойно поплывут домой, мимо Индии, в Египет.

Кенос, герой битвы на Гидаспе, выступил представителем армии, говоря о сведениях, собранных криптиями и утаенных от воинов. Ганг вовсе не близок. До него три тысячи стадий. За Гангом нет никакого океана, только цепи нескончаемых гор. Разве Александр не видит, как мало осталось македонцев и эллинов в его войске, не ведет счета убитым, израненным, умершим от болезней, поселенным надолго, если не навсегда, в построенных им городах. Все, которые еще целы, — износились, подобно лошадям, на которых ездили слишком много и долго.

По знаку Кеноса семь высоких македонцев предстали перед царем обнаженными, в одних шлемах, показывая множество рубцов и струпьев от заживших и еще не залеченных ран. Они закричали:

«Александр, не заставляй нас идти против воли. Мы уже не те, что прежде, приневоленные станем и того хуже. Мы тебе не опора, или твои глаза перестали быть зрячими?»

Великий полководец в ярости разодрал на себе одежду в намерении показать этим малодушным свои собственные

рубцы и раны, которых у него было больше, чем у любого из воинов, одумался и укрылся в своем шатре, не принимая пищи. Наконец, он прислал сказать воинам, что послушается воли богов.

Давно уже армия не смотрела с таким волнением на старого, едва осиливающего трудности похода прорицателя Аристандра, когда поутру на берегу Гифасиса прорицатель рассек овцу. Птолемей, Селевк, Кенос и все стоявшие рядом военачальники сами увидели плохие знаки неудачи и гибели, прежде чем Аристандр успел возвестить о грозном предсказании. Ни в коем случае нельзя было переходить реку! Бурное ликование армии, когда Александр отдал приказ повернуть назад, показало, что терпение воинов дошло до предела. Он велел поставить на берегу Гифасиса двенадцать каменных колонн, обозначавших конец его индийского похода. Армия вернулась в затопленную непрерывными дождями Никою на Гидаспе, где строился флот. Едва добравшись до Никои, Кенос умер от истощения сил, сослужив своим товарищам великую службу.

Отсюда Александр поплыл вниз. Пороги и стремнины разбили легкие гребные суда. Широкобокие корабли Неарха успешно преодолели вздувшийся Гидасп и быстрины Инда. Неарх предложил остановиться и построить больше судов. Александр отказался. Утратив мечту о достижении Восточного океана, он заспешил к покинутой надолго империи.

Конница пошла обоими берегами Инда. Один отряд под командованием Гефестиона, другой — Кратера. Александр разделил своих двух вечно ссорящихся высших военачальников. Пехота, вместе с Александром и Птолемеем, плыла на судах. Время от времени происходили сражения с храбрыми племенами, яростно оборонявшимися от македонцев. В Александра вселился злобный демон. Он старался искоренить всякое сопротивление в стране, через которую проходила его армия. Начались ненужные избиения. Македонцы не нуждались в большом числе рабов. Ни довезти их до рынков, ни прокормить не было возможности.

В стране Малли — на окраине большой пустыни Тар, где храбрость жителей превзошла всех, — македонское войско надолго задержалось около хорошо построенной и бесстрашно защищавшейся крепости.

Разъяренный сопротивлением, Александр ринулся на стену сам. Едва он достиг ее верха, как лестница подломилась под воинами. Александру ничего не осталось, как под дождем стрел спрыгнуть со стены внутрь крепости. С ним были только двое: Певкестос и Леоннат — его постоянный щитоносец,

носивший за ним взятый в Трое черный щит Ахиллеса. Ему Александр более всего обязан жизнью. Стрела пробила Александра насквозь через легкое, и он свалился замертво. Упал на колени и раненый Певкестос, а Леоннат, тоже истекающий кровью, прикрыл обоих священным щитом героя Троянской войны и, могучий, как Геракл, отражал врагов, пока с ужасным ревом не подоспели освирепевшие до безумия македонцы. В несколько минут защитников крепости перерезали всех до единого. Царя с торчавшей из груди стрелой понесли к кораблю, на котором находился шатер Александра...

— Погоди! — перебила Гесиону Таис. — А где был Птолемей и почему он Сотер (Спаситель), а не Певкестос или Леоннат?

— Не знаю. И Дейномах не знал тоже. Вероятно, Птолемей сумел прорваться к Александру с достаточной воинской силой и спасти всех. Воинская молва называет Спасителем именно его, а не кого-нибудь другого. Армия знает лучше!

— И что же случилось дальше? — поторопил Лисипп.

— Когда Александра принесли на корабль, никто не смел прикоснуться к торчавшей из груди стреле, думая, что царь умирает. Самый опытный военачальник Пердикка велел повернуть Александра на бок, могучими пальцами отломал прошедшее насквозь острие и вытащил древко.

Александр громко вскрикнул в беспамятстве, воздух со свистом стал выходить из раны при каждом вздохе. Пердикка плотно забинтовал грудь и, положив царя на бок, велел поить водой с вином, настоянным на тысячелистнике. Когда подоспели врачи, кровотечение уже прекратилось. Александр пришел в себя от горестного вопля воинов. Армия готова была взбунтоваться, требуя, чтобы им показали царя, живого или мертвого. Александр приказал перенести себя под навес, чтобы люди, проходя вдоль берега, могли его видеть. Он поднимал руку, показывая, что жив. Воины сплетали венки и бросали в реку около корабля.

Когда судно причалило к удобному месту, где раскинули долговременный лагерь, подальше от заваленных трупами, дымящихся руин крепости, Александр, бледный как мел, нечеловеческим усилием воли сел на коня, вопреки сопротивлению друзей, и сумел доехать до своего шатра среди ликующего войска. Это последнее напряжение исчерпало его силы. Много дней он лежал, ужасно страдая от боли в пробитом легком, безразличный ко всему на свете.

В это время Неарх, взяв в помощники всех сколько-нибудь умеющих плотничать воинов — а таких оказалось ты-

сячи среди македонцев и приморских жителей, спешно строил корабли.

К македонскому лагерю стекались со всех сторон не только любители приключений, торговцы, женщины, но и ученые, философы, художники и артисты. Начался новый год, первый 114 олимпиады. Армия медленно сплавлялась по Инду. Нечеловеческая сила жизни Александра одолела еще одну тяжкую рану, смертельную для большинства людей.

Еще больной, он подолгу беседовал с индийскими философами. Эллины называли их гимнософистами — нагими мудрецами, потому что в их обычае было ходить почти без всякой одежды, подчеркивая отсутствие суетных желаний. С горечью узнал Александр, что напрасно преодолевал реку за рекой, истощив терпение своей армии.

Гидасп ниже сливался с Акесинасом и Гидраотом, ниже слияния этих трех рек впадал Гифасис, а все четыре реки вместе впадали в большой левый приток Инда Ларадзос (Сатледж), в четырех тысячах стадий ниже переправы через Инд, построенный Гефестионом. Если не пробиваться так упрямо к востоку по предгорьям исполинских хребтов, а спуститься к югу, то после переправы через Инд вся великая индийская равнина лежала бы открытая перед армией Александра. Но все было кончено. Александр не стремился никуда, кроме Персии и моря на западе. На Инде у Ларадзоса он основал еще одну Александрию — Опиану. Говорили, что царь тайно посетил несказанно древний храм в развалинах огромного города, в тысяче стадий ниже слияния Инда и Ларадзоса. Жрецы этого храма открыли Александру никому не ведомую тайну. Он больше ни разу не заговаривал об Индии, даже с самыми близкими друзьями, согласно молве, распространившейся с быстротой ветра среди воинов, осведомленных гораздо лучше, чем того хотели бы военачальники.

Медленно сплавляясь по Инду, македонцы знакомились со страной благодаря мудрости воинов, остановивших безумный порыв Александра — броситься очертя голову в глубь Индии, гигантские размеры которой они постигали теперь воочию. Поздно вспомнили теперь о Ктесии, эллинском враче при дворе Артаксеркса, составившем описание Индии как очень большой страны. Один из индийцев — гимнософист Калинас — отправился сопровождать Александра, предупреждая царя об опасных местах и отговаривая военачальников от ненужных нападений на близлежащие города. Вскоре вся армия считала Калинаса оракулом, пророчащим только беды...

Гесиона остановилась отдохнуть. Лисипп налил ей вина, сильно разбавленного ключевой водой. Таис глубоко задумалась, словно блуждая там, в далях Индии, и вдруг спросила:

— А где была Роксана?

— Все время с Александром, занимала отдельный шатер и плыла на отдельном корабле. А по суше ездила на слоне, как и подобает великой царице.

— А как ездят на слонах?

— Не знаю. Приедем в Вавилон — расспросим...

— Продолжай, прошу тебя!

— В скирофорионе Александр доплыл до устьевой части Инда, похожей на дельту Нила в шести тысячах стадий ниже слияния притоков. Здесь не только македонцы, но и бывалые моряки перепугались, увидев гигантские волны, мчавшиеся вверх по течению реки, поднимая уровень воды на два-три десятка локтей. Явление разъяснилось, когда достигли океана. Приливы достигали здесь небывалой на Внутреннем море высоты. Примерно в пятистах стадиях от океана, выше дельты реки, Гефестион стал строить гавань в Патале. В это же время, в месяце гекатомбейоне, Александр с Неархом плавал в океан, удаляясь от берегов в голубую даль на пятьсот стадий. Там он совершил жертвоприношение Посейдону и бросил в волны золотую чашу.

Через месяц Александр выступил на запад вдоль берега моря, через пустыни Гедросии и Кармании. Он шел налегке с пехотой и частью конницы, отправив Кратера со всеми обозами и семьями, добычей, слонами и скотом по сравнительно легкому пути через Арахосию и Дрангиану — места с кормом для животных и водой. С Кратером остался Селевк, который после сражения на Гидаспе навсегда отдал свое сердце слонам и собирал их столь же самозабвенно, как Птолемей драгоценности и... — Гесиона запнулась, глядя на подругу.

— Продолжай! И женщин, — спокойно сказала Таис. Впервые фиванка поняла окончательно, насколько безразличны подруге любовные подвиги Птолемея.

Кратер основал еще одну Александрию на реке Арахотос и двигался не спеша к назначенному месту встречи в Кармании на реке Аманис, впадающей в глубокий морской залив — Гармосию.

Александр шел с обозом продовольствия, чтобы устроить на морском берегу несколько складов продовольствия для Неарха. Критянин выступил из Паталы со всем флотом на два месяца позднее, в маймактерионе после перемены ветров на

зимние. Вначале Александр хотел поручить флот Онесикриту. Неарх настаивал, упирая на легкомыслие и известную всем лживость своего заместителя. Как ни хотелось Александру быть вместе с Неархом, пришлось согласиться с доводами флотоводца. Для Александра проследить береговую линию и морской путь, соединяющий Индию и Персию, стало важнее всего. Именно потому решил он сам вести отряд сквозь прибрежные пустыни. Поход оказался едва ли не самым трудным из всего испытанного армией македонцев. Сначала за войском увязалось множество невоенных людей, торговцев, ремесленников, женщин — все они погибли от голода и жажды, а бóльшая часть утонула.

— Да, утонула! — повторила Гесиона, заметив недоумение слушателей. — Когда войско остановилось лагерем в сухой долине среди холмов, внезапный ливень где-то в горах дал начало могучему потоку, мгновенно обрушившемуся на ничего не подозревавших людей. Воины, привычные к внезапным нападениям, спаслись с оружием на склонах, а все остальные погибли.

Серый песок и камни пустынь Гедросии ночью излучали жар, напоенный сильным ароматом миртовых деревьев. Будто тысяча курильниц дымились драгоценным нардом Арабии. Крупные белые цветы покрывали густые сплетения ветвей низких деревьев. Кусты росли длинными полосами, непроходимыми, как бронзовые решетки, из-за крепких, крючковатых шипов. Дальше пошли безводные пески. Все тяжелее становился путь. Часть воинов взбунтовалась и разграбила повозки с продовольствием для Неарха. Всего один склад удалось сделать на берегу. В поисках воды пришлось сделать анабазис — отклонение в глубь страны. Множество ослабевших и заболевших не были в силах ни остановиться, ни тем более подать помощь. Кормчий и криптии заплутались. Пришлось снова выходить к морю, определить направление и взять прямо на север. Так они пришли в город Пура, на той самой реке, где назначили свидание трех отрядов, отдохнули и продолжали путь вдоль реки вниз до города Гуласкиры в Гармосии. Незамедлительно прибыл и Кратер со своей армией, женщинами и слонами. Весь поход отряда Кратера прошел удивительно легко. Не было ни потерь среди людей и животных, ни значительных задержек в пути. Кратер, ярый охотник, даже позволил себе несколько раз совершать разведки в стороны от движения главного каравана, памятуя поручение Александра — поискать страшного зверя, «человекоглотателя».

На некоторых цилиндрических печатях трехтысячелетней давности, иногда выкапываемых из земли месопотамской, есть изображения этого зверя с рогом на носу и пилой костяных зубцов вдоль хребта, вместе со странными чудовищами, вроде львов с длинными змеиными шеями и крокодильими головами.

Зверь упоминается в описаниях Ктесия — правда, изобилующих неправдоподобными россказнями, но со ссылками на многих очевидцев и на страх, внушаемый им персами, которые назвали его «мартихором» (глотателем людей). Громадные размеры, ужасная пасть, костяная броня и хвост, усаженный шипами, делали зверя чем-то средним между крокодилом и бегемотом. Кратер сам слышал о нем рассказы, но, как и в случае с борием в Ливийской пустыне, никто не мог указать его место обитания, и поиски Кратера оказались тщетными.

Теперь оставалась неизвестной судьба только Неарха. Александр терпеливо ждал, отказываясь верить, что критянин погиб, и не желая идти дальше без верного друга. Время от времени он посылал колесницы и всадников на разведку, к устью реки и морскому заливу, но никто ничего не слышал о флоте. Шел третий месяц ожидания, кончилась осень, наступил гамелион, когда внезапно колесницы разведчиков привезли пятерых исхудалых оборванцев, среди которых Александр с трудом узнал Неарха и Архиаса. Царь обнял критянина, изумленный, как он смог добраться сюда и остаться в живых, потеряв весь флот. Неарх удивился в свою очередь. Весь флот цел, из восьмидесяти судов потеряли только пять. Корабли стоят в устье реки, а он поспешил отыскать место встречи, чтобы быстрее доставить припасы изголодавшимся морякам. Радости Александра не было границ. Неарх, после отдыха, вымытый и умащенный ароматными маслами, украшенный золотым ожерельем и венком, шел во главе торжественной процессии. Самые красивые девушки, нагие, обвитые цветами, плясали вокруг него и пели, славя его победу над морем. Победа нешуточная! Восемь тысяч стадий вдоль дикого пустынного побережья, обитаемого только ихтиофагами — рыбоедами, питавшимися сушеной рыбой, моллюсками и печеными на солнце крабами. Несколько лучше выглядели хелонофаги-черепахоеды, избегавшие сырой снеди, довольствуясь огромными морскими черепахами и их яйцами. Ценные пластины черепаховых щитов они бросали как попало. Неарх велел набрать сколько возможно от коричневых черепах меньшего размера, чем огромные зеленые, не дававшие прозрачных пластин. Ни города, ни храма или просто порядоч-

ного строения не встретилось на всем огромном пути. Иногда попадались хижины из огромных костей неведомых чудовищ. Мореходы увидели их живьем — неописуемо громадных черных рыб, выбрасывавших свистящие белые фонтаны. Неарх вел точный дневник пройденных расстояний, описи береговых примет и наблюдений над тенями луны.

До Неарха по этому морю проплыл сатрап Дария Первого Скилак, проделавший весь путь благополучно. Однако критянин не верил Скилаку, потому что, побывав на Инде, тот описал его как реку, текущую на восток! Сколько можно бы было избежать трудов и потерь, если бы Александр с самого начала знал про Персидский залив и истинное течение Инда. Сам Аристотель считал, будто истоки Нила и Инда находятся в одной стране, потому что и в Либии, и в Индии водятся слоны, которых нет нигде в других странах. Считая Скилака лгуном, Неарх пустился в плавание с большими опасениями. На этот раз все сообщения Скилака были правильны.

В середине плавания корабли достигли Астолы, острова нереид-русалок, известного по финикийским легендам. Эти храбрые моряки отказались приблизиться к заколдованному месту. На корабле Неарха с эллинским экипажем, наоборот, все стремились высадиться на острове, повидать прекрасных дев моря. Критянин бросил якорь в отдалении и сам отправился в лодке на свидание с русалками. К великому разочарованию Неарха, Архиаса, Дейномаха и всех его спутников, остров был гол и совершенно безлюден. Две полуразрушенные хижины из костей, обломки щитков черепах свидетельствовали о временном пребывании на острове хелонофагов — так развеялась еще одна сказка дальних морей.

Впоследствии Онесикрит клялся, что на самом деле остров был населен нереидами, но боги отвели глаза людей от священной земли, приведя флот к совсем иному месту. Спокойный, скептический Неарх лишь усмехался в дико отросшую бороду, слушая красноречивые фантазии. Онесикрит чуть было не сыграл роковой роли в судьбе флота. Когда они увидели острый выступ Аравии, он стал настаивать на высадке у этого мыса. Неарх приказал повернуть в противоположном направлении и войти в залив Гармосии.

От бухты Гармосии и устья Аманиса Неарх решил вести флот дальше до устья Евфрата и в Вавилон, а по пути осмотреть противоположный берег — то ли острова, то ли выступа Аравии, близко подходивший к берегам Кармании, как раз у бухты. Александр хотел оплыть вокруг Аравии и сыскать путь в Эфиопию. Он согласился с Неархом, что нужен другой флот

из крупных кораблей, способных нести большой запас воды и продовольствия и особенно дерева для починки. На пути из Индии одним из главных затруднений явилось отсутствие хорошего дерева для исправления поломок. Боги одарили флотоводца спокойной погодой у побережья в этом месяце, после захода Плеяд. Если бы совершилось плавание в месяцы бурь, потери кораблей были много больше.

И снова войско Александра разделилось натрое. Гефестион повел армию, обозы и слонов вдоль берега на Пасаргады и Сузу, Александр налегке, с конницей, поспешил туда же через Персеполис. Теперь все они, конечно, уже в Сузе. Мой Неарх не проплывет мимо нас на пути в Вавилон. Мне бы хотелось встретить его тут, и потому я не тороплюсь! — закончила свой долгий рассказ Гесиона.

Чаяния фиванки не сбылись. Они приплыли в Вавилон задолго до Неарха и полмесяца жили у Гесионы. Город взбудоражен вестями о возвращении Александра, с каждым днем все больше наполнялся людьми. Они прибывали отовсюду. Впервые увидела Таис стройных ливийцев с медным оттенком кожи, темнее, чем у нее, казавшейся совсем светлой рядом с этими жителями ливийских степей. Невиданное зрелище представляли этруски с италийских берегов — могучие, коренастые люди среднего роста, с резкими профилями египетского склада. Лисипп читал исторические книги Тимея и Теопомпа и слышал рассказы путешественников, будто жены этрусков пользуются удивительной даже для спартанцев свободой. Они баснословно красивы и очень заботятся о своих телах, часто появляясь обнаженными. На обедах они сидят наравне с мужьями и другими мужами, держатся неслыханно свободно. Мужи часто делят их любовь между собою: таков обычай. Этруски воспитывают всех детей, какие родятся, нередко не зная, кто их отец.

— Если таковы обычаи этрусков, то у них нет гетер и я бы не имела там успеха, — полушутя сказала Таис.

— Действительно, у них нет гетер! — удивленно согласился Лисипп и, подумав, прибавил: — Там все жены — гетеры или, вернее, такие, как было у нас в древние времена. Гетеры были не нужны, ибо жены являлись истинными подругами мужей.

— С тобой вряд ли согласятся соотечественники! — засмеялась афинянка. — Сейчас меня больше интересуют слоны, чем этруски. Вчера пришел караван в пятьдесят этих зверей... странно называть слона зверем, он — нечто другое!

— В самом деле, другое! — согласился Лисипп.

— Тебя послушаются, и ты умеешь повелевать, учитель! — Ласковая интонация афинянки заставила ваятеля насторожиться.

— Чего ты хочешь от меня, неугомонная? — спросил он.

— Я не ездила никогда на слоне. Как это делают? Нельзя же сесть верхом на такую громадину!

— На боевых слонах едут в домике, то же и в караване, только стенки ниже и с большими боковыми вырезами. Я смотрел издалека. И я тоже не ездил на слоне.

Таис вскочила, обвивая руками шею художника.

— Поедем! Возьмем Гесиону и Эрис. Пусть провезут нас один-два парасанга.

Лисипп согласился. Они выбрали самого громадного слона с длинными клыками и недружелюбными глазами, с желтой бахромой на лбу и вокруг навеса над пестро раскрашенным домиком-седлом. Торжествуя, Таис уселась на поперечную скамейку с Эрис, напротив Лисиппа. Гесиона осталась дома, наотрез отказавшись от проездки. Вожатый поднял гиганта, слон бодро зашагал по дороге. Толстая кожа его странно ерзала по ребрам, домик кренился, качался и нырял. Таис и Эрис попали в ритм слоновой походки, а Лисипп едва удерживался на скамье, отирая пот и кляня слишком долгую прогулку. Не ведая неудобств езды на слоне и не имея к ней привычки, они назначили слишком удаленную цель поездки. Великий ваятель хоть и выдержал ее стойко, как подобало эллину, с большой радостью слез со слона, кряхтя и потягиваясь.

— Не завидую Роксане! — сказала Таис, прыгая на землю прямо из домика.

В саду послышался возбужденный голос, и к воротам прибежала Гесиона.

— Небывалые новости! — закричала она с порога, будто истая афинянка. — Гарпал бежал, захватив массу золота из сокровищницы царя! Гарпал, доверенный казначей Александра в Экбатане, недавно прибыл в Вавилон встречать повелителя.

— Куда бежал, зачем? — воскликнул Лисипп.

— В Элладу, к Кассандру, с отрядом наемников из эллинов Александровой армии, промотавших полученное золото и оставленных соратниками в Вавилоне.

— И что же Александр? — спросила Таис.

— Он, наверное, еще не знает. Вторая новость! Александр в Сузе задумал жениться сам и поженить своих военачальников на азиатках. Пока вести дошли сюда, наверное, состоя-

лось задуманное им торжество. Сам царь взял старшую дочь Дария, которую, как и ее мать, зовут Статирой, Кратер породнился с Александром, женившись на сестре Роксаны, Гефестион на Дрипетис, дочери Дария, сестре своей прежней жены, Селевк берет Апаму — дочь убитого сатрапа Спитамена, Птолемей — Сириту, прозванную Атакамой, персидскую принцессу из Дариевой родни. Неарху предназначена невестой дочь Барсины Дамасской и Ментора, однако он до сих пор в море, не будет на пиршестве, и, насколько я знаю своего критянина, он увернется от этого брака. Восемьдесят военачальников и гетайров женятся на девушках знатных родов, а десять тысяч македонских воинов вступают в законный брак со своими наложницами: персианками, бактрианками и согдийками. Будет празднество, достойное пира титанов, с тремя тысячами актеров, музыкантов и танцовщиц.

— Александр думает связать прочнее Македонию, Элладу и Азию, — задумчиво сказал Лисипп, — только надо ли так торопиться? Наспех женятся и так же побросают этих жен! Царь очень спешит. В Вавилоне его ждут тысячи и тысячи неразрешенных дел и вопросов.

— Мне пора ехать домой, в Экбатану. Сын заждался меня, — вдруг сказала Таис. — Если успею собраться, поеду послезавтра. Скоро здесь наступит сильная жара.

— И ты не заедешь в Сузу? — спросила Гесиона.

— Нет, прямая дорога через Гармал и Священные Огни короче и удобнее. Ты останешься ждать Неарха, я, конечно, зря спрашиваю, но ты, учитель?

— Я дождусь Александра здесь, хоть первое время ему будет не до меня и не до искусства, — ответил Лисипп.

За несколько часов до отъезда Таис скакавший бешено верховой гонец нашел ее через Гесиону и начальника города. Он привез плотно запечатанное письмо от Птолемея, который упрашивал ее не гневаться на вынужденный брак с персидской девочкой, уверял, что Александр понудил их всех к спешной женитьбе и они сделали это только для царя. С обычной убедительностью Птолемей говорил о своем браке как пустой, незначащей уступке Александру, обещал при свидании объясниться и поведать какую-то тайну, важную для них обоих. Вскользь Птолемей упоминал о драгоценных камнях невиданной прелести, собранных для нее. Вскользь, потому что знал, как ответила бы афинянка на прямую попытку подкупить ее.

Таис взяла булавку, приколола письмо к столешнице и своим острым кинжалом изрезала на кусочки, бросив их на

ветер. Она простилась с Гесионой и Лисиппом нежно, но коротко, не ведая, что видит их в последний раз. Ее маленький отряд прошел ворота Иштар и скрылся из вида на северной дороге.

В Экбатане Таис прожила роковой третий год сто четырнадцатой олимпиады. Таис хорошо помнила каждый месяц его до тяжелых дней таргелиона, в которые, по странному стечению судьбы, умер Александр. И страшная битва на Гидаспе, сломившая македонскую армию, также пришлась на конец таргелиона третьего года предыдущей олимпиады! Может быть, будь жив старец Аристандр, он сумел бы предостеречь... нет, Александр его давно не слушал.

Птолемей долгое время не появлялся в городе. Сначала Таис наслаждалась своим подросшим и неотступно привязанным к матери Леонтиском, потом почувствовала себя одинокой без Лисиппа. Она поднялась на высокое кладбище и долго смотрела на ослепительно белую плиту Клеофрада с колыхавшейся на ней сеткой ажурной тени можжевельников, похожей на письмена. Преклонив колени, в знойной тишине она вспомнила великолепную надпись на могиле Анакреонта: «Анакреонта плита! Под нею лебедь теосский спит и безумная страсть пламенных юношей спит...» У Таис начали складываться строфы эпитафии, которую она решила высечь на этой немой белой плите, уже начавшей зарастать плющом — любимым надгробным растением эллинов. «Здесь погребен Клеофрад, ваятель афинский, спаявший женского тела красу с обликом вечных богинь...»

С разгаром летней жары на юге после Нового года в Экбатану приехал Гефестион и привез письмо Птолемея, огромное количество драгоценностей и неожиданный дар Александра — золотую статуэтку женщины, похожей на Таис, в наряде менады, спутницы Диониса, то есть с головы до бедер одетую плетями плюща. Искусно отчеканенные листья пышным гнездом громоздились на голове и плечах, отдельными веточками спускаясь ниже талии. Таис, восхищенная мастерством скульптуры, поняла значение дара лишь после свидания с царем.

Гефестион навещал афинянку в ее доме, рассказывая о приключениях в походе. Таис тревожно всматривалась в давно знакомый облик веселого гиганта, находя в нем черты безмерной усталости и странного опустошения. Иногда взгляд Гефестиона останавливался на чем-то незримом, и казалось, жизнь покидала его незрячие глаза.

В честь самого близкого друга Александра и хилиарха в Экбатане осенью устроили грандиозное празднество. Число

актеров почти сравнялось с праздником бракосочетания в Сузе.

Недобрые предчувствия Таис оправдались. В начале празднеств Гефестион заболел и лежал в сильной лихорадке. Больному становилось все хуже. Едва весть достигла Вавилона, Александр, взяв лучших лошадей, понесся в Экбатану, вместе с Птолемеем и самыми знаменитыми врачами. Но было поздно. Жизнерадостный гигант, легко переносивший невероятные трудности походов и боев, один из столпов империи Александра и самый близкий друг царя, умер на седьмой день болезни в пианепсионе третьего года.

Никогда еще не видели великого полководца в таком глубоком горе, даже после того, как он убил Черного Клейта. Он пил в одиночестве ночи напролет, а днем совещался с архитектором из Афин Стасикратом, прославившимся величественными постройками.

Стасикрат сложил для Гефестиона исполинский погребальный костер в виде храма из кедра и сандалового дерева, с огромным количеством мирры и нарда. Пламя, напомнившее Таис пожар Персеполиса, поглотило тело героя. Александр после семидневного пьянства на поминках, с участием нескольких тысяч человек, отправился в северные горы покорять касситов, горцев, не боявшихся великого царя, от одного имени которого всякое сопротивление угасало и войска разбегались.

С ним пошел Птолемей, последний из его близких друзей, не считая Неарха, теперь главный начальник империи. Птолемей, в расстройстве от смерти друга, опухший от ночных пиршеств, в которых он вынужден был принимать участие, явился к Таис перед выступлением и долго говорил с ней. Он поведал страшную тайну, хранимую десять лет, со времени посещения Александром оракула Аммона в оазисе Ливийской пустыни. Тогда Птолемей подкупил младшего служителя талантом золота, чтобы он подслушал пророчество оракула.

— Александру предсказана смерть в молодом возрасте, когда он проживет немногим более тридцати лет. Сейчас тридцать два года, и если... — Птолемей не решился произнести страшного слова. — ...тогда огромное завоеванное царство развалится, перестанет существовать, ибо один Александр может управлять им, изнемогая от великого множества дел... ты перестала слушать меня.

— Нет, слушаю. Только я сейчас догадалась, почему Александр был так неистов, так спешил пробиться на край

мира, к берегу Восточного океана. Ведь он-то знал предсказание и носил в себе, как отравленный нож на голом теле!

— Наверное, ты права. Но это уже не имеет значения... Если предвидение Аммона верно, тогда я первый выступлю за раздел империи и буду требовать себе только Египет. Он далеко в стороне и лежит на Внутреннем море, это мне и нужно. А ты поедешь со мной, чтобы стать царицей Египта?

— А если предсказание не исполнится?

— Тогда все пойдет, как оно идет теперь. Александр поплывет с Неархом, а я останусь в Вавилоне его наместником и верховным стратегом Азии. Но ты не ответила мне на очень важный вопрос!

— А Сирита?

— Клянусь молотом Гефеста, ты знаешь сама и спрашиваешь из лукавства. Персиянка останется в Персии, я отдам ее замуж за одного из сатрапов восточных границ. Но берегись испытывать мое терпение, я могу увезти тебя когда хочу и куда хочу, связанную и под сильной стражей.

Не отвечая, Таис встала и подошла к Птолемею. Вытянувшись во весь свой небольшой рост, она взглянула ему во властное лицо и улыбнулась.

— Слишком долго ты воевал в Скифии и в Индии, и совсем забыл, какова твоя венчанная жена. Милый военачальник, таких, как я, силой не берут. Мы или умираем, убив себя, или убиваем того, кто позволил себе это насилие. Впрочем, ты не эллин, а македонец, одичавший в походах, хватая беззащитных жен, как и другую, валяющуюся под ногами добычу.

Птолемей побагровел, протянул было руку с хищно скрюченными пальцами, опомнился и отдернул, будто обжегшись.

— Пусть так! Я и в самом деле привык к безграничному повиновению жен.

— Хорошо, что ты убрал руку, Птолемей. Схвати ты меня, и я не знаю, может быть, высшего военачальника унесли бы отсюда трупом.

— Твой черный демон в образе Эрис! Ее и тебя предали бы мучительной казни...

— Эрис стала уже демоном, а не благодетельной охранительницей! Птолемей, научись сдерживаться при неисполнении желаний, иначе ты не станешь настоящим царем. Насчет казни не слишком уверена, пока жив Александр! Кроме того, есть и яд.

Птолемей впервые смутился. Пробормотав нечто вроде того, что он прошел долгую войну, бесконечные убийства и

насилия, привык к беспрекословному и мгновенному повиновению, он повторил свой вопрос о Египте.

Таис, смягчившись, протянула ему маленькую, твердую руку.

— Если ты снова научишься понимать меня, тогда я согласна. Только чтобы при мне не было ни второй, ни третьей царицы. Зачем тебе я, непокладистая и непреданная?

— Мне достаточно твоей абсолютной честности. Нечего говорить про красоту, ум, знания и умение обращаться с людьми, понимание искусства. Лучшей царицы мне не найти для древней страны, где вкусы людей устоявшиеся и безошибочные и они легко отличают настоящее от пустяка.

— А дикая амазонка или беспечная нереида, вдруг воскресающая во мне?

— Об этом позаботишься ты сама. Ты согласна?

Таис после непродолжительного раздумья молча кивнула.

— Можно скрепить договор поцелуем?

Афинянка разрешила.

Несмотря на зимнее время, конница Александра ушла в горы и пробыла там гораздо дольше, чем того стоило покорение касситов, разбежавшихся по Парфии и Гиркании. Не собирался ли Александр вновь посетить Море Птиц?

Таис думала о другом. Усталый завоеватель, удрученный утратой лучшего друга, измученный горой ненавистных дел по управлению империей, где его привычка к молниеносным решениям не помогала, а скорее мешала ему, он просто не хотел возвращаться в Вавилон. Из Эллады прибыли нехорошие вести. Гарпал — беглый казначей — и Кассандр в Элладе объявили Александра безумцем, объятым манией величия. Однако слава и почитание великого полководца были слишком велики. В Эляде считали величайшим его деянием возвращение всех статуй из Азии, вывезенных прежними завоевателями. Ему поклонялись как современному Гераклу. Подвох изменника кончился его казнью.

Стасикрат — архитектор — рассказывал в Элладе противоположное. Он предложил Александру совершить неслыханное — изваять его статую высотой в шестьсот локтей, обработав гору Атос в Халкидике. Александр лишь рассмеялся и сказал, что исполинские пирамиды Египта ничего не говорят о построивших их владыках. Сам по себе великий размер еще не означает великой славы.

Еще большее впечатление произвело на Элладу прибытие македонских ветеранов под начальством Кратера. Они были отпущены Александром с почестями и огромными наградами.

Фаланга и Агрианская конница перестала существовать. Все эллинские наемники, оставленные в построенных крепостях и Александриях, тоже вернулись на родину. Прах Гефестиона временно поместили в мавзолей из белоснежного известняка на холме около Экбатаны, откуда открывался вид на восточную равнину, поросшую серебристой травой, покорно склоняющейся под ветром. Таис полюбила ездить сюда вместе с Эрис и, сидя на ступеньках, отдавать молчаливое почитание герою. Она вспомнила, как незадолго до своей болезни Гефестион рассказывал ей об удивительном подвиге индийского гимнософиста Калинаса. Калинас пришел к Александру и объявил о своем решении покинуть пределы этой земли. Царь сначала не понял и обещал ему сильный конвой. Старик пояснил, что чувствует себя плохо и не желает больше жить, так как находится далеко от родины и не сможет ее достигнуть. По просьбе индийца воины сложили большой костер. Александр подарил Калинасу коня в полной сбруе и пять золотых чаш, думая о жертвоприношении. Мудрец отдал дары строителям костра, а сам улегся наверху и велел поджигать со всех сторон. Старик лежал совершенно неподвижно в дыму и пламени кострища. Александр, потрясенный таким мужеством, велел трубить во все трубы и слонам отдать гимнософисту царский привет своим ревом. Со смертью Калинаса воины долго не могли смириться. По их мнению, они утратили человека, охранявшего армию в походе. Гефестион считал смерть индийца великим подвигом, достойным подражания. Он хотел бы найти в себе такую стойкость и, без сомнения, говорил об этом Александру. Гигантский костер был посмертным ответом царя на слова друга. Пустынный холм, где месяц назад кипела работа, прибрали, вычистили, посадили кусты и цветы. Таис хорошо мечталось здесь о надвигающихся переменах жизни, в удалении от забот хозяйки дома и матери. Птолемей пока ничего не устроил сыну, клянясь найти лучших учителей гимнастики и военных упражнений сразу после возвращения в Вавилон с Александром, которого он не смог оставить сейчас одного.

В один из дней элафеболиона, месяца особенно лучезарной погоды, Таис, приехав к могиле, увидела с холма большой отряд конницы. Всадники остановились примерно в пяти стадиях от мавзолея. Двое отделились от них и медленно поехали к белому памятнику. Высокие, в сверкающих шлемах на вороном и сером в яблоках конях. Сердце Таис взволнованно забилось. Она узнала Александра и Птолемея. Царь, в память своего Букефала, всегда выбирал вороных лошадей. Шесть персидских юношей ее охраны, назначенной Птолемеем, пов-

скакали в тревоге и выбежали из тени одинокого вяза, где ожидали свою подопечную. Таис успокоила их. Воины не стали садиться на коней, а выстроились поодаль, почтительно склонив головы. Царь с удивлением смотрел на афинянку и Эрис, в одинаковых светло-синих эксомидах, словно две статуэтки коринфской и египетской бронзы, стоявших на ступенях временного мавзолея. Он спрыгнул с коня на ходу и быстро подошел к Таис, протягивая ей обе руки.

— Я рад, что нахожу тебя здесь, почитающей память друга, — сказал Александр улыбаясь, но глаза царя смотрели печально. — Мне бы хотелось поговорить с тобой до возвращения в Вавилон.

— Когда захочешь, царь! Хоть сейчас!

— Нет, слишком много людей будет ждать меня, томясь желанием отдохнуть с концом похода. Я назначу тебе свидание здесь и извещу тебя. Ты разрешишь мне, Птолемей? Ведь твоя жена и мой друг тоже.

— Она не спрашивает позволения, — рассмеялся Птолемей. — Зачем же просишь ты, всемогущий царь?

— Царь должен соблюдать обычаи для себя строже, чем последний из его подданных, — серьезно сказал Александр, — ибо как же иначе вселить в людей уважение к закону и чувство меры?

Птолемей слегка покраснел под темным загаром. При своей репутации мудрого государственного мужа он не любил даже мелких промахов.

Спустя четыре дня прискакал гонец и передал, что Александр ждет на могиле Гефестиона. Таис завертелась перед зеркалом, одевая для верхней езды эксомиду сиреневого цвета выше колен и серьги из Небесной страны, дар желтолицего путешественника. Подумав немного, она надела ожерелье из когтей черного грифа, память храма Эриду.

Только категорическое требование Таис заставило Эрис остаться «дома», то есть проводить афинянку не дальше стен города. Двенадцатилетний Боанергос рассыпал по степи мерную дробь иноходи с той же быстротой, как и в прежние времена.

Александр сидел на верхней ступеньке мавзолея без брони, шлема и оружия, только в бронзовых поножах, которые он не любил снимать, может быть прикрывая ими рубцы страшных ран на ногах.

Он сам принял поводья иноходца и спрыгнувшую с него Таис, ласково подбросил ее в воздух. Умный конь пошел сам к тени вяза. Александр испытующе оглядел афинянку, как по-

сле долгой разлуки, притронулся к ожерелью из когтей, с любопытством коснулся звенящей резной серьги. Таис объяснила назначение грифового когтя — знака Хранительницы Путей, и рассказала, как она приобрела его.

Александр слушал, скользя взором по ее фигуре, четко освещенной сквозь прозрачную эксомиду.

— Ты носишь поясок по-прежнему, — спросил он, увидев проблеск золота, — и там все еще «кси»?

— Другой не будет, невозможно! — тихо ответила Таис. — Я хотела поблагодарить тебя, царь!

— За что?

— За дом в Новом городе, у ворот Лугальгиры.

— Я иногда спасаюсь туда, — невесело усмехнулся царь, — но не могу быть там подолгу.

— Почему?

— Не позволяют дела, и потом...

— И потом?

Александр вдруг отбросил вялую манеру разговора, ныне вошедшую в его обыкновение.

— Иногда мне хочется опять бросить себя в пламенный Эрос, как юношу. В тебе я нашел божественную исступленность, какая лежит и в моей душе, подобная подземному огню. Ты расколола каменные своды и выпустила его наружу. Какой муж устоит перед этой силой?

— Чтоб разбудить ее, нужна встречная сила, как саламандре — огонь! — ответила Таис. — В этом нет никого, кроме тебя.

— Да, когда я был тот, встреченный тобой в Мемфисе, нет, на середине Евфрата. Он далек от меня теперь, — добавил Александр, потухая.

Таис смотрела на прекрасное лицо царя, находя незнакомые черты усталой и презрительной жестокости, не свойственные прежде облику Александра, мечтателя и храбрейшего из храбрых воинов. Такие никогда не бывают ни презрительными, ни жестокими. Его низкий лоб казался покатым из-за сильно выступавших надбровий. Прямой крупный нос удлиняли резкие складки вокруг рта, полные губы которого уже слегка растянулись над крепким круглым подбородком. Глубокие вертикальные борозды прорезали некогда нежные округлости щек. Кожа, несмотря на зной пустынь и ледяное дыхание высочайших гор, оставалась по-прежнему гладкой, напоминая о совсем еще молодом возрасте великого царя. В Спарте Александр только два с половиной года назад достиг бы возраста взрослого мужа.

— Ты очень устал, мой царь? — спросила Таис, вложив в вопрос всю нежность, на какую была способна, будто великий завоеватель и владыка стал мальчиком, немногим больше ее Леонтиска.

Покоренный этой нежностью, Александр опустил голову, отвечая молчаливым согласием.

— Стремление к пределам ойкумены еще горит в тебе? — тихо спросила афинянка. — Может быть, ты избрал не тот путь?

— Иного нет! Нельзя пройти Азию на восток, или на юг, или на север, чтобы не встретить вооруженных отрядов или целых армий. Они уничтожат тебя или возьмут в рабство, если у тебя будет пятьсот или пять тысяч спутников, или пять — все равно. Только собрав грозную силу, можно пробить преграду из враждебных, ничего не понимающих в моей цели, иноязычных и иноверных людей. Видишь сама, мне пришлось опрокинуть огромные царства, разбить бесчисленных врагов. Не прошло и двух лет, а в Индии Чандрагупта уже отобрал назад часть завоеванной земли, выгнал моих сатрапов! Нет, не смог я достичь пределов ойкумены по суше. Теперь попытаюсь морем.

— Может быть, странствуя в одиночестве, подобно желтолицему обитателю Востока, тебе удалось бы пройти больше?

— Может быть. Но слишком много случайностей на пути, и каждая грозит гибелью. И времени потребуется слишком много. Медлен путь пешком. Нет, я был прав, идя дорогой силы. Неверны исчисленные величайшими учеными Эллады размеры ойкумены. Она гораздо больше, но это их ошибка, не моя!

— И ты вновь пойдешь в безвестные дали?

— Я устал не от пути, а от забот огромного государства. Они обрушились на меня, как река в половодье.

— Разве нельзя разделить заботы, возложив их на верных соратников? — спросила Таис.

— Мне казалось сначала, что я окружен достойнейшими, что мы вместе составляем острие копья, способного сокрушить все на свете. Впервые спартанская стойкость распространилась на десятки тысяч моих воинов. Заслуга моего отца Филиппа! Это он сумел подобрать и воспитать войско такого мужества и выносливости, чтобы оно качеством отдельных воинов приблизилось бы к лакедемонскому. С этими отборными тридцатью пятью тысячами я отразил и сломил силу, по численности во много раз бóльшую, но худшую по качеству людей. Все шло хорошо, пока едина была цель, грозен враг и

не нагромоздилось бремя и богатство военной добычи. Сплоченность изнашивается, как физическая сила. Чистота сердца и бескорыстие, как железо ржавчиной, разъедается окружающей лестью, толпой торговцев, продажных женщин, жрецов и философов, родственников и мнимых друзей.

Тех людей, тверже орлиного когтя, которые не износились за десять лет войны и владычества в покоренных странах, осталось мало, горсточка на всю великую империю. И их я теряю одного за другим, как несравненного героя Гефестиона, доблестнейшего Кратера, уехавшего на родину со старыми воинами. С другими я стал враждовать, иногда справедливо — они не понимали меня, иногда несправедливо — я не понял их. Но самое страшное — чем дальше, тем сильнее расходились наши цели. Я не смог больше думать о гомонойе среди народов, когда ее не нашлось среди ближайших друзей и соратников. Главный яд в сердцах всех людей — идиотская спесь рода, племени, национальностей и веры. С этим я бессилен справиться. Таков конец азиатских завоеваний — я, владыка полумира, опускаю руки, чувствуя себя путешественником у начала дорог. Ты права, я был бы счастливее, бредя одиноким свободным странником в нищенской одежде, положась на милость богов и любого вооруженного встречного!

Таис привлекла львиную голову македонца на свое плечо, слыша взволнованное дыхание, отдававшееся скрипом в пробитой стрелой груди. По мощным рукам, некогда божественно спокойным, пробегала нервная дрожь.

— Хочешь стать моей царицей? — с всегдашней внезапностью спросил Александр. Таис вздрогнула.

— Одной из жен царя царей? Нет!

— Ты хочешь быть первой среди всех или единственной, — усмехнулся неласково македонец.

— Ты всегда не понимаешь меня, царь мой, — спокойно ответила Таис, — и не поймешь, пока мы не будем вместе, совсем. Мне самой не нужна ни исключительность, ни изгнание соперниц. Нужно, чтобы я получила право охранять тебя, иногда вопреки твоему минутному желанию, или против воли друзей и соратников. Иначе ты не сможешь опереться на меня в трудный час измены или болезни.

— Так ты хочешь...

— Я ничего не хочу, лишь поясняю. Поздно! Речи эти надо было вести много раньше.

— Я еще молод, и ничего для меня не поздно!

— Мне ли говорить тебе, повелителю людей, что истинную царицу нельзя назначить или ограничить ночным ложем.

Надо сделать ее усилиями обоих, но так, чтобы это видели и чувствовали все окружающие. Царицами становятся за много лет, а у тебя, как я вижу, нет в распоряжении и года.

— Да, я уплыву с Неархом искать путей в Эфиопии. Девяносто кораблей готовы и готовятся на верфях Вавилона и Александрии Евфратской.

— И ты возьмешь меня туда, в океан, с собой? Не царицей, только спутницей?

Помолчав, Александр угрюмо ответил:

— Нет. Неверна судьба боевых дорог, страшны лишения на бурных берегах безводных пустынь. И драгоценна ты! Жди меня в Вавилоне!

— Женой Птолемея?

— Я назначу Птолемея хилиархом вместо Гефестиона. Он будет править империей на время моего отсутствия...

Таис встала, ласково и печально глядя на царя. Встал и Александр. Неловкое молчание нарушил топот скачущей во весь опор лошади. Всадник из гетайров нового набора, персидской знати, поднял над головой сверток письма, Александр сделал разрешающий жест, и, спешившись, гонец подбежал, держа послание у низко склоненного лица.

— Прости, я прочитаю. — Царь развернул пергамент, крупно исписанный немногими строчками.

Александр повернулся к Таис с кривой улыбкой.

— Мне надо спешить в Вавилон. Явился Неарх из разведки Арабии, теперь можно плыть. Селевк приближается с большим караваном слонов, а Певкест ведет молодых воинов из Арианы.

Таис свистнула через зубы, как афинский мальчишка. Боанергос поднял голову, насторожил уши и на повторный зов подбежал к хозяйке. Махнул рукой и Александр, подзывая скифа-коновода.

— Объясни на прощанье, мой царь, — афинянка взяла под уздцы иноходца, — значение твоего дара, привезенного Гефестионом.

— Это моя греза в Нисе, когда я увидел плющ и быков критской породы. Ты знаешь, войско Диониса в его походе состояло из одних менад, а в индийском — наполовину. И ты приснилась мне менадой, нагой и могуче притягательной, увитой плющом. Сверкающий жезл Диониса указал мне на тебя... и я велел ваятелю из Сузы отчеканить по моему сну и памяти твое изображение — менадой.

— За это я благодарю тебя всем сердцем, как и за дом у Лугальгиры. — Таис смело обвила руками шею царя и на миг

замерла в его объятиях. Побледнев, она вырвалась и вскочила на иноходца. Александр сделал шаг к ней, протягивая руку, и словно споткнулся о ее твердый взгляд.

— Судьба и я трижды предоставляли тебе возможность. Первый раз — в Мемфисе, второй — на Евфрате, третий — в Персеполисе. Четвертого не дает судьба, и я тоже. Гелиайне, великий царь, «тон эона» (навеки), как говорил Платон...

Таис тронула иноходца, опустив голову. Крупные слезы покатились из-под намокших длинных ресниц, падая на черную гриву коня.

Александр поехал рядом, голова в голову. На одну стадию позади пылили всадники царской Агемы. Александр нагнул непокрытую голову, широкие плечи обвисли, перевитая жилами рука вяло опустилась. С ужасом увидела Таис божественного победителя в жалком обличье человека, истощившего свои силы и ни на что больше не надеющегося. Клеофрад на последнем кеосском пиру выглядел крепче и бодрее. Если Александр, вернее то, что осталось от неутомимого сына богов, вернется к делам огромной империи в Вавилоне...

— Во имя Афродиты и всего, что влечет нас друг к другу, Александр, мой царь, уезжай из Вавилона немедленно. Не задерживайся лишнего дня! Поклянись мне в этом. — Она взяла его руку и сильно сжала.

Александр заглянул в огромные, молящие серые глаза и ответил нежно и искренне:

— Клянусь Стиксом, моя Айфра (сияющая)!

Таис ударила пятками Боанергоса, и он далеко обогнал медленно ехавшего царя и его охрану. Афинянка вихрем пронеслась через ворота Экбатаны, проскакала по улицам и, бросив поводья слуге, побежала через сад в павильон Эрис, где заперлась до вечера.

А через два месяца, в последние дни таргелиона, горным обвалом разнеслась весть о внезапной смерти Александра.

Не прошло и декады, когда нарочный доставил Таис сразу два письма — от Птолемея и Гесионы. Фиванка писала подробно о последних двух днях жизни царя. Усталый больше человеческой возможности, он собрал военачальников, чтобы назначить на корабли, и вместе с Неархом отдавал распоряжения, вникая во все мелочи подготовки огромного флота. Не в силах уснуть, он плавал ночью в Евфрате. С приступом лихорадки царь покинул дворец Навуходоносора, где жил постоянно, и перебрался в Новый город, в свой дом с затененным бассейном, где купался, изнемогая от жара. Он не хотел никого видеть, кроме Неарха, и вечером пытался уснуть, но ли-

хорадка все усиливалась. Александр велел сделать жертвоприношение двенадцати олимпийцам и Асклепию. Говоря с Неархом, он настаивал на отплытии через два дня. Критянин впервые видел своего друга в таком неестественном беспокойстве, без конца говорящим об океане и сыплющим распоряжениями, повторяясь и временами путаясь. Наутро, когда жар спал, Александр приказал нести себя в Старый город, во дворец, чтобы сделать жертвоприношение. Он был уже настолько слаб, что почти не мог сказать слова.

Все высшие начальники ожидали за дверями у комнаты, где боролся со смертью их великий вождь. Воины из гетайров и Агемы ворвались во дворец, не стесняясь проливаемых слез. Сдерживая рыдания, они проходили мимо ложа. Александр нашел силы приветствовать каждого поднятием правой руки, время от времени приподнимая и голову. Говорить он не мог и вскоре умер.

Военачальники, теперь прозванные диадохами, наследниками Александра, собрались на чрезвычайном совете. Прежде всего они бережно омыли тело героя, испещренное рубцами тяжелых ран, и залили его смесью ароматных смол, крепкого вина и меда. Чеканщики и кузнецы без отдыха ковали золотой саркофаг...

Слезы не дали Таис читать дальше, сдерживаемое горе вырвалось наружу. Афинянка, упав ничком, безутешно рыдала, по старому обычаю разодрав одежду и распустив волосы.

Александр, величайший герой Македонии, Эллады и Ионии, ушел во мрак Аида в возрасте всего тридцати двух лет и восьми месяцев! Щемило сердце сознание, что накануне смерти, измученный и одинокий, он, как бы вспоминая, плавал в Евфрате и удалился в дом на той стороне реки, около ворот Лугальгиры. С новым приступом плача Таис подумала о великом одиночестве царя. Все окружавшие его люди без конца требовали от него мудрости, распоряжений, золота, защиты, любви, не догадываясь о безмерной его усталости и не следя за ним чуткими, понимающими глазами и сердцем. Может быть, он бессознательно искал опоры в призраках прошлого? Если так, то, будь она с ним хотя бы эти несколько часов, она сумела бы усмотреть грозные признаки надвигающейся беды.

Всего сильнее трогали афинянку усилия Александра вырваться из Вавилона с флотом Неарха, спасая себя от нечеловеческого напряжения и выполняя данную Таис клятву!.. Афинянка зарыдала так, что, испуганная впервые за их совместную жизнь, Эрис помчалась за врачом.

Таис отказалась впустить врача, но подчинилась подруге и выпила какого-то густого и горького коричневого питья, метнувшего ее в черный и долгий сон.

Только через четыре дня Таис нашла в себе силы выйти из темной комнаты, заняться обычными материнскими и домашними делами. И еще через несколько дней она собралась с духом прочитать письмо Птолемея. Он писал, что все совершилось по его предвидению. На совете диадохов он первый предложил раздел империи и выговорил себе Египет. Заместителем Александра и верховным стратегом Азии назначен Пердикка. Ему вменена обязанность охранять Роксану, беременную от царя на седьмом месяце. Антипатр стал начальником войска в Элладе и Македонии, верховным стратегом стран к западу от Ионии. Начальнику гетайров Селевку досталась Вавилония и Индия, Антигону Одноглазому — Малая Азия, за исключением Ионии и Фракии, отошедшей Лисимаху. Неарх не захотел ничего, кроме флота, получил его и готовился уплыть в Арабию, как и собрался при Александре. Птолемей напомнил Таис обещание ехать с ним в Египет. Ему придется подождать родов Роксаны. Если будет сын — все останется по-прежнему, если дочь — совет диадохов будет избирать царя.

Так приключилась новая удивительная перемена в жизни Таис. У Роксаны родился сын, Александр Четвертый, и Птолемей срочно вызвал афинянку в Вавилон. С отборными, преданными ему войсками он захватил саркофаг с телом Александра и поспешил в Египет. С тех пор Таис здесь, в Мемфисе, царицей сказочной для всякого эллина древней Земли Нила... И вот он, Нил, плещущий едва слышно о ступени храма Нейт.

Глава шестнадцатая
МЕМФИССКАЯ ЦАРИЦА

«Ты будешь править Мемфисом, а я останусь в Александрии», — сказал Птолемей в серьезном споре с Таис. Она упрекала его в нарушении клятвы — не брать другой жены, после брошенной им в Вавилоне Сириты, если Таис согласится поехать с ним в Египет. Теперь он, признанный царь Египта, полюбил Беренику, женился на ней тайно — и в Александрии будет еще царица... А прежде была еще Эвридика, родившая ему сына Птолемея, которую он взял силой еще в Ионии и привез в Персию.

Впервые Птолемей не уступил справедливому требованию Таис. За десять лет победоносных завоеваний с Александром он привык расставаться с сотнями женщин, пройдя полную школу насилия, убийств и немилосердного сокрушения городов и стран.

Как всегда умный и убедительный, он пояснил Таис, что недавно понял всю тщету усилий преобразовать Египет, внедрив сюда дух Эллады и гений Александра.

— Эту глыбу древних верований, обычаев и уклада жизни, подобную скале из черного гранита Элефантины, невозможно изменить иначе, как расколов ее на части. Поступать так не мудро даже для налетом ворвавшегося захватчика. Разрушая, невозможно сразу заменить прежнее новым, и страна останется без закона, обратясь в сборище одичалых негодяев. Я начну с Александрии и превращу ее в город, открытый всему миру, всем верованиям и философам разных школ и прежде всего торговле между Азией и Внутренним морем. Александрия, где я храню в золотом саркофаге тело великого Александра, моего друга детства и сводного брата, станет самым прекрасным из всех городов в ойкумене. Маяк на Форосе будет знаменитее башни Этеменанки, а для философов я построю Мусей. В Библиотеке мной уже собрано рукописей и книг больше, чем в любом из городов Эллады. Я дал приказ, чтобы начальники всех судов, приходящих в гавань Александрии, сообщали мне о новых произведениях искусства, открытиях ученых, прославившихся книгах. У меня достаточно золота, чтобы купить многое, и если бы не война... — Птолемей нахмурился, и Таис сочувственно погладила его по плечу, зная о непрекращавшейся военной борьбе среди диадохов — наследников Александра.

— Я буду воевать за Египет, за Кипр, может быть за Элладу, но для свершения всех замыслов мне надо жить в Александрии. Сюда я призываю всех, в ком сильна предприимчивость, кто умеет смотреть вперед, умеет работать, кто талантлив и умен. Верховный стратег Азии, старый сподвижник Александра Пердикка, назначенный советом диадохов управителем царства, пока подрастает сын Роксаны, как ты знаешь, пошел на меня, чтобы взять себе и Египет. Собственные полководцы убили его, едва он достиг Дельты, а войско перешло ко мне. Я пригласил из Вавилона, Сирии, Иудеи евреев жить свободно и торговать в Александрии. На этот способный и строгий народ я возлагаю надежду в умножении богатств и процветания города, так же как и на твоих соотечественников, быстрых в принятии решений и в исполнении их. Правда,

иногда афиняне смелы не по силам, но они всегда рискуют и спокойны в опасности. Я умею воевать и строить. В глубине Египта не нужно воевать и нечего строить. Все построено тысячелетия назад, частью уже заброшено и занесено песком. Тебя любит Мемфис, и ты понимаешь египтян, разные верования и тайные учения, посвящена в сокровенные обряды. Будь царицей в Мемфисе, где мы оба венчаны на царство, помогай мне здесь, и я клянусь ненарушимой клятвой Стиксовых вод, что не назову царицей никакую другую, пока ты со мной!

— Пока я с тобой, — медленно повторила Таис, соглашаясь с доводами своего мудрого мужа. И она осталась в Мемфисе одна, если не считать малолетней Иренион, или Ираны, как ее называла Таис на дорическом диалекте. Имя дочери напоминало ей Персию, а сама девочка становилась все больше похожей на Птолемея. Леонтиск находился в Александрии при отце. В мальчике проявилась та же глубокая любовь к морю, какая пронизывала все существо Таис, по насмешке судьбы живущей вдали от его ласковых волн и сверкающей синевы.

Мемфисцы почитали царицу скорее за ее добрые глаза и поразительную красоту, чем за действительную власть, фактически сосредоточенную в руках наместника Птолемея. Таис и не старалась быть грозной повелительницей, взяв на себя дворцовые праздники, приемы послов и храмовые церемонии. Все это очень тяготило живую и веселую афинянку. Египетские обычаи требовали от царицы недвижно восседать часами в тяжелых украшениях на неудобном троне. Таис старалась сделать свои приемы и участие в празднествах как можно короче. Верховые прогулки пришлось ограничить вечерними сумерками или рассветом. Египтяне не могли представить свою царицу носящуюся верхом вместо торжественной и медленной поездки в золоченой колеснице. Салмаах нашла здесь свой конец, и для Эрис пришлось приобрести похожую серую ливийскую кобылу. Боанергос приближался к двадцатилетнему возрасту и, хотя перестал резвиться, был по-прежнему легок и быстр, ревниво не позволяя обгонять себя ни одной лошади. Красавец иноходец, по слухам, купленный у царицы амазонок, всегда привлекал особое внимание мемфисцев, что также не помогало хранить в тайне верховые прогулки. Любимым отдыхом Таис стало вечернее сидение на обращенных к Нилу ступенях храма Нейт, созерцая мутную могучую реку, катящую воды в родное Внутреннее море, и дожидаясь, пока замерцают в реке отражения звезд. Из обязательных знаков

власти она оставляла на себе лишь золотую диадему в виде змеи, священный уреос, спускавшийся на лоб. На ступеньку ниже восседала Эрис, косясь на двух застенчивых знатных египетских девушек, с опахалом и зеркалом, обязанных неотступно сопровождать царицу. По реке иногда тянул прохладный ветер, и египтянки, совсем нагие, если не считать поясков из разноцветных бус и таких же ожерелий, начинали ежиться и дрожать. Эрис молча делала им знак, указывая в сторону, где лежало большое покрывало из тончайшей шерсти. Девушки, благодарно улыбаясь, закутывались в него вдвоем и сидели в стороне, оставив свою царицу в покое.

Храм Нейт, где она приняла орфическое посвящение и начала познавать мудрость Азии, издавна стал для Таис родным. Жрецы храма хорошо помнили и делосского философа и афинянку, когда девять лет спустя она снова посетила храм во всем величии прекрасной царицы Египта. С тех пор Таис иногда уединялась в прежней комнате в толще стен пилона и подружилась с главным жрецом богини. Дружба молодой царицы и старого священнослужителя началась с попытки афинянки узнать о судьбе Гесионы и Неарха. Выполняя завет покойного царя и друга, данный ему накануне смерти, Неарх получил весь флот и поплыл вокруг Арабии, чтобы сквозь Эритрейское море продолжить путь в Египет и Нубию.

По истечении двух лет, ничего не ведая о судьбе Неарха, Таис решила, что, как бы огромна ни оказалась Арабия, моряки уже должны достичь цели и дать о себе знать. Она слыхала о плаваниях египтян в Пунт по Эритрейскому морю во времена, когда не существовало Эллады, и принялась искать знающих людей. Поиски вышли короткими. Главный жрец храма Нейт имел доступ к архивам тайных дел, где хранились записи и карты плаваний в Пунт, на тот далекий восточный берег Либии, откуда еще две тысячи лет назад египтяне везли золото, слоновую кость, благовония, черных рабов и редких зверей.

Запомнилось Таис посещение архива, где-то в подземельях древнего храма, около малой пирамиды. Четыре служителя или жреца, с исхудалыми лицами аскетов-фанатиков, одетые с ног до головы в зеленые мантии ведателей разных стран, сопровождали царицу и жреца Нейт, который служил переводчиком с древнего священного языка. На другом зеленые фанатики не говорили или не желали изъясняться.

Перед Таис расстелили обветшалые листы коричневого пергамента с непонятными линиями, иероглифами и значками в виде летящих птиц.

— Ты говорила, что незадолго до смерти великого Александра Неарх прибыл в Вавилон с новыми открытиями, — спросил жрец Нейт.

— Его помощник Архиас подтвердил, что море от устья Евфрата — только залив между Индией и Арабией, — сказала Таис, — а Гиерон утверждал, будто южный берег Арабии бесконечно далеко протягивается на юго-запад.

Жрец Нейт перевел зеленым фанатикам, и они, как по команде, засверкали глазами. Один глухо сказал непонятные слова, стукнул костяным пальцем в самый большой из развернутых на каменной плите листов.

— Мы не знаем о заливе, — перевел спутник Таис, — но вот он, берег Арабии, идущий на запад и юго-запад. Вот здесь он кончается углом, отворачивая на северо-запад в узких воротах моря, называемого вами Эритрейским. Это море пройдено нашими мореходами взад и вперед; его длина измерена в пятьсот схен, или парасангов, от Ворот до канала Нехао — два месяца плавания при милости богов.

— Значит, Неарх давно должен был приплыть в Египет? — спросила Таис. — Не могли же погибнуть все девяносто кораблей его флота.

— Царица, твое величество рассудило верно.

— Что же могло случиться другое?

Жрец Нейт вступил в разговор с зелеными. Фанатики бормотали непонятные, как заклинания, слова, тыкали темными, иссохшими пальцами в разные места пыльной карты и наконец пришли к соглашению.

— Ведатели стран говорят, флотоводец не попал в Эритрейское море! — авторитетно сказал жрец Нейт.

— Это не могло быть с Неархом, искуснейшим из моряков! У него лучшие кормчие Финикии, Египта и Кипра.

— В тех местах могло. Пусть смотрит твое величество сюда. Это южный край Арабии, протянувшийся в направлении Индии к востоку и северу на несколько сот схен. С юга ему противостоит громадный выступ Нубии, или, по-вашему, Либии, мыс Благоуханий, подобный рогу, вдавшемуся в Великий океан. Мыс с трудом и большими опасностями огибали наши мореплаватели на пути в Пунт. Он доходит до половины протяжения края Арабии. Теперь смотри сюда, царица. Флот Неарха плыл вдоль берега на юго-запад, там часто бывают страшные бури. Из пустынь Арабии они несут песок и пыль, застилающую море на много схенов. Такая буря могла настигнуть Неарха, когда его флот находился против самого конца мыса Благоуханий. У округлого залива берег Арабии отклоня-

ется прямо на юг выступом мыса Жемчугов. Как раз напротив Рог Нубии приближается на восемьдесят схен. Вообрази теперь, что сильная буря понесла флот на юг в тумане песка и пыли. Корабли незаметно пересекли промежуток между Арабией и Нубией. Дальше, с восточной стороны Рога, берег идет на юг, все больше отклоняясь к западу. Что будет делать флотоводец, шедший вдоль Арабии на юг и запад?

— Продолжать плыть вдоль берега Либии, думая, что идет у Арабии! — без колебания ответила Таис.

— Разумеется! И видишь, берег южнее мыса Благоуханий идет на юго-запад до самого Пунта еще на пятьсот схен. Дальше он повернет на юго-восток, и тут-то флотоводец обнаружит свою ошибку.

— И что тогда?

— Этого я не могу сказать тебе, я не знаю Неарха. Может повернуть назад, а если стоек и смел, то пойдет вперед и кругом, как сделали финикийцы по приказу великого Нехао.

— Очень упрям и стоек критянин, — печально сказала Таис, — кроме того, Александр сам мечтал послать корабли вокруг Либии, не зная о Нехао.

— Тогда жди флот через три года, как финикийцев, — ответил жрец. — Два года уже прошло...

Но прошло еще пять лет — и стало очевидно, что флот Неарха безвестно исчез в просторах беспредельного моря. Вместе с ним навсегда ушла из жизни Таис и «рожденная змеей». Осталась одна Эрис. Неизбежные утраты следовали одна за другой. Очень давно не было вестей от Лисиппа. С тех пор, как он известил афинянку, что продал Анадиомену Селевку, а тот обменял ее с индийцами на слонов. Сколько дали слонов, Лисипп не знал, а двадцать пять талантов, прибавленные к двенадцати талантам стоимости серебра, около двухсот двадцати тысяч драхм, были огромной суммой. Она написала учителю, чтобы он взял их для школы ваятелей в Карии, основать которую мечтал давно, но не получила ответа. Что-то случилось с великим ваятелем. Или беспрерывная война в Ионии и Месопотамии за власть и куски империи Александра помешали дойти письму?

Смутное чувство Таис, что ее учителя нет в живых, было верным. После отъезда в Элладу, где он встретился с Кассандром, будто бы заказавшим ему статую, Лисипп почувствовал себя плохо и вскоре умер. Его наследник, старший сын Евтикрат, вскрыл заветный ящик великого ваятеля. Лисипп издавна придерживался правила после продажи каждой статуи класть один кусочек золота в этот ящик. Евтикрат насчитал

полторы тысячи кусочков, и только тогда стал очевиден гигантский труд ваятеля. Таис изумилась бы еще больше, узнав, что из всех полутора тысяч статуя Лисиппа не дошла до наследников Искусства и Эллады ни одна! Лишь несколько остались известны в грядущих поколениях благодаря римским мраморным копиям с бронзовых оригиналов Лисиппа. Зная это, афинянка поняла бы, сколь мало надежды на сохранение ее серебряной статуи, если даже бронза была переплавлена на военные орудия темными завоевателями Эллады, Малой Азии и Эгипта.

Много людей погрузились в Амелет — Избавляющий от Забот поток в царстве Эгесигея-Аида. Как много перемен, впечатлений, необычайных переживаний произошло за десять лет, пронесшихся вихрем с того часа, как Таис покинула Афины для Египта и снова вернулась сюда царицей. И как мало перемен теперь! Время течет медлительно, как Нил зимой. Или это так у всех, кто царствует, не правя? У цариц, чьи мужья — подлинные владыки. Так чувствовала себя Роксана при Александре, а теперь, наверное, еще хуже? Маленького Александра, родившегося спустя два месяца после смерти великого полководца, охраняют как талисман и право на владычество сначала Антипатр, верховный стратег Эллады и Македонии, а теперь, после его смерти, — Антигон Одноглазый.

Умер и Аристотель, всего на один год пережив своего великого ученика. Ликей в Афинах теперь ведет знаток растений Теофраст. По-прежнему там прогуливаются среди великолепных сосен и каштанов серьезные ученики, допущенные к изучению скрытых знаний, а вечером сходятся афиняне послушать философские проповеди. Лисипп говорил ей в Экбатане о зарождении нового учения стоиков, утверждавших всех людей равноправными гражданами мира и основавших первую истинную систему оценки поведения человека не на вере в божественное слово, а на общественной необходимости человеческой жизни...

Жрец прервал ее думы, спросив: твое величество более ничего не желает узнать?

Таис очнулась. Они подходили к храму Нейт, где обеспокоенная Эрис плавными шагами мерила поперек широкую лестницу.

— Скажи мне, отец, почему открыли мне тайные чертежи морей и земель, но не сделали этого для Александра или того же Неарха?

— Нас никто не спрашивал, а знание дается лишь тем, кто ищет. Ты одна из нас, ты безвредна и не могущественна, по-

тому что не стремишься к власти. Еще не бывало, чтобы великий гений, полководец, владыка, какому бы народу он ни принадлежал, принес бы счастье людям! Чем более он велик, тем больше беды. Люди обычные повинуются тысячелетним законам, выросшим из здорового опыта поколений. Они связаны необходимостью жизни, верой и службой богам и власти. Великий человек ставит себя превыше всего общечеловеческого, разрушая устои бытия, и совершает вечную ошибку, сводящую на нет его деяния и низвергающую в бездну Тьмы. Богоравные люди только тогда приносят счастье, если они не имеют власти: философы, врачи, поэты или художники.

— По-твоему, Александр принес только страдания и несчастья?

— Еще не взвешены его деяния на весах времени, еще боги-судьи не считали белую и черную стороны его жизни. И я мал разумом, чтобы охватить всю огромность его свершений. Ему были даны сначала красота и телесная сила, храброе сердце и ясный всеохватывающий ум, затем знание. Потом он получил силу военную: твердые сердца и закаленные тела македонских и эллинских воинов. Он хотел умножить знание, вместо того — умножил богатство, взяв разом то, что копилось веками в большом народе, в огромной стране. Он роздал сокровища по молодости своей необдуманно, сам не будучи ни жадным, ни расточительным. Но роздал в руки, столь же недостойные, как и раньше. Только прежние держали его в своей стране, а новые, получив легко, разбросали по пустякам и чужим странам, обогатив жадных и расчетливых купцов, продав за гроши древние художества и десятки тысяч порабощенных жителей.

И сила Александра раздробилась, теряя цель и озлобляясь на естественное сопротивление народов вторжению в их родные земли. Родилась свирепость, жестокое и кровавое насилие, неугодные богам избиения беззащитных. Вместо познания земли, умиротворения, общности в тех обычаях, верованиях и целях, в каких похожи все люди мира, возникли бесчисленные круги будущей борьбы, интриг и несчастий. Вот и сейчас, несколько лет спустя после раздела империи, продолжает литься кровь и война не потухает в Элладе, Ионии, Месопотамии и на островах Зеленого моря.

— Почему же получилось так, а не иначе, отец? — спросила Таис.

— Иначе не может быть, если тот, кому дана сила, золото, воля менять судьбы государств и людей, не понимает, что у каждой из этих частей могущества есть обратная сторона, ко-

торую судьба неминуемо повернет к человеку, если не принять мер предосторожности. У Золота — унижение, злобная зависть, борьба за богатство во имя богатства; у Силы — свирепая жестокость, насилие, убийство; у Воли — упорство в применении силы и золота, тупая слепота.

— Какая же защита от этих злых сил?

— Любовь, дочь моя. Если все три могучих рычага применяются с любовью и во имя любви к людям.

— А у Любви нет оборотной стороны?

— Увы, есть, однако на другом, более личном уровне. Отношения людей между собою могут породить желание унизить другого, мучить и топить в грязи. У светлых сердец этого не бывает, но человеку толпы, битому, униженному, если не в себе, то в своих предках или близких, — свойственно.

— Ты не ответил, как уберечься от этого, отец?

— Всегда держись середины, оглядываясь на края.

— О, я знаю. Мой учитель говорил мне то же. Видимо, мудрость повсюду приходит к одному.

— А ты читала надпись на фронтоне нашего храма, вот эту?

— Я не могу читать священный язык и древние письма Египта!

— Меден аган — ничего излишнего; Мера — самое благородное; Убрис (наглое высокомерие) — самое худшее; познай глубину своего сердца.

— Такие же изречения написаны на храме Аполлона в Дельфах.

— Вот подтверждение слов, тобой сказанных!

— Тогда лик высшей мудрости везде и всегда обращается к самому человеку, минуя богов?

— Это так, но остерегись говорить подобные истины верующим всех видов и детски наивным и яростным фанатикам! Истина и добро светят, как факелы, освещая дорогу блуждающим впотьмах. Но ведь можно с факелом войти в склад горючего земляного масла, которое вспыхивает от малейшей искры!

Таис пристально взглянула на старого жреца и вдруг спросила:

— Скажи, тебя не удивляет египетская царица, не могущая читать по-египетски?

— Нет. Или ты думаешь, много цариц владело священным языком? Тогда ты ошиблась! И ты превзошла многих не только красотою, но и знанием разных верований. Вера — душа народа, из нее исходят обычаи, законы и поведение лю-

дей! А ты поешь на церемонии Зеркала Исиды как прирожденная египтянка, пляшешь священный танец Покрывала как финикиянка, скачешь на лошадях будто ливийка и плаваешь как нереида Зеленого моря. Это привораживает к тебе всех, кто населяет Черную Землю.

— Откуда ты знаешь?

Старик только усмехнулся.

— Скажи, отец мой, если я захочу узнать больше о далеких странах Либии, Нубии по-вашему, ты поможешь мне в этом?

— Помогу, — согласился без колебания старый жрец.

И Таис стала собирать все географические сведения, описания редких зверей, камней и растений, какие накопились в Египте за четыре тысячелетия. Больше всего открытий совершили тридцать и двадцать веков назад наместники фараонов в Верхнем Египте, избравшие своей резиденцией Сиенну или Элефантину. Эти гордые и храбрые люди именовали себя «главными караванодожатыми Юга» и «заведующими всем, что есть и чего нет». Титулование это особенно понравилось молодой царице. «Заведующие» проложили по суше пути в глубь таинственного материка, о котором эллины не имели ясного представления, даже после Геродота, хотя морские владыки Крита, несомненно, знали больше.

Так возникла дружба жреца и царицы. Мемфисцы знали, что царица Таис любит по вечерам одиночество, и никогда не нарушали ее покоя. И афинянка предавалась воспоминаниям в необыкновенно тихие нильские вечера, когда сумеречный свет набрасывал на все гнетущее, земное, резкое прозрачную ткань без цвета и тени, неощутимо удаляющую в прошлое. Таис перестала мечтать и часто думала о былом. Может, это признаки надвигающейся старости, когда нет больше грез о грядущем, печали о несбывшемся и желания нового поворота жизни?

Наблюдательная афинянка не могла не заметить резкого раздвоения жизни египетского народа и его правителей. Совсем иначе было в Элладе, где даже во времена тирании народ и правители составляли одно целое, с одними обычаями, привычками, обязанностями перед богами и духовной жизнью. Египетский народ жил сам по себе, жалко и бесцветно. Правители составляли небольшую кучку привилегированных, само существование которых не имело цели и смысла даже для них самих, кроме борьбы за власть и богатую жизнь. С воцарением Птолемея дело не изменилось, во всяком случае здесь, внутри Египта, если не в Александрии.

Тогда мемфисская царица, зачем она? Умножить собою кучку паразитов казалось Таис, после того как отошло первое увлечение внешней стороной власти, все более постыдным. Теперь она понимала, почему разрушаются памятники и храмы, заносится песками гордая слава великого прошлого. И народ, потерявший интерес к жизни, и знать, не понимающая значения древней красоты и не заботящаяся ни о чем, кроме мелких личных дел, конечно, не могли охранить великое множество накопленной тысячелетиями архитектуры и искусства Египта.

Тревожные мысли мучили Таис. Она уединялась в верхней зале дворца с голубым потолком и столбами черного дерева, между которыми вместо стен висели тяжелые драпировки из светло-серой ткани со множеством складок, напоминавшие ей рифленые колонны персепольских дворцов.

Немилосердный верхний свет отражал голубизну потолка, будто неба, в двух огромных металлических зеркалах. Таис становилась перед ними, держа в руке третье, круглое, с ручкой в виде лежащей львицы, и досконально осматривала себя с головы до ног.

Ее сильное тело утратило вызывающий полет юности, но оставалось безупречным и сейчас, когда возраст Таис перевалил за тридцать семь лет и подрастало двое ее детей. Окрепло, уширилось, приобрело более резкие изгибы, но, как и лицо, выдержало испытания жизни. Они прибавили твердости в очерке губ и щек, но шея, самая слабая перед временем черта любой женщины, по-прежнему гордо держала голову, подобная колонне мрамора, искусно подкрашенного Никием. Озорство, дикое желание сделать нечто запрещенное, взмывало в Таис, кружа голову, как в далекие афинские дни. Она звала Эрис, и обе, украдкой ускользнув от провожатых, ехали верхом в пустыню. Там, сбросив одежды, они бешено носились нагими амазонками, распевая боевые ливийские песни, пока с коней не начинала лететь пена. Тогда они медленно и чинно возвращались во дворец, навстречу переполоху придворных и воинов охраны.

Чтобы легче скрыться от их глаз, Таис стала держать лошадей в доме старого нубийца на южном краю восточной части города.

Все же подобные скачки, как и плавание в защищенной от крокодилов протоке, удавались редко. Гораздо чаще Таис, усталая от какой-либо по-египетски тягучей церемонии, повозившись с дочерью, отправлялась сумерничать на ступеньках храма Нейт.

Девушки-египтянки мирно спали, укутавшись. Эрис, уперев подбородок в высоко поднятые колени, застывала с открытыми широко глазами. Она умела впадать в состояние, подобное сну, не теряя бдительности.

В сумерках загорелся зловещим свинцовым светом Никтурос — Ночной Страж, напомнив Таис ее первый приезд в Египет. Когда, назначенную в жертву Себеку, ее спас Менедем — воин Гераклового мужества.

Таис собиралась возвести памятник Эгесихоре и Менедему, построив им кенотаф здесь, в Мемфисе, откуда река унесла их пепел в родное море. Надгробие стало бы чужим среди тысяч памятников иных чувств, обычаев и веры. Изваяния Эгесихоры и Менедема стояли бы здесь одинокими, как она сама. А когда не станет Таис, кто позаботится о кенотафе? Это ведь не Эллада, где красоту изваяний бережет каждый с детства и никогда никому не придет в голову повредить скульптуру.

Если в Мемфисе любители муз, особенно эллины, еще помнили золотоволосую спартанку, то кто знал о Менедеме — одном из тысяч лаконских наемников? И Таис, как ей ни хотелось создать себе место для грусти и памяти незабвенных друзей, отказалась от постановки памятника. В Александрии изваяли великолепный мраморный горельеф и отправили на родину Эгесихоры и Менедема. Появление Ночного Стража будило в сердце Таис тоску по ушедшим, неопределенную тревогу назревающей угрозы.

Во дворце ее ожидала приятная весть. Птолемей прислал красавца араба из Фракии, опытного в уходе за лошадьми, и уздечку для Боанергоса поразительной работы, отделанную под его масть красным золотом. Птолемей, как и прежде, чувствуя вину перед Таис, делал неожиданные и роскошные подарки.

Наутро афинянка велела привести иноходца, чтобы покрасоваться на нем в новой сбруе. Раб вывел черногривого коня в сверкающей уздечке, с чеканным налобником, изображающим пантер в свирепой схватке. Таис с неизменным восхищением гладила своего любимца, целуя в теплую морду между чуткими ноздрями. Боанергос с коротким нежным ржанием терся головой о нагое левое плечо хозяйки и нетерпеливо ударял копытом, покусывая удила. Только собралась Таис вспрыгнуть на коня, как прибежала няня Ираны, крича, что девочка заболела. Бросив поводья красивому конюху, афинянка побежала обратно во дворец и нашла дочь в приступе колик живота. Иренион, убежав в сад, наелась зеленых

персидских яблок, а няня накормила ее еще миндальным печеньем.

Дворцовый врач быстро устранил боли. Таис, растерев и утешив дочь, вспомнила, что иноходец совсем заждался ее и мог разбить коновязь, но Эрис, наверное, догадалась промять коня. Черная жрица, готовая ехать с ней, осталась у коновязи.

Посланная в конюшню служанка примчалась в сопровождении старого конюха. Старик, задыхаясь, отстал от девушки, а та выпалила, падая на колени перед царицей, что Эрис исчезла со своей лошадью, а Боанергос издох. Таис вскрикнула, будто раненая:

— Как смеешь ты говорить так про коня?! Что он тебе — гиена?!

Перепуганная служанка пролепетала, что иноходец лежит мертвый у привязи. Афинянка схватила за плечо старого конюха, также преклонившего колени. Тонкая ткань его одежды затрещала от рывка.

— Не я виноват, царица, — с достоинством сказал старик. — Коня отравил тот, кто сделал золотую уздечку. Солнце Египта, пойди и посмотри сама.

Таис опомнилась, стремглав слетела с лестницы и понеслась в конюшню. В короткой верховой эксомиде вместо длинного царского одеяния бежать удобно, и Таис обогнала всех.

Боанергос лежал на левом боку, вытянув ноги с черными точеными копытами. Прядка густой челки наполовину прикрыла остекленевший глаз. В углу сведенных судорогой губ расползлась зловещая голубизна.

Таис показалось, что верный конь смотрит с укором и ожиданием на нее, но поспевшую помочь. Царица Египта упала на колени, не скрывая слез, и в отчаянной надежде протянула руки, чтобы поднять тяжелую голову. Сильный рывок сзади не дал ей притронуться к иноходцу. В гневе Таис обернулась с быстротой пантеры и встретилась с синевой мрачного взгляда Эрис. Подруга тяжело дышала. Позади нее воин охраны ловил поводья взмыленной кобылы.

— Не трогай, может, отравлена вся сбруя! Проклятый раб прикасался к ней в рукавицах, а я глупо вообразила, что он поступает так из боязни запачкать сверкающее золото. Если бы ты поехала сразу... Великая Богиня охраняет тебя!

— Где негодяй? Где убийца?

— Я заметила неладное, когда он испугался твоей задержки, метнулся туда-сюда, а когда Боанергос внезапно упал на

колени, одним прыжком скрылся в кустах. Я прежде всего бросилась к коню и не сразу кликнула стражу. Мерзкая тварь скрылась. Его ищут!

Таис выпрямилась, утерла слезы.

— Не понимаю смысла отравить Боанергоса, а не меня.

— Это труднее. За твою пищу и питье отвечают много людей.

— Но при чем тут бедный мой иноходец?

— Яд действовал не сразу. Тебе дали времени как раз столько, чтобы выехать на прогулку и удалиться от города. Там Боанергос бы пал...

— Ты думаешь, там была засада?

Вместо ответа Эрис взяла Таис за руку и повела к воротам. Кольцо воинов расступилось, головы низко склонились, и Таис увидела два тела неизвестных людей, по одежде — жителей Дельты. Искривленные лица и вздутые рты указывали причину смерти.

— Вот доказательство. Мы обе спешились бы, занялись конем, а у этих длинные ножи. Я с отрядом всадников поскакала в наше излюбленное место, за красным обелиском. Мы окружили их, но гиены успели принять яд. Тот, кто посылал их, знает толк в подобных делах и снабдил всем, чтобы замести следы. Они знали время и место наших прогулок, а мы воображали, что ездим в уединении. — Смех Эрис, короткий и сухой, вовсе не означал веселья.

— Но ты не можешь думать, что...

— Нет, конечно. Доблестный воин, справедливый царь и любитель женщин никогда не будет способен на это! Нет, здесь рука опытного в придворных кознях человека, возможно, женщины...

Таис вздрогнула и сжала кулаки.

— Пойдем к Боанергосу!

Вокруг иноходца стояли воины и конюхи, ожидая распоряжений.

— Наденьте рукавицы, снимите уздечку! — приказала Таис. — Мне бы иметь время подумать, — горько посетовала она Эрис, показывая на сцепившихся пантер, отчеканенных в золоте налобника, — приславший дар проявил неосторожность. Или такие люди считают себя умнее всех других?

— А если это доказательство для того, кому придется напоминать о заслуге? — спросила Эрис.

— Мудрая моя богиня! — воскликнула афинянка, обнимая черную жрицу. — Так это могла быть и не она?

Эрис согласно наклонила голову.

— Не она, но тот, кому выгодно ее царствование? Страшное это слово — выгодно, когда оно звучит в устах человека, имеющего власть над людьми. Сколько подлейших дел совершено из-за выгоды!

Таис приняла решение.

— Заверните сбрую в холст, окуните в горячий воск и зашейте в толстую кожу. Я приложу свою печать. Моего Боанергоса отвезите к красному обелиску. Пусть выдолбят могилу для него на краю плоскогорья над равниной. Позовите камнетесов, работающих над новым пилоном храма Нейт, я поговорю с ними. И скульптора царских мастерских Хаб-Ау!

До вечера Таис совещалась с мастерами, пока не решила поставить на могиле Боанергоса вертикальную плиту со смелым очерком иноходца, бегущего навстречу солнцу. Скульптор настаивал на изображении царицы и ее священных имен. Таис строго запретила ему делать какие-либо надписи, кроме греческой «Боанергос, конь Таис».

Одновременно она попросила Эрис собрать все любимые ее вещи, украшения и одежды. Редкости из Индии и Месопотамии Таис велела сложить в одну кладовую, поручив это верному Ройкосу. Семейство тессалийца состояло уже из семи человек, считая вторую жену — финикиянку. Таис давно заметила у македонцев и эллинов тягу к финикиянкам и раскосым скифам из далеких восточных гор. И те и другие были великолепными женами, преданными, выносливыми и заботливыми хозяйками.

Старший сын Ройкоса, обученный наукам, состоял казначеем в доме Таис. Он получил приказание подсчитать и собрать все наличные деньги, золото и драгоценности, которых набиралось немало.

Покончив с делами, Таис опустилась в кресло слоновой кости в личной комнате, куда доступ был запрещен всем, кроме Эрис и приближенной служанки.

— Что ты задумала, госпожа царица? — необычайно мягко сказала Эрис, гладя и перебирая ее распущенные черные косы.

Таис молчала.

— Разве когда-нибудь царица бросала царство и уезжала из страны, которой правила? — сказала снова Эрис. — Не будет ли это малодушием, не соответствующим высоте положения и судьбы?

— Если царица не правит, то ее положение мнимое, — в тон ей ответила Таис. — Не будет ли разумнее уступить место тому, кто не будет мнимым?

— В Мемфисе?

— В Александрии. Здесь не будет больше цариц, только наместник, который и так уже повелевает всем. Однако эти слова преждевременны. Я хочу поехать к Птолемею и рассудить с ним все обстоятельства.

— Давно ли царь изъявил высочайшую похвалу твоей деятельности здесь? Собранные тобой сведения о Нубии, Пунте и вообще Либии стали основанием для изучения географии всей страны в александрийском Мусее. Он хвалил и лодочников царицы Таис...

Черная жрица напоминала об отрядах молодых людей, призванных Таис нести спасательную службу в густонаселенных местах по берегу Нила. Очень много маленьких детей в Египте тонуло, живя в непосредственной близости огромной реки, или гибло от крокодилов. Легкие быстрые лодки с зеленым флагом на шесте плавали дозором вдоль берегов, всегда готовые прийти на помощь детям и животным. Тех и других очень любила Таис, и они платили ей полным доверием.

Эрис почудился шорох в кустах сада. Загасив светильник, она выглянула вниз. Темная безветренная ночь обступила маленький дворец, выбранный Таис для жилья в середине парковой части Мемфиса. Не колыхалась листва, не лаяли собаки, только летучие мыши носились взад и вперед. Обе подруги слышали их еле различимый писк — мерило возраста у эллинов и египтян. Когда человек переставал слышать летучих мышей, наступал перелом жизни, склонявшейся к старости.

— Я выйду посмотреть на галерею, — шепнула Эрис, — беспокоит меня красавец, который успел удрать.

— Не посмеет после гибели сообщников, — возразила Таис.

— Наверное, так! А все же я взгляну. Не зажигай света! — И Эрис растаяла во тьме.

Верхние комнаты дворца выходили на галерею, сообщавшуюся с открытой верандой с восточной и северной сторон дома. Галерея отделялась от веранды раздвижными стенками из папирусных циновок, а от комнат — голубыми полупрозрачными занавесями, туго натянутыми меж деревянных колонн. В северной галерее горели лампионы, бросавшие в темную комнату, где сидела Таис, подобие лунного света.

Внезапно на занавесях возник четкий силуэт почти голого мужчины, согнутого крадучись, с короткой булавой в руках. Таис бесшумно встала, нашаривая какой-либо пригодный для обороны предмет, и взяла обеими руками ониксовую вазу,

чуть ли не в талант весом. Позади первой тени также беззвучно появилась вторая — Эрис, извлекшая страшный кинжал. Первая тень остановилась, слушая. Таис медленно приближалась, подняв вазу над головой. Замерла и Эрис. Человек с булавой постоял, затем издал тихий, чуть громче летучей мыши, свист. Позади Эрис подкралась третья тень с длинным ножом. Дальнейшее произошло в мгновение ока. Первый человек левой рукой достал из-за набедренной повязки нож и одним взмахом распорол туго натянутую ткань, которая разошлась. Перед ним вплотную оказалась Таис. Третья тень, увидев Таис, издала глухой предостерегающий крик, первый обернулся к ней и получил удар в левое плечо кинжалом, вонзившимся до рукоятки. Таис крикнула: «Берегись!» — черная жрица повернулась, но не успела извлечь оружия. Второй убийца бросился на нее. Афинянка изо всех сил швырнула ониксовую вазу в знакомое лицо фракийца и услышала, как хрупнули кости. Убийца успел метнуть нож одновременно с броском Таис, и Эрис упала на пол у ног своей жертвы, заливаясь кровью.

На крик царицы сбежались стражи и все служащие ее дворца, среди которых, по настоянию Птолемея, был искусный врач.

Зажгли десяток лампионов. Таис запретила переносить Эрис. Ее положили на ложе царицы. Первый убийца был сражен наповал, а второй мычал, хлюпая кровью, силился подняться на четвереньки. Таис вырвала священный кинжал Эрис и занесла его, но, осененная догадкой, остановилась.

— Трясите его! — приказала она воинам. — Может быть, он придет в себя. Облейте водой. Бегите за моим переводчиком, знающим восемь языков!

Негодяй плохо говорил на койне. И афинянка, забыв о нем, упала перед ложем подруги, по другую сторону которого хлопотал врач, останавливая обильно льющуюся кровь. Она взяла похолодевшую руку Эрис, прижимая ее к своей щеке.

Веки черной жрицы дрогнули, раскрылись незрячие синие глаза, в них зажегся огонек сознания, и серые губы тронула улыбка.

— Как... эллинка... — едва слышно шепнула Эрис.

Горестный вопль царицы заставил всех в комнате опуститься на колени:

— Эрис, подруга любимейшая, не уходи! Не оставляй меня одну!

Страшная близость невозвратимой утраты сотрясла все тело Таис, впилась в сердце зазубренным лезвием. Только

сейчас полностью ощутила она, насколько драгоценна эта «мелайна эйми эго, кай кале» — «черная, но насквозь прекрасная», как называли Эрис ее друзья.

Эрис была дороже всего на свете, дороже самой жизни, ибо жизнь без божественно стойкой, спокойной и умной подруги показалась Таис немыслимой.

Все приближенные царицы почитали Эрис, несмотря на ее внешнюю суровость. Она любила хороших людей и хорошие вещи, хоть никогда не старалась приобрести дружбу первых и покупать вторые. Не имела она и ложной гордости, никогда не хотела унизить других или требовать себе особенные знаки почтения и внимания.

Непобедимая простота, полное отсутствие недостойных ощущений вины и зависти давали ей крепость переносить любые трудности. Эрис понимала с первого взгляда прелесть маленьких явлений и вещей, ту, что обычно проходит мимо большинства людей.

Ее удивительная красота перестала служить оружием с тех пор, как она покинула храм Кибелы-Реи, и хотя поэты воспевали, а художники всячески старались заполучить ее моделью, афинянка удивлялась, как немного людей понимало истинное значение и силу прекрасного облика Эрис.

В сравнении с Таис она производила впечатление более взрослой, как будто ей было открыто более глубокое понимание дел и вещей, чем всем другим людям. И в то же время в часы веселья Эрис бесилась, не уступая афинянке, в глубине душе сохранившей прежнюю афинскую девчонку, падкую на безрассудные озорные поступки. Эта дивная, ниспосланная Великой Матерью или Афродитой подруга уходила от нее в подземное царство. Таис казалось, что сердце ее умирает тоже, что вокруг уже собираются тени мертвых: Менедем, Эгесихора, Леонтиск, Александр...

Сдерживая раздирающие всхлипывания, Таис шептала трем всемогущим богиням, моля вернуть ей Эрис. Словно в ответ на ее мольбы еще раз открылись синие глаза, озаряясь теплым светом любви.

— Не печалься, друг мой... я буду... ждать... — напомнила Эрис свое обещание дожидаться на полях асфоделей перед Рекой, чтобы перейти ее вместе с подругой, рука в руке.

И тогда Таис разразилась отчаянными слезами. Ройкос решил послать за главным жрецом Нейт в страхе, что царица умрет тоже.

Старик вошел, едва дыша, не теряя величественной осанки. Он склонился над бесчувственной Эрис, взял ее руку и

долго держал. Потом тронул за плечо царицу. Таис подняла искаженное горем лицо и встретила спокойный, печальный взгляд своего друга.

— Мне думается, она будет жить! — сказал жрец. Таис задохнулась, не в силах вымолвить ни слова. — Я послал за нашими врачами в помощь твоему эллину. Помнится мне, ты как-то упоминала о веществе из гор около Персеполиса. Сохранилось ли оно у тебя?

— Да, да! Сейчас принесу! — Таис, шатаясь, заторопилась к ларцу, где хранились диковинные лекарства Месопотамии, Индии и Бактрианы. Жрец нашел кусок темно-коричневого цвета, напоминавший смолу, и передал двум пожилым египтянам в простых белых одеждах. Скромные, но уверенные, они поговорили о чем-то с врачом дворца, растерли кусок лекарства в молоке и, разжав зубы Эрис, напоили ее. На рану положили пучок голубоватой травы с сильным странным запахом и крепко забинтовали.

— Теперь твое величество пусть выпьет, — сказал жрец, протягивая Таис полчашки напитка, похожего на прозрачную, чуть опалесцирующую воду, — иначе потрясение, подобное сегодняшнему, может дорого обойтись. Рану сердца надо лечить немедленно, ибо далеки и неожиданны последствия.

Таис хотела взять питье, вспомнила о другом и отвела чашку.

— Благодарю! У меня осталось одно дело. Позовите переводчика. Что можешь ты сказать мне? — обратилась она, выйдя на галерею к ожидавшему ее бледному финикиянину.

— Очень мало, царица: сын гиены проронил только несколько слов на фракийском языке. Из них мы поняли, что посланных было четверо, значит, попались все. И он назвал имя. Я записал его во избежание ошибки, могущей стать роковой. Вот, — переводчик подал Таис дощечку.

— Имя мужское, звучит по-ионийски, — сказала, подумав, афинянка.

— Твое величество сказало верно! — склонился переводчик.

— Где убийца?

— Сын шакала стал вопить и завывать, обезумев от боли. Мы прирезали его, прекратив муки, непозволимые живому существу.

— Поступили правильно. Благодарю тебя!

Вернувшись в комнату, Таис послушала слабое, ровное дыхание Эрис и обратилась к старому жрецу:

— А теперь дай мне лекарство, мой друг. Я приду к тебе на днях, если минует опасность для Эрис, и попрошу важного совета.

— Я буду ждать твое величество, — поклонился старик. — И мне очень печально будет расстаться с тобой!

Таис вздрогнула, взяла чашку и выпила залпом. У постели Эрис остались один из египетских и эллинский врачи, Ройкос и его первая жена. Уверенная в том, что с Эрис не будут спускать глаз, Таис улеглась рядом на принесенное ложе. Перед глазами поплыли мерцающие пятна — питье египтян действовало быстро.

Так же удивительно быстро стала поправляться Эрис, на третий день уже приподнимаясь на ложе. Слабо улыбаясь, она заявила, что никогда еще не была так близко к порогу Аида и не думала, что смерть от потери крови может быть столь приятной.

— Просто теряешь силы и себя, растворяясь в небытии. Если бы не ты, мне не хотелось бы возвращаться, — вздохнула Эрис.

— Неужели тебе так плохо со мной? — нежно упрекнула ее афинянка.

— Не думай так. Просто чем старше становишься, тем больше печали приходит от понимания жизни в неотвратимом ее течении. И уж если случилось сделать легкий шаг к Великой Матери, то жаль возвращаться. Не будь тебя, я не стала бы!

Таис нежно целовала подругу, и слезы снова закапали на ее лицо. Эрис ласково смахнула их и отослала Таис, сказав, что хочет спать.

На следующий день Таис собралась идти в храм Нейт, уступила беспокойству черной жрицы и поехала по всем правилам: в колеснице, под опахалами, в сопровождении тридцати всадников. Шесть гигантов-нубийцев провожали ее по лестнице, держа руки на мечах и булавах, выкатывая настороженные глаза. Таис улыбалась про себя. После искоренения четверых подосланных близкой опасности не существовало, хотя она сама поставила сильную стражу вокруг комнаты, где лежала Эрис. Внутри афинянки все пело от радости. Эрис осталась живой, неискалеченной и быстро выздоравливала. В этом настроении главный жрец Нейт ей показался очень худым, постаревшим и печальным.

— Что с тобой, мой друг? — спросила Таис. — Может быть, тебе самому нужна помощь врачей? Или мое коричневое лекарство?

— Лекарство береги. В нем великая целительная сила соков самой Геи, источаемых ее каменной грудью. Я печален потому, что ты решила покинуть нас.

— И ты не осудишь меня за это решение? Я приняла его окончательно после ранения Эрис. Мы связаны жизнью и смертью. Я не могу рисковать подругой, всегда готовой подставить свое тело вместо моего под удар убийцы. Я потеряла здесь, в Мемфисе, двух любимых и умерла бы, утратив третью.

Старый жрец поведал афинянке древнее пророчество о последней мемфисской царице, удивительно совпавшее с ее собственным ощущением. И добавил про народную молву о царице Таис, явившейся из чужой страны, сделавшейся египтянкой и сумевшей проникнуться духом Черной Земли настолько, что саисские жрецы, ведущие счет истинных царей Египта, решили включить ее в списки, дав египетское имя.

— Какое?

— Это тайна! Спроси у них! Поплывешь в Александрию — и заезжай в Саис.

— Я не заслужила этого! — грустно возразила Таис. — Неужели не видели египтяне, что я лишь играла роль, заданную мне свыше?

— Если актриса, исполнившая роль, пробудила в людях память об их прошлом, благородные чувства настоящего и мысли о будущем, разве не является она вестницей богов и рукою судьбы?

— Тогда она обязана продолжать, хотя бы ценою жизни!

— Нет. Все предназначенное исчерпывается, роль кончается, когда силы темных западных пустынь угрожают самому театру. Действо оборвется трагически, вызвав страх и погасив только что рожденные стремления.

Царица Мемфиса вдруг опустилась к ногам старого египтянина.

— Благодарю тебя, друг! Позволь назвать тебя отцом, ибо кто, как не отец, духовный учитель малосведущих людей. Мне посчастливилось — здесь, в Мемфисе, в твоем храме, я училась у мудреца с Делоса, потом у Лисиппа, и, наконец, в здешнем своем одиночестве вновь в этом храме я обрела тебя. Позволь принести большую жертву Нейт. Я принесу еще жертву Артемис в сто быков, за спасение моей подруги.

— Только на низшем уровне веры люди нуждаются в кровавых жертвах, умилостивляя богов и судьбу потому, что ставят своих богов на один уровень с собою или даже хищными зверями. Это наследие темных времен диких охотников. Не

делай этого, лучше отдай деньги на какое-нибудь полезное дело. Я приму бескровную жертву, чтобы продолжать учить здесь истинным путям молодых искателей правды.

— А Нейт?

— Разве несколько наставленных в истинном знании людей не милее богине, чем бессмысленные животные, ревущие под ножом, истекая кровью?

— Тогда зачем совершаются эти обряды и жертвы?

Старик слабо усмехнулся, посмотрел вокруг и, убедившись в отсутствии посторонних, сказал:

— Глупые и самонадеянные философы иных вер не раз задавали нам убийственные, как им казалось, вопросы. Если ваш бог всемогущ, то почему он допускает, что люди глупы? Если он всеведущ, то зачем ему храмы, жрецы и обряды... и многое в том же роде.

— И ответ на это? — взволнованно спросила Таис.

— Бог, занятый всеми людскими делами и похожий на человека, — лишь воображение людей, не слишком глубоких в фантазии. Он нужен на их уровне веры, как нужно место для сосредоточения и мольбы, как посредники-жрецы. Миллионы людей еще требуют религии, иначе они лишатся вообще всякой веры и, следовательно, нравственных устоев, без которых нельзя существовать государствам и городам. Вот почему, пока люди еще очень невежественны, мы охраняем древние верования, хотя сами избавились от предрассудков и суеверий. Еще мало кто, даже из числа мудрых правителей, знает, что нравственность народа, его воспитание в достоинстве и уважении к предкам, труду и красоте важнее всего для судьбы людей и государства. Важнее боевых машин, слонов, носящих броню воинов, пятирядновесельных кораблей... все это рушится, когда падает нравственность и воспитание народа. Маленькие и большие люди пускаются в пьянство и дикие развлечения. В вине тонет вера, честь и достоинство, пропадает любовь к отечеству и традициям своих предков. Так погибло немало царств Месопотамии, Персия, назревает гибель Египта, Эллады, Карфагена и нового, грозного своими легионами Рима. Главное, на чем стоит человек, — это не оружие, не война, а нравственность, законы поведения среди других людей и всего народа.

— Ты сказал, отец, и Эллады?

— Да, царица. Я знаю, ты эллинка, но разве не замечала ты, что чем ниже падает нравственность и достоинство в народе, тем сильнее старается он доказывать свое превосходство перед другими, унижая их? Даже такие великие ученые, как

Аристотель, преуспели в этом низком деле — так высоко проник яд...

— Александр всегда противостоял Аристотелю, — возразила Таис.

— И слава ему в этом! Не спеши огорчаться, уже теперь дикому разъединению народов приходят на смену идеи равенства и объединения.

— Я знаю про стоиков, отец.

— Есть и более древние учителя. Ты вспомнишь о них, когда будешь размышлять на досуге.

— А наши прекрасные боги... — начала было афинянка.

Жрец предостерегающе поднял руку.

— Я не касаюсь твоих олимпийцев, прежде чуждых нам, хотя в последнее время верования Эллады и Египта начали сливаться в общих божествах. Не трогай их и ты. Понимание требует многих лет раздумий и ломки прежних чувств, а поспешность приведет лишь к одному — утрате веры в жизнь, человека и будущее. Будь осторожна!

Таис поцеловала руку старого жреца и вернулась к ожидавшей ее колеснице.

Сборы в путь прошли незамеченными. Все же распространились слухи об отъезде царицы в Александрию, к царю и мужу. Вместе с Таис покидало Мемфис хорошо устроенное здесь семейство Ройкоса. Покидало без сожаления, ибо глава семьи и старшая жена не могли расстаться с хозяйкой, а финикиянка рвалась к морю. Ехала и няня Ираны — молодая полуэллинка-полуливийка, достаточно образованная. Она не была рабыней, но привязалась к девочке и заглядывалась на старшего сына Ройкоса. Накануне отъезда Таис повезла еще слабую Эрис кататься среди цветущих лотосов. Лодка бесшумно скользила по широкой протоке-озеру, с шуршанием вторгаясь в заросли голубых цветов и крупных толстых листьев. Когда-то давно здесь так же цвели лотосы и они плыли на лодке вдвоем с Менедемом. Разве ее царская привилегия — роскошный раззолоченный челн, полосатый навес от солнца, вышколенные нубийские рабы-гребцы — лучше, приятнее? Никогда! Юные люди, стремясь к высокому положению, не знают о цене, которую заплатят. Не подозревают, что молодость кончается и придет время, когда они готовы будут отдать все приобретенное, чтобы вернуть счастливые часы их внешне простой, а душевно глубокой жизни, с захватывающими переживаниями юности! Может статься, власть и богатство ослепит их и забудется все прошлое? Кажется, так и есть у многих людей, ну и пусть они будут счастливы! А ей нет сей-

час большей радости, чем смотреть на оживленное красотой цветов исхудалое лицо Эрис, слушать вскрикивания и всплески рук восхищенной Ираны... Прощание с Египтом останется в памяти прекрасным.

Вопреки секрету отъезда и раннему часу, громадная толпа мемфисцев явилась проводить Таис. Искренне огорченные, люди призывали ее возвращаться скорее. В воду и на корабль летели сотни венков из священного лотоса, цветы которого разрешалось рвать лишь для таких исключительных случаев. Тихо отчалило судно, плеснули весла, отошли за корму дома, храмы, потом и пирамиды. Больше Таис никогда не увидит странного древнего города, взявшего у нее столько чувств и лет жизни. Не побывает в убежище философов — храме Нейт. Снова «тон эона» — навсегда!

Глава семнадцатая
АФРОДИТА АМВОЛОГЕРА

Александрия поразила Таис невероятной скоростью постройки. За те несколько лет, которые она безвыездно прожила в Мемфисе, город стал больше древней столицы Египта, обзавелся прекрасной набережной, по вечерам заполненной шумной, веселой толпой. Множество судов покачивалось в гавани, а поодаль поднимался над морем фундамент исполинского маяка, заложенного на Форосе. Город не был египетским. Таис нашла в нем много сходства с Афинами, возможно намеренного, а не случайного. Даже стена, подобная Керамику, отделяла амафонтскую часть города от домишек Ракотиса. Здесь тоже писали приглашения известным гетерам, как в Афинах, Коринфе и Клазоменах. Мусей и Библиотеку Птолемей строил прежде всех других, и они возвышались над крышами, привлекая взор белизной камня и простотой архитектуры. Пальмы, кедры, кипарисы и платаны поднялись в садах и вокруг домов, розовые кусты заполнили откосы возвышенной части города. Всего прекраснее для Таис было сияющее синевой море. В просторе его шумящих волн развеивалась усталость однообразия последних лет и тревога, порожденная неопределенностью будущей жизни. Теперь она никогда не расстанется с морем! Сдерживая желание тут же броситься в зеленую у берега воду, она пошла прочь от моря, к холму с усыпальницей Александра. Таис сняла все знаки царского достоинства, и все же прохожие оглядывались на невысокую женщину с необыкновенно чистым и гладким лицом, пра-

вильность черт которого удивляла даже здесь, в стране, где свойственные древним народам Востока и Эллады чеканные красивые лица не были редкими. Что-то в походке, медноцветном загаре, глубине огромных глаз, фигуре, очерчивающейся сквозь хитон тончайшего египетского льна, заставляло провожать ее глазами: мужчинам с внезапной тоской, женщинам — с ощущением превосходящей силы. Позади прихрамывал Ройкос, плечом к плечу со старшим сыном, вооруженные и бдительные, поклявшиеся Эрис не зевать по сторонам.

Как и несколько лет назад, афинянка подошла к искусственному холму из морской гальки, скрепленному известью и обложенному плитами серого сиенского гранита. Портик из массивных глыб вмещал стражу из декеархов с сотником-лохагосом во главе. Бронзовые двери выдержали бы удар самой сильной осадной машины. В прошлое посещение Птолемей показывал Таис хитрое устройство. Стоило только выбить крепления, и огромная масса гальки обрушилась бы сверху, скрыв могилу. Залить ее известью на яичном белке и прикрыть заранее заготовленными плитами можно за одну ночь. Таис показала лохагосу перстень с царской печатью, и он низко поклонился ей. Десять воинов приоткрыли бронзовую дверь, зажгли светильники. В центре склепа стоял золотой, украшенный барельефами, саркофаг, хорошо знакомый афинянке. Сердце ее, как и прежде, стеснилось тоской. Она взяла кувшин с черным вином и флакон с драгоценным маслом, принесенные Ройкосом, совершила возлияние тени великого полководца и застыла в странном, похожем на сон, оцепенении. Ей слышался шелест крыльев быстро летящих птиц, плеск волн, глухой гром, будто отдаленный топот тысячи коней. В этих призрачных звуках Таис показалось, что властный, слышный лишь сердцу голос Александра сказал единственное слово — «возвращайся»!

Возвращайся — куда? На родные берега Эллады, в Мемфис, или сюда, в Александрию? Золото саркофага отзывалось холодом на прикосновение. Сосредоточиться на прошлом не удавалось. Она бросила взгляд на фигуры золотых барельефов, вышла и спустилась с холма, более не обернувшись. Чувство освобождения, впервые испытанное в храме Эриду, закрепилось окончательно. Она исполнила последнее, что мучило ее сознанием незавершенности.

Таис вернулась в белый дом под кедрами, отведенный ей по приказу Птолемея после того, как она отказалась жить во дворце. В полном царском облачении афинянка поехала в ко-

леснице с Эрис к величественному дому Птолемея. Таис прежде всего потребовала свидания наедине. Царь, готовивший праздничную встречу и пир, подчинился с неохотой. Однако когда нубийский невольник внес и распечатал кожаный сверток с золотой уздечкой, Птолемей забыл о недовольстве.

— Вот подарок, привезенный мне от твоего имени молодым фракийским рабом, — сказала Таис.

— Не посылал, хоть и люблю такие вещи редкого мастерства.

— И эти две дерущиеся пантеры на налобнике ничего тебе не говорят?

Птолемей, чувствуя серьезность Таис, все же хотел отшутиться.

— Наверное, одним из твоих бесчисленных обожателей?

— Возможно. Из таких, которым нужна я мертвая.

Птолемей вскочил в гневе и удивлении.

— Вели отнести это ученым врачам Мусея, чтобы они определили яд, от которого пал Боанергос и моя жизнь стала на край пропасти Тартара. Я давно бы была уже там, если бы не она, — указала афинянка на Эрис.

— От моего имени? — закричал Птолемей, топнув ногой. Его могучий голос разнесся по дворцу. Забегали, бряцая оружием, воины.

— Не гневайся понапрасну. Ни я, ни Эрис ни на мгновение не подумали о тебе, а поняли клеветническую ложь. Это человек из твоего окружения, не сомневайся.

— Не может быть!

— Подумай сам, посмотри на изображение пантер, мудрый мой Птолемей. И еще — ты назначил наследником сына Береники, а не своего старшего сына Птолемея — «Молнию». И не моего Леонтиска. За это благодарю тебя, мальчик не умрет от рук убийцы. Но мать «Молнии» сошла в Аид, а я еще жива и царствую...

— Береника?! — голос Птолемея оборвался, как у получившего смертельную рану.

— Нет! — возвращая ему жизнь, прозвучало уверенное слово. — Вот! — Таис подала табличку с именем. Птолемеи пожал плечами.

— Спроси Беренику. Я думаю, имя ей должно быть известно, хоть она и не причастна к мерзкому делу.

Птолемей выбежал. Вернулся он через несколько минут, таща за собой растрепанную Беренику, очевидно, одевавшуюся для пира. Ее тонкое, смертельно бледное лицо исказилось страхом, а черные глаза перебегали с Таис на мужа.

— Знаешь его? — Птолемей выхватил у Таис роковую дощечку. Береника, прочитав, упала к его ногам.

— Мой двоюродный брат с материнской стороны. Но я клянусь Стиксом и мраком Аменти...

— Не клянись, царица (Береника замерла от четко сказанного Таис титула), мы знаем невиновность твою.

Афинянка подняла Беренику, и та, хотя была выше ростом, показалась маленькой перед мемфисской царицей.

— Я прикажу тотчас схватить негодяя! — вскричал Птолемей, ударив в металлический диск.

— Напрасно. Он, конечно, скрылся, едва лишь получил весть о провале покушения. Но ты его запомни, царь! — почти с угрозой сказала Таис, отошла от Береники и повелительным жестом отослала прибежавших на зов слуг. — Я отменяю празднество! Сегодня я буду говорить с моим мужем наедине!

Птолемей не решился прекословить.

Они пробыли в уединении до рассвета, уложив Эрис в одной из комнат. Никто не узнал, о чем разговаривали царь и царица. На рассвете Таис положила перед Птолемеем священный уреос, сняла многоцветные царские бусы и египетскую одежду, надела любимую желтую эксомиду и ожерелье из когтей черного грифа.

С огромной террасы дворца открывались виды на беспредельное море, расцвеченное розовым взглядом Эос.

Птолемей сам принес пурпурного вина критских виноградников и налил две тонкие чаши, выточенные из горного хрусталя еще при первых фараонах Египта.

— Гелиайне, царь! Пусть хранят тебя все боги Эллады, Египта и Азии в славных делах твоих — строителя и собирателя! — Таис подняла чашу, плеснула в направлении моря и выпила.

— Говоря так, ты отрываешь частицу моего сердца, — сказал Птолемей, — я мучительно расстаюсь с тобой.

Лукаво усмехнувшись, афинянка постучала по флакону для вина из рога индийского единорогого зверя баснословной ценности.

— Ты пьешь из него только, опасаясь отравления?

Птолемей слегка покраснел и ничего не ответил.

— Ты пришел в возраст. Пора выбрать только одну царицу. И ты ее выбрал! О чем горевать?

— Незабвенно великое прошлое, когда я сопутствовал Александру и ты была с нами в Месопотамии.

— Незабвенно, но жить им нельзя. Когда будет готов корабль?

— Я дам приказ немедленно круглому судну, с крепкой охраной. Через два-три дня ты сможешь отплыть, только скажи, куда направить кормчего.

— На Кипр, к Патосу.

— Я думал, ты вернешься в Афины?

— Побежденные покойным Антипатром, с Мунихией, запертой македонцами, со свежей могилой отравившегося Демосфена? Нет, пока вы вместе с Кассандром, Селевком и Лисимахом не кончите войны против Антигона. Ты, разумеется, знаешь, что военачальник Кассандра в Аргосе сжег живьем пятьсот человек, а в ответ стратег Антигона полностью разорил и опустошил священный Коринф?

— Что же, это война!

— Война дикарей. Одичали и воины и их начальники, если могут позволить себе на земле Эллады такое, чего не смогли и чужеземцы. Если война проходит на столь низком уровне, то я не жду хорошего для Эллады!

Птолемей смотрел на Таис, внимательно ее слушая.

— Ты говоришь то же, что новые философы, недавно появившиеся в Мусее. Они называют себя стоиками.

— Знаю о них. Они пытаются найти новую нравственность, исходящую из равенства людей. Счастья им!

— Счастья не будет! На западе крепнет Римское государство, готовое весь мир низвести до рабского состояния. Почему-то особенно ненавидят они евреев. Римляне подражают эллинам в искусствах, но в своем существе они злобные, надеются лишь на военную силу и очень жестоки к детям, женщинам и животным. Вместо театров у них громадные цирки, где убивают животных и друг друга на потеху ревущей толпе.

— Они мастера приносить кровавые жертвы? — спросила Таис.

— Да. Откуда ты знаешь?

— Я знаю пророчество. Страны, где люди приносят кровавые жертвы, уподобляя своих богов хищным зверям — Эллада, Рим, Карфаген — ждет скорая гибель, разрушение всего созданного и полное исчезновение этих народов.

— Надо рассказать об этом моим философам. Хочешь, поговори с ними в Мусее?

— Нет. У меня мало времени. Я хочу свидеться с Леонтиском.

— Он в плавании у берегов Ливии, но еще вчера, угадав твое желание, я послал быстроходный корабль.

— Преимущество быть царским сыном. Благодарю тебя еще раз за то, что ты решил сделать из него простого моряка, а

не наследника, наместника или другого владыку. Он похож на меня и не подходит для этой роли.

— Ты передала ему критскую кровь безраздельной любви к морю. А что ты хочешь для Иренион?

— Пусть воспитывается у Пентанассы, моей подруги из древнего рода, чьи имена высечены кипрскими письменами на памятниках острова. Я хочу сделать из нее хорошую жену. У нее есть твой здравый смысл, осторожность в делах и, кажется мне, дальновидность. Раздел империи Александра и выбор Египта до сих пор служат мне образцом твоей государственной мудрости!

— Я выбрал Египет еще по одному соображению. Здесь я царь среди чужих мне народов и создаю новое государство по своему усмотрению, выбирая наиболее подходящих для власти людей. Во время бедствий всегда будут мне защитой те, чье благоденствие связано с моим царствованием. Не повторятся кромешная зависть, клевета, драки и соперничество сильных, но невежественных людей из древних родов, которые не позволили Элладе расцвести, как она могла бы, имея такой великий народ. Ее лучшие люди всегда подвергались клевете и позору. Благодарность знати выражалась в казни, изгнании, предательстве и тюрьме. Вспомни Перикла, Фидия, Сократа, Платона, Фемистокла, Демосфена, нет им числа!.. Еще чашу, теперь мою прощальную.

В свою очередь поднял хрустальную чашу царь Египта Птолемей Сотер и внезапно остановился.

— Мне не в чем упрекнуть тебя за все эти годы, кроме одного. Хочешь знать?

Таис заинтересованно кивнула.

— Как ты позволила продать серебряную Анадиомену, сделанную с тебя? Разве не знала ты, как я люблю тебя и красоту женщины и все, что с тобой связано?

— Я ничего не позволяла. Так распорядилась судьба. Лисипп предназначил статую Александру, но сначала царю не было времени, а вскоре он ушел. Тогда было не до скульптур тебе. Но я рада, что Анадиомена ушла в Индию. Там совсем особенное отношение к женской красоте, а при теперешнем состоянии Эллады я не уверена в целости статуи из серебра, даже если бы ее поставили в храм.

— Что ж, ты права, и я отбрасываю прочь свой упрек. Кстати, Селевк, когда спасался у меня, говорил о планах похода на Индию. Я посоветовал ему отказаться и уступить свою часть Индии Чандрагупте. И он сказал, что уступит — если тот даст пятьсот слонов!

— Он милый, этот гигант и собиратель гигантов!

— Не столь уж милый, на мужской взгляд. Слоны — могучая боевая сила, подвижная, лучше фаланги и тяжелой конницы. Селевк не зря собирает слонов для своей армии. Мы с ним друзья, но будет ли дружен и в дальнейшем его наследник со мной и моими наследниками?

Чтобы противостоять его слонам, мне придется заводить своих. Индия мне недоступна, поэтому я буду добывать слонов из Либии. И тут поистине неоценимы собранные тобою сведения о путях на юг, особенно плаваниях в Пунт. Я уже приказал снарядить корабли по Эритрейскому морю к мысу Благоуханий и дальше, откуда египтяне привозили всяких зверей. Слоны в Либии другие, чем в Индии, они с большими ушами, громадными бивнями и покатыми спинами, более дикие и труднее приручаются. Однако для сраженья они даже лучше индийских, по более злобному нраву и отваге. Разве не забавны изломы судьбы? Ты помогла Селевку добыть слонов своей статуей, а мне — того больше, узнав места, где их добывают. Еще раз благодарю тебя.

— Наступил день! — напомнила Таис увлекшемуся царю. — Береника истерзалась, и мне тоже пора.

Птолемей с Таис совершили возлияние богам, обнялись и поцеловались как брат с сестрой. Афинянка разбудила Эрис, заспавшуюся под плеск фонтана. Они пошли пешком к своему дому, вызывая тот же восторг прохожих, как и много лет назад. Никто не смог бы дать сорокалетней Таис и тридцатипятилетней черной жрице больше пятидесяти на двоих.

— Если б ты знала, как легко в эксомиде! — воскликнула Таис. — И не нужно следить за своими жестами, словами, выражением лица, чтобы не смутить подданных. Теперь у меня нет подданных и ничего я никому не обязана! Я могу петь, хоть и не пела так давно, что, может, потеряла голос.

— Одна подданная у тебя есть всегда. — Эрис поклонилась на льстивый азиатский манер. Афинянка остановилась, рассматривая подругу. Эрис недоуменно подняла брови.

— Ты напомнила мне об одном важном деле. Я чуть не забыла о нем!

— Каком?

— Увидишь! Знаю, дразнить тебя недомолвками бесполезно. Я просто еще не додумала.

Усталая после ночного бдения, Таис с наслаждением предалась неге купанья и крепкого ионийского массажа. Она проспала весь день до темноты и половину ночи просидела на

террасе, обдумывая встречу с сыном. Леонтиску теперь около пятнадцати лет, близок возраст эфеба. Таис решила совместить свидание с сыном и встречу с морем. Они поедут на Фарос, туда, где Неарх показывал ей критские развалины среди кустов и песка. Там она ныряла под плеск волн и крики чаек на безлюдном берегу... И она возьмет с собой Эрис. Еще неясно отношение подруги к морю. Было бы горько, если бы она приняла его иначе, чем сама Таис. Мало ли людей, которых море настораживает, укачивает, просто пугает...

Афинянка могла бы не беспокоиться. День этот стал для нее подлинным празднеством. Лебедино-белая лодка разрезала синие волны, мягко и ласково качавшие суденышко. Леонтиск был строен как мать, с такими же серыми глазами и медным загаром, как у Таис, уже с пушком над верхней губой. Сын не сводил с нее восторженных глаз на всем пути до северного берега Фароса. Часть побережья уже обстроили тщательно притесанными камнями, уложенными на гигантских глыбах прежней критской гавани. Оставив лодку у западного причала, Таис с Леонтиском и Эрис пошли к удаленному краю набережной. Глубокая вода темнела под крутой стенкой. Невольно повторяя Александра, она вылила в море смесь вина и душистого масла и велела Леонтиску далеко зашвырнуть золотой лекитион.

— Теперь предадимся Тетис! — весело крикнула она. Леонтиск не смущался наготой, как и его мать, вследствие присущего древнему населению Внутреннего моря совершенства тела. Мальчик разделся и нырнул. Размеренно катящиеся валы вблизи острова дробились на мелкие, быстро-плещущие волны, сверкавшие аметистовыми зеркалами в высоком солнце.

— Мама, иди! — позвал Леонтиск, сильными рывками отплывая дальше, где волны шли медленнее и грознее, вспучиваясь тяжелыми громадами. Стая дельфинов показала угластые плавники и черные спины, приближаясь к купальщикам. Затаив дыхание, Таис скользнула в плотную, упругую воду, обдавшую ее запахом простора и силы. Наконец-то! На несколько мгновений она даже забыла об Эрис. Наклонив голову, та пристально вглядывалась в глубину.

— Эрис, милая, плыви сюда! — крикнула Таис и даже испугалась молниеносной быстроте, с какой кинулась в море черная жрица. Афинянка знала, что Эрис плавает как бы с неохотой, без подстегивающей радости, обуревавшей в воде Таис. А здесь Эрис с ее боевым воплем: «Эриале! Эриале и Эрис!» — плыла, догоняя Леонтиска, нисколько не страшась

глухого угрожающего шума, с каким вздымались и опускались валы в открытом море.

— Святая Мать Богов! Как легко плывется в этой плотной воде! Здесь нет сырости и темноты болота, как в реке или озере. Море держит тебя, лаская, — радостно сообщала Эрис подруге. И Таис ликовала.

Ветер налетел с востока, погасил сверкание зеркал на склонах валов, придавил заостренные верхушки. И Таис показалось, будто невидимые нереиды окружили их, награждая шлепками шею и плечи, задорно плеская в лицо, оглаживая тело под водой ласковыми руками. Она сказала об этом Леонтиску, и вновь ее удивил взгляд мальчика, пристально следивший за нею.

Эрис скоро утомилась, еще не восстановив полностью свои силы. Таис и Леонтиск долго ныряли, уходя в глубину, плавали и кувыркались, подражая дельфинам, носившимися бок о бок с ними, косясь маленькими дружелюбными глазками и выставляя улыбчивые бело-черные пасти.

Усталые, они наконец вылезли на гладь гранитных плит. Эрис окатила подругу пресной водой, смыла соль и помогла расчесать черные косы. Леонтиск, обсыхавший поодаль, застенчиво приблизился к матери и склонился к ее ногам, обняв сильные колени.

— Скажи правду, мама, ты богиня?

Встретив молящий взгляд ясных серых глаз, Таис отрицательно покачала головой.

— Но ты не простая смертная? Ты нереида или нимфа, снизошедшая моему отцу. Я слышал, об этом шептались слуги во дворце. Не отвергай моей просьбы, мама, скажи. Я только хочу знать. — Мальчишеские руки, окрепшие в работе с веслом и парусом, туже сдавили колени матери. Горячая вера мальчика заставила сердце Таис дрогнуть. Она вспомнила об Александре. Один намек его матери дал необходимую веру в себя. И одновременно всегдашняя правдивость восставала против обмана.

— Ты прав, мальчик! — вдруг сказала стоявшая рядом Эрис. — Твоя мать — не простая смертная, но она и не богиня.

— Я так и знал. Ты одна из дочерей Тетис от смертного мужа. И этот поясок со звездой на тебе — заклятье смертной жизни? Как пояс Ипполиты? Да?!

Таис только смогла прошептать:

— Да! Я не бессмертна, не обладаю властью богини и не могу дать тебе чудесной силы или неуязвимости в бою, — поспешно добавила афинянка, — но я дала тебе любовь к морю. Тетис всегда будет милостива к тебе.

— Милая, милая мама! Вот почему ты так нечеловечески прекрасна. Это счастье — быть твоим сыном! Благодарю тебя. — Леонтиск осыпал поцелуями колени и пальцы Таис.

Она подняла сына, пригладила завитки его черных волос и сказала:

— Иди, одевайся. Пора ехать!

Лицо мальчика преисполнилось печали.

— Ты не можешь взять меня с собой? Нам было бы хорошо вместе!

— Не могу, Леонтиск, — ответила Таис, чувствуя ком, сдавливающий горло. — Тебе следует быть с отцом, а не с матерью. Ты — мужчина, моряк. Побеждай море для радости людей, а не для избиения их. И мы вместе с Тетис всегда будем с тобою!

Леонтиск повернулся и пошел к своей одежде как раз вовремя, чтобы не увидеть слез матери.

После морского купании Леонтиск словно вырос. На обратном пути он еще выше держал гордую голову с тонкими критскими чертами лица. Лодка приближалась к гавани, когда мальчик притронулся к матери и шепотом спросил, указывая на Эрис:

— Она тоже?

— Еще больше меня! — также шепотом ответила Таис.

Леонтиск вдруг взял руку черной жрицы, приложил ко лбу и щеке и поцеловал в ладонь. Несказанно изумленная Эрис поцеловала Леонтиска в обе щеки — милость, никому до сей поры не оказанная. Таис подумала, как хорошо бы мальчику иметь такого друга рядом. Не будучи богиней, она не могла знать, что через пять лет, в великом морском сражении у Саламина, в глубокой бухте Фамагусты, на восточном конце Кипра, Птолемей потерпит полное поражение, а Леонтиск будет взят в плен. Впрочем, благородный победитель, любимец афинян, Деметрий Полиоркет вскоре вернет сына Птолемею и сам будет разбит им. Памятник победы Деметрия — статуя крылатой Ники — на острове Самотракии будет тысячелетия восхищать людей всех народов и языков!

Море, как бы приветствуя возвращение своей дочери, удивительно спокойно несло «Кирку» — корабль Таис — на северо-восток от Александрии к острову Кипру. Афинянка вспоминала о прежних плаваниях. Каждое отличалось очень хорошей погодой. Как тут не поверить в особую милость Тетис?

— Считают, до Патоса на Кипре пятьсот египетских схенов, — говорил Таис начальник корабля, сам опытный корм-

чий с Астипалайи, — а я намерил больше — две тысячи восемьсот стадий.

— Как можно мерить море? — спросила удивленная Эрис.

— Есть несколько способов, но я пользуюсь самым простым, — начальник корабля прищурился, глядя вдаль, — при такой хорошей погоде и малом волнении. Смотри сама!

По приказу начальника на палубу вышли два пожилых моряка, один с огромным луком и связкой тончайшей бечевки, другой — с устойчивой на качке морской клепсидрой. Подхваченный широким поясом, моряк с луком повис над водой, упираясь босыми ногами в борт корабля, и выпустил стрелу, потащившую бечевку с навязанными на нее раскрашенными рыбьими пузырями. Дважды бечевка ложилась неудачно, на третий пролетела прямой дорожкой. Едва нос корабля оказался у начала бечевы, кормчий ударил в медный диск и второй моряк пустил клепсидру. Другой удар раздался, когда нос корабля прошел конец бечевы.

— Счет капель? — крикнул кормчий.

— Тридцать одна, — последовал ответ.

— Видишь, — пояснил Эрис начальник, — бечевка длиной в полстадии легла прямо, не искривилась волнами, благодаря опытности моих моряков. Корабль прошел ее за 31 удар сердца или капель клепсидры. Надо поправить исчисление на волну и изгибы бечевы. Примерно скажу: наша «Кирка» делает около шестидесяти стадий в час — очень хороший ход под средним парусом, без весел. Считай, сколько понадобится времени дойти до Патоса, только про себя — не гневи Морского Старца! Чтобы измерить расстояние правильно, надо сделать на пути много промеров. Меняется сила ветра, течение — путь далек...

Кормчий выбрал время, когда этесии — летние ветры, дующие к Египту, — на короткое время сменяют свое направление и несут волны с северо-запада. Море потемнело, приняв цвет хиосского вина, и по его сумрачному простору неслись рядами белогривые кони Посейдона. Сильный ветер срывал пену с их гребней, сверкавшую на солнце под безоблачным небом. Такой вид моря привычен каждому эллину, а сила ветров не смущала мореходов — они знали, что к вечеру она ослабеет и самого страшного — ночной бури — не будет.

Таис и Эрис распевали на носу корабля, аккомпанируя себе на систре и китаре, самые разные песни: эллинские, печальные и мелодичные; тягучие и заунывные персидские; отрывистые резкие финикийские и египетские; песни ливийских пиратов с дикими выкриками и присвистом, вызывая

великий восторг моряков и беся кормчего, потому что мореходы становились невнимательными.

Таис уединялась для игр и разговоров с дочерью в укромном месте между задней надстройкой и краем палубы, огороженным тростниковыми плетенками от ветра и брызг. В одну из таких бесед по душам Ирана ошеломила Таис мечтой сделаться гетерой. С наивностью детства Ирана рассказывала о богатых подарках, пирах с музыкой и танцами, поклонении мужчин, поверженных к ногам одним взглядом гетеры.

Чем больше хмурилась мать и шире улыбалась Эрис, тем убедительнее девочка старалась доказать свою правоту. Дошло до дифирамбов поцелуям и нежным объятиям мужчин.

Разгневанная Таис поняла, в чем дело. Она успокоилась и стала терпеливо объяснять дочери, что ей наговорили сказок, а в жизни, чем бы ни занимался человек, а особенно женщина, все происходит не так легко и безоблачно.

— Нам, женам, не так много дорог в жизни, сколько дано богами мужам, — тихо говорила она дочери, гладя ее прямые каштановые волосы и заглядывая в серьезные карие глаза. — Каждая дорога должна поэтому избираться тщательно. Необходимо знать и взвесить все способности, данные нам богами, и возможности их улучшения. Путь гетеры — один из самых трудных. Он подобен жизни художника, музыканта, архитектора. Кто из мужей будет настолько глуп, чтобы сделаться музыкантом, не имея слуха? А девушки часто думают, будто очарование юности, мелодичный смех и легкость походки — средства — уже достаточные для достижения успеха. Неверный путь год, другой, и дальше — свинская жизнь в попойках с грубыми скотоподобными чужаками в портовых трущобах. Если ты обладаешь совершенным телом, красивым лицом, великолепными волосами, способностями певицы и танцовщицы, то этого достаточно для подневольной актрисы, нередко награждаемой ударами руководителя труппы. Но чтобы стать хорошей гетерой, кроме внешности и грации ты должна иметь выдающуюся память, читать на трех наречиях, любить и помнить историю, знать основы философских учений. Тогда ты будешь говорить с поэтами и философами как равная и возвысишься над мужами менее одаренными. И этого мало! Ты должна обладать непогрешимым вкусом в одеяниях, понимать искусство скульптуры, живописи, может быть, рисовать сама. Ты должна распознавать людей с первого взгляда, подчинять мужей, не насилуя их воли, быть хозяйкой на симпозионах. Еще увлекаться атлетикой, такой, в которой сможешь соперничать с мужами. Я, например, считаюсь хорошей

наездницей и еще лучшей пловчихой... Я пока не говорю тебе другое, хотя бы что надо обладать выносливостью спартанца, крепостью к вину варвара, здоровьем критского быка. Если ты, обладая зачатками всего перечисленного, от шести до тринадцати лет пройдешь в Коринфе школу и эти семь лет будут смочены твоими детскими слезами обид, испытаний, трудов и наказаний, — тогда ты станешь действительно знаменитой гетерой! Если тебе повезет, ты не заболеешь и твоя красота не увянет преждевременно...

Таис откинулась спиной на плетенку и закрыла глаза, будто утомленная воспоминаниями.

Притихшая Ирана долго молчала, прильнув к матери, и сказала:

— Я поняла, мама! Я больше не хочу быть гетерой.

— Ты разумна и осмотрительна, дочь царя, прославившегося осторожной мудростью. Пойди спать, наступает жара. И пошли мне няню.

Едва девочка удалилась, Таис вскочила и несколько раз прошлась по палубе. Эрис обняла ее, хорошо зная настроения подруги.

— Ничего не случилось, просто девчонка созрела для замужества и бредни, мутящие ее голову, выкладывает Иране.

— Я мало занималась с дочерью, если...

— Так это твоя вина, а не няни! — улыбнулась Эрис.

Таис топнула ногой и вдруг засмеялась.

— Ты права. Но я ей покажу гетеру!

— Поздно стала ты проявлять свирепость царицы. Если хочешь знать, то и тут твой недосмотр.

— В чем, о богиня справедливости?

— Проглядела. Девчонке пора. Она израсходует себя на пустые томления, тугие груди ее опустятся без любви. Кто будет виновен? Старшая! Она живет у тебя, так и заменяй ей мать.

— Беда с грамотными девчонками из хороших семей. Рано начиталась!

— Может, о твоих же похождениях? Немало книг написано уже об Александре и его приближенных...

Прибежала няня — пышногрудая быстрая девушка с черными мечтательными глазами и длинными ресницами.

— Позови Ройкоса! Скажи, чтобы принес кусок веревки.

Явился старый тессалиец, выжидательно глядя на Таис.

— Раздевайся! — приказала афинянка няне, удивленно вытаращившей глаза на хозяйку. Эрис, скрывая улыбку, дернула застежки ее хитона. Как настоящая эллинка, девушка не носила ничего, кроме верхней одежды.

Таис притронулась к груди девушки, покачала головой и спросила:

— Ты мазала соком цикуты? Долго?

— В пианепсионе будет пятый месяц второго года, — пролепетала няня.

— Безумная! Посоветовалась бы со мной... теперь они останутся такими каменными!

— И пусть! — осмелела девушка.

— Сок цикуты столь волшебен? — удивилась Эрис.

— Если грудь мала, он заставляет ее расти и навсегда закрепляет. Только нужна строгая мера, а наша глупышка, мне сдается, перестаралась.

— Опять твой недосмотр, — строго сказала Эрис, — хозяйке следовало бы иногда заменять мать.

— Да, справедливая моя подруга, ты права, — сказала Таис, критически оглядев цветущее тело няни.

— Царица... госпожа... я не знаю, в чем...

— Нет, ты знаешь! — перебила Таис, стараясь придать голосу нужную свирепость. — Ты размечталась о любви, хочешь стать гетерой и забила своими бреднями голову моей девочке.

— Госпожа, я только рассказывала, что прочитала!

— Неправда! Прибавила и собственные мечты. Я их исполню. Иди как есть туда, где помещаются наши моряки. Будешь услаждать их остаток плавания. Начнешь свой путь к служению Афродите. Мореходы скучают по женам, их поцелуи крепки, тела сильны, объятия неутомимы. Чего тебе еще нужно?

— Царица!..

— Я запретила вспоминать мой титул! Забудь его!

— Госпожа, я только рассказывала, что прочитала!

— Не хочешь служить Афродите, отдав свой пояс кораблю? Тогда ты злонамеренно смущала мою дочь! Слова твои были лживы, и тебя следует отдать Морскому Старцу. Ройкос! Свяжи ей руки и ноги и сбрось в море! — незаметно подмигнув, приказала Таис тессалийцу.

— Дядя Ройкос! Вы не сможете! — закричала девушка.

— Смогу! Давай руки! — ответил старый воин, страшно оскалив зубы. Девушка упала к ногам Таис, дрожа и плача.

— Будет. Игра окончена! — вдруг рассмеялась афинянка. — Вставай. Теперь десять раз подумай, прежде чем что-нибудь рассказывать Иране.

— О госпожа, ты пошутила? Ты не сердишься?

— Сержусь! Но не могу больше мучить тебя и... его. — Она показала за угол постройки, где, белей мела, старший сын Ройкоса сжался, готовый к прыжку.

— Я могу идти? — спросила девушка, нагибаясь, чтобы поднять хитон.

— Иди! И вот тебе на память! — Таис так шлепнула няню, что на коже отпечатались пальцы и девушка взвизгнула. Эрис отвесила ей второй шлепок и толкнула в спину. Девушка помчалась в отведенное женщинам помещение.

— Не стой, будто потерянный, — сказала Таис сыну Ройкоса. — Будь мужем, иди и утешай.

Юношу как ветром сдуло.

— Ты ударила ее до слез, — укорила Эрис.

— Не знаю, у кого будут слезы, — ответила Таис, дуя на пальцы, — такая крепкая девчонка! А теперь, моя милая Эрис, займемся тобой.

— Ты сегодня царствуешь, о львица, — пошутила Эрис, с некоторой опаской поглядывая на подругу.

— В львицу сейчас превратишься ты, — пообещала Таис и повела подругу в свою каморку, дверью выходившую на рулевой помост, а не в кормовое помещение, оборудованное на время плавания для женщин.

— Стань передо мной и держи зеркало. Нет, не так, поверни к себе! Закрой глаза!

Эрис повиновалась, зная любовь Таис к неожиданным и всегда занятным выходкам.

Таис достала тщательно запрятанную коробку чеканного серебра, извлекла диадему в виде двух змей, сплетенных из проволоки зеленого золота. Головы пресмыкающихся, расширенные, как у Нага в храме Эриду, расходились наперекрест, и каждая держала в разинутой пасти шарик сардоникса, полосатого, белого с черным, агата. Афинянка надела украшение на голову Эрис. Оно пришлось впору, и немудрено. Его сделали по заказу Таис лучшие мастера Александрии за три дня. У них вместо диадемы или стефане получалась корона некоей эфиопской царевны.

— Теперь смотри!

Эрис не сдержала возгласа удивления.

— Я велела глаза сделать сапфировыми, в цвет твоих, а не из рубина, как на амулетах еврейских красавиц, — сказала довольная Таис.

Диадема замечательно шла к черным волосам и темно-бронзовой коже подруги.

— Это мне? Для чего?

— Помнишь, мне пришло в голову в Александрии? Я не сказала тогда. Мы едем в страны, куда люди с таким, как у тебя, цветом кожи попадают или рабами, или гостями царского

рода. Так вот, чтобы тебя не принимали за рабыню, ты будешь носить украшение, возможное только для очень высоких особ. Помни об этом и ходи царевной. А вместо варварского ожерелья из ядовитых зубов Нагов...

— Я не сниму его! Это — знак отличия, драгоценнее всякого другого!

— Хорошо, только надевай поверх... — Таис застегнула на шее Эрис ожерелье из небесно-голубых бериллов.

— Ты отдаешь мне дар главной жрицы Кибелы? — воскликнула Эрис.

— Пока ты носишь его, никто не усомнится в твоем положении. Это истинно царская вещь!

Протесты Эрис нисколько не поколебали афинянку, и спутники поразились великолепием украшений.

Наконец настал момент, когда приблизился Кипр. Афинянка прижала руки к груди — признак особенного волнения. Корабль подходил к родному уголку Внутреннего моря, пусть удаленному, но похожему на все другие острова Эллады. После стольких лет, проведенных в интересных, богатых впечатлениями чужих странах, наступил час свидания с родиной. Вершина Олимпа Трехзубчатого, обычно скрытая за облаками, выступила четко над синей дымкой покрытых дремучими лесами гор. По распоряжению Таис начальник корабля не пошел в многолюдный Патос, а обогнул Северный мыс и вошел в Золотой залив, где находились владения друзей афинянки.

Лучезарный воздух, лазурная бухта, амфитеатром врезанная в пурпурные холмы, переносили Таис в родную Аттику. Каменная пристань, белая дорога в гору, на уступах которой расположились окрашенные розоватой глиной домики под кипарисами, платанами и раскидистыми соснами. Чистая струйка источника, падавшего с высоты в плоский бассейн на берегу, разбивалась в мелкие капли. Выше домов шли полосы темной зелени миртовых зарослей, испещренных белыми цветами, признаком жаркой половины лета. Неповторимый аромат морского берега в солнечный летний день будил детские воспоминания о жизни в аттическом селении под нежной опекой взрослых. И Таис, отправив назад корабль с благодарственной запиской Птолемею, как бы окунулась в детство.

Тем же вечером жители маленького селения отправились к храму Деметры для моления о росе, столь важной для земледельца.

Каждый день Таис вместе о Ираной, ее няней и Эрис уплывали на западную сторону бухты, защищенную длинным

мысом, выползавшим в море будто хребет дракона. Там они купались до изнеможения, лазали на скалы, жевали сладкие коричневые рожки и обстреливали друг друга их твердыми, с металлическим отливом зернами. Маленькая Ирана жила в полном восторге от преображения царицы-матери в подружку. У друзей Таис оказалась целая стайка девчонок от восьми до двенадцати лет: свои дочери, племянницы, дети слуг и рабов, по старым обычаям, все играли вместе. Бешено носились в пятнашки, лазали за рожками в заросли на каменистых склонах, где перистые и темные глянцевитые листья рожковых деревьев отбрасывали прохладную тень; плели венки и плясали неистовые танцы, опоясанные гирляндами под знойным солнцем, или, совсем нагими, под яркой луной. Ныряли, пытаясь найти уголок с уцелевшими от ловцов кустиками кроваво-красного коралла. Или, в ночи полнолуния, соревновались, кто заплывет дальше по серебряной дорожке с чашей в руке, чтобы совершить возлияние Тетис, Посейдону и Гекате вдали от берега.

Таис и Эрис принимали участие в этих забавах, будто тринадцатилетние, — таинственный возраст, когда в телах девочек наступало равновесие в развитии всех сторон и Гея-Земля пробуждала силы ясновидения и бессознательного понимания судьбы, когда крепнут связи с Великой Матерью, Артемис и Афродитой.

Иногда Таис и Эрис брали крепких лошадок кипрской породы, хорошо лазавших по горам. После гибели Боанергоса афинянка больше не хотела приобретать собственного коня.

Как некогда в Экбатане с Гесионой, они поднимались в горы по крутым тропам, выбирали сильно выступающую скалу, нависшую в воздухе на страшной высоте, и располагались на ней.

Эрис высота опьяняла. Сверкая глазами, запрокидывая голову, черная жрица пела странные песни на неизвестном ей самой языке, выученные в раннем детстве не то в храме, не то на забытой родине. Тягучая, бесконечно печальная мелодия улетала умирающей птицей. И вдруг вспыхивали созвучия слов, полные страсти и гнева, мчались, догоняя печаль прежней мелодии, и возносились в ясное небо, как вопль о справедливости и утешении. Внутри Таис все начинало отвечать этому порыву, усиленному диким блеском потемневших глаз, сверканием зубов и раздувающимися ноздрями Эрис. От колдовской песни хотелось встать на край утеса, широко раскинуть руки и броситься вниз в темную зелень прибрежных лесов, отсюда казавшуюся мшистым покрывалом.

Таис не боялась высоты, но дивилась хладнокровию Эрис, которая могла стать спиной к пропасти на самой кромке обрыва и показывать что-нибудь.

Вооруженные копьями, они отправлялись и в более далекие путешествия. Таис хотела дать почувствовать подруге все очарование лесов и гор милой сердцу Эллады, схожей с природой Кипра.

Рощи раскидистых сосен с длинными иглами, дубов с круглыми мелкозубчатыми, очень темными листьями и красной корой не были ведомы Эрис, так же как леса высоких можжевельников с сильным ароматом, похожих на кипарисы, или черные, мрачные заросли другой породы можжевеловых деревьев, тоже издававших бодрящий аромат.

Коренастые дубы обычного вида чередовались с огромными каштанами, орехами и липами.

Таис сама впервые увидела леса высоченных кедров, иных, чем на финикийском побережье, стройных, с очень короткой зеленовато-голубой хвоей. Море кедровых лесов простиралось по хребтам, уходя на восток и на юг, в тишине и сумраке бесконечных колоннад. Ниже, на уступах из-под скал, били кристальные источники и росли вязы с густыми округлыми шапками зелени, подпертыми скрученными, угольно-серыми стволами.

Таис любила каменистые плоскогорья, залитые солнцем, поросшие темными кустиками финикийского можжевельника и душистого розмарина, ползучими стеблями тимьяна и серебристыми пучками полыни. Воздух, насыщенный теплым ароматом всех этих растений с душистыми листьями, заставлял дышать полной грудью. Само солнце вливалось в жилы, отражаясь от белых бугров мрамора, выступавшего грядами на небольших высотах.

Эрис ложилась на спину, устремляя в небо синеву мечтательных глаз, и говорила, что теперь не удивляется, почему в Элладе столько художников, красивых женщин и все встреченные ею люди так или иначе оказывались ценителями прекрасного. Природа здесь — сияющий и тревожный мир четких форм, зовущий к мыслям, словам и делам. Вместе с тем эти сухие и каменистые побережья, скудные водой, отнюдь не поощряли легкой жизни, требуя постоянного труда, искусного земледелия и отважного мореплавания. Жизнь не разнеживала людей, но и не отнимала у них все время для пропитания и защиты от стихийных невзгод. Если бы не злоба, война и вечная угроза рабства... Даже в столь прекрасной части ойкумены люди не сумели создать жизни с божественным покоем и мудростью!

Эрис переворачивалась на живот и, устремляя взгляд на далекие леса или голубое сияние моря, думала о неисчислимых рабах, воздвигавших белые храмы, портики, стои и лестницы, набережные и волноломы. Много ли людей, похожих на Таис, Лисиппа, справедливого Птолемея, среди десятков тысяч других рабовладельцев? Становится их больше или число их уменьшается с течением времени? Никто не знает, а получить ответ на этот вопрос означает понять, куда идут Эллада, Египет и другие страны! К лучшему и процветанию или одичанию и гибели?

Совсем другие мысли занимали Таис. Впервые за много лет свободная от обязанностей высокого положения, утратившая интерес к восхищению людей, не нуждавшаяся более в постоянных упражнениях для дальнего похода, афинянка предалась созерцанию, к которому всегда имела склонность. Вокруг нее все было родным. Само тело вбирало в себя запахи, сухое тепло земли, искрящийся свет неба и лазурь, а подчас и суровую синеву моря. Таис хотелось прожить так целые годы, ни от кого не завися, никому не обязанной...

Афинянка ошиблась. Прошло лето, миновала дождливая и ветреная зима, вновь закачались вдоль дорог и троп белые соцветья асфоделей. Тогда живой ум и сильное тело потребовали деятельности, новых впечатлений и, может быть, любви.

Кончалась сто семнадцатая олимпиада, и Таис впервые почувствовала все значение слова «аметоклейтос» в применении к судьбе: неумолимой, неотвратимой и бесповоротной. Ее египетское зеркало стало отражать серебристые нити в густых, черных как ночь волосах. И на гладком, подобно полированному эфесскому изваянию, теле Таис заметила первые морщины там, где их не было раньше и не должно быть! Даже ее несокрушимо юное тело уступило напору все уносящего времени! Афинянка никогда не думала, насколько больно ранит ее это открытие. Она отложила зеркало и укрылась в зарослях лавра, чтобы погоревать в одиночестве и смириться с неизбежным.

Здесь и разыскала ее Эрис, и гнев афинянки сразу утих, едва она распечатала спешное письмо от Птолемея.

Мерзкое злодеяние свершилось точно как предвидела Таис еще в Вавилоне, объясняя Эрис неверную судьбу царских детей.

Кассандр схватил мать Александра Олимпиаду, обвиненную в каком-то заговоре, Роксану и двенадцатилетнего сына солнцеликого полководца, наследника Македонии, Эллады и Азии, Александра Четвертого. Жестокий тиран повелел по-

бить мать великого царя, бывшую верховную жрицу в Пелле, камнями и убить его вдову и сына. Воины не посмели поднять руки на Александрову плоть. Тогда Кассандр, связав вместе сына с матерью, утопил их. Вся Эллада и еще оставшиеся в живых диадохи и воины Александра возмутились отвратительными злодеяниями. Но, как это всегда бывает, Кассандр остался безнаказанным. Никто из имущих власть и военную силу не поднял на него оружия. Злодеяния Кассандра не ограничились убийством кровной родни Александра. Тиран совершил еще множество жестокостей.

Эрис горько сожалела, что не состоит в окружении Кассандра и не живет в Македонии. Она убила бы его без промедления. Ее пророчество о скором конце Кассандра оказалось верным. Но на Таис известие о смерти сына Александра отозвалось душевным упадком, может быть, потому, что совпало с сознанием уходящей молодости. Теперь уже Эрис развлекала ее ловлей кораллов. Водила на тайные женские пляски под луной в честь Гекаты, добывала с ней краски на востоке от Золотой бухты, где в горах выступали зеленые и синие жилки малахита и азурита, удивительно яркие и чистые.

Осенью сама Таис решила, что слишком долго прожила в сельском уединении, и собралась в Патос. Оживленный город, центр торговли медью, кедром и особым волокном для фитилей ламп, не сгораемым ни в каком огне, славился на весь мир храмом Афродиты Анадиомены. Здесь, около Патоса, богиня возникла из морской пены и света звезд, почему и носила прозвище Патии или Киприды (рожденной на Кипре).

Священная дорога от храма вела к части взморья, отделенной стеной от гавани. Девять мраморных колонн, в честь девяти достоинств Афродиты, обрамляли открытый портик набережной из кубических глыб темного плотного камня с Олимпа Трехзубчатого. Две ступени вели на подводную площадку из того же камня. Прозрачные зеленые волны катились из моря, разбивались на отмели, и длинные полосы белой пены кружились причудливыми извивами над ровной поверхностью площадки. В движении извивов жрицы богини пытались прочесть знаки пророчества, ибо, по древнейшим преданиям, именно тут вышла из пены златоногая радость богов и людей — Афродита.

Красавицы острова — женщины знатного рода, гетеры, дочери земледельцев и пастухов — купались здесь после моления в храме, веря, что богиня одарит их частицей своей неотразимой притягательной силы. В пятый день недели, посвященный Афродите, здесь собирались любопытные, ис-

кателн невест, художники с принадлежностями для рисования, моряки с кораблей, приходивших в порт со всех островов, из Эллады, Финикии, Ионии, Египта, Сицилии и даже Карфагена.

После некоторого колебания Таис тоже решила выполнить обряд. Эрис после критического осмотра подруги уверила ее, что она достаточно хороша, чтобы купаться днем. Таис, вопреки ей, пошла купаться ночью, за час до полуночи, во время, посвященное Эросу. Полная луна светила над водой на первой ступени, доходившей лишь до колен, когда обе подруги, принеся бескровную жертву в храме, вошли в море.

Сосредоточенная и печальная, Таис стояла в лунном море, и маленькие волны плескались вокруг, поглаживая ее плечи, как будто богиня Тетис собралась утешить ее. Афинянка во внезапном порыве подняла руки к небу, шепча:

— Пеннорожденная, на том месте, где явилась ты миру, подан мне знак: что делать дальше? Пройдет немного времени, и я перестану радовать людей, испытывать их силу и стремление к прекрасному... перестану служить тебе! Коротка жизнь! Пока соберешь крохи знания и увидишь, как надо жить, уже не сможешь идти дальше. Молю тебя, златоногая, яви мне путь или убей меня! Прибавь ласковую смерть ко всем твоим прежним бесценным дарам, чтобы твоя божественная воля сопроводила меня за Реку.

Таис долго стояла, глядя на сверкающие темным зеркалом море, иногда поднимала голову, чтобы взглянуть в затянутое тонким покрывалом света небо. Ни знака, ни слова... только волны шептались вокруг тела Таис.

Внезапно восторженные крики, удары в маленькие бубны и плеск воды оглушили удивительных женщин. Они оказались в кольце молодых девушек и юношей, веселым хороводом увлекших их на вторую ступень площадки, где вода была выше плеч. Не дав подругам накинуть покрывала по выходе из моря, молодые люди — художники, поэты, их модели и возлюбленные — оплели Таис и Эрис гирляндами серебрившихся при луне белых цветов и, не обращая внимания на протесты, повели на симпозион в качестве почетных гостей. Таис сумела отвоевать одежды и появилась на пиру одетой, к разочарованию ваятелей, наслышанных о великолепной красоте тел афинянки и эфиопской царевны.

Во время симносиона Таис украдкой следила, кто больше привлекает восхищенных взглядов: она, в простой прическе с тремя серебряными лентами на голове и ожерелье из когтей грифа, открыто и весело смеющаяся, или Эрис, замкнутая,

гордо несущая голову, увенчанную короной грозных змей, на высокой шее, охваченной голубыми бериллами, сиявшими на темной коже.

«На Эрис смотрят больше... нет, пожалуй, на меня... нет, на Эрис...» Так и не узнав, у кого первенство, Таис увлеклась пением и танцами первого после многих лет настоящего симпозиона эллинских поэтов и художников. Даже Эрис поддалась атмосфере веселья и юной любви, вызвав своими танцами поистине бешеное восхищение гостей.

Увлечения афинянки хватило не надолго. Подперев щеку рукой, Таис уселась в стороне, с удовольствием наблюдая за молодежью и чувствуя в то же время странное отчуждение.

Несколько раз она ловила взгляд хозяина дома и пира, высокого ионийца с сильной проседью в густой гриве волнистых волос. Он как будто старался понять и взвесить происходившее в сердце Таис. Его жена, прежде знаменитая певица, руководила симпозионом как опытная гетера. Повинуясь еле заметному знаку мужа, она вышла между столами на середину пиршественного зала. Она пошепталась с музыкантами, те взяли первые аккорды отрывистого аккомпанемента, и в наступившей тишине голос хозяйки взвился ввысь освобожденной птицей.

Таис вздрогнула от достигающей до самого сердца мелодии. На эолийском наречии — песня о Великом Пороге, неизбежно встающем на пути каждого мужа или жены, на всех дорогах жизни. Воздвигает его Кронос после отмеренных Ананкой-Судьбою лет. Для многих людей они счастливы, порог — лишь незначительное возвышение. Его перешагивают, почти не замечая, мирные земледельцы. Старые воины в последних боях также не видят Порога. Другие люди — переменчивой, полной событий жизни, созидатели прекрасного, путешественники, искатели новых стран — встречают нечто подобное ограде, а за нею грядущее, темное даже для очень проницательных людей. Этот Великий Порог или не переходят, дожидаясь перед ним конца своих дней, или смело бросаются в неведомое будущее, оставляя позади все: любовь и ненависть, счастье и беду....

Певица пела, обращаясь к Таис, словно прозревая в ней пришедшую к Порогу и стоящую в благородном бесстрашном размышлении.

Песнь затронула и молодежь, еще очень далекую от Порога Судьбы. Тень его легла на пылкую радость симпозиона, как знак окончания праздника. Парами и группами гости исчезали в лунной ночи. Погасли люкносы между портиком

входа и залом для пира. Таис и Эрис поднялись, благодаря хозяев.

— Вы гости нашего города, — сказал хозяин дома, — соблаговолите отдохнуть здесь, под нашим кровом. Гостиница далека от Священной дороги, и уже поздно.

— Достойный хозяин, ты даже не знаешь, кто мы, — ответила афинянка. — Мы явились без приглашения. Нас привели насильно твои друзья. Они были милы, и не хотелось обидеть их...

— Напрасно ты думаешь, что жители Патоса не знают Таис, — усмехнулся хозяин. — Даже если бы мы и не слыхали о тебе, достаточно твоей красоты и поведения на симпозионе. Посещение моего дома тобой и твоей царственной подругой — праздник. Продли же его, оставшись на ночлег!

Таис осталась, не подозревая о большой перемене в своей судьбе, какую готовило ей посещение дома близ берега Киприды.

На следующий день, купаясь с женою и дочерьми хозяина, афинянка узнала о святилище Афродиты Амбологеры. До сих пор она, как и многие афиняне, думала, что воплощение Афродиты Отвращающей Старость есть лишь один из символов многоликой богини. Возможно, наиболее юный из ее образов, подобный статуям едва расцветшей девушки из прозрачного родосского розового мрамора. Его любили ваятели и запрещали в храмах строгие блюстители канонов.

Здесь, на Кипре, родине Афродиты, существовал древний храм Амбологеры. Его посещали любимцы богини, жены или мужи равно, приближавшиеся к Великому Порогу Всематери. Приносили жертвы, выслушивали прорицания, выбирали новый путь жизни и шли домой ободренные, либо склонив в унынии лицо, глядя на пыль дороги под своими сандалиями.

Храм Афродиты Амбологеры находился в трех днях пешего пути от Патоса, на границе старинной финикийской колонии на юго-востоке острова. Говорили, будто храм построен сообща эллинами и финикийцами, также поклонниками Амбологеры. Таис загорелась желанием посетить его.

— Это не принесет тебе покоя или счастья, — уверенно сказала Эрис, предостерегая подругу. Таис отвечала, что у нее сейчас нет ни того, ни другого и не будет, пока не найдет она дальнейшую дорогу.

— Разве у тебя самой не так? — спросила она черную жрицу.

— Не так. Я никогда не расставалась с печалью, а потому и не утрачивала путеводного света жизни, — загадочно ответила Эрис.

Афинянка не послушалась. В сопровождении новых друзей они ехали по петляющей каменистой дороге, поднимаясь в горы сквозь сосновые высокоствольные рощи и темные кедровые леса. После тишины и сухого смолистого воздуха на жарком южном склоне хребта путники выехали на простор, ветер и полынный запах степного плоскогорья. Синеватые камни выступали среди покрова серебристых трав. Впереди высился увал, рассеченный пополам широкой долиной, в вершине которой располагалось святилище. В устье долины прежде находились строения, ныне полностью разрушенные. От них остались лишь широкие выровненные уступы, отгороженные громадными каменными плитами и заросшие деревьями, посаженными человеком. Многовековые орехи, каштаны и платаны стояли в осеннем багряном уборе, а перед ними подобием ворот — четкие силуэты двух гигантских кедров, чьи разлапистые горизонтальные ветви были настолько плотными, что удерживали падавшие сверху мелкие камни.

Пламенно-золотая аллея вела в глубь долины. Ощущение удивительного света и покоя охватило Таис. Люди притихли, говоря вполголоса, избегая нарушить шелест осенних листьев и журчание сбегавшего по дну долины ключа, маленькими каскадами лившегося через края ступенчатых бассейнов среди замшелых плоских камней.

В просветах между деревьями высились скалы, покрытые мхом столетий, с непонятным очарованием прошедших времен.

Дальше, в глубь долины, поперечные ряды темных кипарисов чередовались с багрянцем пирамидальных тополей.

Запах разогретой осенней листвы и хвои, свежий, горький и сухой одновременно, без малейшего привкуса пыли горных дорог. Позади долина расширялась и лежала внизу, в разливе вечернего солнца, полная мира и тепла. Там клубились багрянеющие кроны дубов, вязов и кленов среди разлета плоских вершин сосны.

Храм Афродиты Амбологеры походил скорее на крепость. Стены из серых камней выдавались в ущелье, замыкая с запада перевальную точку вершины. Фронтон святилища с колоннадой был обращен на восток, господствуя над обширным плоскогорьем, засаженным виноградом и фруктовыми деревьями. Патосские друзья попросили обождать и прошли

через узкий темный ход, ударив три раза в бронзовый лист, подвешенный на короткой цепи. Вскоре они вернулись вместе с двумя жрицами, несомненно высокого положения. Сурово и серьезно осмотрев Таис и Эрис, одна из них, в светло-сером одеянии, вдруг улыбнулась приветливо, положила руки на плечи обеим и, слегка кивнув головой патосцам, быстро проводила в глубь храма.

Последовали обычные обряды вечернего поста, омовения и ночи, проведенной в молчании на полу у дверей святилища.

С рассветом явилась старшая жрица, велела съесть по яблоку, сбросить одежды и повела подруг к отвращающей старость богине — Афродите Амбологере. Ни афинянка, ни черная жрица, много путешествовавшие, еще никогда не видели подобного храма. Треугольный просвет в крыше бросал сияние яркого неба на сходившиеся впереди стены, обрезанные третьей наподобие ворот, обращенных на восток.

На стенах цвета лепестков гелианта бронзовые гвозди удерживали громадные, не меньше десяти локтей в ширину, доски, выпиленные из цельного дерева. Только тысячелетние деревья вроде ливанских кедров могли иметь такие стволы. На них чистыми минеральными красками вечных фресок художником гениальнее Апеллеса были написаны две богини.

Левая, в горячих тонах красных земель и пылающего заката, изображала женщину в расцвете земной силы плодородия и здоровья. Ее полные губы, груди и бедра настолько переполняло желание, что казалось, они разорвутся от дикого кипения страсти, источая темную кровь Великой Матери, Владычицы Бездны. Руки, простертые к зрителю в неодолимом призыве, держали темную розу — символ женского естества — и квадратный лектион со звездой, хорошо знакомый Таис.

— Лилит! — едва заметным движением губ сказала Таис. не в силах оторвать глаз от картины.

— Нет! — чуть слышно ответила Эрис. — Лилит добрая, а эта — смерть!

Жрица подняла брови, услышав шепот, и резким выбросом руки указала на правую стену. И афинянка невольно вздохнула с облегчением, увидев воплощенной свою мечту.

Голубая гамма красок сливала море с небом и низкий горизонт. На этом фоне тело богини приняло жемчужно-палевый оттенок раннего рассвета. Когда крупные звезды еще горят в вышине, а опаловое море плещется на розовых песках, Урания шла, едва касаясь земли пальцами босых ног, простирая руки к рассветному небу, ветру и облакам. Лицо богини

вполоборота через плечо искусством художника одновременно смотрело вдаль и на зрителя, обещая утешение во взгляде серых, как у Таис, глаз. На лбу, между бровей, светился огонь, не гася взора.

Перед каждой картиной на низком жертвеннике дымилась почерневшая от времени курильница.

— Вам говорили о двух ликах Амбологеры? — спросила жрица.

— Да! — дружно ответили Таис и Эрис, вспомнив вечернюю беседу с философом храма.

— Отвратить телесную старость смертного не могут ни олимпийцы, ни сама Великая Мать. Все в мире подчиняется течению времен. Но есть выбор. Он перед вами. Сгореть дотла в последнем пламени служения Афродите. Или перенести это пламя на всеобъемлющую любовь, зовущую к небу, служа Урании в неустанной заботе о счастье детей и взрослых. Положите перед той, которую выбрали, вещь, не обязательно дорогую по денежной стоимости, но самую драгоценную для каждой из вас.

Таис без колебания подошла к Урании, отстегнула цепочку — поясок со звездой, дар Александра, и положила его на жертвенник.

Эрис осталась неподвижной. Жрица Амбологеры с удивлением посмотрела на нее.

— Разве нет пути посредине? — спросила Эрис.

— Есть! — понимающе улыбнулась жрица, трижды хлопнув в ладоши.

Медленно раскрылись тяжелые створки стены между картинами. Полукруглый балкон выступал на высоте над мирной долиной с виноградниками, маслинами и полем пшеницы. Мужчины и женщины трудились прохладным утром, взращивая плоды Геи-Деметры. Среди них было немало старых людей, седобородых мужчин и женщин в плотных одеждах, темных головных покрывалах.

— Мирный труд на земле в тиши и покое последних лет жизни — благородный конец земледельца, — сказала жрица.

— Тогда есть четвертый путь! — ответила Эрис.

— Зачем ты пришла к Амбологере? — Жрица раскинула руки крестом, как бы заграждая Эрис обратный путь в святилище.

Черная жрица — прямая, гордая и суровая — показалась афинянке как никогда значительной. Ее синие глаза взглянули на жрицу с высокой уверенностью, без вызова или насмешки, и та успокоилась.

— Зачем мне оскорбление иной веры? — спросила Эрис. — Ты указала три пути, и все три — для одиноких мужей и жен. А человек покидает общество людей только со смертью. Должен быть еще путь служения людям не только личным совершенством, но прямым действием на их пользу.

— Тогда ты не поняла глубины показанных тебе символов. Средний путь дает людям пищу, ибо у земледельца всегда есть излишки, чтобы накормить художника и поэта и тем умножить украшение мира. Путь Урании — для мудрой и нежной жены. Он выражен только через любовь и помощь людям. То, что жена всегда должна делать и делает для сердца. Потому Урания — образ жен, потому великий Платон счел эту богиню самой главной для будущего человечества.

— И забыл про несчастье и стоны рабов, отдающих свою жизнь подобно вьючным животным, чтобы поклонники Урании могли изливать любовь на ближних, таких же высокопоставленных! — гневно ответила Эрис, и афинянка с удивлением воззрилась на подругу. — Нет! — наклоняясь вперед, как изваяние Аксиопены, воскликнула Эрис. — Никакая небесная любовь и достижение неба невозможны ни по трупам побежденных, ни по спинам рабов. Вы, люди Запада, достигшие высот философии и кичащиеся свободой, не видите изначальной ошибки всех ваших рассуждений. Вы представляете себе силу только в убийстве и жертвах. Сильны — следовательно, правы — только те, кто искуснее убивает. Таковы ваши боги, образы ваших героев, таковы и вы сами. Это проклятие Великой Матери, которое вы будете нести до конца, пока существуют народы Запада. Поэтому второй лик Амбологеры — Урания — это ложь для поэтов и неудачливых любовников!

— А другой лик? — хрипло спросила пораженная жрица.

— Богиня Темного Эроса? Она — правда, и я некогда служила ей со всем пылом юной веры. И это — хороший путь для тех, в ком много животной силы...

— Тех, кто еще не понимает Урании, — вступилась Таис.

— Тысячелетия тому назад Великая Мать представала перед людьми в таких же двух ликах — разрушения и созидания, смерти и вечности. Только вечности нам не дано, и не надо обманывать себя и других этим символом стремления нашего сердца. Это лишь сокрытие жестокой правды Великой Матери. Мы все знаем глубоко внутри себя, сердцем, что вечные силы природы всегда готовы к разрушению. И мы создаем в высоких и чистых, в низких и темных своих мечтах множество богов и богинь, чтобы отгородиться ими от сил Великой Ма-

тери, как тонкими занавесями от лютого ветра. Слабые молят о чудесах, как нищие о милостыне, вместо действия, вместо того, чтобы расчищать путь собственной силой и волей. Бремя человека свободного и бесстрашного велико и печально. Только если он не стремится взвалить его на бога или мифического героя, а несет его сам, он становится истинно богоравным, достойным неба и звезд!

Ошеломленная жрица Амбологеры закрыла лицо руками.

— Есть вечное перевоплощение! — решилась приоткрыть ей орфическую тайну.

— С расплатой за прежнее тогда, когда уже не можешь ничего поправить! — продолжала Эрис. — Меня учили в Эриду понятию Кармы, и я поверила в него. Оттого так труден для меня четвертый путь. Я могла бы убивать всех, причиняющих страдания, и... тех, кто ложным словом ведет людей в бездну жестокости, учит убивать и разрушать якобы для человеческого блага. Я верю, когда станет много таких, как я, и каждый убьет по десятку негодяев, река человеческих поколений станет все чище с каждым столетием, пока не превратится в хрустальный поток. Я готова посвятить этому жизнь, но мне надо учителя. Не того, который только приказывает. Тогда я стала бы просто убийцей, как все фанатики. Учителя, который покажет, что правильно и неправильно, что светло и что темно, а последнее решение останется за мной. Разве не может быть такого пути? И такого учителя, который знает, как отличить мертвую душу от живой, знает, кто недостоин лишнего часа ходить по земле!

Чтобы человек мог взять на себя тяжкую обязанность кары, он должен обладать божественной точностью прицела. Только самое высокое сознание, подкрепленное мудрым учителем, поможет избежать того, что всегда получается при насилии. Рубят здоровое дерево, оставляя гнилушку, убивают драгоценные ростки будущих героев, способствуя процветанию людских сорняков...

Жрица Амбологеры не смела поднять головы под горящим взглядом Эрис.

Таис подошла и, обняв подругу, почувствовала, что в ней дрожит каждая мышца.

— Я не могу ответить тебе, даже черпнув древней мудрости в храме Эриду, — печально сказала афинянка. — Может быть, ты и подобные тебе будут орудием Кармы и не обременят себя ответственностью. Я знаю мало и не слишком умна. Но я чувствую, с такими, как ты, было бы куда меньше горя и ада в ойкумене.

— Не знаю, откуда явилась ты, опаленная солнцем, — наконец заговорила жрица Амбологеры, — и кто вложил в твои уста слова, на которые я не знаю ответа. Возможно, ты провозвестница новых людей, посланных к нам из грядущего, а может быть, ты явилась как последыш отошедшего в прошлое. Твои мысли об Урании неверны и некрасивы. Подруга твоя скажет, что, занимая высокое положение, можно сделать многое для Небесной Любви!

— Вижу, ты никогда не возносилась высоко! — улыбнулась Таис. — Властительница беспомощна более других. И не только правилами поведения, предписаниями религии и обычаев, не только ограничена царственной недоступностью. Над тобой стоят советники, говорящие: «Это выгодно, а это нет». Выгодно для власти, выгодно для накопления сокровищ, выгодно для войны. И совсем нет речей, что выгодно для сердца, твоего и других людей. Жена, ты сказала, должна делать для сердца? Я была царицей — и как же мало преуспела в этом. Я даже не смогла спасти свое дитя от мужского воспитания, превращающего юношу в боевую машину, а не служителя Урании!

Таис вспомнила Леонтиска, его мальчишескую веру в красивых нереид, и глаза ее наполнились слезами.

Эрис тихо сказала:

— Мы привыкли думать о богах, завистливых, уничтожающих совершенство людей и их творения. Разве истинный ценитель прекрасного способен на такое? Означает ли это, что человек выше всех богов? Разумеется — нет! Только то, что боги придуманы и наделены худшими чертами нас, людей, отражающими всю неправоту и недостойность нашей жизни, в которой судьба, то есть мы сами, изымает хороших, оберегая плохих. Такую судьбу надо исправлять самим, и если нельзя спасти хороших, то, по крайней мере, можно истребить человеческую пакость, не дав ей жить дольше и лучше.

Жрица Амбологеры, растерянная, стояла около двух необыкновенных, впервые встреченных ею женщин, таких разных и таких схожих своим внутренним величием.

Она низко поклонилась им, как еще никогда и никому, и скромно сказала:

— Вы не нуждаетесь в моих советах и помощи Амбологеры. Соблаговолите одеться и сойти вниз. Я призову мудреца, друга нашего философа. Он недавно приехал сюда из Ионии и рассказывал странные вещи об Алексархе, брате Кассандра.

— Брате гнусного убийцы? Что хорошего можно ожидать от такого человека? — резко сказала Таис.

— И все же, мне думается, вам обеим следует узнать об Уранополисе, Городе Неба, месте для деятельности подобных вам людей.

И подруги узнали небывалое, еще ни разу не случавшееся нигде в ойкумене, даже в крепкой памяти надписей на храме, народных преданий и пергаментов историков. Сын Антипатра и младший брат Кассандра, Алексарх получил от брата, правителя Македонии, кусок земли в Халкидике, на том перешейке позади горы Атос, где некогда Ксеркс повелел рыть канал. Там Алексарх основал город Уранополис, тридцать стадий в окружности. Алексарх, ученый знаток словесности, придумал особый язык, на котором должны были говорить жители города. Он не велел называть себя царем, принял лишь титул Высшего Советника в Совете философов, управителей города. Алексарха назвал безумцем его собственный брат, некогда объявивший сумасшедшим Александра. Тогда Алексарх бросил строительство в Халкидике и перенес Уранополис в Памфилию. Из прежнего города он вывез потомков пеласгов, обитавших у горы Атос. К ним примкнули вольнолюбивые эфесцы, клазоменцы и карийцы. Жители Уранополиса — все братья и сестры, равные в правах, и называют себя не уранопольцами, а приняли гордое имя уранид — Детей Неба. Они поклоняются Деве Неба — Афродите Урании, как афиняне — Деве Афине, и чеканят ее изображение на своих монетах. Другие боги жителей Города — солнце, луна и звездное небо — тоже изображены на монетах наряду с наиболее известными горожанами. Алексарх мечтает распространить идею братства людей под сенью Урании, всеобщей любви на всю ойкумену, и прежде всего уничтожить разницу языков и вер. Он пишет письма Кассандру и другим правителям на языке, изобретенном для Города Неба. Мудрец видел два подобных письма, их никто не понимает и не прочтет...

Услышанное перевернуло намерения Таис. То, о чем она мечтала бессонными ночами в Афинах, в Египте, в Вавилоне и Экбатане, свершившись, веяло на нее теплом ликийских гор. Любовь, не служащая торговле завистливым божествам, не влачащаяся за войсками, становилась опорой города — государства Афродиты, дочери Неба, верховного божества мудрости и надежды!

У нее есть цель, есть куда приложить богатство, искусство вдохновения художников и поэтов и собственные мысли о путях к Урании! Так близко, через море, на север от Золотой бухты, всего в какой-нибудь тысяче стадий! Слава Амбологере! Она могла никогда не узнать о городе ее волшебного сна!

Неудивительно, что через несколько месяцев, собрав все богатства, оставив Ирану воспитываться на Кипре, Таис с неразлучной подругой оказалась на корабле, входившем в широкий Адалийский залив. На северо-западе поднимались из лазурного моря тяжелыми каменными куполами, с шапками ослепительно белых снегов Ликийские горы, как обещание особенной чистоты. Корабль медленно обогнул острый утес. Глубокая синяя бухта с устьем быстрой речки. На ее западном берегу стены и дома Города Неба — Уранополиса. Кипарисы и платаны успели подняться вдоль улиц и фасадов невысоких домов. На центральной площади сверкало свежеотесанным белым известняком и цоколем из голубоватого камня только что отстроенное здание Совета Неба.

Таис окинула взором не слишком могучие стены, прямые улицы, невысокий пологий холм Акрополя. Вихрем пронеслись видения громадных семи- и девятистенных грозных городов Персии, Финикийского побережья, огражденных раскаленными пустынями городов Египта, павших перед завоевателями, разграбленных и опустошенных. Былое величие Персеполиса, превращенное ее собственной волей в обугленные руины...

Хрупким жертвенником небесным мечтам человека, нестойко поставленным на краю враждебного мира, показался вдруг Уранополис. Великая печаль обреченности сдавила сердце Таис жестокой рукой, и, взглянув на Эрис, она прочитала в ее лице тревогу. Город Неба не мог просуществовать долго, но афинянка не ощутила сомнения или желания искать надежное место жизни на Кипре, или в Александрии, или одном из укромных уголков Эллады. Город Неба, ее мечта и смысл жить дальше. Исчезни он, и что останется, *если уже отдала всю себя служению* Детям Неба. Отвечая на ее мысли, Эрис крепко сжала ее руку и подтолкнула к сходням.

Таис и Эрис сошли на пристань.

Моряки под присмотром Ройкоса понесли тяжелые тюки и ящики с многоценным приношением делу Алексарха и Урании...

Эпилог

Так окончилась история удивительной жизни Таис Афинской. Тьма Аида, глубина прошедших веков поглотила ее вместе с первым на Земле Городом Любви и Неба.

Создание светлой мечты не могло долго существовать среди могучих и свирепых царей, полководцев, жрецов фальшивой веры, торговли, зависти и обмана.

Крохотный островок только начинавшей зарождаться новой нравственности в море невежества, Уранополис скоро был стерт с лица Геи ордой опытных в войне и насилии захватчиков.

Вместе с Уранополисом исчезли и две подруги. Успели ли они скрыться от плена, уплыв на иные, пока мирные острова? Или, преследуемые воинами, бросились в море, отдав себя Тетис? Или Эрис твердой рукой черной жрицы послала в подземный мир свою Таис и сама пошла за нею? Можно придумать любой конец, соответственно собственной мечте. Несомненно одно: ни Таис, ни Эрис не стали рабынями тех, кто уничтожил Уранополис и положил конец их доброму служению людям.

Москва — Новодарьино
Август 1970 — сентябрь 1971

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕЛИКАЯ ДУГА

Часть первая. Путешествие Баурджеда

Глава первая. Завещание Джосера 7
Глава вторая. Подводные сады 50
Глава третья. Великая Дуга 68

Часть вторая. На краю Ойкумены

Пролог 97
Глава первая. Ученик художника 102
Глава вторая. Пенная страна 125
Глава третья. Раб фараона 149
Глава четвертая. Борьба за свободу 173
Глава пятая. Золотая степь 209
Глава шестая. Темная дорога 239
Глава седьмая. Сила лесов 267
Глава восьмая. Сыны ветра 297

ТАИС АФИНСКАЯ

От автора 335
Глава первая. Земля и звезды 344
Глава вторая. Подвиг Эгесихоры 367
Глава третья. Бегство на юг 389
Глава четвертая. Власть зверобогов 412
Глава пятая. Муза храма Нейт 440
Глава шестая. Нить лаконской судьбы 463
Глава седьмая. Пробуждение Гесионы 483
Глава восьмая. Рыжий иноходец 504
Глава девятая. У матери богов 535
Глава десятая. Воды Евфрата 570
Глава одиннадцатая. Рок Персеполиса 595
Глава двенадцатая. Наследники Крита 620
Глава тринадцатая. Кеосский обычай 652

Глава четырнадцатая. Мудрость Эриду 683
Глава пятнадцатая. Несбывшаяся мечта 713
Глава шестнадцатая. Мемфисская царица 740
Глава семнадцатая. Афродита Амбологера 763
Эпилог 793

Литературно-художественное издание

Иван Ефремов

НА КРАЮ ОЙКУМЕНЫ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Художественный редактор *А. Сауков*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Лео Хао*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 18.05.2007. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 42,0.
Тираж 5000 экз. Заказ 8991.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат", 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03 , 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

